Europäische Fachhochschule

European Applied Sciences

#1 – 2012

Impressum

European Applied Sciences
Wissenschaftliche Zeitschrift

Herausgeber:

ORT Publishing
Schwieberdingerstr. 59
70435 Stuttgart, Germany

Inhaber: Konstantin Ort

Tel.: +49(711)50432575
Fax: +49(711)50439868

info@ortpublishing.de
www.ortpublishing.de

Die Herausgabe *verfolgt keine kommerziellen Zwecke* und wird durch die gemeinnützige Organisation „Zentrum der sozialpolitischen Forschungen „Premier" (Krasnodar, Russische Föderation) unterstützt, www.anopremier.ru.

Chefredakeur:

Dr. phil. Stephan Herzberg

Redaktionskollegium:

Apl.-Prof. Dr. phil. Lutz Schumacher,
Lüneburg, Germany
Prof. Dr.-Ing. Johannes Pinnekamp, Aachen, Germany
Dr. phil. Carsten Knockret, Heidelberg, Germany
Dr. rer. soc. Dr. phil. Dietrich Pukas, Bad Nenndorf, Germany
Prof. Dr. phil. Kristina Reiss, München, Germany
Prof. Dr. oec. Susanne Stark, Bochum, Germany
Prof. Dr. iur. utr. Marina Savtschenko, Krasnodar, Russia
Dr. disc. pol. Alexej Kiseljov, Krasnodar, Russia
Dr. oec. Saida Bersirowa, Krasnodar, Russia

Korrektur:

Andreas Becker

Gestaltung:

Peter Meyer

Auflage:

№ 1 2012 (November-Dezember) – 500
Redaktionsschluss Dezember 2012
Erscheint monatlich
ISSN **2195-2183**

© ORT Publishing

Der Abdruck, auch auszugsweise, ist nur mit ausdrücklicher Genehmigung der ORT Publishing gestattet.

Die Meinung der Redaktion oder des Herausgebers kann mit der Meinung der Autoren nicht übereinstimmen. Verantwortung für die Inhalte übernehmen die Autoren des jeweiligen Artikels.

Editor-in-chief:

Stephan Herzberg

International editorial board:

Lutz Schumacher, Luneburg, Germany
Johannes Pinnekamp, Aachen, Germany
Carsten Knockret, Heidelberg, Germany
Dietrich Pukas, Bad Nenndorf, Germany
Kristina Reiss, Munich, Germany
Susanne Stark, Bochum, Germany
Marina Savtchenko, Krasnodar, Russia
Alexey Kiselev, Krasnodar, Russia
Saida Bersirova, Krasnodar, Russia

Editorial office:

ORT Publishing
Schwieberdingerstr. 59
70435 Stuttgart, Germany

Tel.: +49(711)50432575
Fax: +49(711)50439868

info@ortpublishing.de
www.ortpublishing.de

European Applied Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal and is published monthly.

№ 1 2012 (November-December) – 500 copies
Passed in press in December 2012
ISSN **2195-2183**

© ORT Publishing

Section 1. Biology

Irina Vladimirowna Moskwitina
Die Wolgograder staatliche sozial-pädagogische Universität, Der Fakultät für Naturwissenschaft und Geographie, Das zweite Studienjahr Student-Forscher

Москвитина Ирина Владимировна,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Студентка естественно-географического факультета

Die Notwendigkeit der ökologischen, vegetarischen, noosphärischen Einheitsweltanschauung auf dem Weg des Umweltschutzes

Необходимость единства экологического, вегетарианского, ноосферного мировоззрения на пути к сохранению планеты

Экосистемы и биосфера в целом являются высшим уровнем организации живого на планете Земля. Они, как и любая живая система, способны к саморегуляции, т. е. к самосохранению, поддержанию своего видового состава и воспроизведению связей между отдельными видами. Такое представление об устойчивости экосистем, их гомеостазе или, иначе, об *экологическом равновесии* — одно из основополагающих понятий современной экологии.

Биосфера и отдельные экосистемы могут переносить значительные антропогенные нагрузки благодаря возможности саморегуляции, самоочищения и самовосстановления. Однако эти свойства имеют естественные пределы, которые называют *емкостью экосистем*[1].

Сегодня человек подобрался крайне близко к этим пределам в результате неразумного природопользования, безответственности к собственному выбору, влекущему за собой проблемы планетарного масштаба, вызванные стремлением к коммерческой выгоде.

Актуальность данной работы обусловлена современным критическим состоянием планеты и необходимостью каждого из нас вернуться к истокам своей природы: разуму, что когда-то сделал нас людьми; и питанию растительной пищей, что остановит столь стремительное нарушение и разрушение экосистем, приводящих к гибели планету Земля.

Целью данного исследования являлось освятить перспективы развития и взаимодействия таких двух открытых систем как «человек — Земля», сквозь призму вегетарианского мировоззрения (в рамках учения о ноосфере), указав на неопровержимые преимущества и выгоду данного образа жизни для планеты в современном её состоянии, вопреки столь скептичному отношению, бытующему в обществе.

Идея В. И. Вернадского о сфере разума, получившая развитие в работах французских ученых Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, стала основой учения о ноосфере, которое сегодня активно развивается в России и может дать качественно новые пути решения проблем, связанных с «глобальными угрозами» — экологической, ресурсной, энергетической, демографической, ориентируя вектор геополитики на защиту интересов человечества как единого целого[2]. В рамках данного исследования нас интересовала взаимосвязь учения с экологическими проблемами глобального характера, к решению которых может и должен приложить участие каждый гражданин мира.

Целостное ноосферное мировоззрение, опирающееся на представления не только о правах, но и об обязанностях человека и единства человечества, необходимо для создания реальной стратегии решения глобальных проблем современности.

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило себя в ситуации, подобной которой не было еще никогда. Футурологи и философы, политики и географы начиная с 60-х гг. прошлого века призывали обратить внимание на угрозу целого ряда кризисов, нависших над нашей планетой. Рост населения, потеря естественных биогеоценозов, вырубка тропических лесов, ограниченность ресурсов пресной воды, изменение состава и структуры почвы, подземных вод, загрязнение воздуха веществами, многие из которых до XX в. вообще не существовали — все эти явления породили то, что мы сегодня определяем как экологический кризис планеты.

Перед человечеством во весь рост встала огромная задача *поиска выхода из надвигающихся кризисов*, для решения которой мыслители разных типов, разных научных школ и стран предлагают свои пути. Один из таких путей представляет нам учение о ноосфере — сфере разума.

Обычно смысл, ассоциируемый с термином «ноосфера», связан с пониманием её как проекта, идеала, такой организации деятельности человека на планете, которая была бы в полном смысле слова разумной, обеспечивала оптимальную «коэволюцию» (Н. Н. Моисеев) биосферы и человечества, направляя развитие в его интересах. Разумной, предполагающей полное понимание не только прав, но и обязанностей, а, значит, и ответственности по отношению к планете.

В книге «Очерки геохимии», изданной в Париже в 1924 г. на французском языке (на русском в 1927 г.), В. И. Вернадский писал: «С человеком, несомненно, появилась новая огромная геохимическая сила на поверхности нашей планеты. Равновесие в миграции элементов, которое установилось в течение длительных геологических времен, нарушается разумом и дея-

---

[1] Николайкин Н. Н. Экология: Учеб. для вузов/Н. И. Николайкин, Н. Е. Николайкина, О. П. Мелехова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. С. 7.

[2] Научный журнал: Век глобализации. Выпуск № 1/2008. Автор: Ржабек Б. Г.

тельностью человечества. Мы находимся в настоящее время в периоде изменения этим путем условий термодинамического равновесия внутри биосферы»[1].

Яншина Ф. Т., глубокий исследователь трудов В. И. Вернадского[3], в числе прочего выявила ряд положений касающихся вопросов экологического аспекта непосредственно рассматривающихся в данной работе, характеризующих условия ноосферной организации процессов на Земле.

Было выделено:

• Заселение человеком всей планеты;

• Начало преобладания геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере (нарушение равновесия экосистем, как результат);

• Эффективная система народного образования и жизнеобеспечения. Ликвидация возможности недоедания, голода и нищеты, сведение к минимуму болезней;

• Разумное преобразование природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения;

• Исключение войн из жизни общества (это положение должно быть рассмотрено в нравственно-этическом аспекте вегетарианства, как мировоззрения);

Данный список условий далёк от осуществления сегодня. Именно здесь идут основные процессы, связанные с формированием ноосферы, в первую очередь появление «человека истинно разумного», осознавшего свое место и назначение во Вселенной и умеющего быть повелителем, а не рабом своих животных потребностей.

Если человечество сумеет преодолеть раздирающие его сегодня противоречия, то оно сможет выйти из глобальных кризисов.

Критическим моментом, определяющим трагизм ситуации, в которой сегодня находится наша планета, является глубочайший разрыв между *техническими возможностями человека и его нравственным развитием*[2].

Разрыв между разумом и интеллектом — главное препятствие на пути формирования ноосферы. Разум — это способность творить добро и гармонию, находить *этически оправданное* решение на основе добытых наукой знаний о природе вещей. Он отнюдь не сводится к интеллекту — способности эффективно решать задачи, независимо от их этической окраски. Задача формирования ноосферного мировоззрения, прежде всего и состоит в преодолении этого разрыва.

Ноосферное мировоззрение требует наряду с *правами человека* признать и его *обязанности* по отношению к миру, в котором он живет.

Оно требует всеобщего осознания невозможности более жить, уклоняясь от главной задачи — остановить разрушение планеты и сохранить Землю.

В своё время Вернадский В. И., Бекетов Н. Н. четко аргументируя позицию, утверждали, что будущее человечества за вегетарианством. Вегетарианство — это способ питания, исключающий потребление мясных и рыбных продуктов; это также учение о том, что *естественной пищей человека являются продукты растительного происхождения*[2]. И потому вегетарианское мировоззрение — не просто возврат к истинной природе человека, но также одна из существенных ступеней на пути излечения и сохранения планеты, вопреки довлеющему над миром животноводческому бизнесу.

Нетрудно заметить, что и экологическое, и вегетарианское, и ноосферное мировоззрение имеет явно-выраженную причинно-следственную связь. Связь, которую так тщательно обходит и пытается не заметить человечество во все времена. Но мы живём в том веке, когда от нашего выбора зависит ближайшее будущее планеты, её жизнь, и закрыть глаза на ситуацию — непозволительная роскошь для каждого из нас. Принять в качестве нравственного закона постулаты данных мировоззрений, которые неизменно перетекают друг в друга на более высоких уровнях, значит, признать возможность действия разума. Значит, признать возможность спасти планету, благодаря разумной деятельности человека.

Если однажды разум дал нам способность жить, почему он не даст нам способность спасти планету?

Процесс работы разума есть процесс постоянного выбора в попытках ответить на вопрос: истинно или ложно, правильно или неправильно? Следует ли посадить зерно в землю, чтобы оно проросло, — верно, или нет? Нужно ли обработать рану, чтобы спасти человеку жизнь, — верно или нет? Природа атмосферного электричества такова, что его можно преобразовать в кинетическую энергию, — верно или нет? Именно отвечая на эти вопросы, мы получили все, что у нас есть, и ответы дал нам разум, разум, неуклонно следующий за тем, что истинно. Процесс размышления есть моральный процесс. Можно ошибаться на каждом шагу, и охранить от ошибок может лишь строгость к себе. Можно и обманывать, искажать очевидное и не пытаться понять; но если преданность истине есть критерий нравственности, то нет преданности выше, благороднее и самоотверженнее, чем преданность истине человека, взявшего на себя ответственность мыслить[3]. *Мыслить во благо разума, но не коммерции.*

Причина неизменно влечёт за собою следствие: вырубленные тропические леса, для организации пастбищ и загонов, обусловливающих животноводческую коммерцию, не успевают вовлекать в круговорот веществ двуокись углерода, чем усиливают парниковый эффект; обедняют видовое разнообразие планеты; нарушат экосистемы. Для планеты нет бесполезных видов и каждое существо — звено неизмеримо слаженной цепи, которую человек рушит изо дня в день. Осталось совсем немного, чтобы достичь экологического предела. Осталось совсем немного, чтобы окончательно потерять связь с планетой.

Уже в своё время Вернадский остро ставил проблему перехода всего человечества *на вегетарианское питание*, что, как минимум, остановит столь стремительное разрушение планеты и сознания человека (души человека). Что будет способно спасти от голода тысячи людей, умирающих сегодня, в силу своей меньшей стоимости, энергозатратности и уменьшению занимаемых площадей, в сравнении с ныне существующим положением вещей, не говоря уже о фотосинтезирующей спо-

---

[1] Вернадский В. И. Очерки геохимии, 4-е изд, 1983.

[2] Медкова И. Н., Павлова Т. Н., Брамбург Б. В. Все о вегетарианстве, под ред. Е. В. Полиевктова, М. Ю. Чинякова. Москва, 1992. С. 7.

[3] Айн Рэнд. Атлант расправил плечи. Книга 3: А есть А, 1957.

собности растений. И что только это будет способно прокормить постоянно возрастающее население, если и с ущербом для планеты, то минимальным. Но в действительности же, без него.

Главным препятствием к восхождению на путь нравственного возрождения и спасения планеты, на путь вегетарианства — является твердое убеждение каждого в невозможности исключить мясные продукты из рациона. Но Эке говорил: «мясо есть ни самая естественная, ни абсолютно необходимая пища для человека»[4]. Современная экономика (в том числе и передовых стран: Великобритания, США, Германия и т. д.) зиждется на разведении животноводства, потому как это большие прибыли и меньшие затраты. В связи с чем тщательно культивируется изрядное количество мифов относительно вреда вегетарианского питания. Но беспристрастная наука (равно как и образ жизни стран ближнего Востока)[4] располагает массой данных, как теоретических, так и статистических, опровергающих любой из этих мифов. И мало кто помнит тот факт, что человек по природе своей — неплотоядное животное, но напротив фитофаг, о чем нам свидетельствует многое и прежде всего организация желудочно-кишечного тракта[1]. Потому, любое рассуждение о невозможности исключить мясо из пищи людей, руководствуется не пользой здоровью, а корыстными побуждениями мирового масштаба и соответствующей безграмотностью. И лишь обращение к разуму способно напомнить человеку, что есть он? И что является правильным выбором: разведение животноводства (влекущее за собой массу экологических кризисов) во имя прибыли или отказ от 'вкусной еды'[2] ради восстановления баланса в природе между человеком, экологией и планетой Земля. Равно как эти три системы взаимосвязаны между собой, так и экологическое, вегетарианское и ноосферное мировоззрение слагают собой единое целое, способное дать путь к сохранению планеты.

Человек наделён волей, но поразительно безволен в своих страстях[3]. И прежде всего в своей слабости к вкусной еде. Зависимость — проблема, в большей мере, психологическая, ментальная. Смерть планеты — физическая, материальная. Неважно, материалист вы или идеалист. Важно, что сейчас вы на планете Земля; важно, что в ваших руках, равно как и в моих будущее планеты и её настоящее; важно, что причина и следствие едины.

И важно понять, что отказавшись хотя бы (или даже) от мяса природа земная, равно как и человеческая начнёт восстанавливаться, очищаться и расти.

Elena Mikhailova Andriyanovna, Institute of Physiology
Komi Science Center, Research Laboratory of Biotechnology Division of Molecular Immunology and Biotechnology
Shcherbakova Tatiana Petrovna, Institute of Chemistry
Komi Science Center, Ph. D., Research Associate in the Laboratory of Chemistry of Plant Polymers
Shubakov Anatoly Alexandrovich
Institute of Physiology, Komi Science Centre,
The Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior researcher
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor

Михайлова Елена Андрияновна, Институт физиологии
Коми НЦ УрО РАН, научный сотрудник лаборатории биотехнологии
Отдела молекулярной иммунологии и биотехнологии
Щербакова Татьяна Петровна, Институт химии
Коми НЦ УрО РАН, кандидат химических наук,
научный сотрудник лаборатории химии растительных полимеров
Шубаков Анатолий Александрович,
Институт физиологии Коми НЦ УрО РАН, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории биотехнологии
Отдела молекулярной иммунологии и биотехнологии

Influence of pectic polysaccharide preparations on the productivity of herbs in the North

Влияние препаратов пектиновых полисахаридов на продуктивность разнотравья в условиях Севера

Одним из перспективных направлений фундаментальных и прикладных исследований является изучение регуляции роста и развития растений с помощью природных и синтетических физиологически активных веществ[4].

Повышение всхожести семян растений и скорости их прорастания достигается обработкой перед посевом водными растворами биостимуляторов. Так, например, имеются сведения о том, что при действии пектина из амаранта *Amaranthus cruentus* совместно с микроэлементами на семена растений происходит активация биохимических процессов, увеличивается

[1] Почему растительное, 2012: http://livelymeal.ru/pochemu-rastitelnoe.

[2] К вопросу о вегетарианстве, 2012: http://galaxy-sense.livejournal.com/536.html.

[3] К вопросу о вегетарианстве, 2012: http://www.proza.ru/2012/10/27/831.

[4] Елькина Е. А., Шубаков А. А., Оводов Ю. С. Влияние растительных полисахаридов на скорость прорастания семян Lycopersicon esculentum M. и Cucumis sativus L.//Химия раст. сырья. – 2002. – № 2. – С. 105–109; Елькина Е. А., Шубаков А. А., Оводов Ю. С. Влияние пектинов на рост злаковых культур//Химия раст. сырья. – 2005. – № 4. – С. 53–56.

энергия прорастания семян, улучшается их всхожесть, повышается урожайность пшеницы, ржи, гороха[1]. Однако относительно влияния пектинов на вегетативный рост и урожайность сельскохозяйственных культур после обработки семян и побегов водными растворами пектиновых полисахаридов имеются лишь предварительные данные.

Целью исследования было изучение влияния препаратов пектиновых полисахаридов как регуляторов роста на повышение продуктивности травянистых растений в условиях Севера.

В работе использовали препараты пектиновых полисахаридов, выделенных из борщевика Сосновского (*Heracléum sosnówskyi*).

Среднеспелые сенокосные травостои формировались на основе костреца безостого, который является ценным кормовым злаком.

Варианты опыта:

1. Контроль 1 — обработка водой, 1-й укос;
2. Контроль 2– обработка водой, 2-й укос;
3. HS — обработка пектиновым полисахаридом из борщевика Сосновского (*Heracleum sosnowskyi*), 2-й укос.

Площадь учетной делянки — 1 га. Расположение делянок в опыте — методом рендомизированных повторений в 1 ярус. Учет урожая проводили путем взвешивания сухой биомассы травостоя с каждой учетной делянки согласно методики ВИК.

Урожайность травостоев на делянках без обработки и с обработкой препаратом пектинового полисахарида представлена в таблице 1.

Таблица 1

Урожайность травостоев на контрольных и опытных делянках

Вариант опыта	Урожайность (сухое вещество), ц/га
Контроль 1	60,2
Контроль 2	19,5
HS	29,0

Данные таблицы 1 подтверждают факт, что урожайность второго укоса существенно, почти в 3 раза, ниже урожайности первого укоса. Однако, обработка травостоев раствором препарата пектинового полисахарида в 1,5 раза повышает урожайность второго укоса.

Образцы исследуемого материала в процессе заготовки были высушены согласно методики ВИК. Влажность образцов (по методу высушивания) и коэффициент сухости ($К_{сух}$) находились в пределах 10–12% и 0,88–0,9 соответственно.

Химический анализ травостоев проводили по следующей схеме[2]: содержание минеральных веществ определяли методом сжигания и прокаливания; экстрактивные вещества выделяли органическим (спирто-толуольная смесь 1:2) и нейтральным (горячая вода) растворителями; содержание лигнина определяли по методу Комарова; в целлюлозных фракциях определяли содержание α-, β- и γ-компонентов.

Содержание минеральных веществ в исследуемых образцах находится в пределах 5,63-6,30 %. В состав экстрактивных веществ травянистого сырья входят различные классы соединений. Органическими растворителями из растительного материала экстрагируются вещества, условно называемые смолами и жирами, водой экстрагируются фенольные соединения (танины, красители), моносахариды, полиурониды, белки, алкалоиды, циклические спирты, растворимые соли и т.д.

Нами был использован метод последовательного экстрагирования, который позволяет оценить как общую сумму экстрактивных веществ, содержащихся в исследуемых образцах, так и количество смолистых, фенольных и углеводных компонентов в отдельности.

Исследуемые образцы экстрагировали в аппарате Сокслета спирто- толуольной смесью в соотношении 1:2, и далее горячей водой. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Содержание экстрактивных веществ в исследуемых образцах

Вариант опыта	Экстрактивные вещества	
	Спирто-толуольная смесь (1:2), %	Горячая вода, %
Контроль 1	3,8	11,5
Контроль 2	9,1	23,0
HS	8,1	19,5

Содержание экстрактивных веществ в растениях снижается в период созревания (3,8%). В период роста, независимо от использования регуляторов роста, содержание экстрактивных веществ находится в диапазоне 8,0–9,0% и 19–23% смол и танинов, соответственно.

Содержание ароматической части (лигнина) в компонентном составе травянистых растений определяли сернокислым методом в модификации Комарова. Образцы разнотравья исследованы на относительное содержание α-, β- и γ-фракций целлюлозы. α-Фракция (часть целлюлозы, нерастворимая в 17,5 % NaOH) – высокомолекулярная часть целлюлозы, а так же наиболее длинные молекулы маннана и ксилана, совместно ориентированные с целлюлозой, гемицеллюлозы и некоторая часть лигнина. Фракцию, переходящую в щелочной раствор, но способную высаживаться при подкислении уксусной кисло-

[1] Исайчев В. А., Семенов А. Ю. Влияние пектина и микроэлементов на физиологические процессы при прорастании семян и урожайность озимой ржи //Достижения науки и техники АПК. – 2002. – № 5. – С. 13–15.

[2] Базарнова Н.Г., Карпова Е.В., Катраков И.Б., Маркин В.И., Микушина И.В., Ольхов Ю.А., Худенко С.В. Методы исследования древесины и ее производных. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 160 с.; Оболенская А.В., Ельницкая З.П., Леонович А.А. Лабораторные работы по химии древесины и целлюлозы. М.: Экология, 1991. – 320 с.

той, называют β-целлюлозой. β-целлюлозы представляет собой низкомолекулярную целлюлозу и полисахариды неглюкозного характера. γ-целлюлоза, низкомолекулярная фракция гемицеллюлоз, при подкислении щелочного раствора остается в растворе и определяется по разности компонентов. Содержание ароматической части (лигнина) и распределение целлюлозы исследуемых образцов по выше описанным фракциям представлено в таблице 3.

Таблица 3.

Характеристика исследуемых образцов на содержание ароматической (лигнин) и углеводной части растений

Вариант опыта	Содержание лигнина, %	Содержание целлюлозы,%		
		α	β	γ
Контроль 1	17,6	48	27,6	1,8
Контроль 2	19,6	48	23,1	1,7
HS	22,9	50	22,1	1,5

Углеводная часть исследуемых образцов была охарактеризована на содержание легкогидролизуемой и трудногидролизуемой части, согласно общепринятым методикам. Результаты исследования представлены в таблице 4.

Таблица 4

Характеристика исследуемых образцов на содержание легкогидролизуемой и трудногидролизуемой углеводной части растений

Вариант опыта	Легкогидролизуемая часть, %	Трудногидролизуемая часть,%
Контроль 1	16,3	56,8
Контроль 2	16,6	55,9
HS	16,6	56,2

Соотношения легко- и трудногидролизуемой части не претерпевают изменения, что является хорошим показателем, так как полученные травостои могут быть использованы в уже имеющихся технологиях получения продуктов народного потребления.

Таким образом, обработка травостоев пектиновыми полисахаридами существенно повышает урожайность второго укоса. Показано, что использование исследуемых регуляторов роста не влияет или незначительно влияет на качественный (химический) состав растений.

Список литературы:

1. Базарнова Н. Г., Карпова Е. В., Катраков И. Б., Маркин В. И., Микушина И. В., Ольхов Ю. А., Худенко С. В. Методы исследования древесины и ее производных. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. — 160 с.
2. Елькина Е. А., Шубаков А. А., Оводов Ю. С. Влияние растительных полисахаридов на скорость прорастания семян Lycopersicon esculentum M. и Cucumis sativus L.//Химия раст. сырья. — 2002. — № 2. — С. 105–109.
3. Елькина Е. А., Шубаков А. А., Оводов Ю. С. Влияние пектинов на рост злаковых культур//Химия раст. сырья. — 2005. — № 4. — С. 53–56.
4. Исайчев В. А., Семенов А. Ю. Влияние пектина и микроэлементов на физиологические процессы при прорастании семян и урожайность озимой ржи//Достижения науки и техники АПК. — 2002. — № 5. — С. 13–15.
5. Оболенская А. В., Ельницкая З. П., Леонович А. А. Лабораторные работы по химии древесины и целлюлозы. М.: Экология, 1991. — 320 с.

Elipkhanov Salman
Physical education and judo institute of Adygheya state university,
candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of wrestling chair

Элипханов Салман Байсултанович,
Институт физической культуры и дзюдо Адыгейского государственного университета,
доцент кафедры спортивной борьбы

Pattern of muscle activity during two-arm shoulder throw by female judokas of highly qualification

Характер мышечной активности при проведении броска через спину высококвалифицированными дзюдоистками

Введение. Наличие знаний об особенностях мышечной активности при осуществлении соревновательной деятельности является исходным пунктом для научно обоснованного подбора средств и методов специальной силовой подготовки в том или ином виде спорта[1]. К знаниям подобного рода относятся, прежде всего, данные о величинах изменений длин рабочих мышц, определяющих амплитуду движения[2], и о скорости изменений длин мышц[3]. Поэтому знания об активности мышц

[1] Верхошанский Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 1988.

[2] Зациорский В. М. Физические качества спортсмена (основы теории и методики воспитания). М.: Физкультура и спорт, 2009.

[3] Немцева Н. А. Об эффективности некоторых средств и методов специальной силовой подготовки семиборок. Научные труды кафедры лёгкой атлетики ИФК и дзюдо АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ, 2005. – С. 85–109.

при проведении броска через спину (одного из базовых приёмов дзюдо) позволили бы обосновать средства и методы специальной силовой подготовки дзюдоисток, направленной на повышение эффективности этого приёма[1]. В то же время особенности активности мышц при проведении большинства приёмов дзюдо остаются мало изученными[2]. В связи с этим целью исследования являлось определение мышечных групп, активных во время проведения броска через спину высококвалифицированными дзюдоистками, величин изменения их длины, а также скорости этих изменений.

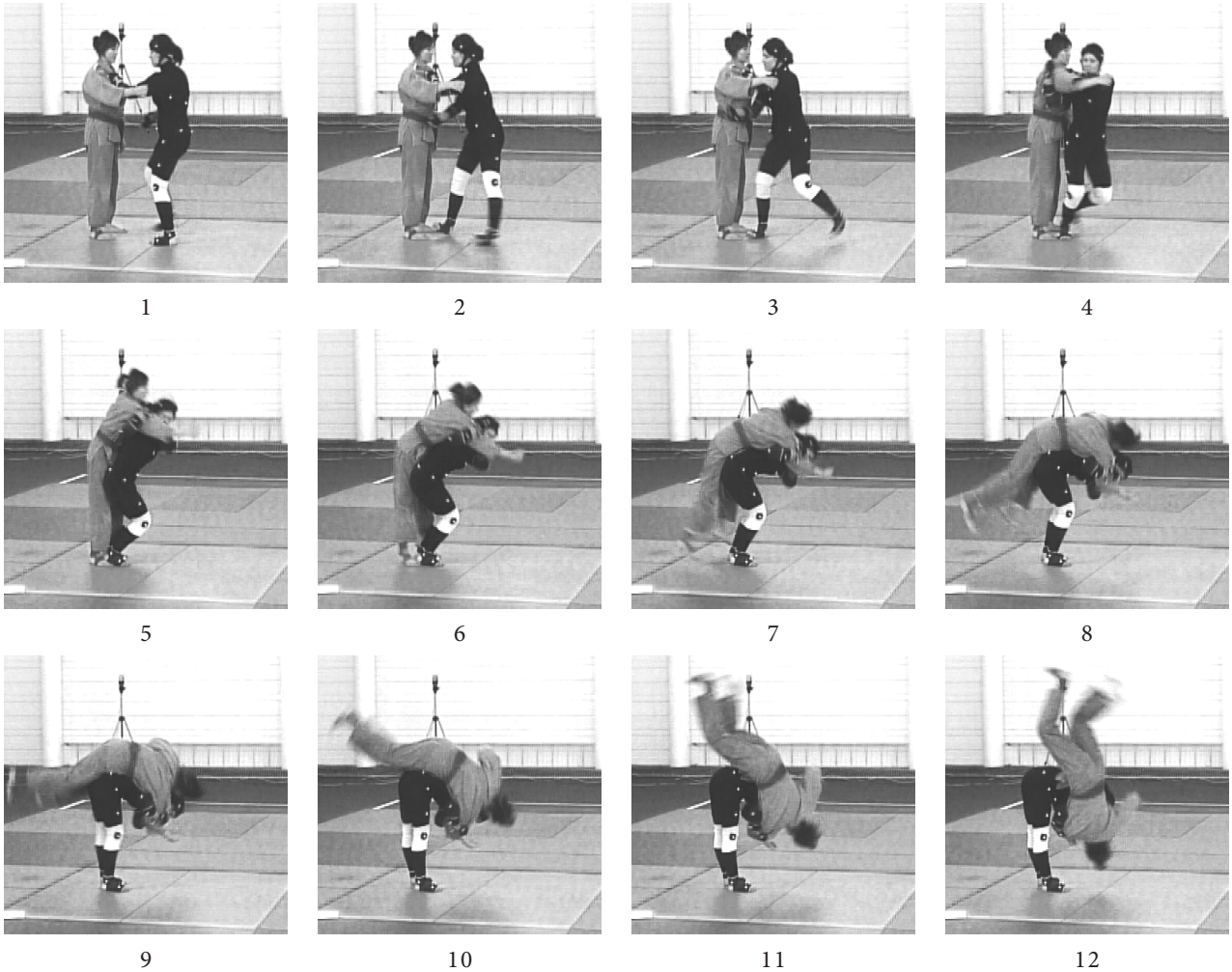
Методика. Первичное определение мышц, активных при проведении броска через спину проводилось при помощи двумерного анализа (использовалась запись приёма с трёх позиций). Данные о величинах изменений длин мышц и скорости этих изменений были получены при помощи трёхмерного видеоанализа.

Съёмки для первичного анализа характера движений при проведении броска через спину проводились тремя камерами JVC GR-D370E с частотой съёмки 50 кадров в секунду. Выводы о мышечных группах, активных при проведении приёма, по данным двумерного видеоанализа проводилась в соответствии с мнением ведущих специалистов в области динамической анатомии[3].

Трёхмерный видеоанализ производился при помощи системы видеоанализа Qualisys (Швеция), включающей шесть камер ProReflex с частотой съёмки 120 кадров в секунду. Обработка данных камер производилась при помощи программы трёхмерного трекинга Qualisys Track Manager версии 1.8.225. Сглаживание данных производилось при помощи скользящего среднего с интервалом 20.

В исследовании приняли участие три дзюдоистки (все МС, весовые категории 52, 70 и 70 кг, возраст 20, 20 и 21 год) — члены сборной Российской Федерации среди молодёжи (до 23 лет). Рассматривался вариант проведения приёма в правую сторону.

Результаты. Выполнение броска через спину имеет много схожих черт с выполнением броска через бедро[4]. Так, как видно на рис. 1, движения в начальной стадии броска не требуют проявления силовых способностей (кадры 1–4).

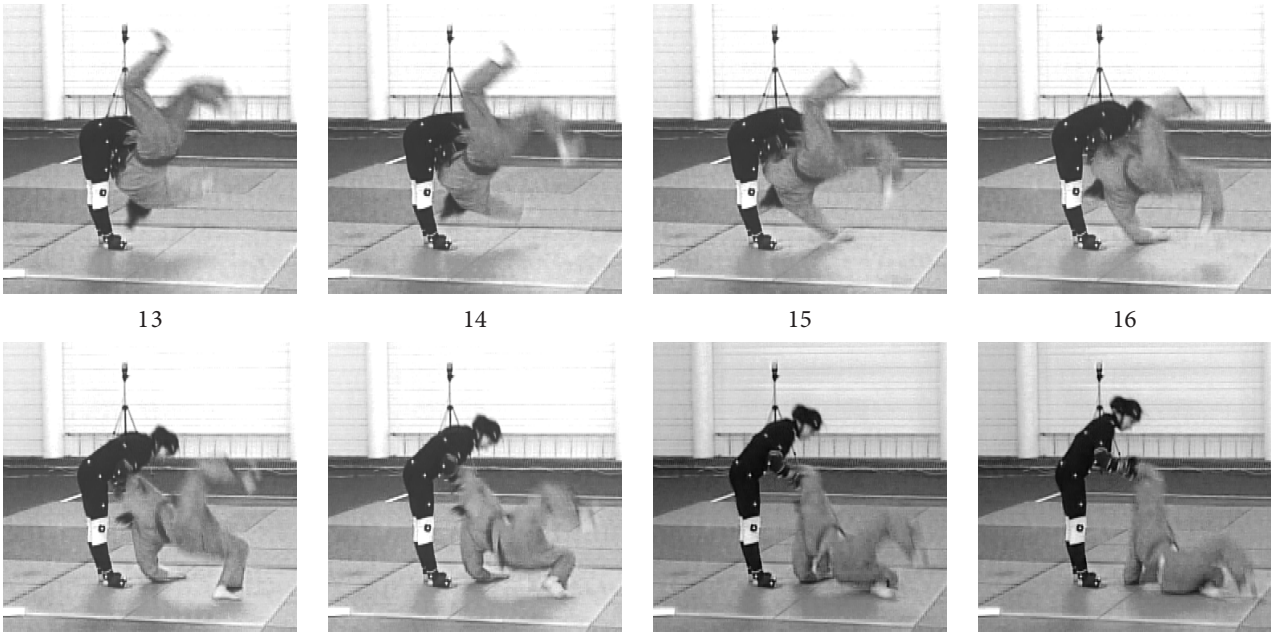

[1] Коблев Я. К. Система многолетней подготовки спортсменов международного класса в борьбе дзюдо: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: ГЦОЛИФК, 1990.

[2] Манолаки В. Г. Оптимизация воздействия силовых и скоростно-силовых нагрузок в процессе многолетней тренировки дзюдоисток: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 1993.

[3] Привес М. Г., Лысенков Н. К., Бушкович В. И. Анатомия человека. СПб.: Гиппократ, 1998.

[4] Элипханов С. Б. Мышечная активность во время проведения броска через бедро в дзюдо. Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011: материалы конференции. Доступны: http://www.sworld.com.ua/konfer24/373.htm

13 14 15 16

17 18 19 20

Рис. 1. Бросок через спину

Затем следуют активное скручивание туловища с тянущим движением за счёт разгибания правого предплечья (табл. 1).

Таблица 1

Основные мышцы, осуществляющие движения в ключевой фазе броска через спину

Движения	Мышцы	Режим работы мышц
Скручивание туловища	1. верхняя часть левой трапециевидной мышцы, 2. правая наружная косая мышца живота совместно с внутренней косой мышцей с левой стороны, 3. часть глубоких мышц спины	Концентрический
Разгибание предплечья	1. трёхглавая мышца плеча, 2. локтевая мышца	Статический
Сгибание туловища	1. прямые мышцы живота, 2. косые мышцы живота, 3. подвздошно-поясничная, 4. портняжные, 5. мышцы-напрягатели широкой фасции	Концентрический
Разгибание левого плеча	Основные: 1. задняя часть левой дельтовидной мышцы, 2. левая широчайшая мышца спины, 3. левая подостная мышца, 4. левая малая круглая мышца, 5. левая большая круглая мышца, 6. длинная головка трёхглавой мышцы плеча	Статический

После этого спортсменка выполняет активное сгибание туловища, сочетающееся с тянущим движением правого плеча и предплечья, за счёт их разгибания.

В заключительных фазах броска сопротивление соперницы маловероятно, поэтому в эти периоды времени от дзюдоистки не требуется значительного проявления силовых способностей.

Поэтому в этих фазах активны лишь мышцы, при помощи которых осуществляется сопровождение падающего тела соперницы.

Данные трёхмерного видеоанализа подтвердили, что по внешней (кинематической) и внутренней (активность мышц) структуре бросок через спину во многом схож с броском через бедро[1]. В большой мере его эффективность определяет энергичное сгибание туловища, что обусловливает активное сначала растягивание мышц живота, а затем их работу в концентрическом режиме (рис. 2).

[1] Элипханов С.Б. Мышечная активность во время проведения броска через бедро в дзюдо. Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011: материалы конференции. Доступны: http://www.sworld.com.ua/konfer24/373.htm

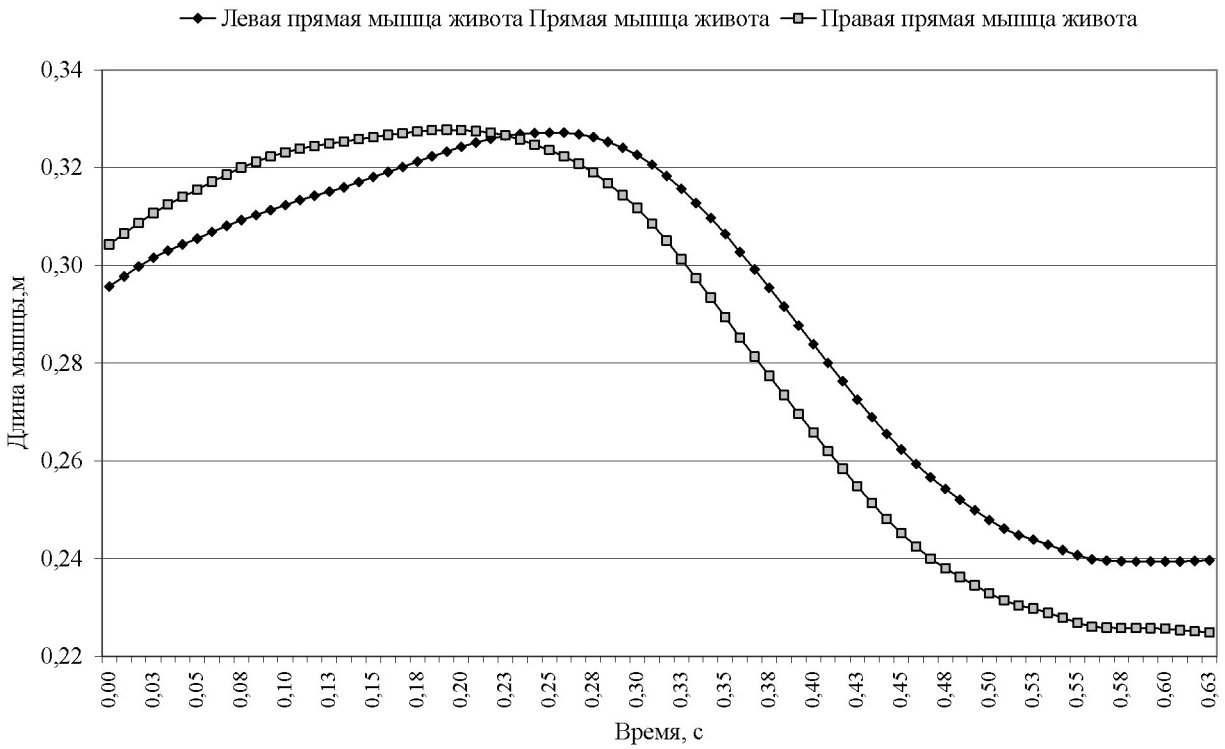

Рис. 2. Длина левой и правой прямых мышц живота при проведении броска через спину у испытуемой Д-вой (МС, 70 кг)

Так же как и при броске через бедро, при броске через спину наибольшие относительные величины изменения длин обнаружили следующие мышцы: длинная приводящая мышца левого и правого бедра, двуглавая мышца левого и правого бедра, отдельные пучки левой и правой дельтовидной и большой ягодичной мышц (табл. 2).

Таблица 2

Показатели мышечной активности при выполнении броска через спину ($\bar{x}\pm\delta$)*

Мышцы	minL, м	maxL, м	ДL, %	min v, м/с	max v, м/с
1	2	3	4	5	6
Длинная приводящая мышца левого бедра	0,14± 0,020	0,20± 0,002	44,6± 23,75	-0,22± 0,031	0,00± 0,100
Длинная приводящая мышца правого бедра	0,12± 0,017	0,16± 0,012	38,7± 15,05	-0,20± 0,087	0,03± 0,070
Короткая головка двуглавой мышца левого плеча	0,23± 0,023	0,24± 0,036	6,7± 5,43	-0,14± 0,096	0,11± 0,113
Короткая головка двуглавой мышца правого плеча	0,28± 0,012	0,29± 0,015	4,7± 4,61	-0,12± 0,105	0,00± 0,058
Длинная головка двуглавой мышца левого плеча	0,27± 0,015	0,28± 0,029	5,4± 5,88	-0,14± 0,113	0,08± 0,101
Длинная головка двуглавой мышца правого плеча	0,27± 0,021	0,29± 0,033	8,4± 7,19	-0,17± 0,099	-0,03± 0,083
Длинная головка двуглавой мышцы левого бедра	0,41± 0,008	0,47± 0,031	14,6± 6,03	-0,09± 0,060	0,27± 0,072
Длинная головка двуглавой мышцы правого бедра	0,40± 0,019	0,45± 0,032	12,4± 5,01	-0,11± 0,085	0,31± 0,032
Короткая головка двуглавой мышцы левого бедра	0,20± 0,013	0,23± 0,022	16,3± 9,93	-0,15± 0,027	0,17± 0,068
Короткая головка двуглавой мышцы правого бедра	0,21± 0,017	0,22± 0,024	6,1± 4,08	-0,08± 0,043	0,10± 0,054
Задние пучки левой дельтовидной мышцы	0,16± 0,007	0,17± 0,009	3,5± 2,70	-0,04± 0,028	0,04± 0,025
Задние пучки правой дельтовидной мышцы	0,16± 0,005	0,17± 0,003	5,5± 4,72	-0,05± 0,016	0,01± 0,045
Средние пучки левой дельтовидной мышцы	0,13± 0,011	0,14± 0,019	11,4± 5,66	-0,07± 0,077	0,11± 0,014

1	2	3	4	5	6
Средние пучки правой дельтовидной мышцы	0,16± 0,017	0,17± 0,001	11,2± 11,67	-0,04± 0,035	0,03± 0,062
Передние пучки левой дельтовидной мышцы	0,22± 0,024	0,23± 0,022	3,6± 3,61	-0,05± 0,043	0,03± 0,007
Передние пучки правой дельтовидной мышцы	0,22± 0,019	0,23± 0,013	6,4± 5,67	0,00± 0,012	0,04± 0,064
Верхние пучки левой большой ягодичной мышцы	0,19± 0,006	0,21± 0,005	11,1± 5,41	-0,04± 0,051	0,10± 0,017
Верхние пучки правой большой ягодичной мышцы	0,21± 0,003	0,22± 0,003	3,3± 0,96	-0,03± 0,001	0,04± 0,019
Средние пучки левой большой ягодичной мышцы	0,16± 0,006	0,19± 0,002	18,2± 3,94	-0,02± 0,058	0,15± 0,031
Средние пучки правой большой ягодичной мышцы	0,18± 0,003	0,19± 0,001	7,6± 1,32	-0,03± 0,017	0,07± 0,016
Нижние пучки левой большой ягодичной мышцы	0,16± 0,006	0,19± 0,004	19,8± 1,79	-0,02± 0,066	0,15± 0,034
Нижние пучки правой большой ягодичной мышцы	0,15± 0,008	0,18± 0,005	14,1± 5,63	-0,07± 0,010	0,12± 0,010
Нижние пучки левой широчайшей мышцы спины	0,46± 0,009	0,51± 0,031	9,9± 5,56	-0,26± 0,200	0,21± 0,076
Нижние пучки правой широчайшей мышцы спины	0,36± 0,029	0,40± 0,043	13,7± 15,28	-0,06± 0,216	0,26± 0,077
Средние пучки левой широчайшей мышцы спины	0,37± 0,036	0,39± 0,048	4,5± 3,31	-0,14± 0,051	0,09± 0,038
Средние пучки правой широчайшей мышцы спины	0,33± 0,030	0,36± 0,035	10,0± 9,87	-0,11± 0,134	0,09± 0,058
Брюшная часть левой большой грудной мышцы	0,21± 0,034	0,22± 0,042	7,9± 2,89	-0,13± 0,043	0,07± 0,059
Брюшная часть правой большой грудной мышцы	0,21± 0,015	0,22± 0,025	5,4± 4,76	-0,05± 0,147	0,10± 0,050
Ключичная часть левой большой грудной мышцы	0,10± 0,014	0,11± 0,021	11,8± 9,00	-0,10± 0,024	0,10± 0,047
Ключичная часть правой большой грудной мышцы	0,15± 0,029	0,17± 0,019	15,3± 13,58	-0,05± 0,091	0,08± 0,060
Грудино-рёберная часть левой большой грудной мышцы	0,17± 0,017	0,18± 0,027	9,2± 5,94	-0,08± 0,060	0,04± 0,061
Грудино-рёберная часть правой большой грудной мышцы	0,20± 0,010	0,21± 0,003	4,6± 6,07	-0,06± 0,129	0,07± 0,035
Левая наружная косая мышца живота	0,22± 0,044	0,27± 0,017	21,5± 16,73	-0,25± 0,235	0,15± 0,012
Правая наружная косая мышца живота	0,19± 0,024	0,23± 0,026	24,1± 19,93	-0,22± 0,107	0,32± 0,202
Прямая мышца левого бедра	0,48± 0,028	0,53± 0,024	11,0± 3,26	-0,23± 0,052	0,00± 0,044
Прямая мышца правого бедра	0,49± 0,021	0,53± 0,024	8,4± 2,42	-0,23± 0,108	0,09± 0,051
Промежуточная широкая мышца левого бедра	0,36± 0,026	0,37± 0,029	2,7± 0,74	-0,11± 0,025	0,06± 0,029
Промежуточная широкая мышца правого бедра	0,37± 0,028	0,37± 0,028	2,2± 0,26	-0,06± 0,025	0,06± 0,026
Левая прямая мышца живота	0,22± 0,080	0,32± 0,013	53,9± 52,58	-0,50± 0,211	0,14± 0,124
Правая прямая мышца живота	0,23± 0,066	0,30± 0,027	38,7± 33,20	-0,45± 0,133	0,14± 0,111
Левая портняжная мышца	0,45± 0,028	0,51± 0,027	12,9± 3,48	-0,28± 0,015	0,06± 0,114
Правая портняжная мышца	0,47± 0,014	0,52± 0,018	11,2± 2,07	-0,29± 0,103	0,05± 0,080
Нижние пучки левой трапециевидной мышцы	0,26± 0,057	0,26± 0,058	2,9± 1,00	-0,08± 0,018	0,07± 0,039

1	2	3	4	5	6
Нижние пучки правой трапециевидной мышцы	0,25± 0,052	0,26± 0,052	3,7± 1,30	-0,05± 0,045	0,12± 0,091
Средние пучки левой трапециевидной мышцы	0,15± 0,042	0,15± 0,044	4,6± 0,61	-0,05± 0,024	0,06± 0,020
Средние пучки правой трапециевидной мышцы	0,13± 0,039	0,14± 0,038	8,5± 4,53	-0,07± 0,066	0,11± 0,100
Верхние пучки левой трапециевидной мышцы	0,16± 0,007	0,17± 0,009	4,4± 1,41	-0,04± 0,021	0,07± 0,028
Верхние пучки правой трапециевидной мышцы	0,16± 0,013	0,16± 0,009	6,0± 4,37	-0,08± 0,026	0,06± 0,049
Латеральная головка трёхглавой мышцы левого плеча	0,18± 0,034	0,19± 0,035	2,1± 2,14	-0,02± 0,015	0,05± 0,041
Латеральная головка трёхглавой мышцы правого плеча	0,18± 0,029	0,19± 0,026	3,5± 3,23	-0,08± 0,094	0,00± 0,174
Длинная головка трёхглавой мышцы левого плеча	0,24± 0,027	0,26± 0,039	6,1± 4,69	-0,06± 0,048	0,03± 0,075
Длинная головка трёхглавой мышцы правого плеча	0,25± 0,028	0,26± 0,030	2,8± 2,95	-0,08± 0,040	0,02± 0,119
Медиальная головка трёхглавой мышцы левого плеча	0,09± 0,035	0,09± 0,035	4,0± 4,63	-0,02± 0,013	0,04± 0,040
Медиальная головка трёхглавой мышцы правого плеча	0,09± 0,029	0,10± 0,026	8,3± 8,98	-0,08± 0,093	0,00± 0,176
Левая икроножная мышца	0,38± 0,012	0,42± 0,043	11,0± 8,56	-0,16± 0,171	0,19± 0,118
Правая икроножная мышца	0,39± 0,021	0,42± 0,040	6,5± 4,47	-0,12± 0,045	0,16± 0,098
Левая камбаловидная мышца	0,32± 0,008	0,33± 0,017	4,4± 2,79	-0,13± 0,059	0,08± 0,049
Правая камбаловидная мышца	0,33± 0,016	0,35± 0,023	3,8± 2,50	-0,09± 0,041	0,11± 0,046

* Обозначения: minL — минимальная длина мышцы, maxL — максимальная длина мышцы, ДL — разница между максимальной и минимальной длиной мышцы (относительно минимальной длины), min v — минимальная скорость изменения длины мышцы, max v — максимальная скорость изменения длины мышцы.

При этом высокие скорости растяжения зафиксированы у длинной приводящей и прямой мышц левого и правого бедра, у нижних пучков левой широчайшей мышцы спины. Наивысшие же скорости сокращения (за исключением мышц живота) обнаружены у длинной головки двуглавой мышцы левого и правого бедра, нижних пучков левой и правой широчайшей мышцы спины.

Очевидно, именно эти мышцы в наибольшей мере определяют эффективность броска через спину и его совершенствование должно быть связано с силовыми нагрузками на эти группы мышц.

Выводы. Наибольшие величины изменения длин мышц при проведении броска через спину высококвалифицированными дзюдоистками обнаружены у левой и правой прямых мышц живота. У этих же мышц зафиксирована наивысшая скорость растяжения и сокращения. Также значительно изменяют свою длину длинная приводящая мышца левого и правого бедра, двуглавая мышца левого и правого бедра, отдельные пучки левой и правой дельтовидной и большой ягодичной мышц. Высокие скорости сокращения наблюдались у длинной головки двуглавой мышцы левого и правого бедра, нижних пучков левой и правой широчайшей мышцы спины.

Section 2. Geology

Popov Ivan Pavlovich,
Tyumen state oil and gas University, Professor, D. G.-m. s.
Maximov Maxim Nikolaevich,
Tyumen state oil and gas University,
post-graduate student of the Department of Geology of oil and gas fields
Попов Иван Павлович,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
профессор, д.г-м. н.
Максимов Максим Николаевич,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
аспирант кафедры геологии месторождений нефти и газа

An analysis of the effectiveness of water injection and the reasons hard to recover reserves form

Анализ эффективности системы заводнения и причины формирования трудноизвлекаемых запасов

Еще на ранней стадии нефтегазопоисковых работ в продуктивных отложениях Западной Сибири установлено широкое развитие трещиноватости[1]. Во время бурения с репрессиями 5–8 МПа (более 20%) наблюдалось поглощение бурового раствора и кольматация трещин. При испытании объектов большинство индикаторных диаграмм (ИД) имело вогнутый к оси дебитов вид (рис. 1 а, б), что свидетельствовало о снижении проницаемости призабойной зоны пласта (ПЗП), то есть трещин, и коллектор в начале эксплуатации мог вырабатываться как поровый П, трещинно-поровый ТП, или порово-трещинный ПТ. Дифференциация типов коллекторов производится по методике[2], согласно зависимостям геолого-промысловых параметров от скин-эффекта и скин-эффекта от депрессий (рис. 1 в, г). В процессе пробной эксплуатации происходила самопроизвольная или после обработки ПАВ, кислотными растворами, очистка трещин, дебиты возрастали, а ИД приобретали обычную выпуклую форму, указывающую на связь скважины с трещиной (Т) ёмкостью. Поскольку ∑Qн=f (Qн), где ∑Qн — накопленная добыча; Qн — темп отбора, то механизм очистки трещин и дренирования залежей чётко отражается (рис. 1 д) на характере кривых ∑Qн, причем независимо от стратиграфии, литологии и величины запасов.

Согласно работе Попова И. П. «Обоснование проектных показателей при разработке нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири»[3] и рис. 1 е, окончание извлечения продукта из трещин (точка А), устанавливается по стабилизации на низком уровне кривой ∑Qн. Так как отрезок, характеризующий отбор из трещинной ёмкости ∑QнТ, параллелен ординате, то коэффициенты нефтенасыщенности и нефтеизвлечения трещин близки к единице. Поскольку месторождения разрабатываются длительное время, кривая отбора из пор П стремится быть параллельной оси абсцисс. Таким образом, система разработки месторождений характеризуется (заштрихованная область) спектром показателей изменяющихся в координатах Т-П. В упрощенном варианте фильтрационно-емкостная модель месторождений, приведенная на рис. 1ж имеет универсальный характер.

Наличие двух взаимноперпендикулярных по фильтрационно-емкостным свойствам (ФЕС) систем Т и П, а также промежуточных между ними систем ПТ и ТП (рис. 1 е, ж) и раздельная выработка запасов указывают на распространенность в основном вертикальных, наиболее раскрытых трещин Т и подчиненное второстепенное значение горизонтальных или близких к горизонтальным трещин меньшего размера ПТ, ТП. Данный вывод подтверждает быстрый прорыв подошвенных вод при работе коллектора как однородно-трещинного, т. е. при повышенных депрессиях (>5 МПа) или применении заводнения, когда исключается подток из коллекторов П, ТП, ПТ и нарушается единство гидродинамической системы залежей[4].

Зная время окончания извлечения продукта из трещинной емкости (точка А), исключим (рис. 1 е) с помощью прямой I (начало координат — точка А) влияние максимальной трещиноватости на форму кривой ∑Qн. Как установлено в работе Попова И.П[5]. с незначительным допущением (5–7%) прямая I параллельна отрезку, характеризующему работу коллектора как ПТ, и является линейной функцией y=ax (a=1 — угловой коэффициент прямой I). Характер выявленной зависимости свидетельствует о том, что накопленная добыча ∑Qн при равномерном отборе из двух сред (трещин и пор) с постоянным

[1] Попов И. П. Об универсальности модели залежей углеводородов и повышении эффективности их разработки. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М.,1993г., № 11–12, с. 35–39.

[2] Там же.

[3] Попов И. П. Обоснование проектных показателей при разработке нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М., 1995г., № 5, с. 35–40.

[4] Попов И. П. Об универсальности модели залежей углеводородов и повышении эффективности их разработки. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М.,1993г., № 11–12, с. 35–39.

[5] Попов И. П. Обоснование проектных показателей при разработке нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М., 1995г., № 5, с. 35–40.

(годовым) темпом отбора QнПТ пропорциональна времени разработки τ, т. е. ΣQн — линейная функция τ. Справедливость данного положения подтверждает дальнейшее, после точки А, продолжение прямой I. Как видно из построения эта прямая является результирующей (равнодействующей) R между накопленными отборами из трещинной Т и поровой П емкостей. Следовательно, темп отбора QнПТ (около 2% балансовых запасов), соответствует линейной зависимости, определяет равномерное извлечение углеводородов из двух сред и в целом рациональную выработку запасов. Фонд добывающих скважин при этом обусловливается темпом отбора нефти[1].

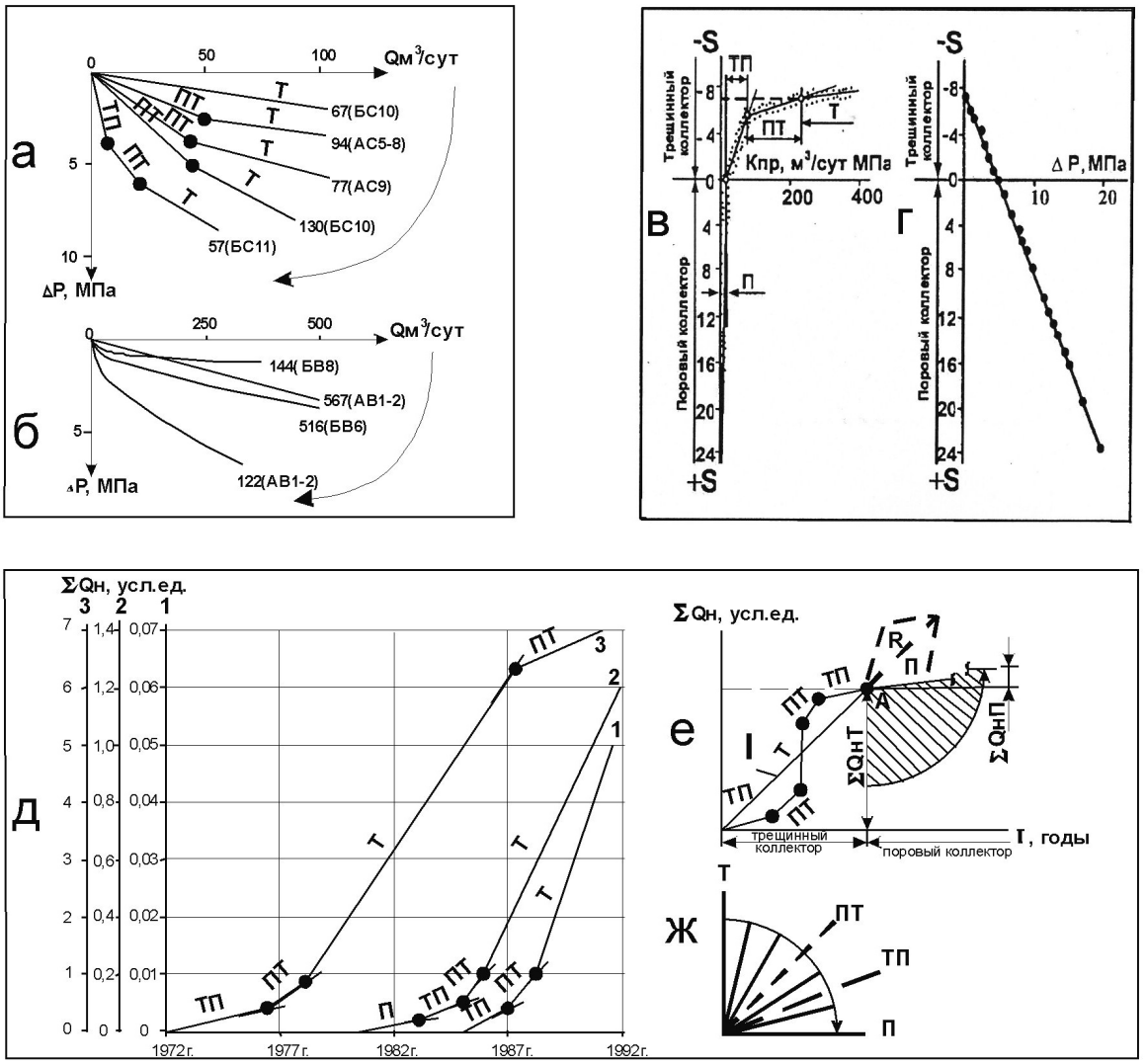

Рис. 1. Обоснование фильтрационно-емкостной и гидродинамической модели месторождений Западной Сибири:

индикаторные диаграммы по скважинам (цифры; в скобках- индексы пластов) Фёдоровского (**а**) и Северо-Покурского (**б**) месторождений; зависимости коэффициента продуктивности от показателя скин-эффекта (**в**) и показателя скин-эффекта от депрессии (**г**); **д** — динамика суммарных отборов нефти по годам разработки месторождений: **1** — Чумпасское (пласт $АВ_1^3$), **2** — Талинское (пласт $ЮК_{10}$), **3** — Федоровское (пласт $БС_{10}$); **е** — обоснование универсальной модели месторождений, **ж** — упрощенный вариант модели.

Анализ разработки Восточно-Елового, Восточно-Сургутского и Алехинского месторождений Сургутского свода (рис. 2) подтверждает универсальность фильтрационно-емкостной модели залежей. В начальный период освоения этих месторождений происходит раскольматирование трещин и уровень добычи соответствует трещинно-поровому ТП коллектору (Восточно-Еловое месторождение) или порово-трещинному ПТ (Восточно-Сургутское и Алехинское месторождения). После полной очистки трещин коллектор вырабатывается как однороднотрещинный Т, и поэтому в короткий период достигается максимальный уровень годовой добычи.

Поскольку нагнетание воды производится в высокопроницаемый коллектор Т, то в период его дренирования наблюдается интенсивный рост обводненности до 10% в год по Восточно-Еловому и Алехинскому и до 15% по Восточно-Сургутскому месторождениям.

Добывающие скважины обводняются и выводятся из эксплуатации. В последующие годы, несмотря на увеличение фонда скважин, и объемов закачиваемой воды, добыча нефти непрерывно снижается и, примерно на том же уровне, что и на начальном этапе (когда произошла полная очистка трещин и происходило дренирование однороднотрещинного коллектора Т) завершается его выработка и обводнение.

[1] Попов И. П. Обоснование проектных показателей при разработке нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М., 1995г., № 5, с. 35–40.

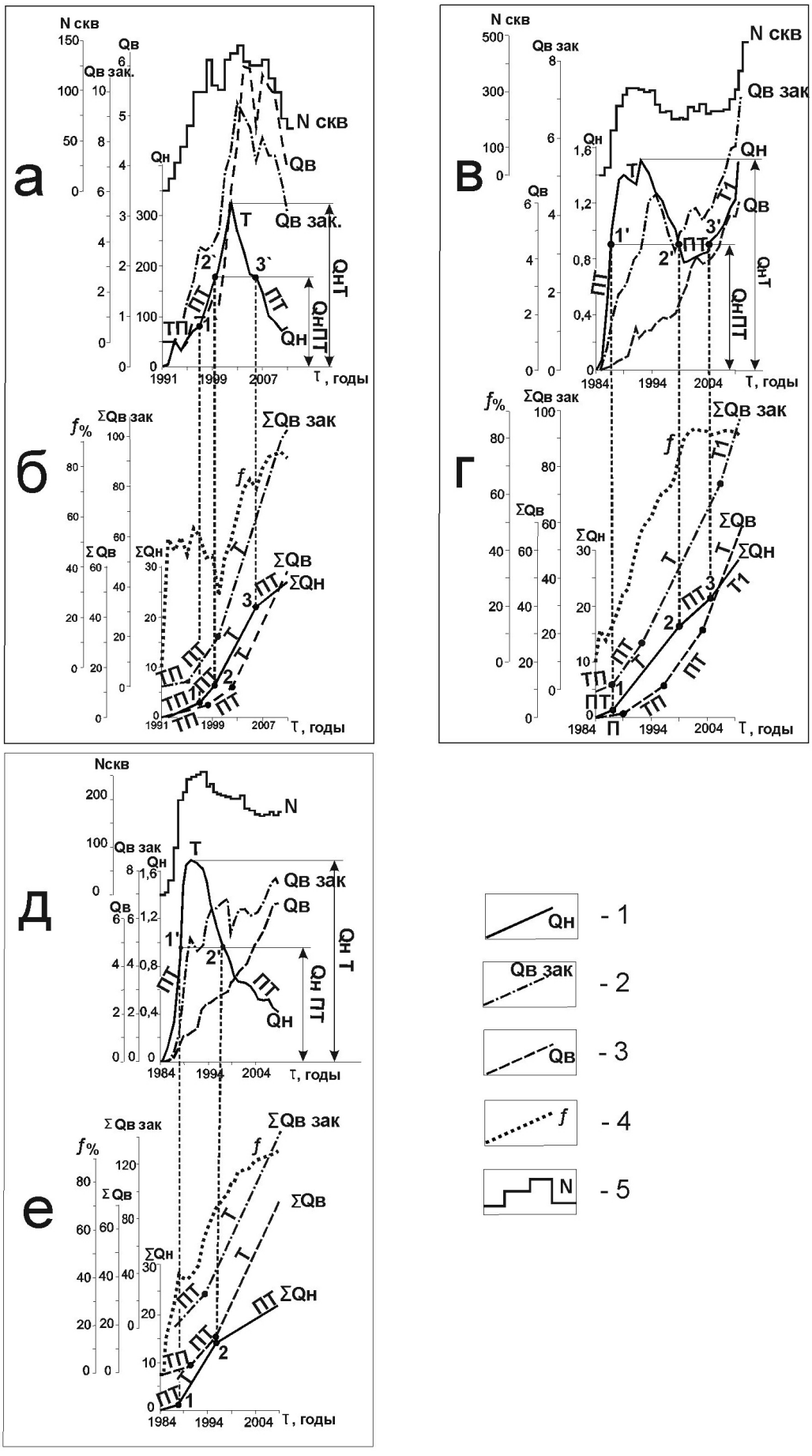

Рис. 2.Динамика средних (а, в, д) и суммарных (б, г, е) по годам показателей разработки Восточно-Елового, Восточно-Сургутского, Алехинского месторождений.

1-добыча нефти; 2-закачка воды; 3-отбор воды –все в условных единицах, 4-обводненность (%); 5-фонд добывающих скважин.

Следовательно, недостаточный учет фильтрационно-емкостной модели залежей приводит к раздельной выработке запасов: в начальный короткий период из однороднотрещинных коллекторов Т, а после их выработки и обводнения из изолированных участков с худшими по геолого-промысловым характеристикам коллекторами ПТ, ТП, П. Как видно из рис. 2, одновременную выработку трещин и пор обеспечивает темп отбора QнПТ, который примерно в два раза меньше темпа QнТ, т. е. QнТ≈2QнПТ. Увеличение добычи по Восточно-Сургутскому месторождению (участок Т1) обусловлено тем, что с 2000 г. осуществлялась совместная выработка пластов $БС_{10}$ и $ЮС_2^1$.

Раздельную выработку запасов подтверждает анализ эффективности системы заводнения (рис. 3). Согласно рис. 3 а, г, ж, прямолинейная зависимость в начальный период разработки свидетельствует, что происходит поршневое вытеснение нефти водой из однороднотрещинных коллекторов Т, достигается максимальный темп отбора (QнТ), а в последующие годы добыча снижается примерно в два раза и осуществляется выработка коллекторов ПТ. Как и по рис. 2 QнТ≈2QнПТ.

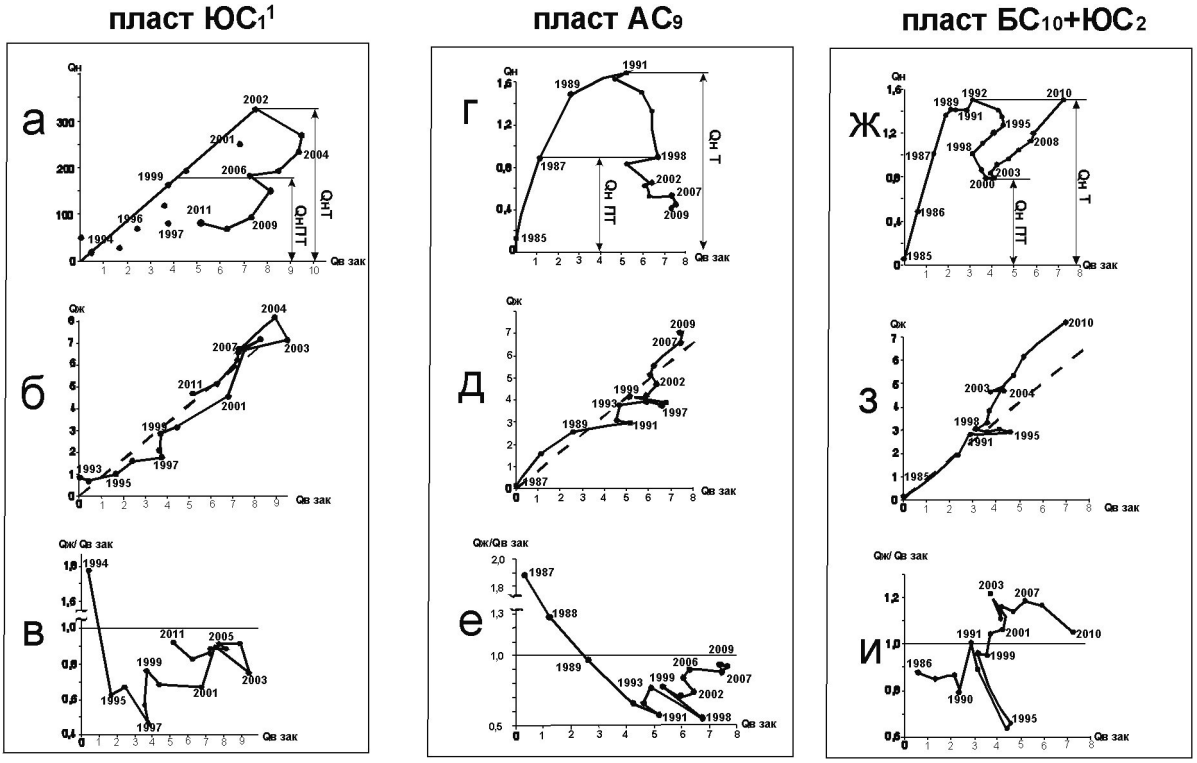

Рис. 3.Динамика эффективности систем заводнения Восточно-Елового (пласт $ЮС_1^1$), Алехинского (пласт $АС_9$), Восточно-Сургутского (пласты $БС_{10}$+$ЮС_2^1$) месторождений.

На неэффективность заводнения показывает рис. 3 б, д, з. Прямолинейная зависимость Qж=f (Qв зак), подтверждает, что закачка воды по прежнему производится в однороднотрещинный коллектор Т, а на участки с худшими коллекторскими свойствами не оказывает воздействия и поэтому необходимо менять систему заводнения. Поскольку коэффициент эффективности заводнения Qж/Qв зак<1 (рис. 3 в, е), то можно предположить, что часть закачиваемой воды уходит в законтурную зону или происходят перетоки в другие пласты. Таким образом, неучет фильтрационно-емкостной модели залежей приводит к росту объемов непроизводительных закачек воды и снижает эффективность разработки. Как видно из рис. 3 и, после 2000 г. Qж/Qв зак>1, это обусловлено вводом в разработку пласта $ЮС_2^1$, по которому происходит поршневое вытеснение нефти водой из однородно трещинного коллектора Т (см.рис. 2 в, г — участок $Т_1$).

Таким образом внедрение системы заводнения приводит к первоочередной выработке и обводнению трещинных коллекторов, и изоляции остаточных запасов в коллекторах с худшими геолого-промысловыми параметрами для извлечения которых необходимо дополнительное бурение скважин, проведение комплекса мероприятий по увеличению нефтеотдачи.

Выводы:

Природные резервуары Западной Сибири представляют единые гидродинамические системы, содержащие углеводородов в трещинных и поровых средах, что обусловливает обменные процессы, а также развитие трещинных, порово-трещинных, трещинно-поровых и поровых коллекторов. Это подтверждает динамика геолого-промысловых параметров и показателей разработки.

Темп отбора (около 2% балансовых запасов) обеспечивает одновременную выработку трещин и пор, устойчивые дебиты и низкую обводненность скважин.

Внедрение заводнения исключает подток нефти из пор и приводит к первоочередной выработке и обводнению трещинной ёмкости и изоляции остаточных запасов на участках с худшими коллекторами.

Нарушение гидродинамической системы залежей способствует формированию трудноизвлекаемых запасов и росту непроизводительных затрат.

Список литературы:

1. Попов И. П. Об универсальности модели залежей углеводородов и повышении эффективности их разработки. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М.,1993 г., № 11–12, с. 35–39.
2. Попов И. П. Обоснование проектных показателей при разработке нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. НТЖ Геология, геофизика и разработка нефтяных месторождений. М., 1995 г., № 5, с. 35–40.

Section 3. Demography and ethnography

Shavlaeva Tamara Magomedovna,
Tschetschenische State University, Associate Professor of Feld
Шавлаева Тамара Магомедовна,
Чеченский государственный университет, доцент кафедры культурологии

Features of agriculture of the Chechens in the XIX — beginning of XX century

Особенности земледелия чеченцев в XIX — начале XX века

Давние традиции земледелия, сложившиеся в Чечне, вызывают постоянный интерес со стороны исследователей. Актуальность темы в настоящее время объясняется реальными задачами успешно реализуемой Программы по возрождению экономики Чеченской Республики. По мере возможности, необходимо учитывать исторически сложившиеся традиции ведения хозяйства, что позволит наиболее продуктивно использовать имеющиеся хозяйственные ресурсы. В данной статье мы попытались показать, какие особенности ведения земледельческого хозяйства были в Чечне в XIX — начале XX века, и как они были связаны с разными природными зонами на сравнительно небольшой территории.

Известные исследователи хозяйственной истории Северного Кавказа (Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, В. М. Шамиладзе, М. О. Османов, М. А. Агларов, А. И. Хасбулатов, С–М. А. Хасиев, Ш. Б. Ахмадов, Я. З. Ахмадов и другие) сходятся во мнении, что земледелие издревле было основной и ведущей отраслью хозяйства в равнинной зоне. В высокогорной и горной зоне отдаётся предпочтение скотоводству, что связано со сложным ландшафтом местности и скудными пахотными угодьями. В пользу такого суждения авторы приводят весомые факты, включая археологические (Крупнов, Морковин, Козенкова, Багаев). Вышесказанное вовсе не указывает на однородность хозяйственной деятельности, продиктованной региональными особенностями, речь идёт лишь о преобладании одной формы над другой. В то же время, исследователи В. М. Шамиладзе[1], О. М. Османов[2] указывают на тесную связь между земледелием и скотоводством. В равнинной земледельческой зоне в стаде, как правило, преобладал рабочий скот, а наличие буйволов и волов в сельском стаде являлось доказательством развитого земледельческого хозяйства[3]. Буйволы и волы являлись бесконкурентной тягловой силой, а буйволицы давали и отличную молочную продукцию. Таким образом, прослеживается прямое подчинение состава сельского стада земледельческому хозяйству. От размера пастбищных площадей (дежийлаш) и покосов (цанаш) зависело и горное животноводство.

С древнейших времен горные чеченцы обрабатывали землю и старались это сделать настолько интенсивно, насколько это было возможно в тех ландшафтных условиях: «строили террасы, использовали каждый удобный клочок земли, пахали, удобряли, убирали сорняки и др. На каменистые уступы гор наносили нередко в мешках землю и превращали их в плодородные участки, создавая таким образом пригодный для земледелия маленький участок пахотной земли. Немудрено, что созданный таким образом земельный участок стоил дорого»[4]. Исследователь Ш. Б. Ахмадов приводит интересные сведения о бытовании в горной и предгорной зоне ещё XVIII-начале XIX века древнейших орудий земледелия — палок-копалок двух видов с утяжелителем и без него, к которым прибегали горцы в случае невозможности обработки плугом слишком кочковатой земли [5]. Н. И Вавилов запечатлел в горном крае «изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами»[6]. М. А. Агларов считает «террасирование полей действительно одно из «чудес света» по грандиозности сооружений и количеству вложенного труда превосходящее многие известные памятники»[7]. С — М. А Хасиев, придерживаясь наиболее правильной типологии, данной М. А. Агларовым[8], выделяет естественные и искусственные террасы, из которых естественные являлись собственностью семей и фамилий, как пахотные земли[9]. В источниках встречается терминологическое разнообразие террас: — *оахаш, терхе, шунаш*[10] *учеш, г1 ойш, ага*[11] — в зависимости от вида террасы, что доказывает высокую культуру террасного земледелия вайнахов (т. е. чеченцев и ингушей — Т. Ш.) В горной зоне прибегали к террасированию горных склонов для создания посевных площадей, что было продиктовано острой нехваткой земельных угодий. Чтобы террасы не разрушались и имели ступенчатую форму с полезной площадью, делали для них подпорные стены. Следы таких террасных участков, как неоспоримые подтверждения земледель-

[1] Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси.1979. С. 215.

[2] Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала. 1996. С. 128.

[3] Там же. С. 129.

[4] Хасбулатов А. И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX века). М. 2006. С. 94.

[5] Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX вв. Грозный. 2002. С. 67.

[6] Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий//Природа. 1936. № 2. С. 80.

[7] Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII- начале XX века. М. 1988. С. 48.

[8] Агларов М. А. Техника сооружения террасовых полей и вопрос об эволюции форм собственности на землю у аварцев по XX в.// УЗИИЯЛ. Т. 13. Махачкала. 1964.

[9] Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. - Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы. 2009. С. 57.

[10] Там же. С. 58.

[11] Хасиев С–М. А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX в. Нальчик. 2004. С. 19.

ческих работ, сохранились до наших дней в высокогорных районах Чечни, в частности, в Итум-Калинском и Галанчожском. Несмотря на такие усилия, в высокогорной и горной зоне заметно ощущался дефицит собственной земледельческой продукции, который они восполняли на рынках в предгорной и равнинной зоне, свободно обменивая на животноводческую продукцию. На чеченской равнине к тому времени сложилось хорошо развитое земледельческое хозяйство с высокой агрокультурой: хлеба хватало не только для внутреннего потребления, но и поставляли в соседние республики. Практиковалась также аренда пахотных участков на равнине. В горах пахотные земли представляли собой небольшие клочки, разбросанные на значительном отдалении друг от друга, в разных местах[1]. Собственного своего хлеба в горах хватало в среднем не более чем на 2–3 месяца[2]. Исключением являлось общество Чеберлой: «Из горных обществ почти все документы выделяют общество Чеберлой, где хватало на пропитание своего хлеба, высевались там пшеница, ячмень, овес и лен для масла»[3]- указывает источник. Информатор рассказывает: «Один «большой человек» (т. е. старик — Т. Ш) поведал мне, что в горах им часто приходилось занимать на определённое время зёрно или муку в небольшой мерке в то время, когда мясо, сыр и масло, во всяком случае, они не занимали никогда. Как-то маленький мальчик по имени Дасов бегал во дворе своего террасного строения, которое являлось одновременно крышей нижнего соседа, а в руках у него были галушка из кукурузной муки и сыр. Увлёкшись игрой, он оттуда упал, а то, что ел, уронил от испуга. Дасов ушибся, заплакал, но всё равно спросил: «А где моя галушка?» Про сыр он и не вспомнил[4].

В восточной части в горной Чечне с пологими горами имела распространение система подсечного земледелия — *«ирзу»*. Несколько лет отвоёвывал крестьянин у природы участок земли, очищая от корней и сора. Подсечное земледелие требовало от земледельца затраты огромного труда и длительного времени. Со времени подсеки до обработки *«ирзу»* плугом требовалось минимум три года[5].

Этнограф С–М. А. Хасиев приводит многообразные орудия труда в полеводстве вайнахов в XIX — нач. XX века. Среди них автор выделяет орудия подсеки, средства высева семян, орудия уборки и средства доставки, орудия веяния и хранения, средства хранения, средства вывоза удобрений, инструменты и средства ирригации[6]. Пахотные орудия соответствовали земледельческим зонам Чеченской Республики (высокогорная, горная, предгорная, с прилегающей равнинной, и степная). Встречаются следующие их виды: 1) яремное пахотное орудие, 2) грядильное 3) тяжелый или передковый плуг, включающий варианты[7]. Разновидные бороны были также приспособлены к земледельческим зонам: 1) волокуша — *мекха»;* 2) борона с поперечной доской — *«у долу мек*-еа»; 3) рамная борона — *«к1 омсара мекха»* (в двух вариантах)[8]. Н. И. Вавилов ещё отмечал, что типы плугов резко отличны в разных странах, и по ним можно отличать даже отдельные земледельческие культуры[9].

Сеяли, как правило, вручную, разбрасывая равномерно зёрна по земле, подготовленной для посева. Это была весьма ответственная работа, требующая большого опыта в земледелии, которую доверяли тем, чьё мастерство уже признано. Мастерством считалось умение разбрасывать зёрна так искусно и ловко, чтобы они ложились на одинаковом расстоянии друг от друга — в один *«лолл»*. Интересно отметить, что этому расстоянию придерживались и при стегании постельных принадлежностей, когда делали на них узелки, — тем самым прослеживается глубокая связь бытовой культуры с культурой земледелия. Сеяльщик обычно работал правой рукой, одновременно придерживая в левой руке широкий мешочек. В других случаях сеяльщик надевал на себя мешочки, напоминающие перемётные сумы, с разной оберегающей вышивкой. Когда заканчивалось зерно с переднего мешочка, он его смещал на спину. При надобности сзади подходил помощник сеяльщика и заполнял второй мешочек. Сеяльщик обычно работал очень внимательно, в одном ритме. Отвлекать его от работы не разрешали, также запрещали следить глазами за его работой, дабы не сглазить работу. В Чечне практиковали и многоярусные посевы. Кукурузу сеяли с фасолью, кроме того, нижний ярус заполняли и тыквой — получалось три яруса. Совмещали картофель и кукурузу.

Для молотьбы зерна служил многогранный тяжёлый каток из камня — «балба» — или массивная молотильная доска — *«эрнеI» («орду не1», «ору не1»*), что означает молотильная шкура) — с кремневыми или железными вставками. Они имели широкое хождение на Кавказе. В музеях Закавказья, в частности, Грузии и Армении, молотильные доски представлены в хорошей сохранности. Одна из них имела длину 2 м. 04 см., а ширина у основания 94 см. постепенно сужалась до 78–55–30 см. и напоминала форму ладони руки с приподнятыми кончиками пальцев.

Отмечая высокий уровень развития земледелия в равнинной Чечне, Б. А. Калоев писал, что земледелие велось, «применяя основные системы полеводства: залежную, подсечную и плодосменную»[10], а по плодородию почвы Чеченская равнина, после Кахетии, считалась лучшим уголком на Кавказе, и являлась житницей Дагестана[11]. Условия для масштабного развития земледелия, не связанного с удовлетворением чисто внутренних потребностей, а наоборот позволяющих производить товарный хлеб, в Чечне появляются со второй половины XVII — XVIII вв[12]. Известны мнения учёных (Агларов, Хасиев), что террасное земледелие не только в Чечне, но и в Дагестане, пришло упадок благодаря плодородной чеченской равнине, которая давала

---

[1] Хасбулатов А. И. Указ. соч. С. 99.

[2] Там же. С. 100

[3] Хасиев С–М. А. Указ. соч. С. 40.

[4] Полевые материалы автора. Чеберлой. 2009 год, июль.

[5] Хасиев С–М. А. Указ. соч. С. 24.

[6] Там же. С. 50–57.

[7] Там же. С. 61.

[8] Там же. С. 67.

[9] Вавилов Н. И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий//Природа, 1936. № 2.

[10] Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.1981.

[11] Хасиев С–М. А. Указ. соч. С. 8.

[12] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 66

сравнительно дешёвый урожай. По мнению Я. З. Ахмадова, с XVI века система земледелия носила консервативный характер и практически без изменений дошла до XX века[1].

В конце XIX века на одного человека в Чечне в среднем приходилось до 20, 4 пуда хлеба. Здесь производилось ежегодно 2, 7 млн. пуда кукурузы, урожайность которой была в 4 раза выше, чем пшеницы. На втором месте стояла озимая пшеница, которую выращивали в среднем ежегодно до 0, 5 млн. пуд. Для собственного потребления хлеба в Чечне было предостаточно. Его продавали многочисленным скупщикам, а те его перепродавали. На базарах и ярмарках чеченский хлеб был бессменным товаром. Хлеб вывозили большими партиями через черноморские порты и по железной дороге. Из Чечни за 15 лет (1898–1913) вывоз хлеба увеличился почти в 4 раза и достиг 6, 1 млн. тонны. Приказчики торговой фирмы Дрейфуса разъезжали по станицам и аулам Чечни, месяцами жили там и закупали кукурузу вагонами, обманывая казаков и чеченцев фальшивою меркою[2].

О значимости земледелия в хозяйственной жизни чеченцев можно судить по аграрным праздникам, наиболее ярким из которых является праздник «выхода плуга», называемый иначе праздник «первой борозды». По свидетельству З. А. Мадаевой, выход плуга разрешали после наступления весеннего равноденствия. Прокладывание первой борозды поручали человеку с хорошей репутацией, трудолюбивому, щедрому и уважаемому в селе. Хорошо откормленных ещё с зимы волов украшали разноцветными амулетами и лентами, а на рог вешали бублики — всё это для того, чтобы их не сглазили. В первую борозду бросали яйца, пироги с творогом, поливали землю сывороткой. Праздник завершали трапеза, конные скачки, игры и вечеринка. Начало весенне-полевых работ отмечали все народы Кавказа, занимавшиеся земледелием[3].

Устное народное творчество знакомит нас с приметами, пословицами, поговорками, песнями, связанными с культурой земледелия чеченцев. К примеру, если начала цвести мушмула, пахоту следует остановить[4]. Среди трудовых песен выделяются песни, исполняемые при пахоте, севе и сенокосе[5].

В настоящее время в Чеченской Республике прилагают много усилий для возрождения лучших традиций, связанных с трудовой деятельностью народа. Примером как раз может служить праздник «первой борозды», который вот уже 2–3 года в Республике отмечают весной.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, чеченцы имели давние навыки ведения земледельческого хозяйства. Отмечая особенности земледелия в Чечне, следует обратить внимание на природные зоны Чечни, которые присутствуют достаточно много на сравнительно небольшой площади Республики. Многообразие орудий полеводства, включая и пахотные орудия, объясняется наличием земледельческих зон, разных по уровню сложности. Интенсивный характер горного животноводства и интенсивный характер равнинного земледелия вовсе не были взаимоисключающими, наоборот, они в разной степени дополняли друг друга. Развитое террасное земледелие в высокогорной Чечне и подсечное земледелие в восточной части горной Чечни являлись следствием нехватки пахотных земель. Земледельческая зона Чеченской равнины была продуктивной и обеспечивала хлебом не только горные районы Чечни, где не хватало собственной зерновой продукции, но и поставляла в значительном количестве хлеб в другие края.

[1] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 56.

[2] История Чечни с древнейших времён до наших дней в двух томах. Т. I. - Грозный, 2008. - С. 586–587, 590–591.

[3] Мадаева З. А. Новое и традиционное в труовых праздниках вайнахов//Новое и традиционное в культуре и быту Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 8–11.

[4] Нохчийн фольклор (Чеченский фольклор). Составитель Джамбеков Ш. Грозный. 1990. С. 214.

[5] Там же. С. 24–25.

Section 4. Study of art

Zemova Elena Alexandrovna
a competitor for the academic degree of candidate of philological Sciences
(chair of publishing and editing)

Елена Александровна Земова,
соискатель ученой степени кандидата филологических наук
(кафедра издательского дела и редактирования)

Phaenomen des futuristischen Buches in gestalterischen Leben Russlands XIX–XX Jh.

Феномен футуристической книги в художественной жизни России рубежа XIX — XX веков

Первым исследователем футуристической книги можно считать Н. Харджиева, участника процесса русского авангарда и товарища главных героев футуризма. Е. Ковтун в своих работах изучал художественный язык русской футуристической литографированной книги. В. Поляков всесторонне рассмотрел издательскую продукцию футуристов, анализируя ее жанрово-типологически и семантически. Поляковым также создан наиболее полный каталог футуристических изданий.

История футуристической книги достаточно исследована, мы же в данной статье воссоздаем по изученным нами источникам становление изданий футуристов. Систематизировав полученные знания, мы самостоятельно сможем обозначить границы и этапы развития, выделить характерные черты футуристической книги.

Как известно, явление футуризма на всех этапах своего развития было связано с издательской деятельностью. С одной стороны, издательская деятельность — массовый процесс, позволяющий донести произведение до большинства читателей. С другой, книга, объединяющая для своего создания автора, художника, печатника, уже сама по себе является носителем идеи, образцом и моделью определенного художественного направления. Таким образом, футуризм имел уникальную возможность реализации своих социальных и эстетических претензий.

Все деятели (Н. Гончарова, М. Ларионов, К. Малевич, О. Розанова и т. д.), причислявшие себя к футуристическому направлению, стали обращаться к книге, к искусству оформления издания, придавая этому большое значение. Футуристическая книга объединила в себе творческие устремления разных представителей авангарда: поэтов, художников, издателей.

Зачинателями в этом деле стала группа молодых поэтов и художников, вошедшая в историю искусства под названием русских кубофутуристов. Но из многочисленных футуристических объединений представители только «Гилеи», «Союза молодежи» и «Ослиного хвоста» связывали свое творчество с кубофутуризмом, и только в эти группировки входили, помимо поэтов, художники и музыканты. В стихах этих авторов действительно была заметна тяга к экспериментированию. Вначале изобразительное решение сборников оставалось достаточно традиционным. Если автор и обращался к художнику, то он видел в нем не соавтора, а иллюстратора. Чаще всего совместная работа заканчивалась выбором иллюстрации на обложку (к примеру, «Флейта Марсия» Б. Лившица, иллюстрация на обложку М. Денисова).

Издания русских кубофутуристов вошли в историю искусства как футуристическая книга. «Если сравнить такие классические образцы футуризма в книге, как «Zang Tumb Tuuum» Маринетти или «Calligrammes» Г. Аполлинера, с работами русских мастеров, то все, что традиционно относится к футуристическим экспериментам в книге — разрушение логической связанности текста, многообразие ритмики строк, использование на пространстве одной страницы разных типов шрифта и т. д. — можно обнаружить и в русской книге» [1]. Но эксперименты не являются ее главной особенностью. Истинное новаторство русских мастеров, по мнению большинства исследователей (Н. Харджиева, Е. Ковтуна, В. Полякова и др.), заключается в отказе от безликого типографского шрифта, в возврате к эмоциональности, свойственной рукописной книге.

Со временем художник и автор сливаются в одном лице, и благодаря литографии становится возможным самостоятельно выполнить книгу от первой до последней страницы. Сейчас можно понять, почему историю книги начала века рассматривают через призму развивавшихся тогда художественных направлений. Впервые за долгое время не литература стала диктовать моду, а живопись.

С точки зрения В. Полякова, русские футуристы многое почерпнули у своих западных коллег. Первый и самый многочисленный поток литературы с Запада был связан с изданиями по теории авангарда. Эти книги являлись прежде всего источником информации, и именно их сначала переводили на русский язык. К 1913 году были переведены труды крупнейших представителей нового искусства — Ф. Маринетти, Э. Бернара, А. Глеза и Ж. Метценже.

Другой вид книг представляют собой переводы поэтических сборников. Это не менее важный круг литературных источников для формирования взгляда на книгу как на новую материю. Знакомство русских с такими книгами вызывало неоднозначную реакцию. Многие обвиняли Запад в формализме, неумении порвать со старым искусством.

Первым изданием, как считают исследователи (В. Марков, В. Поляков, Е. Ковтун), которое действительно отошло от канонов классического понимания книги, стал каталог работ французского художника С. Делоне, выпущенный вместе с Г. Аполлинером. Иллюстрации были наклеены на темно-серую бумагу, которая контрастировала с белой обложкой и желтыми листами, на которых была напечатана поэма Аполлинера «Окна».

«На желтом фоне текст поэмы смотрелся необычайно эффектно. Аполлинер, хотя и набрал его обычным шрифтом, позаботился о масштабном выделении заглавных букв, что, при отсутствии знаков препинания, придавало строчкам определенную „мелодику“» [2].

---

[1] Поляков В. Книги русских кубофутуристов. М.: Гилея, 2007. С. 20.

[2] Там же. С. 78.

Первым изданием, вышедшим за рамки привычного представления о книге, стал сборник «Садок судей», который был издан обществом «Журавлъ». Он уже полностью состоит из стихотворений представителей новой поэзии. «Тексты были напечатаны на обратной стороне обоев, лицевая сторона которых осталась нетронутой и непронумерованной. Произведения набраны без отступа друг от друга, так что не всегда удается понять, новое это произведение или продолжение старого. Впрочем, на полях они обозначены номерами опусов… Использование обоев вызвало некоторые трудности при печати: печатникам то и дело приходилось счищать краску обоев с печатных форм. Давид Бурлюк позднее вспоминал: „Наши прихоти вызывали в типографии массу недовольства“» [1]. Было напечатано триста экземпляров, но поскольку счет за работу не был уплачен, весь тираж, кроме полученных Каменским 20 экземпляров, остался на складе, а потом и вовсе пропал, так что издание стало библиографической редкостью.

Д. Бурлюк и В. Каменский считали «Садок судей» отправной точкой русского футуризма, однако в ретроспективе вряд ли можно говорить о книге как о большом успехе. Невозможно предположить, что напечатанная на обоях книга может вызвать революцию в литературе, тем более, как считает В. Марков, большинство текстов было дилетантским. Но в итоге, поэты, участвовавшие в создании «Садка судей», образовали единую группу, поэтому нельзя не согласиться с Каменским и Бурлюком, что русский футуризм возник в 1909 году, хотя Крученых и Маяковский считали датой рождения 1912, называя «Садок судей» «первой импрессионистической вспышкой футуризма» [2].

Критика (мирискусники во главе с А. Бенуа, В. Брюсов) с непониманием и осуждением отнеслась к этому сборнику. Но сами авторы видели свою идею именно в противопоставлении «Садка судей» традиционному представлению о книге. Все это не помешало стать «Садку судей» «гутенберговской библией русского футуризма» [3].

Е. Гуро и М. Матюшин выступили с предложением об издании второго выпуска «Садка судей». Новый сборник не носил группового характера. К сотрудничеству были приглашены участники «Гилеи» в полном составе: братья Бурлюки, В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Н. Гончарова, М. Ларионов.

Группа «Гилея» объявила о своем существовании в конце 1912 года, но уже за несколько месяцев до этого ведущие футуристы активно участвовали в диспутах по вопросам современного искусства. Такие дискуссии нередко сопровождались скандалами и создавали атмосферу, в которой расцветал литературный футуризм.

Идейным вдохновителем и организатором группы «Гилея», как известно, был Д. Бурлюк. В его лице соединились поэт, художник и издатель. Творческая деятельность Бурлюка способствовала формированию образа печатной футуристической книги. Особое внимание в его изданиях уделялось обложке. Как правило, она была неизобразительна и содержала лишь набранное крупным шрифтом название (часто довольно вызывающее, типа «Дохлая луна» или «Затычка»), которое свободно располагалось на пустой странице. Не считая обложки, художественное решение сборников отличалось абсолютным аскетизмом. Иллюстрации полностью отсутствовали. Однако это не помешало футуристам заявить о себе словом.

При подготовке следующих книг Д. Бурлюк стал все чаще использовать рисунки. Он решил обратиться к типу книги, который был популярен в Европе: текстовый кодекс, между страницами которого помещались оригинальные гравюры, сделанные специально известными художниками.

Традиционно считается, что вершина в истории печатной футуристической книги принадлежит пятиугольной книге В. Каменского «Танго с коровами». В нее включены поэмы двух типов: первые продолжают эксперименты с типографским набором; вторые — заменяют какое-либо яркое визуальное впечатление, по возможности символы этого текста должны передать динамику происходящего явления.

Нужно помнить, что хотя поэмы Каменского и изобразительны, в них не используется привычный изобразительный материал: в наборе только типографские знаки. Такие опыты представляли некий предел развития футуристической книги, так как, соединяя в себе поэтические, живописные, типографские приемы, книга могла потерять собственную природу.

Несмотря на приобретенный русскими футуристами опыт из заграницы, есть и то, что действительно поражало воображение западных авангардистов, в частности «отца футуризма» Маринетти, и что принесло славу русской книге. Это — самописные издания.

Отличие таких книг заключалось в отказе от безликого типографского набора. В результате устранялось промежуточное звено между автором и читателем. Книга возвращалась к своим истокам. Н. Бурлюк был одним из самых ярых сторонников «самописных» изданий: «Поэтическое слово чувственно. Оно соответственно меняет свои качества в зависимости от того — написано ли оно, или напечатано, или мысленно. Иные слова никогда нельзя печатать, так как для них нужен почерк автора» [4].

«Разрабатывая тип рукописной книги, футуристы в известной мере опирались на наследие прошлого, рукописные книги средних веков. Так Н. Бурлюк в своих «Поэтических началах» ссылается на труды Н. Ф. Федорова, исследовавшего на материале средневековых книг эстетическое значение письмен. Русский философ отмечал образную выразительность почерка, способного зримо, в рисунке букв и строк, передать переживание и духовное состояние писавшего» [5].

Практически все самописные книги выполнены в технике литографии. Она помогала автору создать концептуально единый стиль издания и передать самобытность человеческого почерка. Литография могла быть выполнена на камне или специальной автографской бумаге. Литографский карандаш реагировал на малейшее изменение нажима, отражая все нюансы письма. С помощью литографии решилось две проблемы — авторский почерк и тиражность.

Первые книги, выполненные в технике литографии («Старинная любовь», «Мирсконца», «Игра в аду») вышли в октябре — декабре 1912 года. По мнению Е. Ковтуна, эти книги, своим полукустарным характером, диковинной внешностью, поставили в тупик эстетов из «Мира искусства», не разглядевших в них ничего, кроме издевки над здравым смыслом.

---

[1] Марков В. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 25.

[2] Там же. С. 29.

[3] Поляков В. Книги русских кубофутуристов. М.: Гилея, 2007. С. 234.

[4] Литературные манифесты: от символизма до «октября»/сост. И. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Аграф, 2001. С. 132.

[5] Ковтун Е. Русская футуристическая книга. М.: Книга, 1989. С. 79.

Бесспорно, что в задачи авторов входили эпатаж аудитории, разрушение шаблонов и стереотипов. По мнению футуристов, роскошные издания холодны, в них нет жизни — вот откуда дешевая бумага, небрежность, нарочито примитивные иллюстрации в их изданиях.

В работе художника над книгой-автографом все меньше чувствуется связь с западными традициями и все больше видна отсылка к архаике, к культуре Византии, Востока, Океании (что прекрасно исследовано в работах В. Маркова). Русские футуристы могли черпать вдохновение и в национальной традиции, народном творчестве. И если итальянцы во главе с Маринетти порывали с прошлым и восславляли культ машины и города, то в русских самописных футуристических книгах отчетливо прослеживаются импульсы от крестьянского искусства, фольклора, лубка.

Поклонниками таких книг были А. Крученых (инициатор создания литографированных изданий), Н. Гончарова, М. Ларионов. Именно они явились создателями первых самописных футуристических книг.

«Подчеркнуто «кустарная» внешность этих книг была принципиальным ответом на эстетские издания, украшенные стилизованной графикой «Мира исскуства». Задача иллюстраций Ларионова и Гончаровой — разъяснение поэтического произведения не литературными, а живописными средствами. Именно этим и объясняется обращение художников к литографской технике — ее специфические особенности не стесняли свободы чисто живописных решений» [1].

Самые известные рукописные книги — «Старинная любовь», «Помада», «Полуживой», «Игра в аду», «Деревянные идолы».

Очень декоративным выглядит оформление «Помады»: малиновая обложка с черной иллюстрацией, страницы из золотой фольги, на которые наклеены изображения, выполненные Ларионовым в стилистике примитива. «Помада» — характерный образец книжки-лубка, в которой иллюстрации были раскрашены вручную.

Одной из первых работ Н. Гончаровой над изданием стала поэма А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду». Уже здесь прослеживаются основные черты гончаровского рисунка — энергия, резкость, грубоватость. Эта книга, по признанию самой художницы, не была удачной, так как не удалось слить воедино рисунок и текст; также была допущена ошибка при печати (рисунки были помещены не справа от текста, а у корешка).

Интересен опыт обращения к древнерусской рукописной книге. Эта работа П. Филонова к знаменитому приложению «Изборника» В. Хлебникова «Деревянные идолы». Жуткие по своей семантике образы вырастают из церковных росписей, каменных изваяний, деревянных игрушек.

На заключительном этапе развития самописной футуристической книги выделяется новое имя художника — О. Розанова. В ее технике принципы авторского почерка получили дальнейшее развитие.

Наиболее плодовитым получилось ее сотрудничество с А. Крученых. Если первая книга «Бух лесинный» не была удачна (ее упрекали за подражание Н. Гончаровой), то дальнейшее творчество вызывало восхищение современников-авангардистов. Но последующая деятельность Розановой установила предел книги как вида искусства — все глубже становится процесс отделения иллюстраций от текста, и визуальная часть перевешивает литературную, рисунок живет собственной жизнью.

К началу 1920-х годов весь футуристический бум в книгоиздании сходит на нет. Авангардные тексты приобретают иную «обложку». На смену всем футуристическим экспериментам приходит более сдержанное, но не менее авторское оформление — конструктивизм.

Таким образом, воссоздав по источникам историю русской футуристической книги, мы можем сформулировать ее отличительные черты и выделить этапы развития.

Зародившись в 1909 году, футуристическая книга просуществовала до 1916 года, когда книжное творчество О. Розановой поставило предел в экспериментах с книгой. Очевидно, можно выделить три этапа в развитии изданий футуристов:

1. 1909–1911. Зарождение футуризма. Время громогласных манифестов и пробы пера поэтов-футуристов в журналах. Первые книжицы, напечатанные в знак протеста на дешевой бумаге, обоях, мешковине. Зарождение группы «Гилея».

2. 1912–1914. «Расцвет» футуристических изданий, возникновение литографированной книги, книг самописьма. Использование различных техник: литография, гектография, линогравюра, творческая типографика. Сотрудничество «гилейцев» с «Бубновым валетом» и «Ослиным хвостом».

3. 1915–1916. Этап связан с именем О. Розановой. После эмиграции М. Ларионова и Н. Гончаровой именно она стала оформлять большинство изданий. Ее работа поставила под сомнение родовые признаки книги как вида искусства.

Чуть больше пяти лет существовал этот феномен. Только в такой обстановке, проникнутой идеей зарождения нового вида искусства, где царил дух бунтарства, он мог появиться. По своей сути футуристическая книга, на наш взгляд, — может быть понята как новый вид искусства, подобно музыке, скульптуре, живописи. Это не просто иллюстрации и текст, или типографский набор. Футуристическая книга являет собой полнейшее слияние литературной и художественной стороны; текст в единстве с иллюстрациями, иллюстрации в единстве и равенстве с текстом (если же книга не литографированная, а типографская, то игра со шрифтами, размером, расположением — продолжение текста. В некоторых случаях, например в «железобетонных» поэмах Каменского, текст без особого набора вообще не существует). Важнейшая особенность футуристической книги — звуковая сторона, поэтому у футуристов была установка на звук, выражающаяся в графических элементах. Литография и творческая типографика текста позволяли устранить элементы книжности, перед нами будто выступает сам автор, делая акценты на нужных моментах.

Список литературы:

1. Грыгар М. Знакотворчество: семиотика русского авангарда. — Спб. — Академический проект; ДНК. — 2007.
2. Кандинский В. Содержание и форма [Электронный ресурс]//Наше наследие. 1996. № 37. URL//http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/1996–37.php
3. Ковтун Е. Русская футуристическая книга. –М. — Книга. — 1989.
4. Литературные манифесты: от символизма до «октября»/сост. И. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. — М. — Аграф. — 2001.
5. Марков В. История русского футуризма. — СПб. — Алетейя — 2000.

[1] Харджиев Н. Статьи об авангарде: в 2-х т. М.: RA, 1997. Т. 1. С. 220.

6. Поляков В. Книги русских кубофутуристов. — М. — Гилея — 2007.
7. Харджиев Н. Статьи об авангарде: в 2-х т. — М. — RA. — 1997. Т. 1.

Karas Ganna Vasilievna
PreCarpathian Vasyl Stefanyk National University (Ukraine) Professor of the Choral Conducting Department
Candidate of Pedagogy, Associate Professor

Карась Анна Васильевна, Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника (Украина), профессор кафедры хорового дирижирования

Ukrainian singers on Germany's opera stages: integration and communication aspects

Украинские певцы на оперных сценах Германии: интеграционно-коммуникативные аспекты

Современные интеграционно-комуникативные процессы украинской национальной и других идентичностей создают широкие возможности для взаимодействия украинских музыкантов-исполнителей с музыкальными культурами народов мира. Взаимодействие музыкальных культур, субьектами которой выступают народы, нации, этнические группы, является процессом исторически продолжительным, спонтанно самоорганизованным. Исполнительская деятельность певцов выражается двумя формами диалога: диалог исполнителя с музыкальным произведением (вербальным текстом), диалог исполнителя со слушателями. Поскольку обе формы диалога взаимозависимы и обуславливают друг друга мы получаем розвернутый и внутренне насыщенный полилог. О. Котляревская, рассматривая феномен «диалога» в культурологическом контексте, обращает внимание на авторский «перевод» или даже на двойную авторскую интерпретацию: личное мироощущение — философско-эстетическая концепция — произвдение[1]. Впишем в этот процес фигуру оперного певца. Вступая в диалог с музыкальным произведением, он, имея личное мироощущение, сформированное культурной средой, образованием, выстраивает личную философско-эстетическую концепцию, которая корелируется требованиями режисера-постановщика оперного спектакля, традициями исполнения в данной стране, театре, исполняет-интерпретирует его как личное творение. Таким образом, певец становится соавтором произведения. Можна классифицировать эту форму диалога как микроуровень.

Однако для завершенности этого процесса необходима реализация созданного. И здесь осуществляется вторая форма диалога: исполнитель — слушатель. Рассматривая художественные процессы сквозь призму концепций герменевтики, семиотики, обратимся к понятиям «информация», «рефлексия», «текст», которые являются составными так называемого «непрерывно-коммуникативного процесса» (по терминологии классика феноменологической социологии А. Шюца), организующей силой которого считается именно диалог. О. Котляревская предлагает следующею схему этого процесса: информация является необходимым условием рефлексии, то есть необходимым фактором для активизации процессов осмысления и осознания; как результат этой рефлексии возникает коммуникативно направленный текст, который рассматривается в широком обще-философском смысле; как особенная форма передачи информации, которая может быть выражена с помощью любой знаковой системы или систем, и не обязательно вербально. «Именно эта позиция «передачи <…> и требует особенного внимания к реципиенту, потому что в противном случае текст может быть или невосприятым вообще, или воспринятым неадекватно, что, как правило, приводит к нарушениям ситуации диалога (результат общения «на разных языках»). Иными словами, можна сказать, что информацию надо передавать в доступной для собеседника семантической системе»[2]. Оперный певец на этом этапе вступает в диалог на макроуровне одновременно с несколькими реципиентами — дирижером, певцами-коллегами по сцене, оркестром, хором и слушателями. Взаимодействие с такими разными составляющими завершающего этапа диалога требует от исполнителя высокого профессионализма, владения мгновенной реакцией на информацию соучасников диалога, знания местной культурной среды, ментальных особенностей коллег-исполнителей и публики. Намного труднее комуницировать исполнителю в иноэтнической, инокультурной среде, которая вносит свои коррективы в процессы диалога-полилога. В. Антонюк считает, что «традиции украинской вокальной школы носят характер открытой системы, способной интегрировать в себе достижения профессионального вокального искусства национальных вокальных школ мирового культурного универсума»[3].

XX век создал много феноменов, одним из которых является массовая миграция населения. Украинцы разных профессий, в том числе музыканты, принимали в этом процессе активное участие, создав крупнейшую диаспору мира. Одной из стран, где они активно интегрировались в культурное пространство, была Германия.

В начале XX века, не имея национальных музыкальных учебных заведений и оперных театров, украиские певцы обучались в странах Европы или России. Одними из первых представителей немецкой вокальной школы были Е. Гушалевич и М. Менцинский.

Известный оперный певец (драматический тенор) **Евгений Гушалевич** (1864–1907) вокальное образование получил сначала во Львовской (польской) консерватории в классе В. Высоцкого, а дальше постигал эстетику германской вокальной школы у профессора Й. Генсбахера в Венской консерватории (1888–1890) и «Театрально-эстрадной студии» в Вене.

[1] Котляревська О. Феномен «діалогу» в культурологічному контексті (до проблеми визначення)/О. Котляревська// Культурологічні проблеми української музики: наукові дискурси пам'яті академіка І. Ф. Ляшенка. [= Науковий вісник НМАУ ім. П. І. Чайковського, 16]. – Київ, 2002. – С. 124.

[2] Там же. – С. 125.

[3] Антонюк В. Українська вокальна школа: етнокультурний аспект: монографія/Валентина Антонюк. – К.: Українська ідея, 1999. – С. 76.

Успешно дебютировав в партии Рауля в «Гугенотах» Д. Мейербера на сцене Братиславской оперы (1891), Е. Гушалевич становится солистом Прешбурзской (1891–1892), Аахенской (1892–1893), Берлинской (1893–1894) опер, театра Кролля в Берлине (1894–1895). Также певец выступал на оперных сценах Дюссельдорфа, Дрездена. Заболев, в 1904 году певец оставил сцену.

За короткое время выступлений на оперной сцене (1891–1904) Е. Гушалевич создал неповторимые образы в операх Р. Вагнера (Тангейзер, Лоэнгрин, Эрик — «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Летучий Голландец»), Дж. Верди (Радамес, Манрико — «Аида», «Травиата»), Р. Леонкавалло (Канио — «Паяцы»), П. Масканьи (Туридду — «Сельская честь»), Д. Мейербера (Рауль, Пророк, Васко да Гама — «Гугеноты», «Пророк», «Африканка»), Дж. Россини (Арнольд — «Вильгельм Телль»), Л. ван Бетховена (Флорестан — «Фиделио»). Однако, в первую очередь он прославился как блестящий исполнитель вагнеровских и мейерберовских опер. Певец владел голосом редкосной красоты, сили и гибкости, безграничного диапазона металлического тембра, пел на немецком, итальянском и польском языках. Искусство Е. Гушалевича отличалось первоклассной дикцией, блестящей фразировкой, чистой интонацией и драматическим талантом.

Героический тенор **Модест Менцинский (**1875–1935**)**, получив вокальное образование в консерватории Франкфурта-на-Майне в классе прославленного профессора Юлиуса Штокгаузена (1899–1901) и дебютировав на сцене Франкфуртской оперы (1901), с первых выступлений завоевал мировую славу. «Kleine Press» (19 октября 1901 г.) писала об успешном дебюте украинского певца: «Его выступление было очень удачным […]. У г. Менцинского — прекрасная вокальная школа, от природы он одарен чудесным голосом. Сейчас очень редко можна услышать певца, который так искусстно владел бы им»[1]. М. Менцинский стал ведущим певцом лучших театров Европы — Лондона, Вены, Копенгагена, Амстердама и др. С большым успехом М. Менцинский выступал на оперных сценах Германии. Он был солистом оперы Франкфурта-на Майне (с 1901), Эльберфельдской оперы (1901–1904), оперного театра в Карлсруэ (провинция Баден, 1903–1904), Кёльнской оперы (1909–1925), выступал во всех большых городах Германии. Начав творческую карьеру во Франкфурте, М. Менцинский утвердился в Эльберфельде. Характеризуя исполнение певцом роли Зигфрида, «General Anzeiger» (10 апреля 1904) писала, что театр имеет «тенора, вокальные качества которого являются абсолютно достаточными для интерпретации сложных героических партий»[2]. Успешные выступления М. Менцинского в Кёльнской опере — одним из лучших и наиболее престижных театров Европы того времени, дали возможность исполнять теноровые партии прежде всего в операх Р. Вагнера и подписать контракт на шестнадцать лет, что являлось в то время аболютно уникальным фактом. В Германии, как и во всей Европе, певца называли непревзойденным вагнеристом. Работа Кёльнской опере давала ему возможность часто брать участие в вагнеровских спектаклях и фестивалях. В репертуаре М. Менцинского были не только все оперы Р. Вагнера, но еще несколько десятков шедевров мировой оперной классики — всего около шестидесяти. Известный немецкий критик того времени Роберт Адами в статье о М. Менцинском (журнал «Bühne und Welt», № XV, январь 1913 г.) писал, что «нехватка хороших героических теноров на немецких оперных сценах является настоящей трагедией», а потому Кёльн может гордиться таким солистом как М. Менцинский. Это «певец, который вкладывает в игру и пение всю свою душу и сердце, умеет глубоко проникать в замысел поэта и композитора и всегда на уровне наивисших требований воодушевленно стремится розвязать самые трудные задачи искусства»[3].

Певец был любимцем немецкой элиты. Его считали одним из лучших классических исполнителей произведений Р. Вагнера. М. Менцинский пел главные партии в одинадцати его операх. Более шестнадцати лет он был украшением Кёльнской оперы, как первый героический тенор. Даже бытывало мнение: «Хватит, не надо новых! Дай нам дюжину других на его место — все равно они не заменят Менцинского»[4]. За высокий профессионализм в июле 1906 г. певец был награжден орденом Швеции — «Большой медалью за литературу и искусство», которую ему лично вручал король Оскар II, а также орденом Вазы.

О творчестве артиста писала европейская пресса[5], высоко оценивая талант певца. Так, «Hamburger Fremdenblatt» (27 октября 1910 г.) писала: «Его голос — это сумма разнообразных, каких-то таинственных тембральных красок, он широкий по диапазону, сильный и звонкий. Артист владеет высокой вокальной и артистической культурой, создает проникновенные, убеждающие образы…»[6]. Критика называла М. Менцинского «Geborener Cammersänger» (урожденным камерным певцом). Он первым среди украинцев был удостоен титула Камерного певца (Cammersänger)[7].

М. Менцинский, как высокообразованная личность (владел семью языками, увлекался историей, философией, психологией, этикой и эстетикой, литературой), прежде чем виучить ту или иную роль, интересовался историей, стилем написания и эпохой создания оперы.

Полистилистическая направленность исполнительства М. Менцинского была одной из тех черт, которая выделяла певна среди оперных мастеров его времени. «С легкостью он переключался на исполение украинских песен и романсов по окончании оперных спектаклей западноевропейских композиторов; без трудностей совмещал разностилевой репертуар в сольных концертных программах, что считается более сложным, чем их построение по принципу монографичности, присущей большинству певцов»[8]. У певца была привычка в конце оперных спектаклей, выходя на многочисленные просьбы публики, петь свои любимые романсы украинских композиторов или украинские народные песни, тем самым придавая унифицированной

[1] Модест Менцинський: Спогади. Матеріали. Листування/[Авт.-упор. М. Головащенко]. – К. : Рада, 1995. – С. 104.

[2] Там же. – С. 115.

[3] Там же. – 144, 146.

[4] Там же. – С. 215.

[5] Детальнее критику на выступления М. Менцинского и отдельные статьи о его творчестве см. : Модест Менцинський : Спогади. Матеріали. Листування/авт.-упор. М. Головащенко. – К. : Рада, 1995. – С. 102–238.

[6] Там же. – С. 185.

[7] Вторым был О. Руснак, третьей и пока-что единственной среди женщин-украинок была Ира Маланюк, четвертым – Л. Мацюк.

[8] Антонюк В. Українська вокальна школа: етнокультурний аспект: монографія/Валентина Антонюк. – 2-ге вид. перероб. і доп. – К.: Українська ідея, 2001. – С. 38.

оперной традиции черт концертно-камерных «вечеров песен»[1]. Ксати, ни до, ни после него никто не практиковал этого, что позволяет судить об уникальности такого эксперимента, продолжительностью в целую жизнь артиста.

Репертуар певца насчитывал более 50 опер, в которых певец исполнял ведущие партии. Таким образом, М. Менцинский в течении четверти века был ведущим певцом оперных сцен Германии.

В период между Первой и Второй мировыми войнами известными в Германии оперными певцами-украинцами были бас-баритон Александр Носалевич (1874–1959), тенора Орест Руснак (1895–1960), Роман Любинецкий (1885–1945) и другие.

Александр Носалевич — двоюродный брат М. Менцинского, вокальное образование с отличием получил в Венской консерватории (1895–1899; класс Й. Генсбахера и Г. Росса), совершенствовал мастерство у Ф. Гварино в Милане. Дебютировал певец в 1898 году в «*Volksopera*» в Вене. Дебют был успешным и в течении тридцати лет А. Носалевич був ведущим солистом оперных театров Европи: 1899–1900 — Штутгарта, 1901–1902 — Альтенбурга, 1902–1903 — Гамбурга, 1903–1905 — Кенигсберга, 1905–1908 — Нюрнберга, 1908–1920 — Вены, 1914–1919 — Праги, 1920–1932 — Висбадена, в 1938 г. пел в Неаполитанской опере.

А. Носалевич владел сильным голосом широкого диапазона, красивого тембра. Среди партий певца: Мефистофель («Фауст» Ш. Гуно), Рокко («Фиделио» Л. ван Бетховена), Фигаро, Лепорелло («Свадьба Фигаро», «Дон Жуан» В. А. Моцарта), Эскамильйо («Кармен» Ж. Бизе), Погнер, Даланд, Герман, Хаген, Гурнеманц, Хундинг, Генрих Птицелов («Нюренбергские мейстерзингеры», «Летучий Голландец», «Тангейзер», «Гибель богов», «Парсифаль», «Валькирия», «Лоэнгрин» Р. Вагнера), Пимен («Борис Годунов» М. Мусоргского), Плюмкет («Марта» Ф. Флотова), Кецал («Проданная невеста» Б. Сметаны).

А. Носалевич гастролировал на многих оперных сценах Западной Европы, в Висбадене содержал приватную школу пения.

Творческий путь оперного певца и педагога **Романа Любинецкого** после окончания вокального образования в Венской музыкальной академии (1909–1914) сложился успешно. На заключительном концерте выпускников академии его лирико-драматический тенор, высокая музикальная культура и красивая внешность привлекла внимание не только публики, но и импресарио. Один из них пригласил Р. Любинецкого солистом в Дрезденскую оперу (1914–1915). Успешные выступления на немецкой сцене обусловили его приглашение в Краковскую оперу в Польше (1917–1918). С 1918 г. Р. Любинецкий — первый тенор государственной оперы в Загребе. Именно в Хорватии певец завоевал большую славу и популярность. «Его исполнение главных оперных партий, его теплый тембр лирико-драматического голоса, прекрасная мужская внешность, большая музыкальность, вокальная культура притягивали любителей оперного пения»[2]. Работая солистом Загребской оперы (1918–1929), Р. Любинецкий осуществил ряд гастролей городами Европы (Гамбург, Дрезден, Вена, Прага), выступал в главных городах Польшы. С каждым годом репертуар певца росширялся, и практически не было главных теноровых партий, которых не исполнял бы Р. Любинецкий. При этом он демонстрировал большую музыкальность, красоту, лиричность своего голоса, особенно в средних регистрах. Певец имел прекрасную музыкальную критику, о нем писали различные европейские газеты, им восхищались и уважали.

Известный украинский певец (лирический тенор) **Орест Руснак,** который умер и похоронен в Мюнхене, оставил свой яркий след в оперном искусстве Германии. Окончив консерваторию в Праге (1923, кл. проф. Э. Фукса), О. Руснак совершенствовал мастерство в Милане (маэстро Лари, 1925), Берлине (проф. Штрикгольд, 1927/28). По рекомендации своего педагога, проф. Э. Фукса, О. Руснак работает в Кенигсберзской опере (1924–1926), где дебютировал в роли Рудольфа в опере «Богема» Дж. Пуччини (1924), и уже с первых выступлений завоевал немецкую публику. Позже он был солистом Хемницкой (1926–1928), Штеттенской (1926–1927), Берлинской (1930–1931) и Баварской Государственной в Мюнхене (1931–1938) опер, гастролировал в Линце, Дрездене, Лейпциге и др., с 1938 года выступал с концертами в Германии, Австрии, Канаде, США. В 1930-е годы, когда в Германии наступил период национал-социализма и время рассовой нетерпимости, руководство Баварской оперы поставило перед певцом требование — подобрать себе сценическое имя с немецким звучанием. Руснак должен был согласиться и в театральных афишах и публикациях появилось имя «Рудольф Герлах» (фамилия жены певца)[3]. Именно опера в Мюнхене стала «местом самого большого и найболее длительного блеска искусстного пения Руснака, наилучших его успехов, и лично, может, самых лучших дней его жизни»[4]. Мюнхенская профессиональная музыкальная критика наилучшим образом писала о его голосе, технике и игре, называя Руснака непревзойденным мастером в высоких тонах, певца широкого и глибокого голосового диапазона и необычайной легкости владения голосом. Действительно, О. Руснак владел голосом редкой красоты тембра и широты диапазона, ровным во всех регистрах, прекрасной вокальной техникой, пел на немецком, итальянском, французском и чешском языках. Среди оперных партий певца: Йонтек («Галька» С. Монюшко), Герцог, Манрико, Ричард, Радамес («Риголетто», «Трубадур», «Бал-маскарад», «Аида» Дж. Верди), Рудольф, Каварадосси («Богема», «Тоска» Дж. Пуччини), Лионель («Марта» Ф. Флотова), Рауль («Гугеноты» Д. Мейербера), Арнольд («Вильгельм Телль» Дж. Россини), Неморино, Эдгар («Любовный напиток», «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти).

В 1937 г. О. Руснак удостоен особенного отличия за свое искусство пения — он получил от Театральной Палаты Рейха почетный титул «Cammersänger». Но для Руснака как иностранца, атмосфера гитлеровского расизма была тяжелой. Певец всю свою жизнь прожил в Германии в статусе иностранца и в итоге постоянных переживаний, заболел сердцем. В 1937 г. он покинул постоянную работу в Мюнхенской опере, занимался концертной деятельностью. Правда, в 1939 г. О. Руснак брал участие в спектаклях Баварской государственной оперы и, как отмечали музыкальные критики, «его звезда не только не потускнела, а наоборот, блестит еще ярче, наш одаренный певец, симпатичный тенор, полон тепла и блиска и владеет майстерски своим чудным голосом»[5].

---

[1] Модест Менцинський: Спогади. Матеріали. Листування/авт.-упор. М. Головащенко. – К.: Рада, 1995. – С. 217.

[2] Коритко Р. Роман Любинецький – український оперний співак/Роман Коритко//Рогатинська земля: історія та сучасність: матеріали другої наук. конф., Рогатин, 26–27 березня 1999/відп. ред. Я. Малик. – Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2001. – С. 65.

[3] Орест Руснак. Життєвий шлях: збірник для вшанування пам'яті видатного оперного співака незабутнього земляка.– Нью-Йорк: Центр. Об'єднання буковинських українців у ЗСА, 1971. – С. 57.

[4] Там же. – С. 58.

[5] Dr. Wilhelm Zentner: Staatsoper. Rudolf Gerlach singt in Rigoletto//Münchener Zuitung vom 24.05. 1939. Цыт. по: Орест Руснак. Життєвий шлях: зб. для вшанування пам'яті видатного оперного співака незабутнього земляка.– Нью-Йорк: Центр. Об'єднання буковинських українців у ЗСА, 1971. – С. 61.

После войны О. Руснак вел в Мюнхене школу пения, где обучались украинцы и немцы, в т. ч. Этбауер, Шульц и др. Его пение записывала берлинская фирма «Электрола». Отдельные записи О. Руснака сделаны в сопровождении оркестра Государственной оперы в Берлине под руководством Фрица Цвайга, оркестра Городской Оперы в Берлине под руководством А. Землинского и В. Бушкиффера. Таким образом, хотя О. Руснак сделал большой вклад в развитие оперного дела в Германии в сложное время, преградой его еще более яркой реализации стал фашистский режим.

После окончания Второй мировой войны круг оперных певцов-украинцев в Германии расширился. **Петр Болехивский-Боян** (1910–1995) был арестован гестапо в 1943 г. в Украине, вывезен в концлагерь Аушвиц (Германия), где его чудом спас от гибели американский врач. В 1946–1948 гг. он совершенствовал вокальное мастерство в Мюнхенской консерватории под руководством О. Руснака, в 1948–1949 был солистом Мюнхенской оперы.

Оперная деяльность тенора **Любомира Мацюка** (1918–1991) проходила на разных континентах мира[1]. Получив вокальное образование в Высшем музыкальном институте им. Н. Лысенко во Львове (1936–1939; кл. О. Бандривской), он совершествовал свое мастерство в консерваториях Берлина и Вены. А начинал певец свою артистическую деятельность в Германии в Лейпцизском оперном театре «Dreilieden» (1944)

Формирование оперного певца **Мирослава Скала-Старицкого** (1909–1969) состоялось еще до войны во Львове — в Высшем музыкальном институте им. Н. Лысенко (кл. проф. Л. Улуховой) и на сцене оперного театра. Вокальное мастерство певец совершенствовал в Вене (с 1942 г.), а творческую деятельность за рубежом начинает в театре «*Pfalz Opera*» в Кайзерслаутерне (Западная Германия, 1943–1944 гг.) С 1943 г. М. Старицкий выступал на оперных сценах Вены («Volksoper», 1945–1947), становится членом Венской оперы (с 1945 г., тогда же гастролировал в Зальцбурге (зал «Моцартеум»), Линце, Инсбруке, Бремене и др.), на сценах Лейпцига, Праги, Брно, Парижа, Барселоны и Мадрида. Именно в это время певец выбирает себе сценический псевдоним **Миро Скаля**. Собственный метод пения, по его словам, он базировал на методе выдающегося украинского певца известного в Европе — Александра Мышуги[2], который особое внимание обращал на роль слова в воспитании певцов.

В 1949–1959 гг. Миро Скала выступал в оперных театрах Франции («Opera Comique» в Париже; Лилля, Бордо), Бельгии (Брюссельский «Theatre Royal de La Monnaie»), Швейцарии (Цюрих), США (Сан-Франциско). В 1951 г. М. Скала-Старицкий стал первым исполнителем роли князя Игоря в неизвествой опере Ж. Бизе «Иван IV» (Большой театр г. Бордо), что способствовало большой популярности певца. Его имя было напечатано по всех партитурах этой оперы, которая позже выставлялась в Германии, Швейцарии, Англии.

В оперном репертуаре певца было более 40 партий. Среди них: Индийский гость, Всеволод («Садко», «Сказание о невидимом граде Китеже» Н. Римского-Корсакова), Самозванец («Борис Годунов» М. Мусоргского), Ленский («Евгений Онегин» П. Чайковского), Шенье («Андре Шенье» У. Джордано), Фауст, Ромео («Фауст», «Ромео и Джульетта» Ш. Гуно), Герцог, Альфред, Гальваро, Исмаел («Риголетто», «Травиата», «Сила судьбы», «Набукко» Дж. Верди), Каварадосси, Рудольф, Пинкертон, де Грие («Тоска», «Богема», «Чио-Чио-Сан», «Манон» Дж. Пуччини), Надир («Искатели жемчуга» Ж. Бизе), Туридду («Сельская честь» П. Масканьи), Эрик («Летучий Голландец» Р. Вагнера). Его исполнительское мастерство неизменно вызывало самую высокую оценку ведущих музыкальных критиков разных стран мира. М. Старицкий пел на семи языках в тридцати оперных театрах пятнадцати стран Европы, Америки и Африки.

Самой выдающейся украинской оперной певицей (меццо-сопрано) в послевоенный период была всемирно известная **Ира Маланюк** (1919–2009)[3]. С Германией связана ее триумфальная карьера. Вокальное образование она получила приватно: сначала в Адама Дидура, Лидии Улуховой во Львове (1937–1939), потом у бывшей вагнеровской певицы, проф. Анны Бар-Мильденбург в Вене (1944), совершенствовала мастерство в Моцартеуме (Зальцбург, 1945). И. Маланюк в течении тридцати лет была солисткой оперных театров Львова (1940–1944), Граца (1945–1947), Цюриха (1947–1952), Мюнхена (1952–1970), Вены (1956–1974). С большым успехом певица выступала на оперных сценах Милана («La Skala»), Рима, Неаполя, Флоренции, Венеции, Палермо, Парижа («*Grand Opera*»), Лондона («Covent Garden»), Брюсселя («Theatre Royal de La Monnaie»), Берлина, Висбадена, Кёльна, Гамбурга, Штутгарта, Мадрида, Барселоны, Амстердама, Буэнос-Айреса («Colon») и др.

Ира Маланюк начинала петь за рубежом на вагнеровских (Байройт, 1951–1953), моцартовских (Зальцбург), мюнхенских фестивалях оперного искусства. Следует отметить, что фестивали музыки Р. Вагнера в послевоенные годы были началом новой волны в развитии фестивального движения. На Вагнеровском фестивале 1951 г., где И. Мланюк пела по приглашению братьев Виланда и Вольфганга Вагнеров, украинская певица спасла оперу «Золото Рейна» под руководством Герберта фон Караяна, за три часа выучив незнакомую ей партию Фрики и заменив заболевшую коллегу. Триумфальное выступление И. Маланюк, ставшие залогом ее продолжительного сотрудничества с великим дирижером в дальшейшем, в прямой трансляции радио услышали в Австралии, Бельгии, Дании, Голландии, Финляндии, Франции, Италии, Австрии, Швеции, Германии[4]. Наградой за смелый шаг были положительные слова критики: «… она с уверенностью справилась со своей задачей, публика приветвовала ее овациями», так писала «Münchener Abendzeitung»[5]. С этого момента началась мировая слава примадонны.

И. Маланюк успешно выступала на следующих фестивалях в Байройте в 1952– 1954 гг., а сотрудничество с Виландом Вагнером привело певицу к большым успехам. В его инсценизации «Тристан и Изольда» под управлением Караяна И. Маланюк увидела полмира. В партии Бренгене, которая вошла в ранг самых любимых, она выступала в гастрольных спектаклях на сценах разных стран, начиная с Голландии и до Севернной Америки. Фестивального лета 1953 г. в Байройте и позже И. Маланюк исполняла сложные произведения известного современного композитора Пауля Хиндемита под управленим автора.

---

[1] Ковальова О. Галицький співак Любомир Мацюк: незнані сторінки творчості /Оксана Ковальова//Просценіум. – Львів, 2008. – № 1– 2 (20–21). – С. 145–149.

[2] Скала-Старицький М. Моя метода співу/М. Скала-Старицький//Свобода. – Нью-Йорк, 1966. – 21 лип., ч. 133.

[3] Malanjuk I. Stimme des Nerzens: Autobiographie einer Sängerin/Geletwort M. Mödl/Ira Malanjuk. – Wien: Ibera, 1998. – 255 S.

[4] Маланюк І. Голос серця: автобіографія співачки /Іра Маланюк. – Львів: Collegium musicum Львів. т-ва Р. Ваґнера, 2001. – С. 130–132.

[5] Там же. – С. 132.

Достигнуви наивысшего уровня своего исполнительского мастерства, И. Маланюк продолжительное время (1952–1970) была примадонной Мюнхенской оперы, исполняя ведущие оперные партии, а в 1957 г. была удостоена высшего звания в ФРГ — «Cammersängerin», позже такого же звания она была удостоена в Венской опере (1973).

В начале 1950-х годов, когда Баварская государственная опера переживала кардинальные изменения, И. Маланюк брала активное участие в новых постановках: «Арабелла» Р. Штрауса, «Орфей» Глюка, операх Дж. Верди, В. Моцарта, Р. Вагнера, под руководством прославленных дирижеров В. Фуртвенглера, Г. Кнаппертсбуша и др. Певица выступала на открытии в 1963 г. отстроенного Национального театра в Мюнхене в опере Генделя «Юлий Цезарь». Вершиной гастрольных выступлений И. Маланюк в ведущих театрах Германии в конце 1955 г. стала «Кармен» Ж. Бизе в Штутгарте рядом с прославленным Марио дель Монако. Певица в течении многих лет совмещала работу одновременно в Мюнхенской и Венской операх.

Ира Маланюк была известной исполнительницей главных партий в операх В. А. Моцарта, Р. Вагнера, Р. Штрауса. Среди них: Марфа, Марина («Хованщина», «Борис Годунов» М. Мусоргского), Кармен (одноименная опера Ж. Бизе), Орфей («Орфей» К. Глюка), Амнерис, Азучена («Аида», «Трубадур» Дж. Верди), Дорабелла, Керубино («Так поступают все», «Свадьба Фигаро» В. А. Моцарта), Изольда, Бренгена, Фрика, Магдалена («Тристан и Изольда», «Золото Рейна», «Валькирия», « Нюрнбергские мейстерзингеры» Р. Вагнера), Октавиан («Кавалер роз» Р. Штрауса) и др.

Певица исполняла сложные партии в ораториях, мессах и больших вокально-инструментальных произведениях (более пятидесяти) И. С. Баха, Г. Ф. Телемана, И. Гайдна, Г. Ф. Генделя, В. А. Моцарта, Л. ван Бетховена, Дж. Верди, Ф. Мендельсона, А. Брукнера, И. Брамса, Г. Малера, И. Стравинского, П. Хиндемита и др. Певица владела редкостным по силе и красе тембра голосом широкого диапазона, ровным во всех регистрах, была блестящей исполнительницей вагнеровского репертуара. Исследовательница жизни и творчества Иры Маланюк Стефания Павлышин так характеризирует певицу: «Мастерство и интуитивность, богатство и разнообразие использовавшихся средств, чудный неповторимый тембр голоса, его неимоверно широкий диапазон и гибкость, такая же шкала динамики, наконец, редчайший талант драматической и комедийной артистки создали явление, которое никогда в одной личности не встречается»[1].

Ира Маланюк пела под рукой великих дирижеров Вильгельма Фуртверглера, Герберта фон Караяна, Димитри Митропульоса, Бруно Вальтера, Ханса Кнаппертсбуша, Пауля Захера, композитора и дирижера Пауля Хиндемита и др. Ее партнерами по сцене были ведущие певцы Марио дель Монако, Джузеппе ди Стефано, Рената Тибальди, Этторе Бастианини и др.

Певица оставила богатую дискограффию: оперные спектакли, отдельные арии, кантаты, записанные с лучшими симфоническими оркестрами Германии под руководством ведущих дирижеров Караяна, Е. Йохума, Ф. Маршалека, Й. Кайльберта, Х. Донаныи, К. Ределя[2]. Таким образом, развитие оперного искусства в Германии в 1950–1970-х гг. тесно связано с украинской певицей Ирой Маланюк.

Активное участие укринских певцов в интеграционно-коммуникативных процессах музыкальной культуры Германии XX века обеспечивалось не только их личными качествами, в том числе музыкальными, но и постижением эстетики немецкой вокальной школы, полистилистической направленностью исполнительства, высоким профессионализмом, владением мгновенной реакцией на информацию соучасников диалога, знаниям местной культурной среды, ментальных особенностей коллег-исполнителей и публики. Только высокообразованные личности, которыми были лучшые представители украинской вокальной школы, могли на равных взаимодействовать в диалоге культур, тем самым завоевав симпатии публики и личный успех.

Olga Lisa Monde
Ph.D, The Lee Strasberg Theatre & Film Institute, New-York City

A Literary Work as the Basis for Creation of Script and Libretto for a Musical

From the very beginning creators of musicals understood the fact that they have to look for ideas for writing scripts and librettos among literary works. The turning point in the development of both the musical and the relationship of music and drama in this kind of music and drama art became the creative work of composer Kurt Weill[3]. He understood the exceptional importance of literary basis for the quality of libretto, which allowed him to create such masterpieces as *Lady in the Dark*, *Street Scene*, *Lost in the Stars*, *Love Life*, *The Threepenny Opera*, *One Touch of Venus* and other works, scenarios of which were based on literary works both known and unknown to the broad public**.** Due to this composer, such notion as "a concept musical" appeared in the musical theatre. In the concept musical drama and music exist on equal terms. In addition, the works of Kurt Weill for musical theatre marked a radical change in the attitude to musicals as a "light" genre: he opposed the musical to the musical comedy, having created "musical tragedies" and the "concept musical"[4].

Having a great need for high-quality librettos, composers, writing scores for their musicals, tried to find stories on the pages of books. This can be seen in the works of such great masters, who worked for the American musical theatre, as Jerome Kern, Irving Berlin, Cole Porter, George Gershwin, Richard Rodgers, Leonard Bernstein, Stephen Sondheim, Jerry Herman, Stephen Schwartz and others. Thus, the most famous creative tandem that ever worked for the musical theatre, R. Rogers and O. Hammerstein II, have always adhered to the rule to take a literary work as a basis of musical[5].

---

[1] Павлишин С. Історія однієї кар'єри/Стефанія Павлишин. – Львів: «Вільна Україна», 1994. – С. 85.

[2] Дискография певицы подана С. Павлышин. См.: Павлишин С. Історія однієї кар'єри/Стефанія Павлишин. – Львів: «Вільна Україна», 1994. – С. 104 –106.

[3] Monde O.-L. The Role of Kurt Weill in the Development of Musical Theatre: «the American Opera» or «the concept musical»?//Art Pedagogy: electronic scientific journal. - No1, 2011, URL:http://www.art-education.ru/AE-magazine/new-magazine-1–2011.htm.

[4] The Cambridge Companion to the Musical//Second Edition, ed. By W. A. Everett & P. R. Laird. Cambridge University Press 2002, 2008. – 412 p.

[5] Sears, A. The Coming of the musical play: Rogers and Hammerstein./The Cambridge companion of the Musical/ed. By A. Everett & P. R. Larid. – 2nd edn. Cambridge University Press, 2008, p. 147–164.

History of the musical as a genre numbers several crucial points. Works that are considered to be "transitional" include the following musicals: *Show Boat*, *Oklahoma!*, *West Side Story*, *The Phantom of the Opera*, *Jesus Christ Superstar*, and *Wicked*. The appearance of each of the above-mentioned productions marked the initiation or consolidation of a new variety of the genre. Thus, with the *Show Boat* began a motion towards transformation of musical comedy into musical drama; the musical *Oklahoma!* became the embodiment of the birth of Golden Age musical drama, and the appearance of the *West Side Story* affirmed its formation. The legendary *The Phantom of the Opera* represented a new kind of musical, a pop-opera, and *Jesus Christ Superstar* became the standard of a classical rock opera or a rock musical[1],5. Not only these, but also the majority of other most successful musicals, the number of performances of which constitutes a thousand or more, are based on literary works[2].

Having analyzed the great part of musicals, based on literary works, we have identified several possible forms of the use of primary sources:

I — stage adaptation

II — a book based on a literary work

III — modernization

IV — borrowing characters from literature, biblical scenes, folk epos and mythology.

Among the most famous stage adaptations we can name such musicals as *My Fair Lady*, *The Sounds of Music*, *The Phantom of the Opera*, *Les Miserables*, *Evita*, *La Cage aux Folles*, *Notre-Dame de Paris*, *Romeo and Juliette*, *Rebecca* and others.

Speaking of this form of use of literary works, it should be noted that they were processed on the basis of the objectives set and opportunities of those means of expression that were available to the musical genre at the time of staging. As a rule to reductions and adaptations. The basis of the storyline, the characters, time period and place of action remained virtually unchanged.

Musicals, "based on literary works", include: *Man of La Mancha*, *The Children of Eden*, *Cats*, *South Pacific*, *Miss Saigon*, *Starlight Express*, *Lestat*, *The Woman in White*, *Wicked* and many others. From the above listed works these shows are distinguished by the fact that the writers used only main ideas and/or some fragments of published literary works. We can single out the following ways of the use of literary works in this case: development of the basic idea with substantial transformation of the storyline; change of the basic idea with preservation of fragments of the storyline and/or characters; consolidation or merging of several works or their parts; the selective use of separate fragments of the literary work.

Attempts to "modernize" literary works in order to use them in the creation of musicals were made more than once. Some of the most prominent that should be mentioned are *Kiss Me Kate* and *West Side Story*, which are 'converted' Shakespeare's tragedies *The Taming of the Shrew* and *Romeo and Juliet*, respectively. The idea of transferring biblical and mystical characters from the past to the present is also not strange to musicals. In this case the original story can be either carefully preserved, or essentially converted. The general idea is to change the time and the place of action. Such approach is used in musicals *Godspell*, *Joseph and The Amazing Technicolor Dreamcoat* and *Jesus Christ Superstar* — famous works of S. Schwartz and A. L. Webber, based on biblical subjects. A Czech musical *Dracula. The Legend Returns* (*Dracula. Legenda se vraci*), in which the main plot is borrowed from the B. Stoker's novel *Dracula*, can serve as an example of the "modernization" of mystical characters. However, the authors significantly improved its plot and expanded both the geography of Dracula's search for his beloved and the time frame of the story[3].

As an example of using characters from the literary works when creating the libretto we want to name here St. Sondheim's musical *Into the Woods*, based on well-known fairy tales. To this category we can also attribute musicals, using the archetype of a vampire[4].

Thus, the use of various forms of prosaic and poetic works for creation of new productions in the genre of musical theatre has become quite common starting from the mid-twentieth century. The form of such use may vary and be represented as: the unmodified plot for staging; a story, based on a literary work; a usage of well-known fairy-tale characters, mystical and mythological heroes, as well as transformations of the plot at the expense of its development and changes of time and place for the sake of the action. In our works we attribute these forms to four variants, analyzing them in detail with examples of various musicals[5].

The use of a literary work as the basis for libretto is inherited by musical from opera. Modern creators of musicals, if they have not found a literary work deserving their attention, closely monitor works receiving recognition at annual literary contests, which, in turn, gives them most promising prospects.

Interpenetration of literary and musical creative work in case of the musical can be considered a phenomenon: a dramaturgical framework obtained from a literary source, with which the librettist begins to work, should be matched with the musical idea of the composer to result in a synthesis leading to the birth of a new musical and theatrical work that meets requirements of the modern audience. Working with the literary source, the librettist, who also has to be a playwright, lays, together with the composer, the way to the musical solution peculiar to the work. It seems to us that the task of studying the interpenetration of music and text in musical theatre is a system and lies at the junction of such areas of scientific knowledge as librettology, philology, literary studies, musicology and theatre studies.

References:

1. Monde O.-L. Musical Theatre: Genres And Vocal Styles.//Social Science/Social Sciences: the all-Russian scientific journal. M.: MII Science, 2010, No 6, pp. 95–101.

[1] Monde O.-L. Musical Theatre: Genres And Vocal Styles.//Social Science/Social Sciences: the all-Russian scientific journal. M.: MII Science, 2010, No 6, pp. 95–101.

[2] Monde O.-L. The value of the Literary Basis of the Libretto for Creation of the Musical as the Work of Musical and Dramatic Art//The Home and Foreign Literature in the Context of Studies of the Problems of Linguistics. Book 5.: Monograph. - Krasnodar.: ANO "Center of Social and Political Research "Premier", 2012, pp. 3–23.

[3] Monde O.-L. Dracula in the Musical: Evolution of the Image.//J. Issues of Cultural Studies, ID: Panorama, 2011, No 12, pp. 63–68.

[4] Monde O.-L. Stephen Sondheim: The Singer of Outsiders in the Musical. Part II./J. Musicology, No 11, 2011, pp.19–26.

[5] Monde O.-L. The value of the Literary Basis of the Libretto for Creation of the Musical as the Work of Musical and Dramatic Art//The Home and Foreign Literature in the Context of Studies of the Problems of Linguistics. Book 5.: Monograph. - Krasnodar.: ANO "Center of Social and Political Research "Premier", 2012, pp. 3–23.

2. Monde O.-L. The Role of Kurt Weill in the Development of Musical Theatre: «the American Opera» or «the concept musical»?//Art Pedagogy: electronic scientific journal. — No1, 2011, URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/new-magazine-1–2011.htm.
3. Monde O.-L. Stephen Sondheim: The Singer of Outsiders in the Musical. Part II./J. Musicology, No 11, 2011, pp.19–26.
4. Monde O.-L. Dracula in the Musical: Evolution of the Image.//J. Issues of Cultural Studies, ID: Panorama, 2011, No 12, pp. 63–68.
5. Monde O.-L. The value of the Literary Basis of the Libretto for Creation of the Musical as the Work of Musical and Dramatic Art//The Home and Foreign Literature in the Context of Studies of the Problems of Linguistics. Book 5.: Monograph. — Krasnodar.: ANO "Center of Social and Political Research "Premier", 2012, pp. 3–23.
6. Sears, A. The Coming of the musical play: Rogers and Hammerstein./The Cambridge companion of the Musical/ed. By A. Everett & P. R. Larid. — 2nd edn. Cambridge University Press, 2008, p. 147–164.
7. The Cambridge Companion to the Musical//Second Edition, ed. By W. A. Everett & P. R. Laird. Cambridge University Press 2002, 2008. — 412 p.

Obukh Lyidmyla Vasiliy
PreCarpathian Vasyl Stefanyk National University (Ukraine),
graduate student of Institute of arts

Обух Людмила Васильевна,
Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника, Украина,
аспирант Института искусств

Child's musical formation of the Ukrainian diaspore in post-war Germanium as a factor of maintainance of national identity

Детское музыкальное образование украинской диаспоры в послевоенной Германии как фактор сохранения национальной идентичности

Самоопределение личности в национальном контексте, осознание собственной причастности к определенной нации и ее системы ценностей: языка, религии, этических норм, культурного наследия и т. д. определяет понятие национальной идентичности, становление которой, как составляющей концепции личности, подчиняется определенным закономерностям и проходит ряд фаз в своем развитии. Ее пробуждение происходит в детском возрасте под влиянием семейной среды, друзей, знакомых, сверстников. Позже в этот процесс включаются другие ячейки социализации — дошкольные учреждения, школа, внешкольные учреждения, вуз и т. д.. Под влиянием указанных изменений, новым содержанием наполняется «Я-образ» личности, в котором все больший вес приобретают национальные составляющие. Дальнейшие изменения национальной идентичности являются уже не столько ее формированием, сколько трансформацией, которая зависит от социально-политических, экономических и других факторов[1]. Несмотря на различные жизненные обстоятельства, музыка всегда была необходимым условием жизнедеятельности человека. Именно поэтому музыкальное образование занимало одно из основных мест в развитии гармоничной, национально-сознательной личности, в том числе в условиях эмиграции.

Формой организованного музыкального образования украинцев-эмигрантов после Второй мировой войны были детские музыкальные школы в лагерях ДП (перемещенные лица, из англ. — D. P. — Displaced Person). В это время в трёх зонах Западной Германии были созданные лагеря, где проживало большое количество украинцев, официально называемых «перемещенными лицами». Лагеря, по мнению исследователей, несмотря на относительно короткий отрезок времени и неадекватные условия жизни, стали центрами общественной, политической и культурной активности эмигрантов. Одними из самых больших лагерей в американской оккупационной зоне на территории Баварии (Германия) были лагеря в Миттенвальде (1945–1951 гг.), где в мае 1947 года насчитывались больше трех тысяч украинцев, и Регенсбурге (1945–1949) — до 15 тысяч[2]. В них развивалась музыкальная жизнь и образование.

В августе 1945 года в лагерях начался первый послевоенный учебный год. Поскольку рядом со взрослыми на чужбине очутилось большое количество детей, одними из первых были проблемы их образования, в том числе музыкального. 15 июня 1946 года в Миттенвальде открылась музыкальная школа под руководством профессора Львовской консерватории им. М. Лысенко, композитора, музыковеда, доктора Зеновия Л сько, которая просуществовала до конца 1949 года. Того же года (1 апреля) была создана музыкальная школа в Регенсбурге (директор — профессор, преподаватель по классу скрипки и теории музыки Иван Повалячек). Одну из музыкальных лагерных школ (в Берхтесгадене) с 1946 по 1950 гг. возглавлял профессор Роман Савицкий — украинский пианист-виртуоз, педагог, музыкальный общественный деятель, критик, композитор, основатель, первый директор, а затем инспектор Украинского музыкального института (УМИ) в США (1952–1959).

Учебно-педагогический процесс заведений строился по образцу музыкальных школ Галичины, которые открылись в начале XX века при обществах «Боян» и как филиалы Высшего музыкального института им. М. Лысенко во Львове, где преподаватели по классу фортепиано последовательно отстаивали принципы профессионального пианизма.

Педагогическая методика в галицких музыкальных школах была направлена на широкое ознакомление учеников с музыкальной литературой разных эпох и стилей: изучали произведения композиторов от Иоганна Себастьяна Баха, классиков,

[1] Гелнер Е. Нації та націоналізм. Національна ідентичність: хрестоматія/упоряд. Т. Воропай. – Харків: Крок, 2002. – 316 с.; Сміт Ентоні Д. Національна ідентичність – К.: Основи, 1994. – 390 с.

[2] Карась Г. Особливості розвитку музичної освіти українців в умовах переходових таборів Європи після Другої світової війни// Мистецтвознавчі записки: зб. наук. праць. – К.: Міленіум, 2007. – Вип. 11. – С. 15–18.

романтиков, до музыки XX века, украинскую музыку, в частности произведения Станислава Людкевича, Василия Барвинского, Нестора Нижанкивского и других композиторов. В заключение каждого полугодия в филиалах Высшего музыкального института им. М. Лисенко проходили экзамены и концерты учеников, программы которых свидетельствовали, что украинские педагоги в своей методике опирались на западноевропейские пианистические принципы.

Хотя по утверждениям профессоров Романа Савицкого и Ивана Повалячека, музыкальная школа в Миттенвальде относительно талантливости ученического состава и отличной организации труда безусловно была на первом месте среди музыкальных школ всей украинской эмиграции в Германии, неопровержимым был факт труда преподавателей и учеников в темных, холодных и влажных подвалах. Именно поэтому помещение школы считалось неблагоприятным для занятий и было наихудшим среди аналогичных заведений.

Высококвалифицированный учительский состав насчитывал 12 педагогов в Миттенвальде, семь из них (Л. Горницкий, С. Дзядив, Л. Брикович, И. Заячкивская-Гаврилюк, О. Гладкив, Л. Сольчак, Оемшрайбер) учили игры на фортепиано и 5 педагогов в Регенсбурге, где трое (М. Повалячек-Вирщук, И. Нанасси, И. Костинюк) были преподавателями по классу фортепиано[1]. Интересной была педагогическая деятельность Любомира Горницкого (1927–1970) — выпускника Мюнхенской музыкальной академии (1950), концертирующего пианиста, в репертуаре которого были произведения украинских (В. Барвинского, В. Косенко, Л. Ревуцкого), русских (С. Прокофьева), западноевропейских (И. С. Баха, Г. Генделя, В. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шопена, Р. Шумана, И. Брамса, Ф. Листа и др.) композиторов. Его деятельность базировалась на собственном, так называемом «психосемантическом» методе (до сих пор не изданом). С 1950 года (после закрытия музыкальной школы в Миттенвальде) Л. Горницкий с успехом концертировал в Лондоне, Мюнхене, Париже, а также в странах Африки. В 1958 году он осуществил концертное турне Испанией, выступая также солистом симфонических оркестров в Мадриде, Париже, Нью-Йорке. Педагогическую деятельность музыкант продолжил в 1950-х годах, где учил игры на фортепиано в приватних студиях в Германии, потом в Мадриде (1954–1964). С 1965 Л. Горницкий преподавал в университете Лонг-Айленда, а также в Украинском музыкальном институте в Нью-Йорке.

В музыкальной школе лагеря Миттенвальд действовало три отделения: фортепианное, скрипичное и вокальное. Инструментальные отделения имели три степени — низший, средний и более высокий, каждый из которых длился четыре года, так что учеба была спланирована на двенадцать лет. С конца 1947 года здесь насчитывалось свыше ста учеников. Больше всего учеников (в 1946 г.) имело фортепианное отделение (53). Среди талантливых учеников выделялись Любовь Терлецкая, Святослав Трофименко, Орест Попович, Мария Кохановская, Кира Стеценко — племянница известного украинского композитора Кирилла Стеценко, которая в дальнейшем стала профессиональным музыкантом в Америке[2].

Для оценки общественностью работы школы и адаптации детей к сцене и публике каждый семестр практиковались, как и в Галичине, публичные выступления как форма отчетности воспитанников, программы которой свидетельствуют о разных уровнях сложности. В основном доминировал средний уровень.

Проанализировав программы выступления учеников за три года (с 1946 по 1948 гг.), мы пришли к выводу, что в учебном процессе педагоги ставили акцент на западноевропейской методике преподавания, которая базировалась на польской (Шопеновская методика) и чешской (с добавлением немецкого академизма) пианистических школах, что было присуще развитию пианизма в Галичине. Например, принципы шопеновского пианизма нашли продолжение и развитие в фортепианной педагогике Кароля Микули — концертирующего пианиста, начавшого во второй половине XIX века профессиональный этап развития галицкой фортепианной культуры. Его в 1858 г. Галицкое музыкальное общество во Львове пригласило на должность директора.

Произведения Ф. Шопена, как и произведения многих композиторов-чехов, также занимали значительное место в репертуаре чешского пианиста, а впоследствии (с 1898 г.) ведущего профессора фортепиано во Львовской консерватории Вилема Курца. С его педагогикой связанно появление и расцвет украинского профессионального пианизма в Галичине, ведь среди его учеников были такие известные фигуры, как В. Барвинский, Р. Савицкий, Н. Нижанковский.

Фортепианно-педагогические принципы В. Барвинского, как представителя молодого украинского фортепианного искусства, базировались на объединении традиций К. Микули и В. Курца. В то же время его ученики, в числе которых четыре года был Р. Савицкий, систематически работали над изучением фортепианных произведений украинских композиторов, углубляя ощущение национально своеобразной интонации, понимания фольклорных основ и украинского характера[3].

Принципы школы Курца — Барвинского отражены в методической работе Р. Савицкого «Основные принципы фортепианной педагогики», написанию которой, на наш взгляд, способствовал большой педагогический опыт работы в музыкальной лагерной школе в Берхтесгадене. Этой работой, созданной в период организации учебно-воспитательного процесса УМИ в США (1954–1955), Р. Савицкий подитожил педагогические принципы своих учителей В. Курца и В. Барвинского по организации пианистического аппарата, стилевом исполнительстве т. д. Он был увлечен идеей поставить музыкальное образование украинских детей в диаспоре на уровень мировых стандартов, что соответственно отразилось на его методической работе, предназначенной для преподавателей УМИ Америки. «Основы» имеют сугубо практическую направленность как пособие для учителей фортепиано в младших классах, в котором общедидактический материал чередуется со специальными фортепианно-методическими рекомендациями. Текстовый материал написано простым и доступным языком, изложение которого подано логично и лаконично. Названия крупных разделов указывают на вполне конкретные проблемы, в них рассматриваются, и одновременно достаточно прозрачно освещаются группировки этих разделов по нескольким основным направлениям: введение и краткий обзор общих проблем фортепианной методики; дидактические принципы учителя фортепиано; работа над фортепианной техникой. Как отмечает музыковед Н. Кашкадамова, во время написания Р. Савицким пособия практически не существовало украинской методической литературы в области фортепианного обучения не только в США, но и на Украине.

---

[1] Реґенгсбург. Статті – спогади – документи. До історії української еміграції в Німеччині після другої світової війни. 1945–1949. – Нью-Йорк – Париж – Сідней – Торонто, 1985. – 684 с.

[2] Міттенвальд 1946–1951. З нагоди 50 ліття Таборів Українських Біженців в Міттенвальді, Німеччина. – Воррен, Мічіган (США), 2001. – 753 с.

[3] Кашкадамова Н. Фортепіанне мистецтво у Львові: Статті. Рецензії. Матеріали. – Тернопіль: СМП «Астон», 2001. – 400 с.

По своему содержанию и направленности эта работа не дублировала ни одного из распространенных на украинской земле русскоязычных пособий. Источниками ее сам автор называл свой многолетний педагогический опыт и изучение лучших образцов иноязычной методической литературы. Среди сформулированых Р. Савицким требований в издании находим понятие самокретичности, педантичности и самообладания ученика при изучении музыкального материала. При этом четко происходит кристаллизация методов личностно-ориентированного учебного процесса. Именно эта работа стала первым методико-педагогическим пособием по фортепианной педагогике в диаспоре.

Среди наиболее распространенных произведений учебных программ в музыкальних школах лагерей ДП были: Соната D-dur Л. Бетховена, «Песня без слов» Ф. Мендельсона, «Кукла» и «Больная кукла» из «Детского альбома» П. Чайковского, «Мечты» Г. Шумана, «Разлука» А. Гречанинова, «Наше солнышко» и «Жук и жучиха» В. Барвинского, «Сиротка» и «В садике» С. Майкапара, Рондо D-dur и Концерт A-dur В. А. Моцарта, «Вечерняя песня» И. Брамса, Полонез A-dur Ф. Шопена, «Ирландская песня» Дамма, «Песня прялки», «Ласточка», «Арабеска» и «Кавалькада» Бюргмюллера. Хотя преобладал конструктивный материал (этюды Баера, Бюргмюллера, Дамма, Германа), все же изучались произведения как русских (П. Чайковского, А. Гречанинова, В. Мясковского, С. Майкапара), так и украинских, композиторов (В. Косенко, М. Лысенко, М. Гайворонского, Я. Лопатинского, В. Барвинского), а также западноевропейские классические образцы (М. Клементи, Д. Кулау, И. С. Баха, И. Гайдна, В. А. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Мендельсона, И. Брамса).

Похожие подходы в отборе фортепианного репертуара можем проследить в галицких музыкальных школах, что подтверждает тезис о сохранении в эмиграции западноукраинских образовательных традиций. А также они могли быть предопределены еще и тем обстоятельством, что эмигрируя, педагоги захватили с собой тот нотный материал, которым пользовались на родине.

Интересным было оценивание, которое происходило в четырех направлениях (продвижение, способность, бдительность, поведення) по соответствующим критерям (выдающийся, длительный, образцовый; очень хороший, удовлетворительный; хороший, достаточный; недостаточный), причем оценку способности и «выдающееся» продвижение можно было давать только ученикам высшего курса[1]. По окончанию учебного года ученикам выдавались двуязычные (на украинском и немецком языках) свидетельства.

Таким образом, существование украинских музыкальных школ в лагерях ДП в Европе после Второй мировой войны обеспечивало: непрерывность развития детского музыкального образования, в частности фортепианного, которое базировалось на наработках галицкой музыкальной школы, в основе которой стояли западноевропейские пианистичиские принципы (Шопен — Микули — Курц — Барвинский — Савицкий); сохранение западноевропейских и западноукраинских фортепианных традиций, интеграцию этих традиций (благодаря выступлениям учеников перед представителями других национальностей, прессе) в западноевропейское культурное пространство; а также способствовало осознанию национальной идентичности (в частности через исполнение произведений украинских композиторов). Именно так происходил процесс отождествления, уподобления себя с определенной нацией, где в условиях лагерей у детей появлялось субъективное ощущение принадлежности к украинскому сообществу, принятия его групповых норм и ценностей.

Frolova Nadezhda,
The Russian University of Theatre Arts (GITIS), producer department,
five-year student

Фролова Надежда Леоновна,
Российский университет театрального искусства (ГИТИС), студентка 5 курса

The dialogue of actor's theatre and public: Sarah Bernard and Eleonora Duse's tours on the Russian stage

Диалог актерского театра и публики: гастроли Сары Бернар и Элеоноры Дузе на русской сцене

В театре известны два вида успеха: успех у критики и у публики, причем принято считать, что второй неизбежно влечет за собой высокий кассовый сбор, так как «публика голосует ногами». В статье рассматриваются закономерные исключения из этого правила и дается объяснение их закономерности на примере гастролей в России двух всемирно известных трагических актрис — Сары Бернар и Элеоноры Дузе. Анализ проводится по данным первых приездов артисток в Россию: Сары Бернар в 1881 году и Элеоноры Дузе в 1891–92 годах.

Сара Бернар посетила Россию в 1881 году, играя как в Москве, так и Санкт-Петербурге. Прежде всего, стоит отметить, что, по свидетельствам современников, ее приезду предшествовала активная рекламная кампания, состоявшая не только из донесения до публики положительных отзывов зарубежной критики, но и из рассказов в печати о самой личности знаменитой артистки — выпускались специальные биографические материалы, написанные в эмоционально-сентиментальной манере, продавались фотографии актрисы. А. П. Чехов, отрицательно воспринявший Сару Бернар, язвительно отмечал, что на сцене «Сара Бернар далеко не похожа на ту Сару Бернар, которую мы видели на продающихся у Аванцо и Доциаро карточках. На карточках она как будто бы свежее и авантажнее»[2]. В биографических очерках, издававшихся у нас к приезду С. Бернар, рассказывалось не только о ее творческой судьбе, но и о приключениях, случавшихся с нею во время путешествий.

---

[1] Міттенвальд 1946–1951. З нагоди 50 ліття Таборів Українських Біженців в Міттенвальді, Німеччина. –Воррен, Мічіган (США), 2001. – С. 685.

[2] Чехов А. П. Полное собр.соч.: В 30-и т. – М.: Наука, 1987. Т. 16. Опять о Саре Бернар.– С. 14.

Как писала С. Бернар в своих мемуарах[1], у нее была патологическая тяга к экстремальным переживаниям, благодаря чему с ней происходило много экстраординарных случаев, поддерживавших ее имидж романтической героини. Однако нас интересуют на сами эти случаи, а то, что каждый из них подавался артисткой как факт уникальной биографии. Самоменеджмент Сары Бернар основывался на утверждении исключительности ее судьбы (что во многом, конечно, правда), на том, что Сара — женщина нереальная, не из обыденной буржуазной действительности, одним словом, актриса выбрала себе рекламное «амплуа» супергероини, живущей фантастической жизнью, которую другие никогда не смогут прожить.

Бесконечные истории о том, что Сара Бернар спит в гробу, что она выставляет свои скульптуры и картины на выставках, что она «летела на поезде сквозь горящий лес, сражалась с индейцами и тиграми и т. п.»[2], играли огромную роль в растущей популярности Бернар, и в Россию она приехала уже не просто как артистка, но как «мировая достопримечательность».

Имело ли здесь место формирование кумира из драматической актрисы, подкрепленное рекламой и СМИ, или же русская публика просто любопытствовала?

П. Д. Боборыкин в статье «Сара Бернар и русский театр» пишет: «Петербург после какой-то бешеной погони за местами на абонементы Сары Бернар встретил ее сухо и холодно»[3]. Здесь же автор отмечает, что чуть ли не половина публики осталась недовольна ею, но при этом отрицательные отзывы практически не проникли в печать.

Действительно, отрицательные отзывы на игру Сары Бернар можно найти только в собраниях сочинений знаменитых ее современников (у Тургенева, Чехова, Суворина и др.), но показательно также и то, что положительные отзывы найти оказалось еще труднее.

Многие рецензенты писали о холодности, манерности игры Бернар, об ориентации ее на внешние эффекты, о том, что артистка не проживала на сцене свою роль, а только очень эффектно, по-французски, умела ее преподнести.

Корреспондент «Газеты А. Гатцука» М. Н. Р[4]. подчеркивал нарочитость приемов Бернар, не заставляющих публику сопереживать ей: «В трех виденных мною драмах С. Бернар выходит из себя от гнева, доходит до высших пределов негодования, горя, отчаяния, душевных и физических страданий, умирает от трех разных причин, <…> и ни разу ни у кого из зрителей не дрогнуло сердце, не замер дух, по крайней мере, я ни на чьих глазах не видал слез, ни на чьем лице не заметил волнения — все, очевидно, оставались при полнейшем сознании, что все это «нарочно». <…> Задача истинного, художественного реализма совершенно иная. Этой-то задачи и не сумела выполнить С. Бернар, при всем своем умении так умирать на сцене, что гадко становится. Вследствие всего этого я считаю себя вправе сказать, что она превосходно выученная, но не высокоталантливая актриса. Ее слава незаслуженная, раздутая беззастенчивою рекламою. Талант у нее, несомненно, есть и — недюжинный, выучка огромная, — нет у нее творчества; в этом вся и беда».

Однако остановимся подробнее на гастролях Серы Бернар в Москве. Представления давались в течение 12 дней (с 26 ноября по 7 декабря) в Большом театре, причем 1, 4 и 6 декабря спектакли шли дважды в день — в час дня и в восемь часов вечера[5]. Репертуар великой трагической актрисы оказался скорее мелодраматическим: «Дама с камелиями» А. Дюма-сына, «Фру-фру», комедия в 5-ти действиях Мельяка и Галеви, «Адриенна Лекуврер» Э. Скриба, «Сфинкс» О. Фелье, все спектакли шли на французском языке, подыгрывала Саре Бернар весьма посредственная труппа[6].

«Начиная с оркестра и кончая райком, роится, лепится и мелькает такая масса всевозможных голов, плеч, рук, что вы невольно спрашиваете себя: «Неужели в России так много людей? Батюшки!»… Театр был переполнен медведями, которые так же хорошо говорят по-французски, как и сама Сара Бернар… Публики, аплодирующей г. Музилю за то, что тот «говорит смешно», на представлениях Сары Бернар не имеется; на эти представления ей ходить незачем; для нее интереснее смотреть клоуна Танти, чем Сару Бернар… Одним словом, мы видели публику, которой угодить очень трудно, публику самую взыскательную. Немудрено, если она не падает в обморок в то время, когда Сара Бернар за минуту до смерти энергичнейшими конвульсиями дает публике знать, что она сейчас умрет», — вот что отмечает А. Чехов в фельетоне «Опять о Саре Бернар»[7]. По описанию Чехова попробуем представить примерный социальный портрет зрителя, покупавшего билеты на спектакли Сары Бернар. Если верить писателю, то, во-первых, этот человек очень хорошо владел французским языком, следовательно, обучался ему с детства, а значит — это дворянин или отпрыск богатого купеческого семейства, получивший, помимо французского языка и другое приличное образование. Затем это человек с развитым художественным вкусом, любящий театр и понимающий его синтетический язык. Помимо этого, билеты на спектакли Бернар продавались по высоким ценам, которые могли позволить себе только обеспеченные люди.

Итак, публика в большинстве своем осталась разочарована игрою знаменитой актрисы, однако зал Большого театра, по свидетельствам современников, был забит до отказа. Помимо этого, русская публика всегда относилась подозрительно к заезжим знаменитостям[8], — забегая вперед, скажем, что Элеоноре Дузе удалось рассеять эту обуславливающую холодный прием подозрительность практически сразу же.

Таким образом, в течение 12 дней в Москве происходило развенчание мифа о великой французской драматической актрисе, принесшее ей прибыль. Спасла ли ее мировая известность, абонементная система, реклама, разгар театрального сезона, краткосрочность пребывания, неослабевающее любопытство русского зрителя, — скорее всего, имела место совокупность всех этих факторов, не случайных, но просчитанных.

---

[1] Бернар С. Моя двойная жизнь. – М.: Флюид, 2006. – 320 с.

[2] Чехов А. П. Полное собр.соч.: В 30-и т. – М.: Наука, 1987. Т. 16. Сара Бернар. – С. 10.

[3] Боборыкин П. Д. Сара Бернар и русский театр.- Живописное обозрение, 1881, с. 143.

[4] Чехов А. П. Полное собр.соч.: В 30-и т. – М.: Наука, 1987. Т. 16. Примечания. – С. 399.

[5] Там же. – С. 401.

[6] Тур Е. О Саре Бернар и ее репертуаре на московской сцене. - Русская мысль, 1882, № 2, стр. 46

[7] Чехов А. П. Полное собр.соч.: В 30-и т. – М.: Наука, 1987. Т. 16. Опять о Саре Бернар.– С. 15.

[8] Иванов И. Театр и музыка – Русские ведомости, 1891, 3 мая.

Не разочаровавшись в финансовой стороне гастролей в России, С. Бернар посетила нашу страну еще дважды — в 1892 и 1908 годах, причем от приезда к приезду ее игра становилась все более близка русской публике, все чаще основываясь на полутонах[1].

Что же не сложилось в отношениях Сары Бернар и русского зрителя в первый приезд актрисы, чем было обусловлено неприятие ее игры? Неужто Сара Бернар была и впрямь актриса, незаслуженно получившая мировую славу?

«Всякое общение опирается на систему знаков, разработанную в соответствующих правилах»[2]. Для положительного восприятия театрального искусства художник (в нашем случае актер) и зритель должны владеть одной и той же семиотической системой, должны говорить на одном языке, чтобы общение обогатило и обрадовало людей по ту и другую сторону рампы.

Из свидетельств очевидцев ясно, что Сара Бернар обладала высочайшим мастерством и прекрасной школой, что воспринималось русской публикой как если не замена, то огромное дополнение не к такому уж огромному таланту. «Не было ни одной ноты в ее голосе, ни одного поворота головы, ни одного движения и шага, которые бы она не сделала *умеючи*, как надо и как должно. Много страсти, много силы выказала Сара Бернар в этой роли, но еще больше изучения и школы»[3].

Общеизвестно, насколько французская актерская школа отличалась и отличается от русской. Декламация, расчет на внешние эффекты — все это наследие французского классицизма, лежащего в основании французского национального театра. Русский же зритель стремился видеть на сцене простоту, естественность и жизненный реализм — то, что давали ему выдающиеся мастера русского театра, начиная с М. С. Щепкина.

Вот где кроется ключевое расхождение языковых систем, породившее непонимание, а затем и неприятие публикой манеры игры С. Бернар. Но был, судя по всему, и еще один существенный момент — это та самая «подозрительность относительно заезжих знаменитостей», о которой говорилось выше.

«Общественное настроение — важнейший элемент общественной психологии — выражает общую эмоциональную направленность группы, присущее ей своеобразие, оно динамично и подвижно изменяется в зависимости от конкретных условий. Настроение импульсивно, массовидно, заразительно, способно передаваться от одних групп к другим, от группы к индивиду»[4]. И вот от ряда к ряду в зале Большого театра передается гордость за своих — русских — артистов, которые действительно великие, гениальные, близкие и понятные публике, а здесь великая французская актриса кривляется на сцене, не вызывая никакого сочувствия, а только чувство патриотизма и понимания того, что русское национальное искусство самое «правильное».

«… Сержусь на своих соотчичей, которые так дурачатся по поводу этой несносной Сарры Бернар, у которой только и есть что прелестный голос — а все остальное: ложь, холод, кривляние — и противнейший парижский шик. Эта пуфистка, рекламистка…»[5], — писал И. С. Тургенев М. Г. Савиной.

В «дурачении соотчичей», о котором говорил Тургенев, вероятнее всего, и кроется финансовый успех гастролей. Реклама и имидж «фантастической» личности Сары Бернар, ее «парижский шик», противный Тургеневу и притягательный для большинства русских людей… А главное: все это можно будет наблюдать в Москве всего лишь 12 дней — и вот ажиотаж в начале гастролей, абонементы раскуплены, а далее — как приятно было еще раз удостовериться и обсудить, что «их» великие актрисы не идут ни в какое сравнение с «нашими».

Пребывание в России Элеоноры Дузе в 1891 году, бывшей уже достаточно известной в мире актрисой, продолжалось почти год: в марте и апреле итальянская труппа Дузе играла в санкт-петербургском Малом театре, май итальянцы провели в Москве в театре Корша, 25 мая Элеонора Дузе с труппой уехала в Харьков, оттуда в Киев, оттуда в Одессу, после чего в ноябре опять посетила Москву, в январе Санкт-Петербург, затем снова дала 3 внеплановых спектакля в Москве. 4 февраля артистка отправилась из Москвы в Вену[6], а оттуда в Италию, намереваясь провести несколько месяцев в полном спокойствии[7].

Как отмечали журналисты, «реклама, обыкновенно всюду уравнивающая путь артистам-гастролерам, на этот раз отсутствовала»[8]. Рассчитывала ли артистка на свою мировую славу, или же антрепренер, пригласивший Дузе, желал сэкономить на рекламе — установить трудно, но ясно одно — «сарафанное радио» начало свою работу сразу же, причем слухи об успехе Дузе у петербургской публики быстро дошли до Москвы[9].

«Публики в театре было довольно много, хотя цены на билеты были очень высокие, а сдержанная, даже совсем холодная встреча, оказанная артистке при ее выходе на сцену (вероятно, из подозрительности относительно «знаменитостей»), сменилась потом шумными и единогласными овациями»[10].

Критика, с удивлением отмечая такое редкое единодушие, ласкает Дузе, в печати сплошь восторженные отзывы, выдающиеся деятели искусства того времени (К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов, И. Е. Репин, и др.) высоко оценивали искусство Дузе[11], по свидетельствам современников, зрители в зале были покорены ее игрой, но… Единодушные

---

[1] Леонтьевский Н. Три приезда Сары Бернар в Россию. — «Театр», 1970, № 2, стр. 142–143.

[2] Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 23.

[3] Тур Е. О Саре Бернар и ее репертуаре на московской сцене. - Русская мысль, 1882, № 2, стр. 44.

[4] Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 48–49.

[5] Тургенев И. С. Письма, т. XIII, кн. 1, стр. 156.

[6] Театр и музыка. – Русские ведомости, 1892, 4 февраля.

[7] Новости дня, 1891, 26 января.

[8] Иванов И. Театр и музыка. – Русские ведомости, 1891, 3 мая

[9] Там же.

[10] П. В. Элеонора Дузе на петербуржской сцене//Отзывы в печати о гастролях Дузе в Санкт-Петербурге. – СПб, 1891.

[11] Размещено: http://www.c-cafe.ru/days/bio/4/035.php

восторги критики и простого зрителя, тем не менее, не повлекли за собой доход от продажи билетов. Доподлинно известно, что убыток Дузе от гастролей в Москве в ноябре-декабре составил 1748 руб. 61 коп[1].

Репертуар Дузе шел на итальянском языке, состоял из таких же нетрагических произведений, как и репертуар Сары Бернар: «Дама с камелиями», «Жена Клода» А. Дюма-сына, «Фру-Фру», «Адриенна Лекуврер», «Фердинанда» и «Одетта» В. Сарду, «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Нора» Г. Ибсена и др. С большинством пьес публика была хотя бы приблизительно, но знакома, однако рецензент[2] отмечает, что «для Шекспира специально были выпущены либретто» на русском языке — из чего мы можем сделать вывод, что, в отличие от французского языка, на котором играла Бернар, итальянский язык знала все же не вся публика, и даже в большинстве своем не знала его вовсе, раз организаторы, сэкономившие на рекламе, потратили деньги на выпуск либретто. Очевидно, что это делалось ради повышения сборов, причем уже в марте — т. е. в самом начале гастролей.

«Спектакль можно рассматривать как ряд текстов — словесных, интонационных, действенных, пластических, мизансценических, сценографических, звуковых, световых и пр., составленных из множества разного типа знаков, реальных и иллюзорных»[3]. Дискомфорт в восприятии словесного текста (ведь даже имея на руках печатный перевод, зритель теряет детали и особенности сценического действия) компенсировался теснейшим общением сцены и зала на психологическом и эмоциональном уровне. Не случайно рецензенты писали об исполнении Дузе роли Норы: «Мы уверены, многие моменты этого исполнения вошли в *личную* жизнь, в *личный* опыт зрительниц г-жи Дузе и, может быть, не одна из них всем существом своим отозвалась на сценическую драму артистки… Для г-жи Дузе нет идеи без живого образа»[4]. Характеры и образы, создаваемые Дузе, не были условны для зрителя, в его восприятии грань иллюзии и реальности стиралась на время спектакля, вернее, о ней просто забывали до опускания занавеса. Это ли не идеальная форма взаимодействия художника с аудиторией, когда, по Вл. Соловьеву, «задача, не исполнимая средствами физической жизни, должна быть исполнима средствами человеческого творчества»[5].

О сильнейшей психологической вовлеченности зрителей в процесс творчества Дузе свидетельствует и следующий отзыв о роли Адриенны Лекуврер: «реализм на сцене не может идти дальше… Зрительный зал присутствовал при страшной, мучительной агонии отравленной женщины и вынужден был следить за всеми ужасающими подробностями ее физических страданий. Это было нечто ужасное, нечто страшное. Люди с самыми выносливыми нервами впадали в состояние полного оцепенения»[6].

Таким образом, уместно говорить о том, что итальянский язык и русский подстрочник не был серьезной помехой активному участию зрителей в создании спектакля, однако это становилось ясно уже после того, как спектакль заканчивался.

Здесь положительные зрительские эмоции основываются именно на продуктивности диалога, на том, что «общение актера и публики осуществляется в привлекательном для обеих сторон процессе художественного творчества (сотворчества), в движении фантазии, живой непредсказуемости… в общем сопереживании и самопознании»[7].

Кстати сказать, публика уже не испытывала гордости за то, что русские артистки гораздо лучше заморских, как было во время гастролей С. Бернар, наоборот, было видно, что русским актерам есть чему поучиться у итальянских, и теперь Чехов, восхищенный игрой Дузе в «Антонии и Клеопатре», пишет своей сестре: «Меня разбирала тоска от мысли, что свой темперамент и вкусы мы должны воспитывать на таких деревянных актрисах, как Ермолова»[8].

Система знаков и символов сценического искусства итальянской актрисы находила живой отклик в сознании и восприятии русского зрителя благодаря тому, что в основе творчества Дузе лежало то же стремление к максимально правдивому выражению чувств на сцене, которое ждал и ценил русский зритель. «Публика сразу почувствовала веру в ту правду, какую увидит на сцене, и шла за этой правдой до самого конца, побежденная, увлеченная до самозабвения»[9].

Однако то, что гастроли Дузе принесли ей материальный убыток — факт, причем при описанной выше реакции аудитории этот факт требует объяснения. Попробуем определить причины финансового неуспеха, выделив несколько факторов, сочетание которых оставило Дузе «дорогое» воспоминание о Москве:

1. Итальянский язык.

Как отмечалось выше, либретто на русском языке были выпущены специально, причем уже после начала гастролей — из чего может следовать вывод, что организаторы поспешили исправить оплошность, влиявшую на продажи. То, что артистка разговаривает с публикой на одном эмоциональном и художественном языке, перешагивая формальные языковые границы, впечатляло зрителей уже по выходе из театра.

2. Высокие цены на билеты.

«На эти цены, доходящие до дороговизны итальянских опер, сетуют многие»[10]. Вполне вероятно, что эти же высокие цены мешали многим зрителям, слышавшим или читавшим восторженный рассказ о прошедшем представлении, пойти и все-таки

---

[1] Урусов А.. По театрам. - Московский листок, 1891, декабрь. Примечание: также имеются косвенные свидетельства финансового неуспеха московских гастролей Дузе в мае 1891 года.

[2] П. В. Элеонора Дузе на петербуржской сцене//Отзывы в печати о гастролях Дузе в Санкт-Петербурге. – СПб, 1891.

[3] Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 26.

[4] Иванов И. Г-жа Дузэ в роли Норы. – Русские ведомости, 1891, ноябрь.

[5] Соловьев Вл. Общий смысл искусства. Размещено: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html

[6] Рок. Театр и музыка. Элеонора Дузе.- Новости дня, 1891, 2 декабря.

[7] Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 28.

[8] Размещено: http://www.ng.ru/historyday/2010–03–12/12_day.html

[9] Иванов И. Театр и музыка. Театр г.Корша. «Дама с камелиями», драма А. Дюма. – Русские ведомости, 1891, 5 мая.

[10] Урусов А. По театрам. - Московский листок, 1891, декабрь.

посмотреть спектакль. Опасения отдать большие деньги за билет на спектакль, в котором человек, возможно, все равно ничего не поймет, подчас и сегодня удерживают многих зрителей от покупки билетов.

3. Продолжительность пребывания и приезд в «некассовый» период.

У зрителей не было ощущения, что «только сегодня и только сейчас» пройдут гастроли всемирно известной артистки, как это было во время пребывания в России Сары Бернар. Напротив, почти годовая продолжительность гастролей и объявления о повторных приездах Дузе в Санкт-Петербург и Москву (которую труппа в итоге посетила трижды) снимали ощущение единственной возможности «попасть на Дузе».

Стоит отметить, что первый приезд Дузе в Москву был с 2 по 25 мая — самое «некассовое» время, что отмечали уже ее современники: «время, в которое она играла теперь, — самое невыгодное для гастролей драматических актеров в Москве. Во-первых, с начала мая более двух третей московской публики, посещающей театры, не бывает уже в Москве, а во-вторых, даже и для самых страстных любителей театра слишком невыносимо сидеть при такой тропической температуре в душных театральных залах».

Не случайно в течение мая Дузе сыграла и комедию Гольдони «Трактирщица»[1], и 4 раза прошла «Дама с камелиями» — признанная одним из лучших ее достижений — в том числе и в бенефис актрисы, 20 мая.

4. Большая труппа.

Труппа Дузе состояла из 24 артистов, включая ее саму, на продолжительное содержание которых уходили немалые деньги[2]. Помимо этого, значительно возрастали расходы на путешествие в Россию и обратно (путешествия в пределах России оплачивал антрепренер, пригласивший Дузе), а также расходы на пошив и поддержание в должном виде костюмов[3]. При этом в нескольких статьях было отмечено, что «одно у Сары Бернар бесспорно лучше — это ее туалеты, которые у г-жи Дузе и небогаты, и даже не особенно свежи… ». По свидетельству князя А. Урусова, на пошив костюмов для гастролей Дузе ушло 10 000 франков. Для сравнения: готовясь к 7-месячным гастролям по Америке с репертуаром в 8 названий, Сара Бернар сшила 36 костюмов на общую сумму 61 000 франков[4].

***

«Успешность восприятия произведения искусства предполагает единый ассоциативный настрой, близость индивидуальных качеств создателей спектакля и публики, что обусловлено общностью социального, нравственного, культурного опыта»[5].

Анализируя гастроли Сары Бернар, можно говорить о том, что состоялась ее встреча с русской публикой, диалога же не произошло: слишком отличались «сценическая» и «зрительская» ментальности французской театральности и русской театральной аудитории.

Реклама и информационный шум вокруг знаменитого имени артистки смогли обеспечить лишь сам факт этой встречи (принесший, однако, доход всему предприятию), но обратной стороной этого процесса оказались обманутые ожидания зрителей, а предвзятое настороженное отношение внутри аудитории к зарубежным гостям, напротив, получило оправдание.

Гастроли Сары Бернар, скорее, дали повод к диалогу зрителей между собой, главной темой которого было обсуждение превосходства русских артистов над великими французскими.

Диалог же русского зрителя с Элеонорой Дузе состоялся именно вследствие сотворчества актрисы и зрителя, оказавшегося возможным благодаря совпадению во взглядах на театральное искусство и его воплощение. Динамичное общение принесло радость, восторг и еще много положительных эмоций, но финансовая сторона проекта оказалась не такой радужной.

Тот социологический портрет зрителя С. Бернар, который мы вывели из описания Чехова, вполне может подходить и к зрителю Э. Дузе, и известно, аудитория такого рода всегда быстро исчерпывается, тем быстрее, чем выше цены на билеты. И если Бернар, отыграв непродолжительные гастроли в 2-х городах, не столкнулась с ограниченностью аудитории, то Дузе, видимо, пришлось прочувствовать эту особенность, несмотря на то, что ее искусство глубоко запало в душу тем зрителям, которые видели ее на сцене.

Список литературы:

1. Бернар С. Моя двойная жизнь. — М.: Флюид, 2006. — 320 с.
2. Боборыкин П. Д. Сара Бернар и русский театр. — Живописное обозрение, 1881.
3. Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. — СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. — 327 стр.
4. Иванов И. Театр и музыка. — Русские ведомости, 1891, 3 мая.
5. Иванов И. Театр и музыка. Театр г. Корша. «Дама с камелиями», драма А. Дюма. — Русские ведомости, 1891, 5 мая.
6. Иванов И. Театр и музыка. — Русские ведомости, 1891, 8 мая.
7. Иванов И. Г-жа Дузэ в роли Норы. — Русские ведомости, 1891, ноябрь.
8. Леонтьевский Н. Три приезда Сары Бернар в Россию. — «Театр», 1970, № 2, стр. 142–143.
9. П. В. Элеонора Дузе на петербуржской сцене//Отзывы в печати о гастролях Дузе в Санкт-Петербурге. — СПб, 1891.
10. Рок. Театр и музыка. Элеонора Дузе. — Новости дня, 1891, 2 декабря.
11. Тур Е. О Саре Бернар и ее репертуаре на московской сцене. — Русская мысль, 1882, № 2.
12. Тургенев И. С. Письма, т. XIII, кн. 1, стр. 156.
13. Урусов А. По театрам. — Московский листок, 1891, декабрь.

[1] Иванов И. Театр и музыка. – Русские ведомости, 1891, 8 мая.

[2] Урусов А. По театрам. - Московский листок, 1891, декабрь.

[3] Там же.

[4] Бернар С. Моя двойная жизнь. – М.: Флюид, 2006. – 320 с.

[5] Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – С. 32.

14. Чехов А. П. Полное собр.соч.: В 30-и т. — М.: Наука, 1987. Т. 16.– 624 с.
15. Новости дня, 1891, 26 января.
16. Театр и музыка. — Русские ведомости, 1892, 4 февраля.
17. http://www.c-cafe.ru/days/bio/4/035.php — Биография Элеоноры Дузе.
18. http://www.ng.ru/historyday/2010–03–12/12_day.html — Имена и даты: Краткие хронологические наблюдения. 12–14 марта 1891 года.
19. http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html — Соловьев Вл. Общий смысл искусства.
20.
21.

Section 5. History

Balitsky Alexey Yurievich
Izmail State Liberal Arts University (Ukraine)
Ph. D. student

Балицкий Алексей Юрьевич, Измаильский государственный гуманитарный университет (г. Измаил, Украина)
аспирант кафедры всемирной истории

Changes in the social and legal status of the population of southern Bessarabia after its incorporation into the Russian Empire in 1878

Изменения в социально-правовом положении населения юга Бессарабии после его включения в состав Российской империи в 1878 г.

В конце 70-х гг. XIX в. после очередной русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) южнобессарабский край, который на протяжении 1856–1878 гг. находился в составе Молдавского княжества и Румынии, был возвращён Российской империи и в последствии стал развиваться в русле общероссийских тенденций. В связи с этим представляется необходимым рассмотрение одного из малоизученных вопросов — процесса преобразований социально-правового положения местного населения.

Структурные изменения в местном социуме, во время пребывания южнобессарабского края в составе Румынии, прежде всего определялись нивелированием сословно-корпоративной его организации, которая до 1856 г. основывалась на российских традициях и законодательстве. Все жители, в том числе лица, ранее принадлежавшие к привилегированному сословию (дворяне, купцы, почётные горожане), были уравнены в правах, в часности платили равные общеустановленные румынским государством прямые налоги. Одним из видов такого налога был дорожный сбор который назывался «роллом». Свободными от его уплаты признавались лишь такие категории населения как духовенство всех исповеданий (священники, диаконы и монахи), военные, как действующей армии так и резервисты, отставные нижние чины, прослужившие три срока, престарелые и немощные.

После вхождения южной Бессарабии в состав Российской империи, бывшие российские дворяне, отставные военные, чиновники, почётные горожане и купцы, которые проживали в местных населённых пунктах получили возможность восстановить свои когда-то утраченные привилегии. Для того чтобы избавиться от налогового бремя, исключив себя из податных окладных списков, и, в тоже время, обрести привилегированный статус, они должны были лишь документально подтвердить свои личные права.

Достаточно проблемным вопросом для российского руководства оказалось выделение непривилегированных слоёв населения — мещан и крестьян. Бессарабский губернатор Е. О. Янковский, обращая внимание властей на данную проблему, информировал: «Если распределение сделать по роду занятий, и всех земледельцев причислить к поселянам, то в таких городах, как Измаил, Кагул и Болград, произойдёт смешение города с селом, так как в первых двух большинство населения занимается хлебопашеством, а в последнем все жители, за исключением нескольких десятков торговцев, получили земельный надел и все хлебопашцы»[1]. Он также отмечал, что в некотых негородских селениях, наоборот, среди земледельцев проживает значительное число граждан, занимающихся городскими промыслами. В связи с этим губернатор говорил о невозможности общего деления непривилегированного населения по роду занятий и необходимости двойного распределения: «для городов принять основанием место жительства, и всех его обывателей, за исключением дворян, почётных граждан и купцов назвать мещанами, а для селений — считать основанием деления род занятий, и назвать поселянами только лиц обрабатывающих землю, а всех не занимающихся сельскими промыслами лиц понудить … к приписке в города»[2]. Именно этим, скорее всего, и следует объяснять невероятное увеличение населения города Измаила в течении двух лет 1878–1880 гг., которое с 16,3 тыс. человек увеличилось до 30,2 тис. Следует также отметить, что в статистике 1880 г. в южнобессарабских городах уже выделялись отдельно как привилегированные слои, среди которых дворяне, почётные граждане, купцы, духовенство, так и непривилегированные — мещане и крестьяне[3].

Интересно, что, по мнению самого бессарабского губернатора, исскуственное деление на сословия в возсоединённом участке можно было бы избежать, учитывая тот факт, что сословная структура в Российской империи постепенно изживала себя, а её сословные органы стали терять свой смысл. Об этом он писал в своём отчёте: «Разделение на сословия есть учреждение, отживающее своё время, всесословное земство и всесословные думы в городах, наконец, всесословное отправление воинской повинности, существующие в Империи, ясно показывают, что всесословность не только не противоречит общему строю государственного управления, но напротив, входит в состав его как одно из начал признанных полезнейшими; поэтому не только со стороны неудобств, возникающих при исскуственном создании сословий, но и с государственной точки

[1] Записка по вопросу об устройстве возсоединенного края Бессарабии (от 4 июля 1881 г.)/[Сост. Генерал-Майор Янковский]. – [Б. м.; б.г]. С. 64.

[2] Там же.

[3] Бессарабский календарь на 1883 г. С. 53–55; Обзор Бессарабской губернии за 1880 г. Табл. А.

зрения, казалось бы возможным оставить существующую в возсоединённом участке всесословность в отношении податей и сельских общественных учреждений …»[1].

Ещё одним вопросом, который возник перед российским правительством это социально-правовое положение еврейской части населения. В отличие от российских евреев, которые имели ограниченные права и особый правовой статус, евреи жительствующие в южной Бессарабии пользовались полными гражданскими правами. Наравне с остальными жителями они вносились в метрические книги. Также евреи не выделялись в особые общества, не имели особой организации коробочных сборов, и румынское правительство не вмешивалось в их дела по продаже кошерного мяса и по устройству благотворительных учреждений. Исключение составляла лишь сфера общественного самоуправления, участие в которой разрешалось евреям: 1) находящимся на военной службе и имевшим как минимум звание унтер-офицера, 2) окончивчим курс в гимназии или государственном университете, 3) устроившим полезную для государства фабрику, в производстве которой было задействовано не меньше 50-ти рабочих.

Проблема еврейского населения возникла из-за того, что южная территория Бессарабии, с включеним её в состав Российской империи, стала входить в пятидесятиверстную пограничную полосу, где евреям согласно российскому законодательству селиться воспрещалось. В соответствии с законом принятым ещё 27 октября 1858 г., евреи, которые до этого времени проживали в западных пограничных губерниях и Бессарабской области, могли оставаться на своём прежнем месте жительстве если они: 1) до принятия этого закона были приписаны к тамошним обществам; 2) имели постоянное жительство сохраняя при этом недвижимую собственность. Все остальные как водворённые с припиской к обществам, так и временно там жительствующие подлежали переселению со всеми своими семьями[2].

В связи с этим представляется вполне обоснованным беспокойство губернатора, который говорил: «буквальное применение этого закона к евреям возсоединённого участка, конечно, было не мыслимо; для них следовало определить другой срок, который, указывая на несомненную их принадлежность к жителям края, давал бы им право оставаться там и на дальнейшее время»[3].

Тем не менее, политика, проводимая российским правительством в отношении ерейского населения, носила чрезвычайно жёсткий характер и поэтому еврейскому населению юга Бессарабии напрасно было расчитывать на какие либо уступки с его стороны. В специальном положении впоследствии данном министерством внутренних дел от всех евреев, бывших румынско-подданных и проживающих в возсоединённом участке в 50-ти верстной черте от границы, требовались «удостоверения» местных общественных властей о том, что они, до 9 октября 1878 г. (день возсоединения) действительно проживали в участке и числились в окладных регистрах по платежу патентных пошлин или личного налога. Таким лицам взамен предоставленных «удостоверений» российскими полицейскими учреждениями выдавались специальные «свидетельства» на право проживания в 50-ти верстной черте. Право проживания в данном участке предоставлялось и тем лицам еврейской национальности, которые владели здесь до 9 октября 1878 г. недвижимым имуществом. Все остальные, в том числе евреи-иностранцы и временно пребывавшие, подлежали немедленной высылке.

Определённую лояльность российское правительство проявило по отношению к южнобессарабским раскольникам, основная часть которых была представлена старообрядцами. Как известно после вхождения южной Бессарабии в состав Молдавского княжества сюда активно переселялись старообрядцы, которых привлекала свобода вероисповедания, закреплённая конвенцией между Молдавским княжеством и Турцией в 1858 г. Вследсвии высочайше утверждённого положения комитета министров от 18 мая 1879 г., за раскольниками сохранялась свобода отправления богослужения и открытое исповедание своей веры, как это было во время румынского господства в крае. По сведениям 1879 г. в возсоединённом участке Бессарабии насчитывалось 7 759 иноверцев, среди них старобрядцев — 7 621 человек[4].

Следует отметить и то, что во время пребывания южной Бессарабии в составе Румынского государства, метрики старообрядцев и других иноверцев не велись отдельно, как это наблюдалось в Российской империи. Рождающиеся, брачующиеся и умирающие записывались в общие для всех исповеданий книги, ведение которых поручалось городским головам.

Таким образом, измения последовавшие с вхождением юга Бессарабии в состав Российской империи затрагивали основы существующего здесь социально-правового положения местного населения и были направлены на включение его в орбиту общероссийских социальных процессов.

Hasanova Sevinch Sultanovna,
branch of the Dagestan State Pedagogical University in Derbent

Гасанова Севинч Султановна,
филиал Дагестанского государственного педагогического университета в г. Дербенте

Ceramic fish in the cultural heritage of ancient Derbent

Керамический промысел в культурном наследии Древнего Дербента

В Дагестане, на западном побережье Каспийского моря расположен самый южный город России — Дербент, один из уникальных и древнейших городов мира. История знает не мало о судьбе исчезнувших городов древности, таких как Вавилон, Персеполь, Ур, Сарнатх, Помпеи, Карфаген, Петра, Лептис-Магна и другие. Уникальность Дербента состоит в том, что он пронес через века и тысячелетия свой нетленный облик, сохранив во многом самобытность и своеобразие культуры. Дербент — город-музей. В 2003 году памятники Дербента включены в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

---

[1] Записка по вопросу об устройстве возсоединенного края Бессарабии (от 4 июля 1881 г.). – С. 82.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXXIII. Отд. 2. С. 290–291.

[3] Записка по вопросу об устройстве возсоединенного края Бессарабии (от 4 июля 1881 г.). – С. 47.

[4] Там же. – С. 46.

Город расположен на Дербентском холме, высота которого 340 метров над уровнем моря. Раскопки, проведенные в 1971 году Кудрявцевым Александром Абакаровичем, который более 25 лет своей научной деятельности в качестве историка и археолога посвятил изучению древнего Дербента, обнаружили на этом месте поселение IV–III тыс. до н. э. О ранних поселениях свидетельствуют найденные здесь во время археологических раскопок хозяйственно-бытовые постройки, круглоплановые дома, многочисленные орудия труда и предметы быта эпохи энеолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н. э.). К ним относятся: каменные и бронзовые топоры, кремневые вкладыши серпов, каменные зернотерки, ступки, песты, очажные подставки, переносные керамические очаги, жаровни, лощила, кувшины, горшки, чаши. Территория дербентского холма продолжала обживаться и в конце II — начале I тыс. до н. э. В этот период строятся каменные и турлучные жилища, совершенствуются керамика и орудия труда.

Дербент, являясь главным транзитным пунктом товарообмена между «севером» и «югом», местом прохождения «Великого шелкового пути», оказался предметом пристального внимания могущественных держав древнего мира, таких как Римская империя, Парфия, Сасанидский Иран, Арабский халифат, Хазарский каганат, Византия, Турция и др. Дербент становился местом бурных исторических событий, многочисленных нашествий, кровопролитных войн. Это конечно отразилось и на архитектурном облике, и на технике исполнения памятников Дербента, и на изделиях декоративно-прикладного искусства, где сплелись традиции народов Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии.

Цель нашего исследования — изучение керамики в процессе исторического развития древнего Дербента. Такой материал позволяет глубже понять быт древних жителей города, особенности их культуры, образа жизни, деятельности.

В результате бурных исторических событий, многочисленных нашествий, кровопролитных войн, менялись правители Дербента: иранские (сасанидские) цари Иездигерд II, Хосров Ануширван, Иездигерд III; в 30-х годах VII века хазары; в 652 году арабы, с предводителем Маслама; в период распада Халифата в 869 году эмир Дербента — Хашим ибн Сурак, основателеь династии Хашемидов; в 1067 году в Дербент вступил первый сельджукский отряд во главе с хаджибом султана Алп-Арслана — Сау-Тегином; 13 век принес встречу с татаро-монголами; в 1395 году Тамерлан, сокрушив золотоордынское войско, передал Дербент ширваншаху Ибрагиму I; в 1606 г. Дербентом правит персидский шах Аббас I; 23 августа 1722 года к стенам Дербента подошел Петр I со своим войском; в 1799 году младший сын кубинского хана Фатали-хана Гасан был провозглашён дербентским ханом; после смерти Петра I Иран стал обладателем прикаспийских земель; в начале XIX века Дербент был снова присоединен к России. Это лишь небольшой перечень событий, которые переживали жители города. К сказанному нужно добавить, что Дербент — город многих эпох, и его культура — достояние многих народов, пришлых и местных, каждый из которых внес нечто свое в его облик [1].

Изготовление керамических изделий и широкое применение их в быту отмечено в Дербенте еще с древних времен. Изучение развития художественной керамики как одного из видов декоративного искусства позволяет судить об эстетическом вкусе жителей древнего Дербента, о традициях и особенностях изготовления глиняных изделий, технике их оформления. Ранние предметы представлены кувшинами, горшками, чашами. Керамика скифского времени (VIII–IV веков до н. э.) в основном представлена сероглиняными и красноглиняными кувшинами, чернолощеными сосудами, горшками с круглым или несколько вытянутым туловом, грубой хозяйственной и столовой посудой, которая орнаментировалась круглым пуговичным налепом, глубокими нарезными линиями.

По своему назначению керамика делится на тарную, кухонную и столовую. Хронологически она составляет две большие группы: раннюю (V–IV вв.) и позднюю (VI — VII вв.).

Тарная керамика представляет большие хозяйственные сосуды, которые служили для хранения в них всевозможных сыпучих продуктов, вина и иногда строительных материалов. К примеру, у южной стены Дербента были найдены большие хозяйственные сосуды с известью, вкопанные в землю.

Керамические изделия V–IV вв. до н. э. составляли красноглиняная, сероглиняная лощеная и нелощеная посуда, кувшины со сливом, чаши с загнутыми внутрь венчиками. Венчики кухонных и хозяйственных сосудов иногда орнаментировались по верхнему краю косыми насечками или делались чуть волнистыми. Высоким качеством отличалась черная, серая и светлолощеная керамика, считавшаяся парадной столовой посудой [2].

В албано-сарматский или античный период существования Дербента (IV в. до н. э. — IV в. н. э.) появляются лощеные керамические изделия, покрытые ярко-красным или бордовым ангобом, изготовленным с добавлением органического красителя, в состав которого входит мак. Популярно было и белоангобное покрытие. В быту наряду с розовоглиняной посудой широко использовали серо-глиняные изделия. Плоскодонные горшки с прямыми толстыми стенками, небольшие горшки с округлым туловом, немного вытянутые, округлые котлы с плоскими, выступающими ручками овальной формы представляли кухонную утварь. Несколько отличается столовая посуда: плоскодонные полусферические чаши с загнутым внутрь венчиком, кувшины с цилиндрической горловиной и прямым венчиком.

Керамику раннесредневекового времени (IV — V вв.) украшали всевозможные врезные линия, защипы, штриховки, вдавления, штампы. Уже в VI — VII веках встречаются сосуды с зооморфными горловинами и сливами, а также изделия с налепами на туловах в виде зверей, змей, птиц.

О высоком развитии керамического промысла говорят изделия и материалы, обнаруженные в культурных напластованиях Дербента сасанидского периода. Среди них: посуда самого различного назначения, большие тарные сосуды, керамические трубы водоводов, черепица, жженый кирпич, керамические шлаки. В отличие от местных весьма грубых изделий, с ангобным покрытием, керамика сасанидского Дербента высококачественна: хороший обжиг, развитая орнаментация, изготовление на быстровращающемся гончарном круге. Кухонная керамика представлена грубыми горшками, котлами

[1] Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974. С. 94.

[2] Артамонов М. И.. Древний Дербент//Советская археология. № 8. М. 1946. С. 60

и сковородами. Многообразие форм и размеров котлов говорит о широком и разностороннем характере их применения в быту населения города.

Столовая посуда отличается более высоким качеством теста и обжига, изяществом и разнообразием форм, богатством орнаментов. Среди предметов столовой посуды можно отметить: кувшины, чаши, горшки, кубки, тарелки.

Расцвет изготовления художественной керамики в средневековый период связан с производством глазурованных изделий. Дербент становится ведущим центром производства глазурованной керамики. Глазурь представляет собой стекловидное покрытие, которое применялось для придания керамическим изделиям прочности и декоративности. Основу орнаментации этих изделий составляли подглазурный рисунок и богатая полихромная роспись.

Основными приемами украшения в VIII — X веках были подглазурная роспись марганцем по ангобному покрытию, подглазурная роспись по непокрытому черепку, полихромная роспись по ангобу. В оформлении предметов керамики широко применяли радикальный рисунок, разнообразные растительные композиции, геометрические фигуры. Использовались многоугольники, точки, мазки, круги, радиальные полосы, овалы, спирали.

В X — XIII веках в большом количестве производится неполивная художественная керамика, которая орнаментировалась глубокой сложной гравировкой, штамповкой, фигурными налепами. В этот период появляются высококачественные изделия, сплошь покрытые гравированным рисунком. Гравировка в виде затейливого узора нередко сочеталась с каннелюрным и налепным орнаментом.

В XI — первой половине XIII веков изготавливаются керамические изделия, богато декорированные сложнейшим гравированным растительным и геометрическим орнаментом, великолепной полихромной росписью, покрытые прозрачной поливой. К распространенным мотивам орнаментальных рисунков относились: ромбы, спирали, многоугольники, круги, завитки, пальметки и полупальметки, сетки, овалы, плетенки. В орнаментации широко использовались деревья, ветви, побеги, плоды, трилистники и многолепестковые цветы, пышные перевитые стебли с листьями и цветами, стилизованные буквы арабского алфавита, изображения птиц, зверей, рыб, сцены охоты пеликанов и чаек на рыб. Некоторые сосуды отличаются изяществом форм и подражали дорогостоящим металлическим изделиям, имитируя сосуды из серебра и бронзы [1].

Зооморфные и антропоморфные скульптурные изображения составляют особую группу художественной поливной керамики Дербента.

Среди них изображение головы мужчины в чалме, покрытое полихромной поливой; пирующий мужчина, сжимающий в руках кубок на высокой ножке; изображения лиц и масок; фигурки зверей, птиц; свистульки; керамические изображения коровы, быка, барана, птицы, служившие сливами сосудов, или украшениями на них.

Керамическая статуэтка, получившая наименование «Дербентская мадонна», представляет собой древнейшее изделие, относящееся к IV–III тыс. до н. э. Она была изготовлена местными мастерами. В работе четко выделяются характерные признаки женского пола с весьма значительной примитивизацией в изображении деталей тулова, головы, конечностей. Статуэтка является одним из ранних образцов первобытного дагестанского искусства. Она отожествлялась с богиней плодородия и была связана с древнейшим земледельческим культом плодородия.

Многочисленные находки самых разнообразных гончарных изделий на территории Древнего Дербента подчеркивают высокий уровень развития керамического производства, в числе которых: подставки, противни, светильники, стенки очагов, плоская и желобчатая черепица, кирпичи, трубы водоводов, грузики, прясла, глиняные скульптурные изображения и др.

Таким образом, раскопки показали, что Дербент являлся одним из самых значительных городов всего средневекового Кавказа, важнейшим военно-политическим оплотом Ближнего и Среднего Востока, а также крупным ремесленным центром и известным транзитным пунктом международной торговли мусульманского Востока.

Список литературы:

1. Артамонов М. И.. Древний Дербент//Советская археология. № 8. — М. — 1946.
2. Кудрявцев А. А.. Древний Дербент. Монография. — М. — «Наука». — 1982.
3. Марковин В. И. Дорогами и тропами Дагестана. — М. — 1974.

Eremin Sergey Vladimirovich, Nizhnevartovsk state University of Humanities, information-analytical department specialist

Еремин Сергей Владимирович, Нижневартовский государственный гуманитарный университет, специалист информационно-аналитического отдела

Soviet foreign policy propaganda in the 1930-s.: the main party and state organs

Советская внешнеполитическая пропаганда в 1930-е гг.: основные партийные и государственные органы.

Внешнеполитическая пропаганда является инструментом для достижения государством тех или иных целей во взаимоотношениях с другими странами или международными организациями. Она призвана решать задачу пересылки информа-

[1] Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М. 1982. С. 110.

ционных сообщений из конкретной страны за границу, а также распространять материалы о жизни за рубежом в средствах массовой информации этой страны[1].

Для решения этой двуединой задачи создается соответствующая организационная структура. Подобная структура сложилась в СССР в 1930-е гг.

Характеристика советских партийных и государственных органов, решавших задачи ведения внешнеполитической пропаганды рассматриваются в ряде работ российских и зарубежных исследователей[2]. Однако обобщающая картина того, какой была организационная структура советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е гг. в отечественной историографии пока отсутствует. Этот вопрос стал предметом моего исследования, результаты которого изложены в данной статье.

Организационная структура советской внешнеполитической пропаганды 1930-х гг. сложна для рассмотрения, потому, что трудно разделить в мощном пропагандистском комплексе СССР того периода органы внутренней и внешней пропаганды: между ними существовала тесная взаимосвязь. Публикации в советских газетах были рассчитаны не только на «своего», но и на зарубежного читателя, а проводившиеся пропагандистские мероприятия и акции на международной арене подавались под «идеологическим соусом»[3].

Важную роль в формировании партийных органов советской пропаганды сыграл XVII съезд ВКП (б) (январь 1934 г.). На этом съезде было объявлено о реорганизации структуры партийного аппарата всех уровней и о переходе в ней от функционального к производственно-отраслевому принципу. Существовавшие ранее функциональные отделы: культуры и пропаганды (Культпроп); агитации и массовых кампаний (Агитпроп) ликвидировались. Вместо них были образованы отраслевые отделы, и среди них — преобразованный Отдел культуры и пропаганды (Культпроп)[4].

13 мая 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) об реорганизации ранее существовавшего Отдела культуры и пропаганды (Культпроп), который был разделен на пять самостоятельных структурных подразделений — отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий.

В составе отдела печати и издательств функционировало Бюро международной информации (БМИ)[5]. БМИ, засекреченная аналитическая структура ЦК ВКП (б), первоначально подчинялась Особому сектору ЦК и была связана с внешнеполитической и военной разведкой. 16 мая 1932 г. Политбюро приняло решение о задачах Бюро международной информации. Задачи БМИ были сложными и многоаспектными:

1) проверка, сводка, информация по международным делам, проходившим в ЦК ВКП (б) по всем каналам советских учреждений;

2) извлечение информации из иностранной прессы и литературы;

3) получение сведений из иностранных источников;

Проверка результатов всей предыдущей работы через высылаемых собственных корреспондентов.

Полученные информационные материалы должны были: служить для ежедневной информации ЦК; накапливаться для разработки в случае необходимости новых, крупных вопросов, не решаемых в данный момент; по указанию Секретариат ЦК быть информационным источником для советской прессы.

БМИ не выступало официально, а должно было вести свою работу секретно)[6].

19 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП (б) под грифом «Особая папка» приняло постановление «Об Информационном Бюро»[7]. Именно с этого времени БМИ стало действовать в составе ЦК.

Выделенный из Отдела культуры и пропаганды Отдел печати и издательств, согласно постановлению от 13 мая 1935 г. был призван выполнять три основные функции. Во-первых, это был орган для трансляции руководящих партийных указаний в советской печати; во-вторых, он осуществлял контроль над печатью; в-третьих, являлся своеобразной исследовательской лабораторией для выработки новых форм, методов и приемов текущей печати. Вся работа Отдела печати и издательств ЦК ВКП (б) сосредоточивалась в 11-ти секторах и в том числе — в секторах партийной печати, советской печати, печати зарубежных «братских партий», иностранной печати[8].

---

[1] Борков А. В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации [Текст]: автореферат дис…канд. ист. наук . Нижний Новгород, 1997.С. 7,10 ; Гасюк А. Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.).: дис… канд. ист. наук . М., 2008.С. 6

[2] Невежин В. А. «Если завтра в поход…»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: Яуза – Эксмо, 2007. 320 с. (Серия «Великая Отечественная. Неизвестная война»); Борков А. В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации (1917–1945 гг.): автореф. дис…д. и.н./А. В. Борков. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 1997. 41с.; Гасюк А. Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.): диссерт…к. и.н./А. Г. Гасюк. – М.: РУДН, 2008. 199 с., ил.; Маркелов С. Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП (б), 1939–1941 гг.: диссерт…к. и.н./С. Ю. Маркелов . – Омск, 2004. 212с.; Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. /пер. с фр. Э. М. Кустовой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН): Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 319 с. (Серия «История сталинизма»). Тишлер К. Радио в оковах. Немецкое радиовещание из Москвы: от революционного воодушевления к государственной регламентации (1929– 1941)//Россия и Германия в XX веке: В 3-х т. Т. 2: Бурные порывы и надежды /под ред. Карла Аймермахера, Г. Бордюгова, Астрид Фольперт. М.: НИЦ «Аиро – XXI», 2010. С. 817–848.

[3] Хормач И. А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011.С. 48–49.

[4] Жуков Ю. Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Вагриус, 2003.С. 49–50.

[5] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001.С. 282.

[6] Там же. С. 283

[7] Жуков Ю. Н. Указ. Соч. С. 82

[8] Хормач И. А. Указ. Соч. С. 130.

14 ноября 1938 г. Политбюро утвердило решение «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском ”Краткого курса истории ВКП (б)”». В этом постановлении особое внимание акцентировалось на необходимости изменения структуры партийного аппарата всех уровней. Отделы партийной пропаганды и агитации, печати и издательств ЦК были объединены, и в результате возник новый Отдел пропаганды и агитации, под контроль которого попали печатные издания, в том числе — произведения литературы и искусства[1].

Многочисленные преобразования в пропагандистской структуре ЦК ВКП (б) логично завершились в 1939 г. По решению XVIII съезда ВКП (б) 3 августа 1939 г. было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) (УПА). Оно объединило все отрасли и направления идеологической работы большевистской партии. УПА стремилось контролировать, насколько четко и своевременно выполнялись партийными и государственными органами, издательствами, средствами массовой информации и творческими союзами официальные идеологические установки[2].

Первоначально в состав Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) были включены следующие отделы: партийной пропаганды, марксистско-ленинской подготовки кадров, печати, агитации и культурно-просветительских учреждений, а в его штате насчитывалось 115 чел.

Более трети ответственных работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) сосредоточивались в Отделе печати. Этот отдел, во-первых, осуществлял наблюдение за работой центральной и местной периодической печати, проводя в жизнь указания высших партийных органов; во-вторых, следил за проверкой и подбором кадров для редакций газет и журналов; в-третьих, рассматривал тематические планы основных издательств; в-четвертых, отвечал за тиражную политику, наконец, в-пятых, курировал работу Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС) и Главлита[3].

Специфика УПА ЦК ВКП (б) состояла в том, что в своей внешнеполитической пропагандистской деятельности он уделял основное внимание идеологической, а не информативной составляющей[4].

Ведущими партийно-политическими изданиями являлись журналы «Большевик», «Спутник агитатора», «Партийное строительство», «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Большевистская печать». Последний журнал «боролся за повышение качества советских газет и журналов с учетом опыта зарубежной печати»[5].

Пропагандистские функции за рубежом кроме УПА ЦК ВКП (б) выполнял ряд народных комиссариатов СССР (иностранных дел, внешней торговли и т. д.). Если в отношении Народного комиссариата иностранных дел вопросов в связи с их пропагандистскими функциями не возникает (он координировал действия структур государственной власти в области внешней политики, и это априори входило в число задач внешнеполитического ведомства), то в отношении других наркоматов ситуация несколько иная. Например, в составе наркомата внешней торговли, на первый взгляд, отраслевого, специализированного ведомства, весьма далекого от вопросов пропаганды, входило объединение «Международная книга», которое активно использовалось при решении за границей пропагандистских задач в рамках сотрудничества в области книгообмена[6].

В 1930-е гг. при Народном комиссариате иностранных дел СССР (НКИД) действовал Отдел печати. В СССР в тот период не существовало какого-либо правительственного органа, специально ведавшего международной информацией, призванного разрабатывать и координировать информационную политику. На Отдел печати НКИДа в данной связи ложилась лишь часть этих функций, поскольку он не мог сравниться с аналогичными иностранными ведомствами, располагавшими аппаратом в составе нескольких тысяч человек[7].

Поначалу функции Отдела печати НКИДа были не вполне определенными. Так, он занимался издательской деятельностью: публиковал брошюры и книги, которые разъясняли советскую дипломатическую линию широкой публике. Такого рода издания имели объем не менее 100 страниц и выходили большими тиражами[8].

Ситуация изменилась после того, как 2 октября 1939 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об освещении в советской печати вопросов международной политики». На Отдел печати НКИД отныне возлагался контроль над иностранными отделами ТАСС, центральных газет (кроме главного печатного органа ЦК ВКП (б) газеты «Правда»), журналом ИККИ «Коммунистический Интернационал» и Инорадиовещанием. Отдел печати наркомата иностранных дел с этого времени по существу стал руководить печатью в области внешней политики[9].

Именно Отдел печати НКИД с октября 1939 г. стал координирующим органом в области информационно-пропагандистской политики, направленной на заграницу. Вместе с тем ни одно значимое решение в сфере стратегии и тактики информационного воздействия на заграницу не обходилось без утверждения УПА ЦК ВКП (б) и высшего советского руководства[10].

По постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1925 г. было создано Телеграфное агентство Советского Союза. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 9 ноября 1934 г., закрепленному в январе 1935 г. соответствующими постановлениями ЦИК и СНК СССР, ТАСС стал исполнять роль центрального информационного органа страны. Именно он обладал исключительным правом распространения за границей информации о СССР, а в его пределах — иностранной и общесоюзной

---

[1] Хормач И. А. Указ. Соч. С. 131.

[2] Там же. С. 133.

[3] Там же. С. 133.

[4] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М.: РОССПЭН, 2007.С. 13.

[5] Гасюк А. Г. Указ.Соч. С. 52.

[6] Там же. С. 51.

[7] Пальгунов Н. Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат,1964.С. 229.

[8] Дюллен С. Указ.Соч. С. 76.

[9] Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997.С. 41.

[10] Гасюк А. Г. Указ.Соч. 53

информации[1]. ТАСС входил в состав Отдела печати и издательств ЦК ВКП (б) на правах самостоятельного структурного подразделения.

ТАСС являлся исполнительным звеном внешнеполитической информационно-пропагандистской системы. С первых дней своего существования Телеграфное Агентство Советского Союза занималось не только передачей, но и сбором информации за рубежом. По сути, это учреждение участвовало в разведывательной деятельности. Таким образом, ТАСС совмещал информационные, разведывательные и контрпропагандистские функции[2]. В составе ТАСС существовала с момента его основания редакция информации для заграницы (РИДЗ).

Правом распространения информации за рубежом, помимо Телеграфного Агентства Советского Союза, обладали также Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и Литературное агентство, входившее в состав объединения «Международная книга».

8 августа 1925 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Учредителями общества являлись ЦИК, Народный комиссариат иностранных дел, Академия наук СССР, ВЦСПС, Народный комиссариат просвещения РСФСР, Академия художеств, Музей революции, Всесоюзная книжная палата и другие организации, а также отдельные видные представители науки и культуры. В Уставе ВОКСа его главная задача определялась следующим образом: содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы»[3]. Для этого ВОКС устанавливал контакты с различными организациями с целью обмена информацией; содействовал образованию Обществ дружбы с СССР в зарубежных странах, а также научному обмену, организации выставок и гастролей; публиковал материалы о культуре, науке, быте в СССР и передавал их за границу. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей наделялось правом непосредственного сношения с зарубежными организациями и частными лицами по вопросам культурных связей, имело своих представителей за рубежом. ВОКС финансировался из государственного бюджета[4].

На первых порах структура Всесоюзного общества культурной связи с заграницей была крайне простой: правление, бюро, секретариат и референтура.

Ключевым элементом структуры ВОКС была его референтура, которой вменялось в обязанность выявлять за границей «отдельных лиц, организации, учреждения, могущие явиться проводником советского культурного влияния», а также намечать «мероприятия для расширения и закрепления» связей с ними. С 1930-х гг. начал издаваться журнал «ВОКС». Для активизации внешнеполитической пропагандистской деятельности в 1933 г. было создано Информационное бюро ВОКС[5].

В 1934 г. была утверждена новая структура Общества. В основу этой структуры были положены принципы, заимствованные у Наркомата иностранных дел (сочетание территориальных и функциональных отделов). Возникло 5 территориальных отделов, 3 из которых занимались решением задач советской культурной дипломатии в континентальной Европе: 1-й, 2-й, 3-й Западные. Наряду с этим начали работу функциональные отделы: печати, выставок, книгообмена, а также секретариат правления, ученый секретариат и управление делами. В октябре 1935 г. был создан протокольный отдел, ведавший приемом и обслуживанием иностранцев[6].

Кроме того, были образованы секции, существовавшие в составе отдела культуры ВОКС. В секциях (изобразительной, литературной, театральной, кино и др.) работали на общественных началах видные советские писатели, художники, ученые, актеры.

Таким образом, многосторонняя деятельность, направленная на развитие культурных связей с СССР, руководство которыми стремилось замкнуть на себе ВОКС, хотя и преувеличивая степень собственного влияния, постоянно разрасталась.

В 1930-е гг. в СССР фактически была провозглашена монополия внешних культурных связей, схожая с монополией внешней торговли. ВОКС являлся едва ли не главным и единственным монополистом, выполняющим ответственную задачу проведения внешнеполитической пропаганды за границей, поскольку примат политических задач стал превалировать в его деятельности над чисто культурническими акциями[7].

Радиовещание, наряду с издательской деятельностью, играло важную роль во внешнеполитической пропаганде. Существовала целая система центральных, республиканских и местных программ с общим объемом вещания 383 часа в сутки.

В СССР непрерывно росло число радиоточек. Если в 1928 г. их насчитывалось 32 тыс., то в 1941 г. — уже 5,8 млн. В пользовании граждан имелось 1 млн. радиоприемников[8].

Центральное радиовещание, включая передачи на 14 языках за границу, ежедневно передавало в эфир свыше 30 печатных листов текста. Преимущественно этим занимался Иностранный отдел (отдел Инорадио), функционировавший в рамках созданного 31 января 1933 г. Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК)[9].

Регулярные радиопередачи на зарубежные страны начали транслироваться в СССР с 1929 г. В 1940 г. радиовещание из Москвы осуществлялось уже на 13-ти языках, 31 час ежедневно. 1 мая 1933 г. вступила в строй радиостанция им. Коминтерна, которая работала на длинных волнах. 1 августа вышла в эфир коротковолновая радиостанция РВ-96. Всего накануне Великой Отечественной войны вещание на иностранных языках осуществлялось через 9 длинноволновых, 16 средневолновых и 16 ко-

---

[1] Гасюк А. Г. Указ. соч. С. 61.

[2] Там же. С. 65.

[3] Там же. С. 67.

[4] ВОКС в 1930–1940-е годы//Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М.– СПб.: Atheneum; Феникс, 1993.С. 313.

[5] Там же. С. 314.

[6] Там же. С. 315.

[7] Гасюк А. Г. Указ. Соч. С. 71.

[8] Борков А. В. Указ.Соч. С. 30.

[9] Там же. С. 28.

ротковолновых радиостанций. К началу 1940-х гг. СССР имел 19 радиотелеграфных и 2 радиотелефонные международные линии, соединявшие его с 15-ю иностранными государствами.

Структура аппарата Инорадиовещания в основном строилась по языковому принципу. Главную роль здесь играли вещательные редакции. С 1940 г. к ним стали добавляться и программные редакции («Русская редакция», «Международная группа», «Литературно-художественная группа»). В качестве дикторов, переводчиков, редакторов работали иностранные граждане (как правило, либо члены зарубежных компартий, либо политэмигранты, владевшие иностранными языками)[1].

Сталинское руководство использовало газету «Известия», с одной стороны, как советский официоз, а, с другой стороны, порой стремилось представить в глазах Запада дело таким образом, что этот печатный орган якобы не зависит от мнения Кремля. Так, 11 мая 1939 г., когда в Москве начались советско-англо-французские переговоры, целью которых было достижение договоренности о военном сотрудничестве в деле предотвращения агрессии со стороны Германии, в «Известиях» была опубликована передовая статья, одна из формулировок которой фактически отрицала наличие пакта о взаимопомощи между СССР и Францией. Временный поверенный в делах Франции в Советском Союзе Ж. Пайяр обратился к наркому иностранных дел В. М. Молотову за разъяснением, поскольку к тому времени сохранял свое действие советско-французский договор о взаимной помощи, заключенный в мае 1935 г. В беседе с Пайяром Молотов пытался утверждать, что в данной формулировке «Известий» было выражено не мнение советского правительства, а мнение самой газеты. Поскольку, уверял В. М. Молотов французского дипломата, «Известия» являются органом Советов депутатов трудящихся, тем самым газету нельзя считать советским правительственным официозом[2].

Что касается газеты «Труд», то, согласно уже упоминавшемуся постановлению ЦК ВКП (б) от 2 октября 1939 г., она должна была использовать свой иностранный отдел для «неофициального освещения» вопросов международных отношений[3].

В 1936 г. взамен Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП) возникла Иностранная Комиссия Союза Советских Писателей (ССП). 10 декабря 1939 г. президиум ССП утвердил Положение о ней[4]. В задачи этой Комиссии, в частности, входило осуществление связи ССП с международными органами иностранных писателями и других деятелей культуры, а также — с отдельными зарубежными писателями. Она же была признана организовывать «в порядке гостеприимства Союза Советских писателей» приезды в СССР иностранных писателей, равно как и содействовать советским писателям в их поездках за границу»[5].

Другие задачи, изложенные в «Положении…», сводились к следующему: сотрудники Иностранной комиссия ССП осуществляли переписку, изучали состояние писательского движения в капиталистических странах, реферировала по этим вопросам прессу, составляли тематические досье и общие обзоры движения по странам, подготовляет материалы и предложения для правления ССП СССР по вопросам международного писательского движения и литературы. Они готовили и отсылали по запросам иностранных писательских организаций, периодических изданий или отдельных писателей материалы о советской литературе и о печатающихся в СССР произведениях иностранных писателей.

Иностранная комиссия ССП содействовала в необходимых случаях привлечению иностранных писателей к участию в советской прессе, а также к составлению киносценариев и драматургов, т. е. к работе советского театра. Она должна была организовывать вечера, посвященные творчеству иностранных писателей, литературе отдельных стран, а также литературные выставки. Наконец, в ее задачу входили сбор переводов иностранных писателей, выходящих в СССР книги по вопросам современной иностранной литературы, книг советских писателей на зарубежные темы[6].

Важнейшим условием и определяющим звеном в системе внешнеполитической пропаганды являлась политическая цензура, которая осуществлялась через государственные органы (в первую очередь, через Главлит). Советская цензура отличалась развитостью как предварительного, так и последующего контроля, причем ее карательные функции имели буквальное значение. Непосредственное участие в аппарате Главлита принимали представители ГПУ/НКВД. Возникшая в Советской стране первоначально как военная, в дальнейшем цензура стала развиваться как предварительная, традиционная.

Цензорские функции были почти целиком возложены на образованное в июне 1922 г. (согласно декрету СНК РСФСР) Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит). Главлит осуществлял предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввозом литературы из-за границы.

В 1930 г. структура Главлита включала Русский, Военно-экономический, Иностранный и Организационно-плановый отделы. Русский отдел осуществлял: предварительный политико-идеологический контроль над выходящей русской литературой и вещанием; ее последующий контроль; предварительный и последующий политико-идеологический контроль над выставками произведений искусства; составление литературных обзоров и др[7]..

Таким образом, к началу 1940-х гг. в СССР сложилась разветвленная структура внешнеполитической пропаганды. Она функционировала под непосредственным контролем Политбюро ЦК ВКП (б), через соответствующие отделы ЦК.

Помимо собственно партийных пропагандистских органов к внешнеполитической пропаганде были причастны государственные учреждения, общественные организации, органы периодической печати, которые так же находились под строгим идеологическим контролем ЦК ВКП (б).

---

[1] Борков А. В. Указ. Соч. С. 30.

[2] Маркелов С. Ю. Указ.Соч. С. 48.

[3] Невежин В. А. Указ.Соч. С. 41.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76.Л.64

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76.Л.66

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76. Л.67.

[7] Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.:РОССПЭН, 2002.Сс. 197–198.

Nikitsin Ihar
The student of the historical faculty of the Mogilev State University named of Arkady Kuleshov (Mogilev, Belarus)

Никитин Игорь Николаевич,
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, студент исторического факультета

The problem of Kosovo in a context of participation of Serbia in the eurointegration process

Проблема Косово в контексте участия Сербии в евроинтеграционном процессе

При детальном исследовании евроинтеграционных процессов последнего десятилетия обнаруживается, что наиболее проблемным регионом для Брюсселя остаётся Балканский полуостров. По состоянию на осень 2012 г. полноправным членом ЕС является лишь Словения. Ещё одним членом ЕС в 2013 г. станет Хорватия. Остальные же бывшие югославские республики и их соседи весьма далеки от перспектив присоединения к большой европейской семье. Сербия не только не является исключением из этого правила, но даже представляет собой пример непримиримых противоречий с критериями Евросоюза. Страна, давно уже прозванная «балканским изгоем», на пути явного желания вступления в ЕС вынуждена сталкиваться с тяжелейшими вопросами, выставляемыми европейскими политиками. Ключевым вопросом с 17 февраля 2008 г. является определение статуса Косово — самопровозгласившего свою независимость края.

Евроинтеграция при всём желании Сербии пополнить когорту членов ЕС всегда оставалась очень болезненной темой для руководства страны. После военного конфликта с НАТО всё из-за того же Косово в 1999 г. наследница Югославии на внешнеполитической арене вынуждена была думать лишь о восстановлении собственного международного авторитета. Но после того, как страна всё-таки пришла в себя, и в полголоса заявила о желании в будущем присоединиться к объединённой Европе, выставленные требования повергли сербов обратно в шок. Помимо требования политических реформ и либерализации экономики перед страной поставили условие выдать международному правосудию «сербских военных преступников». Именно этот аспект долгие годы омрачал европейские перспективы Сербии. Переговоры с Евросоюзом несколько раз срывались, как это было, например, в феврале 2006 г., и затем снова начинались после удовлетворения требований Гаагского трибунала о выдаче «военных преступников»[1]. В 2007 г. даже наметился значимый прогресс в переговорах «Сербия-ЕС» — правительство Сербии 10 сентября 2007 г. согласовало с Еврокомиссией весь текст Соглашения о стабилизации и ассоциации с Европейским союзом[2].

Однако начало 2008 г. стало обескураживающим для сербского руководства — на авансцену вышла более актуальная международная проблема, а именно вопрос о самопровозглашенной косовской независимости. Непримиримая позиция Б. Тадича в отношении Косово, в то время как страны ЕС одна за другой признавали независимость бывшего сербского края, до предела обострила вопрос о вступлении Сербии в Евросоюз, потворствующий нарушению международных договорённостей. К тому же рейтинг ЕС у сербского населения на тот момент сильно снизился. Вместе с тем, отказа Сербии от евроинтеграции не произошло: как заявил вице-премьер Б. Делич, Сербия по-прежнему была *«намерена интегрироваться в Европейский союз, несмотря на его поддержку независимости Косово»*[3].

Ярким символом отходчивости сербов в их обиде на Евросоюз стал тот факт, что уже 29 апреля 2008 г. сербское руководство подписало Договор о стабилизации и сотрудничестве с ЕС (отмечу, что депутаты Европарламента приняли данный договор лишь в январе 2011 г.). Этот документ является первым шагом на пути к полному членству в ЕС и предусматривает установление более тесных отношений со страной-кандидатом в различных аспектах.

После подписания данного договора сербский лидер Б. Тадич отверг обвинения в том, что это соглашение является компенсацией за отказ от борьбы Белграда против отделения Косово:

«Мы будем продолжать защищать территориальную целостность нашей страны, однако мы будем это делать европейскими, цивилизованными и мирными средствами»[4].

В свою очередь еврокомиссар по расширению О. Рен также заявил, что подписанное соглашение не имеет никакого отношения к статусу Косово:

«Я не представляю себе, каким образом это соглашение может подорвать позиции сторонников европейской интеграции в Сербии»[5].

Однако некоторые политики в Сербии были настроены не столь оптимистично. В частности, экс-президент В. Коштуница обвинил Б. Тадича в «антиконституционном и антигосударственном шаге и уже только поэтому незаконном и полностью нелегитимном»[6]:

«*Никогда и никому мы не позволим от имени Сербии подписаться под независимостью Косово, и поэтому сегодняшняя подпись не значит абсолютно ничего»*[7].

---

[1] Евросоюз возобновляет переговоры с Сербией о вступлении в альянс/Newsru.com [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.newsru.com/world/07jun2007/eu.html. – Дата доступа: 13.10.2012.

[2] Сербия согласовала с Еврокомиссией договор, открывающий путь в Евросоюз/Newsru.com [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.newsru.com/world/10sep2007/eu.html. – Дата доступа: 13.10.2012.

[3] Сербия не отказывается от интеграции в ЕС, несмотря на его поддержку независимости Косово/Newsru.com [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: http://www.newsru.com/world/27feb2008/integration. html. – Дата доступа: 13.10.2012.

[4] ЕС и Сербия подписали символическое соглашение о стабилизации и сотрудничестве. Коштуница называет его антиконституционным/Newsru.com [Электронный ресурс]. - 2008. – Режим доступа: . – Дата доступа: 14.10.2012.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

Ранее В. Коштуница отмечал, что примет стратегию приближения к Евросоюзу только при условии, чтобы в Соглашении присутствовал пункт о признании Брюсселем Сербии как целостного государства, то есть с Косово в его составе[1].

Следующего крупного шага Сербии на пути в европейскую семью пришлось ждать полтора года. За это время Косово приросло в международном весе, получив признание нескольких десятков государств, а вот позиция Сербии осталась прежней. Вместе с тем каких-то решительных действий для возвращения края под свой суверенитет также не последовало. Очевидно, что сербское руководство сознательно отказалось от эскалации конфликта с европейскими державами, признавшими независимость Косово. Подобная позиция стала жертвенным животным на алтаре европейских перспектив «балканского изгоя». А надежды на эти самые перспективы были чётко обозначены 22 декабря 2009 г., когда страна подала официальную заявку на вступление в ЕС. На вновь посыпавшиеся обвинения в отказе от борьбы за Косово Б. Тадич ответил традиционно:

«Мы используем лишь дипломатические и юридические меры в отстаивании своих интересов. Этот прецедент важен и для других регионов, которые встретились с подобными проблемами»[2].

Стоит отметить, что вопрос о Косово на тот момент был всё же вторичен среди требований ЕС. На первом месте стоял вопрос о выдаче Гаагскому трибуналу сербских «военных преступников». Но после того, как Сербия отправила в Гаагу внушительную партию своих соотечественников-«преступников» в лице Г. Хаджича, Р. Караджича и Р. Младича, и Евросоюз 1 марта 2012 г[3]. в благодарность на брюссельском саммите присвоил стране статус кандидата в члены ЕС, по мнению политологов, именно косовский вопрос стал ключевым в переговорах. Пикантности сложившейся ситуации придало то, что 31 мая 2012 г. на должность президента вступил Т. Николич — политик куда более радикальный, нежели Б. Тадич. В ходе инаугурации новый президент Сербии подтвердил приверженность европейским ценностям и намерение сохранить курс на интеграцию Белграда в ЕС[4]. О том же, какая цена приемлема для Сербии при достижении этой цели, новоиспечённым президентом было сказано на встрече с российским лидером В. Путиным 27 мая 2012 г. На ней Т. Николич заявил, что не признает независимости Косово даже, если это будет означать конец переговоров с ЕС[5]. Хотя сербский лидер сделал поправку на то, что таких требований от ЕС и не поступало — Евросоюз пока настаивал лишь на нормализации отношений двух государств[6].

Председатель Евросовета Х. ван Ромпей поспешил успокоить сербов относительного данного вопроса. 15 июня 2012 г. на встрече с Т. Николичем он заявил:

«Дальнейшая нормализация отношений с Косово по-прежнему является ключевым требованием для следующего шага — начала переговоров о присоединении (к ЕС)»[7].

По словам Х. ван Ромпея, ЕС, в частности, ожидает от Белграда договоренностей с Косово по вопросам регионального сотрудничества, пограничных пропускных пунктах и решении проблемы Северного Косово[8].

Однако, как и следовало ожидать, подобный «нейтральный» сценарий решения косовских проблем Сербии на пути в ЕС был поддержан не всеми политиками. 4 сентября председатель Европарламента М. Шульц после встречи с сербским премьером И. Дачичем заявил на пресс-конференции, что *«перед Сербией и Косово в качестве условия для вступления в ЕС должен быть поставлен вопрос о взаимном признании»*[9]. *Тем самым он стал первым политиком столь высокого ранга, потребовавшим от Сербии признания Косово.*

Парадоксально, но на встрече И. Дачича с Х. ван Ромпеем в тот же день бельгиец ни слова ни сказал о признании независимости Косово, призвав Сербию лишь к большей открытости в диалоге со своим бывшим краем[10].

Строго говоря, даже такое требование ЕС о развитии переговорного процесса с Косово Сербией не выполнялось. Сербская платформа для переговоров на тот момент ещё только разрабатывалась, официальных встреч так и не состоялось. Т. Николич ограничивался лишь заявлениями о желании установления прочного мира между сербами и албанцами, о необходимости улучшения жизни и безопасности в Косово, но дальше этого не шёл. Тем не менее, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 27 сентября это не помешало ему сделать достаточно радикальное заявление:

«Мы добрались до грани, выполняя требования, которые вели к независимости Косова и Метохии, но больше мы не сделаем ни шагу в этом направлении»[11].

---

[1] ЕС и Сербия подписали символическое соглашение о стабилизации и сотрудничестве. Коштуница называет его антиконституционным/Newsru.com [Электронный ресурс]. - 2008. – Режим доступа: . – Дата доступа: 14.10.2012.

[2] Сербия подала официальную заявку на вступление в Европейский союз/Newsru.com [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.newsru.com/world/22dec2009/serbes.html. – Дата доступа: 14.10.2012.

[3] Сербия получила статус кандидата в члены ЕС/Lenta.ru [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://lenta.ru/news/2012/03/02/granted/. – Дата доступа: 13.11.2012.

[4] Переговоры Сербии с ЕС зависят от ее отношений с Косово – Ромпей/РИА-Новости [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.ria.ru/world/20120615/674084078.html. – Дата доступа: 15.10.2012.

[5] Tsvetkova, M. Serbian tells Putin he will not trade Kosovo for EU/M. Tsvetkova//Reuters [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.reuters.com/article/2012/05/26/us-russia-serbia-idUSBRE84P0DP 20120526. – Дата доступа: 15.10.2012.

[6] Там же.

[7] См. Переговоры Сербии с ЕС…

[8] Там же.

[9] Глава Европарламента: Сербия должна признать Косово до вступления в ЕС/РИА-Новости [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.ria.ru/world/20120904/743128582.html. – Дата доступа: 14.10.2012.

[10] Nielsen, N. EU presses Serbian on reform/N. Nielsen//EUobserver [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://euobserver.com/enlargement/117436/. - Дата доступа: 08.07.2012.

[11] Krunić, J. Susret Nikolić–Ešton: Mir za sever Kosmeta/J. Krunić//RTS [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/Politika/1181372/Susret+Nikoli%C4%87%E2%80%93E% C5%A1tonova%3A+Mir+za+sever+Kosmeta+.html. – Дата доступа: 12.10.2012.

Учитывая, что «грань» Сербии не далеко ушла от изначальной точки, идущие одно за другим требования из Брюсселя об активизации диалога являлись вполне уместными.

Ещё более неоднозначным косовский вопрос в призме интеграционных устремлений Сербии сделала проблема северного Косово, населённого преимущественно сербами и от этого находящегося в состоянии перманентной войны с косовскими албанцами. Видя опасность отделения севера края европейские политики стали настойчиво требовать от Сербии гарантий целостности Косово. Сербия же, разыгрывая этот, пожалуй, последний козырь в своей косовской колоде карт, не спешила и не спешит делать таких заявлений. В частности, на вопрос о том, собирается ли правительство Сербии удовлетворить требования ЕС ликвидировать свои инстанции на севере Косова, Т. Николич на встрече с К. Эштон ответил, что такой шаг поспособствовал бы укреплению независимости Косова, чего, по его словам, немыслимо требовать от правительства[1].

На мой взгляд, закономерным итогом отсутствия прогресса в сербо-косовском диалоге стал отказ Сербии в назначении даты вступления в ЕС. Вместо этого в докладе, обнародованном 10 октября, Белграду было порекомендовано улучшить отношения с Приштиной:

«После выборов и формирования нового правительства, Сербия должна продолжать конструктивно участвовать в следующем этапе диалога в целях достижения дальнейшего прогресса в видимом и устойчивом улучшении отношений с Косово…» [2].

Этим решением Сербии дали ясно понять о недостаточности принимаемых Белградом мер в диалоге с Косово. Что же подразумевалось под «конструктивным участием» покажет время. Возможно, как отметил спецдокладчик Европарламента по Западным Балканам Х. Свобода, Сербии действительно придётся признать независимость Косово[3]. Однако позиция Т. Николича не предрасполагает к реалистичности подобного исхода. 15 октября сербский лидер, заявляя о готовности платформы для переговоров с мятежным краем (а эта платформа демонстрировала приверженность диалогу вкупе с ожиданием встречных шагов), в очередной раз подчеркнул неприемлемость постановки вопроса «или ЕС, или Косово». Кроме того, говоря о вопросе Северного Косово, президент отметил, что «*неправомерно требовать от Сербии гарантий целостности Косово и отказ от отрыва от него Севера, в то время как Запад сам не соблюдает Резолюцию ООН 1244»*[4].

Но, пожалуй, самым важным является факт поддержки позиции сербского президента собственным народом. По результатам опроса Центра политики безопасности (Белград) оказалось, что молодые сербы преимущественно выступают против евроинтеграции своей страны. Опрос, проведённый в сентябре 2012 г., выявил, что 40,9% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет выступает за интеграцию в ЕС, в то время как 41,5% против. При рассмотрении всех возрастных групп опрашиваемых ситуация улучшается немногим — 35% респондентов высказались категорически против членства в ЕС, что на 10% больше, чем в июне. Наконец, лишь 11% заявили, что Косово должно быть признано, если такая политика приведёт страну в Евросоюз[5].

Как видим, ни позиция президента, ни позиция сербского народа не предрасполагают к капитуляции в косовском вопросе во благо евроинтеграции. Также можно с большой долей уверенности предположить, что в годы президентства Т. Николича эта ситуация не изменится. Ближайший экзамен эта точка зрения выдержит уже в конце 2012 — начале 2013 г., когда начнутся прямые сербо-косовские переговоры.

D. Serikbayev
East Kazakhstan, State Technical University by G. Niyazkhankyzy

Migration processes on the territory of Kazakhstan

For centuries, independence had been the dream of the Kazakh people. In 1991, Soviet Union, one of the largest empire fell apart and as a result, the Kazakh dream has come true, independent Republic of Kazakhstan was formed. Twenty years later the Kazakh economical, political, social, demographical and migration policies played a major role in shaping the current demographic situation and the migration process that has started long before the sovereignty of Republic of Kazakhstan.

The political and economical history of Kazakhstan is unique in the sense that prior to 1991 the country was once ruled under the tsarist empire then followed by the Soviet's totalitarian system. Such experiences have great influences on the transition of Kazakhstan, a nation that was once dependent on other nations, to a nation that has its own independence.

During the Soviet Union era, the soviet implemented immigration policy that engender multinationality on the territory of Kazakhstan. Since the 1920s the Kazakh population has been decreasing, and according to the population census of 1926, the population of Kazakhstan was 6, 197,100 of which 57.1% were Kazakh, 19.68% were Russian, and 3.28% were Uzbeks. When compared to the population census of 1959, the proportion of Kazakhs decreased to 29.7%, the effect of the Soviet's immigration policy[6].

The last census conducted during the USSR era was in the year 1989, any records thereafter regarding the population census were conducted by new republics that rose after the fall of the USSR. The population census was a necessary tool to observe the

[1] Krunić, J. Susret Nikolić–Ešton: Mir za sever Kosmeta/J. Krunić//RTS [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/Politika/1181372/Susret+Nikoli%C4%87%E2%80%93E% C5%A1tonova%3A+Mir+za+sever+Kosmeta+.html. – Дата доступа: 12.10.2012.

[2] Serbia fails to get EU accession talks date/B92 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: . – Дата доступа: 25.10.2012.

[3] Serbia will have to recognize Kosovo, EU rapporteur claims/B92 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.b92.net/eng/news/politics-article.php?yyyy=2012&mm=10&dd=14&nav_id=82650. – Дата доступа: 16.10.2012.

[4] Babović, M. Nikolić za «Novosti»: Ako zatraže Kosovo, nećemo u Evropu/M. Babović//Večerne Novosti. – 2012. – 15 oktobar. – C. 1.

[5] Young Serbians most opposed to EU integration/B92 [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.b92.net/eng/news/politics-article.php?yyyy=2012&mm=10&dd=17&nav_id=82699. – Дата доступа: 18.10.2012.

[6] Ethno-demographic situation of independent Kazakhstan and its main tendencies.//History of Kazakhstan: people and cultures. – Almaty: Daik-Press, 2001.- p.600.

structural changes in population of those republics and the migration of people between 1989–2009. Furthermore, the census acted as a measurement of changes in national structure, language, gender and age category, employment level, and many other indicators in the level of republics, cities, region, and villages.

In the short time frame between the last census by the USSR (1989) and prior to the independence of Kazakhstan, socio-demographic changes played an impactful role to the migration process of the Republic. It should be noted that the outflow of population in Kazakhstan began on the second half of the 1970s, and by early 1980s the outflow of population was growing at a severe rate. By late 1980s, the outflow of population was pushed higher by political situation such as the "December Riots" (after 1986). The effect of this event was also noted by researcher M. Tatimov, in his work named "Қазақ әлемі" (Kazakh's world).

Before 1989, there was an overlap of foreign immigrants to the number of Kazakh moving within the country. During the 60s and 70s, restricted cities such as Semipalatinsk Nuclear Area and Baikonur Cosmodrome, and various industries such as military, electric power, steel, and chemical, were largely occupied by foreign employees from other part of the USSR.

After the collapse of the USSR in 1991 high skilled labors who were assigned to Kazakhstan during the USSR era began to move out. In ten years, from 1989–1999 the population of Kazakhstan decreased by 1.2 million, between 1993–2000 the population further decreased by 1.5 million. There are many reasons for the incredible rate of outflow, but one of the more credible is that many were simply returning home.

According to the 1989 population census, Kazakhstan had a population of 16,527,600 of which 56.3% were urban residents, and 43.7% were from rural areas. During 1989–1991 there were signs that population growth has commenced, population grew slightly from 16,690,300 in 1990 to 16,793,100 in 1991 (there has not been any significant changes in the percentage of urban vs. rural residents). In the four years from 1989–1992, population grew at an average rate of mere 0.7%, then from 1992–1994 Kazakhstan experienced a decline in population at an average rate of 0.9%[1].

Towards the end of 1990s the percentage of population exiting Kazakhstan started declining, partially driven by the Russian economic reforms that followed after the collapse of the Soviet Union. This reform made traveling in and out of the country less flexible as the application processes were made more complicated. Another driver for that decline was a weak domestic market for imported goods, which were usually brought in by travelers. Therefore as demand was weakening there was no more incentive for merchants to make the travel for sourcing products.

Migration processes of sovereign Kazakhstan can be divided into 2 periods:

First period: 1991–2003. Apart from the rising outflow of people described above, during this time period, Kazakhstan also experienced a decline in birth rate and a growth in death rate, which is why there is a decline in natural growth rate. Between 1991–2003 population of Kazakhstan decreased from 16,793,100 to 14,866,800[2].

Second period: 2004–2009. The second period of migration started in 2004, where the decrease of population finally ended. Starting from 2004, the situation was reversed from people exiting the country to people moving into the country, as more signs of economic stability in Kazakhstan started to surface. Although the number is trivial there was an increase of 2,789 people to the population of Kazakhstan in 2004. According to the statistical data, during the second period of migration process, which happened during 2004–2009, the number of population exiting the country was recorded at 1,806,800 vs. 1,877,300 numbers of people entering the country. A total number of 3,684,100 people were involved in the migration process. When looking at the difference between the number of inflow and outflow, there is an apparent growth in population by 70,600 due to migration process[3].

During the period of 2004–2009, the natural growth of the country boosted the country population by 756,200. If the effect of migration process is taken into account, then the number of population grew by 826,800. At the same time rural population kept the migration within the country active by moving into cities, where the government had plans to improve social and economic development. The government's policy encouraged 1,567,700 people to migrate within the country.

When looking at the timeline of 1991–2009, a total of 1,657,700 people immigrated into the country and 3,859,500 people emigrated out of the country. By 2009, the population of Kazakhstan reached 16,004,800, however still below the level of 1991, a population count of 16,793,100.

The decline in Kazakh population during 1991–2003 was heavily caused by the social, economical, and political reforms that were initiated after the collapse of the Soviet Union. By 2004 the trend has reversed due to the politics of the current President on regulation of migration processes, and the stability of the country that triggered a natural growth within the country.

References:

1. Ethno-demographic situation of independent Kazakhstan and its main tendencies.//History of Kazakhstan: people and cultures. — Almaty: Daik-Press, 2001.- p.600.
2. Vishnevsky A. G. Russian population. — Moscow: Science, 2001.-p. 90.
3. Statictical Yearbook of Kazakhstan. 2000. — Almaty: The Agency of statistics of the Republic of Kazakhstan. 2000. — p. 23;
4. Migration process of Kazakhstan in 2008. N 15. — Almaty: The Agency of statistics of the Republic of Kazakhstan, 2009. — p.38

[1] Vishnevsky A. G. Russian population. – Moscow: Science, 2001.-p. 90.

[2] Statictical Yearbook of Kazakhstan. 2000. – Almaty: The Agency of statistics of the Republic of Kazakhstan. 2000. – p. 23;

[3] Migration process of Kazakhstan in 2008. N 15. – Almaty: The Agency of statistics of the Republic of Kazakhstan, 2009. – p.38

Orlov Pavel
South Ural State University, «Business and competitiveness evaluation» department
Ph. D. in History, assistant professor

Орлов Павел Алексеевич,
Южно-Уральский государственный университет,
к. и.н., доцент кафедры «Оценка бизнеса и конкурентоспособности»

Emeritus fund of mining engineers vs. Mining-works associations: comparative aspects of functioning of corporate pension institutions of Mining Office in the second half of XIX century

Эмеритальная касса горных инженеров vs. горнозаводские товарищества: сравнительные аспекты функционирования корпоративных пенсионных учреждений в Горном ведомстве во второй половине XIX в.

Раскрытие социальных и экономических закономерностей функционирования корпоративных пенсионных практик в стратегически важном для пореформенной Российской империи Горном ведомстве, представляется *актуальным* в части обоснования эффективных механизмов реформирования современной отечественной пенсионной системы.[1]

Очевидно, при всей вариативности направлений модернизации действующей в Российской Федерации модели социального государства[2] и ее базового элемента, — пенсионной системы,[3] — логичным выглядит если не востребование буквально, то, по крайней мере, осведомленность об имеющемся отечественном опыте социальных реформ, особенно в их ведомственном (отраслевом) контексте.

В таком смысле, «*интересность*» выбора о*бъекта* изучения, — осуществлявшего управление горно-металлургической промышленностью Российской империи Горного ведомства,[4] — мы склонны связывать с фактом благополучного развития в его системе во второй половине XIX в. двух принципиально разных *организационных форм* реализации дополнительных социальных (пенсионных) гарантий лицам, оставившим службу или работу по возрасту, увечью или болезни: *эмеритальной кассы* горных инженеров и *горнозаводских товариществ* на казенных горных заводах.

Возможность применения к этим учреждениям термина «*корпоративные*» следует объяснять:

а) определенностью источника инициативы по их созданию (учреждению);

б) специфической общностью определенным образом упорядоченных норм и предписаний по содержанию, организации, ведению и ресурсному обеспечению *конкретных пенсионных практик* в отношении конкретного круга их субъектов, — горных инженеров и служащих Горного ведомства и мастеровых казенных горных заводов и рудников;

в) жесткой непосредственной связью фондов денежных и материальных средств касс в одном случае, — с системой казначейских расчетов жалования участвующим в эмеритальной кассе горным инженерам, в другом, — с ежегодно вносимой в товарищескую кассу конкретным казенным заводоуправлением суммой, равной взносам членов товарищества;

г) установленными особыми условиями оценки оснований «*истребования какого-либо пенсионного пособия*» из соответствующего источника (эмеритальной кассы или кассы горнозаводского товарищества), только в связи с доказательным «*подтверждением причастности просителя*» к его (источника) формированию;

д) наличием обособленных и при этом интегрированных в единую хозяйственно-отраслевую структуру Горного ведомства территориальных единиц, — горных округов, — выступавших сосредоточением служебно-профессиональной, администра-

[1] Обоснования эффективности механизмов реформы впервые были провозглашены еще в далеком 1995 г. См.: Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 07.07.1995 г. № 790//В кн.: Сулейманова Г. В. Социальное обеспечение и социальное страхование. М.,1998. С. 147–161.

[2] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. //Российская газета. 21.01.2009. № 7. Ст. 7.

[3] См., например: Пенсионная реформа в России? Аналитический доклад Русского экономического общества. М.: РЭО, 2003. 36 с.; Малева Т. М., Синявская О. В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. М.: Независимый институт социальной политики, 2005. 90 с.; Лысенко Е. Взять все и накопить//Новая газета. 2008. № 77; Он же. Кризис вышел на пенсию//Новая газета. 2008. № 93; Ляшенко Г. Ваша пенсия спета. Правила пенсионного выживания в России ужесточаются. – http://li.ru/go?http://www.gzt.ru/wallet/2008/05/05/060002.html; Зиновьев И., Алеева Е. За чертой возраста//Коммерсантъ Деньги. 2008. № 24 (681); Теплухин П. М. Три ошибки пенсионной системы. – http://chelfin.ru/text/first_face/219979.html; Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы РФ с учетом влияния мирового финансового кризиса. Аналитический доклад. М.: Минздравсоцразвития России, 2010. 30 с.; К 2014 году правительство начнет новую пенсионную реформу. – http://echo.msk.ru/news/782739-echo.phtml; Кричевский Н. А. Дефицит – ничего личного//Новая газета. 2012. № 121; Он же. Восемь «пенсионных» вопросов к правительству// Московский Комсомолец. 2012. № 26094; Полухин А. В. Ваша пенсия во дворце. Почему правительство затыкает коррупционные дыры деньгами пенсионеров?//Новая газета. 2012. № 130; Блант М. За себя и за того парня. – http://www.ej.ru/?a=note&id=12408; Он же. Пенсией – по старости! Новая модель пенсионной системы не выгодна никому//Новая газета. 2012. № 137.

[4] Горный департамент был создан при Министерстве финансов 13.06.1806 г. (ПСЗ, № 6685). После передачи соляного дела из МВД в Министерство Финансов (декабрь 1811 г.), департамент получил наименование Департамента горных и соляных дел. Указом 15.04.1863 г. Департамент горных и соляных дел преобразован в Горный департамент (состоя из отделений Монетного, Казенных горных заводов, Частных горных заводов, Частных золотых промыслов, Горных заводов Царства Польского (с 1869 г.), Инспекторского (с 1864 г. после упразднения Штаба Корпуса горных инженеров), а также Счетного (с 1868 г. – Бухгалтерского) и Судного) и продолжал находиться в составе Министерства Финансов до 1874 г., когда департамент перешёл в состав Министерства государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ) с сохранением монетной и пробирной частей в ведении Министерства финансов.

тивной, надзорной, производственно-технической, медицинской, судной, имущественной, снабженческой и прочих «частей», значимых в контексте личных стратегий и обстоятельств «*пенсионных хлопот*».

Ставшая, по сути, временем активного оформления системы пенсионного обеспечения государственных служащих империи *на началах страховых* (принципиально полагающихся на базовые правила «*дополнительной к казенной*» и «*отложенной, личными трудами или службами созданной компенсации*»), [1] в «*усилиях на сей счет*» по Горному ведомству эпоха пореформенной модернизации, определенно, оказалась вполне результативной.[2]

Начавшая свое действие 1 июля 1860 г. *эмеритальная касса горных инженеров* (эмеритура (от лат. emeritus) — заслуженный), была создана «*для производства пенсий и пособий как самим означенным инженерам по оставлении ими государственной службы, так равно семействам сих лиц в определяемых случаях*». [3]

Обязанность участия в ней распространялась на всех числящихся в списке горных инженеров лиц, «*как состоящих на государственной службе по Горному или иному ведомству, так равно и откомандированных для технических заданий в правительственные или общественные учреждения или в частные предприятия*».

Денежные средства кассы (*эмеритальный капитал горных инженеров*), образуемые Всемилостивейше дарованными кассе суммами; 6-процентными вычетами со всего денежного содержания по чинам, должностям или особым Высочайшим повелениям у служащих горных инженеров; собственными ежегодными доходами, хранились в Главном казначействе в числе специальных средств Горного департамента.

В частности, из полагавшихся по чину *тайного советника* доходов, — жалования (1.715,52 руб.) и столовых (571,84 руб.), — годовой 6-процентный вычет в эмеритуру составлял 137,24 руб. (по 45,75 руб. в каждую из третей календарного года); по чину *губернского секретаря* с жалованием в 300 руб. и 57,18 руб. столовых, — вычет в 21,43 руб. (т. е. по третям года по 7,14 руб.). [4]

Средства кассы не могли быть направлены ни на какие иные траты, кроме положенных уставных расходов на выплаты пенсий; а собственно э*меритальный капитал* объявлялся неприкосновенной собственностью всех участвующих в кассе горных инженеров и служащих ведомства.

В соответствии с Уставом, членам кассы предусматривались пожизненные (пенсии) или единовременные (пособия) денежные выдачи:

а) должные производиться *исключительно после отставки*,

б) при наличии «*выслуги известного числа лет на государственной службе*» (20 или 25 лет),

в) «*пробытия известного числа лет участником кассы*» (а именно, — 5, 10, 15, 20 или 25 лет).

Право на эмеритальную пенсию определялось независящим как от дурной аттестации по службе, состояния под судом, наличия взысканий, штрафов, возложенных наказаний и вообще причин, уязвляющих основания претендовать на «*казначейскую*» пенсию (кроме лишения прав состояния, — в таком случае эмеритура передавалась семейству виновного), так и от особых законных способов, увеличивающих выслугу при ее исчислении.

Болезненное состояние выходящего в отставку, или совершенно расстроенное на службе здоровье также не влекли никаких особых прав на эмеритальную пенсию; за исключением обстоятельств получения при исполнении обязанностей увечья, лишающего его возможности продолжать какую-либо службу, или неизлечимой болезни («*разбитие параличом, лишение рассудка или совершенная потеря зрения*»), — тогда учитывалось действительное число «*платных в кассу лет*», а служебная выслуга считалась наравне с 25-летними пенсионерами; при недостатке даже 5-летней выслуги «*шло единовременное пособие*» в размере полного эмеритального оклада.

«*Ближайшее*» заведывание делами и капиталом эмеритальной кассы возлагалось на Горный департамент, а «*общее*» (порядок производства эмеритальных вычетов, наблюдение за их исправным поступлением, рассмотрение прав на пенсии и пособия, назначение пенсий и пособий, делопроизводство по кассе и кассовая отчетность) было сосредоточено в Горном совете.

Система эмеритальных пенсии делилась на классы «*по летам*» общей государственной службы: пенсия 1 класса следовала за 25 и более лет, 2 — за службу от 20 до 25 лет.

По *первому разряду* пенсии 1 класса за период в 5–10 «*платных в кассу лет*» полагалась 4/8 полного эмеритального оклада; по *второму разряду*, — за 10–15 лет, — 5/8; за 15–20 лет по *третьему разряду*, — 6/8; по *четвертому разряду* за 20–25 лет, — 7/8; по *пятому разряду* за 25 и более лет, — полный эмеритальный оклад.

В *первом разряде* пенсии 2 класса за 5–10 «*платных лет*», — 3/12 полного эмеритального оклада: во *втором* за 10–15 лет, — 4/12; за 15–20 лет в *третьем*, — 5/12; за 20–25 лет в *четвертом* разряде, — половина полного эмеритального оклада.

---

[1] Мельников В. П., Нечипоренко В. С. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М.: Изд-во РАГС, 2003. Ч. 1–2. С. 169–170.

[2] Образование горнозаводских товариществ предполагалось на всех предприятиях, – как казенных, так и частных (в первом пореформенном издании Горного устава (1876 г.), в порядке ст. 659 (Раздел II. О частной горной промышленности, Гл.6. О найме рабочих на частные горные заводы и промыслы) предусматривалось «*учреждение их по обоюдному согласию заводовладельцев и работающих людей*»); но за всю вторую половину XIX в. ни на одном владельческом горном заводе товариществ создано не было. Учрежденное в 1867 г. Нижнеисетское товарищество (Екатеринбургский округ) было упразднено в 1906 г. в связи с закрытием Нижнеисетского завода. См.: Гусятников С. П. Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников за 1902–1913 гг. //Горный журнал. Пг., 1915. № 4. С. 40.; Основанием для «*принятия по кассе действующего товарищества специальных решений, както: взятия на себя обязательств, ранее исполняемых по отношению к товариществу казной в лице заводоуправления, или ликвидации дел товарищества*», могло стать изменение формы владения тем казенным заводом, при котором товарищество действовало. Например, Миасское товарищество после акционирования Миасских золотых приисков объединилось с ссудно-сберегательной кассой служащих компании «Миасского золотопромышленного дела» (См.: Златоустовский государственный архивный отдел (ЗГАО) Ф.И-19. Оп. 1. Д.2947. Л.11, 18–19 об.). Алагирское товарищество продолжало существовать после передачи завода в аренду частному владельцу. См.: Гусятников С. П. Указ. соч. С. 35.

[3] См.: Свод законов. СПб., 1893; по прод. 1902. Т. III. Кн.4. Раздел 2. Гл. 1. Ст. 1.

[4] Там же. Приложение к Ст. 16 (прим.).

Для чина *тайного советника* полный эмеритальный оклад соответствовал положенному жалованию (1.715,52 руб.), и за 5–10 лет в кассе размер эмеритальной пенсии *первого класса* (4/8) составлял 857,76 руб., *второго класса*, — 428,88 руб. (3/12); соответственно, по чину *губернского секретаря* полный эмеритальный оклад равнялся жалованию в 300 руб., а за 5–10 лет в кассе эмеритальная пенсия *первого класса* (4/8) достигала 150 руб., *второго класса*, — 75 руб. (3/12).

По расписанию *эмеритальных окладов* в числе чинов, за *тайным* шли *советники*: *действительный статский* (1.258,04 руб. в полный эмеритальный оклад), *статский* (857,76 руб.), *коллежский* (571,84 руб.), *надворный* (400 руб.), *коллежский асессор* (370 руб.), *титулярный советник* (340 руб.) и *коллежский секретарь* (320 руб.). [1]

В отчете Государственного контроля Российской империи за 1896 г., состояние эмеритальной кассы горных инженеров [2] (каковых в тот год числилось 721 чел.), [3] характеризовалось следующими показателями: увеличением капитала на 21.502 руб. с 1 января 1896 г. (1.623.632 руб.) по 1 января 1897 г. (1.645.134 руб.); размером поступлений в кассу в 1896 г. — 195.232 руб.; размером выдач из кассы в 1896 г. — 173.730 руб. [4]

Можно признать, что выдаваемые отставным горным инженерам при соблюдении ими всех предъявляемых условий «*состояния в кассе*» эмеритальные пенсии становились значительной прибавкой к пенсии казенной, а зачастую эмеритура составляла большую часть пенсионного обеспечения отставника или его законных наследников. [5]

Практически одновременно с устройством эмеритуры для высшей профессиональной части специалистов ведомства, — горных инженеров, начала складываться система [6] *горнозаводских товариществ*, предусмотренных по «Положению о горнозаводском населении казённых горных заводов ведомства Министерства финансов» 08.03.1861 г. [7]

В частности, [8] в 1865 г. «*было согласовано*» Нижнетуринское товарищество в Гороблагодатском округе. За 1866 г. появились Златоустовское и Миасское в Златоустовском; Верхнетуринское, Баранчинское и Серебрянское в Гороблагодатском, Каменское в Екатеринбургском округе. Позднее образовывались: Кушвинское (Гороблагодатский округ) и Нижнеисетское (Екатеринбургский округ) — в 1867 г. (последнее просуществовало до 1906 г.), Кусинское (Златоустовский округ) — в 1869 г., Воткинское (Камско-Воткинский округ) — в 1873, Пермское (Пермкий округ) и Саткинское (Златоустовский округ) — в 1886 г.; наконец, в 1895 г. — Артинское в Златоустовском округе.

Помимо заводов хребта Уральского, товарищества создавались и в других промышленных центрах присутствия казенного горнозаводского хозяйствования — на Кавказе, Алтае и в Карелии (Алагирское — 1862 г., Илимское — 1869 г., Олонецкое — 1873 г.).

Целью «*необходимой при любом большом заводе или руднике меры*» провозглашалось «*попечение о рабочих в болезни, в старости, при несчастиях*», призрение вдов, сирот и «*вообще принятие действий, полезных горнорабочим*».

Распределение обязательств товарищеских касс предусматривалось по отношению к самим участникам, их вдовам и их детям, а капитал товариществ, начисляясь по персональным счетам, образовывал фонды пенсий [9] «*эмеритальных*» (выслуженных лично), «*вдовьих*» [10] и «*сиротских*».

---

[1] См.: Свод законов. СПб., 1893; по прод. 1902. Т. III. Кн.4. Раздел 2. Гл. 1. Приложение к Ст. 43.

[2] Пенсионные капиталы: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890–1907. Т. XXIII (45). – http://bibliotekar.ru/bep/108.htm.

[3] Макарова С. Л. Горный инженер. – http://imha.ru/2007/12/10/gornyjj-inzhener.-1..html.

[4] Отметим здесь, что «Доклад Ревизионной комиссии, назначенной Горным Советом для рассмотрения отчета Горного департамента по Эмеритальной кассе горных инженеров за 1900 г., одобренный Горным Советом и утвержденный г. Министром земледелия и государственных имуществ 29 января 1902 г.» представляет не разительно, но несколько иные данные об оборотах эмеритальной кассы горных инженеров (См.: Горный журнал. СПб., 1902. Т. I. № 2. С. 15–25).

[5] Отметим наличие нескольких точек зрения на финансовую устойчивость эмеритальной кассы горных инженеров, и вообще эмеритальных касс гражданских ведомств Российской империи. Например: Малешевский Б. Ф. Теория и практика пенсионных касс. Т. 2. Ч. 2: Теория страхования жизни вообще и в частности разного рода пенсий. СПб., 1890. С. 283–284; Пенсионные капиталы: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890–1907. Т. XXIII (45). – http://bibliotekar.ru/bep/108.htm; Эмеритальные кассы гражданского ведомства: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1890–1907. Т. XLA (80). – http://bsenc.ru/1000/07/146504.php; Яхонтов И. Несколько слов по поводу эмеритальных касс, и в частности об эмеритальной кассе горных инженеров//Горный журнал. СПб., 1890. Т. I. № 2. С. 363389; Крылов А., Сухомель В. Расчет эмеритальной кассы горных инженеров//Горный журнал. СПб., 1890. Т. I. № 3. С. XXIX–LXIX; Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. Репринтное воспроизведение издания 1947 г. М.: ЮКИС, 1992. С. 101–102; Воронин Ю. В. Пенсионное обеспечение в дореволюционной России//Пенсия. 1997. № 7 (10). С. 62; Дегтярев Г. П. Пенсионные реформы в России. М.: Academia, 2003. С. 55; Комаров Н. И., Пашенцев Д. А., Пашенцева С. В. Очерки истории права Российской империи: вторая половина XIX-начало XX в. М.: Статут, 2006. С. 273–274.

[6] В структуру которой последовательно включались, – помимо собственно товариществ с их кассами, – также и потребительские лавки, лесные склады, больничное имущество и прочие, так называемые, «потребительские операции».

[7] ПСЗ-II. Т. 36. № 36719.

[8] Тигранов Г. Ф. Горнозаводские товарищества казенных горных заводов и рудников в период с 1881 по 1893 гг. //Горный журнал. СПб., 1895. Т. I. № 1; Он же. Горнозаводские товарищества казенных горных заводов и рудников в период с 1894 г. по 1896 г. //Горный журнал. СПб., 1897. T.IV. № 11; Он же. Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников с 1897 по 1901 гг. //Горный журнал. СПб., 1902. T.IV. № 12; Гусятников С. П. Указ. соч.

[9] Значимым источником формирования кассы любого горнозаводского товарищества были проценты по ссудам. Например, за 1872 г. с 620 мастеровых – членов Златоустовского товарищества в товарищескую кассу было принято 1.161,07 руб. 2% членских взносов и около 600 руб., составленных из 5% платежей по выданным ссудам и возвращенных ссуд. См.: ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.3625. Л.45. О других источниках пополнения товарищеских фондов, например: Латынин В. О Нижнетуринском горнозаводском товариществе//Горный журнал. СПб.,1865. № 9. С. 367.

[10] Вдове участника товарищества по смерти мужа полагалось 1/3 выслуженной им пенсии. Если гибель была связана со спасением

«*Непременным*» участником кассы товарищества выступало *конкретное казенное заводоуправление*, обязанное ежегодно вносить сумму, равную совокупности взносов всех ее членов — физических лиц.

«*Производителем дел и полномочий товарищества*» определялся попечительский приказ, председатель которого назначался заводоуправлением, а четыре члена избирались из товарищества на 3-х летний срок.

Разработка правил устава и пенсионных норм для каждого вновь открывающегося товарищества, объявлялась «*вмененной функцией заводских контор*».

Эти правила определяли смысл каждого кассового взноса и порядок исчисления соответствующего его конечной сумме размера индивидуальной пенсии, которая составлялась из суммы поступивших взносов (2–3 копейки с каждого рубля жалования) за максимальное количество лет в товариществе.

Право на минимальную пенсию зависело «*от непрерывных в 10 лет членства и взносов*», а размер пенсии по стажу в товариществе рассчитывался долями полной пенсии с учетом выслуги в определенном разряде (зависевшем от величины сменного вознаграждения). [1]

Так, по Уставу крупнейшего Златоустовского товарищества, при делении на пенсионные разряды учитывалась задельная (поденная) плата мастерового за урочные (договорные) работы, тогда работнику *первого разряда* (при сменном вознаграждении от одного рубля до полутора, полагалась полная товарищеская пенсия в 182 руб./год. При *втором разряде* (при сменном вознаграждении от 80 коп. до рубля) пенсия должна была составить 147 руб./год. Члены Златоустовского товарищества, числившиеся по *пятому разряду*, получая за смену не более 40 коп., могли рассчитывать на 77-рублевую пенсию. [2]

Схема расчета пенсии по продолжительности членства, выслуге по разряду, приостановлению членства и взносов в Златоустовском товариществе была следующая: при сроке членства менее 10 лет и отсутствии в товариществе не более года пенсия вовсе не полагалась; за 10-летние состояние в товариществе, при выслуге по разряду не менее 4 лет, при отсутствии в товариществе не более 3 лет, но при не более чем полугодовой неуплате членских взносов, пенсионный оклад должен был составить 1/7 часть полной «полагающейся» пенсии. Тем же порядком, за 20 лет членства, с 8-летним стажем в конкретном разряде, при не более чем 5-летнем отсутствия и 2-х летней неуплате взносов «шли» 3/7 полной пенсии. Наконец, при максимальном 40-летнем членском стаже и 16-летнем стаже по разряду полагалась полная пенсия. [3]

Характерно, что инициированные [4] Горным департаментом товарищества не только *не рассматривались* родом альтернативы для давно сложившихся ведомственных традиций [5] обеспечения состарившихся или потерявших трудоспособность мастеровых; они и задумывались не как государственные, но как публично-правовые организации с демократическим (заявительным, но не явочным) порядком учреждения и значительными элементами самоуправления в собственной регламентации. [6]

жизней других людей, то постоянная вдовья пенсия увеличивалась вдвое уже рассчитанной суммы (на сирот право повышения пенсии из-за самоотверженной гибели отца не распространялась). Детям при матери полагалось получать по 1/10 пенсии отца, сыновьям до 15 лет, дочерям – до 18 лет (в случае, если до 18-летия не выйдут в замужество). Дети, прижитые вдовой по смерти ее мужа, прав на пенсию от кассы не имели, если бы даже незаконнорожденные дочери вышли впоследствии замуж за члена товарищества. См.: ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.1632. Л.13–15об.

[1] Факт «самопроизвольного прекращения взносов» устанавливался в связи с «самопроизвольным оставлением» службы или «безвременным отсутствием» члена товарищества, повлекшим увольнение. Непосредственно увольнению предшествовала переписка заводских контор с волостным правлением про причину отсутствия или оставления работ. Например: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.37. Оп. 58. Д.16. Л.1–6; ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.2947. Л.12.

[2] ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.2632. Л..3–3 об.,5.

[3] Там же. Л.7–8,10–10об.

[4] В деле 1892 г. «По запросам разных мест и лиц о мерах, принимаемых Правительством к обеспечению быта промышленного населения в старости» указано буквально, что «на запрос Хозяйственного департамента МВД, согласно ходатайства Великобританского посла в Санкт-Петербурге, сообщить данные о мерах принимаемым нашим Правительством для обеспечения быта промышленного населения по старости лет, Горный департамент отозвался, что общих законоположений об обеспечении быта промышленного населения *не существует*, относительно же рабочих горнозаводской отрасли промышленности практикуются частные постановления, предусматривающие возможность образования на указанных законом основаниях *особых горнозаводских товариществ*» См.: РГИА. Ф.37. Оп. 58. Д.18. 3–4 об.

[5] Качествами категорий государственных служащих, имевших право на пенсию в связи с отставкой, мастеровые уральских казенных горных заводов стали наделяться при Александре I. (См.: Павловский Н. Г. Правовой статус мастеровых и рабочих людей казенных горных заводов Урала в первой половине XIX в.//Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Сб. научных трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 129–130). Помимо Устава о пенсиях и единовременных пособиях в редакции 06.12.1827 г., вошедшего в первое 1832 г., последующие полные (1842 и 1857 г.) и неполные (1836, 1876, 1885, 1886, 1887, 1889, 1893) издания «Свода законов Российской империи» (а также Горного, Промышленности фабричной и заводской, Общественного призрения, Врачебного), принципиальное значение в пенсионных расчетах имели «Штаты и основные рабочие положения горных казенных заводов Хребта Уральского» 1847 г., установившие единый всех мастеровых и работных людей 35-летний срок службы («*Предельно неблагоприятный для здоровья и достаточно продолжительный для того, чтоб мастеровой трудоспособности лишился*». См.: ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.319. Л.201), по окончании которого они получали право на выбор, – продолжать таковую в казенном заводе или уволится в отставку. «Штаты» оставались главным основанием для непосредственного начисления пенсионных сумм отставным мастеровым и после 1861 г., что существенно занижало фактическую пенсию. Подробнее: Орлов П. А. Правовые и организационные особенности пенсионного обеспечения горнозаводского населения Южного Урала накануне и в пореформенный период//Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сб. научных трудов. Москва: АИРО-XX, 2002. С. 44–85; Он же. Модели пенсионного обеспечения на горнозаводском Урале в контексте индустриального процесса рубежа XIX–XX вв.//Урал в контексте российской модернизации. Сб. научных статей. Челябинск: Каменный пояс, 2005. С. 185–205.

[6] Например, по специальному решению Горного департамента первоначальное количество участников товарищества в Нижнетуринском заводе (Гороблагодатский округ) составило 168 чел. (См.: Латынин В. Указ. соч. С. 356); в Нижнеисетском

Организующее товарищество решение повсеместно принималось «*всенепременно осознано всем сообществом занятых*» на конкретном предприятии и «*пожелавших быть в нем своими взносами*»; [1] а для «*взятых в работу*» позднее, поступление в товарищество считалось «*обязательным, **но воспринятым по доброй воле**, предложением заводского начальства*», что буквально исключило возможность их «*централизованного введения*».

Напротив, хронологически образование шестнадцати (в общем итоге) товариществ, продолжалось более 30 лет; а их реальная состоятельность к 1914 г. выразилась, в частности, в превышающей 2 млн. руб. сумме общего кассового капитала, более чем 6 тысячах пенсионеров при около 23 тысячах участников (в т. ч. 398 женщин)). [2]

Допустимо считать, что «*правильное исполнение идеи товариществ*» стало не чем иным, как «*исполнением*» ведомственного инновационного проекта (с заявленной проектной целью, с ранжированием задач и критериев их достижения, с выявлением ресурсов и угроз «*нереализации*»), главной своеобразной чертой которого стали поначалу планируемые лишь гипотетически, временные рамки; именно свидетельствующие о точном понимании высшими инстанциями условий «*среды внедрения*» [3] и ключевых факторов влияния в ней.

Поэтому опыт постановки системы товариществ в Горном ведомстве следует объяснять:

а) в ракурсе взаимодействия внутри конкретных служебно-профессиональных сообществ мастеровых и с лицами администрации («*приказией*») казенных горнозаводских округов; [4]

б) в связи с активным нормативным редактированием [5] и практически постоянными «*переделками, необходимыми для выработки нормального* (!) *положения о вспомогательных кассах*», [6] на протяжении всего периода их существования предпринимаемыми должностными лицами товариществ и «*конкретными заводскими и высшими начальствами и инстанциями*».

в) с учетом показательности товариществ как легальных (не политических) рабочих организаций; [7]

г) со вниманием к тому, в каких «*превосходных степенях*» *заводовладельцы* воспринимали и оценивали товарищества казенных заводов (например, по ходу IV, V и VI Съездов уральских горнопромышленников 1896, 1897, 1898 гг.) с точки зрения «*примерного качества и обстоятельства отсутствия угроз безвозвратной погибели финансов, определенных на мужичью старость*». [8]

На наш взгляд, расширяющая знания по социальной и экономической истории дореволюционной России и дающая, кроме прочего, основания для нетривиального понимания темы о *социально-экономическом статусе личности* в переходные эпохи, функционирование корпоративных пенсионных учреждений в Горном ведомстве во второй половине XIX в. может быть в целом оценено как «*история успеха*» (к слову, — показательно редкого для настоящего момента [9] российской действительности).

заводе (Екатеринбургский округ) – 195 чел. (См.: ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.2515. Л.28–28об.); в Златоустовском округе в Златоустовской оружейной фабрике – 160 чел. в Миасском заводе – 157, в Кусинском – 200, в Саткинском – 230, в Артинском – 146 чел. (См.: ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.3625. Л.1об.).

[1] Латынин В. Указ. соч. С. 356–357.

[2] Гусятников С. П. Указ. соч. С. 42–103.

[3] Несмотря на законодательное утверждение, термин «*горнозаводское население*» весьма условно обозначал складывание единой сословной корпорации, которая и после 1861 г. сохраняла свою своеобразную «*кастовость*». Практически, вплоть до начала XX в. и в официальной переписке фигурируют не только названные в документах реформы «*мастеровые*» и «*сельские работники*», но и «*цеховые*», «*крестьяне*», «*вспомогательные*», «*заводские крестьяне*», «*заводские люди/жители*», «*сельские обыватели*»; в рабочей же профессиональной среде, базовым для ранжирования оставалось деление на «*главных*» (например, «*служащие*», «*должностные*») и «*простых*» («*кабанщики*» *(«углежоги»)*, «*куренные*», «*кричные мастера*», «*литейщики*», и пр.).

[4] Например: Алеврас Н. Н. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала// Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2003. С. 57–69; Коробков Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). Монография. М.: Слово, 2003. 310 с.

[5] После 1861 г. «Временные положения о кассах горнозаводских товариществ» четырежды выходили в новых редакциях, – 21.12.1873, 09.04.1881, 26.05.1893 и 30.04.1902 гг.

[6] ЗГАО. Ф.И-19. Оп. 1. Д.2515. Л.2.

[7] Большаков В. П. О заводских товариществах 19 века. – http://www.istprof.atlabs.ru/162.html; Железкин В. Г. Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX века//Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации: Сб. научных статей. Екатеринбург: УрО РАН, УрГУ, 1998. С. 78–79; Махциева Н. С. Формирование первых профсоюзов Северной Осетии: экономические и политические предпосылки//Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 16. История. 2008. № 59. С. 83–91; Святловский В. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих//Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. С. 32 и сл.; Четин В. Е. О возникновении и деятельности златоустовского рабочего кружка//Из истории Южного Урала и Зауралья. Ученые записки. Челябинск: ЧГПИ, 1971. Вып. V. С. 3–24; Он же. О златоустовских стачках 1897 г. //Там же. С. 84–109; Он же. О горнозаводских товариществах на Златоустовских заводах//Восьмые Бирюковские чтения. Тезисы докладов. Челябинск: Книга, 1988. С. 33–36.

[8] Из выступления П. М. Карпинского, управляющего округом Кыштымских горных заводов наследников Л. И. Расторгуева на V-м Съезде (См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.24. Оп. 20. Д.2303. Лл.11–11 об.); О финансовой устойчивости горнозаводских товариществ, например: Гусятников С. П. Указ. соч. С. 40–41; О ревизии Кусинского горнозаводского товарищества (1881 г.) ЗГАО. Ф.И-19. И-19. Оп. 1. Д.2947; О растрате в Златоустовском товариществе (1884 г.) ЗГАО, Ф.И-19, Оп. 1, Д.3066; О растрате в потребительской лавке Пермского горнозаводского товарищества (1905 г.) РГИА. Ф.37. Оп. 58. Д.318; По вопросу о злоупотреблениях в кассе Саткинского горнозаводского товарищества (1913 г.) РГИА. Ф.37. Оп. 58. Д.702.

[9] 4 декабря 2012 г. на встрече с членами Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев заявил: «По пенсионной системе (…) Вы знаете мою позицию, Владимир Владимирович Путин свою позицию тоже высказывал, есть позиция других коллег. (…) Но, я думаю, вы тоже понимаете: та система, которая сформировалась, сколько бы мы ни делали заклинаний о пользе длинных денег, она не работает. (! – П. О.) (…) Если говорить о самой системе пенсионирования, то, вы знаете, здесь произошла ошибка в расчётах, её нужно просто признать – признать Правительству, признать тем, кто когда-то занимался этой проблемой, работая в Правительстве». – http://правительство.рф/docs/21729/. См. также первую в данной статье ссылку.

Prykhodko Mykola
Institute for Historical Education Department of History and Archaeology, Slavs, the National Pedagogical University.
postgraduate

Приходько Николай Николаевич,
Национальний педагогический университета им. М. П. Драгоманова,
аспирант Института исторического образования кафедры истории и археологии славян

Historiography of foreign policy of the Ukrainian State Hetman Skoropadsky

Историография внешней политики правительства Украинского Государства гетмана Скоропадского

Период правления Гетмана Павла Скоропадского в Украине (29 апреля — 14 декабря 1918 г.) был и до настоящего времени остается предметом дискуссии многих ученых, которые неоднозначно оценивают внешнеполитическую деятельность Гетмана.

Конечно, чтобы исследовать внешнеполитическую деятельность Скоропадского и сделать основательные выводы, которые должны научное значение, необходимо изучить как можно больше литературных источников по этой проблеме, как за авторством самого Гетмана, так и его сторонников и политических оппонентов; изучить, что писали о его политическую деятельность современники гетмана и проанализировать советские и современные работы; исследовать архивные материалы, эпистолярное наследие и другие источники, которые могут пролить свет на цели и мотивы его внешнеполитической деятельности, ведь, как пишет Г. Папакин, «понимание действий возникает у историка лишь тогда, когда он устанавливает целесообразность поступков человека в свете его собственных представлений и планов».

Историография накопила значительную базу по изучению политической деятельности Гетману. Однако, на сегодня не все вопросы остаются освещены в достаточной мере. Одной из таких противоречивых научных проблем является оценка внешнеполитической деятельности Скоропадского. Поэтому на данном этапе задачей нашего исследования будет анализ историографии и источниковой базы исследований по проблеме внешней политики Павла Скоропадского периода его правления в Украине.

Цель данной статьи- представить наличие существующих работ по исследуемой проблеме, акцентируя внимание на более значимых и обстоятельных трудах, период от правления гетмана Скоропадского до принятия независимости Украины 1918–1991 года.

Внешняя политика Скоропадского началась описываться еще в межвоенный период его современниками. Свидетелями тех событий было издано наибольшее количество материалов в которых неоднозначно давалась характеристика правительства Гетмана, в результате чего выделилось два историографических направления — УНРовское и прогетманское.

В последнее время среди исследователей наблюдается повышение интереса к внешнеполитической деятельности П. Скоропадского, но их взгляды, как и раньше, являются неоднозначными, сегодня их принято делить на адептов и критиков правительства П. Скоропадского.

Адептам (В. Липинский, Д. Дорошенко, А. Скоропис-Йолтуховский и другие) свойственно идеализировать политику Скоропадского, часто несколько преувеличивая его достижения. В своих исследованиях адепты основном опираются на воспоминания самого Павла Скоропадского.

Критики же, наоборот, для анализа политики Гетмана используют труды идейных оппонентов Скоропадского — В. Винниченко, М. Грушевского, М. Лозинского, И. Мазепу, С. Петлюру, П. Христюка, Н. Шаповала и других.

По мнению отечественного историографа Я. Калакура (2011) существует и третье течение — историки просоветской ориентации (М. Волин, И. Минц, М. Попов, М. Рубач, М. Яворский, Е. Городецкий, А. Лихолат, Л. Никольников, Р. Симоненко и другие), которые враждебно относятся к политике Скоропадского.

Наиболее обстоятельные исследования по освещению внешнеполитической деятельности Гетманата в разные времена провели: А. Шульгин (1918),

В. Винниченко (1920) П. Христюк (1921), А. Андреевский (1923), М. Шаповал (1927), И. Мазепа (1942), Д. Дорошенко (1969), Н. Полонская-Василенко (1972), А. Буравченков (1993), Ф. Проданюк (1993), Д. Веденеев (1994), Т. Заруда (1995), П. Захарченко (1997), В. Ульяновский (1997), В. Верстюк (1999), В. Солдатенко (1999), П. Гай -Нижник (2000), А. Тимощук (2000), С. Грибоедов (2001), А. Реент (2003), А. Любовець (2005), Р. Пирог (2008), В. Савченко (2008), И. Дацкив (2010), Д. Яневский (2010) и другие. Исследователи из разных позиций представляют деятельность П. Скоропадского на международной арене.

В нашей статье рассмотрим работы современников Гетмана, которые были свидетелями его правления, во-вторых, рассмотрим исследования украинских эмигрантов, в-третьих, представим исследования советских историков держась проблемно-хронологическому принципу освещения внешней политики П. Скоропадского.

Среди украинских исследователей, которые заложили основу для историографического исследования внешней политики Скоропадского необходимо назвать: М. Грушевского (1918), А. Шульгина (1918), В. Винниченко (1920), К. Левицкого (1938), И. Мазепу (1942), Д. Дорошенко (1969) и других. Их работы помогают раскрыть сущность внешнеполитической деятельности Гетмана, определить место Украины на международной арене во время правления Скоропадского. Здесь прежде всего необходимо отметить в трудах В. Винниченко (1920) — «Возрождение нации», П. Христюка (1921) — «Заметки и материалы к истории украинской революции», И. Мазепы (1942) — «Украина в огне и буре революции» и «Основания нашего возрождения» (1949); М. Шаповала (1919) — «Закат УНР», «Старая и новая Украина», « Великая революция и украинская освободительная программа » (1928), А. Шаповал

«Революционный социализм на Украине », « Межнациональное положение украинского народа »,« Ляхомания » (1931),« Дневник » в 2-х частях (1958), «Схема жизнеописания» (1956), «Гетманщина и Директория» (1958) и других. В своих работах эти авторы рассматривают внешнюю политику Гетмана с партийно-политической точки зрения.

Одной из первых работ, в которой отражены внешнеполитическую деятельность Гетмана есть небольшой по объему, но основательный по содержанию сборник статей и выступлений А. Шульгина (1918) «Политика: государственное строительство Украины и международные дела». В данной книге автор, дает анализ Брестских мирных соглашений, раскрывает направления и содержание деятельности правительства Гетмана в сфере международных отношений со странами Антанты и Центральными державами. В книге представлены документы, характеризующие внешнюю политику, формирования и становления дипломатических структур УНР за рубежом и основные дипломатические меры, которые А. Шульгин имел непосредственное отношение как первый министр иностранных дел Центральной Рады.

Мазепа (1949) анализирует причины ошибок внешнеполитической деятельности правительства Скоропадского, считая, что они произошли не в последнюю очередь из-за некомпетентной деятельности руководства МИД.

Большой вклад в освещение внешней политики Скоропадского внес Д. Дорошенко (1949). Будучи министром внешних отношений в 1918 году активно участвовал в международных отношениях Украины, поэтому знал объективную ее сторону, и пытался отразить в своих работах. Д. Дорошенко освещает процесс формирования внешней политики, создание и деятельность дипломатического корпуса, который он возглавлял. Особое значение в освещении внешней политики имеют его работы — «Зарубежная политика Украинского Государства 1918 года», «Кое-что о внешней политике украинского государства в 1918 году». Его труды представляют особую ценность, ведь автор в своих исследованиях обычно использовал оригинальные документы.

Д. Дорошенко объективно освещает отдельные миссии дипломатической службы УНР за рубежом, в Италии, опираясь не только на собственные воспоминания, а подкрепляя свои исследования архивными материалами и источниками периодической печати.

Особую ценность для нашего исследования представляют работы украинских эмигрантов, которые были свидетелями событий 1918 года. Среди них особенно заметный вклад в развитие историографии внешней политики Скоропадского внесли В. Андриевский (1923), С. Воляник (1989), И. Лысяк-Рудницкий (1994), М. Лозинский (1970), М. Стахив (1962), В. Трембицкий (1989). Их работы носят мемуарно-исследовательский характер.

Ряд работ диаспорные исследователи посвятили биографии украинских дипломатов и их деятельности. Это, в частности, две монографии — А. Господина (1989) «Три выдающиеся дипломаты: граф М. Тишкевич, князь И. Токаржевский-Карашевич, барон Василько» и И. Фомы (1987) «Апостольский престол и Украина, 1919–1922».

П. Солуха (1973) в работе «Договор с Москвой против гетмана Павла Скоропадского» раскрывает особенности и содержание отношений Украины с Россией и странами Антанты и другие вопросы политики Гетмана. Автор отмечает, что такие сторонники социалистической оппозиции, как В. Винниченко, М. Шаповал и другие, напротив, пытались представить внешнюю политику П. Скоропадского в искаженном виде, в своих интересах. Автор представляет свой взгляд и анализирует работы других исследователей относительно внешнеполитической деятельности правительства Скоропадского. Довольно интересное издание брошюра «Недавняя Гетманщина» (1933), которая вышла в г. Чикаго в честь 15-й годовщины Гетманщины. Автор представился как «очевидец». Эта брошюра является перепечаткой ряда статей, которые были помещены в филадельфийской «Америке», а после в «Сечи» (г. Чикаго). Как отмечает сам автор, цель этих статей чисто информационная. В брошюре содержатся статьи, как неизвестных авторов, так и за подписью самого П. Скоропадского. В частности, некоторые статьи посвящены освещению внешней политики Гетманщины.

Еще одно небольшое издание «Самостийник или федералист? Правда о Гетмана Павла Скоропадского » (1935) с аналогичными взглядами на внешнеполитическую деятельность Скоропадского вышло за подписью, возможно, того же неизвестного очевидца в том же г. Чикаго.

Также за рубежом увидела свет ряд других изданий, в которых дается положительный отзыв о П. Скоропадского и его внешнеполитическую деятельность. Так, в г. Чикаго за авторством А. Кущинского (1974) выходит книга в честь 100-летия со дня рождения П. Скоропадского «Патриот и государственный муж Украина», где кратко освещаются заслуги Скоропадского в зарубежной политике. В г. Торонто вышла небольшая работа Д. Левчука (1952) «Гетман Павел Скоропадский в свете исторических фактов». Автором по периодам рассмотрена деятельность и поступки Гетмана на реальных фактах.

М. Ростовець (1938) в небольшом очерке «Скоропадский и скоропадчуки», наоборот, освещает Скоропадского как пророссийского политика, замечая, что «Скоропадщина сегодня готова продаться кому угодно, но окончательная его цель одна: ставка на единую, неделимую Россию»

Король Н. (1967) в очерке «Как Павел Скоропадский стал гетманом Украины» пишет о том, что П. Скоропадский своей «грамотой» уничтожил государство, главой которой сам был, объявив федерацию с Россией, то есть Украина за «Грамотой» Скоропадского становилась югом России

Заслуживают внимания и два других сборника статей разных авторов (М. Королишин, Д. Левчук, В. Липинский, и другие), вышедших в г. Торонто: «За общенациональное единство» (1983) и « В 60-летия восстановления гетманства » (1978).

Среди историографических исследований советских исследователей необходимо назвать такие имена, как Г. Заставенко (1959), М. Супруненко (1966), Ю. Билан (1960), В. Тычина и другие. Авторам данной группы присущи устоявшиеся традиции освещения внешней политики правительства Гетманщины, в основном они сосредоточены на освещении революционных событий, событий гражданской войны и иностранной интервенции, борьбы украинской против немецких оккупантов.

Отдельные проблемы внешнеполитической деятельности правительства Скоропадского рассматриваются в исследованиях А. Карпенко (1964), Р. Симоненко (1962), А. Лихолат (1954), И. Хмиля (1962) и др. Авторы исследуют дипломатические отношения Украины с государствами Антанты, Польшей, Белоруссией (Брестские переговоры), Францией (Парижская мирная конференция) и другие.

Rafikova Svetlana Anatolevna
Siberian State Technological University, Associate Professor

Рафикова Светлана Анатольевна,
Сибирский государственный технологический университет,
доцент кафедры отечественной истории и культурологии, к. и.н.

Living history of everyday life

Живая история повседневности

Ретроспективное изучение жизни и повседневной деятельности обычных людей является актуальнейшим направлением развития мировой исторической науки. Традиционно и преимущественно история изучалась на уровне макропроцессов и макроструктур, оставляя вне своего внимания реальную действительность и человека. За последние годы в результате головокружительной метаморфозы тема повседневности превратилась из маргинальной в модную, и «история снизу» стала фавориткой новой историографии. Однако комплексное исследование в этом направлении видится лишь как задача на перспективу. Сам термин «повседневность», несмотря на частое упоминание в научном контексте, весьма не определен. Размытость трактовок исходного понятия неизбежно порождает произвольность и эклектику в выборе показателей и характеристик повседневной жизни.

В самом общем виде определения можно разделить на две большие группы. В одних повседневность трактуется расширительно и слишком обще: как «форма жизни», «мир людей», «жизненный мир», «микрокосм человеческой жизни», «способ пребывания человека в мире», «поле реализации культуры» и т. п., больше напоминая художественные метафоры, нежели научные определения. В других же — повседневность сводится к частным ее проявлениям, ограниченных бытом, «внутренним жизненным миром, объективированным вовне», жизненными условиями, рутиной каждодневности, социальными взаимодействиями, способом конструирования реальности и проч.

В данной статье предлагается авторское понимание повседневности, выработанное в рамках концепции «Живой истории»[1]. В кратком изложении суть концепции заключается в том, что история как форма и способ существования человеческого общества, не абстрагируясь от объективных структур и детерминирующих условий, должна наполниться дыханием жизни. Действия людей способны существенным образом корректировать влияние внешних факторов и политику властей, трансформировать и адаптировать в своих повседневных практиках события «большой истории». Без человеческого фактора история не может стать полной. Для этого необходимо объединить в историческом исследовании лучшие наработки оппозиционных парадигм: модернистской и постмодернистской.

Так, с модернистско-позитивистских позиций история видится как прогрессивное, объективно обусловленное, поступательное развитие общества. Сила данной парадигмы — в следовании принципам познаваемости социального объекта, научной системности, историзма. Однако в ней не находится места для человека и его повседневной жизни.

Постмодернистская парадигма, напротив, реабилитирует человеческую субъективность, представляя мир постоянно меняющейся и бесконечно сложной реальностью, что вносит в исследование динамизм, плюрализм, диалоговость и инвариантность. В частности, в этом русле формируется широкий спектр антропологически ориентированных школ: история ментальностей, новая культурная история, микроистория, устная история, локальная история, история частной жизни, гендерная история, новая биографическая («персональная») историю и др. Значительный интерес в плане методологии и с позиций непосредственной предметной близости к теме статьи, представляет «История повседневности» (Alltagsgeschichte), или «История снизу» (Geschichte von unten), получившая широкое распространение с 1960-х гг., прежде всего в Германии, Австрии, Швейцарии. Важно также, что именно в Германии историки повседневности главное внимание сосредоточили на жизни «маленького человека», «малых жизненных мирках» недавнего прошлого, в то время как прочие школы, как это ни парадоксально, в основном обращены к исследованию Средневековья и Нового времени.

Однако границы названных школ представляются условными, и, взятые в отдельности, они не разработали самодостаточных исследовательских программ, позволяющих создать полную картину бытия. Поэтому правомерно рассматривать их как различные ***методы*** в арсенале исторической науки, которые можно и должно применять ***комплексно***. В условиях тенденций мировой гуманитаристики, выражающейся во все большем проявляются отказе от линейного взгляда на историю и в отходе от глобальных национально-государственных метанарративов в сторону постмодернистских новаций, важно не «выплеснуть вместе с водой ребенка», т. е. непреходящие принципы научного исследования — системность, объективность, историзм. Следует сохранить достижения историков, работавших в классической манере, обогатив их новыми возможностями.

В свете сказанного, возвращаясь к определению повседневности на основе интеграции достижений всех школ в единое целое, условно названное автором «Живой историей», необходимо зафиксировать ряд принципиальных моментов:

Повседневность исторична и динамична, поскольку меняется жизнь и ее ритм, политика государств и экономические циклы, периоды мира и войн, экология и материально-вещная среда, мода и жизненные стандарты, изменяется и сам человек, что не может не отражаться на человеческой повседневности. Причем в перспективе темпы динамики нарастают.

Повседневность сложно детерминирована целым рядом факторов, начиная с климатических условий и исторически объективно сложившегося жизненного уровня, заканчивая существованием сложной многоуровневой социально-культурной стратификации общества и индивидуальными особенностями каждого субъекта.

---

[1] Подробнее см.: Рафикова С. А. «Живая история» (или, какой же слон на самом деле?)//European Social Science Journal. 2011. № 12. С. 301–309.

Повседневность одновременно неоднородна и типична. Наличие миллионов «жизненных мирков» не исключает (а принцип научности требует!) выявления в пестроте и многообразии этого жизненного потока выявить наиболее общие и повторяющиеся комбинации факторов, и методами реконструкции и типизации соединить их в единую модель, характеризующуюся при отсутствии чрезвычайных обстоятельств повторяемостью, привычностью, устойчивостью, инертностью.

Повседневность деятельностна и наделена высоким адаптивным потенциалом. Она — сама жизнь, жизнедеятельность, посредством которой человек приспосабливается к условиям данности, и одновременно пытается приспособить их «под себя», порою изобретая поистине креативные практики выживания, со временем становящиеся привычным элементом повседневности. Использование различных адаптационных и идентификационных механизмов, выработка собственных поведенческих стратегий и тактик позволяет обывателю жить достаточно автономной жизнью.

Повседневность не лишена инноватики, она несводима исключительно к шаблонам, рутине и прагматической адаптации. Именно в тривиальной обычности жизни витают мысли и чувства, формируются стратегии и тактики выживания и саморазвития, вырабатываются и закрепляются новые нормы и стандарты поведения, механизмы интерсубъективной коммуникации, мотивации роста социального и профессионального статуса, духовные искания индивида. Но эта инноватика стремится к выработке новых практик, с перспективой их закрепления в качестве привычных и устойчивых.

Повседневность расцвечена и праздничными моментами, поэтому неправомерно ограничивать ее рамки лишь «серыми» буднями, и считать типичным лишь то, что происходит ежедневно, каждодневно, через доведенные до автоматизма действия. Между тем, не только в разговорном, но и в научном языке наряду с термином «повседневность» как равноценное и синонимичное употребляется слово «обыденность», через противопоставление праздничному, сакральному. Но повторяющиеся праздники через ритуализацию (гражданскую и религиозную) и превращение в традицию также являются неотъемлемыми элементами повседневной жизни, придавая ей ритмичность, хотя и выходящую за рамки суточного сценария. Поэтому обыденность можно считать лишь частью повседневности, хотя, частью — весьма значительной, для многих — доминантной, а для некоторых — и единственной.

Повседневность — это субъективированная реальность, субъективно значимый сегмент мира, тот локус пространства, в котором живет человек. Поэтому она объемлет собой не всю реальность, но лишь ту ее часть, которая оказывается воспринятой и значимой для человека, увиденной его глазами, наделенной его смыслами. Поэтому у каждого свое пространство повседневности. Кто-то живет событиями страны, для кого-то повседневный мир ограничивается рамками населенного пункта, завода, семьи.

Агрегируя все вышесказанное, повседневность понимается как **субъективно значимая реальность, формирующаяся и изменяющаяся в процессе жизнедеятельности, прежде всего, через адаптивные механизмы и социокультурные отношения, и запечатленная в типичных поведенческих практиках и ментальных структурах.**

Живая история повседневности, будучи интегративным методом познания человека, способна снять противоречие между событийной историей и реальной жизнью, макро- и микро- уровнями исторического процесса, абстрактными понятиями и конкретными ситуациями, общим и единичным, потому что все это неразрывно соединено в повседневном опыте. Такой подход к историческому исследованию, по сути, требует выхода в иную познавательную плоскость, совмещающую логический анализ с жизненной практикой и житейским опытом обывателей, формирует более глубокое, вдумчивое, эмоционально обогащенное понимание эпохи.

Sivtsev Saassilana,
North-Eastern Federal University,
associate Professor of the Department of Culturology

Сивцева Саассылана Иннокентьевна,
Северо-Восточный федеральный университет,
доцент кафедры культурологии

Population in Yakutia just before Great Patriotic War. All-Soviet Union enumeration of population in 1937 and 1939

Население Якутии накануне Великой Отечественной войны. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг

В XXI веке Россия столкнулась с проблемой «потери демографического веса». Данный аспект еще более приобретает свою остроту по отношению к ее северным территориям. Задача освоения северных территорий, природных богатств при остром дефиците рабочих рук, а также расположенные по соседству перенаселенные страны являются своеобразным вызовом России.

Для того, чтобы разобраться в демографической ситуации в Якутии, необходимо знать ее историю. Статья призвана осветить некоторые аспекты демографической истории края, а частности — аспекты положения населения республики накануне Великой Отечественной войны, выявляются численность и состав населения республики, спецконтингента Якутии, анализируются материалы переписи населения 1937 г., а также данные переписи населения 1939 г.

Положение населения в Якутии уже накануне Великой Отечественной войны оказалось неблагоприятным, что, несомненно, усугубило ситуацию в 1941–1945 гг. Это произошло в результате проведенной накануне войны сплошной коллективизации (второй волны) и неурожая, засухи 1939–1942 гг. Подобные неурожаи в Якутии случались с постоянной периодичностью. Однако в новых условиях коллективизации, поселкования (здесь необходимо отметить, что коренное население испокон веков занималось преимущественно скотоводством, потому проживало дисперсно семьями по аласам — типичным для

равнинной Якутии геологическим образованиям. К 1941 году поселкованием было охвачено более половины всех колхозов, в новых поселках располагалась только пятая часть всех хозяйств сельских районов[1]), а также усиления административных методов управления страной в связи с угрозой войны, неурожайные годы сыграли главную роль в резком ухудшении социально-экономического состояния якутян, которое сразу сказалось на демографической составляющей. Если уровень рождаемости еще был высок (что обычно бывает при традиционном воспроизводстве населения), то уровень смертности населения значительно вырос (вероятно, эти процессы шли одновременно с развитием статистического учета в Якутии, что, в принципе, не искажает наших заключений, а наоборот, обосновывает правильность выводов (табл. 1)). Так, если в 1939 г. число умерших выразилось в 9117 человек, что в 1940 г. — 12178, составив увеличение более, чем на треть — на 33,6%.

Тем не менее, несмотря на вышеуказанные факторы, в 1937–1940 гг. численность якутян резко выросла на значительную величину (более 40 тыс. чел.). За счет естественного прироста (величин рождаемости и смертности, сложенных вместе) рост численности произошел на 27750 человек, а за счет механического (приток и отток людей в республику и обратно) — более чем на 12 тыс. человек (по неполным данным)[2]. Миграция извне в республику особенно возросла в годы первой и второй пятилеток в связи с курсом страны на форсированную индустриализацию[3]. В составе приезжих были люди, которые по своей воле приезжали в Якутию на заработки (работали в качестве рабочих или вольных старателей — «копачей», бесконтрольно намывавших золото в тайге — потому точный учет населения был невозможен), а также высылаемые на исправление заключенные Дальстроя, спецпоселенцы — так называемые «бывшие кулаки» (1931 г.) и поляки-беженцы (1940 г.). Большие поступления новых рабочих также организовывались путем промпереселения — перемещения сельского населения семьями из районов так называемого аграрного перенаселения, а по сути, из зерновых районов страны, охваченных массовым голодом 1932–1933 гг. В 1937 г. Алданские прииски приняли 849 семей, давших 1636 рабочих[4].

Таблица 1

Численность и естественное движение населения в 1937–1940 гг. *

Год	Численность населения			Число родившихся за год	Число смертей за год	Естественный прирост за год
	всего	В том числе				
		городское	сельское			
6.01.1937	360621** 372670*** - берем за основу	76121 —	284500 —	12306; 14128 - берем за основу	6560; 7447 - берем за основу	5746; 6681 - берем за основу
1938	—	—	—	15364	8650	6714
17.01.1939	413198	111548	301650	16996; 17258 - берем за основу	8914; 9117 - берем за основу	8082; 8141 - берем за основу
1940	413125	111564	301561	17769; 18392 - берем за основу	12128; 12178 - берем за основу	5641; 6214 - берем за основу

*Составлено по: РГАЭ. Ф.1562. Д.151. Л.170; ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 23. Д.333. Л.259–261; Там же. Д.383. Л.206–211; Там же. Д.332. Л.123, 124; Там же. Д.442. Л.224; Там же. Оп. 11. Д.40. Л.96; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 35, 40, 49; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 40–41; Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 366; Якутия: Великая Отечественная война в цифрах. Якутск: Якутский край, 2010. С. 18, 20; данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) (Далее — Территориальный орган ФСГС по РС (Я)). Отдел населения.

**По предварительным итогам Всесоюзной переписи населения 1937 года.

***Исчисления автора (см. ниже). С учетом спецконтингента и переписи населения Крайнего Севера, которая проводилась позже.

Аспекты демографической истории накануне Великой Отечественной войны невозможно описать без анализа данных Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г. В научной литературе перепись населения 1937 г. называют еще — репрессированная перепись, т. к. материалы переписи (в большинстве своем) были уничтожены, а статистики, руководившие сбором, анализом данных были репрессированы. Это произошло вследствие несоответствия прогнозных оценок, заявленных на самом высоком уровне и реальных показателей переписи населения 1937 г., которые выявили последствия жестокого голода 1932–1933 гг., репрессий, переселения раскулаченных, а также собственно «сталинских пятилеток», которые итак были

[1] Аргунов И. А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). – Новосибирск: Наука, 1985. С. 211.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 23. Д.348. Л.102, 102 об., 153, 153 об., 154, 154 об.; Д.349. Л.371, 371 об., 372, 373, 123; Д.409. Л.74, 75, 75 об.; Д.410. Л.53, 53 об.; Д.445. Л.78 - 80, 83, 83 об.; Д.458. Л.59, 60; Д.462. Л.209; Д.464. Л.158 -160; Там же. Оп. 11. Д.45. Л.151 - 154; Д.50. Л.92.

[3] Хатылаев М. М. Промышленное освоение Якутии: от истоков до 1946 г. - Якутск: ГУ «Академия наук Республики Саха (Якутия)», 2010. С. 75, 97.

[4] Там же. С. 97.

сложными для обзаведения семьей и детьми[1]. Итоги переписи были объявлены не соответствующими действительности, умаляющими достижения социализма. Поэтому было решено провести перепись еще раз, через два года, в 1939 г. Эта перепись должна была показать всему миру возросшее качество жизни человека социалистической страны.

Над материалами переписи населения 1939 г. статистики и работники НКВД работали очень тщательно, дабы не сделать «ошибок» переписи 1937 года, потому её называют — сфальсифицированная перепись. Обнаруженные исследователями приписки и поправки тому доказательство.

В целом, подробную и исчерпывающую оценку материалов переписи населения 1937 г. дали В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков в книге «Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года»[2]. В 2001 г. В. Б. Жиромская публикует работу, посвященную всему периоду 1930-х годов, где раскрывает механизм приписок к данным переписи 1939 г., уточняет численность населения РСФСР, ее автономий и областей[3]. В 2007 г. выходит в свет сборник материалов и документов по переписи 1937 г[4]. Здесь необходимо отметить, что в перечисленных работах В. Б. Жиромской, И. Н. Киселева, Ю. А. Полякова отмечены основные цифровые показатели по припискам к численности населения Якутии. Однако проблема Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г. на региональном уровне, и, в частности, по Якутии, еще не раскрыта.

Отметим, что определенные трудности в сопоставлении данных переписей 1937 и 1939 гг., а также текущей статистики возникают вследствие интенсивного миграционного движения населения (например, в г. Якутск в 1937 г. прибыло 23009 человек, выбыло — 10195[5], а в 1938 г. приехало 19287, выехало 7678[6]) и административно-территориальных преобразований ЯАССР в период с 1937 по 1939 гг. (образовались районы: Кобяйский, Токкинский, Якутский, Аллах-Юньский; были переименованы — Мегежекский район — в Нюрбинский, Западнокангаласский — в Орджоникидзевский. Если по состоянию на 1.01.1937 г. было 8 рабочих поселков, то на 1.01.1938 г. — 15, а на 1.01.1939 г. — 16[7]). К тому же, нельзя забывать, что часть территории Якутии тогда была занята Дальстроем (ГУЛаг), что могло способствовать существенному возрастанию численности населения республики. Историки утверждают, что в Якутии было 105 лагерей и пунктов ГУЛага — в Алданском, Усть-Майском, Томпонском, Оймяконском, Верхоянском, Усть-Янском и в колымских районах[8].

Отметим, что данные переписи 1937 г. на сегодняшний день считаются полными, где недоучет населения выразился всего в доли процента. Оценка недоучета населения в переписи 1937 г. и у самих организаторов ее, и у разных исследователей колеблется в пределах 0,3–0,5%, т. е. данные переписи отличаются высокой точностью[9].

В 1937 г. первые предварительные итоги численности населения Якутской АССР (по срочным донесениям) составили цифру в 323,7 тыс. человек. Впоследствии этот показатель возрос до 354581 человек[10]. Со спецконтингентами «Б», «В» (расшифровку см. ниже) численность жителей республики выразилась в 360621 человек (предварительные данные на середину марта 1937 г. (табл. 2, 3)).

Таблица 2

Численность населения Якутской АССР по данным Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг. (на 17.12.1926 г. и 6.01.1937 г.)*

1926 год**			1937 год			1937 г. в% к 1926 г.		
муж	жен	всего	муж	жен	всего	муж	жен	Всего
150029	133439	283468	195181	165440	360621	130,1	124,0	127,2

*Составлено по: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 35, 40, 49; Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 40, 41; РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.151. Л.170; Д.142. Л.26; Оп. 336. Д.353. Л.3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. — предварительные.

**без военнослужащих и погранохраны НКВД.

Таблица 3

Численность населения Якутской АССР по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г. (предварительные данные)*

Городское население			Сельское население			Оба пола		
муж	жен	Об.пола	муж	жен	Об.пола	муж	жен	Об.пола
42124	33997	76121	153057	131443	284500	195181	165440	360621

[1] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 32.

[2] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. – 152 с.

[3] Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. - М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.

[4] Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб.документов и материалов. - М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.

[5] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д.348. Л.102, 102 об.; 153, 153 об.; Д.349. Л.371.

[6] ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д.409. Л.75, 75 об.

[7] Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф.1562. Оп. 329. Д.199. Л.145, 146; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д.414. Л.278–281; Оп. 11. Д.6. Л.82–84.

[8] Земсков В. Н. Спецпоселенцы//Социологическое исследование. - 1991. - № 11. – С. 3–7; Горохов С. Н. Спецпереселенцы на севере Якутии в годы Великой Отечественной войны. - Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1998 - 96 с.

[9] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 38, 46.

[10] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.281. Л.119.

Составлено по: Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 49; РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.142. Л.30; Д.199. Л.96; Д.151. Л.174.

Исходя из указанных в табл. 2, 3 сведений, рост численности населения республики с 1926 по 1937 гг. произошел на 27,2% (77153 чел.): городское выросло в 5 раз, сельское — на 6,1%. Мужское население городов и рабочих поселков выросло в 5,3 раза, женское — в 4,7 раза. Численность же мужчин сельской местности увеличилась только на 7,8%, а женщин — на 4,2%. Все это говорит не только об ускоренных темпах индустриализации в Якутии, но и о возрастании категории людей, переписанных в «особом порядке» (заключенных, военнослужащих и т. д.).

Засекреченная перепись 1937 г. содержала еще более секретную часть по ведомству Наркомата обороны и НКВД. Её материалы проходили во всех документах под названием «спецперепись», а население («спецконтингент») переписывалось «в особом порядке». Спецконтингенты были подразделены НКВД СССР на категории «А», «Б», «В». Причем деление их и учет в 1939 г. остались примерно такими же, как в 1937 году[1].

В инструкции 1939 г. разъяснялось, что к контингенту «А» относятся: весь личный состав оперативно-чекистских управлений и отделов НКВД СССР, их органов, школ, курсов и тюрем; весь личный состав (постоянный и временный) пограничных и внутренних войск НКВД; весь личный состав в центре и на местах аппаратов — отдела кадров, особо-уполномоченного, секретариата органов, административного, комендантского и авто-технического отделов НКВД. К контингенту «Б» инструкция гласила: а) состоящий на казарменном положении постоянный и переменный состав частей и школ милиции, военизированной пожарной охраны; б) штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, управлений и отделов, мест заключения, тюрем, колоний, трудовых поселков, строительств (по особому списку ГУЛАГа НКВД). Контингент «В» включал в себя: а) осужденных и следственных заключенных во всех тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцев, проживающих в зоне, трудпоселках ГУЛАГа НКВД, а также задержанных, содержащихся на время переписи в арестных помещениях НКВД; б) воспитанников трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД СССР. Некоторым трудпоселкам со временем придавался статус колхозов и их население проходило по переписи как гражданское.

Переписные листы в «обезличенном виде» пересылались соответствующим республиканским, краевым и областным УНХУ, кроме переписных листов на трудпоселенцев, которые передавались без срезания верхней части, включавшей Ф. И.О[2].

Специальное решение было принято об организации переписи спецконтингента Дальстроя, деятельность которого распространялась на три района Дальневосточного края и часть Якутской АССР. При переписке заместителя начальника УНХУ (Управление народно-хозяйственного учета) РСФСР М. М. Мудрика (впоследствии он становится начальником ЦУНХУ РСФСР[3]) с начальником ЦУНХУ (Центральное управление народно-хозяйственного учета) Госплана СССР И. А. Кравалем выясняется, что в Дальстрое, если численность гражданского населения была невелика в сравнении со спецнаселением, их переписывали вместе с гражданским[4].

Известно, что в целом, по Якутской АССР переписанные особым порядком в 1937 г. (по предварительным данным, по состоянию на 29 января 1937 г.) оказались 9004 человека контингента «Б» и «В». Из них в городах и рабочих поселках проживало 5219 чел. (3372 мужчин, 1847 женщин), в сельской местности — 3785 чел. (2460 мужчин и 1325 женщин)[5]. В г. Якутске насчитывалось 1181 чел., из которых 949 — мужчин, 232 — женщины[6].

Перепись по территориям Крайнего Севера проводилась отдельно, не в общесоюзный срок, возможно, во второй половине 1937 г. Как указывается, она выявила по республике 10503 человека (это было население, проживающее в труднодоступных районах Крайнего Севера, а также население, переписанное в «особом порядке»: заключенные, охрана, обслуживающий персонал, военнослужащие)[7].

После уже состоявшейся переписи 1937 г. (с весны 1937 г.) проводилась обширная работа по «исправлению» данных, которая выглядит сейчас с позиции ученых фальсификацией результатов переписи. Поправка по Якутской АССР оказалась незначительной — в размере 0,9%. Если в целом по республике численность населения была увеличена на 0,9% или 3162 человека, то городского — на 0,5%, сельского — на 1,0%[8]. Значит, без этой неоправданной поправки весной-летом 1937 г. численность якутян составила 362167 человек.

Следовательно, можно предположить, что итоговая численность жителей Якутии по переписи 1937 года составила 372670 человек (362167 + 10503 = 372670, где 10503 — население Крайнего Севера. Без вышеуказанной приписки в 3162 чел., но с учетом спецконтингента).

Теперь проанализируем материалы Всесоюзной переписи населения 1939 года. В вопросе численности населения Якутии по переписи 1939 г. мы будем ориентироваться на вариант, где общая численность составила 413198 человек, в том числе сельского — 301650, городского — 111548. Большая часть архивных документов подтверждает как раз этот вариант.

---

[1] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 104.

[2] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 105.

[3] Там же. С. 138.

[4] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.143. Л.118.

[5] Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 108, 109.

[6] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.142. Л.52, 58.

[7] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.277. Л.151.

[8] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.199. Л.93; Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. - М.: Наука, 1996. С. 129, 131.

Как удалось установить исследователю В. Б. Жиромской, приписка по отдельным регионам состояла из трех слоев.

Первый слой приписки — это собственно приписка к общему итогу по численности населения Союза, разложенная по всем населенным пунктам. Этот расклад производился неравномерно: больший процент приходился на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 1930-х гг. В Якутской АССР такой слой приписки, вероятно, отсутствовал или был незначительным. Второй слой приписки — это перераспределенные заключенные. В ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединялись с переписными материалами по общегражданскому населению[1]. Третий слой приписки касался перераспределения переписных листов военнослужащих, переписанных НКО. Делалось это в целях сокрытия мест дислокации вооруженных сил[2].

Вышеуказанное перераспределение заключенных, а также военнослужащих в Якутии, несомненно, было. Можно отразить такие моменты и попытаться сопоставить некоторые данные.

Наиболее достоверную информацию можно почерпнуть из материалов переписи по районам Крайнего Севера, состоявшуюся во второй половине 1939 г.

О «приписках» (вероятно, это не было припиской, т. к. эти люди могли действительно проживать на территории Якутии и их переписные листки могли просто перераспределяться внутри республики) к собственно данным переписи населения 1939 г. в Якутии свидетельствует следующая переписка от 28 марта 1940 г.: «… Бюро Всесоюзной переписи населения ЦУНХУ при этом направляет Вам переписные листы по районам Крайнего Севера Якутской АССР. Вам необходимо эти переписные листы включить на 1081 чел. в численность Оймяконского района и 1861 чел. в численность Нижне-Колымского р-на с соответствии с формой № 7 …Заместитель начальника ЦУНХУ Госплана СССР Бозин (подпись его)»[3].

Вероятно, эти данные в полном объеме (или частично) были добавлены в численность населения районов. Если посмотреть итоговую численность людей по Оймяконскому району, то она выразится в 3560 чел. (в том числе 861 русских), а по Нижне-Колымскому — в 2260 чел. (в том числе 993 представителя русской национальности)[4].

Судя по дате вышеуказанных писем (28 марта 1940 г.), приписка эта происходила уже после прошедшей во второй половине 1939 года переписи населения на территории Крайнего Севера.

Вероятно, механизм переписи населения лагерей Дальстроя (она, по-видимому, входила в перепись по Крайнему Северу) в 1939 г. был таким же, как в 1937 г. — если численность гражданского населения была невелика в сравнении со спецнаселением Дальстроя, их переписывали вместе с гражданским.

Об этом свидетельствуют и данные состава населения (по переписи 1939 г.) — жителей, имеющих занятие. Например, в Нижне-Колымском районе число лиц мужского пола, имеющих занятие, составило 861 человек, тогда как женщин, имеющих занятие — 113. Значит, превышение работающих мужчин над работающими женщинами было в 7,6 раза. В других северных районах этот показатель составил: в Средне-Колымском районе — в 7 раз, в Оймяконском — в 6,8 раза, Анабарском — в 6,5 раза[5].

Представляет определенный интерес и то, что на юге республики можно также выявить подобную статистику в отношении занятого мужского и женского населения. Так, в Аллах-Юньском районе превышение мужчин, имеющих занятие над такой же категорией женщин составило 7,8 раза. А в рабочем поселке Джеконда Алданского района — 7,6 раза[6].

Конечно, трудно судить наверняка, однако перечисленные факты идут в разрез со статистикой по всей республике (в среднем) — мужчин, имеющих занятие было в 2,6 раза больше, чем женщин этой же категории[7].

Всего, возможно, было добавлено к численности населения Якутии в результате переписи по Крайнему Северу 12654 человека. Эта цифра выходит из следующих расчетов: по состоянию на 3 июня 1939 г. (а мы знаем, что перепись по Крайнему Северу проводилась во второй половине 1939 г., значит — уже после 3 июня 1939 г.) численность населения ЯАССР составила 400544 человека[8]. Если брать в расчет, что итоговая цифра по переписи населения 1939 г. оказалась 413198, то разница составит 12654 человека. Этому мы находим и косвенное подтверждение — когда шла подготовка переписи по Крайнему Северу запрос по Якутской АССР выразился в 13 тысяч переписных листов[9].

Следовательно, в итоговую цифру численности населения республики (413198 чел.) вошли 12654 человека, проживающих в районах Крайнего Севера Якутии (сюда входят не только коренное население, но и часть военнослужащих и заключенных Дальстроя).

Итак, разница между переписями населения 1937 и 1939 гг. составит 40528 человек (413198–372670=40528). Насколько достоверна эта цифра?

В 1937 и 1938 гг. естественный прирост населения республики составил 6681 и 6714 человек соответственно. Механический прирост только по двум городам Якутску и Олекминску (тогда статотчетность составлялась только по городам, имеющим свыше 20 тыс. жителей) за эти же годы выразился в 13139 и 11888 человек соответственно[10]. Получается, что в 1937 году численность населения Якутии выросла за счет естественного и механического движения на 19820, а в 1938 году — на 18602 человека, что, в общей сложности, составило за два года 38422 человека. И это еще без учета механического движения в рабочих поселках, где приток людей был почти всегда интенсивным и некоторого недоучета естественного движения (особенно

---

[1] Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. - М.: РОССПЭН, 2001. С. 52.

[2] Там же. С. 53.

[3] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д.416. Л.14.

[4] РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д.1015. Л.1014, 1018.

[5] Там же. Д.1009. Л.1014, 1014 об., 1015, 1015 об., 1030, 1030 об., 1018, 1018 об., 987, 987 об., 988, 988 об.

[6] Там же. Д.1009. Л.1051, 1051 об., 983, 983 об., 984, 984 об.

[7] Там же. Д.1009. Л.135–979 об.

[8] РГАЭ. Ф.1562. Оп 329. Д.275. Л.2.

[9] Там же. Д.276. Л.153.

[10] ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 23. Д.349. Л.371, 373; Д.410. Л.53, 53 об.

в отдаленных населенных пунктах сельских местностей). Возможно, поэтому у нас в расчетах возникла недостающая цифра — 2106 человек (40528–38422=2106) или 0,5% от численности населения в 413198 человек.

Таким образом, итоги переписи населения 1939 г. вполне обоснованы показателями естественного и механического движения за 1937 и 1938 гг.

Вероятно, весь учтенный переписями населения 1937 и 1939 гг. спецконтингент находился на территории Якутской АССР, и потому это не было припиской. Мы склоняемся к мнению, что некоторые поправки к переписям населения 1937 и 1939 гг., возможно, состояли в перераспределении спецконтингента (заключенных, военнослужащих и т. д.) внутри республики по районам. По итогам переписи населения 1937 года численность спецконтингента могла составить 5,2% (около 19,5 тыс. чел.) от общей численности жителей Якутии (372670 чел.). В составе же населения, зафиксированного переписью населения 1939 года, могло оказаться более 5,2% или более 21,6 тыс. человек, переписанных спецпереписью (12654 + 9004 (вероятно, более 9004 чел., указанных в переписи 1937 г.) = 21658 чел.).

Таким образом, можно прийти к заключению, что по результатам Всесоюзной переписи населения 1939 года, численность якутян была несколько скорректирована — в состав населения вошли такие категории населения, как спецконтингент (заключенные, обслуживающий их персонал, военнослужащие и т. д.), а также спецпоселенцы. Последние были представлены как «бывшие кулаки» (по мнению исследователя Е. Н. Чернолуцкой, это была категория СОЭ — социально-опасного элемента[1]) и поляки — беженцы[2]. В результате, численность спецконтингента и спецпоселенцев в 1939 году могла составить более 6% от всего населения Якутии, и его естественное и механическое движение не фиксировалось ЗАГСами.

Sizenko Andrey Grigorievich, Rostov State University of Civil Engineering
Associate Professor of History and Political Science Department

The history of the Don Cossack noble family the Sysoevs

In 1904 according to the Decree of Emperor Nikolay II region priority regiments (№ № 1–17) of Don Army in order to perpetuate the memory of brave Russian military commanders that led the Cossacks made their victories have been given the names of the Eternal chefs. The second Don Cossack Regiment has now become known as the second Don Cossack regiment of General Sysoev.

Surname the Sysoevs was widespread on Don region. A brief review of parish register of the XIX century shows that in more than 15 villages various representatives of the Sysoevs are mentioned. The number of noble families was significantly less.

In 1897, a historian L. M. Savelov published work «Some family trees», which presents a list of all the noble generations of Don Cossacks the Sysoevs[3]. In 2006 S. Koryagin in his 58 issue of genealogical collection «Antonov and others» also gives the genealogy of the glorious Don kin[4]. Both in the first and in the second study the authors presented up to 8 different genealogical branches. An extensive database of the State Archive of the Rostov region has reduced the number to 2 (the Gavrilovichis and the Ivanovichis) and significantly extended the biographical information about them.

In the second knee of the Gavrilovicis branch just one of two brothers Pantelei and Alexei Sysoev Alexei Gavrilovic (1755 -?) has left a significant mark on the history of Don region. He participated in the Russian-Swedish War (1788–1790) and the Russian-Austrian-French War (1805–1806) where during the battle near Shangrabenom his regiment held out against overwhelming odds, broke out of the encirclement and for this he was awarded the George flag[5].

The eldest son of Pantelei Gavrilovich — Ivan (1761–1828) — promoted to the rank of army officers, distinguished himself in the Russian-Turkish war of 1787–1791during the storming of Ochakov Ackerman, Kealia, and Ishmael fortresses, where for the "bravery" he was twice awarded the Golden Badge. Younger son — Gabriel Panteleevich (1779–1814) in the regiment headed by Major-General Denisov participated in the Italian campaign of A. V. Suvorov in battle with the French at Bergamo, Novi during the transit through the Alps mountains. Later he participated in the Russian-Turkish War of 1806–1812 and in Patriotic War of 1812. During foreign campaigns of the Russian Army in 1813–1814 captain G. A. Sysoev died of wounds in the regiment of Elmurzin on the 9th of February, 1814[6].

Four sons of Alexei Gavrilovich: General — Lieutenant Vasily Alekseevich (1775–1839), captain Ivan Alekseevich (1783-?), army officer Gabriel Alekseevich (1783–1843), lieutenant-colonel Athanasi Alekseevich (1785–1830) made a significant contribution to the victory of Russian army during the Napoleon's wars and the wars with Turkey in the first half of the XIX century.

For many times it has been written in the historical literature about V. A. Sysoev's life and his feat of arms including a long article devoted to him in the book "Don Cossacks of the XIX century"[7]. In this paper we would like to focus on on the biography of his younger brother Athanasi Alekseevich Sysoev whose record provides clear and bright insight into the difficult path of Don officer. "He served in the army as a Cossack from 6 August 1802, then in the rank of sergeant since the 19th of January, 1805. Since July 1, 1805 he served in the regiment of Sysoev the1st in the Austrian Empire. He was a member of the Russian-Austrian-French War of 1805–1806 participating in real battles near Alenbren, Shangraben, Austerlitz, Vitava. In the rank of cornet since the 10th of April, 1806. Since the 27th of November, 1806 he was supported by the Austrian border cordons. A member of the Russian-Prussian-French War of 1806–1807. He participated in the battle with the French troops since December 15, 1806 near Makovoe, Lebshtadt, Murukgen,

---

[1] Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. - Владивосток: Дальнаука, 2011. – 512 с.

[2] Сивцева С. И. Демографическая история Якутии (1941–1945 гг.) – Новосибирск: Наука, 2012. – 160 с.

[3] Savelov L. M. Several genealogies. B. m., 1899., - pp. 20–21.

[4] Koryagin S. V. Antonovy and others. Issue 58, M. 2006., - pp. 63–84.

[5] The GARO. F. 344. L. 1. D. 270. Sh. 162turn, 167.

[6] In that place. F. 341. L. 1. D. 537. Sh. 84.

[7] Don Cossacks of the XIX century Rostov n/D, the Publishers "NB", 2003., - pp. 462–465.

Neygovo, Borting, Milomlin, Babshiveld, Odensborg, Bogushevo, Rosenthal, Old Prus Torgoviski, Yankov, Volzdorfom, Gainova, Lanberg, Prasish — Eylau, Poltina, Kvets, Freymark, the Soika mill where for his great courage was awarded the St. Anne's Order of 4 degree with the inscription "For Bravery". For distinguished service in the rank of lieutenant since the 31th of July, 1807. In 1808 in the campaign in the Moldavian army in central vanguard. A member of the Russian-Turkish War of 1806–1812. He participated in the battles near Brailov, Kyustendzhi, Rassevate. On the 20th of October, 1809 he "was sent in the direction of Turtukai fortress with one sergeant and 50 Cossacks. Near the village of Ponca he was surrounded by the enemy, and there his horse was killed under him and he was wounded and taken prisoner." On the 8th of April, 1810 he was released from prison and was again added to the regiment. For participating in the battle against the enemy of the Turkish forces beyond the Danube near Bazardzhike and taking Onago by storm was awarded Regal favor. A participant of the battle at Shumla and braking out the Turkish troops leaving the town for foddering, near Batina, Sistovo, Nikopol, near Minor Slobozia during raids out of the fortified camp, where for the distinguished service was made a captain October 11, 1811. Since January 24, 1812 was supported by the Austrian border posts. A participant of the Patriotic War of 1812. At the battles near Demidov, Petrov, Chernikov, Voronov, Kryuchevo, Maloyaroslavets. October 6, 1812 in the breaking of King Naples corps near Tarutino, where for the distinguished service he was made a petty officer in the army. A member of the foreign campaigns of the Russian Army in 1813–1814. Since the 16th of May 1815 in the regiment of Grekov 26th in the Don campaign over the border to the Rhine, and on his return supported by boundary cordons in Grodno Province. The rank of lieutenant colonel since the 10th of October, 1821. Since June 29, 1822 in the regiment named after him in Georgia under the support of the border posts on the Persian borderline[1].

Starting with the V knee there is a decline of the kin the Gavrilovichi. Grandchildren of Lieutenant-General Vasily Alekseevich Sysoev — Vladimir Ivanovich (1859-?) And Alexander (1865 -?) were recognized by the medical commission unable either to military service or for military posts[2]. A. I. Sysoev lived in Nizhny Novgorod and according to the city police "… has no property except the most necessary clothes. Relatives who may give him financial support he doesn't have. Exists only on paying for the compilation of poems, which extends from 10 to 15 rubles a month"[3].

One of the last of the descendants of Pantelei Gavrilovich — Alexei Sysoev (1854–1918) had a long way from an ordinary Cossack to a colonel. He held the positions of district judge, police officer, police chief, district chief. Before the First World War of 1914–1918 A. A. Sysoev was retired with the rank and uniform because of the family circumstances[4].

From the branch of Ivanovichis of the Sysoev kin we can distinquish several most prominent representatives. In the III knee captain Michael Anufrievich Sysoev (1767-?) was a participant of the Italian campaign headed by A. V. Suvorov and of the Russian-Prussian-French War of 1806–1807. At the time of service in the Caucasus in constant clashes with the mountain tribes and in May 1810 "… injured horse under him, was among those captured by the Chechens where he was one year and one month"[5]. An army sergeant Ephraim Afanasevich Sysoev (1769–1840) distinguished himself during the Russian-Iranian War of 1804–1813during the Shirvandsky Khanate conquest, as well as in foreign campaigns of the Russian army. His brother — Simon Afanasevich (1786–1852) distinguished himself in the War of 1812 and in the battles with the enemy in Europe: at Leipzig, Brienne and Paris.

In the IV kneethe best known in the history of army was a sergeant Ivan Semenovich Sysoev (1817 -?). From 1838 to 1846 he was in the Caucasus "… for the greater punishment of mountain peoples. In a campaign in the Deistvujushy regiment under the head of Major General Zass at Zalovsky fortifications. Since the 17th of July to the 15th of September 1840 at a liquidation of fortifications at Mahoshskaya glade at the river Labe. Since the 27th of May 1843 to the 29th of October 1844 was in the 13 th Don Cossack regiment under the support of posts on the Terek cordon line. September 27, 1944 participated in the battle with highlanders suddenly attacked at a herd of horses feeding around Ozenskogo post, and for his deeds was promoted to cornet (09.29.1844). Since October29, 1844 (until March 11, 1846.) according to the will of the authorities transferred to the 28 Don Cossack regiment of the headquarters under Lieutenant-General Prince Bebutov — a troops commander in Dagestan. On the 3d and 4th of June 1844 participated in the occupation of Terengulskaya position and Burtukay settlement, in most of the cavalry reconnaissance along the road leading to the tract Machikal. June 5, 1844 in the reconnaissance of the troops on the road to the pass Guzhbet Kark. In the assault of highlanders positions on Mount Archimper under the command of Major General Paseka. Since the 6th to 11th of June 1844 in the avantgarde location of the Zunumper position on the road from the tract Machikal through Buzur-Calais to Andy. In actions with the enemy among the joined forces of Main Detachment on the position near Udachnoe fortifications. He participated in the development of roads in Machikalskoe pass. Building the fortifications below the Kark pass. 11–12 June 1844 in reconnaissance with two hundred Mozdok Cossacks of Buzurkalsky transition in Andiganzit. In affairs of the avant-garde with the Shamil's throng who took a strong position and in skirmishes with the highlanders. June 20, 1844 in the movement of a detachment part against Shamil, who took high Azan. July 21, 1844 in affairs with the highlanders in the pursuit with transport from Buzur Calais to Machikal tract and in the melee with the enemy and its reflection. For his bravery was awarded the Order of St. Stanislaus 3rd degree. Since July 21,1845 to February 14,1846 on Sulak line in taking outposts and patrols"[6]. In 1849 I. S. Sysoev suppressed the revolutionary mood in Hungary and Transylvania. His son, captain, Nikolai Ivanovich (1837-?) was on cordon service on Urupskoye and Labinskaya lines and in the Caucasus, and in 1863–1864 was a participant of the Polish uprising elimination.

Great-grandson of Michael Onufrievich Sysoev — Colonel Silivestr Semenovich (1849 -?) in the 23 Don Cossack regiment in the battles of the capture of the Gorny Dubnjak and Telesh during the Russian-Turkish War of 1877–1878. It should be noted that not all members of the Sysoev kin chose a military career. For example, the great-grandson of Semen Afanasevich Sysoev — Court Councillor Nicholay Nicholaevich (1873 -?) got veterinary education and worked as a doctor in the Tsymlyanskaya and Constantinovskaya villages of the Don Cossacks.

---

[1] The GARO. F. 304. L. 4. D. 92. Sh. 11turn -12turn.

[2] In that place. L. 1. D. 5350. Sh. 4.

[3] In that place. F. 301. L. 8. D. 2226. Sh. 361–361turn

[4] The most High orders.

[5] The GARO. F. 304. L. 4. D. 630. Sh. 2–2turn.

[6] The GARO. F. 304. L. 4. D. 395. Sh. 7–11.

According to the decision of the Don deputies meeting since 1838 to 1907 the descendants of two noble branches the Sysoevs were recognized the rights of noble dignity of the Russian Empire for several times[1].

Vadim Teterin, Föderale staatliche Bildungseinrichtung
der beruflichen Hochschulbildung Permer Staatliche Landwirtschaftsakademie,
Oberlehrer Lehrstuhles für Geschichte, Sozialkunde und Jura

Tätigkeit der Selbstverwaltungsorgane unter der Bedingungen der Leitung von Alexander W. Koltschak (an dem Beispiel des Permer Gouvernements)

In der modernen Welt sind die mit der Suche der effizientesten Fromen und Weisen der Regionalverwaltung Probleme besonders akut. Solang die staatliche Machtvertikale innerhalb Russlands selbst erzeugt und gestärkt wird und solang der einheitliche politische Raum der Europäischen Länder gebildet wird, gewinnen die Verhältnisse der örtlichen Selbstverwaltung und der Zentralgewalt stark an Bedeutung. Heutzutage existierende zahlreiche Probleme und Auseinandersetzungen zwischen den Leiter der örtlichen Selbstverwaltungen und den Organen der Staatsmacht in den russischen Regionen weisen dazu, dass das Prozess der Erzeugung eines neuen Verfahrens für Zusammenarbeit der Organen der Staatsmacht und der sowohl lokalen, als auch föderalen Selbstverwaltungen bisjetzt noch nicht beendet ist. Ähnliche Situation ist auch für viele andere Länder typisch. Im Folge davon ist die Analyse der mit dem Werdegang der lokalen Selbstverwaltung in Europa und unter anderem in Russland verbundenen Geschichtsprozessen aktuell geworden. Außerdem ist die Zuasammenarbeit und Erfahrungsaustausch zwischen den allen Wissenschaftler, die sich mit diesen Problemen von dem sowohl historischen, als auch politischen und rechtlichen Standpunkt beschäftigen.

Wenn man die Geschichte der Selbtsverwaltung in Russland zugreift, muss man in erster Linie seine Aufmerksamkeit auf Besonderheiten der Regionen in unterschiedlichen historischen Perioden lenken. Deutlicher Anteil der Untersuchungen ist der vorrevolutionären Werdegangesperiode von Zemstvo gewidmet, obwohl die extrem wichtige Periode von 1917 bis 1919 bisjetzt fast ungelehrt geblieben ist. Inzwischen sind die Zemstvo und Stadtsdumen im Leufe der Revolution und des Bürgerkrieges zur starken politischen Macht geworden und je schärfer der Kampf zwischen den unterschiedlichen Seiten war, desto schärfer er in kleineren Orten war. Einer der bekanntesten Forscher von dem Zemstvo, G. A. Gerasimenko hat so geschrieben: „Wir kennen kein einziges Gouvernement oder sogar keinen einzigen Amtsbezirk, wo die Zemstvoverwaltung außerhalb von diesem Kampf waren."[2] In der europäischen Geschichte spielt dieser Zeitschnitt auch eine große Rolle im Selbstverwaltungwerdegang. Nach dem Zusammenbruch in Ersten Weltkrieg sind in einigen Länder Revolutionen verlaufen, die genauso in Russland die politische Bedeutung von diesen Organen angehoben haben. Diesem Beispiel nach hat sich zum Beispiel die Situation in einigen Österreichischen Länder (Südsteiermark und Kärnten) entwickelt[3].

In der russischen Geschichtsschreibung kann man verabreder drei Perioden ausordnen. In den ersten Jahren der Sowjetunion hat die Geschichte der örtlichen Selbstverwaltung ihre Aktualität verloren. Das ist mit der politischen Lage derjenigen Zeit verbunden: da waren neue untersuchbare Themen entstanden, die der neuen Ideologie besser entsprachen. Dazu ist auch für die Literatur dieser Zeit typisch, die Ereignisse am Ural zu dem Formbrett der allrussischen Vorgänge zu treiben. In diesen Texten wurde es der Tätigkeit von Zemstvo und Stadtdumen nur ganz wenig Aufmerksamkeit geschenkt[4]. Weitere Untersuchung der mit den örtlichen Selbstverwaltung verbundenen Problemen hat in der sowjetischen Geschichteschreibung erst in den 60-er Jahren der 20. Jahrhunderts angefangen. In erster Linie war es mit den liberalen Trenden in der historischen Wissenschaft selbst verbunden. Texte, die genau der Untersuchung der örtlichen Selbstverwaltungsorganen in den Jahren 1917–1919 gewidmet sind, sind in den 70–80-er Jahren erschienen. Eine der wichtigsten sind Einzeldarstellungen von dem W. I. Starzew, E. N. Burdzhalow und A. M. Andreew[5]. Allerdings wurde es in diesen Arbeiten Acht nicht der Tätigkeit von Zemstvo in den Regionen, sondern dem politischen Kampf der Sowjeten an den Orten gewidmet.

Vollwerige Untersuchung des Problemes der Selbstverwaltungsgeschichte in Russland hat erst in den 1990-er Jahren angefangen. Das ist mit der radikalen sozial-politischen Wendung in Russland verbunden. Man hat seine Meinung zur Idee der Selbstverwaltung selbst verändert, damals sind günstige Bedingungen zur ihren Forschung entstanden. An die Seiten der Wissenschaftlichen Zeitschriften ist wieder der Begriff „Selbstverwaltung" zurückgekommen, den die sowjetische Historiker so oft wie nie im Bezug zu Zemstvo und den Stadtverwaltungen benutzt haben. Unter den wichtigsten Arbeiten sind Monografien von G. A. Gerasimenko, L. E. Lapteva, W. F. Abramow[6] zu erwehnen.

Abzug von der ideologischen Einheitlichkeit hat den Forscher die Möglichkeit gegeben den Kreis der untersuchten Problemen und methodologische Basis zu verbreiten, in dieser Zeit sind die Interesse zur Selbtsverwaltungideen, Fragen der Zusammenarbeit von Zemstvo und Staatsorganen entstanden.

In den letzten Jahren ist die Interesse zum Problem der örtlichen Selbstverwaltung deutlich gestiegen. Das beweisen zahlreiche Inauguralschrifte und Doktorarbeiten. Außerdem werden regelmäßig wissenschaftliche Konferenzen durchgeführt. Allerdings sind noch bisjetzt viele Fragen nicht erleutert, die in erster Linie mit der Tätigkeit von Zemstwo und Stadtdumen verbunden sind. Es ist

---

[1] In that place. L. 6. D. 37. Sh.: 27, 28, 32 turn, 36 turn, 37 turn, 40, 44, 45 turn, 47 turn, 49 turn, 59, 67, 69 turn, 71 turn, 75 turn, 76, 76 turn, 94 turn,97, 98

[2] Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990, С. 4

[3] Karl Vocelka. Geschichte Österreichs. Kultur – Gesellschaft – Politik. München, 2002, S.356

[4] Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995, С. 70–71, 84

[5] S.: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978; Бурджалов Э. Н. Вторая Русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; Андреев А. М. Местные советы и органы буржуазной власти. М., 1983.

[6] S.: Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996.; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.; Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993.

sehbar wenig Aufmerksamkeit der Revolutions- und Bürgerkriegesperiode (1917–1921) geschenkt, obwohl die Selbstverwaltungorgane gerade in diesem Zeitschnitt ihre wichtigste Rolle gespielt haben. Besondere Interesse regt die Tätigleit von Zemstvo im Rahmen von der Koltschakleitung auf.

Im Dezember 1917 haben die Bolschewisten die Sowjetische Macht in Perm erklärt. Die Zemstvo und Stadtdumen haben im politischen Kampf den Bolschewisten verloren. Schon am Anfang 1918 hat die Kampagne zur Zemstwozerstörung bzw. Vereinigung mit den Sowjeten[1] angefangen. Allerdings haben die Bolschewisten in Perm gar nicht so lange geherrscht — in einem Jahr, am 24.Dezember 1918 haben die erste Abteilungen der Sibirischen Armee, Division von Sinewitsch, Perm von der Seite von Motowilicha eingetreten. Zum Abend von dem 25.Dezember war die Stadt schon in den Händen von der Weißen Armee. Das war die wichtigste Etappe der Permer Operation, die zur Besetzung des größeren Teiles vom Permer Gouvernement und der Stadt Perm, eines der wichtigsten strategischen Punkten an dem Weg der Weißen Armee zu Moskau, geführt hat[2]. Mit dem Herkommen von der Weißen Armee hat die neue Seite der Permer Zemstvogeschichte angefangen.

Im Laufe der Rückbildung der Zemstwotätigkeit unter Koltschak beginnen im Permer Gouvernement im Januar 1919 in die örtliche Selbstverwaltungsorgane, in Büros die Beamter zurückzukehren, die sowohl vor den Sowjeten, als auch unter denen gearbeitet haben. Das hat meistens den Sekretären und das Hilfspersonal betroffen. Wahlvorschlag von jedem Mitarbeiter hat Permer Gouvernementszemstwoverwaltung begutachtet. So zum Beispiel wurde am 5. Januar zur Sekretärin des Gouvernementszemstwover waltungbüros Ksenija Popowa, ehemalige Sekretärin der Gesundheitsabteilung, zugelassen[3].

Im Regel hat man alle mit den Bolschewisten zusammengearbeitete Leute an derselben Stelle gelassen, da die „erfahrene und an dieser Stele nützliche Mitarbeiter" waren. Viele haben dabei den Status der „nichtständigen Mitarbeiter" erhalten. Nur in einem Fall wurde ein Mitarbeiter von seiner Stelle beseitigt: Urkundsbeamte des Heileinrichtungenbüros G. Mironow wurde von seiner Stelle befreit und auf seine Stelle wurde N. Kolobrier hingesetzt[4].

Gesundheitabteilung, die von den Bolschwisten im Dezember 1918 erzeugt wurde, wurde zerlegt[5]. Das ganze Aktenwesen der zerlegten Abteilung für Heileinrichtungen wurde dem Gouvernementszemstwoverwaltungbüro weitergegeben. Als dafür Verantwortliche wurde K. Popowa erklärt, die mit diesen Dokumenten auch früher, unter den Bolschewisten gearbeitet hat. Dabei wurden alle anderen Beamter der Abteilung „befreit". Im Zemstwoverbund wurde eine Spezialabteilung geöffnet, die von dem Arzt I. K. Kurdow geleitet wurde. Alle andere Stelle haben ehemalige Zemstwomitarbeiter, außer K. Popowa, besetzt. Auf solche Weise haben die örtliche Selbstverwaltungsorgane schon damals versucht das Prinzip an Praxis zu erfühlen, das die moderne Regierung der Russischen Föderation anzuwenden stribt: jede Behörde sogar auf dem niedrigsten Nivoau sollte von den erfahrenen Fachleuten geleitet werden.

Zemstwo hat sich aktiv auch mit der Bodenfrage beschäftigt. Die allerwichtigste Frage was die Nachwirkung der Sowjetmacht zu beheben. So wurde es im Vortrag für den Gouvernementszemstworat des 65. Sondersitzes 1919 für Bodenabteilung hingewiesen, dass die „Abteilung fast für gar keine Angaben für Vortragzusammenfassung verfügt. Die ehemalige bolschwistische Regierung hat aus der Bodenabteilung alle Akten, Papiere und Vorträge der Agronomversammlungen, den größeren Teil der Bibliothek und der der Landwirtschaft gewidmeten Bücher von dem Gouvernementszemstwo weggenommen. Zur Zeit versucht man gebliebene Akten aus den vergangenen Jahren und Bibliothek in Ordnung zu bringen, dazu versucht man auch die Angaben vom Ort per Korrespondenz wiederherzustellen"[6].

In der Liste der Fragen, die dem Permer Gouvernementszemstworat im Laufe des 48. Sitzes zur Begutachtung gestanden haben, waren: Maßnahmen zur Verbesserung der Landwirtschaft, Bewertung der Immobilien, Neuordnung der landwirtschaftstatistik in Bezirken, Belohnung für Flurschaden u. s.w[7]. Wie amn sieht, sind da die Landwirtschaft-, Landbau- und Landbesitzprobleme dargestellt.

Örtliche Selbstverwaltung hat unter Koltschak ihre Positionen im Bereich Medizin nicht verloren. Den Artikel 284 und 342 der Ministerratesbestimmung vom 8. Januar 1919 entsprechend wurden in den Mitgliederbestand der Delegiertenversammlung und in den Sowjet der Krankenhäuserkassen Vertreter von der örtlichen Selbstverwaltung und zwar 4 Personen aus der Stadtduma, Gouvernement- und Bezirkzemstvo eingeschlossen. An der Besprechung der Selbstverwaltungsorgane in Perm wurde folgende Entscheidung getroffen: 2 Plätze wurden den Vertreter der Stadtserlbstverwaltung und Gouvernement- und Bezirkzemstvo haben pro einen Stuhl erhalten[8].

Örtliche Selbstverwaltung hat unter Koltschak genauso früher eine wichtige Rolle im Bereich Ausbildung gespielt. Am 18. Mai 1919 hat der Sitz der Permer Volksuniversitätengesellschaft stattgefunden, an dem man Aufsichtsrat und den Präsidenten ausgewählt hat. In die Permer Gouvernementzemstwoverwaltung wurde ein ausführlicher Bericht zur Wahl und Anfrage für einen Vertreter in diesen Rat gerichtet. Zemstwo hat Herrn Iwan F. Ponomarjow hingesetzt[9]. Es ist zu bemerken, dass es auch einige Bildungseinrichtungen existierten, die unabhängig von Zemstwo geleitet wurden.

Allerdings beanspruchen Zemstwo auch die Lösung von den wichtigeren politischen Fragen. Die machen sich Mühe, um dieselbe politische Niche zu nehmen, die die unter Übergangsregierung gehabt haben. Regierung von Koltschak versucht so etwas nicht zu lassen. Die wichtigsten Fragen an Orten werden von der Militärverwaltung gelöst. Am 29. Januar 1919 hat Niederlass des persönlichen Referenten des Hauptleiters von der Region Ural S. A. Domonotowitsch über die Notwendigkeit der Auszahlung von den staatlichen,

---

[1] Герасименко Г. А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 г. //Земское самоуправление в России. М., 2005., С. 361

[2] Radola Gajda, Moje pameti. Praha, 1923, C. 153

[3] Staatsarchiv des Permer Gebiets (GAPK) Ф.44, Оп. 1, Д.34, Л.1

[4] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.34, Л.30

[5] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.34, Л.2–2об.

[6] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.26, Л.67–74.

[7] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.28, Л.27–27об.

[8] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.32, Л.25–26.

[9] GAPK Ф.44, Оп. 1, Д.32, Л.20–21.

Zemstwo- und anderen Steuern erschienen[1]. Den Zemstwo wurde dabei nur eine Hilfsrolle geteilt. Die müssen „Mithilfe" leisten. Dieselbe Situation ist auch bei der Lösung von den anderen wichtigen das Stadt- und Regionaleben angehenden Fragen zu sehen.

Demzufolge ist im Laufe der Vorbereitung zum Treffen von dem Admiral Koltschak ein großer Skandal losgelassen. Stadtduma hat mit 21 Stimmen gegen 10 abgesagt, den Admiral Koltschak als Oberverweser am Bahnhof zu begrüßen. Sozial-demokraten haben vorgeschlagen, ihn als eine Privatperson zu begrüßen. Das wurde von dem Generalmajor Epow (Stableiter der Zweiten Sibirischen Schießdivision) gelöst. Er hat den bewaffneten Kosaken herangeholt und unter der Auflösungsandrohung hat die Duma gezwungen den Oberverweser zu begrüßen[2]. Auf solche Weise war Duma schon unter der vollen Kontrolle, obwohl sie noch immer versucht hat, ihre eigene Politik zu führen. Dazu hat sie sich von dem Volk weiter entfernt: im Rahmen von demselben Treffen wurde ein Sprecher von der Stadt gewählt.

Im Laufe seines zweiten Besuches von Perm am 1–2. Juni 1919 hat sich A. Koltschak mit den Zemstwo- und Stadtdumavertreter sogar nicht getroffen[3]. Man kann das auch durch Mißerfolge in der Front und den Rückzug der Sibirischen Armee erklären. Allerdings weist es auch auf den Endfall des Zemstwos hin, der praktisch seinem Schicksal übergelassen war.

Auf solche Weise lässt sich der Rückschluss abzuleiten, dass mit dem Herkommen der Bolschewisten die Zemstwo aus der politischen Bühne weggegangen sind. Die beginnen mit ihrer Tätigkeit unter Koltschak wieder. Im Leitungsbereich der örtlichen Selbstverwaltungen waren unterschiedliche Branche: Landwirtschaft, Industrie, Volksbildung, Medizin und Tierheilkunde, Post, Feuerwehr. Allerdings hatten die schon nicht den ganzen Volumen der Macht und Bevollmächtigung, den sie 1917 gehabt hatten. Zur Zeit hat die Zemstworolle gefallen, die wichtigsten Fragen sind aus ihrer Kontrolle ausgeschlossen. Mit dem Endgewinn von den Bolschwisten im Juli 1919 wurden die Zemstwoselbstverwaltungsorgane völlig abgebaut.

Quellenverzeichnis:

1. Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996.
2. Андреев А. М. Местные советы и органы буржуазной власти. М., 1983.
3. Бурджалов Э. Н. Вторая Русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.
4. Быстрых Ф. П. Возникновение Уральской областной организации РСДРП (б). Свердловск, 1933.
5. Radola Gajda, Moje pameti. Praha, 1923.
6. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.
7. Герасименко Г. А. Судьба земств в ходе революционных событий 1917 г. //Земское самоуправление в России. М., 2005.
8. Гражданская война в Прикамье (май 1918 — январь 1920 гг.). Сб. документов. Пермь. 2008.
9. Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 года на Урале. Екатеринбург, 1995.
10. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993.
11. Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978.
12. Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми//Пермский дом в истории и культуре края. Пермь, 2009, С. 145–164.

Feonychev Vadim Valerievich
Technological institute-branch FGOU VPO «USAA» name P. A. Stolipin senior teacher

Феонычев Вадим Валерьевич, Технологический институт, филиал Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии и. м. П. А. Столыпина, ст.преподаватель кафедры социально — политических дисциплин

Participation foreign states in liquidation consequences hunger in Soviet Russia 1921–1922 yy.

Участие иностранных государств в ликвидации последствий голода в Советской России 1921–1922 гг.

1921–1922 годы вошли в историю России как период страшного голода, повлекшего за собой тяжелые последствия для молодой Советской Республики. Особенно сильно пострадали дети и, в первую очередь, те, что находились на иждивении государства, т. е. воспитанники так называемых детских учреждений закрытого типа (детских домов, колоний, приемников-распределителей и т. п.). Продовольственное обеспечение этих детей и ранее было крайне скудным и, как следует из материалов Деткомиссии ВЦИК, «положительно нигде» не было налажено[4].

В этой ситуации, поступившие от иностранных государств и зарубежных общественных организаций предложения взять на воспитание советских голодающих детей, на первый взгляд, представляются наиболее разумным и простым способом спасения миллионов детских жизней. Однако за границу было эвакуировано лишь около двух тысяч детей, в то время как предложения иностранных держав (США, Германии, Великобритании, Голландии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Турции) в общей сложности составили несколько десятков тысяч. Предложенная иностранными государствами помощь советским голодающим, в первую очередь детям, не только обрадовала правительство Советской России, но и встревожила его[5]. Советское руководство

[1] Субботин Е. П., Ситников М. Г. По пермским адресам адмирала Колчака. Хроника пребывания Верховного правителя России в Перми//Пермский дом в истории и культуре края. Пермь, 2009С. 226–227

[2] Там же, С. 147

[3] Там же, С. 157–158.

[4] ГАРФ. Ф. Р.-5207. ОП. 1 Д.8. л.19

[5] Хроника России. XX век./А. П. Корелин, Т. М. Смирнова, П. П. Черкасов и др. М.: Слово, 2002. С. 281

было весьма обеспокоено тем, что под видом продовольственной помощи буржуазные страны будут проводить внутри страны антисоветскую пропаганду или осуществлять шпионскую деятельность. «Что же касается главных, дирижирующих держав мирового империалистического блока, — писал, в частности, Н. Валевский, призывая с осторожностью относится к иностранной помощи, — то из них только лишь одна Америка подписала с нами соглашение о помощи голодающим детям, но эта помощь, которая может быть и очень значительной, принуждает нас к сугубой осторожности, ибо исходит она непосредственно из тех рук, которые, начав уже однажды с помощи, кончили содействием политическому перевороту, приведшему к свержению Советской власти, как это имело место в Советской Венгрии»[1]. Неспособность самостоятельно справиться с последствиями неурожая, помимо прочего, наносила большой удар по международному престижу не только самой Советской России, но и идеи социализма как таковой. Напротив, США и буржуазная Европа оказывались в этом случае в роли «благородных спасителей», с чем лидерам большевиков было отнюдь не легко смириться. Как вспоминал позже Ф. Нансен, "русские несколько стыдятся необходимости принимать помощь, в особенности от американцев[2]. Особые опасения у советского руководства вызвало предложение правительств иностранных государств и зарубежных общественных фондов о принятии ими на длительный срок на воспитание детей из голодающих губерний. Нежелание отправлять детей за границу было вызвано множеством причин: отсутствием гарантий их хорошего материального обеспечения; сложностью обеспечить их защиту от возможной эксплуатации и невозможностью оградить от религиозного влияния[3]; опасением, что маленькие дети быстро забудут родной язык и родную культуру, как «губка», впитают окружающую «мещанскую» атмосферу и буржуазную идеологию и окажутся «потеряны» для советского общества. Опасались также и того, что сам факт эвакуации детей за границу будет использован для развертывания кампании антисоветской пропаганды за пределами России, а эвакуированные дети окажутся ее беспомощным орудием. (Забегая вперед, следует отметить, что опасения эти частично оправдались). Однако, для того, чтобы «рассказы» детей о Советской России содержали именно ту информацию, которая была бы желательна с идеологической точки зрения, отправлять за границу следовало лишь специально отобранную группу детей. По мнению Иванова, это должны были быть дети старших возрастов (не младше 12 лет), «хорошо организованные» (то есть те, кто не менее года прожил в детском доме с хорошо налаженной воспитательной работой). Причем, отправлять их за границу Иванов рекомендовал большим «слаженным коллективом» — лучше целыми группами одного детского дома с сопровождением педагогов.

В 1922 г. Голландский комитет помощи детям через председателя заграничной делегации ЦК Помгол ВЦИК в Берлине Н. Н. Крестинского обратился к Советскому правительству с предложением принять для восстановления здоровья несколько тысяч русских детей, наиболее пострадавших от голода. Все инстанции, принявшие участие в обсуждении этого предложения (ЦК Помгол, Деткомиссия ВЦИК, Наркомпрос, Центральный отдел работниц и Агитационный отдел РКП) единодушно сошлись на том, что «по политическим причинам» вывозить голодающих детей за границу «нецелесообразно». Исключение составил лишь Наркомат по иностранным делам РСФСР, который, руководствуясь все теми же «политическими соображениями», порекомендовал принять данное предложение[4]. Любопытное заключение по этому вопросу направил в Деткомиссию ЦО работниц: «Отдел работниц считает по политическим причинам нецелесообразным вывоз голодающих детей за границу и не изменил своей точки зрения до настоящего времени. Но, поскольку речь идет о краткосрочной поездке детей на отдых […] отдел работниц считает возможным в виде опыта допустить такую поездку (с образовательными целями) группы детей петроградских рабочих. Причем отдел считал бы желательным воспользоваться предложением для посылки рабочих подростков комсомольцев». Именно эта идея и была положена в основу принятого в августе 1922 г. решения — «принять предложение в виде исключения». Вопреки просьбе Голландского комитета, послать за границу решили отнюдь не детей голодающих губерний, а 150 детей петроградских рабочих (преимущественно комсомольцев!), в возрасте от 15 до 17 лет. В основном докладе, сделанном на заседании ЦК Помгол по поводу предстоящей поездки детей в Голландию, было прямо сказано, что она должна состояться «вне связи с Помголом»[5].

Как бы то ни было, невзирая на «политическую целесообразность», голодающие дети (и в первую очередь именно малолетние и сироты) отчаянно нуждались в помощи, обеспечить которую советское правительство было не в состоянии. «Буржуазное общество», напротив, изъявило готовность предоставить эту помощь. Уже летом 1921 г. появились первые зарубежные предложения принять на воспитание детей голодающих губерний. Так, в августе 1921 г. Английский комитет помощи детям Центральной Европы предложил разместить в английских семьях тысячу голодающих детей[6]. Позже последовали предложения от Германии, Чехословакии, Болгарии, Голландии, Бельгии, Турции, Британско-Американской комиссии помощи, Христианского Интернационального комитета и др. Понимая, что дети находятся на грани вымирания, советское руководство было вынуждено пожертвовать своими политическими амбициями и принять эту помощь, разумеется на специально оговоренных условиях. Однако, «жертва» эта порой оказывалась бессмысленной, не принося желаемых плодов. В частности, вышеупомянутое предложение Английского комитета помощи детям Центральной Европы было без промедления принято советским руководством, которое поручило заместителю председателя Деткомиссии ВЦИК В. С. Корневу «немедленно приступить к организации отправки детей»[7]. Тем не менее, осуществить на практике предложение Английского комитета помощи детям по неизвестным причинам так и не удалось. Та же участь постигла и предложение английских и немецких рабочих принять в свои семьи по тысячи советских детей из голодающих губерний. Дектомиссия ВЦИК, Наркомпрос и ЦК Помгол, заручившись поддержкой Советского правительства, с благодарностью приняли предложение рабочих Англии и Германии. Началась разработка организационной стороны эвакуации детей. В частности,

[1] Валевский Н. Всероссийская неделя помощи голодающим//Вестник агитации и пропаганды. М., 1921. № 19. С. 3.

[2] Хроника России. XX век./А. П. Корелин, Т. М. Смирнова, П. П. Черкасов и др. М.: Слово, 2002. С. 285.

[3] Следует отметить, что значительная часть предложений о принятии на воспитание детей поступила именно от религиозных общин.

[4] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 258.

[5] ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 71. ЛЛ. 30–32, 35. См. также: ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 83. Л. 42об.

[6] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

[7] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

в качестве наиболее предпочтительного возраста эвакуируемых детей был назван школьный возраст. Детей дошкольного возраста вывозить не рекомендовалось, т. к. опыт внутренней эвакуации показал, что массовые перевозки для них крайне тяжелы и опасны. Подростки же старшего возраста к этому моменту в подавляющем большинстве «разбрелись» в поисках заработка в урожайные губернии. Относительно пола эвакуируемых детей все единогласно отдали предпочтение мальчикам, так как «воспитание девочек в Германии и вообще на Западе», по мнению советского руководства, носило «более мещанский характер». Эвакуировать девочек предлагалось лишь «в исключительных случаях, чтобы не разлучать братьев и сестер». Относительно регионов, из которых следует эвакуировать детей, были высказаны следующие пожелания: в Германию отправлять детей из Немкоммуны, а в Англию — детей прибывающих в Москву из голодающих губерний. Рекомендованный срок эвакуации был неопределенным, но довольно продолжительным — вплоть до окончания общего или профессионального образования[1].

Поскольку согласие отправить голодающих детей на воспитание в семьи английских и германских рабочих не встретило никакой реакции со стороны правительств Англии и Германии, Деткомиссия ВЦИК была вынуждена обратиться за помощью в ЦК Объединенной Коммунистической партии Германии. В совместной радиограмме ЦК РКП (б) и Деткомиссии ВЦИК от 13 сентября 1921 г. говорилось:

«Дорогие товарищи!

«С глубокой благодарностью принимая Ваше Товарищеское предложение помощи голодающим детям рабочих и крестьян Поволжья, Российская Коммунистическая партия настоящим извещает Вас что некоторое время тому назад нами было получено предложение Английских и Германских рабочих о принятии ими на свое обеспечение по 1000 детей». Ответ ЦК Компартии Германии в фондах Деткомиссии ВЦИК и ЦК Помгол, к сожалению не сохранился. О его содержании мы можем судить лишь по сопроводительному письму Деткомиссии в заграничный отдел ЦК Помгол.

В этом письме от 26 сентября 1921 г. говорится, что в ЦК Помгол «препровождается ответ ЦК Компартии Германии с указанием количества детей, которых можно подвести к Петроградскому порту»[2]. Тем не менее, никаких данных о том, что советские дети действительно были эвакуированы в Германию или Англию, в материалах ЦК Помгол и Деткомиссии ВЦИК найти не удалось. Мы не можем с уверенностью утверждать, что же произошло, данный вопрос требует дополнительного изучения. Можно лишь предполагать, что инициатива английских и германских рабочих на тот момент не нашла поддержки правительств этих стран. Косвенным подтверждением этого может служить пересланный Лондонским бюро Интернационального секретариата движения к Христианскому интернационалу в ЦК Помгол в феврале 1922 г. ответ Британского правительства на просьбу Христиансткого интернационала принять в Англии голодающих детей из России. Ответ за подписью Гарольда Скота гласил: «На Вашу просьбу привести из России 250 голодающих детей сообщаю Вам, что я уполномочен секретарем государства выразить Вам свое сожаление, что в настоящую минуту он не в состоянии принять их в Англию»[3]. Таким образом, первые попытки Советской России эвакуировать детей голодающих губерний за границу оказались неудачными. Эти неудачи болезненно задевали самолюбие советского руководство, демонстрируя откровенное неуважение к нему со стороны правительств западных держав. Тем не менее, правительство России не отказалось в принципе от идеи эвакуации детей в буржуазную Европу. Деткомиссией ВЦИК совместно с Наркомпросом были разработаны основные условия эвакуации детей, которые должны были, во-первых, защитить их от эксплуатации, а во-вторых, максимально обезопасить Советскую Республику от возможности использовать данную акцию в целях антисоветской пропаганды. Содержание этих условий сводилось к следующему:

— отправлять за границу детей только в возрасте от 8 до 14 лет;

— вывозить за границу мальчиков, а более подверженных мелкобуржуазному влиянию девочек отправлять лишь «в исключительных случаях»;

— за пределы России эвакуировать только «детей физически здоровых, умственно развитых, морально безупречных»;

— в Германию отправлять преимущественно детей из Немкоммуны;

— общий срок эвакуации детей не должен превышать 3–5 лет[4]. Именно эти принципы впоследствии легли в основу всех решений, принимаемых по вопросу об эвакуации детей за рубеж. Изменения коснулись лишь желательной возрастной группы — возрастная планка была снижена на 2 года (от 6 до 12 лет). Кроме того было добавлено условие обязательного сопровождения детей сотрудниками Наркомпроса для «а) администрирования всем делом; б) обучения русскому языку; в) политического воспитания»[5].

Таким образом, в большинстве своём, дети из голодающих губерний не были эвакуированы за пределы страны. Политическая составляющая вопроса стала камнем преткновения в решении вопроса о жизни огромного количества детей. В частности, в Симбирской губернии с января по сентябрь 1921 г. умерло 29 526 детей в возрасте до 14 лет[6]. По данным заведующего Симгубздрава к ноябрю 1922 г. в Сызранском уезде из 1322 детей умерло 1090[7]. Особенно высокой была смертность детей до 3 лет, в некоторых районах она достигала 90–95%[8]. “Смертность детского населения достигла ужасающих размеров, — писал весной 1922 г. ответственный секретарь Деткомиссии ВЦИК. — Достаточно сказать, что детское население до 3-х лет почти все вымерло, его, по заявлению НКЗД, осталось до 2–3%. Можно без преувеличения сказать, что 30% детского населения Поволжья и Крыма вычеркнуто голодом и эпидемиями из списков живых[9].

---

[1] ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 17

[2] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

[3] ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 67. Л. 33, 132

[4] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[5] ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

[6] Там же. Д. 48. Л. 294.

[7] Там же. Д. 89. Л. 25.

[8] Там же. Д. 88. Л. 38.

[9] Там же. Л. 59

Список литературы:

1. ГАРФ. Ф. Р.-5207. ОП. 1 Д.8. л.19
2. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 48. Л. 258.
3. ГА РФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 71. ЛЛ. 30–32, 35.
4. ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
5. ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
6. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.
7. ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д. 67. Л. 33, 132
8. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
9. ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.
10. Валевский Н. Всероссийская неделя помощи голодающим//Вестник агитации и пропаганды. М., 1921. № 19. С. 3.
11. Корелин А. П., Смирнова Т. М., Черкасов П. П. Хроника России. XX век./М.: Слово, 2002. С. 281

Chizhikova Olesya
Baikal State University of Economics and Law (the branch in Bratsk city)
Чижикова Олеся Владимировна, Байкальский государственный университет экономики и права (филиал в г. Братске), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

The history of the formation of friendship associations in the USSR

История становления обществ дружбы в СССР

Формирование в России гражданского общества подразумевает развитие и института народной дипломатии. В этом смысле приобретает актуальность история обществ дружбы, поскольку является примером и опытом объединения общественности в ее стремлении участвовать во внешнеполитических делах, отстаивать интересы страны на международной арене, развивать контакты, прежде всего в гуманитарной сфере, с народами разных стран.

Вторая мировая война затормозила культурные и научные контакты между странами. Вместе с тем в эти годы как проявление солидарности с советским народом в его борьбе против германского нацизма возникают общества друзей СССР. В 1941 г. они появились в Ливане, Сирии, Новой Зеландии, Австралии, Чили, Индии. По мере освобождения Красной Армией и войсками союзников оккупированных стран в них возникали общества дружбы с СССР. После войны авторитет СССР был настолько велик, что новые организации создавались и в странах, которые война обошла стороной. К 1957 г. национальные общества дружбы с СССР действовали уже в 47 странах. Встречный процесс шел и в Советском Союзе. К концу 1950-х гг. были созданы общества советско-китайской, советско-чехословацкой, советско-германской, советско-польской дружбы, общество советско-индийских культурных связей, «СССР–Финляндия», «СССР–Италия». Массовое возникновение обществ дружбы привело к тому, что в 1958 г. они были объединены в Союз советских обществ дружбы.

На I Всесоюзной конференции советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, состоявшейся в феврале 1958 г., было принято постановление об образовании Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД)[1]. Конференция поручила Союзу организовать в Москве Дом дружбы с народами зарубежных стран, который должен был явиться базой для деятельности советских обществ дружбы.

Союз объединил на добровольных началах общества, ассоциации, институты, комитеты дружбы и культурной связи с отдельными странами, республиканские общества культурной связи с заграницей и секции по различным отраслям советской культуры, науки и техники.

Созданию ССОД способствовали и изменения социально-политического положения страны. Названные с легкой руки И. Эренбурга «оттепелью» годы правления Н. С. Хрущева были действительно «оттепелью» во внутренней и внешней политике СССР. Вместо прежнего курса на жесткое противостояние, «балансирование на грани войны» с Западом теперь в основу внешней политики был положен принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В то же время действия советского руководства на международной арене далеко не всегда проходили в русле этой идеи. Зачастую его внешнеполитические акции носили явно пропагандистский характер. На деле же сохранялся примат идеологии над политикой. Тем более что наряду с призывами к мирному сосуществованию ключевым моментом всех выступлений Н. Хрущева (и соответственно партийно-государственных документов того времени), касавшихся вопросов внешней политики, продолжало оставаться обоснование идеи о необходимости всемерного укрепления «лагеря социализма», «мировой социалистической системы», а также всяческой поддержки национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран в качестве «интернационального долга» Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и СССР. В целом же во второй половине 50-х гг. XX в. произошло смягчение международной напряженности, советская внешняя политика значительно активизировалась, расширились международные связи СССР. В послесталинские годы «железный занавес» практически перестал действовать, причем в обоих направлениях. С одной стороны, в Советский Союз устремились многочисленные западные туристы, ученые, деятели культуры. Стремительно расширялись контакты советских людей с ними. С другой стороны, началось интенсивное проникновение Советского Союза в страны Запада в самых разнообразных формах: расширение дипломатических служб, числа журналистов, ученых, деловых людей, туристов и т. д.

Принцип «мирного сосуществования», провозглашенный на XX съезде КПСС, активно пропагандировавшийся и внедрявшийся в сознание населения страны и за рубежом, просуществовал вплоть до XXVII съезда КПСС, то есть до 1986 г.

[1] Восточно-Сибирская правда. 1958. 20 февраля.

Активно пропагандировать этот принцип должны были в том числе и общественные организации СССР, имеющие специальную международную направленность. ССОД принадлежал именно к данному типу организаций. В приветствии ЦК КПСС II Всесоюзной конференции Союза советских обществ дружбы говорится о том, что Союз «призван способствовать осуществлению принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем, расширению взаимопонимания и сотрудничества советского народа с народами всех континентов земного шара»[1].

Советские общества дружбы относились к массовым общественным организациям. Международные связи советских общественных организаций полностью предопределялись целями внешней политики СССР. Политическое содержание функций общественных организаций СССР на международной арене было ключевым. «В социалистическом обществе не может быть организации, которая бы не имела частично или полностью в том или ином отношении политического содержания, политической стороны, или грани»[2]. XXV съезд КПСС отмечал, что наши общественные организации составляют неотъемлемую часть советской политической системы и являются одним из важных каналов участия граждан в управлении делами общества[3].

Основу, ядро и стержень Советского государства составляла Коммунистическая партия Советского Союза, которая распадалась на множество автономных партийных организаций в первичных коллективах и партийный аппарат. Вся система власти и управления обществом находилась под контролем партийного аппарата.

КПСС не только нацеливала деятельность ССОД, но и обеспечивала активное участие в его работе государственных организаций, средств массовой информации, привлекала многие общественные организации страны. Однако руководящая роль партии не вела к полной подмене ею массовых организаций. Вопросы форм и методов своей работы, организационного строения и внутренней жизни массовые организации решали преимущественно самостоятельно (если это, конечно, не противоречило общей концепции интернациональной работы) исходя из целей и задач, которые диктовала партия. Методы интернациональной работы на региональном уровне в значительной степени копировали деятельность высшего руководства партии.

Государство и партийный аппарат воздействовали на общество прежде всего через первичные коллективы. Активность первичных партийных организаций ограничивалась рамками их коллективов. Но роль их здесь была весьма значительная. Они вмешивались во все аспекты жизни коллективов.

Ведущая роль в работе советских обществ дружбы соответственно принадлежала коллективным членам (первичным организациям) — коллективам рабочих и служащих различных предприятий и учреждений. Устанавливая прямые связи со своими коллегами из братских стран, они организовывали обмен делегациями, знакомились с производственными успехами друг друга, делились опытом коммунистического и социалистического строительства (устанавливались подобные связи «по разнарядке» сверху).

Характер деятельности коллективных членов предполагал широкое участие в их работе профсоюзных и комсомольских организаций, активное использование средств массовой информации и культурно-просветительских учреждений (многотиражной и стенной печати, местного радио, библиотек, домов культуры, музеев и т. д.).

Данные организации можно разделить на четыре основных типа: 1) промышленные предприятия, 2) учреждения, 3) учебные заведения, 4) совхозы и колхозы.

Однако полное документальное раскрытие их роли и участия представляет собой серьезную трудность вследствие отсутствия единого учета их деятельности в рамках обществ дружбы, многочисленности коллективных членов. Например, в состав Иркутского отделения ССОД в начале 1970-х гг. входило 286 первичных организаций, в середине 1980-х гг. — 351 организация[4].

В письме ЦК КПСС I Всесоюзной конференции ССОД декларировались цели данных организаций: «Советские общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами призваны осуществлять благородные задачи укрепления дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества народов СССР со всеми народами мира путем взаимного ознакомления с историей, экономикой, культурой, наукой, жизнью и бытом, установления тесных контактов между представителями широких общественных кругов и обмена опытом в различных областях творческой деятельности народов»[5]. За этим декларативным лозунгом скрывалась более насущная (для партии) и реальная цель — подготовка «общественного мнения», идеологическая «обработка» населения в соответствии с задачами и концепцией внешнеполитического курса.

Таким образом, появившись в условиях «оттепели», освобождения международных отношений от оков «железного занавеса» по инициативе властных органов, общества дружбы были активно поддержаны «снизу», став ответом на вызов времени, связанный с надеждами на либерализацию режима. В период «застоя» общества дружбы по-прежнему востребованы как «сверху», так и «снизу». Режиму они необходимы для поддержания «имиджа» государства, недопущения его дискредитации на международной арене. Общественность видит в них «глоток свободы». «Перестройка», провозгласив лозунги «гласности», «демократизации» и «нового политического мышления», тем более способствовала популяризации движения за дружбу.

Однако деятельность обществ дружбы имела идеологическую основу, была рассчитана в первую очередь на получение политических дивидендов, не всегда учитывала традиции и отражала взаимный интерес. Объяснялось это, прежде всего, тем, что общества дружбы руководствовались указаниями ЦК КПСС и работали в систематическом контакте с советскими органами, то есть действовали «по разнарядке» сверху, что было совершенно естественно в условиях монополии государства на внешнеполитическую деятельность и полного господства в стране партийной идеологии[6].

---

[1] Комсомольская правда. 1967. 27 января.

[2] Кравченко, В. В. Развитие международной деятельности советских общественных организаций/В. В. Кравченко//Вопросы теории и истории общественных организаций/отв. ред. А. И. Щиглик, Ц. А. Ямпольская. М.: Наука, 1971. С. 154.

[3] XXV съезд КПСС, 24 февр. – 5 марта 1976 г.: Стеногр. отчет. М., 1976. Т. I. С. 109.

[4] Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. р-2883, оп. 1, д. 123, л. 8; д. 222, л. 59.

[5] Восточно-Сибирская правда. 1958. 20 февраля.

[6] Следует отметить позицию профессора Р. К. Саляева, более двадцати лет возглавлявшего Иркутское отделение ССОД, который не согласен, что существовал партийный контроль над деятельностью отделений обществ дружбы. По его мнению, возможно, контроль был более заметен в работе центральных обществ, но на местах он не ощущался, для характеристики взаимоотношений между партийными органами и отделениями обществ дружбы больше подходит термин «сотрудничество». (Из личной беседы).

Schurova Irina, graduate of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Inspector of the of Social Work Department of moral and psychological supporting of Belgorod Law enforcement Institute of the of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, a senior police lieutenant.

Щурова Ирина Сергеевна, аспирант Белгородского университета кооперации, экономики и права. Инспектор группы социальной работы отдела морально-психологического обеспечения Белгородского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции.

History, the concept and essence of inheritance in private international law

История, понятие и сущность наследования в международном частном праве

В настоящее время особенно остро встает вопрос о наследстве если в число наследников входят иностранные граждане — именно в этой ситуации возникает наибольшее количество споров между наследниками, а родственники довольно часто в процессе таких споров становятся врагами. Чтобы избежать подобного конфликта, необходимо знать основные положения наследования с точки зрения современного международного права.

Число наследственных дел с иностранным элементом во второй половине XX века все время увеличивалось, что явилось косвенным последствием миграции населения во всем мире в конце прошлого и начале нынешнего века. Так, из Европы в период 1901–1910 годов выехало 12377 тыс., а в период 1911–1920 годов — 8852 тыс. человек.

Переселенцы часто связаны родственными отношениями с отдельными гражданами страны своего происхождения, что и служит основой для возникновения дел о наследовании. Таким образом, наследственные дела с иностранным элементом — это неизбежное следствие перемещения населения.

Разнообразие практики в этой области и сложности, возникающие при разрешении конкретных наследственных дел, объясняются значительными различиями, которые есть во внутреннем законодательстве в области наследственного права. Это проявляется в том, что в разных странах неодинаково определяется круг наследников по закону и по завещанию; устанавливаются различные требования, предъявляемые к форме завещания; существуют различные системы распределения наследственного имущества и т. д [1].

При наследовании по закону в самом законе конкретно предусматривается, кто является наследником и в какой очередности призывается к получению наследственного имущества.

Так, наследниками первой очереди в России являются дети, переживший супруг и родители умершего. К категории наследников второй очереди относятся братья и сестры умершего. Сначала призываются к наследованию наследники первой очереди. Если таких нет, то призываются наследники второй очереди. К числу наследников по закону относятся также нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Эти наследники наследуют наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию.

В других странах круг наследников может быть более широким (например, наследником признается племянник умершего) или более узким, может не быть деления наследников на очереди и т. д.

Точно так же обстоит дело и с наследованием по завещанию. В большинстве стран завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено в определенном порядке, например у нотариуса. В некоторых же странах допускается составление завещания в так называемой голографической форме, то есть написанным собственноручно наследодателем, и не требуется, чтобы оно было удостоверено. По законам одних государств нельзя в завещании ограничить права какой-либо категории наследников. В других же странах в завещании может быть установлен ряд условий наследникам для получения наследства[2].

В практике Инюрколлегии, например, был случай, когда английская гражданка составила в Англии завещание, по которому она завещала имущество своей сестре — советской гражданке, проживающей в Москве, при условии, что наследница приедет в Лондон не позднее чем через десять лет после ее смерти. Как понять это условие: обязана ли она для получения наследства приехать в Англию на постоянное жительство, как утверждали английские юристы, или должна просто приехать в Англию на непродолжительный срок, чтобы получить там наследственное имущество? Это дело было предметом разбирательства в суде, который решил, что в завещании не имелось в виду, чтобы наследница вообще переехала на жительство в Англию, а имелся в виду только ее приезд в Англию для получения имущества.

При решении подобных проблем прежде всего возникают вопросы о праве, подлежащем применению: следует ли применять закон места нахождения имущества или закон места составления завещания и т. д. Законодательство и практика государств решают эти вопросы различно. В Великобритании и США проводится разграничение между наследованием недвижимого имущества и наследованием движимого имущества. К наследованию недвижимого имущества применяется закон места нахождения недвижимости, а к наследованию движимого имущества — закон последнего домицилия наследодателя, то есть закон его местожительства. Согласно правилам французского гражданского кодекса, находящиеся во Франции недвижимости подчинены французскому закону, то есть закону страны их места нахождения. Что же касается движимостей, то в отношении их в судебной практике применяется обычно личный закон наследодателя, под которым понимается закон домицилия.

В ФРГ, в отличие от системы, принятой в Великобритании, США и Франции, исходным является принцип единства наследственного имущества. И к движимому, и к недвижимому имуществу применяется закон гражданства наследодателя.

Из принципа единства наследственного имущества, к которому подлежит применению закон гражданства наследодателя, исходят Закон о международном частном праве Венгрии 1979 года, Закон о международном частном праве Польши 1965 года, Закон о международном частном праве и процессе Чехословакии 1963 года. В КНР в отношении движимого имущества должен

[1] Рубанов А. А. Наследование в международном частном праве. М., 1972.

[2] Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особая часть. М., 1975.

применяться закон места проживания наследодателя в момент его смерти, а в отношении недвижимого имущества — закон места нахождения имущества (ст. 149 Общих положений гражданского права КНР 1986 г.)[1].

Коллизионные вопросы наследования регулируются обычно внутренним законодательством государств. Многосторонние соглашения в этой области есть лишь по отдельным вопросам. Таким соглашением является Конвенция о коллизии законов в отношении форм завещания от 5 октября 1961 г. На дипломатической конференции в Вашингтоне 26 октября 1973 г. была принята многосторонняя Конвенция о форме международного завещания. Вопросы наследования регулируются также в двусторонних договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам и в многосторонней Конвенции стран СНГ о правовой помощи от 22 января 1993 г.

Наследование — это переход имущества (собственно наследства) и имущественных прав непосредственно от умершего гражданина (собственно наследодателя) к наследникам. Данный институт права играет очень важную роль при переходе в порядке правопреемства не только собственности на вещи, но и авторских, патентных и т. п. исключительных прав. В действующем законодательстве Российской Федерации и многих зарубежных стран наследственному праву уделяется значительно больше внимания, чем это делалось раньше. Так, согласно ст. 35 Конституции РФ — «Право частной собственности охраняется законом, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Право наследования гарантируется»[2].

Таким образом, право наследования в Российской Федерации (как и во многих зарубежных странах) относится к числу конституционных прав гражданина. При этом оно означает не только право гражданина быть призванным к наследованию и его полномочия в случае принятия наследства, но и право гражданина в пределах, установленных законодательством, распоряжаться принадлежащим ему имуществом на случай смерти. Наследование — это отношение с экономическим содержанием, по сути — это одна из сторон права собственности. Но при этом категория собственности указывает на принадлежность имущества в настоящее время, категория, же наследования — на принадлежность его в будущем, после смерти собственника. Под наследственными правоотношениями (или собственно наследованием) — понимается переход имущественных и некоторых личных неимущественных прав умершего лица (наследодателя) к иным лицам (наследникам) на основании и в порядке, установленном действующим гражданским законодательством.

Имущественные и некоторые личные неимущественные права, возникающие или возникшие из юридических отношений, в которые поставило себя лицо, не прекращаются и с его смертью. Они переходят на новое лицо, и, как правило, в том же объеме и качестве, в каком они возникли или должны были возникнуть у умершего лица. То есть новое лицо занимает в юридических отношениях умершего лица такое положение, которое соответствует положению умершего лица, как бы заменяя его. При этом все права и обязанности, переходящие на новое лицо, переходят, как правило, одновременно полностью, всей своей совокупностью и нераздельностью, что в юридической литературе считается общим или универсальным правопреемством.

Универсальное правопреемство — это один из основных принципов наследственного права. В соответствии с п. 1 ст. 1110 Гражданского кодекса РФ — при наследовании имущество умершего (наследственное имущество) переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде, как единое целое и в один и тот же момент, если из правил, установленных законом России не следует иное. Это означает, что[3]:

— к наследникам переходят все принадлежавшие наследодателю (умершему собственнику) права и обязанности, исключая лишь те из них, переход которых по наследству не допускается в силу прямого указания закона либо переход которых невозможен в силу их юридической природы;

— в порядке наследственного правопреемства переходят права и обязанности вместе со способами их обеспечения и лежащими обременениями;

— переход прав и обязанностей наследодателя к принявшим наследство наследникам осуществляется в момент совершения наследником действий, направленных на принятие наследства, такой наследник считается принявшим все наследственное имущество, где бы оно ни находилось.

Характерной чертой этого правопреемства является и то, что приобретение прав и обязанностей происходит непосредственно, то есть наследство переходит к наследнику прямо от наследодателя, а не от других лиц.

Таким образом, наследственное право в объективном смысле — это совокупность норм, регулирующих отношения по переходу имущественных прав и обязанностей, личных неимущественных прав умершего к другим лицам, здесь наследственное право — это институт гражданского права с присущими принципами. Наследственное право (право наследования) в субъективном смысле — это право призванного к наследованию наследника на принятие наследства.

В настоящее время существуют две системы наследования: по закону и по завещанию. Долгие годы в России (в отличие от зарубежных стран) наследование по завещанию осуществлялось не столь часто, как наследование по закону. Это объяснялось рядом причин, в том числе нешироким кругом наследуемых объектов, небольшой наследственной массой, иными словами, определенной узостью объектов права личной собственности граждан, которые переходили по наследству. Учитывая тенденции развития имущественных отношений, суть которых сводится к возможности увеличения имущества в частной собственности граждан, в законе наследование по завещанию поставлено на первое место. Так, в настоящее время в России наследование осуществляется по завещанию и по закону. Конечно, это само по себе не является решающим фактором увеличения имущества, которое может передаваться по наследству, тем не менее, данное обстоятельство отражает тенденцию развития наследственного права, а также права собственности в целом.

---

[1] Рубанов А. А. Заграничные наследства. М., 1975.

[2] Дорофеева Ю. А. Ограничение прав иностранных граждан и апатридов в Российской Федерации. Вестник института прав СГЭА: Актуальные вопросы проведения: Научно – теоретический журнал. Самара, Издательство СГЭА , 2002. № 3.

[3] Ярошенко К. Б. Наследственное право: Учебник для вузов. Вольтерс Клувер, 2005. М.

В состав наследства, согласно ст. 1112 Гражданского кодекса РФ, входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в т. ч. имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя (право на алименты, право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина), а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается по закону. Также не входят в наследство личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Открытие наследства — это наступление юридических фактов, с которыми законодательство государства связывает возникновение права наследования. Так, в соответствии со ст. 1113 Гражданского кодекса РФ наследство открывается со смертью гражданина, причем объявление судом гражданина умершим влечет за собой те же правовые последствия, что и его смерть. Моментом (днем) открытия наследства, признается день смерти наследодателя, при объявлении его умершим — день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим, когда днем смерти гражданина признан день его предполагаемой гибели — день смерти, указанный в решении суда. Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, при этом тогда к наследованию призываются наследники каждого из них[1].

Большое практическое значение при возникновении и реализации наследственных правоотношений имеет понятие «места открытия наследства». Вопрос о месте открытия наследства является важным, так как по закону страны, на территории которой открылось наследство, будут решаться все вопросы, связанные с осуществлением права наследования. Более того, именно по месту открытия наследства наследники должны подать заявление в нотариальную контору о принятии наследства или отказе от него. Так, согласно ст. 1115 Гражданского кодекса РФ, местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя. Если последнее место жительства наследодателя, обладавшего имуществом на территории РФ, неизвестно или находится за ее пределами, местом открытия наследства в РФ признается место нахождения такого наследственного имущества[2]. Если такое наследственное имущество находится в разных местах, местом открытия наследства является место нахождения входящих в его состав недвижимости или наиболее ценной его части, а при отсутствии недвижимого имущества — место нахождения движимого имущества или его наиболее ценной части. Ценность имущества определяется исходя из его рыночной стоимости.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что значение наследования в международном праве состоит, прежде всего, в том, что гражданину каждой страны должна быть гарантирована реальная возможность жить и работать с сознанием того, что после его смерти все приобретенное в материальных и духовных благах с падающими на них обременениями, перейдет согласно его воле, а если он ее не выразит, то согласно воле закона к близким ему людям

Список литературы:

1. Рубанов А. А. Наследование в международном частном праве. М., 1972.
2. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особая часть. М., 1975.
3. Рубанов А. А. Заграничные наследства. М., 1975.
4. Дорофеева Ю. А. Ограничение прав иностранных граждан и апатридов в Российской Федерации. Вестник института прав СГЭА: Актуальные вопросы проведения: Научно — теоретический журнал. Самара, Издательство СГЭА, 2002. № 3.
5. Ярошенко К. Б. Наследственное право: Учебник для вузов. Вольтерс Клувер, 2005. М.
6. Комментарии к Гражданскому Кодексу РФ. Часть третья. Редакция от 08. 12. 2011 № 422.

[1] Ярошенко К. Б. Наследственное право: Учебник для вузов. Вольтерс Клувер, 2005. М.

[2] Комментарии к Гражданскому Кодексу РФ. Часть третья. Редакция от 08. 12. 2011 № 422.

Section 6. Medical science

Bugorkov Igor Veniaminovich,
Donetsk national medical University,
associate Professor, candidate of medical Sciences

Бугорков Игорь Вениаминович,
Донецкий национальный медицинский университет,
доцент, канд. мед. наук

Study of the problem of the competitiveness of the medical organizations in the market of dental services

Изучение проблемы конкурентоспособности медицинских организаций на рынке стоматологических услуг

Актуальность работы обусловлена тем, что одной из главных проблем в системе организации и управления стоматологической службой, является изучение природы и механизмов взаимосвязи между уровнем стоматологической заболеваемости, показателями деятельности стоматологической службы, уровнем финансирования, обеспеченности ресурсами и качеством предоставляемой стоматологической помощи[1].

На стоматологическом рынке обострилась конкурентная борьба за пациентов, между всеми субъектами хозяйственной деятельности государственными и внебюджетными организациями.

Конкурентная борьба, обусловила ситуацию, когда стоматологические организации, которые не обладают возможностями для завоевания лидерства на целевом рынке, должны оптимизировать свои усилия на определенном сегменте и стремиться увеличивать там свои преимущества по отношению к потенциальным конкурентам.

Главное требование к любой организационно-управленческой модели — это ее применимость для анализа, выбора и упорядочения (ранжирования) различных вариантов экономических решений[2].

Существующая организационно-управленческая модель работы стоматологических учреждений в Украине, привела к тому, что возникла необходимость в определении конкурентоспособности медицинских организаций различных форм собственности, на рынке стоматологических услуг для совершенствования системы обслуживания пациентов.

Целью исследования является определение конкурентоспособности медицинских учреждений и предприятий на рынке стоматологических услуг, для совершенствования системы обслуживания пациентов, расширения ассортимента предлагаемых услуг и привлечения дополнительных финансовых средств за счет конкурентоспособности предоставляемых услуг.

Материалы и методы: аналитический, метод системного подхода, метод имитационного моделирования.

Результаты и их обсуждение

Изучение конкурентоспособности позволяет медицинским топ — менеджерам (начальникам управлений здравоохранения, главврачам, директорам внебюджетных организаций и др.) оценить преимущества и сравнивать их по отношению к имеющимся конкурентным позициям в системе оказания стоматологической помощи.

Достижение стойких конкурентных преимуществ, по мнению М. Портера, характеризуется следующими факторами: уникальная конкурентная позиция предприятия; тщательно подобранная система видов деятельности; отношение к конкурентам (четкие компромиссы, сотрудничество и т. д.), определение ключевых факторов[3].

По мнению исследователей по конкурентоспособности, расширение масштабов производства, усовершенствование технологий производства за счет капиталовложений в оборотные средства предоставит данной организации возможность внедрять новые виды предоставляемых услуг, которые удовлетворят потребителей в соответствии с возрастанием их платежеспособности[4].

Рассматривая концепцию конкурентоспособности применительно к условиям деятельности стоматологических организаций, отметим, что субъекты хозяйственной деятельности, должны оценивать стратегию развития, в соответствии с видами конкурентных преимуществ, которые определяют характер их отношений к занимаемой позиции на целевом рынке[5].

---

[1] Алимский А. В. Принципы функционирования стоматологических учреждений в условиях рыночной экономики/А. В. Алимский//Труды V съезда Стомат. ассоц. России, 14–17 сентября 1999 г. – М., 1999. – С.

[2] Москаленко В. Ф. В Поисках оптимальной модели. Какие уроки надо извлечь из зарубежного опыта реформирования здравоохранения/В. Ф. Москаленко//Мед. газета. – 2008. – 2 июня, № 48. – С. 10–11.

[3] Портер М. Переосмысление системы здравоохранения. Как создать конкуренцию, основанную на ценности и ориентированную на результат/М. Портер, Э. О. Тайсберг//К.: Из-во А. Капусты. – 2007. – 599 с;

[4] Варава Л. Н. Формирование организационно-экономического механизма предприятия с позиции маркейтинга и стратегического управления/Л. Н. Варава//Економіка прмисловості. – 2003. – № 2. – С. 159–168; Аакер Д. Стратегическое рыночное управление/пер. с англ.; под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.

[5] Загорна Т. О. Формування бізнес-моделі підприємства : навчальний посібник/Т. О. Загорна, А. О. Коломицева. – Донецьк: СПД Купріянов. – 2011.-.405 с; Кицул И. С. Основные проблемы реформирования системы управления ресурсами стоматологической службы/И. С. Кицул//Рос. стомат. журнал. – 2002. – № 2. – С. 45–46.

Источники конкурентных преимуществ, для стоматологических организаций предоставляющие платные медицинские услуги: повышение качества стоматологической помощи; оптимизация ассортимента услуг; установление оптимальных цен и их рыночное регулирование; внедрение современных технологий, высокий профессионализм врачебного персонала, внедрение системы беспрерывного последипломного образования, которые обеспечат возможность предоставлять конкурентоспособные услуги. Мотивация медицинских работников к качественной и эффективной медицинской помощи, информирование пациентов о видах медицинской помощи и организации ее получения, о механизмах ценообразования, соблюдение прав пациентов, гарантийных обязательствах[1].

Уровень развития стоматологических учреждений/предприятий определяется: социальной и экономической политикой государства; наличием благоприятной законодательной базы, с учетом системы лицензирования и аккредитации; внедрением научно обоснованной стратегии управления.

На наш взгляд, управление конкурентными преимуществами в стоматологических организациях, различных форм хозяйственной деятельности при оказании платных услуг, можно представить в виде структурно-логической схемы, разработанной автором на основании проведенных исследований по изучению проблемы конкурентоспособности стоматологических учреждений/предприятий (рис. 1).

Рис. 1. Модель формирования конкурентных преимуществ в системе оказания медицинской помощи

На основании разработанной модели формирования конкурентных преимуществ, стоматологических организаций мы пришли к выводу, что медицинские организации стоматологического профиля, оказывающие платные услуги, имеют стойкие конкурентные преимущества, если они:

[1] Справочник по организации и экономике стоматологической службы, (нормативные материалы по организации работы). Издание второе дополненное и переработанное://Под ред. В.В. Степанова. - М.: Грант, - 2002 - 632 с.

— обеспечивают потребности пациентов в видах, объеме, качестве, времени оказания медицинской помощи;
— предоставляют доступные в физическом и финансовом плане, платные услуги для основной части населения;
— являются уникальными в плане организации работы с пациентами;
— их преимущества не могут быть повторены конкурентами;
— являются прибыльными.

Кроме этого, важным элементом обеспечивающим конкурентоспособность стоматологических организаций является фактор ресурсного обеспечения:

• ресурсное обеспечение рабочего места врача и его деятельности, обеспечивающие внедрение современных технологий (наличие оборудования, материалов и квалифицированного помощника врача);

• проведение полного курса санации и комплексного лечения, обеспечивает пролонгированный позитивный результат, направленный на сохранение зубочелюстной системы;

• наблюдение за пациентом после проведенного лечения с целью своевременного оказания помощи в случае осложнения на этапе последующего наблюдения.

В условиях обострения конкуренции необходимо осуществлять мониторинг внешней среды и оперативно реагировать на изменения, что возможно в условиях внебюджетных учреждений здравоохранения. Сотрудники внебюджетных стоматологических организаций, работают в динамическом режиме.

Указанный вид платных стоматологических услуг имеет определенную сезонность, которая связана с отпускными компаниями пациентов (в летний период), чередой праздников (новогодних, рождественских и т. д.). Соответственно внебюджетные стоматологические организации, в отличие от государственных организаций, предусматривают график работы с учетом вышеприведенных факторов.

Динамические способности возможны в условиях внебюджетных учреждений здравоохранения и рассматриваются как основа формирования конкурентных преимуществ, имея в виду возможности предприятия оперативно приспосабливать имеющийся ресурсный потенциал к новым проблемам и внешним ситуациям, создание новых ресурсов для предоставления услуг.

Предпосылками потенциальных динамических способностей являются:
— полученные знания, которые позволяют быстро адаптироваться к изменениям эмпирической практики;
— анализ ошибок и факторов, которые им сопутствовали;
— идентификация накопленного опыта в виде формальных процедур соответственно к подсистемам предприятия.

Динамические способности позволяют учреждению или предприятию действовать и развиваться перспективно, быстрее учиться и внедрять эффективные медицинские технологии, чем конкуренты. Указанный фактор может стать единственным преимуществом перед конкурентами. На практике в деятельности стоматологических организаций отмечается сближение обоих точек зрения, и достижение определенного уровня конкурентоспособности, при этом необходимо учитывать рыночные и ресурсные аспекты.

Выводы:

На уровень развития стоматологических учреждений/предприятий, влияют следующие факторы: социальная и экономическая политика государства, включая уровень доходов граждан; наличие благоприятной законодательной базы, с учетом системы лицензирования и аккредитации; внедрение научно обоснованной стратегии управления.

Источники конкурентных преимуществ, для стоматологических организаций, которые предоставляют платные медицинские услуги, следует рассматривать в следующей последовательности: повышение качества стоматологической помощи; оптимизация ассортимента услуг; установление оптимальных цен и их рыночное регулирование; внедрение современных технологий, высокий профессионализм врачебного персонала, внедрение системы беспрерывного последипломного образования, которые обеспечат возможность предоставлять конкурентоспособные услуги.

Мотивация медицинских работников к качественной и эффективной медицинской помощи, информирование пациентов о видах медицинской помощи и организации ее получения, о механизмах ценообразования, соблюдение прав пациентов, гарантийных обязательствах.

Изучение факторов конкурентных преимуществ стоматологических организаций, которые не обладают возможностями для завоевания лидерства на целевом рынке, позволяет оптимизировать свои усилия на определенном сегменте и стремиться увеличивать там свои преимущества по отношению к потенциальным конкурентам.

Список литературы:

1. Алимский А. В. Принципы функционирования стоматологических учреждений в условиях рыночной экономики/А. В. Алимский//Труды V съезда Стомат. ассоц. России, 14–17 сентября 1999 г. — М., 1999. — С.
2. Варава Л. Н. Формирование организационно-экономического механизма предприятия с позиции маркейтинга и стратегического управления/Л. Н. Варава//Економіка прмисловості. — 2003. — № 2. — С. 159–168.
3. Загорна Т. О. Формування бізнес-моделі підприємства: навчальний посібник/Т. О. Загорна, А. О. Коломицева. — Донецьк: СПД Купріянов. — 2011.-.405 с..
4. Кицул И. С. Основные проблемы реформирования системы управления ресурсами стоматологической службы/И. С. Кицул//Рос. стомат. журнал. — 2002. — № 2. — С. 45–46.
5. Москаленко В. Ф. В Поисках оптимальной модели. Какие уроки надо извлечь из зарубежного опыта реформирования здравоохранения/В. Ф. Москаленко//Мед. газета. — 2008. — 2 июня, № 48. — С. 10–11.
6. Справочник по организации и экономике стоматологической службы, (нормативные материалы по организации работы). Издание второе дополненное и переработанное://Под ред. В. В. Степанова. — М.: Грант, — 2002–632 с.
7. Аакер Д. Стратегическое рыночное управление/пер. с англ.; под ред. Ю. Н. Каптуревского. — СПб.: Питер, 2002. — 544 с.
8. Портер М. Переосмысление системы здравоохранения. Как создать конкуренцию, основанную на ценности и ориентированную на результат/М. Портер, Э. О. Тайсберг//К.: Из-во А. Капусты. — 2007. — 599 с.

Bushueva Inna, Zaporozhye State Medical University,
Associate Professor of Management and Economics of Pharmacy

Organization of the veterinary pharmacy

The urgency of the problem due to the current state of small retail pharmacy network of veterinary drugs and veterinary products.

Pharmacy — an institution which trains, store and release drugs. Official veterinary pharmacy generic as a division of veterinary pharmaceutical services are not approved. Opening in regions pet pharmacies are not yet fully meet the requirements of the general pharmacy. This is due to the fact that established on the basis of partial capital pet pharmacies, perform only the function of providing the owners of sick animals ready drugs, dosage forms of these items and care for animals.

In veterinary pharmacies to prepare dosage forms of prescription veterinary, conduct laboratory and packing operation, use of modern technologies in the pharmaceutical, control over the quality, design and dispensing forms, provide guaranteed storage of medicines. In addition to the preparation of dosage forms pharmacy lets the public, government agencies and private veterinary medicines industrial production both on prescription and without them, and the subjects the maintenance and care of the animals, feed additives and growth-promoting agents. Pharmacy service organizes drug information, evidence and how to use them to animals of different species, the interchangeability of missing funds, the availability of funds in other veterinary pharmacies. Positive experience of the first veterinary pharmacies, who organized the publication of newspapers, newsletters, bulletins with materials health education for veterinary medicine.

Veterinary pharmacist provides first advice to owners of sick animals, recommends contacting with veterinary profile. On the territory of service veterinary pharmacy sites can create retail trade (items, booths, tents), as well as attracting the organizers on the market.

In veterinary pharmacy pharmacists can work professionals with higher pharmaceutical education, performing duties of the organizers and production technologies; pharmacists — paraprofessionals pharmaceutical education, preparing dosage forms directly packers.

At the stage of veterinary pharmacies in their structure provides two divisions: prescription-production and reserves; proprietary medicines sold without prescription and goods (items sanitation, hygiene and care of the animals, feed additives and growth-promoting drugs).

Storing crude drug requires the necessary premises, storage conditions for perishables, absorbent, light-sensitive and other drugs, and in particular for the storage of toxic and potent substances. When large volumes of work and production of the Subdivision retsepturno pharmacists stock up the most used concentrated solutions of various semi dosage forms, speeding up cooking them in the structure of the department.

Department of finished dosage forms of prescription and non-prescription drugs commercially made or prepared in the first section of section of stocks. In addition, the department implements the items of sanitation, hygiene and care of animals.

Veterinary pharmacy departments headed veterinary pharmacists and veterinarians who have been specialized in veterinary pharmacy.

Pharmacy is placed in a room that meets the essential health and hygiene requirements. This should be a comfortable, spacious, bright, warm room, located in a separate, non-residential buildings, mainly on the ground floor.

Pharmacy can operate as branches of extra vet GOVERNMENTAL pharmacies or formed in veterinary agricul tural parts enterprises. Their main task — implementation authorities traffickers animal veterinary drugs and veterinary products tion purposes.

The composition of drug products, pharmacy items sold, may contain toxic and potent means, except for cheniem drugs.

The implementation of such dosage forms as required subject-quantifiable. If these drugs were prescribing veterinarian, after dispensing prescriptions forms remain in pharmacy. Other products veterinary pharmacy sells unlimited and financial accounting is their movement.

In Pharmacy can receive recipes followed ne transmission into veterinary pharmacy. The owner of the animal goes to a pharmacy only for obtaining the finished dosage form.

Kiosks located in areas with the largest for drugs and veterinary products (fairs, markets, railway stations, etc.). Open them and provide goods pet pharmacies any ownership, joint stock companies and firms that are licensed for the implementation of this type of product.

Kiosks sold drugs and dosage forms that are allowed to leave without a prescription, as well as other products for veterinary use. Sold in contact with the head of the kiosk sells goods, gradually mastering the knowledge needed to work in the booth. Seller is not responsible for the use of medicines by consumers, but is obliged to give explanations on the features of storage of drugs in the home.

Pharmacy farmers — a category of workers in the agricultural profile, along with other developing livestock industry. Livestock farming is presented aimed animal breeding specific type (dairy cattle, fattening pigs, sheep, etc.). When working with animals prosperous farmer support epizootic situation in his household, and in the area of its location, the required level of productivity, safety and animal reproduction.

Sources of pharmacological agents for the farm varied. They enter through the veterinary network offering direct purchases by firms and entrepreneurs. In this regard, the farmer is a consumer of pharmaceutical products, as well as any pet owner. However, market-making adjustments in farming practices. To reduce the cost of doing the livestock industry the farmer begins to develop pharmaceutical manufacturing.

Pharmaceutical experience of farmers is under of becoming, it requires constant support and professional help. Feature of this experiment is that the farmer has to master the technology of making the most simple formulations. Without knowing the secrets of physical, chemical, physical, chemical, pharmacological drug incompatibilities, the farmer should not seek to make a complex formulation. For cooking is not difficult, the most used formulations requires a simple pharmacy equipment.

A farmer preparing dosage forms, must know and observe the following: it does not have the right to acquire, store, prepare dosage forms with toxic substances, dosage forms are prepared to use only within their own Farms, has no right to implement on the farm cooked drug governmental forms, use for the preparation of dosage forms potent substances authorized for purchase in pharmacies without a prescription online, for storage of medicines and dosage forms with powerful substances equip storage, conduct on-farm records the movement of these substances[1].

---

[1] Ivanov, Veterinary Medicine/G. Ivanov//Veterinary Medicine. -2007. - № 9. - P.4–5; Oleinik LV Epizootological oversight in the state veterinary control at the border: Author. dis. for obtaining scientific. Ph. D. degree. vet. Science/L. V. Oleynik. - In-t exper. and clinical. vet. Medicine UAAS. - Kharkiv, 2000 - 17s; Chabanova Y. treysabilnosti value for the quality and safety of animal products/Y. Chabanova// Veterinary Medicine. - 2007. - № 2. , Pp.37–39.

Experience shows that some farmers have achieved high opgga in pharmaceutical work, but does not control the quality of products. Dosage forms are not prepared for long-term storage, for the most part they are used as manufacturing. The main control of the quality of their pharmaceutical products is the reaction of the animals. In my practice, farmers are widely used practice of traditional medicine.

Given that farmers are not only professionals with agricultural education, the experience of working with animals is acquired in the process of improving production and methodological assistance to farmers by veterinary experts and scientists are also in the making. Recently the need to provide effective information, practical and methodological assistance in the field of veterinary pharmacy.

References:

1. Ivanov, Veterinary Medicine/G. Ivanov//Veterinary Medicine. –2007. — № 9. — P.4–5.
2. Oleinik LV Epizootological oversight in the state veterinary control at the border: Author. dis. for obtaining scientific. Ph. D. degree. vet. Science/L. V. Oleynik. — In-t exper. and clinical. vet. Medicine UAAS. — Kharkiv, 2000–17s.
3. Chabanova Y. treysabilnosti value for the quality and safety of animal products/Y. Chabanova//Veterinary Medicine. — 2007. — № 2., Pp.37–39.

Karoli Nina
V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Professor, doctor of Medical Science
Dolishnyaya Gulnara
V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Post-graduate
Rebrov Andrey
V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Professor, doctor of Medical Science
Кароли Нина Анатольевна
ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, Доктор медицинских наук, профессор кафедры госпитальной терапии лечебного факультета
Долишняя Гульнара Раисовна
ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России Аспирант кафедры госпитальной терапии лечебного факультета
Ребров Андрей Петрович
ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии лечебного факультета

Arterial stiffness diurnal measure and twenty-four-hour arterial blood pressure monitoring in male patients with chronic obstructive pulmonary disease combined with arterial hypertension

Суточный показатель артериальной ригидности и суточное мониторирование артериального давления у мужчин с хронической обструктивной болезнью легких и артериальной гипертензией

Введение. Хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ) рассматривается как заболевание с прогрессирующим нарушением функции внешнего дыхания, связанное с воспалительной реакцией легочной ткани на раздражение различными патогенными агентами и газами. Основное внимание в определении акцентировано на бронхолегочных проявлениях. Однако в последние годы все чаще подчеркивается роль внелегочных проявлений ХОБЛ, таких как системное воспаление, дисфункция скелетной мускулатуры, снижение массы тела, остеопороз, анемия, нарушения сердечно-сосудистой системы[1]. В связи с этим наличие внелегочных проявлений позволяет определить ХОБЛ как системное заболевание[2]. Причиной частой ассоциации ХОБЛ и сердечно-сосудистых заболеваний могут быть общий фактор риска — курение, а также персиструющее системное воспаление, хронические инфекции, прием некоторых лекарственных средств, повышающих активность симпатического отдела вегетативной нервной системы — бета2-адреномиметики и другое. Хроническое персистирующее системное воспаление, наблюдаемое при ХОБЛ, вносит вклад в патогенез атеросклероза и сердечно-сосудистых заболеваний у больных ХОБЛ[3].

Одной из особенностей современной клиники внутренних болезней является полиморбидность, а артериальная гипертензия (АГ) и хронические респираторные заболевания (ХОБЛ и бронхиальная астма) остаются наиболее распространенными среди взрослого населения развитых стран.

Основным методом контроля артериального давления (АД), выявления АГ и оценки эффективности корригирующих процедур продолжает оставаться традиционное разовое или трех-четырех кратное определение АД по методу Н. С. Корот-

[1] Глобальная стратегия диагностики, лечения и профилактики хронической обструктивной болезни легких (пересмотр 2007 г.)/ Пер. с англ. под ред. Чучалина А. Г. — М.: Издательский дом «Атмосфера», 2008. — 100 с., ил.

[2] Celli B. R., Mac Nee W. ATS/ERS Task Force. Standards for the diagnosis and treatment of patient with COPD: a summary of the ATS/ ERS position paper. Eur. Respir. J. 2004; 23: 932–946.

[3] Sin D. D., Man S. F. P. Why are patients with chronic obstructive pulmonary disease at increased risk of cardiovascular disease? Circulation 2003; 107: 1514–1519.

кова. Современным высокоинформативным методом, дающим важную информацию для комплексной оценки больных с АГ, признано суточное мониторирование АД (СМАД)[1].

В связи с высокой клинической и прогностической значимостью механических свойств артерий в последние десятилетия стали активно изучаться данные свойства артерий. Для изучения эластических свойств сосудов предлагались различные способы. В настоящее время с целью выявления повышенной ригидности магистральных артерий наиболее часто используется метод определения скорости распространения пульсовой волны в аорте методом традиционного «каротидно-феморального» наложения сфигмодатчиков. В последние годы наметилась тенденция включения алгоритмов определения артериальной жесткости в приборы СМАД, однако суточная динамика жёсткости артериального русла изучена недостаточно. Программное обеспечение, созданное с применением технологии Vasotens, позволяет оценивать параметры ригидности сосудов в течение суток.

Для оценки ригидности артерий использован индекс аугментации. Индекс аугментации — это соотношение прямой и отраженной пульсовых волн, проходящих по сосудистой стенке. Индекс аугментации отражает сопротивление мелких артерий потоку крови: чем он больше, тем выше сопротивление артериол. Отмечается сильная зависимость индекса аугментации от ЧСС. Суточное мониторирование дает возможность уточнить коэффициенты данной зависимости для конкретного пациента. Для унификации с оборудованием других изготовителей целесообразно ввести «приведенный» показатель AIx80, пересчитанный для ЧСС=80 ударов в минуту. Нормальным принимается значение ЧСС-коррегированного индекса аугментации меньше –10%. Значение равное или больше –10% является патологическим[2].

Целью исследования явилось определение взаимосвязи суточного ритма артериального давления (АД) и суточного профиля артериальной ригидности у больных хронической обструктивной болезнью легких и артериальной гипертензией.

Материалы и методы исследования. В открытое исследование включены 60 мужчин с ХОБЛ и АГ, находившихся на обследовании и лечении в отделении пульмонологии Областной клинической больницы города Саратова, подписавших информированное согласие на участие в исследовании. Средний возраст пациентов составил 63,8±8,5 года. Согласно стандартам GOLD II стадия заболевания констатирована у 18 больных, III стадия — у 25 пациентов, IV стадия — у 17 больных. Средняя длительность ХОБЛ составила 7,6±5,7 лет, средняя продолжительность АГ — 6,1±5,8 лет. Обследованные пациенты с ХОБЛ и АГ были разделены на две группы в зависимости от показателей артериальной ригидности по данным СМАД: первую группу составили больные с нормальными значениями ЧСС-коррегированного индекса аугментации, вторую группу — пациенты с повышенными показателями ЧСС-коррегированного индекса аугментации. В первую группу вошли 29 мужчин в возрасте 63,3±9,37 лет. Средняя длительность ХОБЛ достигла 7,9±6,1 лет, средняя продолжительность АГ — 5,2±4,2 лет. У 31 мужчины 2 группы в возрасте 64,2±7,8 лет длительность ХОБЛ составила 7,3±5,5 лет, АГ — 6,8±6,9 лет. Критериями исключения явились возраст менее 18 лет и более 80 лет, сахарный диабет, ИБС: инфаркт миокарда, стенокардия, ишемическая кардиомиопатия, патология сосудов, хронические заболевания в фазе обострения, заболевания бронхов и легких другой этиологии. Группу сравнения составили 47 мужчин с эссенциальной АГ без хронических заболеваний органов дыхания. Пациенты группы сравнения были сопоставимы по основным параметрам с обследуемыми больными.

Всем пациентам проводилось СМАД и суточное мониторирование артериальной ригидности с использованием аппарата BPLab МнСДП-2 («Петр Телегин», Россия). Исследования проводили в течение 24 часов. Измерения АД начинали в 9–11 часов. Интервалы между измерениями АД составляли 15 минут в дневные часы и 30 минут в ночные часы, которые определялись индивидуально по дневнику самонаблюдения пациентов. Измерения осуществляли на «не доминантной» руке. За два дня до исследования больные прекращали прием гипотензивных препаратов, накануне и в день исследования не употребляли кофе и кардиотонические средства. Для количественной оценки использовались общепринятые величины: среднесуточные систолическое и диастолическое АД, показатели «нагрузки давлением» — индекс времени АД и индекс площади АД отдельно для систолического и диастолического АД за сутки, для оценки степени ночного снижения АД определялся суточный индекс АД (пациенты со степенью ночного снижения АД типов «non-dipper» и «over-dipper» объединены в группу с недостаточной степенью снижения АД), для оценки ригидности артерий использован ЧСС-коррегированный индекс аугментации.

Статистическая обработка производилась при помощи пакета статистической программы Statistica 7 (Statsoft). Данные, имеющие нормальное распределение, представлены в виде средне-арифметических значений и стандартного отклонения (M±y). Для признаков с распределением, отличным от нормального, результаты представлены в виде Me [Q25; Q75], где Me — медиана, Q25 и Q75–25 и 75 квартили, соответственно. Использовали описательную статистику, при сравнении выборок использовали t-критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитни. Для оценки взаимосвязи между отдельными показателями использовали корреляционный анализ с расчетом коэффициента корреляции по Пирсону и Спирмену. Различия между изучаемыми параметрами признавали достоверными при уровне статистической значимости $p<0,05$.

Результаты исследования. Достоверные различия между анализируемыми группами обнаруживались по возрасту, возрасту дебюта АГ ($p<0,001$).

У больных ХОБЛ выявлена взаимосвязь между казуальным измерением систолического АД и среднесуточным значением систолического АД по данным СМАД ($r=0,5$, $p<0,001$), а также между результатом измерения диастолического АД и среднесуточным его значением ($r=0,4$, $p<0,01$).

При исследовании суточного профиля артериальной ригидности было установлено, что в группе сравнения преобладали пациенты с нормальной жесткостью сосудистой стенки (80%). У больных ХОБЛ и АГ нормальная артериальная ригидность встречалась в 48,3% случаев ($p<0,05$).

При исследовании суточного профиля АД (табл. 1) выявлено, что в большинстве случаев пациенты 2 группы имели патологическое изменение циркадного ритма в виде неадекватного снижения систолического и диастолического АД

[1] Национальные клинические рекомендации/Всероссийское научное общество кардиологов. – М.: «МЕДИ Экспо», 2009. – 389 с.; Рогоза А. Н., Никольский В. П., Ощепкова Е. В. и др. Суточное мониторирование артериального давления при гипертонии (методические вопросы). Под ред. Г. Г. Арабидзе и О. Ю. Атькова. М., 1997–44 с.

[2] Руководство пользователя ПО v.3.0 (редакция 04.2009) Часть 1., 2009. – 134 с.

в ночные часы (90,3% и 80,6%, соответственно). Среди пациентов 1 группы также преобладают больные с отличным от нормального снижением систолического и диастолического АД (75,9% и 69,0%, соответственно) в ночные часы. У пациентов группы сравнения частота обнаружения пациентов типа «dipper» для систолического и диастолического АД составляет 42,0% и 44,0%, соответственно. Таким образом, выявлена взаимосвязь между повышенным значением ЧСС-коррегированного индекса аугментации и повышением частоты встречаемости недостаточной степени ночного снижения АД.

Таблица 1

Показатели суточного мониторирования ритма систолического и диастолического АД у больных с ХОБЛ и АГ с учетом суточного профиля жесткости артерий

Суточный ритм АД	1 группа, n=29		2 группа, n=31		Группа сравнения, n=47	
	n	%	n	%	n	%
Недостаточная СНС САД,%	22	75,9*	28	90,3	29	58,0
Оптимальная СНС САД,%	7	24,1	3	9,7	21	42,0
Недостаточная СНС ДАД,%	20	69,0*	25	80,6	28	56,0
Оптимальная СНС ДАД,%	9	31,0	6	19,4	22	44,0

* — достоверность различий со 2 группой, p<0,05

Примечание: СНС — степень ночного снижения, САД — систолическое АД, ДАД — диастолическое АД

Помимо степени ночного снижения АД, другим предиктором кардиоваскулярного риска является уровень систолического АД. По результатам суточного мониторирования АД критическим уровнем систолического АД принимается значение 125 мм рт.ст., диастолического АД — 80 мм рт.ст. При изучении средних показателей систолического, диастолического давления установлено достоверно значимое повышение среднего систолического АД за ночные часы в сравнении с пациентами с эссенциальной гипертензией (p<0,05). Отмечены достоверные различия показателей степени ночного снижения систолического и диастолического АД пациентов 1 и 2 группы с группой сравнения (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения артериального давления, степени ночного снижения АД, показатели «нагрузки давлением» у больных ХОБЛ и АГ в зависимости от суточного профиля жесткости артерий (M±y), (Me [Q25; Q75])

Показатель	1 группа, n=29	2 группа, n=31	Группа сравнения, n=47
Среднее САД (сутки), мм рт.ст.	136,3±11,7	137,6±14,5	137,7±13,0
Среднее САД (день), мм рт.ст.	137,1±13,2	138,2±14,4	140,7±12,8
Среднее САД (ночь), мм рт.ст.	133,9±12,7	136,5±16,6*	128,9±16,2
Среднее ДАД (сутки), мм рт.ст.	87,0±6,6	87,3±7,6	87,9±8,2
Среднее ДАД (день), мм рт.ст.	88,1±7,2	88,4±8,2	90,6±8,2
Среднее ДАД (ночь), мм рт.ст.	83,5±9,2	83,4±10,0	80,2±10,6
СНС САД,%	1,9±9,8#	1,1±6,9##	8,3±8,6
СНС ДАД,%	4,9±10,4#	5,5±9,3#	11,5±8,6
Индекс времени САД (сутки),%	48,0 [35,0;70,0]	46,0 [31,0;76,0]	45,0 [25,0;61,0]
Индекс времени САД (день),%	38,0 [15,0;64,0]	28,0 [10,0; 65,0]	42,0 [19,0;62,0]
Индекс времени САД (ночь),%	79,0 [50,0;97,0]*	88,0 [71,0;100,0]#	44,5 [17,0;92,0]
Индекс времени ДАД (сутки),%	53,0 [40,0;62,0]	52,0 [32,0;70,0]	52,5 [35,0;75,0]
Индекс времени ДАД (день),%	38,0 [21,0;54,0]	24,0 [13,0;68,0]	48,5 [24,0;72,0]
Индекс времени ДАД (ночь),%	85,0 [63,0;99,0]	94,0 [77,0;100,0]#	67,5 [36,0;89,0]
Индекс площади САД (сутки), мм рт.ст	159,0 [62,0;235,0]	124,0 [53,0;275,0]	106,5 [46,0;240,0]
Индекс площади САД (день), мм рт.ст.	47,0 [16,0;97,0]	33,0 [5,0;125,0]	54,5 [28,0;107,0]
Индекс площади САД (ночь), мм рт.ст.	65,0 [31,0;147,0]	79,0 [38,0;164,0]	29,0 [7,0;123,0]
Индекс площади ДАД (сутки), мм рт.ст	114,0 [88,0;181,0]	111,0 [58,0;219,0]	106,0 [55,0;173,0]
Индекс площади ДАД (день), мм рт.ст.	44,0 [31,0;79,0]	28,0 [14,0;84,0]	57,0 [25,0;97,0]
Индекс площади ДАД (ночь), мм рт.ст.	64,0 [37,0;108,0]	66,0 [29,0;126,0]	44,5 [15,0;104,0]

* — достоверность различий с группой сравнения, p<0,05

— достоверность различий с группой сравнения, p<0,01

— достоверность различий с группой сравнения, p<0,001

С целью количественной оценки эпизодов повышения АД используются показатели «нагрузки давлением» (табл. 2). Они более точно, чем средние значения АД, характеризуют влияние повышенного давления на органы-мишени.

У пациентов обеих групп выявлена большая нагрузка САД (индекс времени) за ночь, а также ДАД (индекс времени) за ночь у обследованных 2 группы по сравнению с аналогичными показателями группы сравнения.

Проведен парный корреляционный анализ взаимосвязей жесткости сосудистого русла у больных ХОБЛ и АГ и показателей данных суточного мониторирования АД.

Отмечена обратная корреляционная связь среди пациентов 1 группы между нормальными показателями ЧСС-коррегированного индекса аугментации и степенью ночного снижения диастолического АД ($r = -0,4$, $p<0,05$) (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь средних значений артериального давления, степени ночного снижения АД, показателей «нагрузки давлением» у больных ХОБЛ и АГ и суточного профиля жесткости артерий, (корреляционный анализ Пирсона, r; Спирмена, p)

Показатель	1 группа, n=29	2 группа, n=31	Группа сравнения, n=47
Среднее САД (сутки), мм рт.ст.	-0,02	0,1	0,2
Среднее САД (день), мм рт.ст.	-0,1	0,1	0,2
Среднее САД (ночь), мм рт.ст.	0,3	0,1	0,2
Среднее ДАД (сутки), мм рт.ст.	-0,01	0,1	0,1
Среднее ДАД (день), мм рт.ст.	-0,1	0,1	0,1
Среднее ДАД (ночь), мм рт.ст.	0,3	0,1	0,1
СНС САД,%	-0,3	-0,1	-0,03
СНС ДАД,%	-0,4*	-0,1	0,02
Индекс времени САД (сутки),%	-0,1	0,4*	0,4**
Индекс времени САД (день),%	-0,2	0,3	0,4**
Индекс времени САД (ночь),%	0,1	0,2	0,2
Индекс времени ДАД (сутки),%	0,1	0,1	0,2
Индекс времени ДАД (день),%	-0,1	0,1	0,2
Индекс времени ДАД (ночь),%	0,3	0,3	0,1
Индекс площади САД (сутки), мм рт.ст	-0,01	0,3	0,5*
Индекс площади САД (день), мм рт.ст.	-0,2	0,3	0,5*
Индекс площади САД (ночь), мм рт.ст.	0,2	0,2	0,2
Индекс площади ДАД (сутки), мм рт.ст	0,2	0,2	0,3*
Индекс площади ДАД (день), мм рт.ст.	-0,2	0,2	0,3*
Индекс площади ДАД (ночь), мм рт.ст.	0,4*	0,2	0,1

* — достоверность корреляционной зависимости, $p<0,05$

** — достоверность корреляционной зависимости, $p<0,01$

Изучая показатели «нагрузки давлением», выявлена прямая корреляция нормального показателя ЧСС-коррегированного индекса аугментации в течение суток с индексом площади диастолического АД в ночные часы ($r = 0,4$, $p<0,05$). У пациентов 2 группы отмечается корреляция с индексом времени систолического АД за сутки ($r = 0,4$, $p<0,05$).

Пациенты с эссенциальной артериальной гипертензией по данным суточного мониторирования были связаны достоверной прямой корреляционной зависимостью с индексом времени систолического АД за сутки и в дневные часы ($r = 0,4$ и $r = 0,4$, соответственно, $p<0,01$). Также отмечается прямая корреляция у пациентов группы сравнения и индексом площади систолического и диастолического АД за сутки и в дневные часы.

Проведена оценка жесткости артерий у пациентов с ХОБЛ и АГ в зависимости от тяжести течения основного заболевания. У обследованных со II–IV степенью тяжести ХОБЛ средние значения ЧСС-коррегированного индекса аугментации по данным СМАД были отличными от нормы. Наиболее очевидные нарушения эластических свойств артерий установлены у больных с крайне-тяжелым течением ХОБЛ (-6,6±22,2; –2,9±22,8 и 0,2±16,3, средне-тяжелое, тяжелое и крайне-тяжелое течение, соответственно, $p<0,05$). Среди пациентов со средне-тяжелым и тяжелым течением ХОБЛ преобладали лица с нормальными значениями суточного показателя ригидности артерий. С утяжелением стадии течения ХОБЛ от III к IV отмечается тенденция к нарастанию количества пациентов с повышенным значением ЧСС-коррегированного индекса аугментации (64,7%).

Достоверно значимой взаимосвязи между показателями ЧСС-коррегированного индекса аугментации и показателями функции внешнего дыхания выявлено не было.

Выводы. У больных ХОБЛ в сочетании с АГ отмечалось нарушение эластических свойств артерий, повышение ригидности артериальной стенки. У пациентов с ХОБЛ и АГ как с нормальной, так и повышенной ригидностью артерий отмечается тенденция к повышению параметров суточного мониторирования АД (циркадные ритмы, средние значения АД, индексы нагрузки). Отмечены взаимосвязи между повышением жесткости артерий и показателями «нагрузки давлением» (индекс времени, индекс площади). Наиболее выраженное увеличение жесткости артерий наблюдалось у пациентов с крайне-тяжелым течением ХОБЛ. Следовательно, больным ХОБЛ рекомендуется проведение суточного мониторирования АД с определением суточного показателя жесткости артерий.

Список литературы:

1. Глобальная стратегия диагностики, лечения и профилактики хронической обструктивной болезни легких (пересмотр 2007 г.)/Пер. с англ. под ред. Чучалина А. Г. — М.: Издательский дом «Атмосфера», 2008. — 100 с., ил.
2. Национальные клинические рекомендации/Всероссийское научное общество кардиологов. — М.: «МЕДИ Экспо», 2009. — 389 с.
3. Рогоза А. Н., Никольский В. П., Ощепкова Е. В. и др. Суточное мониторирование артериального давления при гипертонии (методические вопросы). Под ред. Г. Г. Арабидзе и О. Ю. Атькова. М., 1997–44 с.
4. Руководство пользователя ПО v.3.0 (редакция 04.2009) Часть 1., 2009. — 134 с.
5. Celli B. R., Mac Nee W. ATS/ERS Task Force. Standards for the diagnosis and treatment of patient with COPD: a summary of the ATS/ERS position paper. Eur. Respir. J. 2004; 23: 932–946.
6. Sin D. D., Man S. F. P. Why are patients with chronic obstructive pulmonary disease at increased risk of cardiovascular disease? Circulation 2003; 107: 1514–1519.

Pupysheva Elena Vladimirovna
State institution "The Institute of Pharmacology and Toxicology, National Academy of Medical Sciences of Ukraine", graduate student of the cardiovascular department, Kyiv
Пупышева Елена Владимировна, ГУ «Институт фармакологи и токсикологии НАМН Украины», аспирант отдела фармакологи сердечно сосудистых средств

The search of the urinary bladder miotropic spasmolytics among cyclopenta [d]pyrimidine derivatives

Поиск миотропных спазмолитиков мочевого пузыря среди производных 5 Н-циклопента [d]пиримидина

Препараты группы миотропных спазмолитиков часто используют в урологии для лечения и диагностических процедур. Эффективность этой группы лекарственных средств обусловлена улучшением кровоснабжения, нормализацией сократительной активности гладкомышечных органов мочеполовой системы, а также уменьшением болевых ощущений, вызванных спастическими состояниями. В последнее время отмечена перспективность использования миотропных спазмолитиков для лечения так называемых «симптомов нижних мочевых путей», в частности, синдрома гиперактивности мочевого пузыря (СГМП), который встречается у 11–22% населения обоих полов разных стран [1]. Ультраструктурные изменения гладких мышц мочевого пузыря нейрогенного, миогенного или воспалительного происхождения, которые возникают при данном патологическом состоянии, вызывают учащение мочеиспусканий как днем, так и ночью, и могут сопровождаться эпизодами недержания мочи, что ухудшает качество жизни больного в социальном, профессиональном, сексуальном аспектах и приводит к экономическим затратам [2].

Вещества, способные моделировать активность ионных каналов (калиевых, кальциевых, натриевых) и внутриклеточных ферментов (гуанилат- и аденилатциклаз, фосфодиэстераз, протеинкиназы С, Rho киназы) способны вызывать расслабление мочевого пузыря и способствовать нормализации его функционирования [3], что делает актуальным поиск соединений с миотропной спазмолитической активностью для лечения СГМП.

Соединения, которые содержат в своей структуре пиримидиновое ядро, владеют полифармакологическими свойствами, в частности, спазмолитической активностью, которая может реализовываться посредством активации АТФ — чувствительных калиевых каналов, блокады кальциевых каналов L-типа и изменения уровня циклических нуклеотидмонофосфатов.

С помощью программы PASS (Prediction of Activity Spectra for Substances) была спрогнозирована биологическая активность виртуальной базы соединений нового химического ряда 1,3,7-замещенных производных 2,4-диокси-1,2,3,4,6,7-гексаги дро-5 Н-циклопента [d] пиримидина (табл. 1). Отобраны для проведения экспериментальных исследований и синтезированы 10 соединений, которые могут обладать спазмолитической активностью по отношению к различным гладкомышечным органам, в частности, к мочевому пузырю.

Исследования спазмолитической активности новых синтезированных соединений in vitro проводили на изолированных полосках мочевого пузыря крыс массой 160–300 г. Фрагменты мочевого пузыря фиксировали в проточной камере на двух стальных крючках с предварительной нагрузкой 2,5 мN. Камеру перфузировали с постоянной скоростью (1,5 мл/мин) и температурой на уровне 37±0,5^0 С раствором Кребса следующего состава (в мМ/л): 132 NaCl; 4,7 KCl; 1,4 NaH_2PO_4; 1,05 $MgCl_2$; 2,5 $CaCl_2$; 16,3 $NaHCO_3$; 6,5 глюкозы, pH 7.4 поддерживали путем продувания раствора газовой смесью 5% CO_2/95% O_2. Исходное тоническое сокращение изолированных полосок мочевого пузыря вызывали гиперкалиевым (KCl 60 мМоль/л) раствором Кребса. Исследуемые вещества использовали в концентрациях 0,1–100 μM.

Силу сократительных реакций измеряли в изометрическом режиме при помощи тензометрических датчиков (FTK–0.1). Запись сокращений производили на персональный компьютер с использованием программы «DataTrax2» при помощи аналогово-цифрового преобразователя («WPI LabTrax 4/16», США). Величину дилалаторных реакций высчитывали в процентах относительно уровня максимального тонического напряжения, вызванного гиперкалиевым расвором. Средне эффективную концентрацию (EC_{50}) рассчитывали графическим методом с использованием программы OriginPro 7.5.

Изучение влияния соединения-лидера ИФТ 35 на цистометрические показатели in vivo проводили на наркотизированных уретаном (1,5 г/кг, в/б) самках крыс[4]. Животных фиксировали на операционном столике, проводили трахеотомию для облегчения дыхания, затем делали разрез вдоль срединной линии брюшины, обнажали мочевой пузырь. Через дно мочевого пузыря вводили катетер (ø 0,06 мм) и фиксировали его лигатурой (4/0), катетер присоединяли к датчику давления («Vogtmedical», Німеччина) и перистальтическому насосу через тройной переключатель. Мочевой пузырь перфузировали при помощи перистальтического насоса физиологическим раствором со скоростью 0,14 мл/мин. Исследуемое соединение растворяли в ДМСО и вводили внутрибрюшинно после 40–50 мин стабилизации циклов мочеиспусканий. Внутрипузырное давление регистрировали указанными выше техническими средствами. Измеряли интервал между мочеиспусканиями, амплитуду перед и во время мочеиспускания, длительность мочеиспускания и уровень базального тонуса.

Гиперактивность мочевого пузыря моделировали внутрибрюшинным введением цитостатика циклофосфана в дозе 150 мг/кг. Цистометрические исследования проводили через 48 часов после введения цитостатика[5].

---

[1] Milsom I. et al. The prevalence of overactive bladder//American Journal of Managed Care. – 2000. – Vol. 6, № 11. – P. 565–573.

[2] Victor W. N. Clinical impact of overactive bladder//Reviews in urology. – 2002. – Vol. 4, № 4. – P. 2–6.

[3] Foon R., Drake M. J. The overactive bladder//Therapeutic Advances in Urology. -2010. - Vol. 2, № 4. – P. 147 - 155.

[4] Shieh C. C., et al. Characterization of a novel ATP-sensitive K+ channel opener, A-251179, on urinary bladder relaxation and cystometric parameters//British Journal of Pharmacology. – 2007. – Vol. 151, № 4. – P. 467–475.

[5] Ito K., et al. Therapeutic effects of the putative P2X3/P2X2/3 antagonist A-317491 on cyclophosphamide-induced cystitis in rats//

В качестве препарата сравнения в экспериментах in vitro и in vivo использовали активатор АТФ-чувствительных калиевых каналов пинацидил " Sigma-Aldrich (США)".

Статистическую обработку полученных результатов проводили методом однофакторного дисперсионного анализа (One-Way ANOVA) с использованием критерия Тьюки и методом t– теста Стьюдента. Изменения считали статистически достоверными по отношению к контрольной группе или пинацидилу при $p \leq 0.05$.

В экспериментах in vitro было установлено, что все исследуемые производные циклопента [d] пиримидина способны вызывать расслабление изолированных полосок мочевого пузыря крыс в условиях предварительной констрикции 60 мМ гиперкалиевым раствором (табл. 1).

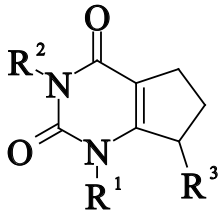
Наименее эффективным спазмолитиком мочевого пузыря крыс среди исследуемых соединений указанного ряда оказалось соединение под шифром ИФТ 18, аппликация которого даже в максимальной исследуемой концентрации не вызывала более 30% уровня расслабления изолированных полосок мочевого пузыря.

Большинство соединений (ИФТ 32, ИФТ 34, ИФТ 36, ИФТ 54, ИФТ 55) производных циклопента [d] пиримидина не достигали показателей спазмолитической активности пинацидила и были способны снимать спазм изолированных гладкомышечный препаратов в диапазоне средне эффективных концентраций 56,9–196 μM, с максимальным уровнем расслабления (E max) 47,7–62,4%.

Равно эффективными с препаратом сравнения по показателю максимального уровня расслабления оказались соединения ИФТ 17 и ИФТ 57 с *анилинным* и *N- [4- (ацетиламино)фенил]ацетамидным* радикалами в 7 и 1 положениях гетероцикла, соответственно. Соединение ИФТ 17 способно было снимать спазм изолированных полосок мочевого пузыря, вызванный гиперкалиевым раствором Кребса, с показателем EC_{50} в 1,7 раза меньшим, чем пинацидил.

Таблица 1.

Общая структурная формула, положение радикалов и показатели спазмолитической активности производных 5 Н-циклопента [d] пиримидина

где, в зависимости от радикалов представленных в таблице R_1, R_2 — H; R_3 — циклогексил,

Соединение	R_n	Показатели спазмолитической активности (n = 5)	
		EC_{50}, мМ	E max,%
Пинацидил		39,67±3,63	-71,4±4,06
ИФТ 17	анилин (R_2)	23,7±3,3 *	-69,9±1,7
ИФТ 32	морфолин (R_2)	104,5±21,4	-49,9±2
ИФТ 33	бензиламин (R_2)	15,6±4,4*	-83,5±5,6*
ИФТ 18	3,4-дихлорбензил (R_1)	–	-29,5±7,5
ИФТ 34	4-бромбензил (R_1)	196,4±134,7	-47,7±11,4
ИФТ 35	фенилацетамид (R_1)	18,8±0,7*	-94,3±2*
ИФТ 36	(4-метил)сульфонил (R_1)	56,9±12,3	-62,4±4,8
ИФТ 54	N- (4-хлорфенил)ацетамид (R_1)	60,7±11,7	-59,4±3,3
ИФТ 55	N- [4- (ацетиламино)фенил] ацетамид (R_1)	61,1±3,5	-59,8±1,5
ИФТ 57	N- (3-хлор-4-метоксифенил)ацетамид (R_1)	35,6±2,5	-67,8±1,6

Примечание: * $p \leq 0,05$ по отношению к пинацидилу

Введение б*ензиламинного* (ИФТ 33) и *фенилацетамидного* (ИФТ 35) заместителей в 7 та 1 положения гетероцикла, соответственно, способствовало статистически достоверному ($p \leq 0,05$) усилению спазмолитической активности указанных соединений, которые по показателю средне эффективной концентрации были в 2 раза эффективнее пинацидила и на 17–32% превосходили препарат сравнения по уровню максимального расслабления.

По наибольшему показателю максимального расслабления соединение 2- (3-циклогексил-2,4-диоксо-2,3,4,5,6,7-гексаг идро-5 Н- циклопента [d] пиримидин-1-ил)-N-фенилацетамид (ИФТ 35) было выбрано в качестве соединения-лидера для дальнейших исследований in vivo на наркотизированных самках крыс.

По данным литературы[1], известный цитостатик циклофосфан вызывает снижение максимальной амплитуды при мочеиспускании, уменьшение функционального объема мочевого пузыря и интервала между мочеиспусканиями, что характерно для гиперактивности мочевого пузыря.

Naunyn-Schmiedeberg's Archives of Pharmacology. – 2008. – Vol. 377, № 4–6. – P. 483–490.

[1] Juszczak K., et al. Functional, histological structure and mastocytes alterations in rat urinary bladders following acute and chronic cyclophosphamide treatment//Journal of Physiology and Pharmacology. – 2010. – Vol. 61, № 4. – P. 477–482.

Таблица2.

Влияние соединения ИФТ 35 на цистометрические показатели крыс в условиях циклофосфан — индуцированной гиперактивности мочевого пузыря in vivo (n=6)

Исследуемая группа	Цистометрические показатели				
	ИММ, сек	АДПМ, мм рт ст.	АДВМ мм рт ст	ДМ, сек	БТ, мм рт ст
Контроль (ГАМП)	36,6±1,42	7,1±0,485	12,84±0,69	12,04±1,05	2,21±0,67
ИФТ 35 25 мг/кг	48,71±3,2 *	7,78±1,03	14,23±1,73*	5,54±0,73*	-1,92±1,02*
Пинацидил 16,68 мг/кг	31,33±3,41	6,96±0,58	12,2±0,8	5,43±0,51*	-0,1±0,98

Примечание: ИММ — интервал между мочеиспусканиями; АДПМ — амплитуда давления перед мочеиспусканием; АДПМ — амплитуда давления во время мочеиспускании; ДМ — длительность мочеиспускания; БТ — базальный тонус

* $p \leq 0,05$ по отношению к контрольной группе.

В предварительно проведенных исследованиях было установлено эффективность соединения ИФТ 35 в дозе 25 мг/кг по отношению к амплитудам мочеиспускания у наркотизированных самок крыс. В условиях гиперактивности мочевого пузыря (табл. 2), вызванной внутрибрюшинным введением циклофосфана, исследуемое соединение статистически достоверно ($p \leq 0,05$) увеличивало интервал между мочеиспусканиями на 33% в сравнении с контролем. Препарат сравнения пинацидил в эквимолярной дозе (16,68 мг/кг) способствовал незначительному уменьшению указанного показателя.

Однако, и ИФТ 35, и пинацидил в указанных дозах вызывали в некоторых экспериментах длительные мочеиспускания, что может быть обусловлено расслабляющим действием на уретру и сфинктеры мочевыводящей системы. Следует заметить, что частота и длительность таких эпизодов были более выражены под действием пинацидила.

Исследуемое новое производное 5 Н- циклопента [d] пиримидина в дозе 25 мг/кг способствовало также повышению на 11% амплитуды сокращения мочевого пузыря во время мочеиспускания и снижению показателя базального тонуса на 4,13 мм рт ст. от исходного уровня.

Полученные в экспериментах in vivo на наркотизированных самках крыс данные свидетельствуют про выраженные спзмолитические свойства соединения ИФТ 35 по отношению к гладким мышцам мочевого пузыря. Отмечены потенциальные возможности производного циклопента [d] пиримидина к нормализации функции мочевого пузыря в условиях экспериментальной гиперактивности.

Проведенные исследования подтвердили целесообразность поиска миотропных спазмолитиков мочевого пузыря среди производных циклопента [d] пиримидина и позволили выявить перспективное соединение ИФТ 35 для дальнейшего более углубленного изучения с целью создания лекарственного препарата с миотропными спазмолитическими свойствами для лечения синдрома гиперактивности мочевого пузыря.

Rebrov Andrei P., GBOU Saratov State Medical University. VI Razumovsky, the Russian Health Ministry, Professor, Head of Department of Hospital Therapy, Faculty of Medicine

Patrikeyeva Daria A., GBOU Saratov State Medical University. VI Razumovsky, Russian Ministry of Health, Postgraduate Medical Faculty Hospital Therapy

Olga Karpova G., GBOU Saratov State Medical University. VI Razumovsky, Russian Ministry of Health, Postgraduate Medical Faculty Hospital Therapy

Gaidukova Inna Z., GBOU Saratov State Medical University. VI Razumovsky, the Russian Health Ministry, Assistant Professor Department of Hospital Therapy Medical Faculty

Ребров Андрей Петрович, ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии лечебного факультета

Патрикеева Дарья Андреевна, ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, аспирант кафедры госпитальной терапии лечебного факультета

Карпова Ольга Георгиевна, ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, аспирант кафедры госпитальной терапии лечебного факультета

Гайдукова Инна Зурабиевна, ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, ассистент кафедры госпитальной терапии лечебного факультета

The occurrence of chronic kidney disease in patients with systemic sclerosis

Встречаемость хронической болезни почек у пациентов с системной склеродермией

Введение. Системная склеродермия (ССД) является хроническим, мультисистемным заболеванием, характеризующимся развитием фиброза кожи и внутренних органов[1]. Заболевание приводит к быстрому наступлению инвалидности, потере качества жизни[2], характеризуется увеличением смертности и высокой стоимостью лечения. До настоящего времени ни все

[1] Wigley F. M., Hummers L. K. Clinical features of systemic sclerosis. In: Hochberg M, Silman A. J., Smolen J. S. et al.edt. Rheumatology 3rd ed. Elsevier. 2006.

[2] Danieli E., Airo P., Bettoni L., et al. Health-related quality of life measured by the Short Form 36 (SF-36) in systemic sclerosis: correlations with indexes of disease activity and severity, disability, and depressive symptoms. Clin Rheumatol. 2005. 24(1). С. 48–54.

звенья патогенеза ССД изучены полностью, хотя известны роль и значение продукции аутоантител, активации лимфоцитов и фибробластов, сосудистой пролиферации и облитерирующей микроангиопатии, фиброза соединительной ткани[1].

Установлено, что ведущей причиной ранней летальности при системной склеродермии являются кардиоваскулярные осложнения, развивающиеся вследствие структурной перестройки микроциркуляторного русла и генерализованной прогрессирующей васкулопатии[2]. На стадии клинической манифестации сердечно-сосудистой патологии вероятность замедления прогрессирования васкулопатии и ремоделирования сердечно-сосудистой системы на фоне терапии минимальна, в связи с чем представляется актуальным выявление потенциальных маркеров начальной васкулопатии[3].

В настоящее время активно изучается взаимосвязь почечной дисфункции и развитие сердечно-сосудистых осложнений. В качестве факторов, ассоциирующихся с развитием сердечно-сосудистых событий, в том числе на ранних стадиях заболевания, рассматриваются маркеры хронической болезни почек (ХБП). Пациентов с ХБП относят к категории лиц очень высокого риска развития сердечно-сосудистых осложнений. Даже при умеренной выраженности хронической дисфункции почек поражение сердечно-сосудистой системы наблюдается намного чаще, чем в обычной популяции.

Результаты последних мета-анализов свидетельствуют о том, что критическая величина скорости клубочковой фильтрации (СКФ), с которой уровень кардиоваскулярной и общей смертности возрастает в несколько раз, составляет примерно 75–60 мл/мин[4].

При ССД поражение почек выявляется в 5–45% случаев, а по данным морфологического исследования — у 60–80% больных[5]. Наиболее тяжелой формой почечного повреждения является склеродермический почечный криз (истинная склеродермическая почка), который наблюдается у 10% больных и характеризуется появлением кортикальных некрозов, быстрым развитием почечной недостаточности[6]. Некоторые авторы полагают, что у 50% больных, не имеющих симптомов заболевания, присутствуют клинические маркеры предполагаемого почечного повреждения, такие как протеинурия, повышение уровня сывороточного креатинина или гипертензия[7]. Сообщается о развитии ренальной дисфункции вследствие хронической почечной васкулопатии, приема нефротоксических препаратов, гломерулонефрита[8]. При ССД описано бессимптомно протекающее почечное повреждение, характеризующееся медленным снижением СКФ, сочетающееся с протеинурией[9]. В целом, данные о факторах, наличие которых взаимосвязано с развитием ХБП у пациентов с ССД, представлены в литературе скудно.

Целью настоящего исследования является изучение частоты встречаемости хронической болезни почек у пациентов с системной склеродермией.

Материалы и методы. В исследование включены 100 пациентов с ССД, находившихся на стационарном лечении в ревматологическом отделении ГУЗ «Областная клиническая больница» г. Саратова в 2009–2011 гг. Все пациенты соответствовали диагностическим критериям ССД Американской ревматологической ассоциации (1980) и/или диагностическим критериям ССД, разработанных Н. Г. Гусевой с соавт. (1975)[10].

Пациентам были выполнены следующие исследования: объективное обследование; общий анализ крови (ОАК); общий анализ мочи (ОАМ); биохимическое исследование крови с определением общего холестерина (ОХ), креатинина сыворотки крови по методу Яффе на биохимическом анализаторе «Hitachi 912» с использованием реагентов фирмы «DiaSys»; С-реактивный белок высокочувствительным фотометрическим турбидиметрическим методом с применением реагентов «DiaSis» на автоматическом анализаторе крови «Hitachi»; у части больных исследовали суточную протеинурию, анализ мочи по Нечипоренко. Наличие гипостенурии констатировали в случае снижения удельного веса утренней мочи менее 1018 у. е. на фоне сухоядения. Скорость клубочковой фильтрации (СКФ) рассчитывали по формулам Кокрофта-Голта[11] и MDRD (Modification of Renal Disease Study)[12]. При сопоставлении значений СКФ, вычисленных с использованием указанных формул, статистически значимых различий не получено. Для дальнейших расчетов использовали формулу MDRD.

Выполняли ультразвуковое исследование почек (УЗИ) и дуплексное исследование артерий (ДИПА) с расчетом индекса резистентности сосудов (Acuson 128 XP/10), электрокардиографию (ЭКГ). Эхокардиографическое исследование (Эхо-КГ) выполняли на комплексе Acuson 128 XP/10, использовали М-модальный режим, двухмерный (В) режим, режимы импульсной и постоянно-волновой допплерографии в стандартных эхокардиографических позициях. Систолическое давление в легочной

---

[1] Abraham D. J., Krieg T., Distler J., Distler O. Overview of pathogenesis of systemic sclerosis. Rheumatology. 2009. 48 (suppl.3). С. 3–7.

[2] Гусева Н. Г. Системная склеродермия. - М. «Медицина». 1975. С. 296.

[3] Shanmugamand V. K., Steen V. D. Renal Manifestations in scleroderma: Evidence for Subclinical Renal Disease as a Marker of Vasculopathy. International Journal of Rheumatology. 2010. Article ID 538589: doi:10.1155/2010/538589.

[4] Мухин Н. А., Моисеев С. В., Фомин В. В. Снижение скорости клубочковой фильтрации – общепопуляционный маркер риска сердечно-сосудистых осложнений. Вестник РАМН. 2010. 12. С. 40–43.

[5] Steen V. D. Scleroderma renal crisis. Rheum Dis Clin of North Am. 2003. 29. С. 315–333.

[6] Trostle D. C., Bedetti C. D., Steen V. D. et al. Renal vascular histology and morphometry in systemic sclerosis. A case-control autopsy study. Arth & Rheum. 1988. 31(3). С. 393–400.

[7] Гусева Н. Г. Системная склеродермия. - М. «Медицина». 1975. С. 296.

[8] Anders H. J., Wiebecke B., Haedecke C., Sanden S., Combe C., and Schlőndorff D., "MPO-ANCA-Positive crescentic glomerulonephritis: a distinct entity of scleroderma renal disease?".American Journal of Kidney Diseases. vol. 33. no.4. article e3. 1999.

[9] Kingdon E. J., Knight C. J., Dustan K et al. Calculated glomerular filtration rate is a useful screening tool to identify scleroderma patients with renal impairment. Rheumatology. 2003. 42. С. 26–33.

[10] Гусева Н. Г. Системная склеродермия. В кн.: Ревматология. Национальное руководство. Под ред. Е. Л. Насонова, В. А. Насоновой. - М. «ГЭОТАР-Медиа». 2008. С. 447–466.

[11] Cocroft D. W., Gault M. H. Prediction of creatinine clearance from serum creatinine. Nephron. 1976. С. 16–31.

[12] Levey A. S., Bossch J. P., Lewis J. B. et al. A more accurate method to estimate glomerular filtration rate from serum creatinine: a new prediction equation. Modification of Diet in Renal Disease Study Group. Ann of Internal Med. 1999. 130. С. 461–470.

артерии (СДЛА) оценивали при регистрации транстрикуспидального потока в постоянно-волновом допплерографическом режиме. Определяли максимальную скорость потока трикуспидальной регургитации, по которой с помощью модифицированного уравнения Бернулли рассчитывался систолический транстрикуспидальный градиент давления. Наличие легочной гипертензии (ЛГ) констатировали при уровне СДЛА ≥ 36 мм рт. ст.

Всем пациентам выполнили рентгенологическое исследование кистей, стоп, органов грудной клетки; части пациентов — компьютерную томографию высокого разрешения.

Для оценки выраженности уплотнения кожи применяли модифицированный счет Rodnan G. P[1]. Выделяли диффузную и лимитированную формы ССД. Для оценки активности ССД рассчитывали индекс активности Valentini (European Scleroderma Study Group, 2001)[2].

При проведении анализа учитывали особенности лечения пациентов: Д-пеницилламин принимали 56% пациентов, глюкокортикоиды — 67%, нестероидные противовоспалительные препараты (НПВП) — 56%, альпростадил — 13%, базисные препараты — 20% больных (из них 6% получали метотрексат, 11% — 4-аминохинолиновые препараты, 3% — циклофосфамид). На программной терапии циклофосфамидом и глюкокортикостероидами по поводу фиброзирующего альвеолита находилось 10% пациентов.

Статистическая обработка осуществлялась с использованием программ Microsoft Office Excel 2007 (Microsoft Corp., США) и Statistica 8.0 (StatSoft Inc., США). Характер распределения данных оценивали графическим методом и с использованием критерия Шапиро–Уилка. Описание признаков, имеющих нормальное распределение, представлено в виде M ± SD, где M — среднее арифметическое, SD — стандартное отклонение; для признаков с распределением, отличным от нормального, результаты представлены в виде Me [Q_1; Q_3], где Me — медиана, Q_1 и Q_3 — первый и третий квартили. Для обработки данных с нормальным типом распределения использовали параметрические методы: t-тест для независимых группировок, парный t-тест. При характере распределения данных, отличном от нормального, применяли непараметрические методы: критерий Манна — Уитни, критерий Вальда — Вольфовица, критерий ч^2, критерий Вилкоксона, критерий знаков. При сравнении более чем двух независимых группировок использовали методы дисперсионного анализа: параметрический дисперсионный анализ для нормально распределенных данных и ранговый анализ вариаций по Краскелу–Уоллису для данных с распределением, отличным от нормального. Для оценки взаимосвязи между отдельными показателями использовался корреляционный анализ с расчетом параметрического коэффициента Пирсона или непараметрического коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты. Клиническая характеристика обследованных пациентов представлена в таблице 1. Снижение СКФ в диапазоне от 60 до 89 мл/мин/1,73 м^2 отмечено у 60 (60%) больных, снижение от 30 до 59 мл/мин/1,73 м^2 — у 19 (19%) пациентов, у 1 (1%) больного СКФ составила менее 30 мл/мин/1,73 м^2. Протеинурия выявлена у 34 (34%) пациентов, гипостенурия — у 81 (81%) больного.

При анализе факторов, ассоциирующихся со снижением функции почек, установлено значимое различие в возрасте пациентов с различной степенью снижения СКФ (табл. 2). При сравнении групп больных, сопоставимых по возрасту (p>0,05), выявлено снижение СКФ, что, вероятнее всего, связано с прогрессированием самого заболевания.

При сопоставлении величины СКФ с особенностями ССД выявлена взаимосвязь между СКФ и индексом активности заболевания Valentini, уровнем СДЛА, индексом резистентности почечных артерий (по данным ДИПА), уровнем гемоглобина и холестерина сыворотки крови, рентгенологической стадией артрита (табл. 3).

При сравнении двух независимых групп выявлено, что СКФ статистически значимо отличается у пациентов с поражением сердца. У пациентов с миокардиофиброзом СКФ составила 71,17±18,43 мл/мин/1,73 м^2, без миокардиофиброза — 80,94±20,11 мл/мин/1,73 м^2 (p=0,02), у пациентов с перикардитом — 66,7±17,06 мл/мин/1,73 м^2, без перикардита — 78,6±18,92 мл/мин/1,73 м^2 (p=0,004). При развитии и прогрессировании атриовентрикулярной недостаточности выявлено снижение СКФ. Так, при отсутствии недостаточности атриовентрикулярных клапанов СКФ составила 89,59±14,12 мл/мин/1,73 м^2, при недостаточности первой степени — 80,71±27,56 мл/мин/1,73 м^2 (различия с результатами пациентов без недостаточности клапанов незначимы, p=0,3), при атриовентрикулярной недостаточности 2-й степени — 71,85±17,02 мл/мин/1,73 м^2 (различия с результатами пациентов без недостаточности клапанов статистически значимы, p=0,01), при недостаточности 3-ей степени — 69,78±9,06 мл/мин/1,73 м^2 (различия с результатами пациентов без недостаточности клапанов значимы, p=0,03). При этом СДЛА у пациентов со СКФ более 60 мл/мин/1,73 м^2 составляет 30,63±5,8 мм рт. ст., со снижением СКФ менее 60 мл/мин/1,73 м^2 СДЛА составляет 35,79±6,2 мм рт. ст. (p=0,01).

У пациентов со ССД установлено снижение СКФ при прогрессировании рентгенологической стадии артрита. При отсутствии рентгенологических изменений СКФ составляла 85,33±22,07 мл/мин/1,73 м^2; при первой стадии артрита — 78,06±16,19 мл/мин/1,73 м^2; при 2-й стадии — 75,92±26,24 мл/мин/1,73 м^2; а при 3-ей стадии — 58,34±17,5 мл/мин/1,73 м^2. Таким образом, существенное снижение СКФ выявлено у пациентов с 3-й рентгенологической стадией артрита по сравнению со СКФ у пациентов без поражения суставов (p<0,01).

При этом не отмечено значимых различий СКФ у пациентов с различными клиническими формами ССД (p=0,14), значениями кожного счета (p=0,8) и у пациентов, получающих различное лечение (p>0,05).

При анализе сопутствующей патологии выявлено, что 77 (77%) обследованных пациентов имеют сердечно-сосудистые заболевания (артериальная гипертензия, ишемическая болезнь сердца), 35 (35%) больных — заболевания почек (хронический пиелонефрит, мочекаменная болезнь, врожденные аномалии развития и положения почек), 10 (10%) — сахарный диабет. Частота встречаемости различной СКФ у больных с ССД в зависимости от наличия сопутствующих заболеваний представлена в таблице 4.

Структура ХБП у пациентов с ССД представлена следующим образом. Почечная патология установлена у 35 (35%) пациентов из 100, среди них у 16 больных (16%) выявлена артериальная гипертензия и у 5 (5%) пациентов сахарный диабет; изолированная артериальная гипертензия без почечной патологии — у 41 (41%) пациента; сочетание артериальной гипер-

[1] Rodnan G. P. Progressive systemic sclerosis (Scleroderma). In: Immunological diseases, 3rd ed. Boston. 1978. 66. C. 1109–1141.

[2] Valentini G., Della Rossa A., Bombardieri S., et al. European multicentre study to define disease activity criteria for systemic sclerosis. II. Identification of disease activity variables and development of preliminary activity indexes. Ann Rheum Dis. 2001. 60(6). C. 592–598.

тензии и сахарного диабета выявлено у 5 (5%) больных; мочевой синдром и снижение удельной плотности мочи — у 2 (2%) пациентов без заболеваний почек и со СКФ более 60 мл/мин/1,73 м², а снижение СКФ менее 60 мл/мин/1,73 м² без указания на заболевания почек — у 5 (5%) больных.

Таким образом, у 88 (88%) пациентов установлено наличие ХБП (K/DOQI, 2007): первая стадия — у 17 (19,3%) больных, вторая — у 51 (58%) пациентов, третья — у 19 (21,6%) больных, четвертая стадия — у 1 (1,1%) больного. Хроническая почечная недостаточность I и II-ой стадии выявлена у 3 (3%) обследованных пациентов.

Обсуждение. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что хроническая болезнь почек встречается у пациентов ССД в 88% случаев. По данным популяционных исследований частота выявления ХБП в общей популяции составляет 39% [ДИ 31; 47], то есть реже, чем среди обследованных больных с ССД. У пациентов с ССД, как и в общей популяции, преобладает 2-ая стадия ХБП. Данная стадия поражения почек не проявляется клинически, но является фактором неблагоприятного кардиоваскулярного прогноза. А так как для пациентов ССД характерно бессимптомно протекающее повреждение почек, проявляющееся протеинурией и характеризующееся медленным снижением скорости клубочковой фильтрации[1], то прицельный поиск ХБП у данной когорты больных, с нашей точки зрения, может и должен проводиться и без клинических указаний на наличие патологии почек.

В литературе имеются указания, что частота встречаемости нарушений СКФ связана с наличием АГ, ИБС, сахарного диабета, патологией мочевыделительной системы[2]. Выявленная взаимосвязь между СКФ и индексом активности заболевания может свидетельствовать о том, что активность ССД является самостоятельным фактором снижения функции почек. При анализе частоты встречаемости нарушений СКФ в зависимости от рентгенологической стадии артрита установлено, что наличие артрита и его рентгенологическая стадия является фактором риска развития ХБП.

Выявлена взаимосвязь между наличием склеродермического поражения сердца, степенью относительной недостаточности атриовентрикулярных клапанов, степенью легочной гипертензии и снижением скорости клубочковой фильтрации. По данным Shanmugamand V. K. с соавт. развитие хронической почечной недостаточности у пациентов ССД ассоциируется с трехкратным повышением риска развития вторичной легочной гипертензии, являющейся фактором, независимо ассоциирующимся с повышением летальности в популяции пациентов ССД. Отсутствие различий в частоте встречаемости ХБП у пациентов, получающих различное лечение, может быть обусловлено малым объемом выборки и отсутствием данных динамического наблюдения за пациентами.

В ходе настоящего исследования установлено наличие высокой частоты встречаемости ХБП у пациентов с ССД и связь между снижением СКФ и показателями активности заболевания, поражением сердечно-сосудистой системы. Тот факт, что 88% пациентов ССД имеют ХБП, и, следовательно, — относятся к пациентам очень высокого риска сердечно-сосудистых событий, представляется важным, в связи с чем обследование пациентов ССД с целью выявления ХБП и расчет СКФ могут быть рекомендованы к внедрению во врачебную практику.

Заключение. В ходе исследования установлено наличие хронической болезни почек у 88% пациентов с системной склеродермией, что позволяет отнести данных пациентов к числу лиц с очень высоким риском сердечно-сосудистых осложнений.

Таблица 1

Характеристика пациентов с системной склеродермией, n=100

Показатель	
Возраст, г (Me [Q25; Q75])	51 [41; 56]
Женщины,%	93
Мужчины,%	7
Длительность заболевания, г (Me [Q25; Q75])	10 [4,5; 18,5]
Пациенты с длительностью заболевания более 10 лет,%	44
Диффузная форма,%	17
Лимитированная форма,%	83
Наличие миокардиофиброза,%	66
Наличие перикардита,%	30
CREST-синдром,%	6
Синдром Рейно,%	95
Поражение сустатов (артрит),%	71
Поражение легких,%	68
Поражение желудочно-кишечного тракта,%	69

Таблица 2

Возраст пациентов с различной скоростью клубочковой фильтрации

СКФ, мл/мин/1,73 м²	Возраст, г (M±SD)
СКФ≥90, n = 20	35,72±12,05
СКФ 60–89, n = 60	50,22±8,5*
СКФ 59–30, n = 19	59±8,02*

Примечание: СКФ — скорость клубочковой фильтрации; * — различия с показателями лиц со СКФ ≥ 90 мл/мин/1,73 м² достоверны, p < 0,001.

[1] Clase C. M., Garg A. X., Kiberd B. A. Prevalence of low glomerular filtration rate in nondiabetic Americans: NHANES III. J Am Soc Nephrol. 2002. 13. C. 1338–1349.

[2] Ritz E. Minor renal dysfunction: an emerging independent cardiovascular risk factor. Heart. 2003. 89. C. 963–964.

Таблица 3

Взаимосвязь скорости клубочковой фильтрации с некоторыми клиническими и лабораторными характеристиками системной склеродермии обследованных пациентов, n=100

Показатели	Коэффициент корреляции Спирмена	p
Возраст, г	-0,56	<0,001
Индекс активности Valentini, баллы	-0,23	0,02
Кожный счет (Rodnan G. P.), баллы	0,05	0,6
СДЛА, мм рт. ст.	-0,31	0,003
Гемоглобин, г/л	-0,21	0,04
СОЭ, мм/ч	0,12	0,2
С-РБ, мг/л	0,02	0,8
Холестерин, ммоль/л	-0,28	0,02
Индекс резистентности почечных артерий	-0,82	0,007
Рентгенологическая стадия артрита	-0,38	<0,001

Таблица 4

Скорость клубочковой фильтрации при отсутствии и наличии сопутствующей патологии

СКФ, мл/мин/1,73 м^2	– АГ, ИБС, СД, ПП, n=21	+ АГ, ИБС, СД, ПП, n=79	АГ, n=62	ИБС, n=15	ПП, n=35
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
>90	8 (38)	12 (15)*	7 (11)*	0	5 (14,3)
60–89	8 (38)	49 (62)	41 (66)	7 (46,7)	19 (54,3)
59–30	5 (24)	17 (22)*	13 (21)*	8 (53,3)**	10 (28,6)*
<30	0	1 (1,3)	1 (1,6)	0	1 (2,8)

Примечание: — АГ, ИБС, СД, ПП — пациенты с отсутствием артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, сахарного диабета и патологии почек;+ АГ, ИБС, СД, ПП — пациенты с наличием артериальной гипертензии и/или ишемической болезни сердца и/или сахарного диабета и/или патологии почек; АГ — пациенты с наличием артериальной гипертензией; ИБС — пациенты с наличием ишемической болезни сердца; ПП — пациенты с наличием патологии почек и мочевыделительной системы (хронический пиелонефрит, мочекаменная болезнь, аномалии строения почек и мочевыделительных путей);

* — достоверность различий с показателями пациентов без сопутствующей патологии, p<0,05;

** — достоверность различий с показателями пациентов без сопутствующей патологии p<0,001 (точный критерий Фишера).

Royuk Valery Valeriyevich
First Moscow state medical university of I. M. Setchenov, student
Роюк Валерий Валериевич,
Первый Московский Государственный Медицинский Университет им. И. М. Сеченова, студент

Knowledge of the medical personnel of the Krasnogorsk of the Moscow region about the program modernizations of health care and its realization in practical activities

Информированность медицинского персонала г. Красногорска Московской области о программе модернизации здравоохранения и ее реализации в практической деятельности

2012 год является завершающим периодом реализации Программ модернизации здравоохранения субъектов РФ, предусматривающий комплекс практических мер по укреплению материально-технической базы здравоохранения, сокращению дефицита кадров, повышению их квалификации, внедрению стандартов и повышения доступности амбулаторной медицинской помощи. Реформирование системы организации медицинской помощи проведения оперативного контроля проводимых реформ, на основе анализа их влияния непосредственно на работников, выработки тактики дальнейших действий.

Именно поэтому, при оценке эффективности осуществляемых мер важно знать точку зрения медицинских работников на предлагаемые изменения.

Социологические опросы медицинских работников по вопросу модернизации системы здравоохранения постоянно проводятся Государственным университетом — Высшей школы экономики. Например, в работах И. М. Шеймана и др. «Медицинские работники о процессе модернизации здравоохранения»[1] и «Основные изменения, происходящие в российской системе

[1] Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В., Шейман И. М., Шишкин С. В. Медицинские работники о процессе модернизации здравоохранения//Здравоохранение. - 2011. - № 1

здравоохранения, глазами медицинских работников»[1] представлены результаты опроса о таких направлениях модернизации здравоохранения, как лекарственное обеспечение, введение стандартов лечения и расширение платности в здравоохранении.

Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова дает определение глаголу «модернизировать» (от фр. moderniser) — придать (придавать) чему-нибудь современный облик, переделать (переделывать) что-нибудь на новейший лад[2]. Слово модернизация определяется как усовершенствование, позволяющее сделать чего либо соответствующим современным требованиям.

По мнению А. Л. Пиддэ для того чтобы модернизация, как набор неких действий, могла осуществляться, необходимо определить: объект деятельности (в выше изложенном примере — «что-либо», «что-нибудь»), то есть то, в отношении чего планируются или предпринимаются действия, субъект деятельности (кто осуществляет деятельность), ресурсы для осуществления этой деятельности, факторы внешней среды, влияющие на возможность (ограничивающие или расширяющие эту возможность)[3]. Таким образом, под модернизацией здравоохранения следует понимать научно обоснованную, поддержанную обществом совместную деятельность органов власти различного уровня, органов управления здравоохранением, медицинского сообщества, основанную на реальном учете имеющихся ресурсов и существующих факторов внешней среды с целью переведения российского здравоохранения на уровень, отвечающий современным требованиям, соответствующим мировым стандартам, и придания ему современного облика.

Реальная ситуация, сложившаяся в современной России, требует власть и общество к выбору альтернатив при принятии стратегических решений. Это в полной мере относится к модернизации здравоохранения.

В процессе модернизации здравоохранения необходима полная информированность как участников, так и основных исполнителей данного процесса, с целью осознания ими поставленных задач направленных на улучшение качества медицинской помощи населению. Исходя из этого, для изучения отношения медицинского персонала к ситуации в здравоохранении а так же проводимой ее модернизации, нами была затронута тема: «Информированность сотрудников медицинских учреждений о модернизации здравоохранения (на примере Красногорской Городской Больницы № 1 г. Красногорска)».

Цель исследования — разработать мероприятия по совершенствованию информированности модернизации здравоохранения г. Красногорска.

Задачи исследования:

1. Изучить информированность сотрудников ЛПУ г. Красногорска о модернизации здравоохранения РФ.
2. Изучить информированность персонала ЛПУ о модернизации здравоохранения г. Красногорска.
3. Изучить мнение работников ЛПУ о модернизации здравоохранения г. Красногрска.
4. Выявить основные проблемы, испытываемые ЛПУ в период модернизации здравоохранения г. Красногорска.
5. Подготовить предложения по оптимизации информированности модернизации здравоохранения г. Красногорска.

Для решения поставленных задач был проведен анкетный опрос врачей и среднего медперсонала Красногорской Городской Больницы № 1 (далее КГБ № 1).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных данных для разработки универсальных рекомендаций по усовершенствованию информированности медперсонала о модернизации системы здравоохранения.

Объект исследования: сотрудники КГБ № 1.

В ходе проведения научного исследования были использованы следующие методы:

— социологический;
— статистический;
— сравнительный;
— аналитический;
— графоаналитический.

Нами была разработана карта изучения информированности работников лечебно-профилактических учреждений о модернизации здравоохранения г. Красногорска состоящую из 22 вопросов, которую условно можно разделить на 3 части:

1. Паспортная часть 10 вопросов, 45% от общего числа вопросов;

2. Вопросы, которые позволяют оценить отношение к здравоохранению Красногорска — 2 вопроса,10% от общего числа вопросов;

3. Вопросы, которые позволяют оценить отношение к модернизации здравоохранения Красногорска — 10 вопросов, 45% от общего числа вопросов.

На каждый вопрос было предложено несколько вариантов ответов (от 2 до 5), из которых респондент мог выбрать один или несколько наиболее верных на его взгляд ответов.

Основная характеристика города и учреждения здравоохранения, принявшего участие в научном исследовании

Красногорский район — муниципальное образование в центре Московской области России. Один из красивейших регионов Московской области с богатым культурным наследием, с высоким промышленным потенциалом, мощной научной базой и квалифицированными кадрами.

Административным центром Красногорского муниципального района является город Красногорск с население свыше 110 тысяч человек. В городе имеются крупные промышленные предприятия, на которых работает порядка пятидесяти тысяч человек. Через Красногорск проходит 2 автомагистрали — Волоколамское, Ильинское — шоссе, железная дорога с интенсивным движением транспорта.

---

[1] Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В., Шейман И. М., Шишкин С. В. Основные изменения, происходящие в российской системе здравоохранения, глазами медицинских работников//Здравоохранение. - 2011. - № 2

[2] Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2009. – 1248 с.

[3] Пиддэ А. Л. Организационно-правовые и экономические основы модернизации здравоохранения в современной России: проблемы и возможности//Экономист лечебного учреждения. – 2009. - № 12

Красногорская городская больница № 1 (далее КГБ № 1) является муниципальным лечебно-профилактическим учреждением обслуживающим жителей города Красногорска и Красногорского района и имеет в своем составе стационар на 610 коек, поликлинику на 960 посещений в смену, больничную аптеку, круглосуточный районный травматологический пункт, отделение переливание крови, районную иммуноферментную лабораторию и комплекс общебольничных лечебно-диагностических отделений. По состоянию на 1.01.2011 поликлиника обслуживает население нескольких микрорайонов города Красногорска с общей численностью проживающего населения более 43 000 человек.

Результаты исследования

В целях изучения информированности лечебно-профилактических учреждений о модернизации здравоохранения г. Красногорска в 2011 и 2012 гг. были проведены социологические опросы лиц, работающих в медицинских учреждениях Красногорска.

Ниже приведен сравнительный анализ результатов проведенных в 2011–2012 гг. социологических опросов работников медицинских учреждений Красногорска.

Из общего числа респондентов, участвовавших в социологическом опросе в 2012 году: 16% мужчин и 84% женщины (в 2011: 14% и 86% соответственно).

Анализ возрастного состава опрошенных в 2012 году респондентов показал, что:

— лица в возрасте до 35 лет составляют 15% (в 2011–13%);

— в возрасте от 36 лет до пенсионного возраста 54% (в 2011–60%);

— старше пенсионного возраста 25% (в 2011–27%).

Среди опрошенных в 2012 году работников медицинских учреждений 33% врачебный персонал (в 2011–35%), большая часть — 57% средний медперсонал (в 2011–55%), незначительные части как в 2011, так и в 2012 году занимают 6% младший медперсонал и 4% технический персонал.

В 2012 году количество респондентов по уровню образования распределись поровну между работниками с высшим медицинским образованием и средним специальным медицинским образованием.

Изучение уровня образования опрошенных показало, что респонденты имеют в 2011 году высшее медицинское, неоконченное высшее медицинское (студент), и среднее специальное медицинское образования. Среди всех работников медицинских учреждений больше половины имеют среднее специальное медицинское образование (54%), высшее медицинское образование (39%) и неоконченное среднее специальное медицинское (7%).

Анализ семейного положения респондентов в 2012 году показал что, 60% состоят в браке (в 2011–63%), из них 54% в официально зарегистрированном (в 2011–58%), так же 34% из общего числа опрошенных ответили, что не состоят в браке (в 2011 –37%).

Опрос всех респондентов в 2012 году показал, что: 84% имеют детей (в 2011–86%), из них 62% имеют по одному ребенку (в 2011–65%) и 32% имеют двоих детей (в 2011–35%),18% детей не имеют.

Следует отметить, что как в 2011 так и в 2012 году, 14% респондентов воспитывают детей, не состоя в браке.

Анализ возрастного состава детей респондентов показал, что:

— количество детей в возрасте до 6 лет- 19% (в 2011–13%);

— в возрасте до 12 лет — 12% (в 2011–19%);

— в возрасте до 15 лет — 4% (в 2011–8,5%);

— в возрасте до 18 лет — 3% (в 2011–8,5%);

— в возрасте 18 лет и старше — 62% (в 2011–54%).

Работники здравоохранения, участвовавшие в исследовании в 2011–2012, все являются гражданами РФ. Непосредственно в г. Красногорске проживают 72% респондентов, и 28% респондентов проживают в Красногорском районе.

Анализ общего медицинского стажа респондентов приведен на рис. 1.

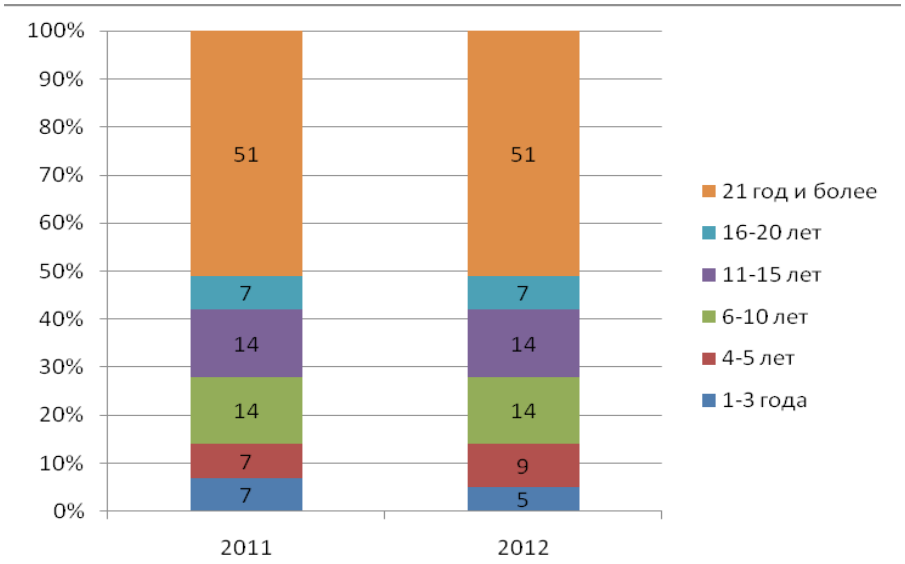

Рис. 1. Распределение респондентов по стажу работы

Итак по приведенным на рис. 1. данным можно сделать вывод, что большая часть респондентов (51%) как в 2011 так и в 2012 году имеют общий стаж работы более 20 лет.

В результате проведенного опроса в 2012 году 44% опрошенных имеют точное представление о модернизации здравоохранения, 56% — поверхностное представление. Отметим, что этот показатель по сравнению с 2011 годом намного улучшился, т. к. в 2011 году только 29% точно знали о процессе модернизации, 65% работников не имели точного представления о модернизации, а 6% вообще не знали, что это такое.

Также исследование показало, что большая часть из всех респондентов 85%% знают, что существует программа модернизации здравоохранения г. Красногорска, и 15% затрудняются ответить о существовании данной программы. Необходимо отметить, что этот показатель значительно улучшился по сравнению с 2011 годом (рис. 2).

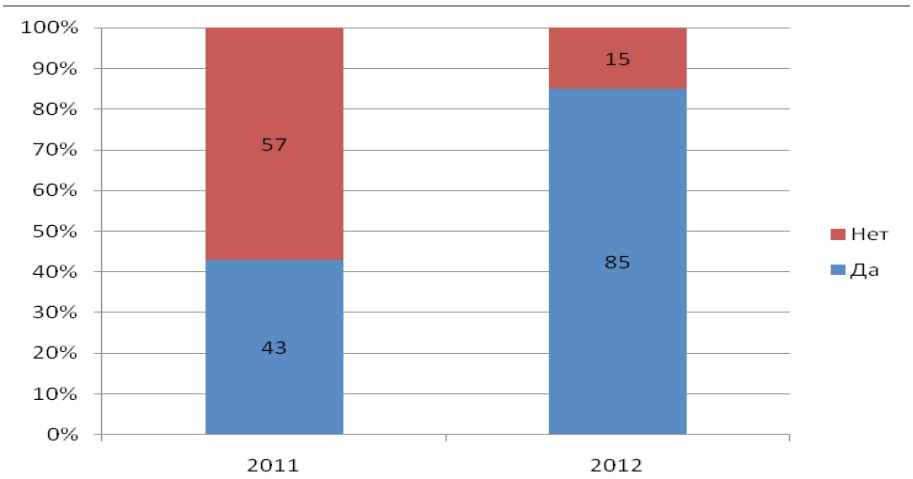

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Существует ли программа модернизации здравоохранения г. Красногорска»

Как мы видим, в 2011 году меньше половины респондентов (43%) знали о существовании программы модернизации г. Красногорск.

В 2011 и 2012 году 54% опрошенных оценивают ситуацию в здравоохранении г. Красногорска, как стабильную, спокойную, и не требующую больших изменений в здравоохранении города, но 25% сотрудников медицинских учреждений считают, что ситуация неспокойная, нестабильная (в 2011–22%), а точнее:

— 14% ответили, что данная неблагоприятна ситуация не влияет на работу медицинского учреждения (в 2011–11%);

— 11% ответили, что ситуация неспокойная и имеются серьезные трудности в работе медучреждений (в 2011–11%);

— так же в 2011 году — 6% считали, что требуются срочные меры для исправления ситуации здравоохранения г. Красногорска;

— 18% затрудняются ответить на заданный вопрос (в 2011–14%).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Нуждается ли здравоохранение Красногорска в модернизации?» приведено на рис. 3.

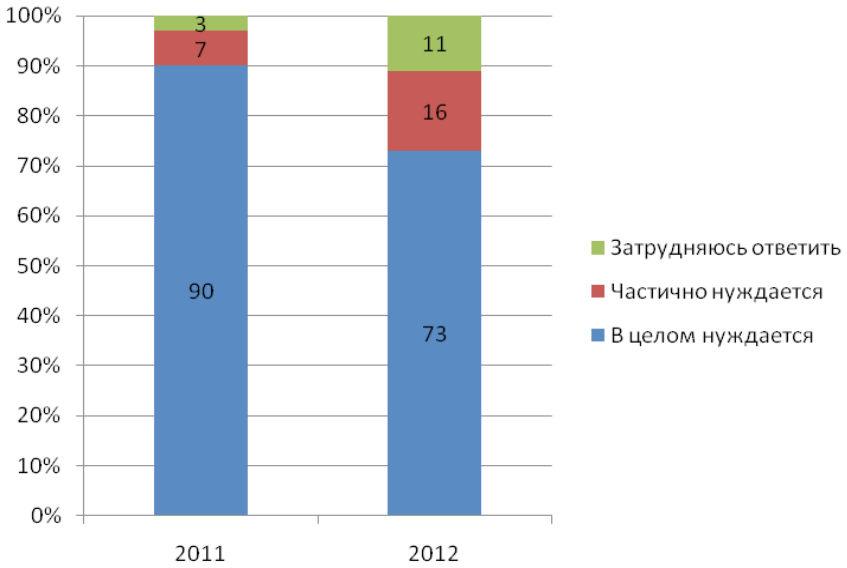

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Нуждается ли здравоохранение Красногорска в модернизации?»

Как мы видим в 2012 году по сравнению с 2011 годом значительно уменьшилось количество респондентов, которые считают, что сфера здравоохранения нуждается в модернизации с 90% респондентов до 73%.

В 2011 году всего 61% работников своего медучреждения знали о существовании программы модернизации их лечебно-профилактического учреждения (далее — ЛПУ) и 39% затруднялись ответить на этот вопрос. Отметим, что в 2012 году этот показатель улучшился до 100% опрошенных.

Хуже ситуация выглядит с информированностью о плане модернизации ЛПУ. Распределение ответов на этот вопрос приведено на рис. 4.

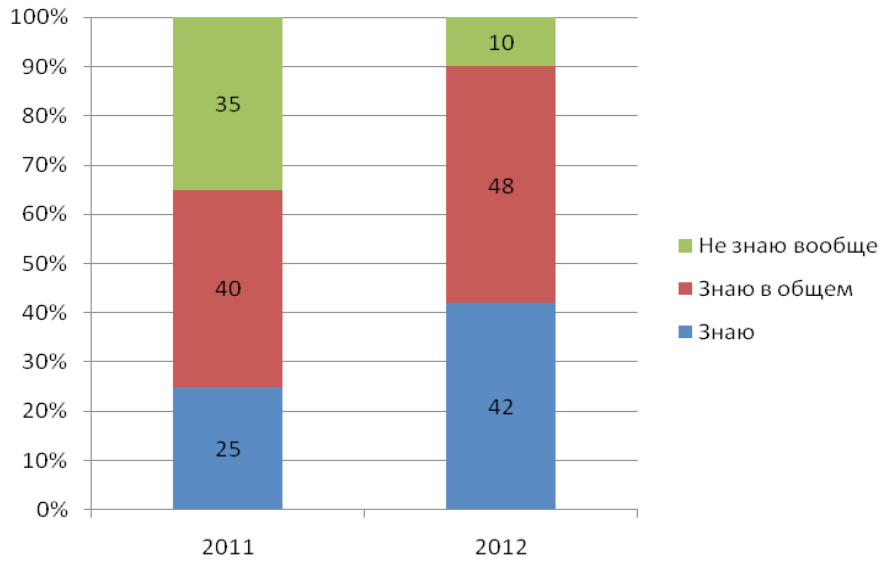

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Знакомы ли Вы с планом модернизации ЛПУ, в котором работаете?»

Как мы видим, большинство опрошенных как в 2011, так и в 2012 году, знакомы с планом модернизации ЛПУ только в общих чертах или не знают о нем вообще.

Рассмотрим информированность работников медучреждений о ходе реализации программ модернизации (Рис. 5).

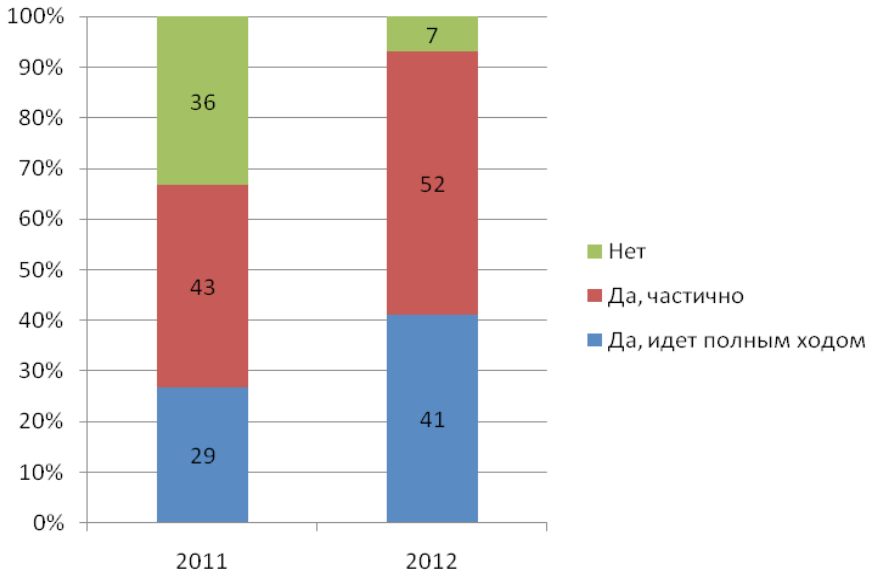

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, началась ли в ЛПУ, в котором Вы работаете, модернизация?»

Как мы видим, в 2012 году только 7% респондентов считают, что модернизация еще не началась, что значительно ниже показателя 2011 года — 36%.

Такое положение может объясняться с задержками финансирования на реализацию программы модернизации сферы здравоохранения в 2011 году.

Заключение

Итак, в результате проведенных опросов в 2011 и 2012 гг. можно сделать вывод, что ситуация с информированностью работников лечебно-профилактических учреждений о модернизации здравоохранения г. Красногорска в 2012 году значительно улучшилась. Так, например, по результатам 2012 года 100% опрошенных информированы о существовании программы модернизации в ЛПУ, в котором они работают, при этом этот показатель в 2011 году составлял всего 61%. Это означает, что за прошедший период проведена значительная работа в ЛПУ. Но практически не улучшилась ситуация с информированностью работников ЛПУ о планах модернизации в каждом конкретном ЛПУ, т. е. работа должна быть направлена теперь не только на донесение общей информации о Программе модернизации того или иного ЛПУ, а и конкретизации планов, а также их выполнения.

Предлагается размещение информационных бюллетеней в отделениях о запланированном проведении капитального ремонта тех или иных объектов учреждения здравоохранения, оснащении медицинским оборудованием отделений учреждения здравоохранения с четким распределением работ, например, на каждый месяц. В конце каждого месяца также предлагается размещать информационные бюллетени о проведенной работе.

Одним из предлагаемых мероприятий может быть торжественное открытие, например, того или иного отделения ЛПУ после капитального ремонта, закупки оборудования с приглашением местного телевидения и прессы, что позволит донести информацию не только работникам ЛПУ, но и жителям города.

Список литературы:

1. Пиддэ А. Л. Организационно-правовые и экономические основы модернизации здравоохранения в современной России: проблемы и возможности//Экономист лечебного учреждения. — 2009. — № 12
2. Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В., Шейман И. М., Шишкин С. В. Медицинские работники о процессе модернизации здравоохранения//Здравоохранение. — 2011. — № 1
3. Потапчик Е. Г., Селезнева Е. В., Шейман И. М., Шишкин С. В. Основные изменения, происходящие в российской системе здравоохранения, глазами медицинских работников//Здравоохранение. — 2011. — № 2
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Альта-Принт, 2009. — 1248 с.

Sankova Irina, Rostov State Medical University, Department of the normal anatomy
Candidate of Medical Science, Associate

Санькова Ирина Владимировна, Ростовский государственный медицинский университет, доцент кафедры нормальной анатомии

Architectonics of arterial vessels of the uterus of women

Архитектоника артериальных сосудов матки женщин

В настоящее время в связи с увеличением арсенала методов исследования и объема хирургических вмешательств на органах малого таза, необходимо более глубокое изучение особенностей сосудов. В первую очередь это относится к органам генеративной системы женщины. Поэтому детальная морфофункциональная характеристика артериальных сосудов матки женщин представляет не только теоретический интерес, но и практическое значение.

Было исследовано 120 препаратов маток женщин от 16 до 75 лет, погибших от случайных причин и не имевших патологии внутренних половых органов. При выполнении исследований использован комплекс морфологических методик, включая инъекцию артериальных сосудов матки рентгеноконтрастной массой. Изучены особенности архитектоники интраорганных сосудов в слоях стенки матки в различные возрастные и функциональные периоды и при инволютивных её изменениях, а также проведен анализ данных морфометрии этих сосудов. Во 2 периоде зрелого возраста (36–55 лет) в отдельную группу были выделены препараты маток женщин климактерического периода (46–55 лет). В каждой возрастной группе были изучены отдельно препараты маток рожавших и нерожавших женщин.

Исследования внутриорганных артериальных сосудов матки на макромикроскопическом уровне показали, что от маточной артерии к телу и шейке матки отходят от 6 до 10 ветвей I порядка — сегментарных, которые направляются в циркулярный слой миометрия. В передней и задней стенках матки артерии первого порядка разветвляются на 2 артерии II порядка — дуговые. Дуговые артерии располагаются на границе надсосудистого и сосудистого слоев миометрия. От дуговых артерий в направлении полости матки отходят артерии III порядка — радиальные, а к периметрию — артерии, кровоснабжающие подсерозный и надсосудистый слои миометрия и периметрий. На протяжении сосудистого и внутреннего слоев миометрия располагаются радиальные артерии 4–6 порядков. В эндометрии эти артерии заканчиваются короткими, кустовидными артериолами в базальном слое и спиралевидными артериолами в функциональном слое.

Анализ макромикроскопических и гистологических препаратов с учетом данных о наличии в анамнезе беременности и родов показал, что с увеличением возраста женщин происходят значительные изменения архитектоники артериальных сосудов матки. Так, в период юношеского и 1 периода зрелого возраста наблюдается увеличение диаметров артериальных сосудов всех порядков, наиболее выраженное у рожавших женщин. При дальнейшем увеличении возраста отмечено уменьшение диаметра артерий матки за счет увеличения толщины средней оболочки, увеличения извилистости, а также расслоения внутренней эластической мембраны сосудов. В климактерическом и пожилом возрасте установлены ярко выраженные явления склероза артериальных сосудов всех порядков ветвления. В этих возрастных периодах значительные изменения отмечены в артериях малого калибра и артериолах как миометрия, так и эндометрия: уменьшается их количество, а часть сосудов облитерируется. Более выражены эти процессы в артериях и артериолах маток нерожавших женщин. Архитектоника артериального русла матки рожавших женщин во всех изученных возрастных периодах значительно отличается от таковой у нерожавших. У рожавших женщин артериальные сосуды в стенке матки имеют вид закрученных спиралей; малососудистые зоны «эмбрионального шва» слабо выражены, а в области перешейка матки, как правило, отсутствуют. При наступлении менопаузы, в пожилом возрасте диаметры артериальных сосудов всех порядков ветвления уменьшаются и сосудистый рисунок становится более бедным; по ходу сосудов появляются сужения и расширения. Малососудистая зона «эмбрионального шва» увеличивается.

При изучении возрастных особенностей артериальных сосудов матки отмечено также изменение индекса Керногана — соотношение толщины мышечной оболочки к радиусу просвета сосуда. С увеличением возраста от юношеского к пожилому наблюдается увеличение данного индекса, за счет утолщения стенки сосуда и уменьшения радиуса просвета, что отражает уменьшение пропускной способности артерий и отрицательно влияет на характер кровоснабжения органа.

В местах ветвления артериальных сосудов и по ходу этих сосудов на гистологических препаратах обнаружены интимально-мышечно-эластические подушки. Чаще такие подушки располагаются в местах отхождения дуговых артерий от сегментарных, радиальных от дуговых, а также по ходу дуговых и радиальных артерий. Указанные подушки могут быть единичные или множественные и встречаются преимущественно в артериях маток женщин 1 и 2 периода зрелого возраста. Интимально-мышечно-эластические подушки, очевидно, выполняют регуляторную функцию в механизмах адаптации артериальных сосудов матки к различным функциональным и возрастным изменениям кровотока в органе.

При определении относительного содержания артериальных сосудов (ОСАС), мышечной (ОСМТ), соединительной (ОССТ) и эпителиальной (ОСЭТ) тканей в различных оболочках стенки матки установили, что в климактерическом перио-

де и периоде менопаузы, по сравнению с юношеским, 1 и 2 периодами зрелого возраста, относительное содержание сосудов уменьшается как в миометрии, так и в эндометрии, и в периметрии за счет увеличения относительного содержания соединительной ткани. В миометрии уменьшается относительное содержание мышечной ткани, а в эндометрии — эпителиальной.

При изучении ангиограмм органов выявлено равномерное заполнение контрастной массой маточных артерий, их ветвей 1–6 порядков. От маточной артерии отходят ветви к яичнику, маточной трубе, дну, телу и шейке матки. Были рассмотрены варианты ветвления маточных артерий на конечные ветви к яичнику, маточной трубе и дну матки и выявлены 6 групп наиболее частых вариантов. В 12% случаев отмечена асимметрия ветвления правой и левой маточных артерий на конечные ветви. Достоверная связь между вариантами ветвления маточных артерий на конечные ветви, возрастом и наличием родов не установлена.

Исследования посмертных ангиограмм матки показали, что у нерожавших женщин возрастные изменения диаметра маточных артерий связаны с их увеличением от 1,2±0,3 мм в юношеском возрасте до 1,85± 0,09 мм во 2 периоде зрелого возраста. С наступлением климактерического периода у нерожавших женщин наблюдается резкое уменьшение диаметра маточных артерий — от 1,5±0,03 мм в начале этого периода до 0,8±0,04 мм в пожилом возрасте. У рожавших женщин с увеличением возраста отмечено плавное уменьшение диаметра маточных артерий — от 2,1±0,1 мм в юношеском возрасте до 0,9±0,05 мм в пожилом возрасте. Установлено также, что диаметр маточных артерий в 43,3% случаев больше справа, чем слева, а в 30% случаев больше слева, чем справа. Диаметр правой и левой маточных артерий был почти одинаков в 26,7% случаев.

На уровне внутреннего зева от маточной артерии к шейке и верхней части влагалища отходят влагалищные ветви. В 38,5% случаев — это 1 сравнительно крупная ветвь, а в 61,5% случаев — от 2 до 4 тонких веточек. В 10,3% случаев отмечена асимметрия в количестве ветвей к шейке и верхней части влагалища: в 6,9% случаев — справа 1 крупная ветвь, а слева — несколько мелких; в 3,4% случаев — слева 1 ветвь, а справа — несколько ветвей меньшего диаметра. Сопоставление ангиограмм по возрастным группам и наличию в анамнезе родов не выявило достоверных различий в характере кровоснабжения шейки матки и верхней части влагалища. Очевидно, с увеличением возраста и наличием родов топография и количество влагалищных ветвей не изменяется, а определяются индивидуальными особенностями развития.

На рентгенограммах определяли артериоматочный индекс (АМИ) — отношение суммарной площади сечений артериальных сосудов к площади матки, который позволяет оценить емкость артериального русла. Анализ данных возрастной динамики АМИ показал, что в каждой возрастной группе этот показатель больше у рожавших женщин, чем у нерожавших. Значение АМИ максимально в 1 периоде зрелого возраста; при дальнейшем увеличении возраста это индекс уменьшается, и более плавно у рожавших женщин, чем у нерожавших. В пожилом возрасте уменьшение АМИ можно объяснить как значительным склерозированием маточных артерий, так и уменьшением размеров матки. Определив АМИ для каждой половины матки, установили, что в правой половине в 46,4% случаев он больше, чем в левой. В 22,8% случаев АМИ обеих половин матки был почти одинаков, а в 30,8% случаев в левой половине больше, чем в правой. Это свидетельствует о морфологической асимметрии артериального русла матки.

Определяя на ангиограммах матки площадь малососудистых зон, установили увеличение с возрастом таких зон у рожавших женщин от 17,5% от общей площади в 1 периоде зрелого возраста до 35,5% — в пожилом, у нерожавших соответственно от 25% до 42,8%. Полученные данные указывают на возрастные инволютивные процессы в интраорганных артериальных сосудах матки, которые особенно выражены у нерожавших женщин.

Таким образом, выявленные особенности васкуляризации стенки матки у рожавших женщин связаны как с возрастными изменениями, так и с функциональной перестройкой архитектоники артериальных сосудов. Функциональная асимметрия репродуктивной системы, по-видимому, связна с морфологической асимметрией артериального русла матки, которая проявляется в отличии диаметров правой и левой маточных артерий, её ветвей и показателей артериоматочного индекса правой и левой половин матки.

Sokolnyk Snizhana Vasylivna, Bukovinian State Medical University, Ukraine,
Associate Professor, Department of Pediatrics and Medical Genetics MD, PhD

Genetic Polymorphisms of Interleukin-1beta and Interleukin-1 Receptor Antagonist are associated with Helicobacter pylori-induced duodenal ulcer in children from Ukraine

Many epidemiologic studies have revealed a strong association between Helicobacter pylori (HP) and duodenal ulcer (DU)[1]. HP colonizes persistently in the gastric mucosa, leads to chronic mucosal inflammation and increases the risk of gastric and duodenal ulceration[2]. However, there are distinct differences in the extent of duodenal inflammation among HP-infected patients, and only a some of them develop DU indicating that ulcerogenesis be under the combined influence of bacterial pathogenicity, host genetics, and environmental factors[3]. As one candidate for the host genetic factors, recent reports have revealed that pro- and anti-inflammatory cytokine polymorphisms are associated with a risk for DU[4]. Proinflammatory cytokines are up-regulated during chronic HP infection,

[1] Camargo M. C. Interleukin-1в and interleukin-1 receptor antagonist gene polymorphisms and gastric cancer: a meta-analysis/M. C. Camargo, R. Mera, P. Correa [et al.]//Cancer Epidemiol. Biomarkers Prev. – 2006. – V.15. – P.1674–1687.

[2] Garcia-Gonzalez M. A. No allelic variant associations of the IL-1 and TNF gene polymorphisms in the susceptibility to duodenal ulcer disease/M. A. Garcia-Gonzalez, P. H. Savelkoul, R. Benito [et al.]//Int. J. Immunogenet. – 2005. – Vol.32(5). – P. 299.

[3] Smith A. J. P. Cytocine and cytocine receptor polymorphism and their functionality/A. J. P. Smith, S. E. Humphries//Cyt. Growth Factor Rev. – 2008. – V.516. – P. 17–34.

[4] Sokolnyk S. V. Polimorfizm genu interleykinu-1в u ditey Chernivetskoї oblasti ta yogo vpliv na rozvitok virazkovoї khvorobi dvanadtsyatipaloї kishki/S. V. Sokolnyk.//Zdorovye rebenka. - 2012. - № 2(37). - S.51–55.

and play a crucial role in inflammation of gastric mucosa[1]. Locally, nonspecific immunity and the production of proinflammatory cytokines are stimulated by the bacterium (HP). It is specifically the contact of bacteria with the gastric epithelial cells that induces the production of proinflammatory cytokines[2]. Genetic polymorphisms within the promoter of the inflammation-related cytokine genes are thought to influence the expression of these cytokines, which these polymorphic changes have been shown to correlate with disease susceptibility or outcome of the disease[3].

Interleukin-1beta (IL-1 в) is a proinflamatory cytokine and is expressed by many cells including macrophage, NK cells, monocytes, and neutrophils. The IL-1 в gene has been mapped to chromosome 2q13–q21. IL-1 в is potent proinflammatory cytokine and plays a central role in many inflammatory cascades. This gene is involved in the proliferation, differentiation and apoptosis of cells. IL-1 в also activates endothelial cells and induces the expression of adhesion molecules that mediate the attachment and transendothelial migration of leucocytes at inflammatory sites. Several polymorphisms have been identified in the IL-1 в gene, including 2 in the promoter (-511C/T and –31T/C) and 1 in exon 5 (3954C/T). In addition, the 2 promoter variants have been shown to elicit an increased risk of *HP*-induced duodenal ulcer and gastric cancer, possibly through increases in IL-1 в–mediated inflammation[4].

Interleukin-1 receptor antagonist (IL-1RN) is a naturally occurring competitive inhibitor of IL-1. In the second intron of the IL-1RN gene, there exists a tandem repeat sequence 86 base pairs in lengthhttp://cid.oxfordjournals.org/content/34/2/204.full — ref-6#ref-6[5]. The frequency of the individual alleles varies among different ethnic or geographic populations, but allele 1, containing 4 repeats, is always more common than allele 2, containing 2 repeats. The remaining alleles, representing 3, 5, and 6 repeats, occurs in <1% of most populations[6]. Persons homozygous for allele 2 of the IL-1RN gene have a more prolonged and more severe proinflammatory immune response than persons with other IL-1RN genotypes. Thus, being allele 2 homozygous might be beneficial when combating infectious agents or malignantly transformed cells.

The present study was conducted to examine any association between IL-1 в (-511C/T), IL-1RN polymorphisms and the development of DU disease in HP-infected patients.

Material and Methods

We studied 102 HP-positive children with DU, who subjected to an endoscopic study in the department of Gastroenterology (Children Clinical Hospital in the city of Chernivtsi, Ukraine). Patients who had not received HP eradication therapy and had not been treated with proton pump inhibitors, not with gastric pH neutralizers during the three months prior to the endoscopy were included in the study. We also studied 92 HP-positive blood donors without gastric or duodenal disease served as controls. The mean age of children — 12,4±2,3 years. The two groups matched with regard to age (Mann-Whitney U p=0,0952) and sex (Fisher's exact test p=0,8723). Participants' eating habits, socio-demographic factors, family history of gastritis or ulcers and other were recorded via surveys. All case subjects and controls were of Ukrainian ethnic origin and resided in Chernivtsi region. The project was approved by the Ethics Committee for Human Research of the Bukovinian State Medical University (Chernivtsi, Ukraine) and informed consent was obtained from all of the patients or their parents.

For each patient, endoscopy was carried out using gastroscope (Pentax FG — 24P, Japan). From each patient, we took two biopsies from the antrum, corpus, or ulcer edge; one specimen was immediately fixed in formalin for histological testing and the other was placed in buffer solution HP diagnosis. The histological sections were stained with hematoxylin-eosin and evaluated by a pathologist using the updated Sydney System criteria. Endoscopic observation and histopathological confirmation were used to determine patient pathology.

HP infection was screened by histological examination, the rapid urease test, or antibodies against HP. Patients were diagnosed as HP positive if one or more of these diagnostic methods was positive.

DNA was extracted from the peripheral blood of the patients and the controls using a High Pure PCR Template Preparation Kit (Roche, Mannheim, Germany) according to the manufacturer's instructions. To determine the IL-1B genotypes for the polymorphic markers, PCR-RFLP assays were used. PCR products were digested with the appropriate restriction enzyme and buffer. The PCR product was digested with restriction enzyme in a 50-мl volume. C–511T amplicons were digested with Ava I at 37 °C for 90 minutes. The Ava I digest was resolved on 2,5% agarose gels in 1×Tris–borate–EDTA (TBE) buffer. Genotypes were scored by visual examination to confirm the presence of the appropriate-size fragments.

For IL-1RN, genomic DNA was amplified using PCR encompassing an 86-bp variable number of tandem repeats in intron 2. The PCR products were separated by electrophoresis on 2% agarose gels and stained with ethidium bromide.

All statistical calculations were performed with the "Statistica 6.0" statistical program. To compare the genotype frequencies, χ^2 tests were performed and Yates' correction was applied, resulting in corrected P values. Allelic frequencies were compared by Fisher's exact test. Statistical significance was taken at the p=0,05 level. The relationship between the presence of individual alleles and disease is presented as the odds ratio with a 95% confidence interval (OR, 95% CI). The genotype frequencies for each polymorphism were tested for deviation from the Hardy-Weinberg equilibrium by the χ^2 test, with one degree of freedom used.

---

[1] Dinorah N. Martínez-Carrillo. Association of IL1B -511C/-31T haplotype and Helicobacter pylori vacA genotypes with gastric ulcer and chronic gastritis/Dinorah N. Martínez-Carrillo, Elvira Garza-González [et al.]//BMC Gastroenterol. – 2010. – Vol.10. – 126.

[2] Smith A. J. P. Cytocine and cytocine receptor polymorphism and their functionality/A. J. P. Smith, S. E. Humphries//Cyt. Growth Factor Rev. – 2008. – V.516. – P. 17–34.

[3] Dinorah N. Martínez-Carrillo. Association of IL1B -511C/-31T haplotype and Helicobacter pylori vacA genotypes with gastric ulcer and chronic gastritis/Dinorah N. Martínez-Carrillo, Elvira Garza-González [et al.]//BMC Gastroenterol. – 2010. – Vol.10. – 126.

[4] Sokolnyk S. V. Polimorfizm genu interleykinu-1в u ditey Chernivetskoï oblasti ta yogo vpliv na rozvitok virazkovoï khvorobi dvanadtsyatipaloï kishki/S. V. Sokolnyk.//Zdorovye rebenka. - 2012. - № 2(37). - S.51–55.

[5] Camargo M. C. Interleukin-1в and interleukin-1 receptor antagonist gene polymorphisms and gastric cancer: a meta-analysis/M. C. Camargo, R. Mera, P. Correa [et al.]//Cancer Epidemiol. Biomarkers Prev. – 2006. – V.15. – P.1674–1687.

[6] Garcia-Gonzalez M. A. No allelic variant associations of the IL-1 and TNF gene polymorphisms in the susceptibility to duodenal ulcer disease/M. A. Garcia-Gonzalez, P. H. Savelkoul, R. Benito [et al.]//Int. J. Immunogenet. – 2005. – Vol.32(5). – P. 299.

Results and Discussion

The IL-1 в (-511C/T) C allele was the most frequent among patients with DU compared to control subjects ($ч^2$=6,74, p=0,03). The genotypic frequencies of the IL-1 в (-511C/T) SNP were significantly different between the patient and healthy control groups ($ч^2$=8,65, p=0,014). Genotype CC IL-1 в (-511C/T) was more frequent in individuals with DU than in control subjects (62,7% and 22, 8% respectively, $ч^2$=6,74, p=0,03). The frequency of genotype CT IL-1 в (-511C/T) was greater in control subjects (60,9%) than in patients with DU (25,5%), $ч^2$=6,74, p=0,03. There was no significant difference in the TT IL-1 в (-511C/T) genotypic frequencies between the patient and healthy control groups (11,8% and 16,3% respectively, $ч^2$=6,74, p=0,03). In the group of children with DU, we found that the IL-1 в (-511C/T) CC genotype was significantly associated with elevated risk of DU (Table).

Table

Association between IL-1 в (-511C/T) polymorphism and duodenal ulcer in children

Ген, поліморфізм	Генотипи	RR, 95%CI	OR, 95%CI	Log Odds	$ч^2$, (p)
ІЛ-1 в, —511 C/T (5'UTR)	CC	2,16 [1,63–2,87]	5,69 [3,03–10,70]	1,74	31,3, <0,0001
	CT	0,47 [0,33–0,66]	0,22 [0,12–0,41]	-1,51	24,8, <0,0001
	TT	1,20 [0,83–1,75]	1,46 [0,64–3,31]	0,38	0,83, 0,362

Our observation is consistent with the results of Dinorah N[1]., who concluded that HP-positive patients with the IL-1 в (-511C/T) CC genotype increased risk of DU.

IL-1RN*4 allele was more frequent in children with DU than in control subjects (57,8% and 29,3% respectively, $ч^2$=6,74, p=0,03). The frequency of IL-1RN*2 allele was greater in control subjects (48,9%) than in patients with DU (23,5%), $ч^2$=6,74, p=0,03. Other alleles we found with low frequencies in the patient and healthy control ($ч^2$=1,24, p=0,85).

Similarly, IL-1RN*4 allele carriers had a significantly higher risk of DU (OR=4,38, ч2=10,21, [1,81–8,96], p‹0,001). Our observation is consistent with the results of author[2], but some scientists[3] have found an association of DU with IL-1RN*1 allele that can be explained by ethnic population features.

Conclusions

The *IL-1 в (*-511C/T) C allele and IL-1RN*4 allele may be associated with progression of duodenal ulcer in patients with *Helicobacter pylori* infection, and may increase the risk of duodenal ulcer in Ukrainian children from Chernivtsi region.

References:

1. Camargo M. C. Interleukin-1 в and interleukin-1 receptor antagonist gene polymorphisms and gastric cancer: a meta-analysis/M. C. Camargo, R. Mera, P. Correa [et al.]//Cancer Epidemiol. Biomarkers Prev. — 2006. — V.15. — P.1674–1687.
2. Dinorah N. Martínez-Carrillo. Association of IL1B –511C/-31T haplotype and Helicobacter pylori vacA genotypes with gastric ulcer and chronic gastritis/Dinorah N. Martínez-Carrillo, Elvira Garza-González [et al.]//BMC Gastroenterol. — 2010. — Vol.10. — 126.
3. Garcia-Gonzalez M. A. No allelic variant associations of the IL-1 and TNF gene polymorphisms in the susceptibility to duodenal ulcer disease/M. A. Garcia-Gonzalez, P. H. Savelkoul, R. Benito [et al.]//Int. J. Immunogenet. — 2005. — Vol.32 (5). — P. 299.
4. Smith A. J. P. Cytocine and cytocine receptor polymorphism and their functionality/A. J. P. Smith, S. E. Humphries//Cyt. Growth Factor Rev. — 2008. — V.516. — P. 17–34.
5. Sokolnyk S. V. Polimorfizm genu interleykinu-1 в u ditey Chernivetskoї oblasti ta yogo vpliv na rozvitok virazkovoї khvorobi dvanadtsyatipaloї kishki/S. V. Sokolnyk.//Zdorovye rebenka. — 2012. — № 2 (37). — S.51–55.

Suprun Elina Vladislavovna, Dr. med. Sci. Institute of professional development for Pharmacy National University of Pharmacy (IPKSF pharmacy), Kharkov, Ukraine.

Leonid Gromov, Dr. med. Sci., head of the lab. neurotropic drugs Institute of Pharmacology and Toxicology, Academy of Medical Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine.

Ishchenko Alexander Mitrofanovich, Candidate. biol. Sciences, Head of the Laboratory of Biochemistry of protein SRC Research Institute of Pure Biochemicals, St. Petersburg, Russia.

Suprun Alex S., IPKSF pharmacy, Kharkov, Ukraine.

Супрун Элина Владиславовна, доктор мед. наук, проф. Института повышения квалификации специалистов фармации Национального фармацевтического университета (ИПКСФ ФаУ), г. Харьков, Украина.

Громов Леонид Александрович, доктор мед. наук, проф., зав лаб. нейротропных препаратов Института фармакологии и токсикологии АМН Украины, г. Киев, Украина.

[1] Dinorah N. Martínez-Carrillo. Association of IL1B -511C/-31T haplotype and Helicobacter pylori vacA genotypes with gastric ulcer and chronic gastritis/Dinorah N. Martínez-Carrillo, Elvira Garza-González [et al.]//BMC Gastroenterol. – 2010. – Vol.10. – 126.

[2] Camargo M. C. Interleukin-1в and interleukin-1 receptor antagonist gene polymorphisms and gastric cancer: a meta-analysis/M. C. Camargo, R. Mera, P. Correa [et al.]//Cancer Epidemiol. Biomarkers Prev. – 2006. – V.15. – P.1674–1687.

[3] Garcia-Gonzalez M. A. No allelic variant associations of the IL-1 and TNF gene polymorphisms in the susceptibility to duodenal ulcer disease/M. A. Garcia-Gonzalez, P. H. Savelkoul, R. Benito [et al.]//Int. J. Immunogenet. – 2005. – Vol.32(5). – P. 299.

Ищенко Александр Митрофанович, канд. биол. наук, заведующий лабораторией биохимии белка ГНЦ ГосНИИ особо чистых биопрепаратов, г. Санкт-Петербург, Россия.

Супрун Алексей Сергеевич, ИПКСФ НФаУ, г. Харьков, Украина.

Peculiarity of cytokine cerebroprotection in experimental hemorrhagic stroke

Особенности цитокиновой церебропротекции при экспериментальном геморрагическом инсульте

В последние десятилетия отмечен рост показателей распространенности и тяжести геморрагических инсультов (ГИ), которые являются наиболее тяжелой формой острого нарушения мозгового кровообращения. При ГИ происходят типичные нарушения микроциркуляции с последующим ишемическим повреждением ткани мозга. Развивается энергетический дефицит, формирование глутамат-кальциевого каскада, проявление лактат-ацидоза и отека мозга, активация свободно-радикального окисления, активация некроза/апоптоза[1].

После ГИ выраженность постишемических нейродегенеративных изменений в пострадавшей области мозга уменьшается от центра некроза к периферическим зонам пенумбры[2]. Первично при ГИ поражаются отдельные сверхчувствительные к ишемии нейроны, в дальнейшем вокруг геморрагического очага развивается вторичное повреждение как результат реакций локального воспаления, инициированных возбужденной ишемией микроглией. При этом отмечается значительное повышение уровней провоспалительных цитокинов — интерлейкинов (IL-1, IL-6, IL-8) и фактора некроза опухолей (FNOб), которые формируют «цитокиновый каскад»[3].

Первым из них в зоне ишемии микроглия продуцирует IL-1. При взаимодействии IL-1 с рецепторами активируются ядерные факторы транскрипции AP-1 и NK-kF, что изменяет поведение клеток-мишеней и приводит к развитию острофазового клеточного ответа, митохондриальной и метаболической дисфункции, экспрессии генов раннего реагирования[4]. Установлена тесная корреляционная связь уровней некоторых провоспалительных цитокинов (IL-1 в, TNF-б, IL-6, IL-8) с тяжестью клинических проявлений у пациентов с цереброваскулярными заболеваниями. При этом отмечают относительный дефицит противовоспалительных цитокинов (IL-1ra, IL-10) и ростовых факторов (BDNF, IGF-1, PDGF)[5]. Таким образом, важное значение для развития постишемической цепи патофизиологических изменений ткани мозга при ГИ имеет формирование цитокинового дисбаланса — гиперпродукции провоспалительных, в частности IL-1, и относительного дефицита его рецепторного антагониста.

Учитывая, что формирование нейродегенеративных изменений в зоне пенумбры связано с формированием цитокинового дисбаланса, целью данного исследования явилось изучение влияния рецепторного антагониста IL-1 на формирование митохондриальной дисфункции, активность свободно-радикальных процессов и апоптоза, выраженность неврологических нарушений и выживаемость крыс с экспериментальным ГИ. Рецепторный антагонист IL-1 (РАИЛ) получен в ФГУП «Гос.НИИ ОЧБ» ФМБА России (г. Санкт-Петербург) путем генной трансформации бактерий E.coli.

Материалы и методы. Исследования проводили на белых нелинейных крысах массой 170–200 г. Внутримозговое кровоизлияние (ВМК) вызывали введением аутокрови во внутреннюю капсулу головного мозга под этаминал-натриевым наркозом (40 мг/кг).

Животные были разделены на 3 группы по 10 крыс. Первая группа — ложнооперированные животные, вторая — контрольная патология (животные с ВМК), третья — животные с патологией, которым вводили РАИЛ в дозе 7,5 мг/кг. Препарат вводили внутримышечно — сразу после выхода животных из наркоза, в дальнейшем 1 раз в сутки в течение острого периода ишемии (4 дня) и фазы восстановления (18 дней). По истечении указанных сроков животных выводили из эксперимента под этаминал-натриевым наркозом путем декапитации. В гомогенате мозга определяли мембранный потенциал заряда митохондрий (МПЗМ) в присутствии сафронина-О[6]. Для оценки процессов энергетического обмена и окисления в цикле Кребса в гомогенате мозга определяли уровень адениловых нуклеотидов (АТФ, АДФ, АМФ)[7] и содержание продуктов окислительной модификации белка (по уровню альдегидных (АФГ) и карбоксильных (КФГ) продуктов)[8]. Оставшийся мозг фиксировали в 10% жидкости Буэна (24 часа) и по стандартной схеме заливали в парафиновые блоки, из которых готовили серийные фронтальные 15-микронные гистологические срезы в области постцентральной извилины (сомато-сенсорная кора). Для выявления экспрессии c-Fos-белка в сенсомоторной зоне коры использовали иммуногистохимический метод непрямой иммунофлуоресценции[9]. Также оценивали выживаемость крыс и динамику развития постишемических неврологических (по шкале

---

[1] Виленский Б. С. Инсульт: профилактика, диагностика и лечение. – СПб: Фолиант, 2002. – 397 с.; Гусев Е. И., Скворцова В. И. Ишемия головного мозга. – М.: Медицина, 2001. – 328 с.

[2] Беридзе М. З., Урушадзе И. Т., Шакаришвили Р. Р. Механизмы отсроченной гибели нейронов при острой церебральной ишемии в эксперименте//Инсульт. – 2001. – № 3. – С. 35–40.

[3] Arend W. P. The balance between IL-1 and IL-1Ra in disease//Cytokine Growth Factor Rev. – 2002. – Vol. 13, № 4–5. – P. 323–340.

[4] Кетлинский С. А. Цитокины/С. А. Кетлинский, А. С. Симбирцев – СПб.: Фолиант, 2008. – 552 с.

[5] Герасимова М. М., Антипина Ю. В. Роль аутоиммунного процесса в патогенезе геморрагического инсульта//Инсульт. – 2003. – № 8. – С. 48–52.

[6] Акопова Л. В., Сагач В. Ф. Снижение чувствительности митохондрий к Са2+-зависимому открытию поры в условиях длительной инкубации//Укр. биохим. журнал. – 2004. – Т 76, № 35. – С. 61–65.

[7] Прохорова М. И. Современные методы в биохимии (углеводный и энергетический обмен). – Л.: Изд–во ЛГУ,1986. – 368с.

[8] Дубкіна О. Ю. Окислювальний стрес і окислювальна модифікація білків//Мед. хімія. – 2001. – Т. 3, № 2. – С. 43–45.

[9] Пирс Э. Гистохимия. – Москва, 1962. – 962 с.

Stroke-index McGrow) и когнитивных (по условному рефлексу пассивного избегания (УРПИ)) изменений[1]. Полученные результаты были проанализированы с использованием параметрического критерия t-Стьюдента, достоверность относительных величин оценивали применением критерия ч[2]. Достоверными считали отличия с уровнем значимости более 95% ($p<0,05$), которые отмечали как $p^{ЛО}$ (относительно группы ложнооперированных животных) или $p^{К}$ (относительно группы контроля).

Результаты и обсуждение. Митохондрии являются первичными источниками активных форм кислорода (АФК) — в условиях гипоксии степень восстановленности компонентов дыхательной цепи повышается, что создает условия для возникновения протонных и одноэлектронных утечек с образованием АФК и при высокой интенсивности способствует развитию оксидантного стресса. Это приводит к разрыву цепочек ДНК, мутациям и запуску процессов деструкции, в первую очередь самих митохондрий. При этом наблюдается открытие неселективной поры (permeability transition pore — PTP), повреждение внутренних мембран митохондрий и формирование митохондриальной дисфункции[2].

В эксперименте формирование дисфункции митохондрий изучали по образованию неселективной поры митохондрий, которую определяли по снижению мембранного потенциала заряда митохондрий (МПЗМ) в присутствии сафронина-О в качестве потенциал-зависимой метки. В контрольной группе этот показатель был стабильно снижен относительно группы ЛО — на 50% на 4-е сутки эксперимента ($p^{ЛО}<0,001$) и 46% на 18-е сутки ($p^{ЛО}<0,001$). Введение животным с ВМК РАИЛ стабилизировало процесс деполяризации внутренней мембраны митохондрий и мембранный потенциал, что подтверждается ростом показателя МПЗМ относительно контроля в восстановительном периоде ($p^{К}<0,01$).

В условиях дефицита поступления кислорода в клетку формирование дисфункции митохондриальных ферментных комплексов приводит к качественным изменениям входящих в состав митохондриальных ферментов железосерных центров и их функций, подавлению основного (НАД-зависимого) пути окисления субстратов в дыхательной цепи и аэробного синтеза энергии, т. е. развитию биоэнергетической (тканевой) гипоксии[3]. Таким образом, митохондриальная дисфункция является базисным механизмом энергетических нарушений и коррелирует с фазными изменениями в содержании адениловых нуклеотидов, что приводит к формированию постгипоксического метаболического дисбаланса и опережает изменения других функционально-метаболических показателей жизнедеятельности клетки[4].

На фоне введения аутокрови в ткани мозга контрольных животных наблюдался дисбаланс пула макроэргических фосфатов. Было отмечено значительное снижение уровней АТФ — на 67% на 4-е сутки эксперимента и 54% к 18-м суткам ($p^{ЛО}<0,001$). Аналогично изменились уровни АДФ — снизились соответственно на 40% и 24% ($p^{ЛО}<0,01$). Уровень АМФ в группе КП отличался от уровней ЛО на протяжении всего эксперимента — был выше на 58% в остром периоде и на 32% в восстановительном ($p^{ЛО}<0,001$), что пропорционально снижению в эти периоды АТФ и отражает его усиленный распад на фоне ишемического повреждения. Это является важным также потому, что такой рост количеств АМФ как активного прооксиданта дополнительно усиливает агрессивные последствия оксидантного стресса в постишемической зоне. На фоне введения РАИЛ у крыс с ВМК отмечена нормализация пула макроэргических фосфатов — стабильное повышение уровней АТФ и АДФ на фоне выраженного снижения АМФ ($p^{К}<0,01$).

Снижение поступления молекулярного кислорода в нейроны стимулирует образование АФК, которые обладают высокой реакционной способностью и являются потенциально опасными для клеточных структур. Окислительный стресс развивается в условиях резкой активации окислительных процессов при недостаточной эффективности антиоксидантной защиты. Образовавшиеся при церебральной ишемии активные кислородные радикалы инициируют прямую деструкцию нуклеиновых кислот и вызывают окислительную модификацию белка. Повышение уровней АФК и ОМБ стимулирует синтез транскрипционного фактора, индуцируемого при гипоксии (HIF), активацию HIF-1-зависимых генов, синтез провоспалительных цитокинов и формируют порочный круг вторичных повреждений[5].

ВМК у экспериментальных животных на протяжении всего эксперимента сопровождалось повышенным содержанием показателей ОМБ — уровень раннего (АФГ) и позднего (КФГ) маркеров были повышены соответственно в 5,3 и 4,5 раза на 4-е сутки и в 5,5 и 4,9 раз на 18-е сутки наблюдения ($p^{ЛО}<0,01$). Применение РАИЛ привело к торможению процессов свободно-радикального повреждения белков — показатели ОМБ к 18-м суткам были соответственно на 62% и 76% ниже уровней контрольной группы ($p^{К}<0,01$).

В условиях дефицита кислорода при ВМК митохондриальная дисфункция и окислительный стресс активируют срочные регуляторные компенсаторные механизмы, индуцируют экспрессию генов раннего реагирования и активируют механизмы патологической клеточной смерти (некроз) или программированной гибели клеток (апоптоз)[6]. В условиях острой мозговой гипоксии повышение продукции IL-1 с последующим формированием цитокинового каскада сопровождается избыточной продукцией свободных радикалов, что дополнительно ухудшает состояние нейронов в области постишемического повреждения. Непосредственно IL-1 экспрессирует в глиальных клетках индуцибельную NO-синтазу (iNOS), что ведет к гиперпродукции NO, ингибированию белков-ферментов дыхательной цепи митохондрий и цикла Кребса, истощению запасов НАД

---

[1] Доклиническое изучение специфической активности потенциальных нейропротекторных препаратов: Методические рекомендации/[И. С. Чекман, Ю. И. Губский, И. Ф. Беленичев и др.]. – К.: ГФЦ МЗ Украины, 2010. – 81 с.

[2] Беленичев И. Ф., Колесник Ю. М., Павлов С. В. и др. Митохондриальная дисфункция при церебральной патологии. Нейропротекция цереброкурином//Международный неврологический журнал. – 2008. – № 4 (20). – С. 23–29.

[3] Лукьянова Л. Д. Биоэнергетическая гипоксия – молекулярный механизм тканевой гипоксии и адаптация организма//Физиол. укр. журнал. – 2003. – Т. 49, № 3. – С. 17–35.

[4] Дудченко А. М., Лукьянова Л. Д. Параметры аденилатного пула как предикторы нарушений энергетического обмена в гепатоцитах при гипоксии//Бюлл. экспер. биол. – 2003. – Т. 136, № 7. – С. 41–44.

[5] Сазонтова Т. Г., Жукова А. Г., Анчишина Н. А. и др. Факторы транскрипции HIF-1б, белки срочного ответа и резистентность мембранных структур в динамике после острой гипоксии//Вестник РАМН. – 2007. – № 2. – с. 17–25.

[6] Dhar-Mascareno M., Cacramo J. M. Hypoxia – reoxygenation – induced mitochondrial damage and apoptosis in humsn endothelial cells//Free Radic. Biol. Med. – 2005. – Vol. 38, № 10. – P.1548–1554.

и АТФ и гибели нейронов по пути некроза или апоптоза[1]. Кроме того, нарушение кислородного режима тканей, нарушение аккумуляции Ca^{2+} митохондриями, повреждение мембраны митохондрий сверхколичествами NO и АФК усиливает открытие пор и высвобождение апоптогенных белков из поврежденных митохондрий. В условиях окислительного стресса под действием NO и АФК в клетке происходит активация экспрессии редокс-чувствительных генов апоптоза раннего реагирования — преимущественно JunD и c-Fos[2].

В условиях экспериментального ВМК к 4-м суткам отмечен рост уровней белков c-fos более, чем в 2 раза, что отражает преобладание процессов некроза нейронов в острой стадии процесса (рис. 1). При введении РАИЛ уже в остром периоде наблюдается постепенная стабилизация количества белка c-fos с максимальным проявлением активности в восстановительном периоде. Вероятно, после ВМК на фоне применения РАИЛ происходит адаптация клеток коры головного мозга в зоне повреждения — торможение некроза нейронов, активация апоптоза и оптимизация постинсультных последствий.

При ВМК на фоне повышенной продукции провоспалительных цитокинов происходят последовательные процессы патофизиологического каскада — снижение мозгового кровотока приводит к дисфункции ферментов дыхательной цепи митохондрий и цикла Кребса, что ведет к энергетическому дефициту, массивному внутриклеточному поступлению ионов натрия и кальция, что стимулирует активацию фосфолипаз и протеиназ и оказывает негативное воздействие на межклеточные структуры, окружающие клеточные мембраны и сосудистую стенку.

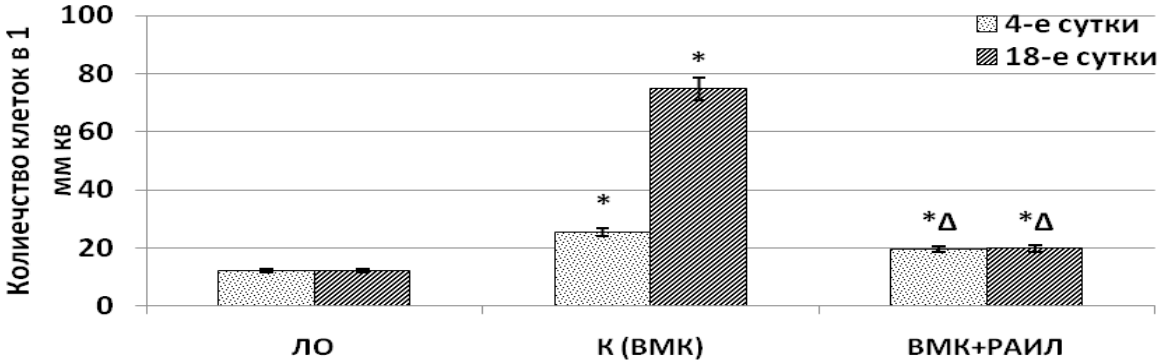

Рис. 1. Содержание c-Fos-позитивных клеток в головном мозге крыс с ВМК.

Здесь и на рис. 2–4: ЛО — ложнооперированные животные; К — контроль (нелеченные животные с внутримозговым кровоизлиянием (ВМК)). Достоверные отличия ($p<0,05$) относительно ложнооперированных животных обозначено знаком (*), относительно животных контрольной группы — знаком (Д).

При ВМК на фоне повышенной продукции провоспалительных цитокинов происходят последовательные процессы патофизиологического каскада — снижение мозгового кровотока приводит к дисфункции ферментов дыхательной цепи митохондрий и цикла Кребса, что ведет к энергетическому дефициту, массивному внутриклеточному поступлению ионов натрия и кальция, что стимулирует активацию фосфолипаз и протеиназ и оказывает негативное воздействие на межклеточные структуры, окружающие клеточные мембраны и сосудистую стенку. Это способствует формированию цитотоксического отека глии и нейронов, проникновению токсических веществ из сосудистого русла в мозговую ткань на фоне продолжающихся оксидантных и прокоагуляционных реакций и гибели жизненно важных нейронов с формированием неврологических дефицитов[3].

Исследование неврологического статуса крыс по отдельным показателям шкалы McGrow показало, что у крыс группы ЛО тяжелые неврологические нарушения не наблюдались. У большинства животных контрольной группы после ВМК неврологические нарушения наблюдались как умеренно выраженные (вялость, замедленность движений, слабость), так и тяжелые (манежные движения, парезы и параличи конечностей). При применении РАИЛ существенно снизилась частота проявлений парезов и параличей конечностей. Стабилизация на фоне применения РАИЛ неврологического статуса крыс после ВМК подтверждается также при анализе суммы баллов по шкалы McGrow (рис. 2), который в восстановительном периоде был значительно ниже контроля.

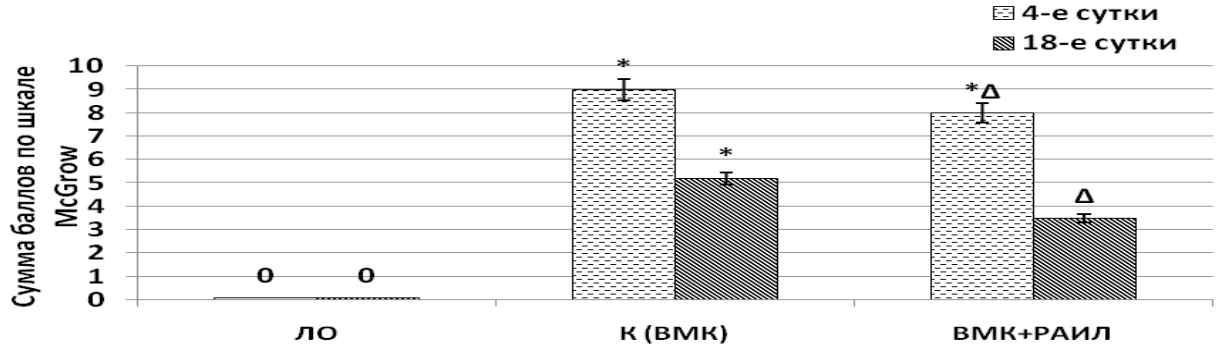

Рис. 2. Проявления неврологической дисфункции по сумме баллов по шкале McGrow (McGrow) у крыс с ВМК.

[1] Kleinert H., Schwarz P., Forstermann U. Regulation of the expression of inducible nitric oxide synthase//Biol. Chem. – 2003. – 384, № 10–11. – P. 1343–1364.

[2] Беленичев И. Ф., Колесник Ю. М., Павлов С. В. и др. Митохондриальная дисфункция при церебральной патологии. Нейропротекция цереброкурином//Международный неврологический журнал. – 2008. – № 4 (20). – С. 23–29.

[3] Завалишин И. А., Захарова М. Н. Гибель нейрона – кардинальная проблема неврологии и психиатрии//Вестник Российской АМН. – 2000. – № 2. – С. 28–33.

По сравнению с прочими элементами мозга, страдающими от постишемического воздействия, особую ранимость обнаруживают нейроны гиппокампа, которые участвуют в реализации процессов приобретения и консолидации следов памяти, реагировании на новизну обстановочных стимулов и организации ориентировочного рефлекса[1]. Фокальная или глобальная ишемия неизменно сопровождаются поражениями гиппокампа и ведут к когнитивной патологии[2].

Данные проведенного эксперимента подтверждают развитие у животных с ВМК когнитивного дефицита — в восстановительном периоде после обучения в тесте УРПИ (рис. 3) латентное время захода в темный отсек уменьшилось на 40% ($p^{ЛО}<0,01$). У животных, получавших РАИЛ, отмечено увеличение латентного времени рефлекса по сравнению с контрольной группой, что свидетельствует о стабилизации процессов запоминания и уменьшении выраженности когнитивных нарушений ($p^{К}<0,05$).

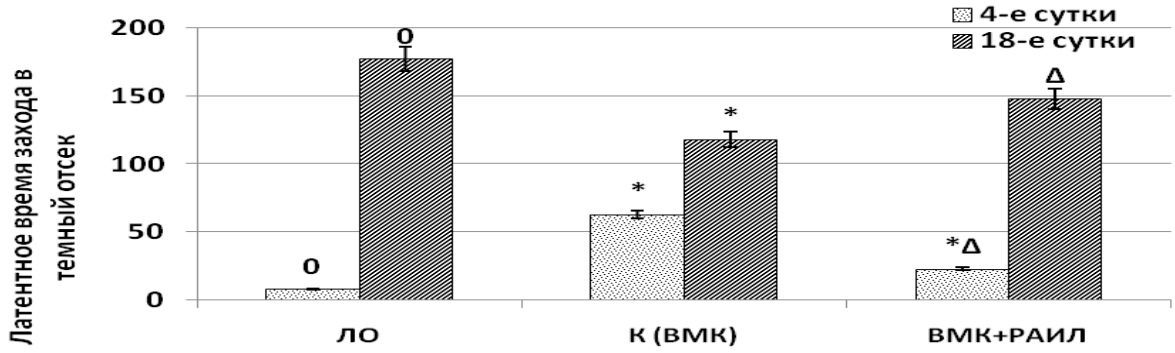

Рис. 3. Воспроизведение УРПИ у крыс с ВМК после обучения на 18-е сутки.

Развитие ГИ сопровождается формированием взаимосвязанных звеньев патофизиологического каскада, который ведет к нарушению функционирования нервной клетки и ее смерти, а в конечном результате — гибели животного. В ходе эксперимента в течение 7-и суток после ВМК в группе ЛО гибели животных не наблюдали (рис. 4). В группе контрольной патологии случаи гибели крыс с ВМК отмечались до 4-х суток включительно (рис. 1), показатель летальности увеличился с 50% в 1–3 сутки до 70% на 4–7-е сутки. Гибель животных, получавших РАИЛ, наблюдалась только в 1-е сутки, показатель выживаемости достоверно отличался от контрольной группы, начиная с 4-х суток эксперимента ($p^{К}<0,05$).

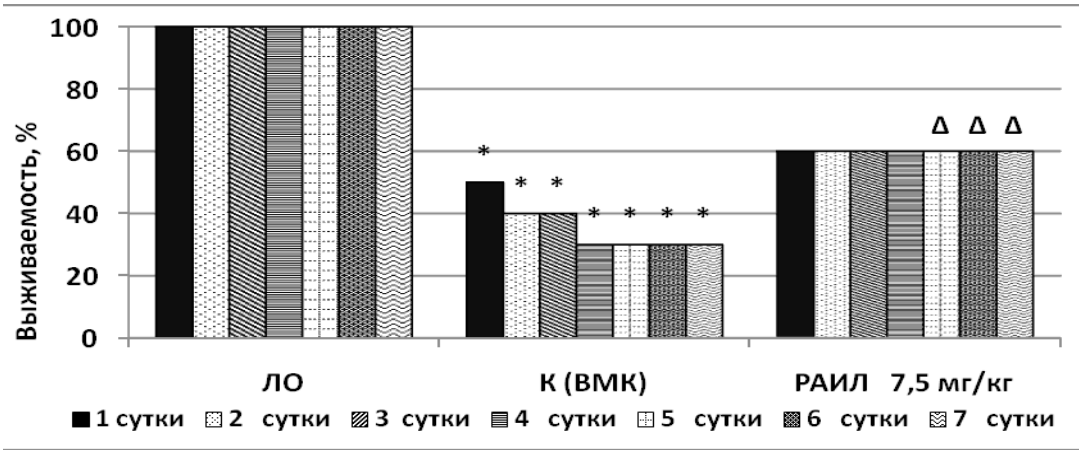

Рис. 4. Влияние РАИЛ на выживаемость крыс с ВМК.

Таким образом, результаты проведенных исследований показывают, что развитие экспериментального ГИ у крыс сопровождалось типичными патофизиологическими признаками — развитием митохондриальной дисфункции, энергетического дефицита и окислительной модификации белка, активацией процессов апоптоза и гибели клеток с последующими неврологическими и когнитивными нарушениями, гибелью экспериментальных животных. Применение РАИЛ в дозе 7,5 мг/кг при лечебном режиме введения у животных с ВМК тормозит развитие оксидантного стресса и процессы свободно-радикального повреждения белков, тем самым стабилизирует функциональную активность митохондрий и энергетический обмен, предупреждает экспрессию генов раннего реагирования. Вероятно, эти эффекты определяются способностью рецепторного антагониста IL-1 при постишемическом повреждении мозга как блокировать эффекты избыточных количеств провоспалительного IL-1, так и активировать противовоспалительное звено цитокинового каскада, что снижает выраженность локального воспаления и в целом предупреждает гибель животных с ВМК, а также снижает выраженность постинсультных неврологических и когнитивных нарушений — стабилизирует психоневрологический статус по шкале McGrow и процессы запоминания. Следовательно, РАИЛ эффективно предупреждает формирование и развитие многих звеньев каскада постинсультных нейрональных нарушений, что в перспективе позволит применять его в качестве эффективного патогенетического нейропротектора комплексного действия, в том числе при лечении пациентов с ГИ.

[1] Арушанян Э. Б., Бейер Э. В. Гиппокамп и нарушения познавательной деятельности//Журнал неврологии и психиатрии. – 2007. – № 7. – С. 72–77.

[2] Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – М.: Медицина, 2000. – 287 с.

Список литературы:

1. Акопова Л. В., Сагач В. Ф. Снижение чувствительности митохондрий к Ca^{2+}-зависимому открытию поры в условиях длительной инкубации/Укр. биохим. журнал. — 2004. — Т 76, № 35. — С. 61–65.
2. Арушанян Э. Б., Бейер Э. В. Гиппокамп и нарушения познавательной деятельности//Журнал неврологии и психиатрии. — 2007. — № 7. — С. 72–77.
3. Беленичев И. Ф., Колесник Ю. М., Павлов С. В. и др. Митохондриальная дисфункция при церебральной патологии. Нейропротекция цереброкурином//Международный неврологический журнал. — 2008. — № 4 (20). — С. 23–29.
4. Беридзе М. З., Урушадзе И. Т., Шакаришвили Р. Р. Механизмы отсроченной гибели нейронов при острой церебральной ишемии в эксперименте//Инсульт. — 2001. — № 3. — С. 35–40.
5. Виленский Б. С. Инсульт: профилактика, диагностика и лечение. — СПб: Фолиант, 2002. — 397 с.
6. Герасимова М. М., Антипина Ю. В. Роль аутоиммунного процесса в патогенезе геморрагического инсульта//Инсульт. — 2003. — № 8. — С. 48–52.
7. Гусев Е. И., Скворцова В. И. Ишемия головного мозга. — М.: Медицина, 2001. — 328 с.
8. Доклиническое изучение специфической активности потенциальных нейропротекторных препаратов: Методические рекомендации/[И. С. Чекман, Ю. И. Губский, И. Ф. Беленичев и др.]. — К.: ГФЦ МЗ Украины, 2010. — 81 с.
9. Дубкіна О. Ю. Окислювальний стрес і окислювальна модифікація білків//Мед. хімія. — 2001. — Т. 3, № 2. — С. 43–45.
10. Дудченко А. М., Лукьянова Л. Д. Параметры аденилатного пула как предикторы нарушений энергетического обмена в гепатоцитах при гипоксии//Бюлл. экспер. биол. — 2003. — Т. 136, № 7. — С. 41–44.
11. Завалишин И. А., Захарова М. Н. Гибель нейрона — кардинальная проблема неврологии и психиатрии//Вестник Российской АМН. — 2000. — № 2. — С. 28–33.
12. Кетлинский С. А. Цитокины/С. А. Кетлинский, А. С. Симбирцев — СПб.: Фолиант, 2008. — 552 с.
13. Лукьянова Л. Д. Биоэнергетическая гипоксия — молекулярный механизм тканевой гипоксии и адаптация организма//Физиол. укр. журнал. — 2003. — Т. 49, № 3. — С. 17–35.
14. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. — М.: Медицина, 2000. — 287 с.
15. Пирс Э. Гистохимия. — Москва, 1962. — 962 с.
16. Прохорова М. И. Современные методы в биохимии (углеводный и энергетический обмен). — Л.: Изд–во ЛГУ,1986. — 368 с.
17. Сазонтова Т. Г., Жукова А. Г., Анчишина Н. А. и др. Факторы транскрипции HIF-1 б, белки срочного ответа и резистентность мембранных структур в динамике после острой гипоксии//Вестник РАМН. — 2007. — № 2. — с. 17–25.
18. Arend W. P. The balance between IL-1 and IL-1Ra in disease//Cytokine Growth Factor Rev. — 2002. — Vol. 13, № 4–5. — P. 323–340.
19. Dhar-Mascareno M., Cacramo J. M. Hypoxia — reoxygenation — induced mitochondrial damage and apoptosis in humsn endothelial cells//Free Radic. Biol. Med. — 2005. — Vol. 38, № 10. — P.1548–1554.
20. Kleinert H., Schwarz P., Forstermann U. Regulation of the expression of inducible nitric oxide synthase//Biol. Chem. — 2003. — 384, № 10–11. — P. 1343–1364.

Tsanjko Ivan Ivanovich
State scientific establishment «Scientific — practical centre of preventive and clinical medicine» State administration
Bazilevich Andrei Yaroslavovich Doctor of medical Sciences, associate Professor, Department of propaedeutics of internal diseases

Цанько Иван Иванович, Государственное научное учреждение «научно- практический центр профилактической и клинической медицины» Государственного управления делами, научный сотрудник
Базилевич Андрей Ярославович
Доктор медицинских наук, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней

Observance of a healthy way of life of civil servants

Соблюдение здорового образа жизни государственными служащими

Здоровье населения занимает особенное место в системе человеческих ценностей, является главной целью деятельности любой системы здравоохранения и критерием успеваемости функционирования общества. Во все времена сохранения и укрепления здоровья рассматривалось как один из приоритетов в жизни человека и деятельности государства, которое отражает социально-экономическое, экологическое, демографическое и санитарно-гигиеническое благополучие страны, является одним из социальных индикаторов общественного прогресса[1].

Как подчеркнуто в Талинской хартии, система здравоохранения является не только самостоятельной основой для здоровья и благополучия, но также влияет на экономическое развитие, конкурентоспособность и производительность труда, способствуя при этом благосостоянию и социальному благополучию, в результате обеспечивает производство ресурсов, разнообразных благ, то есть делает инвестиции в развитие человеческого капитала. В соответствии с классификацией Роббинса на 50–52% состояние здоровья определяет образ жизни, а медицинские факторы составляют только 10% влияния на здоровье

[1] Вебер В. Р. Особенности распространенности тревожно-депрессивного синдрома и поведенческих факторов риска у больных артериальной гипертензией/В. Р. Вебер, Б. Б. Фишман, Н. В. Иванова [и др.]//Российский медицинский журнал. – 2006. – № 6. – С. 40–43.

человека[1]. Изучение состояния здоровья среди государственных служащих (ГС) Высших органов государственной власти не отражено в отечественных научных трудах, потому исследование относительно соблюдения ими здорового образа жизни является достаточно актуальным.

Цель. Проанализировать соблюдение здорового образа жизни государственными служащими с помощью медико-социологического исследование

Методы исследования. Социологический (анкетирование, интервьюирование), статистический, математический.

Результаты иследования. Во время осуществления анализа медико-социологического исследование анкеты опрошенных было разделено на три группы: 1 группа — практически здоровые (n=55, средний возраст 35,3±0,62 р, средний стаж службы 17,01±0,59 г.); 2 группа — ГС с хронической терапевтической патологией без сопутствующей гипертонической болезни (n=49, средний возраст в 38,7±0,82 г., средний стаж 21,1±0,76 г.); 3 группа — больные гипертонической болезню (n=47, средний возраст 40±0,72 г., средний стаж 22,5±0,16 г.). Группы 2 и 3 по возрасту и по стажу работы достоверно не отличались (p > 0,05).

Практическое выполнение рекомендаций относительно здорового образа жизни среди ДС в 3-й группе было таким же (p > 0,05), как и в 1-й и 2-й группах: при субъективной оценке при 5-ти бальной шкалой относительно выполнения этих требований большинство ДС ответили на балл «три».

Среди причин, которые препятствуют внедрению здорового способа жизни, опрошенные ГС всех групп определили привычки и связь с условиями труда (табл. 1).

Таблиця 1

Частота выявления факторов, которые препятствуют внедрению здорового образа жизни у государственных служащих, (n=151),%

№ з/п	Причини	1 група (n=55)	2 група (n=49)	3 група (n=47)
1.	Отсутствие соответствующих знаний	1,7	20,4	10,6
2.	В связи с особенностями труда	40	38,9	23,4
3.	Отсутствие времени	18,3	9,3	6,4
4.	Привычки	36,7	27,8	53,2

Проанализировано выполнение рекомендаций относительно режима труда, отдыха, физической активности, рационального питания и наличия вредных привычек (табл. 3).

Таблиця 2

Медико-социальные аспекты выполнения требований здорового образа жизни государственными служащими (n=151)%

№ з/п	Характеристика способу життя	1 группа (n=55)	2 группа (n=49)	3 группа (n=47)
1.	Соблюдение режима труда и отдыха	40	46,3	29,6
2.	Регулярный отдых в выходные дни и во время отпуска	38,3	42,6	38,9
3.	Прием основного приема еды в вечерние часы	41,7	44,4	34
7.	Соблюдения режима питания	70	72,2	78,7
8.	Употребления алкогольных напитков	68,3	85,2	55,3
9.	Занятия физическими упражнениями	25	27,8	14,9
10.	Занятия спортом	91,7	88,9	83

Из таблицы 3 видно, что существенной разницы в исполнении рекомендаций относительно здорового образа жизни между тремя группами респондентов, которые принимали участие в исследовании не обнаружено (p > 0,05).

Важной составляющей влияния на здоровье человека является высокий уровень психоемоциональной нагрузки на рабочем месте и склонность к долговременному переживанию негативных эмоций, это может быть подпочвой для возникновения кардиологического заболевания[2], именно поэтому мы исследовали эти показатели среди государственных служащих (табл. 3)

Таблиця 3.

Распределение респондентов трех групп за уровнем психоэмоциональной нагрузки на рабочем месте (n=151%)

№ з/п	Уровень психоэмоциональной нагрузки	1 группа (n=55)	2 группа (n=49)	3 группа (n=47)
1.	Высок	41,7	44,4	61,7*
2.	Умеренный	50	51,9	36,2
3.	Незначительный	8,3	3,7	2,1

Примечание. * — достоверность разницы в сравнении с 1-й группой, p < 0,05.

Из таблицы 4 видно, что высший уровень психоэмоциональных нагрузок регистрируется в ГС, которые болеют гипертонической болезнью.

Склонность к долговременному переживанию негативных эмоций также больше всего подтвердили ГС, которые болеют гипертонической болезнью (табл. 4).

---

[1] Вороненко Ю. В. Социальная медицина и организация здравоохранения/Ю. В. Вороненко//Пособие. Укрмедкнига.-2000.-с. 430.

[2] Бурячковская Л. И. Влияние депрессивных расстройств на развитие и исход сердечно-сосудистых заболеваний /Л. И. Бурячковская, Е. О. Полякова, А. Б. Сумароков//Терапевтический архив. – 2006. – № 11. – С. 87–92.

Таблиця 4.

Распределение респондентов трех групп за наличием склонности к долговременному переживанию негативной эмоции (n=151)%

№ з/п	Наличие склонности к долговременному переживанию негативной эмоции	1 група (n=55)	2 група (n=49)	3 група (n=47)
1.	Да	30	42,6	61,7*
2.	Нет	70	57,4	38,3

Примечание. * — достоверность разницы в сравнении с 1-й группой, p < 0,001.

Анализ распространенности тютюнокуриння среди респондентов не обнаружил достоверную разницу (p > 0,05) между группами (табл. 5)

Таблиця 5.

Распределение респондентов относительно отношения к табакокурению (n=151)%

№ з/п	Статус курения	1 группа (n=55)	2 группа (n=49)	3 группа (n=47)
1.	Не курят	36,7	44,4	34
2.	Курят	41,7	35,2	49
3.	Курили в прошлом	21,7	20,4	17

В соответствии с планом научной работы для формирования методологии влияния на ГС относительно привлечения их к здоровому образу жизни мы исследовали источники пополнения знаний из этой сферы. Данные представлены на рисунке.

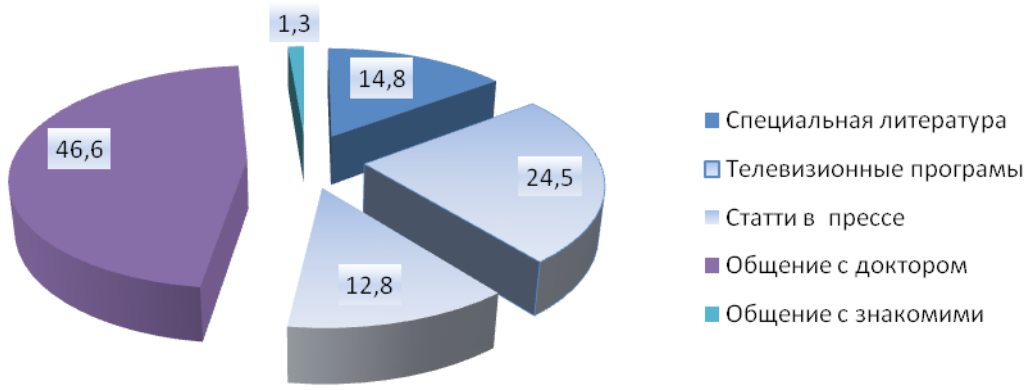

Рисунок. Распределение источников пополнения знаний относительно здорового способа жизни, которыми пользовались государственные служащие%.

Таким образом, источниками пополнения знаний о здоровом образе жизни в первую очередь является общение с врачом (46,6%), на втором месте телевизионные передачи (24,5%), потом статьи в периодической прессе и специальная литература (12,8% но 14,8% соответственно), и наконец общения со знакомыми (1,3%).

Виводы.

1.Субъективная оценке по 5-ти бальной шкалой выполнения требований относительно соблюдения здорового образа жизни большинство ГС ответили на балл «три» по 5-ти бальной шкалой.

2. Государственные служащие которые болеют гипертонической болезнью регистрируется наивысший уровень психоэмоциональных нагрузок и склонность к долговременному переживанию негативных эмоций.

3. Основной причиной невыполнения требований здорового образа жизни респонденты называют особенности профессиональной деятельности. Все респонденты, которые принимали участие в исследовании нуждаются в повышении доминанты здорового образа жизни.

4. С целью повышения доминанты здорового образа жизни в Государственном научном учреждении «Научно-практический центр профилактической и клиническоймедицины» Государственного управления делами во время диспансеризации государственных служащих пациенты получают соответствующую информацию в беседе с врачами, медицинскими сестрами, и в виде специально разработанных информационных листов.

Список литературы:

1. Бурячковская Л. И. Влияние депрессивных расстройств на развитие и исход сердечно-сосудистых заболеваний/Л. И. Бурячковская, Е. О. Полякова, А. Б. Сумароков//Терапевтический архив. — 2006. — № 11. — С. 87–92.
2. Вебер В. Р. Особенности распространенности тревожно-депрессивного синдрома и поведенческих факторов риска у больных артериальной гипертензией/В. Р. Вебер, Б. Б. Фишман, Н. В. Иванова [и др.]//Российский медицинский журнал. — 2006. — № 6. — С. 40–43.
3. Вороненко Ю. В. Социальная медицина и организация здравоохранения/Ю. В. Вороненко//Пособие. Укрмедкнига.-2000.-с. 430.

Section 7. Pedagogy

Abdullina Albina Mirsalimovna
Branch "of Kazan (Volga) Federal University" (VPO FGAOU CFI)
Абдуллина Альбина Мирсалимовна
Филиал «Казанского (Приволжского) федерального университета» (ФГАОУ ВПО КФУ)

Theoretical mechanics teaching revised procedure is a point of time

Обновление методики преподавания теоретической механики — ведение времени

Переход от традиционной парадигмы образования к личностно-ориентированной требует от высшей школы совершенствования подготовки специалиста, становления его как профессионала, глубоко знающего избранную специальность и легко ориентирующегося в новейших достижениях в области профессиональной деятельности.

Инженерная деятельность в настоящее время становится очень сложной и дифференцированной, вследствие чего значительно повышаются требования к современному инженеру. Кроме возрастания объёма и глубины знаний сегодня инженеру необходимо: иметь нестандартное мышление, развитые профессионально значимые качества; владеть творческим подходом к решению профессиональных задач. Следовательно, уровень подготовки современных специалистов технического направления должен не только отвечать текущему состоянию общественных и производственных отношений, но и обеспечивать способность личности будущего специалиста:

- успешно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям;
- самостоятельно находить решения в нестандартных профессиональных ситуациях;
- творчески мыслить и действовать.

Видение технического образования XXI века должно основываться на понимании интегративной роли инженера в современном обществе. Поэтому главной целью должно стать развитие у каждого студента аналитических способностей, наиболее важными из которых признаются способности синтезировать и осуществлять нововведения на интеллектуальном уровне, пополнять свои знания в течение всей трудовой жизни и адаптироваться к быстрым технологическим изменениям на мировом рынке.

Такие задачи должны решаться в системе высшего технического образования путем усовершенствования преподавания отдельных дисциплин, в частности теоретической механики.

К технологиям изучения теоретической механики, как основе познания многих явлений природы и теоретической базе техники, сегодня проявляется особый научный интерес. Фундаментальные предпосылки для этого создают труды ученых, определивших общие закономерности становления высшего профессионального образования (С, И. Архангельский, В. И. Генецинский, А. К. Колесова, Н. В. Кузьмина, М. М. Левина, В. А. Сластенин, Н. Ф. Талызина и др.), а также рассматривавших принципы организации высшего профессионального образования (Н. В. Валеева, Г. А. Вержицкий, Б. Г. Поно-маренко и др.).

Основы теоретической механики изложены в трудах Н. В. Бутенина, В. Г. Вильке, М. М. Гернет, Ю. Ф. Голубева, В. А. Закревского, И. Е. Иродова, Н. А. Кильчевского, М. Н. Кирсанова, В. А. Космодемьянского, А. П. Маркееева, Е. М. Никитина, Ю. Г. Павленко, М. А. Павловского, Н. Н. Поляхова, М. В. Попова, В.JI. Цывильского, А. А. Яблонского и др.

Отдельные работы ученых посвящены вопросам методики преподавания теоретической механики. Большой вклад внесли Н. Н. Бухгольц, Н. Е. Жуковский, Н. Н. Лузин, В. Лебедев, А. П. Минаков и др.

Технологии педагогического процесса рассмотрены в работах М. Благовещенской, П. Буга, Ю. С. Васильева, Б. Т. Лихачева, В. Мануйлова, М. Куприянова, А. Кушнир, В. А. Сластенина, Е. Н. Шиянова, Ю. Г. Фокина и др.

Наконец, разнообразие подходов к организации учебной деятельности студентов представлено в работах А. А. Андреева, И. Л. Беленок, Н. В. Борисовой, А. А. Вербицкого, В. В. Грачева, А. М. Дорошкевич, В. А. Крутецкого, О. П. Окопелова и др.

Методика преподавания общетеоретических и общетехнических дисциплин достаточно сложна, следовательно, должна отличается от методики преподавания других общих дисциплин. Такая методика должна состоять из многих компонентов. В ней должны быть даны ответы на вопросы о том: как читать лекции и проводить практические занятия; как осуществлять промежуточный контроль знаний студентов; в каком виде устраивать зачеты и экзамены; как вести воспитательную работу и т. п. Разумеется, все эти компоненты взаимосвязаны и обсуждать их в отрыве один от другого трудно. К тому же необходимо отметить и тот факт, что для подготовки специалиста высокой квалификации преподаватель особое внимание должен уделять развитию познавательной активности, самостоятельности и профессиональной направленности студента. Для этого необходима такая организация познавательной деятельности студентов, которая обеспечит не только накопление запаса необходимых знаний, но и приведет к умению использования этих способностей в области изучаемой дисциплины при дальнейшем применении в профессиональной деятельности. Для реализации вышеизложенных требований необходимо сформировать соответствующие компетенции, основанные на принципах эффективности и оптимальности учебного процесса.

Методы активизации работы студентов на лекциях

Курс лекций по теоретической механике, также как и по другим общетеоретическим и общетехническим дисциплинам, должен строится таким образом, чтобы показать фундаментальность, целостность и системность данной науки, чтобы углубить и расширить на этой основе теоретическое мышление студента. Этот курс является достаточно важным в системе высшего общенаучного образования. Изучаемый в теоретической механике материал широко используется в дальнейшем студентами при изучении таких дисциплин как: «сопротивление материалов», «теория механизмов и ма-

шин», «детали машин», а также специальных дисциплин: «гидравлика», «электротехника», «строительная механика» и т. п. Поэтому у студентов должны остаться глубокие и прочные знания, приобретенные после изучения курса теоретической механики.

Однако как показывает опыт, традиционное изложение лекций предполагает изложение студентам заранее обработанной информации, окончательных выводов в доступной для них форме. При таком обучении лекции носят объяснительно — иллюстративный характер, рассчитаны на пассивное запоминание и дальнейшее воспроизведение студентом учебного материала. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать эффективность и качество лекционной работы, а также и всего учебного процесса, изыскивать новые приемы и способы активизации познавательной деятельности студентов. Так как в настоящее время основным направлением вузовской методики являются развитие активности и самостоятельности студентов, то, следовательно, для решения таких задач как закрепление и овладение приемами и методами познавательной деятельности студентов, необходимо умение организовать ими свое время. При этом нужно учитывать тот факт, что самостоятельная работа становится эффективной только в том случае, если обеспечивается систематический контроль правильности восприятия, осмысления и усвоения получаемой информации. Для повышения уровня усвоения, контроля правильности восприятия лекционного материала и самостоятельной работы студентов при изучении курса теоретической механики можно предложить два эффективных способа: написание студентами рефератов из истории развития механики и проведение экспресс — контроля преподавателем.

1 способ

На первой (вводной) лекции студентам предлагается написать реферат из истории развития механики о достижениях таких знаменитых ученых как Аристотель, Архимед, Леонардо да Винчи, Николай Коперник, Галилео Галилей, Ньютон, Даламбер, Лагранж и т. д. Студент может представить один реферат, при этом он сам выбирает фамилию ученого из перечисленного состава, о котором будет собирать информацию. Преподаватель указывает сроки, в которые он должен уложиться. Например, приступая на лекциях к изучению динамики (6–7 лекция), необходимо заслушать реферат о достижениях Исаака Ньютона (1643–1727 гг), законы которого лежат в основе этого раздела. Доклады по лучшим рефератам заслушиваются перед началом соответствующей лекции в течение 5–10 минут. Такой вид самостоятельной работы вызывает у студентов большой интерес на лекциях, тем самым, улучшает эффективность усвоения теоретического материала, а также повышает общий кругозор их знаний.

2 способ

В качестве второго способа повышения эффективности усвоения студентами лекционного материала предлагается проведение беглых контрольных вопросов (экспресс — контроля) преподавателем в конце лекции по пройденному материалу. За 10–15 минут до окончания лекции студентам последовательно задаются вопросы, на которые они должны дать письменные ответы. Затем ответы собираются, а лектор, не проверяя их, дает правильные ответы. Таким образом, студенты еще до проверки работ узнают свои результаты. Для проведения экспресс — контроля в него необходимо включать такие вопросы, на которые студенты могут ответить, только усвоив рассмотренный на лекции материал.

Например, контрольные вопросы (экспресс — контроля), данные в конце 11-й лекции, на которой были рассмотрены общие теоремы динамики системы материальных точек (теорема о движении центра масс и теорема об изменении количества движения материальной системы):

1. При каких условиях центр масс системы движется равномерно и прямолинейно?

2. Может ли количество движения системы оставаться постоянным при изменении количества движения отдельных его точек?

3. В чем заключается наибольшая ценность доказанных теорем при решении конкретных задач?

И правильные ответы к ним:

1. Центр масс системы будет двигаться равномерно и прямолинейно, если сумма всех внешних сил, действующих на систему, равна нулю.

2. Так как количество движения системы равно сумме количеств движения отдельных его точек, то при изменении их движения эта сумма может оставаться постоянной.

3. Практическая ценность данных теорем состоит в том, что она позволяет исключить из рассмотрения неизвестные внутренние силы, действующие на систему.

Подобные контрольные вопросы были заданы студентам в конце каждой лекции данного теоретического курса.

Как показала практика применения этого способа, на первых лекциях число положительных ответов на вопросы экспресс — контроля было небольшим и составляло около 10–20% (см. рис.). Происходило это в связи

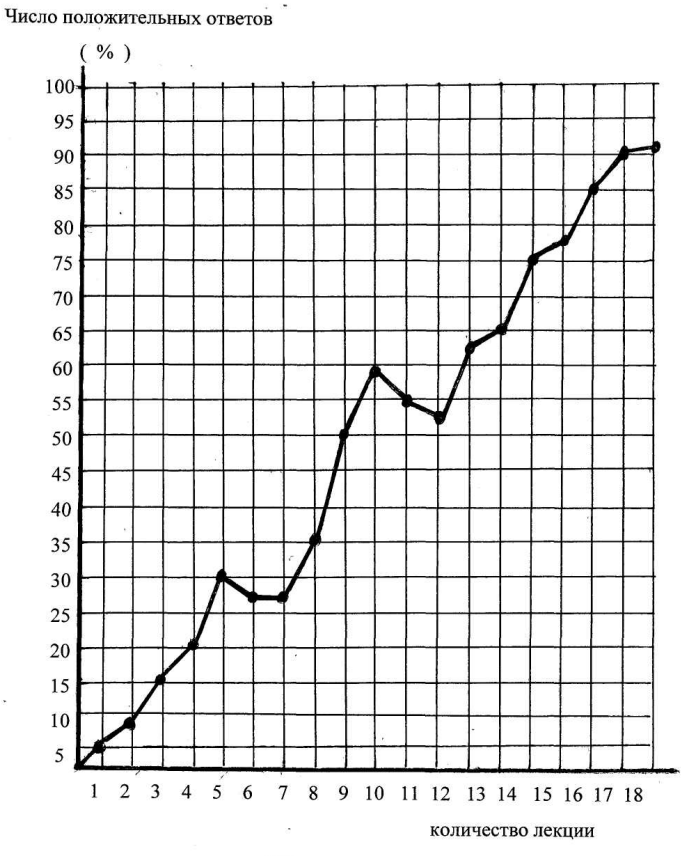

Рис.

График зависимости результатов студентов при проведении экспресс - контроля на лекциях по теоретической механике

с тем, что студенты привыкли пассивно записывать предлагаемый преподавателем материал и не вникать в его суть. Проведение же такого контроля на каждой лекции привело к тому, что внимательность и активность студентов повысилась, и к концу семестра число положительных ответов увеличилось практически на 70%. Резкое увеличение положительных результатов было замечено после 7–8 лекций, затем это увеличение стало постепенным. Объясняется это тем, что студенты стали не просто механически записывать теоретический материал, но и вникать в него, что, в конце концов, вошло у них в привычку.

Из графика видно, что на некоторых лекциях после повышения линии положительных результатов происходят небольшие спады. Это указывает на те лекции, где дается достаточно сложный для восприятия студентов материал, и, следовательно, именно на эти темы необходимо уделять большее внимание, или же преподносить материал в более доступной для студентов форме. Такой способ выгодно отличается от простого опроса, поскольку, во-первых, повышает внимательность студентов, во-вторых, оценивает качество усвоения сложности материала всеми студентами сразу, и, в-третьих, ведет учет посещаемости лекций студентами. Необходимо отметить и тот факт, что в результате такой активизации изучения теоретического материала появляется возможность повышения продуктивности практических занятий.

Вывод

Теоретическая механика не только позволяет объяснить ряд важных явлений в окружающем мире, но и служит научным фундаментом для многих технических дисциплин. Ее методами и приемами пользуются при всех технических расчетах, связанных с проектированием различных сооружений и машин и их эксплуатацией. Помимо важного образовательного значения, изучение теоретической механики играет огромную роль в развитии профессионального мышления техника или будущего инженера. Чем лучше и глубже будут усвоены студентами основные положения теоретической механики, тем легче будет для них переход к продуктивному изучению специальных технических дисциплин, необходимых для инженерной деятельности. В связи с этим, в данной статье для улучшения уровня усвоения и контроля правильности восприятия лекционного материала при изучении курса теоретической механики было предложено два эффективных способа.

Alieva Ilmira Ildarovna,
Center of development of creativity of children and youth of of Neryungri
Алиева Ильмира Ильдаровна,
МБОУ ДОД ЦРТДиЮ г. Нерюнгри, заведующая отделом, методист

The working program of a stazhirovochny course «Groups of short-term stay for unorganized children in establishment of additional education of children»

Рабочая программа стажировочного курса «Группы кратковременного пребывания для неорганизованных детей в учреждении дополнительного образования детей»

В Программе реализации приоритетного проекта «Образование» на 2011–2013 годы отдельно как направление выделена задача обеспечения доступности дошкольного образования. Ее решению должно способствовать:

• повышение квалификации управленческих кадров системы дошкольного образования;

• внедрение во всех субъектах Российской Федерации и муниципалитетах моделей дошкольного образования, обеспечивающих доступность дошкольного образования для всех нуждающихся и полный охват дошкольным образованием всех детей старшего дошкольного возраста.

МБОУ ДОД Центр развития творчества детей и юношества г. Нерюнгри (далее Центр) имеет положительный 10-летний опыт работы групп кратковременного пребывания (далее ГКП) для неорганизованных детей. С 2002 года работают ГКП, которые направлены на решение ряда социально-педагогических задач: раннее и творческое развитие детей, социальная адаптация к детскому коллективу и дошкольному образовательному учреждению, выравнивание стартовых возможностей для поступления в школу, самоопределение детей в дополнительном образовании.

Поэтому, с 5 декабря 2011 года приказом Управления образования Нерюнгринской районной администрации № 486 Центр стал опорным учреждением базового учреждения МБУ «Информационно-методический центр» федеральной стажировочной площадки АОУ РС (Я) ДПО «Института развития образования и повышения квалификации» им. С. Н. Донского (Министерство Образования Республики Саха (Якутия)) по теме «Развитие вариативных форм и моделей муниципальных систем дошкольного образования». Данная работа продлится до 2015 года.

Координатором базового учреждения Алиевой И. И. была разработана Образовательная программа стажировочного курса «Группы кратковременного пребывания для неорганизованных детей в учреждении дополнительного образования детей». Программа составлена на основе требований Федерального Государственного Образовательного Стандарта Высшего профессионального образования по направлению подготовки 050400 психолого-педагогическое образование (приказ от 22 марта 2010 г. N 200).

Цель: повышение профессиональной компетентности специалистов дополнительного и дошкольного образования в сфере работы с неорганизованными дошкольниками в условиях дополнительного образования.

Задачи:

• формировать систему знаний об организационной и нормативно-правовой основе создания ГКП для неорганизованных дошкольников в УДОД;

• формировать систему знаний о цели, задачах, содержании и технологии обучения и образования неорганизованных дошкольников в системе дополнительного образования;

• обучать практическим умениям и навыкам проектирования индивидуального образовательного маршрута неорганизованного дошкольника;

• познакомить с опытом работы МБОУ ДОД ЦРТДиЮ г. Нерюнгри с неорганизованными дошкольниками.

Программа рассчитана на 7 часов. Из них 1 час — теоретическая подготовка, 5 часов — практическая работа и 1 час — анализ деятельности стажеров.

Форма обучения очная. Предусмотрено 7 различных форм организации учебного процесса: лекция, мастер-класс, открытый показ, учебно-практический семинар, видеозанятие, диагностирование, тестирование, диалоговая площадка.

Стажировочный курс будет интересен методистам УДОД, ДОУ, педагогам-психологам, педагогам дополнительного образования, воспитателям, логопедам.

Обучаясь по данной программе, стажер заполняет рабочую тетрадь, в которой отражается ФИО стажера и педагога-наставника, дата прохождения стажировки, полное наименование учреждения, вид деятельности стажера, информация о формах отчетности. Подписывается тетрадь педагогом-наставником стажировки после выполнения аттестационных мероприятий. Рабочая тетрадь является основным отчетным документом стажера.

В ходе проведения стажировки всем слушателям предлагается DVD диск, на котором имеются:

• нормативные документы, регулирующие работу ГКП в учреждениях дополнительного образования детей;

• авторские образовательные программы, реализуемые на ГКП в ЦРТДиЮ г. Нерюнгри;

• методический сборник, в котором предлагается опыт работы педагогов, работающих на ГКП Центра (конспекты занятий, мероприятий, подборки упражнений и т. д.).

• видеоматериалы, отражающие всё содержание данной образовательной программы.

Также слушателям предлагается буклет о деятельности ЦРТДиЮ г. Нерюнгри.

План прохождения стажировки стажер определяет, учитывая свой профиль работы, и согласовывает с координатором в базовом учреждении.

Содержание работы стажера предполагает как пассивные, так и активные формы работы:

• Пассивная стажировка: изучение режима работы ГКП в Центре, изучение нормативно-правового и программно-методического обеспечения, анализ занятий педагогов.

• Активная стажировка: выполнение практических заданий стажировки, отчет, выступление на круглом столе, подготовка письменных отчетных документов по работе на стажировочной площадке.

Учебно-тематический план:

1. «Нормативно-правовые и организационные основы работы с неорганизованными дошкольниками в УДОД». 1 час. Экскурсия «Организация образовательного процесса в ГКП для неорганизованных дошкольников в ЦРТДиЮ г. Нерюнгри». Лекция «Психолого-педагогические особенности неорганизованного дошкольника». Лекция с практическими заданиями «Особенности программно-методического обеспечения образовательного процесса ГКП для неорганизованных детей в УДОД».

Форма отчетности стажера: составление схемы образовательной программы дополнительного образования.

2. «Психолого-педагогическое сопровождение неорганизованных детей раннего возраста (от 1,5 до 3 лет) и их родителей на основе реализации авторской программы «Вместе с мамой». 1 час. Учебно-практический семинар «Особенности организации совместной образовательной деятельности родителей с детьми раннего возраста (1,5–3 лет), не посещающими ДОУ».

Форма отчетности стажера: разработка технологической карты развивающего занятия с детьми раннего возраста и их родителями.

3. «Развитие продуктивной деятельности неорганизованных детей 6–7 лет на основе реализации авторской образовательной программы «Волшебная радуга». 1 час. Мастер-класс «Изготовление декоративной рыбки» (техники рисование пластилином, фломастером, обрывная аппликация).

Форма отчетности стажера: участие в мастер-классе. Составление технологической карты изделия.

4. «Освоения первоначальных представлений социального характера у неорганизованных детей 6–7 лет на основе реализации авторской образовательной программы «Я познаю мир». 1 час. Обсуждение видеозанятия «Пчелы».

Форма отчетности стажера: разработка технологической карты занятия.

5. «Выравнивание стартовых возможностей получения общего образования для неорганизованных детей 6–7 лет на основе реализации авторской образовательной программы «Говоруша». 1 час. Видеокурс с практическими упражнениями «Особенности сенсомоторного развитие на занятиях с неорганизованными дошкольниками».

Форма отчетности стажера: подготовка технологической карты упражнений по сенсомоторному развитию.

6. «Психолого-педагогический консилиум как форма психолого-педагогического и логопедического сопровождения неорганизованных детей 6–7 лет». 1 час. Учебно-практический семинар «Психологическое сопровождение как важное условие выравнивания стартовых возможностей при поступлении в школу неорганизованных дошкольников». Учебно-практический семинар «Коррекционно-развивающая работа по познавательно-речевому развитию неорганизованных детей». Открытый показ — психолого-педагогический консилиум «Мониторинг динамики развития обучающихся групп кратковременного пребывания для неорганизованных дошкольников».

Форма отчетности стажера: разработка индивидуальной карты психологического сопровождения неорганизованного дошкольника. Подготовка технологической карты логопедических упражнений.

7. «Мониторинг результативности стажерской площадки». 1 час. Диалоговая площадка по результатам работы стажерской площадки. Написание рефлексивного отчета.

Форма отчетности стажера: рефлексивный отчет.

Контроль и оценка результатов освоения стажировочного курса осуществляется через:

• составление схемы образовательной программы дополнительного образования;

• разработку технологических карт занятий (на выбор, по профилю работы стажера);

• разработку технологических карт логопедических упражнений, упражнений, направленных на сенсомоторное развитие;

• разработку индивидуальной карты психологического сопровождения неорганизованного дошкольника;;

• рефлексивный отчет.

Итоговая аттестация стажера засчитывается по совокупности выполнения всех форм отчетности на протяжении стажировки, например:

• не менее 3-х видов для педагогов дополнительного образования (схема образовательной программы, технологическая карта занятия и рефлексивный отчет);

• 2-х видов для педагогов-психологов (индивидуальная карта психологического сопровождения ребенка, рефлексивный отчет);

• 2-х видов для логопедов (технологическая карта логопедических упражнений, рефлексивный отчет) и т. д.

С целью мониторинга результативности работы опорного учреждения стажеры пишут рефлексивный отчет, который состоит из трех разделов:

1 раздел — удовлетворенность результатами реализации мероприятий опорного учреждения.

2 раздел — самоанализ на уровень готовности внедрения опыта опорного учреждения в свою педагогическую практику.

3 раздел — рекомендации и пожелания стажера.

В результате реализации стажировочного курса стажер должен обладать следующими **профессиональными компетенциями**:

• готов обеспечить соблюдение педагогических условий развития неорганизованных дошкольников в образовательном учреждении;

• способен участвовать в построении и изменении индивидуальной образовательной траектории неорганизованного дошкольника;

• готов создавать условия, облегчающие адаптацию неорганизованного дошкольника к учебному процессу на начальном этапе обучения в школе;

• способен осуществлять психолого-педагогическое просвещение родителей по вопросам развития неорганизованных дошкольников.

коммуникативными компетенциями:

• способен осуществлять взаимодействие с семьей, специалистами учреждения по вопросам воспитания, обучения и развития неорганизованных дошкольников.

информационными компетенциями:

• способен осуществлять мониторинг результатов образовательной деятельности, психологического и логопедического развития неорганизованного дошкольника, проводить их анализ и корректировку.

правовыми компетенциями:

• готов обеспечить организационную и нормативно-правовую основу деятельности ГКП для неорганизованных дошкольников в УДОД.

Представленная Образовательная программа стажировочного курса прошла апробацию во время проведения Южно-Якутского образовательного Форума «Развитие образования на основе социокультурного подхода» (7–12 октября 2012 года), получила положительные отзывы стажеров и руководителя Центра анализа, экспертизы мониторинга системы образования АОУ РС (Я) ДПО «ИРО и ПК» имени С. Н. Донского II, кандидата педагогических наук Михалёвой О. И.

Almjaschowa Ljudmila,
Kemerovo technological food industry institute, associate Professor of the chair of foreign languages
Shalimova Dina,
Kemerovo technological food industry institute, associate Professor of the chair of foreign languages
Альмяшова Людмила Викторовна,
Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, доцент кафедры иностранных языков
Шалимова Дина Викторовна,
Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, доцент кафедры иностранных языков

Independent student work in a foreign language as an element of competitiveness

Внеаудиторная деятельность по иностранному языку как показатель формирования конкурентоспособности будущего специалиста (из опыта работы)

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью постоянного поиска путей к расширению академического и профессионального признания сегодня студента, завтра специалиста с высокой степенью конкурентоспособности.

В рамках современной образовательной концепции результаты образования оцениваются по степени готовности специалиста к успешному осуществлению деятельности за пределами систем образования.

По мнению экспертов, результаты образования, выраженные на языке компетенций, — это путь к расширению академического и профессионального признания, мобильности и востребованности. Ключевые компетенции, необходимые специалисту, связаны и с личностным успехом.

В качестве фундаментального условия становления конкурентоспособности рассматривается переход личности на более высокий уровень самосознания через саморазвитие с достижением творческой самореализации и неповторимости личности[1].

[1] Роджерс К., Фрейберг Дж. Современный подход к ценностному процессу.//В кн.: Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться./ Пер. с англ. – М.: Смысл, 2002. – с. 153.

Из этого следует, что за время обучения в вузе будущие специалисты должны иметь реальную возможность увеличить свой творческий потенциал жизнереализации за счет развития собственной конкурентоспособности. Актуальными становятся поиски средств и способов, формирующих конкурентоспособность будущих специалистов, прививающих элементы функциональной грамотности и творческого их использования.

Стоящий на стыке общепрофессиональных и специальных дисциплин иностранный язык является той учебной средой, которая позволяет преподавателю не только формировать языковую компетентность студентов, но и моделировать ситуации деятельности, требующие проявления конкурентоспособности.

При обучении иностранному языку большое значение имеет организация внеаудиторной работы по развитию положительной мотивации. Мотивация достижения направлена на желание успеха или избегание неудачи. Формирование мотивации способствует развитию качеств конкурентоспособности специалиста, а успехи, достижения в работе закрепляют интерес и положительную направленность к избранной деятельности[1].

Одной из основных видов мотивации в ходе внеаудиторной работы является инструментальная мотивация, которая развивается на основе чувства радости и удовлетворения от выполнения определенных видов работы. Различные формы внеаудиторной работы способствуют вовлечению преподавателей и студентов в сотворчество[2]. В системе дидактических средств, повышающих эффективность внеаудиторной работы в изучении иностранного языка, наиболее продуктивными являются такие виды работы, как кружки, ориентированные на научно-исследовательскую работу студентов. В ходе работы научно-исследовательского кружка студенты включаются в научно-исследовательскую работу, которая органично сочетается с учебной деятельностью и помогает им овладеть современными методами поиска, обработки и использования информации, в том числе из иноязычных источников, нацеливает на творческую реализацию приобретаемых в вузе знаний, умений и навыков. Таким образом, мотивационная функция (создание положительных мотивов при обучении, активизация мыслительной деятельности, стимулирование инициативности студентов, познавательного интереса к обучению и творческого подхода к делу) становится одной из главных задач внеаудиторной работы.

Научно-исследовательская работа студентов, организуемая системно, в контексте целостного процесса профессионально-личностного становления позволяет эффективно решать задачи подготовки эрудированных, компетентных специалистов[3].

На протяжении ряда лет в нашем технологическом институте пищевой промышленности при кафедре иностранных языков успешно действует научно-исследовательский кружок, объединяющий студентов, изучающих иностранный язык.

Процесс включения студентов во внеаудиторную деятельность по иностранному языку предполагает ряд последовательных и взаимосвязанных шагов, а именно, выявление уровня владения иностранным языком, характер интересов и потребностей студентов, предпочтительную направленность их деятельности, окружающий социум. Эффективность и результативность работы нашего научно-исследовательского кружка зависит и от соблюдения таких условий, как вовлечение обучающихся, независимо от уровня их знаний, сочетание инициативы студентов с направляющей ролью преподавателя, наличие целевых установок и перспектив деятельности, гласность.

Так, выделилась группа ребят из числа российских немцев, сформировался круг студентов, заинтересованных в переводах, исследованиях творческой деятельности немецких поэтов. Участники кружка готовы рассказать историю своего народа на примере своей семьи, родных и близких, выступить на конференции, опубликовать материал, принять участие в работе форума, фестиваля, конкурса. Участие студентов технического вуза в работе научно-исследовательского кружка можно считать практико-ориентированной формой сотворчества преподавателя иностранного языка и студентов. Внеаудиторная деятельность по иностранному языку в форме научно-исследовательского кружка дает возможность принять нестандартные творческие решения, способствующие самореализации творческого потенциала, креативности.

Нами рассматривается творческий потенциал как «совокупность фундаментальных свойств личности, которые интегрируются в ее возможности и, актуализируясь в определенных условиях, способны обеспечивать протекание продуктивной деятельности, в которую включена личность[4].

Креативность рассматривается в педагогической и психологической литературе как творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания, а также как важнейший и относительно независимый фактор одаренности.

Научно-исследовательский кружок является, на наш взгляд, той творческой средой, своеобразным мотивационным механизмом, способствуя проявлении креативности и творческого потенциала молодых людей.

Представим далее в виде таблицы обобщенные данные о результативности участия студентов в работе научно-исследовательского кружка.

---

[1] Сумцова, Н. В. Обеспечение качества образования: пути повышения эффективности учебного процесса: [из опыта государственного Нижегородского коммерческого института]/Н. В. Сумцова, В. Н. Едронова//Высш. образование сегодня. – 2003. – № 6. – С. 31

[2] Дмитриева О. В. К вопросу о новых информационных технологиях в обучении иностранному языку//Материалы международной научно-практической конференции «Молодежь и социальные проблемы Северо-Западного региона» ФГОУ ВПО «МГТУ». – Мурманск: МГТУ, 2009. – С. 11.

[3] Егорченкова Е., Завьялова А., Кравченко А. Формирование самообразовательной компетенции по иностранному языку у студентов неязыкового экономического вуза//Иностранные языки в школе. – 2003 - № 3-С. 13

[4] Гуськова Е. А. Психологические условия реализации творческого потенциала студентов в учебно-воспитательном процессе вуза/Фундаментальные и прикладные исследования. Вестник Белгородского университета потребительской кооперации № 3 (18), Белгород, 2006г.- с. 229

Таблица. Качественно-количественные показатели работы научно-исследовательского кружка

учебный год	кол-во участников			кол-во публикаций статей, тезисов			участие в работе конференций, форумов, фестивалей, конкурсов						награды
							очно			заочно			
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	
2008/09	2	5	7	-	2	2	2	8	10	-	-	-	дипломы — 1; благодарственные письма — 5
2009/10	8	16	24	2	10	12	8	9	17	2	8	10	дипломы — 4; благодарственные письма — 3
2010/11	4	12	16	2	10	12	4	14	14	-	1	1	дипломы — 9; благодарственные письма — 2
2011/12	6	9	15	6	8	14	5	9	14	2	2	4	дипломы — 4

По данным таблицы видно, как меняется количество участников кружка от одного учебного года к другому, что не только у девушек, но и у молодых людей возрос интерес к работе кружка. С 2009/10 учебного года в структуре научно-исследовательского кружка произошло разделение на секции «немецкий язык» и «английский язык», что и повлияло на увеличение числа участников. Надо отметить, что за указанные четыре учебных года расширилась география очного участия студентов в работе различных мероприятий, наши студенты побывали в 7 городах России (Санкт-Петербург, Брянск, Казань, Екатеринбург, Красноярск (два раза), Барнаул (три раза), Томск), а также в Белоруссии (Минск). Очное участие студентов-кружковцев в работе конференций, форумов, фестивалей становится своеобразным творческим отчетом. Награды, полученные за участие в этих мероприятиях, являются, на наш взгляд, наглядным примером мотивации успеха, поддерживающей у молодежи стремление к достижениям и в других сферах деятельности. Положительная динамика практической реализации творческого потенциала студента, как правило, вызывает и симпатии окружающих и рост авторитета в студенческой среде.

Таким образом, научно-исследовательский студенческий кружок при кафедре иностранных языков технологического вуза стал той мотивационной средой, которая служит повышению креативности образовательной деятельности самих преподавателей как немецкого, так и английского языков, а также способствует жизненному и профессиональному самоопределению студентов, развивает индивидуальные особенности личности будущего специалиста.

Список литературы:

1. Гуськова Е. А. Психологические условия реализации творческого потенциала студентов в учебно-воспитательном процессе вуза/Фундаментальные и прикладные исследования. Вестник Белгородского университета потребительской кооперации № 3 (18), Белгород, 2006
2. Дмитриева О. В. К вопросу о новых информационных технологиях в обучении иностранному языку//Материалы международной научно-практической конференции «Молодежь и социальные проблемы Северо-Западного региона» ФГОУ ВПО «МГТУ». — Мурманск: МГТУ, 2009.
3. Егорченкова Е., Завьялова А., Кравченко А. Формирование самообразовательной компетенции по иностранному языку у студентов неязыкового экономического вуза//Иностранные языки в школе. — 2003 — № 3
4. Роджерс К., Фрейберг Дж. Современный подход к ценностному процессу.//В кн.: Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться./Пер. с англ. — М.: Смысл, 2002.
5. Сумцова, Н. В. Обеспечение качества образования: пути повышения эффективности учебного процесса: [из опыта государственного Нижегородского коммерческого института]/Н. В. Сумцова, В. Н. Едронова//Высш. образование сегодня. — 2003. — № 6.

Badashkeev Mihail
Bokhanskij Teachers College, professor of psychology
Бадашкеев Михаил Валерьевич,
Боханский педагогический колледж, преподаватель психологии

Model of psychological competence of future teacher

Модель психологической компетентности будущего педагога

Развитие образования в рамках модернизации среднего профессионального образования определяет требования к будущему педагогу: профессионализм педагога; интеллектуальная развитость; общекультурная развитость; гуманность[1].

В новых условиях педагогические колледжи поставлены перед необходимостью повышения требований к профессиональной компетентности педагога. На современном этапе развития человечества существенно поменялся характер педагогической деятельности. По мнению М. И. Лукьяновой потребность государства в педагогах, способных занять личностно-гуманную

[1] Кучугурова Н. Д. Формирование профессиональной компетентности будущего специалиста//Проблемы и перспективы педагогического образования в XXI веке.- М., 2000

позицию по отношению к воспитанникам и к себе, еще более актуализирует проблему профессиональной компетентности будущего педагога. Особую актуальность тема приобретает в связи с гуманизацией и гуманитаризацией образования[1].

Данная проблема определила необходимость развития психологической компетентности будущего педагога. Наиболее подробно нами были исследованы социально-психологические и интеллектуальные компетентности. М. А. Холодная определяет компетентность как «особый тип организации предметно-специфических знаний, позволяющий принимать эффективные решения в соответствующей области деятельности»[2].

Компетентность — составляющая профессиональную культуру, также может быть общей, допрофессиональной. В качестве компонентов психологической компетентности рассматриваются интегративные психические процессы, психологические умения, эмоционально-волевые комплексы личности. На наш взгляд наиболее эффективным в развитии психологической компетентности будущего педагога являются социальные факторы, сопряженные с учебно-воспитательным процессом[3]. А. Д. Алферов определяет психологическую компетентность как составную часть профессиональной подготовки учителя, которая включает:

— «совокупность знаний, умений и навыков по психологии, четкость позиции в отношении роли психологии в профессиональной деятельности учителя, умение видеть за поведением ребенка состояние его души, уровень развития его познавательных процессов, эмоциональной, волевой сфер, черт характера; способность ориентироваться, оценивать психологические ситуации в отношениях с ребенком или группой детей и избирать рациональные способы общения;

— умение педагогически грамотно в течение долгого времени воздействовать на психику ребенка для его гармоничного развития»[4].

В современных педагогических исследованиях психологическая компетентность рассматривается как система умений, знаний и навыков, которые обеспечивают будущему учителю не только общепсихологическую подготовленность, но и высокий уровень профессионального самосознания, умения управлять своими психическими состояниями. Значительный интерес представляет исследование Н. В. Андроновой. На основе анализа многочисленных источников автор формирует принципиальную позицию, заключающуюся в следующих утверждениях.

Психологическая компетентность:

1) необходима специалистам, работающим в области «Человек-Человек»;

2) всегда опосредована содержанием деятельности специалиста;

3) является частью психологической культуры специалиста и элементом его профессионализма;

4) это своеобразный личностный инструментарий специалиста, обеспечивающий эффективное выполнение его профессиональной деятельности;

5) содержит два блока: интеллектуальный (когнитивный — психологические знания и психологическое мышление) и практический (действенные психологические умения и навыки)[5].

При многочисленных точках зрения на содержание психологической компетентности их объединяет включение в структуру психологической компетентности знаний и умений психологической теории и практики; понимание психологической компетентности в качестве условия профессионализма педагога.

На основании вышеизложенного, можно определить что, психологическая компетентность учителя должна рассматриваться как неотъемлемая составляющая профессиональной компетентности педагога. При этом под психологической компетентностью мы понимаем интегративное многоуровневое личностное образование, основанное на положительных мотивах выбора профессии, совокупности системных знаний, умений и навыков, практического опыта, рефлексивной деятельности, диалогической культуры, выражающееся в теоретической и практической готовности и способности специалиста к эффективному осуществлению педагогической деятельности.

Психологическая компетентность проявляется:

— в умении диагностировать и использовать диагностический материал, проектировать и направлять индивидуальное развитие учащегося;

— в способности оказывать психолого-педагогическую помощь в сложные периоды его жизни;

— в владении навыками психолого-педагогического общения;

— в потребности в профессиональном и личностном саморазвитии, а также к стремлению познания бытия.

Нами были разработаны математические модели процесса развития психологической компетентности. Отбор основных компонентов осуществлялся в соответствии с процедурой Катбела, где для дальнейшей работы были определены компоненты с собственным числом ($л_i \geq 1$).

Пути развития психологической компетентности, выражены в уравнениях:

— диагностическая компетенция:

$$\mathbf{Ш_{К1} = 1{,}3U + 0{,}76\ A,} \qquad \mathbf{(1)}$$

где **U** — умение диагностировать и использовать диагностический материал,

A — умение анализировать и направлять психическое развитие учащегося.

— коммуникативная компетенция:

$$\mathbf{Ш_{К2} = Р_{ОБ} + 43\ К_{Н},} \qquad \mathbf{(2)}$$

---

[1] Лукьянова М. И. Психолого-педагогическая компетентность учителя//Педагогика, 2001, № 10

[2] Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Спб., 2002.

[3] Бадашкеев М. В. Особенности развития личности будущего педагога средствами психолого-педагогической подготовки: Монография. - Иркутск: Изд-во БГУЭП 2009

[4] Алферов А. Д. Опыт и проблемы повышения психологической компетентности учителя//Вопросы психологии. 1999. № 4.

[5] Андронова Н. В. Умение разрабатывать психолого-педагогические рекомендации как компонент психологической компетентности учителя. Автореф. дис. канд. пед. наук. Казань, 2000.

где $\mathbf{Р}_{\text{ОБ}}$ — владение навыками педагогического общения,
$\mathbf{К}_{\text{Н}}$ — коммуникативные навыки, способности.
— **компетенция личностного самосовершенствования:**

$$\mathbf{Ш}_{\text{К 3}} = \mathbf{0{,}1Ц + 0{,}76\ К}_{\text{К}} + \mathbf{О}_{\text{К}} \quad (3)$$

где **Ц** — ценностно-смысловой компонент,
$\mathbf{К}_{\text{К}}$ — когнитивный компонент,
$\mathbf{О}_{\text{К}}$ — операциональный компонент,
— психолого — консультирующая компетенция:

$$\mathbf{Ш}_{\text{К 4}} = \mathbf{0{,}75D}_{\text{ОБ}} + \mathbf{2{,}4U}_{\text{К}} + \mathbf{0{,}75V}_{\text{КРМ}} \quad (4)$$

где $\mathbf{D}_{\text{ОБ}}$ — владение навыками диалогического общения,
$\mathbf{U}_{\text{К}}$ — умение вести психолого-педагогическую консультацию,
$\mathbf{V}_{\text{КРМ}}$ — владение навыками коррекционно-реабилитационных методов.

Таблица 1

Основные статистические характеристики математической модели психологической компетентности

№	Наименование характеристики					
	Коэффициент множественной корреляции	Критическое значение коэффициента множественной корреляции = 0,01	Коэффициент детерминации	Критерии Фишера	Табличное значение критерии Фишера	Средняя ошибка аппроксимации Е%
1	0,71	0,4	0,31	4,1	2,31	7
2	0,77	0,4	0,39	4,3	2,31	4,07
3	0,65	0,4	0,42	4,2	2,31	7,5
4	0,78	0,4	0,61	5,4	2,31	6,6

Коэффициент детерминации свидетельствует о достаточной точности моделей. Проверка адекватности полученного уравнения регрессии осуществлена по F-критерию и средней ошибки аппроксимации. Так как отношение Фишера больше табличного значения F (4,1; 4,3; 4,2; 5,4), то с вероятностью 98,7% можно утверждать, что построенные уравнения достаточно адекватно описывают исследуемый процесс, что подтверждается и средней ошибкой аппроксимации, которая для данных моделей лежит в пределах 3%.

Для дальнейшего изучения психологической компетенции мы условно определили три группы по 30 человек. В первой группе студенты Боханского педагогического колледжа, во второй группе студенты Боханского филиала Бурятского государственного университета, в третьей группе педагоги с педагогическим стажем более 5 лет. При проведении нашего исследования мы использовали следующие методики: личностный опросник FPI; анкета ценностных ориентаций Рокича; методика экспресс-диагностики педагогической направленности (МЭДПНАУ); анкета диагностики уровня развитости психологической компетентности М. В. Бадашкеева.

Диагностическая компетенция: Рассматривая основные компоненты **U** — умение диагностировать и использовать диагностический материал, **А** — умение анализировать и направлять психическое развитие учащегося мы выяснили, что всего 32% педагогов владеют диагностирующим инструментарием, у студентов университета — 42%, а у студентов педколледжа значительно выше — 69%. Компонент **А** у всех респондентов примерно равный и колеблется в пределах 64–70%. Данное противоречие объясняется тем, что респонденты в педагогическом взаимодействии производят концентрацию на чувственно-эмоциональном уровне, но при этом фактическое психологическое состояние учащегося не учитывают. Особенно большое расхождение в группе педагогов, т. к. большинство педагогов — стажистов считают, что диагностический инструментарий не совсем точно определяет пути психического развития учащихся, а наиболее правильным является интуитивное формирование и развитие личности. Схожая тенденция наблюдается в исследованиях М. Б. Калашниковой[1].

Коммуникативная компетенция: Компоненты коммуникативной компетенции ($\mathbf{Р}_{\text{ОБ}}$ — владение навыками педагогического общения, $\mathbf{К}_{\text{Н}}$ — коммуникативные навыки, способности) требуют более детального изучения, так как оба компонента имеют глобальную содержательную основу и в дальнейшем будут анализироваться по двум направлениям: с позиции педагога и с позиции ученика. Сами педагоги оценили свою коммуникабельность и коммуникативные навыки на 86%, а уровень педагогического общения на 52%. Виденье учеником компонентов коммуникативной компетенции педагога выявляли с помощью личностного опросника FPI, методики «Психологический портрет», согласно которым выяснили, что уровни педагогического общения, коммуникативные навыки, способности у педагогов намного ниже: $Р_{\text{ОБ}}$ — 38%, $К_{\text{Н}}$ — 41%. При этом 56% студентов отметили проявление вербальной агрессии у педагогов, 31% студентов данную агрессию принимают как норму педагогического поведения.

В группе студентов педколледжа коммуникабельность, коммуникативные навыки 67%, а уровень педагогического общения 26% такое низкое оценивание своих возможностей компенсируется данным учащихся базовой начальной школы. Оценили уроки студентов и самих студентов довольно высоко: $Р_{\text{ОБ}}$ — 88%, $К_{\text{Н}}$ — 65%. При дополнительном опросе младшеклассников, мы выяснили, что детям нравится позитивное отношение студентов практикантов и по внешнему фактору воспринимают будущих педагогов намного ярче.

Компетенция личностного самосовершенствования: Из анализа психолого-педагогической теории и практики мы определили следующие компоненты: **Ц** — ценностно-смысловой компонент, $\mathbf{К}_{\text{К}}$ — когнитивный компонент, $\mathbf{О}_{\text{К}}$-операциональный компонент. Опрос педагогов показал, что компетенция личностного самосовершенствования на высоком уровне у 82–87% студентов педколледжа и студентов филиала БГУ. Осознание будущей деятельности, цели жизни, познание внутреннего «Я»

[1] Калашникова М. Б. Формирование психологической компетентности педагога//Педагогика, 2009, № 2.

и философского предназначения педагогической деятельности значительно выше у студентов филиала Ң – 78%, а студентов педколледжа 43%. Даная разница на наш взгляд объясняется тем, что студенты университета наиболее осознано подошли к выбору профессии и возраст здесь играет важную роль в мировоззренческом восприятии бытия.

Когнитивный компонент — $\mathbf{K}_{\text{К}}$ содержащий гуманитарные, психолого-педагогические, культуроведческие знания, обеспечивающие построение планов, программ и способов саморазвития в нашем исследовании у студентов филиала выше $\mathbf{K}_{\text{К}}$ –64%, а у студентов колледжа 43%. На данный компонент больше влияют социальные условия, следовательно, педагогизация образовательной среды наиболее эффективна в развитии психологической компетентности будущих педагогов.

$\mathbf{O}_{\text{К}}$ — операциональный компонент, содержащий волевую концентрацию на саморегуляцию, самоорганизацию, саморазвитие. Рассматривая данные элементы, мы в среднем у студентов филиала и педколледжа определили –54%.

Психолого-консультирующая компетенция: При рассмотрении компонентов математической модели мы использовали вышеуказанный диагностический инструментарий, а также для определения компонента $\mathbf{V}_{\text{КРМ}}$ ($\mathbf{V}_{\text{КРМ}}$ — владение навыками коррекционно-реабилитационных методов) мы дополнительно провели беседу по некоторым пунктам анкеты диагностики уровня развития психологической компетентности для уточнения и конкретизации компонентов модели. Проведенные исследования у педагогов показали, что владение навыками коррекционно-реабилитационных методов низкие, а также уровни самооценки занижены и данный компонент варьируется в пределах 7–12%. Студенты филиала и педколледжа показали довольно высокие результаты 21%; 34%. Количественные показатели по следующим компонентам значительно выше у педагогов $\mathbf{D}_{\text{ОБ}}$=46%; $\mathbf{U}_{\text{К}}$ = 35%; у студентов филиала $\mathbf{D}_{\text{ОБ}}$=43%; $\mathbf{U}_{\text{К}}$ = 41%; студенты педколледжа показали следующие данные $\mathbf{D}_{\text{ОБ}}$=39%; $\mathbf{U}_{\text{К}}$ = 27%;.

Анализ психолого-педагогической теории и практики, а также полученные эмпирические данные позволили определить следующие **пути развития психологической компетентности:**

— Развитие у студентов позитивного восприятия педагогической деятельности в учебно-воспитательном процессе, обеспечивающее устойчивость компонентов концепции «Я — будущий учитель».

— Проектирование учебно-исследовательской деятельности, направленной на развитие психологической компетентности.

— Педагогизация образовательной среды, направленной на развитие психологической компетентности.

Профессиональное становление будущих педагогов в процессе психолого-педагогической подготовки в Боханском педагогическом колледже выходит на совершено новый уровень, позволяющий успешно реализовать программы по развитию личности будущего педагога, педагогизации образовательной среды, развитию психологической компетентности.

Список литературы:

1. Алферов А. Д. Опыт и проблемы повышения психологической компетентности учителя//Вопросы психологии. 1999. № 4.
2. Андронова Н. В. Умение разрабатывать психолого-педагогические рекомендации как компонент психологической компетентности учителя. Автореф. дис. канд. пед. наук. Казань, 2000.
3. Бадашкеев М. В. Особенности развития личности будущего педагога средствами психолого-педагогической подготовки: Монография. — Иркутск: Изд-во БГУЭП 2009.
4. Калашникова М. Б. Формирование психологической компетентности педагога//Педагогика, 2009, № 2.
5. Кучугурова Н. Д. Формирование профессиональной компетентности будущего специалиста//Проблемы и перспективы педагогического образования в XXI веке.- М., 2000.
6. Лукьянова М. И. Психолого-педагогическая компетентность учителя//Педагогика, 2001, № 10.
7. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Спб., 2002.

Leonora Bachurina — postgraduate of Chelyabinsk State Pedagogical University general pedagogics department, lecturer of special courses at Budget Organization of Special Education Khanty-Mansi Autonomous Okrug college-boarding school Art Center for Gifted Children of North", a member of Russian Artist's Creative Union

Elena Bystray — professor of Chelyabinsk State Pedagogical University, Ph. D. in Pedagogics

Леонора Викторовна Бачурина – аспирант кафедры общей педагогики ЧГПУ, преподаватель специальных дисциплин БУСПО ХМАО-Ю к-и «Центр искусств для одарённых детей севера» г. Ханты-Мансийск, член творческого союза художников России.

Елена Борисовна Быстрай – Профессор, ЧГПУ зав кафедры, доктор педагогических наук

A theoretical analysis of pedagogical conditions of regional art use in forming artistic and aesthetic competence of a gifted teenager

Теоретический анализ педагогических условий использования искусства региона в формировании художественно-эстетической компетентности одаренного подростка

Успешность использования этнопедагогического потенциала искусства региона в формировании художественно-эстетической компетентности подростков во многом будет зависеть от выбора и реализации в образовательном учреждении определеных организационно-педагогических условий. Одним из них в рамках нашего исследования выступает целесообразность разработки и внедрения в учебно-воспитательный процесс социально ориентированных ситуаций. При разработке социально ориентированных ситуаций нами использовались технологии ролевого взаимодействия. Усвоенные на занятиях знания об искусстве региона, а также художественные умения и навыки выступают уже не в качестве того предмета,

на который направлена активность подростка, а в качестве средства решения определенной художественно-эстетической проблемы многонационального общества.

Организация ролевого взаимодействия направлена на подготовку учащихся к переходу от учебного типа деятельности к социальному. В учебном ролевом взаимодействии воссоздается предметное и социальное содержание жизни современного этноса. Основу технологии учебного ролевого взаимодействия составляет создание в образовательном процессе социально ориентированных ситуаций, дающих возможность каждому подростку «прожить» роли разных участников поликультурного общества и принять решение с максимальным учетом интересов всех взаимодействующих сторон. Умение рассматривать ситуацию с разных позиций способствует будущей успешной деятельности учащихся в процессе межэтнической коммуникации на основе этнокультурной компетентности. В ходе учебного ролевого взаимодействия каждый подросток принимает решения, целенаправленно приобретает этнокультурный опыт, оценивает себя и своих коллег в новом качестве в определенной межкультурной ситуации. Учащиеся включаются в ролевое взаимодействие в ситуациях, имитирующих реальный процесс этнокультурной жизни. При этом они должны понять, насколько предложенные ситуации являются типичными для современного социума, рассмотреть множество возможных вариантов их решения, выбрать оптимальный с учетом общечеловеческих ценностных приоритетов. Такая технология обучения направлена на становление ценностно-смысловой установки личности, являющейся базовой составляющей художественно-эстетической компетентности.

Технология учебного ролевого взаимодействия воплощает принцип последовательного моделирования в учебной деятельности школьников целостного содержания и условий окружающего этнокультурного пространства. Социально ориентированные ситуации направлены на решение следующих задач:

— конкретно-познавательной: формирование у подростков готовности находить возможные пути решения разнообразных этнокультурных проблем и выбирать из них оптимальный;

— коммуникативно-развивающей: формирование умения анализировать ситуацию с позиций различных участников современного многонационального социума, придавать взаимодействию конструктивный характер, находить пути гармонизации конфликтных состояний;

— социально-ориентационной: формирование у учащихся этнокультурной позиции, обеспечивающей им ориентацию и полноценное функционирование в современном многонациональном социуме на основе общечеловеческих ценностей.

В социально ориентированных ситуациях целесообразно использовать интерактивные методы обучения: анализ этнокультурных ситуаций, дискуссии, деловые игры по созданию межкультурных ситуаций общения, решение этнокультурных задач.

Технологическим механизмом в системе социально ориентированных ситуаций выступает цепочка следующих действий.

Первый этап, оценочно-деятельностный, — включение подростков во взаимодействие с исполнением этнокультурных ролей для формирования готовности и умения оценивать этнокультурную ситуацию с разных социальных позиций.

Второй этап, диагностически-коррекционный, — выявление предпочитаемого стиля межкультурного общения, включение учащихся во взаимодействие с исполнением динамических ролей (инициатор, критик, соглашатель, спорщик, организатор) для коррекции стиля взаимодействия.

Третий этап, продуктивно-деятельностный, — включение во взаимодействие с исполнением константных ролей на новом качественном уровне для формирования умений организации конструктивного взаимодействия, нахождения путей решения этнокультурных проблем на основе общечеловеческих ценностей.

Каждое занятие содержит следующие структурные компоненты: постановку этнокультурной проблемы, распределение подростками ролей в группе, обсуждение и решение проблемы, презентацию решения.

Следует подчеркнуть, что при оценивании работы каждой группы оценке подлежит не только результат, но и процесс выработки решения, умение учащихся продуктивно взаимодействовать.

Возрастные особенности детей подросткового возраста способствуют наиболее активному усвоению, присвоению образцов поведения и деятельности. В этом возрасте дети открыты к восприятию этнокультурных образцов, они стремятся к освоению нравственных ценностей и мотивационно готовы к этому. Вместе с тем дети испытывают большие трудности в самостоятельном осмыслении и усвоении нравственных норм из-за ограниченных условий, которые им предоставляет социальная среда. И в этом отношении эт- некультурные традиции выступают реальным регулятором развивающегося самосознания и поведения подростка.

Усвоение человеческой культуры и нравственных норм не дается учащемуся легко, оно требует усилий и времени. Взаимодействие с окружающим миром предполагает выработку двух основных позиций школьника: созерцательно-познавательной и активно-преобразовательной. Такое взаимодействие осуществляется через организацию всех видов деятельности школьника. Особое значение приобретает эстетико-познавательная деятельность, направленная на художественное освоение общечеловеческих и социальных ценностей мира, на осознание личностной причастности к происходящим в мире событиям, делающая школьника субъектом формируемых этнокультурных отношений.

Для развития у подростков художественно-творческого освоения окружающего художественно-эстетического пространства важно, чтобы воображение формировало у подрастающего человека умение видеть мир глазами других людей. По Э. В. Ильенкову, «уметь смотреть на окружающий мир глазами другого человека значит, в частности, уметь «принимать близко к сердцу» интерес другого человека, его запросы к действительности, его потребность. Это значит уметь сделать всеобщий «интерес» своим личным и личностным интересом, потребностью своей индивидуальности, ее пафосом[1]. Такое умение становится основой нравственного содержания и творческого отношения к художественно-эстетической действительности.

Искусство имеет значительный развивающий потенциал, так как не только стимулирует ведущие познавательные процессы, но и помогает ребенку осознать систему своих отношений и нравственных представлений. В процессе художественной деятельности подросток невольно проявляет свое собственное видение мира, раскрывает свой духовный мир и личностный взгляд на окружающее, размышляет, переживает, сочувствует. Для эффективной организации обучения и воспитания

[1] Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. - М.: Наука, 1972. - Вып. 2.-362 с.

учащихся на этнокультурном материале важно учитывать возрастные возможности и особенности художественного восприятия подростка.

Художественное восприятие — процесс чрезвычайно сложный и многоаспектный. Он включает объединение в сознании воспринимающего огромного количества различных элементов, принадлежащих к разным уровням, системам и качественно своеобразных:

— связь с предшествующим опытом (апперцепция) делает результат восприятия зависящим не только от свойств объекта, но и от свойств воспринимающего субъекта; следовательно, есть качественные различия в художественном восприятии профессионалов и непрофессионалов, ребенка и взрослого, индивидуальные отличия;

— временная природа искусства диктует необходимость воспринимать одновременно непрерывный поток и его отдельные точки (единство континуальности и дискретности); установление закономерностей различных сочетаний континуального и дискретного представляет собой проблему, связанную как с наиболее сложными механизмами индивидуальной психики, так и с содержанием и строением художественных произведений;

— формирование в массовом сознании предпочтений в восприятии искусства разной степени сложности (так называемой серьезной и так называемой легкой) является одной из кардинальных социокультурных проблем[1].

Для нас чрезвычайно значимы исследования, связанные со сферой бессознательного восприятия искусства (К. Г. Юнг, З. Фрейд, К. Прибрам и др.) В настоящее время сфера бессознательного в психологии, в том числе художественной, становится предметом пристального внимания не только психологов, но и педагогов. Так, А. В. Торопова провела диагностику особенностей бессознательного восприятия искусства детьми на основе архетипического подхода.

Она отмечает, что помимо индивидуального бессознательного психологи выделяют коллективное бессознательное, которое применительно к восприятию произведений искусства находит выражение в архетипах. Теория архетипов коллективного бессознательного принадлежит К. Г. Юнгу. Изучая и сравнивая психологические свойства смысла в различных измененных состояниях сознания, точнее, проявлениях бессознательного (сновидения, мифотворчество, транс, гипноз, медитации, творческие озарения), он обнаружил повторяющиеся образы и сюжеты, имеющие между собой глубинное родство. Причем эти образы и сюжеты возникали в далеких друг от друга культурах, имеющих разный уклад и традиции.

Эти первообразы (праобразы), находящиеся в коллективном бессознательном разных народов, К. Г. Юнг назвал *архетипами.* Они являются носителями бессознательной функции смыслообразования и на их основе формируется личностный миф воспринимаемого в искусстве.

Материалы данного исследования основаны на признании огромной роли бессознательного в процессах восприятия искусства. Имея примерно равные художественные способности, дети совершенно по-разному готовы к встрече с искусством. Исследование показывает важность установления индивидуально-смысловых отношений с искусством для становления целостной личности.

Особенности художественного восприятия в подростковом возрасте обусловливают необходимость реализации системно-целостного поэтапного подхода к изучению материала (образно-содержательного, исследовательского, созидательного), обеспечивающего обогащение чувственного опыта подростков по восприятию произведений искусства разных народов; осознание ценностей своей и другой культуры; утверждение новых нравственных ценностей как личных идеалов. Данный подход выступает одним из условий формирования художественно-эстетической компетентности подростков на материале искусства региона.

Современные тенденции в мире определяют процессы в педагогических системах: это соединение в одно целое человека и природы, науки и искусства, чувства и разума, отражающее осмысление человеком необходимости гармонизации своего существования. Реализация в практике общеобразовательной школы этих процессов предполагает наличие системы воспитания как единства национального и общечеловеческого, нравственного и художественного, воспитания, осуществляемого в специально организованной культурной среде.

Таким образом, результативность формирования художественно-эстетической компетентности подростков во многом будет зависеть от организации этнохудо- жественной образовательной среды на микро-, мезо- и макроуровнях, актуализирующих становление этнической идентичности каждого учащегося, позволяющих подросткам прочувствовать и воспринять нравственные истоки окружающего этнокультурного пространства. Этнокультурный опыт располагает большими возможностями вхождения в современную образовательную систему.

Leonora Bachurina — postgraduate of Chelyabinsk State Pedagogical University general pedagogics department, lecturer of special courses at Budget Organization of Special Education Khanty-Mansi Autonomous Okrug college-boarding school "Art Center for Gifted Children of North", a member of Russian Artist's Creative Union

Elena Bystray — professor of Chelyabinsk State Pedagogical University, Ph. D. in Pedagogics

A theoretical analysis of pedagogical conditions of regional art use in forming artistic and aesthetic competence of a gifted teenager

Success of the use of ethnically pedagogical potential of regional art in forming teenagers' artistic and aesthetic competence will depend on organizational and pedagogical conditions chosen by educational institution. Appropriateness of development and implementation of socially oriented situations in educational process is one of them. Developing socially oriented situations we used technologies of role interaction. Knowledges mastered in regional art class, and also artistic abilities and skills act not as that object which teenager's activity directed at but as a kind of solution to a certain artistic and aesthetic problem in multinational society.

[1] Зимняя И. А. Компетентность человека - новое качество результата образования. http://www.bigpi.biysk.ru/wwwsite/source/no/barnaul/material-barnaul/aktual-vopros/2–3/kniga_2/kniga_2.doc

Organisation of role interaction is directed towards preparation of a student to pass from the educational type of activity to social. Subject and social content of a modern people's life is recreated in educational role interaction. The basis of educational role interaction technology is formed with socially oriented situations which make it possible for every teenager to play a role of a different participant of multicultural society and make with a maximal account interests of all interactive sides. Ability to examine a situation from different positions contributes to future successful activity of a student in the process of interethnical communication on the basis of ethnic and cultural competence. During the educational role interaction every teenager makes decision, purposefully gains ethnic and cultural experience, estimates themself and the colleagues in a certain intercultural situation. Students join for the role interaction in situations imitating the real process of ethnic and cultural life. They must understand to what extent the offered situations are typical for a modern society, consider the great number of possible variants of their decision, choose the best one taking into account universal values. Such technology of teaching is directed towards formation of the valued-notioal set of personality which is a basic component of artistic and aesthetic competence.

Technology of educational role interaction for students embodies the principle of consistent modelling of a holistic approach and conditions of surrounding ethnical and cultural space. Socially oriented situations are directed towards solution to the followings tasks:

— concrete and cognitive: forming teenagers' willingness to find the possible ways of solution to various ethnic and cultural problems and choose the best one;

— communicative and developmental: the formation of ability to analyse a situation from the point of view of different participants in modern multinational society, to attach structural character to interaction, to find the ways of harmonization of conflicts;

— socially oriented: forming students' ethnic and cultural position, providing them an orientation and valuable functioning in a modern multinational society on the basis of universal values.

In the socially oriented situations it is advisable to use interactive methods of teaching: analysis of ethnic and cultural situations, discussions, business games to create intercultural communicative situations and to solve ethnic and cultural tasks.

The chain of the following actions is a technological mechanism in the system of the socially oriented situations.

The first stage is assessment of activity joining teenagers for the role interaction with execution of ethnic and cultural roles for forming of readiness and ability to estimate an ethnic and cultural situation from different social positions.

The second stage, diagnostically correctional, is a detection of a preferable style of an intercultural communication, joining students for interaction with execution of dynamic roles (initiator, critic, compromiser, disputant, organizer) for the correction of communication style.

The third stage, efficiently active, is role interaction with execution of constant roles at a new high-quality level for forming abilities of organization of a constructive interaction, finding the ways of solution to ethnic and cultural problems on the basis of universal values.

Every activity consists of the structural components: presentation of ethnic and cultural problem, distribution of roles in teenagers' group, discussion and solution to the problem, presentation of its solution.

It should be emphasized that while estimating the work of every group, we should estimate not only the results but also decision-making, the ability of students to interact efficiently.

The age features of teenagers contribute to the most active mastering, appropriation of behaviour standards and activity. At this age children are opened to perception of ethnic and cultural standards, they aspire to mastering of moral values and they are ready for it. At the same time children have difficulties in understanding and mastering moral norms because of restrictions provided by society. And in this case ethnic and cultural traditions act as a real regulator of developing consciousness and behaviour of teenager.

It is not easy for a student to adopt human culture and moral norms, it requires efforts and time. Interaction with environment supposes making of two principals for a schoolboy: contemplative-cognitive and active-converting. Such interaction is carried out through organization of all types of a students' activity. A particular meaning has aesthetic and cognitive activity directed to artistic adoption of social and universal values, to recognition of personal involvement in the world events. Due to this type of activity the student becomes the subject of ethnic and cultural relations.

It is important for teenagers' development of creative mastering of artistic and aesthetic surrounding to see the world through the eyes of another person. According to E. V. Ilyenkov, «to be able to look at the environment through the eyes of another person means to take to heart another person's interests, their needs. It means to turn a common «interest» into personal interest, the necessity of your own individuality, its pathos[1] [99, p. 241]. Such ability becomes the basis of moral content and creative attitude toward artistic and aesthetic reality.

Art has a considerable developing potential, because not only stimulates leading cognitive processes but also helps to a child to realize the system of the relations and moral notions. In the process of artistic activity teenagers show their own vision of the world involuntarily, reflect, sympathize, worry and reveal their own spiritual world and personal look at surrounding. It is important to take into account age possibilities and features of artistic perception of teenager to educate students on the basis of ethnic and cultural material.

Artistic perception is a very difficult and multidimensional process. It includes a combination of different and original elements in consciousness which belongs to different levels and systems:

— because of connection with previous experience (apperception), the result of perception depends not only on properties of the object but also on properties of the subject which perceives; consequently, there are distinctions in artistic perception of professionals and amateurs, children and adults, individual differences;

— temporal nature of art demands a simultaneous perception of a continuous stream and its separate points (unity of continuum and discrete); establishment of conformities of different combinations of contiuum and discrete is a problem related both to the most difficult mechanisms of individual state of mind and to content and structure of artistic works;

— forming in mass mind preferences in art perception of different levels of complexity (so-called serious and easy) is one of cardinal socially cultural problems[2].

[1] Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. - М.: Наука, 1972. - Вып. 2.-362 с.

[2] Зимняя И. А. Компетентность человека - новое качество результата образования. http://www.bigpi.biysk.ru/wwwsite/source/no/barnaul/material-barnaul/aktual-vopros/2–3/kniga_2/kniga_2.doc

Researches connected with unconscious art perception are significant for us (K. G. Jung, S. Freud, K. Pribram and others). Nowadays the sphere of unconscious in psychology becomes the object of intent attention of both psychologists and teachers. So, A. V. Toropova studied the features of children's unconscious art perception on the basis of archetypal approach.

She marks that besides individual unconscious psychologists select collective unconscious, which is being applied to perception of works of art finds its expression in archetypes. Theory of archetypes of collective unconscious belongs to K. G. Jung. Studying and comparing psychological properties of sense in different states of consciousness, more precisely, in displays of unconscious (dreams, mythes, trance, hypnosis, meditations, flashes of inspiration) he discovered repeated images and subjects, having between itself a deep cognation. Thus these appearances and subjects appeared in distant cultures which had different lifestyle and traditions.

K. G. Jung named these prototypes (preimages) being in collective unconscious of different people as archetypes. They are the bearers of unconscious function of sense formation and on their basis a personal myth perceived in art is formed.

Materials of this research are based on acceptance of enormous role of unconscious in the processes of art perception. Having the same artistic abilities, children perceive art in different ways. Research shows the importance of establishment of individual and notional relationships with art to become a holistic person.

Peculiarites of teenagers' artistic perception cause the necessity of realization of the system-integral step-by-step approach to study of material (image-bearing, research, creative) providing enrichment of teenagers' sensory perception of art of different nations; recognition of values both of national and different culture; adoption of new moral values as personal ideals. This approach is a condition of forming artistic and aesthetic teenagers' competence on the material of regional art.

Modern tendencies determine processes in pedagogical systems. These are combination into one of people and nature, science and art, sense and mind, reflecting the understanding of necessity to harmonize people's existence. Realization of these processes in comprehensive school supposes the presence of education system as a unity of national and universal, moral and artistic, education carried out in specially organized cultural environment.

Thus, effectiveness of forming teenagers' artistic and aesthetic competence will depend on organization of ethnic and artistic education system on micro-, mezo- and macrolevels which actualize becoming of ethnic identity of every student allow teenagers to feel and perceive the moral sources of ethnic and cultural environment. Ethnic and cultural experience has a big potential to include in a modern education system.

Список литературы:

1. Акулова О. В. Ключевые компетенции как цель и результат современного образования//Модернизация педагогического образования в Сибири и перспективы: Сб. науч. ст. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002.
2. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества//Расы и народы. — М.: Наука, 1972. — Вып. 2.-362 с.
3. Введение в научное исследование по педагогике: уч. пособие для студентов пед. ин-тов/Под ред. В. И. Журавлева. — М.: Просвещение, 1988.
4. Веккер Л. М. Психические процессы. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
5. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального исследования. — М.: Педагогика. 1986.
6. Зыков В. В. Социальный институт профессионального образования и регион: монография в 2 ч. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001.
7. Зимняя И. А. Компетентность человека — новое качество результата образования. http://www.bigpi.biysk.ru/wwwsite/source/no/barnaul/material-barnaul/aktual-vopros/2–3/kniga_2/kniga_2.doc
8. Ибрагимова Л1.А. Формирование духовного мира школьников на традициях народной педагогики ханты и манси: дис. … канд. пед. наук. — М., 1995.
9. Ключевые компетенции 2000. Программа OCR, RECOGNISING ACHIEVMENT. Oxford Cambridge and RSA Examinations.
10. Кюнкрикова И. В. Воспитание на основе народных традиций в содержании регионального компонента образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. — М., 2003.
11. Ландшеер В. Концепция «минимальной компетентности»//Перспективы: вопросы образования. — 1988. — № 1.

Bobrova Lyudmila
National mineralischer Universität «Berg»,
Dozent für informatik und Computertechnik Smirnova Natalya
Stellvertretender Generaldirektor der OAO «Lenstroymaterialy»

Methodische Aspekte der Bildung von Gruppen bei der Organisation der Durchführung der praktischen übungen für die Remote-Publikum

In den modernen Bedingungen steigen die Anforderungen an die Vorbereitung der Fachkräfte der Lage, im Wettbewerb auf dem Arbeitsmarkt. Die Ausbildung sollte sich das Niveau von Wissenschaft und Technik, darüber hinaus, der Auszubildende sollte bereit sein, für die Notwendigkeit der Steigerung Ihrer Qualifikationen während Ihres gesamten Lebens — sonst unvermeidlich ist der Verlust der Qualifikation. Mit dem Ziel der Ausbildung solcher Spezialisten geht die Suche der neuen Formen der Organisation des Prozesses der Ausbildung und den Einsatz von effektiven, vor allem Informations -, Lehr-Technologie. Die voll von alle Lerninhalte Möglichkeiten der Informations-und Kommunikations-Technologien sind im System der Fernlehre.

Doch trotz all der Pluspunkte, fern-Lehr-Technologie, Sie sind weit verbreitet vor allem für die Erforschung oder der theoretischen, leicht формализуемых Kurse (Economy)oder für die Kurse, wo die Organisation des dialogs mit erzogenen nicht erfordert die Arbeit mit Grafiken, Formeln usw. (Fremdsprache). In Nord-West-in Abwesenheit der staatlichen technischen Universität seit mehreren Jahren in der Reihenfolge Experiment zur Durchführung von Labor-und praktische übungen für die Remote-Publikum. Dozent dabei

befindet sich im Publikum Sankt-Petersburg, und die Schüler — Computer-Klassen Выборга, Удомли, Кировска (Oblast Murmansk), Borovichi, Großen Bogen und anderen Städten Nord-West.

Natürlich, dass bei der Durchführung von innovativen Technologien entsteht die Reihe der wesentlichen Probleme.

Der erste wesentliche Herausforderung ist die Entwicklung von grundsätzlich neuen Methoden der Lehr — Techniken, basierend auf technischen und Psycho-pädagogische Besonderheiten dieser Art der Kommunikation. Im Ergebnis der Forschung wissenschaftlich-methodischen arbeiten, die Lehrenden der Universität gemeinsam mit Lehr-und methodisch Steuerung, die diese Technik entwickelt, vorbereitet ausführliche methodische Leitlinien für die Durchführung aller Formen von Unterricht für Remote-Publikum: die Lektüre der vorlesungen, die Durchführung von Labor arbeiten und praktischen Unterricht, verschiedene Formen der Kontrolle.

Das zweite Problem ist die Existenz einer «schnellen» des Internet auf die verbundenen Unternehmen der Universität. In den Filialen, wo es ein solches Internet, alle Arten von übungen gehen, ohne Absturz zu bringen, die Zufriedenheit sowohl die Tutoren und Studenten. Es ist offensichtlich, dass die Lösung dieser Probleme ist rein technischer Natur.

Das Dritte Problem — optimale für die Organisation von Aktivitäten mit einem Remote-Publikum Software. In den Prozess Experiment erprobt wurden verschiedene Programme: E-Pop, Adobe Connect Pro, Remote Office, Ultra VNC, Lite Manager und andere. Schließlich für die Organisation von Umweltbelangen bei der Lektüre der vorlesungen in Echtzeit (on-line) gewählt Programm Adobe Connect Pro ermöglicht die Durchführung Präsentationen, Demonstration von Dokumenten anderer Programme, organisieren eine aktuelle Umfrag.

Für die Organisation der interaktiven Unterricht im Computerraum Remote-Publikum perfekt Software Remote Office Manager Lite, ermöglichen Echtzeit «durchsuchen» abwechselnd die Arbeit der Studenten auf zehn Computern und — bei Bedarf-nehmen-Management von Remote-Computer selbst.

Das vierte Problem hat seine Wurzeln in der Heterogenität der studentischen Gruppen. Die Praxis zeigt, dass jeder erfahrene Lehrer, die Arbeit mit dem Publikum, erklärt Material, so dass es klar jeder Schüler. Dies zwingt ihn, sich auf die «schwachen» Student. Genau, auch bei der Durchführung von Labor arbeiten und die praktischen übungen für die Remote-Publikum Lehrer gezwungen, zu warten, bis die nächste Aufgabe auf Ihrem Computer erfüllt die «langsamen» Student (und zusammen mit ihm und die ganze Gruppe wartet auf).

Diese Situation hat mehrere negative Folgen: zu zerstreuen Aufmerksamkeit und verloren das Interesse an Selbstständigkeit bei der «starken» Studenten (in der Folge Sie nach unten bis zu der mittleren Ebene), und der Lehrer gezwungen, beschränken Sie die Intensität der Bildungs-Prozess, zu prüfen, vereinfachte Aufgaben, was zu einem Rückgang der empfangenen Studenten Kenntnisse auf dem Thema.

Natürlich, die einfachste Lösung dieses Problems ist die Definition der bei der ersten Lektion, Gruppen von Studenten, die ein höheres Niveau der Ausbildung, nach was diese Gruppe zu arbeiten beginnt der «методичкам», während der Rest der Gruppe — führen Schritt für Schritt führt eine Arbeit, die sich auf die Präsentation und Führung des Lehrers. Dozent bei diesem Computer steuert alle Studenten, indem Sie und leiten die Arbeit als «starken»und «schwachen» der Studenten. Allerdings setzt es sich um ungleiche Bedingungen der verschiedenen Gruppen von Studenten, die den gleichen «stark» sicher werden abgelenkt von der Arbeit mit методичками, schauen auf die Präsentation, hören die Anweisungen des Lehrers, die an anderen Studenten. Deshalb ist es richtig, Radikale Lösung der Probleme sieht teilen Stream auf Labor-Gruppe ist nicht formal, sondern mit Berücksichtigung der Ausbildung der Studenten.

Im Zusammenhang damit, dass bei diesem die Bildung von Gruppen für die praktischen Beschäftigungen berücksichtigt werden müssen gleichzeitig mehrere Faktoren, hat die Bedeutung von Forschung mit многофакторного-Analyse. Algorithmus Identifizierung der wichtigsten Indikatoren bei der Durchführung der sozial-wirtschaftlichen Analyse, beschrieben in[1]. Dieser Algorithmus verwendet werden, insbesondere, gesponsert von der Arbeit[2] für die Bewertung der Hingabe zum lernen der Schüler-Studienanfänger und der Ausgabe der Empfehlungen über die Höhe erhalten Sie Bildung (Bachelor, specialist, Master).

In der Arbeit[3] Informationen über die potenziellen Fähigkeiten der Studenten eingegangen ist durch Fragebogen und Tests. In der ursprünglichen zahlreiche Indikatoren, was das Potenzial der Schüler auf das System, ist sechzehn Indikatoren. Die ersten zehn von Ihnen charakterisieren die Struktur der Intelligenz (Wortschatz, Fähigkeit zum абстрагированию, das Niveau der Entwicklung der arithmetischer denken, mathematische Fähigkeiten, induktiver denken, комбинаторное denken, etc.), die elfte — Kreativität, zwölften — Level Anpassungsfähigkeit, die letzten vier — Motive-learning-Aktivitäten.

Vor der Autoren dieser Arbeit steht die mehr bescheiden Aufgabe — auf der Grundlage der vorstehenden Analyse, um Empfehlungen durch die Bildung von qualitativ homogene Gruppen für die Durchführung der praktischen übungen und Labor-Werke (wurde dieses Problem relevant bei der Durchführung der Beschäftigungen, wie mit einem Remote-Publikum, so in der «klassischen» Variante).

Deshalb ist es sinnvoll zu beschränken sich auf acht Indikatoren, einfach genug вычленяемыми bei Tests und Umfragen teilzunehmen: 1 — ursprüngliche Niveau der theoretischen Vorbereitung zum Thema; Buchse X2 — Level-Kenntnisse der aktuellen Material; X3-Niveau Personal-Computer wie der normale Benutzer; x4 — Fähigkeit, die in der Praxis erworbene wissen in Vorträgen; H5 — die Fähigkeit, sich anzupassen; X6 — die Fähigkeit zu абстрагированию; x7 — Motivation, das wissen zu diesem Thema; H8 — Ebene der Motivation zu graduieren. Jeder Indikator kann die Werte von 0 bis 1. Für die Annahme der Lösungen untersucht drei studentische Gruppen von 20 Personen bei der Erforschung von Ihnen Disziplinen «Informatik», «Programmierung» und «die Chemie».

$$y_{ij} = \frac{(x_{ij} - \overline{x})}{S_i} \qquad (1)$$

Für die Zuteilung an wichtigsten, vor allem Auswirkungen auf die Situation von Faktoren, alle Indikatoren нормируются (sind zum einheitlichen Skala) nach der Formel:

Hier x_{ij} — angegebene j th Indikator für i-go-Schüler (j=1,2 …,8; i=1,2,..,60).

---

[1] Schukowski, V. Faktorenanalyse in der sozio-ökonomischen Forschung./V. Schukowski, I. Muchnik. Statistik, 1976.

[2] Bragina, Z. Qualimetry Fähigkeit zu lernen auf der Basis der Faktorenanalyse./Z. Bragina, O. Borosdina. Qualimetry für Bildung und Wissenschaft. - 2001.- Nein. 3.

[3] Там же

Auf der Grundlage der Analyse der erlernten Indikatoren hervorgehoben vier Hauptfaktoren, die die Situation: die Zahl der Intelligenz (verbunden mit den Indikatoren x_2 und x_4), das Allgemeine Niveau der Ausbildung (verbunden mit den x_1 und x_3), Aufzeichnung der Anpassungsfähigkeit (x_5 und x_6) und die Motivation Ebene Lernaktivitäten (x_7 und x_8).

Beitrag k-th Faktoren in die gemeinsame Varianz durch die Formel:

$$V_k = \sum_{j=1}^{8} a_{jk}^2 \quad (2)$$

In der Formel (2) V_k — eigene angegebene k-th Faktoren,

a_{jk} — Gewicht k-th Faktor in der j-m Aufzeichnung.

Die Werte Gewichtungsfaktoren definiert durch einen Sachverständigen-Methode.

Gesamte Beiträge Faktoren wie folgt berechnet:

$$\gamma_k = \frac{1}{8}\sum_{j=1}^{8} V_k \quad (3)$$

Die Grenze dieser Betrag bestimmt sich in der Regel gleich 0,8–0,95 und aus diesem größte bestimmt, wie viel der letzten wichtigsten Komponente (Faktoren) können Sie ohne viel Schaden für das Problem zu lösen entfernen der überlegung, die damit die Dimension der Aufgabe. Methode der wichtigsten Komponenten hervorgehoben konsequent die wichtigsten Faktoren nach dem Prinzip der Maximierung der Beitrag in die Varianz. Ein gemeinsamer Beitrag für die ersten beiden ausgewählten Faktoren (Maß für die Intelligenz und das Allgemeine Niveau der Ausbildung) gleich 72,59%. Das ist genug, um die völlig beschreiben изучаемое Phänomen.

Für die Bildung einer homogenen Gruppen bequem mit der normalisierten Werte ausgewählt (Top) Faktoren:

$$f_{ki} = \frac{1}{V_k}(a_{ik}y_{1i} + a_{2k}y_{2i} + \ldots + a_{nk}y_{ni}) \quad (4)$$

Hier k — Zimmer Faktoren, i — Nummer Studenten.

Es wird angenommen, dass, wenn

$f_k < 1$ — Niveau aus diesem Faktor unter dem Durchschnitt;

$-1 < f_k <= 1$ — das Durchschnittliche Niveau,

$f_k > 1$ — Durchschnitt.

Die Analyse erlaubt zu installieren, die der des Subjekts Thread zu 60 Personen 15 Studenten haben Durchschnitt, 11 — unter dem Durchschnitt und 34 Menschen — das Durchschnittliche Niveau. Von hier aus kann man die Schlussfolgerung ziehen, dass es für die optimale Organisation des Lernprozesses müssen erforscht Stream teilen auf praktischen übungen nicht formell in drei Gruppen von 20 Personen, und aus qualitativ однородному Zusammensetzung in vier Gruppen:

— eine Gruppe mit einem hohen Niveau der Ausbildung (15 Schüler);

— die beiden Gruppen mit einem durchschnittlichen Niveau der Ausbildung (17 Studenten);

— eine Gruppe mit dem Training der unteren Mittelschicht (11 Studenten).

Dieser Ansatz zur Bildung von Gruppen wird die Intensität der Bildungs-Prozess, zu verbessern das Interesse der Studenten zum изучаемому diesem Thema, und damit garantiert ein höheres Maß an wissen.

Referenzen:

1. Schukowski, V. Faktorenanalyse in der sozio-ökonomischen Forschung./V. Schukowski, I. Muchnik. Statistik, 1976.
2. Bragina, Z. Qualimetry Fähigkeit zu lernen auf der Basis der Faktorenanalyse./Z. Bragina, O. Borosdina. Qualimetry für Bildung und Wissenschaft. — 2001.- Nein. 3.

Bykova Viktoria, Dnepropetrovsk University
the Alfred Nobel, the teacher of applied psychology

Быкова Виктория Александровна, Днепропетровский университет
имени Альфреда Нобеля, преподаватель кафедры практической психологии

Career Center as a scientific and methodological center of a competitive process control specialist

Центр карьеры как научно-методический центр управления процессом формирования конкурентоспособного специалиста

Одной из актуальных проблем, от решения которой в значительной степени зависит социально-экономическое развитие Украины, является формирование конкурентоспособных специалистов, которые отличались бы четко выраженной профессиональной направленностью, высоким интеллектуальным уровнем, творчеством, способностью к постоянному развитию, преданностью общечеловеческим и национальным идеям, активным участием в развитии независимого государства. Конкурентоспособного специалиста рассматривают не только как продукт учебного заведения, но и как личность, которая имеет определенные качества, может достигнуть высоких результатов в своей деятельности и внести вклад в достижение

той организации, где он работает. Указанные специалисты должны быть мобильными, стремиться к непрерывному повышению профессионального мастерства и обладать высокой адаптационной и профессиональной мобильностью; способными к созданию и использованию высоких технологий, иметь сформированные прочные моральные устои, развитую цивилизационную культуру, ответственность и толерантность; готовыми к новому типу общественных отношений, которые находятся в постоянной динамике и проявляются в переходах от одной социально-профессиональной роли к другой.

В последнее время в трудах ученых значительное внимание уделяется поиску различных подходов, механизмов формирования конкурентоспособного специалиста. Однако, данные исследования раскрывают лишь отдельные аспекты этой проблемы: формирование профессиональной компетентности (М. Вачевский, Л. Дыбкова, В. Костенко, В. Петрук, Н. Уйсимбаева и др.), готовности к профессиональной деятельности (А. Демченко, Л. Гончаренко, В. Иванова, М. Карченкова, А. Макаренко, В. Плиско, Г. Савченко и др.), адаптации к профессиональной деятельности (С. Гура, Т. Кухарчук, И. Облес, С. Хатунцева, В. Цибулько, Н. Шапошникова и др.). Весомыми оказались работы, посвященные выявлению сущности конкурентоспособности будущих специалистов (Н. Дьяченко, Р. Кривцов, Л. Курзаева, В. Мезинов, С. Рачин, Е. Холодцев, Р. Файхутдинов), структуры и характеристик конкурентоспособных качеств личности (В. Андреев, Н. Борисов, Е. Климов, А. Маркова, Л. Митина), особенностей развития конкурентоспособности будущих специалистов разных специальностей в процессе профессиональной подготовки в высшем учебном заведении (А. Ангеловский, С. Борисенко, Т. Ващило, И. Саратцева и др.). В то же время, несмотря на разноплановые исследования, названные подходы лишь частично раскрывают вопросы управления процессом формирования конкурентоспособного специалиста в условиях высшего учебного заведения.

В статье раскрывается опыт деятельности Центра карьеры как научно-методического центра управления процессом формирования конкурентоспособного специалиста в высшем учебном заведении. Данный Центр был создан в Днепропетровском университете имени Альфреда Нобеля в 2004 году как структурное подразделение со своим положением и программой деятельности.

Следует сказать, что к тому времени ведущие университеты мира уже имели опыт работы подобных центров. Так, опыт европейских и американских университетов свидетельствует, что работа Центров карьеры (Career Service) и Центров по работе с выпускниками (Alumni Relations) занимает второе по важности место после образовательной и научно-исследовательской деятельности вуза. Первые Центры карьеры были открыты в США более 50 лет назад. В профессиональных стандартах для Центров карьеры колледжей и университетов, заложенных Национальной Ассоциацией колледжей и Работодателей США, главной задачей службы карьерного консультирования в университете является «помощь студентам и другим клиентам в составлении оценки и/или реализации своих карьерных и образовательных планов и решений»[1].

Что же касается отечественного опыта, то лишь некоторую информацию о подобных Центрах карьеры можно было получить в отдельных университетах Киева, Харькова, Одессы, опыт которых освещен на страницах издания «Высшее образование Украины», «Образование Украины» в 2004, 2005 годах и в некоторых межведомственных программах, решениях коллегии Министерства образования Украины[2]. Деятельность центров карьеры законодательно определена и осуществляется согласно Закона Украины «Об образовании» (2984–14), распоряжения Кабинета Министров Украины от 27 августа 2010 г. № 1726 (1726–2010 г.) «О повышении уровня трудоустройства выпускников высших учебных заведений» приказа Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины от 27.04.2011 р. № 404 «Об утверждении Типового положения о подразделении вуза по содействию трудоустройству студентов и выпускников». И сегодня функционирование Центров карьеры при университетах остается новым явлением, которое требует осмысления, широкого внедрения и длительного развития.

Центр карьеры (ЦК) является самостоятельным структурным подразделением Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля, который способствует профессиональному становлению студентов, оказывает им помощь в планировании своей карьеры, трудоустройстве, развитию связей с бизнес структурами и организациями, общественностью и выпускниками. Он подчиняется проректору по научно-педагогической работе и организации учебно-воспитательного процесса. Руководство ЦК осуществляет начальник, который назначается на должность и освобождается от должности ректором университета на основании предложений проректора по научно-педагогической работе и организации учебно-воспитательного процесса.

В своей деятельности ЦК руководствуется следующими документами: Положением о Центре карьеры, уставом университета; приказами и распоряжениями по университету; перечнем нормативных документов: Закон Украины «О высшем образовании» (№ 1060-XII от 23 мая 1991 г.), Приказ Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины «Об утверждении Типового положения о подразделении вуза по содействию трудоустройству студентов и выпускников» (№ 404 от 27.04.2011, зарегистрированный в Министерстве юстиции Украины № 596/19334 от 18.05.2011 р.).

Взаимоотношения университета с другими заинтересованными организациями в содействии деятельности ЦК регламентируются соглашениями. К деятельности ЦК привлекаются представители органов студенческого самоуправления.

Основная цель ЦК: оперативное управление процессом формирования конкурентоспособности будущих специалистов; оказание помощи студентам и выпускникам в профессиональном становлении, планировании своей карьеры; организация стажировки, содействие реализации права студентов и выпускников на работу и создание условий для получения выпускниками первого рабочего места, развитие связей с бизнес структурами и организациями, общественностью и выпускниками.

Основными задачами ЦК являются: определение методической базы психолого-педагогической диагностики конкурентоспособности будущих специалистов; исследование динамики изменений уровня сформированности конкурентоспособности будущих специалистов; организация и осуществление управленческих воздействий по предоставлению адресной помощи в формировании конкурентоспособности индивидуальным и коллективным субъектам обучения, содействие трудоустрой-

---

[1] Professional Standards for Colleges and Universities. – National Association of Colleges and Employers, 1998. – May

[2] Межведомственная программа содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников учреждений профессионального образования//www.ed.gov.ru/uprav/job/prog.html; Об организационной работе высших учебных заведений по трудоустройству выпускников. Решение коллегии Министерства образования Украины от 24.11.1999 г.; Модернизация высшего образования Украины и Болонский процесс//Образование Украины. — 2004. — № 60–61

ству студентов и выпускников; развитие сотрудничества с государственной службой занятости населения, установление и поддержка партнерского сотрудничества с предприятиями, учреждениями и организациями независимо от формы собственности, которые могут быть потенциальными работодателями для студентов и выпускников, общая координация деятельности Общественного совета по оценке профессиональных компетенций, конкурентоспособности выпускников университета, установление и поддержание связей с выпускниками университета, общая координация деятельности «Ассоциации выпускников университета», содействие проведению мониторинга качества образовательной деятельности.

Ведущими принципами работы ЦК являются: а) актуальность — выяснение наиболее актуальных проблем конкурентоспособности будущих специалистов; б) научность — анализ теоретических вопросов исследования и разработки методической базы психолого-педагогической диагностики конкурентоспособности будущих специалистов; в) опережающий характер, прогнозируемость — возможность предусмотреть деструктивные тенденции, осуществлять своевременное профилактическое воздействие; г) непрерывность — лонгитюдный характер исследований (мониторинг), психолого-педагогическое сопровождение студентов; д) преемственность и последовательность — выявление изменений, происходящих на разных этапах деятельности, общих тенденций развития; е) целесообразность — оказание помощи в наиболее актуальных проблемах; ж) оперативность — своевременное выявление отклонений от оптимума и предоставление адресной помощи.

ЦК выполняет информационную, организационную, исследовательскую, координационную, консультативную функции.

Информационная функция связана с информированием студентов, выпускников о задачах государственной службы занятости, центрах занятости по месту жительства; созданием информационной базы работодателей-партнеров; информированием выпускающих кафедр, студентов, выпускников о вакансиях. ЦК ведет учет предложений от работодателей по замещению вакантных должностей, получает от работодателей объективную оценку качества профессиональной подготовки специалистов, которую осуществляет университет; информирует руководство университета и студентов о проделанной работе путем размещения отчета на Интернет-сайте и других информационных ресурсах; собирает и обновляет электронную базу данных о выпускниках университета через ответственных за работу с выпускниками от выпускающих кафедр.

Важной является *организационная* функция. ЦК организует разъяснительную работу среди студентов и выпускников относительно нормативно-правовых актов по вопросам государственного регулирования занятости и трудовых отношений. Вместе с выпускающими кафедрами организовует различные мероприятия по формированию конкурентоспособности будущих специалистов, планирует и координирует работу по организации занятости студентов, желающих работать в свободное от учебы время. Проводит встречи студентов и выпускников с представителями государственной службы занятости населения, работодателями по вопросам возможности дальнейшего их трудоустройства на конкретных предприятиях, в учреждениях и организациях, мероприятия по содействию трудоустройству студентов и выпускников (дни карьеры, круглые столы, семинары — практикумы, научно-практические конференции, ярмарки вакансий, конкурсы на замещение вакантных должностей по заявкам работодателей, встречи с лучшими выпускниками университета и т. п.), презентации, мастер-классы, поддерживает конкурсные программы, стипендиальные программы и т. д. ЦК ежегодно организует и проводит встречу студентов с представителями Днепропетровского областного центра занятости. Вместе с выпускающими кафедрами организует участие студентов, выпускников в мероприятиях, которые проводят представители государственной службы занятости населения или потенциальные работодатели с целью содействия трудоустройству студентов, выпускников.

Важной функцией является *исследовательская*. ЦК проводит исследования с целью оперативного учета новых требований к подготовке специалистов высшей квалификации, совершенствования процесса управления формированием конкурентоспособных специалистов. С помощью комплекса психодиагностических методик получает исходную и текущую информацию о личностных особенностях, интеллектуальной деятельности, профессиональных качествах каждого студента в студенческих группах и их динамики, уровне межличностных отношений. Информация передается администрации вуза, руководству выпускающих кафедр, преподавателям и кураторам с целью координации усилий и в случае необходимости коррекции; студентам для самовоспитания, самоуправления, саморазвития. ЦК изучает динамику спроса на соответствующих специалистов на рынке труда, предоставляет соответствующие предложения руководству университета, осуществляет мониторинг трудоустройства выпускников, анализ данных опросов выпускников, работодателей, общественности по вопросу мониторинга качества образовательных услуг.

Координационная функция. Устанавливает тесное сотрудничество с органами студенческого самоуправления в решении вопросов трудоустройства; устанавливает и поддерживает постоянную связь с Днепропетровским областным центром занятости; поддерживает связи с существующими работодателями-партнерами (осуществление совместных проектов, приглашения на встречи и мероприятия в университет, участие в мероприятиях партнеров). Составляет и утверждает план работы Общественного совета на год, готовит проведение заседаний совета. Проводит общую координацию деятельности «Ассоциации выпускников университета». Взаимодействует с центром маркетинговых и социологических исследований университета, центром управления качеством (ЦУК) (готовит проекты документов, касающихся системы менеджмента качества (СМК), для ознакомления, участвует в проведении внутренних аудитов).

Консультативная функция. Предоставляет консультации студентам и выпускникам по вопросам оформления профессионального резюме, подготовки и прохождения собеседования, способствует прохождению диагностики с использованием сертифицированных инструментов оценки персонала. Предоставляет консультации выпускникам о возможностях переподготовки и повышения квалификации с целью ускорения дальнейшего трудоустройства. Отслеживает карьерный рост выпускников.

Пропагандистская функция. Путем пропаганды психолого-педагогических знаний формирует потребность и интерес служб университета к проведению исследований прикладного характера и их внедрение в практику. Формы пропаганды разнообразны: научно-практические конференции; постоянно действующие семинары кураторов групп; занятия с преподавателями кафедр для ознакомления их с методами и результатами работы, новейшими средствами обучения и контроля; лекции и беседы со студентами; беседы по результатам диагностики в учебных группах, индивидуальные и групповые консультации для преподавателей, студентов и родителей и т. д..

Эффективность управления процессом формирования конкурентоспособностью специалистов в учебном заведении, как считает исследователь С. Юрченко[1], повышается при наличии научно обоснованной организационной структуры, обеспечивающей взаимодействие и взаимозависимость всех звеньев управления.

Главными участниками управления процессом формирования конкурентоспособности будущих специалистов выступают субъекты (администрация вуза, работники деканата, преподаватели и кураторы, работодатели) и объекты управления (студенты). От их активного взаимодействия зависит эффективность управления. Ведущая роль принадлежит управляющей подсистеме (субъектам управления), которая имеет четыре уровня управления. *Первый* уровень — администрация вуза (ректор, проректоры по организации учебно-воспитательного процесса; гуманитарным вопросам и воспитания; инновационной деятельности; ученый совет как коллегиальный орган управления ВУЗа, Центр карьеры, работодатели, канцелярия, отдел кадров, центр управления качеством (ЦУК), центр маркетинговых и социологических исследований), *второй* уровень — работники деканатов (декан, его заместители), *третий* уровень — преподаватели и кураторы, *четвертый* уровень — органы студенческого самоуправления (студсовет, студенческий профком, совет студенческого научного общества). На третьем и четвертом уровнях осуществляется процесс руководства формирования конкурентоспособного специалиста, в результате чего устанавливаются субъект-субъектные взаимоотношения между участниками учебно-воспитательного процесса в ВУЗе. В этой иерархической схеме каждый перечисленный уровень субъекта управления служит одновременно объектом управления относительно тех уровней, которые находятся выше.

Раскроем особенности взаимодействия ЦК со структурными подразделениями университета и внешними организациями.

ЦК взаимодействует с ректором университета и проректором по научно-педагогической работе и организации учебно-воспитательного процесса, которые выполняют такие стратегические функции: анализ, мотивация, контроль, регулирование и мониторинг. ЦК предоставляет: планы работы ЦК; отчеты о работе ЦК; предложения по организации работы ЦК, его структуры и штатного расписания; предложения для включения в годовой план работы университета мероприятий по содействию формированию конкурентоспособности будущих специалистов, карьерному росту студентов и выпускников; предложения по оптимизации профессионально-практической подготовки студентов, организации работы по трудоустройству студентов и выпускников.

ЦК взаимодействует со всеми структурными подразделениями университета и внешними организациями, работодателями с целью координации усилий и эффективности деятельности (предоставляет информацию об общеуниверситетских мероприятиях по формированию конкурентоспособности будущих специалистов, трудоустройству студентов и выпускников; план мероприятий по вопросам построения карьеры и трудоустройства; документы, регламентирующие участие студентов в совместных проектах, программах от государственной службы занятости, работодателей и т. п.).

ЦК взаимодействует с направлениями подготовки (руководителями направлений подготовки, заведующими выпускающих кафедр, которые выполняют следующие функции: планирование, организация, доведение управленческих решений, касающихся процесса формирования конкурентоспособности будущих специалистов до исполнителей, регулирование, контроль за их исполнением). ЦК предоставляет: информацию о вакансиях для дальнейшего трудоустройства студентов, выпускников; информацию о мероприятиях для студентов, выпускников от государственной службы занятости, работодателей; информацию о мероприятиях, проводимых ЦК по вопросам формирования конкурентоспособности, построения карьеры и трудоустройства, данные о выпускниках соответствующей кафедры университета по запросу заведующего выпускающей кафедры; информацию о деятельности Общественного совета. ЦК получает: предложения по кандидатам из числа студентов, выпускников на замещение предлагаемых вакансий; план работы выпускающих кафедр в рамках Ассоциации выпускников (ежегодно); электронную базу данных выпускников соответствующей кафедры университета, через ответственных за работу с выпускниками от выпускающих кафедр; материалы (статьи, фото и видео документы) о карьерном росте выпускников (ежегодно).

ЦК взаимодействует с центром маркетинговых и социологических исследований: предоставляет анализ данных опросов выпускников, работодателей, общественности по вопросу мониторинга качества образовательных услуг; информацию об организации проведения мониторинга.

ЦК взаимодействует с центром управления качеством (ЦУК): предоставляет проекты документов, касающихся системы управления качеством, для ознакомления; информацию, что будет способствовать совершенствованию системы управления качеством; участвует в проведении внутренних аудитов.

Центр карьеры возглавляет руководитель (автор исследования), который персонально отвечает за выполнение задач, возложенных на подразделение, которое должно сотрудничать со всеми подразделениями и службами ВУЗа, бизнес-структурами, организациями, общественностью и выпускниками прошлых лет. В университете поддерживается тесная взаимосвязь со всеми его структурами, в частности координационным советом высшего учебного заведения, координационным советом представителей бизнес-структур (в состав которой входят работодатели, представляющие разные формы собственности и выступающие в разных ролях: наниматель молодых специалистов, подготовленных учебным заведением; эксперт оценки уровня конкурентоспособности подготовленного молодого специалиста; консультант учебного заведения по прогнозированию моделей конкурентоспособного выпускника определенной профессии, выбора оптимальных технологий подготовки специалистов для рыночной экономики, оценки возможного участия работодателей в совместной работе по организации подготовки нужных специалистов), Общественным советом с целью оценки профессиональных компетенций выпускников, руководителями направлений подготовки специалистов, заведующими кафедрами, студенческим советом и др. Для каждого структурного подразделения Центром разработаны конкретные задачи по реализации цели.

В ЦК создана программа работы по анализу проблемы конкурентоспособности будущих специалистов. Организационно она предусматривает проведение регулярных и периодических диагностических срезов уровня сформированности конкурентоспособности будущих специалистов: а) 1 курс — дважды в год: начало и конец учебного года; б) 2, 3, 4, 5 курсы — один раз в год (конец учебного года).

[1] Юрченко С. Управління виховною роботою : виховання як система /С. Юрченко//Завуч. – 2006. – № 9, березень. – С. 1–4.

Подытоживая, отметим, что в течение 2010–2011 уч. г. центр карьеры провел 22 мероприятия, в которых приняли участие 2848 студентов и выпускников, в 2011–2012 году 25 мероприятий, где активное участие приняли 3128 студентов и выпускников университета. Анализ результатов трудоустройства выпускников Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля свидетельствует о том, что количество трудоустроенных молодых специалистов с каждым годом неуклонно возрастает. Так, если в 2008 году процент трудоустроенных студентов по всем специальностям составил примерно 83%, то в 2011 году — 87%. Что касается бизнес-партнеров, то если в 2005 году их насчитывалось около 50, то на конец 2012 года более 1000 бизнес-партнеров сотрудничают с университетом. По мнению работодателей региона, а также некоторых всеукраинских и международных компаний, выпускники Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля действительно конкурентоспособны на рынке труда, специалисты, которым работодатели отдают предпочтение при приеме на работу.

Vovk Olena Ivanivna,
Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor,
Department of English Philology, B. Khmelnytsky National University at Cherkasy

Constructing Knowledge Space of Students-Philologists

One of the important problems students-philologists face nowadays seems to be how they acquire or infer knowledge. As a matter of fact this question is several questions in one, since all the way through the University students receive both general and specific knowledge, and analogous experience. What should be constructed in students' minds so that after their graduation from the University they could use it effectively?

In this article I will dwell upon the issue as for how students' knowledge can be systematized so that its units were not scattered but related to each other.

Since early childhood man perceives and cognizes the world. In the process of this activity he learns to process, categorize, conceptualize, and generalize the events around him, make inferences, memorize a great deal of related and non-related information, and express the results of this activity via language. Such cognitive activity leads to formation of general notions in a person's mind. Integrated together they subsequently form **knowledge space**. It is considered to be a corpus of structured knowledge units — frames, scripts, schemata, plans, etc. — which are interrelated and connected to support the functioning of the cognitive system of a person[1]. Knowledge units are supposed to be the concepts of different levels of abstraction and complexity. Within the framework of cognitive paradigm a concept is viewed as an operative meaningful unit of the mind, a quantum of structured knowledge. Concepts are thought to be the results of cognition. It means that by analyzing, comparing and integrating different concepts in the process of cognition a person forms in his mind new concepts. Man uses concepts for thinking, understanding and inferring new knowledge. It is claimed that in concepts linguistic and cognitive experience of a person is concentrated and crystallized. Thus, concepts may be considered "the constructive mental blocks" of the conceptual representation of the world, or knowledge space of a personality[2]. They are conducive for processing human experience through such processes as categorization and conceptualization. These processes perform different functions. Categorization results in grouping relatively congenerous concepts according to certain categories and classes, whereas the result of conceptualization is singling out operative units of the human mind[3].

It is supposed that the most important concepts are encoded in language and expressed in its grammar. The most significant concepts of language are reflected in grammar, i. e. the most important part of the conceptual information of different levels of complexity and abstraction is fixed in the grammatical structure of a language in the form of grammatical concepts, which are reflected in grammatical forms, categories, and syntactical structures[4].

Considering specificity of concepts formation and the structure of grammatical phenomena among grammatical concepts, the following are distinguished: a) elementary or one-dimensional; b) bi-dimensional; c) multi-dimensional[5].

Grammatical concepts appear as a result of generalizing the information about language objects, their characteristics, specificity of their usage, and also the information as for how the relations and connections between the objects of language reflect the relations between the objects of the world. Part of this knowledge has a mere linguistic basis and a formal character, for instance, the way of expressing the 3[d] person singular of the verbs in the Present Simple tense: *write**s**, go**es**, play**s**, ha**s**, simplifi**es***; the adverbs which are formed from the adjectives: *quick**ly**, fluent**ly**, correct**ly***; the ways of formation of the plural of nouns (*tomato**es**, armi**es**, glass**es**, knive**s**, childr**en**, wom**en***) etc. These forms reflect the elementary grammatical concepts which do not cause ambiguity.

The concept of grammatical number has somewhat a more complicated character and is considered to be bi-dimensional, because as a cognitive basis it includes the notion of quantity and the ways of its realization in language. The usage of the grammatical forms expressing number depends on knowledge of such characteristics of the objects as countability — uncountability, discontinuity — continuity, collectiveness — non-collectiveness, etc. For instance, in the English language the plural of nouns is formed with the help of the suffix — *(e)s.*

However, there are other ways of forming the plural forms of nouns, in particular: 1) the archaic suffix *-en (ox — ox**en**)*, 2) the change or a root vowel (*tooth — t**ee**th, goose — g**ee**se*), 3) the suffixes in the words of Greek and Latin origin (*corpus — corp**ora**, symposium — symposi**a**, phenomenon — phenomen**a**, alumnus — alumn**i**, thesis — thes**es**, schema — schem**ata**)*, 4) a formal concurrence of forms in

[1] Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике М. Азбуковник. 2001. С. 203.

[2] Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. Языки славянской культуры. 2004. С. 3.

[3] Рябцева Н. К. Мысль как действие, или риторика рассуждения//Логический анализ языка. Модели действия. М. 1992. С. 64.

[4] Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов. Изд-во Тамбовск. ун-та. 2001. С. 43.

[5] Там же.

the singular and in the plural *(sheep — sheep, deer — deer, buffalo — buffalo, fish — fish, fruit — fruit)*. The latter may cause questions as the nouns *fish* and *fruit* can have various forms of the plural: *fish* and *fish**es**, fruit* and *fruit**s**,* which differ in meanings. The form of the plural that has a marker signals about something of different kinds, for instance: *Several **fishes** in the region have become extinct. You should eat three different **fruits** per day.* The form of the plural that has no marker means a certain quantity of some objects or species, for instance: *There **is not** much fresh fruit available at this time of the year. There **are** five fish in the aquarium*.

To the number of multi-dimensional concepts we may refer the concept of the article which expresses definiteness — indefiniteness and some other meanings. For example, the definite article changes into the zero article in the titles of books and periodicals: *the Radio Times — Radio Times*; in transformation of a republic into a country: *the Sudan — Sudan, the Lebanon — Lebanon, the Ukraine — Ukraine*[1].

To the multi-dimensional concept also belongs the concept of the grammatical tense which includes the notion of deictic perspective, i. e. the idea of real and grammatical time (present, past and future), and the notion of the moment of speech which defines the correlation between the former and the latter. For instance: "*The insurance inspector came. He **said** that they **have** evidence*" *(F. Scott Fitzgerald* [2]. In this example the Sequence of Tenses is not observed for different reasons: firstly, the information correlates not only with a past moment but also with a speech moment, and secondly, the speaker highlights the importance of the information.

Here are some more similar examples: 1. *Harry **said** that his wife **was** ill*. In this example the Sequence of Tenses is observed in accordance with the rules, and the information given by the speaker correlates only with a past moment. 2. *Harry **said** that his wife **is** ill*[3]. In this example the Sequence of Tenses is not observed which is accounted for the fact that the information is very significant for the speaker. In other words the grammatical concept is motivated here by pragmatics of communication.

The concept of the grammatical aspect has also a very complicated nature which, on the one hand, shows whether the aspect of the action is perfective or non-perfective, and on the other hand, it shows whether the action is finite or non-finite[4]. For instance: 1. *By the time the commandos **had smashed** through the entrance, the terrorist leader **had barricaded** himself in the bedroom (E. Segal).* In this example in the subordinate clause the verb *to smash* is used in the Past Perfect tense to point out the fact of the lost time. 2. *By the time he **had reached** the allegro of the third movement, he **was** too involved to be diffident (E. Segal).* In this example in the subordinate clause the verb *to reach* is used in the Past Perfect tense to highlight the importance of the situation. It is supposed that the intentional violation of the rule attracts the reader's attention and facilitates the understanding of the condition of the main character.

So, the multi-dimensional grammatical concepts presuppose some interpretation of the general, extralinguistic concepts via certain notions which form the cognitive basis of the concepts.

Obviously, grammatical conceptualization is a gradual process which means going through different knowledge states in accordance with the stages of cognitive development of a person. To every stage corresponds its "intermediate grammar". The process of English grammar acquisition may be represented as a gradual change of grammars, the content of which corresponds to linguistic and cognitive development of a person at a certain moment. According to each of the "intermediate grammars" the knowledge states of learners that are in-between different grammars also gradually change. At that the learners' mental operations, which switch from one knowledge state to another, change along[5].

Thus, grammatical concepts are the results of conceptualization of learners, and therefore the constituents of knowledge space which is formed in the process of cognitive activity. Acquiring English grammar may be considered one of the facets of this activity. Being conceptual representation of the world knowledge space also comprise general concepts represented by different structures.

Ganina Elena, Finance Academy under the Government of the Russian Federation, Associate Professor, Head of the "Russian language";

Elena Fedorova, Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD, Associate Professor, Department of "Russian language"

Ганина Елена Викторовна, Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык»;

Федорова Елена Алексеевна, Финансовый университет при Правительстве РФ, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык»

Verbal aggression: psychological and linguodidactic aspects

Речевая агрессия: психологические и лингводидактические аспекты

Речевая агрессия характеризуется как явление, тотально охватившее многие сферы жизнедеятельности современного общества. Оказывая явно деструктивное влияние на социализацию и эффективную коммуникацию любого индивида, она требует пристального рассмотрения с психолингвистической и в не меньшей степени лингводидактической точек зрения.

Последнее особенно актуально сегодня, когда российское высшее профессиональное образование переживает кардинальные изменения, осваивая инновационную образовательную парадигму.

---

[1] Новое в грамматике современного английского языка: учеб. пособие для вузов. М. ООО Астрель. АСТ. 2006. С. 8.

[2] Там же. С. 51.

[3] Blackstone B. A. Indirect Speech. Its Principles and Practice. London. Longman. 1982. С. 111.

[4] Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов. Изд-во Тамбовск. ун-та. 2001. С. 44.

[5] Вовк О. І. Когнітивні аспекти методики викладання англійської мови у вищих навчальних закладах. Навчально-методичний посібник. Черкаси. Видавництво «САН». 2010. С. 37.

Переориентация образовательных стандартов — отказ от дескриптивного подхода, переход с описания процесса образования на контроль конечного результата, всестороннее развитие соревновательности как внутри вуза, так и между образовательными учреждениями — побуждает методистов и преподавателей искать новые формы и методы организации учебно-воспитательной работы. В первую очередь речь идет о способах формирования и поддержания высокой мотивации всего контингента обучаемых, реализации педагогических принципов активизации их интеллектуальных способностей, определения значимых компонентов структуры динамично развивающейся личности современного студента — будущего профессионала.

Требования, предъявляемые в настоящее время к педагогам, студентам, вузу в целом, диктуют необходимость создания комфортной и целесообразной образовательной среды, в которой обучаемые смогут полностью реализовать свой потенциал, определить индивидуальную образовательную траекторию, приобрести навыки самообучения, а кроме того, вкус и желание обучаться и совершенствоваться в избранной предметной области[1].

В этой связи отнюдь не случайно введение в учебные планы вузов различного профиля дисциплин «Русский язык. Деловое общение», «Деловая риторика», «Основы эффективной коммуникации», «Приемы самопрезентации», «Лингвоконфликтологическая экспертиза в юрислингвистике» и подобные (как правило, в статусе курсов по выбору).

В рамках вышеуказанных дисциплин феномен «речевая агрессия» рассматривается в различных аспектах, базируясь вместе с тем на достижении единой педагогической цели — формировании успешной личности, умеющей реализовать свои коммуникативные интенции в условиях постоянно меняющейся внешней среды, в разных (не всегда благожелательно настроенных) социумах.

Знания, умения и навыки в пределах дидактического контента необходимо формировать в соответствии с рабочими программами и учебными планами вузовских дисциплин. Таким образом, вопросы отбора, интерпретации, аранжировки совокупности дидактических единиц определенной тематики в каждом случае должны стать предметом специального осмысления и обсуждения, последующей корректировки, причем на междисциплинарном уровне[2].

Особой задачей является привитие учащейся молодежи устойчивого неприятия агрессивных моделей поведения (в том числе речевого), а также создание базы для проведения объективной самодиагностики — так сказать, постоянного внутреннего мониторинга своего речевого поведения, поскольку, как показывают многолетние наблюдения над студенческой аудиторией, соответствующие установки и инструменты зачастую отсутствуют.

Необходимы педагогические усилия по разъяснению очевидного, на наш взгляд, положения: речевая агрессия препятствует реализации основных задач эффективного речевого общения.

С учетом вышесказанного, опираясь на современные исследования[3], рассмотрим далее фрагмент описания существующих концепций феномена речевой агрессии, а также возможных последствий ее проявления. Цель краткого обзора — отбор дидактических единиц для речеведческого курса в условиях гуманитарного или технического вуза.

Как отмечается в специальной литературе, феномен речевой агрессии, несмотря на солидное количество публикаций, все еще недостаточно изучен и требует, помимо прочего, лингводидактического преломления.

Уточнение *дефиниций* в лингводидактическом аспекте.

Термины *«речевая агрессия», «вербальная агрессия», «инвектизация речи»* (ср. лат. *invectiva — бранная речь*) широко используются как в российской, так и в зарубежной научной литературе последних десятилетий.

Речевая агрессия чаще всего характеризуется как «обидное общение, словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме. Данное явление возникает под влиянием различных побуждений и приобретает разные способы выражения»[4]. Близко к вышеуказанному и такое определение: речевая агрессия — конфликтное речевое поведение, в основе которого лежит установка на негативное воздействие на адресата. Речевая агрессия может проявляться в рамках любого типа общения (межличностного, группового, массового) и любого дискурса, независимо от его временных и национальных факторов[5]. Анализируя причины возникновения, исследователи выделяют два основных аспекта.

Во-первых, речевая агрессия является выражением отрицательных эмоций (реакций на внешние и внутренние раздражители) и чувств.

В круг эмоций и чувств, вызывающих неадекватное, асоциальное речевое поведение, относят такие поведенческие реакции, как злость, раздражение, обида, недовольство, отвращение, презрение.

Этот тип агрессии возникает преимущественно как ответная реакция на какие-либо внешние раздражители. Причем следует заметить, что сила проявления и их частотность явно коррелируются с природными и благоприобретенными качествами: темперамент, принципы воспитания в семье, снижение образовательного и интеллектуального цензов и т. п.

В рамках учебно-воспитательного процесса весьма полезно, опираясь на принципы гуманистической педагогики и инновационные интерактивные приемы[6], предложить студентам участие в ситуативных заданиях. К примеру, хоро-

---

[1] Преподаватель – основная фигура в реализации инновационной системы образования. Монография/Под ред. проф. М. А. Эскиндарова и др. – М. - Финансовый университет. - 2011. С. 8

[2] Ганина Е. В., Федорова Е. А. Лингвоэкологический фактор как составная часть коммуникативной подготовки иностранных обучаемых//Экология языка: Материалы 5-й Международной научной конференции. - Пенза. - Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. С. 275 - 281

[3] Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. - «Флинта»; «Наука» - 2004. С. 27–41.

[4] Там же. С. 1

[5] Глебов В. В., Родионова О. М. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс]// URL:http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html С. 1

[6] Гвоздарев Ю. А., Савенкова Л. Б. Основы коммуникативной стилистики. - Ростов н/Д. - Феникс, М.: ИКЦ «МарТ». - 2009; Гин А. Приемы педагогической техники. М., - «ВИТА-ПРЕСС». - 2009; Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М. - «Академия». - 2009.

ший педагогический эффект дает разбор ситуации, когда кому-то отказали в просьбе, возразили в споре или впрямую пошли на разрыв деловых или личных отношений (участники такого мини-тренинга без труда могут привести массу примеров из личного опыта). Обучаемым предлагается спрогнозировать возможные ответы на возникший физический и психологический дискомфорт, проанализировать ожидаемые последствия не только краткосрочного, но и долгосрочного проявления. Преподавателю необходимо продемонстрировать функцию часто возникающих словесных нападок на собеседника, оппонента, основная функция которых — психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций.

Побудите студентов (в рамках педагогической техники гибкого управления их деятельностью) составить шкалу-рейтинг целесообразного и нецелесообразного речевого поведения, а также предложите продумать систему мер по самоконтролю.

Во-вторых, вербальная агрессия может возникать и как особое намерение, т. е. говорящий осознанно стремится нанести коммуникативный урон адресату. Именно ради этого он, пользуясь таким «запрещенным в цивилизованном обществе способом», прибегает к всем известной технике — унизить, оскорбить, высмеять или реализовать скрытую потребность в самоутверждении, самозащите, самореализации.

Поставьте перед студенческой аудиторией вопрос: всегда ли можно провести четкую границу между двумя сторонами вербальной агрессии?

Предоставьте обучаемым самостоятельно поразмышлять над внешними проявлениями намерений говорящего и тем фактом, что подчас реакция-сопровождение может привести к формированию устойчивого навыка к постоянной самозащите в виде грубости, повышенного тона, решения вопросов с позиции силы, притом уже не только на вербальном уровне.

Вывод, который будет рано или поздно сделан, причем сделан на конкретных примерах и путем *самостоятельных* размышлений, имеет несомненную педагогическую ценность. Обучаемые под руководством педагога приходят к выводу о том, что речевая агрессия на уровне негативных эмоций и чувств проявляется как агрессивное речевое поведение, наносящее в сфере деловой коммуникации непоправимый урон как имиджу собеседников, оппонентов, деловых партнеров, так и непосредственно общему делу, бизнесу, производственной деятельности.

С другой стороны, преднамеренное, целенаправленное и инициативное словесное нападение, представляя собой продуманный и спланированный, т. е. подготовленный, речевой акт, является еще более опасным компонентом речевой и поведенческой деятельности. Этот аспект рассматриваемого явления определяют как осознанно мотивированную человеческую активность, приводящую в конечном итоге не только к нанесению коммуникативного вреда адресату или разрушению гармонии общения, но и — нередко — к полному разрыву деловых отношений.

Формирование механизмов «считывания», или, иначе говоря, распознавания, своеобразной дешифровки собственно вербальных и паравербальных сигналов наличия агрессивных эмоций-сопровождений или агрессивных намерений в речи коммуникантов.

При описании факторов присутствия в коммуникации речевой агрессии, с нашей точки зрения, необходимо в качестве исходного пункта рассматривать коммуникативный дискурс — опираться на *контекст речевой ситуации*, анализируя конкретные условия общения: место, время, состав участников, их намерения и отношения между ними.

В типологическом плане следует также заметить, что проявление речевой агрессии может быть национально и лингвистически обусловленным: то, что в одной речевой культуре считается нормой (повышенный тон; темп и эмоциональность речи; паравербальные модели, например расстояние между собеседниками), в условиях другой речевой культуры расшифровывается как явно агрессивное поведение. Активное владение подобной информацией приобретает особую значимость в условиях развития международной академической мобильности, усиливая мотивацию «здесь и сейчас» нашей студенческой аудитории.

Базовое информационное наполнение обязательно должно включать следующие положения.

Разбор условий проявления речевой агрессии. В конкретной речевой ситуации ими прежде всего выступают следующие вербальные и поведенческие проявления:

1) отрицательное коммуникативное намерение говорящего (например, одна из интенций ряда «унизить адресата, выразить негативные чувства и эмоции»);

2) несоответствие высказывания характеру общения и «образцу адресата»;

3) отрицательные эмоциональные реакции адресата на данное высказывание и отражающие их ответные реплики[1].

Эти положения необходимо четко довести до сведения обучаемых. Формами информирования и научения могут стать следующие:

• аудиторная мини-лекция;

• организованная преподавателем-тьютором (в зависимости от количества учебных часов) самостоятельная работа по чтению, анализу конкретных учебных текстов с последующей тестовой проверкой усвоения основного информативного содержания;

• в обязательном порядке — формирование навыков и умений как составной части формируемых компетенций — решение практических задач в режиме ситуативных заданий, минимизированных case-study, проектной деятельности и т. д.

Предложите студентам в условиях учебной аудитории «разыграть» (с последующим анализом) три конкретные ситуации, моделирующие реальные ситуации общения. Их отбор должен удовлетворять требованию быть актуальными для данного контингента; далее можно попросить провести типологическое расширение на конкурсной основе (с поощрением тех, кто привел большее количество примеров), что также способствует повышению мотивации, а следовательно, эффективности учебно-воспитательной работы.

В условиях академической деятельности, в процессе приобретения фундаментальных знаний и формирования научного подхода и системного способа мышления обучаемых одним из существенных информационно-типологических компонентов становится обзор о*сновных подходов к изучению феномена агрессии.*

Минимальное наполнение информационно-дидактического контента должно, как нам представляется, опираться на следующие тезисы.

[1] Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. - «Флинта»; «Наука» - 2004.

Ученые, представляющие разные области знаний, размышляют над тем, какова природа речевой агрессии; каким образом возникает в человеке склонность к обидному общению; является ли она врожденной или возникает не сразу, приобретается в процессе жизни в обществе, общении с другими людьми.

В теории, объясняющей природу агрессии человека, — её происхождение, становление, причины и механизмы проявления, существует несколько точек зрения, ни одну из которых не признают универсальной.

Рассмотрим (фрагментарно) основные подходы к изучению феномена агрессии.

1) *Психоаналитическая концепция* агрессии, или теория влечений. Основоположник этой теории — австрийский врач-психиатр и психолог Зигмунд Фрейд. Необходимо акцентировать внимание на том, что в рамках теории влечений агрессия определяется как врожденный инстинкт.

В целом приверженцы теории влечений придерживаются пессимистического взгляда на возможность преодоления человеком своей агрессии, полагая, что её можно лишь временно сдерживать или трансформировать в безопасные формы, направлять на менее уязвимые цели.

Поскольку имя австрийского ученого хорошо известно в молодежной среде (хотя подчас весьма поверхностно и односторонне), можно предложить факультативно (в рамках организации самостоятельной работы) выполнить реферат, посвященный жизни и деятельности психолога; подготовить устно краткое сообщение-резюме; написать проблемное эссе, например, о том, как корреспондируются основные положения теории Фрейда с фактами его личной биографии и т. д.

2) *Фрустрационная концепция* агрессии.

Данная теория рассматривает агрессивное поведение человека не как эволюционный, а как ситуативный процесс. Одним из принципиальных положений этой теории является эффект катарсиса — процесса освобождения накопившейся энергии, приводящий к снижению уровня напряжения.

Предложите вашим слушателям в академических целях проинтерпретировать в терминах данной теории:

а) хрестоматийный пример — ситуацию, когда ребенок выражает речевую агрессию в адрес запрещающей ему шалить матери в форме оскорблений *(«Ты плохая! »)* или угроз *(«Не буду есть!»)*;

б) ряд аналогичных ситуаций, моделирующих реальную учебную коммуникацию, близкую и понятную в данной молодежной среде. Например, низкий балл аттестации и обсуждение этой проблемы с преподавателем (как нерадивый инфантильный студент отзывается о своем строгом наставнике); запрет пользоваться на лекциях и семинарах электронными гаджетами (во избежание отвлечения внимания или списывания) и вербальные и поведенческие реакции некоторых «не в меру расшалившихся» представителей студенческой аудитории.

Разумеется, студенты не обладают необходимой предметной эрудицией для критического анализа рассматриваемой концепции (равно как и прочих), что и необходимо довести до их сведения. Вместе с тем на данном примере можно решать несколько серьезных педагогических задач: прививать навыки чтения научной литературы, пробуждать жажду к получению новых системных знаний; формировать активную мыслящую личность; учить формулировать свою позицию не на пустом месте, а на базе реальных аргументов. И конечно же, оттачивать риторические и чисто речевые навыки по анализу информации, формулированию и аргументации собственной позиции.

3). *Бихевиористическая концепция агрессии, или теория социального научения.*

В рамках данного подхода феномен агрессии изучается как приобретенная форма поведения. Человек наблюдает и копирует агрессивные действия, высказывания окружающих его людей — родителей, учителей, сверстников. В то же время, согласно данной концепции, контроль над импульсивными действиями — не естественный феномен, а исключительно результат научения.

Важнейшим элементом теории социального научения является положительное и отрицательное подкрепление, с помощью которых можно, в частности, контролировать агрессивное поведение.

Положительное подкрепление — похвала, словесное выражение одобрения, положительная оценка преподавателем обучаемого. Отрицательное подкрепление — любое неприятное событие или стимул, действие которого можно прекратить или избежать, изменив поведение: например, порицание, словесное выражение неодобрения.

4). *Психолингвистический подход*. Согласно этой концепции (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин), сущность речевой агрессии заключается в особом преобразовании внешних процессов во внутренние процессы, связанные с речевой деятельностью, поскольку важнейшей формой выражения эмоций у человека является речь.

Проанализируйте вместе со студентами сложившуюся сегодня ситуацию. В современном мире существенно возросла роль таких факторов влияния, как интернет-общение, СМИ, телевидение, где нередко доминируют негативные речевые образчики, погружая неокрепшее сознание в мир агрессивных форм коммуникации[1]. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что русскоязычный Интернет (Рунет) — привычная «среда обитания» современной молодежи — характеризуется резко повышенным общим агрессивным фоном.

Следовательно, необходимо повысить роль факторов научения и позитивных коммуникативных эталонов в различных сферах: в семье, в образовательном учреждении, в кругу близкого дружеского общения, а также — что отнюдь не маловажно — факторов самонаучения при сформированном убеждении в необходимости противостоять агрессии в любых ее видах.

Последствия речевой агрессии.

Завершая тематический информационный блок «Речевая агрессия: природа, причины и последствия» в рамках одной из речеведческих дисциплин, можно остановиться на двух аспектах: общесоциальном и собственно коммуникативном.

Первый аспект. Используйте педагогическую технологию «Дебаты по актуальной проблеме» (с разделением «Плюс-позиция» и «Минус-позиция») и поставьте перед выступающими ряд проблемных вопросов:

1) Вербальная/физическая агрессия — две стороны одной медали?

2) Быть или казаться: почему «боевой дух», «задиристость», «энергичность» и т. п. заменяют термин «агрессия»?

3) Конфликтогены — что это такое и как их избежать?

4) Конфликт и агрессия: движение к истине или тормоз конструктивного движения?

[1] Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М. - «Академия». - 2009. С. 231.

Итогом проведения дебатов может стать общий вывод: основная опасность вербальной агрессии в социальном отношении заключается в недооценке ее опасности общественным сознании.

Второй аспект. Предложите ситуативные задания с распределением ролей «хороших (эффективных)» и «плохих (неэффективных)» коммуникантов в актуальных для обучаемых сферах общения: «Прохождение собеседования при приеме на работу», «Подготовка общего проекта» или «Участие в жюри научного студенческого конкурса». Если «неэффективные коммуниканты» будут наделены такими качествами, как «общий повышенный эмоциональный минус-фон», «агрессивность к сказанному собеседником», «нежелание выработать компромисс», «негибкость в деловой сфере», «неумение и нежелание слышать и слушать» и т. д., проявления и последствия речевой агрессии легко пронаблюдать.

Общий компетентностный результат, который будет достигнут участниками учебно-воспитательного процесса, — знание причин и основных проявлений феномена речевой агрессии; умение диагностировать ее признаки у коммуникантов, включая приемы самодиагностики; владение механизмами защиты от вербальной и поведенческой агрессии как база эффективной коммуникации.

Список литературы:

1. Ганина Е. В., Федорова Е. А. Лингвоэкологический фактор как составная часть коммуникативной подготовки иностранных обучаемых//Экология языка: Материалы 5-й Международной научной конференции. — Пенза. — Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2012.
2. Гвоздарев Ю. А., Савенкова Л. Б. Основы коммуникативной стилистики. — Ростов н/Д. — Феникс, М.: ИКЦ «МарТ». — 2009.
3. Гин А. Приемы педагогической техники. М., — «ВИТА-ПРЕСС». — 2009.
4. Глебов В. В., Родионова О. М. Особенности речевой агрессии [Электронный ресурс]//*URL:* http://www.rost-prof.ru/union/partners/rudn/articles/agr.html
5. Надеждина Н. Черная риторика по-русски. Минск. — «Современный литератор». — 2009.
6. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение. М. — «Академия». — 2009.
7. Преподаватель — основная фигура в реализации инновационной системы образования. Монография/Под ред. проф. М. А. Эскиндарова и др. — М. — Финансовый университет. — 2011.
8. Щербинина Ю. В. Как сказать: «Вася, ты не прав!». Газета «Первое сентября» агрессии [Электронный ресурс]//*URL:* http://www. http://ps.1september.ru/article.php?ID=200306821
9. Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М. — «Флинта»; «Наука» — 2004.

Gogoleva Marina Alexeevna, South Russia State University of Economics and Service,
Assistant Professor of the Department "Foreign Languages"

The Benefits and Challenges of Using Authentic Native-Speaker Language from the Internet in the Second Language Classroom

Computers, in one form or another, have been used in language instruction for over two decades with varying degrees of success. Today, the Internet is an unlimited resource for language teachers and language learners alike. CALL (computer assisted language learning) has grown from an infancy of merely transferring exercises from pen and paper to a computer screen, to an adolescence that provides a rich interactive environment for both spoken and written language that even has the capability to monitor students' pronunciation and to correct their essays. Perhaps more important and significant than sophisticated language learning software is the fact that the Internet has transformed our planet into a global community where it is now literally possible to have contact with anyone in the world almost instantaneously. This fact alone motivates millions of people to develop intercultural communication skills and demonstrates the ever more important need for second language learning and instruction. Teachers, having varying levels of technological skill and experience, may or may not have attempted to use on-line materials in their language classes. On-line teaching resources may seem unnecessary, overly complicated, or impossible to use due to lack of resources; however, in actuality, the use of authentic native-speaker language from the Internet offers many benefits, and while there are challenges in using it, the obstacles are far from insurmountable.

The first and principle benefit of using materials from the Internet is that it allows the language instructor to bring a "virtual" native speaker into the classroom. This is especially significant in rural or otherwise isolated locations where native speakers of the target language may not be available. This easy access to native speaker speech gives students invaluable models for pronunciation, intonation, rhythm and rate of speech. Students can hear and imitate speech patterns for both formal communication and informal reduced speech and at the same time gain an appreciation for register and appropriate expressions in a variety of situations and settings. Use of authentic language materials from the Internet brings the culture of the target language into the classroom. This is a great tool to assist the learner understand the people who use the target language as their first language. While it may seem preferable to have a native speaker interact with second language learners, this is often not feasible or even not possible, but every school with an Internet connection can access the culture of the language being taught at little or no cost.

Authentic language on the Internet comes in many forms. Students can be exposed to the target language in a variety of formats: newspaper and magazine articles, radio programs, news broadcasts, home videos (on You Tube, for example), and live chats. All of these venues afford the language student the opportunity to experience the target language in a real context and see how the language is used. Through live chats, the students can even enter into the context of and have a meaningful interaction with a native speaker of the target language. This greatly contrasts with the situation of too many language textbooks which teach formulaic language patterns with contrived texts. While this textbook method can achieve satisfactory results, being exposed to authentic language in a real context provides a much richer learning environment and experience for the language learner.

In addition to providing authentic rather than contrived language, the Internet provides materials that are current, topical, and up to date. Textbooks can quickly become outdated in their content, and once they are published, they cannot be easily revised and updated. I recall teaching from an English as a Second Language grammar book years ago in my first teaching assignment. In one of the exercises, students were to ask their partner what he or she was doing on the day that President John F. Kennedy was shot. The students all looked at me in a bewildered manner, and one of them informed me that none of them had been born yet on the day that Kennedy had been shot! The Internet, on the other hand, is constantly being updated and added to. Its content is continually expanding making it very easy for the second language instructor to find materials that are relevant to and engaging for her students.

Another benefit of using materials taken from the Internet is that by its very nature, students are attracted to it and find it motivating. Today's students are highly connected electronically, spending hours each day "connected" through the Internet through social networks, search engines, text messaging (SMS), and other on-line activities. In my experience as a teacher, I find that when I give students a task to be completed with pen and paper, they spend the least amount of time possible to complete it if they do it at all. However, when I give them a comparable assignment to be completed with on-line resources, they spend a disproportionately longer amount of time on the activity. Students are intrinsically motivated by the Internet. When they are on-line, they feel connected to the world.

The Internet is also an easy way to individualize instruction. Most of our students have access to the Internet outside of the classroom. Giving an assignment that requires students to investigate and do research on the Internet leads each student to an individual response that in turn can create a very dynamic classroom discussion on the topic because every student has a unique piece to contribute to the discussion. Contrast this with a more traditional assignment where students answer questions based on a reading in a textbook. Once one student has answered the question, the others concur, and there is little or no engaging conversation between students on the topic. While completing an assignment on-line, students can each work individually, at their own pace, replaying videos or rereading texts as many times as necessary to gain comprehension and language competence. Students who do not have access to the Internet outside of class can be given access to a computer in a laboratory at the school.

One of the keys to reaping the benefits of Internet based materials is to create tasks that are open ended, that is, that have more than one possible correct answer or solution. This type of task ensures that every student in the class who completes the assignment will have something different from the others to contribute to the class discussion. Since each student searches for an answer or solution to the task individually on the Internet, each student will approach the assignment from a different perspective and bring an individualized answer to class. This variety of student responses creates a rich environment for discussion in the target language. An excellent example of this is the WebQuest. A WebQuest, according to webquest.org, is an inquiry-oriented lesson format, in the form of a group project activity that consists of 1) *an introduction*, 2) *a task*, 3) a set of steps by which students will complete the task, known as *a process*, 4) *an evaluation*, and 5) *a conclusion*. What makes a WebQuest assignment unique is that students do all of their research and find all of the information necessary to complete their task on the Internet. Some of the websites are provided by the instructor to help the students get started with their quest for information. They may then branch out on their own by either following links or using a search engine such as Google to find the additional information necessary to complete the task.

To help us better understand the concept of a WebQuest, we will consider an example WebQuest assignment on the topic of "Pop Culture". In the *introduction*, the teacher leads a class discussion on what is the meaning of "Pop Culture" and then defines the *task*, which is to learn about pop culture and create a piece of pop art. In the *process* step, students are broken into smaller groups and given specific steps to follow. In this case, they will click on provided Wikipedia website links that take them to articles on pop culture and pop art. They are to read the articles, and then find additional websites to confirm the information that they read in Wikipedia. They must find the additional websites on their own. The final step of the process is to prepare a group presentation to the class on their discoveries and to create a piece of pop art to show during their presentation. In the *evaluation* step, each student is assigned a grade, in this case based on a rubric, but the teacher could assign the grade based on other criteria as well. In the *conclusion*, the teacher leads another class discussion to guide the students through the main points that she wanted them to learn from this activity: the definition of pop art, its origin, and the role is plays in contemporary society. She also gives the students additional websites to explore for those who have become interested in this topic.

This example project can be seen in its entirety at the following website: http://questgarden.com/69/33/4/081023101009/task.htm. While it requires a considerable amount of time for the teacher to create a WebQuest assignment, there are many on-line resources where teachers can find WebQuests that have already been designed by other instructors and are ready to use. For example, the website http://webquest.org has a database that contains over 2,500 WebQuest projects ready to use. There are many other such websites as well.

According to Murray, second language learners do best when they are in an environment that 1) challenges them with complex, relevant activities that involve critical thinking and engage all their senses, 2) allows them to build new knowledge by linking it to prior knowledge, 3) provides social interaction, 4) gives support when needed to ensure help is available, and 5) stimulates, but does not induce anxiety. It is therefore not so much the computer itself that is beneficial in language teaching, but rather the type of activities we construct from Internet materials that provide students with the opportunity to engage in authentic language use. Herein lays the greatest challenge for the second language instructor — the selection of Internet material and the development of activities to exploit this material for the maximum benefit of the learner.

The first consideration when preparing a lesson using material from the Internet is the same as in any lesson plan, the objective of the lesson. An internet video selection, for example, should not be selected just because it is fun or entertaining, but because it meets the objective of the class, whether that be to model a grammatical point, illustrate thematic vocabulary, or provide content relevant to the lesson. The length of a video segment should also be determined by the objective of the lesson. For most lessons, it is best to select a video segment that is short, three to five minutes, so it can be played several times and allow sufficient time for students to perform specific viewing tasks and interact in class or group discussions related to the video. On the other hand, for a lesson with the objective of developing lecture listening and note taking skills, the video must be significantly longer.

Unfortunately for the language instructor, most Internet sites do not come with readymade lesson plans for language learning. Developing materials for use with Internet media is perhaps the greatest challenge the language teacher faces in this regard. The *Hot Potatoes software* suite is a useful free tool that can be downloaded from the Internet and includes six applications, enabling instructors

to create interactive multiple-choice, short-answer, jumbled-sentence, crossword, matching/ordering and gap-fill exercises for the World Wide Web (http://web.uvic.ca/hrd/halfbaked). There are numerous websites offering English language content suitable for language learning. The website www.teachersdomain.org features video segments taken from American Public Television and many of these video segments have lesson plans on-line that have been developed and posted by teachers. The Teachers Domain is a searchable site by content area and each video has links to other related videos, enabling one to build upon what students have already learned. The TED lecture series (www.ted.com) hosts video lectures that range in length from three minutes to over forty-five minutes and are searchable by theme, length, speaker, or title. Each lecture has transcripts available on-line in twenty-four languages. For audio only, the National Public Radio site (www.npr.org) offers newscasts of various length that are spoken in very clear English. One advantage of all of the mentioned websites is that the video and audio content can be downloaded to a computer and used off-line thus making an Internet connection in the classroom unnecessary.

Cooperative group learning activities work exceptionally well with Internet based lessons. In cooperative group learning, students work in teams to perform an open ended task that, as stated by Ledlow**,** requires the following four elements.

"Positive interdependence — the success of all in the team is linked (to group performance); **I**ndividual accountability –the instructor can verify that all students are contributing and learning; **E**qual participation — the structure of the assignment should be such that all students have to participate, and that there are mechanisms to ensure that the participation is equitable; **S**imultaneous interaction — at several points in the lesson, ensure that at least more than one student is actively engaged at a time. Adding a step where students work with a partner within the team doubles the amount of participation. Having all students write an individual response before engaging in a team discussion gets all simultaneously involved."

Students are assigned roles in their groups to ensure that each student has a responsibility that contributes to the group's success. Student roles in the group may include: **F**acilitator- responsible to lead the group through the task and call the teacher when help is needed; **L**anguage **M**onitor — who makes sure the group works in the target language; **T**ime **K**eeper — who keeps the group on schedule to complete the task in the allotted time; **R**ecorder — responsible to take notes on the group's discussion; and **R**eporter — who gives an oral summary of the group's findings to the entire class.

The use of cooperative group learning with Internet based materials in the language classroom helps ensure that student interactions in class are as authentic as the language material taken from the Internet.

The benefits of using authentic native-speaker language from the Internet in the second language classroom are numerous. Rich authentic language materials are abundant on the Internet, and with some careful planning and execution, can transform a second language classroom into a rich multicultural learning environment.

Sourse citation:

1. Allen, Jamer, and Yuzhu Teng. Non-native speakers in e-learning environments//Academic Exchange Quarterly, Spring, 2004.
2. Al-Hashash, Saad. Bridging the gap between ESL and EFL; using computer assisted language learning as a medium.//Indian Journal of Applied Linguistics 33.1, 2007.
3. Galpin, Lottie. Two books for the Internet//Modern English Teacher, 17.4 2008.
4. Ledlow, Susan. Cooperative Learning in Higher Education. 1999, Arizona State University, Available at http://clte.asu.edu/active/ledlow.htm.
5. Murray, Denise E. From marginalization to transformation: How ICT is being used in ESL learning today//International Journal of Pedagogies & Learning 4.5, 2008.
6. Ramirez Salas, Marlene M. Selecting appropriate authentic video material for an EFL classroom. Káñina 27.1, 2003.
7. Gavin Dudeney and Nicky Hockly. How to Teach English with Technology, Longman Press, 2008.
8. Gavin Dudeney. The Internet and the Language Classroom, Cambridge University Press, 2007.

Golub Tetiana,
National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute", Lecturer

Project-based Learning in German Engineering Education

Education in German technical universities has been overcoming the traditional classroom teaching educational model, which proved to be ineffective. In recent years, the engineering profession has called for change in technical education so to meet the demands of industry. This paper discusses the application of project-based learning in technical universities, describes the basic requirement to teach specialised knowledge just-in-time and on-the-job and discusses the relevance of project-based learning in German technical universities.

Introduction

Today's engineers must cope with technological and organisational change in the workplace and the commercial realities of industrial practice, as well as the legal consequences of every professional decision they make. Despite these requirements, the predominant model of engineering education in many countries mostly remains similar to the traditional classroom teaching, with large classes, single-discipline and lecture-based delivery the norm. An alternative is project-based education where the students are centred on learning through project work instead of on teaching. This paper begins by examining the key concerns for engineering education, then looks at the definition and nature of project-based learning and reviews its application in German technical universities.

Discussion

In recent years education in German technical universities have been conducted to determine the technical and personal abilities required of engineers by modern industry. Such studies have indicated some key concerns: 1) modern engineering graduates need to have a broader perspective of the issues that concern their profession such as social, environmental and economic issues; 2) they need to have strong communication and teamwork skills; 3) they should graduate with good knowledge of fundamental engineering science.

Thereby the new educational approach shifts emphasis away from "what is being taught" to "what is being learned"[1]. Engineering educational programs are now required to demonstrate that their graduates are achieving a set of specified learning outcomes, and the means of demonstrating this is left to each university to decide and implement. So modern engineering education should teach necessary knowledge just-in-time and on-the-job and project-based education is one of the methods to provide it.

Almost every task undertaken by an engineer in professional practice is related to a project. Projects have varying time scales, varying complexity, but they all relate in some way to the fundamental theories and techniques of an engineer's discipline specialisation. Successful completion of projects requires the integration of all areas of an engineer's undergraduate training. Projects are obligatory part of curriculum in each German technical university, so it is a concept and teaching method that is familiar to all future engineers in Germany.

Project-based learning has a long-standing tradition. Its roots may be found in the writings of many distinguished educators, including J. Dewey in the 1930s[2], J. Bruner in the 1960s[3] and contemporary educators since the 1990s.

Project-based learning is an instructional approach built upon authentic learning activities that engage student interest and motivation. These activities are designed to answer a question or solve a problem and generally reflect the types of learning and work people do in the everyday life outside the classroom. The c**haracteristics of authentic learning activities are:**

1. Real-world relevance: activities match as nearly as possible the real-world tasks of professionals in practice rather than decontextualized or classroom-based tasks.

2. Ill-defined: activities require students to define the tasks needed to complete the activity.

3. Complex, sustained tasks: activities require significant investment of time and intellectual resources.

4. Multiple perspectives: provides the opportunity for students to examine the task from different perspectives using a variety of resources, and separate relevant from irrelevant information.

5. Collaborative: it is integral for task completion.

6. Value laden: provide the opportunity to reflect students' beliefs and values.

7. Interdisciplinary: activities encourage interdisciplinary perspectives and enable learners to play diverse roles and build expertise that is applicable beyond a single field or domain.

8. Authentically assessed: assessment is seamlessly integrated with learning in a manner that reflects how quality is judged in the real world.

9. Authentic products: activities create polished products valuable in their own right.

10. Multiple possible outcomes: activities allow a diversity of outcomes open to multiple solutions of an original nature, rather than a single correct response obtained by the application of predefined rules and procedures[4].

Being a constituent of the authentic learning activities project-based learning:

— is learning in depth — it provokes students to encounter the central concepts and principles of a discipline;

— is problem orientated — a problem serves to drive learning activities that according to J. Dewey[5] is at the core of "scientific" or "reflective" thinking, which should have constituted the goal of education;

— teaches students skills as well as content — the skills include communication and presentation, organization and time management, research and inquiry, self-assessment and reflection, group participation and leadership skills;

— is done by individuals or groups of students working together toward a common goal — performance is assessed on an individual basis, and takes into account the quality of the product produced, the depth of content understanding demonstrated, the contributions made to the ongoing process of project realization;

— allows students to reflect upon their own ideas and opinions, exercise voice and choice, make decisions that affect project outcomes and the learning process in general;

— is based on self-direction and collaboration;

— has a multidisciplinary nature;

— is normally supported in the start phase with traditional teaching methods;

— is focused on the application and the integration of previously acquired knowledge.

Consequently major attributes of project-based learning are the following: student and process centred; teaching through skills; group-based; experiential. In this approach the emphasis moves from the result to the process and the role of "teacher" transforms from the classroom main actor and "dictator" to an advisor or facilitator, from one of telling students correct answers to one who is guiding and facilitating learner activity.

Combining these considerations, project-based learning can be defined as "*a systematic teaching method that engages students in learning essential knowledge and life-enhancing skills through an extended, student-influenced inquiry process structured around complex, authentic questions and carefully designed products and tasks*"[6].

Project-based learning may be defined in various ways by different educational disciplines and levels. It may also be applied in individual courses or throughout a curriculum as described by G. Heitmann[7], who differentiates between "project-oriented studies" which involve the use of projects, and "project-organised curriculum" where projects are the structuring principle of the entire curriculum, and subject-oriented courses are eliminated or reduced to a minimum and relate to a certain project.

---

[1] Koehn, E. ABET program criteria for educating engineering students//International Conference on Engineering Education, ICEE'99, Paper 413, 1999. – Available on-line at http://www.fs.vsb.cz/akce/1999/ICEE99/Proceedings/papers/413/413.htm

[2] Dewey, J. How We Think. A Restatement of the Relation of Reflective Thinking to the Educative Process. – Boston: D.C. Heath, 1933.

[3] Bruner, J. The Process of Education, Harvard University Press, 1977.

[4] Reeves, T.C., Herrington, J., Oliver, R. Authentic activity as a model for web-based learning//Annual Meeting of the American Educational Research Association, New Orleans, 2002.

[5] Dewey, J. Experience & Education. – N.Y.: Collier MacMillan, 1963.

[6] What is Project-Based Learning? – Available on-line at http://pbl-online.org/About/whatisPBL.htm.

[7] Heitmann, G. Project-oriented study and project-organized curricula: A brief review of intentions and solutions//European Journal of Engineering Education. – Nr. 21. – 1996. – P. 121–131.

Historically, engineering curricula have been based largely on an "engineering science" model, in which engineering is taught only after a solid background in science and mathematics[1]. The first year of engineering curriculum is normally dedicated to basic sciences which is then followed, in later years of study, by engineering science and ultimately by some elements of synthesis. In Germany projects are evolved through the years from mainly theoretical projects suggested by supervisors to projects provided and sponsored by industry. One of the special ways of applying project-based learning used in German technical universities is by engaging students in real-life projects and involving them in active inquiry which makes the learning intensified and improved. There are plenty of examples of successful introduction of project-based learning in Technical University Dresden, Technical University Berlin, RWTH Aachen at alias.

Project-based learning in German technical universities can be divided into two main themes namely, design-oriented and problem-oriented education. Design-oriented education deals with practical problems of designing and constructing on the basis of a synthesis of knowledge from many disciplines ("know-how"), problem-oriented education deals with the solution of theoretical problems by the use of any relevant knowledge ("know-why") [2]. German technical universities as a rule use both kinds of project-based learning. For example in the undergraduate studies project work mainly involves the design-oriented approach, while the graduate studies use problem-oriented approach.

One of the most important aspects of any project work is how the project is obtained. In particular projects should:

— be challenging but with good chances for successful completion;
— be common enough so that there is information sources available;
— emphasize the application of theory;
— involve engineering design work;
— meet specified standards and safety criteria;
— not involve proprietary information if industry is involved[3].

There are different sources of projects, for example hypothetical projects chosen by supervisors, industry sponsored ones etc. Opinions vary as to the validity and effectiveness of industry sponsored projects. Some argue that these projects normally require low level of analysis which does not push students hard enough in engineering requirements, other disadvantages include misfit with course requirements and possible issues of invention and patent rights. However, as a "project is valuable only to the extent that it approaches reality"[4] industrial projects have an unquestionable advantage over "make-up" projects because students will not be able to experience real engineering work unless they work on a real, practical engineering problem. Industry sponsored projects also have additional advantages of greater student commitment and enhancing students interaction with engineers from industry which promotes students self-confidence and interpersonal skills.

The main interest of the universities in project-based learning is to maximize education output in terms of competences acquired by students. This results in the requirement to maximize the gap between needed competences to achieve the project objective and competences available in the participating students. The restriction is to maintain workability of the project considering that some competences must be acquired and subsequently applied. Learning by failing is not suitable for projects from the universities perspective, since each project addresses a unique industry problem and the project period is limited. As a result competences obtained during the course can hardly be checked by a formal examination. Achieving the project objective becomes the criteria for evaluating the competences obtained by the student.

Conclusion

This study suggests that in order to make engineering education more attractive, it is necessary and beneficial to build up an environment where learners can master technological knowledge in an active way and at the same time appreciate the meaningfulness of studying engineering and learning to become an engineer. In the context of the requirements of higher education and the calls from industry on what they need from engineering graduates, it would appear that these demands are unlikely to be satisfied by a traditional engineering curriculum. A project-based learning as successfully adopted at German technical universities appears to be the best way to satisfy industry needs, without sacrificing knowledge of engineering fundamentals. In project-based learning as the task reflects reality, so working on a project can be seen as a way of organising integrated learning process. Project-based learning tries to cultivate students' ability to learn actively, to think critically and to solve problems through an instruction process that focuses on practical tasks. It offers an attractive alternative to traditional education by shifting the focus of education from what lecturers teach to what students learn.

The use of project-based learning as a key component of engineering curriculum should be promulgated as widely as possible, because it is certainly clear that any improvement to the existing lecture-centric programs that dominate engineering would be welcomed by students, industry and accreditors alike.

---

[1] Dym, C. L. Design, Systems, and Engineering Education//International Journal of Engineering Education, Vol. 20 (No. 3), 2004. – P. 305–312.

[2] Luxhol, J. T., Hansen, P. H. K. Engineering Curriculum Reform at Aalborg//Journal of Engineering Education, Vol. 85 (No. 3), 1996. – P. 83–84.

[3] Phillips, J. R., Gilkeson, M. M. Reflections on a Clinical Approach to Engineering Design//Design Theory and Methodology, Vol. 31, 1991. – P. 1–5.

[4] Smith, M. J. Use of a Process Simulation Computer Program in an Industry Project Capstone Design Course//Proceedings. ASEE Annual Conference, Vol. 2, 1991. – P. 1176–1186.

Marina V. Danilova, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
Associate Professor of the chair of Social Pedagogics and Psychology
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor

Данилова Марина Владимировна,
ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
к. п.н., доцент кафедры социальной педагогики и психологии

Integration as factor of the development of regional multicultural environment

Интеграционные процессы как фактор развития поликультурного образовательного пространства региона

Усиливающиеся интеграционные процессы межкультурного взаимодействия стран и народов объективно обусловили формирование в современной российской действительности поликультурного образовательного пространства, как развивающейся и априори многовариантной целостности, структурные элементы которой используются субъектами образовательного процесса для освоения и трансляции гуманистических ценностей.

Тенденции развития современного общества определяют пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Многонациональность населения большинства государств и регионов, обусловленная как историческим развитием, так и современными миграционными процессами, интенсификация экономических, политических и духовных отношений усиливают связи представителей разных национальностей и конфессий.

Реалии интеграционных тенденций диктуют необходимость создания поликультурного образовательного пространства, отражающего особенности национально-региональных условий, что вызвано актуализацией социальной потребности в формировании личности, сочетающей в себе системные знания в области национальной культуры, гармоничное национальное самосознание, ориентацию на этнокультурные ценности, толерантность и способность к межэтническому и межкультурному диалогу.

Поликультурное образовательное пространство в данном контексте рассматривается нами как целостность поликультурной образовательной системы региона на основе диалога ментальностей, этнокультур, что способствует этнокультурной идентификации личности.

Интеграционные процессы, принимающие интенсивный оборот, в том числе в образовательной сфере, определяют построение поликультурного образовательного пространства с учетом следующих компонентов:

— упорядочивание и соорганизация некоторых элементов в отдельное целостное, что содействует появлению качественно новых системных свойств, отражающих реалии поликультурного образовательного пространства;

— дифференциация (наличие вариативных возможностей), что позволяет создать механизм формирования поликультурного содержания учебного и воспитательного потенциала пространства.

Несомненно, поликультурное образовательное пространство возможно на основе сочетания двухвекторных характеристик: вариативности и интегративности (взаимодополняемости). Содержание данной дихотомии определяет процесс формирования поликультурного образовательного пространства с учетом региональных различий, отражающихся в традициях, культуре, национальном и религиозном составе населения, уровне экономического развития и т. д. В результате теория и практика интеграционных процессов является системой рационального выбора между единством и многообразием культуры, более того, способствует учету культурного своеобразия народов. Интегральный эффект проявляется в одной стороны, в стремлении к всестороннему развитию явлений, а с другой — в гармонизации внутренних связей между ними.

Определяя интеграцию любого явления, как процесс его движения, развития к более целостному состоянию, характеризующемуся не только большей степенью взаимосвязанности всех элементов, но, прежде всего изменением свойств самих элементов (расширением их профиля) и гармонизацией их связей между собой, правомерно отметить, что это ведет к более высокому уровню целостности системы и новым «интегральным эффектам». На наш взгляд, данные «эффекты» отражаются в признании поликультурности как социокультурного и педагогического феномена, экспликация содержания которого связана с теорией и практикой интеграции в учебно-воспитательном процессе. Это, в свою очередь, определяется характером идеологических приоритетов в образовании, которые содержат реалии модернизирующегося социума.

Ведущие тенденции развития поликультурного образовательного пространства в регионе на современном этапе синтезировались в глобальные социальные явления:

— универсальность общечеловеческой культуры, ее глобальный общепланетарный характер и уникальность этнокультур;

— интеграция в образовании этно и поликультурного содержания на основе этнической, национальной и общечеловеческой самоидентификации;

— вовлечение в цивилизационные процессы, основывающиеся на национальной, интернациональной и мировой культурах;

— проявление историко-региональных и локальных особенностей взаимодействия народов, что способствует реализации национально-регионального компонента образования.

Ресурсы поликультурного образовательного пространства многообразны. Среди приоритетных тенденций необходимо отметить разработку и апробацию инновационных подходов к решению вопросов, связанных с поликультурным образованием.

Поликультурное образование приобретает фундаментальное значение не только в гармонизации межэтнических отношений, но и в формировании человека, способного к активной деятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований.

Среди приоритетных необходимо отметить следующие принципы поликультурного образования:

— принцип аксиологичности (освоение ценностных ориентиров в межнациональном взаимодействии);

— принцип толерантности (уважение норм и традиций национальной культуры других народов);

— принцип межкультурной компетентности (знания, представления об этнических общностях и их культуре и толерантные поведенческие отношения, настроенные на межэтническое взаимопонимание и взаимодействие);

— принцип полилингвизма (знание двух и более языков для обеспечения транснациональной коммуникации);

— принцип паритета между национальным, федеральным и общемировым компонентами образования (обеспечение этнокультурного и поликультурного компонентов для реализации национальной, общероссийской и общечеловеческой самоидентификации).

Российскую школу сегодня можно определить как сосредоточение межкультурных и духовно-нравственных процессов, где представлена качественная характеристика средового состояния общества. В этой связи особая роль в поликультурном образовании должна отводиться репрезентации вариативности культур страны, региона, области, поскольку это способствует формированию представлений о культурном разнообразии как о норме сосуществования и взаимного уважения. Следует выделить следующие особенности поликультурного образования:

— отражение в учебном материале гуманистических идей;

— сочетание основ национальной (родной), русской и мировых культур в содержании образования;

— воспитание личности толерантной к этнокультурному разнообразию, с развитыми социально-ценностными потребностями в созидательной деятельности, личности с позитивными моделями поведения;

— формирование гражданской позиции, как осознанного участия личности в жизни общества, основанного на ощущении себя гражданином Российского государства;

— осуществление поликультурного образования в контексте культурно-образовательной жизни региона.

Эффективность функционирования поликультурного образовательного пространства обусловлена определенными качественными параметрами: особенностями социально-исторического образа жизни, ростом миграционных процессов в стране, спецификой среды проживания субъекта (диаспора в провинциальном полиэтническом городе, столичный полиэтнический мегаполис, полиэтнический город в пределах своей Родины), педагогическим потенциалом (реализацией поликультурного компонента образования). Поэтому тенденция к поиску новых форм взаимодействия различных этнокультур в рамках одного пространства является значимо актуальной.

Одной из приоритетных задач является формирование общероссийской идентичности, являющейся фактором гражданской солидарности и консолидации представителей различных народов и конфессий.

Поликультурное образовательное пространство, ориентируясь, прежде всего, на подрастающее поколение, призвано поддерживать развитие региональных молодежных и общественных инициатив, направленных на формирование интегративных характеристик: этническую толерантность, культуру межнационального общения, гражданскую позицию. Следует подчеркнуть, что эти характеристики предполагают диалог культур, критическое осмысление собственной культурной традиции, преодоление этноцентрической фиксации, воспитание толерантности через признание равенства всех к сознательному и ответственному социальному поведению, что ведет к взаимному обогащению этнокультур, составляющих общество.

Danylyuk Serhiy Semenovych, Ph.D in Linguistics, Associate Professor
of Conversational English Department, Educational-Scientific Institute of Foreign Languages,
Bohdan Khmelnytsky National University at Cherkassy

Formation of Future Philologists' Professional Competence in the Aspect of Informatization of Education

Modern education is impossible without the usage of all forms of information-and-communication technologies. One of the main applications of these technologies in the sphere of higher education is educational process. Information means, a variety of computer programs and electronic resources are used to study the proper information technology in teaching and other fields of knowledge, particularly, Philology.

Informatization of education as a process of introducing information technologies in various fields of modern educational system becomes more widespread and comprehensive.

Real informatization of society involves organizing teaching computer literacy, training and retraining of users, computerization of all stages of education from primary school to University and post-graduate education system, creating a network for retraining of workers, promote, especially among young people, a new information culture.

In the process of informatization of society the central place should be taken by informatization of education. The idea of developing new learning technologies, based on broad computerization and informatization of pedagogical systems, conditioned such global trends as[1]: 1) development of global business infrastructure; 2) computerization and automatization of all branches of science, engineering and technologies; 3) changes in professional structure of society and attitude of people to labor; 4) information integration of education into the global system.

Among ideas and tendencies inherent in the field of education and influencing education informatization, one can single out the following ones[2]: 1) humanization and humanitarization of education; 2) multi-level and advanced training; 3) continuity of education, the need to increase knowledge during the whole life; 4) socialization and professionalization of an individual.

[1] Интернет-технологии в образовании. Тамбов. ТГТУ. 2002. Ч. 3. С. 5.

[2] Там же. С. 5–6.

Computerization of education is a process aimed at improving the quality of the content of education, performing researches and development, implementation, support and development as well as replacement of traditional information technologies with more efficient ones in all types of activities in the national education system of Ukraine.

The global goal of informatization of education is in radical improvement of the efficiency of the quality of education that meets the requirements of the post-industrial society. Such a goal is multifactorial and includes a number of sub-goals, in particular[1]: 1) preparation of students for full and effective participation in all spheres of life in conditions of the information society; 2) improvement of the quality of education; 3) increase of the availability of education; 4) information integration of the national system of education to the infrastructure of the world community.

Informatization of education achieves two strategic goals. The first of them is to increase the efficiency of all types of educational activities through the usage of information and telecommunication technologies. The second one is to improve the quality of training of specialists with a new type of thinking, which meets the requirements of the information society[2].

The introduction of information and telecommunication technologies has created new forms of educational activities, including distributed in time and space distance learning. Computerization has also affected relatively new formal theoretical approaches to working out new training courses, materials and methods.

As for "educational" directions of introduction of information technologies in the life of society, one should single out[3]: a) changing the contents and functions of education, forms and methods of pedagogical activities in conditions of formation and development of the information society; b) positive impact of informatization means on the development of creativity skills and career guidance; c) educational impact of information technologies; d) construction of open learning architecture on the basis of information technologies; e) appearance of possibility of usage of multimedia technologies in education; f) further development of continuing education in conditions of formation and development of the information society; g) development and widespread use of electronic models of pedagogical teaching means, educational e-books and resources; h) establishment of developmental education based on the usage of information resources of society; i) introduction of information and telecommunication technologies in additional education; j) combination of traditional and modern ways of learning in the information society; k) formation of teachers' information culture for work in all forms and levels of learning and teaching process; l) generation of new approaches to the management of higher educational establishments and evaluation of the quality of pedagogical labor; m) globalization and integration of educational services in the information society.

As a result of analysis of features of informatization of society and informatization of education the thesis is formulated that it is impossible to achieve the quality of teaching future philologists to act in the modern information society without the appropriate level of informatization of education. This statement is due to two main ideas[4]: 1) the quality of modern educational process can be achieved only if in all forms and types of educational activities information and telecommunication technologies are applied. Their usage should match the needs of educational system; 2) informatization of education, the usage of means of informatization by University students in the learning process contributes to the development of necessary qualities of information culture, real involvement of future philologists to usage of information and telecommunication technologies both in future professional activities and in other areas of public life.

The implementation of social and economic reforms in Ukraine makes it necessary to build the information society, sets for the educational system the task of forming information culture for all citizens of the country and singles out informatization of the sphere as one of the most important directions of educational reform[5]. Now for bringing up future philologists as individuals it is necessary to involve them in information-and-communication opportunities of modern technologies, to master the real information culture, opening the way for them to achieve one of the main goals of education: starting from the dialogue of cultures and people through the identification and development of creative potential of an individual to reach mutual enrichment and productive interaction of human communities[6].

Therefore, the aim of studying computer science and items of information cycle by future philologists in higher educational establishments is the formation of their information culture, knowledge and skills to use information technologies in their daily work and their willingness to live and work in the information society. Professional skills are professionally developed business qualities, which not only affect the success in mastering the profession, but also the results of the work. For a philologist this is the ability to solve professional tasks of any complexity in the environment of information technologies.

In this paper we state the fact that the process of computerization of educational institutions is not stable, irrespective of socio-economic reforms and difficulties caused by them. Development of the information society requires new approaches in training specialists of all specialities in higher educational establishments and, of course, it did not lose its relevance for specialists of philological profile.

Distinguishing of three levels of entering by an individual the world of computer science and computer engineering is possible[7]: 1) computer awareness (initial familiarity with computers); 2) computer literacy; 3) information culture.

Now high school in the process of teaching students often provides only their computer awareness, in the best case — their computer literacy. As for formation of future philologists' information culture, this problem should be solved in a more purposeful and complex way[8].

---

[1] Интернет-технологии в образовании. Тамбов. ТГТУ. 2002. Ч. 3. С. 6.

[2] Григорьев С. г. Информатизация образования. Фундаментальные основы. Томск. Изд-во «ТМЛ-Пресс». 2008. С. 134.

[3] Атанасян С. Л. Формирование информационной образовательной среды педагогического вуза : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. М. 2009. С. 38.

[4] Там же. С. 40–41.

[5] Там же. С. 41.

[6] Захарова И. г. Информационные технологии в образовании. М. Издательский центр «Академия», 2003. С. 4.

[7] Брановский Ю. С. Методическая система обучения предметам в области информатики студентов нефизико-математических специальностей в структуре многоуровневого педагогического образования : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. М. 1996. С. 98.

[8] Там же. С. 99.

At the end of the paper we may say that bringing up the information culture of a specialist contributes significantly to the formation of his professional competence. Mastering special software products helps to analyze, to predict and to forecast different situations using the whole arsenal of computers and software. With the help of building information models of pedagogical processes and their analysis the achievement of gradual formation of professional competence becomes possible.

Kron Roman V., Stavropol State Agrarian University
Associate Professor of Mathematics
Dolgih Ekaterina, Stavropol State Agrarian University
Senior Lecturer, Department of Mathematics
Крон Роман Викторович, Ставропольский государственный аграрный университет,
доцент кафедры математики
Долгих Екатерина Владимировна, Ставропольский государственный аграрный университет,
старший преподаватель кафедры математики

Methodological features of intersubject connections in the university example of teaching higher mathematics

Методические особенности формирования межпредметных связей в ВУЗе на примере преподавания высшей математики

Одной из основных проблем, с которыми сталкивается преподаватель высшей математики в вузе, является низкий уровень долговременного запоминания материала студентами. Особенно остро этот вопрос встает на факультетах, для которых математика не является основным предметом изучения или не используется в достаточном объеме при преподавании специальных дисциплин. Каждый преподаватель высшей математики на одном из первых занятий обязательно сталкивается с вопросом какого-нибудь студента: «А зачем мне, агроному (ветеринару, бухгалтеру, зооинженеру и т. д.), нужна ВЫСШАЯ математика? Разве не достаточно школьного уровня знаний?». Исключением из данного правила являются, в некоторой мере, студенты инженерных факультетов или факультетов, на которых математика является профилирующим предметом.

Какие же ответы чаще всего вынужден давать преподаватель на подобный вопрос?

— Вы поступили в ВЫСШЕЕ учебное заведение, по окончании его вы получите диплом о ВЫСШЕМ образовании и, как дипломированный специалист, вы обязаны иметь высокий уровень подготовленности по всем предметам, входящим в курс обучения.

— О «нужности» или «ненужности» высшей математики вы пока что судить не можете, потому что не знаете тех дисциплин, с которыми столкнетесь при дальнейшем обучении.

— Все те знания, которые вы получите при изучении этой дисциплины, являются лишь уточнением и дополнением школьных.

Или еще более незамысловатые:

— Не мы придумываем образовательные стандарты.

— Сначала выучите предмет, потом задавайте такие вопросы.

…и многие подобные.

К сожалению, среди вариантов ответов на подобные вопросы крайне редко можно встретить вариант ответа, построенный на правильном методико-психологическом построении курса обучения: при явно показанной необходимости даваемых знаний для будущей профессиональной деятельности вопрос «А зачем…?» не мог бы возникнуть в принципе.

Методы построения занятий курса такого типа достаточно разнообразны — это и проблемный вариант обучения, и творческое построение занятий, и исследовательская разработка на заданную тему, и использование оригинальных методов представления материала, включая использование мультимедийной и компьютерной техники, и еще целый ряд общеизвестных и авторских методик. Идет формирование всесторонне развитых специалистов широкого профиля. Чтобы оно осуществлялось правильно, необходима тщательная «стыковка» между составными частями подготовки специалиста, соблюдение принципа преемственности в обучения и воспитании учащихся. В вузе преемственность должна быть выдержана по всем направлениям: в физическом и умственном развитии; в воспитании мировоззрения; в содержании обучения; в формах и методах преподавания; в организации контроля знаний; в формировании у студентов навыков самовоспитания; в повышении познавательной активности; интеллектуальных способностей, общего развития обучаемых; в профессиональной ориентации; в выработке у молодежи перспективной целевой установки и стремления к ее выполнению; в единстве требований, предъявляемых разными преподавателями к студентам и т. д. Трудность соблюдения преемственности в указанных и других направлениях; состоит в том, что у преподавателя, включающегося в учебно-воспитательный процесс со студентами, отсутствуют данные об уровне развития, на котором находится тот или иной учащийся по перечисленным выше параметрам.

Организуя процесс обучения в ВУЗе необходимо учитывать, что структура мышления студента отличается от структуры мышления специалиста. Структура мышления студента: учебная задача — решение задачи — проверка решения. Задачи обычно формулируются преподавателем, им же осуществляется контроль правильности её решения. Структура профессионального мышления: формулирование, постановка проблемы — решение проблемы — анализ предложенного решения — оценка правильности решения. Студента необходимо учить самостоятельно выполнять все указанные этапы. От того, на каком уровне он научится решать профессиональные задачи, будет зависеть эффективность его профессиональной деятельности.

В рамках данной статьи мы хотели бы остановиться на варианте решения этой проблемы посредством использования в преподаваемом материале задач и примеров, тесно связанных со специальными дисциплинами или основным профилем

специальности обучаемых, т. е. расширенном использовании в преподавании курса межпредметных связей. Это объясняется тем, что за изучаемым материалом легко проследить по содержанию программ, а уровень усвоения учащимися знаний, умений и навыков по той или иной дисциплине определяется оценками и легко может быть уточнен проведением контрольной работы или тестированием. В университетах существует готовая организационная структура управления, способная направлять деятельность отдельных звеньев учебно-воспитательного процесса по осуществление межпредметных связей (руководство вуза, факультетов, кафедр). Особенно большая роль выпадает на долю преподавателей профилирующих кафедр. Никто так не сможет квалифицированно скоординировать деятельность отдельных кафедр и преподавателей по подготовке разносторонне развитых специалистов высшей квалификации, как руководители этих кафедр. Эта работа проводится с учетом осуществления межпредметных связей и соблюдением преемственности в обучении. За последнее время появилось большое число публикаций, посвященных вопросам методики осуществления межпредметных связей между конкретными дисциплинами учебного плана вуза. Однако в этих работах, как правило, не раскрываются методические и дидактические основы управления межпредметными связями, а дается обобщение опыта взаимодействия и согласования различных пар смежных курсов, входящих в содержание обучения специалиста. Между тем при практическом осуществлении взаимосвязей между дисциплинами учебного плана возникает ряд проблем, требующих теоретического, принципиального решения.

Существует различный подход к вопросу о межпредметных связях. Нужно ли представлять каждой изучаемой дисциплине вузовского учебного плана, между которыми объективно существуют многосторонние связи, действовать на развитие и формирование специалиста раздельно, дать возможность связям устанавливаться в сознании студентов стихийно? (Первая точка зрения). Или требуется педагогически целенаправленно руководить этим процессом, научно отобрав из множества связей типичные, главные, заложить их в модель специалиста и настойчиво добиваться их осмысления студентами в ходе активного применения знаний из смежных дисциплин? (Вторая точка зрения).

Сторонники первой точки зрения подразумевают, что изучение различных предметов учебного плана в вузе — это самостоятельные процессы, которые чередуются во времени и необходимые внутренние связи между ними установятся в сознании и личном опыте учащихся сами собой, поскольку они объективно существуют. Они считают, что вредно устанавливать связь между ними, так как это неизбежно возвратит нас к порочному комплексированию.

Перенося это положение на обсуждаемую педагогическую проблему, можно утверждать: связи, существующие между отдельными разделами науки, создают лишь объективные условия для установления межпредметных связей курсов. Надеяться на то, что эти связи, в конце концов, сами собой будут осознаны на основе многократных проб и ошибок, без всяких усилий и руководства со стороны педагога, — значит ориентироваться на стихийность. Установление межпредметных связей в сознании учащихся не происходит само собой, автоматически. Необходимо целенаправленное педагогическое руководство этим важным процессом.

Как показывает опыт, эта весьма трудная задача не соответствует умственным возможностям большинства учеников. В результате — система знаний имеет межпредметные разрывы или дублирования, представляет собой конгломерат слабо связанных сведений, которые учащиеся не умеют использовать на практике для самостоятельного добывания новых знаний. Полученные на предшествующих этапах знания не получают широкого применения на последующих ступенях обучения, «замораживаются»; не в полном объеме они вступают в «работу» по изучению дисциплин, приобретению профессиональных навыков. Путем преодоления указанного разобщения возможно повысить эффективность усвоения общенаучных, общетехнических и специальных дисциплин. Задача теории и практики обучения состоит в том, чтобы разработать условия, максимально благоприятствующие установлению межпредметных связей курсов; систематизации знаний и навыков, получаемых учащимися по различным дисциплинам; развитию у них умений комплексного использования знаний; формированию целостности представлении об окружающем их мире.

Комплексные программы, хотя и должны разрабатываться как отдельные документы, связаны друг с другом. Эта взаимосвязь должна обеспечивать заданные качества модели специалиста так, чтобы ряд составляющих модели возникал как результат взаимодействия комплексных программ. Поскольку большинство составляющих качеств модели специалиста складывается в результате взаимодействия всех программ, их проработка должна идти одновременно.

Поэтому возникает вопрос, как осуществлять взаимные связи между всеми дисциплинами учебного плана? На практике наблюдается стремление установить связи между всеми дисциплинами учебного плана в одинаковой степени.

Специально проведенные исследования и изучение передового опыта показали, что межпредметные связи должны иметь определенную дидактическую направленность, которая прежде всего заключается в том, чтобы путем глубокого педагогического анализа содержания обучения определенной специальности установить, между какими дисциплинами или их комплексами по этой специальности связи являются наиболее существенными, кардинальными.

Студента необходимо ставить в условия близкие к практической деятельности, в которой требуется творческое использование знаний, включать его в решение творческих профессиональных задач. Задачу следует формулировать таким образом, чтобы студент мог оперировать знаниями понятиями и представлениями, которые необходимо усвоить: критически относиться к привычным идеям и представлениям: действовать и принимать решения с учётом конкретных условий. Способность специалиста реконструировать свою деятельность в соответствии с конкретными условиями и требованиями времени — свидетельство его творческих возможностей. Многие могут возразить, что подобная методика и так используется каждым преподавателем как обязательный компонент при проектировании структуры курса, однако, мы имеем в виду подход, который однозначно подводит обучаемого к выводу, что, не смотря на наличие нескольких вариантов решения прикладных специализированных задач, использование стандартных математических методов позволит решить эту задачу более кратким (методически правильным, более точным, менее трудоемким — выбор в зависимости от поставленной задачи) способом.

Например, при изучении темы «Определенный интеграл» для студентов агрономических направлений построение занятия можно провести по следующей схеме:

1. Поставить задачу, непосредственно связанную с выбранной профессией. Например, рассчитать расход посевного материала для проведения посевной на заданных площадях. При этом, на наш взгляд, рациональным было бы предоставить графическую схему посевных площадей с соответствующей картой промеров необходимых линейных размеров.

2. Провести структурный анализ поставленной задачи: выделить основную и сопутствующие задачи и сопоставить им необходимые математические методы. В нашем примере: для вычисления расхода посевного материала необходимо составить сумму произведений норм высева на площади соответствующих участков; для вычисления площадей участков необходимо использовать приложение определенного интеграла к вычислению площадей плоских фигур; для получения функциональных зависимостей из таблицы промеров линейных размеров необходимо воспользоваться методом наименьших квадратов.

3. Освежить в памяти обучаемых необходимые теоретические данные. В нашем примере: вспомнить теоретические основы метода наименьших квадратов, по графической схеме выбрать основной вид подбираемых функций; напомнить свойства определенного интеграла, которые могут понадобиться при упрощении сложных геометрических построений, и основные методы интегрирования.

4. Далее, в связи с большим объемом вычислительных операций, можно либо предоставить студентам часть материала в готовом виде, либо организовать работу группы (курса) по принципу разделения труда: каждая группа выполняет свою часть вычислений (подбор конкретной функции, вычисление площади конкретного участка посевной площади). Также целесообразным на наш взгляд, было бы дублирование расчетов несколькими группами с целью сравнения полученных результатов и снижения вероятности получения ошибочных данных.

5. Обобщение полученных данных в сводную таблицу, разъяснение спорных вопросов (при несовпадении результатов групп, выполняющих одну часть расчетов).

6. Непосредственное решение поставленной задачи.

7. Краткий обзор нескольких вариантов решения задачи, включая варианты, не использующие предлагаемый математический аппарат. Например, расчет площадей методом квадратур. Обязательно должно быть проведено сравнение трудоемкости, точности и "быстроты выполнения" предлагаемых вариантов.

Предложенная схема может быть адаптирована для преподавания практически любого раздела курса "Высшая математика" или любой дисциплины, не являющейся "основной" дисциплиной специальности.

Такой подход к построению занятий, как минимум, приведет к росту активности студентов на занятии как следствие вовлечения их в деятельность "рабочей группы"; подчеркнет необходимость математических знаний для специалистов любых профилей; докажет "выгодность" использования математического аппарата и укажет на возможные сферы его приложения; углубит междисциплинные и межпрежметные связи; позволит в ненавязчивой, логически оправданной форме проводить повторение и закрепление ранее изученного материала; привьет студентам интерес к решению комплексных и многопрофильных задач.

Все выше сказанное можно кратко обобщить: использование данной или подобных методик однозначно приведет к повышению интереса студенческой аудитории к изучению вашей дисциплины, улучшит процесс приема и переработки информации, установит прочные ассоциативные связи между некоторыми разделами преподаваемой дисциплины и специальными дисциплинами или характерными задачами курса обучения по выбранной специальности.

Естественно, что данным методом не может ограничиваться весь спектр методических приемов преподавателя вуза, но как существенное подспорье при решении текущих задач обучения данный методический прием вполне пригоден и может быть рекомендован к использованию в педагогической практике.

Проведенные исследования и изучение передового опыта показывают, что межпредметные связи должны иметь определенную дидактическую направленность, которая прежде всего заключается в том, чтобы путем серьезного педагогического анализа содержания обучения определенного направления установить, между какими дисциплинами или их комплексами по этому направлению связи являются наиболее существенными, кардинальными.

Усилия педагогов были, прежде всего, направлены на разработку и создание условий, максимально благоприятствующих установлению связей между этими программами.

Выделение группы дисциплин, связи между которыми являются наиболее существенными, позволило нам более целенаправленно решать вопросы по совершенствованию учебных планов, тематическому и хронологическому согласованию программ смежных курсов, разработке форм, приемов и методов осуществления межпредметных связей.

Не менее сложным вопросом проблемы межпредметных связей является выяснение тех принципиальных положений, на основе которых следует устанавливать дидактическое соответствие программ взаимосвязываемых дисциплин.

Эти сложные вопросы требуют глубокого теоретического исследования и экспериментальной проверки, принципиально нового подхода к проблеме конструирования содержания составных частей обучения на основе учета взаимных интересов связываемых циклов.

Drach Irina, The University of Education Management of Pedagogical Science of Ukraine
PhD (Pedagogy), Associate Professor

Драч Ирина Ивановна, Университет менеджмента образования НАПН Украины,
докторант кафедры педагогики высшей школы

Methodology for managing a professional competence formation of future teachers in higher education

Методология управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы

Реформирование отечественной системы высшего образования в контексте процессов обновления мировых образовательных систем предполагает переосмысление цели и результата образования, обновление его содержания. Наиболее весомой

и значимой в развитии высшей школы является тенденция компетентностной направленности профессионального образования[1]. Внедрение компетентностного подхода в высшей школе обусловливает модернизацию управления профессиональной подготовкой будущих специалистов, необходимость создания надлежащих управленческих механизмов для реализации новых задач, которые он с собой несет.

Управление формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы (компетентностно ориентированное управление) будем рассматривать как вид деятельности, обеспечиваемый совокупностью целенаправленных воздействий коллективного субъекта управления (административного и научно-педагогического персонала, студентов) на все факторы образовательной среды, способных обеспечить их готовность к профессиональной деятельности и целенаправленного саморазвития в динамично изменяющихся условиях. Основой компетентностно ориентированного управления является взаимодействие субъектов управленческой деятельности, основным результатом — развитие личности[2].

Специфическими чертами, которые определяют самостоятельный статус компетентностно ориентированного управления подготовкой будущих преподавателей высшей школы в системе управленческой образовательной деятельности, выделим следующие:

— направленность на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов. Этой цели должен быть подчинен образовательный процесс и все управленческие воздействия высшего учебного заведения;

— инновационный характер. Данный вид управления связан с реализацией инновационных процессов по оптимизации профессиональной подготовки через формирование профессиональной компетентности будущих специалистов;

— личностно ориентированный характер. Компетентностно ориентированное управление позволяет варьировать структуру, содержание и темпы усвоения образовательной программы, обеспечивающей построение индивидуальных образовательных траекторий студентов;

— направленность на самообучение и саморазвитие будущих преподавателей высшей школы. Управление должно строиться таким образом, чтобы обеспечить преобразование обучения в самообучения и саморазвитие будущих преподавателей высшей школы;

— комплексность реализации в структуре системы менеджмента качества образования. Данный вид управления охватывает все основные направления организации профессиональной подготовки, вбирая в себя: управление качеством содержания, управления качеством технологического сопровождения и управления качеством результата образовательного процесса.

Самостоятельный статус компетентно ориентированного управления обусловливает необходимость обоснования его методологии. Методологическими основами компетентностно ориентированного управления являются подходы к его осуществлению, закономерности, принципы, функции, методы.

Исходя из понимания сущности компетентностно ориентированного управления подготовкой будущих педагогов высшей школы как сложного процесса, осмысление которого может и должно осуществляться с разных точек зрения, в качестве основных концептуальных подходов к нему выделим человекоцентрический, системный и синергетический [3]. Определение в качестве основных именно этих подходов обусловлено пониманием управления как открытой вероятностной динамической системы, основной задачей которой является обеспечение условий для самореализации его субъектов.

Человекоцентрический подход обусловливает требования к методологии, содержания и методов построения образовательного процесса в высшей школе, опирающиеся на реализацию в конкретных действиях идей самопознания, саморазвития и самореализации субъекта. Внедрение человекоцентрического подхода в процесс подготовки будущих преподавателей высшей школы предполагает построение учебного процесса на основе взаимодействия, сотрудничества и сотворчества[4].

Системный подход обеспечивает постановку проблемы на всех уровнях рассмотрения, изучение сущностных особенностей и природы компетентностно ориентированного управления, его внутреннего строения, содержания и специфики реализации. Данный подход позволяет выделить системные свойства процесса управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы, а именно: цель как системообразующий компонент, функции и задачи системы; составляющие системы; структуру и иерархические связи между составляющими системы; взаимосвязь системы с внешней средой и другими системами высшего или низшего уровня[5].

Синергетический подход предполагает рассмотрение управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы как открытой нелинейной системы, учета феномена самоорганизации как объективной закономерности. Этот подход акцентирует внимание на том, что открытой педагогической системе нельзя навязывать способ поведения или развития, но можно стимулировать один из возможных в конкретных условиях вариант самораз-

---

[1] Драч І. І. Проблеми та перспективи підготовки магістрантів з педагогіки вищої школи/І. І. Драч//Вища освіта України – Додаток 2 до № 3, том V (30), – 2011 р. – Тематичний випуск "Вища освіта України у контексті інтеграції до європейського освітнього простору". – С. 147–155.

[2] Драч І. І. Управління формуванням професійної компетентності майбутніх викладачів вищої школи в умовах інноваційного розвитку суспільства/І. І. Драч//Матеріали V міжнар. наук.-практ. конф. «Інноваційний розвиток суспільства за умов крос-культурних взаємодій» 26–28 квітня, м. Суми. – РВВ КЗ СОІППО, СВС Панасенко І. М., 2012. – С. 329–332.

[3] Драч И. И. Концептуальные подходы к управлению формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы/И. И. Драч//Управление в сфере образования: тенденции, опыт, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2012 г. /редкол.: А. В. Воронов [и др.]; ГУО «Акад. последипл. образования». – Минск: АПО, 2012. – С. 185–190.

[4] Драч И. И. Человекоцентризм как мировоззренческая основа подготовки будущих преподавателей высшей школы/И. И. Драч// Материали Девятой Международной конференции «Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития», 2–4 июня 2011 р. – Санкт-Петербург, Россия. – С. 417–419.

[5] Драч І. І. Системний підхід як загальнонаукова основа управління формуванням професійної компетентності майбутніх викладачів вищої школи/Драч//Педагогічні науки: теорія, історія, інноваційні технології. – Суми: СумДПУ імені А. С. Макаренка. – 2012. – С. 344–352.

вития. Таким образом, синергетический подход предполагает превращение образования из способа обучения в средство формирования творческой личности.

В составе закономерностей управления профессиональной подготовкой будущих специалистов в высшей школе выделим две группы: организационные и социально-психологические.

К первой группе (организационных) закономерностей компетентностно ориентированного управления профессиональной подготовкой относятся закономерности: зависимости эффективности управления от полноты использования его научных основ; единства централизованных и децентрализованных тенденций и факторов управления; соответствия внутренней структуры и организации управления высшим учебным заведением цели его деятельности; зависимости качества управления от полноты и оперативности прямой и обратной связей; зависимости эффективности управления от качества функциональной определенности субъектов управления, соблюдение логической последовательности этапов процесса управления; оптимального соотношения стратегического и оперативно-текущего управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы; зависимости эффективности управления от уровня взаимодействия всех структурных элементов управления; необходимости обеспечения целостности системы; зависимости эффективности управления от уровня компетентности руководства на всех уровнях; поддержания баланса между стабильным состоянием системы управления и введением инноваций для совершенствования профессиональной подготовки; зависимости эффективности управления от прозрачности управленческого процесса и его результатов; усиление человекоцентрического характера управления при осуществлении управленческих воздействий; зависимости эффективности компетентностно ориентированного управления от качества мониторингового сопровождения управленческой деятельности; оптимальности соотношения целенаправленных управленческих воздействий и самоорганизации и саморегулирования.

Вторая группа закономерностей профессиональной подготовки (социально-психологических) состоит из следующих закономерностей: зависимости эффективности управления от соответствия стиля руководства социально-психологическим особенностям коллектива; зависимости эффективности управления от психологической готовности субъектов управления к осуществлению управленческой деятельности; зависимости развития творческой педагогической деятельности от степени демократизации управления и уровня профессиональной свободы; зависимости эффективности управления от сплоченности коллектива высшего учебного заведения вокруг общей педагогической цели.

В качестве принципов управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы нами выделены следующие: гуманизации; демократизации; национально-государственного характера образования; социокультурной обусловленности; целеустремленности; научности; системности; единства централизации и децентрализации; информационной достаточности; обратной связи; адаптивности; мониторинга; маркетинга; психологизации; открытости; динамичности; коллегиальности; сочетания управления функционированием и развитием системы управления; прогнозируемости; командности.

Среди функций управления компетентно формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы считаем целесообразным выделить функции управленческого цикла и социально-психологические функции.

К функциям управленческого цикла относятся функции, которые раскрывают содержание деятельности на основных этапах управления (планирование, организация, контроль, корректировка). Это планово-прогностическая, организационно-координирующая, контрольно-корректирующая функции. Именно эти функции должны обеспечить реализацию принципов управления, которые являются основой повышения эффективности компетентно ориентированного управления.

Сквозной, общей для каждого из этапов управленческого цикла, является информационная функция управления. Это обусловлено определяющей ролью информации при осуществлении управленческой деятельности, а именно: достаточность и надежность на всех этапах управленческого цикла является необходимым условием качественного управления.

Социально-психологические функции, обусловленные необходимостью учета социально-психологических аспектов управления, направлены на мотивацию, развитие педагогического творчества, предоставление действенной помощи работникам коллектива. К их составу нами отнесены мотивационно-стимулирующая и фасилитативная функции. Сочетание двух функций в одну из двойным названием означает двойную цель такой функции и взаимосвязь между действиями, направленными на достижение как одной, так и другой цели.

Определение основных подходов к процессу управления формированием профессиональной компетентности будущих преподавателей высшей школы, его закономерностей, принципов и функций позволяет рассматривать данный вид управления как сложную полифункциональные систему, результатом которой должен стать специалист, который отвечает по своим личностным и профессиональным качествам потребностям, как государства, общества, так и самого человека.

Yelagina Nataliya Ivanovna, Ya. Horbachevskyi Ternopil state medical university
the assistant of the department of foreign languages and medical terminology

Елагина Наталия Ивановна, Тернопольский государственный медицинский университет им. И. Я. Горбачевского,
преподаватель кафедры иностранных языков с медицинской терминологией

The creative aspect of future teacher training in the educational institutions of Ukraine of the second half of XIXth — early XXth century

Творческий аспект педагогической подготовки будущих учителей в учебных заведениях Украины второй половины XIX — начала XX в.

Постановка проблемы. В современной вузовской системе образования Украины происходит сокращение некоторых курсов и практики по подготовке педагогических кадров. Наблюдается нарушение и несоблюдение принципов обучения, в частности принципа связи теории с практикой, их единства. Выпускники нынешних педагогических заведений имеют

достаточное теоретическое образование, но, к сожалению, не могут эффективно применить на практике свои знания. Так как не получают надлежащей практической подготовки. Поэтому современные специалисты оказываются не способны осуществлять полноценную педагогическую деятельность. Обращение к историко-педагогическим ценностям, одной из которых является подготовка педагогических кадров в учительских учебных заведениях второй половины XIX — начала XX в., имеет большое научно-практическое значение, опыт этих учреждений будет способствовать развитию системы и организации современного учебно-воспитательного процесса в единстве теории и практики в педагогических учебных заведениях.

Анализ последних исследований. В последнее десятилетие большое количество ученых и педагогов (М. Барна, Н. Демьяненко, Т. Завгородняя, И. Курляк, А. Лавриненко, С. Никитчина) обратили внимание на изучение теоретической и практической творческой педагогической подготовки учителей в высшей школе Украины XIX — XX вв. В разработку научных основ подготовки творческого учителя внесли вклад украинские педагоги исследуемого периода Х. Алчевская, В. Голубев, М. Демков, К. Ельницкий, П. Каптерев, Н. Пирогов, Н. Тростников, К. Ушинский, Я. Чепига и другие.

Цель работы является раскрытие сущности научно-методического обеспечения учительских институтов второй половины XIX — начала XX в., Анализ содержания авторских учебных программ и планов, которые внедряли в обучение и воспитание студенческой молодежи, методик, формирующих творческую, самостоятельную личность в процессе подготовки будущего учителя.

Изложение основного материала. Во второй половине XIX в. стоял вопрос о необходимости учреждений относительно специальной подготовки учителей для низших учебных заведений. В 1862 году появился проект под названием «Проект устава общеобразовательных учебных заведений», в который внесены постановления об особом положении учительских институтов для обучения учителей народных училищ[1].

Но этот проект не был опубликован, а в 1864 году Министерство народного образования обнародовало положение о начальных народных училищах, в которых речь о подготовке учителей совершенно не шла, а на должность учителей, на усмотрение земских училищных советов, назначались лица, которые, по их мнению, достойные учительского звания. В мае 1869 года ситуация изменилась, и этого же года в действие вступил проект об устройстве учительских институтов, который во многих аспектах отличался от такого же проекта 1862[2].

В 60-х годах XIX в. среди всех слоев населения наблюдался интерес к народной школы. Это было время великих реформ во всех сферах жизнедеятельности, включая и сферу народного просвещения.

В 70-х годах XIX века. начали открываться учительские институты по всей России, а в Украине они были открыты в Глухове (1874) и Феодосии (1874).

В 60–70-х годов XIX в. постепенно формировалась система подготовки учителей, для начальных школ. Создавались трехлетние учительские семинарии, строившие свою работу на базе двухклассных училищ. Среди первых учительских семинарий — Коростышевская (основана в 1869 г.), Херсонская (1871), Аккерманская (1872), Переяславская (1878). На западноукраинских землях учителей для народных школ готовили такие учительские семинарии: Львовская, Черновицкая, Мукачевская, Ужгородская и другие, учителей для уездных училищ, церковноприходских школ, высших начальных и городских училищ — учительские институты. В начале XX в. все высшие учебные заведения сосредоточены только в Киеве, Харькове, Одессе и Екатеринославе. К 1914 г. в Украине насчитывалось 26 учительских семинарий и 6 учительских институтов[3].

В 1872 году в свет вышло «Положение о новых городских училищах и учительских институтах»[4]. Согласно этому положению учебный курс институтов делился на три летние классы и состоял, соответственно текста представления в Государственный Совет, «с одной стороны, научных знаний по предметам курса начальных училищ, а с другой стороны — практических упражнений в преподавании»[5].

1 июня 1876 выдано инструкции о порядке управления учительским институтом, программы вступительного экзамена, инструкция по объему и методики обучения, программы и учебные планы. Так, учительские институты имели особое назначение, инструкция рекомендовала при определении объема преподавания различных предметов учитывать программы городских училищ. Поэтому те разделы, которые входили в программы городских училищ нужно было изучать более тщательно. Что же касается методов обучения, то в инструкции говорится, что метод догматический в сочетании с постоянными повторяющихся вопросами и разъяснениями самих студентов, должен превалировать в институте над методом катехизической, который, в основном следует использовать в учебном процессе студентов 3-го класса, тогда как студенты знакомятся с методиками учебных предметов. Для практического упражнения студентов при каждом учительском институте существовало одноклассное или двухклассное училище[6].

Программы и планы, определенные «Положением 1872» и «Инструкцией 1876», не соответствовали требованиям общей подготовки учителей, поскольку предусматривали повторение старого и хорошо известного материала, состоящего из общего курса арифметики, начальной алгебры, этимологии и синтаксиса в пределах учебников первого класса средней школы[7].

Педагогические советы некоторых институтов начали постепенно менять эти программы, вводя в них новые учебные предметы и расширяя курс существующих. Благодаря таким изменениям, они довели состояние учительских институтов

---

[1] Демков М. И. История русской педагогики. Ч. 3 : Новая русская педагогика (XIX век)/М. И. Демков. – Изд. 2-е. – М. : [б. и.], 1910. –С. 264–265.

[2] Там же.

[3] Центральний державний історичний архів України, м. Київ,Ф. 707 Киевский учебный округ, оп. 38, спр. 134, арк. 342.

[4] Демков М. И. История русской педагогики. Ч. 3 : Новая русская педагогика (XIX век)/М. И. Демков. – Изд. 2-е. – М. : [б. и.], 1910. –С. 266.

[5] О реформе учительских институтов//Русская школа. – 1912. – Т. 1. – С. 93.

[6] Демков М. И. История русской педагогики. Ч. 3 : Новая русская педагогика (XIX век)/М. И. Демков. – Изд. 2-е. – М. : [б. и.], 1910. –С. 94.

[7] О реформе учительских институтов//Русская школа. – 1912. – Т. 1. – С. 101.

до уровня гимназий и реальных училищ. В учительских институтах, кроме общеобразовательных предметов, преподавали еще и такие: психологию, педагогику, дидактику и методику всех главных предметов и т.д[1]..

В некоторых учебных заведениях недельное расписание насчитывало 44 уроков. Анализ учебной программы Глуховского учительского института 1878 демонстрирует включение студентов в различные виды творческой деятельности (моделирование, декламации, пения, рисования, ручной труд, графические занятия по ручной работе, участие в драматизации и т. п.).

В 70-х — 80-х годах XIX века получило распространение явление создания «собственной методы», под которой понимают не предложенный автором набор отдельных целесообразных замечаний-рекомендаций по преподаванию определенного учебного предмета, а универсализовану комплексную дидактическую систему.

На этой основе создавались учебники и методические руководства для учителей, которые включали содержание и методы обучения в начальных и средних школах[2]. Вышли в свет книги К. Ушинского, М. Корфа, В. Водовозова т. д.

Ни одна программа, учебник не могут заменить живого учительского влияния. Кроме того, педагог является живым примером в процессе нравственного воспитания. Учитель «всем своим поведением, всей своей жизнью влияет на учеников»[3]. Собственно, выдвигая новые требования к организации новой школы, безусловно, встал вопрос о подготовке нового поколения педагогов.

Обучение в учительских институтах и семинариях — единственный правильный путь для того, чтобы учителя получили надлежащую педагогическую подготовку. Обучение в этих заведениях было направлено не только на овладение будущим учителем данных, но и необходимых в обучении навыков, умений, путем собственного упражнения, личной практики, проходивших под руководством опытных наставников в образцовой школе, которая существовала при таких заведениях. Будущие учителя после окончания обучения в учительских семинариях должны быть мастерами своего дела, которые способны совершенствовать и развивать свои умения и навыки в соответствии с требованиями педагогики[4].

Для подготовки учителя начальной школы студентам учительских заведений необходимо было овладеть следующие предметы: 1) психологию (науку о душе, о явлениях сознания, особенно детей), 2) логику (науку о приемах и законах мышления), 3) педагогику (науку о воспитании в широком смысле слова), 4) историю педагогики, 5) дидактику (науку об обучении и умственном воспитание) 6) школознавство (науку о том, как построить, обустроить школу) 7) школьную гигиену (науку о сохранении здоровья в условиях школьной жизни)[5]. Итак, в учительских заведениях учебная программа состояла из двух циклов дисциплин: общего и специального. Вышеперечисленные предметы принадлежали ко второму циклу.

Одним из главных требований по подготовке учителей выдвигалась надлежащая теоретическая подготовка[6]. Собственно, для обеспечения такого требования учительские учебные заведения предлагали ряд учебных дисциплин: «… педагогика должна выделять, развивать правила воспитания из психологических источников, преимущественно приспосабливаясь к возрасту учащихся народных училищ и устранением философского элемента»[7]. Итак, предлагался переход к предметной дидактики. Важным элементом в подготовке учителей является создание руководств по педагогике и дидактики, которые должны «приспосабливаться по объему и содержанию цели учительских институтов»[8].

Интересные положения выдвигались и по практической подготовки учителей. Ее необходимой основой является тесная связь со школой, которая делает учительскую семинарию живым, «плодотворно-действующим» заведением. Главным средством практической подготовки были образцовые уроки, на которых «особое внимание обращается на такое проведение плана, чтобы были понятны как цель урока, так и постепенное, последовательное развитие учебного материала»[9].

Практические занятия студентов сначала начинались с посещения ими уроков учителей городских училищ, вторым шагом в практической деятельности семинаристов, было составление, под руководством преподавателей института конспектов отдельных уроков для преподавания в городских училищах, а третьим элементом — самостоятельное проведение урока. Проведение студентами института уроков сопровождалось обсуждением на особых педагогических собраниях[10].

Педагогическая практика состояла из практических занятий, предусматривающие выполнение следующих требований: 1) студенты должны посещать занятия, которые проводят учителя образцовой начальной школы, 2) студенты сдают поочередно записи посещенных занятий, 3) они проводят практические уроки в тех школах и классах, 4) семинаристы готовят рефераты по предметам, которые преподаются в институтах, 5) составляют отчеты о занятиях в качестве помощников учителей, 6) дают отчеты о руководстве и проведения подвижных детских игр в свободное от уроков время[11].

---

[1] О реформе учительских институтов//Русская школа. – 1912. – Т. 1.

[2] Вихрущ В. О. Дидактична думка в Україні (друга половина XIX – початок XX ст.): проблеми розвитку теорії : [монографія] : в 2 ч. Ч. 1 /В. О. Вихрущ ; за ред. Л. П. Вовк. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2000. – С. 323.

[3] Вахтеров В. О задачах Лиги образования по отношению к школе/В. Вахтеров//Народный учитель. – 1906. – № 2 . – С. 3.

[4] Демков М. И. Старые и новые педагоги, их жизнь, мысли и труды/М. И. Демков. – М. : [б. и.], 1912. – С. 175.

[5] Музыченко А. Ф. Что такое педагогика и чему она учит?/А. Ф. Музыченко//Народная энциклопедия. – М. : Тип. т-ва И. С. Сытина, 1911. – С. 143.

[6] Замечания на проект Устава общеобразовательных учебных заведений и на проект общего плана устройства народных школ : в 6 т. Т. 5. – СПб. : Сенатская типография, 1862. – С. 51.

[7] Там же, С. 217.

[8] Там же.

[9] Демков М. И. Курс педагогики для учительских институтов, высших женских курсов и педагогических классов женских гимназий Ч. 1 : Основы педагогики, дидактики и методики/М. И. Демков. – Изд. 5-е без перемен с 4-го. – М. ; Пг. : Изд-во Т-ва "В. В. Думновъ, наследник бр. Салаевых", 1917. – С. 235.

[10] Демков М. И. История русской педагогики. Ч. 3 : Новая русская педагогика (XIX век)/М. И. Демков. – Изд. 2-е. – М. : [б. и.], 1910. –С. 271.

[11] Ельницкий К. Педагогические совещания или конференции в связи с практическими занятиями учащихся в педагогических школах и классах : из школьной практики/К. Ельницкий//Народное образование. – 1913. – Кн. 7/8. – С. 180.

Проведенное исследование дало нам возможность выделить содержание общепедагогической подготовки учителя в высших учебных заведениях второй половины XIX — начала XX в. по следующим направлениям:

1. Философско-педагогический (предметы педагогического цикла читались преподавателями философии, рассматривались как ее составляющие);

2. Религиозно-педагогический (предметы педагогического направления утверждались Святым Синодом, находились под влиянием учебных дисциплин религиозного содержания, в частности «основного» и «морального» богословия);

3. Психолого-педагогический (педагогические дисциплины преподавались психологами в тесной связи и на основе психологических знаний);

4. Прагматически-педагогический (в подготовке учителя преобладал практический компонент);

5. Педолого-экспериментальный (акценты переносятся на личность ребенка, опытно-экспериментальное ее изучения);

6. Социально-ориентированный (в преподавании усиливался воспитательный аспект, менялся связь с социумом);

7. Профессионально-обусловленный (подготовка выделялась в самостоятельное, стабильное направление формирования личности учителя)[1].

Выводы. Практической подготовке в учительских учебных заведениях Украины второй половины XIX — начала XX в. предшествовала теоретическая. На первом курсе студенты получали общеобразовательную подготовку. На втором курсе воспитанники изучали педагогику. На третьем происходило повторение и закрепление уже изученного и большое внимание уделялось методике преподавания предметов. На этом же курсе студенты на практике имели возможность творчески применять свои теоретические знания. Практика осуществлялась с постепенным усложнением, от простого к более сложному, от наблюдений за преподаванием предметов к самостоятельному проведению уроков. Выполнение практических заданий (написание рефератов, творческих работ, проведения опытов, наблюдения уроков и др.) в процессе изучения теоретических вопросов способствовало углублению знаний, развития творческих способностей. В учительских учебных заведениях осуществлялся принцип связи обучения с жизнью, выражавшийся в изучении передового педагогического опыта — опыта работы лучших учителей народных школ.

Zhadan Vladimir Nicolayevich, Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University, Assistant Professor Department Law and Econmics, Candidate of Science (Juridical)

Жадан Владимир Николаевич, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук, доцент кафедры права и экономики

International Law in Legal Sciences and Some Aspects of its Teaching

Международное право в системе юридических наук и некоторые вопросы его преподавания

Вопросам организации образовательного процесса, повышения качества обучения, использования современных педагогических технологий, активных и интерактивных, проблемно-поисковых, практических и иных методов и приемов обучения посвящено немало публикаций[2]. В не меньшей степени изучена методика преподавания определенных циклов и групп учебных дисциплин, входящих в основную образовательную программу (далее — ООП) по соответствующему направлению подготовки (специальности, квалификации), в том числе и юридических дисциплин[3]. В тоже время актуальность вопросов преподавания указанных дисциплин не становится меньше, а поэтому предметом нашего исследования будут международное право в системе юридических наук и некоторые вопросы его преподавания.

---

[1] Дем'яненко Н. М. Загальнопедагогічна підготовка в Україні (XIX – перша половина XX)/Н. М. Дем'яненко. – К. : ІЗМН, 1998. – 328 с.

[2] См.: Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 2003. 352 с.; Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: Метод. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 207 с.; Гузеев В. В. Планирование результатов образования и образовательная технология. М.: Народное образование, 2000. 240 с.; Карева Д. Ф. Качество знаний при обучении. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1996. 26 с.; Медведев А. В., Нургалеева Ю. А. Об организации образовательного процесса в свете Болонской декларации [Электронный ресурс]. URL: http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/102/641.htm (дата обращения: 05.12.2012); Сафонова С. В. Педагогическая диагностика качества организации образовательного процесса в вузе: Дисс. … канд. пед. наук. М., 2008. 257 с.; Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. М.: Народное образование, 1998. 256 с.; Симонович В. Л. Практическое обучение студентов как фактор профессионального становления социального педагога: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 1998. 28 с.; Смолкин А. М. Методы активного обучения: Науч.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 1991. 176 с. и др.

[3] См.: Болонина С. В. Научно-методические основы преподавания правовых дисциплин в неюридических вузах: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 161 с.; Жадан В. Н. Использование проблемно-поисковых методов в преподавании юридических дисциплин//Психолого-педагогические основы профессионального формирования личности в условиях перехода к двухуровневой модели образования: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2012. С. 59–63; Жадан В. Н. Практическая направленность в преподавании государственно-правовых дисциплин//Освоение и внедрение современных образовательных технологий в учебный процесс: Сборник научных трудов/Под науч. ред. д. пед. н., проф. С. П. Акутина. М.: Издательство «Спутник +», 2012. С. 117–122; Методика преподавания юридических дисциплин: Сборник научных трудов/Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Юридический факультет; Под ред. М. К. Треушникова. М.: Изд-во МГУ, 1986. 196 с. и др.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (далее — ФГОС ВПО) по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)[1] предусматривает изучение 3 учебных циклов: гуманитарный, социальный и экономический цикл; информационно-правовой цикл; профессиональный цикл. Базовая (обязательная) часть ООП профессионального цикла предполагает изучение 20 юридических дисциплин. При этом в данный цикл включены теоретико-исторические дисциплины — теория государства и права, история отечественного государства и права и др.; отраслевые — конституционное право, административное право, гражданское право, гражданский процесс и др.; специальные — криминалистика. Помимо вышеуказанных дисциплин, в этом цикле представлены еще 2 дисциплины межгосударственного значения — международное право и международное частное право. Система изучаемых юридических дисциплин, в том числе и международного права (далее — МП) производна от науки МП и изучается в высших учебных заведениях (далее — вузах) в усеченном виде. В данном случае мы говорим о дисциплинах, но предусматриваем их как юридические науки.

В юридической энциклопедии МП (лат. jus gentium, jus inter gentes; англ. international law; фр. droit des gens) определяется как понятие, которое чаще применяемое для обозначения международного публичного права и представляет собой систему юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами, а также с участием других субъектов международно-правовых отношений в сферах межгосударственного сотрудничества и определяющих их взаимные права и обязанности[2]. Мы согласны с общепризнанной научной позицией, что термины и понятия «международное право» и «международное публичное право» являются синонимами[3].

МП занимает особое место среди юридических наук, регулирующих межгосударственные отношения и некоторые связанные с ними внутригосударственные отношения, которое в целом определяется существованием системы международно-правовых норм, отличной от системы внутригосударственного (национального) права. В свою очередь, особенности целевых профилей вузов определяют задачи и методику преподавания МП и предполагают детерминированный подход к проблемам, рассматриваемым в рамках указанной дисциплины. Проблемы и особенности методики преподавания МП требуют самостоятельного исследования.

Современное МП часто называют правом Устава Организации Объединенных Наций (далее — ООН)[4]. И действительно именно Устав ООН развил, а Хельсинский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. дополнил старые демократические принципы и внес ряд новых основополагающих принципов МП, которые являясь его общими нормами, имеют наибольшее значение для обеспечения международного мира и безопасности, определяют общие правила поведения субъектов международных отношений. Такие принципы как суверенное равенство государств, сотрудничества государств, добросовестного выполнения международных обязательств (договоров), разрешение международных споров мирными средствами, неприменение силы или угрозы силой, невмешательство во внутренние дела других государства, нерушимость границ государства, территориальная целостность государства, равноправия и самоопределения наций и народов, всеобщего уважение прав человека и основных свобод. Являясь ядром системы МП, принципы осуществляют общее регулирование при появлении новых субъектов или новых форм сотрудничества. Например, действие указанных принципов было немедленно распространено на международное сотрудничество государств в космосе, в Антарктике и т. д.

Таким образом, принципы МП выражают и охраняют комплекс важнейших общечеловеческих ценностей, в основе которых лежат такие ценности, как суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, мир и сотрудничество, уважение прав и свобод человека. Принципы являются фундаментом международного правопорядка, они определяют его политико-правовой облик, критериями международной законности. Они служат идейной основой функционирования и развития МП.

МП представляет собой самостоятельную правовую систему и обладает значительным своеобразием. В тоже время оно не может существовать отдельно от других отраслей права и внешних влияний. Аналогичным образом и внутригосударственное право любого государства не может не подвергаться влиянию как зарубежных правовых систем, так и МП.

В ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ; РФ, Россия) предусматривается, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»[5]. Из этого следует, что международные принципы, нормы и международные договоры, ратифицированные РФ является частью ее национальной правовой системы, а положения МП имеют преимущественную силу в случае расхождения с внутригосударственным (национальным) правом.

Система МП и система внутригосударственного права не существуют отдельно друг от друга и объясняется это прежде тем, что основными субъектами МП выступают государства. Общеизвестный факт, что на нормообразование в МП оказывают влияние национальные правовые системы, которые находят отражение и учитываются во внешней политике и дипломатии государств. Государства при согласовании своих воль способны заключать международные договоры между собой, а значит, они являются по сути создателями (творцами) международно-правовых норм. В этом случае государства одновременно являются субъектами как внутренней, так и международной политики. При осуществлении международной политики государства учитывают внутригосударственные факторы (в том числе и внутреннее законодательство, прежде всего конституцию), а при осуществлении внутригосударственной деятельности обязаны учитывать обязательные для него нормы МП. Россия проводит миролюбивую и добрососедскую международную политику как со своими ближайшими соседями, так и с другими государствами.

---

[1] Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.12.2012). С. 4.

[2] Юридическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.right777.ru/enc/3237.html (дата обращения: 05.12.2012).

[3] Хужокова И. М. Краткий курс по международному праву: учеб. пособие/И. М. Хужокова. 3-е изд., стер. М.: Издательство «Окей-книга», 2009. С. 6.

[4] Захарова Л. Н. Международное право: Учеб. пособие. М.: РИОР, 2008. С. 17.

[5] Конституция Российской Федерации. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 8.

В свою очередь, МП влияет на внутригосударственное право (национальное законодательство). Во многих государствах ратифицированные международные договоры становятся частью национального законодательства (в нашем случае российского) и тем самым развивают соответствующие отрасли права и юридические науки. Более того в законах этих странах устанавливается правило, согласно которому в случае расхождений между положениями закона и международными обязательствами преимущественную силу имеют международные обязательства. При этом государства в принципе не могут ссылаться на свое национальное законодательство для оправдания несоблюдения ими международных обязательств. Ратифицированные государствами международные договоры должны ими добросовестного выполняться.

Тем самым наблюдается тенденция развития МП, которая свидетельствует о том, что взаимодействие международного и внутригосударственного права постепенно усиливается и по мере дальнейшей интеграции они движутся к сближению, но полного слияния, естественно, никогда не произойдет. Следует также отметить, что взаимодействие международного и внутригосударственного права приобретает и новые формы. Так, например, при осуществлении своей деятельности Европейский Суд по правам человека применяет нормы международного и внутригосударственного права.

В юридической литературе предлагаются различные направления взаимодействия между МП и внутригосударственным правом. Мы в свою очередь выделим направления взаимодействия МП с юридическими науками (например, конституционное право, гражданские право, гражданский процесс и др.), в основе которых лежит российское законодательство: 1) впервые в России на конституционном уровне определяется характер взаимосвязи международной и национальной правовых систем, что общепризнанные принципы, нормы МП и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); 2) согласованное действие международного и внутригосударственного права РФ, о чем предусматривается в следующих законах: а) в п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК) указывается, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации»; в п. 2 ст. 7 ГК предусматривается, что «Международные договоры Российской Федерации применяются к отношениям, указанным в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения требуется издание внутригосударственного акта. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного договора»[6]; б) в ч. 2 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК) указывается, что «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора»; в ч. 1 ст. 11 ГПК предусматривается, что «Суд обязан разрешать гражданские дела на основании Конституции Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации…», а в ч. 4 ст. 11 ГПК — «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, суд при разрешении гражданского дела применяются правила международного договора»[7]; в) в ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ определяется, что «Настоящий кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права»[8]; г) в ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК) указывается, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное законодательство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного права»; в ч. 1 ст. 2 УПК предписывается, что «Производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведётся в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное»[9]; д) в ст. 3 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» указывается, что «Организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации и полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации»[10] и т. д.

В соответствии ФГОС ВПО по данному направлению подготовки ООП бакалавриата должна включать проведение практических занятий в объеме не менее 70 процентов от объема аудиторных занятий по отраслевым и специальным дисциплинам, направленные на формирование у обучающихся профессиональных умений и навыков[11]. МП включено в этот перечень, а поэтому при его изучении предусматриваются практические занятия.

Ведущая роль в формировании у студентов знаний о международно-правовых положениях отводится преподавателю. От его педагогического мастерства, интеллектуальной и профессиональной подготовки, личной увлеченности преподаваемым предметом зависит то, насколько полно студенты овладеют учебным материалом, предусмотренным программой по МП.

Зачастую среди преподавателей, в том числе и ведущих МП, распространено мнение, что основу их деятельности составляют знание предмета и умение его подать. Однако педагогическая практика показывает, что сегодня этого недостаточно.

Представляется справедливым утверждение: «Учитель не тот, кто учит, а у кого учатся». Поэтому привлекательность учебного материала по МП, его уяснение и практическая полезность во многом зависят от умения и даже таланта подачи

---

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации. М.: ООО «Рид Групп», 2012. С. 60.

[7] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Издательство «Омега-Л», 2011. С. 3, 6.

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации. Москва: Проспект, КноРус, 2012. С. 5.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Москва: Проспект, КноРус, 2012. С. 4.

[10] Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм и доп.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.11.2012).

[11] Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 05.12.2012).

сложного теоретического материала, способности преподавателя раскрыть ценность и практическую значимость международно-правовых явлений в жизни общества и в деятельности будущего юриста, а студентов, соответственно, в желании учиться у данного преподавателя.

В современных условиях к преподавателям предъявляются очень высокие требования, а поэтому они должны уметь проектировать педагогический процесс, управлять им и прогнозировать результаты обучения. Более того, им необходимы знания педагогического менеджмента и маркетинга, способность правильно подбирать и рационально сочетать различные формы и методы обучения, а также владеть современными педагогическими технологиями, в основе которых лежит обучение деятельностного типа юриста, владеющего не только теоретическим знаниями и практическими умениями, но и способного гибко реагировать на быстро меняющиеся условия юридических ситуаций. Вопросу повышения качества образования как одному из важнейших условий формирования высокого уровня правовой культуры личности и профессионализма выпускников в настоящее время уделяется большое внимание на общегосударственном и вузовском уровне.

В таких условиях преподаватель постоянно вынужден решать нелегкую задачу, искать «золотую середину» между традиционными формами (лекции, семинары, практические занятия) и методами работы (объяснение, рассказ) со студентами, и методами активного обучения (дискуссия, мозговая атака и т. д.), современными образовательными технологиями (интерактивного, модульного, деятельностного обучения и др.). В тоже время жесткое следование учебной программе нередко приводит к формированию стереотипов в профессиональной деятельности, которые часто являются тормозом любых нововведений. Конечно же, не следует под влиянием новых веяний отбрасывать качественные, проверенные временем и практикой методы и приемы обучения. Вместе с тем, достаточно часто возникают ситуации, когда их несовершенство становятся очевидны.

Внедрение нововведений и связанная с этим ломка стереотипов и традиционных представлений отдельных преподавателей и коллективов кафедр в целом зависят не только от качества новых образовательных технологий, как иногда считают, но и от многих других факторов: от материально-технической базы кафедры (включающей мультимедийное и видеопроекционное оборудование, выход в Интернет и локальную сеть вуза с доступом к электронно-библиотечному фонду, к информационным справочным и поисковым системам (КонсультантПлюс, Гарант) и т. д.), методического обеспечения преподаваемых дисциплин, качественного состава преподавателей, психологического климата на кафедре и т. д.

Важное значение в преподавании МП, при котором приобретаются прочные знания, умения и навыки, необходимые выпускникам вузов для успешной профессиональной деятельности, в значительной степени также зависит от уровня учебно-методического обеспечения, то есть наличия и эффективности использования методических пособий, учебной литературы, электронных и справочных пособий, материалов юридической практики по МП.

По нашему мнению, в ходе проведения занятий по МП преподаватель не только может использовать традиционные методы обучения по передаче информации, но и должен применять активные и интерактивные с использованием мультимедийных и видеопроекционных средств, позволяющих демонстрировать юридически значимые слайды, схемы, видеосюжеты и т. д., и направленные на развитие творческого, критического мышления, умения активно и эффективно работать с информацией. Сегодня большое значение должно уделяться активному включению студентов в процесс познания. Более того образовательный процесс должен учитывать индивидуальные способности студентов и поощрять обратную связь. При этом необходимо переходить от информационного к деятельностному обучению студентов. Для этого целесообразно использовать элементы проблемно-поисковых[1] и игровых[2] методов, которые позволяют вовлекать в обсуждение международно-правовых проблем через юридические ситуации максимальное число студентов. Потенциал данных методов, к сожалению, во многом еще не использован вузами.

В этом случае существенно повышается активность студентов на занятиях, появляется их заинтересованность в поиске необходимой информации, в приведении примеров из юридической практики. Задача преподавателя сводится к правильной организации таких занятий. В случае успеха, студенты осуществляют самоконтроль и самоуправление. Такая демократичная обстановка позволяет чувствовать себя более комфортно как самим студентам, так и преподавателю.

Таким образом, настоящее исследование может пониматься как анализ образовательного стандарта, предусматривающего юридические дисциплины, МП в системе юридических наук, соотношение и взаимодействие с внутригосударственным правом на примере отдельных отраслей российского законодательства, а также некоторые вопросы его преподавания в вузах.

Zoya A. Kargina, Moscow Open Education Institute
Associate Professor of the Out-of-Scool Education of Children Department
Каргина Зоя Алексеевна, ГАОУ ВПО Московский институт
открытого образования, доцент кафедры педагогики дополнительного образования детей

A Physiological Outlook on the Out-of-School Education of Children: an Overview of the Modern Scientific Researches

Дополнительное образование детей с точки зрения физиологии: обзор современных научных исследований

Дополнительное образование детей является одним из самых «молодых» компонентов общего образования, теоретическая база которого в настоящее время находится на этапе начального формирования. Но современные научные исследования и анализ практики дополнительного образования детей носят, к сожалению, весьма «однобокий» характер: основным предметом

[1] Коджаспирова Г. М. Педагогика: учебник/Г. М. Коджаспирова. М.: КНОРУС, 2010. С. 372–374.

[2] Смолкин А. М. Методы активного обучения: Науч.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 1991. С. 4 .

изучения являются, как правило, проблемы интеллектуального развития ребенка, развития его творческих способностей, личностного и социального становления. При этом дополнительное образование детей является, на наш взгляд, крайне неизученным с точки зрения физиологии. Именно этому аспекту исследования данной образовательной сферы посвящена наша статья.

Гипотетически определяя дополнительное образование детей с точки зрения физиологии как ***сферу саморазвития здоровья личности***, мы опираемся на основополагающие психолого-педагогические позиции различных аспектов здоровья, физического развития и роли образования в физическом развитии ребенка (Б. С. Братусь. С. И. Гессен, А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл, Э. Фромм и др.).

Базовым для нас является утверждение К. Роджерса о том, что человек наделен врожденным, естественным стремлением к здоровью и росту[1]. Эта позиция определяет особые требования к образованию, которое должно: «быть поставлено так, чтобы … тело сохранилось, то есть, значит, повысило свою физиологическую работоспособность. …Нравственное, научное и художественное образование могут быть осуществлены лишь на базисе физического воспитания» (С. И. Гессен)[2]; обеспечивать «дружелюбную, духовно и культурно наполненную экологию детства», способствующую психологическому здоровью ребенка (А. В. Шувалов)[3]; способствовать воспитанию у детей здорового образа жизни, обучению ребенка сохранению своего здоровья, что «в дальнейшем обеспечит ему возможность самореализации в сложных жизненных условиях» (З. Р. Газизов)[4].

Значимость вопросов физического развития детей в условиях дополнительного образования детей подчеркивают В. Д. Чепик и Д. В. Смирнов, которые считают необходимым включить в общую теорию данной образовательной сферы теорию двигательной и физиологической активности, теорию физической культуры и спорта, включая оздоровительную физическую культуру; теорию развития и воспитания личности[5].

Т. А. Павловская и А. А. Зайчиков немаловажную роль в совершенствовании здоровья ребенка отводят именно системе дополнительного образования детей, выполняющей (наравне с другими) компенсаторные и реабилитационные функции через предоставление ребенку максимума «возможностей для развития его способностей, получения знаний о здоровом образе жизни и регулярном их использовании»[6]. В результате занятий в творческих объединениях ребенок, по мнению авторов, «постигает самую главную в жизни вещь — ищет смысл жизни и возможность быть здоровым»[7].

Е. П. Стрелецкая рассматривает возможность реализации в условиях учреждения дополнительного образования детей оздоровительно-образовательной деятельности, специфика которой выражается «в направленности на содержательное наполнение свободного времени детей, восстановление израсходованных в период обучения сил; профессиональное самоопределение, творческую самореализацию, нравственное, гражданское, патриотическое, экологическое воспитание детей и подростков, их физическое и духовное развитие»[8].

Один из исследователей здоровьесберегающих аспектов дополнительного образования детей О. Н. Любушина считает, что детство (особенно начальный школьных возраст) наиболее сенситивно к формированию ценностного отношения к здоровью. Данное понятие трактуется автором как «внутренняя позиция личности, основанная на чувственно-эмоциональном восприятии, характеризующаяся осознанием здоровья как ценности и обеспечивающая устойчивость, преемственность поведения в деятельности по сохранению и улучшению здоровья»[9].

В. Е. Журавлев категорию здоровья определяет «как способность человека сохранять соответствующую возрасту устойчивость в условиях резких изменений количественных и качественных параметров триединого потока сенсорной, знаковой и структурной информации»[10]. С. А. Лапковская допускает наполнение понятия здоровья «социокультурным смыслом, включающим в себя такие психолого-педагогические параметры, как субъективное благополучие, осознанное и ответственное поведение, саморазвитие индивида»[11].

Обобщение исследований в сфере дополнительного образования детей позволяет ***компонентами здоровья*** определить: *соматическое (физическое)* — состояние организма; *психическое* — душевное благополучие; *социальное* — осознание себя в окружающем мире; *интеллектуальное* — работа с информацией; *эмоциональное* — понимание своих чувств и умение выражать

---

[1] Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. «Прогресс». 1994. С. 233–251.

[2] Гессен С. И. Основы педагогики: введение в прикладную философию. Учебное пособие для вузов. Отв. ред. П. В. Алексеев. М. «Школа-Пресс». 1995. С. 362.

[3] Теория и практика обеспечения психологического здоровья детей в образовании: на примере проектов «Здоровьесберегающие и психотерапевтические технологии как средства развития предпосылок к саморегуляции психических состояний у детей 4–9 лет» и «Психологическое здоровье учащихся в условиях модернизации образования». Авт.-сост. А. В. Шувалов. М. АПКиПРО. 2004. С. 29.

[4] Газизов З. Р. Сохранение здорового образа жизни как средство формирования конкурентоспособной личности. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции: «Формирование конкурентоспособной личности средствами дополнительного образования». Ред. кол.: М. Г. Скалозуб, Т. И. Кожевникова. Казань. ООО «Премьер-Груп». 2009. С. 231.

[5] Чепик В. Д., Смирнов Д. В. Методологические основы построения технологий дополнительного образования в объединениях туристского профиля. Дополнительное образование. 2001. № 11. С. 17–20.

[6] Павловская Т. А., Зайчиков А. А. Формирование основ здорового образа жизни посредством дополнительного образования. Физическая культура в школе. 2011. № 6. С. 47.

[7] Там же.

[8] Стрелецкая Е. П. Адаптивная среда в системе дополнительного образования детей: теория и технология организации адаптивной оздоровительно-образовательной среды. Монография. Воронеж. Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 2005. С. 24.

[9] Любушина О. Н. Формирование ценностного отношения к здоровью у младших школьников. Внешкольник. 2012. № 5. С. 16.

[10] Журавлев В. Е. Педагогические средства сохранения нравственного здоровья детей в системе учреждений дополнительного образования. Автореферат дис. … канд. пед. наук. Шуя. 2002. С. 11.

[11] Лапковская С. А. Специфика формирования здоровьесберегающей среды в системе дополнительного образования детей. Приоритетные направления развития здоровьесберегающей деятельности в системе образования Новосибирской области. Учебное пособ. Новосибирск. Изд-во НИПКиПРО. 2008. С. 83.

их; *личностное* — осознание себя в качестве личности; *духовное (нравственное)* — целостность личности (М. И. Болотова, В. Е. Журавлев, И. Н. Корнева, А. В. Литвинова, Ю. В. Овинова, Н. В. Сократов, Н. А. Соколова, О. Г. Тавстуха, В. Н. Феофанов, Н. И. Фуникова, А. И. Щетинская и др.)[1]. Их интеграция, по мнению С. А. Лапковской, дает сущностную характеристику феномена «культура здоровья»[2].

Т. К. Говорушина в понятие «культура здоровья» включает валеологическое (здоровьеформирующее и здоровьесберегающее) мировоззрение, систему здравотворческих умений и навыков, технологий оздоровления, процесс саморазвития и самосовершенствования человека в ходе учебно-творческой деятельности»[3].

Еще один исследователь заявленной нами проблемы Ю. А. Прилепо одной из базовых компетенций личности рассматривает компетенцию «быть здоровым». По мнению автора, данная компетенция включает в себя «принятие своего здоровья как личной ценности; знания, умения и навыки, обеспечивающие сохранение имеющегося потенциала здоровья, профилактики и лечения болезней, оказание первой помощи, преодоление вредных привычек и аддиктивных стереотипов поведения, экологическую культуру, критическое мышление, позволяющее выявлять в информационном пространстве информацию, направленную на разрушение здоровья и принимать решения, направленные на сохранение здоровья и активное преобразование окружающего социума»[4]. Формирование компетенции «быть здоровым» осуществляется в деятельности детей.

Основу *психического здоровья* человека, по мнению А. В. Шувалова, составляет «то лучшее, что возможно в конкретном возрасте для конкретного человека при соответствующих условиях развития, как квинтэссенция его результатов»[5].

Формирование психического здоровья в условиях дополнительного образования детей возможно через:

— снятие состояния психологического дискомфорта, профилактику психических перегрузок;

— включение ребенка в активную деятельность на основе его положительных интересов и склонностей;

— формирование адекватной самооценки; преодоление негативной мотивации учения;

— сохранение благоприятного эмоционально-психологического климата в процессе деятельности;

— динамичное межличностное взаимодействие, основой которого является постоянный диалог между педагогом и учащимся (Е. А. Белая, И. Н. Корнева, А. В. Литвинова, В. С. Пель, Д. В. Смирнов, Н. В. Сократов, В. Н. Феофанов, В. Д. Чепик и др.)[6].

Н. Н. Никитина под *социальным здоровьем* понимает «состояние гармонии личностных смыслов, деятельности, общения и гармонии человека с социумом, способствующие позитивному развитию личности и общества»[7].

Функциями социального здоровья автор рассматривает «предупреждение социальной дезадаптации, обеспечение самореализации самоактуализации личности»[8].

Критериями социального здоровья Н. А. Соколова и Н. И. Фуникова определяют: адаптацию в референтной общности (семья, группа сверстников, классный коллектив и так далее); овладение ведущими видами деятельности (игровой, учебной, профессиональной); овладение нормативным, правилосообразным поведением; уравновешенность процессов социализации и индивидуализации; выработку индивидуального стиля поведения; наличие самоконтроля и саморегуляции поведения в зависимости от обстоятельств; общую средовую адаптацию — интеграцию в обществе[9].

И. Н. Корнева, А. В. Литвинова, Н. В. Сократов и В. Н. Феофанов возможность формирования социального здоровья в условиях дополнительного образования детей видят в профилактике социальной педагогической запущенности через переключение ребенка на занятия творческой деятельностью[10].

Н. Н. Никитина основными условиями обеспечения социального здоровья в учреждении дополнительного образования детей рассматривает:

---

[1] Дополнительное образование как система современных технологий сохранения и укрепления здоровья детей. Под общ. ред. Н. В. Сократова. Оренбург. Изд-во ОГПУ. 2003. 260 с.; Соколова Н. А., Фуникова Н. И. Педагогика дополнительного образования детей. Учебное пособие по специальности 031300 «Социальная педагогика», специализация 031304 «Социально-педагогическая деятельность в учреждении дополнительного образования». Науч. ред. З. М. Большакова. Челябинск. Изд-во ЧГПУ. 2004. 278 с.; Овинова Ю. В. Стартовый потенциал детства в современном российском обществе. Дис. … канд. социол. наук. Саратов. 1998. 161 с.; Щетинская А. И., Тавстуха О. Г., Болотова М. И. Теория и практика современного дополнительного образования детей. Учебное пособие для подготовки бакалавра педагогики по направлению «Педагогика» 0507.62. Оренбург. Изд-во ОГПУ. 2006. 404 с.; Журавлев В. Е. Педагогические средства сохранения нравственного здоровья детей в системе учреждений дополнительного образования.

[2] Лапковская С. А. Специфика формирования здоровьесберегающей среды в системе дополнительного образования детей. С. 84.

[3] Говорушина Т. К. Особенности формирования здоровьесберегающей среды в учреждении дополнительного образования детей. Автореферат дис. … канд. пед. наук. Великий Новгород. 2005. С. 13.

[4] Прилепо А. Ю. Формирование здорового образа жизни детей в учреждениях дополнительного образования. Автореферат дис. … канд. пед. наук. Барнаул. 2004. С. 14.

[5] Теория и практика обеспечения психологического здоровья детей в образовании. С. 18.

[6] Дополнительное образование как система современных технологий сохранения и укрепления здоровья детей; Пель В. С., Белая Е. А. Возможности педагогики дополнительного образования в сохранении психологического здоровья детей и подростков. Материалы V Международной научно-практической конференции: «Педагогический профессионализм в современном образовании». Под науч. ред. Е. В. Андриенко. Ч. 1. Новосибирск. Изд-во НГПУ. 2009. С. 85–90; Чепик В. Д., Смирнов Д. В. Методологические основы построения технологий дополнительного образования в объединениях туристского профиля.

[7] Психолого-педагогическое обеспечение социального здоровья детей и подростков в условиях дополнительного образования. Методическое пособ. Под ред. Н. Н. Никитиной. Ульяновск. УИПКРО. 2008. С. 5.

[8] Там же.

[9] Соколова Н. А., Фуникова Н. И. Педагогика дополнительного образования детей.

[10] Дополнительное образование как система современных технологий сохранения и укрепления здоровья детей.

1) социальное научение — присвоение учащимися системы социальных знаний, ценностей, формирование социально значимых умений и навыков, лежащих в основе их социального здоровья;

2) социально-психологическое сопровождение и помощь детям в решении их проблем;

3) организацию социальной практики и опыта учащихся — включение учащихся в социальный процесс через активное социальное действие и перевод их в позицию организатора социальной деятельности, помощника в сохранении социального здоровья других детей — социальное служение и добровольческая деятельность;

4) социализацию образовательной среды[1].

Е. П. Стрелецкая определяет физическое здоровье (компетентность) как объемную структуру, объединяя два основных ее аспекта — физическую культуру и здоровье.

Структурирующими элементами физического здоровья (компетентности), по мнению автора, в совокупности выступают «ценностные ориентации, потребности в физической культуре как области деятельности, физическая активность как характеристика личности»[2].

Условием физического саморазвития личности в дополнительном образовании детей его исследователями рассматривается здоровьесберегающее воспитание, которое реализуется через:

организацию мониторинга уровня физической подготовленности и состояния здоровья детей;

формирование у детей и педагогов мотивации к здоровому образу жизни; воспитание валеологической культуры;

профилактику вредных привычек (наркомания, алкоголь, курение);

укрепление физического здоровья детей и педагогов через организацию занятий физической культурой;

обучение тому или иному виду деятельности (спорту, хореографии, музыке, аэробике и так далее), каждое из которых обладает лечебным эффектом (М. И. Болотова, И. Н. Корнева, А. В. Литвинова, Н. В. Сократов, Н. А. Соколова, О. Г. Тавстуха, В. Н. Феофанов, Н. И. Фуникова, А. И. Щетинская и др.)[3].

Нравственное здоровье, по мнению В. Е. Журавлева, характеризуется следующими критериями: «направленность мотивов человека — отсутствие безнравственных помыслов и поступков, постоянное стремление к нравственному самосовершенствованию; высокая степень сопротивляемости по отношению к нравственно неблагоприятным воздействиям…; уровень знаний о нравственной стороне действительности; достаточная социальная адаптация…, адекватное поведение в семье и обществе; нравственно-ценностное переживание объектов окружающего мира»[4].

Под сохранением нравственного здоровья ребенка автор подразумевает «не поддержание его на определенном статическом уровне, а непрерывное развитие ценностно-мотивационной основы и укрепление духовных сил ребенка, накопление им нравственных знаний и нравственного опыта»[5].

Эмоциональное здоровье (компетентность) Е. П. Стрелецкая рассматривает как способность к саморегуляции личностной эмоциональной сферы. Основными аспектами эмоционального здоровья, по мнению автора, являются:

— умение человека опознавать и оценивать себя;

— актуализация положительных эмоциональных состояний;

— нейтрализация негативных состояний;

— развитие саногенного мышления, которое уменьшает внутренний конфликт, напряженность, позволяет контролировать эмоции;

— формирование навыков управления эмоциональными состояниями, навыков психологической защиты[6].

Т. К. Говорушина ***основным условием*** реализации здоровьесберегающего образования считает создание в учреждении дополнительного образования детей образовательной здоровьесберегающей среды, включающей «совокупность педагогических, социально-культурных, материально-технологических и медико-валеологических условий жизнедеятельности …, в результате взаимодействия которых происходит духовно-нравственное и интеллектуальное развитие личности»[7].

Ю. А. Прилепо в здоровьесберегающее пространство включает «три составляющие: педагога, являющегося носителем ценностей здорового образа жизни и владеющего компетенцией «быть здоровым»; коллектив сверстников, для которого здоровье и компетенция должны быть значимой и, социально одобряемую, важную для детей деятельность по сохранению здоровья, которая повышает статус ребенка в референтной группе и способствует процессам социализации и индивидуализации»[8].

С. А. Лапковская предполагает возможность создания в условиях дополнительного образования детей «уникальной валеологической модели организации образовательной среды, способствующей формированию культуры здоровья обучающихся на трех уровнях: конотивном (активная, осознанная волевая деятельность, направленная на сохранение здоровья), креатив-

---

[1] Психолого-педагогическое обеспечение социального здоровья детей и подростков в условиях дополнительного образования. С. 10–13.

[2] Стрелецкая Е. П. Адаптивная среда в системе дополнительного образования детей: теория и технология организации адаптивной оздоровительно-образовательной среды. С. 199.

[3] Дополнительное образование как система современных технологий сохранения и укрепления здоровья детей; Соколова Н. А., Фуникова Н. И. Педагогика дополнительного образования детей; Щетинская А. И., Тавстуха О. Г., Болотова М. И. Теория и практика современного дополнительного образования детей.

[4] Журавлев В. Е. Педагогические средства сохранения нравственного здоровья детей в системе учреждений дополнительного образования. С. 12.

[5] Там же.

[6] Стрелецкая Е. П. Адаптивная среда в системе дополнительного образования детей: теория и технология организации адаптивной оздоровительно-образовательной среды. С. 201.

[7] Говорушина Т. К. Особенности формирования здоровьесберегающей среды в учреждении дополнительного образования детей. С. 15.

[8] Прилепо А. Ю. Формирование здорового образа жизни детей в учреждениях дополнительного образования. С. 14.

ном (рефлексия позитивных результатов самопознания, самосовершенствования), когнитивном (понимание и продуктивное использование знаний о здоровье)»[1].

Одной из важнейших задач создания здоровьесберегающей образовательной среды Т. К. Говорушиной рассматривается «создание условий для самоактуализации здоровой творческой личности педагога, для формирования у членов педагогического коллектива готовности к деятельности в этой области». Готовность педагога к здоровьесберегающей учебно-воспитательной работе определяется автором как личностная составляющая, связанная с установкой на собственный здоровый образ жизни, и как профессиональная составляющая, которая «выражается в осознании проблемы, наличии знаний о формировании здоровья и готовности применить их в своей педагогической деятельности»[2].

Ю. И. Машенин и Н. Д. Иванова убеждены в том, что «перед каждым педагогом дополнительного образования необходимо ставить задачу быть не только преподавателем, обучающим какой-либо деятельности, но и учителем здоровья»[3]. Профессиональной обязанностью педагога авторы рассматривают «обучение детей правилам укрепления здоровья, оказания помощи при возникновении неблагоприятных социально-психологических ситуаций, стрессов, ухудшении самочувствия»[4].

Обобщая результаты нашего исследования и констатируя крайне недостаточную изученность дополнительного образования детей с точки зрения физиологии, мы определяем данную систему образования как ***сферу саморазвития здоровья ребенка–подростка–юноши (девушки)***. Процесс саморазвития здоровья, по нашему мнению, включает ряд *подпроцессов*:

самоопределение ребенком «границ» своих физических возможностей и их максимальное развитие;

усвоение и интериоризация им ценностей здорового образа жизни;

самовоспитание формирующейся личностью эмоционально-нравственной устойчивости к негативным влияниям социальной среды;

«самоформирование» ею психологического здоровья, предполагающего адекватность восприятия своих возможностей, устойчивость к стрессовым ситуациям различного характера.

Kichula Maria Yaroslavovna Ternopil National Economic University, Ukraine,
seeker of pedagogical and psychological disciplines

Кичула Мария Ярославовна, Тернопольский национальный экономический университет, Украина,
соискатель кафедры педагогических и психологических дисциплин

Scientific and methodological providing of standardizes tests in Poland (second part of XX th century)

Научно-методичиское обеспечение стандартизированого тестирования в Польше (вторая половина XX в.)

При изучении проблемы мониторинга качества образования обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть педагогов-практиков ориентируются на педагогическое тестирование как на более объективную, независимую диагностическую систему измерения достижений учащихся, которая позволяет массово, быстро, многогранно диагностировать учебно-познавательную деятельность школьников. Поэтому во всех видах мониторинга тестированию наряду с контролем и оценкой отводится центральное место.

Рассмотрим дефиницию «тест» в польской научной литературе. Словарь польского языка определяет тест как «эксперимент, целью которого является испытание чего-то, проверка какого-то предположения»[5].

Согласно с дефиницией, представленной в Популярной Энциклопедии Польши, тест — это «логично выстроенная, объективная и стандартизированная попытка, результат которой определяют количественно, а ее прикладной целью является получение ответа на определенное вопрос»[6].

Прецизионную дефиницию понятия «тест» предлагает М. Гживак-Качинская, которая считает, что «тестами называют определенную проверку, задачу, которую решают как дети, так и взрослые, чтобы на основе способа решения и полученного результата извлечь определенную информацию либо о качестве изучаемого материала, либо об определенных способностях испытуемых, либо об уровне усвоения ими знаний и умений, либо об определенных свойствах характера, — все зависит от того, какие тесты мы использовали и с какой целью[7].

---

[1] Лапковская С. А. Специфика формирования здоровьесберегающей среды в системе дополнительного образования детей. С. 84.

[2] Говорушина Т. К. Особенности формирования здоровьесберегающей среды в учреждении дополнительного образования детей. С. 21.

[3] Машенин Ю. И., Иванова Н. Д. Модель здоровьесберегающей деятельности в системе дополнительного образования. Школа здоровья. 2011. № 2. С. 22.

[4] Там же.

[5] Mały słownik języka polskiego/pr. zb. pod red. S. Skorupka, Halina Auderska, Zofia Łempicka – Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1974. – S. 827

[6] Encyklopedia powszechna PWN: Supplement/[Red, H. Bonecki, J. Barbag]. – Państ. Wydaw. Naukowe, 1983. – S. 788

[7] Grzywak-Kaczyńska M. Testy w szkole/M. Grzywak-Kaczyńska. – W.: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1960 – S. 6

Близкую по значению дефиницию находим в педагогическом словаре В. Оконя: «Тест — это попытка разведки свойств определенных предметов, которые нас интересуют. В психологии и педагогике — испытание, позволяющее определить характер и уровень психических действий и школьных достижений учащихся и молодежи»[1].

Т. Пильх определяет тест как «… особое задание или стандартное действие максимальной объективности, результаты которого выражаются в количественной форме, и такой количественный результат становится основным при подведении итогов об определенных психических чертах исследуемого или группы испытуемых»[2].

Первыми в педагогике были тесты школьных знаний. Наиболее широко их применяли в англосаксонских странах. Первый тест знаний возник в Англии еще в 1887 г. Его разработал Джордж Фишер. Авторство последующих тестов, созданных в 1897 г., принадлежит американскому ученому Дж. М. Райсу.

Тест школьных достижений В. Оконь определил, как «вид педагогического теста, направленный на измерение результатов, полученных в процессе обучения»[3]. Для В. Зачинского такого рода тест является специальной попыткой, идентичной для всех испытуемых, специально организованной в строго контролируемых условиях, обеспечивающей объективное и точное измерение изучаемых свойств, процессов или других внешних результатов»[4].

Тесты школьных достижений учащихся составляют одну из основных категорий тестовых исследований, это касается тестов на выявление способностей, а также тестов на определение индивидуальности[5].

Несмотря на то, что тестирование школьных достижений считают одной из разновидностей психологических тестов, важно уяснить разницу между ними. Нужно помнить, что тесты школьных достижений исследуют состояние достижений учащихся в учебе, тогда как в психологических тестах раскрываются следующие психологические особенности: одаренность, индивидуальные признаки учащихся, обусловливающие эти достижения, и др. Тесты школьных достижений занимаются диагностикой, то есть оценкой имеющихся достижений ученика в определенной сфере[6].

В связи с этим И. Пиетера (1973) считает, что тесты школьных достижений является улучшенным школьным экзаменом, дающим возможность оценить достижения учащихся[7]. В свою очередь, И. Бжезинский (1984) утверждает, что тестами школьных достижений называют задачи, общий признак которых состоит в том, что они тематически связаны с одними и теми же пространственными знаниями[8]. М. Лобоцкий указывает на то, что последние являются усовершенствованным способом измерения и оценки степени овладения учащимися умений и навыков в области определенного предмета обучения[9]. Б. Немерко говорит о том, что тесты школьных достижений — это набор определенных задач, отвечающий содержанию обучения таким образом, что на основе полученного результата можно установить уровень компетентности ученика согласно предложенной программе обучения, кроме того, положительный момент связан с тем, что эти задачи можно решить за один урок[10].

Учитывая вышеизложенное, проанализируем процесс внедрения стандартизированных тестов в средних общеобразовательных заведениях Польши. Проанализированные нами научные источники свидетельствуют о том, что в государственных документах и трудах ученых на образовательном поприще приоритетной признается направленность образования на усовершенствование деятельности педагогических работников. Заметим попутно, что в сентябре 1948 года по распоряжению министерства образования Республики Польша в крупнейших городах страны были созданы главные научно-дидактические центры, в воеводствах — краевые дидактически-научные общества, а в уездах — уездные дидактические центры, к задачам которых относились «нормализация и объединение усилий учителей, стремящихся реформировать школьную систему», кроме этого «центры занимались непрерывным совершенствованием и повышением квалификации педагогических кадров»[11]. Уже в 1952 году создан Центральная ячейка усовершенствования образовательных кадров (Centralny Ośrodek Doskonalenia Kadr Oświatowych (CODKO)), соответственно в воеводствах — воеводские центры совершенствования педагогических кадров (Wojewódzkie Ośrodki Doskonalenia Kadr Oświatowych). Таким образом, 1952 год стал началом создания организованной системы совершенствования учителей, структурно и программно связанной с системой педагогического надзора. Следующим шагом стал созыв воеводских методических «очагов» при содействии отдела образования воеводских советов, работа которых осуществлялась в русле методических исследований. В 1960 году министр образования издал распоряжение о создании Центрального методического центра в Варшаве, который, выполняя непосредственные функции, обрабатывал также методические материалы для учителей и контролировал издания последних в педагогической периодике[12]. С тех пор в Польше, вместе с повышением уровня квалификации педагогических работников, проводятся исследования в области мониторинга результатов обучения, охватывающие такой метод, как стандартизированное тестирование.

---

[1] Pieter J. Oceny i wartości/ J. Pieter. – Katowice,1973–233 s.

[2] Pilch T. Zasady badań pedagogicznych/T. Pilch. – Warszawa: ŻAK, 1995. – S. 106

[3] Okoń W. Słownik pedagogiczny/W. Okoń. – Warszawa: Wydawnictwo Akademickie „Żak", 1998. – 336 s.

[4] Zaczynski W. Praca badawcza nauczyciela/W. Zaczynski. –W., 1968. – 173 s.

[5] Łobocki M. Metody badań pedagogicznych/M. Łobocki. – Warszawa: PWN, 1984. – 314 s.

[6] Квалиметрия человека и образования. Методология и практика/ [Под редакцией Н. А. Селезневой, А. И. Субетто]. – Ч. 1. –М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1992. – 190 с.

[7] Pieter J. Oceny i wartości/ J. Pieter. – Katowice,1973 – S. 187

[8] Wybrane zagadnienia z psychometrii i diagnostyki psychologicznej/[Pod red. Jerzego Brzezinskiego]. – Poznań: Wydawn. Nauk. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1984. – 221 s.

[9] Łobocki M. Metody badań pedagogicznych/M. Łobocki. – Warszawa: PWN, 1984. – 314 s.

[10] Niemierko B. Testy osiągnięć szkolnych. Podstawowe pojęcia i techniki obliczeniowe/B. Niemierko. – Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1975. – 265 s.

[11] Wodzisławski R. Doskonalenie nauczycieli na Ziemi Elbląskiej w latach 1945–2009/R. Wodzisławski//Doskonalenie otwarte [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.wmodn.elblag.pl/_rozne/dokumenty/doskonalenie_otwarte_art-1.pdf

[12] Ibidem.

Е. Габриэльський был одним из первых польских учителей-практиков, который в 1960 году в Краевом методическом центре (Okręgowy Ośrodek Metodyczny) в Ополе проводил исследования по использованию дидактического теста, в результате которого защищена докторская диссертация под руководством Винцента Оконя. В дальнейшем вместе с Б. Немерком, К. Чупял и Т. Патжалкем они обработали первые тесты, проверяющие ученические достижения в учебе, и провели исследования, касающиеся их дидактического использования. Сначала это была неформальная группа, которая со временем приобрела форму учреждения под названием Семинария конструкции и теории тестов школьных достижений (Seminarium Konstrukcji i Teorii Testow Osiągnięć Szkolnych)[1].

Достижением в рамках этого проекта на протяжении 1962–1965 годов была разработка комплекта тестов по физике для лицеев. Конструкционную работу дополнял педагогический эксперимент — использование тестов смешанного типа, в которых сразу была введена разноуровневая шкала оценок. В дальнейшем, уже в 1964–1965 учебном году были разработаны однородные тесты, имеющие разработанную шкалу оценок, начиная с 0, которая и стала применяться как основной инструмент измерения школьных достижений в лицеях[2].

В конце 60-х годов XX в. во главе с Е. Габриэльським были соданы две новые конструктивные группы, в состав которых вошли уездные учителя средних школ, принимающие активное участие в эксперименте. Результатом работы групп была Серия тестов школьных достижений для широкого использования в 6–8 классах (Seria testow osiągnięć szkolnych szerokiego użytku dla kl. VI–VIII), опубликованная в 1967 году при содействии краевого методического центра, тесно сотрудничавшего с Центром педагогических услуг в Ополе. Это были первые стандартизированные тесты[3].

В 1971 году по предложению Министерства здравоохранения и общественного ухода Польши был проведен новый эксперимент — вступительные экзамены в медицинской академии заменены экзаменом, основой которого стали тесты школьных достижений. Было разработано два комплекта тестов, постоянно совершенствуемых, ставших основным инструментом, который длительное время обеспечивает объективность вступительных экзаменов по физике в медицинских образовательных заведениях Польши[4].

В 1973 году Краевой методический центр изменил название, став Отделом (Oddział IKN) при Институте обучение учителей и образовательных исследований (Instytut Kształcenia Nauczycieli i Badań Oświatowych), а Е. Габриэльський возглавил Учреждение научной информации и издательства, результатом деятельности которого стала серия тестов и методических разработок для измерения учебных достижений учащихся. Постепенно Учреждение направило свою деятельность в русло проверок учащихся и учителей, а потому впоследствии превратилось в Отдел измерения школьных достижений (Pracownię Pomiaru Osiągnięć Szkolnych). Было приглашено к сотрудничеству больше новых ученых, интересовавшихся проблемой измерения. Тогда начали разрабатывать не только отдельные тесты, но и целые серии тестов по тем или иным предметам[5].

В то же время создавался банк стандартизированных тестовых заданий. Серия тестов школьных достижений по физике для лицеев и техникумов в 4 вариантах, после стандартизации Институтом школьных программ (Instytut Programow Szkolnych), была издана при поддержке WSiP в 1975 году, как первая в Польше публикация такого типа. В это же время в Ополе работала группа учителей над тестами по математике. В результате была разработана серия тестов в данной отрасли для учащихся лицеев и техникумов. Следует подчеркнуть, что все тесты содержали инструкции — проводники, облегчающие работу учителя с тестами[6].

На протяжении 70–80-х годов XX века ученые начали интенсивно разрабатывать тесты проверки и систематически совершенствовать свои навыки на семинарах по теории и построению тестов школьных достижений. В 1979 году Г. Новик защитил кандидатскую диссертацию «Польза задач многократного выбора в измерении школьных достижений по математике» под руководством Б. Немерки, ставшую одной из первых работ в области дидактического измерения[7]. Последнее способствовало появлению концепции измерения и глобальных проверок, в частности измерения минимальных компетенций учащихся, то есть теста необходимых знаний в обучении.

В 80-х гг. XX века одной из важнейших функций секции измерения школьных достижений отдела усовершенствования учителей в Ополе была подготовка (организация и концептуальные основы) и систематическое проведение исследований в области школьных достижений учащихся начальных школ. Этот процесс был «длительный», что в то время стало своеобразным исключением. Коллектив секции, членами которого были: Е. Габриэльський, Т. Словиковска-Олеярчик, Г. Новик, Б. Янусек и А. Жепневска, использовал методологию и опыт общегосударственных исследований, то есть как предметные (по математике, польскому языку), так и непредметные (общего направления) тесты[8]. Кроме этого, к инструментарию были отнесены исследовательские гипотезы и статистические индикаторы, учитывался также опыт, приобретенный в процессе всех

---

[1] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 201.

[2] Szała A. Analiza zadań kotwiczących z fizyki/ A. Szała//Osiągnięcia uczniow z fizyki. – Tom VI: fizyka. – Część 2. – Warszawa: IKN, 1988. – S. 252–269.

[3] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 202.

[4] Там же.

[5] Wodzisławski R. Doskonalenie nauczycieli na Ziemi Elbląskiej w latach 1945–2009/R. Wodzisławski//Doskonalenie otwarte [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.wmodn.elblag.pl/_rozne/dokumenty/doskonalenie_otwarte_art-1.pdf

[6] Nowik J. Badanie osiągnięć matematycznych uczniów klas IV testem sprawdzającym wielostopniowym//Wyniki ogolnopolskich badań osiągnięć uczniow, nauczycieli i szkoł 1981–1988. Matematyka. – Tom V. – Warszawa: IKN, 1988. – S. 118.

[7] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 203.

[8] Słowikowska-Olejarczyk T. Osiągnięcia maturzystów w czytaniu poezji współczesnej/T. Słowikowska-Olejarczyk//Osiągnięcia uczniów z języka polskiego. Materiał ogólnopolskich badań osiągnięć uczniów, nauczycieli i szkół 1981–1986. – Tom IV. –Warszawa: IKN, 1988. – S. 161.

этапов реализации общегосударственных действий. Следующим шагам секции была разработка серии тестов на определение уровня приобретенных базовых знаний учащихся. Поскольку в то время тесты такого типа не имели широкого применения, а иногда и совсем не использовались, это также стало новаторским. Последние имели репрезентативный характер, что давало возможность обобщать результаты и делать выводы обо всех учениках, обучавшихся в краевой ячейке. Хорошо подготовленные, с точки зрения методологии и методологической базы, основания и организованность коллектива утверждали высокую валидность и объективность тестовых заданий[1]. Основной целью воеводских изучений была активизация и мотивация директоров школ и учителей к проведению собственного внутришкольного мониторинга уровня качества обучения в школе, а также внедрение соответствующих корректирующих действий, направленных на устранение возможных нарушений или недостатков в системе школьного образования. Результаты таких исследований публиковались в периодических изданиях г. Ополе, в частности в тетради библиотеки ОДН для директоров школ. В результате появился целый ряд таких изданий[2].

В конце 80-х годов XX века в краевой ячейке сформировалось новое измерение исследований, целью которого было осуществление множественных исследований в упомянутой выше области. Ученые-практики, принимавшие участие в подготовке инструментария исследований, обладали хорошей базовой подготовкой в этой сфере, богатыми практическими знаниями, приобретенными в ходе общегосударственных и воеводских исследований. Все знания ученые представили в трудах, в разработках задач, цель которых — реформировать систему образования, а также популяризировать образовательную деятельность[3].

90-е гг. XX века стали периодом организационных изменений в системе улучшения качества образования. В Ополе вместо развитого ИКН_ОДН был создан Воеводский методический центр. В последующие годы педагоги продолжали воеводскую исследовательскую деятельность, однако уже под руководством отдела образования при воеводском совете. Дидактическим аспектом этих исследований стало привлечение к сотрудничеству учителей-практиков для разработки инструментария тестов и реализации последних в процессе обучения учащихся. Кроме этого, были созданы курсы, обучающие использовать тесты измерения школьных достижений учащихся и развивающие умение правильно интерпретировать полученные результаты[4]. Такие курсы приобрели широкую популярность не только в г. Ополе, но и в других городах Республики Польша, в частности в Гданьске, Кельце, Лодзе, Ольштыне, Острольцеве, Жешове, Варшаве. Представители методического центра в Ополе проводили занятия на эту тематику для студентов и работников вузов: Университет в Ополе, Вроцлавский Университет, Университет Вроцлавско-Мазурский, Педагогическая Академия в Ченстохове. Вместе с тем, те же члены выполняли исследовательскую работу в рамках центров усовершенствования в других воеводствах. Одновременно представители других методических центров использовали наследие опольских исследователей, например во Вроцлавском воеводстве (1994–1996 гг.) в школах учителя осуществляли проверку понимания научно-популярных текстов с помощью тестов, разработанных авторами из Ополя[5].

Таким образом, опольские исследователи занимались активной дидактической и информационной деятельностью: конструировали тесты, организовывали курсы дидактического измерения и мастерства использования тестов в обучении, разрабатывали систему оценивания. На современном этапе ведется множество исследований, осуществляется подготовка педагогических советов и конференции на тему измерения школьных достижений учеников и внутришкольного мониторинга качества обучения (например, Конструирование и качественно-количественный анализ задач, стандартизация экзаменационных заданий и введение в процесс обучения, анализ и интерпретация результатов внешних экзаменов). Участниками исследования были как учителя, так и директоры школ, советники воеводских образовательных центров и инспекторы школ. Выпускники вышеупомянутых курсов ведут дальнейшую аналитическую деятельность, разрабатывают тесты измерения школьных достижений учащихся, их работы публикуются в различных педагогических периодических изданиях.

Kostenko Alina Anatoliyivna, Lecturer,
Department of English Philology, B. Khmelnytsky National University at Cherkasy

Specific Features of Communicative and Cognitive Teaching Conversational English Grammar to Junior Pupils

In this article I will define the characteristic features of teaching conversational English grammar to junior pupils and illustrate the combination of communicative and cognitive approaches in the process of English grammar acquisition. Communicative and cognitive teaching is aimed to make learning foreign language more efficient. To fulfill this purpose it is necessary to study influence of junior pupils' epistemological styles and characteristic features upon foreign language acquisition. Many investigations show that in the teaching process a teacher should use role-playing, various types of visual aids, and take into consideration pupils' characteristic features. These can be of help when investigating ways of presentation of the material under study.

[1] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 201–208.

[2] Nowik J., Szała A. Sprawdzanie i ocenianie osiągnięć uczniów w kształceniu i doskonaleniu nauczycieli//Kwartalnik Nauczyciela Opolskiego. – Nr. 1. –Opole, 1988. – S.53.

[3] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 205.

[4] Nowik J. Równoległość wersji testów sprawdzających//Uwarunkowania osiągnięć uczniow z matematyki. Wyniki ogolnopolskich badań osiągnięć uczniow, nauczycieli i szkoł. – Tom XI.– Warszawa: CDN, 1990. – S. 99.

[5] Futyma I., Nowik J., Szała A. Rzecz krotka o pomiarze dydaktycznym w Opolu/I. Futyma, J. Nowik, A. Szała//Uczenie się i egzamin w oczach nauczyciela. XIV Konferencja Diagnostyki Edukacyjnej. – Opole, 2008. – S. 205.

Many recent studies have focused on the communicative approach that concentrates on the necessity to form the communicative competence of juniors through holistic and situational learning, role-play organization of activities with musical and kinetic components, suggestibility and problem-solving cooperation.

Sklarenko[1] pointed to the importance of communicative aspect of teaching and established requirements for exercises for junior school students while Makridina[2] demonstrated the necessity to form communicative competence at a primary stage of education.

On the other hand the cognitive aspect focuses primarily on mental development of pupils which go through three stages: 6–7 year-olds, 8–9 year-olds, and 9–10 year-olds. During these juniors start forming linguistic grammatical concepts and developing methods of abstract thinking by performing such mental operations as analysis, synthesis, comparison, classification, etc. Kolominova[3] and Rogova[4] highlight that at the end of junior school period, children start comprehending regularities of linguistic concepts which influence successful foreign language acquisition. A set of simulation games aiming at mastering conversational English grammar was also illustrated in works of Savchenko[5] and Jaffke[6].

The main communicative and cognitive aspects combined set the ground for realization of the basic motto of English grammar acquisition in junior school: I hear and I forger; I see and I remember; I do and I understand.

To make the process of English grammar acquisition successful, the psychic features of junior pupils such as memory, imagination, attention, thinking and high level of sensitivity should be taken into consideration. Sensitivity is the characteristic feature of a child which is manifested in high sensitiveness to what is happening to him/her. Sensitivity enhances and facilitates English grammar acquisition which may be conscious (or explicit), and unconscious (or implicit). In this article I prioritize the implicit acquisition of English conversational grammar, since junior pupils learn unconsciously and reproductively in situational settings and role-pay activities.

The implicit learning presupposes the unconscious perception and understanding of grammatical phenomena. To provide the understanding of the grammatical material the epistemological styles of junior pupils should be taken into account.

Solso[7], Royce[8] and Holodna[9] worked with the notion of epistemological styles that may be defined as individual characteristic ways of world perception. According to three types of thinking the epistemological styles are subdivided into empirical (based on practical experience), rationalistic (based on logical conclusions and is defined by schemas, models etc.) and metaphorical (based on diversity of impressions, combinations of different spheres of knowledge, and intuition).

In junior school the preference is given to the metaphorical epistemological style, though the empirical and the rationalistic are to be considered as well.

The individual epistemological styles of pupils will help the teacher to use the appropriate ways of instructional grammatical information, such as speech patterns, schemes, models, cognitive metaphors, pictures, comics, gestures, and even dances. The epistemological styles of junior pupils will also facilitate their understanding of this material.

To illustrate the mentioned above, let us look at the example of a speech pattern (a typical linguistic unit which serves as a pattern for analogical creation of other linguistic units that have the same structure[10]): The Teacher says: Look at the pictures of the animals and tell Carlson what each of them is doing at the moment.

Pupil$_1$: *The fox is eating at the moment.*

Pupil$_2$: The lion is sleeping at the moment.

Pupil$_3$: The kitten is playing at the moment.

The other pupils use the operation of analogy to make the appropriate sentences with the same structure.

In the process of English grammar acquisition a teacher may use different models, schemes (conventional graphical representation of some object[11], and cognitive metaphor (the mental operation, way of percepting, organizing and changing existing worldview[12]). Cognitive metaphors may be expressed graphically, verbally, and kinetically. For example, the teacher may use the verbal cognitive metaphor presenting the English question words:

I have six honest serving men —
They taught me all I knew.
Their names are "WHAT" and "WHY" and "WHEN",
And "HOW" and "WHERE" and "WHO".

---

[1] Скляренко Н. К. Навчання граматичних структур англійської мови в школі. – К. Радянська школа. 1982. 104 с.

[2] Макрідіна Л. О. Використання сучасних технологій у педагогічній діяльності//Початкова школа. 1995. № 7. С. 26–30.

[3] Коломінова О. О. Методика формування соціокультурної компетенції учнів молодшого шкільного віку в процесі навчання усного англомовного спілкування: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. К. 1998. 175 с.

[4] Рогова Г. В., Верещагина И. М. Методика обучения английскому языку на начальном этапе: Пособие для учителя. М. Просвещение. 1988. 224 с.

[5] Савченко О. Я. Екологія дитинства: В. О. Сухомлинський і сучасна початкова школа//Початкова школа. 2000. № 11. С. 1–4.

[6] Яффке К., Майер М. Иностранные языки для всех детей: Пер. с нем. М. Изд-во Московского центра вальдорофской педагогіки. 2000. 152с.

[7] Солсо Р. Л. Когнитивная психология: Пер с англ. М. Тривола. 1996. 600 с.

[8] Royce J. R. Cognition and Knowledge: Psychological Epistemology//Handbook of Perception/Carterette E., Fridman M. (Eds.). New York. Academic Press. 1974. V. 1. P. 149–176.

[9] Холодная М. А. Психология интелекта. Парадоксы иследования. С.-Пб. Питер. 2002. 272 с.

[10] Рогова Г. В., Верещагина И. М. Методика обучения английскому языку на начальном этапе: Пособие для учителя. М. Просвещение. 1988. 224 с.

[11] Черноватый Л. Н. Основы теории педагогической грамматики иностранного языка: Дис. … докт. пед. наук: 13.00.02. Харьков. 1999. 459 с.

[12] Телия В. Н. Предисловие//Метафора в языке и тексте. – М. 1988. С. 3–10.

It is supposed that the pupils will look upon the question words as servants which help to learn English.

Other ways of instructional information may be pictures and comics since they provide the humorous presentation of the grammatical material and thus reduce sensitivity and simplify the understanding of the grammatical phenomena.

The ways of presentation of the grammatical material conduce to formation of the grammatical habit which is the main objective in teaching grammar. The grammatical habit is based on dynamic stereotype — a type of integral activity performed by the cerebrum and manifested by a fixed succession of conditioned reflexes[1]. In its formation the grammatical habit goes through 3 stages (preparatory, stereotypical and situational) which correlate with the phases of grammatical material acquisition.

The high level of the grammatical habit can be reached due to the appropriate system of exercises which meet certain requirements, such as:

a) situational character and role-play organization;
b) communicative orientation;
c) stimulation of mental and speech activity;
d) visual aids usage;
e) collective character of accomplishment;
f) usage of musical and kinetic components.

The devised system of exercises consists basically of reproductive semi-communicative exercises which provide not only the formation of the grammatical habit but also the mental development of junior pupils. Let us look at the relevant examples of exercises. The example of exercise 1 illustrates the requirement to use the musical component in the exercises. It shows the pupils how to meet people and what structures can be used in this process. The mode of accomplishment is pair or group work. The tune of the song *Cucaracha* can be used in this exercise:

Do you speak English? (2 t.)
Yes, I do, but just a bit.

Exercise 2. (Roleplay "The Picture") shows the accommodation of the requirement of collective form of accomplishment.

Teacher: *Guess what Dunno is drawing now.*

A pupil playing the part of Dunno starts to draw something on the board. The other pupils are making guesses:

Pupil 1: *Are you drawing a face?*
Dunno: *No, I am not.*
Pupil 2: *Are you drawing the plate?*
Dunno: *Yes, I am.*

Exercise 3 exemplifies the accommodation of the requirement of the role-play organization and the usage of kinetic and musical components. The role-play is called *Funchinello*. The teacher chooses Funchinello — a clown. He shows different movements. The pupils move in a circle and sing: *"What are you doing, Funchinello — funny fellow? What are you doing, Funchinello — funny you?"* Funchinello answers: *"I am flying!"* The pupils imitate his movements and sing: *"We are flying too, Funchinello — funny fellow. We are flying too, Funchinello — funny you"*. Then Funchinello chooses another clown and the play goes on in the same way.

It is a reproductive semi-conditional exercise which provides the unconscious learning of the children. It has a problem character and thus it provides not only the formation of the grammatical habit but also stimulates the speech and mental activity of pupils, since they are supposed to use such cognitive operations as analysis, comparison, etc. So, the proposed complex of exercises is communicatively and cognitively oriented.

Leleko Viktoriia Volodymyrivna
B. Khmelnytsky National University at Cherkasy
Лелеко Виктория Владимировна, преподаватель
Черкасский Национальный университет имени Богдана Хмельницкого

The use of project technology in teaching English

Использование проектной технологии в процессе обучения английскому языку

В условиях современного мира выдвигаются все новые требования к процессу обучения иностранным языкам. Поэтому процесс обучения должен быть организован так, чтобы студенты приобретали не только знания, навыки и умения, но и овладевали стратегиями их применения для реализации поставленных целей.

Цель обучения иностранным языкам в вузе, а именно развитие у студентов способности к межкультурному взаимодействию и использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия, естественным образом влияет на выбор технологии и содержание обучения. Среди многообразия новых педагогических технологий, направленных на реализацию личностно-ориентированного подхода, интерес представляет проектная технология, ориентированная на развитие личности учащегося[2].

---

[1] Шатилов С. Ф. Некоторые принципы создание системы упражнений для обучения иностранному языку//Система упражнений при обучении иностранному языку в школе и вузе. Л. Наука 1978. С. 18–40.

[2] Дудкевич Н. Н. Использование инновационных форм и методов обучения в ВУЗе (на примере иностранного языка)// Интерактивные инновационные методы обучения студентов иностранным языкам: материалы международной научно-практической конференции, проводимой в рамках программы Темпус IV, 6–8 октября 2010 г. /Вит. гос. ун-т; редкол.: В. И. Турковский (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2010. – С. 145–148.

Проектная технология предполагает высокую мотивированность студентов и основывается на их познавательном интересе[1]. Под влиянием современной тенденции к технологизации педагогической науки проектные технологии развились из метода проектов и обозначались в отечественной педагогической литературе и в исследованиях по истории педагогики термином «метод проектов»[2]. Метод проектов был разработан американским философом и ученым Дж. Дьюи, а также его учеником У. Килпатриком в 20-е гг. XX века. Суть проектной методики заключается в том, что исходя из своих интересов, учащиеся вместе с учителем проектируют решение какой-либо практической задачи. Преподавателю в проекте отводится роль координатора, эксперта, дополнительного источника информации. Метод проектов помогает реализовать одну из современных тенденций в образовании, в частности, применение личностно ориентированного подхода при изучении иностранных языков. Проектная деятельность позволяет студенту раскрыть свой творческий потенциал, проявить фантазию, самостоятельность, исследовательские способности, а также развивает коммуникативную компетенцию как одну из основных целей обучения[3].

Среди признаков проектной технологии можно выделить наиболее значимые[4]:

- доминирующие виды деятельности: ролевой и игровой, информационный и перспективно ориентированный;
- предметно-содержательный: моно/межпредметный проект;
- характер координации действий в процессе выполнения проекта: непосредственная координации, скрытая координация;
- учёт характера выполнения проекта;
- продолжительность выполнения работы: краткосрочный/долгосрочный.

Работа над проектом является творческим процессом. Студенты, активно взаимодействуя друг с другом, осуществляют поисковую деятельность с целью решения личностно значимой проблемы. Это требует от них в подавляющем большинстве случаев самостоятельного переноса знаний, навыков и умений в новый контекст их творческого использования. Следовательно, у студентов развивается творческая компетенция как показатель коммуникативного владения иностранным языком. В ходе выполнения проекта решаются проблемы средствами иностранного языка, что позволяет незаметно для студентов преодолевать языковой барьер. Творчески работая над проектом, каждый студент, даже с низким уровнем владения иностранным языком и психологически менее активный, получает возможность проявить собственную инициативу, фантазию, активность и самостоятельность в решении проблемы. Проектная работа придаёт процессу обучения личностно ориентированный и деятельностный характер и в полной мере отвечает новым целям обучения. Она создаёт условия, в которых процесс обучения иностранному языку по своим основным характеристикам приближается к процессу естественного овладения языком в аутентичном языковом контексте [5].

Метод проектов направлен также на формирование активного самостоятельного мышления студентов, что предполагает не простое запоминание материала и воспроизведение знаний, а умение применять их на практике. Чтобы решить проблему, которая лежит в основе проекта, студенты должны владеть определенными интеллектуальными, творческими и коммуникативными умениями (умение работать с текстом, выделять главную мысль, вести поиск нужной информации, делать обобщения, анализ, выводы, умение вести дискуссию, слушать, слышать собеседника, отстаивать свое мнение, лаконично излагать свою позицию)[6]. В то же время, успех проекта во многом зависит от умений преподавателя создавать условия, стимулирующие формирование и развитие креативных, когнитивных, коммуникативных, организационно-деятельностных умений[7].

К использованию метода проектов выдвигаются основные требования[8]:

1. Наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы или задачи, требующей интегрированного знания и исследовательского поиска для ее решения.
2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов.
3. Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся.
4. Структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов).

---

[1] Степаненко К. А. Метод ученого проекта как пример использования инновационных педагогических технологий в высшей школе//Инновации и современные технологии в системе образования: материалы международной научно-практической конференции 20–21 февраля 2011 г. – Пенза – Ереван – Шадринск: Научно-изд. центр «Социосфера», 2011. – С. 113–115.

[2] Игнатова И. Б. Сушкова Л. Н. Проектные технологии как метод обучения: историко-педагогический анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа к изданию: teoria-practica.ru/-1–2011/pedagogika/ignatova-sushkova.pdf

[3] Боровкова М. В. Проектная методика как форма инновационного обучения иностранным языкам. Инновационные технологии в методике преподавания иностранного языка: социокультурная компетенция учителя//Материалы IV всероссийского семинара: 9 ноября 2009 г, Екатеринбург, Россия/Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург, 2010. – С. 36–41.

[4] Степаненко К. А. Метод ученого проекта как пример использования инновационных педагогических технологий в высшей школе//Инновации и современные технологии в системе образования: материалы международной научно-практической конференции 20–21 февраля 2011 г. – Пенза – Ереван – Шадринск: Научно-изд. центр «Социосфера», 2011. – С. 113–115.

[5] Андрющенок Е. В., Поцепай С. Н. Использование методики проектов как средства оптимизации иноязычной профессиональной подготовки//Инновации и современные технологии в системе образования: материалы международной научно-практической конференции 20–21 февраля 2011 г. – Пенза – Ереван – Шадринск: Научно-изд. центр «Социосфера», 2011. – С. 73–76.

[6] Дудкевич Н. Н. Использование инновационных форм и методов обучения в ВУЗе (на примере иностранного языка)// Интерактивные инновационные методы обучения студентов иностранным языкам: материалы международной научно-практической конференции, проводимой в рамках программы Темпус IV, 6–8 октября 2010 г. /Вит. гос. ун-т; редкол.: В. И. Турковский (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2010. – С. 145–148.

[7] Белогрудова В. П. Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода//Иностранные языки в школе. – 2005. – № 8. – С. 6–11.

[8] Полат Е. С. Метод проектов//Метод проектов. Серия «современные технологии университетского образования». Белорусский гос. ун-т. Центр проблем развития образования. Республиканский ин-т высшей школы БГУ. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. – С. 39–48.

5. Использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность действий.

Проекты можно классифицировать по нескольким критериям. В данной классификации выделяются следующие разновидности проектов[1]:

1) по методу, доминирующему в проекте: исследовательские, творческие, приключенческие, игровые, информационные и практико-ориентированные;

2) по характеру координирования проекта: с явной координацией и со скрытой координацией;

3) по характеру контактов: внутренние (региональные) и международные;

4) по количеству участников: личностные (индивидуальные), парные и групповые;

5) по продолжительности проведения: краткосрочные, средней продолжительности и долгосрочные.

В процессе подготовки проектной работы задействованы разные виды деятельности, среди которых мыслительная, коммуникативная, практическая и презентационная. Одним из положительных факторов применения данной технологии в высшей школе является групповая форма организации работы, которая в наш век всеобщей компьютеризации и автономности каждого студента имеет большое значение. Групповая организация выполнения проекта подразумевает распределение ролей, выполнение отдельным студентом отведённого участка работы и объединение усилий каждого в единый результат.

Следует остановиться также и на общих подходах к структурированию проекта[2]:

• выбор темы проекта, его типа, количества участников;

• продумывание возможных вариантов проблем, которые исследуются в рамках намеченной тематики;

• распределение задач по группам, обсуждение возможных методов исследования, поиска информации и творческих решений;

• самостоятельная работа участников проекта по своим индивидуальным или исследовательским, творческим задачам;

• промежуточные обсуждения полученных данных по группам;

• защита проектов, оппонирование;

• коллективное обсуждение, экспертиза, результаты, выводы.

Таким образом, проектная технология как одна из ведущих технологий изучения иностранных языков реализует обучение в сотрудничестве и развивает личность студентов, помогая им воспроизводить полученные знания и умения, и применять их на практике.

Lifareva Natalia
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk, Ukraine
Лифарева Наталья Викторовна, Днепропетровский университет им. А. Нобеля,
доцент кафедры общей и социальной педагогики

Activizing Potential of Cultural and Leisure Activities in Project «University of the Third Age»

Активизирующий потенциал культурно-досуговой деятельности в проекте «Университет третьего поколения»

В большинстве стран современного мира увеличилось количество людей пожилого возраста. Данные демографических прогнозов свидетельствуют о постоянном увеличении количества лиц пожилого возраста в общей структуре населения. «Украина принадлежит к демографически старым странам мира. Общая численность населения составляет 45,78 млн. человек (на 01.01.2010 г.). Часть населения старше 60 лет и больше составляет 11,4 млн. человек с прогнозированной тенденцией её дальнейшего повышения. По данным демографических прогнозов, уже к середине этого столетия ожидается увеличение этого показателя в Украине до 38,1%»[3]. Как указывает Яцемирская Р. С., «…процесс старения населения мира развивается с такой стремительностью и последовательностью, что всякое игнорирование его значения связано с отрицательными последствиями в социальной политике любого государства»[4].

Современная европейская цивилизация не имеет того особенного духовного отношения к людям пожилого возраста, которое традиционно сохраняется в восточных культурах. В обыденном сознании и системе ценностей западного человека биологическая интерпретация старения является доминирующей. Но такой подход, как справедливо замечает Е. И. Холостова, практически не оставляет места высшему, духовному аспекту проблемы старости. Осознание духовного измерения старения и социального положения людей пожилого возраста требует значительных усилий и определяет актуальность проблемы[5].

При всем бесспорном теоретическом и практическом значении исследований в данной области, на сегодняшний день являются недостаточно разработанными различные аспекты поддержки людей пожилого возраста в образовательном процессе и культурно-досуговой деятельности, которая, безусловно, является едва ли не единственной доступной формой развития активного отношения к жизни людей пожилого возраста, имеет высокий потенциал относительно адаптации пожилых людей

---

[1] Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка//Иностранные языки в школе. – 2000. – № 2.

[2] Полат Е. С. Метод проектов//Метод проектов. Серия «современные технологии университетского образования». Белорусский гос. ун-т. Центр проблем развития образования. Республиканский ин-т высшей школы БГУ. – Мн.: РИВШ БГУ, 2003. – С. 39–48.

[3] Чайковська В. В., Стаднюк Л. А. та ін. Старіюче суспільство України: запити та рішення/В. В. Чайковська, Л. А. Стаднюк и др. «Проблемы старения и долголетия». – 2011. – Т. 20. – № 2.

[4] Социальная геронтология»/Под общей редакцией Яцемирской Р. С. М.: Издательство МГСУ «Союз», 1998, с. 33.

[5] Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми. Учебное пособие. – М., 2003, с. 97.

к своему возрасту, к новым социально-экономическим условиям, социализации личности, способствует развитию творческих способностей, коммуникативных навыков, интеллектуальных интересов.

Изучение социально-педагогической и психологической литературы позволяет сделать вывод, что проблема социально-педагогической поддержки людей пожилого возраста стала перспективным междисциплинарным направлением и привлекает внимание ученых разных специальностей. Для понимания природы человеческого старения важное значение имеют исследования В. Альперович, Б. Ананьева, Л. Анцыферовой, Э. Берна, Б. Гартена, Ф. Гизе, А. Капской, И. Кона, О. Красновой, Т. Козловой, А. Лидерса, Е. Маркарян, А. Мудрик, Р. Пека, Л. Растрыгина, К. Роджерса, С. Спасибенко, В. Фролькис, Е. Холостовой, Э. Эриксона, И. Ялома, Р. Яцемирской и др.

Весомый вклад в исследования развития социально-культурной деятельности и использования социально-культурных технологий в процессе гериатрической реабилитации внесли Г. Аванесов, М. Ариарский, Т. Бакланова, Г. Блинова, Т. Босенко, Г. Головлева, Ж. Досбенбетова, Г. Евтеева, А. Жарков, Т. Киселева, Ю. Красильников, Ю. Моздокова, Т. Рябова, Ю. Стрельцов, Л. Столярчук, В. Суртаев, В. Триодин, Н. Ярошенко и др.

Важное значение для нашего исследования имеют труды Р. Андрианова, В. Андреева, К. Арымбаевой, В. Дуликова, В. Гуфеланда, А. Маслоу, М. Ноулза, В. Франкла, Ж. Хозиной, И. Якиманской и других ученых, которые исследовали возможности реализации социальных, культурных, духовных и творческих потенциалов в старости и вопросы саморазвития и самоактуализации людей пожилого возраста.

В результате анализа теории и практики социально-культурной и социально-педагогической работы, направленной на организацию культурно-досуговой деятельности людей пожилого возраста, мы обнаружили существенные противоречия между:

— осознанием сложности этапа старения в жизни человека и важности социально-культурной активизации людей пожилого возраста и отсутствием концептуальных обоснований относительно социально-педагогических условий, которые способствуют успешной организации культурно-досуговой деятельности людей пожилого возраста;

— необходимостью предупреждения негативных психологических состояний и социальной эксклюзии у людей пожилого возраста, развития их потенциальных возможностей, способствующих самореализации и вторичной социализации и недостаточной разработанностью в современной педагогической науке и практике эффективных культурно-досуговых мероприятий, направленных на развитие активного отношения к жизни у людей пожилого возраста.

Старость — это неизбежный для всего человечества процесс принятия новых социальных ролей, изменений в физическом и психологическом состоянии, новой системы межличностных и групповых взаимоотношений, приспособлении к новым условиям и к своему новому положению. «Старость — самый тяжелый период жизни человека, а демографическое постарение предъявляет обществу все большие затраты финансовых и других материальных средств по уходу за этой возрастной категорией населения. Общество вынуждено принять на себя решение всех проблем, связанных с комплексом защиты и социального обеспечения пожилых и старых людей. Социальная политика по отношению к этой возрастной категории населения отражает характерную сущность любого общества и государства независимо от политического строя»[1].

Вышеупомянутое свидетельствует о наличии в Украине общенациональной проблемы активизации людей пожилого возраста. Изменения в социальном статусе человека в старости, которые вызваны, прежде всего, ограничением или прекращением трудовой деятельности, трансформацией ценностных ориентиров, психологической адаптацией к новым социально-экономическим условиям, переменами в самом образе жизни, требуют от общества необходимости наработки новых подходов, форм и методов социальной работы с людьми пожилого возраста.

Специалисты по социальной работе приходят к выводу о необходимости создания комплексных специализированных программ развития содержательного досуга для людей пожилого возраста с учетом международного и отечественного опыта. Одной из таких перспективных программ является Университет третьего поколения. =

Необходимость разработки модели активизации людей пожилого возраста в проекте «Университет третьего поколения» обусловлена тем, что социальное обслуживание граждан пожилого возраста находится сейчас на таком этапе развития, когда речь идет не об увеличении количества учреждений или отдельных социальных служб, которые осуществляют социальную помощь, а об осуществлении образовательных, культурно-досуговых услуг, которые бы действительно были востребованы людьми пожилого возраста, учитывали их особенности, глубокое желание вести активную жизнь. Эти сложные задачи встают перед социальными педагогами в разработке теоретической и методологической основы модели организации культурно-досуговой деятельности людей пожилого возраста, которая позволит реализовывать систему качественной социальной, психолого-педагогической помощи и поддержки, руководствуясь современными технологиями социально-педагогической работы, разнообразием средств и методов организации культурно-досуговой деятельности.

Используя зарубежный опыт, впервые такие структуры в Украине были предложены Институтом геронтологии. «С учетом подходов, определенных Мадридским международным планом действий относительно старения на 2009–2012 гг., в Украине был сформирован проект Концепции национального плана действий. Одним из его основных положений является необходимость расширения использования информационного пространства для освещения вопросов социальной и правовой защиты людей пожилого возраста и их информационно-консультативной поддержки»[2]. Благодаря поддержке этого направления проектами Фонда народонаселения ООН и правительством Украины, в последние годы внедрение проекта «Университет третьего поколения» получило дополнительное развитие — за последние 5 лет произошло открытие Университетов третьего поколения практически во всех областных центрах страны: при клубах, высших учебных заведениях, центрах социальной защиты.

Высшее образование, которое получают пожилые люди, свидетельствует об особенной важности этого нового социокультурного феномена — потребности людей пожилого возраста в повышении своего интеллектуального уровня. Как отмечает В. Дуликов, саморазвитие через образование утрачивает профессиональную необходимость, становится для людей удовольствием, удовлетворением психологических потребностей иного порядка: они включаются в активную творческую

[1] Социальная геронтология»/Под общей редакцией Яцемирской Р. С. М.: Издательство МГСУ «Союз», 1998., с. 3.

[2] Чайковська В. В., Сташнюк Л. А. та ін. Старіюче суспільство України: запити та рішення/В. В. Чайковська, Л. А. Сташнюк и др. «Проблемы старения и долголетия». – 2011. – Т. 20. – № 2.,с. 250.

деятельность, развивают способности, начинают больше общаться, чувствуют больше самоуважения, расширяют свои адаптивные возможности[1]. И это так же подтверждает основную идею концепции активизации личности в период геронтогенеза — каждый человек обладает внутренней активностью, стремлением к развитию и прогрессу, полной реализации своего внутреннего потенциала.

В исследованиях, которые были проведены на базе Университета третьего поколения в Днепропетровском университете имени Альфреда Нобеля установлено, что активизация людей пожилого возраста в культурно-досуговой деятельности способствует их позитивному приспособлению к новой жизненной ситуации. Эта деятельность, на наш взгляд, влияет на повышение активности, что приводит к развитию новых социальных контактов, творчества, интеллектуальных способностей и интересов, улучшает их психологическое состояние и самочувствие — в целом, к повышению удовольствия от жизни.

Подводя итог, можно сказать, что университеты третьего поколения, которые включают организацию просветительских курсов по разным направлениям, творческих мастерских, тренинговых занятий и разнообразные формы культурно-досуговой деятельности — это новые в Украине формы работы с людьми пожилого возраста. Они направлены на активизацию их социальной и интеллектуальной деятельности, развитие способностей и расширение возможностей как можно дольше не только сохранять физическое и моральное благополучие, но и способствовать развитию творческих способностей, коммуникативных навыков, интеллектуальных интересов.

То есть, такие функции культурно-досуговой деятельности как развивающая, информационно-просветительская, коммуникативная, культурно-творческая и рекреационно-оздоравливающая сохраняют свою актуальность в содержании культурно-досуговых программ для людей пожилого возраста.

Социально-педагогическая поддержка людей пожилого возраста рассматривается как их активизация, побуждение их к активным формам жизнедеятельности, что, бесспорно, меняет отношение к своей жизни на активное, наполняет жизнь содержанием и смыслом.

Lubchenco Olga, University of Dnepropetrovsk
the Alfred Nobel, a graduate of General and Social Pedagogy

Любченко Ольга Владимировна, Днепропетровский университет
имени Альфреда Нобеля, аспирантка кафедры общей и социальной педагогики

The content and technology of formation of managerial skills of future economists

Содержание и технологии формирования управленческих умений будущих экономистов

Современное общество ставит перед высшими учебными заведениями задачу подготовки активных, инициативных специалистов, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям экономической действительности и гибко реагировать на проблемы, требующие молниеносного решения, эффективно организовывать свою деятельность, планировать рабочее время и устанавливать приоритеты в работе; анализировать и оценивать свои действия, уровень собственной компетенции, принимать участие в управлении предпринимательской и коммерческой деятельностью предприятия, решении организационно-технических, экономических, кадровых и других проблем организации, решать стратегические задачи. Специфика деятельности современного профессионала экономического профиля заставляет его постоянно искать и устанавливать новые деловые контакты, взаимовыгодные связи, налаживать отношения, осуществлять желаемое воздействие на принятие делового решения, адекватно оценивать вклад партнеров в общее дело, уважительно относиться к партнерам, управлять самим собой и процессом общения и др. Следовательно, на первый план выступает проблема подготовки конкурентоспособной личности, которая имеет необходимые знания и умения, стиль мышления и поведения руководителя и организатора, определяет социально-психологическую атмосферу в бизнесе, успех профессиональной деятельности.

В последнее время в трудах ученых значительное внимание уделяется профессиональной подготовке экономистов (К. Беркита, Н. Захарченко, Т. Качеровская, Т. Коваль, Т. Поясок, И. Полещук, В. Стасюк), формированию у них профессиональной компетентности (Л. Дибкова), профессиональной направленности (В. Зинченко), профессиональных умений и навыков (Н. Жукович-Дородных, И. Носач), профессиональной мобильности (Е. Иванченко), коммуникативной культуры (С. Самаренкина), иноязычной коммуникативной компетенции (Г. Малиновская), организации профессионального обучения бакалавров в финансово-экономических колледжах (К. Беркита), созданию организационно-педагогических условий обучения специалистов коммерческого профиля (А. Куклин).

Вопросам организационной и управленческой деятельности посвящены труды отечественных (Г. Бакирова, Н. Беседин, В. Нагаев, К. Вазина, А. Виханский, В. Глухов, В. Жигалов, Л. Шимановская, А. Заболотный, Г. Казначевская, В. Окорск и др.) и зарубежных ученых (М. Вудкок, Д. Френсис, Дж. Гибсон, П. Дизель, Г. Саймон, В. Томпсон и др.). Весомыми оказались работы В. Дрыжак, К. Балдина, А. Карпова, Е. Милерян, которые представили различные аспекты подготовки будущих специалистов к организаторской и управленческой деятельности; С. Мних, А. Романовского, О. Хворова и др., которые определили педагогические основы, содержание, методы профессиональной подготовки студентов к менеджерской деятельности. Существенный интерес представляют работы, в которых раскрывается сущность управленческих умений (М. Армстронг, М. Виноградский, Л. Зайверт, Ю. Красовский, А. Кредисов, Е. Панченко, М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури, А. Кузьмин, А. Мельник, Л. Уманский), особенности их формирования у студентов различных специальностей (А. Новосельский, Н. Ким, И. Суркина, С. Резник, И. Колесникова и др.). Однако, названные подходы лишь частично раскрывают особенности формирования управленческих умений будущих специалистов экономического профиля и не касаются вопросов использования с этой целью конкретных педагогических технологий, в частности интерактивных.

[1] Дуликов В. З. Социально-культурная работа за рубежом: Учебное пособие/В. З. Дуликов. – М.: МГУКИ, 2003, с. 30.

Раскроем подходы к выбору содержания и технологий формирования управленческих умений будущих специалистов экономического профиля, которые реализованы в Днепропетровском университете имени Альфреда Нобеля.

Что касается содержания, то для исследования были выбраны учебные дисциплины «Основы психологии», «Психология и этика деловых отношений», «Конфликтология», «Менеджмент», содержание которых было обновлено. Выбор данных дисциплин обусловлен их потенциальными возможностями в формировании управленческих умений будущих специалистов экономического профиля.

Так, содержание учебной дисциплины «Основы психологии» расширено за счет введения таких тем: основные свойства и качества личности руководителя; целеустремленность личности; психологическое состояние личности; психология рационального управления, основы управленческой культуры специалиста-экономиста, механизмы влияния (заражение, внушение, убеждение, подражание), средства управления вниманием субъекта (ов) управления и учета индивидуально-психологических особенностей персонала; самоконтроль, саморегуляция.

При изучении дисциплины «Менеджмент» студенты должны изучить вопросы организационно-управленческой деятельности; психологии кадровой работы, психологических средств руководства; роли психологического фактора в управлении, оптимального распределения профессиональных и социальных ролей в коллективе, лидерства и руководства, психологических механизмов принятия управленческих решений, психологического обеспечения решения проблем управления организацией в условиях рыночной системы хозяйствования, особенности взаимоотношений и общения людей в процессе выполнения совместных задач; технологии активизации деятельности персонала на основе формирования устойчивых мотивов, генерации и поиска новых идей; алгоритмы делегирования полномочий и передачи ответственности.

Содержание учебной дисциплины «Психология и этика деловых отношений» дополнен вопросами: особенности и закономерности восприятия и понимания человека человеком в сфере делового общения; технологии установления взаимоотношений с партнерами по бизнесу, руководителем, подчиненными; управленческие умения; этика поведения предпринимателя, организация работы коллектива исполнителей; обеспечение достаточной мотивации работников; психолого-педагогические функции менеджера, экономиста, бизнесмена; техника и практика ведения переговоров.

Учебная дисциплина «Конфликтология» обновлена такими вопросами: роль менеджера в конфликте; диагностика уровня конфликтности, собственного стиля конфликтных взаимодействий, приемы поведения в сложных социально-психологических ситуациях; управленческие и организационные конфликты.

По нашему убеждению, знания вышеупомянутых дисциплин должны стать для студента основой для осуществления организационно-управленческой деятельности, формирования управленческих умений, самореализации. Для этого содержание должно проектироваться как предмет деятельности студента, который сможет обеспечить его усвоения в контексте этой деятельности (А. Вербицкий[1]). При таком подходе формы организации учебной работы студентов будут выступать как формы воспроизведения содержания, которое усваивается.

С целью обеспечения взаимосвязи теоретической и практической подготовки студентов предусмотрено гармоничное сочетание лекционных (лекция-дискуссия (диспут, дебаты), проблемная лекция, лекция-беседа, лекция-конференция, лекция в двоем), семинарских (семинары — КТД, семинар в «малых группах», семинары — деловые, ролевые, интерактивные, симулятивные игры, семинары — защита проектов), тренинговых (тренинговые сессии), консультативных (групповые, микрогрупповые и индивидуальные) занятий, самостоятельной познавательной деятельности студентов.

Что касается технологий обучения, то ведущее место отведено реализации интерактивных технологий (диалогично-дискуссионной, тренинговой, ситуативной, игровой, проектной, технологии накопления организационно-управленческого опыта). Задача преподавателя каждой из вышеупомянутых учебных дисциплин — выбрать адекватную технологию, которая способна обеспечить «запуск» внутренних механизмов саморазвития, самореализации и самосовершенствования личности в разнообразных видах организационно-управленческой деятельности; изменение стереотипов и осознание необходимости личностных изменений; поэтапную отработку управленческих умений; рефлексию собственных достижений.

Диалогично-дискуссионная технология становится ведущей при условии, если решение поставленной организационно-управленческой задачи, проблемы студенты находят не единолично, а путем обсуждения в малых группах. При этом в группе выделяют лидера, который руководит дискуссией и помогает выбрать оптимальный выход из проблемной ситуации.

Назовем формы дискуссии, предусмотренные исследованием:

— круглый стол (беседа, в которой принимают участие пять-шесть студентов, которые обмениваются мнениями между собой или с «аудиторией»);

— заседание экспертной группы («панельная дискуссия», к которой привлекают 4–6 студентов с назначенным председательствующим. Сначала студенты обсуждают проблему между собой, затем презентуют произведенную позицию аудитории в форме сообщения или доклада);

— форум (обсуждение, в котором «экспертная группа» обменивается мнениями с «аудиторией»);

— симпозиум (обсуждение, в ходе которого участники выступают с сообщениями, предлагая собственный взгляд, а затем отвечают на вопросы аудитории);

— дебаты (обсуждение, построенное на основе заранее фиксированных выступлений участников, которые представляют две команды-соперницы. После выступлений команды отвечают на вопросы, выслушивают опровержение своей позиции и т. д.);

— судебное заседания (обсуждение, имитирующее судебное разбирательство);

— разговорные («буз») группы (предоставляют возможность выражения собственных взглядов и убеждений, аргументированного возражения, опровержения ложной позиции оппонента, формирование логики и доказательности суждений, краткости и точности изложения, отстаивание своего мнения, творческого сотрудничества);

— мозговой штурм (тип дискуссии, который способствует творческому решению проблемы). Предусматривает выслушивание идей без обсуждения: перед группой ставится дискуссионный вопрос, и участники отвечают на него. Преподаватель

[1] Вербицький А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высш. шк., 1991. – 207 с.

или член группы ведет дискуссию согласно следующим правилам: приветствует любые высказанные идеи, записывая каждую; прислушивается к идеям всех участников, не сосредотачиваясь на наиболее активных, не позволяет участникам принимать, комментировать, критиковать любые идеи, какими бы смешными и нелепыми они не казались; использует те идеи, которые уже возникли, для генерации новых; поддерживает непринужденную атмосферу; подводит итог дискуссии[1].

Как и формирование любых умений, управленческие требуют многократного повторения (тренировки), что трудно обеспечить путем однократного предъявления информации, обсуждения, демонстрации алгоритмов деятельности. Решение проблемы реального формирования управленческих умений было найдено благодаря потенциалу социально-психологического тренинга, который создает особую атмосферу саморазвития, обеспечивает снижение сопротивления личности изменениям, предоставляет возможность многократного повторения упражнений и имеют другие преимущества перед традиционной системой обучения. Тренинг — это многократное повторение действий, с улучшением и уточнением.

Прежде всего исходили из того, что главным инструментом деятельности специалиста-экономиста являются вербальные конструкции и невербальные усилители. Поэтому тренингами было предусмотрено многократное выполнение упражнений с использованием типичных для управленческой практики психологически обоснованных вербальных конструкций, расширение их репертуара, освоение средств их модификации и обучение использованию невербальных средств воздействия.

Исследованием предусмотрено разработка и внедрение тренинговых сессий, направленных на формирование управленческих умений, оказание помощи студентам в осознании собственных пробелов в уровне сформированности указанных умений. Исходим из того, что профессиональная деятельность экономистов в значительной степени связана с умениями планировать время для достижения поставленных целей, эффективно организовывать собственную деятельность и деятельность окружающих, планировать рабочее время и устанавливать приоритеты в работе; делегировать полномочия; управлять отношениями в системе «руководитель — подчиненный» во время делегирования полномочий; определять зоны делегирования задач; преодолевать конфликты; владеть способностью к саморегуляции, самоконтролю, саморазвитию организационной деятельности, творческому решению профессиональных задач и др. Исследованием предусмотрены тренинги, направленные на подготовку студентов к осуществлению всех указанных действий.

Тренинговые сессии представляют собой единство взаимосвязанных содержательных блоков — личностного, коммуникативного и профессионального.

Личностный блок (начальный). Направлен на формирование сплоченности группы, отработку групповых правил поведения участников тренинга, их мотивацию, владение собой, осуществление самоконтроля, саморегуляции в любой ситуации, независимо от силы внешних факторов, проявление уверенности в себе; диагностирование личностных качеств и уровня сформированности управленческих умений студентов. Целью этого блока является содействие осознанию участниками самого себя (своей личности) и пониманию других людей.

Коммуникативный блок. Ориентирован на осознание участниками себя в системе профессионального и личностного общения, формирование навыков общения с коллегами по работе, с администрацией, с деловыми партнерами, деловое взаимодействие, предупреждение и разрешение межличностных конфликтов, развитие умения слушать, высказывать свои взгляды, передавать и принимать информацию, находить компромиссное решение, аргументировать и отстаивать собственные позиции, убеждения, анализировать ошибки в межличностном взаимодействии, избегать реплик и высказываний, создающих барьеры коммуникации, в частности, связанные с гендерной идентичностью, подбирать методы воздействия на субъектов организационно-управленческой деятельности, управление своим поведением и др.

Профессиональный блок. Акцентирует внимание на осознании участниками себя в системе профессиональной, организационно-управленческой деятельности. Он должен решить следующие задачи: закрепление новых способов профессионального поведения, развитие управленческих умений и эффективного лидерства, планирование работы, определение исполнителей с учетом сложности решения, их квалификации, психофизиологических личных качеств, совместимости, мотивации, опыта работы, обеспечение достаточной мотивации исполнителей, осуществление контроля и коррекции решения производственных задач, выбор наиболее целесообразной позиции и стиля общения с подчиненными в той или иной конкретной ситуации; владение алгоритмами делегирования полномочий и передачи ответственности, распределения обязанностей и обеспечения исполнителей ресурсами; приобретение практических навыков и умений формирования собственной управленческой карьеры, отработка умений самоанализа управленческой деятельности.

Для определения ожиданий студентов использовался модифицированный прием «Дерево ожиданий». Основные ожиданиям студентов были направлены на самопознание («Узнать о себе новое…»), расширение спектра социальных и профессиональных умений («Научиться лучше понимать людей», «Научиться влиять на других…») и др. Студенты создавали индивидуальные коллажи «Я — идеальный» и «Я — реальный» профессионал-экономист, которые предлагались для взаимного угадывания.

Решения личностно-ориентированных задач во время проведения тренингов становится успешным при реализации супервизорской практики. Основными задачами супервизорской практики были: разработка дизайна тренинга, предоставление психологической (содержательной и эмоциональной) поддержки в организации и проведении работы; реализация аналитической позиции относительно проведения тренинга в виде обратной связи (в форме конструктивной критики и пожеланий по совершенствованию методов работы), в результате чего «рождались» новые творческие подходы и инновационные формы работы. При этом преподаватель-супервизор не только осуществляет сопровождение обучения студентов, но и помогает в преодолении разного рода кризисов и конфликтов, подсказывая, каким образом активизировать и ситуативно использовать личностные ресурсы (память, волю и т. п.). Супервизия (от англ. Supervision — надзор) — руко-тво подчиненным персоналом; индивидуальное кураторство, направленное на выявление и решение проблем, связанных с трудностями в работе[2].

---

[1] Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

[2] Резник С. М. Формування управлінських умінь і навичок у майбутніх інженерів у вищих технічних навчальних закладах: Автореф. дис.. … канд. пед. наук: спец. 13.00.04. – К.: Ін-т проф.-тех освіти АПН України, 2007. – 18 с.

Важное значение имеет технология накопления организационно-управленческого опыта. Она предусматривает реализацию в разнообразной профессионально направленной организационно-управленческой деятельности соответствующих знаний, умений, накопления собственного организационно-управленческого опыта и закрепления его как ограниченного количества приемов профессионального поведения. Многократное ее использование при организации учебно-воспитательного процесса в вузе обеспечивает формирование стратегий поведения в различных организационно-управленческих ситуациях.

Исходим из того, что информация о предыдущем опыте осуществления организационно-управленческой деятельности, оценка этого опыта другими предоставляет личности такие возможности: использовать накопленный опыт в новых ситуациях; фиксировать динамику организационно-управленческой деятельности и прогнозировать ее; оценивать поведение партнера (-ов) в конкретных ситуациях; анализировать собственное поведение и совершенствовать его одновременно с накоплением организационно-управленческого опыта. То есть предполагаем, что в различных организационно-управленческих ситуациях, созданных во время проведения практических занятий, внеаудиторной работы, каждый студент использует имеющуюся в его «арсенале» совокупность организационно-управленческих навыков, исходя из личного, индивидуального восприятия производственной ситуации. Незакрепленный опыт сохраняется в виде пассивной информации и будет использован только тогда, когда появится новая ситуация, которая максимально совпадает с информацией, характеризующей имеющийся в его памяти опыт. Решающую роль в формировании восприятия, накопления и апробации студентами навыков осуществления организационно-управленческой деятельности играют: накопленные ранее навыки (сформированный на данный момент организационно-управленческий опыт); индивидуально-психологические особенности; коммуникативные способности студентов; непосредственное окружение (преподаватели и студенты как субъекты учебной деятельности).

Целесообразной видится нам технология ситуационного обучения, которая предусматривает «осмысление студентами реальной организационно-управленческой ситуации»[1]. Главной задачей данной технологии является выработка навыков организационно-управленческого поведения студента в зависимости от ситуации.

Реализация ситуационного обучения способствует оттачиванию студентами аргументации собственного мнения, апробированию разных механизмов влияния (заражение, внушение, убеждение, подражание). Моделирование линий поведения в различных организационно-управленческих ситуациях, обеспечивает проявление личностной позиции студентов в каждой конкретной ситуации, которая в данном случае играет роль специфического учебно-воспитательного организационно-управленческого средства.

Важная роль отведена проектной технологии, которая занимает особое место как средство максимального приближения личности к реальной жизни и привлечения ее к решению конкретных задач в пространстве межличностного и делового общения и сотрудничества. «Проектное обучение … имеет характер проектирования, предполагает целенаправленную деятельность, которая дает возможность найти решение проблемы и осуществить изменения в окружающей среде (естественной и искусственной); получить конкретный (практический) результат и его публично представить»[2]. Данная технология предусматривает реализацию системы дидактических средств (содержания, этапов, методов и т. п.), моделирование проблемных ситуаций, требующих от студентов поисковых, исследовательских усилий, направленных на изобретение эффективных путей разрешения проблем, их публичную презентацию и анализ итогов, а следовательно приобретение профессионального и жизненного опыта, опыта различных моделей организационно-управленческого, коммуникативного поведения.

Реализация проектной технологии предполагает индивидуальную, групповую (парная и микрогрупповая) и коллективную деятельность студентов, которая способствует формированию толерантности, рефлексии, эмпатии; тесное сотрудничество преподавателя и студентов. Умение строить свою деятельность в соответствии с ролью помогает студентам освободиться от собственных амбиций, позволяет увидеть всех членов группы равноправными, прислушиваться и присматриваться к каждому, который вербально и невербально дает многоплановую информацию о себе.

Среди игровых технологий в процессе формирования управленческих умений предусмотрено деловые (форма моделирования управленческой действительности, имитации конкретных управленческих ситуаций и их решений), ролевые (импровизированное разыгрывание заданной ситуации), ситуационно-ролевые, «интерактивные», симуляционные (игры с воображаемыми ситуациями) игры. Они предоставляют возможность каждому из участников игры осмыслить собственный опыт, индивидуальные особенности, в частности те, которые служат источником барьеров коммуникации, раскрыть альтернативы поведения в предложенных ситуациях, «примерить» их на себя и апробировать на практике. Практический опыт показывает, что реализация игровых технологий в процессе подготовки будущих специалистов экономического профиля обеспечивает возможность для экспериментирования со способами, приемами, технологиями коммуникации, создает условия для самопознания, самореализации и самосовершенствования каждого студента, личностного развития через предоставление максимальной свободы выбора средств коммуникации.

Реализация интерактивных технологий обучения требует организации образовательного процесса в режиме сотрудничества, ненавязчивой координации, создание ситуаций успеха, условий для самообразования и самореализации.

Анализ результатов экспериментального исследования подтвердил наше предположение, что формирование у студентов управленческих умений средствами интерактивных технологий является достаточно сложным процессом, который обеспечивает профессиональное развитие и саморазвитие личности будущего специалиста благодаря приобретению организационно-управленческих знаний, умений, навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

---

[1] Качеровська Т. В. Навчально-ігрове проектування у професійній підготовці майбутніх менеджерів організацій: Автореф. дис. … канд. пед. наук: спец. 13.00.04. – Одеса, 2005. – С. 8.

[2] Там же. – С. 228–229.

Manokhina Irina, Dnepropetrovsk University
the Alfred Nobel, a graduate of General and Social Pedagogy
Манохина Ирина Викторовна, Днепропетровский университет
имени Альфреда Нобеля, аспирантка кафедры общей и социальной педагогики

Volunteer activities as a condition of readiness formation future social teachers to work with orphans and children deprived of parental care

Волонтерская деятельность как одно из условий формирования готовности будущих социальных педагогов к работе с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительского попечительства

Изучение феномена сиротства доказывает, что современные требования к решению данной проблемы обуславливают необходимость усиления ее социально-педагогического обеспечения. На сегодня констатирующим является противоречие между необходимостью в предоставлении высококвалифицированной помощи детям-сиротам и детям, лишенным родительской опеки, и недостаточной готовностью специалистов к данному виду деятельности. В связи с этим проблема формирования готовности у будущих социальных педагогов к взаимодействию с данной категорией детей в условиях системы высшего образования становится всё более актуальной.

Современный ВУЗ призван стать центром образования и профессионального становления личности будущих специалистов. На данном этапе развития общества переориентация образования на человека и его развитие, возрождение гуманистической традиции является важнейшей задачей профессиональной подготовки педагогических кадров. Теоретические знания, полученные студентами во время обучения, безусловно, станут основой их профессионализма, но при этом важно развивать и личностные качества, потому что в них сконцентрирован высокий потенциал и индивидуальное своеобразие. Исходя из выше сказанного одним из приоритетных направлений формирования готовности у будущих социальных педагогов к работе с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки, может стать волонтерская деятельность, поскольку участие в добровольной работе помогает находить ресурсы собственного личностного совершенствования, способствует развитию рефлексии, стимулированию самореализации.

Отдельные аспекты формирования профессиональных умений будущих социальных педагогов исследователи рассматривают в системе их профессиональной подготовки (М. Галагузова, Т. Дмитренко, Л. Коваль, Л. Мищик, В. Полищук, З. Фалинская, С. Харченко и др.). Вопрос о значении волонтерской деятельности в процессе становления личности специалиста освещен в работах И. Зверевой, А. Лактионова, С. Савченко. Технологии подготовки будущих специалистов к волонтерской деятельности отражены в научных работах О. Безпалько, Р. Вайнолы, Н. Заверико, А. Капской.

Целью статьи является обоснование значения волонтерской деятельности в процессе формирования готовности будущего социального педагога к работе с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки.

Одним из видов деятельности, которая является ключевой в процессе становления будущего специалиста социально-педагогической сферы, является волонтерская. Учитывая разноплановость, динамичность и вариативность, связанные с изменчивостью конкретных социальных ситуаций, волонтерская деятельность может стать одним из важнейших способов формирования надлежащего уровня профессиональной готовности социальных педагогов к работе с будущими объектами деятельности.

Для специалиста социально-педагогической сферы волонтерская деятельность позволяет, с одной стороны, формировать профессиональные роли, с другой — как практическая деятельность, активизирует процесс формирования необходимых умений и профессиональных качеств.

В рамках обозначенной нами проблемы вполне конструктивным есть взгляд З. Фалинской, что главным содержанием практической подготовки будущего социального педагога является обеспечение процесса социализации и профессионального саморазвития при прохождении различных видов практики в различных социальных и социально-педагогических структурах, а также вовлечение будущих специалистов в волонтерскую деятельность социально-педагогического направления[1]. Дополняя мнение автора, считаем необходимым отметить, что неотъемлемой составляющей практической направленности будущей деятельности социального педагога является субъективное развитие и саморазвитие личности специалиста в процессе осуществляемой им профессиональной деятельности. Цель данного вида деятельности сопровождается развитием рефлексии студентов, актуализацией потребности в углубленном изучении объектов практического взаимодействия.

Согласно Всеобщей декларации волонтеров, принятой на II Конгрессе Международной Ассоциации Волонтеров 14 сентября 1990 в Париже, волонтерская деятельность рассматривается как инструмент социального, культурного, экономического развития. Она способствует улучшению качества жизни, личному процветанию и углублению солидарности, реализации основных потребностей на пути строительства справедливого и мирного общества, более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и новых профессий.

Важность и необходимость волонтерской работы в последние десятилетия признана в Украине, что подтверждено законодательными документами. Так, в Законе Украины «О социальных услугах»[2] указано, что волонтер — лицо, добровольно осуществляющее благотворительную, неприбыльную и мотивированную деятельность общественно-полезного характера. В законах Украины «О волонтерском движении»[3], «О социальных услугах» волонтерская работа определяется как любая

---

[1] Фалинська З. З. Практична підготовка майбутніх соціальних педагогів у вищих навчальних закладах: Дис. ...канд. пед. наук: 13.00.04. – Львів – 2006. – С. 90.

[2] Закон України „Про соціальні послуги" від 19.06.2003 р.//Відом. Верхов. Ради. – 2003. – № 45. – С. 358.

[3] Закон України „Про волонтерський рух"//Відом. Верхов. Ради. – 23.02.2006 р. – № 43.

социальная, общественно полезная, систематическая и мотивированная неприбыльная деятельность физических и юридических лиц, которая проводится путем выполнения работ, оказания услуг гражданам, организациям и обществу в целом. Волонтерская работа трактуется нами как разновидность благотворительной деятельности индивидов или групп, которая осуществляется на основе общих целей, направленных на решение социальных проблем детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, ради их благополучия и успешного процесса адаптации и социализации.

В процессе вовлечения студентов в данный вид деятельности учитываем основные принципы волонтерской работы: альтруизма, бескорыстия, гласности, гуманизма, добровольности, законности, милосердия, отзывчивости, самоотверженности, человечности, партнерства. Считаем, что конкретизация сущности принципов волонтерской работы является главным условием деятельности волонтеров, так как будущие социальные педагоги будут готовиться к осуществлению профессиональных функций. Волонтерская работа способствует социализации личности, обеспечивает усвоение будущими специалистами социальной действительности, новых социальных ролей, норм и общественных поведенческих стереотипов; помогает личностному росту, самореализации; позволяет по-новому осмыслить значение общечеловеческих ценностей, сострадание, милосердие, их роль в гуманизации человеческих отношений. Уверены, что данный вид деятельности будет способствовать формированию готовности будущих социальных педагогов к работе с детьми-сиротами и детьми, лишенными родительской опеки.

Волонтерская деятельность характеризуется добровольностью, социальной направленностью, инновационностью, адресностью, мобилизованностью, активной гражданской позицией, что особенно важно в мире современных преобразований и достижении устойчивого развития общества. А. Капская, А. Карпенко, Н. Комарова убеждены, что в структуре мотивов добровольческой деятельности для студентов-волонтеров приоритетными являются именно профессиональные, предусматривающие признание деятельности коллегами, вхождение в коллектив профессионалов, получения профессиональных знаний и умений, навыков межличностного взаимодействия[1]. Ученые выделяют, в частности, такие профессиональные достижения волонтерской деятельности как апробация теоретических знаний на практике; приобретение дополнительных профессиональных знаний будущей специальности; наработки навыков профессионального общения; ознакомление с новыми методиками и технологиями отработки собственного набора профессионального инструментария, формирование индивидуального стиля профессионального поведения и деятельности.

Особое значение волонтерская деятельность приобретает в практической работе с детьми-сиротами. Это объясняется несколькими причинами: во-первых, волонтерство способствует формированию мотивов на дальнейшую профессиональную деятельность. Социальный педагог должен иметь четкие представления о том, с какой категорией детей ему придется работать, иметь осознанное настроение и готовность к специфическим условиям труда, возникновению и преодолению трудностей. Как показывает опыт, для работы с детьми-сиротами педагог должен иметь особые личностные качества эмпатийность, толерантность, коммуникабельность, определенные знания, сформированные умения и навыки, чтобы обеспечить ребенку необходимую поддержку и помощь, создать все условия для его успешной адаптации к жизни в обществе; во-вторых, взаимодействие студентов-добровольцев с такими воспитанниками способствует расширению их социальных связей и отношений с окружающим миром, формированию коммуникативных навыков, установлению дружеских отношений и т. д.; в-третьих, данный вид деятельности создает условия для самореализации студентов, формирования у них профессиональных умений и навыков необходимых для работы с такой категорией детей как сироты.

Организацию работы студентов следует строить на основе дифференцированного подхода, учитывая следующие положения: добровольность включения в работу с детьми-сиротами; взаимосвязь теоретической подготовки и практической деятельности; пожелания или инициатива студента в определении места добровольной работы, в выборе конкретных задач и способов их решения; преемственность, систематичность, последовательность в овладении умениями и навыками социально-педагогической работы с детьми-сиротами, учет специфики образовательного учреждения, целей и задач воспитательного процесса; согласованность с администрацией, социальными педагогами и воспитателями образовательного учреждения в выборе содержания, форм и методов социальной работы с детьми-сиротами.

Что касается социальных услуг, то в Законе Украины «О социальных услугах» от 19.06.2003 г. их сущность определяется как комплекс правовых, экономических, психологических, образовательных, медицинских, реабилитационных и других мероприятий, направленных как на отдельные категории семей, детей и молодежи, которые находятся в сложных жизненных обстоятельствах и нуждаются в посторонней помощи, так и на предупреждение социально опасных явлений среди детей, молодежи и семей[2]. Выделены следующие виды социальных услуг: социально-бытовые, социально-экономические, юридические, услуги по трудоустройству, услуги по профессиональной реабилитации лиц с ограниченными физическими возможностями, информационные, просветительские и рекламно-пропагандистские.

Объектом для предоставления социальных услуг будущими социальными педагогами в процессе волонтерской деятельности определены воспитанники детских домов и приютов г. Днепропетровска: детских домов № 1, «Семья», «Берегиня», детский дом для детей с ДЦП при школе-интернате № 1), приютов («Надежда», «Барвинок»).

Во время волонтерской деятельности предусмотрены следующие виды услуг:

• образовательные (организация кружков, индивидуальных и групповых занятий, семинаров, социально-психологических тренингов, мастер-классов);

• психологические, ориентированные на формирование у детей уверенности и мотивации по преодолению сложных жизненных ситуаций, здорового образа жизни, развитие навыков самосовершенствования и т. д. (предоставление консультаций, психологических тренингов, консультирование по «телефону доверия», применение психодиагностики, направленной на изучение социально-психологических характеристик личности ребенка, для ее психологической коррекции или психологической реабилитации);

---

[1] Капська А. Й. Підготовка волонтерів до соціальної роботи: Навчально-методичний посібник/За ред. А. Й. Капської. – К.: Держсоцслужба, 2005. – С. 21.

[2] Закон України „Про соціальні послуги" від 19.06.2003 р.//Відом. Верхов. Ради. – 2003. – № 45. – С. 358.

• социально-педагогические (организация кружков, клубов по интересам, создание индивидуального учебного, воспитательного и коррекционного процессов, досуга, посредническая деятельность между объектом волонтерского влияния и другими социальными институтами, спортивно-оздоровительной, технической и художественной деятельности и т. д., а также привлечение к работе разнообразных заведений, общественных организаций, заинтересованных лиц);

• информационные (справочные, просветительские, рекламно-пропагандистские услуги) и др.

Значительное внимание отведено материальной помощи, которая возможна благодаря таким видам деятельности студентов-волонтеров: сбор вещей, продуктов, канцтоваров, книг, сладостей, которые затем передаются детям-сиротам.

При организации работы с детьми, воспитание которых происходит вне семьи, необходимо предусматривать последовательность в овладении умениями и навыками социальной работы. На первом курсе студенты разрабатывают и проводят коллективные формы воспитательной работы с детьми-сиротами: коллективные творческие дела, дни творчества и свободного выбора, экскурсии, встречи с другими детьми, посещение театров, музеев и др. На втором — групповые формы, которые направлены на развитие творческих способностей детей. Студенты организовывают занятия по интересам (музыка, рисование, театр, игры и т. д.). Предусмотрено активное участие в организации досуга для детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки. На последующих курсах студенты работают преимущественно с детьми индивидуально, исходя из поставленной перед каждым студентом исследовательской задачи.

Превалирующим видом услуги определена образовательная, а именно: обучение ровесников ровесниками, благодаря которому молодые люди получили возможность стать хорошими воспитателями своих сверстников. Пройдя обучение, значительная часть волонтерских групп занимается организацией досуга детей и подростков.

Для развития профессиональных мотивов и ценностей в процессе добровольческой деятельности создаются ситуации успеха, студенты принимают участие в слетах студенческих отрядов, выступают перед педагогами интернатных учреждений. При организации работы с детьми учитываются пожелания студентов в выборе конкретных задач и способов их решения, а также индивидуальные интересы студентов.

Включение студентов направления «Социальная педагогика» в волонтерскую деятельность рассматриваем в двух аспектах: во-первых, она обеспечивает широкое поле проверки теоретической подготовки в рамках профессионального взаимодействия с субъектом (дети-сироты и дети, лишенные родительской опеки), во-вторых, происходит более глубокое осознание основных направлений выбранной профессии, приобретение новых знаний, умений и навыков профессионального взаимодействия, трансформация уже имеющихся знаний в процессе включения в социально-педагогическую реальность.

Педагогическое стимулирование профессиональной самореализации студентов обеспечивается созданием благоприятной атмосферы для развития индивидуальности специалиста, поддержания положительного эмоционального фона коллективных отношений, эвристической образовательной среды.

Таким образом, волонтерская деятельность дополняет и обогащает теоретическую подготовку студентов, создает условия для формирования основных социально-педагогических умений, необходимых для работы с данной категорией детей, способствует приобретению будущими специалистами собственного опыта, необходимого для теоретического осознания значения и специфики выбранной будущей профессии; усиливает процесс подготовки к социально-педагогической деятельности с детьми, воспитание которых осуществляется вне семьи.

Marvarova Alfisa Ravisovna,Neftekamsk teacher training college, teacher post-graduate student of the chair of Theory and Methods of Primary Education of the Bashkir State University. After Miftakhetdin Akmulla

Марварова Альфиса Рависовна, Нефтекамский педагогический колледж, заведующая дневным отделением, аспирант кафедры Теории и Методики Начального Образования Башкирского Государственного Университета им. М. Акмуллы

«Industrial practice firm» as technological updating of pedagogical education

«Учебно-производственная фирма» как технологическое обновление педагогического образования

Необходимость пересмотра содержания педагогического образования и скорейшее освоение соответствующих новых технологий являются одной из актуальных проблем модернизации системы среднего профессионального образования. Это вызвано:

во-первых, интенсивной динамикой социально-экономического развития государства и общества, требующего перехода системы среднего профессионального образования на новый, более высокий, качественный уровень, направленный на обеспечение экономики и социальной сферы высококвалифицированными специалистами среднего звена, как государства в целом, так и региона в частности;

во-вторых, внедрение новых образовательных стандартов, которые предполагают интеграцию науки образования и производства, в форме системы[1];

в-третьих, проблема трудоустройства выпускников средних профессиональных учебных заведений, не потерявшая свою актуальность со времени отмены системы государственного распределения трудовых ресурсов, в условиях мирового финансового кризиса.

В этих условиях обеспечение конкурентоспособности выпускников учреждений среднего профессионального образования, не имеющих опыта работы, приобретает особую значимость. Смена заказчика на подготовку квалифицированных кадров

[1] «Учебная фирма». Пособие для преподавателей. Под. ред. Завгородней А. В., Борисовой Г. В., Архангельской С. В., СПб Полиграф, 2004. С. 5.

так же, привела к формированию иных ориентиров в системе среднего профессионального образования, что способствовало созданию новой инновационной воспитательной системы в Нефтекамском педагогическом колледже, где готовят будущих учителей по специальности: 050146 «Преподавание в начальных классах», 050302 Родной (башкирский) язык и литература, 050202 «Информатика», 270301 «Прикладная информатика» и воспитателей по специальности 050144 «Дошкольное образование». Одной из составляющих элементов нововведений в создании инновационной воспитательной системы была образовательная технология «Учебно-производственная фирма», которая предоставляет студентам широкие возможности для участия в новом для них виде деятельности: инновационной, исследовательской, лидерской,. Учебно-производственная фирма функционирует на базе аудиторий и лабораторий колледжа, работая в которых, студенты на практике овладевают не только основами педагогического мастерства, но и получают знания по делопроизводству, менеджменту и маркетингу, бизнес-планированию, что в прошлом в педагогическую сферу деятельности специалиста педагогического профиля не входило. Поэтому учебно-производственная фирма стала ядром учебных дисциплин практического блока, эффективным средством качественной подготовки будущих специалистов. При этом, учебно-производственная фирма, выступает как фактор повышения качества практического обучения, где не только формируется профессиональная компетентность студентов, закрепляются, обобщаются и систематизируются знания путем их применения на практике, создаются условия для приобретения студентами специальных умений и навыков, необходимых в дальнейшей трудовой жизни; но при этом, обеспечивается мобильность содержания, методов обучения; расширяются и углубляются знания за счет работы на имитационных моделях конкретных учреждений. Происходит практическое освоение современных технологий, методов управления; обеспечивается целостность учебно-производственного процесса, формируются коммуникативные навыки, умения работать в команде, коллективной и персональной ответственности, взаимопомощи; развиваются способности профессиональной адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям; обеспечивается целостность воспитательного и учебно-производственного процессов.

Преимуществами использования учебно-производственной фирмы для педагогического колледжа являются: совершенствование образовательно-воспитательного процесса в соответствии с требованиями реального рынка труда; освоение информационных технологий студентами на уровне специалиста; повышение социальной адаптации студентов; повышение имиджа образовательного учреждения; новые контакты с другими образовательными учреждениями, социальными партнерами; реализация кооперативной технологии обучения.

В рамках реализации образовательной технологии «Учебно-производственной фирмы» была создана такая инновационная воспитательная система при которой ресурсы всех учебных дисциплин направлялись бы на развитие профессионально-значимых качеств личности будущего специалиста, формирующие необходимый набор общих и профессиональных компетенций будущих учителей и раскрывающие их творческий потенциал.

Для того, чтобы отработать профессионально-значимые качества, формируемые в условиях учебно-производственной фирмы в пределах учебного и внеучебного времени, были подобраны педагогические методы, формы и приемы развития личности будущего учителя в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами. В свою очередь, преподаватели колледжа в учебно-производственной фирме играют роль консультантов для студентов. Наличие квалифицированных преподавателей-консультантов — важный фактор успеха работы. Функция преподавателя в данной учебно-производственной фирме — инструктивно-консультативная, стиль руководства — демократичный, стиль работы — работа в команде. Важно отметить, что предоставляется большой спектр возможностей как для преподавателей колледжа в процессе организации обучения, так и для студентов в ходе усвоения ими профессионально-значимых качеств. Процесс обучения допускает метод запланированных ошибок и самостоятельную форму оценивания. Используются различные формы контроля, например, такие как: беседа, наблюдение, аттестация и т.д[1].

Деятельность студентов в учебно-производственной фирме имитируется через выполнение игровой ситуации, где игровая ситуация — это учебное время, необходимое на изучение, анализ и оформление новых документов разной сложности для каждого отдела в процессе проигрывания определенной ситуации.

Хотелось бы отметить, что учебно-производственная фирма позволяет преодолеть разрыв между образованием и рынком труда. В ней отрабатываются основные функции, реализуемые во всех управленческих отделах, существующих на любом предприятии или учреждении. Очень важно, что в ходе реализации образовательной технологии «Учебно-производственной фирмы» моделируется процесс создания предприятия, где ключевым умением является развитие профессиональных навыков работы с официальной документацией, в частности: оформление регистрационных документов, составление бизнес-плана, приказов, личных дел сотрудников, коммерческой переписки, открытие банковского счета, отчетность в налоговой инспекции, пенсионном управлении осуществляются фиктивно, а документооборот, задачи по менеджменту, маркетингу, экономике, анализу хозяйственной деятельности и, что самое важное, производственные процессы — реально.

В учебно-производственной фирме студенты находятся в специфической творческой среде, которая позволяет обучать студентов посредством выполнения определенных технологических обязанностей. Студенты изучают принципы теории бизнеса; они сами занимаются бизнесом в соответствии с принятой практикой ведения дел. При этом они ищут оптимальный способ решения возникающих проблем методом проб и ошибок. В данной образовательной технологии роли преподавателя и студентов кардинально отличаются от принятых в традиционном обучении. Студенты являются работниками фирмы, а преподаватель по отношению к студентам выступает фактически в роли консультанта, тьютора, не имея и не давая готовые ответы на возникающие вопросы, а, помогая путем совместных усилий принимать рациональные решения и нести за них ответственность. Кроме того, учебно-производственная фирма является важным системообразующим компонентом инновационной воспитательной системы колледжа: так как: влияет на имидж образовательного учреждения в городе; повышает рейтинг педагогического колледжа среди других образовательных учреждений города; формирует внутренний имидж студентов — сотрудников учебно-производственной фирмы; побуждает студентов — сотрудников учебно-производствен-

[1] Янгирова, В. М. Формирование исследовательских компетенций у бакалавров педагогики: монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. С. 39.

ной фирмы стать активными участниками и организаторами всех воспитательных мероприятий колледжа; активизирует совместную творческую деятельность преподавателей и студентов.

Понятие «Учебная фирма» имеет свою давнюю историю еще с XVII века. До начала XX века она называлась «Обучающий офис», «Моделируемый офис», «Имитируемый офис» или «Поддельный офис». Первый «Моделируемый офис» появился в Вене 1860 году по инициативе Ассоциации Венских коммерческих колледжей. Начиная с 70-х годов XX века, учебные фирмы получили широкое распространение в европейской системе школьного, профессионального образования и повышения квалификации. Со времен Второй Мировой войны практичные фирмы были основаны как инструмент специально приспособленный для профессиональной реабилитации, в инициируемых обучающих ситуациях, в контексте переобучения и как средство обучения внутреннему сервису для практичного бизнеса. В Австрии в 1980-е годы резко упало число учащихся коммерческих училищ, которые с трудом находили свои рабочие места и их практические навыки и квалификации не соответствовали потребностям экономики и рынка. Именно благодаря этому, в 1990 году официальные власти Австрии решили интегрировать схему работы практичных фирм Германии в регулярный учебный план среднего и специального образования коммерческих колледжей. Первая современная практичная фирма была основана на базе технического колледжа в Вене. В декабре 1994 года в Австрии уже насчитывалось 300 действующих практичных фирм, из которых 89% — коммерческие колледжи, 6% — технические и экономические колледжи, 5% — обучение и переобучение взрослых[1].

Сегодня уже насчитывается более 2000 учебных фирм в Европе — в Германии, Франции, Великобритании, Дании, Нидерландах, Испании, Венгрии, Болгарии, Польше, Италии, Швеции, Норвегии, Португалии, Швейцарии и т. д.

В Россию учебные фирмы пришли в 1995 году, когда начался отбор площадок для реализации проекта. Этот проект стал возможным благодаря Комитету образования Санкт-Петербурга, Центру довузовского экономического образования Санкт-Петербургского университета экономики и финансов и экспертам Kulturkontakt Австрия и Bureau Cross Нидерланды. В 1998 году начались обучающие семинары для преподавателей, которые проходили в течение двух лет. В конце обучения каждый преподаватель получил международный сертификат на право распространения данной педагогической технологии на территории Российской Федерации. В 1999 году были открыты первые 10 учебных фирм. С тех пор количество учебных фирм растёт в России и общее количество российских учебных фирм сейчас приближается к 100.Ежегодно создаются и работают в российской сети свыше 50 учебных фирм.

Обратившись к опыту создания учебных фирм других учебных заведений, мы решили создать свою учебно-производственную фирму, что позволило решить многие проблемы разного порядка и ввести новый системообразующий компонент — «Учебно-производственную фирму» в воспитательную систему педагогического колледжа. Тем самым, сделав непрерывным процессы открытия новых знаний и внедрения их в практику. Поэтому наш опыт подготовки студентов к работе в реальных условиях в учебно-производственной фирме заслуживает внимания и дальнейшего совершенствования.

Список литературы:

1. «Учебная фирма». Пособие для преподавателей. Под. ред. Завгородней А. В., Борисовой Г. В., Архангельской С. В., СПб Полиграф, 2004.
2. Асадуллин Р. М. О технологическом обновлении педагогического образования. Педагогический журнал Башкортостана № 1 (38), 2012
3. Янгирова, В. М. Формирование исследовательских компетенций у бакалавров педагогики: монография. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2009.

Morozova Natalia Yurievna
GBOU SPO College of Architecture and Building number 7, teachers postgraduate NIIRPO
Морозова Наталия Юрьевна,
ГБОУ СПО Колледж архитектуры и строительства № 7, преподаватель
аспирант Научно-исследовательского института развития профессионального образования

Didactic aspect of effective use of innovative methods in practical training on the basis of the resource center

Дидактический аспект эффективного использования инновационных методов при проведении практического обучения на базе ресурсного центра

Инновационные и интерактивные методы и формы обучения завоевывают сегодня все большее признание и открывают новые возможности, связанные с налаживанием межличностного взаимодействия путем внешнего диалога в процессе усвоения учебного материала. Умелая организация взаимодействия обучающихся на основе учебного материала может стать мощным фактором повышения эффективности учебной деятельности в целом.

Сегодня, когда необходимость инновационного пути развития экономики страны осознана на государственном уровне, первостепенными задачами профессионального образования становятся задачи по подготовке специалистов готовых к инновационной деятельности.

Но, несмотря на модернизацию образования, начавшуюся в 90-е годы прошлого века и продолжающуюся в настоящее время, а также новые концепции развития образования России, разработанные различными инстанциями, в большинстве

[1] Асадуллин Р. М. О технологическом обновлении педагогического образования. Педагогический журнал Башкортостана № 1 (38), 2012. С. 17.

учебных образовательных учреждений страны продолжает доминировать традиционная «дисциплинарно-поточная» система обучения. Удовлетворяя требованиям государственных образовательных стандартов профессионального образования РФ, ОУ разрабатывают новые образовательные программы, но они, по сути, сохраняя традиционные методы обучения, продолжают готовить кадры на посредственном уровне, не отвечающие современным требованиям. И до тех пор, пока будут сохраняться традиционные, устаревшие методы обучения в профессиональных учебных заведениях, самые лучшие ГОСы, образовательные программы, отвечающие самым высоким требованиям, включая международные, будут носить только декларативный характер.

Анализируя опыт отечественных и зарубежных исследований в области

современной педагогики, мы видим, что к настоящему времени разработано немало новых дидактических методов и педагогических технологий, обеспечивающих формирование у студентов способности к инновационной деятельности. В основе всех этих методов лежит развитие творческого потенциала обучающихся.

Сегодня все наиболее промышленно развитые государства мира, включая Россию, встали на инновационный путь развития, альтернативы которому в решении задач развития их экономик нет. Необходимость развития инновационной деятельности осознана сегодня в Российской Федерации на государственном уровне. В частности, в рамках приоритетного национального проекта «Образование», проводится ежегодный конкурс по отбору образовательных учреждений профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы.

Переход к инновационному типу развития является неотъемлемой чертой развитых стран, в которых общественное производство стало неотделимо от новейшей техники, являющейся важнейшим условием его функционирования и развития.

Развитие России также возможно только при крупномасштабном обновлении производства на основе широкого использования инноваций. Стремление непрерывно повышать качество образовательных услуг, их конкурентоспособность, соответствие требованиям рынка и технологий, организации их производства, умение самостоятельно принимать решение; готовность к эффективной работе в команде с представителями других профессий для решения профессиональных задач, а применительно к процессу обучения — готовность к работе с преподавателями различных дисциплин, в процессе подготовки будущих строителей к инновационной практической деятельности и развития личности.

«Инновация (нововведение) — процесс создания, освоения и практической реализации педагогических научно-технических достижений»[1].

Главная цель инновационного образования — сохранение и развитие творческого потенциала страны. Им выделяются следующие принципы инновационного образования:

— развитие гармоничного мышления, основанного на сочетании внутренней свободы личности и ее социальной ответственности;

— формирование культуры вариативной постановки и решения задач;

— понимание того, что существующие гипотезы субъективны, и ни одна теория не является универсальной;

— развитие междисциплинарных связей, формирование системы обобщенных понятий и единого информационного пространства;

— многогранность мышления или интеллектуальной деятельности к сфере образования.

Инновацией можно считать конечный результат определенного вида деятельности, получившийся в виде нового содержания, методов, форм организации учебно-воспитательного процесса или усовершенствованных технических средств обучения, используемых в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам в области образования[2]. Полонский В. М. считает, что главным признаком инновации являются положительные социальные и экономические изменения, возникающие в работе образовательных учреждений, в результате специально организованной инновационной деятельности. В этих условиях, наиболее важным становиться реализация инновационных подходов в образовательных учреждениях, применительно к новым социальным услугам, методикам, технологиям, техническим средствам обучения. Как правило, инновации возникают в результате попыток решить традиционную проблему новым способом, в результате длительного процесса накопления и осмысления фактов, когда и рождается новое качество, несущее новаторский смысл.

«Гуманистическая педагогика», «личностно-ориентированный подход», «педагогика сотрудничества» и другие идеи были по существу представлены в работах Я. Корчака, В. Сухомлинского, Э. Г. Костяшкина, О. Газмана и др. Это дает основание утверждать, что инновационный процесс — это мотивированный, целенаправленный и сознательный процесс по созданию, освоению, использованию и распространению современных идей, теорий, методик, технологий; актуальных и адаптированных для данных условий и соответствующих определенным критериям. В основе инновационных образовательных процессов лежат две важнейших проблемы педагогики: изучение педагогического опыта и доведение до практики достижений психолого-педагогической науки.

Интересно также определение, которое дается инновациям в словаре понятий, определений и толкований Тезаурусе[3] «Инновации — существенный элемент развития образования. Выражаются в тенденциях накопления и видоизменения разнообразных инициатив и нововведений в образовательном пространстве, которые в совокупности приводят к более или менее глобальным изменениям в сфере образования и трансформации его содержания и качества. Инновации — это такие актуально значимые и системно самоорганизующиеся новообразования, возникающие на основе разнообразия инициатив и новшеств, которые становятся перспективными для эволюции образования и позитивно влияют на его развитие, а также на развитие более широкого мультикультурного пространства образования».

---

[1] Чернилевский Д. В. Технология обучения в высшей школе/Д. В. Чернилевский. О. К. Филатов./Под ред. Д. В. Чернилевского.- М.: «Экспедитор», 1996. 288 с.

[2] Полонский В. М. Инновации в образовании (методологический анализ)//Инновации в образовании. 2007. № 2, С. 4–14.

[3] Вишнякова С. М. Профессиональное образование Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — М. НМЦ СПО, 1999. — 538 с.

В поисках новой парадигмы образования, инновационные процессы и интерактивное обучение являются единственными источниками развития системы образования[1].

Инновационные формы и методы обучения завоевывают все большее признание и используются для преподавания различных дисциплин.

Рассмотрим основные методы интерактивного обучения:

• методы дискуссии (разговор, групповой спор, разбор ситуаций из производственной практики, «мозговой штурм», эвристическая беседа и др.)

• деловые и ролевые игры; проектный метод обучения; работа группами с учебными и методическими пособиями, материалами (фактологическим, информационно-аналитическим), в которых используются иллюстрации, фотодокументы; обсуждение видеозаписей, ориентированных на использование при изучении определенной темы, фрагменты записи выполнения своих действий.

• интерактивные технологии обучения

• исследование случая, работа педагогической мастерской, групповая головоломка (д. п.н. Е. В. Невмержицкая)[2]

• профессионально-интегрированное интенсивно-коммуникативное обучение, междисциплинарное экологическое проектирование (д. п.н. С. Е. Каплина)

Я предлагаю в качестве примера методические разработки некоторых инновационных методов обучения, которые используются при проведении практического обучения на базе ресурсного центра, помогут увидеть общие подходы к инновационному обучению вообще и окажут практическую помощь организаторам методической работы всех уровней в дальнейшей самостоятельной разработке и внедрении самых разнообразных форм методического обучения педагогов.

Основное назначение метода исследования случая — использование интерактивных возможностей обучающихся в процессе получения ими знаний, ориентированных на выполнение определенных действий[3]. В процессе свободной творческой деятельности реализуется возможность поиска правильных решений в условиях еще незнакомой и новой для студента ситуации.

Использование метода исследования случая можно прокомментировать на примере описания конкретной ситуации из повседневной жизни, которая складывается из определенных фактов, представлений и методов, и опирается на уже имеющиеся знания студентов. Участники мастерской учатся находить решение в трудных ситуациях, имея возможность обратиться за советом. В данном случае помощь или комментарии со стороны преподавателя — руководителя мастерской оцениваются учащимися как менее важные, чем те, которые они могут получить от своих товарищей. При открытом обмене мнениями между участниками мастерской в процессе дискуссии возможно одновременно использование уже имеющихся у учащихся компетенций и приобретение ими новых. В данном случае обучение значит не только приобретение новых знаний, но и консолидацию уже имеющихся.

При методе исследования случая рекомендуется использовать не только имеющуюся в образовательном учреждении учебно-материальную, учебно-производственную базу, но и компьютерные программы, информационные источники.

Эффективность усвоения знаний в процессе применения метода исследования случая подтверждают не только многие зарубежные исследователи[4], но и практическая деятельность ресурсного центра Колледжа архитектуры и строительства № 7 г. Москвы.

Современное отношение к экологическим проблемам требует формирования экологического сознания обучающихся, их ответственного отношения к своим действиям на каждом этапе профессиональной подготовки средствами всех изучаемых в ОУ дисциплин. Исследования показали, что одним их эффективным инновационных методов обучения студентов технических специальностей является междисциплинарное экологическое проектирование, которое позволяет интегрировать знания обучающихся из разных областей наук вокруг решения одной проблемы, в нашем случае — экологического содержания.

Междисциплинарное экологическое проектирование позволяет интегрировать знания обучающихся из разных областей наук вокруг решения одной проблемы, в нашем случае — экологического содержания. Такого рода проекты выполняются во внеурочное время, требуют четкой координации работы всех участников проекта, а также проработанной формы промежуточного контроля и итоговой презентации.

Предполагается, что в процессе реализации метода междисциплинарного экологического проектирования студенты смогут приобрести следующие необходимые творческие и профессиональные навыки:

— самостоятельность в формулировании задачи или проблемы;

— выдвижение гипотезы и определение способов ее проверки;

— анализ полученных данных и выбор метода их обработки;

— обоснование возможности практического применения полученных результатов;

— определение меры личного, творческого и прикладного участия в решении поставленной задачи или проблемы.

Экологическое проектирование ориентировано, в первую очередь, на развитие самостоятельности студентов, их интеллектуальной, познавательной и творческой активности; во-вторых, оно позволяет выстроить учебный процесс в соответствии

---

[1] Сальников В. А. Личностный фактор в системе инженерного образования//Инженерное образование. 2005. № 3. С. 152–157.

[2] Невмержицкая Е. В. Среднее профессиональное образование. Метод исследования случая при изучении тем экологической направленности. – М. № 10. 2012.

[3] Kaiser F.-J., Brettschnaider V. Fallstudie: Zwölf Unterrichtsmethoden . Vielfalt fur die Praxis 4. Aufl. Beltz:Weinheim und Basel, 2008.

[4] Brettschnaider V., Gruber H., Kaiser F.-J., Mand H., Stark R. Anleitung komplexer Problemlöse- und Entscheidungsprozesse zur Unterstutzung des Erwerbs kaufmännischer Kompetenz//Zeitschrift fur Berufs- und Wirtschaftspädagogik. 2000 № 3; Wellenreuther M. Lehrer und Lernen – aber wie? Empirisch-experimentelle Forschungen zum Lehrer und Lernen im Unterricht. 2. Aufl. Schneider: Baltmannsweiler, 2005.

с профессионально-интегрированной интенсивно-коммуникативной технологией; в-третьих — способствует развитию экологического сознания и формированию экологической компетенции студентов технических специальностей[1].

Головоломка — это форма групповых занятий, в процессе проведения которых обучающиеся выполняют различные задания по общей теме с помощью самостоятельно изученного учебного материала. При делении учащихся на подгруппы за основу берутся четыре-пять объектов, которые имеют прямое отношение к изучаемой теме. О полученных результатах каждый участник образовательного процесса уведомляет своих товарищей по подгруппе. Подобные групповые уроки продолжаются от 3 до 4-х часов, и их можно инициировать на занятиях по любой дисциплине.

Групповая головоломка состоит из нескольких занятий — методических рабочих фаз. Первая рабочая фаза начинается до учебного занятия и включает подбор материала, предназначенного для самостоятельного изучения обучаемых. Для этого предлагаемый преподавателем учебный материал делится на четыре-пять объектов, которые имеют прямое отношение к изучаемой теме[2].

Первый шаг. Формулирование цели и организация учебной деятельности. Преподаватель начинает учебное занятие с формулировки его целей и соответствующих методических рекомендаций. В группах, которые не знакомы с методом групповой головоломки, это может занять до 5 минут учебного времени. Следует помнить в данном случае про использование визуальной поддержки. Затем преподаватель делит учащихся на подгруппы, каждая получает дидактические материалы по определенному направлению работы.

Второй шаг. Индивидуальная работа над темой. На этом этапе каждый из участников подгруппы получает индивидуальное тематическое задание. На основании кратких вопросов и тестов самоконтроля знаний определяется степень владения материалом каждого из обучающихся. При этом становится очевидным, насколько уверенно они себя чувствуют в аспекте готовности к обсуждению заданной темы или присутствует необходимость восполнить существующие пробелы в знаниях.

Третий шаг. Специальная подготовка в круге экспертов. Тема, над которой учащиеся работали индивидуально, теперь выносится для обсуждения в круг экспертов с целью углубления знаний по ранее изученному материалу, обсуждения ответов на имеющиеся вопросы с другими экспертами — членами группы.

Четвертый шаг. Дидактическая подготовка в круге экспертов. Продолжение занятия проходит в форме совместного планирования членами экспертной группы дальнейших направлений, методических шагов по изучению темы. Цели учебного занятия известны, т. к. были объявлены преподавателем в начале урока, потому в центре дидактической подготовки стоят вопросы, как более эффективно способствовать приобретению знаний участникам своей подгруппы, какие вспомогательные средства можно применить и как целесообразно использовать учебное время.

Достижению поставленной цели в данном случае способствует дидактическая предварительная работа — использование контрольных вопросов. Ответы на контрольные вопросы рекомендуется учащимся представлять в письменном виде.

Пятый шаг. Итоговое занятие. Учащиеся образуют новые подгруппы. Различные подобласти учебного материала представлены экспертами, которыми являются обучающиеся, продемонстрировавшие лучшие результаты в процессе выполнения контрольных заданий. Каждый из них представляет в своем лице эксперта по определенному направлению изучаемой темы. Таким образом, одно занятие может проходить в нескольких группах параллельно. Завершается учебное занятие контролем полученных знаний.

При осуществлении проектной деятельности очень важно, с одной стороны, сделать акцент на заинтересованности обучающихся в приобретаемых знаниях, умениях, компетенциях, а также развитии их личностных и профессиональных качеств, которые пригодятся им в жизни.

Учитывая все вышеизложенное, можно прийти к выводу о необходимости инновационных и интерактивных методов и форм обучения в образовательных учреждениях страны, для этого необходимо объединение разнообразных функций учебных, научных и производственных учреждений для решения задач по обеспечению перехода всей страны на инновационный путь развития.

Список литературы:

1. Чернилевский Д. В. Технология обучения в высшей школе/Д. В. Чернилевский. О. К. Филатов./Под ред. Д. В. Чернилевского.- М.: «Экспедитор», 1996. 288 с.
2. Полонский В. М. Инновации в образовании (методологический анализ)//Инновации в образовании. 2007. № 2, С. 4–14.
3. Вишнякова С. М. Профессиональное образование Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. — М. НМЦ СПО, 1999. — 538 с.
4. Сальников В. А. Личностный фактор в системе инженерного образования//Инженерное образование. 2005. № 3. С. 152–157.
5. Невмержицкая Е. В. Среднее профессиональное образование. Метод исследования случая при изучении тем экологической направленности. — М. № 10. 2012.
6. Kaiser F.-J., Brettschnaider V. Fallstudie: Zwölf Unterrichtsmethoden. Vielfalt fur die Praxis 4. Aufl. Beltz: Weinheim und Basel, 2008.
7. Brettschnaider V., Gruber H., Kaiser F.-J., Mand H., Stark R. Anleitung komplexer Problemlöse- und Entscheidungsprozesse zur Unterstutzung des Erwerbs kaufmännischer Kompetenz//Zeitschrift fur Berufs- und Wirtschaftspädagogik. 2000 № 3
8. Wellenreuther M. Lehrer und Lernen — aber wie? Empirisch-experimentelle Forschungen zum Lehrer und Lernen im Unterricht. 2. Aufl. Schneider: Baltmannsweiler, 2005.
9. Каплина С. Е. Неформальное образование. Характеристика метода междисциплинарного экологического проектирования. — М. № 6. 2012.
10. Невмержицкая. Е. В. Среднее профессиональное образование. Метод исследования случая при изучении тем экологической направленности. — М. № 4. 2012.

[1] Каплина С. Е. Неформальное образование. Характеристика метода междисциплинарного экологического проектирования. — М. 2012. № 6 - Спецвыпуск.

[2] Невмержицкая Е. В. Среднее профессиональное образование. Метод исследования случая при изучении тем экологической направленности. – М. № 4. 2012.

Nurieva Elvina Galimullovna, Neftekamsk-pedagogical College
applicant for the Department of pedagogics Siberian social-pedagogical Academy
Нуриева Эльвина Галимулловна, ГБОУ СПО Нефтекамский педагогический колледж
соискатель кафедры педагогики Бирской социально-педагогической академии

Das System der Vorbereitung der zukünftigen Lehrer zur Forschungstätigkeit in den Bedingungen der mittleren Berufsausbildung

Система подготовки будущих учителей к научно-исследовательской деятельности в условиях СПО

Существенное изменение взглядов на ценности современного образования требует создания нового образовательного продукта, основой для которого становится деятельностный подход, где приоритетным является не информированность обучающегося, не усвоение и репродукция учебного материала, а самостоятельный мотивированный поиск информации, ее интерпретация, обработка и анализ с целью получения нового знания, то есть исследовательская деятельность.

В ходе профессиональной подготовки происходит постоянное обогащение содержания деятельности на основе модели деятельности специалиста, включающей описание системы его основных функций, проблем и задач, предметных и социальных компетентностей.

Опытно-экспериментальная работа в предпринятом нами исследовании была нацелена на разработку и апробацию модели подготовки будущих учителей к научно-исследовательской деятельности в условиях СПО. Замысел исследования состоял в том, что ориентация студентов на исследовательскую деятельность в процессе обучения может выступать как системообразующий фактор более эффективной подготовки по избранной специальности.

Для реализации успешности модели подготовки будущих учителей к научно-исследовательской деятельности мы составили программу исследования проблемы в условиях колледжа:

1. Создать программу факультатива «Методология и научный аппарат педагогического исследования» для студентов 2 курса педагогического колледжа
2. Включить в учебный план колледжа факультатив «Методология и научный аппарат педагогического исследования» обеспечивающий деятельность студентов на уровне УИРС и НИРС
3. Определить материально-техническую базу интенсивной подготовки студентов к научному исследованию
4. Разработать методико-технологическое обеспечение факультативного курса
5. Выявить потенциал и его реализацию в практике формирования исследовательской компетентности студентов по дисциплинам учебного плана
6. Выявить возможности библиотечного фонда необходимой литературой и периодической печатью по организации индивидуальной самостоятельной и коллективной работы по проблеме исследовательской деятельности

При моделировании процесса подготовки к научно-исследовательской деятельности мы исходили из того, процесс подготовки будущих учителей представляет собой последовательную смену этапов: подготовительный, операционный и результативный.

Подготовительный, включает диагностические и целеполагающие функции. Диагностическая функция направлена на получение информации об уровне профессиональной исследовательской компетентности учителей сельских школ и совокупности факторов педагогической деятельности. Целеполагающая функция сводится к формулировке целей подготовки будущих учителей начальных классов к исследовательской деятельности в условиях СПО и средств их достижения, которые по ожидаемым результатам конкретизируются в образовательной программе факультатива «Методология и научный аппарат педагогического исследования».

Операционный этап предполагает реализацию программы факультатива. Для достижения целей факультатива необходима согласованность действий всех участников образовательного процесса. В связи с этим осуществляется контроль за реализацией образовательной стратегии и технологии посредством систематического сбора информации о качестве усвоения студентами материала и корректировке педагогических решений. Таким образом, на операциональном этапе реализуется регулятивная функция.

Результативный этап включает анализ достигнутых результатов, их соответствие принятым целям факультатива. Данному этапу присуща оценочная функция, позволяющая увидеть качество подготовки будущих учителей к исследовательской деятельности.

В соответствии с данными методологическим основаниями модель подготовки будущих учителей начальных классов к исследовательской деятельности представляет собой три взаимосвязанных и взаимообуславливающих блока: 1); теоретико-методологический; 2) организационно-деятельностый; 3) диагностико-оценочный.

Необходимо отметить, что первостепенным для нашей модели является социальный заказ. Цель социального заказа — общественные требования от молодого поколения специалистов компетентностей в сфере научно-исследовательской деятельности. Федеральный государственный образовательный стандарт строится на деятельностном подходе, где обучение выстаривается на основе учебной деятельности, получение знаний в решении научно-познавательных и учебно-практических задач. Итоговые задания в соответствии с ФГОС ориентированы не на то, чтоб сформулировать какое-либо понятие, а применить эти знания на практике.

Раскрывая первый блок — теоретико-методологический, необходимо выделить, что включение элементов исследовательской деятельности происходит с включением деятельностного подхода, куда мы включаем проектную деятельность с использованием новых информационно-технических средств. Для реализации данного подхода студентам предъявляются

педагогические задачи с профессиональной направленностью. В процессе анализа формируются решения педагогических задач через выполнение индивидуальных проектов, который в дальнейшем сводится в групповой итоговый проект.

Моделируя организационно-деятельностый блок необходимо раскрыть деятельность преподавателя и студента в организации учебного исследования:

Система действий преподавателя:

- умение выбрать нужный уровень проведения учебного исследования в зависимости от уровня развития мышления учащегося;
- умение сочетать индивидуальные и коллективные формы проведения исследований на уроке;
- умение формировать проблемные ситуации в зависимости от уровня учебного исследования, его места в структуре урока и от цели урока.

Система действий студента в процессе обучения:

- умение вести работать с литературой и видеть структуру материала и систематизировать его;
- умение применения методики исследования с активным включением творчества в группе и индивидуально;
- умение соблюдения технологии исследования и качественного представления результатов работы.

В данном случае деятельность преподавателя и деятельность студента объединены отношенческой стороной образовательного процесса.

Технология формирования исследовательских умений, имеет свои принципы построения, которые основаны на отличительных от других видов мыслительной деятельности особенностях мыслить научно. Нами выделены семь принципов, некоторые из которых являются общедидактическими, остальные же характерны именно для исследовательской деятельности. Охарактеризуем каждый из принципов:

1. Информационной насыщенности учебного и практического материала для использования аргументов, доказательств или опровержений, основанных на конкретных фактах, источниках, данных.

2. Социальной обусловленности предмета осмысления. Нами было ранее отмечено, что исследовательская деятельность — это деятельность (фактор-субъект) социальная, поэтому подбор проблем, задач, тем для обсуждения осуществлялась с учетом этого особого свойства.

3. Коммуникативности в процессе осмысления проблемы и ее обсуждения. Исследовательская компетентность– это готовность индивидуально и самостоятельно мыслить, но проявляется оно в спорах, дискуссиях, при обсуждениях и публичных выступлениях, поэтому коммуникативные навыки участников осмысления проблемы для формирования исследовательской деятельности студентов играют решающую роль в успехе.

4. Проблемности содержания материала. Общедидактический принцип является одним из основных при построении технологии формирования исследовательской деятельности.

5. Мотивации и потребности в знании. Основным отправным пунктом мыслительной деятельности в исследовании вообще и проявления критичности ума является рефлексия. Она возможна только в том случае, если студент мотивирован, узнать, понять, осмыслить, установить истину или получить результат.

6. Научности, достоверности и доступности информации. Необходимо отметить, что способности и умения оценивать достоверность информации относятся к умениям исследовательской деятельности.

7. Преемственности обучения исследованию. Проведенные нами эксперименты по обучению педагогов сельских средних общеобразовательных школ свидетельствуют, что развивать исследовательскую деятельность педагогических работников можно в любом возрасте т. к. многие навыки формируются при традиционном обучении. Однако эффективность этого процесса и его результат наиболее значимы при системном, последовательном обучении

Таким образом, исследовательская деятельность в обучении прямо зависит от деятельностного начала в профессиональном становлении будущего специалиста, от взаимообусловленного единства логики, методов, умений, организационных форм обучения как целостного педагогического процесса. Где подготовка к научно-исследовательской деятельности может быть успешной, если обучение подчинено системе развития личности студента и формированию направленности на исследовательскую деятельность: студенты сориентированы в ценностях исследовательской деятельности; у будущих учителей сформирована установка на творческий подход; студенты владеют современными методами научно-исследовательской деятельности.

Список литературы:

1. Ахияров К. Ш., Правдин, Ю. П. и др. Формирование познавательной активности студентов в процессе обучения/К. Ш. Ахияров, Ю. П. Правдин. — Уфа, 1988. — 129 с.
2. Богоявленская Д. Б. О предмете и методе исследования творческих способностей/Д. Б. Богоявленская//Психологический журнал, 1995. — Т. 16. — № 5. — С. 49–58.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании/И. А. Зимняя. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
4. Правдин Ю. П. Методологические основы педагогики/Российская академия образования: Институт развития личности; БГПИ. — М.: б.и, 1995. — 110 с.
5. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования//Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

Ovcharenko Elena Rudolfovna, Department of Education of city Volzhsky Administration Volgograd region, deputy chief Candidate of pedagogical science, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences

Овчаренко Елена Рудольфовна, управление образования администрации города Волжского Волгоградской области, заместитель начальника

Evolution of children`s empathy in the period of transition from pre-school to primary school age

Развитие эмпатии у детей в период перехода от дошкольного к младшему школьному возрасту

Отношения между людьми всегда окрашены гаммой разнообразных чувств. Дети дошкольного возраста особенно эмоциональны и непосредственны. Когда они общаются со взрослыми, то рассчитывают на понимание, терпение, снисхождение и любовь. Если же ребенок вступает во взаимоотношения с другими детьми, его социальная позиция меняется. В таком общении дети — равноправные партнеры, и каждый предъявляет другому равные требования.

Анализ психолого — педагогических исследований по проблеме позволил нам выделить период дошкольного и младшего школьного возраста как наиболее благоприятный для развития эмпатии. Исследования психологов (Л. С. Выготского, А. В. Запорожца, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина) указывают, что данный возраст является сензитивным для эмоционально-нравственного развития ребенка, проявляющийся в повышенной чувствительности, восприимчивости ребенка к эмоциональному миру человека; способности оптимально, быстро овладевать нравственными нормами поведения. Именно возраст 5 –7 лет является сензитивным, то есть чувствительным периодом. Этот период во многом предопределяет будущий нравственный облик человека и в то же время исключительно благоприятен для взаимодействия взрослого и ребенка.

Старший дошкольный и младший школьный возраст (дети 5 –7 лет) — очень важный период в развитии детей, когда происходит становление новых психических образований. Вместе с тем дальнейшее развертывание этих образований создает психологические условия для появления новых линий и направлений развития.

Поэтому в своем исследовании мы ориентируемся на развитие у ребенка способности культивировать в себе эти общественно ценные свойства, уметь самостоятельно преодолевать возможные препятствия, что дает нам основание выделить следующие критерии развития эмпатии у детей 5–7 лет:

- распознавание эмоциональных состояний другого человека;
- восприятие и понимание внутреннего мира, чувств и переживаний другого человека;
- способность к установлению межличностного взаимодействия, стремление к оказанию действенной помощи.

По своей природной сути дети эгоцентристы и не учитывать это в воспитании нельзя. Д. И. Фельдштейн считает, что в дошкольном возрасте ребенок осваивает две важные позиции. В первой акцент делается на себя, и что я могу делать. Вторая касается осознания себя субъектом общественных отношений.

Школьники младших классов, как показано Т. Б. Пискаревой, легче понимают эмоции, возникающие в знакомых им жизненных ситуациях, но затрудняются облечь эмоциональные переживания в слова. Лучше различаются положительные эмоции, чем отрицательные. Им трудно отличить страх от удивления. Неопознанной оказывается эмоция вины.

В отличие от дошкольников, которые предпочитают воспринимать только веселые и радостные картины, у младших школьников возникает способность к сопереживанию при восприятии тягостных сцен и драматических конфликтов.

Поступление в школу изменяет эмоциональную сферу ребенка в связи с расширением содержания деятельности и увеличением количества эмоциогенных объектов. Те раздражители, которые вызывали эмоциональные реакции у дошкольников, у школьников младших классов уже не действуют. Хотя младший школьник бурно реагирует на задевающие его события, у него появляется способность подавлять волевым усилием нежелательные эмоциональные реакции. Вследствие этого наблюдается отрыв экспрессии от переживаемой эмоции как в ту, так и в другую сторону: он может как не обнаруживать имеющуюся эмоцию, так и изображать эмоцию, которую он не переживает.

Воспитание призвано доступными ему средствами обеспечить обслуживание каждой ступени развития субъектности ребенка и оказывать помощь в преодолении кризисов возрастного развития, в том числе в период перехода ребенка из детского сада в школу.

Этот кризис преодолевается более успешно, если ребенок включается в деятельность, способствующую развитию его творческих способностей. Наконец, нельзя не заметить смещение вектора познания детства в сторону изучения душевной жизни детей. Именно в душе ребенка исследователи детства видят источник индивидуально-нравственного развития ребенка.

Сочувствие по отношению к сверстникам проявляется детьми в трех фазах:

1. сочувствие-констатация («Я вижу, что ему плохо»);
2. сочувствие-переживание («Мне жаль его, мне небезразлично, что ему плохо»);
3. сочувствие-действие («Я помогу, я постараюсь помочь»).

Между тем вопрос о связи воспитания с развитием нравственных способностей в педагогических исследованиях, по существу, даже не ставится. В психологической литературе мы находим его постановку лишь в исследованиях К. К. Платонова. «Нравственные способности, — пишет он, — это такая подструктура личности, которая определяет нравственные, полезные для общества и его отдельных членов поступки человека».

Иными словами, нравственные способности — это такие свойства личности, которые способствуют успешности ее нравственной деятельности. К ним можно, на наш взгляд, отнести способность к сопереживанию, которая по-разному развита у отдельных людей, пониманию внутреннего мира окружающих людей, преодолению трудностей, самопожертвованию и др. Развитие нравственных способностей способствует успешности нравственной деятельности личности.

В межличностных отношениях с другими людьми — со взрослыми и сверстниками — у ребенка возникает и развивается сложная гамма чувств, которая характеризует его как социализированного человека. В непосредственном общении со значимым взрослым, в играх и соревнованиях со сверстниками, в процессе учебной деятельности развиваются также социальные качества ребенка, которые, так или иначе, поворачивают его к другим людям. Это, прежде всего *самолюбие*, выражающее стремление не только к самоутверждению, но и соперничеству с другими. Позитивным качеством развития является *расположение к другим* людям (взрослым и детям), которое в непосредственном общении выражается во внутреннем *чувстве доверия* к тем, и проявляется в развивающейся способности к *сопереживанию.* Сопереживание развивается через многообразные способы воздействия на ребенка, при этом в начале особое значение имеет подражание.

В нашем понимании, *сопереживание* — состояние, которое выражается в переживании чего-либо вместе с другими, в разделении чьих-либо переживаний. Сопереживание — это и *действие* по отношению к тому, кому переживают. По утверждению В. В. Абраменковой, развитая способность к переживанию включает в себя весь диапазон этого состояния: во-первых, это сострадание (жалость, возбуждаемая несчастьем другого человека) и сочувствие (отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастьям другого), во-вторых, это сорадость переживания (чувство удовлетворения радостью и успехом другого). Сопереживанию ребенок учится с первых лет жизни через механизм подражания.

Подражание осуществляется через копирование поведения и чувств. Воспроизведение действий, поступка, мимики, пантомимики осуществляется на основе физиологических механизмов, подражание чувствам на основе психологических механизмов.

Наблюдения за детьми в условиях перехода из детского сада в школу позволяют нам проследить возрастную динамику проявления эмпатии:

• у детей 4–5 лет уже в достаточно раннем возрасте наблюдается социальная восприимчивость по отношению к взрослым. Порой даже по незначительным нюансам (тембр голоса, выражение лица, глаз) дети замечают изменение их настроения, эмоционального состояния, могут почувствовать даже намерения взрослого человека. В то же время по отношению к сверстникам они, как правило, сохраняют эгоцентричную позицию, которую им можно и нужно помочь преодолеть;

• для детей 5–6 лет одни и те же социальные чувства имеют различную наполняемость и по-разному проявляются в отношениях «ребенок-взрослый» и «ребенок-ребенок». Например, сочувствие, сорадость, сопереживание проявляются по отношению к сверстникам не так, как к взрослому человеку: ребенок лучше понимает чувства сверстника, они ему ближе, понятнее. А переживания взрослых дети могут или не замечать, или не знать, как на них реагировать. Однако возможность на своем уровне наблюдать способы выражения чувств и самому проявлять их по отношению к «себе подобным» весьма ценна;

• в 6–7 лет наблюдения за нравственными проявлениями учащихся убеждают в том, что нравственность их поведения обеспечивается такими свойствами личности, как способности к выделению нравственного аспекта в поступках, поведении людей, их нравственной оценке, предвидению социальных последствий собственных поступков, самооценке поведения, способности отдавать предпочтение общественному интересу в ситуациях морального выбора, активно противостоять нарушениям норм морали и др.

Знание закономерностей развития нравственных чувств, в частности эмпатии, позволяет нам учитывать их при построении образовательного процесса.

В своем исследовании основным условием развития эмпатии у детей в период перехода из детского сада в школу мы выделяем совместную деятельность, так как именно совместная деятельность является благодатной почвой, условием для складывания гуманного отношения к сверстнику не только как действенного сострадания, сочувствия, сопереживания, содействия, но и активного сорадования.

Важные изменения в эмоциональной сфере происходят при переходе из детского сада в школу. Освоение новой социальной роли «Я — ученик» сопровождается глубокими эмоциональными переживаниями, новым положением среди сверстников и взрослых.

Старший дошкольный и младший школьный возраст (дети 5 –7 лет) — очень важный период в развитии детей, когда происходит становление новых психических образований. Вместе с тем дальнейшее развертывание этих образований создает психологические условия для появления новых линий и направлений развития.

Развитие и усложнение этих образований создает благоприятные условия для развития рефлексии — способности осознавать и отдавать себе отчет в своих целях, полученных результатах, переживаниях, чувствах. Для нравственного развития, и именного для последнего, возраст 5 –7 лет является сензитивным, то есть чувствительным периодом. Этот период во многом предопределяет будущий нравственный облик человека и в то же время исключительно благоприятен для взаимодействия взрослого и ребенка.

Как указывает в своих исследованиях Л. П. Стрелкова, развитие эмпатии у дошкольников и младших школьников представляет собой эмоциональную цепочку: сопереживание — сочувствие — импульс к содействию — содействие.

В реальных отношениях дети тоже выражают сопереживание сверстнику или взрослому, но чаще реальные слезы, горе и болезни, пугают их, а реальные радости сверстников вызывают совсем другие чувства.

Сорадость — сложное чувство. Для того чтобы сорадоваться другому, надо обладать нравственными качествами. При этом не всякая ситуация способствует сорадости. Вместе с тем дети шести лет способны подумать о друге, проявить к нему сочувствие в случае своего успеха. Ребенок может даже сказать: «Не огорчайся. Ты выиграешь в другой раз». Такое высказывание шестилетнего ребенка даже производит впечатление, что он считает справедливым быть в выигрыше по очереди.

Усвоенная ребенком норма гуманности получает свою новую жизнь в виде гуманных смысловых установок личности, проявляющихся в готовности субъекта действовать для блага другого человека.

Сострадание — человеческий закон поведения, необходимый для выживания вида, ему можно и нужно учить, сорадование — сверхчеловеческая способность, а не закон, которому можно лишь учиться. Убеждение педагога В. А. Сухомлинского: «Умение разделить радость — один из важнейших стимулов воспитания совести», писателя А. П. Чехова: «Все отдал бы за сорадование!» и поэта Жан — Поль Рихтера: «Сострадают люди, сорадуются — ангелы» приводят к выводу о том, что взрослому

человеку, чтобы искренне сорадоваться, необходима огромная работа по духовному самосовершенствованию, преодолению себялюбия, доступная немногим, в то время как ребенок способен сорадоваться естественно.

Основные ценности мира сего — ум и красота — оказываются несовместимыми с благодатной радостью — радоваться успеху, удаче, счастью другого человека, они противостоят ей.

Л. Мерфи показано, что проявление эмпатии детьми зависит от степени близости с объектом (чужой или близкий человек), частоты общения с ним (знакомый ребенок или незнакомый), интенсивности стимула, вызывающего эмпатию (боль, слезы), предыдущего опыта эмпатии. Развитие эмпатии у ребенка связано с возрастным изменением у него темперамента, эмоциональной возбудимости, а также с влиянием тех социальных групп, в которых он воспитывается.

Важную роль в формировании и развитии эмпатии играет эмоция печали. Плач ребенка вызывает у матери чувство сострадания, побуждает обратить на ребенка внимание, успокоить его. Точно также воспоминание о печальном событии, произошедшем с близким человеком, вызывает жалость и сострадание к этому человеку, желание помочь ему. Широкий круг общения со сверстниками положительно коррелирует со способностью к сопереживанию.

По данным Е. Стотлэнда, эмпатийность зависит от порядка рождения ребенка и от количества детей в семье. Первые и единственные дети в семье более склонны к эмпатии, если люди как объекты эмпатии отличаются от них, если они зависят от них, не соревнуются с ними, обладают более высоким или более низким статусом. Чем больше выражен у первых и единственных в семье детей мотив личного успеха, тем меньше выражена у них эмпатийность. Позднерожденные переживают за людей, если они похожи, обладают равным с позднерожденным статусом, если отношения с объектом эмпатии у них взаимны или равнозависимы. В ситуации соревнования позднерожденные проявляют большую эмпатию по сравнению с первыми и единственными детьми в семье.

И. М. Юсупов выявил различия в эмпатийности между экстерналами и интерналами: у последних она выше. Он же изучил некоторые демографические факторы, влияющие на развитие эмпатии у подростков школы-интерната, приехавших учиться в город из сельской местности. Оказалось, что положительную связь с эмпатией (т. е. способствовала ее развитию) обнаружила только социализация учащихся, проходившая в урбанизированных условиях. Если социализация учащихся проходила в сельских условиях, то она тормозила развитие эмпатии. Такое же влияние на эмпатию оказала и многодетность семьи, в которой воспитывался подросток. Кроме того, было выявлено, что с возрастом способность к эмпатии снижается.

Мешает формированию и проявлению эмпатии такое свойство личности, как ее эгоцентризм, а также испытываемый человеком психологический дискомфорт (тревожность, агрессивность, депрессия, невротизация). Играют роль и установки, препятствующие эмпатии: избегать лишних контактов, считать неуместным проявлять любопытство к другой личности, спокойно относиться к переживаниям и проблемам других людей. Возможно, именно этими личностными особенностями объясняется выявленный И. М. Юсуповым факт, что тренинг эмпатийности продуктивен только с теми лицами, у которых ее исходный уровень не ниже среднего.

Происхождение эмпатии во многом остается загадочным. А. Адлер полагает, что она объясняется существованием врожденного чувства общности. По его мнению, это космическое чувство, отражающее связь людей со всем мирозданием, которое воплощено в каждом из нас; это неотъемлемая черта принадлежности к человеческому роду.

На основе анализа психолого-педагогической литературы феномена эмпатии (Т. П. Гаврилова, И. М. Юсупов, К. Роджерс, Ю. Б. Гиппенрейтер и др.) в своем исследовании мы выделяем три компонента развития этого качества личности: эмоциональный, когнитивный и поведенческий.

Каждому из выделенных компонентов процесса развития эмпатии у детей соответствуют следующие критерии:

• эмоциональный — распознавание эмоциональных состояний другого человека. Характеризуется проявлением сопереживания, выраженным в распознавании пантомимической, интонационной и поведенческой этике;

• когнитивный — восприятие и понимание внутреннего мира, чувств и переживаний другого человека. Характеризуется наличием сочувствия;

• поведенческий — способность к установлению межличностного взаимодействия, стремление к оказанию действенной помощи. Проявляется в стремлении к содействию.

На практике мы часто сталкиваемся с тем, что педагоги не осознают и не считают актуальной задачу научить ребенка выражать свои чувства и желания так, чтобы они были понятны другим. В этом вопросе они, в свою очередь, проявляют своеобразный эгоцентризм, не учитывая, что общение ребенка не ограничено только их обоюдными контактами. Для того чтобы один человек понял другого, каждый из них должен уметь выразить и проявить себя, так как любой поступок приобретает то или иное значение в зависимости от того, чем он является для другого человека. Более того, не только поступок, но порой даже жест, выражение лица, интонация голоса тем или иным образом влияют на других людей. В результате понимания этого возникает ответственность человека за свои поступки, за формы самопроявления.

У ребенка 5–7-летнего возраста активно формируются нравственные представления о том, что хорошо и что плохо, нравственные оценки собственных действий и поступков сверстников. Идентификация ребенка со сверстниками развивает у него способность ставить себя на место других, относясь к себе как бы со стороны и соотнося при этом свое поведение с нравственными нормами. В соответствии с нормами осуществляется принятие решения и «проигрывание» собственного действия в воображаемом плане. В сознании ребенка происходит предвидение того результата, который произведет его поступок, и предчувствие возможных последствий этого поступка для окружающих и его самого.

Как указывает в своих исследованиях А. В. Запорожец, эмоциональное предвосхищение играет важную роль в осуществлении детьми форм деятельности, направленной на удовлетворение нужд и требований других людей, а также при выполнении определенных нравственных норм и правил поведения. Такого рода предчувствие — необходимые компонент гуманных взаимоотношений, в результате которых ребенок знает и чувствует, каким образом его действие отзовется на состоянии другого и как необходимо построить свою совместную деятельность с ним, чтобы устранить его благополучие.

В своем исследовании мы утверждаем, что осознание своей индивидуальности, отличия от других должно сопровождаться пониманием того, что другой человек — тоже индивидуальность. Если у человека есть собственные вкусы, интересы, жела-

ния, стремления, то точно также они есть и у других. Поэтому ребенка необходимо учить социально — адекватным формам самопроявления и самовыражения. Необходимо показать, что в некоторых случаях надо уметь ограничить себя, считаясь с другими. Это не означает, что достаточно просто поставить ребенка перед необходимостью согласовывать свое поведение, действия с действиями других людей, как это делают взрослые: «Ты должен помочь…» и др. Важно понимание взрослыми движущих причин, мотивов поступков детей и их поведения по отношению к другим, формирования осознанно принятых нравственных целей (мотивов) и соответствующего социального поведения.

Начиная активную жизнь в человеческом обществе, ребенок сталкивается с множеством трудностей. Исходят они не только от недостатка знаний об этом мире, но и от необходимости научиться жить среди себе подобных. И жить не только физически, но и хорошо, комфортно чувствовать себя среди людей, развиваться, совершенствоваться. А для этого важно понять, как люди общаются друг с другом, что они ценят, что порицают. И тем самым ребенок в процессе этого сложного познания становиться личностью со своим мировоззрением, со своими реакциями на поступки других и с собственным поведением, со своим пониманием добра и зла.

Список литературы:

1. Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. — М.: Московский психолого — социальный институт; Воронеж: Издательство НПО « МОДЭК», 2000.-416 с. (Серия «Библиотека школьного психолога»).
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М., 1993. 175 с.
3. Запорожец А. В. Воспитание эмоций и чувств у дошкольника//Эмоциональное развитие дошкольника. — М., 1985 — С. 16.
4. Пискарева Т. Б. Развитие эмоций у учащихся с нарушением интеллекта//Ананьевские чтения-98: Тезисы научно-практической конференции. — Спб., 1998. — С. 199–200.
5. Платонов К. К. Проблемы способностей. М., Наука, 1972. С. 192.
6. Стрелкова Л. П. Психические особенности развития эмпатии у дошкольников в семье и группе детского сада//Взаимодействие семьи и детского сада в нравственном воспитании дошкольников. Москва, «Просвещение», 1989 г.
7. Фельдштейн Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. — М., 1995.
8. Юсупов И. М. Психология эмпатии: Теоретические и прикладные аспекты: Автореф. Дис. … д-ра психол. Наук. СПб., 1995.
9. Murphy L. R. Social behavior and personalily sympathy. — N. Y., 1937.
10. Stotland E. at. al. Empathy and birth order. Some experimental explorations. — Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1971.

Oleksiuk Lesia Stepanovna
Buchach Institute of Management and Audit teacher
Олексюк Леся Степановна,
Бучачский институт менеджмента и аудита, преподаватель

The peculiarities of diagnostic technique usage to identify tolerance expression of students of higher educational establishments of economic type

Особенности использования диагностических методик для проявления толерантности студенческой молодёжи экономического профиля

Актуальность данной проблемы обусловлена современной социально-экономической ситуацией в стране. Мировые интеграционные процессы определяют зближение политических, культурных, экономических условий жизни людей и формируют поликультурное содружество. Возникает вопрос о подготовке специалистов экономического профиля готовых к деятельности в условиях межнациональной среды, в которойуважают права ичесть каждого человека. Особенностью экономического образованияесть тот факт, что гуманитарная состовляющая чаще рассматривается каквторостепенная проблема потому, что в современных рыночных условиях без концентрациивнимания на коммуникативную культуру, толерантность, моральныекачества невозможна успешная профессиональная деятельность специалистов.Экономическое образование предполагает подготовку студентов с толерантным мировозрением, профессиональными знаниями, умениями их практического использования при разрешении социально-экономических проблем.

В итоге, в высших учебных завидениях нашей страны возникает потребность развития у студенческой молодёжи толерантного поведения через распостранение практики совместного образования молодых людей, которые представляют разные культури.

Анализ последних достижений и публикаций

Актуальность исследования подтверждают труды современных украинских учёных В. Андрущенко, А. Асмолова, Г. Балла, О. Безкоровайной, А. Вихруща, І. Вильша, О. Гривы, І. Зязюна, В. Кременя, Л. Круглашова, В. Рибалко, В. Шинкарука, М. Ярмаченкои зарубежных исследователейЖ. Делора, П. Кинга, Дж. К. Лорсена, К. Нидерсона, Д. Нольте, Ф. Одиж'є, М. Форбека, Е. Хиггинса.

Вопросы толерантности студенческой молодёжи изучали І.Бех, О. Безкоровайна, Я. Береговый, О. Грива, В. Рыбалко, Г. Солдатова, Л. Шайгерова и другие. Авторефераты молодых учёных: Т. Билоус, Я. Довгополовой, О. Заривной, М. Карандаш, О. Кихтюк, С. Крук, А. Скок удостоверяютмногогранное восприятие понятия «толерантность», а самой важной его приметой есть зближение студентов разных взглядов, привычек, верований, национальностей, усиление их взаимодействия и сотрудничества.

Изучением проблемы педагогического диагностирования занимались такиеисследователи: А. Кочетова, Л. Клименко, Т. Кристопчук, І. Кравченко, И. Пидласый, С. Сысоева, В. Сластёнин и другие.

Постановка задания. Цельисследования — выявить стан толерантности студентов экономического профиля вследствие использования комплекса методик педагогической диагностики.

Изложение основного материалаисследования

Сущность диагностики основана на определении качества изменений субъєкта висследовании его уровня развития, наблюдений за характером влияния внешней среды, установлением закономерных связей в учебно-воспитательном процессе.

В результате педагогического диагностирования мы использовали методику в основу которой входят компоненты структуры толерантності[1] когнитивный, эмоциональный, мотивационный, деятельно-волевой, где когнитивный — включает определение начального уровня толерантности студентов; выделены базовые знания о толерантности, информация о её сущности и принципы; воспитание толерантных качеств личности; норм, правил, сожительство с другими людьми, с представителями разных национальностей. Эмоциональный компонент, направленный на определение собственных емоциональных переживаний, толерантные отношения (единство з другими, равноправие между студентами), уважительное отношение к традициям других культур, переживание позитивных емоций вследствие достижения доброжелательных взаимоотношений со студентами. Мотивационный компонент — содействует мотивации, желаниям, потребностям личности, и является механизмом регулирования деятельности. Деятельно-волевой определяет поступки личности, которые проявляються в терпении, без агресии и насилия реагировать на взгляды других, устанавливать контакт и вести диалог, развязывать конфликтные ситуации, взаимодействовать на основе равенства, понимания и гармонии.

Главное задание исследования состоит в формировании толерантного сознания студентов, которое включает в себя: усвоение студентами базовых понятий з определённой квалификацией, формирование профессиональных умений и привычек, индивидуальных качеств, доброжелательное, терпимое отношение к другим.

Констатирующий експеримент ми проводили среди студентов 1–5 курсов экономических вузов. Всего було задействовано 604 студентов. Экспериментальная работа предвидела повышение эфективности формирования толерантности студентов, что характеризует уровень теоретических и практических знаний, проведение педагогического наблюдения с использованием методической и консультативной помощи. Исследование включало несколько специальных исследовательских методов, таких как традиционные (беседы, дискусии диспуты, конференции, обзор периодической прессы, встречи с интересными людьми, посещение мест исторических событий, участие в обществах, кружках, секциях), так и нетрадиционные методы роботы (тестирование, метод открытой трибуни, кейс-метод, интелектуальные аукционы, ситуационно-ролевые, деловые игри, правовой ринг, пресс-конференции и другие).

С целью определения качествтолерантности в межнациональной среде студентам були предложены анкети. Рассмотрим понимание студентами категории«толерантность»: терпеливость — 11,50%, сдержанность — 6,42%, доброжелательность — 14,17%, сострадание — 2,94%, выдержка — 5,88%, понимание других — 6,95%, уважение — 18,98%, вежливость — 3,48%, доброта — 2,67%, настойчивость — 2,14%, снисходительность — 2,14%, милосердие — 1,87%, уступчивость — 1,78%, добродушие — 1,60%, коммуникативность — 1,37%, искренность — 1,34%, добродетельность — 1,31%, простота — 1,07%, откровение — 0,80%, воспитаность — 0,80%, другие ответы — 11,50%.

Критерии когнитивного компонента ми определилиспомощью методики «Вопросник для измерения толерантности (В. Магун, М. Жамкочьян, М. Магура)[2]. Всевопросы ориентированы на проявление разных видов толерантности: толерантность относительно изменений общепринятых норм и правил; толерантность по отношению к другимвзглядам (меньшинство); толерантность по отношению к представителям разных национальностей, других культур.

Обобщая педагогическиенаблюдения и данные анкетирования, можно сделатьвывод, что студентынекомпетентныв вопросах толерантности. Они представляли, что толерантность — это категория, котораяотвечает пасивной моральной позиции, содействует формированию только комуникативных отношений. Нечёткость представления студентов о толерантности негативно влияети на их взаимоотношения.

Следующим компонентом структуры толерантности студентов экономического профиля считаем эмоциональный. Взаимодействие человека с окружающим миром сопровождается разными эмоциональными состояниями, вызывающие разнообразные емоциональные реакции. Проблеме эмоций посвящены роботы Л. Выготского, С. Рубинштейна, А. Леонтьева, В. Шадрикова и других.

Степень эмоционального компонента толерантности було определено в «Вопроснике диагностики способностей кэмпатии» (А. Мехрабиан, Н Епштейн)[3]. Эмпатия — сопереживания, сострадание, механизм восприятияипонимания другдруга при общении. Тест-вопросник предусматривает эмоциональное, почтительное реагирование на поведение людей разных национальностей, умение ставить себя на место других. Авторы методики определяют самооценку эмпатийных способностей в жизненных ситуациях, содействуют тождествлению себя с человеком, который находится в сложной ситуации.

Исследование показало, что процент эмпатии 7,0% (42 студента) не способствует доброжелательным взаимоотношениям в профессиональной сфере, достаточный уровень — 21% (127 студентов). Разница между средним 34% (205 студентов) и низким уровнем 38% (229 респондентов) на 7,3% (44 студента) свидетельствует о том, что значительное количество воспитанников может перейти на низкий уровень эмпатии. Ми установили, что уровень эмпатических тенденций у женщин выше, чем у мужчин, что связано с влиянием культурных особенностей.

Развитие толерантности связано с формированием мотивационной сферы личности студента. Мотивация — система мотивов (от лат.moveo — толкаю, двигаю — причина, которая побуждает к действию человека), котораяопределяет конкретные формы деятельности либо поведениячеловека[4]

---

[1] Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика) : сб. науч.-метод. ст. – 2-е изд., стереотип. – М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2003. С. 78–80

[2] Психодиагностика толерантности личности/[под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой]. – М. : Смысл, 2008. – 172 с. Олексюк Л. С. С. 51–59

[3] Там же. С. 72

[4] Психологический словарь/[под. ред. В. Войтка]. – К. : Высшая школа, 1982. С. 97

Критерий мотивационного компонента структуры толерантности студентов экономического профиля ми определили на основе экспресс-вопросника «Индекс толерантности» (Г. Солдатова, О. Кравцова, О. Хухлаев, Л. Шайгерова)[1], где получили такие результаты: высокий уровень формирования желаемых характеристик соответствует 3,6% (22 студента), достаточный — больше, чем треть опрошенных 31,8% (192 студента); средний — 38% (230 студентов); и низкий — 26,6% (160 студентов). Следовательно, толерантность рассматривается не только как моральнаячерта, проявление культуры поведения, но и какфундаментальное качество, которое влияет на мотивацию у всех сферах жизнедеятельности. Вследствии воспитательных воздействий не удалосьдостичьжелаемых результатов.Студенты, проявляябезразличие, не осознали, что толерантность формируется на демократических принципах, которые влияют на развитие доброжелательного сознания, познавательные интересыи общую культуру индивидуальности.

В деятельно-волевому критерию с помощью «Диагностического теста отношений» (Г. Солдатова)[2], мы исследовали индивидуальные качества, которые способствуют необходимости проявления толерантной культуры. Методика основана на межличностных та межнациональных отношений, в основу которых лежит идея о том, что однии те же качества характерны как для себя так и для других людей и могут быть интерпретированы по-разному, позитивные качества своей группы могут восприниматься как негативные для другой.

Таким образом, в деятельно-волевом критерии имеются такие результаты: высокий уровень характерный для 6,4% (38 студентов), достаточный –28,6% (173 студентов), средний — 31,4% (190 студентов); и низкий — 33,6% (203 студента). Из этого следует, что для большинства студентов толерантность не является существенной необходимостью, желанием послужить, угодить, помочь ближнему.

Обобщая этот этап исследования можна сделать выводы о том, что данные показатели выступают основой определения уровней формирования толерантности студентов, где високий — 4,6%, достаточный — 34,6%, средний — 40,9%, а низкий уровень становит — 19,9

Выводы из данного исследования Подтверждая вишесказанное, делаем выводы о том, что используя принципы и методы диагностики, можем определить уровни развития толерантности личности, её ценности, моральные качества, убеждения та идеалы. Нами проведён анализ критериев компонентов толерантности; разсмотрено толерантность как носительидеала, мира, гармонии между людьми. Следовательно, результаты подтверждают, что:

• проблема формирования толерантности студентов в межнациональной среде остаётся актуальнойи требует дальнейшего исследования;

• результаты констатирующего експеримента свидетельствуют о недостаточном формировании толерантного сознания студентов — будущих экономистов;

• традиционные методы формирования толерантностив висшихучебных заведенияхэкономического профиля не эффективны и требуют дальнейшего усовершенствования и соответствующей корекции.

Ряд причин, которые тормозят толерантное развитие студентов, состоит в отсутствии доброжелательных поступков, в их профессиональной подготовке, в нежелании признавать свободу и права тех, кто думает по-другому. В следствии этого возникает необходимость целенаправленного формирования толерантности студентов на этапе их профессиональной подготовки. Перспективами дальнейших исследований ми считаем разработку и апробацию педагогических условий для эффективного формирования в учебно-воспитательном процессе толерантного поведения студентов экономического профиля.

Список литературы:

1. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. — 2-е изд., стереотип. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. — 368 с.
2. Психодиагностика толерантности личности/[под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой]. — М.: Смысл, 2008. — 172 с. Олексюк Л. С.
3. Психологический словарь/[под. ред. В. Войтка]. — К.: Высшая школа, 1982. — 126 с.

Anna Palienko
Bohdan Khmelnytsky National University at Cherkasy, post-graduate student
Палиенко Анна Михайловна,
Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, преподаватель

Specific Features of Developing Mediacompetence of Future Journalists

Особенности формирования медиакомпетентности будущих журналистов

Основной целью обучения будущих журналистов является формирование медиакомпетентности, что одновременно предполагает развитие медиаграмотности. Медиакомпетентность и медиаграмотность являются результатом медиаобразования. Под ***медиаграмотностью*** понимается не только запас знаний о СМИ, но также навыки и умения их применения на практике при обработке информации. Таким образом, задача медиаграмотности состоит в трансформации медиапотребления в творческий и критический процесс[3].

---

[1] Психодиагностика толерантности личности/[под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой]. – М. : Смысл, 2008. – 172 с. Олексюк Л. С. С. 46–51

[2] Там же С. 137

[3] Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М. Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 203.

Показателями уровня сформированности медиакомпетентности (а значит и медиаграмотности) являются[1]:

1) мотивационный (мотивы контакта с медиатекстами: тематические, гносеологические, психологические, интеллектуальные, эстетические, и др.);

2) контактный (частота общения с медиатекстами);

3) информационный (знания терминологии, теории и истории медиакультуры);

4) перцептивный (способности к восприятию медиатекстов);

5) интерпретационный/оценочный (умения интерпретировать, критически анализировать медиатексты);

6) практико-операционный (умения создавать/распространять собственные медиатексты);

7) креативный (наличие творческого начала в различных аспектах деятельности, связанной с медиа).

Специалистами подчеркивается, что большинство пользователей СМИ заблуждаются, считая свой личный каждодневный опыт общения с массмедиа достаточным основанием для того, чтобы понять реальный механизм их функционирования. Концепция медиаграмотности раскрывает иллюзорность этих заблуждений: фрагментарные сведения, не будучи организованными в единую структурированную систему (в данном случае медиаграмотность) не могут служить ключом к пониманию лингвомедийных технологий воздействия на аудиторию. Главный смысл концепции медиаграмотности заключается в выявлении и научной организации тех сведений, которые имеют существенное значение для понимания реального механизма медиавоздействия[2].

В современных условиях становления информационного общества основной единицей развития и реализации медиаграмотности является медиатекст, рамки которого позволяют объединить такие разноплановые и многоуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, Интернет-реклама и прочие виды продукции средств массовой информации. Появившись в 90-х годах XX века в англоязычной научной литературе, термин «медиатекст» быстро распространился как в международных академических кругах, так и в национальных медиадискурсах. Быстрое закрепление концепции медиатекста в научном сознании обусловлено все возрастающим интересом исследователей к изучению проблем медиаречи, особенностей функционирования языка в сфере массовой коммуникации.

В основе концепции медиатекста лежит органичное сочетание единиц вербального и медийного ряда. Это свойство текстов массовой информации подчеркивается, в частности, многими английскими авторами, которые рассматривают *медиатекст* как совокупность вербальних и медийных признаков. Так, исследователь языка СМИ А. Белл отмечает, что «определение медиатекста выходит за рамки традиционного взгляда на текст как на последовательность слов, напечатанных или написанных на бумаге. Понятие медиатекста гораздо шире: оно включает голосовые качества, музыку и звуковые эффекты, визуальные образы — иначе говоря, медиатексты фактически отражают технологии, используемые для их производства и распространения»[3].

Функционально-жанровая принадлежность текста является обязательным параметром типологического описания текстов массовой информации. Систематизация жанров медиаречи представляется довольно сложной, что объясняется самим определением жанра как исторически сложившегося внутреннего подразделения во всех видах искусства. Сегодня в сфере массовой коммуникации динамика речеупотребления настолько активна, что происходит постоянное жанровое движение, лишающее данную единицу необходимого признака устойчивости. На фоне общего многообразия существующих подходов к возможностям функционально-жанрового описания текстов массовой информации классификация, разработанная в рамках теории медиалингвистики, позволяет гибко сочетать устойчивую структуру с бесконечным разнообразием и подвижностью реального текстового материала. Данная классификация выделяет четыре основных *типа медиатекстов*[4]*: а) новости; б) информационная аналитика и комментарий; в) тексты-очерки или тематические материалы, обозначаемые английским термином features*; д) реклама].

Исследователями утверждается, что полисемия текстов, распространяемых СМИ, является необходимым условием и гарантом их популярности, а, следовательно, структурообразующим атрибутом и новых масс медиа, рассчитанных на медиакультуру. В зависимости от объема полисемии тексты классифицируются как открытые для новых интерпретаций и закрытые. К первым относятся «мягкие» новости, сериалы и развлекательные передачи. Ко вторым — «твердые» новости. «Мягкие» новости содержат информацию, которая может выражать авторскую индивидуальность и в выборе событий, и в форме изложения. «Твердые» новости основываются на достоверной информации о событиях и фактах реальности. Они излагаются в строгом стиле и не допускают субъективных мнений и оценок[5].

Содержание новостных сообщений соотносится также с определенными тематическими блоками или устойчивыми медиатопиками (политикой, бизнесом, культурой, образованием, спортом), которые в свою очередь подразделяются на более мелкие тематические единицы. Существенным параметром типологического описания медиатекстов является содержательная характеристика текста, которая позволяет выделить его тематическую доминанту, или принадлежность к одной из устойчивых, регулярно освещаемых СМИ тем — медиатопику. Анализ содержательной стороны информационного потока демонстрирует наличие устойчивых тематических структур, вокруг которых естественно организуются все тексты массовой информации, или медиаконтент. Для изучения текстов массовой информации применяется весь спектр методов текстовой

---

[1] Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог. Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та. 2010. С. 34.

[2] Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М. Эдиториал УРСС. 2005. С. 263.

[3] Bell A. Approaches to Media Discourse. London. Blackwell. 1996. P. 3.

[4] Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М. Изд-во Моск. ун-та. 2004. С. 328–329.

[5] Там же.

обработки: от традиционных методов системного и контент-анализа до логического, эмпирического, социолингвистического и сравнительно-культурологического описания. Среди наиболее распространённых ***методов*** можно выделить следующие[1]:

• метод контент-анализа — социолого-статистический метод анализа содержания (определение категории медиатекста, систематизация фактов, выводы о типах повествования, символах, языках, формах и т. д., а также о том, как часто проявляются те или иные факторы, например, стереотипы в сюжете);

• метод дискурсивного анализа — изучение способов производства, распространения и восприятия текстов массовой информации;

• лингвистические методы (в частности, методы социолингвистики, функциональной лингвистики, риторической критики и прагматики);

• методы историко-культурологического и культуро-сопоставительного характера.

Таким образом, методы изучения медиатекстов носят интегративный характер, что отражает саму сущность текстов массовой информации как сложного, многоуровневого и многомерного явления.

Из вышеупомянутых методов текстовой обработки наиболее частотным является метод контент-анализа. По мнению Л. М. Земляновой, реализация этого метода предполагает прохождение шести ***стадий***: 1) определение целей; 2) унификация; 3) апробирование; 4) кодирование; 5) выведение заключений; 6) обоснование выводов. Отчеты о контент-анализах используются в различных исследованиях и часто публикуются на страницах специализированных журналов. Данные контент-анализов позволяют выявить роль СМИ в формировании вкусов, интересов и мнений различных социальных слоев и возрастных групп и их отношение к тем или иным тенденциям в торговле, экономике, политике, образовании и культуре. Пристальное внимание уделяется также участию населения в избирательных кампаниях и роли СМИ в развертывании и результатах таких кампаний. В выводах журналистам советуют, каким образом они должны обращаться с различными типами информации, чтобы избежать нежелательных «эффектов бумеранга», которые могут возникнуть из-за некорректной рекламы, непроверенных данных или сенсационных слухов[2].

Контент-анализы помогают улучшить содержание и форматные возможности информации, передаваемой по различным каналам масс медиа, а тем самым они способствуют выбору наиболее эффективных средств и путей журналистской деятельности. Применительно к текстам массовой информации метод контент-анализа позволяет определить такие важные с точки зрения медиалингвистики моменты как, например, частотные единицы тематически связанной лексики, устойчивые коллокации, наиболее распространенные способы ссылки на источники информации, приоритетные топики новостных текстов и т.д[3].

Таким образом, формирование профессиональной медиакомпетентности будущих журналистов предполагает развитие медиаобразования и медиаграмотности, высокого уровня которых можно достичь, работая с медиатекстами.

Olga Plavutska, Ternopil V. Hnatiuk National Pedagogical University
Assistant professor, Foreign Language Department

Creating spiritual ideal at foreign language classes in Ukraine

Do the modern life realities coincide with Ukrainian soul ideal? We will try to answer this question in this article.

Ukrainians are inclined to spiritual development according to their mentality. In general they need high ideals, values, 'the law of heart' prevails over rational attitude to life, transcendental way of thinking rises over materialistic outlook. Apriori the spirituality of Ukrainians is cordiocentric, deep, warm, hearty. Investigations in ethnopsychology outline exactly these qualities, which became the national qualities of Ukrainian community.

Ethnopsychological determinants of Ukrainian spirituality are explained by geopolitical location, emotionality of the nation, cordiocentricity and deep religiosity. Most systematically the ethnopsychological determinants of Ukrainian spirituality have been studied by T. Dlinna, A. Kolodnyi, O. Kulchytskyi, V. Ianiv and L. Phylypovych etc. Taking into consideration the works of these authors we have analysed the ethnopsychological features of Ukrainian nation and relevant characteristics of Ukrainian religiosity.

Geopolitical location of Ukraine formed a feeling of insecurity. That's why the search for transcendentality created preconditions for the development of the ideas of Christianity. Hard life forced Ukrainians to look for the values higher than material life. As a result the sense of their life becomes not life, not worries about it, but the ideal higher than this.

Apparently, the conservatism of Ukrainians created peculiar circumstances for the deep religious roots, its colorful routine, explaining religion as a system essential factors of life, giving the dominating role to it. Introversity mystified the religious sphere, created the cult of the spirit, illusionism and idealization of life, and thus, transmitting of religion into the sphere of individual, internal spirituality, orientation of customs and traditions on house, family.

An important feature is of Ukrainians is prevailing the sensual origin over mind and will. It conditions acceptance of God as inner law, according to which one should live. A Ukrainian trusts himself and his will to God, that's why humbly accepts all the sufferings[4].

But nowadays the spiritual state of Ukrainians faces huge crisis. The preconditions of such a state are historical, social, economical etc. The society today experiences the consequences of 70 years influence of communist ideology. Completely different from Ukrainian Soul ideal values were forcefully embedded and the result is that it shook spiritual orientation of great number of people. Though young people are free from the straight influence of communist ideology, they live in time when old values have been destroyed and new ones haven't been formed yet. This fact causes the situation of spiritual vacuum and emptiness, which covers also the sphere of education.

---

[1] Добросклонская Т. Г. Системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. М. Флинта. 2008. С. 38–44.

[2] Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М. Изд-во Моск. ун-та. 2004. С. 80–81.

[3] Там же.

[4] Vashchenko H. An ideal of education/H. Vashchenko. – Poltava: Poltava Journal, 1994. – 191p.

V. Suhomlynskyi was concerned that the main conscience encourager in communist system was the communist ideal, and it was the source of spirituality. That's why the education now has to think what to put at the empty place of lost ideal.

Special attention should be paid to the humanity subjects, as their potential is not completely revealed. In the following exercises we demonstrate the application of educational aksiology at classes of English as a foreign language.

DOES EVIL EXIST?

Did God create everything that exists? Does evil exist? Did God create evil?

A University professor at a well known institution of higher learning challenged his students with this question. "Did God create everything that exists?" A student bravely replied, "Yes he did!"

"God created everything?" The professor asked.

"Yes sir, he certainly did," the student replied.

The professor answered, "If God created everything; then God created evil. And, since evil exists, and according to the principal that our works define who we are, then we can assume God is evil."

The student became quiet and did not come up against the professor's hypothetical definition, though he didn't go along with it. The professor, quite pleased with himself, boasted to the students that he had ruled out that the Christian faith was a myth.

Another student didn't come down to professor's opinion, he raised his hand and said, "May I ask you a question, professor?"

"Of course", replied the professor.

The student stood up and asked, "Professor, does cold exist?"

"What kind of question is this? Of course it exists. Have you never been cold?" The other students snickered at the young man's question.

The young man replied, "In fact sir, cold does not exist. According to the laws of physics, what we consider cold is in reality the absence of heat. Every body or object is susceptible to study when it has or transmits energy, and heat is what makes a body or matter have or transmit energy. Absolute zero (-460 F) is the total absence of heat; and all matter becomes inert and incapable of reaction at that temperature. Cold does not exist. We have created this word to describe how we feel if we have no heat."

The student went on, "Professor, does darkness exist?"

The professor responded, "Of course it does."

The student replied, "Once again you are wrong sir, darkness does not exist either. Darkness is in reality the absence of light. Light we can study, but not darkness. In fact, we can use Newton's prism to break white light into many colors and study the various wavelengths of each color. You cannot measure darkness. A simple ray of light can break into a world of darkness and illuminate it. How can you know how dark a certain space is? You measure the amount of light present. Isn't this correct? Darkness is a term used by man to describe what happens when there is no light present."

Finally the young man asked the professor, "Sir, does evil exist?" This question brought about the professor's uncertainty, but still, he responded, "Of course, as I have already said. We see it every day. It is in the daily examples of man's inhumanity to man. It is in the multitude of crime and violence everywhere in the world. These manifestations are nothing else but evil.

To this the student replied, "Evil does not exist, sir, or at least it does not exist unto itself. What lies behind this logic is that evil is simply the absence of God. It is just like darkness and cold, a word that man has created to describe the absence of God. God did not create evil. Evil is the result of what happens when man does not have God's love present in his heart. It's like the cold that comes when there is no heat, or the darkness that comes when there is no light."

The professor sat down[1].

(Unknown author)

VOCABULARY SECTION

I. Give Ukrainian equivalents to the following:

to challenge
to reply
certainly
evil
according to
to define
to assume
hypothetical definition
to be pleased with something./somebody
to boast of/about
Christian faith
myth
to raise
to snicker
to consider
matter
inert
incapable (of)

[1] T. Lavriienko, 2012. The Secret of Happiness: reference book for home reading/T. Lavriienko, O. Plavutska. -- Ternopil, Ternopil V. Hnatiuk National University Press, -- 70 p.

to respond
to measure
various
amount
inhumanity
multitude
crime and violence
manifestation
darkness
at least

I. Translate the sentences using the words from the Vocabulary Section.

1. Прояви милосердя, терпимості, великодушності, тактовності і делікатності дають відсіч *проявам* нелюдяності.
2. Справжня влада — *чутлива до* людських інтересів.
3. *Християнська віра* веде до відкритості і миру.
4. Наша *справа* — зберегти любов.
5. Радій, чинячи добро, але не *хвалися* цим.
6. Жак Філіп *визначає* свободу як вміння ні до чого не прив'язуватися.
7. Жодна дитина не народжується *злою*.
8. Коли в моєму серці погасне вогонь любові, тоді багато інших ходитимуть у *темряві*.
9. Хмари закривають сонце, а *велика кількість* слів затьмарює душу.
10. Хто любить усіх, має любити кожного. І хто виключає *принаймні* одну людину зі свого серця, виключає всіх людей, тому що всі (як особи) мають ту саму гідність і отже, те саме право їх любити.

III. Translate the quotes, choose the one you liked the most and give your comments on it.

1. No man chooses evil because it is evil; he only mistakes it for happiness.
2. The only thing necessary for the triumph of evil is for good men to do nothing.
3. The small man thinks that small acts of goodness are of no benefit, and does not do them; and that small deeds of evil do no harm, and does not refrain from them. Hence, his wickedness becomes so great that it cannot be concealed, and his guilt so great that it cannot be pardoned (Confucius).
4. Love is the medicine of all moral evil. By it the world is to be cured of sin.
5. Conquer thy own evils before you judge others.
6. If we blame God for evil, shall we blame the sun for darkness?

IV. Study the phrasal verb *to bring:*

bring about — *to cause something to happen*	'The 1960s youth movement brought about a change in American culture and politics.'
bring around — *to change a view in someone's view or opinion*	'I used to eat meat meat until I saw a TV show on vegetarianism which really brought me around.'
bring back — *to take back or return something:*	'They should bring back smoking in bars. I hate going outside to smoke.'
bring down — *to fall or collapse*	'The Berlin Wall was brought down in 1989.'
bring off — *to succeed at something difficult/to accomplish something that seemed impossible*	'I can't believe your wife let you come with us. How did you bring that off?'
bring on — very similar to ***bring about*** mentioned above. *To cause something to appear*	'The strong smell of flowers brought on sneezing from her. She's allergic to them.'
bring out — *to come out/release*	'My favourite author is bringing out a new book next month.'
bring out (2) — *to stress or to highlight something:*	That make-up really brings out your eyes.'
bring to — *to revive consciousness*	'The doctor used a strong smelling salts to bring to the boxer after he had been knocked out.'
bring up — *to mention*	'I'd like to bring up an important point at tomorrow's meeting.'
bring up (2) — *to raise children or animals*	'He was mostly brought up by his mother as his father worked abroad a lot.'

V. Fill the gaps using the phrasal verb *to bring:*

1. 'I was born in Vietnam, but I was …… in America.'
2. 'The footballer was …… by a kick from his opponent.'
3. 'Can you ……the book I lent you tomorrow?'
4. The professor …… the issue of God's love at his lecture.
5. You managed to do everything in time. How did you ……?
6. I thought she's very unkind person, but her behavior really ……..
7. This shampoo really …… your hair.

VI. Study the phrasal verbs from the text:

Come up against — encounter or deal with (a difficult situation)
Go along with — agree to smbd's opinion
Rule out — decide that smth is impossible
Come down to — be influenced by smb's opinion
Go on — continue doing smth
Bring about — make smth happen
Lie behind — is the real reason for

VII. Fill the gaps with the phrasal verbs from the text:

1. I'm doing a research project on the psychology of ageing but I ……. a few problems.
2. In happy families husband and wife usually …… with each other.
3. They are just frightening you. Don't …… what they say. Everything will be ok.
4. You are working hard to achieve your goal. …… whatever happens.
5. I don't know what ……. Mr. Smith's attack on me.
6. A new airport ……. a lot of changes on this island.
7. The boss still hasn't ……. the possibility that the documents were stolen.

VIII. Answer the questions.

1. With what question did a University professor challenge his students? What was their answer?
2. Why did a professor assume that God is evil?
3. What was the first student's reaction to professor's speech?
4. According to another student's statement, "We have created this word to describe how we feel if we have no heat." What word is this?
5. What term is used by man to describe what happens when there is no light present?
6. How did a professor feel after the student's last question? What were his proofs of the existence of evil?
7. Define evil according to the student's arguments.

IX. Role-play.

Dramatize the following situation using the active vocabulary.
Ask Albert Einstein why he had so much trouble in school.

References:

1. T. Lavriienko, 2012. The Secret of Happiness: reference book for home reading/T. Lavriienko, O. Plavutska. — Ternopil, Ternopil V. Hnatiuk National University Press, — 70 p.
2. Purpel, David E. Reflections on the moral and spiritual crisis in education. — Peter Lang. — New York, 2004. — 298 p.
3. Vashchenko H. An ideal of education/H. Vashchenko. — Poltava: Poltava Journal, 1994. — 191p.

Liudmila N. Polunina, Tula Leo Tostoy State Pedagogical University
PhD in Pedagogy, associate professor

Полунина Людмила Николаевна, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
доцент кафедры иностранных языков

The Idea of Modernization in Western Educational Discourse in the Second Half of the 20th Century

Идея модернизации в западном образовательном дискурсе второй половины XX века

Вторая мировая война стала тем эпохальным событием, которое предопределило радикальную модернизацию всех цивилизационных институтов западного мира. Идея обновления и прогресса требовала нового мощного ресурса, который Г. С. Беккер назвал «человеческим капиталом» и который стал конкурентным преимуществом стран, сражающихся за мировое первенство. Экспоненциальное возрастание ценности нематериальных активов — нового знания, научных и технологических достижений, уровня образованности — заставило политиков, ученых, педагогов обратить взгляды к молодому поколению, как потенциальному локомотиву модернизации.

Начиная с 50-х годов XX века, в западном дискурсе доминируют психологические и социологические концепции молодежи, сформировавшиеся под влиянием философских взглядов Э. Шпрангера, Э. Эриксона, А. Гелена, Х. Шельски, Ш. Эйзенштадта и их последователей. Рассматривая молодое поколение как важнейшую ступень в общественном воспроизводстве, а его мировоззрение и образ жизни как существенные факторы, влияющие на развитие всего общества, социология молодежи теоретически обосновала роль юношества в социальном прогрессе. Научный и политический интерес к молодежи был обусловлен также тем, что в результате послевоенного демографического взрыва, а также за счет относительной демократизации социального состава студенчества в развитых странах резко возросло количество студентов. Их численность увеличилась более чем в 2 раза и достигла 259 тыс. человек в Великобритании, более 7 млн. человек в США, около 600 тыс. человек во Франции, около 500 тыс. человек в ФРГ. Важнейшей задачей этих государств стало образование и воспитание молодого поколения.

Однако в Британии значительное количество молодых людей предпочло учебе работу. Во многом этому способствовала благоприятная конъюнктура рынка труда, сложившаяся после войны. Возросшая потребность в рабочей силе позволила достичь практически полной занятости трудоспособной молодежи во всех регионах страны. Экономическая стабилизация, рост доходов рабочей молодежи способствовали распространению в молодежной среде эпикурейской идеологии. На этот же период приходится распространение массового телевидения, сыгравшего поистине революционную роль в эволюции молодежного мировоззрения. Видный британский социолог и культуролог Р. Хоггарт в своем исследовании «О пользе грамотности: Некоторые стороны жизни английского рабочего класса» обратился к проблеме падения общей культуры в британском обществе, обращая особое внимание на предпочтение, отдаваемое молодежью худшим образцам массовой культуры, многие из которых были заимствованы в Соединенных Штатах[1].

В послевоенной западной Германии именно на молодежь возлагались надежды на обновление общества, связанные с верой в «возрождение, одухотворенное юношеской энергией». Однако в молодежной среде царили неприятие политики, духовное опустошение, «тихая революция» ценностных ориентаций, дрейфовавших в сторону правого радикализма. Такое мироотношение было во многом спровоцировано завышенными ожиданиями старшего поколения, противоречившими реалиям молодежного этоса. Показательна в этом отношении книга Гельмута Шельски «Поколение скептиков», в которой он пишет: «Далекая от романтического настроя молодежного движения и от идеологизированности времен нацизма, она (молодежь) демонстрирует здоровый скепсис. Образ мыслей и поведение ее представителей нацелены на практическое, конкретное, понятное, на интересы самоутверждения и самореализации»[2].

Скептицизм был во многом обусловлен исчезновением национальной идеи, служившей прочной опорой воспитания молодежи на различных этапах исторического развития Германии. В послевоенный период речь шла даже не столько о ревизии традиций с целью их переоценки, а скорее о принципиальном отказе от них, поскольку традиции эти были из прошлого страны, с которым большая часть молодых людей стремилась расстаться. Не менее деструктивным, с точки зрения политиков и социологов, было «отсутствие у молодежи готовности принимать на себя обязательства». Особенно ярко эти тенденции проявлялись в среде студенческой молодежи. Рост числа студентов в сочетании с неопределенностью идеологических ориентиров, приводившей к манифестации левого радикализма и анархизма, стал предвестником студенческого протестного движения, охватившего мир в конце 60-х годов.

В настроениях американской молодежи с окончанием Второй мировой войны обозначились две противоположные тенденции. С одной стороны, в обществе вновь заговорили о «потерянном поколении» со свойственными ему аполитичностью, конформизмом и тягой к удовольствиям. С другой стороны, под флагом борьбы за гражданскую справедливость и противостояния буржуазному обществу потребления набирало силу студенческое движение. «Повзрослевшее» послевоенное студенчество, ряды которого пополнили сотни тысяч ветеранов войны — выходцев из самых разных социальных слоев, претендовало на полноправное участие в общественно-политической жизни страны. В эпоху маккартизма «воспитание моральной силы и характера, пропаганда ценностей американского общества», в понимании администрации Г. Трумэна, стали главными идеологическими ориентирами в работе с молодежью. Борьба с коммунистической угрозой привела к пересмотру школьных и университетских учебных планов, к введению в программы обучения «курсов о коммунизме», к тотальному контролю государства над осуществляемыми в стране программами по воспитанию школьников и студентов.

В этот период в среде интеллигенции и студенческой молодежи появились первые ростки недовольства царившей в американском обществе атмосферой. Критический взгляд на насаждавшиеся буржуазные ценности и образ жизни, исчерпанность бывших когда-то привлекательными идеалов, отторжение массовой культуры вылились в своеобразную «внутреннюю эмиграцию» и привели к распространению контркультурных молодежных групп, образовавших аполитичный фронт молодежного протеста 60-х гг. Активная часть студенчества, молодые радикалы, борцы за гражданские права афроамериканцев, сформировавшие собственную идеологию бунта на основе смешения различных философских идей — от экзистенциализма до марксизма, — составили его политическое крыло[3].

Особое раздражение молодежи вызывали казавшиеся непреодолимыми социальные проблемы: возрастная дискриминация при трудоустройстве и в оплате труда, трудности в получении профессиональной подготовки, косность образовательных систем, высокая плата за обучение в высших учебных заведениях, отсутствие равенства шансов при доступе к образованию. На этом социально-политическом фоне в большинстве развитых стран началась масштабная модернизация образовательных систем.

Кризис образовательной системы в США проявился не только в студенческих волнениях, но и том, что стране стало не хватать образованных граждан, способных обеспечить эффективное развитие экономики на новом этапе технологического прогресса. Один из критиков существовавшей тогда образовательной системы М. Либерман в своей работе «Будущее государственного образования» писал, что в течение ближайших нескольких десятилетий американское образование ждут кардинальные изменения, касающиеся подготовки учителей, их профессиональной этики и взаимоотношений с учащимися, родителями, местными сообществами и органами управления образованием[4]. Его предсказания сбылись гораздо раньше — в течение 60-х годов.

Сокращение числа учителей, беспрецедентный рост количества студентов в колледжах и университетах, технологический прорыв Советского Союза, запустившего первый искусственный спутник, заставили правительство Эйзенхауэра принять Закон о защите национального образования, который предусматривал значительное усиление влияния федерального центра на формирование образовательной политики. Одним из первых шагов администрации Кеннеди стало выделение средств на повышение заработной платы учителей и поддержку Национальной Ассоциации образования. Впоследствии значительный объем финансирования был направлен на все уровни образовательной системы для обновления школ, школьных библиотек,

---

[1] Hoggart, R. The Uses of Literacy: Aspects of Working-Class Life. Penguin Modern Classics. 2009. 370 p.

[2] Schelsky, H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der Deutschen Jugend. 4. Aufl. Dusseldorf. 1960. S. 488.

[3] Collier, P. Destructive Generation: Second Thoughts About the Sixties. Encounter Books. 2005. 400 p.

[4] Lieberman, M. Future of Public Education. University of Chicago Press. 1962. 303 p.

лабораторий. Впервые прозвучала концепция инклюзивного образования, предполагавшая вовлечение в образовательную систему различного контингента учащихся: от детей из неблагополучных семей до взрослых, эмигрантов, учащихся с особыми образовательными потребностями. Революционной для американской образовательной системы стала концепция десегрегации образования от школы до университета и ее реализация.

В течение 60-х годов бурно развивался сектор высшего образования. Многие исследовательские университеты США усилили свои позиции за счет привлечения одаренных студентов и ученых из различных регионов страны. В течение одного только 1967 года с США были открыты 130 новых колледжей. Выступления студентов за демократизацию высшей школы, снижение платы за обучение, предоставление учащейся молодежи более широких прав в управлении университетами, отмену диктата крупных корпораций и военно-промышленного комплекса в формировании образовательной политики не прошли бесследно. Законом о высшем образовании от 1965 г. была инициирована университетская реформа, главная цель которой состояла «в наращивании образовательного потенциала колледжей и университетов, а также в обеспечении материальной поддержки студентов в период получения послесреднего и высшего образования». В результате принятия закона возросли федеральные финансовые дотации вузам, были созданы стипендиальные фонды, введена в действие система студенческих ссуд.

В Германии развивающееся рыночное общество, уже почувствовавшее первые результаты «немецкого экономического чуда», требовало полномасштабной реформы образовательной системы с целью обеспечения конкурентоспособности немецкой экономики на международных рынках. Отправным моментом для планирования нового этапа реформ стал доклад Конференции министров образования, подготовленный на основе документа Организации по экономическому сотрудничеству и развитию «Экономический рост и совершенствование образования». В этом докладе впервые идет речь о приоритетности развития полного среднего и высшего образования через расширение сети реальных школ, гимназий и высших учебных заведений, вводятся в образовательный дискурс такие понятия как «интеллектуальный резерв», «воспитание элиты», «экспансия образования». Модернизация образования вызвала необычайно интенсивную полемику не только в кругах специалистов, но и широкий общественный резонанс, достигший своей кульминации в дискуссии относительно серии статей философа Г. Пихта «Катастрофа немецкого образования»[1].

Долгосрочный план реформирования образовательной системы ФРГ разрабатывался для преодоления «школьного хаоса», расширения доступа к различным ступеням образования, возвращения престижа немецким университетам, реализации их исследовательского потенциала. План был представлен в марте 1964 года на Конференции министров образования и содержал следующие стратегические направления:

«— повышение общего образовательного уровня молодежи на основе постоянно совершенствуемого школьного образования;

— рост числа выпускников с полным средним образованием, получаемым в различных учебных заведениях;

— максимально полное развитие способностей каждого учащегося в процессе образования;

— предоставление каждому учащемуся возможности выбирать образовательный маршрут в соответствии с его склонностями и способностями; обеспечение необходимого педагогического сопровождения;

— устранение барьеров между различными типами школ (например, горизонтальная, а не вертикальная структура школьного образования);

— создание новых форм продолженного образования»[2].

Много позже, оценивая реформы образования 60-х годов, их активный участник, видный немецкий социолог и политик Л. фон Фридебург писал: «С этими реформами были связаны далеко идущие надежды на то, что изменить общество, привнести в него больше демократии можно через школу, которая, таким образом, как бы преодолевала свои традиционные границы»[3].

Политика образовательной экспансии подразумевала постоянный рост числа граждан, имеющих возможность учиться дольше, чем предшествующие поколения, получать общее и полное среднее образование, а также продолжать обучение с целью получения квалификации. Сверхзадача состояла в том, чтобы в корне изменить традиционный характер национальной образовательной системы, символом которой на протяжении многих лет была, по определению Р. Дарендорфа, «девочка-провинциалка из католической рабочей семьи», олицетворявшая не только средний образовательный уровень большинства западных немцев, но и все возможные препятствия на их пути к достойному образованию. С течением времени педагогическая по своей сути концепция развития образования приобрела социально-политическое звучание. Образование стало рассматриваться в большей степени как инструмент и двигатель экономического роста, конкурентное преимущество страны, а для ее граждан выступало в качестве социального лифта.

В Британии активно обсуждались не только вопросы образования, но и проблемы воспитания подрастающего поколения. Для решения вопросов, связанных с реформой Молодежной службы, правительством была создана специальная комиссия, которая представила в 1960 г. доклад о перспективах работы с молодежью на ближайшие 10 лет. В докладе был представлен внушительный список рекомендаций Министерству образования и местным органам власти по реорганизации Молодежной службы и повышению эффективности ее работы. Основные рекомендации касались обеспечения доступности Молодежной службы для всех молодых людей в возрасте от 14 до 20 лет включительно; передачи работы с молодежью в непосредственное ведение местных органов просвещения; организации профессиональной подготовки специалистов по работе с молодежью и существенное увеличение их численности; развития тесной кооперации между Службой и добровольными молодежными объединениями, а также аккумулирования информации и исследований о молодежи, находящейся в группах риска[4].

---

[1] Picht, G. Die deutsche Bildungskatastrophe. Analyse und Dokumentation. Freiburg im Breisgau. 1964. 247 S.

[2] Handbuch der deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 6. 1945 bis zur Gegenwart/Hrsg. von Ch. Führ, C.-L. Furck. Teilbd. 1. Bundesrepublik Deutschland. München, 1998. S. 15.

[3] Friedeburg, L. v. Bildungsreform in Deutschland. Geschichte und gesellschaftlicher Widerspruch. Frankfurt a/M. 1989. S. 454.

[4] Ministry of Education. The Youth Service in England and Wales (The Albemarle Report). L.: HMSO. 1960.

В 1963 году правительству был представлен доклад Дж. Ньюсома о развитии Закона об образовании 1944 года. Важнейшие поправки, принятые на основании доклада, касались следующих аспектов:

— на 1 год увеличивалась продолжительность школьного обучения (возраст окончания средней школы повышался до 16 лет);

— регулировалось преподавание религии и вводилось половое просвещение для старших школьников;

— обеспечивалась преемственность программ школьного и продолженного образования;

— укреплялись связи школы со службами трудоустройства, учреждениями среднего профессионального образования и молодежной службой;

— предусматривалось совершенствование подготовки учителей.

В 1964 году вступил в силу новый Закон об образовании, который включил в себя приведенные рекомендации и стал «наиболее согласованным документом в образовательной сфере за весь послевоенный период»[1]. Одним из важнейших вопросов было преобразование селективной школьной системы в общеобразовательную, обеспечивающую равные шансы на обучение.

Значительные реформы прошли в секторе британского высшего образования, поскольку правительство серьезно беспокоил тот факт, что Соединенное Королевство уступало другим развитым странам по показателю процентного соотношения студентов вузов к общей численности населения (6% в 1963 г.)[2]. В октябре 1963 года правительством был одобрен доклад комиссии по высшему образованию с рекомендациями о развитии университетского сектора через придание статуса университетов технологическим колледжам и через строительство новых вузов. Впоследствии в соответствии с докладом в Британии были открыты 17 университетов.

Модернизация образования, начатая развитыми странами Запада в 60-е годы и продолжающаяся по сей день, по масштабу и значимости сопоставима с преобразованиями предыдущего столетия, в результате которых произошло институциональное оформление национальных образовательных систем. Реформы позволили им постепенно освободиться от плена стеснявших их традиционалистских представлений и развиваться в русле концепции «общества знания», сформировавшейся в образовательном дискурсе второй половины XX века.

Press Irina, National mineral resources university (Mining university), St. Petersburg, Russia, head of methodic department of learning-methodical management PhD in chemistry, associate professor, professor of The Russian Academy of Natural History

Пресс Ирина Александровна, ФГБОУ ВПО «Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», доцент кафедры Общей и физической химии

High school lecture during an era of changes: traditions and innovations

Вузовская лекция в эпоху перемен: традиции и инновации

Формирующееся ныне информационное общество требует принципиально нового подхода к образовательному процессу. Время диктует необходимость трансформации информационно-репродуктивного обучения в обучение проблемно-методологическое, практико-ориентированное.

Несовершенство традиционной («знаниевой») концепции обучения, господствующей до недавних пор в сфере образования, заложено уже в самой трактовке понятия «знание», полагающей, что знание может быть объектом передачи от обучающего к обучаемому. В свете этой концепции деятельность педагога сводится к прямой ретрансляции готового знания.

Напротив, знания, приобретенные человеком самостоятельно, в результате затраченных им интеллектуальных усилий, преодоления определенных интеллектуальных барьеров и препятствий, в буквальном смысле добытые своим собственным трудом, составляют фундамент его образования, являются базисом для последующего интеллектуального самосовершенствования, профессионального роста, становления и развития как личности.

Знаниевая парадигма постепенно уступает свои позиции развивающей практико-ориентированной парадигме, которая базируется на компетентностном подходе к процессу обучения. Результатом и основным критерием качества и эффективности образовательной деятельности становится компетентность выпускников образовательных учреждений.

Современные принципы организации учебного процессе в вузе сопряжены с необходимостью смещения акцента с заучивания учебной информации на ее активный поиск, на развитие инициативы, творчества и личной ответственности студентов за результаты своей учебной работы. Одним из наиболее важных условий такой организации учебного процесса является рациональное управление учебной деятельностью студента со стороны преподавателя и специально разработанные средства обучения.

Учебный процесс необходимо коренным образом модифицировать. И в первую очередь это касается вузовской лекции. Введение новых образовательных стандартов обозначило явную тенденцию к уменьшению лекционных часов в пользу самостоятельной работы. Это предъявляет к лекции существенно более жесткие требования, прежде всего в плане ее информативности, эффективности и результативности.

Четкого ответа на вопрос, какой должна быть лекция XXI века, века интеграции знаний, человеческих способностей и общества, академическая общественность пока не предложила. Где главный акцент лекции — на обучение профессии или на развитие способностей к самообучению и самовоспитанию? Не менее важны и вопросы тактического плана: как лекция должна читаться? Что от нее ждет студент? Какую часть программы должна охватывать? Должна ли она быть обязательной для посещения студентом? Нужно ли требовать от студентов обязательного конспектирования лекции? Наконец, нужна ли лекция вообще?

[1] Crook, D. 'The middle school cometh'... and goeth: Alec Clegg and the rise and fall of the English middle school. Education 3–13. 2008. 36(2). P. 120.

[2] Barr, N., Crawford, I. Financing higher education: Answers from the UK. London and New York: Routledge. 2005.

Одно является на сегодняшний день очевидным — лекция должна быть активной формой проведения учебного процесса в вузе. Студенты на лекции должны работать вместе с преподавателем, не только следуя за ходом его мысли, но и учась мыслить самостоятельно.

Уже более 1000 лет лекция является ведущей формой обучения в вузе. Как известно, термин «лекция» (от лат. lectio — чтение) подразумевает систематическое, последовательное изложение учебного материала, какого-либо вопроса, темы, раздела, предмета, методов науки. Технический прогресс неизбежно видоизменяет не только форму чтения лекции, но и ее суть. Технические средства призваны повысить эффективность лекций, их выразительность и уровень педагогического воздействия на аудиторию. Мел и тряпка уходят в историю. Информационно-коммуникационные технологии прочно завоевали свои позиции в учебном процессе вузов. От преподавателей требуется определенная мобильность для адаптации в новых условиях, модифицирующих содержание педагогического труда. Не все преподаватели приветствуют происходящие изменения, отстаивая классический, «академический» стиль чтения лекции. Так происходило всегда. Платон, как известно, считал изобретение письменности катастрофой, ибо «живое слово превратилось в значок на бумаге».

Пассивная форма лекции пришла к нам из средневековья. Те или иные положения, провозглашенные в средние века магистром, считались истиной последней инстанции, а слова «учитель сказал» («magister dixit») пресекали попытку любой дискуссии. Слушать и запоминать (но не творчески мыслить) — вот что требовалось от учащихся. Сегодня такой средневековый подход к проведению учебного процесса в вузе явно устарел. Тем более он явно не сочетаем с нынешним техническим оснащением учебного процесса. Пассивное прослушивание лекции не способно дать необходимый педагогический эффект. Обеспечение интерактивного характера лекции требует разработки и применения особой педагогической технологии активизации познавательной деятельности студентов на лекции. Мудрые слова Конфуция *«Я слушаю и забываю, я вижу и запоминаю, я делаю и понимаю»* дают для этого четкое руководство к действию. Наглядность представленного материала способствует его запоминанию. Предъявление студентам в ходе лекции задач, тестовых заданий, контрольных вопросов повышает степень понимания и практического освоения темы.

При обсуждении новаций в области лекционной работы преподавателя не следует смешивать два принципиально разных аспекта: лекцию (а это продукт педагогического творчества) и современные технические приемы и средства (мультимедийное оборудование, видеоконференц-связь и проч.), позволяющие придать педагогическому продукту большую зрелищность или предоставить лектору возможность одновременного общения со слушателями, находящимися в разных географических точках. Компьютерная техника, программное обеспечение значительным образом расширяют арсенал педагогических средств преподавателя, однако главенствующая, определяющая роль остается за ним. Если степень педагогического творчества, вложенного в лекцию, близка к нулю, то самый технически совершенный формат чтения лекции не даст ожидаемого результата. Напротив, хорошая лекция усиливает свою педагогическую ценность за счет более широких возможностей, предоставляемых техническими средствами визуализации учебной информации.

Создать хорошую лекцию — тяжелый и очень кропотливый труд. Преподаватель — это больше призвание, чем профессия. Но, тем не менее, профессиональная компонента в достаточной степени детерминирована. В профессии преподавателя, как и в любой творческой профессии, есть несколько ступеней ее постижения: «Посредственный учитель рассказывает, хороший учитель объясняет, замечательный учитель показывает, гениальный учитель вдохновляет» (Уильям Артур Уорд).

Первая ступень — уровень ремесла. Преподаватель рассказывает студентам то, что знает. Критерий оценки — знание предмета. Если преподаватель читает заранее заготовленный текст, то он не достиг даже этого начального уровня овладения своей профессией. Трудно представить себе лектора в аудитории, заунывным голосом читающего текст лекции по бумажке, не глядя в глаза студентов. На видеолекции такое чудовищное проявление непрофессионализма — увы, далеко не редкость. Своеобразную техническую «продвинутость» демонстрируют преподаватели, читающие этот текст с экрана монитора…

К хорошей лекции преподавателю необходимо готовиться, ибо знание предмета — это фундамент. Текст лекции рождается из всего объема знаний, из собственной эрудиции, из всего богатства ассоциаций, из свободной импровизации. Лектор обязан в совершенстве владеть своим предметом. Только тогда импровизация станет возможной.

Наряду с предметным содержанием лекции, важнейшим показателем ее качества является эмоциональность и характер речевого воплощения. Лекция строится из речевого потока, из процесса говорения. Хороший лектор — это прежде всего оратор, мастер слова, человек, который любит говорить, конструировать фразы, произносить слова, находить наиболее выразительные речевые решения, умеет завлечь аудиторию любовью к своему предмету и страстностью его изложения. Аудитория должна заряжаться энтузиазмом лектора, его энергий, его интересом. Если же студенты видят скучающее лицо преподавателя, явно обремененного тяжкой необходимостью вещать прописные истины, то перед ними лектор, бесконечно далекий не только от категории гения, но и от категории преподавателя-профессионала. Может ли такая лекция быть интересной студентам, если самому преподавателю она явно в тягость?

Речь лектора должна быть живой, энергичной, одухотворенной, образной, эмоциональной, завораживающей, интонационной окрашенной, доверительной, располагающей к диалогу, но никак не тусклой, вялой, невыразительной, интонационно бедной, а тем более отталкивающей, неприятной для восприятия слушателей (резкой, интонационно-агрессивной или высокомерно-презрительной). В последнем случае слушателям приходится постоянно преодолевать негативность своего восприятия, бороться с нежеланием слушать дальше. Как правило, интереса к содержанию лекции не возникает уже с первых ее минут.

Важную роль играет ритмика речи, правильно построенные паузы, дикция, тембр голоса и жесты лектора, его умение вставлять в лекцию некоторые «лирические отступления», позволяющие студентам передохнуть, эмоционально разрядиться. Подчас речь должна приобретать характер размышлений, а иногда и сомнений. Это создает почву для вовлечения студентов в спор, дискуссию, в активное обсуждение вопроса. Все это работает на создание образа лектора как мыслящего человека, а не звуковоспроизводящего устройства.

Лекция — это живое общение со слушателями, диалог с ними. Каждый отдельный студент должен воспринимать сказанное лектором, как сказанное лично ему. Это и есть основа личностного контакта, именно этим создаются предпосылки для последующего диалога, крайне необходимого для эффективного взаимодействия лектора с аудиторией. Одна из главных коммуникационных задач преподавателя — завладеть вниманием аудитории и удерживать его на протяжении всей лекции.

Постоянное внимание аудитории практически неосуществимо без применения особых приемов по его активизации. К ним, в частности, относятся:

- включение в основной текст изложения конкретных примеров, способных заинтересовать аудиторию,
- чередование изложения и демонстраций иллюстративного материала,
- общение с аудиторией в режиме вопрос-ответ.

Органичность, ощущение внутренней естественности, свобода и раскрепощенность лектора являются важным моментом правильного поведенческого решения лекции. «Зажатый» лектор никогда не найдет контакта с аудиторией. Важнейший элемент внутреннего раскрепощения лектора — открытый и доброжелательный взгляд в глаза студентов, явно демонстрируемое желание общения с ними, стремления рассказать им нечто необыкновенно интересное, что составляет содержание данной учебной дисциплины.

Еще один момент — необходимость конспектирования лекции студентами. Вопрос о конспектировании непосредственно связан с характером самой лекции. Пассивная лекция по сути своей требует обязательного конспектирования — а чем еще на этой лекции можно заниматься??? Лекция превращается в диктант. Скучающее лицо лектора и на одной ноте: «Трением называется …», «Трением называется …», «Трением называется …»… Да покажите Вы, наконец, на реальном практическом примере, что такое трение!

Активная лекция не исключает, а скорее приветствует ведение конспекта. Однако здесь речь идет об осмысленном конспектировании, а записи наиболее существенных, ключевых моментов лекции, по которым впоследствии легко восстановить в памяти ее содержание.

Современный формат чтения лекции подразумевает использование учебных презентаций, выполненных, как правило, в программе PowerPoint. Учебные презентации играют весомую роль в решении ряда педагогических задач, стоящих перед лектором, и позволяют:

- реализовать дидактический принцип наглядности;
- эмоционально окрасить изложение учебного материала;
- структурировать учебный материал для облегчения его восприятия студентами;
- опосредованно управлять работой студента по конспектированию лекции.

Не следует забывать, что презентация — это вспомогательное средство визуализации, но совсем не центральный и главный элемент лекции, где лектору отводится скромная роль комментатора и представителя технического персонала, в обязанность которого входит листание слайдов. Главным действующим лицом на лекции является преподаватель. Слайды презентации поддерживают живое выступление лектора, но не заменяют его. Слайды презентации — своеобразная нотная запись, которую нужно озвучить.

При создании лекционной презентации необходимо помнить о ее роли в решении конкретных педагогических задач. Работа над презентацией должна начинаться не с поиска эффектных картинок, лучшей цветовой гаммы и стиля шрифта (это важно, но вторично), а с решения вопроса о том, какую информацию целесообразно представить на слайде, т. е. с анализа понятийного аппарата дисциплины, с выделения сущности рассматриваемой на лекции темы, ключевых слов, рационального структурирования конкретной учебной информации. Под ключевыми словами понимаются слова, которые вызывают наибольшее число ассоциаций и содержат максимум информации. Каждый слайд, являясь «квантом» учебной информации, должен обладать характером локального педагогического воздействия и попадать точно в цель. На слайде помещается только суть, главное, в максимально краткой форме — то, что должно быть зафиксировано студентом в его конспекте.

Нет никакой необходимости размещать на слайдах большие текстовые массивы. Ведь слайды — это всего лишь фон для живого общения педагога с аудиторией. Опыт показывает, что максимум для усвоения текстовой информации с экрана — около 40 слов на слайд. Педагогическое воздействие лектора, отсутствующим голосом читающего тексты, проецируемые на экран, равно нулю. При наличии громоздких математических формул удобно воспользоваться эффектами анимации, позволяющими представлять на экране постадийный вывод формулы. Необходимы слайды с названиями разделов, тем, новых понятий — это помогает студентам структурировать материал лекции в своем конспекте.

К чисто техническим принципам дизайна слайдов относятся:

- исключение элементов, отвлекающих внимание от главного, удаление всех вспомогательных элементов, без которых можно обойтись без ущерба для содержания;
- читабельность (выбор шрифтов и цветовой гаммы; размер шрифта не менее 30, светлый текст на темном фоне, уровень контрастности >70%);
- обязательность наличия на слайде пустого пространства (не следует заполнять все поле слайда информацией);
- наличие визуальной взаимосвязи всех элементов на слайде, согласованность всех элементов слайда;
- демонстрация иерархии между элементами слайда за счет изменения цвета, размера линий, формы, расположения в пространстве, например, выделение жирным шрифтом, использование заглавных букв, подчеркивания и т. п.;
- сохранение единого стиля во всех слайдах;
- группировка взаимосвязанных элементов на слайде, разнородные элементы требуют отдельной области на слайде или переноса на другой слайд.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что лекция, как базовая форма проведения занятий в вузе, видоизменяется за счет применения технически более совершенных средств сопровождения, однако главным залогом ее качества и результативности был и остается высокий профессионализм педагога, его творческий подход к своему нелегкому труду. Самый совершенный инструментарий не способен обеспечить требуемый результат обучения без должного психолого-педагогического сопровождения. Педагогическая сторона деятельности преподавателя не должна нивелироваться и становиться приложением к технологиям. Это ошибочная тенденция. Необходимость сознательного, активного, творческого отношения педагога к своей профессиональной деятельности подразумевает прежде всего пересмотр отношения к ведущей и системообразующей форме обучения — вузовской лекции.

Rakhimov Atabek
Urgench state University. Al-orezmi, teacher
Рахимов Атабек Каримбоевич
Ургенчский государственный университет им. Аль-орезми, преподаватель

The importance of geographical and geophysical problems in improving the students ' knowledge

Важность географических и геофизических задач в повышении знаний учеников

Данная статья обусловлена необходимостью осмысления проблем преподавания уроков географии. Позиция преподавателя должна быть связана с изменением социально-экономических основ географии, а также в определении ее рол в различных сферах жизни общества. Таким образом, методические ориентации для урока выступают в качестве связующего звена между объективной социальной средой и индивидуальным сознанием педагога с одной стороны, а с другой — между его учениками и их деятельностью.

На уроках географии использование сложных и несложных тематических и технико-экономических задач углубляет знание учащихся. В том числе, развивает логическое мышление, учить их делать выводы. Интересные и конкретные задания на уроках географии развивают умения и навыки, которые, помогают понять естественное и экономическое, географическое процессы, интегративные задания (связанные с физикой, химией и геометрией), дают познавательные знания о прикладной важности географических объектов[1].

Такие методические подходы до сих пор широко не использованы на уроках экономико-социальной и физической географии, по нашему мнению основными причинами в этом случае являются следующие:

- не имеются методические пособия, имеющие отношения подходам к обучению в учебном процессе на уроках географии;
- урок не обеспечен методическими материалами (программными и вспомогательными материалами);
- у учеников не развиты научные навыки по ускорению для правильного решения задач;
- использование методических подходов по запоминанию новых статистических материалов.

Учителя должны заранее подготавливать дополнительные системные задачи по теме. При этом надо учитывать возрастные и индивидуальные особенности учеников.

Например, при изучении темы «Гидросфера» на уроках географии 5 класса задается измерение глубины океана или моря.

Задание:

С эхолота был подан сигнал на дно моря и получен обратный сигнал через 4 секунды. Скорость сигнала воды 1500 м/сек. Определите глубина водоема.

Решение:

1500 × 4 = 6000 м.

Если после отправления в течение 4-х секунд был получен обратный сигнал 6000: 2 = 3000 м.

Ответ: Глубина водоема 3000 м.

При изучении направления горизонта можно решить следующее задание:

Если путешественник направляется по азимуту на 225˚, по какому азимуту он вернется 225˚-180˚=45˚

Это значит что, путешественник обратно направляется на северо-восток по азимуту на 45˚.

На уроках 6 класса можно задать следующие задания.

Задание:

Предгорная температура воздуха + 24˚С, в вершине — 8˚. Температура каждые 100 м. понижается на 0,6˚С. Определите высотность вершины.

Решение:

Определяется амплитуда температуры: +24˚С — (-8˚С) = 32˚С и решается при помощи формулы h = А/0,6 × 100. Здесь h высотность вершины, А амплитуда температуры, 0,6 понижение температуры каждые 100 метров.

Это значит что, h = 32/0,6 × 100 = 53,333 × 100 = 5333

Ответ: 5333 м.

Во время решения таких задач происходит интеграция предметов. В 8-классе можно решить следующие задачи:

ГЭС Чарвак с полной мощностью за год производить 2,5 млрд. кВт/час электроэнергии.

Необходимо вычислить, сколько тонн каменного или бурого угля сэкономит ГЭС за год?

Задание: Для того чтобы произвести 1 кВт/час электроэнергии требуется 300 грамм условного топлива; теплоемкость 1 кг. Каменного угля на 2,5 млрд. кВт/час.

Теплоемкость на 1 кг каменного угля 7000 ккал, 1 кг бурного угля 3000 ккал.

Решение:

1. Вычисляем требующее количество каменного угля на 2,5 млрд. кВт/час электроэнергии;

320 гр. х 2,5 млрд. кВт/час = 800 млрд. грамм = 800 тыс. тонн.

2. Теперь вычисляем расход бурного угля.

800 тысяч т./3000 ккал х 7000 ккал = 1866666,7 = 1,87 млн. тонн.

Задачу на уроках должен решить учитель с участием учеников.

Выше изложенные задания для 8-классников позволяет сделать следующие выводы:

[1] Райтвийр Т.В. Вопросы формирования социальной географии в системе географической науки. Социальная география. Спб., 2004. – 189 с.

— полезность ГЭС по отношению к ТЭС или ГРЭСов;
— экономность горючих материалов ГЭСов;
— не отрицательное влияние окружающей среде ГРЭСов;

Решение таких заданий на уроках позволяет расширить возможности творческих способностей, ускоренное мышление при вычислении факторов, экономическое и экологическое воспитания[1].

Таким образом, решение выше изложенных заданий позволяет оценить физические процессы природы, близость потребителя к территории производства.

Список литературы:

1. Новые статистические методы по решению геофизических задач//География в школе. 2009, № 3. стр. 29–31
2. Райтвийр Т. В. Вопросы формирования социальной географии в системе географической науки. Социальная география. Спб., 2004. — 189 с.

Romanova Y. S.
Saint Petersburg National Mineral Recourses University,
Professor of the department of higher mathematics

The practical techniques of distance learning

Remote forms of education find more and more broad application in an education system. Providing educational services by means of communication at forums is an integral part of process of training, on an equal basis with lectures which can is carried out as well as at an internal meeting of the teachers and the student, and in a videoconference mode. Let's stop on a technique of the organization of a practical training, laboratory works and individual consultations at forums.

Virtual classes can be given in off-line and on-line modes[2]. Each participant of occupation sees all texts of questions and answers of other active participants of a seminar on the screen of the computer's monitor. In forums there is an opportunity to attach files at transmission of messages that is important if we need to use of drawings, the formulas, ready fragments of the text.

It is possible to apply one forum to carrying out all types of occupations, but because of abundance of messages it is more expedient to create some forums before a course. Let's consider in more detail the maintenance of each of them.

1. The forum organization for a practical training

Practical training represents the most widespread type of occupations in higher education institutions and is intended for profound studying of this or that subject and acquisition of skills of the solution of tasks.

It is better to organize the thematic forum on each subject of a course. It will allow participants of educational process to be well-guided in space and time (it is important as occupations can proceed some days) and to supervise questions and answers.

In work on successful mastering by receptions of the solution of tasks on concrete subject it is possible to allocate three stages.

At the first stage students need to preliminary acquaintance with the technique of the solution of tasks by means of electronic editions, such as video lectures, computer simulators and so on. At this stage the standard tasks are offered the pupil. They allow fulfilling the stereotypic receptions which are using at the solution of tasks and realize communication between the received theoretical knowledge and specific problems on which decision they can be directed. It is a stage of independent preparation of the student according to recommendations of the teacher which are published in a forum before 2 weeks to date of the appointed occupation.

For self-checking at this stage it is possible to use tests which not simply state correctness of the answer, but also make detailed explanations if the incorrect answer is chosen; in this case tests carry out not only supervising, but also training function. For the answer to arising questions consultations of the teacher conducting a course are held.

At the second stage of communication of the teacher with pupils generally is conducted with using on-line technologies. Here problems of creative character are considered. It is better if the objective isn't bulky, or will comprise some stages. It is necessary in order that students could find ways of its decision directly during carrying out practical occupation. Such occupations not only form creative thinking, but also develop skills of business discussion of a problem, give the chance to master language of professional communication.

At the third stage the control tasks, allowing checking skills of the solution of specific objectives are carried out. Performance of such tasks can be carried out as off-line and on-line modes depending on the contents, volume and degree of its importance. After each control task it is expedient to hold consultation with use of network means or under the leadership of the teacher to analyze the most typical mistakes and to develop the joint recommendations of a technique of the solution of tasks.

2. The forums for seminars

One of the main organizational forms of educational activity are seminar occupations which form research approach studying of a training and scientific material. Main goal of seminars is discussion the most difficult theoretical questions of a course, their methodological and methodical study.

At a preparatory stage the teacher forms the plan of carrying out seminar occupation in which it is necessary to specify: the subject, the purpose, place and the term of carrying out[3]. He recommends the information resources for use, order of carrying out a seminar, criteria of certification. Students receive a task no later than one week before carrying out seminar occupation, and at a preparatory stage are engaged in independent preparation for occupation.

The main stage of carrying out a seminar includes direct communication between pupils and the teacher in audiences or organized in a network in the on-line mode. As usually, seminars are held on the scheme "question-answer" or in the form of the report. In the first

[1] Новые статистические методы по решению геофизических задач//География в школе. 2009, № 3. стр. 29–31

[2] Romanova, Y. S. Methodological aspects of creation the information training environment. - Sworld. - 2012 .

[3] Romanova, Y. S. Practical training students in distance learning technologies. - SPb - New technologies and forms of education. - 2012 .

case students answer seminar questions. These answers are discussed by other students and estimated by the teacher. In the second case specially allocated students reports which after virtual hearing — readings of the text of performance on the screen all participants — are discussed in written discussion in advance prepare. Results of discussions during carrying out a seminar (texts of performances) are available to all participants of a forum to a review and are archived.

Communication of the teacher with the student allows to fix the logic of seminar work and to supervise activity of each student, considering his identity; gives the chance to organize not only collective discussion of a subject, but also to construct some private dialogues, helping to decide or even to prevent the psychological problems arising at students, not having experience of participation in scientific or educational and informative discussions.

At the final stage are summed up a seminar, as well as the control over subject matter of seminar employment or the intermediate control at the whole class may be carried out.

3. The forum for carrying out of laboratory works

Laboratory works allow uniting theoretical and methodological knowledge and practical skills of pupils during research activity. Following stages of carrying out of laboratory researches are possible.

The first stage represents introduction in a laboratory practical work and assumes acquaintance to measuring devices, methods of measurement of various sizes, a procedure of statistical processing of result, graphic or any other methods of concept of the received results. At this stage trained objects of research, a condition of carrying out of experiment work with information resources and the computer simulators simulating actual installation. Such simulators virtually provide conditions and the measuring devices necessary for actual experiment.

Work on simulators allows receiving skills in preparation of sketches, diagrams of the organization of laboratory experiment, allows avoiding empty expenses of time at work on actual experimental installations and objects. Functions of the teacher at this stage are reduced extremely to consultation of students.

The second stage represents performance of experiment in actual conditions. For this purpose the mode of the removed access to experimental installation or a material resources of the enterprise on which the student works is maybe used. At this stage the basic pedagogical load lays down on the teacher who organizes a laboratory practical work and assists students specifically during carrying out of work. The report on the executed works is represented for check to the teacher of a class.

Laboratory works have a strongly pronounced specific character for various specialties and subject matters, so for each specialty and discipline should be developed specific recommendations.

4. Forum for individual tasks

This forum can be intended for reception and discussion of final jobs or homework. It will be organized individually for each student.

5. The consultation's forum.

Consultations take place in a form of conversation of the teacher with students and aim at expansion and deepening of their knowledge. These occupations assume secondary analysis of a training material, which either is poorly acquired by students, or isn't acquired absolutely. At the same time on consultations the teacher can explain ways of actions and receptions of independent work with a concrete material or when performing a concrete task.

In this forum questions on the various problems arising in the course of study concentrate. By results of the analysis of messages it is possible to form further base of often asked questions which can be constantly registered in this forum, for example, in the form of the separate file.

6. The forum for the control measures.

It's a forum, where total (course) works are located. Process of protection of such works is usually similar much thesis defense. The teacher gets acquainted previously with work and, after elimination of remarks, allows work to defense. The student, who has prepared a coursework, prepares and publishes the report on a work subject. Among other students (listeners) the reviewer is appointed. He publishes his review. The time of defense is appointed. Questions on work can be both from the teacher, and from other students. The mark is put down following an advance described criteria.

The technique of carrying out remote occupations at forums, stated here, has passed approbation during five cycles of training and has recommended itself positively: interest in training process at students increased and an additional possibility of continuous creative development for the teacher took place.

Julia Serebrjakova, Associate professor «Philosophy» of the Izhevsk State Technical University

Серебрякова Юлия Вадимовна, доцент кафедры «Философия»
Ижевского Государственного Технического Университета им. М. Т. Калашникова

Semantic field and method of thinking about the category of «consciousness», from Descartes to modern philosophy

Смысловое поле и методика размышлений о категории «сознание»: от Р. Декарта до современной философии

Философствование — это особый алгоритм размышлений, открытый как разночтениям, критике, так и согласию с самым существенным в осмыслении (и проговаривании, применении) философской категории. Приоритетным в нашей методике является анализ оригинальных философских текстов, поскольку учебники в своем схематизме упрощают неповторимый стиль философствования конкретного автора. Однако чтобы научиться читать философские тексты (а это, конечно, труд, требующий не только интуиции и ума, но и души), необходимо понимать основные философские категории, а также понимать, как трансформируются эти категории в истории философии. Каждая философская категория, попадая в новый контекст (новую

эпоху), либо принимается, либо нет: самым ярким примером, на наш взгляд, здесь является категория бытия, разрабатывавшаяся еще у древних греков и постепенно «сошедшая на нет» (к Ничто) в философии Г. Гегеля, и, далее, у Ж.-П. Сартра и других философов XX века (особенно в постмодернизме).

Работа студентов, нацеленная на уяснение разночтений и альтернативных вариантов бытования в философии ее категорий, выстраивается нами через сравнение текстов различных философов, по-своему акцентирующих нюансы философских понятий и категорий. Нами создан банк текстов (или небольших отрывков), по-разному аргументирующих ключевые философские категории. Эти тексты могут объединяться по принципу принадлежности к одной эпохе (например, Античности) или по принципу принадлежности к двум-четырем эпохам (Новое время — неклассическое философствование XIX в. — постмодернизм — актуальная философия).

Для первого этапа работы с философскими категориями достаточно сравнения трех определений, данных в учебниках, словарях или специализированных энциклопедиях. Здесь студенты обнаруживают, с одной стороны, простоту определения в учебниках[1], с другой стороны, обширные комментарии энциклопедии к бытованию категории в истории философии, обычно перегруженные терминами, прямо или косвенно указывающими друг на друга.

На втором этапе работы на семинарах студенты знакомятся с отрывками текстов (или полными текстами) тех авторов, которые начинают дискуссию по проговариванию (и применению в философском языке) той или иной категории. Покажем методическую основу работы студентов с текстами на примере исследования категории «сознание».

Известно, что в сочинениях Р. Декарта и его современников, Ф. Ницше, Э. Гуссерля, российских философов, Д. Деннета и других зарубежных философов начала XXI века категория «сознание» осмысляется по-разному. Эти разные точки зрения аргументируются в текстах философов и образуют проблемное смысловое поле данной категории. Рассмотрим несколько возможных линий развития категории «сознание», ее уточнение и противопоставление двум ближайшим категориям — «тело» и «дух».

Итак, на втором этапе работы с философской категорией студентам предлагается базовые тексты Р. Декарта — «Рассуждения о методе» и «Метафизические размышления». После прочтения текстов Р. Декарта студенты понимают, что знаменитое cogito ergo sum есть не только условное логическое высказывание, связывающее мышление с бытием и показывающее «временной разрыв между мышлением и бытием»[2]: мышление становится условием и критерием бытия. Эти первые светские философствования о природе сознания принципиально отличны от религиозных (вспомним средневековую христианскую триаду «тело — душа — дух»).

Что же такое «мыслящее Я» у Декарта?

Т. к. мыслящее Я может представить себя не имеющим тела, Р. Декарт полагал, что это Я является особой «субстанцией, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи»[3]. По Р. Декарту, Я — это и есть душа человека, которая «совершенно отлична от тела», т. е. бестелесна, следовательно, не может состоять из частей и распадаться на части, как тело. Она проста и бессмертна. Именно Р. Декарт стал рассматривать «мышление как главный атрибут бестелесной субстанции, а протяженность — как главный атрибут субстанции телесной»[4].

Третий этап работы с философской категорией предполагает сравнение базового текста (в нашем случае — декартовского) с текстами по тому же вопросу современников философа. Студентам предлагаются отрывки текстов Т. Гоббса, Г. Лейбница, Д. Локка с определенным отношением к позиции Декарта, а также небольшая статья В. Н. Кузнецова[5] с прояснением чувственных компонентов, входящих в «когито». На этом этапе работы важно понять, что восприятие концепции Декарта в мейнстриме дальнейших философских исследований оказалось с акцентом на «разделении» двух субстанций, а не на возможном их «соединении» или, в терминологии Декарта, «смешении». Таким образом, средневековое христианское триединство «тело — душа — дух» оказывается редуцировано к «сознанию» (душе) и «телу».

Четвертый этап работы с категорией «сознание» построен на анализе текста Ж.-О. Ламетри «Человек — машина». Эта работа совершает поворот в сторону редукции не только «душа — тело», но и к материалистической проблеме «сознание — мозг». Так оказываются «снятыми» и критика позиции Декарта со стороны Т. Гоббса[6], Г. Лейбница[7], и попытка Д. Локка обосновать (и вернуть) опосредованную божественным Творением связь психических способностей человека с особенностями его телесной организации[8]. Небольшая работа Ж.-О. де Ламетри приобрела огромный авторитет для философов-материалистов (Д. Дидро, Л. Фейербах, К. Маркс, В. И. Ленин). А т. к. душа, по убеждению марксистов, «умирает вместе с телом», то нет ничего удивительного в том, что вся советская философия в дальнейшем говорила как можно меньше о душе, обозначив основным предметом гносеологии сознание. На этом этапе работы студенты видят, как категория «сознание», отделенная от категории «душа», становится всего лишь «высшей, свойственной только человеку и связанной с речью функцией мозга»[9].

---

[1] Гуревич П. С. Философия: учебник для психологов. М., Воронеж, 2004. С. 144; Хрусталев Ю. М. Философия: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М., 2011. С. 65.

[2] Бушмакина О. Н. Философия постмодернизма. Ижевск, 2003. С. 79.

[3] Декарт Р. Сочинения. В 2тт. Т. 1. М., 1989. С. 256.

[4] Там же. С. 268.

[5] Кузнецов В. Н. Проблема «сознание-тело» в философии Нового времени//Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. М., 2007. С. 244.

[6] Гоббс Т. Избранные произведения. В 2х тт. Т. 2. М., 1989. С. 136.

[7] Лейбниц Г. В. Сочинения. В 4х тт. Т. 1. М., 1982. С. 277.

[8] Локк Д. Сочинения. В 3х тт. Т. 2. М., 1985. с. 18.

[9] Спиркин А. Г. Философия. М., 2006. С. 472.

На пятом этапе необходимо сравнить (в форме таблицы) психоаналитическую парадигму размышлений о сознании с материалистическими представлениями советских психологов и философов. После прочтения текстов представителей этих направлений студенты делают второй промежуточный вывод о том, что если в Европе XX в. главным конкурентом философии сознания был психоанализ, после натиска которого само сознание стало проблемой (если все психические акты редуцируются к бессознательным желаниям), то в советской России философия сознания и психология развивались в одном (материалистическом) направлении, главной идеей которого было утверждение о связи физиологической деятельности высшей нервной системы (головного мозга) и мышления[1].

Шестой этап исследования студентов, результаты которого обязательно проговариваются на семинарах, представляет собой анализ поля актуальных (современных) концепций: сравнительный анализ когнитивистики, трансгуманизма и русской философии сознания, а также работы Д. Деннета и его полемика с Р. Рорти, Т. Нагелем, Дж. Сёрлем, К. Поппером.

Среди работ российских философов наиболее интересными, на наш взгляд, представляются исследования Н. С. Юлиной[2], В. В. Васильева[3], Д. Б. Волкова[4] о Д. Деннете, статьи Е. В. Кагана, Ф. И. Гиренка[5].

На седьмом этапе исследования мы, образно выражаясь, делаем шаг в сторону от мейнстрима размышлений о природе сознания и показываем студентам неосуществившийся (пропущенный) подход к решению проблемы «сознание — тело». Мы читаем на семинаре повесть С. Кржижановского «Странствующее странно»[6] (1924 г.), записывая комментарии в исследовательский дневник.

Полагаем, что эта работа русского философа перекликается с идеей наших современников, представителей трансгуманизма, о бесконечном техническом самосовершенствовании человека.

Во-первых, это сочинение затрагивает следствия дуализма Р. Декарта, поскольку намеренно и категорически отходит от идеи сочетания духовного и телесного начал, развернув сюжет в сторону безусловного сознательного управления телом. Это повествование о человеке, получившем способность к радикальному умалению (до размеров бациллы, или выражаясь современным языком, до размера нано-робота).

Во-вторых, возвращая увиденную И. Кантом *условность* знаменитого высказывания «Я мыслю, следовательно, существую» — «Если я мыслю, то, следовательно, я существую», — Кржижановский верно определяет парадокс мышления, оказывающегося причиной существования, т. к. предшествует ему во времени. Другими словами, «мыслящее Я создает существующее Я, возникает временной разрыв между мышлением и существованием»[7]. В повести Кржижановского мыслящее «Я» способно не только существовать *до* тела, но и *в* (чужом) теле.

В-третьих, в повести Кржижановского последовательно проводится мысль о принципиальной **проницаемости** пространства, времени и социума и принципиальной непроницаемости (темноте, непрозрачности) души. Источником событий повести являются страсти и желания героя (заметим: не сочувствие и сострадание к живому). Прослеживая эволюцию бездушного героя, для которого убийство соперника всего лишь «стремление управлять любовью», Кржижановский находится в привычном для нас, современных исследователей, и хорошо разработанном в XX в. проблемном поле психоанализа, применяемого в оценке политических и социальных кризисов (от Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида, П. Рикера, Ф. Джеймсона, Л. Альтюссера, Х. Арендт до С. Жижека).

Здесь студенты делают третий промежуточный вывод: для всего измеряемого можно найти способ управления — пространство покоряют странствиями, время — памятью, тело — вирусами. Потому все измеряемое — уязвимо и, по большому счету, пассивно: только сознание человека может обозначать и снимать его границы (неожиданная вариация на тему: «Человек есть мера всех вещей…» Протагора). Сознание способно пройти сквозь пространства и тела, раздвинув внутрь их границы, но также и — мимо души. И сознание, и тело — только странники (странствующие странно, т. е. без возвращения), душа же есть жилище, дом, который «снимает» и принимает все «странно»: дом без границ, без условностей, без тревоги из-за неудач и неурядиц, без соперничества и зависти. Этот родной дом души нельзя разделить и разграничить, измерить или выменять на что-то более важное. Вот в этом пункте Кржижановский и Декарт радикально расходятся: там, где Декарт «разделяет», Кржижановский зовет вернуться.

На восьмом этапе исследования мы предлагаем студентам сравнить позиции М. Фуко и Ж. Деррида (знаменитая полемика о границах разума)[8].

На следующем этапе работы студенты сравнивают две статьи на свой выбор из коллективной монографии «Телесность как эпистемологической феномен»[9], представляющей опыт осмысления телесности в современной русской философии.

На итоговом (десятом) этапе работы студенты приходят к выводу о важнейших изменениях философской категории «сознание» за период Новое время — начало XXI века, о мейнстриме восприятия, прочтения и критики дуализма Р. Декарта.

Научная работа студентов оформляется как исследовательский читательский дневник и проверяется на промежуточной и итоговой аттестациях. При проверке учитывается логичность, аргументированность и самостоятельность ответа студента, который уже не может просто копировать информацию из Интернета. Таким образом, студенты учатся размышлять, принимая или не принимая точку зрения философа прошлого или современности.

---

[1] Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические механизмы мышления. Л., 1985. С. 25.

[2] Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М., 2004.

[3] Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М., 2009.

[4] Волков Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М., 2012.

[5] Философия сознания: классика и современность: Вторые Грязновские чтения. М., 2007. С. 79–86; 106–108.

[6] Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Воспоминания о Кржижановском. Л., 1990. С. 164–193.

[7] Бушмакина О. Н. Философия постмодернизма. Ижевск, 2003. С. 81.

[8] Голобородько Д. Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. М., 2011. С. 46–52.

[9] Телесность как эпистемологической феномен. М., 2009.

Stopina Olena, Dahl East-Ukrainian National University,
AssociateProfessor, Humanitarian and Socio-Economic Studies Department

The Role of Education in Ethno-Cultural Identification of University Students

Modern terms of existence of human personality in the constantly transforming world are frequently characterized by many scientists as a total crisis of identity. The result of the loss of identity in psychological, social, ethnic, spiritual, moral and cultural aspects is the marginalization of a man's consciousness in particular, as well as in society. It also results in the destruction of the integrity of human consciousness and the traditional system of moral values, leading to an identity-crisis of mankind. These negative tendencies are catalyzed by stimulated globalization. There exists plenty of international research on globalization, and it has been defined from countless points of view. A. Giddens in The Consequences of Modernity uses the following definition: Globalization can thus be defined as the intensification of worldwide social relations which link distant localities in such a way that local happenings are shaped by events occurring many miles away and vice versa.[1] M. Albrow and E. King define globalization as: … all those processes by which the peoples of the world are incorporated into a single world society[2]. N. Al-Rodhan and G. Stoudmann in Program on the Geopolitical Implications of Globalization and Transnational Security define globalization as a process that encompasses the causes, course, and consequences of transnational and transcultural integration of human and non-human activities[3]. K. Kolin in Neoglobalism and National Culture concentrates on the cultural consequences of the globalization process: From the cultural point of view, the globalization of society means a new humanitarian revolution, as a result of which many traditional national and ethnic cultures will experience substantial changes, and some of them can appear not only deformed, but fully destroyed[4]. Under the aggressive onslaught of globalizing civilization, ethnic cultures have the choice to either to perish, or transform into that substitute mass culture which is imposed by television and mass-media today. Universities always were the centers of transmitting and preserving spiritual and cultural values, as well as the centers of their development and increase, and now they are called on to prevent the deformation of such values. Universities are the effective means of maintaining and developing the world culture in the whole, and ethnic cultural and moral traditions in particular, as well as the means of opposing the threats of standardization and cultural collapse. The role of the University in society is deeply investigated in works of J. Ortega y Gasset, M. Heidegger, C. Stowe, P. H. Coombs, etc.

The modern globalization processes which are accompanied by standardization almost in all spheres of public life gradually result in the elimination of ethnic and national borders in cultural, economic, political, and educational areas. Such a washing out of ethnic and cultural features leads to the cultural disorientation of the young generation, and in their loss of ethnic identity. The consequences of which are a two-fold: the marginalization of students' communities, on the one hand, and the dangerous phenomenon of personal and group ethnic intolerance and growth of tension between the representatives of different ethnic cultures, on the other[5].

Methodological approaches to the problem of cultural identity are based on the fundamental investigations of M. Bennet, M. J. Collier, C. Geertz, R. Lutz, M. Thomas, and others. The stages of forming of ethnic identity are described according to J. Piaget works[6]. The methodological approach to the problem of ethnic identity in connection with ethnic and national tolerance is based on the ideas of A. Asmolov, A. Sukharev, N. Lebedeva, N. Ivanova, J. Bromley, T. Stephanenko, etc. The general approach is based on a conceptual model developed for the analysis of social influence and extended to the analysis of personal involvement in social systems[7].

In order to prevent the manifestation of ethnic intolerance and overcome personal value crises of modern students, modern universities should pay more attention to the moral education of students on the basis of Christian moral values, national culture, and world's art. In this way, modern higher educational institutions can become instrumental in the solving of socio-cultural and ethno-cultural problems. One of the basic ideas of my research is increasing the amount of attention paid to aesthetic education at institutions of higher learning. In the process of students' aesthetic and moral education, art, in particular, should play a leading role. In fact, art appeals to the perceptibly emotional, irrational sphere of personality. With the help of art, a man acquires and appropriates the values of education not only at the level of consciousness, but also at the level of subconsciousness, understands them not only by his rational, but also by his irrational being. Therefore, it is possible using art to instill in the consciousness of personality moral, spiritual and other ideas, and to facilitate their acquisition. The emotional influence of art is an important factor in the moral education of students, because it contains exceptional possibilities to influence the sense in unison with consciousness. Due to their influence, the spiritual values of the nation can be converted into deep personal persuasions, which become moral qualities of personality and determine its behavior in different situations. This research examines the most effective methods of realizing the value-orienting potential of art in moral education for young people, and the problem of choosing the most effective kinds of art. The results indicated that the most effective application of art in the educational process is achieved while using interacting art forms (literature, music, fine art), when there is an integrative connection between the different kinds of artistic expression used, each type of art works together, submitting to the general idea (according to the theory of interacting arts of G. Shevchenko[8], E. Zelenov[9]). Basic forms of art

---

[1] Giddens, Anthony. (1991). The Consequences of Modernity Cambridge: Polity Press. p. 64. ISBN 9780745609232

[2] Albrow, Martin and Elizabeth King (eds.) (1990). Globalization, Knowledge and Society London: Sage. ISBN 978–0803983243 p. 8.

[3] Al-Rodhan, Nayef R. F. and Gérard Stoudmann. (2006, 19 June). „Definitions of Globalization: A Comprehensive Overview and a Proposed Definition." GCSP Occasional Papers, Geneva: Geneva Centre for Security Policy (GCSP). Please see http://www.sustainablehistory.com/articles/definitions-of-globalization.pdf

[4] Колин, К. К. Неоглобализм и национальная культура. www.URL.http://www.opos.sitc.ru chronika/2004/11/neoglobalizm.doc.- 11.12.2004 г.

[5] Иванова Н. Л. Идентичность и толерантность: соотношение этнических и профессиональных стереотипов//Вопросы психологи – 2004. - № 6. - С. 54 - 63.

[6] Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.

[7] Herbert C. Kelman, Processes of Opinion Change, Public Opinion Quarterly 25, no. 1 (1961), 57–78.

[8] Шевченко Г. П. Взаимодействие искусств в эстетическом воспитании и развитии подростков: Дисс. … докт. пед. наук . – Ворошиловград: 1986. – 356 с.

[9] Зеленов Є. А., Стьопіна О. Г. Виховання студентської молоді в умовах глобалізації: монографія. Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2010.- 288 с.

(literature, music, painting) have a substantial amount of similar points of tangency, which considerably facilitates their interaction. However, literature comes forward as dominant in the process of interacting arts. But literature has limits in terms of the visual and audio transmission of an artistic image. The image-concept created in students' consciousnesses through literature requires deepening through the facilities of painting and music. Most effectively, such an interaction of arts is achieved through film art, which makes it one of the leading factors in modern moral education of students (this statement coincides with the students' opinion, according to the data of the questionnaires). In cinematographic art, the aesthetic properties of literature, theatre, painting and music are synthesized on the basis of expressive facilities peculiar only to each form. The synthetic origin of cinematographic art makes its integration with literature, painting and music completely natural.

Christian art can become another important factor in the moral education of students. In fact, the church service itself is the synthesis of multiple art forms: church singing (music), frescos and icons (painting), and biblical poetry (literature), all of which produce deep impression in a man's consciousness (P. Florensky)[1].

To determine the factors which influence the efficiency of interacting arts on personality, psychologists' research is based on the cardinal principle of integrity of organism, and the natural interaction of its sense-organs. The integration of different kinds of art extends the possibilities of associative activity of the consciousness that activates imagination, the thinking process, and deepens understanding of the created mental image. With the simultaneous usage of different forms of art, the image acquires new quality both on content and in form, and as a result, its impact increases. The interaction of separate kinds of art helps to develop a multi-faceted personality. Interacting arts optimizes the creative capabilities of man, promotes the development of his imagination, his artistic abilities, and intellect, which forms the universal capabilities for any sphere of human activity. According to the research data, the usage of interacting arts in students' moral education promotes the process of their ethnic and cultural identification, and prevents the growth of marginality in the students' community.

Irina Vladimirovna Tayanovskaya,
Belarusian State University, Head of the Department of Rhetoric and Methods of Teaching Language and Literature

Quality indicators of school students' classroom answers

Forming school students' skills in the sphere of classroom communication is *a topical issue* in today's theoretical and practical pedagogy. This range of skills is connected with the objective to form a person ready for life-long learning and self-development and it allows students to be flexible in processing incoming information (to perceive it attentively and critically, to fully comprehend it, to compare and to creatively reprocess it, to establish cause-and-effect relations, to classify, sort out and systematise this information, to present it in an accurate and coherent way, to know the rules of logical and expressive text presentation, etc.).

Scientists actively research peculiarities of different didactically oriented texts, classify their diverse types and functions, outline their meaning structure and requirements to the level of difficulty, point out that it is typical of such texts to become the basis for the statements that students produce later (with reference to the publications by the following Russian authors: L. P. Dolbaev, V. I. Kodukhov, A. A. Sabinina; and European researchers H. Žofková, H. Sommer, L. Ries and many others). In the Russian methodological school led by T. A. Ladyzhenskaya, in the works by L. V. Salkova, T. S. Tronina and some others, the authors raise the issue of improving classroom answers as the most common type of texts that students produce at lessons in various subjects and of its positive effect on the way students develop abstract theoretical thinking and literary language. However, alongside with this, analogous works do not contain a modern, science-based and comprehensive technique for fostering communicative skills in secondary school students so that they learn to produce texts which would reflect and structure the studied material. Neither do they systematically assess possible results of purposefully organised learning.

The *objective* of this article is to comprehensively assess the level at which 5–7 former students of secondary school in the Republic of Belarus possess the skills of classroom speech (in the genre of the detailed answer) after these skills have been fostered with the help of a technique specifically developed for this purpose.

The technique used to teach how to prepare classroom answers involved work on the following aspects:

- contents (looking for key words, anticipating the background knowledge of the addressee, choosing suitable types of definitions, explanations and summarising statements, correcting inaccuracies in the speech, preparing worksheets and other material);
- structure (analysing and employing constructive methods in the introduction and conclusion to the text, making a plan, searching for a logical sequence of presentation, defining final recommendations);
- wording (employing words which denote identity, usage, frequency and obligation as well as linking words and connectors that make speech logical, in particular, indicators of sequence, words for providing examples, making conclusions, referring to familiar information, functionally justified repetitions);
- presentation style (choosing and practicing appropriate prosodic patterns for each speech fragment, identifying segments which should be accompanied by gestures, singling out data for their visual fixation and so on).

The changes in the level of students' skills to present information were observed, primarily, after giving them a test task to prepare a classroom answer. All in all, there were analysed 169 speeches which had been prepared by 5–7 former students from experimental classes of both urban and rural schools. Simultaneously, in these schools the corresponding stage of the contrasting experiment was being carried out and the number of students in the control set amounted to 173 people.

During the benchmark test it was found out that the students in the experimental groups were better prepared to produce such answers compared to the students in the control set. The experimenter analysed the written versions of classroom answers, listened to and recorded some of them on a selective basis. As a result of the training that the students participated in they learned how to make

[1] Флоренский, П. Храмовое действо как синтез искусств//Избранные труды по искусству. - М., 1996. - С. 202.

their presentations more concrete and therefore better reasoned. As a rule, they provided necessary examples, mentioned particular sub kinds of generic terms and notions in contrast to the control set students in whose answers such deviations covered about two thirds of their total number: *The literary style is used in fiction — poetry and prose:* ***"The blue eyes of snowdrop looked at the world in wonder."****; The literary style employs many different* ***tropes: similes and epithets, personifications, hyperboles*** *and others.*

The students chose not only isolated (single), but also contrastive illustrations which appropriately clarified the essence of integrative and differentiating statements: *The scientific style is used in encyclopaedias, lectures and so on. It is characterised by exact facts, descriptions, and figures: "About 35 species of evergreen trees up to 30 meters high belong to the genus Pinus." Here the exact figures are given: thirty-five and thirty.*

The official style is used for different kinds of announcements, applications and so on. They also often feature figures: "Please allow my son to be absent from the fifth and sixth lessons on 18 May such-and-such a year due to family circumstances." At the same time, the students who had taken part in the training displayed the increased readiness for mental synthesis — alongside with specific terms — hyponyms — they would also use broader generalised term qualifiers (one fifth of the control set works contained no desirable generalisations of the kind): *In the colloquial style people use not only affirmative sentences, but also interrogative and illocutionary ones, that is* ***different in their function****.*

The number of scientific inaccuracies had reduced (the number of inaccurate statements in the experimental and control sets amounted, respectively, to 8.9% and 56.1% from the total number of works): in particular, the trained students' answers included proportionally more distinctive features of the described phenomena and it was also reflected in the generalised range of the definitions used: *The objective of the scientific style is to deliver accurate knowledge to many people —* ***readers or listeners****.* The lists of characteristics included in the answers would, as a rule, indicate their open type: *and many others; and so on (In the official style special words and expressions are used: "In reply to your request we inform you"; "This is to certify that…"* ***and many others****.).* The students tended to avoid excessively categorical statements and would choose appropriate phrasing using frequency indicators to describe particular qualities or features: *The official style is* ***more common*** *for writing; In mass media texts bookish and colloquial words may* ***sometimes*** *appear together.*

Semantic structure, composition and wording of definitions had become more logical and better thought-out. Alongside with classical genus-species explanations the students used other techniques one or two of which were most often used in combination with the genus-species one (giving and enumerating examples, evaluating phenomena, giving the etymology of a notion, comparing it to others, etc.): *Tropes are figurative words and expressions which serve to create imagery: A rainbow is a motley* ***bridge*** *between the rain and the sun. Using tropes is a great way to make your speech vivid and figurative. However, one should not overdo it otherwise they may turn into an excessive embellishment.* In this example, besides genus-species interpretation of a notion there are used such defining techniques as giving an example and evaluating a language phenomenon.

When expressing their own opinion the students in the experimental classes tried to draw a clear-cut border between objective statements and a subjective point of view which in most cases was done with the required argumentation: ***I think*** *that the most widespread is the colloquial functional style because it is used in everyday situations and in all kinds of conversations: we cannot do without it in face-to-face communication.* At the same time some common features included: personalised pronominal indicators, parenthetical constructions marking the subjective modality of the utterance like the following phrases: *I think*, *in my opinion; from my point of view.*

The composition of the answers in the experimental groups acquired a greater degree of fullness and completeness in comparison with those in the control set. In the introductory parts of the texts, the meaning of the topic, objective and general outline were provided, while the final parts featured conclusions: "Understanding of the styles of speech is very important because they help to make our speech more appropriate and to choose suitable words and expressions. The objective of my report is to show which means are typical of every style. I am going to describe each style according to the following model: where and what for is it used? What words and expressions are used in it?"; "So, we **can** single out the colloquial style and four others which belong to the literary language. It is **important** to differentiate them and to decide which one would suit a particular situation. For one's thoughts one **should** pick suitable 'verbal clothes'."

However, a small number of answers in the experimental groups called for some brevity. In further training some contexts aimed at preventing this structural speech drawback can be suggested for discussion.

The incidence of functionally unjustified, forced repetitions in the experimental set answers was three times lower than in the answers prepared by the control set students. The occurrence of such repetitions is especially undesirable in classroom answers which, though explicit, are still quite lapidary by nature (earlier repetitions of the kind were quite often the proof of the inability of students to overcome the discontinuity of their speech).

The vocabulary used by the trained students had become more sophisticated, in particular they used words with the meaning of functioning, usage, manifestation; action frequency indicators; indicators of obligation reflecting the modality of a statement: *The style of mass media* ***is common*** *in newspapers, magazines, in TV and radio addresses and so on. It can* ***be used*** *either in the written or oral form. Often it* ***features*** *figurative words and expressions: the battle for harvest, to keep abreast of the times* (see also the example of a conclusion above). The cases of tautology of the listed language means were present in 17.3% of works in the control set with only 4.7% of works in the experimental classes. While enumerating special features of a phenomenon the students of the experimental classes would only from time to time (on average only in one out of every twenty five statements) violate the rules of logical homogeneity: lame component order, overlap of the scope of concepts — or of grammatical uniformity.

Moreover, in the experimental classes fewer statements — in comparison with the benchmark test and the data about the control set — contained multiple deviations from the logically motivated prosodic structure which would affect the text quality of accentuation (the absence of contextually justified logical stress three and more times was observed only in one of the eight answers analysed). The following examples taken from the materials of the benchmark test are quite illustrative; although they are similar in their contents to those of the contrastive test, they differ in their intonation structure: *A speech situation/is a set of conditions/that you consider when choosing/the functional style//; The colloquial style/is widely used in everyday situations/when people are having informal conversation//.* In the given examples the students do not automatically shift the utterance stress to exclusively final lexemes of syntagmas and coherent phrases: the prosodic stress marks contextually important notions, including the name of the functional style as opposed to the other styles and typical communicative conditions different from those that are typical of a formal communicative situation.

The answers of the participants from the experimental groups were characterised by a better thought-out and sustained body language which testified to the fact that they were generally better prepared and, on the whole, made the whole communicative situation less stressful (for example: *Functional styles can be characterised by the following criteria: firstly, the communicative situation, secondly, the objective of speech, thirdly, typical language means:* each component was accompanied by a gesture of enumeration; *The objective of this style is to influence minds and feelings:* the word *objective* was reinforced with the help of an emphatic gesture of drawing an imaginary horizontal line in the air). Undesirable body language occurred in the experimental group statements almost three times less often than in the control set statements.

At the same time, the experiment shows that in future when teaching practical skills of text formation more attention should be given to improving the technical aspect of oral presentation which largely influences the resulting effect of the previous stages as well as the overall impression of the speaker's presentation style.

So at the stage of the control verification of the experimental training results the students displayed increased ability to prepare classroom answers as far as the following indicators are concerned:

in the sphere of *assessing contents and communicative skills* —

• the accuracy of the analysed sentences, their appropriate notional scope;

• making theoretical postulates more specific where necessary (by providing examples, explanations and definitions of terms) and at the same time — generalising concrete facts; anticipating the audience's background knowledge and adjusting the answer accordingly;

in the aspect of analysing *structural communicative skills* —

• ensuring composition completeness of a speech piece, delivering the message, topic, objective and speech outline to the addressee — in the introductory part, and summarising factual and conceptual information, giving practical recommendations — in the concluding part of the answer;

from the standpoint of *verbal communicative skills* —

• using language markers with the meaning of identity, functioning and the frequency and distribution of phenomena, meaningful accentuation, obligation, and also succession, illustrative concretisation, actualisation of data beyond the text, summarising;

in the aspect of analysis of *technical communicative skills* —

• using prosodic means to increase logical intonation expressiveness (making pauses, accentuation), • functionally justified gestures to accompany the speech together with logical stresses.

Summary

The article summarises the results of the author's experimental educational work aimed at improving school students' skills necessary to prepare classroom answers. The experiment was carried out in urban and rural secondary schools of the Republic of Belarus according to the technique specifically developed for this purpose. There were singled out and structured a number of indicators which allow to comprehensively assess the degree at which students possess classroom communicative skills to reproduce and structure information. The assessment was done on the basis of the benchmark test materials.

References:

1. Ries L. Ke komunikativni povaze ucebniho textu v ucebnicich ruskeho Jazyka//Rusky jazyk. — 1980. –№ 2. — S. 58–66.
2. Доблаев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. — М. — 1982.
3. Жофкова Г. Роль и место учебного текста в концепции учебника русского языка как иностранного [Электронный ресурс]//Режим доступа: http://www. psu.ru/pub/filologl/3l.rtf. — Дата доступа: 20.08.2010.
4. Зоммер Г. Типы письменных учебных текстов для развития говорения и письма//Вопросы лингвистики и лингводидактики: материалы конф. МАПРЯЛ, Краков, 23–24 апр. 1996 г. — Krakow: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1996. — S. 223–228.
5. Кодухов В. И. Некоторые проблемы учебной текстологии (комментирование художественного текста)//Русский язык для студентов-иностранцев. — Вып. 25. — М. — 1988. — С. 4–13.
6. Ладыженская Т. А. Устная речь как средство и предмет обучения. — 2-е изд., перераб. — М. — 1998.
7. Сабинина А. А. Учебный текст: структура и прагматика//Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — СПб. — 2009. — № 97. — С. 222–225.
8. Салькова Л. В. Работа над формой устного ответа в V классе//Рус.яз.в шк. — 1991. — № 2. — С. 22–29.
9. Тронина Т. С. Формирование у учащихся 4 класса умения воспринимать и воспроизводить учебно-научную речь (текст учебника)//Работа над умениями и навыками по русскому языку в 4–8 классах: кн. для учителя: из опыта работы/сост. И. В. Галлингер, С. И. Львова. — М. — 1988. — С. 146–158.

Timofeeva Natal'ya, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after Astaf'ev
The Mathematics, Natural Sciences and private methods Department senior lecturer.
Salishcheva Yana, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after Astaf'ev.
Fourth-year student of Faculty of Primary Education
Тимофеева Наталья Борисовна, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
старший преподаватель кафедры ЕМиЧМ, советник РАЕ
Салищева Яна Витальевна, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
студент 4 курса факультета начальных классов

On the issue of pedagogical practice

К вопросу о педагогической практике

Работа выполнена в рамках Программы стратегического развития КГПУ им. В. П. Астафьева: проект № 08/12 «Развитие профессионально-личностных компетенций студентов в инновационной среде педагогической практики педагогического университета».

Модернизация системы российского образования представляет особые требования к личности учителя, что обусловлено новыми задачами, стоящими перед высшими учебными заведениями. Современные тенденции развития системы высшего образования в России определяют качественно новые требования к профессиональной подготовке будущего учителя. Профессиональная подготовка студентов начального образования осуществляется в процессе освоения педагогических теорий, а так же в процессе прохождения ими педагогической практики, так как с ней связано формирование профессиональной компетентности будущего учителя начальных классов. В Национальной доктрине образования в качества главного критерия выдвигается личность учителя, способного ориентироваться в сложных социокультурных обстоятельствах, профессионально действовать в образовательных процессах, реализовать свой личностный и творческий потенциал.

В истории высшего педагогического образования сложились два подхода к организации педагогической практики.

Первый подход предусматривал организацию практики в течение всех лет обучения в вузе (непрерывная педагогическая практика). Педагогическая практика чередовалась с теоретическими занятиями, часть их переносилась на период педагогической практики. В советской высшей школе в 30–40-е гг. в систему педагогической практики включались следующие ее виды: экскурсионно-исследовательская, которая увязывалась с изучением курса педагогики (2-й курс), методическая — в связи с изучением методик преподавания отдельных учебных предметов (3-й курс) и стажерская (4-й курс).

В 50–70-х гг. в учебных планах педагогических вузов было увеличено время на педагогическую практику и сокращён объём теоретической подготовки. Совершенствование процесса педагогической практики разворачивается на пути преодоления функционализма (учебная работа и практическая деятельность студента в качестве помощника классного руководителя), обеспечения более тесной взаимосвязи теоретической и практической подготовки, улучшения общепедагогического руководства практикой и взаимодействия высших педагогических учебных заведений с органами образования. При общем признании роли педагогической практики в профессиональной подготовке учителя в деятельности педагогических вузов наблюдалась недооценка её научных основ, научных методов, оснащённости, научного руководства её организацией.

Второй подход характеризуется обоснованием необходимости сначала общетеоретической подготовки и организации практической подготовки через практикумы, тренинги, и лишь затем — применения теории на практике и организации педагогической практики на заключительном этапе обучения. Этот подход более свойствен зарубежной высшей школе[1].

Нами педагогическая практика студентов рассматривается как неотъемлемая часть системы методической подготовки будущего учителя обеспечивающая соединение теоретического обучения в вузе с практической деятельностью в школе. Она направлена на формирование профессионально-ориентированных качеств студентов, их подготовку к целостному выполнению функций учителя, к проведению системы учебно-воспитательной работы с младшими школьниками.

Известный педагог П. П. Блонский, подчеркивая важность учебной педагогической практики, писал, что «педагогике невозможно научить книгами… Также необходима практика, но не копирующая (такая практика убийственна), а творческая и осознающая»[2].

Педагогическая практика — форма профессионального обучения в высших и средних педагогических учебных заведениях, ведущее звено практической деятельности студентов. Она проводится в условиях, максимально приближенных к профессиональной деятельности педагога. В процессе педагогической практики интенсифицируется профессиональное и личностное развитие будущих учителей. Студенты активно включаются в реальную практическую деятельность, впервые непосредственно знакомятся с выполнением должностных обязанностей и овладевают логикой профессионального поведения учителя. Деятельность студентов в период педагогической практики приближается по содержанию и структуре к профессиональной деятельности учителя и характеризуется тем же многообразием отношений (с учащимися, их родителями, другими учителями, администрацией) и функций, что и работа педагога-профессионала.

Педагогическая практика на факультете начальных классов КГПУ имени В. П. Астафьева носит личностно-ориентированный, творческий характер и способствует формированию индивидуального стиля педагогической деятельности студента. Главным итогом педагогической практики для студента должна стать твердая убежденность в правильности однажды сделанного выбора — стать учителем, посвятить себя гуманной профессии на земле — воспитанию подрастающего поколения.

---

[1] Педагогический словарь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://enc-dic.com/pedagogics/Praktika-Pedagogicheskaja-1350/ (дата обращения 4.11.12).

[2] Блонский П. П. Мои воспоминания. М., 1971. С. 165.

Педагогическая практика для студентов факультета начальных классов КГПУ им. В. П. Астафьева является сложным и ответственным этапом на пути к профессии учителя. Проблема профессионального становления студента в ходе педагогической практики, осложняется тем, что с одной стороны деятельность (учебная), еще незавершенная, а с другой стороны — педагогическая накладывается на неё.

В связи с этим методологическая основа педагогической практики студентов факультета начальных классов представляет собой совокупность концептуальных теорий и методологических подходов:

1) концепция формирования системного мышления в обучении;
2) концепция контекстного обучения;
3) компетентный подход в образовании;
4) деятельностный подход в обучении;
5) системный подход в образовании;
6) личностно-ориентированный подход в образовании[1].

Исходя из выше изложенного, можно сказать, что основными задачами педагогической практики являются:

1) воспитание у студентов интереса к профессии учителя;
2) формирование целостной картины педагогической деятельности;
3) формирование педагогических умений и навыков;
4) создание опыта педагогической деятельности[2].

Педагогическая практика — это первая, непосредственная встреча студентов с избранной специальностью и соответствующей социальной средой. Она имеет, по нашему мнению, жизненно значение для студентов и потому оказывает серьёзное нравственно-психологическое воздействие на них, так как необходимо установить контакт с учениками, опираясь на испытываемые эмоции младших школьников. Студенты должны научиться профессионально «играть» на них, не причиняя вреда ученику, создавая поистине прекрасную атмосферу обучения. Однако это умение не придёт, если студенты сами не будет способны ощущать весь спектр чувств и эмоций и не будут понимать их. На наш взгляд, педагогическая практика способствует в формировании данных личностных качеств у студентов.

Педагогическая практика на факультете начальных классов является органической частью образовательного процесса в ВУЗе и проводится с целью формирования у студентов целостного представления о воспитательно-образовательном комплексе современного образовательного учреждения и системы педагогических знаний и умений для практической работы студентов. Во время педагогической практики преподавателями ВУЗа и учителями в школе создаются условия для самоактуализации студента, разностороннего проявления своей индивидуальности в процессе обучения и воспитания младших школьников.

Целью педагогической практики на факультете начальных классов является — научить студентов применять полученные психолого-педагогические и методические знания в практической деятельности учителя начальных классов и воспитателя, а так же использовать возможности педагогической практики для формирования профессиональных качеств, навыков и умений студентов.

В процессе педагогической практики студент решает ещё и специальные задачи:

- знакомство с требованиями, предъявляемыми к учителю в современной школе, с программами начальной школы для различных типов учебных заведений, с компонентами УМКП;
- приобщение к непосредственной практической деятельности в качестве учителя начальных классов;
- приобретение профессионально-значимых навыков и умений, необходимых для успешного осуществления воспитательной работы с младшими школьниками;
- выработка творческого, исследовательского подхода к педагогической деятельности, формирование и закрепление умения анализировать собственную деятельность и её результаты (рефлексия);
- умение организовывать внеклассную работу по предметам, преподаваемым в начальной школе;
- формирование навыков работы с младшими школьниками;
- умение вести документацию, необходимую в работе учителя начальных классов;
- убеждение в интересе к профессии учителя;
- формирование целостной картины педагогической деятельности.

По окончании педагогической практики студенты пишут отчет о выполненной работе и защищают его перед своими преподавателями, методистами и однокурсниками[3].

В теории обучения педагогики ВУЗа студент получает представление об идеальном учителе, но оно расходится с реальностью, когда студенты выходят на педагогическую практику. Это та проблема, с которой сталкиваются студенты, и которую им предстоит решить во время педагогической практики: совместить идеал с реальностью. Данный процесс сопряжён так же с множеством других задач, например, развитие личностных качеств, необходимых для успешной педагогической деятельности, но отсутствующих на данном этапе обучения у студента. И он не полностью ощущает сложности работы учителя, не видит её со всех сторон. Соответственно, создаётся не совсем верная целостная картина педагогического процесса, и, приходя в школу работать, молодой специалист сталкивается с психологическими проблемами адаптации к работе, чего, по идее, не должно быть, так как адаптация должна была пройти во время педагогической практики.

---

[1] Тимофеева Н. Б., Мосина Н. А. Учебно-методический комплекс педагогической практики для бакалавров на факультете начальных классов как основа формирования профессиональных компетенций будущих специалистов//Материалы за восьмую международную научную практическую конференцию, «Будущие исследования», - 2012. Том 15. Педагогические науки. София, «БелГРАФ-БГ» ООД. – С. 60–65.

[2] Электронный ресурс - Режим доступа: http://edu-oren.ru/stranitsa/pedagogicheskaya-praktika (дата обращения 20.10. 12).

[3] Электронный ресурс - Режим доступа: http://rggukaluga.moeobrazovanie.ru/pedagogicheskaya_praktika.html (дата обращения 25.09. 12).

Так же задания, выполняемые студентами во время педагогической практики, для всех одинаковые, соответственно, отсутствует личностный подход к практикантам. Но ведь каждому студенту нужно вынести что-то для себя из всего процесса педагогической практики, и урок, который он должен получить, не всегда укладывается в рамки данных для выполнения заданий. К тому же, часы практически постоянно сокращаются. Многие студенты просто не успевают «поработать для себя». Несомненно, практиканты получают множество знаний, умений и навыков, но как результат — педагогическая практика не совсем эффективна для многих студентов.

Ещё одна трудность студентов заключается в недостаточном уровне развития рефлексии и отсутствии опыта. Распространённая ошибка практиканта при разработке конспектов урока, когда основное внимание уделяется фиксации материала урока и обходится вниманием речь и формулировка вопросов. Студенту кажется, что это просто и не требует специальной работы. Однако же первая проверка самостоятельного ведения урока зачастую оказывается неудачной: неправильная речь, употребление слов-паразитов, некорректно сформулированные вопросы, непродуманность схемы передвижения по классу. Психологи и методисты должны помочь студенту уйти от оценки «плохо» и прийти к анализу «что не получилось и как это можно скорректировать».

В связи с этим можно сказать, что педагогическая практика нужна и важна, она является одним из главных помощников студента в понимании сущности и трудностей работы учителя начальных классов и освоении всей системы выбранной профессии.

Список литературы:

1. Блонский П. П. Мои воспоминания. М., 1971.
2. Педагогический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://enc-dic.com/pedagogics/Praktika-Pedagogicheskaja-1350/(дата обращения 4.11.12).
3. Тимофеева Н. Б., Мосина Н. А. Учебно-методический комплекс педагогической практики для бакалавров на факультете начальных классов как основа формирования профессиональных компетенций будущих специалистов//Материалы за восьмая международная научная практическая конференция, «Будущие исследования», — 2012. Том 15. Педагогические науки. София, «БелГРАФ-БГ» ООД. — С. 60–65.
4. Электронный ресурс — Режим доступа: http://rggukaluga.moeobrazovanie.ru/pedagogicheskaya_praktika.html (дата обращения 25.09. 12).
5. Электронный ресурс — Режим доступа: http://edu-oren.ru/stranitsa/pedagogicheskaya-praktika (дата обращения 20.10. 12).

Tkachenko Olga Mikhailovna,
Kirovograd state pedagogical University named after Volodymyr Vynnychenko,
associate Professor of the chair of pedagogics of pre-school and primary education

Ткаченко Ольга Михайловна,
Кировоградский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко,
доцент кафедры педагогики дошкольного и начального образования

Etnopedagogikal competence as the personal formation of the modern teacher

Этнопедагогическая компетентность как личностное образование современного педагога

Социально-экономические изменения в обществе, тенденции гуманитарной конверсии обострили потребность в деятельности педагога, способного осмыслить закономерности социализации личности с учетом традиций и трансформаций социокультурного пространства, определили новые перспективы в развитии высшего педагогического образования.

Психологи обращают внимание на то, что процессы глобализации экономики, миграции населения, динамичность современной жизни актуализируют в качестве защитной реакции человеческой психики обращение к этническим ценностям, этническую самоидентификацию. Игнорирование этих явлений, пренебрежение известными национальными педагогическими системами приводит к некачественной организации процессов обучения и воспитания подрастающих поколений, способствует обострению негативных тенденций в мире, в системе образования (типа понижения успеваемости обучения, показателей развития личности учеников; повышения детской заболеваемости; омоложения детской преступности, суицидальности и т. п.). Решение этих проблем доступно специалистам в области образования со сформированной этнопедагогической компетентностью, которая позволяет учитывать в процессе профессиональной деятельности опыт народного воспитания, специфику социализации личности в условиях культуры конкретного этноса.

Вопросы определения профессиональной компетентности педагога, характеристики ее структурных компонентов рассматривались в трудах А. Деркача, И. Зимней, И. Зязюна, Н. Кузьминой, А. Марковой, В. Сластенина; особенности организации процесса формирования разных видов этого личностного образования освещались О. Бигич, А. Гурой, Я. Кичуком, В. Радулом, С. Раковым, Е. Смирновой-Трибульской, Л. Хоружей, А. Шестопалюком и др. учеными. Достижения народной педагогики описывали этнографы, педагоги, психологи, среди которых Г. Волков, И. Кон, В. Кукушин, Н. Лысенко, М. Мид, М. Стельмахович, Э. Эриксон; традиции социализации детей у разных народов изучали А. Измайлов, В. Мосияшенко, Л. Редькина, К. Салимова, Е. Сявавко, М. Хайруддинов и др. Использование этого опыта в профессиональной деятельности педагога, специфика формирования этнопедагогической компетентности будущего учителя не нашли надлежащего освещения в научной литературе.

Целью данной статьи является изложение некоторых результатов изучения этнопедагогической компетентности учителя. Выявление сущности этнопедагогической компетентности учителя как личностного образования, характеристика ее структурных компонентов с позиций компетентностного подхода и определяют научную новизну предложенной статьи.

Этнопедагогическую компетентность учителя в исследовании мы трактуем как разновидность профессиональной компетентности педагога, которая выявляет осознание специалистом опыта познавательной деятельности в сфере этнопедагогики, эмоционально-ценностных отношений, опыта творческой деятельности в оперировании этнопедагогической информацией, опыта решения педагогических проблем, связанных с применением на теоретическом и практическом уровнях этнопедагогической культуры. Этнопедагогическая компетентность педагога предполагает владение знаниями о взглядах разных народов мира на ребенка, семью, составляющие социализации, обучения и воспитания подрастающих поколений.

Сложность этнопедагогической компетентности как педагогического явления обуславливает выделение ее структурных составляющих, содержание которых определяется личностной сущностью этнопедагогической компетентности педагога.

Одним из основных компонентов профессиональной компетентности, о чем свидетельствует анализ теорий, предложенных отечественными учеными, является знаниевый. Знания, по мнению Р. Стернберга, являются необходимым условием любой компетентности[1]. К единицам знаний ученые относят факты, понятия, теории, технологии и др. Разновидностями этих элементов являются правила, нормы, алгоритмы действий, которые выступают основой решения жизненных и профессиональных проблем.

На взаимосвязи фактов и компетентности акцентируют внимание М. Люссо, Г. Роджерс, Хо Анжела. Компетенции М. Люссо связывает со способностью «трансформировать факты в проблемы»[2]. И. Ермаков считает, что компетентность появляется «в результате ознакомления с определенной темой фактов» и нужна для работы с фактами[3].

Фактами в этнопедагогике выступают статистические данные, касающиеся жизни детей, информация этнокультурного характера, взгляды и нормативные каноны человека, факты про традиции социализации и воспитания детей у разных народов из этнологических, этносоциологических и этнопсихологических источников и т. п.

Н. Гузий считает, что профессионально-педагогическая компетентность «отражает академическую зрелость педагога и богатство его профессионального тезауруса»[4]. При этом тезаурус традиционно определяется как совокупность понятий из определенной области науки. Академичность ассоциируется с известными в научных кругах теориями. Будущий специалист в области образования со сформированной этнопедагогической компетентностью должен усвоить понятия про основные категории этнопедагогики, представления о воспитательных идеалах, взглядах на традиционные системы воспитания детей у разных народов и т. п.

Считается, что профессиональная деятельность учителя неотделима от мышления на всех ее этапах: при осмыслении цели, анализе проблемной ситуации, решении профессиональных задач. Педагогическое мышление М. Кашапов определяет как «вид профессионального мышления, который позволяет субъекту познавать сущность педагогической ситуации и организовывать свои педагогические действия по ее целенаправленному преобразованию»[5]. Соответственно, этнопедагогическая компетентность специалиста будет проявляться в осознании этнопедагогической информации, видении ее проблемности и возможных трудностей в применении на практике, адекватности оценки собственных этнопедагогических знаний и конкретной ситуации, относительно которой можно применять этнопедагогический материал, накопленный в результате образования и самообразования.

Структурный компонент этнопедагогической компетентности, который предполагает получение и обработку этнопедагогической информации, познание в рамках соответствующей области знаний и сферы деятельности, мы называем когнитивным. Составными этого компонента являются этнопедагогические знания и интеллектуальные умения; элементами — этнопедагогические факты, понятия, теории, технологии.

М. Роменвиль, рассматривая особенности реализации компетентностного подхода в университетском образовании, акцентирует внимание на переориентации целей образования «в сторону мобилизации знаний»[6]. С. Адам, А. Барц, К. Бридис, Т. Брикер, Х. Гонсалес, Н. Шапер, Х. Шепер и другие специалисты в области профессионального образования склонны к мысли о том, что компетентность любого вида раскрывает меру включенности в активное действие.

Этнопедагогическая компетентность проявляется в инициативности студента во время изучения этнопедагогического материала, активности в решении проблемных ситуаций, способности отстоять собственную идею во время рассмотрения дискуссионных вопросов, оперативности выполнения практических задач, творческого применения этнопедагогического материала на практике, во время педагогического общения и т. п. Эта часть этнопедагогической компетентности находит отражение в операционно-технологическом компоненте, который базируется на структурированных знаниях, многочисленных разноуровневых умениях, которые саморегулируются в процессе применения на практике.

Этнопедагогическая деятельность, как и любая другая, представляет собой систему активных процессов, которые отвечают определенной потребности, подчиняются мотиву и реализуют самостоятельное отношение к миру. Е. Иванова обращает внимание на то, что при компетентностном подходе личность овладевает «значимым для нее содержанием»[7]. Таким образом, компетентность любого вида взаимосвязана с мотивацией деятельности. Мотивами деятельности, по мнению В. Вилюнаса, В. Ковалева, Е. Кузьминой, Б. Ломова, К. Платонова, могут выступать идеалы, интересы, убеждения, социальные установки, ценности.

Этнопедагогическая компетентность учителя предполагает овладение системой педагогических ценностей разных народов, открытие на этой основе новых педагогических ценностей. В ряде мотивов деятельности особенное место занимают ценностные

---

[1] Практический интеллект/Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. СПб.: Питер, 2002. С. 13.

[2] Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход. Под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. С. 232.

[3] Життєва компетентність особистості: від теорії до практики: Науково-методичний посібник. За ред. І. г. Єрмакова. Запоріжжя: Центріон, 2005. С. 223.

[4] Гузій Н. В. Педагогічний професіоналізм: Історико-методологічні та теоретичні аспекти: монографія. К.: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2004.С. 181.

[5] Кашапов М. М. Психология педагогического мышления: Монография. Спб.: Алетейя, 2000. С. 41–42.

[6] Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход. Под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. С. 233.

[7] Иванова Е. О. Компетентностный подход в соотношении со знаниево-ориентированным и культурологическим//Интернет-журнал «Эйдос». - 2007. - 30 сентября. http://www.eidos.ru/journal/2007/0930–23.htm.

ориентации, которые выступают важным фактором регуляции, детерминации мотивации личности. Ценностные ориентации как элементы внутренней структуры личности основываются на знаниях, чувствах, убеждениях, тем самым выступая связующим звеном разных компонентов этнопедагогической компетентности. Таким образом, целесообразно говорить о наличии не просто мотивационного, а мотивационно-ценностного компонента этнопедагогической компетентности, который представляет собой систему ценностных ориентаций, отношений, потребностей, мотивов, интересов в области этнопедагогики.

Развитые ценностные ориентации считаются признаком социальной зрелости личности, показателем сформированности профессионального менталитета[1]. Стойкая совокупность ценностных ориентаций обуславливает ряд качеств личности, важных для реализации профессиональных компетенций. С. Вершловский, И. Колесникова, Н. Кузьмина, З. Курлянд, А. Маркова, Л. Митина, Е. Пехота, Дж. Равен к этой группе относят положительную Я-концепцию, настойчивость, доброжелательность, оптимизм, толерантность, наблюдательность, эмпатийность, рефлексивность и другие качества.

К. Вианис-Трофименко, Г. Лисовенко среди важных качеств личности учителя выделяют также терпимость, отзывчивость, уравновешенность, утонченность, человечность. И. Зимняя для профессиональной деятельности важными считает целенаправленность, организованность, ответственность.

Социальная ответственность считается одним из системообразующих элементов социальной зрелости, которая, по мнению В. Радула, является важной характеристикой профессионализма учителя. Ученый подчеркивает, что социальная зрелость является сложным образованием, которое предполагает объединение разных качеств личности[2]. Учитывая, что в состав структуры социальной зрелости, кроме социальной ответственности, входят социальная активность и социальная самоопределенность, можно говорить про важность этого качества для становления и функционирования педагогической компетентности, в том числе этнопедагогической.

Интегрированным качеством личности компетентного учителя считается индивидуальный стиль профессиональной деятельности, который взаимосвязан с реализацией учителем своего творческого потенциала, креативности, на что обращали внимание в своих работах Н. Гузий, Н. Кичук, А. Маркова, С. Сисоева.

Все качества личности можно условно разделить на общепрофессиональные и специальные. Общепрофессиональными выступают познавательная активность, целенаправленность, положительная профессиональная «Я-концепция», адекватная самооценка, профессионализм психических процессов, владение собой, рефлексивность, эмпатийность, креативность, социальная зрелость. Специальными, важными для данного вида педагогической компетентности, выступают этническая самоидентификация, толерантность, межкультурная чуткость и др. Предложенные качества личности способствуют формированию этнопедагогической компетентности педагога, а также усовершенствуются благодаря ей.

Детально изучив структуру педагогической компетентности, А. Маркова выделила в ней пять основных блоков, среди которых индивидуальная и личностная компетентности. Личностная компетентность, по мнению автора, предполагает владение приемами личностного самовыражения и саморазвития, а индивидуальная компетентность — владение приемами самореализации и развития индивидуальности в рамках профессии, готовность к профессиональному росту, способность к индивидуальному самосохранению, умение организовать свою работу без перегрузок. Учитывая ценность как индивидуальной, так и личностной компетентностей для учителя, их взаимосвязь, мы выделяем индивидуально-личностный компонент этнопедагогической компетентности.

Таким образом, овладение будущего педагога многовековым опытом народной педагогики, грамотное его использование на теоретическом и практическом уровнях позволяет эффективно организовать педагогический процесс в условиях поликультурности. Результатом такой профессиональной подготовки является формирование этнопедагогической компетентности, которая представляет личностную характеристику специалиста в области образования в единстве таких компонентов: когнитивного (владение знанием содержания компетентности в виде этнопедагогических фактов, понятий, теорий, технологий), мотивационно-ценностного (выявляет отношение к содержанию этнопедагогической компетентности в системе потребностей, мотивов, идеалов, интересов, ценностей), операционно-технологического (опыт проявления этнопедагогической компетентности в профессиональной деятельности), индивидуально-личностного (эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления этнопедагогической компетентности, важные личностные качества).

Riskeldi M. Turgunbaev, Chair of the mathematical analysis, the Tashkent State pedagogical university,
103, J. H. Hojib street, Tashkent, Republic of Uzbekistan

About some approaches of realization of succession in training elements of the mathematical analysis in the system college — pedagogical university

Effective realization of succession of educational programs is a necessary condition for formation of intellectual, personal, behavioral qualities, knowledge and skills of students, creations of potential for the further personal development. Usually in the works devoted to the problem of realization of succession in teaching mathematics in the system college — pedagogical university, the educational process is considered separately in the university and the college (school). These works do not contain the methodic to reveal the rational logic for construction of educational material, including problems and exercises, and do not take into account hierarchy of the process of its understanding and mastering. The purpose of the present work is to investigate and develop methodical approaches of realization of succession in teaching elements of the mathematical analysis in the system college — university.

---

[1] Акмеология: Учебник. Под общ. ред. А. А. Деркача. М.: Издательство РАГС, 2002. С. 30.

[2] Радул В. В. Соціальна активність у структурі соціальної зрілості (теоретико-методологічний аспект). Кіровоград: «Імекс-ЛТД», 2011. С. 14.

Introduction

Last decades reforms in Uzbekistan are directed on realization of the main state task: development of economy, its raising on the level corresponding to the world standards. The aims laid down by the state have caused requirement of a society for experts highly skilled, creatively conceiving, which are able to continuous self-teaching. As the consequence, reforming process has mentioned also the education system. Target orientations of a state policy in the sphere of education have been designated in the following basic documents: "the Law on Education", "the National Program of Training Specialists"[1].

On the basis of these documents, the continuous education system with the following structure has been created in the Republic:

• Preschool education, which is carried out till 6–7 years in a family or preschool centers;

• Elementary education containing training children in first 4 classes of general education school from 6 or 7 years;

• The general education — in 5–9 classes of general education school;

• Secondary vocational and specialized secondary education of teenagers, which is carried out in academic lyceums and professional colleges, period of this training is not less than 3 years;

• Higher education, which is carried out in a bachelor degree, period of training is not less than 4 years, and a magistracy, period of training is not less than years.

• Post graduate education, which can be received in higher educational and research institutions (postgraduate study, adjuncture, doctorate, and others);

• Improvement of professional skill and retraining of personnel;

• Extracurricular education, which purpose is to satisfy individual educational-developing requirements of children and teenagers, the organizations of their leisure time and time at rest.

The structure of continuous mathematical education in Uzbekistan has two substructure. The first one is stable — elementary school (the subject: mathematics), the basic school (5–6 classes, the subject: mathematics), the basic school (7–9 classes, subjects: algebra and geometry). The second substructure depends on a choice of students, and the following variants are possible in it: a) general educational course of mathematics (the subject: mathematics), bases of higher mathematics; b) general educational course of mathematics (the subject: mathematics) — higher mathematics; c) general educational course of mathematics (the subject: mathematics), separate courses of mathematics (the mathematical analysis, geometry, algebra); d) advanced course of mathematics (subjects: algebra and bases of the mathematical analysis, geometry), bases of higher mathematics; e) advanced course of mathematics (subjects: algebra and bases of the mathematical analysis, geometry), higher mathematics, f) advanced course of mathematics (subjects: algebra and bases of the mathematical analysis, geometry), separate courses of mathematics (the mathematical analysis, geometry, algebra).

Now there is the third stage of realization of the National Program. At this stage, there is improvement and the further development of the system of professional training on the basis of the analysis and generalization of the accumulated experience according to perspectives of social and economic development of the country.

In 2010, in order to ensure succession and continuity of programs of general education subjects taught in secondary, secondary special and vocational educational institutions, and also programs of subjects proceeding in higher educational schools, the special commission has been created. Experienced teachers of schools, colleges, and academic lyceums, higher education, leading methodologists and scientists have been included in the commission in all directions of general educational subjects

The commission has analyzed succession and continuity of education, and also conformity to age and physiological characteristics of students of the State Education Standards, curriculums, textbooks on general educational subjects taught at schools, colleges and academic lyceums. By results of the analysis appropriate proposals were recommended. Questions of succession of curriculums of general educational subjects studied in colleges and lyceums with curriculums of subjects continued in a bachelor degree have been critically considered. Appropriate proposals on optimization of curriculums of subjects of a bachelor degree have been made. Also curriculums, duplication in the maintenance of subjects of a bachelor degree and magistracy were analyzed.

1. The analysis of curriculums of college and pedagogical high school

New successive curriculums on all general educational disciplines, in particular, on mathematics studied in schools, lyceums and colleges, and also curriculums of subjects continued in a bachelor degree have been developed by results of the commission work.

But support of succession in the given curriculums is reduced to enumeration of a sequence of themes in the course of mathematics course.

Results of the analysis conducted during the study indicate that until now the structure and content of programs is not the end to decide the question of methodological support of succession in teaching mathematics. In this programs:

- requirements for the level of knowledge of students at the intermediate and final stages of studying the material in sections are often not clearly formulated, requirements for levels of knowledge and skills students are reflected in the unequal;
- requirements to the final level of knowledge and skills are often formulated without taking into account the perspective direction of learning content;
- content of the individual sections are formulated in such a way that the possible relation of continuity of this material is generally not visible.

For example, in the mathematics curriculum of the college[2] study of elements of differential calculus is provided in the following volume: "The function increment. Derivative, its geometrical and physical meaning. Rules of derivatives finding. Derivatives of exponential, logarithmic functions. Calculation of derivatives. Derivative of trigonometric functions. Information on harmonic oscillations. Intervals of function monotonicity (increase and decrease). Function's extrema. Research of a function and construction of its graph with the help of the derivative. Calculation of the greatest and least values of function in an interval". In the course of the

[1] Harmoniously developed generation is the basis of progress of Uzbekistan. Tashkent: "Sharq". 1998. 64 p.

[2] The curriculum for the academic lyceums and professional colleges. Mathematics (200 hours). Tashkent. 2010. 11p.

mathematical analysis in pedagogical high schools[1] differential calculus of function of one variable is studied in the following volume: "The derivative and differential: definition of the derivative, geometrical and mechanical meaning of the derivative. Equations of a tangent and normal. Continuity of the differentiable function. Derivatives of the sum, product, and quotient of functions. The derivative of a composite function. The derivative of the inverse function. Derivatives of the basic elementary functions. Differentiability and the differential. Relation between differentiability and existence of the derivative. The geometrical meaning of the differential. Invariance of the differential's form. The logarithmic derivative. The derivative of an exponential function. Derivatives and differentials of higher orders. The mechanical meaning of the second order derivative. Basic theorems of differential calculus: the Rolle theorem, the Lagrange theorem, the Cauchy theorem. The L'Hospital rules. The Taylor formula. The Taylor formula for some elementary functions. Research of a function with the help of its derivative: the condition of the function constancy. Conditions of a function monotonicity in a point and an interval. The parametrical representation of a function, differentiation of the parametrically given function. Maxima and minima. The necessary condition of a function extremum. Sufficient conditions of a function extremum. Finding the greatest and least values. Convexity of a function, a point of inflection. Asymptotes. Application of derivatives for construction of the function graph".

Comparison of fragments of programs shows that the themes studied in the college also are repeated and in the high school. But there is nothing about methodological aspects of implementation of succession in the programs.

2. Succession in teaching mathematics

Comprehensive review and search for ways to solve problems remains for many years the one of the most important problem in the theory and practice of education. Succession as the general pedagogical principle provides an organic relationship between the individual as the stages and levels of education, and within; deepens the knowledge acquired in previous stages of education; converts certain ideas and concepts of students in a coherent system of knowledge and skills.

Succession in the broad sense is the base for continuing education, when each previous level of education is seen as the source for all subsequent levels. And, in the narrow sense, it is relationship between the individual academic disciplines, and even training courses (for instance, the mathematics course in a college represents itself as the base of mathematical courses in pedagogical higher schools).

The analysis of works, in which the succession problem is addressed and solved, indicates that their authors, speaking on succession in training, mean such organization of the educational process at which the support of a new teaching material is supported to the previously studied one. Moreover, a new teaching material, entering the existing system of knowledge is better interpreted and fixed, and old knowledge, testing the effect of the new material, in turn, deepened and improved, becoming more flexible.

The majority of researchers consider that because of the earlier developed system of knowledge represents itself in this case as substantiating each separate element of again formed knowledge, skills, thereof generalization and systematization are of great importance not only in itself, but also as conditions providing support and substantiating to mastering of new knowledge. In other words, the variety of forms and means of a substantiating knowledge on the basis of their generalization and systematization is the condition to realize succession in the course of training.

Today, as the main approach to succession realization in methodical researches of methodologists, it is associated, basically, with realization of conditions inside and between subject relations. However, we note that in researches of methodologists the problem of succession is considered most often in one aspect: INTER or cross curricular. However, we should notice that in researches of methodologists the continuity problem is considered more often in any one aspect: intrasubject or intersubject. Thus, the presence in the programs (and curricula), the unique course in mathematics (grades 1–6) and various subjects (algebra, geometry, and the beginning of the analysis) often leads to the fact that the classification of connections to the intra-disciplinary or interdisciplinary area has purely terminological character.

In papers, where the problem of realization of succession in the system the school — university or college — university[2] is considered, authors analyze mainly the teaching process of the university, provide a variety of recommendations to ensure succession in teaching mathematics in high school. An exception is[3], which deals with methods of teaching algebra and mathematical analysis began in college (academic high schools) with in-depth study of mathematics. The authors offer their program continuity, teaching methods that make up students' knowledge and strong general mathematical skills. But in these works the study of the implementation of the continuity of the elements of mathematical analysis in the college-high school are not considered together.

In these and other methodological papers necessarily declared the need for full implementation of continuity in learning to focus on the logical relationship of input concepts and features of the psychology of learning.

However, the analysis shows that none of the work is not represented and did not specifically involve types of succession, marked by philosophers, and the mechanisms of learning are identified and described in the psychological theories of learning. Also, never presented a rational method of identifying the logic of building the content of educational material and accounting hierarchy process, it is learned. All this suggests that there is still little attention in resolving the problem of continuity is given to the student and, therefore, proposed approaches to the implementation of continuity in training although they are quite effective, but before the end of this problem can not solve.

---

[1] The curriculum of the discipline "Mathematical analysis" for a bachelor degree direction "Methodic of teaching of mathematics". Tashkent. 2011. 22 p.

[2] Antonova I.V. Realization of the principle of succession of teaching mathematics in secondary and higher educational schools. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Moscow. 2005. 197 p; Nesterova L.Yu. Succession in teaching mathematics of a school in a pedagogical university. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Kazan. 2005. 201 p; Nurieva S.N. Succession of multidisciplinary training of students in the system "a school – a technological university". Thesis of dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Saransk. 1997. 18 p.

[3] Tkachenko M.E. Ensuring of succession of studying the mathematical analysis in the system college – higher educational school. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Novosibirsk. 2004. 161 p; Allambergenova I. Succession in teaching mathematics from the position of te activity approach. // Vestnik. Nukus. 2009, No.1. p.121-123.

3. Methodological approaches to implementation of primary conditions necessary for the effective realization of succession in training

3.1. Selection of the content of educational information

As it is know, the clear selection of elements of the content of educational information by a topic, section and school subject is in the whole the necessary step for the realization of succession in training. It is conditioned by the fact that selection of the content of educational information is the most important component of the activities associated with the task of particularly didactic purpose, and, in turn, the majority of methodological problems can be not solved without unambiguous formulation of these ones. The clear selection of elements of the content of educational information by the topic, section and school subject means in the whole, essentially, the answer to the question of what a student should learn.

3.2. Prescribing the required understanding quality of an educational information

Prescribing the required understanding is the answer to the question of how students should to know educational information in cluded in the content of the topic, section, and a school subject, in the whole. Note that researchers[1] proposed several approaches to solving this problem.

In this paper, we use the approach by V. P. Bespalko[2]. He offered to select the elements of information to be mastering on the basis of the analysis of its scientific beginning, to define the required quality of the assimilation of selected items of information using two indicators that describe this quality as it were, in two dimensions: on the one hand, by the level of activities that students can perform using assimilated information, and, on the other hand, by the level of abstraction that characterizes the language describing the understanding elements of information used by learners when performing activities.

In this addition, V. P. Bespalko was able to connect uniquely levels of knowledge formed in training with precise characteristics of possible levels of activity, and levels of abstraction of understanding information with characteristics of ways of describing the characteristics of activities typical for objectively existing levels of development of any science.

Isolation of these quality indexes of knowledge is based by V. P. Bespalko on a number of reasons. Their essence is the following:

Two types of activity are distinguished by means of using in the external terms of learning information: reproductive and productive. Reproductive and productive activities can be carried out with varying degrees of independence: with an external support — with the help or without an external support — without the help.

Reproductive activity carried out with an external support, as a rule, consists in the recognition of objects by comparing the essential feature of the object with the object at their repeated perception. In this case, the object shown is identified with its essential feature under condition of repeated perception of before assimilated feature.

Reproductive activity performed without an external support, consists in either the assimilated information from the memory, i. e. "in pure" reproduction, or in application of the previously assimilated way of action to a similar situation. In this case one can speak about the activity by the sample or activity in a typical situation.

Productive activity carried out with an external support can consist in transformation of already known ways of activity for solving new problems. In this case the student creates objectively new information.

Productive activity carried out without an external support consists in creation by the student of objectively new information unknown earlier in a science and practice on the basis of the assimilated information. In this case it is possible to speak about creativity.

Since V.P. Bespalko clearly correlated the selected four levels of activity with the quality of the assimilation of information, we can speak of four levels of knowledge: I level of knowledge – "knowledge of acquaintance" (I level of activity) – α1; II level of knowledge – "knowledge of copy" (II level of activity) – α2; III level of knowledge – "knowledge of skills" (III activity level) – α3; IV level of knowledge – "knowledge of transformation" (IV level of activity) – α4.

Analysis of the situation of science in many fields of human activity gave the ground for scientists for conditional distinguishing of description ways of phenomena of reality as the objective development stages of any science. He called these stages as the stages of abstraction in description of the corresponding events reflected in the scientific information. Note that, indeed, in the process of penetration of scientific knowledge into essence of objects and natural phenomena, the person, using various "languages", reflects more and more precisely in his descriptions the laws directing their functioning. In knowledge, there is a process of gradual transition from ascertaining to a prediction and from it to the forecast. Taking it into account, scientists identified four ways for describing events and objects typical to the levels of the science development: phenomenological, analytically-synthetic, predictive, and axiomatic.

V.P. Bespalko in correspondence with that identified four possible ways (language) of students' descriptions of events and objects in reality performed by them on the basis of the information assimilated in the process of learning. This indicator is the quality of their knowledge indicated by the letter "β". In this addition:

β1 characterizes the external descriptive statement of an essence of the studied objects (cataloguing of objects, ascertaining of their properties and qualities). So-called "everyday language" is used mainly.

β2 characterizes the use of quality relationships and connections to describe the objects, that explain the essence of the facts and properties of objects, patterns of processes and phenomena. The specific language of science is used.

β3 characterizes explanation of the essence of objects; phenomena and processes with the help of quantitative indexes of properties and relations. It provides possibilities to predict analytically the laws and properties on the base of simulation (conditions for uniquely prediction of the timing and amounts in the outcomes of phenomena and processes are provided). The mathematical apparatus (a language of the quantity theory) is widely used as the language.

β4 characterizes explanation of the essence of objects, phenomena and processes on the base of using the high degree of generality of description both in the breadth of material and depth of penetration into its essence. (It is possible also a long-term prognosis). The mathematical apparatus is used as the language.

---

[1] Babnskiy Yu.K. Intensification of the learning process. Moscow, "Znanie". 1987. 78 p; Lerner V.S. The content of education: the nature, structure and prospects. Moscow, "Vysshaya shkola". 1991. 223 p.

[2] Bespalko V.P. Terms of educational technology. Moscow, "Nauka". 1989. 192 p.

Using the shown above levels of knowledge and levels of abstraction when specifying the required quality for assimilation of the educational information, as shown above, it is possible to establish initial and final values for each educational and to fix them in a special table – the table of educational elements.

In this addition, to determine initial values of α and β by each educational element of the maintenance of a teaching material means to define what knowledge by the selected content students have before beginning of training. In the process of determining the initial values of α and β, it is necessary to mean that not all elements of the content of an educational material are new for students (have the initial values of α and β equal to zero). Some elements can be somehow assimilated already at studying of the previous themes of the given subject or at studying of other subjects.

In this context, to determine the initial value of "α" on this or that element, it is necessary to perform a certain level of control activities on the basis of previously studied information starting from capabilities of students.

For example, if students can find objects under their repeated perception and to the essential signs of objects prompted to it, the initial level of knowledge by the relevant elements of the educational information should be set equal to unity (α=1).

Determining the initial value of the abstraction level "β" on this or that elements of content of the theme, it is necessary to mean that it should correspond precisely to the way (language) of the description of objects acquired by the students to the beginning of studying the theme.

For example, if students are already fluent in the language of the qualitative theory for the description of any objects, the initial value of the abstraction level by the corresponding elements of the educational information should be set equal to two (β=2).

To determine the final values of α *и* β for each element of the content of an educational material means to set what knowledge by the studied content students should have.

Here and below, the objects are understood as subjects, phenomena, processes and ways of working characteristic for the determination of the scientific field.

The final level of knowledge by each element of the theme content should be determined starting from requirements of learners in the ability to handle them in future training and practice. For example, if a student in the future will require the ability to use assimilated information in a non-standard situations for solving non-standard problems, then the level of knowledge by the corresponding elements of the educational information should be set equal to three (α=3).

The followings can be the basis for establishing final values of the elements of abstraction levels for the content of the training theme:

- the method (language) of the objects description in that field of the modern science, on the basis of which the educational information is made;
- subsequent use of the method (language) of the objects description in the learning training or practice.

For example, if the language of the quantitative theory formed in a field of science to describe objects, and students, in accordance with the terms of their future training or practice can restrict themselves to the language of the qualitative theory, then it is possible to establish by the corresponding elements of the educational information the levels of abstraction equal to two (β=2).

We show below an example of a table of educational elements (examples of setting the required quality of understanding) (Table 1).

Table 1

Table of educational elements on the theme "Rules of differentiation", indicating the initial and final values of α and β

No.	Names of educational elements	College				Pedagogical university			
		α	α	β	β	α	α	β	β
1.	$\left(f(x)\pm g(x)\right)' = f'(x)\pm g'(x)$ — the derivative of the sum (difference) of the functions is equal to the sum (difference) of their derivatives	0	2	0	1	2	3	1	2
2.	$(Cf(x))' = Cf'(x)$, C=const	0	2	0	1	2	3	1	2
3.	$(f(x)\cdot g(x))' = f'(x)g(x) + f(x)g'(x)$ — the derivative of the product; (without the proof)	0	2	0	1	2	3	1	2
4.	$\left(\frac{f(x)}{g(x)}\right)' = \frac{f'(x)g(x) - f(x)g'(x)}{g^2(x)}$, $(g(x)\neq 0)$ — the derivative of the quotient, in particular, $\left(\frac{1}{g(x)}\right)' = -\frac{g'(x)}{g^2(x)}$ (without the proof)	0	2	0	1	2	3	1	2

Remark. The studying the theory of limits is not included in the program of college. Therefore it is not considered the strict definition of the limit of difference quotient and its properties. For this reason, some college mathematical courses do not content the strict proof of some formulas for the derivatives or these formulas are given without proof. Therefore, the final abstraction level of these formulas (or corresponding theorems) is equal to 1.

3.3. The problem approach to the implementation of succession

The following approach is based on the idea of multilevel system of problems[1]. The idea essence consists in the following: at first elements of the maintenance of a theme or a course are defined; further key problems are defined, and the multilevel system of problems is constructed round the key problems.

For example, the key problems of the general education (basic) level for elements of the differential calculus are:

1) calculation of derivatives of elementary functions by definition;
2) calculation of derivatives (with the table of derivatives and corresponding theorems);
3) investigation of the function on the monotonicity;
4) investigation of the function on the extremum;
5) finding the smallest and largest values of a function continuous on the segment;
6) the complete investigation of a function and tracing its graph;
7) finding the equation of the tangent;
8) calculation of the rate of the function change (application of the derivative).

The formation of the multi-level problem system of the theme can be realized through its matrix representation based on selection of the ranked list of the basic elements of the content and the corresponding key problems — on the one hand, and levels of learning, reflecting the ability to solve the familiar, modified and unfamiliar tasks — on the other hand. Such a matrix model can be conveniently represented as follows (Table 2):

The matrix of the problems system for a theme constructed in this way contains three lines corresponding to three types of learning situations that arise when solving problems, and N columns reflecting the number of levels in the selected system of the key problems of the theme.

Table 2

		Substantial subject-levels (which are determined by the level of the key tasks)			
		I	II	…	*N*
Levels of formed abilities to act in a situation	I (familiar)				
	II (modified)				
	III (unfamiliar)				

Training activity for solving problems occurring in the first row of the matrix of the system of educational problems is of the reproductive character. The student identifies (recognizes familiar problems in a number of similar ones), reproduces learned methods or algorithms of actions, applies understood knowledge in a practical way for a class of one-type problems and obtains the new information on the basis of the assimilated pattern of activity. Used for this problems-exercises differ for explicit connections between the data and the desired quantity (known and unknown) elements, and their solutions are based on direct reproduction of the known facts, formulas, algorithms, transformations. The problems of the first row of blocks are used to generate the techniques for performing named operations and fixing the relevant skills. They provide the minimum required learning result which is reflected in the standard of general educational course of mathematics[2].

In solving the problems of the second row, the reproductive training activity is combined with the reconstructive one, the samples in which are not only played from the memory, but are reconstructed in some modified conditions. When filling the corresponding block of the matrix, the key problems are subjected to the variation by the algorithm, the technical complexity, the form of the condition presentation, the complex combination of these transformations

Finally, in solving the problems of the third row, the study activity is creative. The student should be able to navigate in new situations and to develop new programs of action in principle. Solving the problems of the corresponding block requires that a student possesses a vast fund of completed and rapidly deployable algorithms: the ability to convert quickly the information from the sign-symbolic form in the graphic one and, conversely, from the graphic form to the sign-symbolic one, systematic vision of the course. However, it is not merely involves the use of old algorithms in new conditions and an increase in technical complexity, but differs by non-obviousness of application and combination of studied algorithms. The problems of this level are of complicated logical structure and characterized by the presence of latent connections between the data and the unknown elements. These problems require the ability to use general heuristic methods, and often the knowledge of additional special techniques.

To construct these problems we use the concept of uniformity of problems[3]. Problems and exercises, characterized by the following general parameters (invariants), are called the one-type:

I1: invariance of the applied solution algorithm or a primary (key) element of the content of education (the algorithm is not rebuilt, not completed);

I2: invariance of the technical complexity (transformation are not complicated, no additional operations are required);

I3: invariance of the presentation of the problem situation (standard of notations, arrangements or configurations of objects, openness of possibilities of using, standard algorithm).

---

[1] Klekovkin G. A. The role of support problems in realization of competence approach in teaching mathematics.//On the directions of teaching-methodological in the 2002–2003 academic year. Samara. 2002. p.106–116; Maksyutin A. A. The multilevel system of problems as a tutorial of students of schools to algebra and beginnings of the mathematical analysis. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Samara. 2007. 232 p.

[2] The State Standard of Uzbekistan. State system of standards of continuous education of Uzbekistan. Secondary specialzed, vocational education. Tashkent: "Sharq". 2001. 192 p.

[3] Maksyutin A.A. The multilevel system of problems as a tutorial of students of schools to algebra and beginnings of the mathematical analysis. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Samara. 2007. 232 p.

Thus, the triple of parameters (invariants) I1, I2, I3 defines a specific type of problems in the three-dimensional array of similar problems. Therefore, the problems, in which the triads (I1, I2, I3) coincide, can be named one-type.

It is clear that the change in one, all the more 2 or 3 parameters (invariants) leads to the problems of other types. Varying the parameters can be used to create problems of different levels of complexity and difficulty. Note that variation of even one parameter at constant the other two often leads the student to his surprise, it is very valuable from a psychological point of view, not gives possibility to develop false associations refreshing perception and activating the account.

Take for example such element of educational content (or the corresponding key problem) as the algorithm for finding maximum and minimum values of the function ($\max\limits_{[a,b]} f(x)$, $\min\limits_{[a,b]} f(x)$) differentiable on (*a, b*). Variation of the invariants I1, I2, I3 can lead to the next group of problems, which are used the one algorithm, but differ significantly be the level of complexity.

Example 1: To find the greatest and least values of the function $y = x^2 + x + 1$ on the segment [–2;3].

Example 2. To find the greatest and least values of the length of the vertical segment situated between graphs of two parabolas $y = -x^2 - 6x - 4$ and $y = x^2 - 4x + 3$ where $x \in [-4;4]$.

Example 3. To find the range of the function $y = \sin 2x$ on the segment $\left[\operatorname{arctg}\frac{1}{2}; \operatorname{arctg} 3\right]$

If the possibility to apply the standard algorithm is obvious in the first problem, the second one is an unusual form of veiled submission of data; formulation of the third problem immediately points to the standard algorithm, but the technical difficulties associated with realization of the algorithm are great, it is required actualization of additional elements of knowledge (the universal trigonometric substitution), execution of a sophisticated analysis by belonging the critical point to the given interval.

So, taking an element of educational content (the key problem), we vary with the help of the purposefully sequence of problems the important parameters of the one-type problems constructed around the taken element (the problem). This variation of triads (I1, I2, I3) for a constant element of the curriculum leads to the constructing the "e neighborhoods" of the key problems extend after transition in a high school. For example, if we consider the first key problem "calculation of the function derivative by definition", that it is sufficient to restrict by rational functions, but one can consider at the university other elementary functions, piecewise-defined functions, one-sided derivatives.

Solution of the array of problems relating to the taking element of the content lead to the formation of the new level (or sublevel) in the system of mathematical knowledge and skills of students, constructing relationships between the elements of knowledge, ways, techniques, methods, and it is happened the next restructuring, the analytic-synthetic processing of old and new knowledge, their estimate. And this is understanding and expression of succession in the methodological aspect.

Note also that the matrix representation in the filling system of the theme problems and their use allows to realize automatically the principle of succession. Succession is the law of development, which consists in the fact that a developing object preserves on the new level of development former properties, parameters, and functional characteristics.

Activity-related mechanisms, on which the principle of training succession can be realized, based on the transfer of the past experience in terms of the new activity: any new growths originally formed in an activity, turning into its products, and then they are incorporated into it and the following activity as interior conditions. Therefore the purposes, content, forms, methods, training tools used in each concrete stage should be based on the results of prior training and development, and taken into account at the same time the prospects and potential future trends. But it is just also initially put in the technology of filling and the further using the matrix of the thematic system of problems. Every time, consistently having passed through the familiar, modified and unfamiliar situations meeting in solving the problems, at one subject level, the student comes back to them at the higher subject level.

Conclusion

In the work, it has been succeeded to show how the results of investigations devoted to the problems of selection and constructing the structure of an educational material, determination of the quality of its understanding, the problem approach to the teaching mathematics can be taken into account at the development of approaches to realization of succession of teaching the elements of mathematical analysis in the system college — pedagogical university.

The task of required quality of understanding of educational information allows us to refine the standards, curriculums. The results of the work can be used in writing textbooks, manuals, exercise-books for colleges and universities, to create the uniform educational space in mathematics.

References:

1. Harmoniously developed generation is the basis of progress of Uzbekistan. Tashkent: "Sharq". 1998. 64 p.
2. The curriculum for the academic lyceums and professional colleges. Mathematics (200 hours). Tashkent. 2010. 11p.
3. The curriculum of the discipline "Mathematical analysis" for a bachelor degree direction "Methodic of teaching of mathematics". Tashkent. 2011. 22 p.
4. Antonova I. V. Realization of the principle of succession of teaching mathematics in secondary and higher educational schools. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Moscow. 2005. 197 p.
5. Nesterova L.Yu. Succession in teaching mathematics of a school in a pedagogical university. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Kazan. 2005. 201 p.
6. Nurieva S. N. Succession of multidisciplinary training of students in the system "a school — a technological university". Thesis of dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Saransk. 1997. 18 p.
7. Tkachenko M. E. Ensuring of succession of studying the mathematical analysis in the system college — higher educational school. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Novosibirsk. 2004. 161 p.

8. Allambergenova I. Succession in teaching mathematics from the position of te activity approach.//Vestnik. Nukus. 2009, No.1. p.121–123.
9. Babnskiy Yu. K. Intensification of the learning process. Moscow, "Znanie". 1987. 78 p.
10. Lerner V. S. The content of education: the nature, structure and prospects. Moscow, "Vysshaya shkola". 1991. 223 p.
11. Bespalko V. P. Terms of educational technology. Moscow, "Nauka". 1989. 192 p.
12. Baller E. A. Succession in the development of culture. Moscow, "Nauka". 1969. 310 p.
13. Klekovkin G. A. The role of support problems in realization of competence approach in teaching mathematics.//On the directions of teaching-methodological in the 2002–2003 academic year. Samara. 2002. p.106–116.
14. Maksyutin A. A. The multilevel system of problems as a tutorial of students of schools to algebra and beginnings of the mathematical analysis. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. Samara. 2007. 232 p.
15. The State Standard of Uzbekistan. State system of standards of continuous education of Uzbekistan. Secondary specialzed, vocational education. Tashkent: "Sharq". 2001. 192 p.

Frolova Svetlana,
GBOU "Pedagogical Academy of Postgraduate Education", Moscow, Russia
Фролова Светлана Леонидовна,
ГБОУ «Педагогическая академия последипломного образования», г. Москва, доцент кафедры развития образования

The content of the ideals of modern students and pupils

Содержание идеалов современных студентов и школьников

Кризис общественно-политической системы 90-х годов XX века вызвал глубокий духовно-нравственный кризис, сопровождавшийся крушением бывших политических кумиров и идеалов, утратой социалистических ценностей. Потеря прежних идеалов огромным числом людей была воспринята как личная трагедия, тем более что новое время не предложило ничего взамен. На рубеже XX–XXI веков не стало «общепринятой, приемлемой для всего общества идеологии»[1] и «общественно-педагогического» идеала[2], определяющего педагогическое целеполагание, средне- и долгосрочное планирование развития отечественной школы. Перестав рассматривать воспитание как приоритетное направление своей политики, государство с начала 90-х годов, по справедливому замечанию С. Л. Ивашевского, взяло «курс на форсированный уход из сферы образования, передачу заботы о нем органам местного самоуправления, попечителям и спонсорам»[3].

При этом интерес в науке к изучению ценностных ориентаций заметно активизировался, поскольку педагогика как «осмысление воспитания» (С. И. Гессен) не может обойтись без идеала — главной цели и желанного результата процесса. В течение первого десятилетия нового века по указанной проблеме публикуется большое количество научных работ, сравнительный анализ которых позволяет сделать следующие выводы.

1. Понятие «идеал» в течение последних лет устойчиво размывается в сознании школьников и студентов. Обучающимся свойственно однобокое («образец» или «образ для подражания») или искаженное («кумир» или «идол»: делай, как я; будь, как я) понимание идеала. И. А. Орешина приводит факт, что около 60% молодежи оценивает субстанцию «идеал» как насилие над личностью и предпочитает прожить без идеала вообще[4]. Исследования М. К. Горшкова, Э. Ф. Шереги[5], О. Волкогоновой[6] показывают, что для современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушие к каким бы то ни было идеалам.

2. С 1990 года по 2010 год снижается количество школьников и студентов, имеющих положительные идеалы. В диссертации И. Г. Завойчинской[7], изучавшей в течение 1997–1999 гг. идеалы городских и сельских школьников, указывается, что 40% учащихся старших классов и 75% учащихся средних классов имеют положительные нравственные идеалы. Исследование идеалов старших школьников, проводимое С. Л. Гостомысловой в 2001–2004 гг., показало, что 42% из них имеют идеалы[8]. Современные результаты исследований показывают значительно более низкие цифры. Исследование, проведенное Институтом социальных и национальных проблем и Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда

[1] Яновский Р. Г. Мировоззрение. М. «Кн. и бизнес». 2007. С. 130.

[2] Левитес Д. Г. Цели и смыслы отечественного школьного образования (о парадигмальном кризисе в отечественном образовании и педагогической науке)//Мир образования – образование в мире. 2009. № 2. С. 3–11.

[3] Ивашевский С. Л. Идеал образованности как фактор развития правовых норм образования//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 97.

[4] Орешина И. А. Роль идеала в духовно-нравственном становлении современной учащейся молодежи//Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2. С. 217–220.

[5] Горшков М. К. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи/М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1[95]. С. 5–36.

[6] Волкогонова О. Идеалы современной вузовской молодежи/О. Волкогонова, А. Малов, Е. Панина//Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 105–118.

[7] Завойчинская И. Г. Формирование нравственных идеалов учащихся в деятельности школьных клубов книголюбов: дисс. … канд. пед. наук. Киров. 1999.

[8] Гостомыслова С. Л. Формирование нравственных идеалов старших школьников в условиях воспитательной среды общеобразовательного учреждения: дисс. ... канд. пед. наук. Киров. 2004.

им. Ф. Эберта в Российской Федерации в мае 2009 г., свидетельствует, что у 75% российской молодежи идеалов практически нет. 5% имели идеалы ранее, но потом разочаровались. Доля молодежи, имеющей идеал для подражания, сокращается с 31,5% в возрасте 14–17 лет до 23,1% в возрасте 25–30 лет[1]. Тенденцию к сокращению количества идеалов молодежи, к разочарованию в них с увеличением возраста отмечает В. П. Букин[2]. И. А. Орешина пишет, что только около 20% молодых людей (как правило, прошедших социальное обучение в развивающих средах) определились со своим идеалом, осознанно выбрав объект для подражания.

С уменьшением количества учащихся, имеющих положительные идеалы, увеличивается число, называющих самих себя в качестве идеала: «я и есть идеал», «я сам себе идеал», что подтверждает негативную оценку учащимися микросоциума, а также свидетельствует об их неадекватной самооценке и направленности «на себя».

3. Наметилась устойчивая тенденция к доминированию материальных ценностей над духовными, индивидуалистических интересов над общественными, эгоистических идеалов над гуманистическими. По многочисленным данным «богатство» («деньги»), «карьера» вошли в число ведущих ценностей значительного числа опрошенных. Богатство воспринимается молодыми людьми как показатель силы, престижа и власти, а также условие свободы выбора, удовлетворения разнообразных потребностей.

Как отмечают все исследователи, приоритетное значение для обучающихся имеют личные ценности, такие как удачный брак, семья, материальный достаток, хорошая работа, успешная карьера, здоровье свое и членов семьи, полезные знакомства и надежные дружеские связи, счастливая семейная жизнь, при снижении влияния общественно значимых: общество, общественная польза, общественное благо, Родина, человечество, Земля. Следует подчеркнуть, что именно эти ценности называются в качестве базовых национальных ценностей, которые призвана формировать у воспитанников российская школа[3].

Исследователи отмечают, что сегодня постепенно утрачивают свою ценность востребованные старшими поколениями трудовой героизм, трудолюбие, патриотизм и любовь к Родине, самодисциплина, товарищество и взаимопомощь, служение любимому делу и своей стране, жизнь в ладу со своей совестью, усердие, бережливость, справедливость, бескорыстие. Большое число молодых людей отдает предпочтение не общественной пользе, а личной выгоде, не повседневному труду, а удаче.

4. Изменения коснулись также выбора привлекательных личностных качеств идеала. По данным исследований 90-х годов предпочитаемыми качествами были ум, совесть, доброта, искренность, честность, справедливость, культура общения, уважение к другим, физическая сила и здоровье, развитая воля, образованность, мужество, смелость, воспитанность, гуманизм и профессионализм. В условиях новой экономической среды формируется тотальная ориентация на достижение материального благополучия, богатства, карьерного успеха, власти, поэтому наиболее ценимыми являются деловые качества: целеустремленность, самостоятельность, амбиции, решительность, инициативность, независимость, твердая воля и самоконтроль, предприимчивость.

5. Если на предыдущих этапах исследователи отмечали сильное влияние институтов школьного, в частности уроков литературы и истории, и семейного воспитания на формирование позитивных идеалов обучающихся, то в настоящее время наблюдается резкое ослабление их воздействия. В то же время усиливается влияние средств массовой информации. Настойчивое и назойливое рекламирование тех или иных товаров стимулирует ориентацию на потребление, фиксирует сознание личности на повседневном удовлетворении одних и тех же базовых потребностей. В конкретных идеалах, которые выбирают школьники и студенты, их привлекает в первую очередь внешняя сторона жизни идеала, а не внутренний мир. Среди идеалов более всего представлены отечественные и зарубежные певцы, актеры, шоумены: Ксения Собчак, Дженифер Лопес, Перис Хилтон, Алла Пугачева, Ван Дамм, Витас, Мадонна, Дима Билан; спортсмены Сычев, Татьмянина, Аршавин, Буре, Роальдо, Кабаева, Тайсон, Кличко, Дзю; есть и исторические личности: Цезарь, князь Владимир, Петр 1, Колумб, княгиня Ольга (Волкогонова, 2002; Горшков, 2010).

Ограниченное и обедненное присутствие в современном массовом сознании литературных, героических, исторических идеалов свидетельствует о существенном изменении факторов, формирующих ценностные ориентации российской молодежи. Доминирование интравертных ценностей над экстравертными объясняется референтностью для личности ближайшего социального окружения и ориентацией на получение максимума благ «здесь и сейчас».

6. Прагматизируются мотивы выбора идеала. Поскольку в подавляющем большинстве идеалами современных школьников и студентов являются герои модных журналов, то доминирующий мотив выбора кумира — «хорошо устроился в жизни», где под словом «хорошо» понимается богатство, известность, популярность.

Автором статьи было проведено исследование идеалов студентов первого курса, обучающихся по специальности «Социально-культурный сервис и туризм» (Институт сервиса, филиал ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»).

Основным методом исследования было анкетирование, предполагающее выявление мотивов выбора вуза и профессии, установление сформированности знаний об идеале как феномене сознания и изучение содержания идеалов студентов. Результаты исследования представлены в таблицах.

---

[1] Горшков М. К. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи/М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1[95]. С. 5–36.

[2] Букин В. П. Ценностные ориентации и идеалы как фактор социализации провинциальной молодежи//Регионология. 2009. № 2. С. 263–269.

[3] Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России/А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. М. «Просвещение». 2009.

Таблица 1

Мотивы выбора вуза и профессии студентами первого курса

Место в рейтинге	Мотив выбора вуза	Мотив выбора профессии
1	Стоимость обучения	Востребованность на рынке труда
2	Уровень сложности зачисления в вуз	Престижность
3	Перспективы трудоустройства	Материальная стабильность
4	Наличие интересующих специальностей	Интерес к профессии
5	Положительные отзывы родственников и знакомых	Возможность сделать карьеру
6	«За компанию с другом»	Возможность открыть «свое дело»
7	Близость вуза к месту жительства	Мода на профессию
8	Фактор качества образования	Возможность трудоустройства за границей
9	Уровень сложности обучения в вузе	Возможность путешествовать
10	Общественное мнение о вузе	«За компанию с другом», по совету родных

Полученные данные свидетельствует о низкой профессиональной мотивации студентов, потому что желание получить качественное образование занимает восьмую позицию рейтинга и под интересующей специальностью (четвертая позиция) понимается не вызывающая интерес, а привлекающая прежде всего с точки зрения престижности, востребованности и высокой оплачиваемости профессия. Результаты показывают, что у студентов при выборе будущей профессии и высшего учебного заведения преобладают утилитарно-практические мотивы, к которым гуманистическая педагогика, привыкшая опираться на широкие общественные мотивы, еще не выработала определенного отношения. Считается, что утилитарно-практические мотивы оказываются довольно сильными в конкурентной среде. Однако социальная и общественная значимость таких мотивов сводится к нулю, поскольку личность в данной ситуации направлена на получение выгод прежде всего для себя. Утилитарно-практическая профессиональная мотивации не способствует осознанию ценностного смысла профессии и возврату духовно-нравственных оснований профессиональной деятельности. Следует отметить, что утилитарно-практические мотивы считаются слабо действенными и в познавательной деятельности, поскольку материально или статусно-позиционно мотивированный студент рассматривает обучение в вузе не как цель, а средство, благодаря которому он получит диплом. В этом случае именно диплом является главной целью для обучающегося.

В ходе исследования установлено, что у 55% первокурсников не сформировано понятие об идеале на когнитивном уровне, что объясняет факт отсутствия у них идеала как мотива самосовершенствования. Самая распространенная ошибка студентов заключается в понимании идеала только как конкретной личности, на которую хочется быть похожим, и опасение, что идеал лишит их индивидуальности.

Таблица 2

Содержание идеалов студентов

Привлекательные качества	Кол-во выборов,%	Ценности	Кол-во выборов,%	Жизненные цели	Кол-во выборов,%
Самостоятельность	84	Любовь	71	Высоко оплачиваемая работа	89
Предприимчивость	80	Материальный достаток	69	Материальная независимость	75
Образованность	75	Карьера	68	Востребованность в профессии	69
Уверенность в себе	74	Любимая работа	65	Успех во всем	65
Деловая хватка	68	Здоровье	48	Дружная семья	50
Общительность	67	Семья	45	Известность, популярность	44
Решительность	50	Друзья	42	Выезд за границу	38
Стрессоустойчивость	43	Общественное признание	38	Свое дело	30
Доброта	30	Общественная польза	20	Путешествия	21
Трудолюбие	21	Общественное благо	12	Высокая должность	15

Обобщая данные, можно сделать вывод, что идеал современной молодежи — это самостоятельная, материально обеспеченная независимая личность, предприимчивая, уверенная в себе, успешная в жизни и карьере. Если бы при этом ценились такие социально-нравственные качества, как трудолюбие (последняя позиция в рейтинге), профессионализм, самодисциплина, самоконтроль (не получившие выбора студентов), позволяющие достичь высокого уровня притязаний, то в таком идеале не было бы ничего противоречащего моральным нормам и ценностям. По мнению Н. Е. Щурковой, культурного человека характеризует не отказ от материальных потребностей (что в принципе невозможно, поскольку человек — биосоциальное существо), а равномерное соотношение духовных и материальных ценностей в его ценностном мире[1]. Однако именно такие духовно-нравственные ценности и личностные качества, как труд и трудолюбие, честь и чест-

[1] Щуркова Н. Е. Воспитание: новый взгляд с позиции культуры. М. ОЦ «Пед. поиск». 1997.

ность, долг и ответственность, не входят в список предпочитаемых, занимая самые низкие позиции рейтинга, а порой и вообще не избираемых респондентами.

Таким образом, на основании полученных в процессе изучения идеалов и ценностей учащейся молодежи данных можно сделать вывод, что социокультурное состояние общества характеризуется дегуманизацией ценностных ориентиров, их смысловым обеднением и выхолащиванием, ценностным кризисом, отказом от «смыслообразующих» идей, стремительным распространением индивидуалистической потребительской идеологии, идеологии успеха, прежде всего финансового.

Причинами данного положения, по нашему мнению, являются:

— отсутствие общепринятого гуманистического общественно-образовательного идеала;

— негативное влияние средств массовой информации, пропагандирующих идеалы потребления, культивирующих материальные потребности людей, фиксирующих в сознании модус обладания;

— отсутствие единого культурно-воспитательного пространства в стране;

— отсутствие интеграции институтов воспитания: учреждений культуры и образования, семьи, средств массовой информации, печати, кино;

— усиливающаяся прагматическая ориентация в обществе, отход от духовно-нравственных оснований человеческой деятельности, коммерциализация образовательной системы;

— отчуждение педагога от ученика, а ученика от педагога, школы от семьи и наоборот.

Все выше сказанное позволяет считать задачи духовно-нравственного развития и воспитания учащейся молодежи особенно актуальными, поскольку именно нравственные идеалы являются главными мотивами непрерывного образования и самосовершенствования личности, что провозглашается сегодня в качестве приоритетных целей образования.

Khasanova Shakhista Bobokholovna,
senior teacher of Navoi regional institute of improvements of pedagogical shots, (Uzbekistan)

Model of process of communicative and information success of pupils

In this article questions of communicative information activities of pupils in school biological education are investigated.

In this work structural registration of the communicative-information educational environment of comprehensive school is presented. Components are classified to a structural component of pedagogical system. 6 components are allocated by us. And also by us model of the communicative and educational environment too are divided into educational blocks.

The biology section occupied one of key positions on senior steps of the general school biological education. Search of opportunities of the most effective teaching of bases of genetics at a basic level and especially profile levels of the general education — the actual task facing teachers of biology.

The volume of knowledge and the experience, saved up by biological science, is great, multiciphered and constantly extends. The main principle of selection of the scientific and communicative and information contents for studying at school — compliance of all its elements to the general the purposes of modern school biological education.

Before teachers of biology in the course of teaching the section "Genetics Bases" at comprehensive school at a basic level moves forward the following tasks. These tasks on the basis of the made experiment several times were discussed at meetings of our regional institute. Also moved forward as methodological recommendations[1].

Characterizing the educational environment of school as unity of the general, special and single, we accept, as the general, developed in pedagogical and methodical science initial ideas of educational process as to the difficult pedagogical system, different focus, sequence, integrity, unity of structural and functional characteristics. Special the peculiar features peculiar to educational process of the Uzbek comprehensive school with its orientation on development of personal qualities of school students are represented. Single — that is peculiar to the concrete educational environment, in particular, to the communicative educational environment of the comprehensive school providing formation of communicative and information success of school students considered in the real work.

In this work structural registration of the communicative-information educational environment of comprehensive school is presented. Components are classified by us to a structural component of pedagogical system:

The first structural component of the communicative educational environment is connected with the purpose of pedagogical system. The purpose is creation of the communicative and information educational environment of comprehensive school.

The second structural component of the communicative educational environment belongs to educational information and includes filling of the educational environment by the communicative and information contents.

The third, — is connected with means of pedagogical communication, presented by game methods of the communicative and information educational environment of comprehensive school.

The fourth, — characterizes the school student as subject of the communicative educational environment and includes abilities, skills, the ways connected with its communicative activity.

The fifth, — concerns the teacher and is connected with creation of specially organized situations of educational communication, i. e. such conditions of training which provide to school students positive experience of educational communicative information activities.

The sixth structural component of the communicative and information and educational environment corresponds to criterion of its efficiency and is commensurable with level of communicative success of the school student, reflecting all aspects of the identity of the being trained: intellectual (cognitive parameter of communicative success), strong-willed (behavioral parameter of communicative success), emotional (emotive parameter of communicative success)[2].

[1] Sh. Khasanova Some features of studying of the section «Genetics».//The Modern Humanitarian Researches magazine Moscow, No. 6, 2010, with 189–190.

[2] Sh. Khasanova. Creative activity studying at biology lessons//National education (the magazine in the Uzbek language) 2011 No. 4 of Page 105–107

Offered this classification allows fully and to analyze comprehensively this or that phenomenon influencing the communicative and information educational environment, considering its influence from the point of view of each structural component.

The communicative and information educational environment is treated as set of conditions of the training providing to school students performance of educational communicative information activities on the basis of integration of specially selected means of pedagogical communication and educational information. It is considered as a form of life of the school student in various situations of educational communication which are purposely created by the teacher; at the same time, it is obvious that in it there are also self-organization mechanisms which, however, can't be considered how main.

The most important characteristic of the communicative and information educational environment which is created at comprehensive school, ideas of a humanization, subjectivity, integration are. The idea of a humanization is connected with possibility of realization in the sphere of didactics of ideals of development of communicative potential of the school student; subjectivity, — reflects objective dependence of process and results of formation of communicative success of the school student on his own activity in the educational environment, from orientation to development being trained at school as personality and the subject of activity; integration, — causes inclusion of the school student within the educational environment in interaction with group, the teacher, educational information, promoting, thereby, to acquisition of experience of communicative activity.

The model of process of formation of communicative and information success of school students is based on the principle of integrity which serves for a choice of the general approach to formation of communicative and information experience as the complete phenomenon subordinated to a problem of creation of conditions under which the school students experiencing communicative and information difficulties, realize abilities available for them to communication. This model are classified by us under the block scheme. This system includes the following communicative and educational blocks. These blocks are aimed at formation at school students communicative and information environments:

The target block includes set of orientations of a school organize which can be significant in communicative aspect; in it the purpose, a methodological basis, features of communicative success of the pupils, its formations assuming result in the form of positive experience of educational communicative activity of the school student who is showing in his aspiration to join in educational communication at the level of development, an instructed, good breeding are reflected.

The technological block reflects sequence of receptions of a unit of communicative success of the school student as criterion of action of the communicative educational environment, provides an practicable of process of formation of communicative success of school students by means of functioning of the didactic mechanism and through creation of the organizational and didactic condition providing formation of communicative success of school students in the educational environment.

The program and substantial block characterizes filling of process of formation of communicative success of school students in the educational environment by means of creation of the program of the experimental training illustrating a way of realization of presented model; in particular, it contains all necessary information relatively complex the interconnected circumstances of process of training: possible forms, methods, means, and also contents communicative the directed problem in specially organized situations of educational communication.

The productive block of model defines criteria of manifestation of communicative success of the pupil in the educational environment of comprehensive school, realizes the diagnostic methods, giving the chance to define level of formation of communicative success of school students.

The situation of success created by the communicative and information educational environment, is endured by the trainee and promotes acquisition of positive experience of communicative information activities. Positive experience of communicative activity of school students as a result causes unit their communicative and information success.

The motivation of school students on communication in the conditions of the communicative and information educational environment is carried out by their orientation to subject practical activities, exercises on a rhythm of motor processes. All types of work adapt for needs of children experiencing communicative difficulties[1].

References:

1. Sh. Khasanova Some features of studying of the section "Genetics".//The Modern Humanitarian Researches magazine Moscow, No. 6, 2010, with 189–190.
2. Sh. Khasanova. Creative activity studying at biology lessons//National education (the magazine in the Uzbek language) 2011 No. 4 of Page 105–107
3. Sh. Khasanova. Methods and working methods with the textbook "Cytology and Genetics Bases" for the 9th class.//Pedagogical Sciences magazine, No. 6, Moscow. 2011, page 147–149.

[1] Sh. Khasanova. Methods and working methods with the textbook «Cytology and Genetics Bases» for the 9th class.//Pedagogical Sciences magazine, No. 6, Moscow. 2011, page 147–149.

Najmiddinova Gavhar Nasriddinovna
The University of Bukara state of Uzbekistan The assistant professor (Ph.D) of "Pedagogics" chair
Hojiyeva Zulfiya Oktamovna
The University of Bukara state of Uzbekistan The post — graduate of "Pedagogics" chair
Нажмиддинова Гавхар Насриддиновна
Бухарский государственный университет Республики Узбекистан, доцент кафедры «Педагогика», канд.пед.наук, доцент
Хожиева Зулфия Уктамовна
Бухарский государственный университет Республики Узбекистан, аспирант кафедры «Педагогика», стажер-исследователь-соискатель

The possibilities of using "hadis" in didactic relationship among teachers and pupils of primary classes

Возможности использование хадисов в гуманизации дидактических отношений между учителем и учащимся начальных классов

На сегодняшний день в Узбекистане сфера образования поднялась на совершенно новый уровень. Достигнуты невероятные результаты в реформировании и усовершенствовании системы образования. Ибо мы живём в исторической эпохе великих созидательных работ и коренных изменений в жизни, культуре и быту нашего народа.

Всё это также привело к изменением в межчеловеческих социальных отношениях. В результате, эти изменения повлияли на систему образования и на сущность процесса обучения, и стали причиной ряда преобразований мирового значения. Между тем, не оказались на стороне от этих изменений и отношение между основными субъектами процесса обучения, то тесть преподавателем и учеником, которые приобретают содержательно новую сущность.

В годы независимости, одним из значимых новшеств, введенных в процесс обучение, является изменение статуса ученика в процессе обучения, то есть, его превращение из объекта педагогического процесса в равноправного участника этого процесса, то есть субъекта.

Глава нашего государства И. Каримов, уже в первые годы независимости, определил вопрос о радикальном реформировании области образования, как важную проблему в повестке дня. Изменение Закона об образовании, принятие национальной программы подготовки кадров, создание непрерывной системы образования, координирование деятельности всех социальных институтов, занимающихся образованием и воспитанием — всё это является важным историческим событием в области образования в Узбекистане.

Великое политическое мужество и мудрость Президента И. А. Каримова заключается в том, что он поставил весьма ответственную задачу перед всеми, кто занимается воспитанием и образованием, воспитать и вырастить свободомыслящее, мудрое, всесторонне совершенное и счастливое поколение.

«В демократическом обществе, — утверждает И. А. Каримов, — дети и вообще, каждый человек воспитывается в духе свободного мышления. Если дети не учатся мыслить свободно, то низкие результаты образование неизбежны. Конечно же, знания необходимы. Но они решают не всё. Мыслить свободно — тоже большое богатство»[1].

Этот процесс сам по себе создаёт возможность сделать ученика активным субъектом процесса обучения, а не просто участником. На сегодняшний день именно по этой проблеме в образовательной области выполнен и внедрён в практику ряд научно-исследовательских работ. К числу подобных исследований можно отнести ряд теории таких, как организация творческого образования, личностно ориентированные педагогические технологии, организация обучения на базе технологического подхода, инновационные организация и управление обучения, использование интерактивных методов в процессе обучения, итерирование обучение и т. п.

Идея гуманизации образования направлена на выполнение широкомасштабных задач и предполагает ведение отдельных самостоятельных научно-исследовательских работ для каждого составляющего педагогической системы (ПС). (ПС= цель — преподаватель — содержание — образование — форма обучения — средство — методы — технологии — менеджмент — ученик — результат обучения).

Самые основные составляющие элементы педагогической системы — это преподаватель и ученик. И одну из актуальных проблем педагогики представляет отношение между этими двумя субъектами, его содержательное обновление и улучшение качества на новом уровне. В настоящее время науке известны разные виды отношений (с точки зрения обучения) между преподавателем и учеником. Однако дидактические отношения между ними исследованы не достаточно. Следовательно, не существует полноценного научного определения для термина «дидактические отношения». И поэтому, разработке отдельного определения и характеристики, определение самых эффективных методов и средств гуманизации дидактических отношений считаются важными педагогическими вопросами, ожидающими своего решения.

Основываясь на источниках касательно данной проблемы и анализах экспериментов, мы пришли к заключению, что великие произведение, созданные в области Восточной педагогике, идеи Исламской религии, хадисы пророка Мухаммеда являются важными источниками эффективного решения данной проблемы.

Известно, что в Исламе воспеваются ценные идеи о знании, стремление к знаниям, усилие и усердие на этом пути, почитание ученых и мудрецов, а также этикет отношений между учеником и наставником. К примеру, в 11-аяте суры «Мужодала» святого Корана приводится следующее: «Аллах поднимет тех из вас, кто уверовал и обучился на высокую степень. Аллах

[1] Каримов И. А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. г. Ташкент, 29 августа 1997 г.

знает о всем хорошем и плохом, что вы творите». Ещё в одном аяте говорится: Просите «О Аллах, одари меня знанием!» (сура «Тохо», 114-аят).

Интерпретируя эти суры и аяты, пророк Мухаммед сказывал свои хадисы. В Четырёхтомнике хадисов Имома Бухари «Алжомеъ ас-сахих» есть отдельная глава, называемая «Книга знаний». В этой главе приводятся много ценных образовательно-дидактических мнений (высказываний) о достоинстве знания, понимании знания, распространение его среди людей, статусе образованных людей, секретах обучения, времени обучения, методах, последствиях пренебрежения наукой и невежества.

Изучая внимательно эти хадисы, мы можем стать свидетелями культуры возвышенного педагогического общения, множества дидактических требований для учителей и наставников и совокупности правил педагогической техники и этики.

Нам известно, что каждый педагог сталкивается с множеством проблемных и противоречивых ситуаций в процессе общение с учениками. Преподавателю же необходимо определить эти проблемы как педагогическое задание и выполнить его должным образом.

Одной из проблем, с которой часто сталкиваются преподаватели в своей деятельности является отвлекающие преподавателя несвоевременные вопросы, задаваемые учеником во время занятий. Возникают вопросы: Как же преподаватель должен вести себя в подобной ситуации? Какие нужно соблюдать правила, чтобы решить эту проблему?

Книга хадисов «Ал-жомеъ ас-сахих» даёт следующую информацию.

О том, как человеку необходимо сперва закончить слово, а потом отвечать, если его спросят о знании в момент его речи.

Хадис — 59. Абу Хурайра говорит: «Как-то пророк Мухаммед читал лекцию своим прихожанам. Подошёл один бидуин и спросил: «Когда судный день?» Пророк продолжил свою речь. Некоторые последователи подумали: «Мухаммед услышал его, но ему это, наверное, не понравилось». Другие подумали: «Мухаммед не услышал его». Когда пророк закончил свою речь, он сказал: «Где тот, кто спросил про судный день?» Бидуин ответил: «Я здесь, о Мухаммед!». «Жди судного дня, в час когда не станет добросовестности!» — сказал пророк.

«А как мы будем знать это?» — спросил бидуин. «Жди, когда будешь вынужден иметь дело с нечистым», ответил пророк.

Из этого хадиса мы можем заключить, что учитель объясняющий тему во время урока, в случае если его перебили и задали ему вопрос, должен сперва закончить свою речь, а потом уже ответить на этот вопрос. Этот метод, на первый взгляд, кажется простым. Но ученик потеряет всякий интерес и уважение к предмету, если учитель упрекнет его («Я отвечу, когда закончу говорить»; «Задай свой вопрос в конце урока»; «Не перебывай меня»), это во первых. Во вторых, способность ученика обозревать урок может снизится. И в результате, это может негативно отразится на эффективности обучения.

Следуя вышеупомянутому хадису, учитель может сохранить положительную психологическую атмосферу в классе и показать поучительный урок по этике получения знания. А это, в свою очередь, положит основу для гуманизации дидактических отношений между преподавателем и учениками.

Также, в хадисах можно найти информацию по технике голоса преподавателя-наставника:

О том, что можно дать знание громким голосом.

Хадис — 60. Последователь Абдуллох ибн Амр рассказывает: «Пророк Мухаммед как то отстал от нас во время путешествия и догнал нас к моменту молитвы Аср. Мы проводили омовение. И когда мы мыли ноги, Мухаммед три раза громко воскликнул (в целях экономии воды): «Храни наши ноги (ступни) от пламени ада!».

Исходя из этого хадиса, можно сформировать следующие правила по технике и тактике преподавателя:

• объяснять самые важные части темы громко, утверждая;

• создать проблемную ситуацию и высказать мнение, направляющее к нужному правилу или заключению, а не давать готовое правило или заключение.

В педагогике, одно из требований продуктивного обучения использование преподавателем проблемных вопросов. Известно, что проблемные вопросы формируют у ученика навыки мышления. Смогут ли хадисы дать уроки по этому вопросу?

О том, как имам даёт задание для того, чтобы проверить знание людей.

Хадис — 62. Пророк Мухаммед говорит: «Есть дерево, которое не сбрасывает листьев и оно похоже на мусульманина (то есть лист мусульманского дерева — иман (вера)). Скажите-ка, что же это за дерево?» Люди начали называть все деревья, растущие у них в деревнях. Абдуллох ибн Умар говорит: «Я подумал, что это хурма, но постеснялся сказать». Люди сказали: «Скажите Сами, о Мухаммед». Пророк ответил: «Это хурма».

Случай, изложенный в этом хадисе, представляется подобием интерактивных методов, таких как «Мозговой штурм», «Кластер», которые используются в сегодняшнем инновационном обучении. Использование таких методов в процессе обучения способствует формированию навыков логического мышления у учеников.

Все мы признаём Яна Амоса Коменского как ученого — педагога, который разработал классно-урочно-предметную систему. Однако, мы не знаем о существовании хадисов, посвященных именно этому вопросу педагогики, а точнее не проводили глубоких педагогических исследований хадисов пророка Мухаммеда, прожившего полтора тысячи лет тому назад. А также, одним из принципов обучения, определенных в педагогике, является принцип последовательности и системности обучение, о чём к нашему удивлению, высказывается мнение и в хадисах пророка Мухаммеда.

О том, как пророк определил дни для проповедей и получения знаний, чтобы не утруждать людей.

Хадис — 68. Ибн Масуд рассказывает: «Пророк назначил определенные дни для проповедей, чтобы не утомить нас».

Хадис — 69. Пророк говорил: «Облегчайте, не усложняйте! Рассказывайте приятное, заинтересуйте, не вызывайте нелюбовь!»

Как видно, корни проблемы гуманизации отношений между наставником и учеником, гуманизация процесса обучения и воспитания датируются далекой исторической эпохой. В восточном воспитании, своеобразный подход к этому вопросу, связь гуманизации воспитательного процесса с верой вбирает в себя не только национальные ценности узбекского народа, но также истинную сущность общечеловеческих ценностей.

Одной из актуальных проблем возникающей перед исследователями и учеными, ведущими научные исследования в сфере образования и воспитания, является исследование богатых духовных ценностей, национального наследия узбекского народа с точки зрения требований современной педагогики и внедрение научно-теоретических выводов в педагогическую практику.

Список литературы:

1. Абу Абдуллох Мухаммед ибн Исмаил ал-Бухарий. Сахихи Бухари. I книга. — Т.: изд. «Узбекистон миллий энциклопедияси». 2008 г.
2. Коран. — Т.: изд. «Чулпон». 1992 г. — С. 544.
3. Подласый И. П. Педагогика. Новый курс. Книга 1. Общие основы. Поцесс обучения. — М.: ВЛАДОС. 1999 г.
4. http://library.tuit.uz/skanir_knigi/book/garmon_razv/garmonich_razv.htm
5. www.gov.uz/ru/helpinfo/science/5180
6. www.press-service.uz/ru/news/archive/dokladi/

Shandruk Svetlana Ivanovna, Kirovograd State Pedagogical University,
postdoctoral student at the Department of Pedagogy and Educational Management

Comparative Pedagogic Analysis of the Systems of Professional Preparation of Teachers in the USA and in Ukraine

Dynamic processes of social and economic life, changes in the system of compulsory secondary education revealed contradictory tendencies in the sphere of professional preparation of teachers in Ukraine: deep professionalization of secondary school teachers' practice becomes more important; integration of knowledge from different spheres is noticed; importance of integrated skills and abilities for realization of professional pedagogical practice increases. These tendencies determine new demands for teachers because the task of preparation of secondary school graduates for world market integration, formation of comprehensive world idea, and adoption of cognitive and communicative methods of activity, ability to receive information from different sources is delegated to them.

Modern pedagogical processes require principle changes of the role of a teacher, his/her mutual relations with students, and his/her transformation into facilitator of students' cognitive activity. It also changes students into active subjects of cognition and transformation. Realization of tasks of professional preparation of teachers depends on the condition of pedagogical education that demands objective analysis of the accumulated international and national experience of pre-service and post-graduate preparation of teachers as the major source of modern professional pedagogic preparation strategy determination.

Integration of Ukraine into European and world educational spheres the features of which are related to the nature of global processes, and also with the specific terms of development of social, economic, political, cultural and educational life of our country, predetermines the demand of different problems decision.

According to The National Doctrine of Development of Education[1] these problems include improvement of quality of education; monitoring of effective practice of educational system at the national level; decentralization of management of education through expansion of government-public partnerships in social sphere; structural reformation of the system of education according to the demands of continuing education; preparation of teachers and educational institutions for innovative activity; development of market of educational services; development of international cooperation; monitoring and use of the best foreign experience in education.

The USA has convincing pedagogical achievements and the developed system of professional preparation of teachers. Theory and practice of education in the USA is based on old multinational and historical traditions and depend on public policy in the sphere of education.

American researchers contributed into theory and practice of teacher preparation in such aspects as: foundations of education research (D. Baker, A. Bandura, G. LeTendre, and others); teachers' role in education reform (H. Beare, B. Caldwell, R. Millikan, and others); teachers' preparation curriculum (D. Ball, D. Cohen, F. Forzani, and others); quality of professional preparation of teachers (W. Bergquist, J. Armstrong, and others); university-school collaboration (H. Austin, A. Bermudez, B. Dwyer, P. Freebody, and others); skills, abilities and knowledge of teachers (S. Barab, T. Duffy, D. Jonassen, S. Land, and others); professional development of teachers (B. Berry, D. Montgomery, R. Curtis, M. Hernandez, J. Wurtzel, J. Snyder, and others); motivation of teachers (J. Atkinson, D. Birch, N. Feather, and others).

Integration of Ukraine into international education sphere, essentiality of study and implementation of human experience in the sphere of professional preparation of teachers defined the problem of our research that consists in study and analysis of experience of professional preparation of teachers in the USA.

America has tried many strategies over the decades to reverse the slow, steady decline in its public schools. Few of these have delivered real results. The 2002 No Child Left Behind requirements, for example, were supposed to guarantee that every kid learned at least the «three R» basics. English and math scores for elementary students did inch up, but the scores of average American high schoolers on international science and math tests continued to sink[2]. Now President Obama has launched the Race to the Top campaign to improve schools by holding students to higher standards, paying bonuses to teachers whose students excel, and replacing the worst schools with charter schools.

New approaches need considerable strategic and procedural reforms of both the system of public higher education and the state general system that will be resulted in modernization of long-term strategies and methods that do not answer modern demands. These reforms will need collaboration of leaders of higher education, governors and public school administrators in overcoming of political barriers and support of new idea of professional preparation of teachers.

The USA president Barack Obama and vice-president Joe Biden are convinced that America faces more important problems than preparation of children to compete in global economy. Their vision of education in the 21st century begins with requirements of greater

[1] Про національну доктрину розвитку освіти [electronic resource]. – Access mode: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/347/2002.

[2] Will Obama's School Reform Plan Work? [electronic resource]. – Access mode: http://www.usnews.com/news/articles/2009/12/09/will-obamas-school-reform-plan-work.

reformation and stronger accountability of resources for realization of education reforms; making parents responsible for their children academic progress; recruiting, retaining and rewarding of new teachers for the purpose of filling new effective schools that will prepare American children for successful study in college or productive activity at their workplace[1].

Influence of global processes is multidimensional and has meaningful social, economic and political implication. Massed distribution of education and "western" norms of education at all levels is a greater part of globalization process. Globalization becomes the subject of research, especially in the sphere of comparative pedagogy, which applies historiography and social-scientific theories and methods of international education problems decision.

In the process and theory of globalization school plays an important role as the basic formal agency of knowledge transmission. Distribution of education as a component of globalization process is considered to be the contribution to the process of world democratization. Schools prepare children to participate in economy and policy, giving them knowledge to accept considered decisions; motivation to provide adequate contribution into welfare of society; awareness of consequences of behavior.

From position of globalization tendency of professional preparation of teachers the problem of multicultural education is extraordinarily challenging. The research "Problems and Possibilities of Multicultural Education in Practice" by B. Ngo from the University of Minnesota proves that school multicultural practice is constantly contradictory. It sharpens the problems and makes teachers the opponents of multicultural education[2]. The author of this research marks that it is necessary to reduce practice of conflicts and tension that certainly appears as the result of cultural differences. He is deeply convinced, that pedagogical education must offer approaches and possibilities of multicultural education.

The question of improvement of school and quality of education becomes the important problem of discussion and research of the western world. Education searches ways and facilities of determination and evaluation of school effectiveness. The important tendency of education is the growth of significance of teachers' competency in creation of effective schools. School effectiveness and its improvement is accomplished, when school shows good results at students' level as well as at other levels, for example, high motivation of teachers.

Tendencies and challenges in professional activity of American teachers can be qualified as global, national and regional. Inevitable transformation of consciousness as the result of globalization changes content and form of education. School plays an extraordinarily important role in this process. The role of education in globalization became a spotlight of international financial institutions which assist development of education and effective support of teachers. The use of technological achievement, in particular of distance education, creates the tendency of transporting of western conceptions into new regions and to the population, giving them knowledge, generated by culturally dominant groups, and helping them to join consumer society. Another tendency of introduction of world standards of professional education, practice and professional development in this context becomes urgent.

Globalization of population influence education and professional preparation of teachers requires from governments of the USA and other countries to solve the problem of creation of nation and culture from different resources and people from all over the world.

Quality of teachers' preparation is determined by The US Department of Education as the general direction of development of the system of professional preparation of teachers. The state demands from American secondary school teachers to be highly qualified, to have at least bachelor's degree from a four-year education establishment, to receive complete state certification, and to be competent in the subject.

Tendency of centralization of education is observed lately in the USA. The strategy of public policy in the sphere of national education is recruiting, retention and rewarding of teachers who prepare American children to compete in global economy. The state adopts decision to renew the value of secondary school certificates through improving of education standards and teachers' quality.

At federal level tendencies, related to professional practice of teachers, are determined as:

— Accreditation of all pedagogical educational establishments.

— Development of the voluntarily national system of evaluation of students' progress in order to determine the level of preparation of teachers.

— Development of the programs of teachers' residentship (exceptionally prepared recruits to high needs schools).

— Expansion and refinancing of mentor program.

— Support of new and innovative ways of increase of teachers' salary.

The federal government controls and stimulates strict reforms that states perform in US public schools and provides substantial financing of educational sphere of those states that has adopted the requirements and accept programs of reformation.

Diverse nature of American nation created the tendency of organization of pre-service multicultural preparation of teachers and strategic recruiting and retention of teachers, representatives of minorities. In connection with the migratory tendencies of the US population in the search of work state certification, certification interrelation and teaching certificates acceptance by the states become extraordinarily actual.

Reforms in the sphere of pedagogical education are orientated at modernization of the programs of education, in which clinical practice occupies the basic position. It provides development of partner collaboration with school districts in which responsibility for teacher preparation is shared between public schools and universities.

One of the general tendencies of education despite strong centralization remains the tendency of decentralization of educational industry and the system of preparation of teachers. For example, state governments and state departments of education are competent in: standard-setting of professional education; development of plans of modernization of ineffective schools; coordination of the programs of preparation and retraining of teachers; introduction of the special system of evaluation of teachers and school administrators; initiatives for increase of status of teachers, their reward, and support.

In the process of analysis of the system of professional preparation of secondary school teachers of the USA some problems that slow down the process of modernization of pedagogical education were found out:

[1] Education [electronic resource]/Change.gov: The Obama-Biden Transition Team. – Access mode: http://change.gov/agenda/education_agenda/.

[2] Ngo, B. Problems and Possibilities of Multicultural Education/B. Ngo//Practice Education and Urban Society, 2010. – Vol. 42(1). – P. 473–495.

— The problem of centralization of education and the tendency of decentralization of education as well as of the system of professional preparation of teachers;

— The problem of standardization of curriculum and diverse programs of professional preparation of American teachers;

— The problem of introduction of strict standards by federal government into professional education and the fact that education of a teacher i the college or university is neither basic nor obligatory requirements in professional preparation of teachers;

— The problem improvement of teachers and reduction of standards by the states concerning professional preparation of teachers;

— The problem of centralization of secondary education and professional preparation of teachers, that allows some states to accept teaching certificates from other states, and deficiency of compatible requirements that force the departments of education of the states to consult in every special case;

— The problem of the fact that there is no clear consensus in value and necessity of pedagogical preparation of teachers in American pedagogical science and shortage of effective and highly qualified teachers, and that universities and colleges of the USA unable to prepare competent teachers;

— The problem of conduction of reforms to improve secondary education quality, and slow process of American public schools improvement, which cannot provide students with essential contemporary knowledge;

— The problem of legal confirmation of alternative routes of pedagogical preparation and of the fact that most teachers of alternative certification are not highly qualified and unready to work in a class;

— The problem of globalization of professional preparation of teachers that makes the problem of multicultural education extraordinarily actual, and contradictory school multicultural practice which sharpens the problems and makes teachers the opponents of multicultural education.

The task of The National Strategy of Development of Education in Ukraine in 2012–2021[1] is:

— Availability of high-quality competitive education for the citizens of Ukraine in accordance with the requirements of innovative steady development of society, economy and every citizen.

— Providing of personal development according individual potential, capability and needs on the basis of continuing education.

Basic directions of public educational policy of Ukraine are such:

— Reformation of the system of education on the basis of philosophy of humanism as of the national community strategy.

— Improvement of legislative normative base of the system of education, adequate contemporary requirements.

— Modernization of structure, content and organization of education according to principles of competency approach, transformation of the content of education on the purpose of steady development.

— Development and realization of various educational models, educational establishments of different types and patterns of ownership, various forms and facilities to receive education.

— Construction of the effective system of national education, development and socialization of children and young people.

— Provision of available and continuing education.

— Formation of healthy environment, ecologization of education, valeological culture of participants of the process of education.

— Development of scientific and innovative activity in education, improvement of education on innovative basis.

— Informatization of education, improvement of libraries and information resources of the sphere of education and science.

— National monitoring of the system of education.

— Increase of social status of teachers.

— Development of modern material and technical base of the system of education.

Last decade serious steps in realization of ideas and positions of the National Doctrine of Development of Education, reformation of education according to demands of the citizens and the state, improvement of quality, availability and competitiveness of education were provided in Ukraine. During this time public educational standards were implemented; content and organization of all spheres of education were improved; principles of the Bologna Process were introduced; credit-module system of education was developed etc.

Analysis of the system of professional preparation of teachers in the USA showed that the general vector of the US pedagogical education is motion from substitute, second-rate education to total higher education, and the study of tasks and content of the programs of pre-service and post-graduate preparation of American teachers confirms the right course of pedagogical education in Ukraine to variative, multilayered, module and fundamental.

Integration of Ukraine into international educational space, the demand to study and introduce international experience in the field of professional preparation of teachers require comparative research and analysis of foreign experience of preparation of teachers, in particular, organizational forms of preparation of teachers in the USA. The results of this research will give the complete picture of the modern system of pedagogical education of the USA, its content, organizational forms, technologies, internal and external factors of evolution. It will be instrumental in comprehension, generalization and introduction into practice of modern professional preparation of teachers in Ukraine the results of different innovative researches, techniques and technologies of preparation of teachers.

Positive experience of maintaining high quality professional preparation of American teachers, which was found out during research, correlates with specific tasks of modernization of national education, exposes new sources of innovation, management and improvement of pre-service and post-graduate pedagogical education in Ukraine.

References:

1. Проект національної стратегії розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки [electronic resource]. — Access mode: http://guonkh.gov.ua/content/documents/16/1517/Attaches/4455.pdf.
2. Про національну доктрину розвитку освіти [electronic resource]. — Access mode: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/347/2002.
3. Education [electronic resource]/Change.gov: The Obama-Biden Transition Team. — Access mode: http://change.gov/agenda/education_agenda/.

[1] Проект національної стратегії розвитку освіти в Україні на 2012–2021 роки [electronic resource]. – Access mode: http://guonkh.gov.ua/content/documents/16/1517/Attaches/4455.pdf.

4. Ngo, B. Problems and Possibilities of Multicultural Education/B. Ngo//Practice Education and Urban Society, 2010. — Vol. 42 (1). — P. 473–495.
5. Will Obama's School Reform Plan Work? [electronic resource]. — Access mode: http://www.usnews.com/news/articles/2009/12/09/will-obamas-school-reform-plan-work.

Yurii Petrovych Shapran, doctoral student of the department of theory and history of Pedagogy at M. P. Dragomanov National Pedagogical University (Kyiv) candidate of biological sciences (PhD), assistant professor

Юрий Петрович Шапран, Национальный педагогический университет (г. Киев), докторант кафедры теории и истории педагогики

Investigation of future biology teachers' health saving competence formation

Исследование уровней сформированости здоровьесберегающей компетентности будущих учителей биологии

На современном этапе реформирования образования здоровье граждан является одной из составляющих национального достояния, которое предусматривает формирование у студентов устойчивой мотивации к здоровому образу жизни, осуществление комплекса здоровьесберегающих мероприятий, направленных на осознание ими ценности собственного здоровья.

Указанное выше обстоятельство выдвигает на первый план проблему формирования здоровьесберегающей компетентности как предпосылку и залог здорового образа жизни. Ее формирование особенно важно для такой категории молодежи, как студенты вуза, поскольку современный специалист должен иметь не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и сложившуюся компетентность здоровьесбережения, которая относится к ключевым. Она формируется во время обучения педагога и реализуется в процессе его профессиональной деятельности.

Теоретические аспекты формирования здоровьесберегающей компетентности студентов разных специальностей рассматриваются в работах Н. Аникиевой, Е. Дзятковской, Ю. Лукашина, М. Чуркиной, С. Чуркина, Е. Шатровой, Е. Юговой и др. Исследователи Е. Железнякова, В. Лобачев и др. обосновывают необходимость формирования этой компетентности у всех будущих учителей.

Е. Шатрова подчеркивает, что здоровьесберегающую компетентность нужно рассматривать как интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности к здоровьесберегающей деятельности в образовательной среде, основанной на интеграции знаний, умений и опыта[1] Ю. Лукашин определяет здоровьесберегающую компетентность студентов педагогического вуза как готовность будущих педагогов квалифицированно осуществлять, анализировать и корректировать деятельность по здоровьесбережению в профессиональном и личностном аспектах, на основе стойкой мотивации здорового образа жизни, принятия единства телесного, душевного и духовного здоровья всех субъектов образовательного процесса[2]. Н. Васина связывает ***компетентность здоровьесбережения*** с изучением биологии, которое включает знания о строении и функциях организма, нормах и правилах личной гигиены, ориентации на ценности здоровья, мотивы и опыт здоровьесберегающей деятельности. Данное качество личности, по мнению автора, проявляется в готовности и способности делать выбор и принимать правильные решения относительно собственного здоровья и здоровья окружающих людей[3]. Таким образом, в определении компетентности здоровьесбережения ученые едины в утверждениях, что данное интегральное качество личности предполагает готовность студентов к проведению здоровьесберегающей деятельности и потребности быть здоровым. Однако, учитывая его структуру, многие исследователи (В. Базарний, Н. Башавець, А. Наин, Е. Югова и др.) отмечают необходимость разработки комплексной методики диагностики здоровьесберегающей компетентности. Так, согласны с утверждением Е. Юговой, что существующими на сегодняшний день методиками измерить степень сформированности здоровьесберегающей компетентности очень сложно. Перспективной задачей является дальнейшая разработка и совершенствование комплекса контрольно-измерительных материалов, включающих многофакторные методики оценивания[4].

При проведении исследования учитывалось, что в основе формирования компетентности здоровьесбережения лежат ценностные ориентации, которые влияют на потребности и мотивы деятельности личности, определяющих ее поведение. Здоровый образ жизни предполагает реализацию ценностных установок относительно сбережения здоровья.

Исследование здоровьесберегающей компетентности проводилось путем выявления ценностных установок относительно здоровьесбережения (диагностическая методика М. Рокича)[5], выяснения отношения студентов к собственному здоровью и соблюдения ими здорового образа жизни (авторская методика оценки здоровья). Последняя предусматривала проведение анкетирования, бесед со студентами и врачами, изучение медицинских карточек и др. Ее целью было определение отноше-

---

[1] Шатрова Е. А. Теоретическая модель формирования здоровьесберегающей компетентности педагога//Вестник ТГПУ. – 2012. – № 2 (117). – С. 111

[2] Лукашин Ю. В. Формирование здоровьесберегающей компетенции у студентов педагогического вуза: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования». – Пенза, 2010. С 14–15.

[3] Васина Н. А. Методика формирования компетентности здоровьясбережения при изучении раздела биологии: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук: 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (биология, уровень общего образования)». – Астрахань, 2010. С. 11–12.

[4] Югова Е. А. Технологии сформированости здоровьесберегающей компетентности студентов//Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2011. – № 12 (82). – С. 206–211.

[5] Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Ред. составитель Д. Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ–М», 2008. – С. 637–641.

ния студентов к курению, употреблению спиртных напитков, занятию спортом, утренней гимнастике и т. п. Она учитывала суточную продолжительность учебной деятельности, работы за компьютером, пребывание на свежем воздухе, соблюдение режимов дня и питания, частоту обращения к врачам, смену настроения, наличие материальных ресурсов для удовлетворения собственных нужд и т. п. Кроме того, данная методика предусматривала изучение мероприятий, которые используют респонденты для улучшения собственного здоровья.

Исследование проводилось в 2012 году на базе Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (г. Киев) и Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета имени Григория Сковороды. Всего экспериментальной работой было охвачено 190 студентов-биологов первого-пятого курсов, получающих образовательно-квалификационные уровни бакалавр, специалист и магистр.

В процессе исследования ценностно-мотивационного компонента установлено, что важнейшей ценностью для студентов является здоровье.

Среди факторов, влияющих на здоровье, чаще всего респонденты отмечают «неправильное питание». Так, у студентов первого, третьего и пятого курсов частота выбора этого фактора составляет 29,63%, 22,86% и 30,00% соответственно (первый ранг по значимости), у студентов второго, четвертого курсов и магистров — 19, 77% и 20,00% (второй ранг). Следующим важным фактором влияния на здоровье является «нарушение режима дня». Студенты второго (20,93%) и четвертого (22,67%) курсов чаще выбирали этот фактор (первый ранг), первого (18,52%) — несколько реже (второй ранг). Стоит отметить, что частота выбора следующих факторов, влияющих на здоровье у студентов-биологов, оказалась невысокой: «низкая физическая активность» (5,81% — 13,33%), «безответственное отношение к собственному здоровью» (7,41% — 13,33%), «вредные привычки» (3,33% — 14,81%).

Интересным оказался результат относительно действий студентов-биологов в случае их болезни или недомогания. Подавляющее большинство из них в случае заболевания занимаются самолечением: на первом курсе — 59,09%, на втором — 61,54%, на третьем — 55,00%, на четвертом — 78,57%, на пятом — 93, 33%, среди магистров — 76,92%. Около трети студентов первого — третьего курсов в случае недомогания обращаются в студенческую поликлинику (31,82%, 28,21% и 30,00% соответственно). Студенты старших курсов к услугам медицинских работников обращаются значительно реже.

При выяснении форм воздействия проблем со здоровьем на учебную деятельность установлено, что при заболеваниях студенты в подавляющем большинстве стараются не пропускать занятия. Таких лиц зарегистрировано на первом курсе 80,95%, на втором — 67,65%, на третьем — 63,16%, на четвертом — 64,29%, на пятом — 80,00%, среди магистров — 61, 54%.

Среди главных источников, из которых студенты-биологи получают информацию по вопросам сохранения здоровья, занимают родители (28,13% — 48,15%) и Интернет-ресурсы (32,35% — 40,9%). У студентов первого — третьего курсов по важности второе место занимает информация, которую они получают от просмотра телевизионных научно-популярных программ. Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о низкой роли университетов в формировании знаний по здоровьесбережению у студентов. Эти знания, по свидетельствам респондентов, по значимости для них занимают в основном последние (первый курс — 3,70%, второй — 10,29%, четвертый — 9,38%, пятый — 4,55%) и предпоследние (третий курс — 6,82%) места.

Итак, студенты-биологи здоровье относят к главной жизненной ценности. В то же время они недооценивают влияние вредных привычек, низкой физической активности, безответственного отношения к здоровью на собственный организм. В большинстве случаев их поведение не направлено на сохранение и укрепление здоровья, характеризуется индифферентностью и отсутствием соответствующих эмоционально-волевых проявлений. Занятие самолечением, посещение учебных занятий в болезненном состоянии, использование информации из Интернет ресурсов и уст родителей при заболеваниях не способствует процессу лечения и сохранению здоровья. Респонденты отмечают низкую роль университетов в вопросах формирования навыков сохранения здоровья, что свидетельствует о необходимости активного внедрения в практику работы высшей школы инновационных здоровьесберегающих технологий обучения.

При исследовании уровней сформированности здоровьесберегающей компетентности установлено, что соотношение здоровых лиц и имеющих проблемы со здоровьем на первом курсе составляет 4,76% и 95,24%. Среди студентов второго курса это соотношение несколько меняется — 90,32% имеют проблемы со здоровьем, 9,68% — считают себя здоровыми. Аналогичные результаты получены для респондентов других курсов: третьего — 89,8% и 10,2%, четвертого — 93,88% и 6,12%, пятого — 93,33% и 6,67%. Среди магистров абсолютно здоровых лиц не выявлено. Таким образом, процент здоровых лиц среди будущих учителей биологии незначителен и колеблется в пределах от 4,76% до 10,20%.

В процессе проведения эксперимента установлено негативное отношение подавляющего большинства студентов к курению: от 80,00% (второй курс) до 92,31% (будущие магистры). Больше всего курящих зафиксировано среди респондентов второго и пятого курсов (по 13,33%), менее всего — среди магистров, студентов первого, третьего и четвертого (4,08% — 6,12%) курсов.

Не употребляют алкоголь больше половины магистров (53,85%), чуть меньше половины студентов четвертого (48,98%) и треть третьего (36,73%) курсов. Систематически пьют некоторые студенты второго — четвертого (3,33%, 10,2% и 6,12% соответственно) курсов.

Наибольшее количество студентов, систематически занимающихся спортом, отмечено на четвертом (46,94%), первом (40,90%) и втором (40,00%) курсах. Высокий процент лиц, не занимающихся спортом, зафиксировано на третьем курсе (63,27%), среди специалистов (80,00%) и магистров (53,85%). Большинство испытуемых (за исключением третьего курса — 40,82%) не выполняют утренней гимнастики: от 68,18% на первом курсе 84,62% среди магистров.

В процессе анкетирования установлено низкую физическую активность студентов. Так, расстояние, которое они примерно проходят в течение дня не превышает пяти километров. В процессе обучения оно снижается от 4,8–4,4 км (первый-второй год обучения) до 3,5 км (магистры). Аналогичные результаты получены по продолжительности пребывания студентов на свежем воздухе: от 4,4 часов (первый курс) до 2 (магистры). Ежедневная продолжительность работы за компьютером более или менее одинакова у студентов разных курсов и составляет в среднем 3,1–3,9 часов.

Процент студентов, которые придерживаются режима дня является невысоким: на первом курсе — 9,09%, на втором — 6,67%, на третьем — 12,24%, на четвертом — 6,12%, на пятом-13, 33%, среди магистров — 7,69%. Режима питания не придерживаются более половины студентов третьего (53,06%) курса. В других респондентов этот процент значительно выше и колеблется от 66,67% (пятый курс) до 86,67% (второй).

Среди мероприятий, которые студенты используют для улучшения собственного здоровья, ведущее место принадлежит занятию спортом: на первом курсе — 18,18%, втором — 30,00%, на третьем — 26,53%, четвертом — 32,65%, среди магистров — 23,08%. Следующими важными мерами оказались организация активного отдыха (8,16% — 26,67%) и рационального питания (8,16% — 30,77%). Зафиксирован высокий процент студентов, которые не осуществляют никаких мер по улучшению собственного здоровья. В то же время необходимо отметить, что доля таких уменьшается от 53,33% — 45,45% на первом-втором курсах до 15,38% — среди магистров. Скорее всего это связано с приобретением собственного опыта и формированием здоровьесберегательной компетентности.

Интересным оказался тот факт, что к мерам, которые улучшают здоровье организма, студенты отводят большую роль применению витаминных (4,55% на первом курсе, 26,67% — на пятом) и лекарственных (6,12% — 9, 09%) препаратов.

Таким образом, наличие вредных привычек, не желание заниматься спортом, низкая физическая активность, значительная продолжительность умственной деятельности, недостаточное пребывание на свежем воздухе, не соблюдение режимов дня и питания, игнорирование медицинской помощью в случае недомогания приводит к снижению процента здоровых студентов. Это проявляется в высокой численности лиц, имеющих проблемы со здоровьем (89,8% — 100%) и ростом частоты обращений в медицинские учреждения в течение года от трех на первом курсе до пяти среди магистров.

В процессе проведенного исследования установлено, что проявление низкого уровня здоровьесберегающей компетентности у студентов снижается от первого (31,82%) до четвертого (20,37%) курса. Среди будущих специалистов он зафиксирован в большей трети респондентов (35,29%), а среди магистров — у почти половины опрошенных (табл. 1).

Таблиця 1

Уровни проявления здоровьесберегающей компетентности (у%)

	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	специалисты	магистры
Низкий	31,82	25,81	21,57	20,37	35,29	46,47
Средний	68,18	67,74	72,55	72,22	58,82	46,47
Высокий		6,45	5,88	7,41	5,88	6,66

На основании проведенных бесед установлено, что студенты понимают собственные проблемы в вопросах сохранения здоровья, но не осуществляют почти никаких мер по их решению.

Во многих случаях они оправдываются низкими показателями уровня жизни, отсутствием свободного времени (начало занятий в 8-утра, насыщенностью учебного процесса и т. п.) и недостаточным материальным положением, что побуждает их к экономии на продуктах питания.

Высокого уровня здоровьесберегающей компетентности не отмечено у студентов первого курса. Наблюдается его небольшой рост от второго (6,45%) до четвертого (9,26%) курса. У специалистов и магистров высокий уровень указанной компетентности проявляется примерно на одинаковом уровне — от 5,88% до 6,66% соответственно. Полученные данные указывают на наличие корреляции между процентом здоровых лиц на каждом курсе и степенью проявления высокого уровня здоровьесберегающей компетентности.

Таким образом, от первого до четвертого курса уменьшается процент студентов с проявлением низкого уровня и увеличивается процент лиц с проявлением высокого уровня здоровьесберегающей компетентности. Стоит отметить, что абсолютные значения этих проявлений в первом случае являются слишком высокими, а во втором — низкими. Это свидетельствует о необходимости проведения соответствующей работы по эффективному формированию компетентности здоровьясбережения у будущих учителей биологии в процессе их профессиональной подготовки.

Список литературы:

1. Васина Н. А. Методика формирования компетентности здоровьясбережения при изучении раздела биологии: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук: 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (биология, уровень общего образования)». — Астрахань, 2010. — 23 с.
2. Лукашин Ю. В. Формирование здоровьесберегающей компетенции у студентов педагогического вуза: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук: 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования». — Пенза, 2010. — 23 с.
3. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Ред. составитель Д. Я. Райгородский. — Самара: Издательский Дом «БАХРАХ–М», 2008. — С. 637–641.
4. Шатрова Е. А. Теоретическая модель формирования здоровьесберегающей компетентности педагога//Вестник ТГПУ. — 2012. — № 2 (117). — С. 111–116.
5. Югова Е. А. Технологии сформированости здоровьесберегающей компетентности студентов//Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2011. — № 12 (82). — С. 206–211.

Vassiliy Vachikovich Shakhgulari, International Academy of Business, Docent,
Head of "Intercultural Communications" Laboratory
Gaukhar Bisultanovna Amangaliyeva, International Academy of Business, LLM, Docent

Higher education as a vector of Kazakhstani society's development

The education level of the citizens is a mirrored reflection of the effective development of any country. As soon as any transformations or modernizations start in the state they have an impact on the process of student's personality formation, especially on his/her creative development. The reform of our education is like an "arrow" that has been shot to "defeat" painful and negative moments of teaching process of the modern educational system.

Within the years of Kazakhstan's independence the reforming stages of the higher educational system can be divided into the following ones:

The first stage (1991–1994). The formation of the legislative and regulatory framework of the higher education.

The main objectives of this stage was to create a network of higher educational institutions and renewing of higher educational specialties in order to ensure the independence of the republic to train staff, to satisfy market economy needs on oblast and district levels. Ongoing measures of this period were legally strengthened in the law of the Republic of Kazakhstan "On Higher Education" (1993).

In 1994 the State standard of higher education of the Republic of Kazakhstan (General provisions) approved and defined the introduction of a multi-level structure of higher education — academic bachelor and master degrees in the country for the first time.

The second stage (1995–1998). Modernization of the higher educational system and renewing of its content.

This stage is characterized by the development of conceptual definition of the higher educational system which is reflected in the concept of state policy in the field of education and approved by the National council on state policy under the President of the Republic of Kazakhstan on August 4, 1995 by adoption of the new legal provisions regulating the activities of higher educational institutions. From 1995 to 1997 the first Kazakhstani educational standards on 310 specialties of higher education were introduced. In 1996 the new edition of the classifier (the list) of specialties of higher education of the Republic of Kazakhstan providing 342 specialties. Non-state sector of education got actively developed.

The third stage (1999–2000). Decentralization of managing and financing education, expansion of academic freedom of the educational institutions.

The real decentralization of the management system over educational institutions took place at this stage. The principles of admission to higher educational institutions, transition to staff's training with higher education on the basis of state order were fundamentally changed. Since 1999 the new model of student contingent of higher education provided students with public grants and loans for education on a competitive basis.

The fourth stage (beginning of 2001–2004). Strategic development of the system of higher and secondary education.

The basic directions of the progressive development of higher education got their definition in the XXI century. In February 2004 the Government of Kazakhstan approved the concept of the development of educational system of Kazakhstan up to 2015. Based on the concept the State program on development of education in the Republic of Kazakhstan up to 2010 was developed.

From the above mentioned it can be said that education is one of the key moments in the national strategy of development of Kazakhstan, provision of its national security, preservation and development of cultural identity of all nations and ethnicities living on its territory. Kazakhstan may develop dynamically only as "enlightened and educated country" where state and society are jointly responsible for the pace of qualitative and quantitative component level of education. Educational policy is one of the main components of integrated programs of national state building of Kazakhstan and reform of various spheres of the social integrity, revealing at the same time as a strategy of relatively independent social infrastructure.

Higher educational policy in the State program of educational development in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020 is determined by the "need to ensure the conditions for training competent and competitive professionals for all sectors of republican economy, to strengthen intellectual capacity and practice-oriented activities of higher education and its integration with science and industry, coordination with international educational standards. Higher educational institutions of Kazakhstan should strive to achieve a world-class education and to join the common educational space. The mechanism to achieve goals is an implementation of the Bologna process parameters. They include a three-level system of higher education, credit technology, academic mobility of students and faculties as well as monitoring the quality of higher education."[1] This program involves joining of two Kazakhstani universities into top 500 world best universities.

Over the last decades higher education has got a wide-ranging nature which began to outburst the growing concern for quality and efficiency of educational process. People leading the educational system should be aware that provision of quality education is a long way, implying a change in many of its components, first of all aimed at forming a new mentality of university faculties differed from their predecessors not only by innovative thinking and creative attitude to professional activity.

Domestic and foreign scholars call the XXI century as the «age of quality» and characterize modern society as «built on knowledge.» In order to develop these skills it is extremely important to solve the problems of staff's education and vocational training. The future of any state depends on what experts are trained in universities. This position is clearly voiced in 2005 in the message of the President of our country Nursultan Nazarbayev: «The country that is unable to develop knowledge is doomed to failure in the XXI century[2].» In this regards, there is an objective for Kazakhstani universities to raise education up to the level of international standards so graduates' degrees to be validated in the world. That is not an easy objective which requires looking for proper mechanisms and methods for its accomplishing.

The "State program of educational development in the Republic of Kazakhstan for 2005 to 2010" launched the radical reform of the educational system and one of its strategic objectives was to improve the quality of education[3]. Even today one can conclude that

---

[1] State program of education development in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020. www.edu.kz.

[2] Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan "Kazakhstan on the way of accelerated economic, social and political development." February 18, 2005. "Kazakhstanskaya Pravda." February 19, 2005.

[3] State program of educational development for 2005–2010. www.edu.kz.

we were not able to carry it out to the end, although there were fundamental legal documents regulating the transition to qualitative component in the training of future specialists. What is the reason behind? In our view, it would be necessary for the implementation of new approaches to staff's training with higher education to develop and legitimize the status, especially of faculties in higher educational institutions in conditions of credit technology of education. The second special attention should be drawn on 2-year training program for master degree students where scientific and pedagogical component is presented in fragments and does not meet the training requirements of higher educational institutions' faculty.

American researchers Peters and Waterman showed that for achieving quality the commitments that educational institutions take are important. One of them is creation of conditions for formation and establishment of talent, strength of spirit and potential of young people[1].

To make the leap to quality in the field of education, it is necessary to have an adequate system of governance, culture, mentality capable to provide productivity, efficiency, dynamism and adaptability of the learning process to different requirements of all interested parties in the qualitative results. In the system of higher education such interest should be in those who give knowledge (faculties), who serve the learning process (teaching and supporting staff) and consumers (students).

The key to quality of education, first of all, are highly qualified staff, that is, those who give knowledge.

In the conditions of credit system of education the requirements for improvement of educational quality of future professionals is increasing every year. Today education must be seen as production of human capital whose intellectual capital is an important component. If we take into account the increasing role of human capital in the trends of economic, scientific and technological development, it is easy to see that education is the main driving force behind the development of modern society. Society's development depends on educational development. Educational development may be realized by itself, but it is effective educational development if it is organized on a high intellectual and creative level.

Organization of educational process can be carried out based on current, partial and private, common and sequential perspective improvement of the existing credit system. For quality organization of educational process the qualitative restructuring of one's self is necessary, change of the view of contemporary educational process. In these circumstances faculties become organizing personalities who are intended to effect on creative development of future professionals.

New times require new ideas, approaches and principles of organization of university's educational process. It is impossible today to stop on those pedagogical technologies and studies that have been invented by scientists a few decades ago because over time on the one hand they become classic or obsolete, on the other hand they do not meet the spirit of the new era any more. Therefore, pedagogical arsenal of faculty of higher educational institutions should be increased by those teaching technologies that would enable to form creative skills of future specialists so in the result a student leaving the university walls would possess qualities of a competitive professional.

The relevance of higher educational reform in Kazakhstan is stipulated by the importance of its social function — production and transmission of knowledge that education as a social institution does in the modern society. The maximum success in the modernization of educational system of Kazakhstan can be achieved only in the conditions when all the software resolutions of the government input into educational policy will be able to absorb the most of the positive potential accumulated by international experience in the field of educational systems' organization.

The expansion of higher educational scales in Kazakhstan raises sharply the issue of educational quality. Modern society needs well-educated and mobile professionals. Only society can and should promote quality of higher education affecting on labor market of young professionals.

The problem of financing the growing scale of higher educational institutions is also an acute issue in Kazakhstan. The increase in the number of students makes many educational institutions to reduce costs for modification of the infrastructure, library resources, international cooperation and teaching staff.

Diversification of higher education has created a problem of its adequacy to modern requirements and qualitative differences in the various types of educational institutions. For Kazakhstan this problem is reflected in the qualitative differences between the number of students and faculties and consequently also the level of training in public and nonprofit higher educational institutions.

Certainly, the favorable trend is the internationalization of higher education that meets the growing needs for cross-cultural understanding caused by global nature of modern means of communications and consumer markets, etc. However, mobility of students and faculties in conditions of strong differences of economic development in different countries leads to such a negative trend as the "brain drain." The loss of skilled human resources by developing countries and countries in transition is caused not only by academic mobility but also by increased international migration and the fact that developed countries deliberately build their migration policies providing more favorable conditions.

Integration of higher education into world system is an objective process which should not be blindly developed. The world community can and must see and analyze its positive and negative sides to make important managerial decisions on its coordination and correction.

[1] Baidenko V. I. Bologna process: structural reforms of the European higher education. – M. - 2003. - p.127

Section 8. Political science

Darakchyan Alexander Olegovich,
The Sochi Institute of Economics and information technologies,
Head of the Department of state and municipal management
Petrova Svetlana Vladislavovna,
Sochi state University,
Associate Professor of the Department of philosophy and sociology
Даракчян Гурам Олегович,
Сочинский институт экономики и информационных технологий,
Заведующий кафедрой государственного и муниципального управления
Петрова Светлана Владиславовна,
Сочинский государственный университет,
Доцент кафедры философии и социологии

Caucasus and Russia: development of modern geopolitical tendencies

Кавказ и Россия: развитие современных геополитических тенденций

На современном этапе геополитические интересы практически всех стран мира стали одними из основных движущих сил в современных политических процессах. Коренное изменение миропорядка и геополитической ситуации после прекращения идеологического противостояния двух социальных систем происходит на фоне повсеместного усиления угроз экспансионизма, сепаратизма, национализма, международного терроризма. Это все актуализирует необходимость обновления идейно-теоретических и методологических основ исследования геополитических позиций основных политических субъектов. Политический процесс выстраивается на определенных этапах в соответствии с фиксированными геополитическими интересами, которые в современных условиях становятся важными факторами, детерминирующими характер отношений между государствами, связанных с решением территориальных и ресурсных проблем. Геополитика является одновременно политическим процессом, обусловленным пространственными факторами, а также целенаправленной стратегией управления политическим пространством. Важным направлением геополитики в глобализируемом мире становится внутренняя геополитика, т. е. совокупность целей, принципов и направлений деятельности субъектов политики на субнациональном (внутригосударственном) уровне. В современной западной геополитике стали преобладать постмодернистские концепции «soft power», предполагающие взаимодействие не только национальных государств, но и в нарастающей мере транснациональных корпораций, международных организаций, внутригосударственных регионов, наконец, оппозиционных партий и политических движений. Методы обеспечения геополитического контроля становятся все более гибкими, преобладают идеологические и экономико-финансовые способы подчинения пространства.

Рассмотрение политического процесса, как демократического, так и авторитарного сквозь призму геополитических воззрений позволяет понять перспективы развития Северного и Южного Кавказа. Особенно актуальным остается теоретическое осмысление содержания самих геополитических позиций, лежащих в основе современного политического процесса в таком сложно регионе как Северный и Южный Кавказ, прояснение их роли, содержания и характеристики.

Кавказский макрорегион — это многоуровневая система, в рамках которой переплетены народы, религии и культуры. Динамику взаимоотношений геополитических субъектов в этом макрорегионе продуктивно рассматривать на различных уровнях: административно-территориальном, этнонациональном, конфессиональном, правовом, энергетическом, которые вместе представляют собой кавказский геополитический феномен. Кавказ состоит из трех неравнозначных по своей внутренней структуре и значимости частей: во-первых, региона Северного Кавказа в составе Северо-Кавказского федерального округа и частично Южного федерального округа Российской Федерации; во-вторых, государств Закавказья, которые обрели независимость после распада Союза ССР — Азербайджана, Армении и Грузии; в-третьих, вновь образованных государств Абхазии и Южной Осетии. Одни республики однородны и гомогенны (как, например, Армения и Азербайджан), другие, напротив, гетерогенны (Грузия, большинство республик Северного Кавказа). Давно существует истерически обусловленные противоречия между армянами и азербайджанцами (нагорно-карабахский конфликт), осетинами и ингушами (осетино-ингушский конфликт), осетинами и грузинами, абхазами и грузинами (конфликтогенные процессы вокруг квазинезависимых Южной Осетии и Абхазии), между кабардино-черкесской и карачаево-балкарской (тюркской) этническими группами. Большой конфликтогенный потенциал несет в себе модернизация архаично настроенных вайнахских элит. Сложная ситуация в Дагестане, где проживают аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, ногайцы и другие народности, равновесие между которыми поддерживается на основе традиций по сохранению этнического баланса. Наконец, что на Кавказе, в т. ч. в бывших республиках СССР, проживает определенное количество русского (шире — русскоязычного) населения.

Несмотря на этнорелигиозный плюрализм кавказского региона, тем не менее, принято говорить о значительной степени его культурной идентичности, о существовании особой «кавказской ментальности» в рамках «Большого Кавказа» (Северный Кавказ и Закавказье). По мнению И. П. Добаева, это утверждение оборачивается, геополитической амбивалентностью[1]. Так,

[1] Добаев И. П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе//Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 21–24.

для России единый Кавказ означает укрепление стратегических интересов России на южных рубежах: сохранение территориальной целостности, обеспечение безопасности региона, налаживание партнерских отношений с соседями из Закавказья, широкое сотрудничество в вопросах борьбы с терроризмом, незаконной миграцией, совместная разработка недр, контроль над транспортировкой добываемых природных ресурсов и т. д. На следующем этапе возможна более глубокая интеграция Кавказа в рамках таких надгосударственных структур, как СНГ, ЕвразЭС, ОДКБ. Взгляд «с той стороны океана» (из Вашингтона), напротив, видит в идеологии единого Кавказа легитимацию для наращивания в регионе собственного военно-политического и экономического присутствия, дальнейшей геополитической экспансии вглубь континента. С одной стороны, это означает укрепление уже приобретенных позиций в Армении, Азербайджане и Грузии (особенно, после успешно проведенной «революции роз»), с другой стороны, распространение своего влияния на вторую часть «Большого Кавказа» — в составе РФ. Концепция «Постмодерна Евразии», отражающая континентальную ментальность, несущая «модернизацию без вестернизации». И. П. Добаев видит будущее в геополитической конструкции, интегрировавшей в себе евразийское «большое пространство» и бросившей асимметричный вызов однополярной глобализации по-американски[1]. Исчерпывающее описание указанного мировоззрения осуществлено в рамках современного российского неоевразийства, в частности, в работах его неформального лидера А. Г. Дугина. Некоторые тенденции к его практической реализации содержаться во внешней и внутренней политике В. В. Путина.

На современном этапе радикально изменился характер геополитических концепций ряда субъектов Южного Кавказа в связи с преобразованием геополитической картины, в том числе с разукрупнением субъектов политического процесса, с одной стороны, с другой, — с укрупнением, выражающемся в создании союзов, альянсов, блоков. Геополитические отношения проявляются на разных уровнях: международном, региональном, государственном. Однако в регионе главным остается рассмотрение регионализации как фактора глобального процесса с тем, чтобы выйти на решение вопроса о прояснения сущности и механизмов реализации геополитических интересов современной России.

Особую актуальность приобретает вопрос артикуляции геополитических интересов современной России на Кавказе, которые в современных условиях проявляются, прежде всего, в обеспечении безопасности государства, сохранении его места и роли на международной арене, достижении устойчивого развития по пути демократизации и общецивилизационного подъема. В первые часы после вступления в должность Президента России в мае 2012 г. В. В. Путин подписал ряд указов принципиального характера, определяющих рамки приоритетной политики будущего 6-летнего президентского срока. В том числе был подписан Указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». Отдельно выделены В. В. Путиным, как пункты внешнеполитической повестки вопросы определения статуса для Приднестровья и Нагорного Карабаха, а также социально-экономическое развитие Абхазии и Южной Осетии. Неслучайно новейшие государства на пространстве СНГ, как признанные (Абхазия и Южная Осетия), так и пока непризнанные, но ожидающие определения своего статуса, подчеркнуто заявлены как отдельное и важное направление внешней политики РФ. В сложившейся геополитической ситуации становится необходимым осознание гражданами коренных интересов своих государств, что может стать важным фактором в процессе политического выбора и в более широком плане — в укреплении национально-государственной безопасности.

Общей чертой геополитической конфронтации и консолидации на современном этапе развития Кавказского макрорегиона является то, что в их основе лежит пересечение геоэтнополитических интересов как основных детерминант современного политического процесса. Демократизация как основная тенденция современного политического процесса, сопровождается суверенизацией и регионализацией, развитием институтов оппозиции и гражданского общества. Эти тенденции характеризуются объективной взаимосвязью и выражаются в формировании собственных геополитических интересов стран и регионов с разной ментальностью, уровнем политического развития. В условиях современной геополитической ситуации современная Россия сохраняет возможности для реализации своих геополитических интересов на Южном Кавказе на основе политики двойного участия во власти и оппозиции.

Составляющей политических процессов и политической культуры является геоэтнополитическая культура, которая включает в себя формирование и корректировку представлений о роли и месте России в современном геополитическом пространстве и знание основ геополитики; убеждения и эмоционально-психологический компонент, мотивы активного политического участия; нормативная составляющая, направленная освоение международных стандартов геополитического поведения в рамках международного права; оценки реальной геополитической ситуации и формирование адекватных представлений о перспективных направлениях геополитического развития; формирование ориентации субъектов геополитического взаимодействия на патриотические ценности и традиции как основы геополитической культуры. Геоэтнополитическая культура является одним из факторов современного политического развития российского общества, направленных на укрепление геополитического статуса государства и обеспечение национальных интересов в сфере международных отношений.

Среди основных субъектов формирования геоэтнополитической культуры в современных условиях выделяются институты власти и оппозиции, которые посредством разработки и осуществления политики и геополитики формируют нормативно-правовую базу реализации геополитического курса в области международных отношений; они через подконтрольные средства массовой информации осуществляют популяризацию знаний о международных отношениях и геополитических проблемах современности; и, наконец, через политику в области высшего образования, распространяют геополитические знания и концепции, и в итоге реализуют воздействие на граждан.

Геополитические процессы на Кавказе: Армении, Грузии и Азербайджане в постсоветский период имели черты спонтанности, циклического нарастания конфликтов, постепенного вовлечения в трансграничные международные отношения, институционализации участия зарубежных акторов. Избрание в 1990-х гг. этнонационализма в качестве главного принципа построения нации-государства породило целый ряд проблем, угрожающих безопасности государств. Этнические конфликты и сепаратистские движения, закончившиеся в большинстве случаев образованием новых государств, ограничили развитие государственности Грузии и Азербайджана. Территориальные проблемы усугубляются политическими противоречиями.

[1] Добаев И. П. Северный Кавказ: традиционализм и радикализм в современном исламе//Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 21–24.

Страны Южного Кавказа с момента обретения независимости постоянно стремятся преодолеть разрыв между современностью и традиционализмом на своем политическом поле, устранить несоответствие, порождаемое наличием формальных демократических процедур и авторитарных неформальных практик. Анализ политики Грузии, Азербайджана и Армении позволяет сделать вывод, что динамика политического процесса в этих странах отличается более высокими темпами усиления адаптивности политических институтов при относительно низких темпах роста автономии, сложности и сплоченности. Это объясняется политикой периферийности, заинтересованностью стран центра в ориентации политических процессов южно-кавказских стран, что выливается в больший уровень адаптивности их политической системы. Принятие политических решений по-прежнему сосредоточено в рамках узкого круга политических лидеров.

Чисто геополитические факторы не являются постоянно действующими, но активизируются на определенных этапах и серьезно влияют на внутриполитические процессы при незавершенных процессах геоэтнополитической идентификации. В условиях системного кризиса резко возросло воздействие геополитического фактора как извне, так и внутри СССР. В результате геополитический распад СССР стал итогом борьбы геополитических программ субъектов республиканских властей, выступавших в качестве оппозиции по отношению к федеральному центру. Внутри отделившихся республик произошел новый раскол в связи с геополитической ориентацией, но он не стал определяющим фактором. В бывших союзных республиках Кавказа после выхода из СССР и образования независимых государств наблюдается единство власти и оппозиции по основным направлениям геостратегии, при сохранении разногласий по тактическим вопросам. В Азербайджане авторитарный режим и слабая политическая оппозиция выступают за возращение Нагорного Карабаха, союз с Турцией и партнерство с Россией, оппозиция предлагает более умеренную тактику. В Армении демократический режим опирается на геополитическое единство власти и оппозиции по вопросу сохранения статус-кво Нагорного Карабаха, конфронтацию с Азербайджаном и союз с Россией при более умеренных требованиях оппозиции. В Грузии достигнуто геополитическое единство против России за возрождение Грузии в прежних советских границах при борьбе за власть оппозиции, выдвигающей умеренные геополитические требования.

Во вновь образованных малых государствах Кавказа в связи с реализацией права наций на отделение вплоть до образования независимого государства проблема геополитического выбора не стала предметом политических разногласий власти и оппозиции. Оппозиции внутри таких государств стали оформляться в общем и целом в качестве устойчивых союзников режимов власти в процессе реализации общей геополитической стратегии. В Абхазии — почти все политические субъекты за сотрудничество с РФ при сохранении самостоятельности и противостояния с Грузией. В Южной Осетии все политические субъекты выступают против возвращения в состав Грузии за вхождение в РФ, участвуя в политической борьбе за власть обычного типа.

Элиты новых южнокавказских государств практически единодушно решили вопрос о геополитическом самоопределении и выборе стратегического союзника — России на длительный период развития. В Абхазии и Южной Осетии существует относительное единство власти и оппозиции в вопросе необходимости сохранения суверенитета и независимости, противостояния в этих вопросах с Грузией, требующей возвращения этих государств под свою юрисдикцию. Противоборство правящих и оппозиционных структур происходит по поводу перераспределения властных полномочий в рамках демократического развития страны. Единственное отличие в позициях заключается в том, что если абхазская позиция предлагает некоторое дистанцирование от России в культурных, языковых и т. п. вопросах, то югоосетинская оппозиция — на более прочных связях с Россией по основным параметрам. Тип политического процесса в Абхазии и Южной Осетии соответствует политическим отношениям субъектов Северного Кавказа, прежде всего Северной Осетии. Эта ситуация детерминирована общей геоэтнополитической культурой данных народов

Разрешение этнополитических конфликтов в Закавказье — карабахского, южноосетинского и абхазского зависит от исхода геополитического противоборства стратегических партнеров — России и США, а также от тактического решения: установить сотрудничество противоборствующих сторон до или после решения конфликтов. Руководство Азербайджана и Грузии отвергает всякое сотрудничество с противниками до политического разрешения конфликтов. Оппозиции Грузии и Азербайджана не отвергают сотрудничество с оппонентами. Для Азербайджана на первом месте стоит решение карабахской проблемы на базе восстановления старого статус-кво в соответствии с азербайджанской моделью, суть которой заключается в установлении азербайджанской юрисдикции над Карабахом. Правящий режим Армении предлагает найти инновационные подходы и нестандартные решения и проложить новые пути, которые будут способствовать решению Нагорно-Карабахского конфликта при сохранении статус-кво. Предполагается, что развитие экономического сотрудничества между сторонами, вовлеченными в конфликт, изменит ситуацию и создаст более благоприятные условия для его будущего разрешения. Оппозиция Армении выступает с более радикальных позиций, отвергая возможное сотрудничество с геополитическими противниками.

Успех развития Северного и Южного Кавказа возможен только при раскрытии всего геоэтнополитического капитала региона с его уникальной евразийской ментальностью и культурно-историческим основанием. Это означает переосмысление в рамках геоэтнполитического знания имеющегося отношения к цивилизационному и антропокультурному наследию народов этого макрорегиона.

Zaidel Maryna
PhD student, Department of Political Science, Faculty of Philosophy, V. N. Karazin Kharkiv National University
Зайдель Марина Игоревна,
аспирант кафедры политологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

"Private" state versus public interest: post-soviet Ukraine

«Частное» государство versus общественный интерес: постсоветская Украина

Необходимость интеграции в глобальную мировую экономическую систему вместе с системной трансформацией политических и экономических институтов стали своеобразным вызовом для всех новообразованных постсоветских государств.

И Украина — не исключение. Проблема демократизации стала своеобразным камнем преткновения в поисках возможных путей транзита, поскольку осколки советской системы оказались нежизнеспособными в условиях рыночных преобразований. Это свидетельствовало о кризисе и слабости государственных институтов, на которые, как ни странно, возлагалась задача форсированной модернизации. В итоге привлекательная либеральная идея не оправдала ожиданий о построении конкурентной рыночной экономики и привела к противоположным результатам — зарождению влиятельных финансово-промышленных групп и олигархизации власти, последствия чего ощутимы и на сегодняшний день, в силу их долговременной политической и экономической жизнеспособности.

Общемировая тенденция расширения влияния частного капитала в решении общественно важных проблем и политики в целом стала популярной в конце 1980-х-начале 1990-х годов, что обусловлено переходом к постиндустриальной экономике, распространением неолиберальной доктрины и в условиях обострения проблемы содержания государственного сектора, что сделало приватизацию «ярким символом «новой рыночной динамики»[1]. Соответственно этим же путем пошла и Украина, провозгласив приватизацию первым шагом к построению рыночной экономики, которая должна была стать катализатором либерализации рынков и дальнейших системных реформ. Однако вызовом для этих преобразований стало отсутствие необходимой институциональной базы, которая б обеспечила правовые основания для построения капиталистического общества. В первую очередь — это отложение принятия Конституции Украины на 5 лет с момента провозглашения независимости, что привело к оформлению несбалансированных ветвей власти. Дефицит таких рыночных институтов как гарантии прав и защиты частной собственности, имущественных и контрактных прав, конкуренции, справедливого суда и т. д., а также фискальная политика и мощный бюрократический аппарат, которые перешли в наследство от советской Украины, усиливали инвестиционные риски и несли угрозу для вхождения иностранного капитала в украинскую экономику. Неплатежеспособность населения фактически закрывала для граждан «дверь» участия в приватизации малых предприятий. Слабость экономических институтов компенсировалась политическими рычагами влияния, вследствие чего формирование частного капитала в Украине, по словам отечественного экономиста А. Пасхавера, произошло через «теневые монополистические операции с государством»[2] Таким образом, реформы, которые проводились в спешке и фактически, будучи зацикленными на приватизации как возможности максимального ослабления государства без реформирования органов государственной власти, в конечном результате привели к институционализации недееспособного государства, которое в дальнейшем через неконкурентную приватизацию было захвачено узким частным сектором собственников большого капитала.

Характерно, что страны Центрально-Восточной Европы и Прибалтики успешно справились с задачами постсоциалистических преобразований, где нередко государство играло ключевую роль в процессе смены формы собственности: «малая приватизация» сформировала эффективного мелкого собственника; значительная часть стратегически важных предприятий так и осталась под контролем государства, тогда как некоторые большие предприятия полностью перешли в собственность транснационального капитала[3]. Соответственно в этих государствах политика разгосударствления происходила в условиях открытой конкуренции по рыночным ценам, что автоматически заложило механизмы цивилизованного ведения бизнеса и значительно ускорило интеграцию этих стран в глобальную экономику. Среди прочего, Ж. Ролан подчеркивает, что своевременное изменение доктрины Вашингтонского консенсуса на эволюционно-институциональный подход спасли Центрально-Восточную Европу от судьбы, которая постигла Украину[4]. Если в странах ЦВЕ целью приватизации было постепенное органическое построение полноценного частного сектора в национальной экономике, то в Украине сформировались своеобразные группы интересов — искателей ренты (преимущественного бывшая партийная номенклатура, директора заводов и крупных предприятий, представители силовых структур), включенных в приватизацию государственных стратегических предприятий, которые использовали ее для собственного обогащения.

Мировая практика свидетельствует о том, что взаимодействие в треугольнике «власть-бизнес-общество» обычно осуществляется посредством формальной институциональной системы — законодательно урегулированной и институционально закрепленной среды (например, плюралистические и неокорпоративные модели взаимодействия), так и с помощью неформальной, которая воспроизводится через довольно шаткую систему персональных взаимоотношений и лояльной службы патрону. Российские исследователи М. Курбатова и С. Левин определяют соединение формальных правил («белой зоны») с неформальной («черной зоны») в виде «серой зоны», специфика которой заключается в применении представителями органов власти внелегальных правил, которые не являются прямым нарушение закона, для реализации своих «публичных» функций[5]. Собственно период первичного накопления капитала в Украине регулировался именно неформальными каналами взаимодействия, тогда как процесс вхождения представителей финансово-промышленных групп во власть получил формальную легитимность через выборы. Правовые регуляторы и формальная институциональная система были настолько минимальными, что фактически прислуживали узким корпоративным интересам отдельных капиталистов ровно настолько, сколько позволял это использовать властный ресурс.

---

[1] Веселовский С. Я. Приватизация как глобальный процесс переоценки роли и места государства в экономике//Россия и современный мир. – 2001. – № 3. – С. 23

[2] Пасхавер А. Перспективы частного предпринимательства в Украине: бюрократия против капитала// Зеркало недели. 26 июня – 2 июля 1999. – № 25 (246).

[3] Рейтерович І. Політичний вимір діяльності ФПГ у державах перехідного типу [Электронный ресурс]//Політичний менеджмент. – Режим доступа: http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=36&c=664. – Загл.с экрана. – 23.11.2012.

[4] Ролан Ж. Экономика переходного периода. Политика, рынки, фирмы//М.: Высшая Школа Экономики (Государственный университет), 2012. – 570 с.

[5] Курбатова М. В., Левин С. Н. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16213426/. – Загл.с экрана. – 23.11.2012.

Политика государственного протекционизма по отношению к финансово-промышленным группами приводит к ограничению свобод одних экономических агентов, устанавливая привилегии для других. Тесное переплетение интересов власти и капитала, а также приход большого бизнеса в политику свидетельствуют о том, что перераспределение собственности в государстве зависит от того, кто находится во власти. Устранение государственного контроля над экономикой и стремление к ослаблению его влияния на политику через сокращение сектора государственной собственности привело к «захвату», «присваиванию» государства и власти бизнесом для реализации собственного интереса, что согласно позиции некоторых исследователей приводит к превращению общего блага в так называемое «клубное благо»[1].

Крайняя монополизация процесса принятия политических решений происходит за счет расширения влияния олигархического капитала на других субъектов политического процесса — малый и средний бизнес, политические партии, СМИ, гражданское общество, отраслевые организации, научное сообщество и т.д, которые в странах западной демократии играют немаловажную роль в обеспечении прозрачности законотворческого процесса в качестве экспертов или консультантов по тем или иным вопросам. Как свидетельствует социология, в Украине более чем 80% населения не принадлежат к какой-либо из общественных, политических организаций или движений[2]. Среди прочего наблюдаем институционализацию декоративных отраслевых бизнес-ассоциаций, Торгово-промышленной палаты, Союза предпринимателей и т. д., которые своей атрибутивностью должны обеспечить формальную демократизацию сферы управления. Де-факто они функционируют под давлением государства, «захваченного» определенными группами интересом, и нередко выступают дополнительным каналом теневого индивидуального лоббирования для большого бизнеса. Это делает невозможным агрегирование, артикуляцию и защиту интересов в первую очередь для малого и среднего бизнеса — наиболее уязвимого звена предпринимательства. Большинство постсоветских нововведений в отношениях между властью и бизнесом были инициированы «сверху», соответственно предусматривая асимметричность этих отношений, где доминирующая позиция отводится государству як контролирующему, а не координирующему институту по отношению к частному капиталу, за счет гипертрофированного бюрократического аппарата и монополизации управленческих функций единым центром. Такая бесконтрольность политико-экономической сферы со стороны общественности дестабилизирует общественные отношения и приумножает социальные конфликты.

Однако в деформированной системе взаимодействия «власть-капитал-общество», которая сложилась в Украине и имела довольно устойчивые практики, соединительным звеном между публичной и частной сферами выступает коррупция как механизм, который позволяет компенсировать отсутствие системы обратной связи и легальных каналов взаимодействия. Сущность взяточничества как устойчивого традиционного элемента советской политической системы не изменилась и в Украине, тем не менее, вероятно, получила значительно больший — уже государственный — размах в системе «откатов». Если взятка по своей сущности была способом «привлечения внимания к своим проблемам и снижения степени асимметричности властных отношений»[3], то есть возможностью подчиненного «выкупить» ряд прав, которых он лишен, то «откат» является формой оплаты за привилегии, которые дает чиновник в обмен на некоторые услуги, которые открывают дополнительные каналы и позволяют максимизировать прибыль частного сектора. Эта разница закладывает две возможные стратегии построения отношений между частным капиталом и органами власти через использование финансового поощрения и награды. Для избегания административных барьеров (регистрация предпринимательства, лицензирование, получение разрешения контролирующих органов и т. д.) бизнес, преимущественно малый и средний, использует «пассивную» стратегию взаимодействия, которая не предусматривает дополнительной выгоды предпринимателя, кроме как ускорения работы чиновника. Крупные корпорации играют по другим правилам: «активная» стратегия направлена на получение преимуществ и индивидуальных привилегий, избегая механизмы рыночной конкуренции, например при получении государственного заказа, что делает ее наиболее эффективной с точки зрения непрерывного накопления капитала. Со временем этот механизм приводит к установлению своеобразных «контрактных отношений», которые регулируются персональной выслугой. Безусловно, государственный патронат дает целый ряд преимуществ — «представители государственных органов распределяют выгодные контракты между «своими» фирмами и защищают их от контролирующих структур, … создают официальные каналы для осуществления организационной или материальной поддержки»[4].

Подчеркнем, что соединение заимствованных элементов западно-европейского институционального дизайна (разделение ветвей власти, всеобщие выборы, политические партии и т.д) с такими устойчивыми неформальными и традиционными политическими практиками как патронажно-клиентарные отношения, политическая коррупция, срастание государственного аппарата с большим частным капиталом удалось стабилизировать через установление моноцентрического режима. Но по своей сущности демократический транзит не привел к ожидаемым результатам — режим, который окреп, не был ни либеральным, ни демократическим, хотя и соединял некоторые элементы, как либерализма, так и демократии. В процессе украинского государствообразования произошло становление политико-экономической системы как «ни коммунистической, ни капиталистической, ни авторитарной, ни демократической», что удачно определил американский украиновед А. Мотиль, подчеркивая — «политическая и экономическая власть находятся в руках «кланов», региональных элит и паразитирующей бюрократии[5].

---

[1] Юрина Е. А., Кузьменко С. Ю. Роль государства в реализации направлений модернизации институциональной структуры в экономике постиндустриального общества//Социально-экономические явления и процессы. Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – 2009. – № 3(015). – С. 93–101.

[2] Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг/за ред. В. Ворони, М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – 636 с.

[3] Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых годов»//М.:Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.С. 108.

[4] Радаєв В. Корупція та адміністративні бар'єри для російського бізнесу//Політична корупція перехідної доби/за ред. С. Коткіна та А. Шайо. – К.: «К. І.С.», 2004. – XX, 440 с. – С. 268.

[5] Мотиль О. Україна в теоретичній перспективі: песимістичні прогнози, оптимістичні контраргументи та одна чи дві провокації//

Такая деформализация «правил игры» приводит к формированию теневого политического и экономического процесса, «захвату» государства большим капиталом и партийной бюрократией, монополизации политической и экономической сфер. Затем, без действующей правовой системы защиты частной собственности, гарантий выполнения контрактов и системы прогрессивного налогообложения доходов, государство, которое несет обязательства в обеспечении общественных благ и «раздела пирога», становится инструментом бизнеса и уже не олицетворяет институт, который должен действовать согласно общественным интересам, а становится собственностью и «обслуживает» интересы узкого круга людей так или иначе приближенных к власти. Европейские исследователи определяют такие социально-политические системы как грабительские, обдирательские в силу того, что «в социально-экономическом контексте плен государства означает создание основных правил игры во вред общему благу и на пользу чьих-то собственных клиентов»[1]. «Приватизация» государства политико-управленческими и финансово-промышленными группами не просто ослабляет публичную политику в Украине, а фактически сводит ее насмарку. Подмена общественных (публичных) интересов коммерческими интересами влиятельных бизнес-структур делает невозможным существование каких-либо институтов контроля за принятием политических решений, нивелируя правовой потенциал Конституции Украины непубличным, закрытым политическим процессом.

В данный момент перед государством стоит главная задача — создание условий для максимального удовлетворения общественного интереса, то есть соблюдение, поддержание такой политики, где публичная сфера, по словам Ю. Красина, позволяет переплавлять частные интересы в общее благо[2]. Публичная сфера опирается на способность государства к аккумуляции, выражению и защите интересов общества в целом и частных интересов в том числе, не через регулирование или ограничение, а усиление государством экономической свободы и рынка. Рынок и характерные ему механизмы приводят к столкновению частных интересов предпринимателей, власти, гражданского общества, политических партий, отдельных индивидов, с помощью чего и формируется общественный интерес. Инструментом реализации этого общественного интереса (публичной политики) является государство, поэтому очевидным является необходимость «апгрейда» институционального дизайна и демонтажа механизма ведения политики из одного центра — Администрации Президента — в первую очередь через обеспечение участия граждан в политическом процессе, дебюрократизацию, реальную защиту частной собственности, верховенства права и справедливого судопроизводства, прозрачность и подотчетность правительства, деятельность независимых СМИ, доступность публичного пространства для создания сетей взаимодействия государственного, частного и общественного секторов, разработки согласованной публичной политики и конструктивного взаимодействия властных, государственных и предпринимательских структур.

В условиях социально-экономической модернизации беспрецедентно возрастает роль правительства и властной вертикали в разработке и продвижении реформ, что в какой-то степени модифицирует установленные «правила игры» и расширяет присутствие государства в экономической сфере, вместе с тем увеличивая риски злоупотребления должностными обязанностями для дополнительного обогащения. Путь социально-экономической трансформации — лейтмотив политики президента В. Януковича — должен быть не просто одним лишь желанием власти «косметически» реформировать устаревшие государственные структуры, но и результатом эффективного согласования интересов государства с интересами других субъектов публичной политики (предпринимательство, гражданское общество и т. д.). Государство должно служить интересам всего общества, потому не может нормально функционировать, репрезентировав и защищав интересы исключительно узкого круга больших капиталистов и лояльной к ним властной верхушки. Поэтому этот запрос на реформирование институтов и механизмов ведения политики задает принципиально иной объем и направление публичной политики, который и определят результаты и последствия сегодняшних реформ.

Список литературы:

1. Веселовский С. Я. Приватизация как глобальный процесс переоценки роли и места государства в экономике//Россия и современный мир. — 2001. — № 3. — С. 20–31.
2. Кондрашина М. Публичная политика как поле: к вопросу методологии исследования//Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 327. — С. 45–48.
3. Курбатова М. В., Левин С. Н. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/text/16213426/. — Загл.с экрана. — 23.11.2012.
4. Мотиль О. Україна в теоретичній перспективі: песимістичні прогнози, оптимістичні контраргументи та одна чи дві провокації//Українське суспільство на шляху до перетворень: західна інтерпретація: за ред. проф. В.Ісаїва. — К.: Вид. дім «КМ Академія», 2004. — 362 с. — С. 30–45
5. Олейник А. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых годов»//М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 438 с.
6. Пасхавер А. Перспективы частного предпринимательства в Украине: бюрократия против капитала//Зеркало недели. 26 июня — 2 июля 1999. — № 25 (246).
7. Радаєв В. Корупція та адміністративні бар'єри для російського бізнесу//Політична корупція перехідної доби/за ред. С. Коткіна та А. Шайо. — К.: «К. І.С.», 2004. — XX, 440 с. — С. 252–276.
8. Рейтерович І. Політичний вимір діяльності ФПГ у державах перехідного типу [Электронный ресурс]//Політичний менеджмент. — Режим доступа: http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=36&c=664. — Загл.с экрана. — 23.11.2012.

Українське суспільство на шляху до перетворень: західна інтерпретація: за ред. проф. В.Ісаїва. – К.: Вид. дім «КМ Академія», 2004. – 362 с. – С. 36.

[1] Шайо А. Клієнтизм та здирство: корупція в перехідному періоді//Політична корупція перехідної доби/за ред. С. Коткіна та А. Шайо. – К.: «К. І.С.», 2004. – XX, 440 с. – С. 15.

[2] Кондрашина М. Публичная политика как поле: к вопросу методологии исследования//Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 327. – С. 45–48.

9. Ролан Ж. Экономика переходного периода. Политика, рынки, фирмы//М.: Высшая Школа Экономики (Государственный университет), 2012. — 570 с.
10. Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг/за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: Інститут соціології НАН України, 2010. — 636 с.
11. Шайо А. Клієнтизм та здирство: корупція в перехідному періоді//Політична корупція перехідної доби/за ред. С. Коткіна та А. Шайо. — К.: «К. І.С.», 2004. — XX, 440 с. — С. 1–21.
12. Юрина Е. А., Кузьменко С. Ю. Роль государства в реализации направлений модернизации институциональной структуры в экономике постиндустриального общества//Социально-экономические явления и процессы. Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. — 2009. — № 3 (015). — С. 93–101.

Zubova Oksana Gennadievna, Moscow Humanitarian Institute after E. R. Dashkova
candidate of political sciences, docent
Lebedeva Irena Valeryevna, Astrakhan State University
candidate of social sciences, docent
Oskina Olga Ivanovna, Astrakhan State University
candidate of political sciences, docent

Socio-political myth of modern Russia[1]

Modern Russian society today is undergoing an extremely difficult period associated with the accelerated changes in all spheres of life, which causes the population not always a clear sense of danger and tension. Russian experience, deeply rooted in the minds of many generations, creates fear of any social change, reform and change that to a large extent, in the most glowing promises were accompanied by violence, deprivation and loss of social and economic spheres. In this regard, the Russian political power refers to the historical experience of the mythologizing of public consciousness, in the hope that promote socio-political mythology would increase the power legatimization, reduce anxiety, destructive social behavior and reorientation of society to the traditional patterns of thinking which had taken place before.

Mythologizing of social consciousness is a complex, multi-faceted process. Modern myths are, on the one hand, an attempt to look about in the conditions of numerous economic, political and cultural changes in the background of abundance, multi-channel, simultaneity and diversity of information, forming a mosaic image of reality; on the other hand, they are a kind of compensation measures in situations of spiritual and axiological discomfort.

The myth is always immanent the cultural experience of the era, so over time it undergoes transformation, changes, maintaining its formal characteristics, their "mythology". Russian scientist and prominent structuralist A. F. Losev and French literary critic Roland Barthes, in particular, believed that the twentieth century produces myths even more active than the old cultural and historical periods, and their value and the number does not decrease, but steadily increases. E. M. Meletinsky, a recognized authority in the study of myths, notes that "ethnology of the twentieth century has shown, that myths in primitive societies is closely associated with magic and rituals and function as a means of maintaining the natural and social order …Secondly, mythological thinking has a certain logical and psychological peculiarity … thirdly, the myth is … a symbolic language, in terms of which a person has modeled … the world, society and himself … "[2].

In traditional sense "myth" occurs early in the story, in which the phenomenon of nature or culture appears in inspired form and personified. In a more recent interpretation it is a kind of historically determined social consciousness. In modern interpretations the myth refers to a deformed distorted reality, implies an uncritical presentation and perception of the center. Myth is finally evaluated as a universal method of human attitudes. It turns out that it is almost impossible to approach to the real essence, described with the word "myth". However, scientists are unanimous in the opinion that the myths are necessary psychological constructs, because people can not live outside of the imaginary: "Myths are necessary for everyone. Individuals need myths. Nations need myths. "[3]

Myth summarizes some important truth, and therefore takes a deep symbolic meaning. It offers both a system of interpretation and ethical code of conduct. Its truth is not abstract, but a guiding life principle of the individual community. Myth has a powerful potential of the community integration and simplification the interpretation of the surrounding. That is why the myth is an imaginary construct that is neither real nor unreal, but is clearly related to the fundamental values of the community[4].

The twentieth century opened a new page in the interpretation and dissemination of myths. The development of media and information breakthrough led to the transformation of the culture, the intensification of social change, the information society, the expansion of the boundaries of the virtual world, contributed to the increased volume of information and its psychological impact on people. Media offer preferred role-set, business model, set standards in various areas of life, including, for example, standards of political behavior and public consumption. Information, packaged in a shell of myth becomes sensually expressive specific, easy to remember, aestheticizing life world of modern man and throws him out, at best, in the embrace of illusion, and at worst, makes the object of manipulation, including the political. Russian political scientist S. G. Kara-Murza observes the pronounced "applied" nature of native mythologizing. Modern social myth-creating is increasingly becoming an integral part of manipulative technologies which are most popular in politics and popular culture[5].

---

[1] This work was supported by the Federal Programme, the project 2012–1.1–12–000–3001–057 "Falsification of political history: from the reliability of the scientific ideology to authenticity."

[2] Voyevodina L. N. Mifotvorchestvo v XX stoletii//Informatsionno-analiticheskiy zhurnal «Fakt». 2001. № 9//http://www.fact.ru/www/arhiv9s4.htm

[3] Davies N. Polish National Mythologies. London: Hurst and School of Slavonic and East European Studies, 1997. pp. 141–157

[4] Postkommunisticheskiy politicheskiy simvolizm: novyye mify – staryye istorii?//politics.in.ua›index.php?go=News&in=view&id=9935

[5] Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniyem//http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul42.htm

Modern political myth, was largely generated by the significant historical transformations and catastrophes, social and ideological practices of the past twentieth century. It is associated with traditional (archaic) myth and represents archetypal design, justifying the existence of a particular political system, and it claims a special role of an individual or a group in this system. As a traditional myth, the political myth is symbolic, conceptual, extra historical and focuses on the archetypal image of a superman, reflects the movement of the cosmos to chaos and vice versa and constructs the space dichotomy "us-them". The concept of a myth is built around some basic ideas. This mythoidea subjugates the whole system of rituals, slogans, political, ethnic and social stereotypes. Space perception by a mythologized mass consciousness is based on archaic opposition "us-them". It gives an idea of the local area (sacred space) with a population of certain community and the surrounding hostile space. Such bipolar and multipolar world, has always existed. Therefore, the proposed new world order of unipolarity can not exist permanently, as it does not reflect the different mythological world picture. All events in the mythologem "us-them" are treated as a goodwill of a hero or an evil will of enemy. Hence the mythology of the leader, which gives the properties of the public consciousness, much superior to human limitations, giving him more than the power to implement the desired.

B. A. Isaev and N. A. Baranov say that "the Russian political cult mentality is characteristic of the government, worship it as the embodiment of power and domination. This mythology, and even fetishization of government generates statism, not in the West, but rather, in the Eastern sense. Statism is based on the fact that the Russian state is endowed with supernatural properties, rationally perceived as the founder of Russian reality[1]. The authority of the leader acts as a hypnotic power, and the crowd is ready to follow his instructions without hesitation, being a prisoner of faith created a myth. G. Le Bon said: "At present, altars are not built to great soul conquerors, but the statues are erected to them, and a cult, to assist them now, do not differ appreciably from that which they have provided in the past."[2]

Russian state-centrism turns sacralization supreme authority, that is, persistent perception of her as an authorized by non-human forces. Constant attribute of the image leader in the public mind appears not to coordinate positions and the ability to compromise, and the ability to impose its will. The leader of the main object appears paternalistic expectations, fueled by tenacious historical memory of the "fathers-benefactors", derived from the Russian political tradition. The result was the conviction that only the sovereign, his intelligence and enlightenment determines the country's prosperity. Thus was formed a myth based on the belief in the supreme royal or any other justice, which became characteristic of the political culture of Russia. According to N. Eidelman, "as the injustice of the real power came into conflict with the idea, the issue was solved, in general, univical: the king is still "right", but if the king seemed to be"wrong", his true word was distorted by the ministers, nobles or whether the king is wrong, self-appointed and must be immediately replaced by the right one"[3].

The image of the hero-leader is associated with a miracle, and the image of the enemy associates with conspiracy. Any mistakes and failures can be justified by secret machinations of enemies. At crucial moments of political life the need for a leader is great, when it becomes important to the society (or its separate groups) to reduce the extent of formalization of its political strategy and tactics, and provide it with a "human face". In this case, the public consciousness actively constructs, often in spite of the reality, the mythical image of the leader to match the expectations of the masses and the political groups. The image of the hero, the leader and the "rescuer" appears constant concentration of some important social and political institutions, norms of thought and behavior, creating in a society a psychological attitude with a common aspiration to positive political bright future. For example, 53% of Russian population. Believe in a strong, very strong influence of the political leader of modern Russia of Vladimir Putin, on what is happening in the country now. According to the survey, of "Levada Center" when asked respondents whether they trust Putin positively responded 57%, 40.9%, suggested that the faith in the president associated with the hope for his future success in solving vital problems.[4]Putin's image as a political leader, is a mixture of the king and the star, he is the "father of nations" and the Godfather, a family man and the idol of women ", " Vladimir Putin appears as a proletarian leader: a mixture of ideals of imperial Russia and the aesthetics of global politics"" — writes the Sueddeutsche Zeitung[5].

Cult of the leader, is the type of power relations based on personal rule and personal devotion the supreme ruler, said Dmitry Olshansky. It is typical of traditional and quasitraditonal, ideological, theocratic, rigidly centralized, non-dynamic, authoritarian and totalitarian societies. Laws in such a society are built on a permissive type: it is forbidden everything that is not authorized by the leader. Norms of political behavior are ideological hierarchy of authorities, including the highest — the decision of the leader. His power is unlimited and uncontrolled. For the leader cult irrational perception of politics in everyday consciousness is typical. Charismatization of the leader is also typical, he is endowed with extraordinary abilities. The political system is functioning as a hierarchy of power clans-click with relationships "client — patron"[6]. This political system is in need of political mythology that actively court artificially constructed political ideology-groups forming and propagating specific political myths. These have a certain gift mythmakers forecasting ability reflection of collective representations.

Searching for a new ideology able to replace those existed in Soviet society, leads to the formation of new mythological structures which are not always correlated with the national archetypes, and therefore are temporary and unsustainable. So the current state of Russia's current civic culture with weakly entrenched liberal-democratic values, due to the specific processes of its formation in the period of democratic transformations the 90. of the twentieth century and continuing to the present. An important factor in the process of developing the foundations of civic culture was that it took place in an already existing outbreak strain in the long term patterns of political thinking and patterns of political behavior. However, historically the country's "political and cultural genotype" was far from the principles of civic culture, defining the nature of contradiction between the value systems of the Soviet and post-Soviet period, and the new system of democratic values, which were to establish in the minds of citizens of the new democratic Russia. Inherent to the political culture of the national Russian state-paternalistic settings, manifested in the authoritarian government, state's leading role in public life, high expectations from the state as well as in a persistent fear in the public mind to "stay without a guide" suggests that the "culture of the subjects" in Russia has acquired as the most powerful, stable tradition[7].

---

[1] Isayev B. A., Baranov N. A. Politicheskiye otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii. SPb., 2008. S. 317.

[2] Lebon. Psikhologiya mass. M., 1992. S. 199–200.

[3] Eydelman N. N. Gran vekov. Politicheskaya borba v Rossii: konets VIII – nachalo XIX stoletiya. M., 1982. S. 36.

[4] Reyting doveriya Putinu dostig rekordnogo minimuma. 17.08.2012//http://www.newsru.com/russia/17aug2012/putin.html

[5] Sueddeutsche Zeitung. 4.08. 2011//http://cursorinfo.co.il/news/pressa/2011/08/04/pytin/

[6] Olshanskiy D. V. Vozhdi i lidery. Vozhdizm/Politicheskaya psikhologiya. M., 2002//http://psyfactor.org/lib/lider6.htm

[7] Karpova N. V. Politicheskaya kultura v protsess ye stanovleniya grazhdanskogo obshchestva//Vestnik moskovskogo un-ta. Ser.18 Sotsiologiya i politologiya. 2006. № 1. S. 45.

However, the modern Russian political elite is actively promoting the myth of the so-called "Sovereign democracy", which has not become a part of a world-view pictures of the Russian society. However, certain changes in the public consciousness, we can already see with the data confirmed by the All-Russian public opinion polls, where the opposition in the assessment of values in the older age group, and among the young is heavily. For example, in a study of the 2010 Foundation of Public Opinion the main life values for the youth of Russia is the financial well-being, while for older Russians ideals of justice and peace are the most important. It turns out that the aging population over 65 years, still retains the ideals of Marxism-Leninism, and the will to "strong hand", disdain for material things and the fear of war. Middle-aged people have the most value stability. But, despite the differences in life priorities Russians of different age groups chose as their priority the family (64%), which was followed by security (51%) and wealth (43%)[1]. It turns out that these personal values, including and safety (personal safety, not an abstract order, peace and stability) are priorities for all demographic groups in Russia. The fact that such statist values as "law" and "order" only weaken its influence, demonstrates the low level of people's trust in the government and its main institutions. The value of freedom, democracy, human rights and did not become popular. Society still does not understand the nature of these concepts and does not accept new foreign to the political consciousness of the world picture[2].

This survey demonstrates that the Russians do not hold the majority of the left-wing views, which correlates with the destruction of the dominant Soviet mythological system, but the new democratic values associated with liberal political discourse, are yet little peculiar to Russians, the myth of democracy has not replaced the old traditional myths and expectations. It turns out that the picture of the world of contemporary Russians is mosaic and fragmented, there is no symbolic belonging to symbols of the state and state identity, replaced now by national identity. That is the reason of the closure of people at local levels: family, friends, etc., which strengthens civil divisions, generates new mass fear and increases anxiety.

In this context, myth-making, based upon the fundamental national values mental archetypes, can be an effective mechanism for the promotion of new social and philosophical foundations of the forecast of the future of a democratic society. It is a systematic deliberate myth-making determines the look of the modern era in which we live — the era of globalization. Global capitalism, global consumption and global myths are the "three pillars" on which rests the unity of the world today.[3]New myths have become a means of social mobilization and manipulation of public opinion. Contemporary culture continues to produce intense myths designed to bind and to channel social energy, meet the needs of a society of mass consumption such as to stimulate the consumption of products, as it makes ads created by television attractive image of a politician or pop "stars", to attract the viewer to another action or a "soap opera" by means of media. New myth appears in the form of false, but very comfortable mobilizing structure to safely enter and mass in human socio-political reality, creating the impression of the truth and the state of psychological comfort.[4]

The weakening of traditional authority and derision, the impact of advertising, television and popular culture, inciting unrealistic claims and irresponsible propaganda, all the arsenal of modern myth-makers are actively using technology to manipulate and "crowd-making"[5]. This is extremely disturbing trends that have received, but widespread, both in Russia and in the world.

Karabushchenko Pavel Leonidovitch, Astrakhan State University
doctor of philosophy, professor
Lebedeva Irena Valeryevna, Astrakhan State University
candidate of social sciences, docent

Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism[6]

Postindustrial theory assumes and promises very real revolution in the public mind with the arrival of the Information Society values (M. Young[7] D. Bell[8] A. Toffler[9], etc.). This revolution must sweep away social and political elite. In their place a new type of elite should come — a meritocracy (or the elite of knowledge). What are the parameters of this new elite? What will it be, what challenges will it bring and how the society itself will meet the challenges of this historic time? All these questions are dictated not by our idle curiosity, but an attempt to understand the present reality and a glimpse into the future. The main purpose of our work to check whether the hypothesis of a meritocracy corresponds with the realities of the current days and what changes can be made to clarify the nature of this phenomenon?

In the judgment, we will proceed from the general theory of postindustrializm, making necessary amendments in the course of dictated nowadays changes. The study the current state of the economy most developed Western countries during the global financial crisis of 2008–2012 indicate that it is a crisis of basic values of industrial society. This crisis can be interpreted as a pre-revolutionary stage in the development of post-industrialism. But it will be a revolution of the elite of knowledge against the elite of wealth.

---

[1] Chto samoye vazhnoye v zhizni rossiyan/Issledovaniye FOM// www.adindex.ru

[2] Zubova O. G. Ideologiya sovremennoy Rossii: problemy formirovaniya s oporoy na natsionalnyye arkhetipy//Rossiya v protsesse modernizatsii: sotsialno-politicheskiye aspekty: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (5–6 marta 2010) v 3 t. T.1/ nauchnyy redaktor A. A. Vartumyan. – Armavir: RITs AGPU, 2010. S. 109–114.

[3] Tikhonova S. V. Sotsialnaya mifologiya v kommunikativnom prostranstve sovremennogo obshchestva. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk. Saratov, 2009.

[4] Voyevodina L. N. Mifotvorchestvo v KhKh stoletii//Informatsionno-analiticheskiy zhurnal «Fakt». 2001. № 9//http://www.fact.ru/www/arhiv9s4.htm

[5] Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniyem//http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul42.htm

[6] This work was supported by the Federal Programme, the project 2012–1.1–12–000–3001–057 "Falsification of political history: from the reliability of the scientific ideology to authenticity."

[7] Young M. The Rise of the Meritocracy: 1870 - 2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames and Hudson. 1958. – 382p.

[8] Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. 2nd ed. N.-Y.: Basic Books, 1976. – 507p.

[9] Toffler A. Future shock. N.-Y.: Random House,Curtis Brown, Ltd. 1970. - 558p.

Postindustrial revolution needs to rethink the existing values, which occurred in the previous time during the elite selection. The elite selection must meet two important factors: it should be as open as intelligent. In this regard, the role of the open elite education, as a system of training the elite of knowledge is growing.[1] What is this elite? Answering this question, we must turn to the data of elitology.

From Gaetano Mosca[2] (who scientifically substantiated the phenomena of elite at the end of XIX century) to Michael Young[3] (who first formulated the principle of elite knowledge/meritocracy in the middle of the twentieth century) was an era of elitological ideas including a constellation of remarkable minds (Pareto, M. ostrogorsky, R. Michels, N. A. Berdyaev, G. P. Fedotov, K. Mannheim, M. Young). Their ideas were the basis for the prosperity of the social and political elithology. But even in the depths of this knowledge originated and developed the concept of humanitarian sciences elite (N. A. Berdyaev, G. P. Fedotov, J. Ortega). Lord M. Young was the first (alter Plato) who described the rise of meritocracy as submission (conquest) the political foolishness by scientific mind. In fact it was a step up from the utopian perception of Plato's ideal state and the philosopher on the throne to his realistic understanding.

The classics of the theory of elites (Pareto[4] Mosca[5] R. Michels)[6] often compared different types of leaders of political elites with the lions, foxes and God knows what else, but none of them compared the elite to the book. In the stories you will not find any vegetarian political elite. All they were carnivorous. The elite of the book is the only pacifist elite. Nietzsche's superman theory or the theory of the "Third Testament" by N. A. Berdyaev may appear in a new light as a high-tech post-industrial prophecy, but not as a utopia. Postindustrialism is the time of transformation of the utopian in the prophetic. It is suffice to cite the example of nanotechnology, the use of which in practice only some 30–40 years ago, seemed to be a fantastic prospect.[7]

What is the right idea of meritocracy? The fact is that the government will be forced to use more intelligent tools (technology) in the management of an intelligent society. The system itself is based on the post-industrial mind, not on force and violence. Therefore, in such a society will function the formula "smart society — intelligent tools (technology) — smart power" Is it utopia? No it is an ideal! The reality must seek such an ideal, in order to realize the main descent of humanity — a gene of improvement. If meritocracy is a new elite, who will be the leader? From our point of view, it will be the aristocracy of the spirit — the most developed creative personalities. The main value of post-industrialism will not be the information and knowledge, but the person owning the information resources of the highest quality. It has time to replace the law of the strong by the law of the clever.

The analysis of modern theories of post-industrialism reveals a direct relationship to strengthen meritocratic trends and quality education that can be described as "open elite education"[8]. Unlike the former closed elite education (education for only for the children of the elite), the liberal model of future elite education will be based on the personal dignity of the subject, not on the financial means of his "ancestors". The "ancestors" of meritocracy are outstanding minds of the past, contributed most to the development of science, culture and philosophy. The main feature of meritocracy is a personal involvement in the creation of new luxury property, and not purchasing them at a reasonable price. Creativity is the main source of its prosperity, not financial speculation in the market and the stock exchange.

In the past, the principle of meritocracy have long flourished in science and culture. The onset of industrialism promises its domination in social and political relations. The old elites (elites of "blood" and "wealth") will be pushed to the periphery of history and they will lose their power. In the twentieth century, for the "revolt of the masses"[9], in many countries of the world was abolished the estate principle on which was based the rule of the "elite of blood" (ancestry aristocracy). The XXI. century due to what is happening today the "revolt of the elites"[10], will abolish the "laws and values" of oligarchic system of power. The "iron law of oligarchy"[11] will be replaced by a "steel law of meritocratic hierarchy", where the absolute value will be an individual, creativity and knowledge and not the rank and position or the amount of money to a personal bank account. Such a law is regulated by the liberal elite education, and it generates a hierarchy which reflects the real diversity of the human spirit.

If the old elites owned strategic resources of the industrial society (power, money, industry), the possession of a meritocracy is its scientific knowledge and other strategic information. Private ownership gives way to the intellectual one. Therefore, it is not quite pleasing to the technocracy news. Meritocracy is based on the "three pillars": one of which is the ethics, the other is the science and the third is the culture. In other words, this is a combination of science, ethics and culture, the highest form of which will be the main asset of this new era. That is why the private meritocracy reigns over a status. If you're not a self-sufficient person, you have nothing to do in this elite. This is the motto and the diagnosis of this era.

Speaking today about meritocracy, we often talk about the proper, i. e. about what should be, not that it really is (this is a fundamental contrast to the method of Plato from the Aristotle's method). Shortcomings of the current system are hidden in the mistakes made by our ancestors. In order to avoid the errors in the future we should now learn properly understand our own reality and design on its base the nearest future.

---

[1] Ashin G. K., Berezhnova L. N., Karabushchenko P. L., Rezakov R. G. Teoreticheskiye osnovy elitologii obrazovaniya. M. – Astrakhan: Izdatelstvo MOSU, 1998. – 432s.

[2] Mosca G. The Ruling Class. (Elementi di scienza politica, 1896). N. Y.: McGraw-Hill, 1939. - 472p.

[3] Young M. The Rise of the Meritocracy: 1870 - 2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames and Hudson. 1958. – 382p.

[4] Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916), 2 voll., Milano: Edizioni di Comunita., 1964. Vol. I, pp. 798 ss.

[5] Mosca G. The Ruling Class. (Elementi di scienza politica, 1896). N. Y.: McGraw-Hill, 1939. - 472p.

[6] Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911.

[7] Hartmann U. Faszination Nanotechnologie. Elsevier Spektrum Akademischer Verlag, München, 2005. - 166s.

[8] Ashin G. K., Berezhnova L. N., Karabushchenko P. L., Rezakov R. G. Teoreticheskiye osnovy elitologii obrazovaniya. M. – Astrakhan: Izdatelstvo MOSU, 1998. – 432s.

[9] Ortega y Gasset Jose. La rebellion de las masas. (1930) Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente, 1975. – 384p.

[10] Lasch. Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy./W. W. Norton & Company. New York - London.1995. – 276p.

[11] Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911

Meritocracy is the bright future of humanity, it will be a real elite knowledge. Earlier all the ideas of humanism and enlightenment were mostly declarative. It is time of a particular implementation of these projects. A new type of elite will be born, incarnating all these above mentioned features. For the first time it will be the elite entirely based on the latest achievements of scientific thought, both in form and in content it will be the elite of scientists.

The analysis of the political history shows that the progressive philosophical ideas (Plato, Kant, Hegel, and others like them) did not find its adequate implementations in practice as the organization, management and planning of the system was done by the elite of blood (tribal aristocracy), or elite of wealth (plutocracy), but not the elite knowledge (meritocracy). Therefore, these ideas were considered by the society as utopian and thinkers themselves have earned a reputation of dreamers. For the first time in history the idea of an ideal state (Plato) or perpetual peace (Kant) have a chance to adequately comprehend and put into practice. After all, the liberal ideas of John Locke and Montesquieu did not immediately find their political implementation. For a long time the ideas by Plato were considered to be ridiculous by his contemporaries and descendants until the early twentieth century because he proposed to grant the vote to women and allow them to engage in public policy. Today noone would doubt the value of this civilized political life. If a hundred years ago slavery and racial segregation in the United States was in the order of things, today political correctness demands tolerance even to sexual minorities. The world is changing and the changes are unpredictable.

Post-industrial era of knowledge will not be quantitative, but predominantly qualitative dimension[1]. It will automatically lead to the need to enhance the quality of education. It will not be easy to the elite of knowledge to control information and create it. In this case we are not talking about the quantitative indicators of the information field, but the qualitative characteristics of the world of ideas. It can be argued that there will be an information field of the earth (as a quantitative measure of a perfect world), and the world of scientific ideas (as it is a qualitative indicator). In the age of global globalism the information becomes global itself. Not just an information field of Earth is being formed, on its basis the world of scientific ideas is formed which becomes a kind of earth-image of the objective world of Plato. Information society can dispel another myth — the myth of Platonic utopianism.

The head of the Institute of the Information Society I. Masuda argued that in the information society the main product will be cultural leisure time, that it also will be classless and conflictless [2]. This idea somewhat diverges from the theory of conflict expressed by Dahrendorf, who claimed that "… the conflict denotes freedom, because it is the only expression of diversity and incompatibility of human interests and desires …"[3]. We tend to regard this process dialectically, that is why we do not rule out the conflict as an important scale factor of the future. The question is about the nature of this conflict. From our point of view, the conflict will be predominantly because of coincidence of innovation and tradition, when the creative would be in conflict with the destructive, etc. Finally, this conflict can be seen as a clash of civilizations, but not in the spirit of Samuel Huntington [4], and in the spirit of a conflict of values of industrialism and post-industrialism.

A. Toffler suggests that the experiment (search for a new one) is only for a minority, while the majority of traditionally adhere to the customs of the past [5]. Modern political elite is not capable for these experiments. It prefers to operate in the old "antiquated methods", i. e. by the armed violence and not by the people's minds. The current elite (the elite of late industrial time) make a lot of fatal errors, which bury them. Moreover, these errors are systemic, which attests to their general crisis. The are too many myths about today's elite. Scientific view is often distorted not only by the "black PR", but also by the fact that the elite representatives purposefully concealed from the public the truth about their IQ –index [6].

Analysis of the political reality suggests that the emphasis of global development moves from the political to the cultural, as the political elite is not able to produce a new qualitative value, and is constantly seeking this knowledge with the help of specialists. Nowadays the power of political elites reaches its magnitude, i. e. they can not use their old technology of the industrial age in the new conditions. The elites are incapable as they are poorly adapted to the new conditions. Elitology recognized that the political elite is just a technical necessity of a society in leaders (chiefs)[7]. Cultural elite is the need of our spirit, aimed at the transformation of human nature. Development of meritocracy will happen on the background of nanotechnology development. Today the world is fascinated by the possibilities of nanotechnology [8], just as it was once fascinated by the first manned flight into space. We can assume that the quality of the state of meritocracy will also depend on the ability to use these high scientific technology. Meritocracy is precisely the resolution of political and cultural conflict in favor of their modern synthesis.

Summarizing the results we should again turn our attention to the fact that post-industrialism is inevitable, its symptoms are more and more beginning to manifest itself in our everyday life and modern elites have to be found the answer to this call.

Data analysis of the modern world economy indicates that nowadays financial and economic crisis may be a systemic crisis of industrialism, clearing the way for the arrival of the post-industrial relations..

Pareto argued that the preceding period of history was predominantly the "graveyard of the aristocracy"[9], but in the post-industrial world it has become a museum of genius of the human spirit. From the "graveyard of the aristocracy" to the "museum of meritocracy" — this is the way of human history. Likely to undergo a change of the culture and political relations. Rather, we should expect a broad insight

---

[1] Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. 2nd ed. N.-Y.: Basic Books, 1976. – 507p.

[2] Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society/Y. Masuda Wash.: Wold Future Soc. 1983. - 171p

[3] Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society - Stanford Univ. Press. – 1965. – XVI, - 336p.

[4] Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. Simon & Schuster, 1996. - 367p.

[5] Toffler A. Future shock. N.-Y.: Random House,Curtis Brown, Ltd. 1970. - 558p.

[6] Karabushchenko N. B. Psikhologiya elit: mif ili realnost (istoriko-psikhologicheskiye osnovaniya). Monografiya. — Germany: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. – 251s.

[7] Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911

[8] Hartmann U. Faszination Nanotechnologie. Elsevier Spektrum Akademischer Verlag, München, 2005. - 166s

[9] Pareto V. Trattate di sociologia generale. (1916), 2 voll., Milano: Edizioni di Comunita., 1964. Vol. I, pp. 798 ss.

the values of politology into the politics, instead of political PR-practices and technologies. Politicians should not be replaced by the scientists It will happen in countries able to find an adequate response to the challenge of modern times and become the leaders of the post-industrial era.

Literature:

1. Bell D. The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting. 2nd ed. N.-Y.: Basic Books, 1976. — 507p.
2. Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society — Stanford Univ. Press. — 1965. — XVI, — 336p.
3. Hartmann U. Faszination Nanotechnologie. Elsevier Spektrum Akademischer Verlag, München, 2005. — 166s.
4. Huntington S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. Simon & Schuster, 1996. — 367p.
5. Lasch. Ch. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy./W. W. Norton & Company. New York — London.1995. — 276 p.
6. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society/Y. Masuda Wash.: Wold Future Soc. 1983. — 171 p.
7. Mosca G. The Ruling Class. (Elementi di scienza politica, 1896). N. Y.: McGraw-Hill, 1939. — 472 p.
8. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen iiber die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911.
9. Ortega y Gasset Jose. La rebellion de las masas. (1930) Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente, 1975. — 384 p.
10. *Pareto V.* Trattate di sociologia generale. (1916), 2 voll., Milano: Edizioni di Comunita., 1964. Vol. I, pp. 798 ss.
11. Toffler A. Future shock. N.-Y.: Random House, Curtis Brown, Ltd. 1970. — 558 p.
12. Young M. The Rise of the Meritocracy: 1870–2033: An Essay on Education and Equality. London, Thames and Hudson. 1958. — 382 p.
13. Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г. Теоретические основы элитологии образования. М. — Астрахань: Издательство МОСУ, 1998. — 432 с.
14. Карабущенко Н. Б. Психология элит: миф или реальность (историко-психологические основания). Монография. — Germany: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. — 251 с.

Shamsuev Magomed-Emi Huseynovich
Chechen State University, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Social Work
Шамсуев Магомед-Эми Хусейнович,
Чеченский государственный университет, старший преподаватель кафедры теории и истории социальной работы

Development priorities of the regional information security in conditions of global challenges

Приоритеты развития региональной информационной безопасности в условиях глобальных вызовов

Безопасность современного государства, общества и человека, наряду с социальными, экономическими, военными и др. проблемами, испытывает ряд вызовов, связанных с информационной угрозой. Проблематика информационной безопасности и управления информационно-коммуникационными технологиями выдвинулась на центральное место в перечне вызовов безопасности. Комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных рычагов воздействия нередко используются для взращивания и провоцирования терроризма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Таков мир, таковы тенденции его развития.

Сегодня стратегическое геополитическое преимущество и экономическое процветание государства больше всего зависит от степени ее вовлеченности в информационную сферу. Актуализируются не силовые, а информационные факторы. Информация становится важнейшей основой для принятия решений на производстве, объектах гражданских и военных инфраструктур, в органах государственной власти, в повседневной жизни[1]. Как отмечает в своей статье «Россия и меняющийся мир» В. В. Путин: «арабская весна» также ярко продемонстрировала, что мировое общественное мнение в нынешнее время формируется путем самого активного задействования продвинутых информационных и коммуникационных технологий. Это новый фактор, требующий осмысления, в частности для того, чтобы, продвигая и дальше уникальную свободу общения в Интернете, уменьшить риск его использования террористами и преступниками»[2].

Прогресс в развитии и внедрении новейших ИКТ ставит на повестку дня задачу оценки угроз, которые возникают в связи с возможностями использования таких технологий в целях, не совместимых с задачами обеспечения безопасности и стабильности как в гражданской, так и в военной сфере. Представляется, что анализ данных угроз, в контексте объективного дуализма глобальной роли ИКТ, в первую очередь, — Интернета, является актуальной задачей, необходимой для целей формирования и определения приоритетов развития региональной информационной безопасности современной России.

Информационная безопасность — способность государства, личности, социальной группы, обеспечить достаточные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания своей жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития, противодействия информационным рискам и угрозам, негативному информационному воздействию. Информационная безопасность России определяется уровнем информационной безопасности регионов (субъектов), сложность обеспечения в которых зависит от характера вызовов и угроз. Угрозы могут носить разный характер, в зависимости от региона. Для центральных и северных регионов — информационные нападки на власть, про-

[1] Ахмедова А. Безопасность в информационный век//[Электронный ресурс]. URL: http://evrazia.org/article/1595 9 марта 2011, 09:00

[2] Путин В. В. Россия и меняющийся мир//[Электронный ресурс]. URL: http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html

паганда этнофобии, аморального поведения и т. д. В северокавказских республиках актуальной остается проблема «террористического интернета».

Нестабильная общественно-политическая ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе значительным образом определяется проблемой использования Интернет-пространства экстремистскими и террористическими группами. По мнению А. Н. Фролова, если вести речь об особенностях рисков и угроз на национальном уровне, то необходимо в первую очередь рассматривать объективно существующие особенности национальной безопасности применительно к конкретным регионам. В частности, регионы отличаются друг от друга уровнем террористических угроз, сепаратизма, экономических проблем, активностью протестного движения и т.д[1].. Поэтому выделение регионального уровня информационной безопасности позволяет акцентировать внимание на существовании особой группы проблем, выявлении общего и особенного в рисках и угрозах, что интенсифицирует процесс их разрешения и устранения последствий.

Уровень проникновения информационно-телекоммуникационной сети Интернет в СКФО является одним из самых высоких в России[2]. Однако степень информационной безопасности СКФО в глобальном информационном пространстве не соответствует реальным угрозам, определяя необходимость ее усиления. Доступность и отсутствие цензуры размещаемой информации, предоставляющие широкие возможности для беспрепятственной пропаганды терроризма и религиозного экстремизма, как атрибутивные черты Сети, успешно реализуются в макрорегионе в дестабилизирующих целях. Все террористические Интернет-ресурсы ведут свою работу из-за рубежа и имеют международные домены «.com», «.org», «.info» и др. Наиболее известные среди них сайты «Чеченпресс», «Ичкерия», «Кавказ-монитор», «Кавказ-центр», «Kavkazan Haamash», «Шариат»», «Шамильонлайн»[3]. Экстремисты называют свою деятельность в Интернете «информационным джихадом», и, согласно материалу на сайте «Кавказ-центр», объектом их пропаганды еще в 2009 году являлись более 3 млн. пользователей сети[4].

За последние годы предпринято немало мер направленных на усиление информационной безопасности северокавказских республик, но решить вопрос о фундаментальном изменении матрицы информационных угроз не удается. В частности, Интернет сегодня стал зоной порождающей вызовы террористической угрозы для Чеченской Республики. Эффективность политики регионального руководителя, Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова, в борьбе с терроризмом выдвинуло проблему «террористического интернета» в республике на передний план. Интернет существенно изменил коммуникационную сеть террористов в Чечне. Если ранее это были сети с сильным центральным командным пунктом, то теперь это сети, где четкие командные пункты не просматриваются благодаря еще большему развитию сетевого характера этих структур[5]. Терроризм в современной Чечне ушел в глобальную сеть, деятельность которого в Сети остается активной, сохраняется идеологический и вербовочный потенциал. Тем не менее, террористическое подполье в современной Чечне не обладает достаточной военной организацией и не может противостоять военному потенциалу руководства региона, вместе с тем, оно обладают большим финансовым и идеологическим потенциалом, ответ на который должен быть ассиметричным.

На сегодняшний день существует два информационных ресурса, которые серьёзно воздействуют на ситуацию в Чеченской Республике. Это умеренный, но действующий на западные гранты сайт «Кавказский узел», который наполняет правозащитное движение «Мемориал», и радикальный сайт «Кавказ-центр», который поддерживается так же международными экстремистскими центрами. Это две основные информационные структуры, оказывающие максимальное влияние в регионе, особенно на молодёжь. В то же время, ни одного подобного этим двум ресурсам пророссийской направленности сайта в республике не существует[6]. Попытки по расширению представительств в глобальной сети государственных и общественных институтов не находят своего эффективного завершения. Как результат, информационная насыщенность чеченского сектора Интернета не соответствует существующим рискам и угрозам и единственно действенным методом борьбы с негативными сайтами остается их блокирование.

Таким образом, Россия в Интернет-пространстве остается «игроком чужих правил». Ярким подтверждением является позиция видеохостинга You Tube разместившего скандальный фильм «Невинность мусульман». Внезапное решение прокуратуры России по признанию фильма экстремистским, во-первых, интересна тем, что существовали и существуют и без того переполняющий этот хостинг экстремистские материалы — видео обращения террористов, террористические акты и т. д., но это, почему-то, не было достаточным основанием для блокирования, во-вторых, вопрос о закрытии говорит о том, что роль современного российского государства остается заключаться не в воздействии и даже не в редактировании, а лишь в отказе. Тем не менее, важно понимание того, что информационные технологии, в первую очередь, Интернет, сами по себе не угроза, а вызов, несущий в себе также колоссальный потенциал всестороннего развития. Закрывать Интернет-пространство непродуктивно, важно усиливать региональный контент, научиться отвечать нападкам на этой площадке. Необходимо четкое понимание того, что это свободное пространство и доминирование в нем зависит от того, кто его заполняет.

Выделяются следующие трудности в борьбе с «террористическим информационным фронтом», преодоление которых связано с развитием региональной информационной безопасности.

---

[1] Фролов А. Н. Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения. Дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2006. С. 18–19.

[2] «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года»// [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/

[3] Литвинова Т. Н. «Информационный джихад» против России: методы враждебной пропаганды и проблемы борьбы с ней// [Электронный ресурс]. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1662

[4] Информационный джихад: более 3 миллионов.//[Электронный ресурс]. URL: http:www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/08/23/67558.shtml

[5] Костихин А. А. Интернет как инструмент террористических и экстремистских организаций в психологической войне// [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11–07–06c.htm

[6] Северный Кавказ: русский фактор//[Электронный ресурс]. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/geopolitika/050710100112.xhtml

В первую очередь, это трудности **правового характера**. Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливающий ответственность за экстремистскую деятельность для юридических лиц и СМИ, предусматривает возможность приостановления деятельности экстремистской организации, путем подачи судебного иска о ее запрете и ликвидации. Однако в силу одной из особенностей Интернета — бесконтрольности подачи информации данные нормы в отношении распространителей экстремистских материалов в сети непродуктивны[1].

Вторая проблема противодействия пропаганде сепаратизма и экстремизма в Интернете — **техническая**. В ряде государств (Беларуси, КНР, Иране) используются различные технические средства блокировки поступления нежелательной информации к пользователям сети. В России пока существует неформальная практика взлома нежелательных сайтов. Например, kavkaz.org несколько раз взламывался хакерами. У российских пользователей нет никаких законодательных и технических препятствий для просмотра подрывных материалов у себя дома или на рабочем месте (если работодатель не установил собственные фильтры на рабочую сеть, правда, под запрет работодателя чаще подпадают социальные сайты, а не сайты экстремистской направленности).

В связи с этим особую актуальность приобретает не столько введение запретов, сколько необходимость критического прочтения содержания этих сайтов, а значит, третья проблема противодействия экстремисткой пропаганде — **идеологическая**. В своих материалах экстремисты и террористы нередко используют историческую связь этнического и религиозного, манипулируют национальным самосознанием. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что на государственном уровне до сих пор не создано достойной альтернативы подобному влиянию на людей, нет объединяющей всех россиян надэтнической и надрелигиозной идеологии. В связи с этим важной составляющей борьбы с этносепаратизмом и религиозным экстремизмом может стать формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности, культуры согласия и мира, пропаганда социальной справедливости, равенства и братства народов[2].

Таким образом, на основе соединения основных подходов к развитию региональной информационной безопасности как важнейшей составляющей системы обеспечения национальной безопасности России, структура формирования системы приоритетов информационной безопасности региона может быть представлена в виде комплекса правовых, технических и идеологических методов, которые призваны обеспечивать защиту жизненно важных интересов личности, общества и государства, создание внутренней и внешней защищенности от дестабилизирующих воздействий глобальных информационных вызовов.

Считаем, что действенными мерами в борьбе с «информационным джихадом» может стать разоблачение лживой риторики экстремистов. В этих целях должен быть заложен имеющийся потенциал общественных институтов, религиозных объединений, НПО, системы образования. Необходимость в аналитическом центре, где проводился бы комплексный анализ информационных угроз и планирование их нейтрализации очевидна.

Развитие системы региональной информационной безопасности России, как фактор национальной безопасности страны в условиях информационных вызовов и угроз, должен стать приоритетным направлением деятельности и научно-исследовательских центров и государственно-управленческих структур. Существующие структуры в системе МВД и УФСБ ориентированные на технократический характер противодействия вопреки социальному, остаются быть неэффективными. Также, необходимыми мероприятиями в процессе формирования общей стратегии развития региональной системы информационной безопасности, являются ранжирование регионов по степени негативного влияния ИКТ на безопасность страны.

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 29.04.2008).// [Электронный ресурс]. URL. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=76617

[2] Литвинова Т. Н. «Информационный джихад» против России: методы враждебной пропаганды и проблемы борьбы с ней// [Электронный ресурс]. URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=1662

Section 9. Psychology

Burshit Ludmila
Municipal preschool educational institution, kindergarten No. 77 Taganrog, educational psychologist
The graduate student of the Russian state social university in "Social psychology"
Буршит Людмила Михайловна
Муниципальное дошкольное образовательное учреждение, детский сад № 77 г. Таганрог, педагог-психолог
Аспирантка Российского государственного социального университета по специальности «Социальная психология»

Use of a series of projective risunochny tests of children in work of the practical psychologist as a method of diagnostics of an emotional microclimate of a family and psychological wellbeing of the child in it

Использование серии проективных рисуночных тестов детей в работе практического психолога как метод диагностики эмоционального микроклимата семьи и психологического благополучия ребёнка в ней

Проблема безопасного детства является актуальной для современного общества не только России, но и за рубежом. Причём позаботиться о физической безопасности гораздо легче, чем обеспечить безопасность психологическую.

Психолого-педагогическая диагностика в работе специалиста дошкольного образовательного учреждения сопряжена с рядом особенностей детского возраста и теми изменениями в привычной жизни малышей, с которыми они сталкиваются в начале следующей ступени социализации, которая наступает после семейной.

Естественно, что воспитатели и психолог, наблюдая за поведением детей в течение какого-либо времени, могут отмечать их индивидуальные эмоциональные, поведенческие и другие реакции, проявляемые в процессе общения или отказа от него, игре или избегания игровой деятельности, а также различных других ситуациях, возникающих в группе в течение дня. Однако такие наблюдения могут иметь достаточно субъективный описательный анализ, не подкреплённый документальными материалами, которые могли бы быть представлены родителям во время консультаций для совместного обсуждения. Именно поэтому важным диагностическим материалом для специалиста может быть детский рисунок.

Один из известных учёных Соединённых Штатов, в области работы с рисунками и их интерпретации, Грегг Ферс, успешно использовал названный метод в сфере повседневной терапии. Грегг Ферс считает, что рисунок, как и язык снов — это голос бессознательного, звучащего в те моменты, когда сознанию не хватает слов[1].

Отечественные исследователи, О. Л. Иванова, И. И. Васильева в своей работе «Как понять детский рисунок и развить творческие способности ребёнка» отмечают, что в рисунках дети отражают мир таким, каким они его воспринимают с помощью разных органов чувств [2].

Рисунок как результат деятельности содержит в себе знаковую систему, то есть язык, на котором ребёнок заявляет о себе. Обычно дети начинают рисовать на втором или третьем году жизни. К 2–3 годам изображения, как и речь, становится языком, который ребёнок осваивает и самостоятельно создаёт. Идеи и образы, сознание окружающей действительности тесно переплетаются с чувствами и эмоциями ребёнка. Психологи подчёркивают, что «нельзя к детскому рисунку подходить с позиций «похоже — не похоже». Для ребёнка рисунок всегда похож на окружающий его мир, он всегда честно выстраивает отношения между собой и ним.»[3].

Рисунки детей в период от 2 до 4 лет — это разговоры на бумаге, тема которых — он сам. Отражение этих диалогов на бумажном листе — автопортрет. (В это понятие может входить сам ребёнок, его ближайшее окружение — родственники, знакомые, его дом, улица, любимые вещи). Даже если на рисунке появляется всего один предмет, он всё равно включён в воображении ребёнка в сложную систему взаимоотношений. Если взрослый не включается в этот разговор как собеседник, способный выслушать, понять, а при необходимости помочь высказаться, он теряет возможность почувствовать и постигнуть особенности внутреннего мира ребёнка, специфику образов фантазии, которые окружают малыша наряду с явлениями объективной действительности.

Таким образом, образ на листе, создаваемый ребёнком, всегда неслучаен.

Р. С. Бернс и С. Х. Кауфман в своей работе «Кинетический рисунок семьи: введение в понимание детей через кинетические рисунки» отмечают, что маленькие дети обычно выражают себя более естественно через действие, чем с помощью слов[4]. Именно поэтому рисунок является эффективным методом изучения мира ребёнка. Рисуночные тесты просты в управлении, не внушают опасений и могут использоваться там, где другие техники ограничены такими факторами как языковой и культурный барьеры и трудности общения.

---

[1] Грегг М. Ферс Тайный мир рисунка: Перевод с англ. – СПб.: Деметра, 2003. – 176 с.: ил.

[2] Иванова О. Л., Васильева И. И. Как понять детский рисунок и развить творческие способности ребёнка. – СПб.: Речь; Образовательные проекты; М.: Сфера, 2010. – 92 с., стр. 12

[3] Там же, стр. 20

[4] Бернс Р. С., Кауфман С. К. Кинетический рисунок семьи: введение в понимание детей через кинетические рисунки/Пер. с англ. 2-е изд., стереотипное. М.: Смысл, 2003. – 146 с., стр. 7.

В практике педагога-психолога важным моментом является определение благополучности психо-эмоциональной среды, в которой растёт и воспитывается ребёнок, так как средовой фактор является определяющим для гармоничного развития ребёнка. Доверительное отношение к миру формируется в семье. Если семья не создаёт у ребёнка ощущения защищённости и безопасности, то в дальнейшем у него появляются значительные проблемы в восприятии всего того. что происходит за пределами его дома.

Общение родителей со специалистами психолого-педагогической службы во время консультаций нередко характеризуется желанием первых «завуалировать» семейные проблемы, «умолчать» о возможных трудностях. Но что могут сказать мамы и папы в противовес детскому рисунку. В рисунке ребёнок способен глубоко и тонко передавать своё отношение к окружающему его миру, познавая этот мир во всём многообразии его цвета, передавая свои ощущения через форму, линии, эмоциональную окрасу, выражающуюся в цветовой гамме.

Если взрослый хочет понять ребёнка, то ему необходимо осознать то, что погружено в бессознательном, а именно в детском рисунке.

В своей практике мы провели серию рисунков, в которых дети изображали семью или семью в каких-либо образах.

В процессе рисования у нас было четыре этапа. На первом этапе детям предлагалось нарисовать свою семью «Нарисуй семью, как ты её себе представляешь» по стандартной методике, предлагаемой в практических психологических инструментариях[1].

На втором этапе мы обращались к сказке, как литературному творчеству, вспоминали героев сказок, определяли их характеристики, проигрывали этюды некоторых сцен из сказки. Детям предлагалось нарисовать семью в образах сказочных персонажей.

На третьем этапе внимание детей обращалось на то, что в сказках некоторые персонажи из человека превращались в каких-либо животных или птиц. Предлагали вспомнить такие сказки и назвать их тех героев, которые были превращены в животных. На этом этапе дети рисовали семью в образах животных.

На следующем этапе дети вспоминали кто, как или с помощью чего помогал преодолевать колдовские силы и вернуть заколдованным героям человеческий облик. затем с помощью «волшебных карандашей» они принимались за работу, которая помогала «Нарисовать свою семью».

Рисунки каждого этапа анализировались и подробно протоколировались в сводной таблице, состоящей из колонок: «данные о ребёнке (Ф. И.)», «общий размер рисунка, его площадь», «количество человек в семье» (данные уточняются по социальному паспорту семьи), «соответствующие размеры членов семьи», «расстояние между членами семьи, наличие каких-либо предметов между ними», «наличие животных на рисунке», «вид изображения», «степень проявления эмоций», «степень аккуратности изображений» (Таблица 1.).

Таблица 1.

Таблица для подробного анализа рисунка «Моя семья»

Ф. И. ребенка (код)	Общий размер рисунка, его площадь	Колво чл. семьи Уточнить состав семьи и социальный статус по документам	Соответствующие размеры членов семьи							Расстояние между членами семьи, наличие каких-либо предметов между ними	Наличие животных	Вид изображения						Степень проявле-ния эмоций в баллах (1,2,3)		Степень Аккуратности исполнения (штриховка, линии и т.п) в баллах (1,2,3)
			мать	отец	сестра	брат	дедушка	бабушка	др. члены			схема	реалистическое	эстетическое	интерьер, пейзаж и пр.	метафора	движение, действие	положительные	отрицательные	

Примерно по такой же схеме можно «протоколировать» следующие серии рисунков, внося в колонки таблиц некоторые изменения, например, «сказочные персонажи, которыми изображены члены семьи» или «животные, которым представлены члены семьи».

Учитывая то, что рисуночные тесты относятся к проективным методикам, то следует принимать во внимание ситуационность отношений в семье, возможное переживание событий с определённой эмоциональной окраской, что естественно будет отражено в рисунке ребёнка. Серия рисунков позволяет определить достаточно устойчивую форму межличностных взаимоотношений в семье и её эмоционально-психологическую атмосферу, в то время как единичное использование одного из вариантов данной методики этого сделать не позволяет.

Качественная обработка результатов детских работ может быть представлена на родительском собрании в виде сводных результатов и диаграмм в общих процентных соотношений (Рисунки 1, 2, 3, 4, 5).

Пример такой обработки мы представляем по результатам рисуночного теста «Рисунок семьи в образах животных».

[1] Шапарь В. Б. Практическая психология. Инструментарий/серия «Учебники для высшей школы». – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 768 с., стр. 255

Тестовая методика использована в группе детей старшего дошкольного возраста в возрасте 6 лет. В диагностической процедуре принимали участие:

мальчики: 22 человек; девочки: 19 человек.

Изображают обоих родителей — 34 человека (девочки — 16 человек; мальчики — 18 человек)
В рисунке отсутствует образ мамы — 4 человека (девочки — 0 человек; мальчики — 4 человека)
В рисунке отсутствует образ отца — 4 человека (девочки — 4 человека; мальчики — 0 человек)
В рисунке отсутствуют изображения обоих родителей — 2 человека (девочки — 1 человек; мальчики — 1 человек)
В рисунке отсутствует свой образ (ребенок) — 15 человек (девочки — 9 человек; мальчики — 6 человек)

На первом месте изображается:

образ мамы — 10 человек (девочки — 6 человек; мальчики — 4 человека)
образ отца — 21 человек (девочки — 10 человек; мальчики — 11 человек)
изображает себя — 7 человек (девочки — 2 человека; мальчики — 5 человек)
брата или сестру — 2 человека (девочки — 2 человека; мальчики — 0 человек)
бабушку — 1 человек (девочки — 0 человек; мальчики — 1 человек)
дедушку — 0 человек (девочки — 0 человек; мальчики — 0 человек)

В рисунке присутствуют:

бабушка — 10 человек (девочки — 4 человека; мальчики — 6 человек)
дедушка 5 человек (девочки — 1 человек; мальчики — 4 человека)
другие родственники — 1 человек (девочки — 1 человек; мальчики — 1 человек)

Семья, изображенная в образах одних животных:

10 рисунков (где есть родители и дети): девочки — 7; мальчики — 3
3 рисунка, где изображены только родители: девочки — 2; мальчики 1;
1 рисунок с изображением родителя и ребенка (сына)

Рисунок 1.

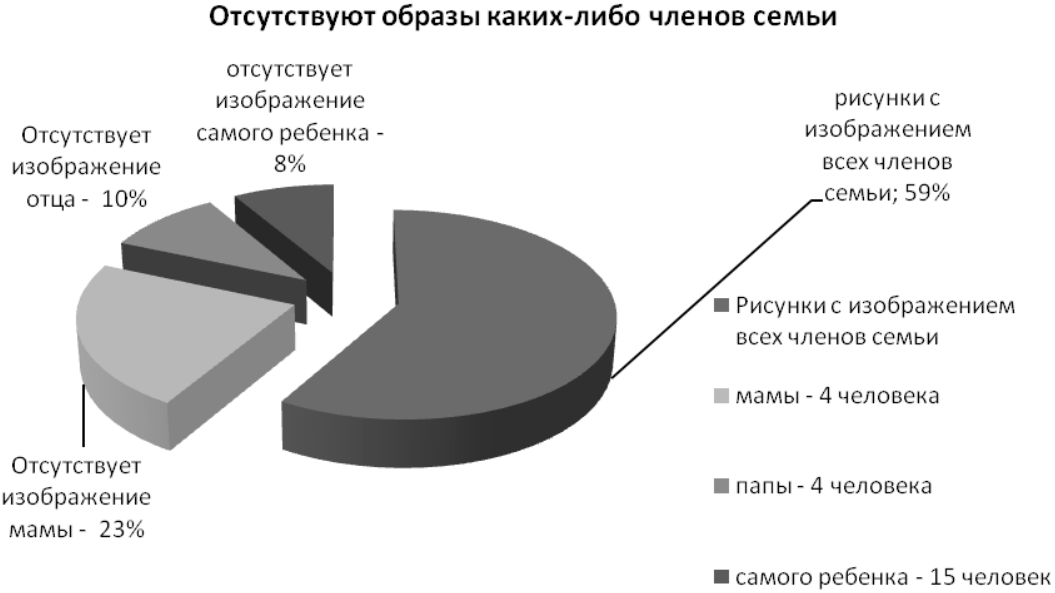

Рисунок 2

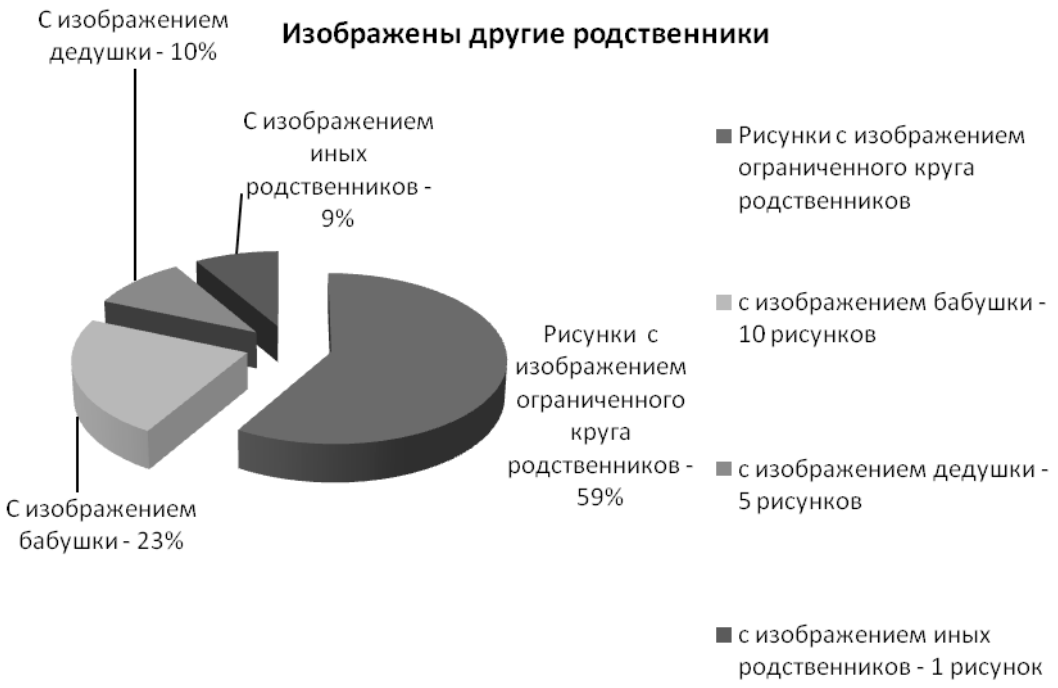

Рисунок 3.

Рисунок 4

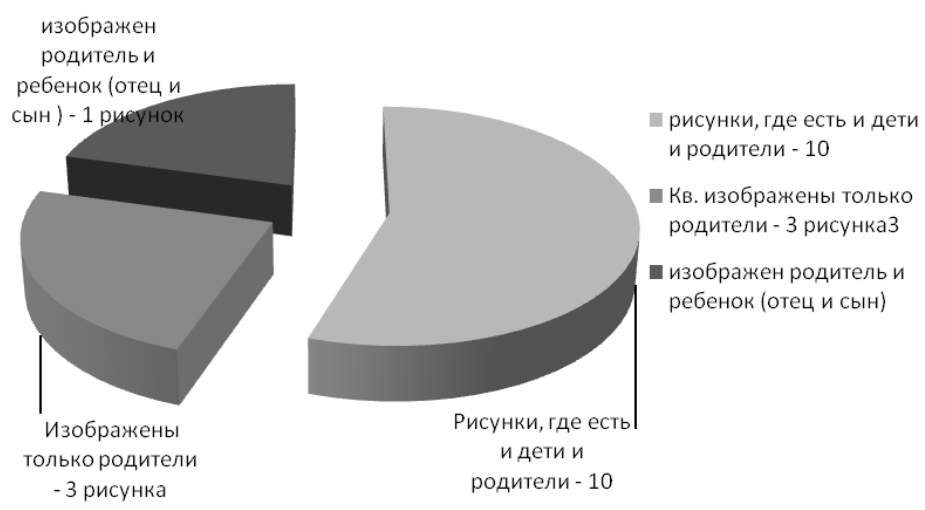

Рисунок 5.

На родительском собрании может быть представлена экспозиция детских рисунков без подписи их авторов. Например, рисунки могут располагаться в три горизонтальных ряда (1 ряд «Нарисуй семью, как ты её себе представляешь», 2 ряд «Семья в образах сказочных персонажей; 3 ряд «Рисунок семьи в образах животных», 4 ряд «Моя семья»). Каждый вертикальный ряд принадлежит определённому автору, который имеет свой кодовый номер, соответствующий протоколу обработки результатов диагностических материалов, известный только специалисту психологу.

Следует отметить в заключении, что представляемые общие результаты, визуализация работ детей, стимулируют интерес родителей, что побуждает их в индивидуальном консультационном порядке узнавать «отзыв» собственных детей о семье и их благополучии в ней.

Список литературы:

1. Бернс Р. С., Кауфман С. К. Кинетический рисунок семьи: введение в понимание детей через кинетические рисунки/Пер. с англ. 2-е изд., стереотипное. М.: Смысл, 2003. — 146 с.
2. Грегг М. Ферс Тайный мир рисунка: Перевод с англ. — СПб.: Деметра, 2003. — 176 с.
3. Иванова О. Л., Васильева И. И. Как понять детский рисунок и развить творческие способности ребёнка. — СПб.: Речь; Образовательные проекты; М.: Сфера, 2010. — 92 с.
4. Киселёва М. В. Арт-терапия в работе с детьми: Руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми. — СПб.: Речь, 2006. — 160 с.
5. Шапарь В. Б. Практическая психология. Инструментарий/серия «Учебники для высшей школы». — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 768 с.

Vyshkvyrkina Mariya,
Southern Federal University, Assistant of the Department of educational psychology
Candidate of psychological sciences

Вышквыркина Мария Александровна,
Южный федеральный университет, ассистент кафедры психологии образования

Types of reactions to a contradiction in the system of knowledge about the other person

Типы реакций на противоречие в системе знаний о другом человеке

В психологической науке огромное количество работ, посвященных изучению мышления, возникающего в процессе межличностного взаимодействия. Однако исследование данной проблемы затруднено в связи с отсутствием единого понятийного аппарата. Существует множество терминов, используемых для обозначения мышления функционирующего в структуре межличностного познания, общие признаки, свойственные данному мышлению, что позволяет объединить их и отнести к мышлению о другом человеке: возникновение инициируется новизной, неясностью, неопределенностью ситуации; непосредственная включенность в контекст межличностных отношений; зависимость от потребностно-мотивационной сферы; зависимость от эмоциональной сферы; специфические механизмы: эмпатия, рефлексия, идентификация, проекция, прогнозирование и т. д.; актуализация в сознании человека знаний, накопленных в ходе взаимодействия с другими людьми.

Анализ работ, посвященных изучению различных аспектов мышления о другом человеке, позволяет выделить в нём следующие компоненты: оценивающий (Андреева Г. М., Коноваленко М. Ю.); действенный (Андреева Г. М., Бодалёв А. А., Романов К. М.); смыслопорождающий (Белоусова А. К., Знаков В. В., Тихомиров О. К.). Обобщение существующих исследований позволяет утверждать, что авторы рассматривали и давали характеристики уже состоявшемуся мышлению о другом. В то же время собственно сам процесс обнаружения противоречий в системе представлений о другом и возможные типы реакций на него в настоящее время выпали из поля зрения учёных.

Исходя из развиваемых нами представлений об особенностях мышления о другом человеке, нами было проведено исследование, направленное на выявление типов реакций на противоречие в системе знаний о другом человеке.

Для анализа особенностей мыслительной деятельности, направленной на другого человека нами была использована специально подобранная ситуация. В основе предложенной конфликтной ситуации лежит идея Рубинштейна С. Л. о том, что «… в повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку мы как бы «читаем» его… Это «чтение» протекает бегло, поскольку в процессе общения с окружающими у нас вырабатывается определенный более или менее автоматически функционирующий психологический подтекст к их поведению»[1]. Так же автор замечает, что «… пока манера общения с другими, род занятий, качество труда, внешний облик, отклик на происходящие события, преследуемые цели, весь уклад жизни, присущие другому человеку, соответствуют образцам, которым привык следовать общающийся с ним субъект, последний обычно проявляет своеобразное «равнодушие» к психологии другого… И только когда образ жизни, манера вести себя, реагирование на происходящие события, внешний облик человека отходят от тех «образцов», которые в глазах общающегося с ним являются выражением «нормы», последний от регистрации внешней стороны поведения познаваемого человека переходит к психологической классификации его поступков, пытается дать им ту или иную оценку и понять и познать этого человека как личность»[2]. Таким образом, базируясь на постулатах Рубинштейна С. Л., в качестве потенциально-проблемной ситуации мы использовали одну из ситуаций предположенных Розенцвейгом Ф. в методике рисуночной фрустрации. Выбранная нами ситуация, на наш взгляд, реализует актуальную для юношеского возраста сферу межличностных отношений.

[1] Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во «Москва». 1959. С. 180

[2] Там же: С. 182.

Нами была предложена следующая ситуация № 8: «Представьте, что во время Вашей болезни Ваш парень (девушка) пригласил на вечеринку Вашу подругу (друга). Опишите Ваши действия в данной ситуации».

Само представление о разрешении предложенной потенциально-проблемной ситуации было нами дифференцированно. Мы выделили как типы реакций, обуславливающие мышление о другом человеке, так и непосредственные реакции ухода от мышления о другом человеке.

Так на предложенную потенциально-проблемную ситуацию респонденты продемонстрировали два основных типа реакций:

I. **«Конструктивный тип»** — понять суть проблемы, причины ее возникновения и, исходя из этого, предложить варианты ее решения. Данный тип реакции представлен тремя реакциями:

1. ***«Оценочные» реакции***, предполагающие доминирование процессов оценивания, направленного на другого человека — «задумалась бы о наших отношениях», «подумала (л) бы о том нужен ли он мне (она мне)», «сделал (ла) бы выводы о наших отношениях», «пересмотрел (ла) бы свое отношение к девушке (парню)»; «присматривалась бы к поведению своего парня», «перестану доверять», «стану проверять на верность»;

2. ***«Действенные» реакции***, в которых доминирует готовность действовать по отношению к другому — «узнаю причины, но расстанусь», «попытаюсь разобраться, но все равно брошу», «поговорю, но все равно прощу»;

3. «***Смыслопорождающие» реакции***, обуславливающие мышление о другом человеке, направленные на разрешение противоречий в системе знаний о другом человеке — «узнаю причины такого поведения», «узнаю мотивацию, а потом буду решать», «надо разобраться во всем, а потом решать», «разузнаю все в подробностях, а потом буду решать», «взвешу все «за» и «против».

II. «**Деструктивный тип**» — различные способы ухода от решения сложившейся ситуации. При этом если первая группа реакций достаточно типична в своих проявлениях, то во второй группе вариативность ответов очень велика. Используя элементы контент-анализа, нами было выделено шесть категорий, объединяющих в себе аналогичные варианты ответов. Данные категории были выделены по нескольким критериям:

1. ***по степени активности*:** «Пассивная реакция» — «промолчу», «сделаю вид, что ничего не случилось», «поплачу, но прощу», «скрою эмоции»; и «Активная реакция» — «брошу», «расстанусь», «он для меня исчезнет», «перестану общаться», «буду игнорировать», «выброшу из головы»;

2. ***по степени принятия ситуации*:** «Отрицание» — «такого не может быть», «он (она) так не поступит»; и «Принятие» — «мне все равно», «это нормально», «в этом ничего такого нет», «я им (ей, ему) доверяю»;

3. ***по направленности*:** «Агрессивная реакция» — «отомщу», «убью», «скажу все, что о нем (ней) думаю», «дам пощечину», «поставлю в такое же положение», «заставлю его (ее) ревновать»; и «Меркантильная реакция» — «прощу за подарок», «прощу за повышенное внимание», «прощу, если он (она) сильно постарается», «прощу, если долго будет просить о прощении»;

По результатам нашего исследования было выявлено, что только 29,4% опрошенных проявляли конструктивные типы реакций на противоречие в системе знаний о другом человеке, способствующие возникновению мышления о другом человеке: только у 12,3% испытуемых предложенная ситуация явилась причиной возникновения «смыслопорождающей» реакции. Данная группа испытуемых, описывая свое поведение в предложенной ситуации, высказала мнение о необходимости разобраться в предпосылках ее возникновения, в мотивации и причинах подобного поведения своего партнера, а так же в степени своей вины. И на основании анализа вышеперечисленных факторов, взвесив все «за» и «против» принимать решение.

10,9% испытуемых в ответ на предложенную ситуацию демонстрировали «действенную» реакцию. Данный тип реакции заключается в попытке испытуемых разобраться в сложившейся ситуации, выяснить причину ее возникновения, определить причины того ли иного поведения своего партнера, однако, выход из проблемной ситуации не зависит от мотивации поступков партнера и логики развития ситуации. Респонденты заранее знают, как они поступят. Т. е., мы можем предположить, что разбираясь в сложившейся ситуации, они не анализируют ее, а завершают процесс познания на этапе «сбора информации».

6,2% респондентов описали реакцию, обозначенную нами как «оценочную». Целью данных реакций является оценка возможности продолжения сложившихся отношений и переоценке своего отношения к партнеру. Таким образом, суть данной реакции заключается не в решении конфликтной или проблемной ситуации, а в пересмотре своей ценностно-мотивационной базы существующих отношений. И результатом этих оценок может быть как прекращение отношений, так и сохранение их, но уже с иным эмоциональным отношением к партнеру.

Большая часть испытуемых (70,6%) демонстрируют деструктивные типы реакций, различные формы «ухода» от решения противоречия в системе представлений, а значит, от мышления о другом человеке. Наиболее часто в высказываниях студентов встречается «активная» реакция на предложенную ситуацию — 22,9%. Суть данных реакций состоит в активных действиях, направленных на прерывание межличностных отношений, при этом первокурсников не интересуют причины возникновения подобной ситуации, и каково было поведение партнера в данной ситуации. Т. е. реакция данной группы респондентов формируется исключительно на основании описания «внешней оболочки» ситуации, без вникания в суть проблемы. Однако мы предполагаем, что данный тип реакции в большинстве случаев является способом поддержания «своего мифа» в глазах однокурсников и проявлением демонстративности юношеской личности. В то же время, мы считаем, что некоторые из испытуемых описали свое реальное поведение в подобной ситуации, т. к. для юношеского возраста свойственно выбирать людей в качестве объектов, без реальной привязанности, бросать их и заменять другими не испытывая чувства сожаления.

На втором месте по частоте встречаемости располагаются реакции «агрессивного» типа — 13,6%. Суть данных реакций состоит в стремлении причинить физическую или психическую боль своему партнеру, отомстить, выразить свое отношение к ситуации через скандал. Можно предположить, что высокая частота встречаемости «агрессивного» типа реакций связана с особенностями эмоциональной сферы в юношеском возрасте. Как указывает Кон И. С., для данного возрастного периода свойственна повышенная эмоциональность, что выражается в легкой возбудимости и длительной эмоциональной реакции в ответ на кратковременные раздражители. Мы можем предположить, что у респондентов данной группы эмоциональные процессы превалируют над когнитивными процессами вследствие слабо сформированного самоконтроля. Следовательно, по истечении эмоциональной реакции на проблемную ситуацию респонденты, вероятно, проводят анализ прошедших событий.

Третий по частоте встречаемости является группа реакций условно названная «отрицание» — 12,2%. Суть реакций данного типа сводится к полному отрицанию возможности появления подобной ситуации в связи с однозначной уверенностью в своем партнере, выражающейся словами «он (она) так никогда не поступит, я его (ее) знаю». Подобный тип реакций, на наш взгляд может быть вызван следующими факторами: завышенная самооценка и излишняя самоуверенность испытуемого, идеализация партнера и «маниакальная» увлеченность им.

На четвертом месте по частоте встречаемости располагаются варианты ответов, условно обозначенные как «нейтральные» — 8,7%. Эта группа респондентов в предложенной ситуации не усмотрела наличие межличностного конфликта, а соответственно и не описали способов разрешения потенциально-проблемной ситуации. Мы можем предположить, что подобная реакция может быть связанна с особенностями мировоззрения и воспитания, при котором некоторые конфликты и сложности расцениваются как не существенные и, следовательно, не требуют решения. Однако это может быть и ярко выраженная защитная реакция, целью которой является сохранение взаимоотношений с партнером. Поэтому респонденты говорят о не значимости данной ситуации, чтобы не провоцировать конфликт и не поставить под угрозу имеющиеся отношения.

Пятую позицию (7,4%) занимают ответы, относящиеся к группе «пассивных» реакций. Сущность ответов в данной группе заключается в отсутствии какой-либо реакции выраженной во вне. Все респонденты данной группы сходились во мнении о необходимости скрыть свою внешнюю реакцию от партнера и «пережить» все внутри себя. Такая реакция, на наш взгляд, может быть результатом страха одиночества и потери любимого человека. Т. е. по мнению девушек, попытки размышления над ситуацией и выяснение предпосылок ее возникновения, могут вызвать негативную реакцию у партнера, которая приведет к разрыву отношений с ним.

И на последнем месте располагаются «меркантильные» типы реакций — 5,8%. Эти реакции направлены исключительно на получение неких благ, привилегий. Чаще всего, студенты готовы прощать все за материальные блага или повышенное внимание со стороны партнера. Мы можем предположить, что подобные реакции связаны с особенностями общества, в котором культ денег и материальных ценностей становится доминирующим среди молодежи.

Обобщая вышесказанное необходимо отметить, что, к сожалению, тенденция демонстрировать различные варианты «ухода» от инициации мышления в потенциально-проблемных ситуациях или в ситуациях личностно-конфликтных свойственна большинству людей. Подобная тенденция формируется в связи с особенностью человека в процессе межличностного познания оперировать имеющимися у него стереотипами, шаблонами общения. Следовательно, если имеющийся стереотип «ложится» на потенциально-проблемную ситуацию как вариант ее решения, то потребность в самом мышлении отпадает, т. к. проблема разрешена.

Erzin A. I.
Orenburg state university, PG student.
Orenburg state medical academy, assistant. Orenburg, Russia

The Structural Functional model of proactive behavior

The subject of human activity, its sources and performance was considered by many scientists (J. Watson, W. Hunter, K. S. Lashley, B. F. Skinner, E. Thorndike, A. Bandura, I. P. Pavlov, I. M. Sechenov, V. M. Bekhterev, P. K. Anokhin, A. A. Ukhtomsky, L. S. Vygotsky, S. L. Rubinstein, A. F. Lazursky, M.Ya.Basov, A. N. Leontyev, A. R. Luria, etc.). However, the problem of assessment a contribution of the various factors determining human behavior remains yet quite uninvestigated.

The *proactive behavior* is activity of human caused by internal motives, and not just external irritants while its make stimulating impact on behavior, undoubtedly.

In psychology the human behavior is considered from two points of view: as reactive and proactive. According to the first point of view, the individual acts according to the external circumstances defining his reaction, orientation, action pattern. It is necessary to carry such psychological theories to this approach, as a behaviorism, Pavlov's reflexology, partly the Anokhin's conception of functional systems[1]. In these theories key aspect is the accent on external irritants, instead of on the internal sources underlying the personality and influencing formation of model of behavioral activity.

Other point of view is proactive. According to it, sources of behavioral activity are put in the personality. Among the theories which are close relating to this category, it is necessary to allocate: psychoanalytic theory (S. Freud, C. G. Jung, A. Adler, etc.), phenomenological psychology (L. Binswanger, K. Jaspers, E. Minkovski, E. Straus, A. Kronfeld, H. Ellenberger, R. May, F. Perls, C. Rogers, J. Bugental, F. Basaglia, etc.), humanistic psychology (A. Maslow, C. Rogers, V. Frankl, R. May, J. Bugental, E. Shostrom, etc.), positive psychology (M. Seligman, A. Bandura, C. Snyder, C. Peterson, M. Csikszentmihalyi, etc.), cognitive psychology (A. Beck, A. Ellis, etc.). All these theories are united by a view of mentality of the person and its structural components as on the main sources of feelings and behavior of the individual.

It is necessary to point out that in modern psychological science there is no uniform definition of the concept "proactivity" though this term was entered for the first time by V. Frankl (Frankl V., 1959)[2] in his fundamental work «Man's search for meaning». Besides, at present there is no the complete concept describing sources and manifestations of proactive behavior. There is no developed system of the criteria describing this phenomenon. There is not enough data on features of proactivity in psychiatric patients.

Undoubtedly, all these problems demand the decision by means of experimentation with the subsequent development of the theoretical-methodological framework a phenomenon of the personality proactivity.

While we just do attempt to designate the main criterion signs of proactivity phenomenon and also to design on the basis of these signs the Structural Functional model of proactive behavior.

---

[1] Anokhin P. K. (1937). The functional system as the basis for the integration of nervous process during embryogenesis. All- Union Conference of Physiologists, Biochemists and Pharmacologists, Tbilisi (p.148–156).

[2] Frankl V. (2006). Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy, Beacon Press, Boston, MA.

The criteria of proactivity include:
1) awareness of actions;
2) understanding of its consequences;
3) responsibility for the life;
4) spontaneity;
5) free will, freedom of decision-making;
6) domination of metamotivation over deficiency needs (A. Maslow);
7) orientation not on external circumstances, but on own ideals, interests, attitudes, belief and values;
8) prevalence of coping-strategy under defence mechanisms.

Nobody will begin to deny that the distinguished criteria still need addition and completion, however, its existence considerably facilitates a problem of definition and description of phenomenon proactivity.

The Structural Functional model of proactive behavior consists of 3 stages of work which are consistently replacing each other: 1) activation, 2) processing, and 3) outcomes.

In the model of proactivity of the individual we partially were based on the Anokhin's conception of functional systems.

In sum, at the *first stage* the individual perceives the influences going from external and internal irritants. The man receives information from external and internal organs, and also being based on the practical experience, theoretical knowledge about the world, other people and himself. Activation occurs two types: proactive and reactive.

Reactive stimulation is environmental conditions, functional state of organism and deficiency needs.

Environmental conditions include temperature, humidity, atmospheric pressure, luminance, subjective and objective comfort or a discomfort from conditions, events of private life, influence by other people (the communication, any actions or inaction), situations from professional or educational life of the individual, economic and macroeconomic processes, political situation in the region, the country and the world, information influence (literature, the press, the radio, television, the Internet and so on and so forth). All these factors form the whole complex of information impact on the individual. And emergence of these factors the actual doesn't depend on consciousness and will of human. Its simply exist regardless of whether we want its or not. We can perceive only its and develop to its a certain relation.

Functional state of organism includes the stimulation going from various systems of organism. They include a metabolism, activation and rest conditions, wakefulness and dream. Generally, here it is necessary to carry whole stream of information which proceeds from internal of the person and creates at us a complete image of that occurs in organism. Partly we can influence these conditions (to regulate resting time rules, dream and wakefulness, by means of meditation and others technician to influence an internal organs and all organism as a whole etc.). Nevertheless, we cannot constantly supervise that occurs in organism; therefore these factors are necessary for carrying to reactive (external for our consciousness).

Base physiological requirements consist of hunger, thirst, breath, dream, sex, evacuation, etc. These needs depend on will of the person a little, though can be regulated by it in certain measure therefore needs also should be carried to the reactive. There are people who consciously refuse satisfaction of some needs, live ascetic way of life. There are people who for the highest targets and values neglect base requirements. This fact testifies that not all components of reactive stimulation don't give in to control and adjustment. It always should be considered in the analysis of the individual behavioral sources.

Proactive stimulation is outlook of the man (ideals, belief, value systems, attitudes), interests and metamotivation.

The outlook plays a key role in formation of proactive behavior. The outlook as a complex of man's representations about the world and himself acts as a factor influencing behavior and activity. Ideals, belief, value systems and attitudes serve as the launching mechanism starting a chain of behavioural reactions and leading to proactive outcome. Interests and orientation of the personality are also capable to define nature of behavior, aiming at result and efficiency of activity. The metamotivation (Maslow, 1954)[1] includes needs for beauty, for growth and development, self-realization, self-actualization, creativity. The most effective people are characterized by bigger degree of satisfaction of these requirements and proactivity, as the major factor in efficiency and productivity of activity which makes by the individual.

Thus, the first stage carries out activation, informing function inducing to action in work of proactive behavior.

At the *second stage* there is a processing arrived before information, its analysis and interpretation, formation of the emotional relation to incentives, decision-making and creation of the plan the further action.

Cognitive level is connected with work of consciousness, attention, thinking, memory, imagination, verbal processes. Importance insignificance of arrived information, expediency of further behavioural activity is estimated, and also there is a decision-making and the actions planning.

Volution level is connected with behavior regulation by means of consciousness. There is a blocking of some needs and promotion of other requirements and drives into the forefront. There is a structurization and systematization arrived information by means of volution acts. Aristotle considered will as specific causality, distinct from the "pure" intellectual sphere and from "pure" affects, that is the will — is the main sign and a proactivity source. According to Rubenstein (Rubenstein S. L., 2000)[2], any volution action is purposeful action which is characterized by awareness, singleness of purpose and regulation by man a course of the activity according to a purpose.

Affective (emotional) level represents an emotional assessment of information, the emotional relation of the individual to activating factors and to expediency of further activity. Emotions are external expression of the personal relation to influencing irritants, and also a final stage in processing of activating information.

The *third stage* is a final stage in work of mentality functional system on formation of behavioral model. The outcome includes two blocks: proactive and behavior. Reactive behavior is based mainly on reactive stimulation; the proactive behavior is based on proactive activation and with indirect participation of external incentives. Proactive behavior as result of functional system work represents the activity of the personality being formed under the influence of internal motives and directed on achievement the effective result.

---

[1] Maslow A. (1954). Motivation and Personality. New York: Harper. Second Ed. New York: Harper. (1970). Third Ed. New York: Harper. (1987).

[2] Rubinstein S. L. (2000). Basics of general psychology. Saint Petersburg: Piter.

The proactive behavior occurs two types: *constructive* and *destructive*.

The *constructive behavior* of the personality is directed on creation and maintenance of productive contacts with people around or other objects. The constructive proactive behavior set sights on useful result. Such behavior promotes learning, assimilation of new knowledge of the world, other people and itself. The constructive proactive behavior represents a basis of creative activity therefore new objects are created.

The *destructive proactive* behavior is a conscious choice of the personality for violation of interpersonal interaction. The destructive proactive personality meaningly moves against other people, against society (moving against people, according to K. Horney). Such person consciously destroys social contacts, entering the conflict. Such people are usually aggressive, malicious and try to maintain other people for obtaining own benefit. The main aim of such people's life is fight. They perceive other people as enemies.

At last, after the third stage there is a feedback of behavior result to initial activation and processing level. In case behavioral reaction doesn't correspond to initial influencing incentives (reactive or proactive) and to processing levels (cognitive, volution and emotional), behavioral reaction is started with changes, or the action program is corrected and the decision changes.

References:

1. Anokhin P. K. (1937). The functional system as the basis for the integration of nervous process during embryogenesis. All- Union Conference of Physiologists, Biochemists and Pharmacologists, Tbilisi (p.148–156).
2. Frankl V. (2006). Man's Search for Meaning. An Introduction to Logotherapy, Beacon Press, Boston, MA.
3. Horney K. (1945). Our Inner Conflicts. W. W. NORTON & COMPANY, INC.
4. Maslow A. (1954). Motivation and Personality. New York: Harper. Second Ed. New York: Harper. (1970). Third Ed. New York: Harper. (1987).
5. Rubinstein S. L. (2000). Basics of general psychology. Saint Petersburg: Piter.

Konstantinova Nataliya,
Moscow City University of Psychology and Education post-graduate student of the Department of developmental psychology
Константинова Наталья Ивановна,
Московский городской психолого-педагогический университет, аспирант кафедры возрастной психологии

Change of motivational tendencies of younger school students

Изменение мотивационных тенденций младших школьников от 1-го к 4-му классу

Одной из проблем современной школы является проблема развития мотивации. Мотивация, непосредственно вытекающая из обращения к личности школьника, рассматривается не только как аспект улучшения результатов учебной деятельности, но и как основополагающая развития личности в целом. Мотивация способствует наполнению содержанием жизни ученика, осуществляет становление его связей с окружающим миром. Термин «мотив» в деятельностном подходе (А. Н. Леонтьев) используется «не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность как на побуждающее ее» [1].

На уровне учебной деятельности, в первую очередь, интересуют учебные мотивы, так как именно они занимают важное место в мотивационной сфере учеников всех возрастов. В мотивационной сфере школьников выделяются три группы мотивов (Л. И. Божович, А. К. Маркова, М. В. Матюхина, H. Heckhausen, H. Schiefele):

— познавательные мотивы (ориентация на процесс и содержание учения);

— социальные мотивы учения (выделяются: широкие социальные мотивы — это долг, ответственность; узколичные мотивы — это желание похвалы, высокой отметки, статус среди одноклассников). Следует отметить, что развитие мотивов данной группы непосредственно связано с межличностными отношениями, в систему которых включаются школьники.

— мотивы достижения (здесь рассматриваются две тенденции: мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудачи (Д. Макклелланд, Дж. Аткинсон).

И. Ю. Кулагина подчеркивает, что учебная деятельность, сложная и длительно протекающая (9–11 лет), всегда полимотивирована: ее побуждают, направляют и придают ей смысл различные мотивы. От того, какие учебные мотивы будут преобладать у школьника, зависит эффективность учения и некоторые особенности развития его личности, поэтому проблема воспитания учебной мотивации всегда оказывается одной из важных и в то же время наиболее трудных задач, стоящих перед учителем [2].

А. Н. Леонтьев прослеживал три этапа в развитии учебных мотивов. «Этап мотивов, лежащих в самом учении, как впервые объективно значимой и оцениваемой обществом деятельности ребенка; далее — этап мотивов, которые лежат в самой школьной жизни, во взаимоотношениях, которые возникают в коллективе класса, в общешкольном коллективе; наконец — мотивы, лежащие в окружающей жизни, в будущей профессии, в жизненных перспективах» [3].

Младший школьный возраст — это тот возрастной период, в котором начинается становление учебной деятельности в связи с появлением «внутренней позиции школьника» (Л. И. Божович).

Исследования, проводимые под руководством Л. И. Божович и М. В. Матюхиной в прошлом веке, выявили учебные мотивы, характерные для учеников младших классов, в том числе и «широкие социальные мотивы учения». Было отмечено, что в структуре учебной мотивации школьников младшего возраста учебно-познавательные мотивы не занимают главного места: в 1-х и 2-х классах учебная мотивация развивается, но в 3-м классе наступает «перелом». Л. И. Божович, исследуя

[1] Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М.: МГУ, 1981.С. 300.

[2] Кулагина И. Ю. Младшие школьники: особенности развития/И. Ю. Кулагина. – М.: Эксмо, 2009. С. 36.

[3] Леонтьев А. Н. Психологические основы развития ребенка и обучения. – М.: Смысл, 2009. С. 183.

мотивы учения школьников младших классов, сделала вывод, что «в системе мотивов, побуждающих учебную деятельность младших школьников, социальные мотивы занимают настолько большое место, что способны определить положительное отношение детей к деятельности, даже лишенной для них непосредственного познавательного интереса»[1].

В диссертационном исследовании С. В. Гани показано, что круг учебных мотивов современных младших школьников сужен, по сравнению с 40–80-ми годами XX века, из-за отсутствия ряда «широких социальных мотивов учения» (мотив долга перед обществом, мотив самосовершенствования, мотив самообразования) и слабой выраженности некоторых других социальных мотивов (похвала учителя). В этом же исследовании отмечено, что игровой мотив у современных младших школьников остается на высоком уровне (Гани С. В., 2009).

Отметим, что на становление учебной мотивации оказывает влияние и успешность обучения: у детей, не успевающих с 1-го класса, круг учебных мотивов сужен, по сравнению с их успешными одноклассниками (отсутствуют некоторые широкие социальные мотивы учения). Высокий уровень мотивации избегания неудачи, создающий отрицательный эмоциональный фон учебной деятельности (И. Ю. Кулагина). К концу младшего школьного возраста при неуспешном учении формируется психологический механизм выученной беспомощности (Х. Хекхаузен).

Целью эмпирического исследования стало прослеживание тенденций в развитии учебной мотивации детей младшего школьного возраста.

При проведении эмпирического исследования были обозначены мотивы, определяющие мотивационную сферу младших школьников:

1. познавательный;
2. привязанность к семье;
3. мотив избегания неудачи, связанный с семьей (ругань, угол, ремень и т. п.);
4. общая учебная направленность;
5. мотив самосовершенствования;
6. желание получить высокую отметку;
7. мотив избегания неудачи, связанный со школой (боязнь плохой отметки);
8. положительное отношение к учителю;
9. ориентация на будущее;
10. престижный мотив (быть лучше всех, получить золотую медаль, кубок);
11. игровой мотив;
12. мотив долга (учусь, потому что надо);
13. похвала;
14. общение с друзьями.

В эмпирическом исследовании приняли участие 66 первоклассников и 66 учеников 4-х классов, обучающихся в гимназии и общеобразовательной школе г. Москвы и г. Подольска Московской области (по 33 девочки и 33 мальчика в параллели).

Полученные данные, определяющие уровень школьной мотивации по методике Н. Г. Лускановой «Анкета по оценке школьной мотивации» показывают, что у современных первоклассников высокий уровень школьной мотивации (на этот мотив указали 43,9% детей). Некоторых первоклассников школа привлекает внеучебными сторонами — переменами, общением, играми (таких детей 16,7% среди первоклассников). У небольшого процента первоклассников отмечается негативное отношение к школе и несформированное отношение к себе как к ученику (1,5%, 7,6% соответственно).

В 4-х классах при осознании значимости учебных занятий, дети этой возрастной группы в большей степени, чем первоклассники, «настроены» на общение со сверстниками. Об этом говорит возросший, по сравнению с первыми классами, процент детей, указавших на то, что школа привлекает их внеучебными сторонами (30,3%). По данному параметру между 1-м и 4-м классами выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0{,}03$).

К 4-му классу уменьшается количество детей с высокой учебной активностью. По параметру «сформировано отношение к себе как к школьнику, высокая учебная активность» между 1-м и 4-м классом выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0{,}001$).

В то же время многие дети в 4-м классе показывают хороший уровень учебной мотивации (43,9% учащихся).

Небольшой процент учеников 4-х классов указывает на негативное отношение к школе и несформированное отношение к себе как к школьнику.

Проективная методика «Неоконченные предложения» помогает проанализировать изменение мотивационных тенденций младших школьников.

У первоклассников, как у мальчиков, так и у девочек, ярко выражена общая учебная направленность, им хочется учиться в школе (62%).

Большое значение для детей имеет высокая отметка, положительная оценка учителем их работы, приложенных стараний. Этот мотив находится на 5 ранговом месте (34,8% указаний). Между мотивом получения высокой отметки и мотивом избегания неудачи (связанным со школой) существует значимая положительная корреляция ($r=0{,}464$; $p \leq 0{,}01$). То есть, дети стараются не получать низкую оценку своей работы (даже в устной форме). Следует отметить, что как таковые оценки в первом классе не ставятся, но многие учителя подменяют их «символами»: солнышко, тучка, звездочка и т. п. Дети ассоциируют каждый такой знак с определенной оценкой (хорошей или плохой).

Многие первоклассники говорят о том, что им нравится в школе, а точнее — интересно учиться в школе. Нравятся конкретные предметы: математика или грамота, нравится решать примеры, то есть, выражена познавательная мотивация (42,4% указаний, 3 ранговое место).

Также высокое место занимает игровой мотив (34,8% указаний, 5 ранговое место). В своих ответах дети говорят о желании получить ту или иную игрушку. Многие первоклассники приносят в школу небольшие игрушки и играют в них на переменах.

[1] Братусь Б. С. Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания//Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. С. 249.

Между первоклассниками (мальчиками и девочками) значимых различий по всем параметрам не обнаружено.

Для учеников 4-х классов познавательные мотивы остаются значимыми (50% указаний, 2 ранговое место). Но здесь видны некоторые различия между мальчиками и девочками: девочки чаще говорят о своем интересе к учебе, чем мальчики (63,3% и 33,3% указаний соответственно), однако, статистически значимых различий между этими показателями нет.

Мотив самосовершенствования у четвероклассников не выражен так ярко, как в первых классах (12,1% и 39,4% соответственно). Также снижается к 4-му классу общая учебная направленность.

Возрастает значение мотива общения с друзьями (50% указаний, 2 ранговое место), а также ориентации на будущее (47% указаний, 3 ранговое место).

Несколько снижается, по сравнению с 1-ми классами, значение высокой отметки (24,2% указаний в 4-х классах), но эти различия статистически не значимы, то есть, мы можем предположить, что и для четвероклассников высокая отметка остается значимым мотивом. Возможно, это связано с переходом в среднюю школу, и с желанием хорошо сдать переводные экзамены.

Между мальчиками и девочками по четвертым классам обнаружены значимые различия по следующим параметрам:

1. «игровой мотив»: различия значимы на уровне $p<0,01$ (мальчиков игровые мотивы выражены в большей степени);

2. «общение с друзьями»: различия значимы на уровне $p<0,04$ (у мальчиков желание общаться со сверстниками выражено в большей степени).

Результаты проведенного исследования показывают, что в мотивационной сфере младших школьников происходят следующие изменения от 1-го к 4-му классу:

1. Общая учебная направленность в 1-х классах значительно выше, чем в 4-х, а познавательный мотив несколько ниже.

Познавательный мотив первоклассников ситуативен: их интересуют отдельные предметы, отношение к которым может меняться («В школе мне больше всего нравится «математика» или «окружающий мир»). Такие ответы: «Я люблю ходить в школу»; «Я очень хочу учиться» — отражают позитивное отношение к школе, общую учебную направленность, что, безусловно, очень важно при обучении в начальных классах.

В 4-х классах общая учебная направленность оказалась ниже, чем познавательная мотивация, так как ученики интересуются процессом учения («В школе мне больше всего нравится решать задачи (трудные примеры)»; «Я очень хочу сделать хорошую презентацию по окружающему миру»; «Я люблю писать сочинения о природе»), а не дают общие ответы («нравится школа»). Параметр «общая учебная направленность»: различия значимы на уровне $p<0,001$ (в 1 классах положительное отношение к школе выражено сильнее).

2. Как показали исследования, ребенок приходит в школу с широкими социальными мотивами (Матюхина М. В.), в их числе и мотив самосовершенствования: хочу быть умным, грамотным и т. п. Эти мотивы появляются у детей в результате общения с родителями, то есть перед ребенком еще до начала обучения в школе «раскрывается» перспектива результата успешного (неуспешного) обучения в школе. Параметр «самосовершенствование»: различия значимы на уровне $p<0,001$ (в 1 классах выражен сильнее).

3. В настоящее время результаты окончания 4-го класса очень важны для будущей учебы (поступление в профильный класс, в школу с углубленным изучением предмета, в гимназию). Дети думают о своем будущем: поступление в ВУЗ, интересная работа. Поэтому параметр «ориентация на будущее» в 4-х классах выражен в значительной степени сильнее: различия значимы на уровне $p<0,001$.

4. Игра, являющаяся ведущей деятельностью в дошкольном возрасте, сохраняет значимое место в жизни ребенка — школьника. Особенности игры связаны не только с полом ребенка: девочки играют в куклы и «дочки-матери», а мальчики — в машинки и в «приключения». Выбор игры определяется и индивидуально-психологическими особенностями ребенка, и возрастными особенностями. Так, дети подвижные, с высоким уровнем двигательной активности, любят бегать, прыгать, вращаться, играть в мяч, получая удовольствие в силу самой игры. Дети — экстраверты отдают предпочтение «игре — общению» (активной, с выдумкой). Дети — интроверты настроены на игры в одиночестве.

Игровой мотив первоклассников в большей степени проявляется в желании иметь определенную игрушку («Я буду очень рада, если мне купят петшопов»; «Я очень хочу куклу Винкс»; «Лучшей наградой для меня будет радиоуправляемая машина»).

В 4-х классах дети чаще упоминают компьютерные игры. Указываются и подвижные игры, но, в основном, детьми, посещающими занятия в каких-либо спортивных секциях.

Параметр «игровой мотив»: различия значимы на уровне $p<0,001$ (в 1 классах выражен сильнее).

5. При осознании всей значимости школьных занятий для своего будущего, мотив «общение с друзьями» вместе с «познавательным мотивом» разделяет 2-е ранговое место (на него указало 50% учащихся 4-х классов).

Параметр «общение с друзьями»: различия значимы на уровне $p<0,001$ (в 4 классах выражено сильнее).

6. Мотив долга представлен ответом: «Я учусь, потому что надо» (для кого «надо», кому «надо» — ответить не могли) и занимает последнее ранговое место.

Таким образом, можно отметить, что:

— познавательная мотивация (базируется на детской любознательности и новизне деятельности), ориентирующая детей на содержание и процесс учебной деятельности, остается неизменной от 1-го к 4-му классу, выражена примерно у половины учащихся;

— общая учебная направленность (положительное отношение к школе) несколько снижается к концу обучения в начальных классах;

— социальные мотивы учения младших школьников остаются значимыми, так как взрослые при оценивании ребенка, ориентируются (в значительной мере) на успеваемость. При этом высокие оценки личности ребенка сопоставляются с высокими достижениями в учебе, а низкие оценки — с неуспехами, с неудачами.

Поэтому в перечне социальных мотивов учения значимы мотивы получения высокой отметки и ориентации на будущее. Они имеют разную динамику: мотив получения высокой отметки незначительно снижается от 1-го к 4-му классу, ориентация на будущее заметно усиливается в конце обучения в начальной школе;

— мотив избегания неудачи, связанный со школой, сохраняется на протяжении младшего школьного возраста;

— мотив избегания неудачи, связанный с семьей, ярко выражен у первоклассников, в 4-х классах представлен в меньшей степени;

— младшие школьники сохраняют игровую мотивацию: в начале школьного обучения они ориентированы на традиционные детские игры, в конце (4-й класс) — на компьютерные игры;

— к 4-му классу усиливается мотивация, связанная с общением с одноклассниками.

Следует подчеркнуть, что правильное формирование учебной деятельности в младших классах школы, ее результативность и успешность, способствуют развитию учебных мотивов, в том числе это «мотивы собственного роста, собственного совершенствования»[1].

Kurennaja Tatiana Viktorovna
National Akademie fur offentliche Verwaltung beim Präsidenten der Ukraine, Senior Lector des Lehrstuhl fur Bildungsverwaltung

Куренная Татьяна Викторовна,
Национальная академия государственного управления при Президенте Украины,
старший преподаватель кафедры управления образованием

Die Orientierung an den Sinn des Lebens in der Berufsausbildung von Lehrern

Смысложизненные ориентации в профессиональной подготовке учителя

Юношеский возраст является временем самоопределения, чем объясняется заинтересованность молодежи «вечными» вопросами смысла жизни вообще и собственного существования в частности. Возникает стремление выстроить стратегию своей жизни, то есть «способ бытия, систему ценностей и целей, реализация которых позволит сделать жизнь человека наиболее эффективной»[2]. Вектор ценностной проекции будущего в сознании молодежи очень важен, ведь он сводит в единую смысловую систему обобщённые представления о мире и о себе, определяя смысл своего существования[3].

Обретение человеком своего ценностно-смыслового единства и его реализацию обеспечивает процесс личностного самоопределения — содержательного конструирования жизненного поля, включающего в себя как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и пространство реальных действий (актуальных и потенциальных). Для обоснования этого явления М. Г. Гинзбург вводит понятие «ценностно-смыслового ядра», которое на положительном полюсе характеризуется как плотное (ценностно-насыщенное, жизнь признается осмысленной), а на отрицательном — как разреженное (ценностно-пустое, жизнь признается лишённой смысла)[4].

Существенно характеризуют смысловое будущее как определенное или неопределенное выбор профессии и устойчивость этого выбора. Неопределенность ценностных представлений о самой профессии смещает ориентиры в сторону выбора желаемого образа жизни с помощью профессии без учета ее сущностных характеристик.

Мы поддерживаем мнение Н. С. Пряжникова, который подчеркивает единство личностного и профессионального самоопределения и считает, что сущность последнего сводится к самостоятельному и осознанному нахождению смыслов выполняемой работы, и всей жизни в конкретной социально-экономической ситуации[5].

Одной из самых «смыслообразующих»[6] считается профессия учителя, её результаты направлены в будущее, истинный смысл жизни педагога формируют поступки его учеников и воспитанников.

Целью представленной статьи является анализ результатов исследования смысложизненных ориентаций студентов педагогических специальностей в сравнительном аспекте с данными аналогичной экспериментальной работы среди учителей.

Для решения поставленных задач нами был использован тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева[7] (модификация А. В. Серого и А. В. Юпитова[8]).

В исследовании приняли участие 228 студентов I, II, IV, V курсов исторического, социально-психологического факультетов, факультетов естественных наук и физического воспитания и спорта Житомирского государственного университета имени Ивана Франко. А также 65 учителей — слушателей курсов повышения квалификации Житомирского института последипломного педагогического образования.

При обработке данных мы ориентировались на рекомендованные в методике средние значения и стандартные отклонения субшкал и общего показателя осмысленности жизни, что позволило определить соответственно низкий, средний и высокий уровень по каждому её показателю. С помощью табл. 1 проведем сравнительный анализ результатов тестирования студентов и педагогов.

---

[1] Эльконин Д. Б. Психология обучения младшего школьника//Психическое развитие в детских возрастах. – М.-Воронеж: МОДЭК, 1995. С. 269.

[2] Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения//Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. № 2. – С. 74.

[3] Маркова А. К. Психология профессионализма. – М.: Изд-во МГУ. – 1996. – С. 167.

[4] Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения//Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 47–48.

[5] Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение в культурно-исторической перспективе/Н. С. Пряжников//Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 65.

[6] Чудновський В. Э. О некоторых прикладных аспектах проблемы смысла жизни//Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 84.

[7] Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М.: «Смысл». – 1992.

[8] Серый А. В., Юпитов А. В. Применение теста смысложизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hpsy.ru/public/x2479.htm.

Таблица 1

Распределение показателей теста СЖО студентов и учителей по уровням

Показатели	Низкий		Средний		Высокий	
	студенты, %	учителя, %	студенты, %	учителя, %	студенты, %	учителя, %
Цели в жизни	80,1	42,9	13,9	26,2	6,0	31,0
Процесс жизни	39,7	38,1	19,2	19,1	41,1	42,9
Результативность жизни	53,6	26,2	17,9	23,8	28,5	50,0
Локус контроля-Я	87,4	81,0	9,9	14,3	2,7	4,8
Локус контроля-жизнь	57,6	40,5	18,5	14,3	23,8	45,2
Общий показатель осмысленности жизни	49,7	21,4	17,2	19,1	33,1	59,5

Среди будущих учителей наблюдается тенденция к неопределенности жизненных перспектив, распространению явления неудовлетворенности настоящим, что может быть признаком неспособности значительного количества молодых людей найти смысл в профессиональной подготовке. Это порождает ощущение потерянного времени, отсутствия реальных результатов в своей жизни, негативную оценку собственных шагов на пути самопроявления и самореализации. Углубляет критичность ситуации разочарование, неуверенность в собственных силах что-то изменить, повлиять на ход своей жизни, неготовность к решению жизненных проблем, тревога за будущее в условиях социально-экономического и духовного кризиса. В отдельных случаях наблюдаются элементарное нежелание прилагать усилия, стремление быстрого и беспроблемного удовлетворения материальных потребностей, отсутствие мотивации личностного и профессионального развития. Следствием является то, что лишь треть студентов проявляет высокий уровень осмысленности жизни в целом.

Учителя демонстрируют лучшую осмысленность собственного прошлого и целей на будущее, однако показатели по субшкале «Процесс жизни» фактически идентичны результатам студентов. По сути, это является отражением настроений в сфере образования, где велик процент тех, кто чувствует, что их жизнь лишена смысла, а профессиональная деятельность не только не позволяет «убежать» от жизненных проблем, она добавляет к общему разочарованию чувство социальной незащищенности и собственной нереализованности.

Кроме того, среди педагогов также имеет место неуверенность в своей способности самостоятельно и эффективно управлять собственной жизнью, строить её по личному проекту, о чем свидетельствуют показатели локусов контроля. Однако, значительное количество учителей «живет профессией», ищет в ней пути и возможности для полноценной самореализации, видит в своей работе смысл, несмотря на все проблемы и трудности, ориентируясь именно на гуманистическое призвание и значимость для общества педагогического труда. Соответственно, общий показатель осмысленности жизни учителей выше, чем у студентов.

Адекватно осмыслить реальность можно только путем критического осмысления прошлого опыта и с учетом целей личности, на которые она ориентирована в будущем. Поэтому сформированность у будущих учителей способности объективно анализировать и обобщать актуальные смыслы (значение прошлого и настоящего) и определять для себя профессиональные и жизненные цели (строить проект жизненного пути) является показателем согласованности и целостности их ценностно-смысловой сферы.

Приведем результаты исследования актуальных смысловых состояний как совокупности актуализированных, генерализированных смыслов личности, размещенных во временной перспективе (опыт, реальность, цели). Интерпретация полученных данных проводилась с одновременным сопоставлением выявленных особенностей будущих и работающих учителей. Количественные соотношения выборок студентов и учителей по классам актуальных смысловых состояний представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение студентов и педагогов по классам актуальных смысловых состояний

Класс АСС	Осмысленность прошлого (результативность жизни)	Осмысленность настоящего (удовлетворённость процессом)	Осмысленность будущего (наличие целей)	Студенты, %	Учителя, %
1	Низкая	Низкая	Низкая	31,1	14,3
2	Высокая	Низкая	Низкая	5,3	11,9
3	Низкая	Высокая	Низкая	18,5	4,8
4	Высокая	Высокая	Низкая	26,2	11,9
5	Низкая	Низкая	Высокая	2,0	4,8
6	Высокая	Низкая	Высокая	1,3	7,1
7	Низкая	Высокая	Высокая	2,7	2,4
8	Высокая	Высокая	Высокая	13,9	42,9

Для первого класса актуального смыслового состояния (31,1% исследуемых студентов и 14,3% учителей) характерны низкие показатели осмысленности прошлого, настоящего и будущего, то есть наблюдается недовольство данной части опрошенных прожитой жизнью, недостаточный уровень осмысленности настоящего, неопределенность целей на будущее. Ситуация осложняется низкими значениями показателей локуса контроля, жизнь выглядит фаталистической и неподвластной

сознательному построению. При переживании этого смыслового состояния характерны защитные механизмы: проекция, отрицание и отказ от своих намерений, а также следование общепринятым нормам и правилам без надлежащего их осознания. Количественные соотношения выборок иллюстрируют необходимость целенаправленной помощи будущим учителям в повышении уровня осмысленности их жизни.

Второму классу (5,3% студентов и 11,9% педагогов) присуща высокая осмысленность прошлого и низкая осмысленность настоящего и будущего, что свидетельствует об акцентированной ориентации данной категории на прошлый опыт, её недовольстве процессом жизни и неспособности определять дальнейшие жизненные цели. Наблюдаются также низкие показатели «Локуса контроля-Я» и средние — «Локуса контроля-жизнь». Учитывая возрастные особенности, выглядит логичным увеличение среди учителей процента испытуемых, принадлежащих к данному классу. Однако, склонность к замкнутости, ограничению контактов, догматичность, пессимистичность и консервативность не позволяют данной группе нормально адаптироваться к изменениям среды, быстро принимать решения, самореализоваться и действовать творчески из-за давления контроля сознания, продиктованного негативным прошлым опытом.

К третьему классу относятся 18,5% будущих учителей и 4,8% уже работающих с высоким уровнем осмысленности настоящего и низким — прошлого и будущего. Собственно, это можно рассматривать как характеристику гедониста, который живет одним днем, не видит достижений в прошлом, не рассматривает жизненных перспектив, его личностные смыслы ситуативные и защитные. Соответственно, в поведении может проявляться эмоциональная неустойчивость, неготовность к субъект-субъектному общению, преимущественная ориентация на удовлетворение первичных потребностей с низким уровнем мотивации сознательных изменений собственной жизни. Высокий процент студентов, которые относятся к данному классу, перекликается с результатами исследования их ценностей и требует соответствующей коррекционной работы.

Представители четвертого класса актуального смыслового состояния (26,2% студентов и 11,9% педагогов) характеризуются высокой осмысленностью прошлого опыта и настоящего при низких показателях шкалы «Цели в жизни» и средних баллах «Локуса контроля-Я» и «Локуса контроля-жизнь». Таким образом, система личностных смыслов ориентирована на то, чтобы жить. Личность успешно рефлексирует прошлый опыт и использует его с целью оптимальной адаптации к условиям среды. В поведении преобладает оптимизм, эмоциональная насыщенность, адекватная оценка своих действий и возможностей, однако низкая осмысленность целей приводит к определенной поверхностности, нерациональности, тенденции к вытеснению негативных переживаний, которые связаны с непредсказуемостью будущего. Принадлежность к данному классу достаточно большого количества студентов говорит об их неготовности к самостоятельной жизни, «психологической беззащитности» перед её вызовами. Неопределенность пугает, провоцирует тревогу, а механизмы психологической защиты приводят к избеганию существующих проблем и усиливают стремление «плыть по течению».

Респонденты с высоким уровнем осмысления целей и низкой осмысленностью процесса и результата жизни относятся к пятому классу актуального смыслового состояния (соответственно 2 и 4,8% выборки будущих и работающих учителей). Собственно, такие соотношения позволяют характеризовать человека как прожектера, который активно строит планы на будущее, но они не подкреплены реальными действиями и ответственностью за результат, а больше напоминают мечтательность. Такая ориентация на завтрашний день, когда «начнется настоящая жизнь», не даёт возможности человеку адекватно реагировать на объективные обстоятельства, события, явления. Защитные механизмы не позволяют решать насущные проблемы, налаживать оптимальное взаимодействие с окружающими и получать удовольствие от жизни в целом.

К шестому классу относятся 1,3% студентов и 7,1% педагогов, ему присущи преимущественная ориентация смыслов на прошлое и будущее при низких показателях осмысленности настоящего. Это может быть свидетельством недовольства личности её нынешним положением, статусом, ближайшим окружением, условиями среды и тому подобное. Более того, она настроена на перемены, о чем говорят средние значения локусов контроля — Я и жизнь. Однако, если на данный момент это невозможно, существует вероятность фрустраций, аффективных расстройств, неадекватного возложения ответственности за жизненные неудачи. Такая ситуация не позволяет человеку работать на пользу своего будущего уже сегодня и реализовать себя в полной мере.

Для седьмого класса, который насчитывает 2,7% будущих учителей и 2,4% педагогов, характерны высокие показатели шкал «Процесс жизни» и «Цели в жизни» при одновременном низком уровне осмысления прошлого опыта. Такие соотношения в сочетании со средними значениями локусов контроля позволяют рассматривать жизнь как осмысленную, чётко выстроенную, полную интересных событий, ярких впечатлений, позитивных эмоций и определенных перспектив. Однако, недостаточная интегрированность в систему смыслов прошлого опыта приносит дисгармонию в оценке себя, своих достижений, стиля межличностных отношений, что может привести к дублированию ошибок, неконструктивному поведению в будущем.

Восьмой класс актуального смыслового состояния характерен для 13,9% студентов и 42,9% педагогов, он представляет собой положительный полюс осмысленности, так как высокие показатели наблюдаются по всем трём смысложизненным ориентациям — прошлому, реальности и целях. Кроме того, выше по сравнению с другими классами являются показатели локусов контроля — Я и жизни. Прошлый опыт осмысливается респондентами данной категории как продуктивный, наблюдается высокий уровень удовлетворенности самореализацией, процесс жизни рассматривается как интересный, полный положительных эмоций и новых впечатлений. Цели на будущее очерчены чётко, что собственно и делает жизнь осмысленной, определяет её временные перспективы. Объективность в оценке своих достоинств и недостатков позволяет представителям данного класса вести себя естественно, не зависеть от мнения других, воспринимать их без излишней критичности, обладать достаточной стрессоустойчивостью и самоконтролем. Характерны также познавательная активность и ориентация на творчество, которые реализуются в субъект-субъектном общении, осмысленное отношение к общепризнанным моральным нормам, независимость в принятии решений и высокий уровень ответственности. Настораживает в данной ситуации только распределение процентов между будущими и работающими учителями, которые принадлежат к данному классу актуального смыслового состояния. Незначительное количество студентов с высоким уровнем осмысленности собственной жизни во всех её временных измерениях демонстрирует актуальность, сложность и масштабность необходимых в учебно-воспитательном процессе высшего учебного заведения мероприятий по развитию ценностно-смысловой сферы будущих учителей.

Перспективы дальнейших исследований данной темы заключаются в разработке и внедрении программы развития системы ценностей и смыслов личности в процессе её профессиональной подготовки. Ведь именно осмысленность и развитие экзистенциальных характеристик профессиональной деятельности является важнейшим условием достижения высокого уровня профессионализма. Возникает необходимость построить единое аксиологическое пространство высшего педагогического образования и очертить его смысловое содержание. Человек будет эффективно обучаться только тому, что имеет для него личностный смысл. Задача образования «состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций знаний, а в том, чтобы усовершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы» [1]. Успешно обучать и воспитывать можно только тогда, когда это дело жизни, а не случайный, нежелательный выбор.

Pishchik Vlada Igorevna
The Institute of management, business and law, professor,
Head of the Department of Psychology and Human Resources
Traditional and innovative mentality and its relation to ecological behavior

Problem statement

Environmentally friendly economy in Russia is becoming a fashionable topic. In this context, the task of social psychology is to develop methods of generating environmental awareness and behavior of economic actors. Ecological consciousness supported by ecological behavior cn be formed as part of various traditions. The following assumptions are based on Р. Генон [2] thesis stating that any civilization has its source from several traditions: theological, metaphysical and social. First, a good example of theological tradition is Buddhist monks who are mainly vegetarians, they do not kill even destructive insects in their temples and in their territory. The first way out is to adopt religious dogmas facilitating ecological behavior formation. Faith can save the world. Second, according to metaphysical tradition a tree is treated as a living being with its soul, i. e. the nature acquires its mentality and magical properties, thus it should be secured. Ancient tribes of Indians, Hindus, Australians, etc. held to this tradition. It is modern ecological psychology textbooks that contain a concept of the nature as a subject. Certainly, the nature does not possess magical properties, though it is treated as a subject [3]. Third, it is noticeable that ecological behavior which is standardized, controlled and punished by law is formed in the modern civilized world. Is is chiefly social tradition based on group pressure and sanctions forms. Type of mentality sets the cultural framework of economic entities. The mentality of economic actors largely determines their environmental awareness and behavior.

System mentality

Tradition and innovation defines a specific type of generation mentality, and the type defines its ecological behavior kind[4]. Society as one of mentality super-systems (besides ethnicity and religion) is combination and integrity of social relations and social institutions which generations are socialized in. During socialization generation mentality acquires specific social and psychological characteristics defining its quality, i. e. they are specified by "sociality forms" [5] and cultural context [6] which are specific to particular societies. If religious super-system dominates, mythology defines core values and meanings as well as mentality margins combined with sub-systems, thus the main object of mentality is God, universe, etc. If ethnic super-system dominates, traditions define core values and meanings as well as mentality margins combined with sub-systems, thus the main object is an ethnic group, nation, etc. If social super-system dominates, innovations define core values and meanings as well as mentality margins combined with sub-systems, thus the main object is any culture of society.

In view of the above-stated culture is an essential factor defining our ecological behavior. Generations with ecological consciousness possess such characteristics as responsibility, kind-heartedness, carefulness and beneficence.

Respondents' ecological behavior can be predicted upon investigation of various mentalities peculiarities.

Empirical facts

There was a research conducted in Rostov-on-Don (June, 2011 – May 2012). The sampling was represented by following group: students - 500 people. We have achieved the following results using the author's methods of defining mentality types[7]: in a students' group 47% of students have innovative mentality, 27% - transition mentality, 23% - traditional one and 3% - post-innovative mentality. As you can see, innovative mentality prevails.

---

[1] Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 года) – М.: Смысл. – 2005. – С. 295.

[2] Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010

[3] Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс»,1985

[4] Пищик В.И. Социальная психология трансформации ментальности поколений. Социокультурный подход к проблеме ментальности поколений. LAP Lambert Academic Publishing – Saarbrűcken, Germany, 2012

[5] Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005

[6] Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: КОГИТО-ЦЕНТР, 1997

[7] Пищик В.И. Социальная психология трансформации ментальности поколений. Социокультурный подход к проблеме ментальности поколений. LAP Lambert Academic Publishing – Saarbrűcken, Germany, 2012

Using scales of "Cultural and value differential" methods [1] and З. В. Сикевич methods we discovered significant negative correlation between discipline and traditional mentality scales (–0,43). Though we had referred discipline to traditional mentality, we discovered positive correlation between discipline and innovative mentality (0,64). However due to traditions destruction correlation with traditional mentality was negative (-0,45). Negative correlation between independence and innovative mentality scales (–0,45) was also unexpected. However our assumption was confirmed by positive correlation between independence and transition mentality scales (0,409). We also found out negative correlation between carefulness and prudence and traditional mentality scales according to З. В. Сикевич methods. Hence, there is no unique dependence between mentality types and qualities specific to ecologically oriented persons.

The following results were achieved using Триандис [2] and Шварц [3] methods. The methods are based on a model according to which traditional mentality is referred to collectivism, innovative mentality — to individualism and transition mentality is intermediate. Let's consider the results achieved using Н. Триандис scale. Positive correlation is only between transition mentality and collectivism (0,411*). It confirms the fact that Russian generations have not completely passed from traditional to innovative mentality yet. It is also proved by positive correlation between "ego" concept and collectivism (0,416*). It is interesting that collectivism correlates with achievement (0,440*) (Triandis's methods) and conformity (0,653*) (Schwartz's methods). It can be assumed that this collectivism is other than that described by Triandis. Horizontal collectivism is characterized by minor orientation to achievement, harmony and conflict-free behavior in an out-group. Independence associated with universalism (0,486*) and safety (0,742**) is specific to majority of the group under study.

During the investigation carried out with student Е.А. Гуревич personality indexes of entrepreneurs with various mentalities were revealed. 30 entrepreneurs, sex: male and female, age: 25-47, were investigated according to Cattell's 16PF methods and author's methods of defining mentality types. It was ascertained that innovative mentality correlates with severity (0,38*). Such persons are courageous, emotionally stable, practical, realistic and rational. They are cruel to other people. There is negative correlation between innovative mentality and trustfulness (–0,47*) among entrepreneurs, i. e. if a respondent possesses innovative mentality, he/she is should be trustful. There is positive correlation between innovative mentality and emotional stability (0,55*), i. e. persons with prevailing innovative mentality should be distrustful and emotionally stable.

There is close correlation between high intellectual level and innovative mentality (0,48*) revealed in respondents. Such persons dislike "rude people" and "hard work". They prefer traveling, they possess deep imagination and aesthetic sense. Their behavior is sometimes affected or anxious. However such respondents are orientated to individualism implying closed relationships, active stand in life, rationality and orientation to personal achievements.

Psychological peculiarities associated with mentality types were revealed in 300 managers in Russian companies using three methods (Annex 1, Table 1).

Type of mentality

According to the results we may conclude that persons with traditional mentality possess such psychological peculiarities as achievement motivation, diligence, frankness, adherence to traditions, agreeableness, trustfulness, orderliness, risk-taking, non-authoritarianism, restraint, impulsiveness, sense of humor, respectfulness, dependency, slyness, prudence, past orientation, conventionalism. Such type of persons may be interested in economic projects orientated to preservation of health, traditional trade forms, cultural sites, etc.

Persons with innovative mentalities possess the following psychological peculiarities: vitality, non-diligence, active stand, material welfare orientation, aggressiveness, improvidence, uncommunicativeness, future orientation, traditions destruction, respectfulness. Such persons may be interested in business projects for creating new technologies, economic systems, etc.

Persons with transition mentality are characterized by restraint, weakness of will, open-mindedness, imprudence, respectfulness, non-agreeableness, destructiveness, inability to make decisions, permissiveness, authoritarianism, ability to give support, lack of discipline. Persons with post-innovative mentality are characterized by adequacy, discipline, non- wilfulness, confidentiality, inability to give support, seriousness, conventionalism. We suppose that persons of the last two types are less orientated to any projects.

Findings

According to these data a portrait of a representative of a specific mentality type is created. Representatives of each of these types may be ecologically conscious and possess ecological behavior.

П. Штомпка defined social conditions at which changes are triggered: each member of society has a small marginal field of freedom, independence; different levels of susceptibility to socialization and control impact; heterogeneity; conflictogenity of the society standard structure; other cultures impact. Different dissociations are found in the society standard structure (discrepancy between standards and values, their implementation chances; contradicting standards and values in a structure; discrepancy between "ideal" and "obligatory") [4].

Within the UNEP - United Nations Environment Program, ecological economy is defined as "that resulted in improved welfare of people and societies and reduced environmental risks and ecological losses" [5]. We believe that welfare of persons with innovative and traditional mentalities differs and they have different risks concept.

---

[1] Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998

[2] Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. с. 187–189

[3] Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004

[4] Штомпка П., Социология изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996

[5] Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности // http://www.unep.org/greeneconomy/Portals/88/documents/ger/GER_synthesis_ru.pdf

Results of correlation between managers' psychological peculiarities and mentality types

Table 9 contains data of only significant correlations (p=0,05).

Methods	Qualities	Mentality type			
		traditional	innovative	transition	post-innovative
Methods of defining value causality and social identification (Z.V. Sikevich)	Vitality		0,27806		
	Restraint			0,3718	
	Self-acceptance	0,33958	0,459088	0,293169	0,30306
	Slyness	0,476651	0,45263		
	Prudence	0,355835	0,40197		
	Weakness of will			0,368261	
	Lack of achievement motivation	-0,42563			
	Inactivity		0,341883		
	Diligence	0,435641	-0,45661		
	Open-mindedness			0,444857	
	Active strand		0,388643		
	Oversharing outside a reference group	0,302534			
	Material welfare		0,402594		
Cultural and value differential (G.U. Soldatova)	Mutual assistance	0,277906	0,298979		
	Discipline				0,383335
	Aggressiveness		0,4116467		
	Adherence to traditions	0,390276			
	Prudence			-0,39991	
	Respectfulness	0,479503	0,33624059	0,37768	
	Cordiality			-0,27426	
	Dependency	0,41089	0,4560286		
	Agreeableness	0,472745		-0,29744	
	Open-mindedness	0,328304	-0,3015205		
	Wilfulness				-0,43087
	Traditions destruction	-0,38581	0,382705	0,307302	
	Distrust	-0,44458			-0,29123
	Future orientation	-0,29741	0,4015073		
	Anarchy	-0,2761			
"Communication style" (G. Manning, B. Reece)	Dependent		-0,371558299		
	Able to make decisions			-0,36232	
	Communicative		-0,34629		
	Able to take a risk	0,44055			
	Exacting			-0,26759	
	Authoritarian	-0,47151		0,304	
	Able to give support			0,2688	-0,29
	Disciplined			-0,27	
	Serious				0,269
	open-minded			0,267	
	With sense of humor	0,42	-0,37		
	Prudent	0,27	-0,44		
	Restrained	0,35			
	Impulsive	0,42			
	Spontaneous	-0,47			
	Unconventional	-0,38			-0,31

Raklova Yekaterina M.,
Innovative University of Eurasia (IUE),
Department of "Pedagogy and Psychology", PhD., Associate InEU
Раклова Екатерина Михайловна
Кандидат психологических наук, доцент
Инновационный Евразийский Университет, г. Павлодар

Psychological causes of codependent relationships in the family

Психологические причины созависимых взаимоотношений в семье

Созависимое состояние личности влияет на все сферы психики личности: аффективно-эмоциональную, коммуникативную, морально-волевую, когнитивную. Характерные особенности при этом имеет развитие мотивации, самосознания и самооценки. Исследования М. Битти, В. Сатир, В.В. Лебединского, А.С. Спиваковской, В.И. Гарбузова, Г.М. Бреслав, В.Е. Каган, Е.В. Кучеровой, М.Л. Якубовской, В.Д. Москаленко, Н.В. Дмитриевой, позволяют сделать выводы о том, что люди с созависимым состоянием личности относятся к группам риска по неврозам, аддиктивному поведению, эмоциональным нарушениям личности.

Изучение созависимости на разных этапах детства и взрослости важно для понимания возрастных закономерностей развития эмоциональной сферы человека, становления его эмоционально-личностных образований. Именно созависимость, как отмечают многие исследователи (В.Д. Москаленко, Г.М. Рожнова, 1997;, 1996; Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, 2001; М. Битти, 1986 и др.), лежит в основе целого ряда психологических трудностей детства, в том числе многих нарушений развития.

Психолого-педагогическая наука испытывает острую потребность в разработке концептуальных направлений, практических рекомендаций по организации комплексного психолого-педагогического воздействия на личность созависимых женщин, что определяет актуальность детального изучения созависимости.

Все мы рождаемся нормальными! И если воспитывать ребенка с любовью, не подавляя его, то он вырастет здоровым. Но в условиях нашей реальности это достаточно сложно. И зачастую уже годовалые дети имеют признаки созависимости. Чаще всего, это дети, растущие в деструктивных семьях. В группу риска так же попадают люди, вынужденные ухаживать за лежачими больными, психически не здоровыми людьми, семьи, где есть химически зависимые, а также семьи военных и учителей[1].

Когда ребенок рождается, он находится на первой стадии — созависимости. Её характеристика — симбиотические отношения между матерью и ребенком — необходимое условие выживания. Данная стадия длится примерно 6–9 месяцев, до тех пор, пока ребенок не начинает ползать и становится на ноги. Задача лица, обеспечивающего уход за ребенком (как правило, матери, но нельзя исключать и фигуру отца) — установление эмоциональной связи, путем вербальных и невербальных контактов. Эмоциональная связь служит основой доверия к окружающему миру и необходимым условием развития[2].

Вторая стадия — противозависимость. В течение этого периода (примерно 18–36 месяцев), первой задачей развития является отделение. В это время у ребенка ярко выражен стимул к исследованию мира. Фигура отца на этом этапе становится все более значимой для ребенка, а именно — его эмоциональная поддержка в исследовании окружения. Успешное прохождение этой стадии «психологического рождения» возможно лишь при установлении доверия к окружающему миру, то есть при успешном прохождении предыдущей стадии.

Третья стадия — независимости, длится примерно до 6 лет. В течение этого времени ребенок способен действовать автономно, но все еще чувствует и осуществляет действия в состоянии связи с родителем и семьей.

Стадия взаимозавимости, характеризует «зрелые» отношения и обычно соответствует 6–12 годам. Степень близости между ребенком и другими людьми колеблется. Задача данной стадии — приобретение способности двигаться вперед и назад между соединением и отделением, не испытывая при этом какого-либо дискомфорта.

Перечисленные выше стадии развития взаимосвязаны, нарушение на одной из стадий развития влечет за собой нарушение на другой. Результат незаконченного соединения или отделения — это созависимость[3].

Чтобы отыскать причины созависимых взаимоотношений во взрослом возрасте, необходимо вернуться к годам вашего раннего детства, куда уходят корни этой проблемы. Большинство людей не помнят, что происходило с ними в раннем детстве. Вы можете помнить отдельные отрывочные события, однако, если сравнить ваши воспоминания с воспоминаниями других людей, которые были свидетелями этих событий, то, вероятно, они будут значительно различаться. Приведем некоторые важные факты о человеческом поведении, которые делают воспоминания более достоверными:

1. В сущности, не важно, что вы помните о реальных событиях: то, что вы помните, возможно, отличается от того, что происходило на самом деле, и является вашим пониманием или восприятием событий.

2. Важно вспомнить чувства, которые сопровождали ваши впечатления. Ваши чувства являются более точной регистрацией, они сохраняются и в вашем теле, и в вашей памяти.

3. Любая информация о вашем прошлом, которую вы пытаетесь отыскать, как правило, присутствует в вашем сегодняшнем поведении и сегодняшних взаимоотношениях. Ваши нынешние взаимоотношения являются проигрыванием ваших нерешенных проблем в более ранних взаимоотношениях.

4. Следовательно, причины созависимости вытекают из незавершенных проблем, имевших место в раннем детстве. Они будут проявляться в ваших сегодняшних взаимоотношениях и оказывать давление на разрешение проблем и их завершение[4].

---

[1] Берри Уайнхолд, Дженей Уайнхолд. Освобождение от созависимости. – Москва, независимая фирма «Класс», 2002

[2] Валентина Москаленко Зависимость: семейная болезнь. –. ПЕР СЭ. Москва, 2004

[3] Там же

[4] Генри Клауд, Джон Таусенд. Барьеры. – «Мирт», Санкт-Петербург, 2003; Генри Клауд, Джон Таусенд. Брак: где проходит граница? «Триада», Москва, 2003

Созависимость может привести к перееданию, к зависимости от отдельных пищевых продуктов и веществ, к заболеваниям нервной системы, желудочно-кишечного тракта, таким как язва и гастрит. Но самое страшное заключается в том, что созависимость разрушает в человеке систему его ценностей, лишает его возможности построить нормальные взаимоотношения в браке, с любимыми и близкими[1].

Самое главное — это безусловная любовь к детям. Ребенок должен знать, что его любят таким, какой он есть несмотря ни на что. А еще очень важно научить детей брать на себя ответственность, защищать свои права и соблюдать права окружающих, важно учить их прислушиваться к своим эмоциям и не бояться их выражать[2].

По сути, живущие рядом с алкоголиком или наркоманом психологически «заражаются» от него и становятся также зависимыми с тем лишь отличием, что не употребляют психоактивное вещество. Созависимость характеризуется чрезмерной поглощенностью и озабоченностью, а также крайней зависимостью (эмоциональной, социальной, а иногда и физической) от человека.

Созависимый человек не свободен в своих чувствах, мыслях и поведении, он как будто «связан по рукам и ногам». Он постоянно думает: «пришел — не пришел», «употребил-не употребил», «дойдет до дома — не дойдет», «истратил — не истратил» и т. д. Мир сужается до одного человека. Начинают преобладать негативные эмоции. О себе созависимые думают в последнюю очередь, мало отдыхают, нерегулярно и несбалансированно питаются, мало и плохо спят, не заботятся о своем здоровье. Попытка спасти никогда не удается, а наоборот — только способствует продолжению и усугублению алкоголизма и наркомании у близкого им человека. Всё это характеризует ад, в который превращается семья зависимого человека. Практически всеми специалистами, так или иначе имеющими отношение к изучению созависимости, признается существенное влияние созависимых состояний личности на результативность и качество деятельности индивида, его эмоциональные состояния, уровень самооценки, адаптации, соматическое здоровье. Его поведенческие реакции носят неадекватный характер: уход от борьбы (вплоть до различного рода «уходов»: в болезнь, алкоголизацию, наркоманию и т. д.); агрессия, которая порождает новые для созависимых трудности; скрытые формы поведения, такие как воровство, ложь (доходящая иногда до стадий патологической лжи), скрытая мстительность[3].

Все созависимые люди обладают похожими **проявлениями**, такими как:

- Стремление к контролю ситуации;
- Давление;
- Навязчивые состояния и мысли;
- Низкая самооценка, ненависть к себе;
- Чувство вины, подавляемый гнев;
- Неконтролируемая агрессия;
- Навязчивая помощь, сосредоточенность на других;
- Игнорирование своих потребностей;
- Проблемы общения, замкнутость;
- Плаксивость, апатия;
- Проблемы в интимной жизни;
- Депрессивное поведение, суицидальные мысли;
- Психосоматические нарушения (частые головные боли, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, заболевания сердечно-сосудистой системы и др.).

Болезнь семьи развивается постепенно, и как правило, осознание наличия болезненного состояния наступает поздно, когда зависимость уже «пустила корни»[4].

Созависимость вырастает из иллюзии о том, что ваша мать или отец, которые, как вы полагали, должны были предоставить вам все блага, безопасность и спокойствие, их не дали и теперь все это зависит от человека, с которым вы состоите в связи. Вся наша культура, особенно популярная музыка, кинофильмы и телевизионные программы, укрепляют эту иллюзию. Нашими главными целями в жизни становятся поиски:

1) какого угодно способа удержать этого человека и заставить его любить вас так, как, в соответствии с вашими воспоминаниями, вас любили и о вас заботились мать или отец;

2) способа завершить ваши незавершенные отношения с матерью или отцом.

3) Безусловно, все эти устремления не имеют продолжительного срока действия и в итоге ведут к манипулированию и управлению, а не к прочной любви. Поэтому необходимо более полное представление об источниках проблемы и средствах ее устранения. К сожалению, большинство людей не замечают этих проблем до тех пор, пока полностью не увязают в паутине отношений созависимости или не пройдут через опыт нескольких взаимоотношений с одинаковыми результатами.

4) Составьте список воспоминаний о том, что ваша мать или отец осуждали в вас или других людях, когда вы были ребенком. Затем проставьте контрольный знак (ь) рядом с тем, что вам не нравится в себе, а контрольный знак (ы) рядом с тем, что вам не нравится в других людях. Мы порой непроизвольно воспринимаем убеждения, ценности, предрассудки и опасения своих родителей. Вы по-прежнему принимаете слишком близко к сердцу неодобрение своего партнера, которое в какой-то степени напоминает вам критику ваших родителей? Все это не что иное, как не затянувшиеся раны, нанесенные вам в детстве, которые могут зарубцеваться с помощью вашего партнера[5].

---

[1] Генри Клауд, Джон Таусенд. Брак: где проходит граница? «Триада», Москва, 2003

[2] Дэвид Симандз. Исцеление памяти. –. «Триада», Москва, 2003

[3] Валентина Москаленко Зависимость: семейная болезнь. –. ПЕР СЭ. Москва, 2004; Джон Пауэлл. Как устоять в любви. – «Путь». Москва, 2004

[4] Лаура Эшнер, Митч Майерсон.Когда родители любят слишком сильно. –«Добрая книга», Москва, 2002.

[5] Мелоди Битти. Алкоголик в семье, или преодоление созависимости (как перестать контролировать других и начать заботиться о себе). – Москва, «Физкультура и спорт», 1997

Когда супружеские пары начинают понимать причины своих созависимых отношений и получают специальные средства для самостоятельной работы, им становится не нужна психотерапевтическая помощь, они могут продолжать свое лечение самостоятельно. Когда пары начинают понимать причины своих проблем и прекращают обвинять друг друга, они могут сблизиться и углубить свои взаимоотношения. Они избавляются от необходимости управлять друг другом и находят эффективные способы сотрудничества и удовлетворения своих потребностей и желаний[1].

Излечение от созависимости проходит через те же этапы, что и от форм зависимости.

1. Признание своего бессилия перед зависимостью близкого.

2. Обращение за профессиональной помощью. Принятие своей созависимости, а также ответственности за свое пагубное поведение. Решение внутренних проблем (на этом этапе обязательна помощь психолога/психотерапевта).

3. Реабилитация (физическая, психологическая, социальная и духовная). Возвращение к себе, своим истинным потребностям.

Психотерапевтическая работа с созависимыми клиентами требует большой чуткости и индивидуального подхода[2]. Созависимость — это отсутствие психологических границ. Созависимые не тестируют, где находятся их границы и где начинаются границы другого человека: они либо пытаются сразу «слиться» с другим человеком, либо держаться от него в стороне, не допуская возможности самораскрытия. Задача терапевта помочь клиенту заново выстроить свои отношения с собой, научиться чувствовать эмоции, переживания, осознавать и высказывать свои потребности и желания, ощущать комфортную дистанцию с другими и уметь отстаивать свои границы. Данная работа может проходить как в индивидуальном, так и в групповом формате. И у той и у другой формы работы есть свои преимущества и недостатки. И здесь уже каждый сам решает, что ему больше подходит на данный момент[3].

Список литературы:

1. Берри Уайнхолд, Дженей Уайнхолд. Освобождение от созависимости. — Москва, независимая фирма «Класс», 2002
2. Валентина Москаленко Зависимость: семейная болезнь. –. ПЕР СЭ. Москва, 2004
3. Генри Клауд, Джон Таусенд. Барьеры. — «Мирт», Санкт-Петербург, 2003
4. Генри Клауд, Джон Таусенд. Брак: где проходит граница? «Триада», Москва, 2003
5. Дэвид Симандз. Исцеление памяти. –. «Триада», Москва, 2003
6. Джон Пауэлл. Как устоять в любви. — «Путь». Москва, 2004
7. Лаура Эшнер, Митч Майерсон.Когда родители любят слишком сильно. –«Добрая книга», Москва, 2002.
8. Мелоди Битти. Алкоголик в семье, или преодоление созависимости (как перестать контролировать других и начать заботиться о себе). — Москва, «Физкультура и спорт», 1997
9. Робин Норвуд. Женщины, которые любят слишком сильно. — «Добрая книга», Москва, 2002.
10. О. А. Шорохова. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. –Санкт-Петербург, «Речь», 2002
11. Роберт Хемфелт, Франк Минирт, Пол Майер. Выбираем любовь (борьба с созависимостью). — «Триада», Москва, 2004

[1] Мелоди Битти. Алкоголик в семье, или преодоление созависимости (как перестать контролировать других и начать заботиться о себе). – Москва, «Физкультура и спорт», 1997; Робин Норвуд. Женщины, которые любят слишком сильно. – «Добрая книга», Москва, 2002.

[2] О. А. Шорохова. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. –Санкт-Петербург, «Речь», 2002

[3] Мелоди Битти. Алкоголик в семье, или преодоление созависимости (как перестать контролировать других и начать заботиться о себе). – Москва, «Физкультура и спорт», 1997; Робин Норвуд. Женщины, которые любят слишком сильно. – «Добрая книга», Москва, 2002; Роберт Хемфелт, Франк Минирт, Пол Майер. Выбираем любовь (борьба с созависимостью). – «Триада», Москва, 2004

Section 10. Regional studies and socio-economic geography

Abdullaev Aminbay, Urgench state University. Al-Khorezmi, teacher
Kalandarov Umarbek, Urgench state University. Al-Khorezmi, teacher
Абдуллаев Аминбай Гулмирзаевич
Ургенчский государственный университет им. Аль-Хорезми, преподаватель
Каландаров Умарбек Самандарович
Ургенчский государственный университет им. Аль-Хорезми, преподаватель

Problems of creation of territorial cluster food industry Khorezm region

Проблемы создания территориального кластера пищевой промышленности Хорезмской области

В последние годы, судя по опыту результативных экономических связей, на арену в качестве ускоряющего экономическое развитие фактора выступает кластер. Возрастает роль кластера, который наряду с формированием и укреплением сотрудничества между фирмами, предприятиями, различными социальными экономическими отраслями расширяет поле конкуренции.

Не менее важна роль кластера в процессе внедрения новых технологий в развитие местных, региональных и глобальных экономических связей, в повышении показателей качества трудовых ресурсов.

Теория национальной, государственной и местной конкурентоспособности М. Портера отводит особую роль кластерам. «Кластеры — это объединенные по географическим признакам, взаимоконкурентные, но связанные друг с другом и ведущие совместную деятельность в определенных сферах компании, организации, специализирующиеся на доставке, оказании услуг и связанные с деятельностью соответствующих отраслевых фирм». С развитием мировой экономики растет число сторонников создания территориальных кластеров. В настоящее время во многих странах мира ведут работу по внедрению кластеров в основные специализирующиеся отрасли.

В Узбекистане экономистами (А. Ш. Бекмурадов, Янг Сон Бэ) также начато изучение проблем внедрения кластера в отрасли текстильной промышленности.

Категории кластера разделяются на несколько видов: к примеру, А. Ш. Бекмурадов и Янг Сон Бэ разделяют их на 4 вида, то есть: ведущая категория институтов и исследовательских центров, ведущая категория крупных предприятий, специализированная местная категория, категория силиконовых зон. При этом Бекмурадов А. Ш. и Янг Сон Бэ опирались на примеры крупных иностранных предприятий.

При распределении пищевой промышленности Узбекистана на категории кластера необходимо учитывать несколько факторов. Это — факторы, воздействующие на подготовку сырья (мелиоративное состояние земель, повышение урожайности, обеспечение качественной водой, практическая деятельность научных центров в целях обслуживания сельского хозяйства и другие).

Таблица 1.

Кластер промышленности Узбекистана и место пищевой промышленности Хорезмской области в нем

Категории	Территории	Промышленные отрасли страны	Основные свойства
Категория институтов и исследовательских центров	г. Ташкент	Промышленность информационных коммуникаций	Возможности институтов и исследовательских центров и важные достижения биоинформационных технологий
Категории крупных организаций	г. Самарканд., г. Андижан., г. Гулистан., г. Карши.	Автомобильная промышленность, энергетическая промышленность, нефтегазовая отрасль, текстильная промышленность	— стремление крупных предприятий к кластеру; — автомобилестроение и сборка; — нефтегазовая; Обеспеченность их предприятий современной техникой
Специализированная местная категория	Хорезмская область., г. Ургенч., Хазараспский р-н Ханкинский р-н Багатский р-н Шаватский р-н	Производство сахарного песка, экстракция масла, переработка зерновых	Обеспеченность опытными специалистами отрасли по производству сахарного песка

Таблица: разработана автором.

К примеру, в период перехода к новым формам собственности снизилась практическая деятельность на местах зоотехников, агрономов. Далее — транспортное обеспечение, сервисное обслуживание транспорта, складских помещений для хранения продукции.

Кластер внутреннего производства Узбекистана и место в нем пищевой промышленности Хорезмской области может быть представлен в форме (таблица 1).

Как было сказано выше, территориальный кластер создаётся через производство современных видов новой продукции на рынке или вследствие положительных сдвигов, в каких — либо отраслях страны, региона. Благодаря географическому расположению Республики на границе южных и северных субтропических регионов, Узбекистан прославился своими сладкими фруктами, овощами и бахчевыми.

В Хорезме налажена промышленная обработка фруктов, овощей, мясо –молочное производство.

В области развита пищевая промышленность. Есть возможность создания агропромышленного комплекса, но факторы создания территориального кластера ограничены (1 — схема). Причина этого в том, что в области нет научно — исследовательских институтов, профилирующихся на сельском хозяйстве и пищевой промышленности, не на должном уровне развита пищевая промышленность и отсутствуют средства для создания кластера в рамках отрасли.

Вследствие этого целесообразно внедрение ряда комбинаций создания, кластера пищевой отрасли в области.

Степень относительной засоленности посевных площадей области придаёт особый привкус продукции земледелия и животноводства. В частности, степень засахаренности фруктов, винограда намного превосходит по вкусу продукцию земледелия предгорных районов. Также их другие отличительные качества объясняются засушливым климатом и природными условиями оазиса.

Из выше — вышеизложенного известно, что переработка сырья для пищевого производства также на низком уровне. Даже экспортируемые за границу сырые и сухофрукты, бахчевая продукция отправляются без предварительной обработки.

Опыт показывает, что расфасовка сухофруктов приносит дополнительный доход. Естественно, прибыль от основательно обработанной продукции будет намного выше, чем от сырой. Мясо — молочная отрасль считается ведущей в пищевой промышленности области. По производству молока область занимает в Республике 2–3 места. В 2011 года в области было произведено 10% от в всего объёма производимого в Республике молока. Если по республике на душу населения приходится 232,3 кг молока, то в области этот показатель составляет 413,6 кг.

Производство мяса на душу населения по Республике в 2011 году составило 53,7 кг, по области — 61,6 кг. Исходя из этого, можно создать территориальный кластер мясо — молочной, консервной промышленности.

В области в основном выращиваются сорта винограда «Хусайни», «Тоифи» 35% выращиваемого в области винограда приходится на долю специализирующихся, на винограде фермерских хозяйств, а 67% — на дехканские хозяйства. На данный период продукция виноградарства экспортируется в основном в страны СНГ в свежем виде. Налажена торговля, которая в основном осуществляется субъектами малого бизнеса и предпринимательства. Специализированное виноградарство в определенном объёме ведется на сельскохозяйственных предприятиях. К примеру, ОАО «Ургенч шароб» на 2 тысячах гектарах выращивает специальные сорта винограда и уже в течение 70 лет изготавливает уникальные сорта вин.

Ежегодно в области собирается 26–28 тысяч тонн винограда, и этот показатель растёт из года в год. При этих обстоятельствах обработке подвергается всего минимум 2,5–3 тысяч тонн. В 2012 году планируется обработка свыше 53,3% продукции виноградарства, 35,6% овощей, 41,4% фруктов. Это в свою очередь послужит повышению их экспортного потенциала.

Важное значение имеет запуск новых мощностей в этой отрасли. Необходимо создание территориального кластера переработки овощной и фруктовой продукции и производства готовой.

Схема 1. Структура кластера пищевой промышленности Хорезмской области.

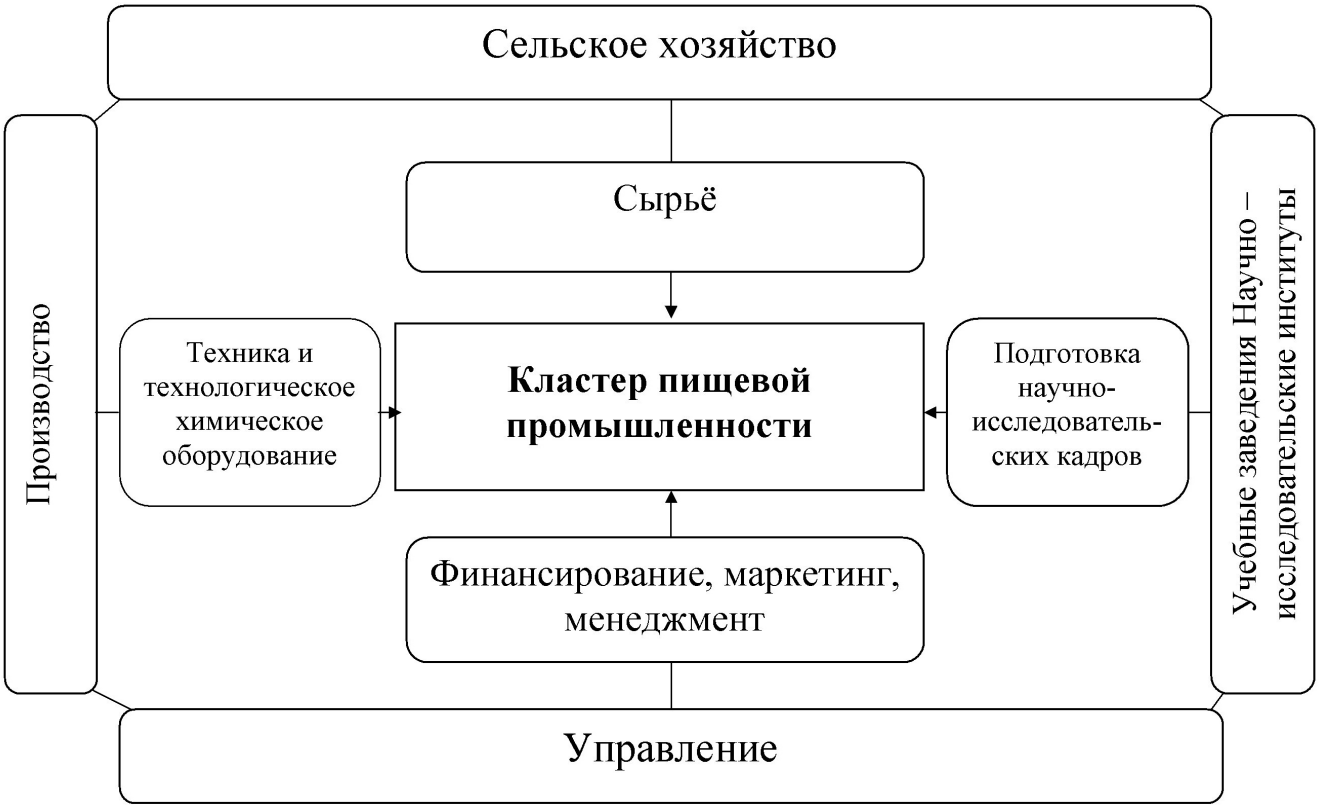

Схема: разработана автором.

Важное значение имеет запуск новых мощностей в этой отрасли. Необходимо создание территориального кластера переработки овощной и фруктовой продукции и производства готовой.

Ещё один фактор создания территориального кластера — это развитие научно-исследовательской работы по разработке технологий обработки пищевой продукции и подготовка научных кадров в этой отрасли. В настоящее время при Ургенчском госуниверситете готовятся технологи с высшим образованием. Наряду с этим идет подготовка кадров со средним специальным образованием в профессиональных колледжах.

Однако уже сейчас область остро нуждается в специалистах сельского хозяйства, пищевой промышленности.

Остается актуальным вопрос организации системы по изучению внутреннего и внешнего рынка, разработке стратегии развития региона.

Конечно, такая система в Республике в определенной степени развита и в рамках региона уже осуществляет деятельность. Однако, она не имеет глубоких институциональных звеньев по изучению географических особенностей региона.

Как утверждалось выше, одно из условий создания территориального кластера: научно организованное производство и повышение экспортного потенциала. Вследствие этого в области необходимо разработать перспективные программы развития пищевой промышленности.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в развитии пищевой промышленности в области, развитии связей с зарубежными странами и другими областями республики кластер сыграет важную роль.

Список литературы:

1. Бекмуродов А. Ш., Янг Сон Бэ. Стратегия развития текстильной промышленности Узбекистана кластерный подход. — Ташкент: «Деловой партнер», 2006.-112 с.
2. Портер М. Э. Конкуренция.: Пер. с англ, — М.: Издательский. дом «Вильямс», 2002. С. 207 ил. Пора тит. анг.

Goryachkina Yuliya Viktorovna
Graduate student of chair «Economic theory and world economy» Penza state university
Горячкина Юлия Викторовна,
Аспирантка кафедры «Экономической теории и мировой экономики»
Пензенского государственного университета

The influence of institutes on equation of development of regional ekologo-economic systems

Влияние институтов на сбалансированность развития региональной эколого–экономической системы

В условиях усиления антропогенного воздействия на окружающую среду и обострения экологических проблем важнейшим принципом устойчивого развития является концепция сбалансированного развития региональной эколого — экономической системы (РЭЭС). Данная стратегия предполагает согласованное развитие общества и природы, осознание ограниченности природных ресурсов, а значит, и ограничений потребностей, переход к понятию эколого — ориентированных потребностей.

Экономическая наука рассматривает устойчивое развитие как возможности использования и воспроизводства трёх видов капиталов: природного, человеческого и физического. При этом ограничивающим фактором развития выступает оставшийся природный капитал[1].

Сбалансированное устойчивое развитие — путь, основанный на поддержании в течение длительного времени расширенного воспроизводства производственного потенциала, человеческих ресурсов и природной среды. При устойчивом развитии обеспечивается равновесие между тремя тесно взаимосвязанными элементами системы: экономической, социальной сферой и окружающей средой.

Сбалансированность экономического развития эколого — экономической системы (ЭЭС), по нашему мнению, в большой степени зависит от характеристик институциональной среды, которая определяется системой правил, норм, традиций поведения субъектов экономических отношений, структурированием информации, и прежде всего, формальными ограничениями.

Определяя место институционального фактора в системе инновационного управления сбалансированным развитием ЭЭС, целесообразно использовать определение В. М. Бережницкого и С. Ю. Деформа, в котором синтезируются два основных направления: институты — организации и институты — правила, нормы[2]. Институты — это исторически складывающиеся правила, нормы, традиции социальных взаимоотношений между индивидуумами, структурированные в адекватные общественные организации, а также механизмы их становления и функционирования. Институционализация предполагает построение между субъектами региональной экономики устойчивых и упорядоченных отношений, которые позволяют инициировать, ресурсно обеспечивать, распространять и оценивать воспроизводственные процессы.

Идеи сбалансирования устойчивого развития человечества начали преобладать в 1960–1970-х гг., когда ряд экологических и социально — экономических проблем стали угрожать жизни современных и будущих поколений. К их числу следует отнести: деградации окружающей среды (загрязнение продуктов питания химикатами, обеслесивание, опустынивание, заболачивание, загрязнение поверхностных и подземных вод, уменьшение видового разнообразия живых организмов, за-

[1] Жулавский А. Ю. Основы эколого-экономической сбалансированности развития региона. «Вісник СумДУ. Серія Економіка», № 1, 2007. – Т. 2, С. 111–120

[2] Бережницкий В. М., Деформ С. Ю. Институциональные преобразования в системе факторов общественной эволюции// Проблемы современной экономики и институциональная теория: Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Вып. 89–2. –С. 39.

болевания, генетические отклонения, сокращение продолжительности жизни, появление кислотных дождей, сокращение озонового слоя, глобальное потепление климата и другие экологические проблемы); использование низкоэффективных ресурсоразрушающих технологий; диспропорции в условиях социально — экономического развития между развитыми и развивающимися странами; расширение масштабов бедности и рост дифференциации между бедными и богатыми: продовольственный кризис и распространение голода; истощение и обостряющийся дефицит минерально — сырьевых и энергетических ресурсов; межэтнические конфликты и др.

Не случайно 11 августа 2012 года президент Владимир Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года охраны окружающей среды», где говорится о том, что в целях обеспечения права каждого человека на благоприятную окружающую среду постановлено:

1. Провести в 2013 году в Российской Федерации Год охраны окружающей среды;

2. Правительству Российской Федерации обеспечить разработку и утверждение плана основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года охраны окружающей среды;

3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществлять необходимые мероприятия в рамках проводимого в Российской Федерации Года охраны окружающей среды.

Действительно, нынешнее состояние глобальной эколого — экономической системы характеризуется как нестабильное:

Г. И. Пригожин и И. Стренгерс считают, что развитие становится неустойчивым тогда, когда в силу обострения внутренних противоречий или с окружающей средой возникает кризисное состояние системы, связанное с возможностями ее разрушения или перехода в новое качественное состояние. Сегодня мировое сообщество в своем развитии достигло критической точки развития, за которой следует ее гибель, либо переход на более высокий уровень самоорганизации.

Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002 г.) принял решение, согласно которому с декабря 2005 г. по 2014 г. начинается переход мирового сообщества к устойчивому развитию. Каждая страна в соответствии с Планом выполнения решений этого саммита должна содействовать достижению устойчивого развития посредством принятия и обеспечения соблюдения четких и эффективных законов в поддержку устойчивого развития, а также осуществить другие меры по укреплению институциальной базы[1].

Для России переход на модель сбалансированного устойчивого развития — это переход к разработке системной концепции, позволяющей выявить условия и возможности новой ориентации страны и цивилизации, определить структуру, средства и пути оптимизации управления на глобальном, федеральном и региональном уровнях на длительную перспективу, т. е. создания модели социоэкоразвития. При этом необходима тщательная разработка новых механизмов управления социоэкологическими процессами.

Выбрав в качестве основного института эколого -экономическую систему определенного типа в рамках региона можно сконструировать аналитическую институциональную матрицу, рисунок 1.

Сбалансированное развитие региональной эколого — экономической системы обеспечивается взаимодействием между собой совокупности условий и факторов, которые условно сгруппированы на рисунке 1 в соответствии с качественными характеристиками.

Рисунок 1 — Институциональная матрица эколого-экономической системы различных типов в рамках региональной экономики.

[1] Иванов В. А., Методологические основы устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем// Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, № 7, 2011.

Таким образом, формирование устойчивого экономического развития эколого-экономической системы, что является ее основной задачей, возможно при следующих условиях:

— при обеспечении сбалансированного устойчивого экономического роста, предполагающего улучшение социальных условий жизнедеятельности общества при равновесном природопользовании;

— при согласованном взаимодействии каждой из сторон через институциональное регулирование, которое рассматривается как средство, обеспечивающее устойчивость развития в целом.

Список литературы:

1. Жулавский А. Ю. Основы эколого-экономической сбалансированности развития региона. «Вісник СумДУ. Серія Економіка», № 1, 2007. — Т. 2, С. 111–120
2. Бережницкий В. М., Дефорж С. Ю. Институциональные преобразования в системе факторов общественной эволюции//Проблемы современной экономики и институциональная теория: Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Вып. 89–2. –С. 39.
3. Иванов В. А., Методологические основы устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем//Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, № 7, 2011.

Dugarenko Igor Anatolievich,
Taurida national University senior lecturer of the Department of tourism
Дугаренко Игорь Анатольевич,
Таврический национальный университет имени. В. И. Вернадского,
старший преподаватель кафедры туризма

Trends in resource and environmental capacity Mountain Crimea

Тенденции изменения ресурсного и экологического потенциала Горного Крыма

Ресурсный и экологический факторы выступают важными факторами эволюционного развития рекреационной системы Горного Крыма и должны учитываться при разработке программ оптимизации функциональной и территориальной организации рекреационной деятельности в регионе.

Большинство исследований, посвященных проблемам развития рекреации и туризма в Горном Крыму, либо не имели эволюционного аспекта, либо рассматривали рекреационные ресурсы как относительно стабильные факторы рекреационного процесса[1 2 3]. По нашему мнению рекреационному ресурсному потенциалу также присуще свойства динамичности, т. е. Изменение количественных и качественных параметров в пространственно-временном масштабе. Вместе с тем, дальнейшая эволюция рекреационной системы Горного Крыма связана не с экстенсивным ростом числа вовлекаемых в хозяйственный оборот ресурсов, а с изменениями в их потребительских свойствах и методах кспуатации.

Горный Крым отличается практически полным набором видов рекреационных ресурсов (за исключением пляжных и грязевых) при ведущей роли геоморфологических, биологических и ландшафтных (пейзажных). На основе ландшафтообразующего влияния Крымских гор и лесных биоценозов в комбинации с антропогенными объектами формируются различные типы пространственных сочетаний ресурсов, обеспечивающих большой диапазон видов рекреационных занятий. Имеющийся ресурсный потенциал может быть реализован в развитии большинства горных видов спортивно-туристских занятий. Спортивно-тренировочные маршруты 1–2 категории сложности могут охватывать пять крупных ареалов Горно-Предгорного Крыма с линейным и радиальным посещением более 60 природных объектов. Имеются резервы для расширения объемов скалолазанья, спелеотуризма (в т. ч. перспективны 120 карстовых различной (от 1 до 4) категории сложности), велосипедного, экологического, сельского туризма, аэротуризма и других видов природноориентированной рекреации.

Весомой причиной низкого уровня комплексности эксплуатации ресурсного рекреационного потенциала следует признать отсутствие специальной инфраструктуры. Примером замедленного лага между открытием и массовой рекреационной эксплуатацией ресурса является использование карстовых полостей Крыма для экскурсионного показа. Высокие затраты на специальное оборудование, отсутствие подъездных путей отложили использование многих пещер почти на 100 лет.

Динамику обеспеченности лесными рекреационными ресурсами можно рассмотреть на основе показателей изменения площади лесного фонда, в т. ч. лесопокрытой площади, лесистости территории и масштабов воспроизводства лесов. В течение 2000–2011 гг. лесопокрытая площадь АР Крым увеличилась с 276,8 тыс. га до 290,9 тыс. га[4], однако показатель лесистости остался практически неизменным (10,6 и 10,7% соответственно)[5]. Лесные угодья Горного Крыма обеспечивают значительный

---

[1] Екологічний паспорт Автономної Республіки Крим/Рекскомприроди Криму. – Сімферополь, 2010. – 109 с.

[2] Местні Л. Зміна орієнтірів міжнародного туризму/Л. Месті//Стан світу 2002. Доповідь Інституту Всесвітнього спостереження про прогрес до сталого суспільства. – К.: Інтелсфера. – 2002. – С. 110–137.

[3] Статистичний щорічник Автономної Республіки Крим за 2010 рік/Державний комітет статистики України. Головне управління статистики в АР Крим. – Сімферополь, 2011. – 552 с.

[4] Кудрявцев В. Б. Природно-ресурсный потенциал рекреационного хозяйства Крыма. – 1999.– № 10.– 5 с. – (Препр./ Информационный листок РЦНТЭИ; 10–99).

[5] Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. – Симферополь: Таврия, 2003. – 335 с.

объем рекреационного лесопользования (промысловые занятия (охота, сбор дикорастущих ягод, грибов, лекарственных трав), экологический туризм, проведение прогулок, экскурсий и пикников и т. д.), однако лимитирующими факторами эксплуатации лесных угодий выступают не только заповедный режим функционирования и высокая пожароопасность крымских лесов, но и распространение ареала клеща — переносчика энцефалита — на всю горно-лесную зону Крыма.

Динамика запасов промысловых ресурсов Горного Крыма свидетельствует об ухудшении возможностей развития охотничьего туризма, начиная с 2002 г., однако следует иметь в виду, что численный состав популяций, продуктивность и уровень воспроизводства промысловых ресурсов отличаются высокой изменчивостью в зависимости от природно-климатических, экологических и иных факторов. Более 75% охотничьих ресурсов полуострова сконцентрировано в горно-лесной зоне, при этом высокой обеспеченностью охотничьими угодьями в расчете на 1 охотника отличается Белогорский район, наименьшей — Симферопольский.

На территории Горного Крыма расположено 349 объектов культурного наследия, имеющих национальное и межрайонное значение, из них около 35% приходится на археологические объекты. На территории Бахчисарайского района плотность объектов составляет более 90 на 1 тыс. кв. км; Белогорского района — 47; Симферопольского — около 65 (для сравнения: максимальная — более 1200 объектов — в Ялте и Севастополе). Единовременная емкость культурно-исторических экскурсионных объектов региона, по оценкам экспертов, достигает 4 тыс. чел., еще более 6,5 тыс. чел. могут принять объекты природно-познавательного типа. Высокий уровень локализации информационно разнородных объектов создает благоприятные возможности для разработки комплексных экскурсионных маршрутов.

За последнее десятилетие в Горном Крыму были актуализированы многие новые ресурсы, в т. ч. культурно-этнографические центры (в Бахчисарайском районе — крымскотатарские центры «Коккоз, «Сюрень», «Богатое ущелье»; в Симферопольском — немецкий культурно-этнографический центр кафе-клуб «Кроненталь»; в Белогорском — греческий центр «Карачоль»; в Кировском — армянский центр «Сурб-Хач»). Открылись новые музеи (например, Крымский исторический музей «Ларишес», г. Бахчисарай; Этнографический музей, г. Старый Крым) и развлекательные объекты (Сафари-парк «Тайган», Белогорский район, ферма «Чудо-ослик», Бахчисарайский район).

Таким образом, можно констатировать проявление прогрессивной направленности фактора ресурсного обеспечения рекреационного процесса в исследуемом регионе. В перспективе ресурсный потенциал Горного Крыма может быть существенно увеличен за счет создания искусственных ресурсов, в первую очередь, познавательного и развлекательного типа. Вместе с тем, разработанные в начале 2000-х гг. крупные инновационные проекты, к которым относятся проект тематического парка «Диноленд» в Бахчисарайском районе (проектная стоимость $150 млн.), проект горнолыжного комплекса «Чатырдаг» ($12,5 млн.), проект Горно-рекреационного комплекса «ТаврОС» с первой очередью канатных дорог (Ялта-Соколиное) ($62,7 млн.), остаются нереализованными из-за отсутствия инвесторов.

В условиях нарастающей экологизации мирового рекреационного движения[1] следует ожидать возрастания роли экологических факторов в эволюционном развитии рекреационной деятельности на уровне отдельных регионов. Изменения качественных характеристик рекреационной среды (в сторону ухудшения или улучшения) будут определять не только пространственную избирательность потенциального рекреационного спроса, но и вероятные направления инвестиционных потоков туристско-рекреационного назначения.

Изучение эволюции экологического рекреационного потенциала Крыма строилось на основе анализа многолетней динамики состояния атмосферного воздуха, поверхностных вод, лесных биоценозов и выявления роли и места охраняемых территорий в системе рекреационного природопользования. Было установлено, что начиная с 2000 г., объемы выбросов в атмосферный воздух полуострова росли, достигнув максимума в 2008 г. (155,2 тыс. т). Основным источником загрязнения воздуха являются выбросы автомобильного транспорта (в 2010 г. — 71,0%, в т. ч. по оксиду углерода — 98.2%[2]).

По данным Рескомприроды[3], 76,5% выбросов формируется за счет использования в качестве топлива бензина, 15,8% — дизельного топлива и 7,7% — сжиженного и сжатого газа. Из промышленных предприятий Горного Крыма значительными объемами выбросов в атмосферу отличается комбинат «Стройиндустрия» (г. Бахчисарай).

Из прочих показателей, представляющих интерес для оценки влияния экологических факторов на эволюционное развитие рекреационных функций Горного Крыма, можно выделить показатели состояния водных объектов региона, образования и складирования промышленных и бытовых отходов, нарушения земель в процессе добычи минерального сырья.

Согласно данных водно-экологических мониторинговых исследований, особенных изменений качества рек Горного Крыма в сравнении с 2007 г. не происходило[4][5]. Превышение ПДК отмечалось в связи с сезонными колебаниями рекреационной нагрузки и деятельности сельскохозяйственных предприятий.

В АР Крым наблюдается рост твердых отходов I–IV классов опасности: если в 2000 г. их объем составлял 636,7 тыс. т, то в 2011 г. — 47464,4 тыс. хотя большая их часть сконцентрирована в промышленных районах автономии, а на район Горного Крыма приходится около 0,2%. Актуальной проблемой перспективного развития рекреации становится замусоривание непосредственно рекреационных угодий, что не только снижает эстетическую ценность горно-лесных комплексов, но и может стать причиной серьезных санитарно-гигиенических проблем.

---

[1] Сахнова Н. С. Рекреационное микрорайонирование приморско-горных территорий всесоюзного значения (на примере Юго-Восточного берега Крыма): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. геогр. наук: спец. 11.00.02 «економічна та соціальна географія». – 1990. – 15 с.

[2] Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. – Симферополь: Таврия, 2003. – 335 с.

[3] Кудрявцев В. Б. Природно-ресурсный потенциал рекреационного хозяйства Крыма. – 1999.– № 10.– 5 с. – (Препр./ Информационный листок РЦНТЭИ; 10–99).

[4] Там же.

[5] Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. – Симферополь: Таврия, 2003. – 335 с.

Источником снижения качества рекреационной среды являются вскрышные работы при добыче полезных ископаемых в горных и предгорных районах; нередко они угрожают существованию уникальных объектов природного и культурного наследия или несовместимы с развитием рекреации. В частности, строительство Северо-Баксанского карьера близ с. Ароматное Белогорского района вызвало протесты местного населения, планирующего развивать зеленый.

Развитие региональной системы природно-заповедного фонда (ПЗФ) следует рассматривать при оценке факторов эволюции рекреационных функций горных территорий с двух позиций: как фактор, обеспечивающий сохранность и воспроизводство ландшафтного разнообразия территории, и как фактор, изменяющий формы и режимы рекреационного природопользования. Число объектов ПЗФ АР Крым в 2011 г. увеличилось на 9 объектов по сравнению с 2002 г. и составляет 156 объектов; площадь охраняемых территорий возросла на 31688, 3 га, а удельный вес от площади АРК вырос с 4,6 до 5,6%[1]. Значительное число охраняемых территорий и объектов сконцентрировано в Горном Крыму. В 2012 г. принято решение об установлении границ региональных ландшафтных парков местного значения — «Бахчисарай» (10,3 тыс. га) и «Научный» (965 га) в Бахчисарайском районе.

Анализируя динамику объема и структуры ресурсного рекреационного потенциала Горного Крыма, можно констатировать прогрессивные тенденции, связанные:

а) с переходом к многоцелевому использованию ресурсов и их пространственных сочетаний;

б) с вовлечением в процесс рекреационного природопользования ранее закрытых для рекреации объектов природно-заповедного фонда (во многих заповедниках введены коммерческие формы обслуживания туристов (плата за посещение, установку палаток, использование кострищ и т. д.);

в) с появлением новых объектов антропогенного и природно-антропогенного типа, выполняющих функции ресурсного обеспечения для рекреации.

Список литературы:

1. Блага М. М. Географічні відмінності та шляхи використання рекреаційно-ресурсного потенціалу гірсько-приморських територій Криму: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. геогр. наук: спец. 11.00.02 «економічна та соціальна географія». — 2000. — 19 с.
2. Екологічний паспорт Автономної Республіки Крим/Рекскомприроди Криму. — Сімферополь, 2010. — 109 с.
3. Кудрявцев В. Б. Природно-ресурсный потенциал рекреационного хозяйства Крыма. — 1999.– № 10.– 5 с. — (Препр./Информационный листок РЦНТЭИ; 10–99).
4. Местні Л. Зміна орієнтірів міжнародного туризму/Л. Месті//Стан світу 2002. Доповідь Інституту Всесвітнього спостереження про прогрес до сталого суспільства. — К.: Інтелсфера. — 2002. — С. 110–137.
5. Сахнова Н. С. Рекреационное микрорайонирование приморско-горных территорий всесоюзного значения (на примере Юго-Восточного берега Крыма): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. геогр. наук: спец. 11.00.02 «економічна та соціальна географія». — 1990. — 15 с.
6. Статистичний щорічник Автономної Республіки Крим за 2010 рік/Державний комітет статистики України. Головне управління статистики в АР Крим. — Сімферополь, 2011. — 552 с.
7. Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. — Симферополь: Таврия, 2003. — 335 с.

Zhirma Valeryi Valerievic, Candidate of Geographical Sciences,
Associate Professor Department of Physical Geography Kuban State University

Pagul Inna Igorevna, Masters student in the major «Physical geography» Kuban State University

Fomenko Natalia Vladimirovna, Masters student in the major «Physical geography» Kuban State University

Shcheglova Zemfira Petrovna, Senior Lecturer at the Department of Physical Geography Kuban State University

Жирма Валерий Валерьевич, Доцент кафедры физической географии Кубанского государственного университета

Пагул Инна Игоревна, Студентка магистратуры направления физическая география Кубанского государственного университета

Фоменко Наталья Владимировна, Студентка магистратуры направления физическая география Кубанского государственного университета

Щеглова Земфира Петровна, Ст. преподаватель кафедры физической географии Кубанского государственного университета

Agricultural activity and its impact on water resources of Krasnodar region

Хозяйственная деятельность и ее воздействие на водные ресурсы Краснодарского края

Еще в прошлом веке на Кубани началось интенсивное водохозяйственное строительство. Это привело к коренным экономическим и гидроэкологическим изменениям. В период экономических и социальных реформ последних десятилетий, хозяйство Краснодарского края также претерпевало значительные изменения. Эти изменения неизбежно отражались на характере использования водных ресурсов и их качестве. Задача исследования — показать некоторые аспекты такого взаимодействия.

[1] Яковенко И. М. Рекреационное природопользование: методология и методика исследований. – Симферополь: Таврия, 2003. – 335 с.

Всего на территории Краснодарского края, по данным КБВУ, 7751 река (табл. 1). Основа водных ресурсов Краснодарского края — сток р. Кубань[1].

Краснодарский край — один из наиболее освоенных регионов России. Основная специализация хозяйства представлена агропромышленным комплексом, в составе которого ведущее положение занимает сельское хозяйство.

Представление об изменении интенсивности хозяйственной нагрузки на водные ресурсы региона дает анализ основных социально-экономических показателей. Так, например, численность населения Краснодарского края изменялась от 4103 тыс. чел в 1970 г. до 4691 тыс. чел в 1991 г. и 5133 тыс. чел в 2001 г. На 2010 г. она составила 5225,8 тыс. чел, из них 2764,6 (52,9%) — горожане[2]. Описанные изменения привели к возрастанию населенческой нагрузки на водные ресурсы с 232 тыс. чел/км^3 речного стока в 1970 г. до 296 тыс. чел/км^3 в 2010 г.

Таблица 1 — Количество и протяженность рек на территории Краснодарского края (по данным КБВУ)

Градация рек, водотоков	Длина рек, км	Число единиц	%	Суммарная длина рек, км	%
Мельчайшие	<10	7304	94,2	15590	53,5
Самые малые	10–25	305	3,9	4582	15,7
Малые	26–100	116	1,5	4641	15,9
Средние	101–500	25	0,3	3650	12,5
Большие	>500	1	0,1	662	2,4
Всего	-	7751	100	29125	100

Потребность в водных ресурсах промышленных предприятий определяется, главным образом, особенностями технологических процессов. В довоенные годы на Кубани строились десятки новых крупных промышленных предприятий и реконструировались старые заводы и фабрики. Получила развитие пищевая промышленность, которая и теперь базируется на собственном сельскохозяйственном сырье. В эти же годы сформировался топливно-энергетический комплекс края, началось освоение месторождений нефти, несколько позднее — природного газа. В 50-е годы в крае создаются крупные предприятия легкой промышленности. В 60–90-е годы продолжается дальнейшее развитие машиностроительного комплекса. В химической отрасли освоен выпуск минеральных удобрений (азотных и фосфорных), серной кислоты.

В постсоветский период произошли существенные сдвиги в динамике и структуре промышленности. Падение объемов промышленного производства в крае началось с 1990 г. За 1991 г. это снижение составило 0,8%, в том числе производство потребительских товаров — 3,5%, а продовольственных даже 6% по сравнению с 1990 г. Но особенно тяжелым был 1994 г., когда производство всех видов промышленной продукции по сравнению с 1993 г. сократилось на 22,9%. При этом производство продуктов питания и других товаров народного потребления сократилось (в зависимости от видов продукции) на 5–50%, а бытовой электротехники даже на 80%, производство строительной техники, автомобилей, сельскохозяйственных машин на 35–70%. К 1996 г. по уровню промышленного развития край был отброшен на четверть века назад — к началу 1970-х гг[3].. Пищевая промышленность остается на ведущих позициях в течение всего рассматриваемого периода. В отраслевой структуре пищевой промышленности преобладают отрасли: сахарная, хлебопекарная, кондитерская, ликероводочная, мясная и молочная, рыбная.

В промышленном водопотреблении Краснодарского края велика доля ТЭЦ. Часть потребности удовлетворяется за счет оборотного использования, остальное — за счет забора воды из Кубани. Безвозвратные потери составляют 8,37 млн. м^3 в год для Армавирской и Краснодарской ТЭЦ[4].

На Кубани возделывается более 50 различных видов сельскохозяйственных культур. Однако наибольшее воздействие на водные ресурсы края оказало развитие в регионе рисосеяния. Широкому развитию рисосеяния способствовало строительство Краснодарского водохранилища сезонного регулирования стока р. Кубань.

Гидротехнические преобразования, проведенные в бассейне Кубани привели к значительным гидрологическим изменениям, отраженным в работах И. А. Шикломанова[5], а позднее, в работах[6] и др. С 1960–1970-х гг. водохозяйственная деятельность стала оказывать на процессы стока р. Кубань действие, сопоставимое по масштабу с природными факторами. При условно естественном режиме (1929–1948 гг.) в дельту Кубани поступало в среднем 12,9 км^3 воды в год. В 1949–1966 гг. эта величина сократилась до 11,9 км^3/год, а в 1967–1972 гг.— еще на 1,4 км^3/год. Это уменьшение стока было связано с его изъятием на хозяйственные нужды. В 1973–1986 гг., в условиях зарегулированного стока, приток воды в дельту достиг наименьшего значения — 9,2 км^3/год. В целом, внутригодовое распределение стока воды стало более равномерным, максимальные расходы воды заметно снизились; минимальные расходы воды изменились мало. Сооружение Краснодарского водохранилища, кроме того, изменило направленность русловых процессов на нижней Кубани.

В то же время, влияние безвозвратного водопотребления на промышленно-коммунальные нужды, потерь на дополнительное испарение с поверхности водохранилищ и на сельскохозяйственное водоснабжение частично компенсируются

---

[1] Жирма В. В., Тхагапсо Ф. А. О комплексном использовании водных ресурсов Краснодарского края//Географические исследования Краснодарского края: сб. науч.тр. Вып. 4. – Краснодар: КубГУ, 2009. С 152–158.

[2] Краснодарский край 1937–2007: Юбилейный статистический сборник/РОССТАТ. - Краснодар: Краснодарстат, 2007. - 414 с.

[3] Рябошапко В. П. Промышленность//Экономическая география Краснодарского края. – Краснодар, 2011. С 118–141.

[4] Жирма В. В., Тхагапсо Ф. А. О комплексном использовании водных ресурсов Краснодарского края//Географические исследования Краснодарского края: сб. науч.тр. Вып. 4. – Краснодар: КубГУ, 2009. С 152–158.

[5] Шикломанов И. А., Хорецкая А. С. Оценка изменений стока р.Кубани под влиянием хозяйственной деятельности//Труды ГГИ, 1975, вып. 229, С. 55–71.

[6] Магрицкий Д. В., Иванов А. А. Оценка влияния водохозяйственных мероприятий на режим стока Нижней Кубани//Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. География. 2003, № 5. С. 46–54.

осушением ранее затопленных земель, обвалованием русел и другими факторами хозяйственной деятельности в бассейне Кубани, способствующими некоторому сокращению непродуктивных потерь и увеличению стока воды. Безвозвратное водоснабжение промышленности и населения составляло в 1966 г. всего 0,072 км^3/год, а в 1975 и 1980 гг. — 0,2 и 0,3 км^3/год соответственно. Потери на испарение с поверхности прудов и водохранилищ, видимо, не превышают 0,4 км^3/год (в том числе с Краснодарского водохранилища — 0,27 км^3/год)[1].

Важнейший аспект использования водных ресурсов в хозяйстве — обеспечение их высокого качества. В водные объекты бассейна реки Кубани со сточными водами сбрасывается более 100 тыс. т загрязняющих веществ в год, из которых Краснодарский край дает 43,2 тыс. т. Из загрязняющих веществ, поступающих со сточными водами в бассейн Кубани (по данным ФГУ «Управление «Кубаньмелиоводхоз»), наиболее характерны хлориды (22%), взвешенные вещества (22%), сульфаты (38%), кальций (4,7%), органические вещества по БПК5 (2,5%). Крупнейшие очистные сооружения в крае — МУП «Водоканал» (г. Краснодар) мощностью 147,0 млн. м^3/год и ГУП «Армавирводкомплекс» — 36,5 млн. м^3/год.

Хозяйственная деятельность отражается на структуре ионного стока (ИС). В течение условного естественноисторического (природного) гидрохимического фона (1936–1955 гг.) пространственно-временная структура компонентов ИС р. Кубань оставалась стабильной[2]. Преобладающими здесь были гидрокарбонаты, а среди катионов — кальций, что вполне естественно для речной системы данных широт, питание которой складывается в высокогорье. Соотношение всех ионов, кроме SO_4^{2-}, а как следствие и HCO_3, оставалось стабильным. Ниже г. Невинномысска (1936–1955 гг.) отмечались лишь определенное снижение доли HCO_3 с 61 до 41% и увеличение доли SO_4^{2-}, с 10 до 28%. Далее по течению, у г. Краснодара, происходило восстановление доли HCO_3 за счет впадения таких горных левых притоков как Уруп, Лаба, Белая, вода которых является ультрапресной гидрокарбонатной класса кальция. Пространственно-временная структура ионного стока р. Кубань на современном этапе существенно отличается. Максимальная нарушенность ИС р. Кубань наблюдается ниже г. Невинномысска. Доминирующим среди анионов становится SO_4^{2-} (44%). В свою очередь среди катионов начинает преобладать $Na^+ + K^+$ (13%). Далее по течению доля гидрокарбонатов вновь растет (37%), тогда как сульфатов — падает. Описанные изменения привели к изменению границ гидрохимических провинций и к появлению двух новых провинций — провинции гидрокарбонатно-натриево-магниевых гидрохимических фаций речных вод и провинции гидрокарбонатно-кальциево-натриевых фаций речных вод[3].

Рыбное хозяйство, будучи непосредственным потребителем водных ресурсов, одновременно ограничивает использование поверхностных водных ресурсов другими отраслями в интересах сохранения воспроизводственных условий для проходных и полупроходных рыб. Фонд рыбохозяйственных водоемов на территории Краснодарского края обеспечивал в благоприятные предвоенные годы совокупный вылов рыбы в объеме 120 тыс. т в год, причем ценные виды: осетровые, рыбец, шемая, судак, тарань, сазан, лещ составляли более 43 тыс.т, или 35,8%[4]. В послевоенные годы, за счет усиления антропогенного давления на природные объекты (строительство плотин и водохранилищ, уменьшение поверхностного стока, обмеление нерестилищ, загрязнение рек и водоемов и т. д.), отмечалось непрерывное сокращение запасов рыбы по всему Азово-Кубанскому региону. В процессе рыбохозяйственного освоения водных ресурсов территории, помимо вопросов формирования ихтиофауны, естественного воспроизводства, рыбоводных работ, промысловых нагрузок и регулирования рыболовства, неизбежно возникают проблемы, связанные с возможностью регулирования расходов воды. В маловодные годы интересы рисового мелиоративного комплекса вступают в противоречие с потребностями рыборазведения. Требуется оптимизация уровенного режима Краснодарского водохранилища, особенно в период массового нереста рыб с учетом нужд всех водопользователей и совершенствование всей системы комплексного использования водных ресурсов.

Таким образом, водные ресурсы Краснодарского края, являясь определяющим фактором развития для ведущих отраслей хозяйства региона, испытывают возрастающее антропогенное давление. Процесс оценки, прогноза и оптимизации использования водных ресурсов края осложняется особенностями их формирования и неравномерным распределением по территории. Сложная система перераспределения воды в рисовых оросительных системах Краснодарского края, обусловливает значительные потери воды и затраты на обслуживание.

Решение вопросов эффективного использования водных ресурсов затрудняется сложностью состава и многофункциональностью водохозяйственного комплекса Краснодарского края, наличием множества водопользователей и определяется эффективностью взаимодействия всех участников хозяйственной деятельности в бассейне.

Список литературы:

1. Жирма В. В., Тхагапсо Ф. А. О комплексном использовании водных ресурсов Краснодарского края//Географические исследования Краснодарского края: сб. науч.тр. Вып. 4. — Краснодар: КубГУ, 2009. С 152–158.
2. Жирма Вл. В., Пейсахович А. Н., Жирма В. В. О техногенных изменениях химического состава речных вод Краснодарского края//Известия Самарского научного центра РАН. Том 13 (39), № 1 (6), 2011. С 1430–1432.
3. Коняев С. В., Белоногов В. А., Торсуев Н. П. Колебания ионного стока р. Кубань вследствие антропогенного воздействия//Известия РГО, 2002. Т. 134. Вып. 5. С 48–53.
4. Краснодарский край 1937–2007: Юбилейный статистический сборник/РОССТАТ. — Краснодар: Краснодарстат, 2007. — 414 с.

[1] Магрицкий Д. В., Иванов А. А. Оценка влияния водохозяйственных мероприятий на режим стока Нижней Кубани//Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. География. 2003, № 5. С. 46–54.

[2] Коняев С. В., Белоногов В. А., Торсуев Н. П. Колебания ионного стока р. Кубань вследствие антропогенного воздействия// Известия РГО, 2002. Т. 134. Вып. 5. С 48–53.

[3] Жирма Вл. В., Пейсахович А. Н., Жирма В. В. О техногенных изменениях химического состава речных вод Краснодарского края//Известия Самарского научного центра РАН. Том 13 (39), № 1(6), 2011. С 1430–1432.

[4] Тхакушинов А. К., Галкина Р. В., Шеуджен А. Х., Галкин Г. А. Экология Северо-Западного Кавказа: Опыт управления природопользованием//Вестник Краснодарского научного центра Адыгской (Черкесской) международной академии наук. – Краснодар, 1999, вып. 6, С 113–124.

5. Магрицкий Д. В., Иванов А. А. Оценка влияния водохозяйственных мероприятий на режим стока Нижней Кубани//Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. География. 2003, № 5. С. 46–54.
6. Рябошапко В. П. Промышленность//Экономическая география Краснодарского края. — Краснодар, 2011. С 118–141.
7. Тхакушинов А. К., Галкина Р. В., Шеуджен А. Х., Галкин Г. А. Экология Северо-Западного Кавказа: Опыт управления природопользованием//Вестник Краснодарского научного центра Адыгской (Черкесской) международной академии наук. — Краснодар, 1999, вып. 6, С 113–124.
8. Шикломанов И. А., Хорецкая А. С. Оценка изменений стока р.Кубани под влиянием хозяйственной деятельности//Труды ГГИ, 1975, вып. 229, С. 55–71.

Zhirma Valeryi Valerievic, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor Department of Physical Geography Kuban State University

Pagul Inna Igorevna, Masters student in the major «Physical geography» Kuban State University

Fomenko Natalia Vladimirovna, Masters student in the major «Physical geography» Kuban State University

Shcheglova Zemfira Petrovna, Senior Lecturer at the Department of Physical Geography Kuban State University

Жирма Валерий Валерьевич, Доцент кафедры физической географии Кубанского государственного университета

Пагул Инна Игоревна, Студентка магистратуры направления физическая география Кубанского государственного университета

Фоменко Наталья Владимировна, Студентка магистратуры направления физическая география Кубанского государственного университета

Щеглова Земфира Петровна, Ст. преподаватель кафедры физической географии Кубанского государственного университета

Problems of water usage in household and community services of Krasnodar region

Проблемы водопользования в жилищно-коммунальном хозяйстве Краснодарского края

Российское хозяйство водоемко. При этом, в России используется не более 2% речного стока, 63,8% используемой воды составляет пресная вода из поверхностных источников. Около 20% воды уходит на хозяйственно-питьевые нужды. Одна из важнейших проблем в водохозяйственном комплексе России — большие потери воды в системе жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

К водопотребителям ЖКХ относятся: население городов и поселков, предприятия бытового обслуживания населения, объекты обслуживания населений, объекты здравоохранения, рекреации и др.

Физический износ водопроводных сетей в России составляет 65% (334 тыс. погонных километров). Нуждаются в замене, то есть фактически находятся в критическом состоянии 34% из этих 65% (176 тыс. км), и утечки составляют больше 3 км^3 воды в год. Потери воды в системе ЖКХ сопровождаются нанесением, помимо экономического и экологического, еще и значительного социального вреда, потому что состояние водопроводных сетей наносит колоссальный ущерб здоровью населения. Это основной источник не только утечек, но и поступления грязи в саму сеть из-за перепадов давления в сетях[1].

В постсоветский период в структуре водопользования Краснодарского края доля жилищно-коммунального хозяйства составляет около 10% (2010 г.). За исследуемый период эта доля изменяется от 7,6% (1991 г.) до 11,9% (1998 г.) В отдельные годы (1999 г.) имеет место сокращение использования воды на хозяйственно-питьевые нужды при одновременном увеличении использования воды на сельхозводоснабжение. В 2000 г. наблюдается обратный процесс[2]. Описанные колебания объясняются особенностями методики первичного учета, при которой объемы воды, используемые сельскохозяйственными предприятиями на питьевые и хозяйственные нужды населения, относятся на нужды сельскохозяйственного водоснабжения[3].

Важнейшей проблемой водопользования в ЖКХ — высокая степень изношенности водопроводных систем как городов, так и сельских поселений. Потери при транспортировке в сетях могут достигать 25–40%[4]. В объемы таких потерь главный вклад вносит водное хозяйство крупных городов края.

Нужды предприятий ЖКХ в Краснодарском крае обеспечиваются на 80% из подземных источников. Помимо артезианских скважин, в водоснабжении Краснодара участвуют скважины дренажной завесы Краснодарского водохранилища. Краснодарское водохранилище обеспечивает увеличение эксплуатационных запасов пресных подземных вод г. Краснодара и обеспечивает возможность использования на хозяйственно-питьевые нужды дренажных вод инженерной защиты правого берега водохранилища со среднемесячными запасами в 166 м^3/сутки.

---

[1] Фирсова Е. Ю. Научные основы ресурсосбережения в водохозяйственном комплексе России (по материалам докладов на заседании Отделения наук о Земле РАН)//Вестник ОНЗ РАН, ТОМ 2, Z2003, doi:10.2205/2010NZ000011, 2010.

[2] Доклады «О состоянии природопользования и об охране окружающей среды Краснодарского края» (1995, 2005–2010). – Краснодар, 1996, 2006–2011.

[3] Жирма В.В, Фоменко Н. В., Жирма Вл. В. Коммунально-бытовое водопользование в Калининском районе///Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий: материалы XXIII Межресп. науч.– практ. конф. с междунар. участием/отв. ред. М. В. Нагалевский. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. – С. 133–134.

[4] Жирма Вл. В. Экономико-географические аспекты освоения водных ресурсов Краснодарского края: автореф. дисс…. канд. геогр. наук. – КубГУ, Краснодар, 2012. – 24 с.

Объем подаваемой воды практически во всех городах края недостаточен для удовлетворения коммунальных и производственных нужд, поэтому во многих случаях вода подается по графику[1]. В Краснодаре проблема усугубляется несоответствием производительности водопроводящих сетей темпам развития города. В центральных районах города большую часть дня давление в сетях не достаточно.

Из Кубани водоснабжение населения, с/х и промышленных предприятий производится в Успенском районе и в г. Армавире. В среднем, для нужд Краснодара отбирается из поверхностных источников 141,5 млн. м^3, из подземных — 612,3 млн. м^3; для Армавира — 11,8 и 12,8 млн. м^3 соответственно.

Еще одним нерешенным вопросом остается очистка сточных вод. В крупных городах в общем объеме сточных вод, сбрасываемых в реки бассейна, от 15% до 100% составляют загрязненные стоки. Строительство и реконструкция очистных сооружений в бассейне Кубани в период с 1992 г. по 1997 г. практически были прекращены.

Характерным примером ситуации с водоснабжением сельских поселений в крае является использование воды в коммунальном хозяйстве Калининского района. Системы водоснабжения населенных пунктов многофункциональны. Они используются для питьевого, бытового, хозяйственного, производственного и противопожарного водоснабжения[2]. Обеспечением подачи воды населению на коммунальные нужды в районе занимается Калининский филиал ГУП «Крайводоканал», который обслуживает Калининское, Старовеличковское, Бойкопонурское, Долиновское, Васильевское, Джумайловское, Журавлевское, Зареченское, Рашпилейвское, Северное, Масенковское, Лебеди, Гривенское сельские поселения. Вода добывается из подземных источников и подается населению (на питьевые нужды) и предприятиям. Скважины расположены на территории района.

Соотношение объемов добычи и реализации воды иллюстрирует рис. 1. Очевидно, что объемы добытой воды превышают количество реализованной. При этом разница доходит до 64% (ст. Гривенская). Это связано со значительными потерями при добыче, транспортировке, а также расходом воды на пожаротушение. Значительные потери при транспортировке объясняются в первую очередь катастрофическим состоянием системы трубопроводов, начало эксплуатации большинства из которых, приходится на середину прошлого века (табл. 1). Потери принято делить на учтенные и неучтенные. Неучтенные потери составляют 29–34% (в среднем 32%) и рассчитываются предприятиями, а учтенные составляют 10% и расчеты поводит специализированное предприятие ГУП «Крайводоканал».

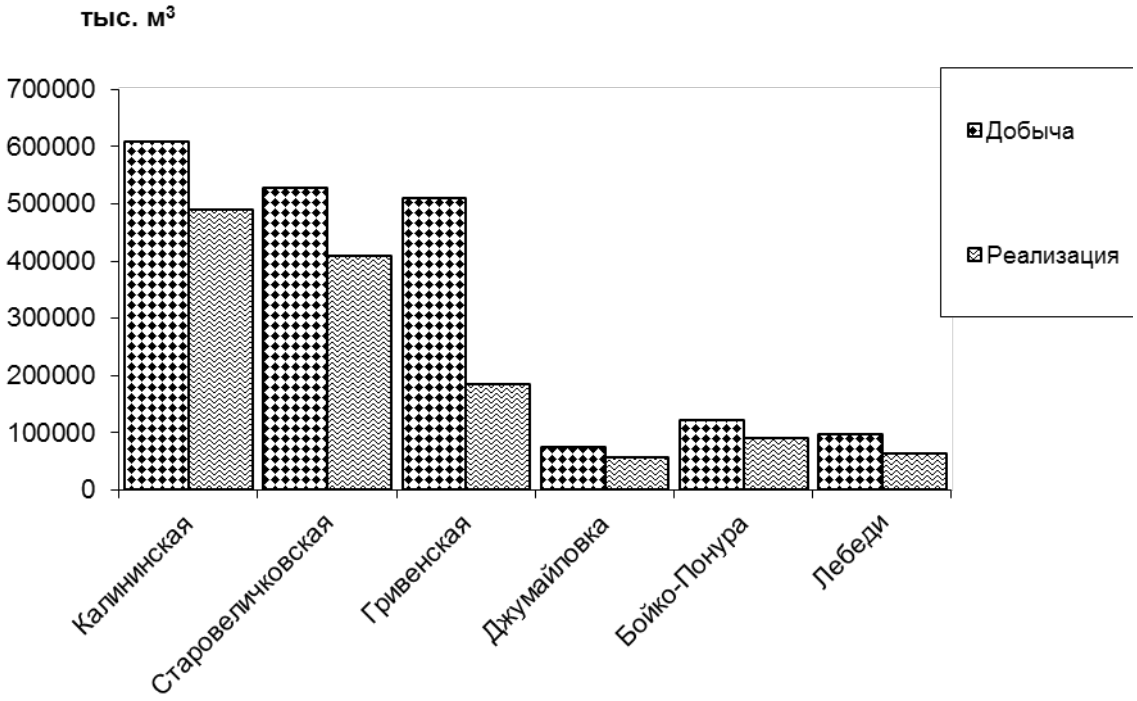

Рисунок 1 — Добыча и реализация питьевой воды в населенных пунктах Калининского района Краснодарского края (по данным ГУП «Крайводоканал»)

Таблица 1 — Сведения о магистральных трубопроводах по водоснабжению в Калининском районе Краснодарского края (по данным ГУП «Крайводоканал»)

Сельский округ	Населенный пункт	Год ввода в эксплуатацию (год реконструкции)	Степень износа,%
Калининский	ст. Калининская	1956 (1995)	78
Джумайловский	х. Джумайловка х. Заречный х. Журавлевка	1950 (1980)	70
Гривенский	ст. Гривенская	1960 (1989)	60
Старовеличковский	ст.Старовеличковская	1985 (2004)	47

[1] Вода России. Речные бассейны/Под научн. ред. А.М. Черняева; ФГУП РосНИИВХ. – Екатеринбург: Аква-пресс, 2000. – 536 с.

[2] Комплексное использование водных ресурсов. – М., 2005. – 384 с.

В Краснодарском крае реализуется ведомственная целевая программа «Развитие водоснабжения населенных пунктов Краснодарского края», предполагающая проведение ряда мероприятий по оптимизации системы водопользования, среди которых замена технического обеспечения автоматизированных систем управления, анализ утечек в водопроводных сетях на объектах жилищно-коммунального хозяйства, анализ санитарно-технического состояния водопроводных сетей, сооружений, качества питьевой воды, предоставление субсидий из краевого бюджета местным бюджетам муниципальных образований Краснодарского края с целью развития водоснабжения населения. Оценка эффективности реализации программы (по данным Департамента ЖКХ Краснодарского края) приводится в табл. 2.

Таблица 2 — Оценка эффективности реализации программы «Развитие водоснабжения населенных пунктов Краснодарского края» в 2011 г. (по данным Департамента ЖКХ Краснодарского края)

Наименование индикатора целей Программы	Планируемый	Фактический
Протяженность отремонтированных сетей водоснабжения, км	230,0	479,5
Количество населенных пунктов, в которых улучшено водоснабжение, единицы	80	327
Количество отремонтированных сооружений водоснабжения, единицы	80	300
Доля потерь воды в системах водоснабжения при ее добыче и транспортировке,%	39	38,9
Доля населения, населенных пунктов, обеспеченных питьевой водой,%	75,5	83,5

Таким образом, главными проблемами водопользования в ЖКХ Краснодарского края следует признать высокие непроизводительные расходы, обусловленные изношенностью трубопроводных водопроводящих систем. Несмотря на значительный объем выполняемых работ по реконструкции, доля потерь воды при добыче и транспортировке практически не меняется.

Список литературы:

1. Вода России. Речные бассейны/Под научн. ред. А. М. Черняева; ФГУП РосНИИВХ. — Екатеринбург: Аква-пресс, 2000. — 536 с.
2. Доклады «О состоянии природопользования и об охране окружающей среды Краснодарского края» (1995, 2005–2010). — Краснодар, 1996, 2006–2011.
3. Жирма В.В, Фоменко Н. В., Жирма Вл. В. Коммунально-бытовое водопользование в Калининском районе///Актуальные вопросы экологии и охраны природы экосистем южных регионов России и сопредельных территорий: материалы XXIII Межресп. науч.– практ. конф. с междунар. участием/отв. ред. М. В. Нагалевский. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2010. — С. 133–134.
4. Жирма Вл. В. Экономико-географические аспекты освоения водных ресурсов Краснодарского края: автореф. дисс… канд. геогр. наук. — КубГУ, Краснодар, 2012. — 24 с.
5. Комплексное использование водных ресурсов. — М., 2005. — 384 с.
6. Фирсова Е. Ю. Научные основы ресурсосбережения в водохозяйственном комплексе России (по материалам докладов на заседании Отделения наук о Земле РАН)//Вестник ОНЗ РАН, ТОМ 2, Z2003, doi:10.2205/2010NZ000011, 2010.

Kostkina Alexandra Dmitrievna, Russian University of Peoples' Friendship
student at the Department of Applied Ecology
Косткина Александра Дмитриевна, Российский университет дружбы народов,
студентка кафедры прикладной экологии

Natural resource potential of Khabarovskiy Krai

Природно-ресурсный потенциал Хабаровского края

На сегодняшний день стратегической целью государственной политики на востоке страны является ускоренное формирование эффективной и конкурентоспособной экономики, обеспечивающей достойное место российского Дальнего Востока в интеграционном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Хабаровский край (рис. 1) выступает одним из ключевых проводников политики государства на Дальнем Востоке.

Рис. 1. Хабаровский край на карте России

Краю отведено ведущее место в реализации стратегических направлений развития Дальневосточного региона, поскольку он имеет выгодное географическое положение, благоприятный для развития агропромышленного комплекса (АПК) климат, а также располагает огромным природно-ресурсным потенциалом. Рассмотрим последний более подробно.

Хабаровский край обладает большими и разнообразными природными богатствами — земельными, водными, лесными и другими биологическими ресурсами вод и суши, многочисленными полезными ископаемыми. По многим из них край занимает важное место на Дальнем Востоке и даже в стране (лес, ценные виды рыб и пушных зверей, руды черных, цветных и драгоценных металлов, водные ресурсы и др.).

В крае насчитывается 29 видов охотничьих животных и около 70 видов птиц. Основными объектами промысла являются копытные (лось, изюбр, косуля и др.), пушные (соболь, белка, колонок и др.), бурый медведь. Промышленные заготовки природных растительных продуктов (папоротник, ягоды, грибы, лекарственное сырье и др.) имеют социальную направленность, являясь одним из основных видов деятельности жителей отдаленных поселков и традиционным промыслом коренных малочисленных народов Севера края.

Земельные и лесные ресурсы. Почти вся территория Хабаровского края занята землями, дающими биологическую продукцию (табл. 1). Среди них наиболее интенсивно используются сельскохозяйственные угодья[1] (табл. 2), общая площадь которых 665,5 тыс. га (0,8% земельного фонда края), в том числе: пашня 98,2 тыс. га (0,1%), многолетние насаждения — 16,8 тыс. га, сенокосы — 402,1 тыс. га (0,5%), пастбища — 123,4 тыс. га (0,2%). Более 17 млн. га занимают оленьи пастбища (21,6% территории края).

Таблица 1. Земельный фонд Хабаровского края

Землепользователи, категории земель	Площадь, тыс. га	Доля,%
Земли сельскохозяйственных предприятий, организаций и граждан	375,7	0,5
Земли населенных пунктов	420,3	0,5
Земли промышленности транспорта, обороны связи и иного назначения	268,1	0,3
Лесной фонд	73707,5	93,6
Водный фонд	961,4	1,2
Государственный земельный запас	1384,1	1,8
Заповедники	1646,2	2,1
Всего земель	78763,3	100

Таблица 2. Сельскохозяйственные угодья

Категории земель	Площадь, тыс. га	Доля,%
Сельскохозяйственные угодья, в том числе:	665,6	100
Пашня	98,2	14,8
Многолетние насаждения	16,8	2,5
Сенокосы	402,1	60,4
Пастбища	123,4	18,5
Залежь	25,1	3,8
	Площадь (тыс. га)	Доля (%) в общем объеме земельных ресурсов
Оленьи пастбища	17044,6	21,6

Необходимо также отметить, что Хабаровский край является одним из крупнейших в России лесосырьевых районов (табл. 3). Запас древесины в лесах края составляет четверть запасов по Дальнему Востоку и более 6% от запасов древесины в целом по России[2]. Весь лесной фонд края находится в государственной собственности. Общая расчетная лесосека по краю составляет 24,1 млн. куб. м. в год, а экономически доступная лесосека при современном уровне технологии — 15,6 млн. куб. м. древесины в год[3]. Общая покрытая лесом площадь составляет около 51 млн. га.

Леса в крае разнообразны по составу (табл. 4). В расчете на 1 га покрытой лесом площади запасы варьируют от 40–70 м^3 в светлохвойных лесах Охотского побережья (север края) до 150–160 в кедрово-широколиственных лесах на юге. Преобладающими являются хвойные леса, которые занимают более 84% площади, покрытой основным лесообразующими породами и более 88% от общего их запаса.

Таблица 3. Распределение лесного фонда по категориям земель по состоянию на 01.01.2009 г.

Показатели	Площадь, тыс. га	Удельный вес,%
Общая площадь земель лесного фонда	73707,5	100
в том числе:		
Лесные земли	59581,4	80,8
из них:		
Покрытые лесной растительностью	53010,2	71,9
Не покрытые лесной растительностью	6571,2	8,9
Нелесные земли	14126,1	19,2

[1] Природные ресурсы//Сервер Правительства Хабаровского края [Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/5A40315DC1F14362CA256524001A4F2C?OpenDocument

[2] Стратегия развития Хабаровского края//Федеральный справочник Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://federalbook.ru/news/analitics/2.06.2010.html

[3] Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. 4 ДВ МЭФ, том 1. – Хабаровск, 2009. С. 101.

Таблица 4. Породный состав лесов

Основные лесообразующие породы	По площади		По запасу	
	Тыс. га	%	Млн. м^3	%
Всего	44528,7	100	4849,6	100
в том числе:				
Хвойные	37450,7	84,1	4279,2	88,2
из них:				
Лиственница	28122,7	63,2	2839,5	58,6
Ель, пихта	7664,4	17,2	1224	25,2
Кедр	538,2	1,2	100,9	2,1
Твердолиственные	1486,5	3,3	175,8	3,6
Мягколиственные	5591,5	12,6	394,7	8,1

Запас спелых и перестойных пород в крае превышает 3 миллиарда куб. метров (табл. 5). Из них возможные к эксплуатации по ландшафтным и лесорастительным условиям составляют около 50%.

Таблица 5. Возрастная структура лесов

Основные лесообразующие породы	По площади		По запасу	
	Тыс. га	%	Млн. м^3	%
Всего	44528,7	100	4849,6	100
в том числе:				
Молодняки	8070,3	18,1	217,9	4,5
Средневозрастные	10536,9	23,7	982,7	20,3
Приспевающие	3903,6	8,7	647,3	13,3
Спелые и перестойные	22017,9	49,5	3001,7	61,9
Из них возможные для эксплуатации	8831,4	19,8	1446,8	29,8

Биологические ресурсы. Среди недревесных ресурсов Хабаровского края особую ценность представляют уникальные дальневосточные лекарственные растения — женьшень, элеутероккок, лимонник, аралия, ряд травянистых. Перспективна добыча эфирных масел и живицы хвойных деревьев[1]. Значительное место имеют пищевые ресурсы — кедровые и другие орехи, дикорастущие ягоды, грибы, папоротник. В крае произрастает много медоносных древесных и травянистых растений; богат и разнообразен животный мир. В зоне хвойных лесов обитают копытные (лось, изюбр, кабан, косуля, кабарга), пушные (соболь, колонок, лисица, белка, ондатра, выдра, бурый медведь, волк и др.), на Крайнем Севере — северный олень, горностай, росомаха. В лесах края встречаются рысь, черный (гималайский) медведь и уссурийский тигр, успешно акклиматизировалась американская норка. Надо сказать, что соболь, а также норка, белка, колонок, ондатра — главные объекты охотничьего пушного промысла.

На территории края имеются большие запасы водоплавающей и боровой дичи. К охотничьим угодьям отнесены до 98% территории края, но возможности промысла используются еще недостаточно[2].

Реки края очень богаты рыбой. В одном только бассейне Амура насчитывают 99 видов рыб, 95 из них пресноводные. По видовому составу рыб Амур занимает первое место среди рек России. Сюда проникли северные формы (кета, сиги, налим, хариус), южно-китайские (толстолобик, китайский окунь) и индийские (змееголов, касатки). До 20 видов рыб — эндемики (амурский осетр, калуга, амурская белуга). Важное промысловое значение имеют проходные рыбы (кета, горбуша, кижуч, чавыча), поднимающиеся на 500–1000 км от устья к нерестилищам вверх по Амуру и его притокам. Некоторые рыбы стали редкими и внесены в Красные книги: сахалинский осетр, камчатская семга, черный амур и китайский окунь.

Значительные биологические ресурсы сосредоточены в прибрежных водах Японского и особенно Охотского морей. В северном охотоморье обитает основное на Дальнем Востоке стадо тихоокеанской сельди. Промысловое значение имеют навага, камбала и некоторые другие виды рыб, моллюски, водоросли, а также морские животные.

Водные ресурсы. В Хабаровском крае насчитывается около 210 тысяч рек общей протяженностью приблизительно 584 тыс. км. Большинство из них принадлежит системе Амура — одной из самых крупных рек в России. Его общая длина — 4440 км, в том числе более 1500 км на территории края. Он несет через край огромную массу воды, выливая ниже города Николаевска-на-Амуре в Охотское море в среднем за год 346 км^3.

Крупнейшие притоки Амура в пределах Хабаровского края — Уссури, Амгунь, Бикин, Анюй, Тунгуска. Обширная территория на севере края относится к бассейну реки Лена (река Мая и другие). Кроме того, в крае насчитывается свыше 58 тысяч озер. Крупнейшие из них находятся в бассейне реки Амур: Чукчагирское, Болонь, Орель, занимающие площадь 300–370 км^2. Учитывая характер рельефа Хабаровского края, можно утверждать, что регион обладает высоким гидроэнергетическим потенциалом. Реки в крае в подавляющем большинстве своем имеют характер горный, со значительным уклоном русла, высокими скоростями течения, поэтому очень перспективно строительство ГЭС (на сегодняшний день в крае нет ни одной). Хотя на данный момент их использование во многих случаях ограничено, так как по многим рекам идут на нерест проходные лососи.

[1] Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. 4 ДВ МЭФ, том 1. – Хабаровск, 2009. С. 112.

[2] Природные ресурсы//Сервер Правительства Хабаровского края [Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/5A40315DC1F14362CA256524001A4F2C?OpenDocument

Приливы и отливы, создаваемые притяжением луны, могут служить альтернативным источником энергии. В районах, где высота приливов достаточно велика, чрезвычайно выгодно установка приливных электростанций. Так, в Тугурском заливе Охотского моря уровень морских приливов достаточно часто превышает 15 метров. Таким образом, использование энергии приливов для обеспечения энергией Хабаровского края является целесообразным.

Климатические ресурсы. Климат Хабаровского края носит муссонный характер, в связи с чем летом преобладают ветры южно и юго-восточного направлений, а зимой, наоборот, северные и северо-западные. Немалое влияние на направления ветром оказывает рельеф местности. Так, летом в Эворон-Чукчагирской впадине преобладают ветры северных направлений. Средние скорости ветра в Хабаровском крае колеблются в пределах от 1 до 7 м/с — в зависимости от рельефа, подстилающей поверхности, близости к морю и других факторов. Поэтому использование ветра в качестве источника альтернативной энергии является на территории Хабаровского края вполне перспективным. Единственное, что следует учитывать при установке ветряков — то, что ветряки не в состоянии обеспечить постоянное поступление энергии потребителю.

Минеральные ресурсы. Хабаровский край также располагает огромными запасами полезных ископаемых (рис. 2).

На его территории имеются залежи каменного и бурого угля. Промышленные запасы каменного угля превышают 1 млрд. тонн, прогнозные ресурсы коксующихся углей — 4 млрд. тонн. Каменный уголь, месторождения которого связаны с юрскими отложениями, добывается в Буреинском бассейне. Бурый уголь расположен в Среднеамурском бассейне с прогнозными ресурсами — 7 млрд. тонн. В крае выявлено Адниканское месторождение углеводородного сырья в пределах Верхнебуреинской впадины. Перспективны Аянская, Южно-Кухтуйская, Охотская впадины и Северо-Сахалинский прогиб Охотского шельфа.

Рис 2. Миниральные ресурсы Хабаровского края (общий план)

Предварительная оценка ресурсов нефти и газа составляет 500 млн. тонн. Помимо этого, Хабаровский край является одним из крупнейших поставщиков оловянного сырья. Имеются семь крупных оловорудных районов. Добыча и обогащение оловянных руд ведется в Комсомольском рудном районе. Месторождения руды, образовавшиеся в связи с мезозойским магматизмом, комплексные, содержат промышленные концентрации олова, меди, серебра, вольфрама, висмута, индия[1]. Поисково-оценочными работами определены перспективы разработки месторождений титаносодержащих комплексных руд. Сырьем для алюминиевой промышленности могут стать алунитовые руды в Нижнем Приамурье[2]. Кроме глинозема из них попутно могут производиться калийные удобрения, серная кислота, коагулянт; запасы руд практически не ограничены. В пределах Буреинского и Ингилийского массивов выявлен бериллий, а в Аяно-Майском районе найдены крупные запасы циркония. В Удско-Шантарском рудном районе есть проявления фосфоритов, их суммарные ресурсы оцениваются в 90 млн. тонн пятиокиси фосфора. Крупные запасы апатитовых руд сосредоточены в Джугджурском и Баладекском массивах. Попутно могут извлекаться титан, ванадий, железо и полевошпатовый продукт. Прогнозные ресурсы комплексных руд составляют около 100–130 млрд. тонн.

[1] Минеральные ресурсы//Сервер Правительства Хабаровского края [Электрон. ресурс] - Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/E5523FAACC04EBF9CA256524001A4F27?OpenDocument

[2] Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. 4 ДВ МЭФ, том 1. – Хабаровск, 2009. С. 152.

Железные руды сосредоточены в двух железнорудных районах: Джугджурском (ресурсы оцениваются в 6,6 млрд. тонн) и Удско-Селемджинском (1,6 млрд. тонн). Марганцевые руды широко распространены в Удско — Шантарском районе. Прогнозная оценка ресурсов — 30 млн. тонн. Хромитовые руды встречены в породах Кондерского месторождения платины. В пределах Хабаровского края золото, месторождения которого связаны с мезозойскими (позднемеловыми) интрузиями, добывается главным образом из россыпей. Прогнозные ресурсы коренного золота в 5–6 раз превышают сумму разведанных запасов. В комплексных золотосеребряных, полиметаллических и других рудах содержится серебро.

Кроме перечисленных видов минерального сырья в крае имеются цеолиты, каолиновое сырье, цементное сырье, базальты и др. Значительны запасы минерально-строительного сырья, а также камней самоцветов, агатов, яшмы, халцедонов, ряда других поделочных и облицовочных разновидностей камней. В болотах и озерах значительны запасы торфа и сапропеля. Разведаны и эксплуатируются месторождения термальных и питьевых минеральных вод[1].

Приоритетными направлениями развития минерально-сырьевой базы края являются поиск и разведка коренных месторождений благородных металлов, олова, меди, угля, редких и редкоземельных металлов, освоение перспективных нефтегазоносных площадей на материковой части в пределах континентального шельфа.

Предоставление в пользование месторождений полезных ископаемых, участков недр проводится путем проведения конкурсов, международных тендеров.

Список литературы:

1. Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. 4 ДВ МЭФ, том 1. — Хабаровск, 2009. — 247 с.
2. Минеральные ресурсы//Сервер Правительства Хабаровского края [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/E5523FAACC04EBF9CA256524001A4F27?OpenDocument
3. Природные ресурсы//Сервер Правительства Хабаровского края [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://gov.khabkrai.ru/invest2.nsf/General_ru/5A40315DC1F14362CA256524001A4F2C?OpenDocument
4. Стратегия развития Хабаровского края//Федеральный справочник [Электрон. ресурс] — Режим доступа: http://federalbook.ru/news/analitics/2.06.2010.html

Mironenko Inna Vladimirovna, Makeeva Olga Evgenievna
The Far Eastern Federal University, the branch in the town of Arsenyev

Geoecological aspects of the wildlife management of river basins in the south of the Far East

The fact that the accumulated in the western regions of Russia experience based on the average climate characteristics while planning and managing the various branches of the national economy is not acceptable for the Far East indicates the peculiarities of the wildlife management and production organization in the south of the Far East. (Avdeev, Baklanov, Konovalenko). Peculiar properties of physical geography of the region result in the variety of climatic condition from sharply continental to monsoonal and it caused unevenness in settlement and development of the region. The climate is determined by the interaction of continental and marine air masses in temperate latitudes. The Far East monsoon climate covers the Amur region and Primorsky Krai. As a result, the biggest Far Eastern river the Amur and its tributaries spill not in spring but in summer and this leads to catastrophic flooding. At the same time a very short but warm summer allows to develop farming in the in the open field. In the south of the Far East temperature total above 100^0 C is 2200–24000, vegetation period is 5–6 months, average rainfall is 500–600 mm, winter average rainfall is 120–170 mm, and January average temperature is –150 C -18^0 C.

The real conditions of the growing season in the Far Eastern region partly correspond to the conditions of more northern Russia regions rather than to chernozem and non-black centers located on the same latitude.

Taking into consideration the rivers peculiarities one can predict the pollution of the region and ecological situation as follows:

• rivers have rain power, it makes farming difficult; summer rains cause floods but winter period is characterized by low-expenditure of water and freezing of the rivers; last factors cause oxygen deficiency in the winter river waters, that practically eliminates their capacity to cleanse themselves;

• the length of many rivers is not big: less than a hundred kilometers, rarely 100–200 kilometers, it greatly reduces the possibility of self-purification of the rivers and increases the danger of pollution river basins and waters of the Far Eastern shelf.

In the 20th century the population in the sparsely populated Far East began to grow rapidly due to the development of industrial production. In 1980 the population was 7 million people. The increase in population occurred on account of natural increase as well as mechanical growth mainly on account of mobilization people from populous European regions for large construction projects. The current population of the Far East is more than 7.6 million people. The urban population is 76%. The Far East is the most sparsely populated region in the Russian Federation. The average population density is 1.2 persons per 1 km2. The highest population density in the south of the Far East is more than 12 persons per 1 km2. Nowadays general situation of instability and declining of living standards have affected demographic situation considerably. Since 1993 there is an unsatisfactory situation in natural population growth. It is also important to note that deficient infrastructure of settlements makes it necessary to improve adaptation to local environmental conditions from an environmental point of view.

The Far East has rich resources. All branches of market specialization are based on the use of local natural resources. Since 1924 began the formation of resource-type operational nature management (Sheyngauz A. S., 1987). Especially valuable are the forests. In the far eastern south, where summers are warm and humid, coniferous-deciduous forests grow. Here there are the northern and southern species of animals. In the south of the Far East there are such Siberian species as reindeer, sable, squirrel; and such southern species as the Amur tiger, spotted deer, black bear and raccoon dog.

[1] Материалы пленарных заседаний и рекомендации круглых столов. 4 ДВ МЭФ, том 1. – Хабаровск, 2009. С. 156.

The resources of the Far East rivers and seas are very diverse. In the first place by value are species of salmon — chum, pink, sockeye, chinook, that come to spawn into the Amur River and other rivers in the Far East. The Far East specializes in the cultivation of soy.

Natural resources are of great importance for the development of the region. Ferrous metals and rare metals are important for many regions of the Russian Federation. Deposits of ore and placer gold are found in basins of the rivers Zeya, Amur, Bureya and on the slopes of the Sikhote-Alin. In the spurs of the Sikhote-Alin tin, tungsten and lead-zinc ores are found and developed. There are a great number of relatively small coal basins in the south of the Far East. The coal mining industry is very important for the energy sector of the region, but the situation in the industry becomes worse and nowadays it is a very powerful source of environmental pollution.

Together with the favorable economic and geographical conditions in the south of the Far East the pressure of negative factors increases. First of all these are extreme climatic conditions, poor developing and remoteness of the region from the industrialized areas of the country, inaccessibility of much of the territory, lack of perfect roads, instability and outflow of the population.

Current structure of the economy is one of the main deterrents. Inefficient industrial structure of the economy, in which the share of extractive industries in the volume of production is 30%, while the share of specialization industries (forestry, fishing, mining), with backward technology and equipment is more than 50%, causes extremely adverse situation in the period of transition to a market economy (Бусыгина, 1995). It also creates numerous additional environmental problems.

Chronic retardation of production infrastructure, firstly transport and energy, is compounded by unfavourable condition in the fields of specialization. Grave situation is in the fuel and energy complex due to lack of funds. The reproduction of the mineral resource potential of the region is broken. In a state of crisis are forestry and fisheries complexes.

Decline in production, chronic insolvency and inflation influenced the financial situation of enterprises. During 1994 and the 1st half of 1995 industry of the Far East had the highest comparative loss figures in comparison with the volume of industrial production. It impacts particularly on areas with resource specialization. Difficult conditions of life, raw material orientation of the economy, high capital intensity of the economic development of the territory, increased transportation costs due to geographic remoteness puts the region at a distinct disadvantage in modern rapidly changing conditions. Shortages in the region have become chronic through poor contractual practices. At the same time share of local food production does not exceed 30% of the needs.

Poor support of farms, sometimes food shortages force people to become poachers. Poaching is thriving in the Far East; it causes significant damage to the environment.

As we see, most enterprises are idle due to the crisis in the country; others do not operate at full capacity. On the whole, it slightly improves the environment. But the consequences of the crisis (the spread of poaching, poor social situation of the population) worsen. The number of diseases grows. For example, the number of cases of viral infections and cancer increased. Recently, there was a growth in electric power industry. This trend is observed against the background of a sharp fall in other sectors. The increase in the share of electric power indicates the increase in energy production. Unfortunately, this trend continues to persist to the detriment of the environment.

One of serious problems is the noncomplex use of natural resources, as a result, only the most affordable and high-quality mineral deposits are developed because they are less expensive for mining and processing. But in the end this leads to higher costs for continued operation.

General state of the environment in the region is characterized by an imbalance of nature managing, that is violation of relevant development and distribution of material production, population distribution and ecological capacity. Unique space-time variability of the natural environment defines much less stable ecosystem in the Far East compared to the western regions of Russia. This instability increases from south to north as it can be seen from the climate change. Low degree of stability of ecosystems extremely complicated and sometimes totally excludes the operation in the same area at the same time more than one resources. For example, the development of alluvial deposits or the development of the chemical industry and the production of red caviar and so forth.

These examples are typical for the Far East, as rivers and seas are of great importance for the region. Many companies, related to mining and chemical industries, poured their wastes directly into the sewage. Method of dealing with pollution of river water based on the ability of rivers to cleanse is now often used. Meanwhile the hydrological characteristics of the Far East show that self-purification capacity is low due to oxygen deficiency and small length of the rivers. So, this method is to calculate the necessary wastewater dilution and the degree of purification.

The method of "dilution" does not fit since it will lead to the pollution of waters of the shelf and to seafood poisoning by heavy metals. Data on anthropogenic pressures on coastal areas of marine water say: the main sources of marine pollution are sewage (including economic and industrial effluents). This leads to tragic consequences, as due to the introduction of the 200-mile economic zone by many states biological resources of the Far Eastern seas become particularly important in providing seafood. And besides, of all the water areas of the country, shelves of the Far Eastern seas are most favorable to the breeding of mariculture. Mining activities are very harmful for the environment now. Somewhere even there is a danger of such disasters as environment poisoning with cyanides and acid effluents. The coal industry is one of the challenges of industries due to its impact on the environment. The main directions of these negative effects are: ground and surface waters pollution, air pollution, land pollution with mining and processing of coal and oil shale waste. The most specific components of coal enterprises wastewaters are suspended solids, petroleum products, mineral salts, heavy metal salts, organic compounds; phenols, trace elements, etc. are less common. Unfortunately, the amount of wastewater discharge exceeds the allowable limit. Elimination of harmful impacts of the mining industry in the Far East is carried out by building mining and quarry waters purification plants and by improving the efficiency of existing structures and land reclamation.

Environmental situation in the major coal regions continues to be generally poor but in 1994 slight improvement of environmental indicators appeared in coal mining industry. The construction of new enterprises began to take into account the current environment requirements. The Bureya hydroelectric power station was designed with minimizing damage to the environment. The power station will not lead to ecological imbalance, cultural and practical value of the natural complex will not be significantly disrupted. The appearance of water storage basin contributes to the reproduction of forests. It will provide conditions for the spread of new species of water birds as well as mammals (muskrat, mink, otter). On the whole The Bureya hydroelectric power station provides power to consumers in the south of the Far East, reduces the delivery of fuel to the region, increases the reliability of power supply, and improves social and environmental conditions of the population.

Among the environmental problems of the southern Far East are forest fires, the effects of typhoons, floods, accidents at industrial sites. It should be noted that in some areas the recovery of previous biogeocenoses is impossible. Only 75% of disturbed land can be recultivated.

It should be noted that the appearance of some of the environmental problems at present is inevitable due to the economic crisis. There is no money to fix these problems since all funds go to the development of production and in many places extensive mode of development (the most resource-intensive) is used. But it is also clear that further deterioration of the environment will only aggravate the general crisis and would harm to the population — potential labor force and to non-renewable resources.

However, some companies pay a lot of attention to the environmental conditions and take actions: update obsolete equipment, set new cleaners, etc.

Summing up the above, we can conclude that:

• the current practice of management in the Far East does not take into account local characteristics of climatic conditions, an extremely low reduction potential of ecosystems, does not provide the management, protection and restoration of natural resources;

• extensive, debilitating use of natural resources has worsened the potential of self-reproduction of renewable natural resources;

• unique natural features are side by side with areas of tense environmental problems; extensive use of natural resources, the development of environmentally hazardous industries have resulted in potential sources of social tension;

• environmental activity in conditions of unstable economic and socio-political situation becomes more difficult, there is no effective monitoring system for environmental conditions, for monitoring environmental change under the influence of economic activity.

These problems must be solved. Currently, a lot of projects on ecological situation improvement are created both in certain regions and in the Far East in general. The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences has developed a long-term program of Nature Protection and for the rational use of natural resources of the Far East. The program is based on the principles of rational use of natural resources, unique species preservation and reducing genetic consequences of environmental pollution.

According to the created projects, common features of the further development of the region are: ecological mechanisms promoting environmental protection should be involved:

• tax exemption of environmental funds;

• transmission of a part of environmental funds on a contractual basis to enterprises, institutions, organizations to find solutions of critical environmental issues;

• application of preferential crediting companies, institutions and organizations effectively performing environmental protection regardless of their ownership.

The priority objectives of interregional schemes are:

• ensuring environmental security and stable development of natural and economic systems through the implementation of agreed decisions in regional development;

• mutual cooperation in solving environmental and natural resources problems;

• ensuring the interests of Russian Federation in the interregional and global environmental issues;

• creating a network specially protected natural areas.

Ideally, nature, society and economy should coexist harmoniously, without interfering with each other.

References:

1. Avdeev Y. A, Baklanov P. Y., Konovalenko V. G. The Far East features in connection with the problem of environmental management.//Rational use of natural resources in the Far East. — Vladivostok: Far East Scientific Center of the USSR, 1981
2. Busygina I. E. The Russian Far East.//World Economy and International Relations. — № 5–1995.
3. Sheyngauz A. S. Taking care of the forest. Khabarovsk book Publishers, 1987.
4. 240 pages.
5. Environmental aspects of development of the productive forces of the Far East — Moscow: Nauka, 1992
6. The southern part of the Far East. Nature and Natural Resources. Moscow: Nauka, 1969. 422 pages.
7. Khristoforova N. K. Environmental problems in the region: the Far East — Primorye: Vladivostok, Khabarovsk: Khabarovsk. Book Publishers, 2005. 304 pages + color section on 8 pages.

Olinichenko Irina Vasilivna
regional municipal higher educational institution "Strategy", the Institute for Entrepreneurship

Олиниченко Ирина Васильевна,
ОКВУЗ «Институт предпринимательства «Стратегия»,
старший преподаватель кафедры «Учет и аудит»

Interests of the stakeholders in the system to ensure the economic security of the region

Интересы заинтересованных сторон в системе обеспечения экономической безопасности региона

В настоящее время существенным фактором, определяющим развитие стран и регионов является учет интересов заинтересованных в этом процессе сторон. Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что управление регионом переживает сложную трансформацию, обусловленную: усилением хозяйственной самостоятельности регионов и смещением экономических реформ на региональный уровень, что предполагает необходимость учета специфики каждого региона; преобладанием частного капитала в важнейших производящих отраслях, заставляющих искать новые косвенные методы госу-

дарственного регулирования региональной экономики; отставанием в развитии теории регионального управления от практики реформирования экономики региона. Так, попытки обновления системы управления регионом осуществляются без необходимой теоретической проработки, многие из предпринимаемых мер носят спонтанный и конъюнктурный характер[1].

Анализ практики показывает, что зачастую региональные стратегические планы развития региона, на разработку которых было потрачено немало ресурсов, оказываются своеобразной данью моде и одним из необходимых атрибутов органов управления, главной целью которых является получение денежных средств из государственного бюджета.

Теория стейкхолдеров как основа развития модели управления предприятием в последнее время находит широкое применение в различных сферах экономики, к числу которых относится и региональная экономика[2]. Между тем каждый вид экономической безопасности хозяйственной системы того или иного уровня имеет специфические особенности, которые необходимо учитывать при выборе методов ее оценки. Очевидно, что внешнеэкономическая безопасность государства имеет определенные отличия от экономической безопасности региона, и оценивать эти виды безопасности по единому шаблону было бы методологически некорректно.

Теория стейкхолдеров (от англ. stakeholder — «владелец доли, получатель процента») предусматривает, что управление и формирование целей должны быть с учетом интересов разных сторон. В общем смысле под стейкхолдерами региона понимают индивидуумов или организации, чьи интересы существенно связаны с данной территорией и чьи ресурсы позволяют качественно влиять на ее развитие или чьи интересы могут быть затронуты в процессе развития региона.

Одним из инструментов, который дает возможность выявить и проанализировать отношения региона и его стейкхолдеров есть теория заинтересованных сторон (stakeholder theory). Основным предметом исследования данной теории является взаимодействие разных стейкхолдеров, что преследуют свои интересы, которые связаны с функционированием некоторого региона. Следует заметить, что теория заинтересованных сторон потенциально не обходит вниманием ни одну из сторон, и, больше того, по нашему мнению смысл и причина функционирования региона именно есть в удовлетворении всех законных интересов его стейкхолдеров[3].

Таким образом, исходя из определения категории «экономическая безопасность», как меры гармонизации во времени и пространстве экономических интересов региона с интересами связанных с ним субъектов внешней среды и их частичную защищенность от угроз, экономическую безопасность можно считать одним из направлений использования теории заинтересованных сторон.

Рассмотрим ключевые положения этой теории относительно региональной экономики:

— регион имеет отношение с большим количеством стейкхолдеров, что складывают его окружения, которые влияют или на которых могут повлиять условия функционирования и развития региона;

— теория занимается природой этих отношений: процессами и результатами, которые их сопровождают;

— интересы всех стейкхолдеров потенциально имеют право быть принятые во внимание и при возможности — удовлетворены.

Во время проведения анализа стейкхолдеров региона (Stakeholder Analysis), полезным является классификация разных стейкхолдеров графическим образом[4], согласно их интересов, объему власти, позиции относительно стратегических целей развития региона или методов их реализации. Для этого можно использовать специализированные методы отображения стейкхолдеров.

Использование инструментов Stakeholder Mapping (Систематизация заинтересованных сторон) является процессом создания изображений для уточнения положения стейкхолдеров региона, к ним относят такие как[5]:

1. матрица «власть/динамизм». Эта матрица классифицирует стейкхолдеров по отношению к власти, которой они владеют, и динамизму их положения. Недостатком вышеприведенной матрицы является невозможность учитывать срочность усилий для обеспечения экономической безопасности региона.

2. Матрица «власть/интерес». Эта матрица классифицирует стейкхолдеров по отношению к власти, которой они владеют, и мере их интересов. Матрицу «власть/интерес» можно использовать для выявления вида отношений между регионом и стейкхолдерами. Критический подход к этой матрице выявляет невозможность учитывать законность интересов и срочность их согласования.

3. Модель (Accountability Scorecard) ASC. Относительно экономической безопасности региона содержание модели (Accountability Scorecard) ASC заключается в том, что регион и его стейкхолдеры соединяются двумя типами связей — взносами и стимул-реакциями. Но данная модель имеет два недостатка: во-первых не берется к вниманию регулярность осуществления действий, а во-вторых не учитывается частота подобного обмена действиями.

4. Модель «коалиции влияния» стейкхолдеров рассматривает как единое противоречивое целое, равнодействующая интересов частей которого будет определять траекторию эволюции региона». Партнерство может осуществляться в форме одинарных, двойных и многосторонних связей. Чем больше связей, тем гибче координация как стратегических, так и тактических целей, в результате чего усиливаются позиции всех участников сети.

5. Матрица цель/интерес. Цели основных субъектов целеполагания в регионе (стейкхолдеров — физических и юридических лиц), определяются спецификой их интересов в сфере экономической безопасности региона, которые проявляются в их взаимодействии.

---

[1] Бамбаева, Н. Я. Методика разработки и реализации стратегического плана социально-экономического развития территории/Н. Я. Бамбаева, А. С. Борзова//Региональная экономика: теория и практика – 2006. – № 7(34). – С. 20–24.

[2] Unido Technology Foresight Manual. United Nations Industrial Development Organization. Vienna, 2005. Vol. 1.

[3] Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения//Вестник СПбГУ. Сер.8. 2004. Вып. 2. (№ 16) – С. 51–68.

[4] Графическое представление групп заинтересованных сторон. Объяснение Stakeholder Mapping (Систематизации заинтересованных сторон) режим доступа http://www.12manage.com

[5] Вдовенкова Т. Ю. Система субъектов целеполагания в разработке стратегии развития региона//Электронный журнал ВлГУ, № 18, декабрь 2007г., (часть 2) [Электронный ресурс] Режим доступа:http://journal.vlsu.ru/index.php?id=892

Таким образом, по рассмотрении основных моделей идентификации стейкхолдеров в контексте их влияния на экономическую безопасность региона можно сделать следующий вывод, что ни одна из рассмотренных моделей (в чистом виде) не позволяет идентифицировать того или другого стейкхолдера по мере влияния на экономическую безопасность региона через наличие определенных недостатков:

а) матрица «власть/динамизм» — не учитывает срочность усилий для обеспечения экономической безопасности региона;

б) матрица «власть/интерес» — невозможность учитывать законность интересов и срочность их согласования;

в) модель (Accountability Scorecard) ASC — не берется во внимание регулярность осуществления обмена взносами и стимул-реакциями, и не учитывается частота подобного обмена;

г) модель «коалиции влияния» наиболее подходит для выявления стейкхолдеров экономической безопасности региона, но не предполагает выработки стратегических альтернатив, а только перечисляет «силу влияния» и «угрозы влияния».

д) матрица цель/интерес. Недостатком является тот факт, что каждый из стейкхолдеров может в разной степени влиять на действия других, но ни один из них не в состоянии полностью предопределить к чему приведут ни эти действия ни результаты их осуществления.

С точки зрения синергетического подхода поведение региона, как организации, направлено, главным образом, не на реагирование после случившегося, постфактум (устранение последствий, адаптацию к среде), а на предвидение, упреждающие действия. Поведение становится не только активным, но и проактивным, что позволяет региону не только обеспечивать экономический рост, но и свое качественное изменение, т. е.социально-экономическое развитие[1].

По нашему мнению одним из основных элементов обеспечения экономической безопасности региона является разработка системы учета целей и интересов стейкхолдеров и их гармонизация с целями обеспечения экономической безопасности региона. Важность данного элемента заключается в том, что на основе такой гармонизации определяются стратегии регионального развития.

Целенаправленность — ориентация мер, действий субъектов хозяйствования, участников социально-экономических процессов на достижение выбранных, установленных, предписанных целей. Данный термин получил развитие в рамках программно-целевого подхода. Система целей развития региона высшего уровня включает: обеспечение экономической безопасности и предотвращение угроз, повышение уровня и качества жизни населения, экономический рост, устойчивое развитие[2].

Необходимо отметить, что стратегические цели присутствуют в планах у всех областей, однако к разработке стратегических планов практически не привлекаются стейкхолдеры. Участие стейкхолдеров в разработке, реализации, мониторинге и оценке стратегических планов регионов пока сводится к минимуму[3].

Таким образом, проведенное исследование показало, что в настоящее время использование теории стейкхолдеров является необходимым условием повышения эффективности управления регионом и обеспечения его экономической безопасности.

Список литературы:

1. Бамбаева, Н. Я. Методика разработки и реализации стратегического плана социально-экономического развития территории/Н. Я. Бамбаева, А. С. Борзова//Региональная экономика: теория и практика — 2006. — № 7 (34).
2. Вдовенкова Т. Ю. Система субъектов целеполагания в разработке стратегии развития региона//Электронный журнал ВлГУ, № 18, декабрь 2007 г., (часть 2) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://journal.vlsu.ru/index.php?id=892
3. Жилкин, С. Ф. Стратегирование в региональном развитии/С. Ф. Жилкин, А. В. Князева//Вестник СамГУ — 2006. –№ 8 (48).
4. Графическое представление групп заинтересованных сторон. Объяснение Stakeholder Mapping (Систематизации заинтересованных сторон) режим доступа http://www.12manage.com
5. Петров М. А. Теория заинтересованных сторон: пути практического применения//Вестник СПбГУ. Сер.8. 2004. Вып. 2. (№ 16).
6. Райзберг Б. Целенаправленность как фактор эффективности государственного регулирования//Экономист. — 2010. — № 4.
7. Шеховцова Л. Концептуальные основы стратегического управления регионом//Вестник МГТУ. — 2006. — Т. 9. — № 4. — С. 690–693. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vestnik.mstu.edu.ru/v09_4_n24/articles/33_shekh.pdf
8. Unido Technology Foresight Manual. United Nations Industrial Development Organization. Vienna, 2005. Vol. 1.

Irina Savchenko
Eastern European national university by Lesya Ukrainka
Assistant of country studies and international relations department

The features of territorial-political system's spatial organization in Volyn region of Ukraine

At the present time of research the urgency of the problems of social and political development of the population and improve the local control systems of social life are growing and they are closely connected with state regional policy. The basic territorial unit to which this policy is directed — an administrative region in Ukraine. There is a selection of regional areas rank as the most effective facilities planning, forecasting and management of all kinds of social activities, including not only the economic sphere, but also social, cultural, religious and political activities of the population, which increases the relevance of all social and geographical research at the regional level.

This geographical position of Volyn region defined not only the peculiarities of economic, social, ethnic, and other mental factors operating in society, but also form a special model of their combination, which resulted in the extent and results of their influence on political life.

[1] Шеховцова Л. Концептуальные основы стратегического управления регионом//Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9. – № 4. – С. 690–693. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vestnik.mstu.edu.ru/v09_4_n24/articles/33_shekh.pdf

[2] Райзберг Б. Целенаправленность как фактор эффективности государственного регулирования//Экономист. – 2010. – № 4. – С. 83–90.

[3] Жилкин, С. Ф. Стратегирование в региональном развитии/С. Ф. Жилкин, А. В. Князева//Вестник СамГУ – 2006. –№ 8(48). – С. 84–98.

The influence of the political sphere to the development of socio-economic processes, the existing forms of regional policy and the problem of interaction with other components of the socio-geographical complex in terms of geography, especially at the regional level are poorly understood. Therefore, investigation of territorial-political system (TPS) administrative region in order to improve the system of political accommodation facilities and its development is very relevant from the standpoint of social geography.

Despite the global model study of TPS (V. A. Kolosov)[1], and evaluation of contemporary political-geographical study of Ukraine (O. I. Shabliy, M. S. Dnistryansky)[2], the regional level of TPS research is far behind. The scientific research on the prevalence of various political organizations, geography of a particular political institution, the TPS development in general in the country can made only on the basis of regional research and then on the basis of detailed results generalize to larger levels.

This will take into account the specificity of each administrative unit and the results of research in general will have a profound analysis. That's why the fact that the basis of functional structures TPS are not only historical and national

principles, but also the factor of political and geographical location, local impacts (population and settlement system with different substructures, the influence of local environmental conditions, socio-economic and political and legal factors, etc.). The important thing is that at the regional level territorial differences placement of TPS are well traced and it is better to investigate the functioning of all structural components.

At the regional level we can explore the features of functional component separation of political institutions according to the main forms of territorial concentration, to explore the possibility of overcoming regional disparities in the relative position of ethnic groups and their typical political forms, to identify the main problems of TPS.

The main functional spatial-temporal form of existence of the political system from the standpoint of social and geographical science is a territorial-political system — TPS which is arising in a particular area and operate under the influence of its natural geographic, socio-economic, political and legal factors in the evolutionary and historical perspective.

For the purpose of complex social and geographical research TPS we propose the following point form of its territorial organization such as political-territorial places and centers, and areal: basic, bottom, district, interregional, regional TPS.

Political-territorial place is an elementary form of territorial organization TPS, the lowest possible carrier of the political differences that characterized relative homogeneity influence of local factors on TPS and as a result, it characterize by high electoral and party homogeneity and has a small radius of influence (usually, in Volyn region this characteristic best suited for small rural settlements). Every political-territorial place has its own specifics, which depend on local conditions and of the functional content and purpose of a territorial element. There are the following forms of territorial point of TPS in Volyn region:

1) the primary political-territorial places with minimal network of political organizations. These are villages, which are not centers of local councils. Here are 1–2 seats of political parties. The zone of influence is limited to an area of settlement. This type includes 332 elements;

2) primary political-territorial places with a developed network of political organizations. These are villages, which are centers of local councils (with subordinate one locality), and operate several local political organizations. The zone of influence also spread to neighboring villages. This type includes 68 items (for example, Olenyne, Pishchane, Lypne, Omelne, Pisochne, Uhovetsk, Kolpytiv, Kruhynychi, Butsyn, Zhuravlyne, Pulemets and others.)

3) local political-territorial places with a developed network of political organizations. These are villages, which are centers of local councils (with some subordinate settlements), and operates several local political organizations. The zone of influence extends to subordinate local council neighboring settlements. This type includes 317 elements;

4) local political-territorial places interregional importance. These are settlements — urban villages (with subordinate settlements, or without them), and small towns which are not district centers. In such political-territorial elements are also local organizations of political parties. The zone of influence of these elements may be distributed to subordinate settlements. This type includes 15 political-territorial places (Berestechko, Ustylug, Maryanivka, Senkevychivka, Torchyn, Olyka, Tsuman, Rokyni, Dubysche, Holoby, Lyublynets, Lukiv, Kolky, Holovne, Zabolottia).

Political-territorial centers of regional importance — the localities that are centers of administrative districts, have developed in quantitative and qualitative terms a network of political organizations which spread its influence on all district. There are public authorities, local governments, and numerous regional and local organizations of political parties. This type forms one element (urban village Shack).

Political-territorial centers inter-district importance — is the settlements, which are formed on the basis of urban settlements and carry out inter-district function (presence of network inter-governmental bodies — the tax authorities, prosecutors, military, security, etc.) and spread their influence into several administrative districts. This type includes the city Kivertsi, Horohiv, Lyuboml, Rozhysche, Kamin-Kashyrskyy, Ratne, Manevychi, Lyubeshiv, Ivanychi, Lokachi, Stara Vyzhivka, Turiysk.

Political-territorial centers interregional importance — is the settlements, which are formed on the base of cities of regional subordination, which perform the function of inter-district and are separate administrative territorial units and spread their influence into several administrative districts. This type of point elements territorial structure includes Kovel, Vladimir-Volynskiy, Novovolynsk, Luck.

Together with its zones of influence spatial elements of the territorial structure of Volyn region TPS forming territorial systems of different hierarchical levels: elementary systems, which are all rural settlements in the territory which operates at least one political institution (397 systems); bottom systems — all settlements that are of a village, town or city council, and urban villages without subordinate settlements and cities of regional subordination (332 systems), district systems (16 systems, including the administrative districts and cities of regional subordination); inter-regional systems (4 subregions); regional system (the whole territory of the region, which is part of the Western political and geographic region of Ukraine).

---

[1] Колосов В. А. Территориально-политическая организация общества: автореф. дисс. … д-ра геогр. наук./В. А. Колосов. — М.: ИГАН, 1992. — 42 с; Колосов В. А. Геополитика и политическая география: учебник для вузов/В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.

[2] Дністрянський М. С. Політична географія та геополітика України: навч. посібн./М. С. Дністрянський. — Тернопіль: Навч. книга — Богдан, 2010. — 344 с; Соціально-економічна географія України: навч. посібник/за ред. проф. Шаблія О. І. — Вид. друге, перероб. і доп. — Львів: Світ, 2000. — 680 с.

Within Volyn region elementary political-territorial systems in the period between elections is rural settlements, which provided a political institution. They include, as a rule, the local branch of the party (parties) and limited to one rural settlement. The functions of such system are the primary socialization, formation of political orientations population, adaptation of its territory to the national and global political influence. In Volyn region located 1,054 villages, but only 727 (69%) are elementary TPS. In the election period, the number of elementary TPS increases due to operation of polling stations in localities that are not centers of village councils. Calculation of the radius of accessibility to polling stations in region showed some regional differences. Particularly for rural polling stations small radius accessibility (2–4 km) is in the southern and central part of region (except Manevitskiy district). In the northern part the growth of the radius of accessibility to 6–8 km in Ratne and Kamin-Kashyrsky districts across considerable distances villages. At this territorial level can notice differences in political attitudes of population.

The bottom systems provide integration of elementary TPS, transfer of control pulses from the national level to elementary TPS. These systems consist of all settlements that are part of a village, town or city council. In addition, the bottom systems include townships and cities that are not district centers. Integrating political sphere only its own population, they include a significant number of political institutions, and therefore can't be attributed to elementary TPS. In Volyn region there are 240 bottom TPS, which include 7 city, 21 settlements and 212 rural councils. Among village councils of region to the bottom TPS does not include 61 separate village, as its influence extends only to their own people, they have not developed complex of political institutions in their territory, so they are elementary TPS.

District TPS (total number in the Volyn region is 16) integrate a bottom TPS exercise of political innovation diffusion, reproduction of the political elite, the transfer of management decisions on a regional and national level to the local level. Regional political centers TPS are regional centers that have developed complex political institutions compared with elementary and bottom TPS.

Existing regional differences in the number and placement of elementary and bottom TPS, and in the presence of political institutions and electoral preferences of population can opportunity to allocate in Volyn four territorial and political subregions — Northern (Lyubeshivsky, Kamin-Kashyrskyy, Ratnivskiy, Starovyzhivskiy, Lubomlskiy and Shatsky districts), Central (Manevichsky, Kovelskiy, Turiyskiy districts), South Eastern (Vladimir-Volynskiy, Ivanychivskiy, Horohivsky, Lokachinsky) and South Eastern (Rozhyschenskyy, Kivertsiskyy and Lutskyy districts) and Lutsk as political-territorial nucleus of regional scale. Accordingly, the combination of inter-regional TPS forms regional system, and the last TPS forms territorial and political system of the state.

Isolation of Lutsk as a separate political and territorial center explained by its difference from other major cities of region large electoral potential of city (4 times higher than in the second town of this region — Kovel) and the role of Lutsk in the formation of TPS whole region.

Thus, the territorial structure of regional TPS characterizes placement agencies and organizations TPS, forms of territorial concentration, the relationship between them and reflects the extent of the political sphere in separate regional administrative units.

Section 11. Agricultural sciences

Kasymov SH.N, Gosudarstvennyyagrarny Tashkent University. Tashkent region, Kibray district, Uzbekistan

Shokirov A.D, Gosudarstvennyyagrarny Tashkent University. Tashkent region, Kibray district, Uzbekistan

Asimov B.D. Gosudarstvennyyagrarny Tashkent University. Tashkent region, Kibray district, Uzbekistan

Касымова Ш.Н., Ташкентский государственныйаграрный университет. Ташкентская область, Кибрайский район, Узбекистан

Шокиров А.Д, Ташкентский государственныйаграрный университет. Ташкентская область, Кибрайский район, Узбекистан

Азимов Б.Д. Ташкентский государственныйаграрный университет. Ташкентская область, Кибрайский район, Узбекистан

Planting dates of cabbage in gray-meadow soils Uzbekistan

Сроки посадки белокочанной капусты в условиях сероземно-луговых почв Узбекистана[1]

По валовому урожаю белокочанная капуста среди овощных культур в Узбекистане занимает четвертое место после томата, маркови и репчатого лука. На 2010 год валовой сбор белокочанной капусты составил 516950 тонн при урожайности с единицы площади 27,4 тонн. Из средней годовой нормы потребления овощей 108 кг, рекомендуемой Министерством здравоохранения Узбекистана, 18,5% приходится на долю белокочанной капусты. Это производимое количество полностью не удовлетворяет потребности населения и консервной промышленности Республики.

Химический состав капусты меняется в зависимости от условий ее выращивания. На сырой вес в белокочанной капусте содержится: 6,1–11,0% сухое вещество, 2,6–5,3%- сумма сахаров, 1,1–2,3% сырой белок и много различных минеральных солей. В капусте содержатся также витамины: С, B_1, B_2, B_3, РР, провитамин А, Д, Е и другие[2].

Капуста обладает лечебными свойствами. В современной медицине капусту вводят в пищевые рационы при сердечно-сосудистых и других заболеваниях а также сок свежей капусты употребляют при заболевании язвы желудка.

Химический состав орошаемых сероземно-луговых почв на глубине 0–44 см в% содержании: гумус- 1,82–1,42; азот-0,173–0,089; фосфор валовой — 0,193–0,127; K_2O — 1,91–1,86; карбонаты — 3,36–4,56; сухой остаток — 0,046–0,044. Сероземно-луговые почвы геоморфологически занимают место между луговыми почвами низких террас и сероземами — высоких. Это отражено в названии и проявляется в свойствах этих почв. Они по механическому составу легкосуглинистые, грунтовые воды в период вегетации белокочанной капусты залегали на глубине более 2,5 м. Предшественник — хлопчатник и колосовые зерновые.

Исследования проводились в 2010–2011 гг на полях фермерского хозяйства «Саркор» Букинского района Ташкентской области. Материалом для исследований служил позднеспелый сорт белокочанной капусты Шаркия-2 включенный в 2002 г в Государственный реестр сельскохозяйственных культур рекомендованных к посеву на территории Республики Узбекистан.

Учеты и наблюдения проводились в соответствии с «Методикой полевого опыта в овощеводстве и бахчеводстве[3]», «Планированием полевого опыта и статистической обработкой его данных[4]», «Основой обработки данных полевых опытов методами вариационной статистики[5]». Площадь каждой делянки — 28 $м^2$, учетной — 14 $м^2$. Повторность — четырехкратная.

Целью настоящей работы являлось изучение виляния сроков посадки рассады на рост, развитие и продуктивность белокочанной капусты при летнем сроке возделывания.

Сроки посадки белокочанной капусты сорта Шаркия-2 оказали определенное влияние на размерно-валовые показатели наружного листа. Длина листа второго варианта (контроль) составляла 32,1 см и первого срока посадки — 33,7 см или на 5,0% больше чем присроке посадки 30.06. Самые низкие показатели по данному признаку были при поздних сроках посадки и составляли 30,4 и 29,3 см или к контролю соответственно 94,7 и 91,3% (табл. 1).

---

[1] Ташкентский государственный аграрный университет. Ташкентская область, Кибрайский район, Узбекистан. Узбекский НИИ овощебахчевых культур и картофеля (УзНИИОБК и К). Кук-сарай, Зангиатинский район, Ташкентская область, Узбекистан.

[2] Ведров Н.Г., Колесняк А.Д. Корреляция. // Основы обработки данных полевых опытов методами вариационной статистики. Методическое пособие. – Иркутск, 1984. – С. 23-30.

[3] Белик В.Ф., Рубин В.Ф., Лукьяненко Д.Е. Общие вопросы методики проведения полевых опытов. // Методика полевого опыта в овощеводстве и бахчеводстве. – Москва, 1979. – С. 5-20.

[4] Доспехов Б.А. Дисперсионный анализ данных наблюдений и учетов. // Планирование полевого опыта и статистическая обработка его данных. – М.: Колос, 1972. – С. 174-182.

[5] Ведров Н.Г., Колесняк А.Д. Корреляция. // Основы обработки данных полевых опытов методами вариационной статистики. Методическое пособие. – Иркутск, 1984. – С. 23-30.

Таблица 1

Влияние сроков посадки белокочанной капусты на размерно-валовые показатели листьев

Сроки посадки	Размер листьев		Площадь листьев одного растения		Масса листьев одного растения	
	длина, см	ширина, см	$см^2$	в% к контролю	кг	в% к контролю
15.06	33,7	32,2	1085	107,6	1,255	110,2
30.06 (контр.)	32,1	31,4	1008	100,0	1,139	100,0
15.07	31,9	31,3	998	99,0	1,080	94,8
30.07	30,4	28,6	869	86,2	1,020	89,6
15.08	29,3	26,8	785	77,9	0,96	84,3
$\overline{X}$	31,5	30,1	949		1,091	95,8

Ширина листа была несколько меньше, чем длина. Здесь от первого срока посадки к последующему отмечено уменьшение ширины листа. Если ширина листа первого срока посадки была 32,2 см, то последнего варианта — 26,8 см или на 20,1% меньше чем первого варианта. Между длиной и шириной листа выявлена сильная корреляционная зависимость (r=0,99±0,08).

Площадь листьев одного растения зависела от их количества, а также длины и ширины листа. Показатель контрольного варианта составил 1008 $см^2$ и он был на 7,6% меньше чем 1-го срока посадки. Площадь листьев последних двух вариантов составляла 869 и 785 г и они соответственно на 24,9 и 38,2% были меньше, чем срок посадки –15 июня.

Масса свободных наружных листьев на одно растение первого срока посадки составил 1,255 кг или на 10,2% больше контрольного варианта. По сравнению с ним с отодвиганием срока посадки на 30 и 45 дней отмечено уменьшение массы листьев и они по отношению к второму сроку составили соответственно 89,6 и 84,%.

Средний показатель ($\overline{X}$) всех морфологических признаков срока посадки был заметно меньше, чем контрольного варианта. Это, по-видимому, объясняется тем, что с сокращением периода вегетации до 60 дней уменьшаются показатели листьев и их масса на одно растение.

Средняя масса кочана контрольного варианта была 2,6 кг и по сравнению с ним на первом варианте их было больше на 3,8%. Масса кочана других вариантов по отношению к контрольному составили от 92,3 до 69,2%. Масса кочана первого варианта была 2,7 кг и по отношению к нему их было меньше на третьем варианте на 12,5%, на четвертом на 35,0% и на пятом — на 50,0%. Разница между 3 и 4 вариантами на 20,0%, а между 4 и 5 вариантами — на 11,1% (табл. 2).

Таблица 2

Влияние сроков посадки на среднюю массу кочана и урожайность сорта Шаркия-2

Сроки посадки	Средняя масса кочана		Урожайность, т/га		Средняя за два года, т/га	в% к контролю
	кг	в% к контролю	2010 г	2011 г		
15.06	2,7	103,8	96,5	78,6	87,6	114,5
30.06 (контр.)	2,6	100,0	83,2	69,7	76,5	100,0
15.07	2,4	92,3	73,0	67,3	70,2	91,8
30.07	2,0	76,9	52,4	62,0	57,2	74,8
15.08	1,8	69,2	40,9	42,5	41,7	54,5
$\overline{X}$	2,3		69,2	64,0	66,6	87,1
$НСР_{05}$			6,2	0,46		
$S\overline{X}$%			2,3	0,59		

В зависимости от сроков посадки урожайность белокочанной капусты по годам исследований варьировала в 2010 г от 96,5 до 40,9 т/га и в 2011 г от 78,6 до 42,5 т/га. Урожайность по годам проведения исследования и средний их показатель от первого срока к последнему стабильно, заметно уменьшались. По обоим годам средний ($\overline{X}$) показатель всех вариантов был меньше, чем данные контрольного варианта.

НСР при 5% уровне составлял 6,2 и 0,46 т/га и они по сравнению контрольного варианта с другими, а также между собой вариантами существенно превышали и урожайность была вполне достоверной.

Сроки посадки оказали определенное влияние на биохимический состав кочанов. В конце вегетации содержание общего сахара на контрольном варианте был 3,18% и по сравнению с ним близкий (92,1%) показатель имел третий срок посадки. По этому признаку данные других вариантов были меньше и составляли от 79,2% последнего срока посадки и 88,4% — первого срока посадки. В зависимости от сроков посадки в кочанах капусты между аскорбиновой кислотой и содержанием сухого вещества корреляционная связь была сильная (r=+91±0,24). На пятом сроке посадки их было меньше на 16,3%, чем на третьем сроке. Разница между другими вариантами была в пределах ошибки опыта и достоверно не превышала содержание общего сахара (табл. 3).

В кочанах наиболее большое содержание сухих веществ отмечено на третьем сроке посадки — 8,35%. Разница между другими вариантами составила: с первым — 4,9%, с 2-и — 4,0 и 4-м — 5,8%. На третьем сроке посадки сухих веществ было существенно больше на 18,8%, чем на пятом сроке посадки.

Все сроки посадки по содержанию аскорбиновой кислоты уступали контрольному варианту. Между общим сахаром и содержанием нитратов в кочанах белокочанной капусты для обратной связи отмеченная корреляции была сильняя — r=-0,87±0,28. По содержанию нитратов в кочанах выделился также контрольный вариант. Там их было всего 17,9 мг/кг продукции и по сравнении с ним 1 и 5 варианты имели одинаковый высокий показатель — 132,4%. Больше нитратов (24,8 мг/кг) было на 4-м и относительно меньше — на третьем сроке посадки. Для стран СНГ установлено предельно допустимое количество содержания нитратов для поздней капусты — 600 мг/кг.

Таблица 3

Влияние сроков посадки на биохимические показатели кочана

Сроки посадки	Общий сахар		Содержание сухих веществ в% на сырую массу	Аскорбиновая кислота, мг/%	Нитраты	
	%	в% к контролю			мг/кг	в% к контролю
15.06	2,81	88,4	7,96	13,8	23,7	132,4
30.06 (контр.)	3,18	100,0	8,03	14,8	17,9	100,0
15.07	2,93	92,1	8,35	14,2	20,6	115,1
30.07	2,73	85,8	7,89	13,6	24,8	138,5
15.08	2,52	79,2	7,03	11,8	23,7	132,4
$\overline{X}$	2,83		7,85	13,64	22,1	

Таким образом, при летнем сроке возделывания оптимальным сроком посадки рассады белокочанной капусты сорта Шаркия-2, способствующим повышению урожайности и улучшению других параметров растений можно считать 10–15 июня.

Список литературы:

1. Балашов Н. Н., Земан Г. О. Капустные растения.//Учебник Овощеводство. — Т.: Укитувчи, 1972. — С. 318.
2. Белик В. Ф., Рубин В. Ф., Лукьяненко Д. Е. Общие вопросы методики проведения полевых опытов.//Методика полевого опыта в овощеводстве и бахчеводстве. — Москва, 1979. — С. 5–20.
3. Доспехов Б. А. Дисперсионный анализ данных наблюдений и учетов.//Планирование полевого опыта и статистическая обработка его данных. — М.: Колос, 1972. — С. 174–182.
4. Ведров Н. Г., Колесняк А. Д. Корреляция.//Основы обработки данных полевых опытов методами вариационной статистики. Методическое пособие. — Иркутск, 1984. — С. 23–30.

Section 12. Sociology

Dashevskaya Irina G.,
Saint-Petersburg State University of Technology and Design, Senior Lecturer
Дашевская Ирина Григорьевна,
Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, старший преподаватель

A structured approach to the definition of the target audience and the choice of media source in the architecture of voice

Структурированный подход к определению целевой аудитории и выбору медианосителя в архитектуре рекламного воздействия

В условиях увеличивающего рекламного шума на первый план выходит обеспечение эффективного взаимодействия между участниками информационного поля. В этой связи актуализируется необходимость размещения рекламы на традиционных СМИ с учётом целевого воздействия на потребителей. Для построения системы коммуникаций, называемой нами архитектурой рекламного воздействия, мы предлагаем включить три последовательных шага: определение целевой аудитории, выбор медианосителя и размещение рекламного сообщения; в рамках данной статьи мы подробнее остановимся на исследовании первых двух шагов.

Поскольку на российском рекламном рынке официальным медиаизмерителем и основным поставщиком данных в области мониторинга рекламы, анализа потребительских является компания NTS Россия, в своей статье мы основывали наш анализ на использовании двух продуктов компании: мультимедийного проекта «Marketing Index»[1] и программного продукта «Galileo». Исследование «Marketing Index» позволило определить целевую группу через анализ потребления, а программа «Galileo» — интерпретировать данные исследования «Marketing Index» и построить таблицы с необходимыми для анализа параметрами.

Перед тем как приступить к основной части данной статьи следует сделать пояснение: в рамках нашего исследования мы рассмотрим далеко не все возможности обозначенных проектов, представляя информацию в упрощённом, более популярном варианте, чтобы привести её к виду, более понятному широкому кругу специалистов по рекламе и маркетингу.

Определение целевой аудитории является первым и самым важным этапом в построении системы коммуникаций: ежегодное увеличение рекламного шума ставит под сомнение эффективность массового, охватного рекламного воздействия, актуализируя целенаправленное воздействие на потребителей. В такой ситуации целевое размещение рекламы обеспечивает как минимум финансовую целесообразность маркетинговых коммуникаций, рекламных в том числе.

Определение целевой группы принято начинать с сегментации по разным потребительским признакам: социальным, демографическим, психографическим, поведенческим и т. д. Предметом нашего исследования выступит гипотетическая компания, специализирующаяся на продаже наручных часов. В данном случае при определении целевой группы мы будем ориентироваться на потребителей, которые носят часы, для чего подвергнем анализу пересечение социально-демографические показателей и потребительского поведения, построив кросс-таблицу в программе «Galileo» (Таблица 1).

Таблица 1. Ношение наручных часов.

		ПОЛ		ВОЗРАСТ						ДОХОД*		
		муж	жен	16–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+	A	B	C
Носят	Universe	631	774	202	178	256	303	178	289	418	554	199
	Sample	316	404	145	104	135	170	73	93	166	307	112
	Affinity	102	98	88	72	112	116	99	111	101	96	106
	Row%	45	55	14	12	18	22	13	21	30	39	14
	Col%	36	34	31	25	39	41	35	39	35	34	37
Не носят	Universe	1 127	1 476	454	526	395	441	333	453	764	1 091	337
	Sample	566	778	356	272	229	206	134	147	355	552	199
	Affinity	99	101	107	115	93	91	100	94	100	102	97
	Row%	43	57	18	20	15	17	13	17	29	42	13
	Col%	64	66	69	75	61	59	65	61	65	66	63

* ряд респондентов отказались отвечать на вопрос по уровню дохода, поэтому показатель Row в данной категории не будет в сумме равен 100%

В Таблице 1 для определение целевой аудитории мы будем использовать несколько показателей (или статистик):

1. Universe — количество человек в группе, исчисляется в тысячах человек; согласно табличным данным, мужчины, носящие часы составляют 631 тыс. чел., а женщины — 774 тыс. чел.

[1] http://www.tns-global.ru/rus/projects/media/multimediaProects/description/

2. Sample — количество респондентов, ответивших положительно на отдельные вопросы анкеты; число таких ответов быть больше 60-ти: меньшая выборка будет влиять на демографические показатели, и анализируемые данные могут быть сильно искривлены. Как видно из таблицы, количество анкет по каждому рассматриваемому показателю заметно превышает порог в 60: мужчины, принявшие участие в опросе составили 316 человек, а женщины — 404.

3. Affinity — индекс соответствия целевой группе (его называют также индексом эффективности или коэффициентом эффективности), — показывает, насколько больше или меньше рассматриваемая категория потребляет продукт или пользуется услугой по сравнению с остальными: если индекс больше 100 — данная группа интересует нас в большей степени. В нашем случае индекс соответствия у мужчин составляет 102, а у женщин — 98, значит, мужчины в качестве целевой аудитории представляют для нас больший интерес.

4. Row% — процент по строке, — демонстрирует отношение *Universe* (в ячейке) к *Universe* (в группе по строке); другими словами, за 100% принимаются мужчины и женщины, носящие часы, при этом, мужчины составляют 45%, а женщины — 55% (см. Таблицу 1).

5. Col% — процент по столбцу, показывает отношение *Universe* (в ячейке) к *Universe* (в группе по столбцу), — означает количество «носителей» часов только среди женщин и только среди мужчин. В нашем случае, если за 100% принять всех женщин, то 34% из них носят часы; если за 100% принять мужчин — 36% из них носят часы.

Подобным образом анализируются возраст и доход респондентов (в последнем случае литера «A» означает низкий уровень дохода, «B» — средний, а «C» — высокий). Сегментируя потребителей по возрастному признаку, можно сказать, что высокий показатель *Affinity* у людей старше 35 лет (исключение составляет группа 45–54 года); всего люди в возрасте старше 35 лет составляют 74% среди всех, кто носит часы (в количественном выражении это порядка 1 026 тыс. чел.). По доходу высокая аффинитивность у людей с низким и высоким уровнем, поскольку эти две аудитории кардинально противоположны, мы не можем их включить в определяемую ЦА. Поэтому в нашем случае мы посчитали целесообразным ввести в анализ так называемую дополнительную «переменную» — ценовой сегмент, в котором работает рассматриваемая фирма. Предположим, что наши часы стоят дорого, поэтому нам будут интересны люди с уровнем дохода «C» (*Row* — 14%, *Affinity*– 106). В этой связи стоит отметить, что анализируемая информация является лишь инструментом в руках исследователя и может интерпретировать через привлечение дополнительных теоретических источников или основе эмпирического опыта.

Продолжая говорить об анализе аудитории, следует заметить, что в некоторых случаях используются другие социально-демографические данные, такие как: социальное положение респондентов, занятость, уровень образования, сфера профессиональной деятельности и другие. В этом случае необходимо учитывать то, что использование большого количества показателей (или «фильтров»), уменьшает число заполненных анкет (*Sample*), искажая анализируемые данные. Поэтому рекомендуется сегментировать аудиторию, применяя не более трёх фильтров, которые наиболее релевантно дадут описательную характеристику целевой аудитории. Наряду с этим и потребительское поведение респондентов тоже может быть подвергнуто анализу через другие показатели, а именно: частоту потребления, намерение приобрести продукт или услугу, отношение к определённой марке и прочее.

Итак, в нашем случае мы сегментировали аудиторию по характеристике «Ношение наручных часов» и определяли её по таким социально-демографическим показателям, как пол, возраст, доход. На основании табличных данных, а так же введя дополнительную переменную, мы делаем вывод о том, что нашей целевой группой являются мужчины старше 35 лет с высоким уровнем дохода.

Определив целевую аудиторию, мы переходим к следующему этапу планирования рекламной кампании — ***выбору медианосителей,*** для чего мы должны определить популярность отдельных медиаканалов среди представителей нашей целевой аудитории.

Итак, в предыдущем разделе мы выяснили, что нашей целевой аудиторией являются мужчины старше 35 лет с высоким уровнем дохода. Для того, чтобы определить рейтинг медианосителей, мы построили медиатаблицы в программе «Galileo», ранжировали медианосители по показателю *Cover* и выбрали первые пять медиаканалов для радио, прессы, метро, рекламы на плазменных панелях в магазинах и наружной рекламы. В таблице 2 представлен рейтинг радиостанций для нашей ЦА.

Таблица 2. Рейтинг радиостанций

	Man 35+ C			
	Cover (000)	Cover%	% of Cover	Conv. Index
Русское Радио	64	24	11	163
Дорожное Радио	63	24	6	97
Наше Радио	54	20	14	214
Авторадио	53	20	10	145
Европа Плюс	48	18	8	116

Для анализа Таблицы 2 мы используем следующие статистические показатели:

1. Cover (000) и *Cover* (%) — аудитория медианосителя (охват) в тыс. чел. и в процентах; как видно из таблицы, количество слушателей «Русского радио» для нашей ЦА составляет 64 тыс. чел. или 24% целевой аудитории.

2.% of Cover — процент нашей целевой группы в аудитории данного медианосителя, то есть, 11% аудитории «Русского радио» является нашей целевой аудиторией.

3. Conversation Index — индекс соответствия целевой группе (по аналогии с *Affinity* — если индекс больше 100 — данная группа интересует нас в большей степени). Для «Русского радио» индекс соответствия имеет высокий показатель — 163.

Рассматривая подобным образом остальные радиостанции, можно сделать ряд выводов. Безусловно, по охвату нам интересны радиостанции, стоящие в первых строках таблицы, однако анализируя другие статистические данные видно, что аффинитивность «Дорожного радио», стоящего на второй строке таблицы, гораздо ниже, чем у «Нашего радио». Более того, количество представителей рассматриваемой целевой аудитории в составе «Нашего радио» — 14%, а слушателей «Дорожное

радио» всего 6% от всех слушателей последнего. Учитывая вышесказанное, а так же руководствуясь экономией бюджета, остановим наш выбор на радиостанции «Наше радио».

Продолжая анализ, рассмотрим популярность остальных медианосителей, подвергая их исследованию, аналогичному при выборе радиостанций. Итак, рассмотрим рейтинг ежемесячных изданий для выбранной ЦА (Таблица 3).

Таблица 3. Рейтинг ежемесячных изданий

	Man 35+ C			
	Cover	Cover%	% of Cover	Conv. Index
Из рук в руки	12	5	5	70
Советский спорт	11	4	13	201
Комсомольская правда	11	4	5	79
Спорт-Экспресс	9	3	14	206
Спорт День за Днем	9	3	25	369

Как видно из таблицы, к первым пяти позициям печатных изданий, интересных с точки зрения размещения рекламы, относятся «Из рук в руки», «Советский спорт», «Комсомольская правда», «Спорт-Экспресс» и «Спорт День за Днем»: совокупный охват аудитории данных изданий составляет более 51 000 или 19% нашей ЦА. Однако, индекс соответствия (*Conv. Index*) газет «Из рук в руки» и «Комсомольская правда» является низким, поэтому в качестве основных медианосителей мы будем рекомендовать «Советский спорт», «Спорт-Экспресс» и «Спорт День за Днем». Следует отметить, что все три выбранных нами издания в основном пишут о спорте; возможно, стоит рассмотреть вариант спонсорской поддержки отдельных спортивных соревнований или разыграть часы в качестве сувенира для читателей газет, связав это тем или иным образом со спортивными соревнованиями.

Следующий медианоситель — плазменные панели, размещённые в крупных супермаркетах и торговых сетях. Как видно из таблицы, наиболее популярными местами для осуществления покупок для наших потребителей являются такие торговые сети, как «Пятерочка», «О'КЕЙ», «Карусель», «Дикси» и «Лента». Выбор медиаплощадок в данном случае осуществляется таким же образом, как и для радио и прессы: по показателю *Cover* нам интересны первые пять супермаркетов, однако индекс соответствия у «Пятёрочки» и «Дикси» меньше ста, равно как и количество представителей целевой аудитории, посещающих данные магазины. С учётом охвата аудитории наиболее подходящий медиавыбор — разместить рекламу в супермаркетах «Пятёрочка»; тогда охват нашей ЦА составит 40 тыс. чел. или 15% (Таблица 4).

Таблица 4. Плазменные панели в супермаркетах

	Man 35+ C			
	Cover	Cover%	% of Cover	Conv. Index
Пятерочка	40	15	6	83
О'КЕЙ	18	7	7	98
Карусель	12	5	8	123
Дикси	12	5	6	84
Лента	12	4	8	117

В качестве альтернативного варианта, учитывающего в первую очередь аффинитивность, можно считать рекламу в магазинах «О'КЕЙ», «Карусель» и «Лента»; совокупный охват аудитории в данном случае составит 42 тыс. чел. или 16%. Сопоставляя данные первого и второго варианта становится очевидно, что в первом случае мы размещаем рекламу только в одной сети, а во втором случае — в трёх, причем разница в охвате составляет 2 тыс. чел или 1%, то есть, минимальна.

Следующим интересующим нас носителем рекламной информации выступает метро; в частности, реклама на станциях и в вагонах метрополитена (Таблица 5).

Таблица 5. Линии метрополитена

	Man 35+ C			
	Cover	Cover%	% of Cover	Conv. Index
Линия 2	56	21	8	116
Линия 1	42	16	5	78
Линия 3	23	8	6	91
Линия 4	20	7	4	62

Согласно табличным данным, приоритетное транспортное направление для нашей ЦА — вторая линия метро, которая позволяет охватить 56 тыс.чел. или пятую часть нашей целевой аудитории, при этом показатель *Affinity* больше ста только у данной линии. Очевидно, что рекламу в метро целесообразно осуществлять на второй линии.

Последней рассматриваемой площадкой является носители наружной рекламы, а именно — анализ адресной программы (в данном случае рейтинг отдельных улиц) для рассматриваемой ЦА. Из Таблицы 6 следует, что наиболее эффективными по охвату станут носители наружной рекламы, размещённые на Гражданском проспекте, проспекте Луначарского и Энгельса; интересно, что показатель эффективности для выбранных улиц (равно как и всех остальных) больше ста.

Таблица 6. Наружная реклама (рейтинг улиц)

	Man 35+ C			
	Cover	Cover%	% of Cover	Conv. Index
Гражданский проспект	13	5	10	144
Луначарского проспект	12	5	13	189
Энгельса проспект	10	4	7	112
Савушкина улица	10	4	11	172
Богатырский проспект	9	3	10	154

Как показывают табличные данные, потенциальный совокупный охват рассматриваемой нами аудитории при размещении на трёх обозначенных улицах составит 35 тыс. чел или 14%.

Резюмируя информацию, касающуюся выбора медиаканалов, следует отметить, что помимо анализа рассмотренных статистик, не менее важным представляется стоимость размещения рекламного продукта на отдельных носителях, возможность реализовать креативную составляющую рекламной кампании и наличие свободных рекламных площадей у выбранных медиаканалов.

Итак, в рамках исследования нами было определено, что целевой аудиторией для наручных часов являются мужчины старше 35 лет с высоким уровнем дохода. Для размещения рекламы, ориентированной на обозначенную ЦА, нами были выбраны следующие медиаканалы: радиостанция «Наше радио», ежемесячники «Советский спорт», «Спорт-Экспресс» и «Спорт День за Днем», реклама на плазменных панелях в сети супермаркетов «Пятёрочка», в качестве транзитных медианосителей — вторая линия метрополитена, а для размещения наружной рекламы Гражданский проспект, проспекты Луначарского и Энгельса. Таким образом, исследование обнаружило определённую последовательность шагов, которые на наш взгляд способствуют эффективному освоению рекламного бюджета кампании за счёт целевого размещения рекламы.

Sergei Ivanovich Nedelko, Penza State University
candidate of historical sciences, Associate Professor

Ekaterina Vitalievna Eremina, Penza State University
candidate of Social Sciences, Associate Professor

Неделько Сергей Иванович, Пензенский государственный университет,
заведующий кафедрой государственного управления и социологии региона,

Еремина Екатерина Витальевна, Пензенский государственный университет
доцент кафедры государственного управления и социологии региона

Innovative development in Russia: the regional dimension

Инновационное развитие России: региональный аспект

Инновационное развитие как России в целом, так и ее отдельных регионов становится важнейшей не только экономической, но и политической задачей. В данной статье предпринята попытка провести анализ взаимодействия и взаимовлияния инновационной политики, проводимой региональной властью, с её реализацией на общероссийском уровне.

Базовые принципы инновационной политики в развитых странах заключаются в усилении ее региональной составляющей, формировании единого научно-инновационного пространства, поддержании среды, помогающей созданию нововведений[1].

Инновационное развитие является одним из направлений комплексного развития регионов, включающей также развитие материального производства, непроизводственной и социальной сфер. Региональные органы власти заинтересованы в повышении уровня регионального инновационного потенциала и интенсификации инновационной деятельности субъектов хозяйствования. Использование инноваций обеспечивает конкурентные преимущества, высокий предпринимательский доход, вследствие чего повышается конкурентоспособность региона на межрегиональном и международном рынках.

Влияние нововведений на конкурентоспособность региона осуществляется через создание нового типа конкурентных преимуществ — инновационных, которые, в отличие от, например, природно-ресурсных, являются неисчерпаемыми, не ограниченными по потенциалу воздействия и временными рамками. Они способны обеспечить непрерывный и устойчивый экономический рост и поступательное развитие региона.

Необходимо отметить, что, несмотря на многообразие точек зрения и попыток определения инноваций, в них обычно выделяются следующие направления.

Согласно первому, понятие инновации распространяется на новый продукт, услугу, способ их производства, на новое в организационной, научно-исследовательской, финансовой, социальной и иных сферах. Иначе говоря, инновация — это конечный результат творческого процесса, который может быть воплощен в виде нового продукта, технологии, метода и т. п.

В соответствии со вторым подходом, инновация рассматривается не как результат, а как процесс получения этого результата, внедрения новых технологий, методов или усовершенствования старых.

В качестве факторов конкурентоспособности и инновационного развития регионов, определяющих характер институциональной среды, можно выделить следующие.

[1] См.: Шелюбская Н. Новые направления инновационной политики ЕС – URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/12_4_03.htm

Направления развития научно-информационного пространства. Они отражают возможные формы взаимодействия науки и производства, показателей инновационной, патентной активности.

Оценивать уровень инновационного развития региона по одному или нескольким искусственно сформированным критериям очень сложно, т. к. инновационное развитие многомерно, происходит одновременно по нескольким направлениям.

Научная активность региона — это доля занятых в науке, количество организаций, занимающихся научными исследованиями, удельная численность исследователей с учеными степенями, удельная численность аспирантов.

Инновационная активность региона — абсолютные и относительные показатели производства инновационной продукции, величины внутренних затрат на исследования и разработки, количество созданных и используемых передовых технологий, ориентированность предприятий на осуществление технологических и организационных инноваций, структура внутренних затрат на исследования и разработки, численность персонала, занятого исследованиями и разработками и др.

Образовательный сектор — совокупная доля занятых в системе образования региона. Показатели, связанные с высшим образованием, выступают как элемент множества условий институциональной среды[1].

Первое направление можно рассматривать как центральное и наиболее приближенное к представлению о региональной инновационной системе. Другие выделенные направления развития стоит рассматривать как более «узкие», специализированные характеристики научно-инновационного пространства.

Мягкие институциональные условия. Они рассматриваются в рамках концепции креативного класса, согласно которой инновационность территории связана с присутствием на ней крупных городов с диверсифицированной экономикой, в которых формируется креативный класс за счет специфической инфраструктуры и привлечения талантливых мигрантов. Толерантные местные сообщества оказываются притягательными для творческих людей и сами обладают способностями к восприятию нового знания. Привлекательность территории усиливается, если у новых жителей имеется возможность присоединиться к различным экономическим и социальным структурам. Национальное и профессиональное разнообразие еще больше увеличивает вероятность того, что регион привлечет креативных людей[2].

Исследования показывают, что крупные города характеризуются развитой системой высшего образования, но демонстрируют отрицательную связь с долей креативного класса. Формирование региональной инновационной системы связано с высокой долей городского населения, но не с числом городов в регионе. Можно говорить о первостепенной роли населения в формировании региональной инновационной системы.

Российский креативный класс отрицательно связан с урбанизацией территории и разнообразием занятости, его представители не ищут дополнительную занятость, а держатся за постоянное место работы, что является следствием общей экономической неопределенности и серьезным ограничением на пути инновационного развития. Доля креативного класса на территории положительно связана исключительно с направлениями развития регионов, содержащими научную составляющую — научные и научно-образовательные центры.

Многонациональность региона не служит залогом его инновационного развития, если она является исторически сложившейся. Определяющее влияние на инновационное развитие регионов оказывают интернациональные потоки мигрантов. Присутствие в регионе развитой системы вузов является атрибутом крупных городов и служит дополнительным фактором привлечения мигрантов.

В целом научно-исследовательская деятельность занимает важное место в формировании и развитии научно-инновационного пространства, способствует становлению малого бизнеса региона.

Нормативно-правовое регулирование на региональном уровне. Оно задает формальные правила игры, которые во многом определяют характер отношений между экономическими агентами, условия функционирования и производительность компаний. Все составляющие научно-инновационного развития демонстрируют наибольшую интенсивность формального регулирования со стороны органов государственной региональной власти[3].

Несмотря на богатый опыт создания экономики инновационного типа в других странах, в Российской Федерации необходимо решать вопрос о стимулировании инновационного развития экономики как отдельно взятых регионов, так и всей страны.

Субъекты Российской Федерации многочисленны и неоднородны по объему и составу инновационного потенциала. Процесс внедрения и поддержания инновационного развития в каждом регионе должен проходить индивидуально и учитывать различный комплекс инновационных целей и задач. Использование гибкого механизма финансового обеспечения, способного учитывать инвестиционную потребность инновационной сферы и инвестиционный потенциал, приведет к эффективному развитию инновационного потенциала всего субъекта.

Выделяют несколько механизмов регионального стимулирования инновационного развития.

Одним из них выступают *недоиспользованные возможности.* Специфика сложившейся в настоящее время ситуации заключается в том, что в стране имеются значительные фундаментальные и технологические разработки, уникальная научно-производственная база, однако данные разработки не могут решить наиболее актуальные проблемы и соответственно остаются невостребованными.

Еще одним важнейшим механизмом стимулирования инновационного развития региона и основой инновационной политики являются *правительственные инновационные программы.* Существует множество различных программ, (различаются эти программы по уровню создания, т. е. действие их происходит на муниципальном, региональном или федеральном уровнях). Данный механизм является наиболее широко используемым.

---

[1] См.: Марков Л. С., Маркова В. М., Казанцев К. Ю. Институциональные механизмы инновационного развития российских регионов//Регион: экономика и социология. - 2011. - № 4. - с. 21–23.

[2] См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика- XXI, 2005; Пилясов А., Колесникова О. Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ//Вопросы экономики. – 2008. - № 9. – с. 50–69; Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала//Общественные науки и современность. – 2010. - № 5. – с. 5–19.

[3] См.: Марков Л. С., Маркова В. М., Казанцев К. Ю. Институциональные механизмы инновационного развития российских регионов//Регион: экономика и социология. - 2011. - № 4. - с. 28–33.

Также необходимо отметить и такие *дополнительные меры поддержки региональных инноваций* как создание благоприятных условий функционирования, обеспечение ресурсной базой, содействие в продвижении продукции и информационная поддержка. Это основные направления возможной деятельности региональных властей, которая может помочь в инновационном развитии.

Основным источником финансирования инновационной сферы остается государство. Ввиду переориентации экономической политики необходимо создание новых государственных программ, направленных на поддержку инновационных проектов, которые, как правило, требуют больших материальных затрат как на создание, так и на внедрение.

Формами финансовой поддержки со стороны государства являются: гранты (безвозмездная субсидия предприятиям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме на проведение научных или других исследований, опытно-конструкторских работ, на обучение и другие цели с последующим отчетом об их использовании); субсидии (пособие, преимущественно в денежной форме, предоставляемое государством за счёт средств государственного бюджета местным органам власти, юридическим и физическим лицам, другим государствам); пособия отдельным талантливым молодым ученым.

В мировой практике апробирован ряд организационно-экономических мер, способствующих региональному инновационному развитию. Среди них: осуществление специальных целевых программ на общегосударственном, региональном и местном уровнях; прямые государственные субсидии и целевые ассигнования региональных органов власти; налоговые льготы, направленные на стимулирование регионального инновационного развития; формирование научных, технологических и инновационных парков; создание инкубаторов малого инновационного бизнеса; образование под эгидой государства и местных органов исполнительной власти центров по передаче технологий из госсектора в промышленность; организация управленческого консультирования предпринимателей и др. меры.

Наиболее действенным механизмом стимулирования развития инноваций в регионах можно назвать согласованные действия правительства, бизнеса, науки, образования, финансовых организаций и средств массовой информации. Во всем мире именно регионы рассматриваются как первая ступенька инновационной деятельности развития всей страны.

Особенности современной России вызывают необходимость видоизменения механизма государственного регулирования процессами развития. Ситуация обусловливает актуальность разработки государственной и региональных стратегий преодоления низкой инвестиционной активности. Для анализа инвестиционной ситуации в стране можно оценить количество инвестиций в экономику разных регионов. Основным показателем будет являться объем инвестиций в основной капитал. Таким образом, можно рассмотреть, насколько инвестиционное обеспечение регионов влияет на их инновационный потенциал, то есть насколько сильно зависит развитие от количества инвестиций.

При анализе объемов инвестиций в основной капитал по федеральным округам за 2009–2011 годы можно увидеть дифференциацию округов по этому важному показателю потенциала развития. Наибольшее количество инвестиций приходится на Центральный Федеральный округ, что вполне логично ввиду его федерального значения. Следующей группой являются Приволжский, Уральский и Северо-Западный федеральные округа. Их инновационное развитие достаточно велико, что и объясняет их лидирующее положение среди остальных округов по объему инвестиций. Средние позиции занимают Южный, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Наихудшее положение по инвестициям отмечается в Северо-Кавказском округе ввиду своего слабого развития и малой численности населения[1].

Однако не только государственное финансирование является источником финансовых вложений в инновационную сферу. Многие предприятия сами вкладывают свои средства в производство и внедряют новые инновационные изобретения.

По результатам проведенного в 2010 г. Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации обследования в 80 субъектах Российской Федерации, инвестиции в основной капитал осуществляли 93% организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, и 39% малых предприятий. Высокая инвестиционная активность наблюдалась в Республиках Хакасия, Тыва, Еврейской автономной области, Приморском и Хабаровском краях и Самарской области, где свыше 90% организаций осуществляли инвестиции в основной капитал. Среди субъектов РФ с низкой инвестиционной активностью Кабардино-Балкарская Республика, где инвестиционная деятельность зафиксирована у 51% организаций, Республика Северная Осетия — Алания (59%), Астраханская область (64%) и Республика Калмыкия (67%). В 2011 г. 56% руководителей организаций планируют увеличение объема инвестиций в основной капитал, 23% — его сокращение. Инвестиционная деятельность во многом зависит от экономической ситуации, складывающейся в организации. В 2010 г. руководители 90% организаций оценили свою экономическую ситуацию как «благоприятную» и «удовлетворительную».

Основной целью инвестирования в основной капитал в 2010 г., как и в предыдущие годы, являлась замена изношенной техники и оборудования, на это указали 67% респондентов (в 2009 г. — 64%, в 2000 г. — 56%). Инвестиции с целью повышения эффективности производства (автоматизация или механизация существующего производственного процесса, внедрение новых производственных технологий, снижение себестоимости продукции, экономия энергоресурсов) осуществляли 32–46% организаций; цели, связанные с увеличением производственных мощностей с неизменной номенклатурой продукции, преследовали 32% организаций, а с расширением номенклатуры выпускаемой продукции — 29%[2].

Проведённые исследования показали, что основным препятствием для негосударственного финансирования и инвестиций является недостаток собственных финансовых средств. Среди других факторов, влияющих на инвестиционную политику, следует назвать (по убывающей значимости) высокий процент коммерческого кредита, неопределённость экономической ситуации в стране, недостаточный спрос на продукцию, инвестиционные риски, сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов. Дороговизна инноваций и их медленная окупаемость являются важными сдерживающими факторами для инвестиционных влияний и наиболее сильных негативных инвестиционных факторов для предпринимателей. Исходя из этого, можно сказать, что решение вопросов с банками (к примеру, снижение различного рода

[1] Грибова Е. В., Сергеева А. Н. Механизмы стимулирования инновационного развития экономики региона//Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL://http://www.kapital-rus.ru/articles/article/194497/

[2] Там же.

налоговых и других видов плат с них взамен на понижение кредитных ставок для определенного рода организаций) могли бы частично решить вопрос, соответственно научные разработки данного региона могли бы иметь большую степень реализации.

Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» является отражением документов, регламентирующих инновационную деятельность страны и ее развитие в целом. Основной целью Программы является развитие научно-технологического потенциала России для реализации приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации[1].

Тема инновационного развития рассматривается в основных стратегических документах страны. В частности, в Указе Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» отмечается, что низкие темпы перевода российской экономики на инновационный путь развития замедляют интеграцию России в глобальное экономическое пространство[2]. Инновации необходимо увязывать со всей системой стратегического планирования, иначе всякая инновация может привести к отрицательным последствиям[3].

Инновационная экономика — приоритет государственного развития, поддержанный конкретным набором мер. Созданы президентская комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики, Правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям. Приняты первые серьезные законодательные меры, направленные на стимулирование инновационных процессов. В частности, федеральный закон № 217, в котором говорится о создании малых инновационных предприятий при вузах и институтах академий наук. В итоге при российских вузах создано уже более 400 малых инновационных предприятий[4].

Важнейшим сигналом выступает идея создания инновационных программ на каждом предприятии с государственным участием. В январе 2011 года на президентской комиссии было принято решение, по которому заявки на крупные инновационные проекты с целевым объемом продаж в 2015 году не менее 15 млрд. руб. будут поддерживаться государством. В портфеле комиссии более 40 проектов[5].

Сегодня, в условиях глобализации хозяйственных связей, инновационность выступает важнейшим понятием, оказывающим непосредственное влияние на конкурентоспособность через создание новых возможностей в межотраслевом и межрегиональном взаимодействии и общее усиление регионализации, смещение интеграционных процессов на региональный уровень, активизацию экономической деятельности регионов.

Shchekotin Evgeny,
Saint Petersburg University of Management and Economics Novosibirsk branch, assistant professor

Щекотин Евгений Викторович,
ФБОУ ВПО «Новосибирская государственная академия водного транспорта», к. филос. н., доцент

Problem of an assessment of quality of life in the conditions of instability

Проблема оценки качества жизни в условия неустойчивости

Важной научной проблемой является измерение качества жизни населения. Часто показатели качества жизни практически полностью совпадают с показателями уровня жизни. Это ведет к фактическому отождествлению данных категорий, хотя в теории подчеркивается их различие. Чтобы избежать таких затруднений, предлагаем под уровнем жизни понимать степень удовлетворения разнообразных материальных и духовных потребностей людей. Качество жизни представляет собой характеристику условий, в которых человек осуществляет свою жизнедеятельность — природно-климатических, производственных, социально-политических и т. д.

При определении уровня жизни решающее влияние оказывают экономические факторы — уровень экономического развития и доходов населения. При определении качества жизни решающими факторами являются природно-климатические, экологические, техногенные, административные и политические факторы. «В самом обобщенном виде уровень жизни отдельного человека, социальной, региональной либо этнической группы и населения страны в целом — это степень удовлетворения их материальных и духовных потребностей»[6], «качество жизни населения определяется теми природно-климатическими, производственными, социальными и политическими условиями, в которых человек осуществляет свою жизнедеятельность»[7].

---

[1] Постановление Правительства РФ от 17 октября 2006 г. N 613 «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 - 2012 годы». URL: http://nordoc.ru/doc/49–49911

[2] Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html

[3] См.: Шмерлинг Д. С., Кожуховская Е. И. Политическое планирование инноваций: попытка учета возможностей, рисков, издержек и выгод//Инновации. – 2011. - № 1. - с. 30.

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 2009 г. N 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». URL: http://www.rg.ru/2009/08/04/int-dok.html

[5] Анатолий Чубайс об инновационной экономике в России. URL: http://www.i-regions.org/association/news/spotlight/1169/

[6] Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. – М.: Наука, 2006. С. 22.

[7] Там же, С. 32.

Для того чтобы произвести демаркацию категорий качества и уровень жизни и прояснить их содержание, необходимо сформировать собственный аппарат измерения качества жизни. Такой методологический аппарат может предоставить теория риска. Качество жизни (и соответственно, благополучие общества) следует оценивать на основе анализа рисков, угрожающих человеку как биологическому и социальному существу. В контексте нестабильности и нарастания кризисных явлений в планетарном масштабе, такая позиция представляется вполне рационально обоснованной.

Качество жизни характеризует контекст человеческой жизнедеятельности, среду, в которой разворачивается существование человека, и влияет на удовлетворение потребностей (уровень жизни) опосредованно, через факторы, характеризующие состояние окружающей человека среды: экономической, политической, правовой, социокультурной, природной, технической среды и т. д.

Для оценки уровня жизни целесообразно использовать показатели, отражающие удовлетворение духовных и материальных потребностей населения. Показатели качества жизни должны отражать состояние среды, в которой разворачивается жизнедеятельность человека. На наш взгляд таким показателем является риск как мера возможных потерь.

Концептуальную основу различения понятий «уровень» и «качество жизни» составляет «возможностный подход» А. Сена, который пересматривает содержание экономического развития в современном мире. Сен рассматривает процесс развития не как повышение материального или экономического благосостояния, а как процесс расширения «возможностей» людей. Цель развития — не увеличить производство, а позволить людям расширить свой выбор, совершать больше дел, жить долго, уберечься от болезней, которых можно избежать, иметь доступ к знаниям и т. д. Сен отмечает, что «подход человеческого развития требует от нас смотреть на людей не только как на «нуждающихся», но и как на личностей, которым важно сохранять (и даже расширять) свободу делать то, на что у них есть основания» [1].

Удовлетворение потребностей как показатель качества жизни является выражением устаревшей в современных культурно-исторических условиях индустриальной парадигмы общественного развития. В третьем тысячелетии перед человечеством встают иные цели и для их достижения необходим принципиально новый концептуальный каркас. Современное общество представляется в большей мере «обществом риска».

С позиции концепции «общества риска» началом, организующим все социальное пространство, являться безопасность. «Сферу безопасности, следовательно, можно определить как социальное пространство, заключающее в себе фундаментальные основы общественного бытия» [2]. Безопасность становится основой рационального поведения в современном обществе, цель общества — сделать безопасность социальной нормой.

Когда появляются общества, где проблема базовых потребностей в целом решена, возникает необходимость переформулировать цели общественного развития, и такой целью становится развитие человека и расширение его возможностей. Понятие возможности предполагает неограниченный круг выбора и здесь целесообразно отказаться от индуктивного метода конструирования показателей развития, выбор которых зачастую осуществляется интуитивно (например, индекс развития человеческого потенциала). Необходимо говорить о конструировании условий, которые позволяют человеку свободно развиваться. Качество жизни как социологическая категория выражает, насколько условия человеческой жизни позволяют осуществлять такое развитие, насколько открыты и доступны возможности для развития человека.

В тоже время, выбор возможностей должен иметь разумные ограничения — человек вправе выбирать те возможности, которые не наносят вред другим людям, не ограничивают их возможности для развития. Представляется оправданным в этой связи использования «депривационного метода», т. е. качество жизни конструируется через систему показателей «лишения возможностей». Т. к. речь идет о возможности, т. е. таких событиях, явлениях, процессах, которые могут случиться, а могут и не случиться. В этом случае качество жизни следует операционализировать посредством индикатора, который учитывает этот элемент случайности. Наиболее точным индикатором человеческого развития как характеристики благополучия общества будет риск. Риск понимается как потенциальные ограничения, как угроза человеческим возможностям. Использование риска как индикатора качества жизни позволяет проектировать и управлять качеством жизни, т. к. риск является важным инструментом прогнозирования.

Особое методологическое значение такой подход приобретает в условиям современного мира, для которого характерны возрастающая неустойчивость, неопределенность, хаотизация социальной реальности. Согласно методологии исследования неравновесных систем, состояние системы, находящейся в неустойчивом состоянии, можно изменить при помощи незначительной воздействия. Неравновесная система легко переходит из одного состояния в другое под действием небольших флуктуаций. Современный мир все больше погружается в такое неравновесное состояние. Риск в этих условиях является наиболее релевантным индикатором устойчивости и стабильности (а значит безопасности) социальной системы. Чем выше уровень различных рисков, тем нестабильнее система и наоборот.

Такой подход опирается на интерпретацию понятия «качества», предложенную японским специалистом в области менеджмента качества Г. Тагучи. Тагучи обращает внимание на такую важную меру качества как потери, обусловленные продуктом. Согласно Тагучи, «качество — это потери, нанесенные обществу с момента поставки продукта». Тагучи отмечает важный момент — взаимосвязь между потерями общества и желательностью продукта. «Чем меньше потери, тем более желателен продукт (изделие)» [3].

Качество жизни следует рассматривать как совокупность возможных потерь, которые может понести индивид и общество в процессе своей жизнедеятельности. Количественным выражением величины возможных потерь является риск. Таким образом, риски выступают характеристикой условий человеческой жизни, они отражают ограничения человеческой жизнедеятельности, опасности и угрозы, которые реально ухудшают положение человека в природном и социальном окружении.

---

[1] Сен А. Политика в отношении климата как развитие человека//Доклад о развитии человека 2007/08. – М.: Весь мир, 2007. – С. 28–29. С. 28.

[2] Макеев А. В. Политика и безопасность. – М.: Щит-М, 1998. С. 46.

[3] Капырин В. В., Коренев Г. Д. Системы управления качеством. – М.: Европейский центр по качеству, 2002. С. 132.

Качество жизни — это совокупность возможных рисков, угроз и опасностей, характеризующая условия человеческой жизнедеятельности, реализация которых может привести к реальным неблагоприятным последствиям для человека. Под риском же будем понимать возможные события, явления и процессы, последствия которых могут оказать неблагоприятное воздействия на различные аспекты состояния человеческой жизни, т. е. тем или иным образом могут ухудшать положение человека.

Список литературы:

1. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. — М.: Наука, 2006. — 324 с.
2. Сен А. Политика в отношении климата как развитие человека//Доклад о развитии человека 2007/08. — М.: Весь мир, 2007. — С. 28–29.
3. Макеев А. В. Политика и безопасность. — М.: Щит-М, 1998. –270 с.
4. Капырин В. В., Коренев Г. Д. Системы управления качеством. — М.: Европейский центр по качеству, 2002.

Section 13. Technical sciences

Baev Valeriy Petrovich, Joint Institute for High Temperatures of RAS
candidate of technical sciences, senior research worker
Баев Валерий Петрович, Объединенный институт высоких температур РАН,
научный сотрудник

Characteristics of dissipative processes in superconductors with multicore high speed magnetic field changes

Особенности диссипативных процессов в многожильных сверхпроводниках при высоких скоростях изменения магнитного поля

Низкотемпературные сверхпроводниковые магнитные системы (СПМС) проявляют высокие технические характеристики без которых на сегодняшнее время не возможно построение уникальных электрофизических и медицинских приборов. Высокие магнитные поля (сотни тысяч гауссов), большие рабочие объемы (сотни кубических метров), высокая стабильность магнитного поля (замороженный поток), вот не полный список использования низкотемпературных сверхпроводников (НТСП)[1]. Существуют положительные прогнозы и на использования СПМС в промышленно-транспортной технологии. Медленно, но уверенными шагами движется прогресс в создании новых типов ВТСП (высокотемпературные сверхпроводники). Уже в промышленном масштабе создаются сверхпроводники необходимой длины и с высокими техническими параметрами. Однако при освоении крупных электротехнических устройств на сверхпроводниках еще предстоит решить ряд практических вопросов, касающихся их поведения в нестационарных условиях, например, в случае прохождения по сверхпроводнику переменного или импульсного тока. Наличие переменного тока (следовательно и переменного магнитного поля) существенным образом меняет электромагнитную и тепловую картину внутри сверхпроводящего проводника, который представляющего собой в современном виде сложную комбинацию сверхпроводящих тонких проволок и расположенных вокруг них медных, медно-никелевых и высокоомных заполнителей, образующих единую монолитную конструкцию. Электромагнитные процессы в переменном режиме в такой негомогенной среде ведут к сложным тепловым процессам, сильно зависящих от свойств самой среды[2]. Отметим также, что НТСП находятся в крайне экстремальных условиях эксплуатации. Например рабочий диапазон температур сверхпроводника Nb-Ti крайне узок: от температуры ванны (как правило 4,2 К) до критической (в поле 6 Тл она составляет всего 6,5 К), т. е. изменение температуры не должно превышать 2,3 К. Ясно, что электромагнитные процессы ведущие к увеличению температуры сверхпроводника резко увеличивают вероятность перехода его в нормальное состояние[3]. Как показывает практика работы со сверхпроводниковыми устройствами для того, чтобы понять причины неустойчивости сверхпроводящего состояния и разработать меры по исключению такого перехода, необходимо детальное экспериментальное исследования тепловых и электрических процессов в сверхпроводниках различной конструкции и в условиях, охватывающих широкий диапазон амплитуд и скоростей магнитных полей, интересный с практической и теоретической точки зрения. В настоящей статье кратко проанализировано влияние различных факторов на уровень и характер потерь в сверхпроводнике при импульсном воздействии. Рассмотрены различные типы сверхпроводящих композитных проводников, условия их охлаждения и влияние на потери уровня и скорости магнитного поля.

Диссипация энергии в сверхпроводнике — основная причина тепловой неустойчивости.

Общая характеристика зависимости потерь в образцах от различных факторов и условий эксперимента.

В этом разделе рассмотрим влияние на характер и величину потерь в сверхпроводящих материалах, используемых при изготовлении СПИН, внешних и «внутренних» факторов. Под внешними факторами подразумевается: амплитуда магнитного поля и скорость изменения магнитного поля, а также условия теплообмена. «Внутренние» факторы определяются шагом твистинга (или скрутки), расположением элементарных проволок в кабеле, конструкцией сверхпроводника, составом матрицы (медная или комбинированная); удельным сопротивлением матрицы (степенью загрязнения медной матрицы); размером проводника и др.

Анализ экспериментальных данных позволит близко подойти к пониманию вопроса о тепловой неустойчивости в крупных сверхпроводниковых магнитных системах.

Потери при изменении скорости и амплитуды магнитного поля измеряются в МДж на куб.м полного объема материала.

1) *Зависимость потерь от скорости изменения магнитного поля.*

Зависимость потерь от скорости изменения магнитного поля при фиксированной начальной амплитуде магнитного поля для кабеля 49 СП представлена на рис. 1. По характеру зависимости потерь от скорости поля весь рабочий диапазон скоростей можно разбить на три зоны.

---

[1] Уилсон М. Сверхпроводящие магниты. Перевод с анг.- М.- «МИР» - 1985.

[2] Альтов В.А., Зенкевич В.Б., Кремлев М.Г., Сычев В.В., Стабилизация сверхпроводящих магнитных систем.- М.- Издательский дом МЭИ - 2008.

[3] Brechna H.A., Superconducting magnet system- Springer- Verlag- Berlin-1973.

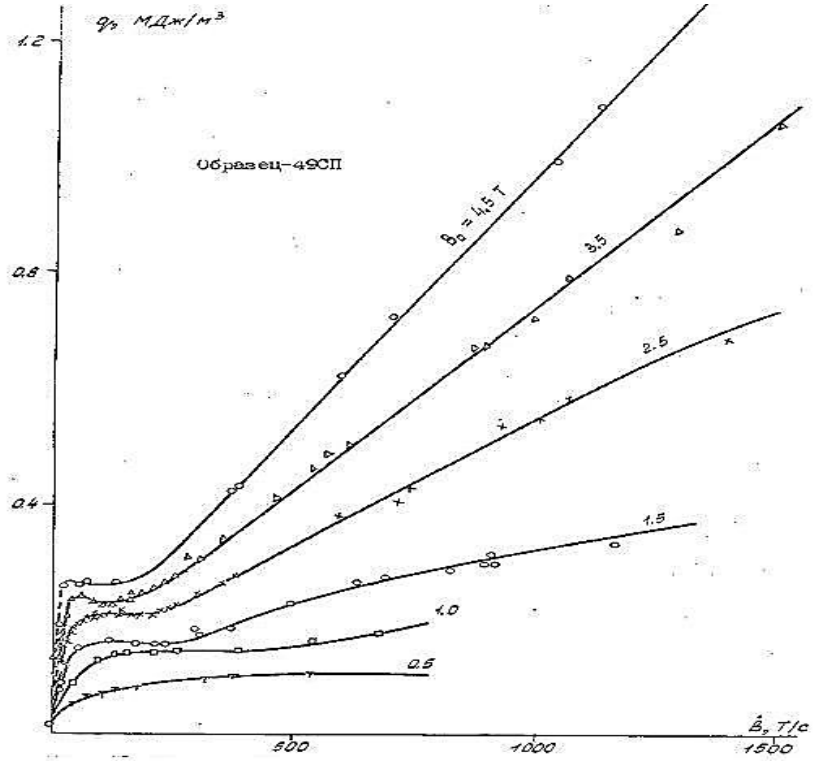

Рис. 1.

Первая зона (до скоростей порядка 50-I00 Тл/с) соответствует «малым» скоростям. Здесь потери быстро растут с увеличением скорости магнитного поля по закону близкому к линейному. Угол наклона кривых линейно увеличивается с повышением уровня магнитного поля.

Во второй зоне скоростей поля наблюдается или «плато» или максимум и минимум потерь. В области незначительных по амплитуде магнитных полей (до 1 Тл) величина потерь почти не меняется при увеличении скорости поля (область «плато»), однако, при росте амплитуды поля (более 1 Тл) область зоны «плато» уменьшается и переходит в хорошо выраженный максимум потерь. В третей зоне при скоростях поля выше 300 Тл/с и при амплитуде поля более 1 Тл потери вновь растут с увеличением скорости поля по закону, близкому к линейному.

Таким образом, в первой и третьей зоне наблюдается идентичный характер потерь при изменении скорости поля (в обеих зонах величина потерь прямо пропорциональна скорости изменения магнитного поля и амплитуды), однако, величина изменения потерь при изменении скорости поля (при фиксированном уровне поля) сильно отличается в этих зонах (приблизительно в 5 раз).

Аналогичная зависимость потерь от скорости поля наблюдается и для всех исследованных сверхпроводящих материалов

2)*Влияние на потери конструкции проводника и структуры матрицы.*

а) *Влияние шага скрутки (твистинга*) (образцы:25 СП — имеет шаг скрутки 25 мм; 50 СП — шаг скрутки 50 мм).

Экспериментальные данные по исследованию влияния шага скрутки в многопроволочных и многоповивных сверхпроводящих конструкциях кабеля представлены на рис. 2 и показывают, что характер потерь имеет свои особенности для каждой зоны скоростей изменения магнитного поля.

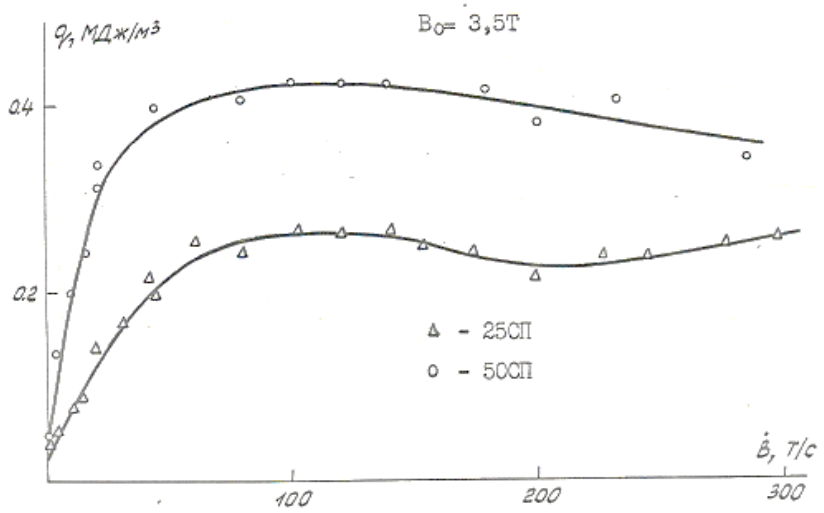

Рис. 2

В первой зоне скоростей (скорость поля менее I00 Тл/с) потери резко возрастают с увеличением шага скрутки (примерно пропорционально квадрату шага скрутки). Во второй зоне скоростей уровень максимума увеличивается приблизительно прямо пропорционально шагу скрутки, а в третьей зоне шаг скрутки почти не оказывает влияния на характер потерь.

б) *Влияние количества нормального металла в конструкции сверхпроводника.*

Надежная работа крупной сверхпроводящей системы определяется количеством стабилизирующего материала в проводнике. Повышение количества нормального металла ведет к росту стабильности системы, однако уменьшает среднюю по сечению плотность тока. Интересно рассмотреть влияние концентрации сверхпроводника с точки зрения потерь в импульсном режиме.

Для крупных образцов, изготовленных одинаковым способом с высокой концентрацией нормального стабилизирующего материала (80 и более%) величина потерь лишь незначительно меняется в области высоких скоростей, вероятно, это связано с различием их продольного сопротивления. В области «малых» скоростей угол наклона кривой и величина потерь совпадают.

Однако, сравнение двух аналогичных по конструкции, но значительно различающихся по концентрации сверхпроводника (обозначаемое как «к.з.») — 49-жильных образцов 49 СП (к.з.= 18,4%) и 25 СП (к.з.= 28,7%) иллюстрируют деформацию кривой потерь и уменьшение потерь в зоне, так называемых « малых» и больших скоростей магнитного поля. Можно также отметить, что чем ниже амплитуда поля, тем сильнее влияние к.з. на характер диссипации. Особенно, это наблюдается для «простых» проводников (т.е. одиночные комбинированные сверхпроводящие проволоки). В последнем случае потери пропорциональны эффективной концентрации сверхпроводника (к.з.), которая обычно имеет значительную величину (к.з. рассчитывается без учета медного наружного ободка).

в) *Влияние состава стабилизирующего материала.*

Характер и величина потерь в комбинированных сверхпроводящих материалах определяется также внутренней структурой проводника. Последнее иллюстрируется исследуемыми образцами, отличающихся величиной и расположением резистивных барьеров. Кабель 49 СП содержит 42 комбинированных проволок (Nb-Ti жилки в медной матрице) диаметром 0,3 мм, которые изолированы между собой с помощью металлической изоляции из сплава на основе индия (удельное сопротивление при температуре 4,.2 К равно 0,2 мкОм* м) толщиной 10–20 мкм. В кабеле 7МН элементарный проводник имеет диаметр порядка 0,5 мм и содержит 126 сверхпроводящих жилок, окруженных высокорезистивным барьером из медно-никелевого сплава толщиной около 4 мкм (удельное сопротивление 0,1 мкОм*м).

Кроме этого в кабеле существует второй резистивный барьер между элементарными проводниками за счет пропайки кабеля высокоомным сплавом на основе индия. Наличие двойного резистивного барьера существенно изменило величину потерь. Эксперимент показал, что на начальном линейном участке потери в 49 СП растут значительно быстрее, так что их величина примерно в два раза выше, чем в 7МН. В области высоких скоростей поля производная потерь от скорости поля для образца с двойным барьером меньше, хотя количество сверхпроводника и меди у них почти одинаково (к.з.= 23% и к.з. меди = 56% для 7МН; к.з.= 20% и к.з. меди = 52% для 49 СП). Во второй зоне при поле равном 3,5 Тл характер зависимости в исследуемых образцах подобен — имеет место максимум, однако расположение областей максимумов таково, что при скорости поля порядка I00 Тл/с уровень потерь в 7МН примерно в I,5 раза больше.

Интересно также рассмотреть зависимость характера диссипации от удельного сопротивления межпроволочного наполнителя.

Рассмотрим два типа проводника одинаковой структуры и параметров:

Проводник 49 И замоноличен чистым индием, удельное сопротивление которого лишь незначительно отличается от сопротивления меди. Образец 49 СП пропитан высокоомным сплавом на основе индия, который в данном случае является «изолирующим» материалом между элементарными проволоками.

В приводимом примере, для образца с низкоомным наполнителем (49 И) можно отметить следующее (см. рис. 3):

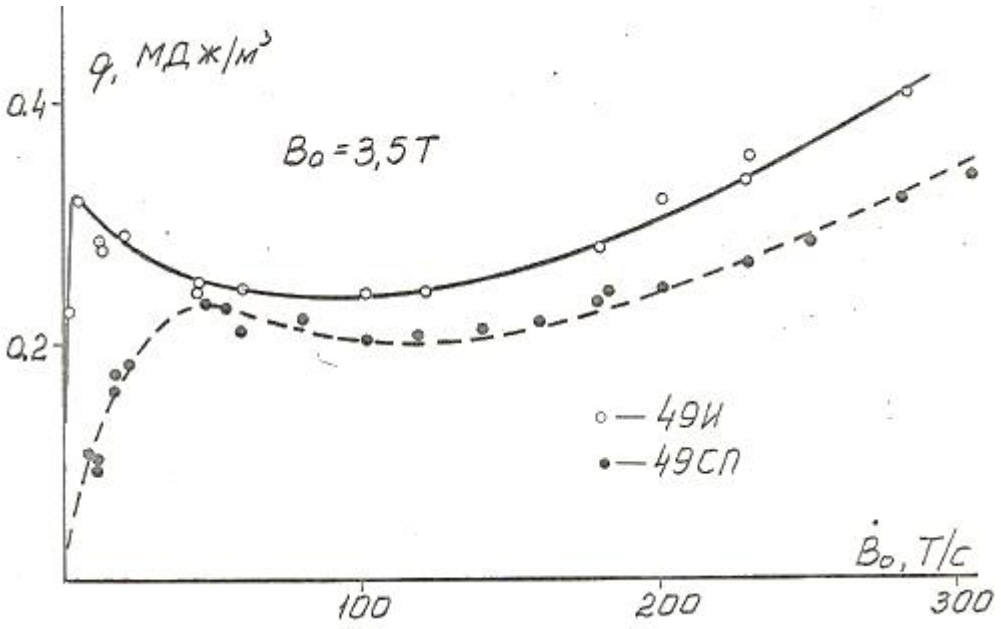

Рис. 3.

I) смещение максимума потерь для образца 49 И в область очень низких скоростей поля;

2) резкое увеличение производной потерь по скорости поля в области «малых» скоростей;

3) увеличение потерь в области высоких скоростей магнитного поля.

г) *Экспериментальные образцы с различным охлаждением.*

Известно, что стабильная работа проводника определяется условием его охлаждения. Чем выше степень охлаждения (высокий коэффициент теплоотдачи), тем при прочих равных параметрах проводника он надежнее в аварийной ситуации (когда транспортный ток превышает критическое значение тока). Однако, с точки зрения уровня потерь в импульсных режимах, хороший доступ жидкого гелия к поверхности проводника приводит к повышению величины диссипации. Это иллюстрируется результатами измерения удельных потерь для образцов 7МНI и 7МН2 (см. рис. 4.). Поверхность кабеля 7МНI была очищена от изолирующего материала, а для доступа жидкого гелия ко всей поверхности проводника он был обмотан леской с шагом 3 мм. К внутренним слоям обмотки гелий проникал по каналам, образованным текстолитовыми прокладками, и по каналам, профрезерованными в каркасе катушки, на которую наматывался проводник. Характер и уровень потерь при фиксированной амплитуде поля значительно изменен, чем в вышеописанных случаях. Во всем диапазоне амплитуд поля можно отметить две характерные зоны: первая — быстрый рост потерь с повышением скорости изменения магнитного поля; вторая — «плато» и максимум потерь.

Образец 7 МН2 изготовлен точно так же, как и проводник 7МНI, но пропитан парафином. Такая конструкция образца исключала проникновение жидкого гелия к поверхности обмотки, и теплоотвод осуществлялся за счет теплопередачи через парафиновую массу (возможно также существование микротрещин в парафине, что незначительно улучшает теплообмен).

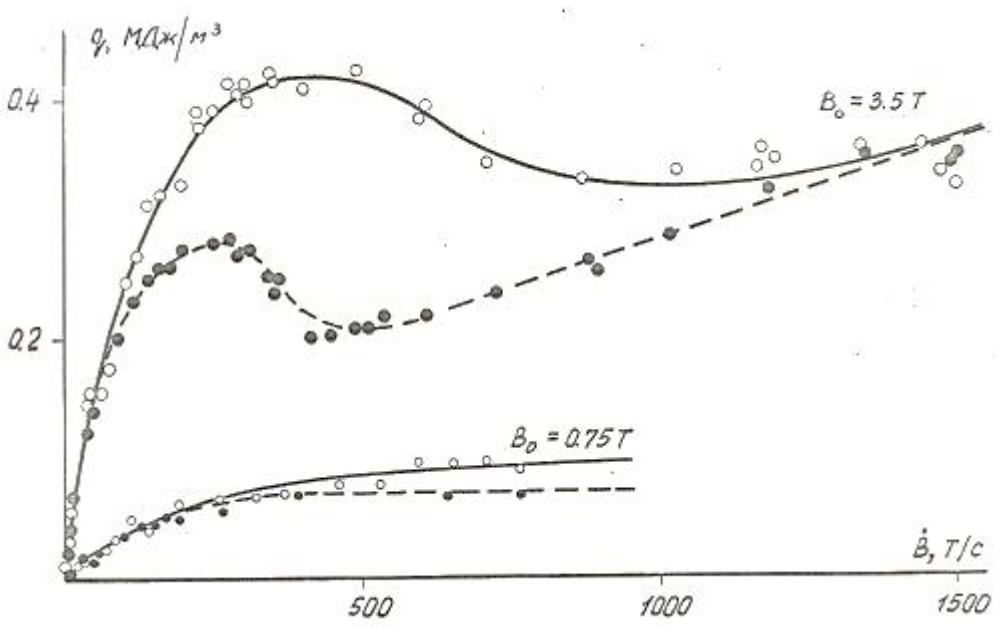

Рис. 4

(о- образец 7 МН1; • -образец 7 МН2)

Сравнивая характер потерь для этих двух образцов, можно отметить, что начальные участки до скоростей поля порядка I000 Тл/с совпадают. Однако зона максимума потерь (для поля 3,5 Тл и I,5 Тл) смещена в сторону с 200 Тл/с до 400 Тл/с, а его величина резко отличается (почти в 1,5 раза). Сильно смещенной оказалась и точка минимума потерь (с 500 Тл/с до 900 Тл/с). При амплитуде поля менее 0,75 Тл величина и характер потерь меняется незначительно.

В заключение отметим, что анализ экспериментальных данных показывает сложную неординарную картину зависимости импульсных потерь в комбинированных сверхпроводниках от условий эксплуатации (т. е. от амплитуды и скорости изменения магнитного поля) и от технологических характеристик проводника (шага скрутки; к. з.; качества основной и межпроволочной матрицы и т. д.). Появление максимумов и минимумов в зависимости тепловыделений от скорости изменения магнитного поля прямо указывает на переход сверхпроводника в нормальное состояние. Максимум потерь — это случай когда еще доминируют кооперативные потери, тогда как минимум соответствует случаю, при котором потери в нормальной матрице играют более значимую роль, чем кооперативные. Наклон кривой зависимости потерь от скорости магнитного поля в начальном диапазоне скоростей поля определяется только характеристиками проводника в сверхпроводящем состоянии; тогда как в диапазоне скоростей поля после минимума потерь наклон кривой потерь жестко связан с характеристиками проводника в нормальном состоянии. Отметим также, что зависимость уровня потерь от условий охлаждения выявляет важную эксплуатационную характеристику сверхпроводящей системы — чем лучше охлаждение тем больше время пребывания проводника в сверхпроводящем состоянии.

Приложение: указанные в статье проводники 50 СП (49 СП), 25 СП и 49 И имеют одинаковую текстуру проводника: 42 проводников Ø 0,3 мм содержащих 7 (49 СП и 49 И) сверхпроводящих жилок Ø 69 мкм в медной матрице или 18 (50 СП и 25 СП) сверхпроводящих жилок Ø 47 мкм.

50 СП и 25 СП указывают на шаг внешней скрутки;

49 СП и 49 И указывают на различный состав межпроволочного заполнителя: СП- высокоомный сплав; И — чистый индий.

Проводники 7 МН: 7 проводников Ø 0,5 мм содержащих 126 сверхпроводящих жилок Ø 25 мкм, заключенных в медно-никелевую оболочку. Проводник пропитан сплавом СП.

Список литературы:

1. Уилсон М. Сверхпроводящие магниты. Перевод с анг. – М.– «МИР» – 1985.
2. Альтов В. А., Зенкевич В. Б., Кремлев М. Г., Сычев В. В., Стабилизация сверхпроводящих магнитных систем.– М.– Издательский дом МЭИ – 2008.
3. Brechna H. A., Superconducting magnet system- Springer- Verlag- Berlin-1973.

Bryukhan Andrei Fedorovich, doctoral candidate, Moscow state construction University
Брюхань Андрей Федорович,
докторант Московского государственного строительного университета

Estimation of atmospheric dispersion conditions at the sites of thermal power plants on the base of aerological data

Оценка условий атмосферной дисперсии на площадках тепловых электростанций по аэрологическим данным

Загрязнение ландшафтных оболочек территорий размещения тепловых и атомных электростанций (АЭС и ТЭС) происходит главным образом через атмосферный воздух, в который из вентиляционных и дымовых труб выбрасываются загрязняющие агенты. Требованиями действующих нормативно-технических документов в области инженерных изысканий для строительства АЭС и ТЭС предусматриваются детальные исследования атмосферной дисперсии пунктов[1] и площадок[2] их размещения[3].

Несмотря на тот факт, что экологический ущерб от загрязнения воздуха, производимого ТЭС, гораздо больше ущерба, обусловленного работой АЭС[4], атмосферная дисперсия территорий размещения ТЭС исследована меньше. Это обстоятельство стимулирует соответствующие исследования условий атмосферной дисперсии пунктов и площадок ТЭС.

Исследование атмосферной дисперсии при геоэкологическом обосновании выбора пунктов/площадок ТЭС необходимо для расчета полей концентраций выбросов и последующей оценки техногенных нагрузок на ландшафтные компоненты и человека. Рассеивающие свойства пограничного слоя атмосферы (нижний 2–3-километровый слой) определяются главным образом степенью развития турбулентности и полем ветра[5]. В свою очередь, степень развития турбулентности связана с температурной стратификацией пограничного слоя. Таким образом, исследование атмосферной дисперсии в конечном счете сводится в основном к изучению аэроклиматических характеристик температурно-ветрового режима.

По аналогии с АЭС комплексное исследование атмосферной дисперсии на территориях намечаемого строительства ТЭС обычно должно предусматривать следующие основные этапы[6]:

Сбор и анализ аэроклиматических и срочных аэрологических данных по исследуемой территории.

— Проведение циклов полевых работ на пункте/площадке для установления репрезентативности опорной (ближайшей) аэрологической станции Росгидромета по отношению к пункту/площадке. На основании статистического анализа результатов синхронных наблюдений на пункте/площадке и на опорной аэрологической станции устанавливается возможность использования данных многолетних наблюдений на опорной станции. В случае наличия систематических отклонений между результатами измерений температуры и ветра на пункте/площадке и на опорной станции в последующие расчеты вносятся соответствующие поправки.

— Статистическую обработку данных многолетних аэрологических наблюдений на опорной станции и определение расчетных характеристик атмосферной дисперсии.

Рассмотрим ниже подробнее перечисленные этапы на примере гипотетической ТЭС, расположенной в Центральной части России.

1. Сбор и анализ аэроклиматических и срочных аэрологических данных

На предварительном этапе исследования проводится сбор и всесторонний анализ достоверности и достаточности исходных литературных и фондовых данных, а также их применимости для выполняемого исследования. В качестве исходных

[1] Пункт строительства АЭС (ТЭС) – территория в границах административного, экономического района, включающая возможные площадки строительства АЭС (ТЭС).

[2] Площадка строительства АЭС (ТЭС) – территория, которая может быть отведена под строительство АЭС (ТЭС), обеспечивающая возможность размещения всех объектов проектируемой АЭС (ТЭС) при минимальном неблагоприятном воздействии ее на окружающую среду.

[3] ВСН 34 72.111–92. Инженерные изыскания для проектирования тепло¬вых электриче¬ских станций. – М.: Минтопэнерго РФ. – 1992. – 121 с.

[4] Большов Л. А., Арутюнян Р. В., Линге И. И. и др. Ядерные техноло¬гии и экологиче¬ские проблемы России в XXI веке// Бюллетень по атомной энер¬гии. – 2003. – № 5. – С. 15–19.

[5] Брюхань Ф. Ф., Иванов В. Н. Концептуальная схема аэрометеорологических исследова¬ний при выборе пункта и площадки атомных станций//Труды ИЭМ. – 1992. – Вып. 55 (155). – С. 3–12.

[6] Алдухов О. А., Брюхань А. Ф. Пакет программ статистической обработки аэро¬логиче¬ских данных для оценки условий атмосферной дисперсии при геоэколо¬гиче¬ском обосновании строительства АЭС и ТЭС//Вестник МГСУ. – 2012. – № 2. – С. 188–192.

литературных данных используются материалы аэроклиматических справочников (см., например, 5, 7, 8). В качестве фондовых данных предусмотрено использование архивов текущих аэрологических данных[1]. Наиболее подходящим вариантом архива для расчета климатических характеристик атмосферной дисперсии является разработанная при участии автора база данных за период наблюдений в несколько десятков лет[2]. Аэроклиматические данные позволяют получить лишь качественную картину условий атмосферной дисперсии.

2. Оценка репрезентативности опорной аэрологической станции

Для оценки степени репрезентативности опорной аэрологической станции Росгидромета по отношению к пункту/площадке ТЭС предусматривается проведение годового цикла синхронных наблюдений на пункте/площадке и на опорной станции. В большинстве случаев для равнинной местности полевые наблюдения проводятся в центральные месяцы сезонов. Далее по результатам статистического анализа данных синхронных наблюдений на пункте/площадке и на опорной аэрологической станции устанавливается статистическая связь между соответствующими метеопараметрами и выявляется возможность использования данных многолетних наблюдений на опорной станции. При наличии систематических отклонений между результатами измерений температуры и ветра на пункте/площадке и на опорной станции в последующие расчеты вносятся соответствующие поправки. Описанная процедура является привязкой пункта/площадки к опорной аэрологической станции.

В некоторых случаях, когда опорная аэрологическая станция находится вблизи пункта/площадки ТЭС, репрезентативность можно оценить путем анализа климатических и аэроклиматических условий территории.

3. Статистическая обработка текущих данных аэрологического

зондирования пограничного слоя атмосферы

К настоящему времени во Всероссийском научно-исследовательском институте гидрометеорологической информации — Мировом центре данных накоплен огромный массив данных по аэрологической сети России за период около 50 лет, включая данные по пограничному слою атмосферы. Для реализации расчетов климатических характеристик атмосферной дисперсии разработаны специальные базы данных по различным аэрологическим станциям, а также предназначенный для этих расчетов пакет программ «BL_PROGS». Подробное описание этих средств приведено в работе[3].

Комплекс программ «BL_PROGS» позволяет выполнить расчеты следующих характеристик, предусмотренных требованиями[4]:

— статистики числа наблюдений ветра и температуры у поверхности земли и на высотах пограничного слоя;

— повторяемостей штилей и слабых ветров у поверхности земли и на высотах;

— повторяемостей классов устойчивости атмосферы;

— средних значений высоты слоя перемешивания;

— средних значений вертикального градиента температуры в различных слоях;

— повторяемостей и средних значений мощности и интенсивности приземных инверсий по градациям высот верхней границы инверсий;

— повторяемостей и средних значений мощности и интенсивности приподнятых инверсий по градациям высот нижней границы инверсий;

— средних скалярных скоростей, модулей и направлений среднего результирующего вектора ветра у поверхности земли и на высотах;

— средних скалярных скоростей, модулей и направлений среднего результирующего вектора ветра, осредненного по вертикальным слоям;

— повторяемостей направлений ветра в 8 и 16 румбах и штилей у поверхности земли и на высотах;

— средних скоростей ветра в 8 и 16 румбах у поверхности земли и на высотах;

— массива совместных повторяемостей скорости и направления ветра в 8 и 16 румбах у поверхности земли и на высотах;

— массива совместных повторяемостей класса устойчивости атмосферы, скорости и направления ветра у поверхности земли и на высотах;

— массива совместных повторяемостей осадков и туманов, скорости и направления ветра у поверхности земли и на высотах.

Массив совместных повторяемостей класса устойчивости атмосферы, скорости ветра в градациях и направления ветра в 16 румбах позволяет обеспечить последующий расчет полей концентраций загрязняющих агентов, выбрасываемых из вентиляционных труб АЭС или дымовых труб ТЭС, применительно к гауссовой модели атмосферной дисперсии.

4. Расчет полей концентраций загрязняющих веществ, выбрасываемых из дымовых труб ТЭС

Упомянутый выше массив совместных повторяемостей класса устойчивости, скорости и направления ветра на высоте выброса для среднегодовых условий может быть использован для консервативной оценки поля концентраций для гауссовской модели дисперсии[5]:

---

[1] Руденкова Т. В. Формат архивации текущих аэрологических данных, поступающих по каналам связи для ПЭВМ//Труды ВНИИГМИ-МЦД. – 2010. Вып. – 174. – С. 41–63.

[2] Алдухов О. А., Брюхань А. Ф. Пакет программ статистической обработки аэро¬логиче¬ских данных для оценки условий атмосферной дисперсии при геоэколо¬гиче¬ском обосновании строительства АЭС и ТЭС//Вестник МГСУ. – 2012. – № 2. – С. 188–192.

[3] Там же.

[4] ВСН 34 72.111–92. Инженерные изыскания для проектирования тепло¬вых электриче¬ских станций. – М.: Минтопэнерго РФ. – 1992. – 121 с.; Основные требования по составу и объему изысканий и исследова¬ний при выборе пункта и площадки АС (СППНАЭ-87, п. 4.1). – М.: Минатом¬энерго СССР. – 1987. – 93 с.

[5] Atmospheric Dispersion in Nuclear Power Plant Siting: A Safety Guide//IAEA Safety se¬ries. – No 50-SG-S3. – Vienna: IAEA. – 1980. – 108 pp.

$$\overline{c}_j(r) = \frac{\sqrt{2/\pi}Q}{\vartheta r P_j} \sum_k \frac{1}{u_k} \sum_l \frac{n_{jkl}}{\sigma_{z,l}} \exp(-H^2 / 2\sigma_{z,l}^2) \qquad (1)$$

Здесь $\overline{c}_j(r)$ — среднегодовая концентрация загрязняющих агентов в j-м секторе горизонта на расстоянии r от источника, Q — мощность источника выбросов, ϑ – ширина углового сектора (в нашем случае $\vartheta = \pi/8$), P_j — вероятность направления ветра, дующего в сектор j, u_k — скорость ветра k-й градации, дующего в сектор j, n_{jkl} — массив совместных вероятностей направления ветра, его скорости и класса устойчивости атмосферы, H — высота источника, $\sigma_{Z,l}$ — параметр вертикальной дисперсии, зависящий от расстояния r и класса устойчивости атмосферы l[1]. Параметр $\sigma_{Z,l}$ зависит от расстояния r и класса устойчивости атмосферы. В модели Паскуилла-Фогта такая зависимость задается следующим выражением[2]:

$$\sigma_{z,l}(r) = p_l \cdot r^{q_l} \qquad (l = A, B, \ldots F), \qquad (2)$$

где p_l и q_l — эмпирические константы.

В выражении (1) присутствует скорость ветра, которая согласно[3] принимается при штилях равной 0.5 м/с. Классы устойчивости l, обозначаемые как A, B,... F, характеризуют следующие состояния атмосферы: A — предельно неустойчивое, B — умеренно неустойчивое, C — слабо неустойчивое, D — нейтральное, E — слабо устойчивое, F — устойчивое. Среднегодовая вероятность направления ветра P_j в выражении (1) определяется следующим образом:

$$P_j = \sum_k \sum_l n_{jkl} \qquad (3)$$

Описанная оценка применима для относительно ровной местности, характеризующейся однородной подстилающей поверхностью. Оценка не учитывает обеднения поля концентраций вследствие вымывания частиц осадками и их гравитационного осаждения, а также термического подъема дымового факела. Хотя эти факторы учесть достаточно просто, тем не менее, пренебрежение ими обеспечивает консервативную оценку поля концентраций.

Условия атмосферной дисперсии не зависят от компонентного состава и мощности выбросов. Поэтому в практических расчетах, учитывающих выбросы различных компонентов выбросов, используется коэффициент метеорологического разбавления примесей:

$$\psi_j(r) = \overline{c}_j(r) / Q \qquad (4)$$

Таким образом, расчет концентраций загрязняющих веществ сводится к определению среднегодового поля коэффициента метеорологического разбавления.

В качестве примера на рис. 1 представлен пример результатов расчета среднегодового поля коэффициента метеорологического разбавления для гипотетической ТЭС при высоте выброса 100 м.

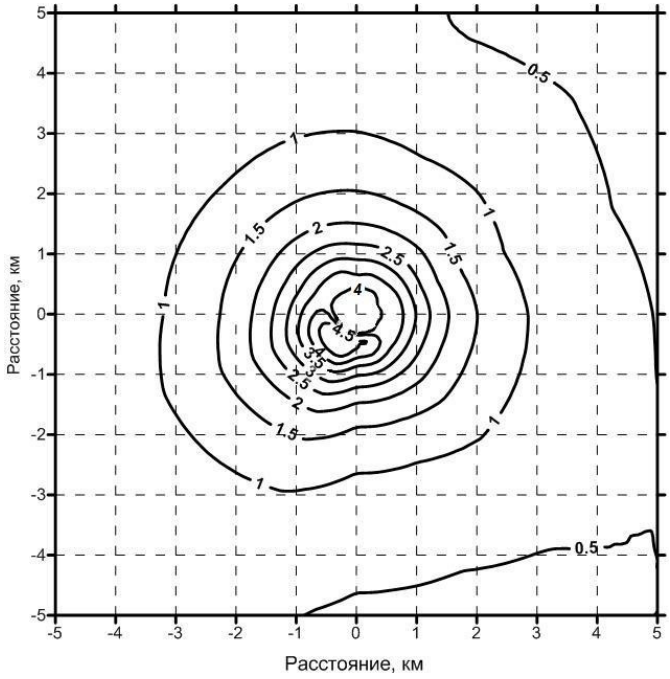

Рис. 1. Пространственное распределение коэффициента метеорологического разбавления

[1] Atmospheric Dispersion in Nuclear Power Plant Siting: A Safety Guide // IAEA Safety se¬ries. – No 50-SG-S3. – Vienna: IAEA. – 1980. – 108 pp.; Vogt K.G. Empirical Investigation of the Diffusion of Waste Air Plumes in the Atmos-phere // Nuclear Technologies. – 1977. – Vol. 34. – No 1. – PP. 43-57.

[2] Vogt K. G. Empirical Investigation of the Diffusion of Waste Air Plumes in the Atmos¬phere//Nuclear Technologies. – 1977. – Vol. 34. – No 1. – PP. 43–57.

[3] Kristensen L. Report from the Panel Discussion//Atmospheric Turbulence and Air Pollution Modelling. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. – 1984. – P. 311–321.

Горизонтальное распределение коэффициента разбавления показывает существенную неоднородность, обусловленную различием ветрового режима в разных направлениях, и в частности, розой ветров.

Необходимо отметить, что использование гауссовской модели атмосферной дисперсии более предпочтительно, чем модели ОНД-86[1], поскольку она использует данные высотных наблюдений ветра, что важно для дымовых труб высотой 100–300 м и более.

Заключение

1. Описаны основные этапы исследования атмосферной дисперсии в пунктах и на площадках размещения ТЭС.

2. Обосновывается возможность использования срочной аэрологической информации в пограничном слое атмосферы для оценки климатических условий атмосферной дисперсии. Схема расчета поля коэффициента метеорологического разбавления примесей адаптирована применительно к гауссовской модели дисперсии.

3. Приводится пример расчета поля коэффициента метеорологического разбавления примесей для площадки гипотетической ТЭС.

Список литературы:

1. Алдухов О. А., Брюхань А. Ф. Пакет программ статистической обработки аэрологических данных для оценки условий атмосферной дисперсии при геоэкологическом обосновании строительства АЭС и ТЭС//Вестник МГСУ. — 2012. — № 2. — С. 188–192.
2. Большов Л. А., Арутюнян Р. В., Линге И. И. и др. Ядерные технологии и экологические проблемы России в XXI веке//Бюллетень по атомной энергии. — 2003. — № 5. — С. 15–19.
3. Брюхань Ф. Ф., Иванов В. Н. Концептуальная схема аэрометеорологических исследований при выборе пункта и площадки атомных станций//Труды ИЭМ. — 1992. — Вып. 55 (155). — С. 3–12.
4. ВСН 34 72.111–92. Инженерные изыскания для проектирования тепловых электрических станций. — М.: Минтопэнерго РФ. — 1992. — 121 с.
5. Климатические характеристики условий распространения примесей в атмосфере: справочное пособие//Под ред. Э. Ю. Безуглой и М. Е. Берлянда. — Л.: Гидрометеоиздат. — 1983. — 328 с.
6. Методика расчета концентраций в атмосферном воздухе вредных веществ, содержащихся в выбросах предприятий. ОНД-86. — М.: Госкомгидромет СССР. — 1987. — 93 с.
7. Новый аэроклиматический справочник пограничного слоя атмосферы над СССР. Том. 1. Статистические характеристики температуры, давления, плотности, влажности. Кн. 1–10//Под ред. И. Г. Гутермана. — М.: Гидрометеоиздат. — 1985 (кн. 1–5), 1986 (кн.6–10). — 1802 с.
8. Новый аэроклиматический справочник пограничного слоя атмосферы над СССР. Том. 2. Статистические характеристики ветра. Кн. 1–10//Под ред. И. Г. Гутермана. — М.: Гидрометеоиздат. — 1986 (кн. 1–6), 1987 (кн. 7–10). — 1797 с.
9. Основные требования по составу и объему изысканий и исследований при выборе пункта и площадки АС (СППНАЭ-87, п. 4.1). — М.: Минатомэнерго СССР. — 1987. — 93 с.
10. Руденкова Т. В. Формат архивации текущих аэрологических данных, поступающих по каналам связи для ПЭВМ//Труды ВНИИГМИ-МЦД. — 2010. Вып. — 174. — С. 41–63.
11. СНиП 11–02–96. Инженерные изыскания для строительства. Основные положения. — М.: Минстрой России. — 1997. — 44 с.
12. СП 11–102–97. Инженерно-экологические изыскания для строительства. — М.: ПНИИИС. — 1997. — 41 с.
13. СП 11–103–97. Инженерно-гидрометеорологические изыскания для строительства. — М.: Госстрой России. — 1997. — 62 с.
14. Atmospheric Dispersion in Nuclear Power Plant Siting: A Safety Guide//IAEA Safety series. — No 50-SG-S3. — Vienna: IAEA. — 1980. — 108 pp.
15. Kristensen L. Report from the Panel Discussion//Atmospheric Turbulence and Air Pollution Modelling. — Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. — 1984. — P. 311–321.
16. Vogt K. G. Empirical Investigation of the Diffusion of Waste Air Plumes in the Atmosphere//Nuclear Technologies. — 1977. — Vol. 34. — No 1. — PP. 43–57.

Burak Leonid Cheslavovich, Mogilev State University of Food

Бурак Леонид Чеславович,

Учреждение образования «Могилевский государственный университет продовольствия»

The usage of elderberry in juice in cider production

Использование сока бузины в производстве сидров особых

Слабоалкогольный напиток является одним из распространенных продуктов, употребляемых такой социальной группой, как молодежь. В настоящее время в условиях экономического переустройства страны и введения рыночных механизмов наблюдается стабильный процесс переориентации некоторой части населения на потребление более высококачественных натуральных продуктов питания, в том числе и слабоалкогольных напитков. В связи с этим особый интерес представляет слабоалкогольный напиток — фруктово-ягодный сидр, обладающий более высокой пищевой ценностью по сравнению с крепленой алкогольной продукцией. Полезные свойства сидра обусловлены его химическим составом: высоким содержанием

[1] Методика расчета концентраций в атмосферном воздухе вредных веществ, содержащихся в выбросах предприятий. ОНД-86. – М.: Госкомгид¬ромет СССР. – 1987. – 93 с.

органических кислот, фенольных и минеральных веществ (макро- и микроэлементов), витаминов и др. Слабоалкогольные напитки на натуральном сырье, содержащие природные, в том числе растительные компоненты, позволяют обогатить организм биологически активными веществами. Вещества, накапливаемые в плодах, ягодах и растениях, действуют на организм мягче, чем синтетические препараты, физиологическая активность их шире. Плодово-ягодное сырье служит источником практически всех необходимых человеку микроэлементов и витаминов, поэтому перед пищевой промышленностью стоит задача создания технологий, сохраняющих полезный состав сырья[1].

Крупнейшие предприятия по переработке плодово-ягодного сырья Республики Беларусь используют любые произрастающие на территории плоды и ягоды, основными из которых являются: яблоки, земляника садовая (клубника), черника, черная смородина, вишня, слива, алыча, клюква[2].

В настоящее время, несмотря на обилие напитков, насыщающих потребительский рынок Беларуси, напитки брожения на основе плодово-ягодного сырья все еще можно отнести к редко встречаемым. Такие напитки способны не только удовлетворить потребность человека в жидкости, но и восполнить дефицит физиологически значимых веществ. В связи с этим особый интерес представляет слабоалкогольный напиток — фруктово-ягодный сидр, обладающий более высокой пищевой ценностью по сравнению с крепленой алкогольной продукцией. Полезные свойства сидра обусловлены его химическим составом: высоким содержанием органических кислот, фенольных и минеральных веществ (макро- и микроэлементов), витаминов и др. Он улучшает процесс пищеварения, ему свойственны диуретические, противоподагренные, противоревматические свойства, а повышенное содержание фенольных веществ позволяет использовать его для лечения лучевой болезни и выведения тяжелых металлов из организма (аналогично красным столовым винам).

Сидр (от французского слова Cidre) — шампанизированный слабоалкогольный напиток, получаемый в результате брожения яблочного сока[2.] Подтверждена полезность употребления сидра для организма, который обладает способностью блокировать свободные радикалы и, таким образом, замедлять процессы старения. Это свойство обусловлено содержанием в сидре фенольных соединений. Также, сидр ускоряет выведение токсичных веществ и нормализует работу желудочно-кишечного тракта, способствуя потере лишнего веса[3].

Сидр — это пищевой продукт, который освежает, утоляет жажду и поднимает жизненный тонус организма. Слабоалкогольные напитки на натуральном сырье, содержащие природные, в том числе растительные компоненты, позволяют обогатить организм биологически активными веществами. Вещества, накапливаемые в плодах, ягодах и растениях, действуют на организм мягче, чем синтетические препараты, физиологическая активность их шире. Напитки, приготовленные на натуральном сырье, гарантируют безопасность их потребления, вызывая приятные эмоциональные ощущения. Ценность химического состава бузины черной обеспечивается высоким уровнем органических кислот, витамина С, сахаров — глюкозы, фруктозы, углеводов сложного строения, дубильных и антоциановых веществ[4]. Анализ литературных источников и проведенные ранее нами исследования подтверждает, что плоды бузины, произрастающей на территории Республики Беларусь, является хорошим источником биологически активных веществ. Исследование высокоэффективной жидкостной хроматографией бузины установило присутствие пяти пиковых областей антоцианов: цианидин 3-самбубиозид-5-глюкозид ($[M+H]^+$ при m/z 743), цианидин 3,5-диглюкозид ($[M+H]^+$ при m/z 611), цианидин 3-самбубиозид ($[M+H]^+$ при m/z 581), цианидин 3-глюкозид ($[M+H]^+$ при m/z 449) и цианидин 3-рутинозид ($[M+H]^+$ при m/z 595). Суммарная концентрация антоцианов варьировалась от 756 мг/100 г в бузине дикорастущей до 957 мг/100 г в бузине садовой[5].

Использование сока бузины черной в технологических приемах повышает ценность продукции с сохранением биологически активных веществ. Поэтому, целью работы была разработка технологического процесса производства сидра особого, в составе которого входит сброженный яблочный сок и сок бузины. Физико-химические показатели определяли по стандартам, принятым в винодельческой промышленности: СТБ 1929–2009 (ГОСТ Р 51653–2000) «Винодельческая продукция и винодельческое сырье. Метод определения объемной доли этилового спирта», СТБ 1931–2009 (ГОСТ Р 51621–2000) «Винодельческая продукция и винодельческое сырье. Метод определения массовой концентрации титруемых кислот», СТБ 1930–2009 (ГОСТ Р 51654–2000) «Винодельческая продукция и винодельческое сырье. Метод определения массовой концентрации летучих кислот», СТБ 1932–2009 (ГОСТ Р 51655–2000) Винодельческая продукция и винодельческое сырье. Метод определения массовой концентрации свободного и общего диоксида серы, ГОСТ 13192–73 «Вина виноматериалы и коньяки. Метод определения сахаров».Массовую концентрацию фенольных веществ определяли колориметрически методом Фолина-Чокальтеу,

Результаты исследования и их обсуждение

С целью расширения ассортимента натуральных фруктово-ягодных сидров, формирования новых физико-химических, органолептических и физиологических свойств продукта совместно РУП «Научно-практический центр Национальной академии наук Беларуси по продовольствию» разработаны ТУ BY190130976.002 «Сидры особые газированные». В связи с необходимостью удовлетворения повышенного спроса на сидр именно в период его минимального количества, обусловленной

---

[1] Джаруллаев, Д. С. Факторы, влияющие на выход сока из яблока/Джаруллаев, Д. С., Касьянов, Г. И.//Пиво и напитки. - 2006. - N 3. - С. 44–45; Зуев, Е. Т. Функциональные напитки: их место в концепции здорового питания /Е. Т. Зуев//Пищевая промышленность. 2004. - № 7. - С. 21–23.

[2] Соки для промышленной переработки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pinskvino.com/index.php?option=com_content&view=article&id=35&Itemid=37&lang=ru

[3] Сидр [Электронный ресурс]. – http://hnb.com.ua/articles/s-zdorovie-sidr-2481

[4] Christensen, L. P., Knaack, K., & Frette, X. C. (2007). Selection of elderberry (Sambucus nigra L.) genotypes best suited for the preparation of elderflower extracts rich in flavonoids and phenolic acids. European Food Research and Technology, 227(1), 293–305; González-Molina, E, Gironés-Vilaplana, A, Mena, P, Moreno, DA, García-Viguera, C. New beverages of lemon juice with elderberry and grape concentrates as a source of bioactive compounds//J Food Sci. 2012 Jun;77(6):C727–33.

[5] ТимофееваВ.Н, Л. Ч. Бурак ,М. Л. Зенькова, А. В. Черепанова исследование химического состава ягод бузины, произрастающей на территории Республики Беларусь//Вестник Могилевского государственного университета продовольствия. – 2012. – № 1(12). – С. 3. – 7.

отсутствием в этот период свежего сырья, а также сложностью обеспечения длительной стабильности напитков, изготовленных в предыдущий год урожая, в качестве сырья для получения сидрового материала, используется концентрированный яблочный сок, сок концентрированный из бузины. Их преимуществами являются: малые объемы и возможность длительного хранения без снижения качества, что позволяет уменьшить затраты на хранение и транспортировку, высокая массовая концентрация сахаров, что позволяет использовать их для обеспечения в сидре необходимых показателей, объемную долю спитра и сахаров. Современное оборудование по производству концентрированных соков (вакуум-выпаривание, мембранная дистилляция и др.), позволяет сохранить в них почти все полезные вещества. В технологических операциях изготовления сидра используем особый сидровый материал, который является винодельческим продуктом с объемной долей этилового спирта от 1,5% до 10,0% и массовой концентрацией сахаров не более 3 г/дм$^{3.}$

Целью внесения в состав бузины явилось расширение ассортимента сидров, улучшение органолептических свойств продукта и обогащение его витаминами, антоцианами, танинами и биофлавоноидами.

Разработана технологическая инструкция производства сладкого газированного сидра “Яблоко с бузиной” согласно которой, предусматривается использование следующих компонентов: сидрового материала особого “Яблочного”, бузинового концентрированного сока, экстракта сухих ягод черной смородины, питьевой воды, сахара с последующим искусственным насыщением двуокисью углерода.

Технологический процесс изготовления сидрового материала особого “Яблочного” включает приготовление сусла из восстановленного яблочного концентрированного сока, брожение сусла, обработка сброженного сока (сидрового материала), хранение сидрового материала. Расход яблочного концентрированного сока был определен расчетным путем в зависимости от кислотности яблочного концентрированного сока с учетом внесения в купаж сидрового материала необходимого количества кислоты. Был разработан технологический процесс производства сидра, который включал следующие этапы: подготовка питьевой воды, изготовление сахарного сиропа, изготовление сидрового материала особого «Яблочный», обработка и купажирование, обработка купажа, фильтрация, охлаждение, сатурация, розлив.

Органолептические показатели сидра «Яблоко с бузиной» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Наименование показателя	Характеристика
Внешний вид	Прозрачный, без осадка и посторонних включений
Цвет	От янтарного до темно-янтарного с красным оттенком
Аромат и вкус	Гармоничный, яблочно-бузиновый с легкими оттенками черной смородины
Пенистые свойства	При наливе в бокал образовывается пена

Физико-химические показатели сидра «Яблоко с бузиной» указаны в таблице 2.

Таблица 2

Наименование показателя	Значение
Объемная доля этилового спирта,%	5,5
Массовая концентрация сахаров в пересчете на инвертный, г/дм^3	70,0
Массовая концентрация титруемых кислот в пересчете на яблочную, г/дм^3	3,5
Массовая концентрация общего диоксида серы, мг/дм^3	130,0
Давление двуокиси углерода в бутылках с сидром при температуре 20 ^{0} С, кПа	210,0
Антиоксидантная активность, мг/дм^3	640,0
Массовая концентрация фенольных веществ, мг/дм3	320,0
Массовая концентрация витамина С, мг/дм3	30,6
Массовая доля Fe, мг/дм^3	2,95
Массовая доля Zn, мг/дм^3	0,45
Массовая доля Cu, мг/дм^3	< 0,1
Массовая доля Ca, мг/дм^3	84,0
Массовая доля Mg, мг/дм^3	48,0
Массовая доля K, мг/дм^3	1422,0
Массовая доля Na, мг/дм^3	7,6

Изучение показателей безопасности свидетельствует, что в разработанном сидре “Яблоко с бузиной” содержание токсичных элементов не превышает допустимых уровней, установленных в Санитарных нормах, правилах и гигиенических нормативах «Гигиенические требования к качеству и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов», утвержденных Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь 09.06.2009 № 63.

В результате подбора компонентного состава сидров и применения современных технологических приемов на стадиях переработки плодово-ягодного сырья, брожения и обработки получен сидр «Яблоко с бузиной», обладающий антиоксидантными свойствами, высокими органолептическими и гигиеническими характеристиками. Технология, применяемая при изготовлении нового вида сидра, позволила максимально сохранить биологически активные вещества исходного плодово-ягодного сырья. Повышение пищевой ценности продукта достигнуто за счет введения дикорастущего сырья — бузины. Разработанный сидр, служат источником биологически полезных веществ, полезных для человеческого организма. Сидр “Яблоко с бузиной”, изготовленный на основе натурального сырья, является источником биологически активных веществ — антоцианов, таннинов, биофлавоноидов. Сочетание компонентов в составе сидра явилось наиболее приемлемым вариантом в контексте сохранения питательных веществ.

Заключение

С целью расширения ассортимента натуральных фруктово-ягодных сидров, формирования новых физико-химических, органолептических и физиологических свойств продукта разработаны ТУ BY190130976.002 «Сидры особые газированные». Определив качественный и количественный состав сахаров, кислот, антоцианов и других биологически активных веществ в ягодах бузины произрастающей на территории Республики Беларусь разработана ТИ BY190239501.9–20.459 Сидр «Яблоко с бузиной» Оценено влияние особенностей химического состава и свойств бузины на технологию данного вида сидра, определены качественные показатели готового продукта и его питательная ценность. Изготовление данного вида сидра, полученного в результате спиртового брожения плодово-ягодного сырья и купажирования с соком бузины позволяет получить натуральный продукт с высоким содержанием биологически активных веществ. Внедрение технологии фруктово-ягодных сидров позволяет заменить импортные слабоалкогольные напитки, произведенные с применением ароматизаторов и красителей, и создать конкурентоспособную продукцию, обладающую питательной ценностью и полезными свойствами, предназначенную для рынка ближнего и дальнего зарубежья.

Emelyanov Nikolay Vladimirovich, Samara state technical University,
senior lecturer of the chair of engineering graphics

Емельянов Николай Владимирович, Самарский государственный технический университет,
старший преподаватель кафедры инженерной графики

The technique of application of CAD/CAE — systems in scientific research

Методика применения CAD/CAE — систем в научных исследованиях

При решении практических и научных задач, связанных с обеспечением надежности станков с ЧПУ и повышением точности обработки, на этапах анализа и синтеза конструкции, технологической подготовки производства и научных исследованиях используют CAD/CAM/CAE/CAPP/PDM–технологии.

В процессе конструкторской и технологической подготовки производства используют системы автоматизированного проектирования (САПР), известные как CAD/CAM/CAE — технологии

Как известно, комплексы CAD делятся на легкие (CADAM, VersaCAD), средние (Solid Designer, Inventor, Mechanical Desktop) и тяжелые (интегрированные системы Pro/ENGINEER, Unigraphics, CATIA, I-DEAS, I/EMS, EUCLID). Самыми распространенными из них в ВУЗе (на начальных курсах обучения) являются AutoCAD и его приложения; КОМПАС — 3D и другие[1].

Обучение компьютерным технологиям, с целью подготовки квалифицированных специалистов, требует применения принципа непрерывной подготовки в ВУЗе, начиная с первого курса на кафедре «Инженерная графика» и заканчивая дипломным проектом на специализированных кафедрах. Их более глубокое изучение проводится на инженерных и профилирующих кафедрах, а также при обучении в аспирантуре. В рамках УНИРС студентами, бакалаврами, а также магистрами и аспирантами используются программные продукты: SolidWorks, DesignWorks, WinMachine, ADAMS и системы конечно-элементного анализа МКЭ — Nastran, Cosmos, ANSYS и т. д.

Применение в ВУЗе инновационных технологий в учебном процессе и научной деятельности студентов и аспирантов позволяют подготовить высококвалифицированных специалистов и молодых ученых.

При создании и в процессе эксплуатации различных видов технологического оборудования решение задач, связанных с обеспечением надежности и повышением точности обработки осуществляется по трем основным направлениям[2]. Первое — обеспечивается конструктивными методами. Второе направления связано с изготовлением и сборкой изделия (технологическое). Третье — с обеспечением эксплуатационной надежности, которая зависит от стабилизации условий эксплуатации и технического обслуживания (ремонт, профилактика, диагностика и т. д.).

Элементами станочной системы являются ее функциональные элементы: электромеханической системы станка; системы ЧПУ и АСУ электроприводов, проектирование которых можно условно разбить на взаимосвязанные части: проектирование цепей (электрических, механических и т. д. или их совокупности) и проектирование которых можно условно разбить на взаимосвязанные части: проектирование цепей (электрических, механических и т. д. или их совокупности) и топологическими, теоретико-множественными математическими и 2D, 3D графическими моделями. Проектирование цепей (электрических, механических и т. д. или их совокупности) и проектирование которых можно условно разбить на взаимосвязанные части: проектирование цепей (электрических, механических и т. д. или их совокупности) и топологическими, теоретико-множественными математическими и 2D, 3D графическими моделями.

В процессе решения задачи синтеза нового изделия отдельные детали, механизмы, объединяются в сборочный узел (рис. 1 в САД системе) через соединения того или иного вида[3].

где [A], [B], [R], [K_{per}], [H_1], [H_2] — соответственно взвешенные вершины — матрицы коэффициентов системы привода с координатами переменных- {x}, вектора управления — {u}, собственных операторов регуляторов, законов регулирования и коэффициентов вектора внешних воздействий -{f} на исполнительный орган — [H_1] и регуляторы — [H_2].

---

[1] Ли К. Основы САПР (CAD/CAM/CAE). — СПб.: Питер, 2004. –560 с.

[2] Емельянов Н. В., Зубенко В. Л. Информационные технологии при анализе и синтезе приводов станков с ЧПУ/Научные труды Межд н-пр конф «Фундаментальные проблемы и современные технологии в машиностроении». М.: МАШИНОСТРОЕНИЕ, ИМАШ РАН, МГПУИ, 2010. — 571 с. (С. 164–169).

[3] Там же.

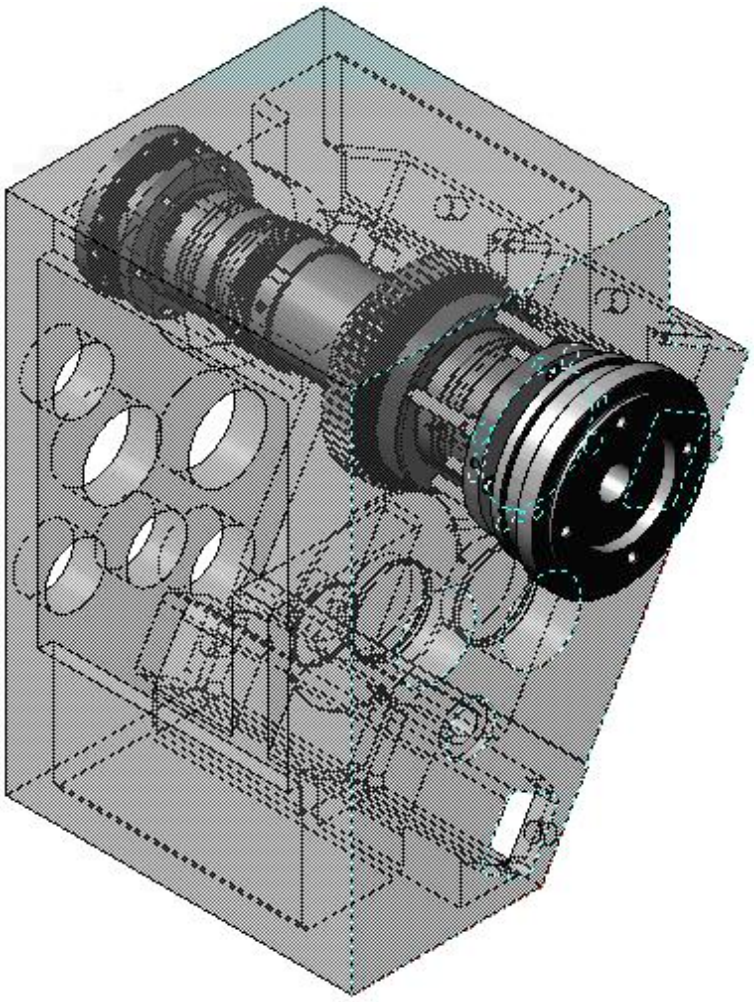

Рис. 1. Модель 3D шпиндельного узла станка с ЧПУ в КОМПАС 3D

Создание модели 3D при ее последующем расчете средствами CAE технологий (ANSYS; WinMachine и др.) является более трудоемкой операцией, чем создание данной модели средствами CAD (КОМПАС, ACAD) с последующей передачей в расчетную программу[1].

АСУЭП в векторах пространства состояний, система матричных уравнений имеет вид:

$$[A]\{x\} = [B]\{u\} + [H_1]\{f\},$$
$$[R]\{u\} = [K_{per}]\{x\} + [H_2]\{f\};$$

Структура механической части привода подачи может быть приведена к трехмассовой расчетной модели (рис. 2), параметрами которой являются приведенные моменты инерции — $\boldsymbol{I}_i$, движущие и нагрузочные моменты — M_i, углы поворота упругих звеньев — φ_i — (или угловые скорости — ω_i), приведенные податливости — $1/\boldsymbol{C}_{ij}$ и приведенное демпфирование — b_{ij}.

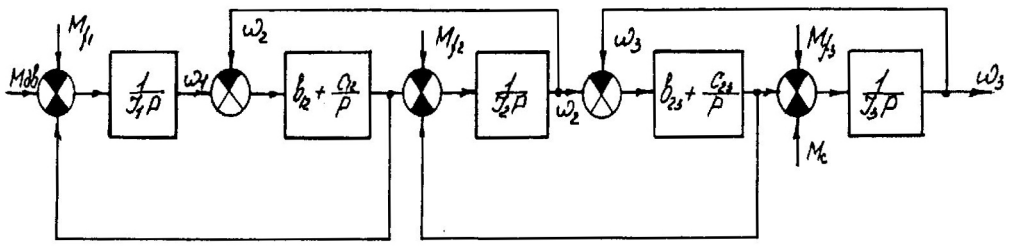

Рис. 2. Структурная блок-схема механической части привода

Методика теоретических и экспериментальных исследований включают многовариантный анализ, выполняемый путем многократного моделирования исследуемой системы при различных значениях варьируемых параметров[2]. Что позволяет выявить влияние значимых факторов на получаемый расчетный результат и дать практические рекомендации (с учетом экспериментальных исследований рис. 3,4) для получения оптимального (рационального) варианта.

---

[1] Басов К. А. ANSYS и Virtual Lab. Геометрическое моделирование. — М.: ДМК Пресс, 2006. — 240 с.

[2] Емельянов Н. В. Повышение параметрической надежности станков с ЧПУ//Сб. трудов второй Всерос. конф. молодых ученых и специалистов «Будущее машиностроения России». Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009.- С. 6–7.

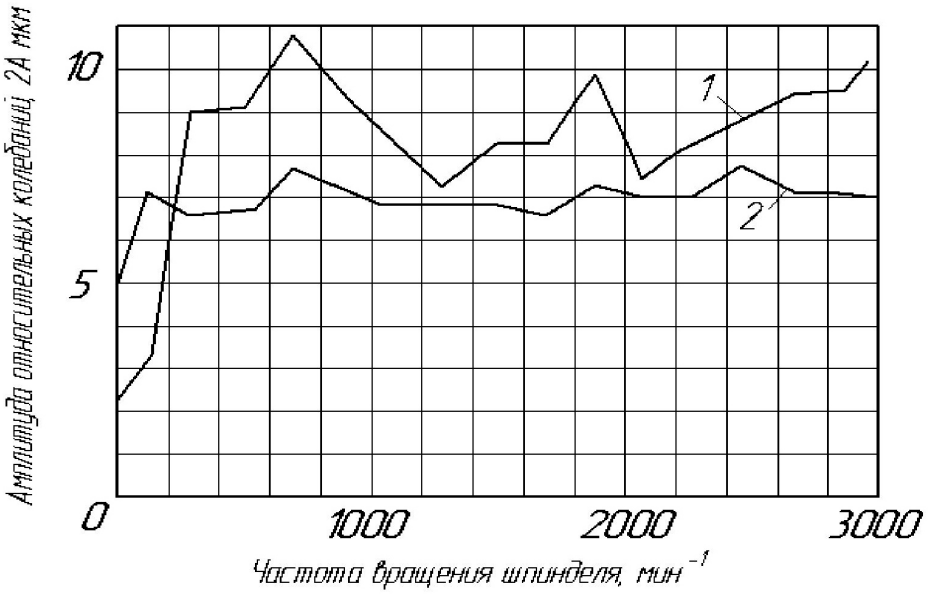

Рис. 3 График относительных колебаний станка модели 1716 ПФ3 с оправкой, закрепленной в патроне: 1 — при размыкании кинематической цепи между редуктором и шпинделем; 2 — при размыкании цепи между электродвигателем и редуктором

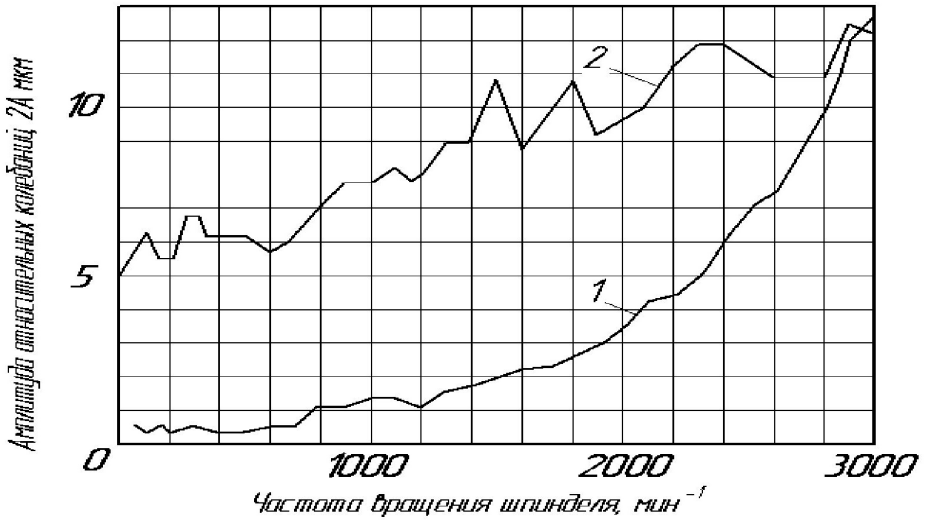

рис. 4 График относительных колебаний станка модели 1716 ПФ3: 1 — АЧХ с оправкой, закрепленной в конусе шпинделя; 2 — АЧХ с оправкой, закрепленной в патроне

Комплексной динамической характеристикой привода станка является траектория геометрической оси шпинделя в поперечном направлении.

Знание (аналитическое или экспериментальное) характерной траектории перемещения оси вращения шпинделя (токарно-винторезного станка модели 1716 ПФ3, 1716 ПФ4) и круглограммы и спектрограммы обработанной на нем поверхности детали позволяет установить связь параметров траектории оси шпинделя с показателями качества детали.

Одним из методов анализа профилей обработанных поверхностей является их гармоническое разложение с помощью тригонометрических рядов Фурье. Аналитическое выражение отклонений текущего размера профиля поперечного сечения реальной цилиндрической поверхности может быть представлено в виде ряда Фурье[1] как совокупность гармоник, образующих спектр фазовых углов и спектр амплитуд:

$$f(\varphi) \approx \frac{C_0}{2} + \sum_{k=1}^{k=n} C_k \cos(k\varphi + \varphi_k),$$

где k — порядковый номер гармоники; $C_0/2$ — нулевой член разложения; C_k — амплитуда k-й гармоники; φ — текущая координата; φ_k — начальная фаза k-й гармоники.

[1] Басов К. А. ANSYS и Virtual Lab. Геометрическое моделирование. — М.: ДМК Пресс, 2006. — 240 с.

Гармонический анализ позволяет получить спектр (разложение на гармонические составляющие) профиля (и относительных колебаний) и определить наличие в нем тех или иных гармоник (рис. 5), влияющих на точность обработки.

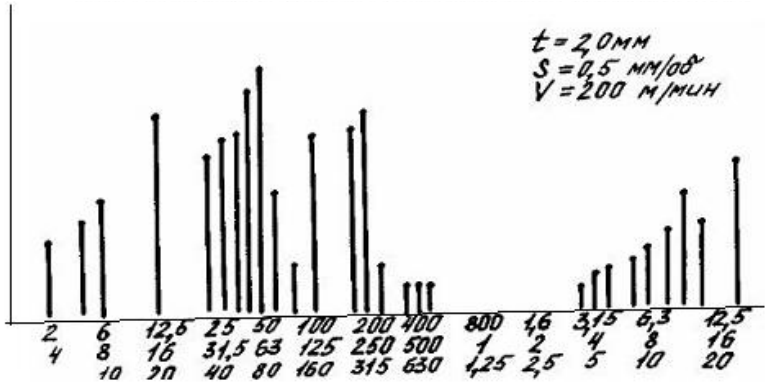

Рис. 5 Частотный спектр относительных колебаний станка при резании

Проведенные исследования влияния динамических явлений системы «инструмент-заготовка» при устойчивом резании на показатели качества детали позволили разработать и внедрить ряд практических рекомендаций, направленных на повышение динамического качества токарных и токарно-револьверных модулей средних типоразмеров, заключающихся, в частности, в повышении жесткости стыка «станина-шпиндельная бабка», в конструктивном изменении и доработке зубчатого редуктора, а также в повышении требований к вращающимся узлам и деталям по статической и динамической балансировке.

Это позволило существенно снизить уровень амплитуд относительных колебаний, исключить ряд резонансных зон в диапазоне частот вращения шпинделя 0 …6000 мин-1 и повысить виброустойчивость системы и точность обработки (рис. 6).

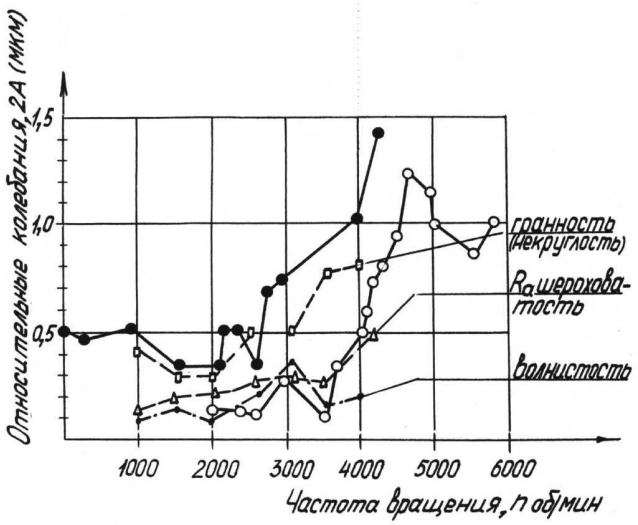

Рис. 6 Влияние уровня относительных колебаний системы «инструмент- деталь» станка с ЧПУ модели 1716 ПФ4 на точность обработки

Использование подобной методики позволяет значительно сократить время на освоение компьютерной техники и информационных технологий, способствует совершенствованию форм и методов обучения, интенсификации учебного процесса.

В конечном итоге это является основой лучшего усвоения учебного материала, приобретения практических навыков применения вычислительной техники в решении инженерных задач и выполнения проектных работ, выработке и принятию обоснованных решений, мотивации и активизации самостоятельной работы студентов (УНИРС) и выполнения научных исследований.

Список литературы:

1. Басов К. А. ANSYS и Virtual Lab. Геометрическое моделирование. — М.: ДМК Пресс, 2006.
2. Емельянов Н. В. Повышение параметрической надежности станков с ЧПУ//Сб. трудов второй Всерос. конф. молодых ученых и специалистов «Будущее машиностроения России». Москва: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009.
3. Емельянов Н. В., Зубенко В. Л. Информационные технологии при анализе и синтезе приводов станков с ЧПУ/Научные труды Межд н-пр конф «Фундаментальные проблемы и современные технологии в машиностроении». М.: МАШИНОСТРОЕНИЕ, ИМАШ РАН, МГПУИ, 2010.
4. Ли К. Основы САПР (CAD/CAM/CAE). — СПб.: Питер, 2004.
5. Москалёва Т. С., Емельянова И. В., ЗубенкоВ. Л., Емельянов Н. В. Геометрическое моделирование в CAD/CAE системах автоматизированного проектирования/Сб-к научных трудов «Информационные технологии и технический дизайн в профессиональном образовании и промышленности». Новосибирск, НГТУ. — 2010.

Emelyanova Irina Viktorovna, Samara state technical University,
candidate of technical Sciences, associate Professor of the chair of engineering graphics
Емельянова Ирина Викторовна, Самарский государственный технический университет,
к. т.н., доцент кафедры инженерной графики

Innovative technologies in educational process

Инновационные технологии в учебном процессе

Повышение качества подготовки специалистов в ВУЗ-е неразрывно связано с вопросами инновационной деятельности в образовании, внедрением современных технологий в образовательный процесс и решением проблем автоматизации образования на базе международных стандартов серии ISO 9000 и CAD/CAM/CAE-технологий.

В соответствии с новыми учебными планами 2-х уровневой системы образования для ряда специальностей факультетов СамГТУ на кафедре «Инженерная графика» и «Автоматизированные станочные комплексы» ведутся разработки и внедрение в учебный процесс компьютерных технологий обучения.

Обучение компьютерным технологиям, с целью подготовки квалифицированных специалистов (бакалавров и магистров) для работы с системами автоматизированного проектирования САПР[1], требует применения принципа непрерывной подготовки в ВУЗе, начиная с первого курса на кафедре «Инженерная графика» и заканчивая выпускной квалификационной работой по данной специальности на специализированных кафедрах.

Их более глубокое изучение проводится на профилирующих кафедрах, а также при обучении в магистратуре или в аспирантуре. В рамках УНИРС студентами, бакалаврами, а также магистрами и аспирантами используются программные продукты: SolidWorks, АРМ WinMachine, ADAMS и системы конечно-элементного анализа МКЭ — Nastran, Cosmos, ANSYS и др.

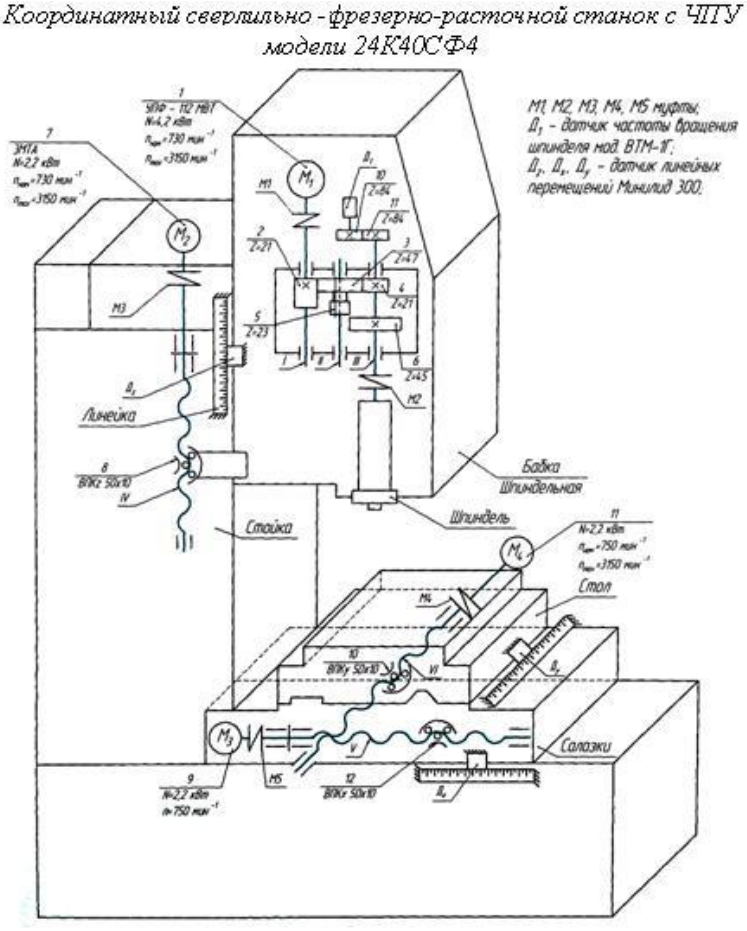

Рис. 1. Координатно-расточной станок модели 24 К40 СФ4

При создании процессе проектирования новых видов технологического оборудования решение задачи синтеза изделия его отдельные детали, механизмы собираются в сборочный узел, систему (см. рис. 1 в САД системе), образуя стыки, соединения того или иного вида[2].

При этом необоснованное увеличение натяга подвижных соединений ведет, как правило, к росту зоны нечувствительности при реверсе, снижению точности позиционирования исполнительных органов за счет влияния сил трения предварительно нагруженных элементов и узлов станка.

---

[1] Ли К. Основы САПР (CAD/CAM/CAE). – СПб.: Питер, 2004. -560 с.

[2] Кирилин-Ю. В. Моделирование подвижного и неподвижного стыков металлорежущего станка/Ю. В. Кириллин, П. Е. Дышловенко, Н. В. Еремин//СТИН. —2003. —№ 9. —С. -22–28.

Улучшение динамических характеристик станков с ЧПУ, повышение точности обработки связано, в частности, с решением задач повышения жесткости элементов несущей системы и созданием оптимальной величины предварительного натяга в ее соединениях.

Современные CAD/CAM/CAE — технологии и метод конечных элементов, дают возможность разработки и внедрения новых, более точных и эффективных методик расчета и оптимизации корпусных деталей станков и несущей системы НС в целом.

Задача моделирования НС может быть разделена на две: разработка расчетных моделей базовых деталей и разработка расчетных моделей стыков между ними (подвижных и неподвижных).

Разработанная методика построения САД/CAE модели несущей системы координатно-расточного станка с ЧПУ, позволяет получить результаты расчета ее динамических характеристик (на основе программных продуктов NX7 и ANSYS) с последующим сопоставлением с экспериментальными данными. В качестве CAE системы, реализующей МКЭ, использован программный комплекс ANSYS. В качестве объекта исследования был выбран станок мод. 24 К40 СФ4 самарского производства КРС.

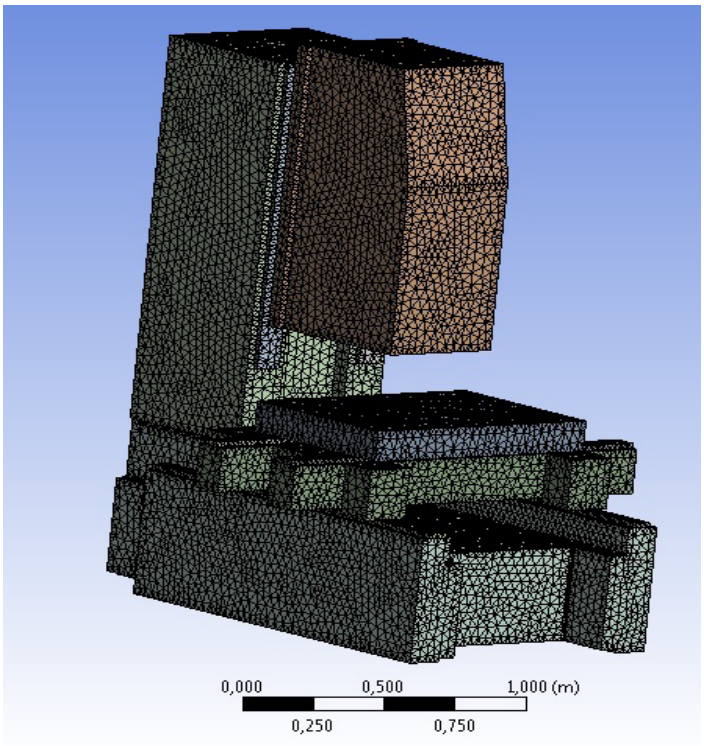

Рис. 2. Расчетная модель НС станка

Расчетной моделью является геометрическое представление объекта 3D, разбитого сеткой конечных элементов (КЭ), максимально приближенное по форме к реальной конструкции (см. рис. 2).

Несущая система станка представляет собой совокупность его базовых деталей и стыков между ними, через которую замыкаются силовые факторы, возникающие между режущим инструментом и заготовкой в процессе резания[3].

Расчет ведется в следующей последовательности:

1. Элементы несущих систем делятся на группы: (Станины и основания, коробки скоростей, шпиндельные бабки салазки, револьверные головки и т. п.).

2. Проводится классификация элементов несущих систем по их геометрической форме: (Детали типа стержней пластин, коробок и др.)

3. Устанавливаются статические, динамические и тепловые нагрузки, действующие на несущую систему, кинематические возмущения (со стороны основания).

4. Погрешности изготовления элементов станка, которые можно рассматривать как кинематические возмущения (например, отклонения формы направляющих), обычно известны лишь по уровню (в максимальных отклонениях).

5. Построение расчетной модели узла на основе объемных КЭ (элемент типа Solid 45) и оболочковых КЭ (элемент типа Shell63)), что существенно упрощает разработку расчетной модели и позволяет существенно уменьшить количество КЭ по сравнению с использованием (только) объемных элементов[1].

6. В результате расчета статических и динамических характеристик несущей системы станка устанавливаются резонансные частоты (пики динамической характеристики АЧХ), адекватность расчетной модели и возможность ее использования для расчета динамической податливости НС с требуемой точностью.

[1] Москалёва Т. С., Емельянова И. В., ЗубенкоВ. Л., Емельянов Н. В. Геометрическое моделирование в CAD/CAE системах автоматизированного проектирования/Сб-к научных трудов «Информационные технологии и технический дизайн в профессиональном образовании и промышленности». Новосибирск, НГТУ. – 2010. С. 9–14с.

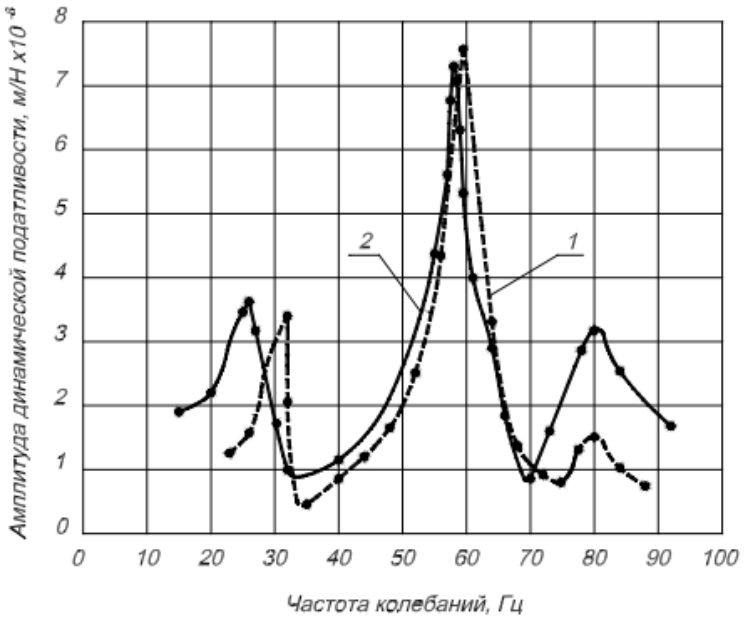

Рис. 3. Амплитудно-частотная характеристика станка3:

1,2 — соответственно расчетная и экспериментальная кривая

7. Наиболее важной динамической характеристикой НС станка является ее амплитудно-частотная характеристика (АЧХ). В связи с этим основное внимание при проведении экспериментальных исследований НС станка должно быть уделено получению ее АЧХ. Именно с ней в дальнейшем сравнивают расчетную АЧХ несущей системы для проверки адекватности разработанной расчетной модели НС (см. рис. 3).

8. Кроме АЧХ несущей системы станка к динамическим характеристикам относятся формы резонансных колебаний НС. Форма колебания НС станка на резонансной частоте представляет собой картину ее максимальных деформаций под действием внешней периодической нагрузки, действующей на станок с резонансной частотой.

Для выявления влияния элементов конструкции НС на динамические характеристики необходимо рассчитать и выполнить анализ форм колебаний станка на резонансных частотах.

Расчет форм колебаний НС станка выполняется с использованием уже разработанной расчетной модели НС в программном комплексе ANSYS путем расчета амплитуд резонансных колебаний НС на выявленных резонансных частотах. Расчетные формы колебаний представлены на (рис. 4–7).

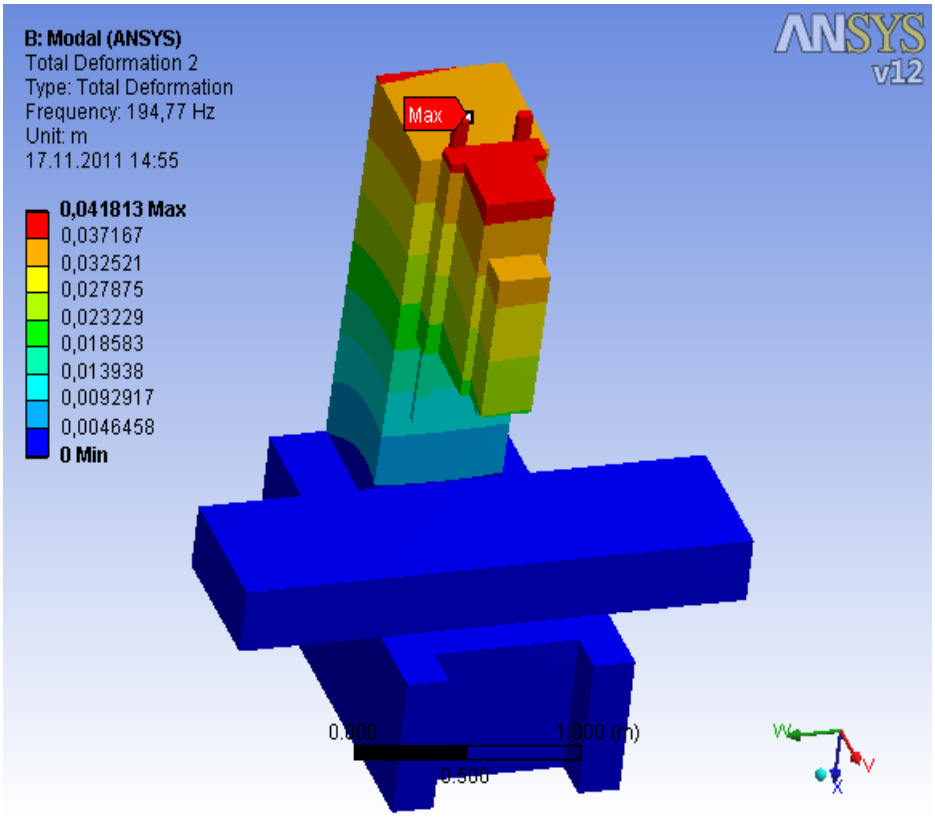

Рис. 4. Деформации (формы колебаний) узлов станка на частоте 194,77 Гц

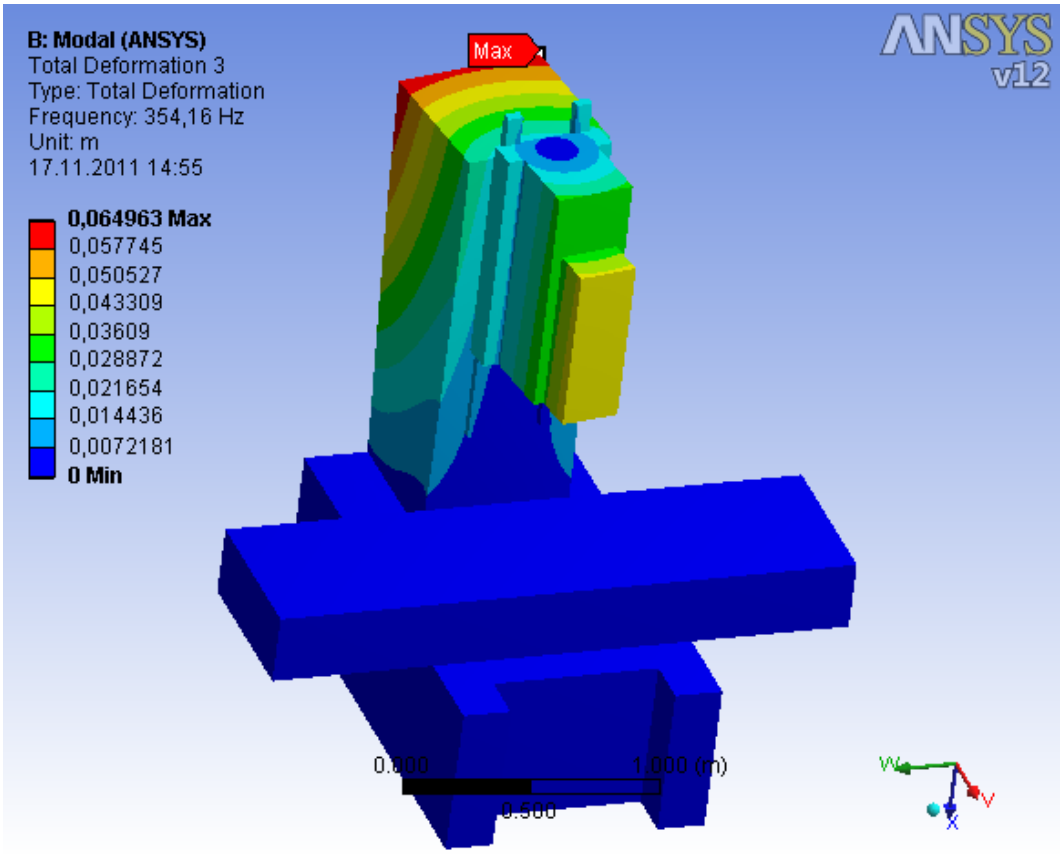

Рис. 5. Деформации (формы колебаний) узлов станка частоте 354,16 Гц

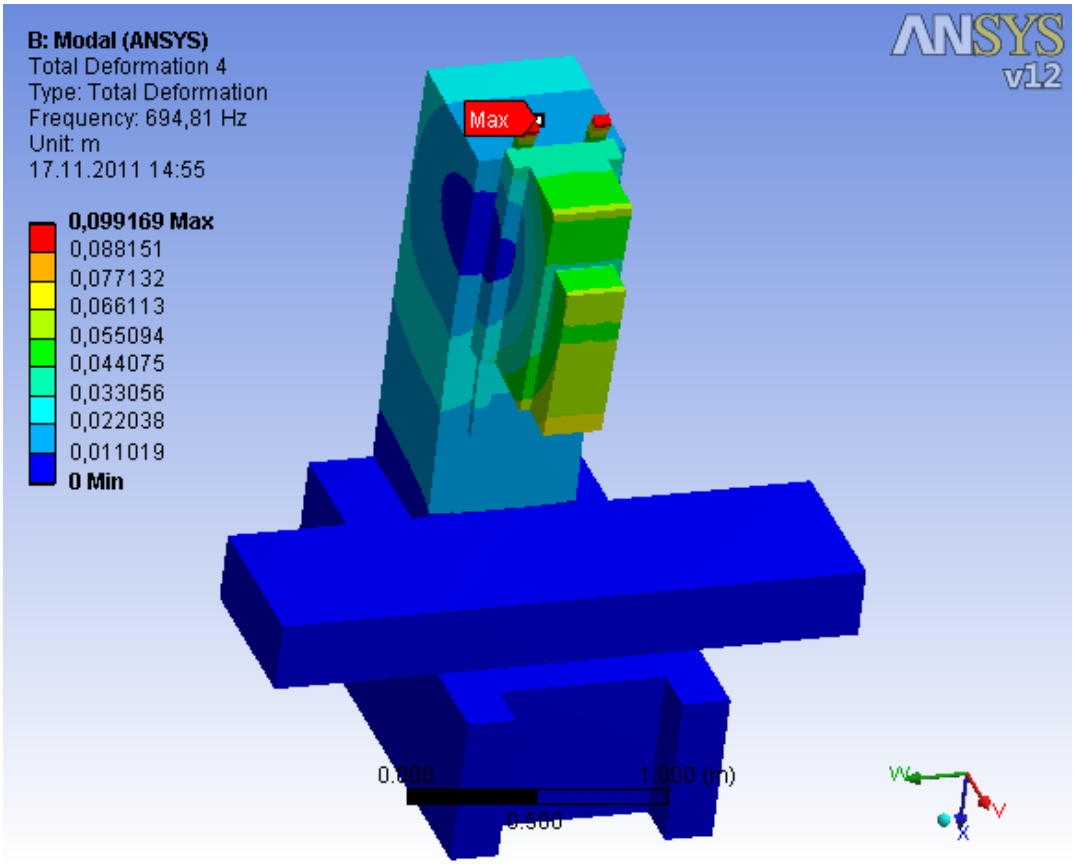

Рис. 6. Деформации (формы колебаний) узлов станка частоте 694,81 Гц

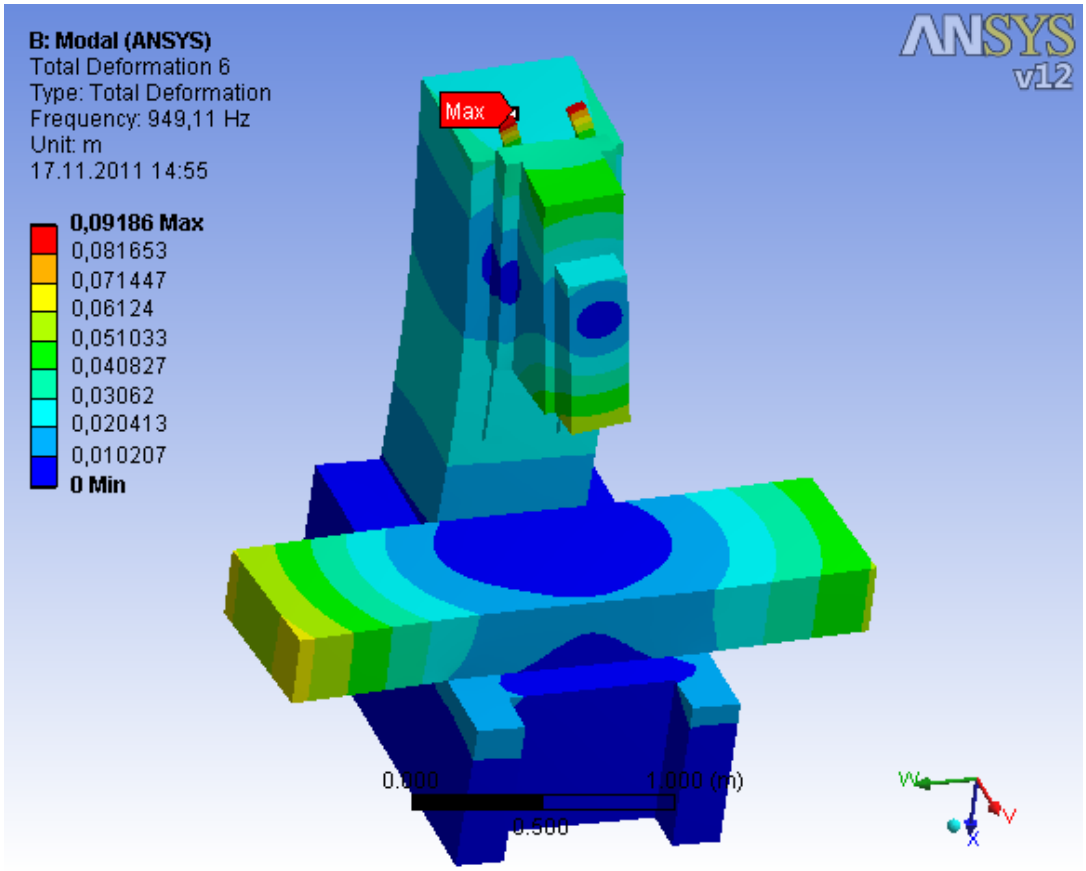

Рис. 7. Деформации (формы колебаний) узлов станка частоте 949,11 Гц

Изменение частот собственных колебаний несущей системы координатно — расточного станка, проведенное при варьировании исходных данных: (с учетом податливостей стыков и дополнительно приложенных масс; с учетом только податливостей стыков без учета масс; без учета податливости стыков и приложенных масс) приведены на графике (рис. 8).

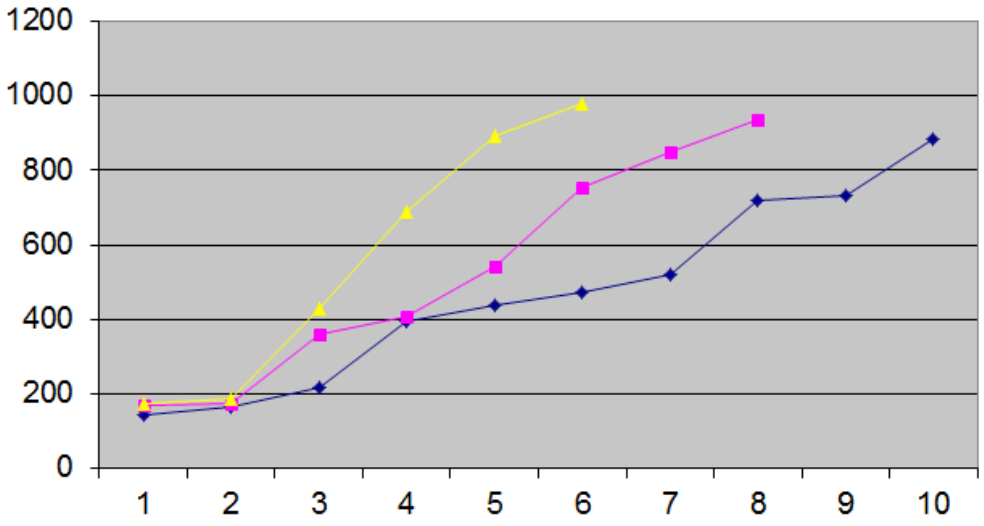

Рис. 8. Сравнение частот собственных колебаний несущей системы координатно расточного станка при изменении исходных данных: ♦ — с учетом податливостей стыков и приложенных масс; ■ — с учетом податливостей стыков без учета масс; ▲ — без учета податливости стыков и приложенных масс

Экспериментальные исследования станка, как правило, проводятся с помощью вибратора[1].

Колебания на станок с вибратора передаются через оправку, которая устанавливается на место инструмента в шпинделе. Частота колебаний вибратора изменяется в пределах 10–90 Гц. Амплитудно-частотная характеристика НС строится по точке, расположенной вблизи приложения возбуждающей силы.

[1] Москалёва Т. С., Емельянова И. В., ЗубенкоВ. Л., Емельянов Н. В. Геометрическое моделирование в CAD/CAE системах автоматизированного проектирования/Сб-к научных трудов «Информационные технологии и технический дизайн в профессиональном образовании и промышленности». Новосибирск, НГТУ. – 2010. С. 9–14с.

Анализ форм колебаний НС станка на резонансных частотах (рис. 4–7) позволяют выявить отклонения деталей и узлов от исходного положения, величины контактных деформаций в стыках и влияние указанных факторов на точность обработки.

Методика теоретических и экспериментальных исследований включают многовариантный анализ, выполняемый путем многократного моделирования исследуемой системы при различных значениях варьируемых параметров для получения оптимального (рационального) варианта конструкции.

Проведенные исследования дают возможность разработки конкретных мероприятий, направленных на снижение уровня амплитуд относительных колебаний, исключения резонансных зон в диапазоне частот вращения шпинделя 0 …3000 мин-1 и повысить виброустойчивость системы и точность обработки.

Использование разработанной методики позволяет значительно сократить время на освоение компьютерной техники и информационных технологий, способствует совершенствованию форм и методов обучения, интенсификации учебного процесса.

Применение в ВУЗе инновационных технологий в учебном процессе и научной деятельности студентов и аспирантов позволяют подготовить высококвалифицированных специалистов и молодых ученых.

Список литературы:

1. Кирилин Ю. В. Моделирование подвижного и неподвижного стыков металлорежущего станка/Ю. В. Кирилин, П. Е. Дышловенко, Н. В. Еремин//СТИН. —2003. —№ 9.
2. Ли К. Основы САПР (CAD/CAM/CAE). — СПб.: Питер, 2004.
3. Москалёва Т. С., Емельянова И. В., ЗубенкоВ. Л., Емельянов Н. В. Геометрическое моделирование в CAD/CAE системах автоматизированного проектирования/Сб-к научных трудов «Информационные технологии и технический дизайн в профессиональном образовании и промышленности». Новосибирск, НГТУ. — 2010.

Zhigunov Pavel, Russian State University of Tourism and Service
Candidate of technical science
Жигунов Павел Александрович, Филиал ФГБОУ ВПО «РГУТиС» в г. Смоленске,
заведующий кафедрой автосервиса

The conception of the perspective system of the electric drive of car wheels

Концепция перспективной системы электропривода колес автомобиля

Современный автомобиль практически исчерпал возможности своего совершенствования как механического устройства. Двигатель внутреннего сгорания, используемый в качестве преобразователя тепловой энергии в механическую, обеспечивает в настоящее время КПД близкий к максимально возможному для тепловых машин. Следует учитывать, что крайне неприятным последствием сопровождающим процесс работы ДВС являются выброс вредных веществ наносящие вред окружающей среде и здоровью человека. Мероприятия, направленные на уменьшение концентрации вредных выбросов и реализуемые конструкторами ДВС являются результатом компромисса, а снижение вредных выбросов, как правило, реализуется за счет ухудшения динамики автомобиля и снижения КПД ДВС.

Перспективным направлением реализации направления уменьшения вредных выбросов ДВС повышения экономичности с сохранением технических характеристик автомобилей является создание автомобилей с гибридным приводом. Существующая в настоящее время тенденция использования гибридного привода является совершенствованием классического привода автомобиля путем оснащения дополнительно к двигателю внутреннего сгорания и электрическим двигателем. При этом автомобили, использующие для привода колес помимо двигателя внутреннего сгорания и электродвигатель, получили название гибридных автомобилей

По принципу взаимодействия электрической и топливной составляющих авто, гибридные приводы принято разделять на две категории: последовательный и параллельный. В последовательном гибриде двигатель внутреннего сгорания соединения с колесами не имеет вообще, но служит в качестве генератора для зарядки батарей. Роль тягового двигателя в гибридах играет электромотор, питаемый или батареями, или генератором. Если же имеем дело с параллельной схемой, то здесь к колесам «присоединен» и двигатель внутреннего сгорания (посредством коробки передач), и электромотор.

Одним из примеров современного гибридного автомобиля является Toyota Prius в структуре силовой установки, присутствуют элементы системы и параллельного, и последовательного привода. При разработке Prius конструкторы решали две задачи — обеспечение максимальной дальности поездки на автомобиле и снижение уровня загрязнения окружающей среды. В определенной мере эти задачи конструкторами решены.

Используя электромотор в качестве вспомогательного, получена возможность отказаться от прожорливого и мощного двигателя внутреннего сгорания. Двигатель меньшей мощности вырабатывает меньше энергии (что вполне допустимо) и потребляет меньшее количество горючего. В городских условиях Prius работает в качестве электромобиля. Бензиновый агрегат включается лишь в случае сильной нагрузки — во время обгона или движения по скоростной магистрали.

Обеспечивает слаженную работу всех элементов гибридной системы, бортовой компьютер, который следит за всеми параметрами автомобиля и управляет комбинированной системой торможения.

Однако указанный привод имеет существенный недостаток, заключающийся в использование стандартных механических элементов для передачи вращающего момента от двигателей к колесам через систему валов и дифференциал, который служит для передачи, изменения и распределения крутящего момента между двумя потребителями и обеспечения, при необходимости, их вращения с разными угловыми скоростями. Дифференциал является одним из основных конструктивных элементов трансмиссии.

Основным недостатком дифференциала является устойчивое распределение крутящего момента только при надежном и одинаковом сцеплении колес с поверхностью дороги. При движении автомобиля по скользкой дороге он может привести к остановке автомобиля. Известно, что при движении по скользкой дороге одно из колес встречает большее сопротивление, тогда как другое проскальзывает — буксует. Дифференциал, в силу своей конструкции, заставляет вращаться буксующее колесо с увеличивающейся скоростью. Другое колесо при этом останавливается. Сила тяги на буксующем колесе, по причине низкой силы сцепления, мала, поэтому и крутящий момент на этом колесе тоже мал. А так как дифференциал это симметричное устройство, то на другом колесе крутящий момент тоже будет небольшим и автомобиль не может сдвинуться с места. Для продолжения движения необходимо увеличить крутящий момент на свободном колесе. Это осуществляется с помощью блокировки дифференциала. При распределении вращающих моментов на колеса от одного источника механической энергии без дифференциала не обойтись.

Обойтись без дифференциала, при современном состоянии технологии и электронных схем, микропроцессорной техники, можно путем создания автомобиля с полным приводом при использовании индивидуального электродвигателя для вращения каждого колеса. При таком подходе исключаются все элементы механической трансмиссии — отпадает необходимость в сцеплении, коробке передач, системы карданных валов и дифференциале. При этом на перспективный электропривод планируется возложить решение следующих задач:

— обеспечение заданного (оптимального) вращающего момента в начале движения автомобиля с места и ускорении;

— расчет и обеспечение заданных скоростей и моментов вращения колес на прямолинейных участках дороги, движении на поворотах и развороте автомобиля (функции дифференциала, но без присущего недостатка ненадежного сцепления колес при движении по скользкой дороге);

— обеспечение адаптивного к условиям движения алгоритма привода колес (полный привод, привод колес передней оси, задний привод, диагональный привод);

— создание гибкой системы рекуперации энергии при торможении;

— обеспечение упрощенной реализация АБС и системы курсовой устойчивости;

— исключение возможности неоптимальной скорости вращения колес на скользкой поверхности.

Суть идеи полного привода не нова, однако ранее приводы колес обеспечивали только изменение скорости вращения колеса, за счет регулирования величины постоянного напряжения подаваемого на двигатель постоянного тока. В настоящее время, при формировании концепции электропривода необходимо учитывать тот факт, что высококачественные электроприводы должны иметь широкий диапазон регулирования. Обеспечивать управление вращающим моментом, интенсивное ускорение и торможение. В недавнем прошлом в широкодиапазонных приводах использовались коллекторные двигатели постоянного тока из-за высоких регулировочных характеристик.

Однако классические двигатели постоянного тока имеют низкую надежность и ограниченный ресурс, в процессе эксплуатации требуют трудоемкого обслуживания, создают мощные широкополосные радиопомехи[1].

Указанных недостатков лишены трехфазные асинхронные двигатели переменного тока. Эти двигатели значительно надежнее, почти не требуют обслуживания, имеют более высокую удельную мощность, особенно на высоких скоростях вращения. Однако применяемый до недавнего времени способ управления двигателями переменного тока заключался в изменении частоты напряжения питающего статорные обмотки в зависимости от знака сигнала ошибки по скорости, огранивал их применение низкодинамичными приводами с узким диапазоном регулирования[2].

Развитие элементной базы, позволило в настоящее время создать в электрической машине переменного тока магнитные поля, интенсивность и положение которых является оптимальным для определенного положения ротора двигателя[3]. Как правило, эти способы основываются на решении уравнения Парка-Горева и в итоге сводятся к управлению положением результирующего вектора магнитного поля. Реализация данного способа управления до недавнего времени была неосуществима, поскольку векторное управление требует большого объема вычислений. С появлением недорогих однокристальных цифровых процессоров сигналов высокой производительности, которые способны обеспечить полосу пропускания контура управления до 4 кГц при выполнении этими процессорами векторных преобразований сигналов, пропорциональных токам и напряжениям фаз двигателя.

Для управления асинхронным трехфазным электродвигателем привода колеса автомобиля может быть использована известная схема управления фирмы Analog Devices с использованием однокристальных контроллеров семейства ADMC3xx. Указанные контроллеры служат для векторного управления трехфазными двигателями переменного тока. Упрощенная схема управления одним двигателем показана на рис. 1.

На вход регулятора поступают сигналы, зависящие от токов двигателя, а также от положения и скорости вращения его ротора. Основным датчиком положения является синусно-косинусный вращающийся трансформатор (СКВТ). Цифровой процессор сигналов используется для векторных вычислений в реальном времени, которые необходимы для генерации сигналов управления полупроводниковыми ключами мостового инвертора. Инвертор способен формировать квазисинусоидальное трехфазное напряжение с частотой в диапазоне 0–250 Гц. Для двигателя имеющего восемь пар полюсов, скорость вращения якоря двигателя будет изменяться от 0 до 1875 оборотов в минуту.

В настоящее время известны электродвигатели привода колес в частности электромотор английской фирмы Protean Electric с пиковой мощностью 80 кВт и крутящим моментом в 800 Нм. Диаметр, толщина и вес каждого двигателя — 420 мм, 115 мм и 31 кг соответственно.

Электромотор фирмы Mitsubishi имеет диаметр 310 миллиметров и толщину 220 миллиметров он развивает 20 киловатт мощности и 600 Нм крутящего момента. Два таких двигателя компания установила в задние колёса экспериментального Colt EV.

---

[1] Волович Г. И. Схемотехника аналоговых и аналогово-цифровых электронных устройств. — М.: Издательский дом «Додэка-XXI», — 2005.

[2] Там же

[3] Там же

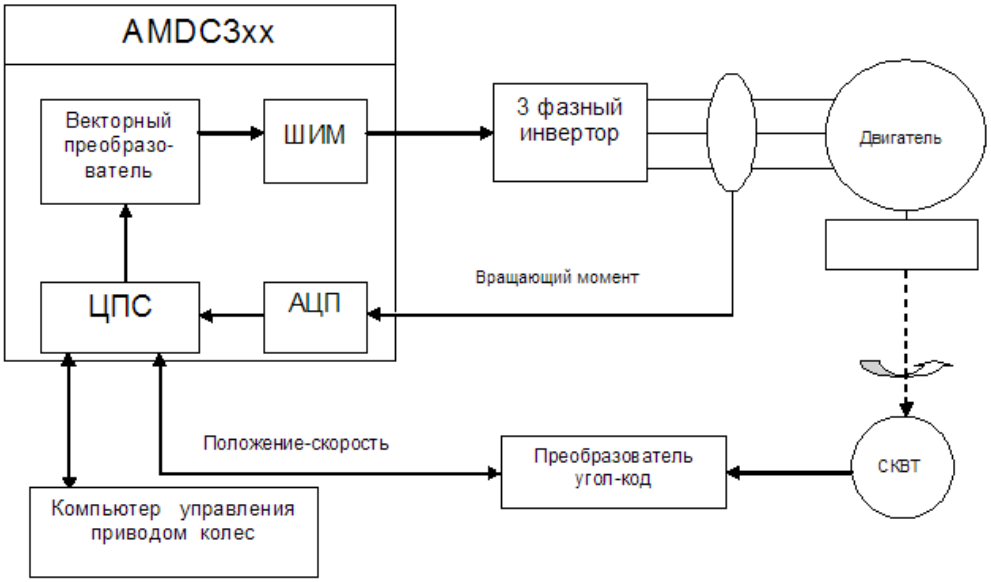

Рис. 1 Схема управления асинхронным электродвигателем на базе ADMC3xx

При построении электропривода следует учитывать некоторые особенности работы электродвигателя[1]. Кратковременно электродвигатель может развивать мощность, превосходящую номинальную в несколько раз (для некоторых типов шестикратно). Опыт использования электродвигателей в широкодиапазонных следящих приводах показывает, что значительную часть времени он работает с пониженными нагрузками и только кратковременно со значительными перегрузками. Следует ожидать, что в режиме езды по городу (около 60 км/ч) электродвигатели привода колес будут работать в режиме пониженной нагрузки. В режиме ускорений при обгоне — кратковременно со значительными перегрузками. При движении на скоростных магистралях двигатели будут работать с мощностью близкой к номиналу.

Для защиты электродвигателей от перегрузок целесообразно установить в корпусе электромотора температурные датчики, а максимальную величину вращающего момента ограничить трехкратным превышением номинала и временем 20–40 секунд. Ориентируясь на стандартные режимы движения, этого времени будет достаточно для совершения обгона и выполнения ускорения до достижения скорости автомобиля близкой максимальному значению. В интересах более объективного и эффективного контроля поведения автомобиля при управлении электроприводом колес целесообразно использовать информацию о скорости движения машины и ее производных.

В режиме круиз контроля возможна ситуация, что для обеспечения заданной скорости не потребуется номинальная мощность всех электродвигателей, а достаточно будет использовать тяговые усилия двух двигателей. В этом случае для экономии ресурса и повышения эффективности элементов электропривода алгоритмом работы бортового компьютера предусмотреть режим использования достаточного количества двигателей (но минимально 2). При этом незадействованные для тяги двигатели использовать для рекуперативного торможения при движении на спусках.

Двигатель внутреннего сгорания целесообразно использовать только для решения двух задач:

— заряда АКБ при снижении ее емкости в процессе движения ниже определенной величины;

— обеспечения совместной работы с АКБ (буферный режим) при длительных и значительных ускорениях автомобиля, а также в процессе движения на высоких скоростях по магистралям.

В целях достижения максимального ресурса ДВС целесообразно обеспечить режим его работы на оптимальной скорости вращения без существенных ускорений, что позволит минимизировать также количество вредных выбросов. Стабилизацию напряжения на выходе электрического генератора обеспечить путем изменения тока возбуждения. Мощность ДВС и соответственно электрогенератора целесообразно выбрать в результате испытаний. При этом следует признать приоритетным направлением совершенствования комбинированных приводов — повышение емкости АКБ, перед увеличением мощности ДВС.

При движении на поворотах центральный процессор должен рассчитать скорости вращения колес (соответственно частоту переменного тока формируемого инвертором) движущих по внутренней и наружной дуге поворота. При выполнении поворота значения частоты переменного тока дополнительно корректировать обеспечением равенства вращающих моментов двигателей находящихся на одной оси. Для решения этой задачи рулевой механизм следует оснастить датчиком положения рулевой рейки. При прямолинейном движении значения частот переменного напряжения выдаваемого на электродвигатели должны быть одинаковыми.

Для плавного снижения скорости автомобиля при торможении использовать рекуперацию электрической энергии, для экстренного торможения дополнительно применять классическую тормозную систему, в том числе классической остается схема стояночного тормоза.

Следует обратить особое внимание на то, что предлагаемый привод исключает возможность асинхронного вращения колес автомобиля, и существенного различия вращающихся моментов колес на твердой поверхности. На скользкой поверхности скорость вращения колес будет одинакова, независимо от надежности сцепления с дорогой. В режиме буксования одного или нескольких колес они в любом случае будут вращаться, с заданной компьютером скоростью, причем снижение

[1] Волович Г. И. Схемотехника аналоговых и аналогово-цифровых электронных устройств. — М.: Издательский дом «Додэка-XXI», — 2005.

вращающего момента буксующего колеса, не повлияет на вращающие моменты колес с надежнов сцеплением с подстилающей поверхностью. В данном случае устраняется недостаток присущий дифференциалу, а автомобиль с предлагаемым приводом, безусловно, будет обладать повышенной проходимостью (учитывая, что кратковременно вращающий момент колеса, при надежном сцеплении с дорогой может достигать трех номинальных).

В заключение следует отметить, безусловно, реализация индивидуального электропривода колес является перспективным направлением развития автомобилей и его реализация возможна только при комплексном использовании последних достижений технологии, науки и техники.

Список литературы:

1. Волович Г. И. Схемотехника аналоговых и аналогово-цифровых электронных устройств. — М.: Издательский дом «Додэка-XXI», — 2005.

Vladimir V. Martirosyan, branch FGAOU VPO "North-Caucasian Federal University" in Pyatigorsk, Associate Professor of "Food Technology and Commodity"

Malkina Valentine Danilovna, FGBOU VPO "Moscow State University of Technology and management. KG Razumovsky "Professor" Technology of bread, macaroni and confectionery "

Zhirkova Elena, branch FGAOU VPO "North-Caucasian Federal University" in Pyatigorsk, Associate Professor of "Food Technology and Commodity"

Мартиросян Владимир Викторович, филиал ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, доцент кафедры «Технология продуктов питания и товароведения»

Малкина Валентина Даниловна, ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского», профессор кафедры «Технология хлебопекарного, макаронного и кондитерского производств»

Жиркова Елена Владимировна, филиал ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, доцент кафедры «Технология продуктов питания и товароведения»

Comparison of hydrophilicity native and extrusion wheat bran

Сравнительная оценка гидрофильности нативных и экструзионных пшеничных отрубей

Для экструзионной технологии пищевых продуктов применяют преимущественно растительные биополимеры. Изучение распределения и состояния воды в экструдатах позволит расширить знания по определению энергии взаимодействия молекул воды с биополимерами, осуществлять корректировку технологических режимов и существенно влиять на показатели качества экструдатов.

По величине энергии взаимодействия молекул воды с биополимерами характеризуют основные типы воды. К первой фракции воды следует отнести гидратационную воду. Ее количество, как правило, определяют количеством воды, необходимым для завершения молекулами воды мономолекулярного слоя, охватывающего молекулу биополимера. В зависимости от типа полимеров эта функция составляет, 0,3–0,45 г воды на г Св. Гидратационная вода также неоднородна по составу, и ее состояние определяется характером химических функциональных групп биополимеров. В частности, для белков, содержащих заряженные, полярные и гидрофобные аминокислотные остатки, гидратационная вода разделяется на три группы. Вода, гидратирующая заряженные группы, содержится в количестве около 0,1 г воды на г Св. Ее энергия взаимодействия оценивается в 12–13 ккал/моль воды. Следующая фракция воды — гидратирующая полярные группы, завершается при содержании воды в белковом порошке, в среднем, до 0,2 г воды на г Св. Энергия взаимодействия этой группы гидратационной воды составляет 2–5 ккал/моль воды. Наконец, третья фракция воды гидратирует слабополярные и гидрофобные группы. Энергия ее взаимодействия составляет менее 0,5–2 ккал/моль. Как правило, при большем содержании воды в системе, биополимеры переходят из порошкообразной формы в тестообразную. Фактически, рассмотренные фракции воды следует отнести к адсорбционной воде, гидратирующей молекулы белков и полисахаридов. При большем содержании воды в системе, энергия взаимодействия молекул воды с биополимерами снижается и эту фракцию относят к осмотической воде, структурно входящей в состав микрокапилляров или сетку геля. Количество этой фракции определяется дисперсностью и микроструктурой полимерного материала и может варьировать в широком диапазоне. Фракция осмотической воды может быть неоднородна по составу, в зависимости от характера распределения частиц биополимеров, по размерам и плотности связей, образуемых частицами белков и полисахаридов в тесте или геле. К последней фракции воды, в составе осмотической, можно отнести воду в крупных капиллярах, порах и неоднородностях. По существу, этот тип воды является раствором низкомолекулярных веществ и/или биополимеров в микрообъеме теста или геля.

Для оценки состояния воды в регидратированных образцах использовали метод ядерного магнитного резонанса (по протонам 1 Н ЯМР).

Относительная подвижность молекул воды определялась на основании данных измерения времен спин-спиновой релаксации T_2. В основе такой оценки лежит тот факт, что протоны молекул воды, интенсивно взаимодействующие с химическими группами макромолекул, быстрее обмениваются энергией с окружением по сравнению с молекулами воды в объеме. Это приводит к тому, что дополнительная спиновая энергия, полученная протонами при воздействии внешнего импульсного поля, рассеивается быстрее. Следовательно, время релаксации наведенной намагниченности этой группы протонов молекул воды короче по сравнению со временем релаксации намагниченности для молекул воды в объеме растворителя. Кроме того,

молекулы воды интенсивно взаимодействующие с химическими группами макромолекул, имеют ограниченную вращательную и трансляционную подвижность. Поэтому молекулы воды, имеющие меньшую подвижность характеризуются и более коротким временем релаксации индуцированной намагниченности.

Релаксационные характеристики молекул воды определяли на релаксометре «Minispec PC-20» с рабочей частотой 20 МГц. Рабочий объем ячейки составлял 0,5 мл при ее внутреннем диаметре 7 мм. Измерения проводили при температуре 30^0 С. Образец помещался в ячейку и вместе с ней термостатировался в течение 5 минут в рабочем зазоре релаксометра. Для измерения времени спин-спиновой релаксации протонов T_2 была использована импульсная последовательность Карра-Парселла-Мейбума-Джилла, учитывая что кроме протонов воды в образцах присутствовали протоны макромолекул. Времена релаксации таких протонов в гелеобразных образцах лежат в диапазоне десятков или сотен микросекунд. В этом же диапазоне лежит и время релаксации молекул воды, входящих в молекулярный гидратационный слой макромолекул. Конструктивные особенности прибора позволяли выбирать такие параметры импульсной последовательности, что доступное для измерения минимальное время T_2 имело величину порядка нескольких миллисекунд. Таким образом, вклад протонов макромолекул в наблюдаемый спад намагниченности был незначителен. Влияние гидратационной воды на релаксационные свойства других слоев воды происходило в результате процессов быстрого обмена протонов и, как правило, усреднения времени спин-спиновой релаксации для пространственно близко расположенных фракций воды. Доступными для наблюдения являются молекулы воды, входящие в микрокапилляры сетки геля или крупные капилляры.

Для регидратированных образцов спад наилучшим образом аппроксимировался двумя экспонентами:

$$M(t) = M_1 \cdot \exp\left(\frac{-t}{T_{2a}}\right) + M_2 \cdot \exp\left(\frac{-t}{T_{2b}}\right),$$

где M (t) — амплитуда намагниченности в зависимости от времени,

M_1, M_2 и $T_{2\,a}$, T_{2b} — амплитуда и время спин-спиновой релаксации первого и второго экспоненциальных вкладов соответственно.

Критерием аппроксимации была минимизация суммы квадратов отклонений экспериментальных значений от теоретически рассчитанных. Кроме времени спин-спиновой релаксации выделяемых вкладов, были рассчитаны доли этих вкладов в суммарную намагниченность M (0) в момент окончания намагничивающего импульса генератора (момент t=0 на спаде намагниченности). Доля i-го вклада P_i, i=1,2 рассчитывается так:

$$P_i = \frac{M_i}{\sum_{i=1}^{n} M_i},$$

где n — число экспоненциальных вкладов в суммарную намагниченность. Точность определения времени релаксации составляла 2%.

$$\frac{1}{T_2} = \frac{P_1}{T_{2a}} + \frac{P_2}{T_{2b}}$$

На рисунке 1 представлен типичный спад намагниченности протонов воды в гидратированных порошках биополимеров.

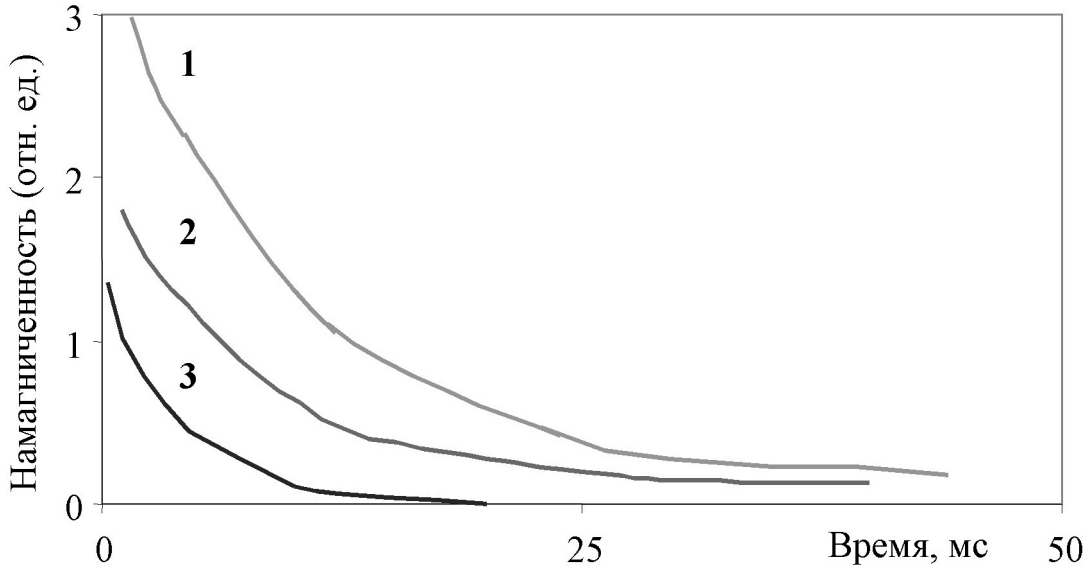

Рисунок 1 — Типичный спад намагниченности протонов воды в гидратированных порошках биополимеров

Спад намагниченности для пшеничных отрубей влажностью 45%. На графике обозначено: 1-наблюдаемый спад намагниченности, 2,3 — выделяемые экспоненциальные составляющие намагниченности, характеризуемые, соответственно, временами релаксации $T_{2\,a}$ и T_{2b}, а также вкладами в суммарную намагниченность P_a и P_b.

По данным протонной ЯМР-релаксометрии интегральная гидрофильность экструзионных пшеничных отрубей несколько ниже гидрофильности нативных отрубей (рисунки 2–3). Последний факт является несколько неожиданным, поскольку в ходе процесса термопластической экструзии происходит клейстеризация крахмала, что приводит к повышению его гидрофильности. Вместе с тем, при экструзии происходит денатурация белков, что приводит к снижению их водопоглощения вследствие экспонирования гидрофобных групп. Следует принимать во внимание, что экструзионные пшеничные отруби имеют несколько большую степень кристалличности. Большая кристалличность является следствием преимущественного взаимодействия полисахаридных молекул друг с другом и препятствует их взаимодействию с водой.

Спад намагниченности

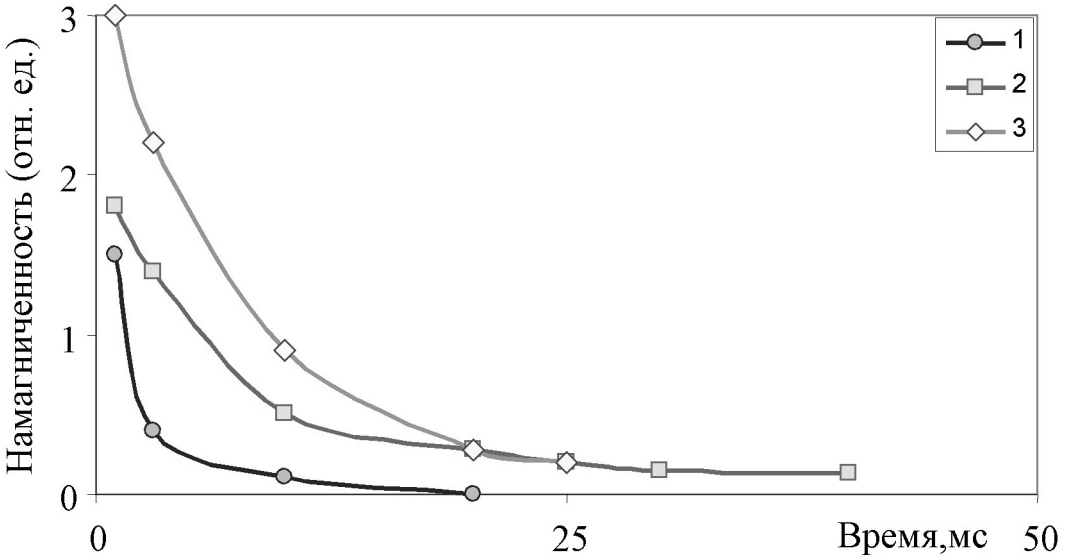

Рисунок 2 — Отруби пшеничные (влажность 45%)

T_{2a} = 14,7 мс, T_{2b} = 4,8 мс, P_a = 53,7%, P_b = 46,3%

Спад намагниченности

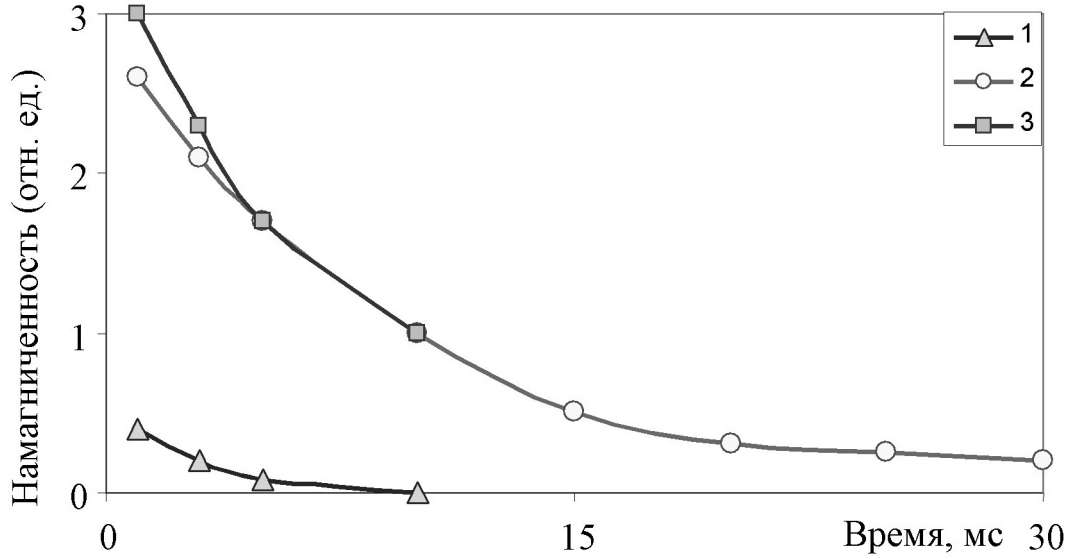

Рисунок 3 — Экструзионные пшеничные отруби (влажность 45%)

T_{2a} = 14,3 мс, T_{2b} = 2,7 мс, P_a = 85,3%, P_b = 14,7%

Примечание: 3 — наблюдаемый спад; 1 и 2 — составляющие намагниченности, характеризуемые соответственно временем релаксации $T_{2a,}$ T_{2b} и вкладами в суммарную намагниченность P_a, P_b.

Перечисленные причины, по-видимому, обусловливают меньшую интегральную гидрофильность экструзионных отрубей, энергия взаимодействия молекул воды в них с биополимерами выше по сравнению с нативными отрубями. Можно полагать, что локальная гидрофильность молекул экструзионных отрубей выше, чем нативных, что согласуется с представлениями о физико-химической модификации биополимеров в ходе экструзии и подтверждается данными морфологических исследований. Однако интегральная гидрофильность, характеризуемая средним временем релаксации, оказывается ниже для экструзионных отрубей, вследствие резкого снижения фракции воды с более ограниченной подвижностью, то есть более связанной.

Таким образом, энергия взаимодействия макромолекул экструзионных отрубей с молекулами воды возрастает, однако доля фракции более связанной воды резко падает, что и приводит к снижению интегральной гидрофильности экструзионных отрубей.

По результатам оценки состояния воды в регидратированных экструдатах методом ЯМР-релаксометрии установлено, что гидрофильность пшеничных экструзионных отрубей ниже гидрофильности нативных отрубей, вследствие денатурации белковых веществ, снижения водопоглотительной способности и экспанирования гидрофобных групп, а также образование кристаллов в процессе экструзии, при повышении локальной гидрофильности молекул экструзионных отрубей.

В пищевых экструзионных технологиях возможна модификация физико-химических свойств пшеничных отрубей с включением в экструзионные смеси добавок, позволяющих в широком диапазоне регулировать гидрофильность экструзионных продуктов, и, в связи с этим, показатели качества готовых изделий.

Natalia Pashkevich
Graduate student of "Safety" Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "KemTIPP"
Vera Zubareva
Assistant Professor of «Safety» Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «KemTIPP»
Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor
Yuri Ivanov
Professor of «Safety» Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «KemTIPP»
Candidate of Technical Sciences, Professor
Dmitry Besperstov
Graduate student of «Safety» Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «KemTIPP»
Пашкевич Наталья Александровна, ФГБОУ ВПО «КемТИПП»
аспирант кафедры безопасности жизнедеятельности
Зубарева Вера Андреевна, ФГБОУ ВПО «КемТИПП»
канд. техн. наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности
Иванов Юрий Иосифович, ФГБОУ ВПО «КемТИПП»
канд. техн. наук, проф. кафедры безопасности жизнедеятельности
Бесперстов Дмитрий Александрович, ФГБОУ ВПО «КемТИПП»
аспирант кафедры безопасности жизнедеятельности

Efficiency fire alarm systems. False alarm system or as low qualification of experts?

Эффективность систем пожарной сигнализации. Ложные тревоги как атрибут системы или низкая квалифицированность специалистов?

В России ежегодно возникает значительное количество пожаров природного и техногенного характера. В 2011 г. только на территории Кузбасса произошло 3924 пожара, при этом погибло 274 человека и 110 получили травмы. Риск травмирования людей от опасных факторов пожара за последнее десятилетие в Кемеровской области (при численности населения 2 763 135 человек) превышает нормируемый уровень риска, равный 10^{-6}(1/год) и составляет а риск гибели людей на пожаре — 3,981· 10^{-6}(1/год)

Приказом МЧС России в 2009 г. введен новый порядок учета пожаров и оценки их последствий, в соответствии с которым учету подлежат пожары, причинившие материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства. Официальная пожарная статистика не принимает к учету инциденты.

В 2011 г. в мире произошло около 8 млн. пожаров. Риск гибели людей от опасных факторов пожара составляет 1,214· 10^{-6}(1/год). Практически половина погибших приходились на Индию и страны постсоветского пространства[1]. Анализ представленных данных показывает, что в мире примерно за год на каждую тысячу жителей приходится один пожар, при этом каждый 100-й уносит в среднем одну человеческую жизнь.

Анализ статистических данных о местах возникновения пожаров свидетельствует, что первое место занимают пожары на свалках, горение кустарников и травы (35%), около половины пожаров приходится на жилые здания (30%) и автотранспорт (18%). Оставшиеся пожары относятся к лесным, транспортным, пожарам в зданиях и пр[2].

Ввиду того, что частота возникновения пожаров в зданиях жилого назначения выше, чем на других объектах, а также учитывая, что плотность людского потока в них выше, то на эти пожары приходится свыше 90% от всех погибших на пожарах[3].

В России уровень пожарной опасности объектов требует кардинальных мер по решению вопросов, направленных на снижение частоты реализации пожароопасных ситуаций. Одним из способов контролирования состояния пожарной опасности

[1] Брушлинский Н. Н., Соколов С. В. Роль статистики пожаров в оценке пожарных рисков//Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2011. № 1. – с. 112–124.

[2] Там же

[3] Пожары и пожарная безопасность в 2009 г. статистический сборник/Под общ. ред. Н. П. Копылова. – М. ВНИИПО. – 2010. - 135 с.: ил. 40.

объектов является применение автоматических систем обнаружения пожаров, предназначенных для раннего обнаружения возгораний и выдачи соответствующей информации.

Обнаружение признаков пожара на ранней стадии развития обеспечивает эффективную локализацию и тушение. Спроектированная и установленная в соответствии с нормативными требованиями автоматическая система обнаружения преобладающих[1] факторов пожара обеспечивает оперативное оповещение о пожарной ситуации, указывая при этом место ее возникновения.

Кузбасс является крупным промышленным регионом России. Многие объекты жизнедеятельности в соответствии с требованиями пожарной безопасности оснащены системами пожарной автоматики. Анализ эффективности использования данных систем на объектах в Кемеровской области представлен на рисунке 1.

В таблице 1 приведен анализ эффективности работы систем пожарной сигнализации в России за 2008–2011 гг[2]..

Таблица 1 — Анализ работы систем пожарной сигнализации в России (2008–2011 гг.)

Показатель	Система пожарной сигнализации							
	сработала ложно				не сработала			
	2008	2009	2010	2011	2008	2009	2010	2011
Количество пожаров, ед.	42	3	3	-	159	207	206	146
Прямой материальный ущерб, тыс.руб.	10 061	0	42	-	57 301	25 205	133	279
Погибло людей, чел.	1	0	0	-	9	14	8	7
Травмировано, чел.	6	2	1	-	7	22	21	18

Рисунок 1 — Эффективность срабатывания систем пожарной автоматики в Кемеровской области

Данные, приведенные на рисунке 1, показывают, что в исследуемом периоде эффективность срабатывания систем пожарной автоматики нестабильна.

С целью повышения эффективности работы систем пожарной сигнализации (СПС) 2009 г. стали применяться новые конструкции средств автоматики. Однако их применение не обусловило надежности работы СПС, так как данные системы оказались сложны как по монтажу, так и по обслуживанию и управлению, что требовало определенных знаний и навыков работы у обслуживающего персонала. А квалификация специалистов, обслуживающих системы пожарной сигнализации, оказалась недостаточной.

Анализ работы автоматических систем пожарной сигнализации и пожаротушения, применяемых в Кузбассе позволил выявить основные причины отказов и ложных срабатываний, это:

— неудовлетворительное качество монтажа и обслуживания (58%);

— помехи (посторонние предметы, электромагнитные наводки, некачественное заземление, короткое замыкание) (12%);

[1] В соответствии с п. 13.1 СП 5.13130.2009 «Системы противопожарной защиты. Установки пожарной сигнализации и пожаротушения автоматические» преобладающим фактором пожара считается тот, обнаружение которого происходит на начальной стадии пожара за минимальное время

[2] Пожары и пожарная безопасность в 2009 г. статистический сборник/Под общ. ред. Н. П. Копылова. – М. ВНИИПО. – 2010. - 135 с.: ил. 40;Пожары и пожарная безопасность в 2010 г. статистический сборник/Под общ. ред. В. И. Климкина. – М. ВНИИПО. – 2011. - 140 с.: ил. 40;Пожары и пожарная безопасность в 2011 г. статистический сборник/Под общ. ред. В. И. Климкина. – М. ВНИИПО. – 2012, - 137 с.: ил. 40.

— несоответствие конструктивного исполнения аппаратуры условиям эксплуатации (26%);

— низкое качество заводского исполнения аппаратуры (4%).

Анализ динамики пожаров на объектах Кемеровской области, оснащенных пожарной автоматикой, а также процент их срабатывания и выполнения поставленных функций показал, что благодаря пожарной автоматике наблюдается снижение общего числа пожаров в год на объектах защиты, но, тем не менее, процент их срабатывания и выполнения поставленных функций является недостаточным для того, чтобы обеспечить требуемый техническим регламентом уровень пожарного риска.

В России средний процент эффективности пожарной автоматики составляет 54,78%, в 7% случаев система не была включена, а в остальных случаях система работает неэффективно, в том числе срабатывает ложно[1]. Сказанное свидетельствует о недостатках в проектировании, монтаже и эксплуатации и требует адекватных мер по устранению недостатков, в том числе с применением законодательства и нормативных документов.

Анализ российских и зарубежных научных исследований в области пожарной автоматики, показал, что одним из эксплуатационных недостатков систем пожарной сигнализации являются ложные тревоги. Проблема ложных срабатываний является одной из актуальных во всем мире.

В России проблемой ложных срабатываниях систем пожарной сигнализации стали заниматься примерно в последние 15 лет, когда появилась тенденция роста числа пожаров. Кроме того, в нормативно-техническую документацию, действующей в области пожарной безопасности, стал вноситься ряд изменений, в том числе касающихся обязательности оснащения объектов защиты системами пожарной сигнализации, что обусловило спрос на эти системы.

А спрос, как известно, рождает предложение. Появилось множество фирм, занимающимися их установкой. Вместе с тем в нормативно-правовой документации, действующей в области пожарной безопасности, отсутствуют требования по аккредитации организаций, занимающихся вопросами профилактики пожарной безопасности, что, несомненно, обеспечило бы необходимый и достаточный уровень квалификации персонала данных организаций и их ответственность за качество проводимых работ. Это в свою очередь обусловило бы качество монтажа и эксплуатации систем пожарной автоматики, в том числе пожарной сигнализации.

В итоге, проектирование, монтаж и обслуживание систем пожарной сигнализации осуществлялось низко квалифицированными специалистами, зачастую, не имеющими для этого специального образования и опыта работы. Кроме того, социально-экономическая ситуация в стране обусловила применение дешевых и ненадежных технических средств пожарной автоматики.

Так, например, с 30 октября 2012 г. по 3 ноября 2012 г. на пульте приемно-контрольного прибора, установленного на центральный пункт пожарной связи одного из пожарных отрядов Кемеровской области, было зафиксировано 10 ложных тревог систем пожарной сигнализации, что подтверждает актуальность данной проблемы.

Одним из критериев при выборе оборудования и принятия технических проектных решений в области пожарной безопасности должна быть регламентированная величина вероятности ложных срабатываний. Считается, что если число ложных срабатываний превышает число реальных пожаров в 10 раз, то это полностью подрывает доверие к эксплуатируемым системам пожарной сигнализации[2]. В европейских странах проблеме ложных тревог систем пожарной сигнализации уже давно уделяется большое внимание, причем на законодательном уровне. В Англии введен нормируемый показатель вероятности возникновения ложных тревог. Если на объекте защиты этот показатель превысит свое допустимое значение, то фирма (организация), проектирующая и устанавливающая данную систему обязана привести показатель к норме, при этом могут быть возбуждены судебные иски о возмещении убытков фирмой-производителем оборудования.

В Германии функционирует лаборатория, выясняющая причины ложных срабатываний. Зарубежными фирмами проводятся разработки новых технических решений, позволяющих снизить количество ложных срабатываний систем пожарной сигнализации.

К наиболее распространенным причинам ложных срабатываний относятся: низкое качество проектирования и монтажа, неквалифицированное техническое обслуживание, запыление точечных дымовых пожарных извещателей и отсутствие эксплуатационного контроля текущей запыленности дымовой камеры извещателя, параметры окружающей среды защищаемого помещения, наведенные электромагнитные помехи (электромагнитная совместимость) и колебания напряжения в сети и т. п.

Снижение порогов чувствительности точечных дымовых извещателей приводит как к ложным срабатываниям систем пожарной сигнализации, так и ложным пускам автоматических установок пожаротушения.

Тип пожарного извещателя зависит от назначения объекта защиты, и должен соответствовать типу возгорания. Выбор извещателя осуществляется по требованиям свода правил СП 5.13130.2009 «Системы противопожарной защиты. Установки пожарной сигнализации и пожаротушения автоматические», при этом от правильности выбора зависит уровень пожарной безопасности объекта защиты.

Анализ причин ложных тревог систем пожарной сигнализации показал следующее.

Ложные срабатывания возникают в системах, использующих в качестве датчика точечный дымовой пожарный извещатель. Проблема таится в самой конструкции дымовой камеры, способствующей накоплению пыли, которая приводит к формированию ложного сигнала (оповещения) о пожаре. Решить проблему можно за счет увлажнения воздуха в защищаемом помещении, регулярным техническим, а также эксплуатационным контролем текущей запыленности дымовой камеры извещателя. Одним из эффективных способов снижения частоты реализации пожароопасных ситуаций является применение адресно-аналоговых систем, что и объясняет популярность данных систем за рубежом.

Кроме того, причиной ложных срабатываний извещателей является электромагнитная несовместимость. При проектировании систем пожарной сигнализации, необходимо определить степень жесткости оборудования к электромагнитным помехам на объекте защиты. В настоящее время в России вопрос электромагнитной совместимости (ЭМС) технических средств пожарной сигнализации регламентирован требованиями ГОСТ Р 53325–2009 «Техника пожарная. Технические средства пожарной автоматики. Общие технические требования. Методы испытаний», в котором определены требования к паспорту любого технического

[1] Пожары и пожарная безопасность в 2011 г. статистический сборник/Под общ. ред. В. И. Климкина. – М. ВНИИПО. – 2012, - 137 с.: ил. 40.

[2] Там же.

средства в части содержания сведений о степени помехоустойчивости устройства. Пожарные приемно-контрольные приборы, приборы управления и другое оборудование, функционирующее в установках и системах пожарной автоматики, должны быть устойчивы к воздействию электромагнитных помех со степенью жесткости не ниже второй согласно вышеуказанному стандарту.

Европейский стандарт EN 50130–4 «Системы сигнализации. Часть 4: Электромагнитная совместимость — Требования по помехоустойчивости для компонентов систем безопасности» является базовым — определяет требования по электромагнитной совместимости для элементов систем пожарной сигнализации и прописывает такое значение минимальной степени жесткости, которое в переводе к Российским требованиям соответствует четвертой степени жесткости.

Таким образом, требования нормативных документов, действующих в области пожарной безопасности на территории Российской Федерации, в значительной степени уступают требованиям европейских стандартов.

Анализ причин ложных тревог систем пожарной сигнализации показал, что существует необходимость в разработке технических требований к конструкциям и эксплуатации систем раннего обнаружения возгораний. В требованиях особое внимание следует уделить решению проблем, приводящих к ложным тревогам:

— усовершенствование конструктивные особенности точечных дымовых автоматических пожарных извещателей;

— разработка регламента эксплуатационного контроля запыленности дымовой камеры;

— электромагнитная совместимость;

— сертификационные огневые испытания пожарных извещателей;

— разработка квалификационных требований, как к обслуживающему персоналу, так и к специалистам, осуществляющим проектирование, монтаж и контроль систем пожарной сигнализации;

— разработка регламента проверки знаний, как у обслуживающего персонала, так и у специалистов, осуществляющих проектирование, монтаж и контроль систем пожарной сигнализации;

— разработка системы аккредитации организаций, занимающихся вопросами профилактики пожарной безопасности объектов.

Список литературы:

1. Брушлинский Н. Н., Соколов С. В. Роль статистики пожаров в оценке пожарных рисков//Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. — 2011. № 1. — с. 112–124.
2. Пожары и пожарная безопасность в 2009 г. статистический сборник/Под общ. ред. Н. П. Копылова. — М. ВНИИПО. — 2010. — 135 с.: ил. 40.
3. Пожары и пожарная безопасность в 2010 г. статистический сборник/Под общ. ред. В. И. Климкина. — М. ВНИИПО. — 2011. — 140 с.: ил. 40.
4. Пожары и пожарная безопасность в 2011 г. статистический сборник/Под общ. ред. В. И. Климкина. — М. ВНИИПО. — 2012, — 137 с.: ил. 40.

Pinus Boris Izrailevich, Irkutsk state technical University, doctor of technical Sciences

Khomiakov Irina Vasilievna, Irkutsk state technical University, candidate of technical Sciences

Пинус Борис Израилевич, Иркутский государственный технический университет, доктор технических наук

Хомякова Ирина Васильевна, Иркутский государственный технический университет, кандидат технических наук

To the question of reliability evaluation of reinforced concrete structures

К вопросу оценки надежности железобетонных конструкций

Постановка вопроса

Обобщающим показателем качества железобетонных конструкций является их надежность, интегрально оцениваемая как вероятность безотказной работы. На стадии принятия проектных решений она априори (теоретически!) обеспечивается использованием комплексной системы расчетных процедур и конструирования. На этапах строительства и эксплуатации фактический контроль надежности осуществляется косвенно, путем выборочной оценки и статистического обобщения значимых (нормируемых) показателей конструктивных свойств бетона и арматуры. То есть, изначально предполагается тождественность (аддитивность) изменения надежности конструкций изменению прочности и деформативности материалов.

Экспериментально-аналитическая проверка достоверности такого подхода применительно к оценке прочности изгибаемых железобетонных элементов, работающих в условиях длительного или циклического низкотемпературного воздействия, является целевой задачей настоящего исследования.

Методика исследования

Использован комплексный метод численного моделирования, учитывающий:

— вероятностный характер распределения значимых параметров работоспособности железобетонных элементов;

— предпочтительность определения прочности конструкций с учетом реальных (получаемых экспериментально) нелинейных деформационных моделей бетона;

— фактические статистики распределения показателей прочности и деформативности используемых материалов.

В вероятностной постановке случайная реализация прочности изгибаемого железобетонного элемента по нормальному сечению может быть представлена в виде[1]:

$$\tilde{M} = \alpha\tilde{M}_1 + (1-\alpha)\times\tilde{M}_2 \quad (1)$$

где α – вероятность разрушения элемента из-за достижения текучести арматуры;

$$\tilde{M}_1 = \mu b h_0 (1-0{,}5\tilde{\xi})\sigma_y \text{, при } \xi \le \xi_R \quad (2)$$

$$\tilde{M}_1 = \xi b h_0 (1-0{,}5\tilde{\xi})\tilde{R}_b \text{, при } \xi \ge \xi_R \quad (3)$$

знак « $\tilde{M}$ » — означает случайный характер указанного параметра.

При этом, вид аналитической оценки $\tilde{M}$ (ф-лы 2,3) определяется соотношением случайных реализаций фактической (ξ) и граничной (ξ_R) высот сжатой зоны. Последняя для целей настоящего исследования аппроксимируется выражением:

$$\tilde{\xi}_R \frac{\tilde{\omega}}{1+\frac{\tilde{\varepsilon}_{s,1}}{\tilde{\varepsilon}_{b2}}}, \quad (4)$$

где $\tilde{\omega} = f(\tilde{R}_b)$ характеристика полноты эпюры в бетоне сжатой зоны;

$\varepsilon_{s,l}$ и ε_{b2} - относительные деформации соответственно арматуры (при R_s) и бетона с учетом нисходящего участка деформирования.

Для оценки изменчивости всех вышеуказанных параметров были проведены масштабные (180 штук) испытания образцов бетона. При этом бетонные образцы (50х50х200 мм) в возрасте 150 суток были подвергнуты циклическому низкотемпературному воздействию (45 циклов):

— с замораживанием до минус 35˚С и оттаиванием в 5%-ном солевом растворе NaCl (серия ЦЗО);

— в условиях циклического перепада отрицательных температур в диапазоне минус 35… минус 5˚С (серия ЦЗ).

Механические испытания проводились на машине UTS-250 с постоянной скоростью деформирования 0,5 мм/мин. С целью определения принадлежности ограниченной экспериментальной выборки определенной генеральной, аналитически аппроксимируемой, совокупности использовалась расширенная библиотека теоретических распределений, включавшая распределения Гаусса, Вейбулла, Пирсона, экспоненциальные и другие. Их сходимость и достоверность получаемых параметров математического ожидания, дисперсий и других оценивалась по критериям Пирсона и Романовского[2].

Основные результаты испытаний

Экспериментально установленные статистики контролируемых параметров сопротивляемости бетона, подвергнутого низкотемпературным воздействиям, представлены в таблицах 1,2. Подтверждается отмечаемая ранее[3] неоднозначность изменения при рассматриваемых

Таблица 1

Статистики распределения прочности бетона

Условия испытаний	Основные параметры распределения			Нормативное значение R_{bn}	Примечание
	Среднее $\overline{R}_{bn}$, МПа	Дисперсия σ^2, МПа^2	Коэффициент вариации,%		
Контрольные	39,8	20,16	11,3	32,4	$R_{bn}=R_{bm}$-1,64σ
ЦЗО	25,2	21,53	18,4	17,6	
ЦЗ	33,3	21,44	13,9	25,7	

Таблица 2

Статистики распределения показателей деформативности бетонов

Условия испытаний	Статистики распределения деформаций									Диапазон изменений деформаций, с 0,95% обеспеченностью, $\varepsilon_{bn}\cdot10^3$
	Полных, $\varepsilon_b\cdot10^3$			Начальных, $\varepsilon_{b0}\cdot10^3$			Условно- упругих, $\varepsilon_{b1}\cdot10^3$			
	ε_b^m	$Д_{\varepsilon b}$	υ, %	ε_{b0}^m	Д	υ, %	ε_{b1}^m	Д	υ, %	
контрольные	5,4	0,12	6,5	0,94	0,05	25,2	5,21	0,14	7,1	4,7…6,1
ЦЗО	7,57	2,36	20,3	3,64	1,83	37,1	6,49	1,45	18,6	4,5…10,6
ЦЗ	5,94	0,52	12,1	1,22	0,09	24,8	5,12	0,31	10,8	4,5…7,4

[1] Пинус Б. И. Обеспечение долговечности железобетонных конструкций при низкотемпературных воздействиях: Дис. докт. техн. наук. М, 1987. — 392 с.

[2] Митропольский А. К. Техника статистических вычислений. М., Наука, 1971, с. 576.

[3] Невиль А. М. Свойства бетонов. М.: Стройиздат, 1972г., с. 344.

воздействиях средних и вероятностно-ожидаемых с 95% обеспеченностью значений прочности и деформативности. Судя по средним величинам (а подобная оценка регламентирована ГОСТ[1]!) снижение прочности бетона на базе проведенных 45 циклов температурно — влажностных воздействий составляло 63 и 83% от начального значения соответственно для серий ЦЗО и ЦЗ. Снижение вероятностных (в принципе, нормативных!) значений существенно выше и объяснимо возрастанием разброса (изменчивости) экспериментальных данных.

Более ощутимы различия средних и вероятностных оценок показателей деформативности бетона. В частности, наблюдается:

— более чем 3х- кратный рост коэффициента вариации опытных величин деформаций бетона после ЦЗО и почти 2х кратный после ЦЗ;

— рост (1,2…1,7 раза) уровня верхнего диапазона значений 95% обеспеченности при практическом постоянстве (4,5 ... 4,7) $\cdot 10^{-3}$ нижней границы;

— нетождественность динамики изменения отдельных компонентов составляющих полных деформаций бетона.

Возрастание сжимаемости бетона происходит, главным образом, за счет увеличения начальных (ε_{b0}) деформациий уплотнения (рис. 1) и является косвенным свидетельством образования и развития микротрещин как физической закономерности его морозной деструкции.

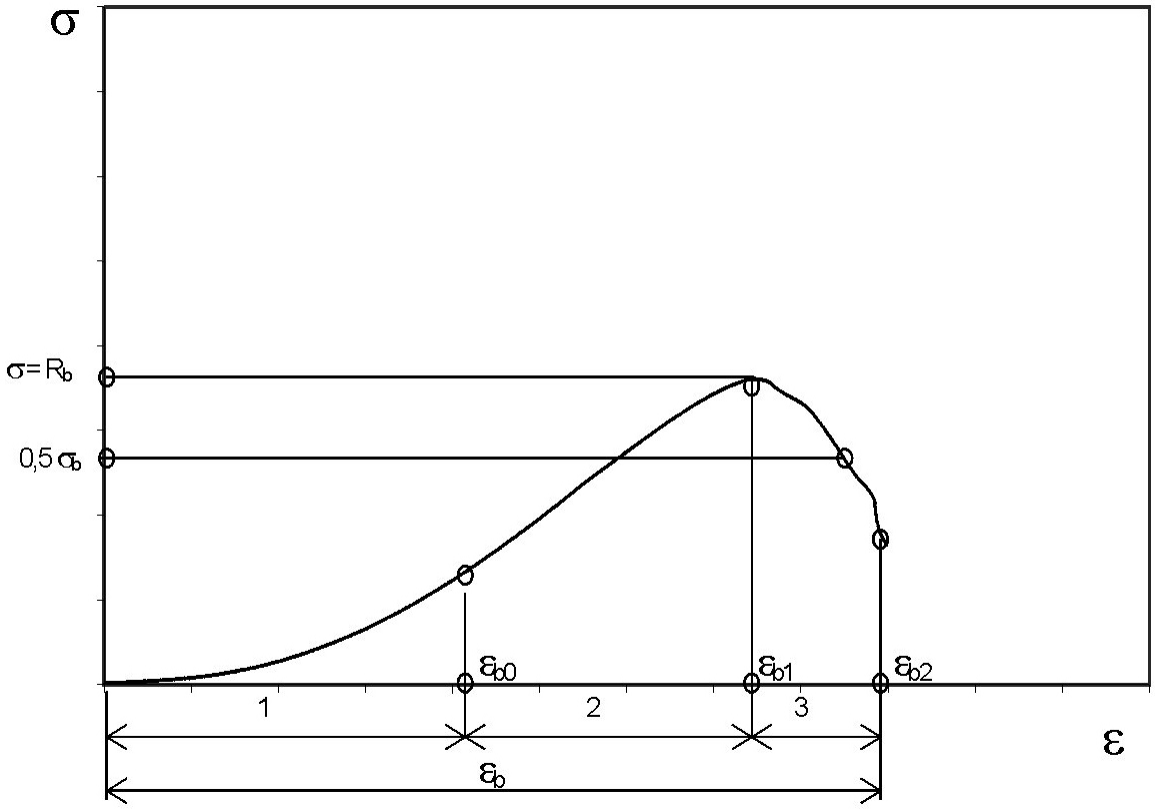

Рис 1. Общая деформационная модель диаграммы сжатия бетона σ-ε

ε_0 — начальный участок;
ε_1 — участок условно упругого деформирования;
ε_2 — участок псевдопластического деформирования.

С использованием полученных экспериментальных данных прочности и деформа-ций бетонов и арматуры и зависимости (4) было выполнено численное моделирование случайных реализаций граничной высоты сжатой зоны ξ_R . Результаты их статистической обработки представлены в таблице 3.

Таблица3

Статистики распределения случайных реализаций граничной высоты сжатой зоны

Условия испытаний	Статистики распределения ξ_R			Диапазон значений 95% обеспеченности	Примечание
	Среднее ξ_{Rm}	Дисперсия Д·10², МПа²	Коэффициент вариации, υ %		
Контрольные	0,35	0,09	8,6	0,29…0,41	$\frac{\min}{\max}\xi_{R,95} = \xi_{Rm} \mp 2\sqrt{Д}$
ЦЗО	0,46	0,16	8,7	0,38…0,50	
ЦЗ	0,4	0,09	7,5	0,34…0,46	

[1] ГОСТ 10180-90 Бетоны. Методы определения прочности по контрольным образцам, Госстрой СССР,1989.

Обращает на себя внимание сравнительная стабильность ξ_R – на уровне точности эксперимента находятся колебания коэффициента вариации и диапазон изменчивости вероятных (95% обеспеченности) значений. Это обстоятельство, очевидно, объяснимо наличием в процедуре (4) параметров не статистического, отражающего физические закономерности морозной деструкции бетонов, характера позволяющего корректировать аналитическую оценку ξ_R. Кстати, уместно отметить, что в современной редакции строительных норм принятая зависимость ξ_R учитывает только изменчивость прочности арматуры и не содержит параметров деформативности бетонов. Этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования, однако, на наш взгляд, нуждается в тщательном обосновании. Предполагая сравнительную стабильность на рассматриваемой базе температурно-влажностных воздействий прочностных и деформативных свойств арматуры, путем совместного анализа распределений ξ_R и R_b.произведена оценка распределения показателя вероятного характера разрушения элемента по нормальному сечению α при различном уровне их армирования. Практически это осуществлялось розыгрышем на ЭВМ последовательности независимых случайных величин, равномерно распределенных на промежутке «0; 1». Используется известное свойство бесконечной последовательности чисел x_i (i=1, 2, …n), равномерно распределенных на отрезке (0, 1) состоящее в том, что доля членов последовательности, попавших на отрезок x_k-x_{k+1} ($0 \le x_к \le x_{к+1} < 1$) асимптотически равна длине этого отрезка[1]. То есть, вероятность $P(x_k \le x_i \le x_{k+1}) = x_{k+1} - x_k$. При моделировании реализаций весь отрезок (0,1) разбивался на количество участков, соответствующих числу призматических образцов. При этом длина каждого из них равняется вероятности получения призменной прочности определенного значения. Тогда вероятность попадания $\overline{\xi}$ и $\overline{\xi}_R$ на отрезок $x_k - x_{k+1}$ равняется $p(R_b, k)$.

В таблице 4 представлены основные результаты по оценке α, как вероятности выполнения неравенства $\alpha = P(0 < \xi \le \xi_R)$

Таблица 4

Изменение при ЦЗО (ЦЗ) критерия вероятного характера разрушения

Условия испытания	Значения μ_R								
	0,5	1,0	1,5	2,0	2,5	3,0	3,5	4,0	4,5
Контрольные	1	1	1	0,875	0,675	0,305	0,300	0,172	0,054
ЦЗО	1	1	0,970	0,795	0,514	0,240	0,192	0,065	0
ЦЗ	1	1	1	0,861	0,654	0,298	0,283	0,165	0,043

Полученные данные свидетельствуют о существенном влиянии конструктивного фактор, в частности, армирования на характер вероятного разрушения элемента. Сопоставляя параметры распределения α и μ_R (таблица5), нетрудно видеть, что вероятность хрупкого разрушения по сжатой зоне изгибаемого (внецентренно-сжатого) элемента становится практически значимом (более5%) при армированиях, составляющем 50-60% от среднего граничного.

Таблица5

Статистическая оценка изменений величины граничного армирования μ_R

Условия испытаний	Статистики распределения μ_R, %			Доверительный интервал с 95% обеспеченности	Примечание
	Среднее μ_{Rm}	Дисперсия Д	Коэф. вариации, υ, %		
Контрольные	3,30	0,109	10,0	2,64…3,96	$\frac{\min}{\max}\mu_{R,95} = \mu_{Rm} \pm 2\sqrt{Д}$
ЦЗО	2,86	0,095	10,8	2,24…3,48	
ЦЗ	3,28	0,098	9,6	2,65…3,91	

Основные выводы

Проведенный комплекс экспериментальных испытаний и численного моделирования позволяет сделать следующие выводы:

1. Косвенный контроль качества железобетонных элементов посредством оценки прочности бетона и арматуры является ограниченным и не учитывает существенное влияние конструктивных факторов и вида напряженного состояния на их поведение под нагрузкой.

2. Циклическое замораживание и оттаивание (длительное замораживание в меньшей степени) ведет к структурной модификации, при которой возможна трасформация характера разрушения изгибаемых (внецентренно-сжатых) элементов с ростом рисков хрупкого отказа.

Список литературы:

1. ГОСТ 10180–90 Бетоны. Методы определения прочности по контрольным образцам, Госстрой СССР,1989.
2. Митропольский А. К. Техника статистических вычислений. М., Наука, 1971, с. 576.
3. Москвин В. М. О расчетах морозостойкости бетона.- Бетон и железобетон, 1986, № 7. с. 7–8.
4. Невиль А. М. Свойства бетонов. М.: Стройиздат, 1972 г., с. 344.
5. Пинус Б. И. Обеспечение долговечности железобетонных конструкций при низкотемпературных воздействиях: Дис. докт. техн. наук. М, 1987. — 392 с.

[1] Невиль А.М. Свойства бетонов. М.: Стройиздат, 1972г., с.344.

Poluyanovich Nikolay Konstantinovich, Southern federal university, associate professor EIM, k. t.n.

Solovyyov Mikhail Aleksandrovich, Southern federal university, Student of the 5th course, MGN-32 group of EIM chair

The adaptive algorithm of system of automatic conditioning of the car air

Conditioning provides automatic support of necessary standards of the air environment in car salon. Standard of air includes[1] the following parameters: temperature, humidity, movement velocity, purity, maintenance of smells, pressure, gas structure and ionic structure. Automobile SAC should provide optimum conditions for the driver and passengers. Working capacity and health of the person considerably are defined by thermal balance of its organism and are most profitable in the conditions of the surrounding air environment at level of thermal comfort.

Jet distributor characteristic's analysis

The perspective direction of development of the SAC, intended for change of the direction of a stream of a working environment depending on the external managing director of influence, application of the jet elements using aero — and the hydrodynamic phenomena, in particular, Koand's effect is.

Let's consider task1 definitions of an expense of the environment Q in the target channel from superfluous pressure of P_o in the chamber connected with an entrance in a jet element of the distributor. The scheme of distribution of a stream at which changes its current from the direction along the OY axis on an entrance to the current direction along the OX axis on an exit of a jet element, fig. 1, a.

The microclimate for the driver and each of passengers of salon of the car is programmed, means a valve which regulate streams of the heated-up and cooled air on a conditioner exit, directing these streams to deflectors in the back console fig. 1, b. Extent of opening of each valve determines by itself a consumption of air through passage section and also the cooled and warm air in a mix arriving in salon fig. 1, where 1 — an air receiver valve; 2–retsirkulyarny valve; 3–a valve for regulation of heating of glasses; 4–a forward valve for regulation of supply of warm air; 5–a forward valve for supply of the cooled air; 6–the right and left valve for regulation of supply of the cooled air; 7–right and left valve for regulation supply of warm air; 8–heat exchanger; 9–evaporator.

In offered model (fig. 1) the area $y < 0$ is considered as contraflow area $(U_0 < 0)$. Direct $y_0 = kx$ и $y_1 = (c + k)x$ are borders of areas with constant longitudinal speeds of a current of U_0 U_1 respectively. In area of an interface of $y_0 < y < y_1$ occurs change of the direction of middle movement liquid $(U_1 > 0)$, flowing through border y_1 (x), on the return. At y = 0 longitudinal speed of a stream is absent (U = 0). Aspiration of liquid to a stream has caused by existence of constant cross-section speeds of $V_0 > 0$ in a zone $y < y_0$ and $V_1 < 0$ in zone $y > y_1$.

In offered model the area $y < 0$ is considered as contraflow area $(U_0 < 0)$. Direct y_0=kx and y_1= (c+k)x are borders of areas with constant longitudinal speeds of a current of U_0 U_1 respectively. In area of an interface of $y_0 < y < y_1$ occurs change of the direction middle movement liquid $(U_1 > 0)$, flowing through border y_1 (x), on the return. At y=0 longitudinal speed of a stream is absent (U=0). Aspiration of liquid to a stream has caused by existence of constant cross-section speeds of $V_0 > 0$ in a zone $y < y_0$ and $V_1 < 0$ in zone $y > y_1$. We assume, in theories of a free stream, static pressure in the field of a current $0 < x < L$ constant, and liquid non-compressed.

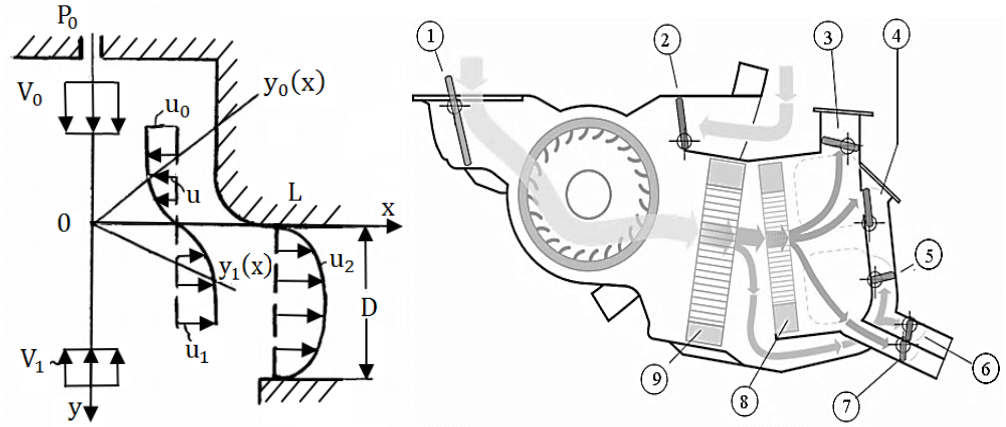

Fig.1 — the current scheme in a jet element: a — the switching center for change of the direction of a stream; b — regulation of a stream of the heated-up and cooled air on an exit

For the current description in a jet element[2] we will use an integrated form of the equations of contiguity and number of movement in projections to the OX and OY axes, and also

known form of a profile of longitudinal speed in an interface. We have:

$$\int_{y_0}^{y_1} U dy = U_1 y_1 - V_1 x - U_0 y_0 + V_0 x, \qquad (1)$$

[1] Yassinsky F. N., Kokorin A. S. Mathematical modeling of processes of ventilation and heating in big production, cultural and sports rooms. – Messenger of ISEU, disc. 3, 2010.

[2] Zolotaryov Yu. N. Murzinov V. L. Hydrodynamic characteristics of the distributor with Koand's effect//Theoretical bases of design the technologist. Systems and the equipment it is automated. productions: Interhigher education institution. Collection of scientific papers. — Voronezh, VSTA, 1988. — page 76–78.

$$\int_{y_0}^{y_1} U^2 dy = U_1\left(U_1 y_1 - V_0 x\right) + U_0\left(-U_0 y_0 + V_0 x\right), \quad (2)$$

$$V_1\left(U_1 y_1 - V_1 x\right) = -V_0\left(-U_0 y_0 + V_0 x\right), \quad (3)$$

$$U = U_1 - \left(U_1 - U_0\right)\left(1 - \eta^{1,5}\right)^2, \quad (4)$$

where $\eta = \left(\frac{y}{x} - k\right)/c$ — dimensionless ordinate in an interface; c — constant.

Concerning an expense of a working environment on an entrance and an exit from a jet element respectively we propose:

$$V_0 S_0 = a + bP_0, \quad \frac{S}{D}\int_0^D U_2 dy = Q, \quad (5)$$

where S_0, S — squares of entrance and target slot-hole channels respectively; a, b — empirical constants.

The analysis system (1) — (5) has allowed establishment of the following connection of an expense of Q in the target channel with superfluous pressure of P_0 on an entrance:

$$\frac{Q}{a + bP_0}\frac{S_0}{S} = \frac{0,13 + 0,32m + 0,76m^2}{0,42 + 0,13m} d + \frac{1 + 0,64m + 0,76m^2}{1 - 0,69m - 0,31m^2} + \frac{1 + 0,64m + 0,76m^2}{1 - 0,69m - 0,31m^2}\frac{6,08}{(1-m)c}, \quad (6)$$

where $m = \frac{U_0}{U_1}; d = \frac{L}{D}$

Having used a zero condition for longitudinal speed of the boundary layer (U = 0 at y = 0), we will receive equation[3] for definition of m entering in (5). We have:

$$\frac{2m}{1-m} + \left(\frac{1 + 0,40m + 0,31m^2}{1 + 0,64 + 0,76m^2}\right)^{1,5} = 0, \quad (7)$$

The solution (7) m = –1,164 allows to copy (6) in the following look:

$$Q = \left(\frac{2,61}{c} - 0,90d\right)\left(a + bP_0\right)\frac{S}{S_0}, \quad (8)$$

Hydrodynamic characteristics in a form (8) contain[1] three empirical parameters — a, b, c, from which value depends on a construction of a jet element of the distributor. It has been applied at hydro-distributor research for pressure 0,26<P0<0,55, at. Parameters of a jet element had the following values:

$\frac{S}{S_0} = 4,3; a = 10,22\frac{мл}{c}; b = 21,39\frac{мл}{c \cdot ат}; c = 7,14 - 5,63d + 1,34d^2$ Results of research of characteristics in comparison with dependence (8) are presented in table 1.

Table 1

d	The hydrodynamic characteristic of Q, ml/c	
	experimental	calculated (9)
0,33	6,61+19,90 Po	7,96+16,67 Po
1,60	12,12+15,84 Po	10,34+21,65 Po
2,00	13,01+25,74 Po	13,51+28,31 Po

Schedules of dependences of d (0,33–2,0) G by data in tab. 1, P (0,26–0,55), it is provided on fig. 2.

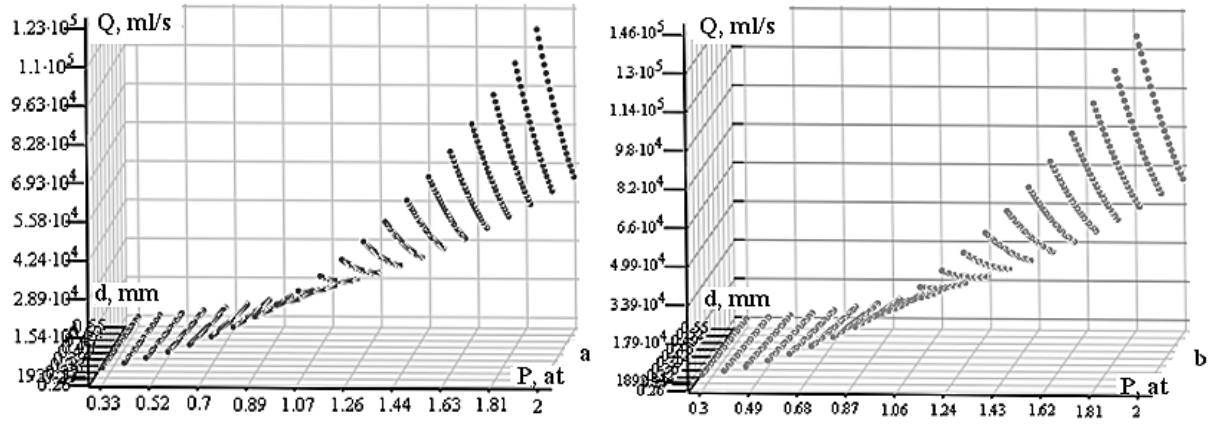

Fig.2 — Three-dimensional schedules of dependences: a — the experimental characteristic; b — the calculated characteristic

The offered mathematical model is of interest at the solution of a task of the parametrical analysis of systems of considered type, and the received results can be used at system modeling of SAC.

Development of algorithm of system of automatic conditioning

[1] Ventilation, conditioning and purification of air at the enterprises of the food industry./Shtokman E. A., etc./Manual. — M: ACHEI (Association of construction higher education institutions), 2001r., 688 pages.

Extent of opening of a valve of the air mixer is established according to the set character

istic[4] corresponding to calculated air temperature on release, fig. 3

Air temperature regulation (from 12˚C cold to 28˚C warm) is provided with change of structure of a mix from the cooled and heated-up streams of air.

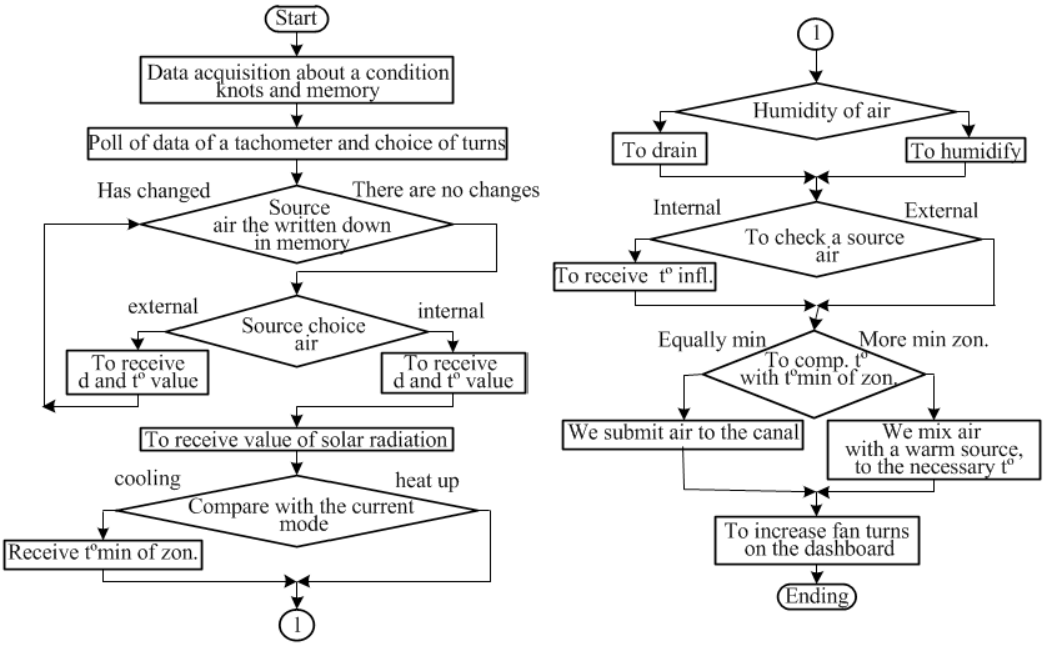

Fig. 3 — Algorithm of management climate — car control

The microcontroller control system[1] of conditioning of the car air, which block diagram is presented on fig. 4 is designed.

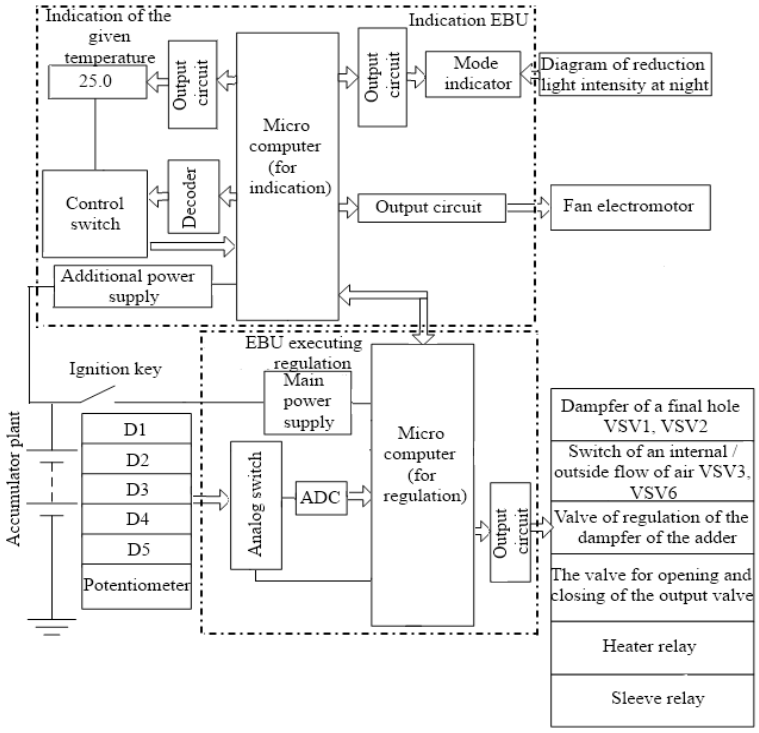

Fig. 4 — Structural electronic controlling device of automatic conditioning

Research of processes of cooling (heating) of salon of the car

Important problem of design[5] is research of process of cooling (heating) of salon of the car and influence of occurring processes on the driver and passengers which has been led with use of a complex of the programs STAR-CCM+.

The complex is intended for the solution of problems of mechanics of continuous environments and provides unknown accuracy, reliability and flexibility at the solution of problems of computing mechanics of continuous environments. Modeling of processes of conditioning in the chosen program STAR-CCM+ is carried out. So, for example the person in model is broken into three parts — the head and an uncovered part of hands, a body dressed in clothes, and a bottom of legs, and for each part the function of a task of temperature, fig. 5 is used.

[1] Averkova O. A. Calculating experiment in aerodynamics of ventilation. Belgorod: BGTU publishing house, 2011, 110 pages.

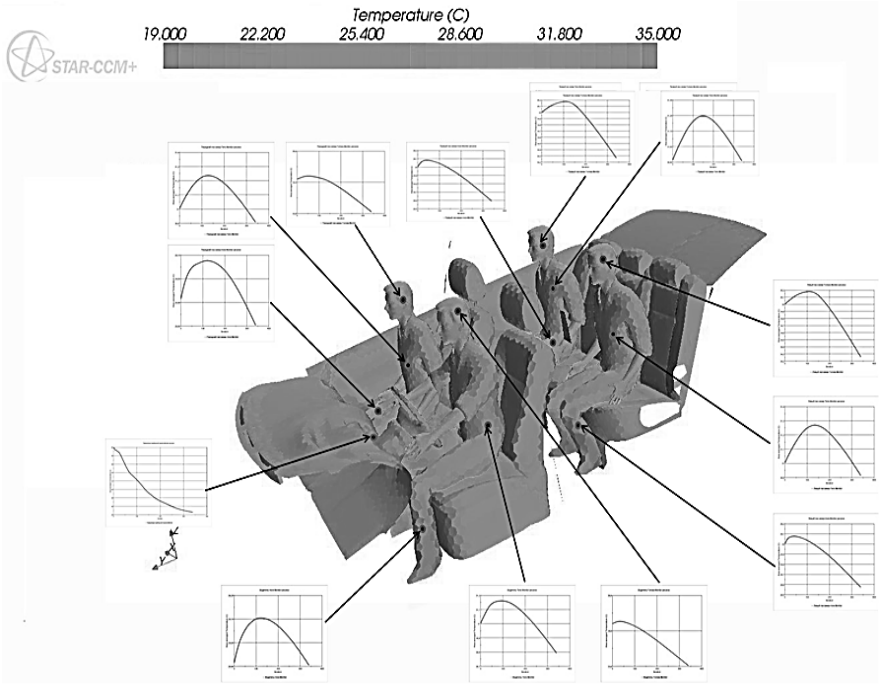

Fig. 5 — Model of research of process of cooling (heating)

Acknowledgment:

— application of numerical methods for modeling of modes of conditioning in car salon is shown;
— an algorithm of the solution of the equations of model is developed and the program realizing the described algorithm is created;
— a model, describing movement of air in salon of the car, considering influence of heat on movement of streams of air is offered;
— a choice of the program is carried out and the algorithm of research of processes of conditioning is developed;
— a microcontroller system of process controlling of air conditioning of the car is designed.

References:

1. Yassinsky F. N., Kokorin A. S. Mathematical modeling of processes of ventilation and heating in big production, cultural and sports rooms. — Messenger of ISEU, disc. 3, 2010.
2. Zolotaryov Yu. N. Murzinov V. L. Hydrodynamic characteristics of the distributor with Koand's effect//Theoretical bases of design the technologist. Systems and the equipment it is automated. productions: Interhigher education institution. Collection of scientific papers. — Voronezh, VSTA, 1988. — page 76–78.
3. Ventilation, conditioning and purification of air at the enterprises of the food industry./Shtokman E. A., etc./Manual. — M: ACHEI (Association of construction higher education institutions), 2001 r., 688 pages.
4. Averkova O. A. Calculating experiment in aerodynamics of ventilation. Belgorod: BGTU publishing house, 2011, 110 pages.

Vadym Stupnytskyy,
National University «Lvivska Polytechnika»

New features CAD/CAM/CAE systems in mechanical engineering

Everyday the machine-building engineering companies make strategic business decisions to improve their position in the market. They examine the business value chain to improve the product innovation, customer intimacy, and operational efficiency. Product development is one of the key weapons in the war for a competitive advantage. Policy in product development is in the form of five 'rights', viz. the right information, in the right format, for the right people, in the right location, and at the right time. The design and development of the product in small-scale and large-scale industries are managed with CAD/CAM/CAE systems. All the systems are heterogeneous. The Standard for the Exchange of Product (STEP) model data is used as the standard format for models created in the CAD/CAM/CAE systems. In this research, an interface program to communicate the product data in the client/server environment has been developed. The interface program converts the STEP file into an XML file. The XML format is the lightweight web-based communication format. With a properly secured web page communication for different users in the enterprise, the authors achieve the concurrent engineering environment throughout the product life cycle

This paper is a broad discussion of some of the information and technology problems that arise in the real-world use of commercial CAD/CAM/CAE systems. The goal is to help the research community understand what problems exist in commercial environments today, which ones are important, and how they can help address them via future work. The focus will be on the design and manufacturing of mechanical devices (as opposed to electrical devices, buildings, or other types of products). First we briefly survey some of the business problems faced by companies who design and manufacture mechanical products, so that we can try to relate these business problems to possible future innovations. Next we describe some necessary technology background.

The generalized analysis of trends for the modern machine-building computer-assisted operation sequence planning systems (CAD/CAE/CAM/PDM) gives a possibility to mark such features.

1. For all most effective machine-building CAD of middle and high level (Pro/Engineer, Unigraphics, CATIA, SolidWorks; Nastran, Solid Edge) characteristic system integration of software product (optimally is creation of hybrid CAD/CAE/CAPP/CAM software) is with the aim of more effective exchange by design-engineering information in only compatible formats and prototypes of data repository (MIL — STD — 2549 Configuration Management Data Interface). In addition, there is a tendency to unitization of technological preparation, that shows up in the use normatively-legal base of CALS-technology (ISO 11179, MIL — STD — 1840, MIL — STD — 1808A, MIL — STD — 974) and others like that.

2. Introduction of PLM (CALS) — technologies are required by planning of the functionally-oriented technologies for machine-building production, i. e. taking into account already on the stage of technological preproduction of not only parameters of exactness of sizes and roughness of the processed surfaces but also complex of new qualimetrycal indexes that will have substantial influence on providing of operating, repair, heat-recovery and other functional properties of the fabricated products. Thus implemented the principle of «concurrent engineering». Concurrent engineering is a work methodology based on the parallelization of tasks (i. e. performing tasks concurrently). It refers to an approach used in product development in which functions of design engineering, manufacturing engineering and other functions are integrated to reduce the elapsed time required to bring a new product to the market

3. The architectural foundation of PLM should be state-of-the-art technology. So instead of the client- server architecture of the past, modern PLM software is built on the more nimble service-oriented architecture (SOA). According to market research firm CIMdata, SOA-based PLM "reduces the cost and complexity of deploying and maintaining a distributed PLM environment. Business software developers are adopting SOA because it reduces the time needed to add capabilities. SOA also lowers the total cost of PLM ownership for engineering firms. CIMdata adds that over the long term, SOA also lowers the cost of upgrades and deployments. One of the most important benefits of SOA is that it makes it easier to let the PLM system work with other applications. For example, users typically link Teamcenter software with one or more CAD and CAM systems, various CFD and FEA programs, an ERP system, and other business applications. SOA makes it easier to connect these tools.

4. The rapid rates of introduction of new materials of the base machine-building and instrumental setting, newest technologies of treatment in combination with the tendency of reduction to the rangeability of machine-building products puts at a basic place in technology engineer such indexes, as an operationability and optimality of preproduction of new products.

5. Adequacy of the mathematic models and optimality of the automated technological planning of high-speed methods of treatment (especially for hard-processing materials) it is complicated by that a cutting model in this case is characterized by the adiabaticity of thermodynamics processes, instead of classic duotermical model that is the basis of programmatic-methodical modus of the CAPP-system.

Taking into account all these factors, it is possible to do a basic conclusion that the generally accepted chart of the integrated complex-automated system of technological preparation of the automated production (ICAM — *Integer Computer Aided Manufacturing*), resulted on Fig.1 (a) needs perfection.

The main difference of the offered system (Fig. 1. (b)) is a presence of the automated technological subsystem of forming (CAF-system — *Computer Aided Forming*), that an analysis of simulation rheological model of cutting technological transitions and complex of the analytically-applied programs of forming, accuracy, thermally-deformation, microgeometric, structural and phase parameters of the processed surfaces, possibility them imitation design and establishment of dependence of basic qualimetrycal indexes of products from a structure and parameters of technological process. Filling of data repository by perfection of digital layout of products takes place already on the stage of preproduction, but not as a result of experimental research.

Basic software for CAF-system can be one of the such known programmatic complexes as DEFORM — 3D, ABAQUS, AdvantEdge, LS — DYNA. All these systems are the multipurpose programs of FEM analysis and intended for the decision of three-dimensional dynamic nonlinear tasks of mechanics of the deformed solid, and also tasks related to this process. In them realized obvious and non-obvious method of eventual elements with possibility of construction of Lagrange, Eulerian and hybrid nets, multicomponent hydrodynamics, method of the smoothed out grates, based on the Galerkin method. The programs have built-in procedures of automatic alteration and smoothing of usually-element net at degeneration of elements, high-efficiency algorithms of decision for Hertzian problems, wide set of the materials specifications, possibility of user's programming.

Initial data for CAF-system are:

— 2D or 3D model parts (has influence on the kinematic angle cutting, shaping in Euler or Lagrangian mesh). Source of information — CAD system.

— The structure of the technological operation (has a direct influence on the rheological model cutting). Source of information — CAPP system.

— Geometry of cutting tool (has influence on the dynamics, geometric parameters of technological step). Source of information — CAPP system.

— Tool material (has a direct influence on the rheological model of technological step).

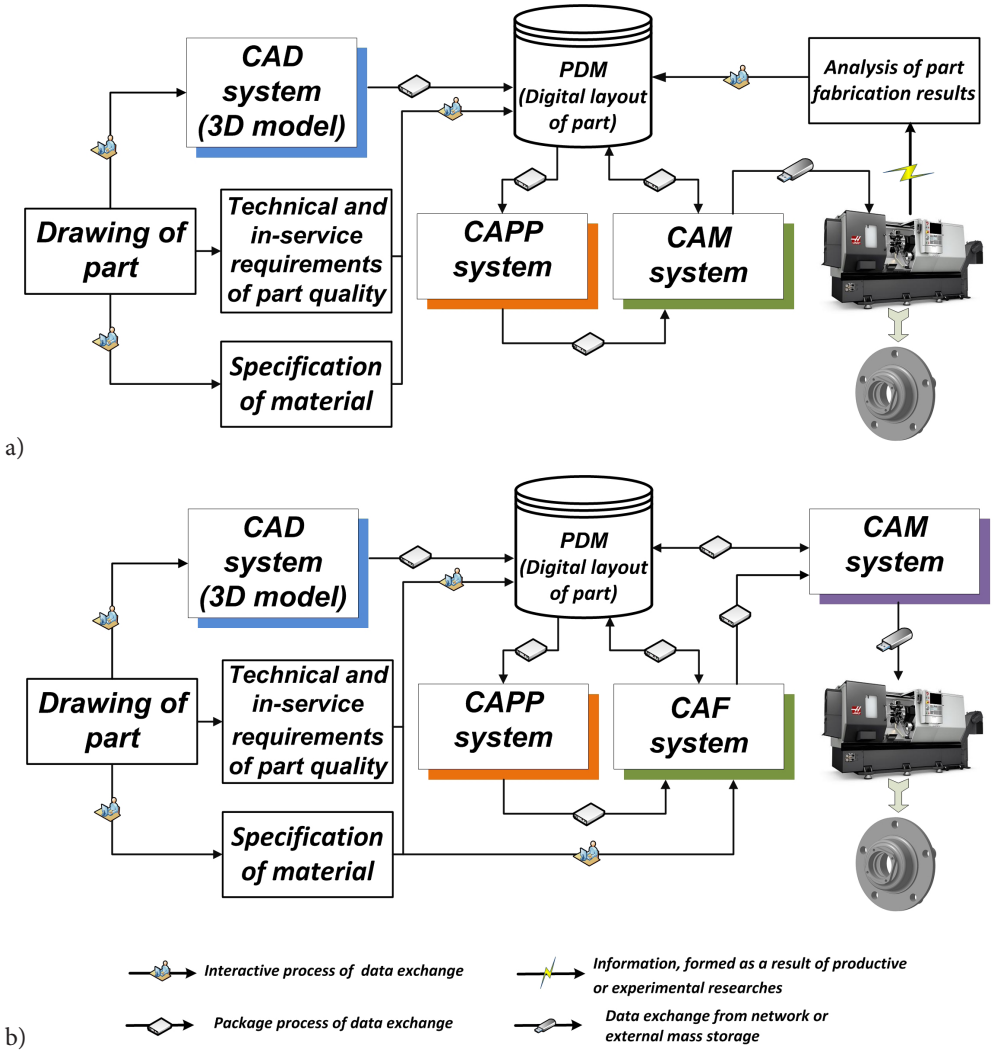
— Modes of treatment. Source of information — CAPP system.

— Strength, physical, mechanical, thermal characteristics of processed material (has influence on the choice of the curve thermodynamic strengthening friction and selection criteria destruction). Source of information — CAD system.

— Models wear blade tools and dynamics of chip buildup (have a direct influence on the rheological model of technological step). Source of information — analytic modeling.

— The error convergence of simulation results on the force vector and the velocity vector and the acceptable level of accuracy geometric, select the type of task (Lagrangial Incremental or Steady-State Machining), the choice of iterative method (direct or iterative Newton-Rafsen) Choosing a kernel method (sparse matrices or method Skyline). Source of information — an interactive mode with the designer.

By a job of CAF-system are complex of tensely-deformation, power and thermodynamics parameters of cutting, dynamic of kinematic corner change and picture of phase transformations on the machining surface of material. All of it gives an opportunity to carry out prognostication of such important operating parameters, as surface roughness, remaining tensions 1 and to 2 typies, physical and chemical state of superficial layer and others like that.

Figs.1 Existing (a) and new (b) structure of the ICAM-system.

The relationship between the functional properties of the product and technology to support them must be worn-looking. Clearly, experimental studies where necessary making rapid technological solution is undesirable as a consequence of the great complexity and lack of opportunities differentiated analysis of individual factors on the result of design. For example, analysis of the impact of the geometry of the cutting tool, its vibrations in all directions, deformation phenomena (including residual) have a significant impact on mikrotopohrafy of surface. However, to analyze their impact can only be differentiated using rheological features integrated simulation and analytical modeling, and experimentally we can only confirm the adequacy of their overall impact on the formation of microgeometry completely. To take into account peculiarities of operation of individual parts in the technological system and providing a fixed, required, or limit their operational capacity to implement the algorithm for deciding on the choice of structure and process parameters based on prognostic features of the CAF-system.

Fattakhov Irik Galikhanovich,
FSBEI of HPE "Ufa State Petroleum Technological University" branch in Oktyabrsky city
Associate professor of department of "Exploration and development of oil and gas fields"

The program for determining the reservoir structure and choosing the method of waterproof operations

It is commonly known that water cut of well production during any oil field exploitation is the foregone sequence of its development with artificial or natural water drive. From this it follows that the later development stage is impossible without taking measures to limit water influx, i. e. without waterproof operation. It is necessary not only to choose economical technologies but to analyze the initial commercial data thoroughly in order to choose candidate wells for these operations.

They offer the use of specialized software «Faraz»[1] in order to predict the structure of the reservoir and the success of waterproof operations performance. The program is developed with the use of researches[2] of water influx peculiarities of 670 wells in Romashkinskoye

[1] Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2012615165. Faraz. Fattahov I. G., Kadyrov R. R. i dr. 2012; Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2011617680. «Gidroizoljacija». Fattahov I. G., Kadyrov R. R. i dr. 2011.

[2] Graficheskie metody analiza pri dobyche nefti/L. I. Merkulova, A. A. Ginzburg.- M.: Nedra, 1986. - 125s.

field. The analysis performed in[1] allowed firstly to identify the dependence of production horizon geological structure peculiarities and their corresponding water flux characteristics; to enlarge the geophysical survey results of identifying the ways of water penetration into the well; to evaluate the effectiveness of water proof operations and the selection of the wells for workover.

The expected geological structure and peculiarities of well water flux and the effectiveness of planned waterproof operations respectively are determined according to the schedule, called well water flux characteristics constructed in an non-dimensional coordinate system according to the selected values of accumulated oil and water production.

There are 5 types of well water flux[2]. These varieties cover all possible variants of geological and lithological locations and oil reservoir correlation. In order to estimate water flux time we use average velocity of water flux build up w, the value of which corresponds to the growth of water drowning during the production of liquid volume unit, the constant function is on each straight-line portion and the changeable one in the transference from one area to another.

To determine a more reliable type of the reservoir in the software[3] a unique mechanism for determining the boundaries between intervals of relative straightforwardness was offered. The essence of the mechanism is in the analysis of the variability of the dimensionless variables with the subsequent determination of the tangentand and its variability in completion.

The field data of accumulated oil and water production to the moment of the flooding characteristics building serve as the variables for the water flux characteristics build up. In the selection of the initial data the gradation for the period is recommended within one year interval.

At the first stage we do the input of the commercial production data sample for the last period (Figure 1). As it is shown in «Data for analysis" the field is designed to copy the table of the accumulated oil and liquid production.

Pressing the button "Calculate" (Figure 1) will lead to the fact that the program will build the schedule of well water flux characteristics and for this it will divide the schedule into the required number of parts with the given algorithms (as a rule 1 or 2, rarely 3, and rarely more) and will buildthe average curve for each site.

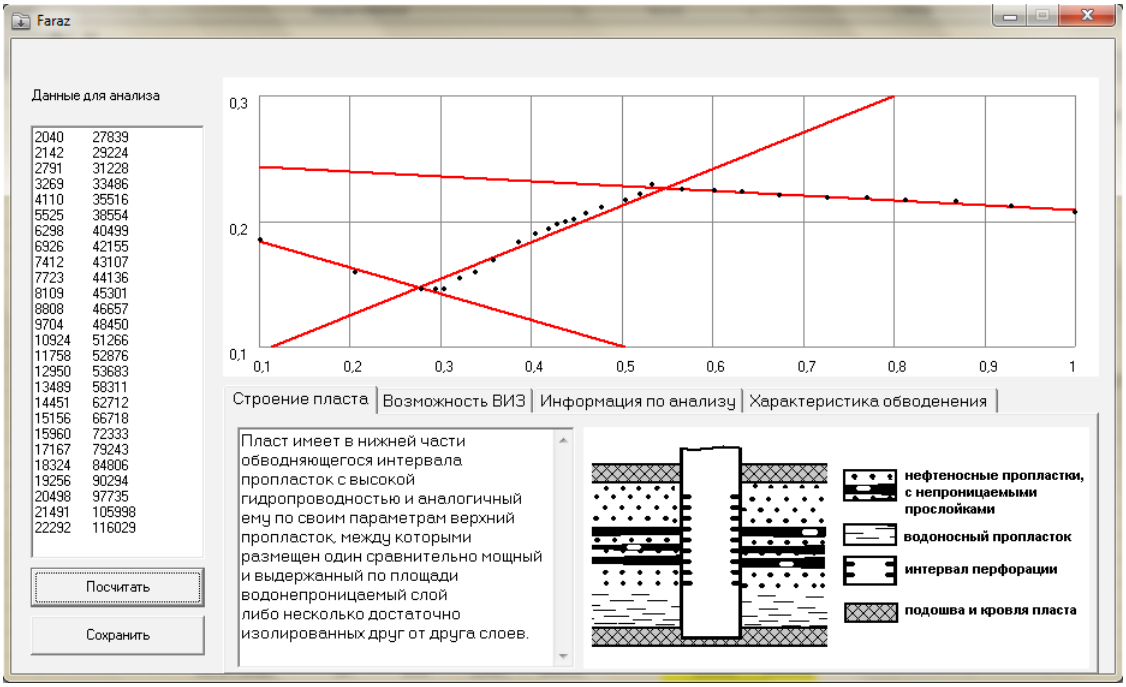

Figure 1 –Thegraphing of drowning characteristics of the well № 23701.

In the program Faraz there are four tabs. The first — "The structure formation"; the program gives the possible structure of the reservoir basing on thefield data. The efficiency of current forecast is about 90%. In our case, the reservoir has a layer in the lower section of the flooding interval with high water permeability and the similar upper layer between which there is one comparativelyheavyimpermeable layer or several rather isolated from each other layers.

In turn, the recommendations that predict the probability of success of the planned waterproof operations are shown in the next tab "The ability WPO." For the well number 23701 this is a forecast that in the first stage of the well operation the lower seam goes to water, in the second stage — the intermediatetight streakand thin streaks, on the third — the upper one. According to WPO conducted drowning at the end of stage I and II and water shutoff operations directed to eliminate the inflow of water from the lower interlayers

[1] Graficheskie metody analiza pri dobyche nefti/L. I. Merkulova, A. A. Ginzburg.- M.: Nedra, 1986. - 125s; Opredelenie haraktera obvodnenija skvazhiny s ispol'zovaniem specializirovannogo programmnogo obespechenija «Gidroizoljacija»/N. G. Ibragimov, I. G. Fattahov, L. S. Kuleshova, R. R. Kadyrov, A. K. Sahapova, Je. R. Hamidullina//Neftjanoe hozjajstvo. – 2011.- № 7. – s. 48–49; Prognozirovanie haraktera obvodnenija i celesoobraznosti provedenija vodoizoljacionnyh rabot/R. R. Kadyrov, I. G. Fattahov, Je. R. Hamidullina, A. V. Patlaj//Inzhener-neftjanik. - 2012. - № 3. - S. 55–60.

[2] Graficheskie metody analiza pri dobyche nefti/L. I. Merkulova, A. A. Ginzburg.- M.: Nedra, 1986. - 125s;; Prognozirovanie haraktera obvodnenija i celesoobraznosti provedenija vodoizoljacionnyh rabot/R. R. Kadyrov, I. G. Fattahov, Je. R. Hamidullina, A. V. Patlaj//Inzhener-neftjanik. - 2012. - № 3. - S. 55–60.

[3] Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2012615165. Faraz. Fattahov I. G., Kadyrov R. R. i dr. 2012.

can significantly reduce water cut production. Also after full drowning the wells may be converted to injection of water into the upper oil-saturated reservoir interval previously provided preliminary isolation of the lower one.

The third tab «Analysis information «shows the characteristics of straight lines formingthe obtained curve on the graph. The coefficients a, b are derived here and the correlations for each generated straight line on the graph. (Table 1).

Table 1 — Analysis information. The correlation coefficient.

Участок кривой	Период, годы	Коэффициент a	Коэффициент b	Коэффициент корреляции
1	с 1 по 4	-0,2818	0,1261	0,99322
2	с 5 по 21	0,3932	-0,0056	0,96279
3	с 22 по 29	-0,0518	0,2155	0,97562

The history of flooding of each site and its speed are in the tab «Flooding characteristics», as shown in Table 2.

Table 2 –Water cut characteristics. Portion of the curve. Period, years. In the beginning. In the end.

Участок кривой	Период, годы	Внач,%	Вкон,%	vB,%/год	dV, $\cdot 10^{-5}$ %/тонн
1	с 1 по 4	87,2	94,3	2,35	23,77
2	с 5 по 21	93,1	82,1	-0,69	-24,19
3	с 22 по 29	85	92,6	1,08	13,41

where — In the beg.–theinitial water cut of the period,%

In the end- the ultimate water cut period,%

vB — the rate of increase of water cut in time,%/year

dB — the rate of increase of water cutpereach produced ton,%/t

The function of the button «Save» –the archiving of the forecasted evaluation results of the water inflow. After that it is possible to print and deliverthem to the specialist who is responsible for the selection of technologies in the field of water shutoff for him tomake thefinal decision about repair operations.

The comparative characteristics of geophysical studiesof the well number 23701 of the Abdrahmanovskaya area, Romashkinskoye oil field showed the similarity with the results obtained by the program within 88%, which is a good proof of the applicability of the given forecast.

From all conducted work on the determination of the drowning characteristic type it is possible to get an idea of deposition order in the watering out interval of the section of permeable and impermeable layers, supplementing and clarifying the results of geophysical studies (the comparisons in 40 wells were carried out).

References:

1. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2012615165. Faraz. Fattahov I. G., Kadyrov R. R. i dr. 2012.
2. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlja JeVM № 2011617680. «Gidroizoljacija». Fattahov I. G., Kadyrov R. R. i dr. 2011.
3. Graficheskie metody analiza pri dobyche nefti/L. I. Merkulova, A. A. Ginzburg.- M.: Nedra, 1986. — 125s.
4. Opredelenie haraktera obvodnenija skvazhiny s ispol'zovaniem specializirovannogo programmnogo obespechenija «Gidroizolja cija»/N. G. Ibragimov, I. G. Fattahov, L. S. Kuleshova, R. R. Kadyrov, A. K. Sahapova, Je. R. Hamidullina//Neftjanoe hozjajstvo. — 2011.- № 7. — s. 48–49.
5. Prognozirovanie haraktera obvodnenija i celesoobraznosti provedenija vodoizoljacionnyh rabot/R. R. Kadyrov, I. G. Fattahov, Je. R. Hamidullina, A. V. Patlaj//Inzhener-neftjanik. — 2012. — № 3. — S. 55–60.

Israfilov Danis Irekovich Ph. D.
Chernova Marina A. Competitor
Nugumanova Aigul Irekovna applicant
Kazan Federal University, Nab.Chelny
Исрафилов Данис Ирекович к. т.н.,
Чернова Марина, Александровна соискатель,
Нугуманова Айгуль Ирековна соискатель
Казанский Федеральный Университет, г. Наб.Челны

Developing a knowledge base for managing technological complex vacuum installation UVN-4M

Разработка базы знаний для управления технологическим комплексом вакуумной напылительной установки УВН-4 М

Эффективная работа современного предприятия невозможна без автоматизированных систем управления. Подобные системы осуществляют поддержку технологического процесса производства изделий на всех этапах жизненного цикла, что позволяет сокращать затраты, оперативно устранять проблемы, возникающие в процессе производства, снижать себестоимость выпускаемой продукции.

По ходу процесса производства требуется прогнозировать все возможные проблемы, которые могут возникнуть, и попытаться их предотвратить. Данная задача требует анализа большого числа потенциальных причин, влияющих на качество изготавливаемого изделия, что является труднореализуемым при ручном режиме обработки исходных данных.

Предлагается система управления технологическим процессом нанесения магнетронного распыления металлов на поверхность изделий различной геометрической формы, открытой для прямого попадания на нее испаряемых паров в установке вакуумной напылительной УВН-4 М, работающая на основе базы знаний по прецедентам. Под прецедентом в данной работе понимаются правила для принятия решения по устранению схожих производственных проблем. Таким образом, правила будут содержать в себе информацию о знаниях, полученных от экспертов.

Описание предметной области в базе знаний предполагает разработку способов представления и организации знаний, методе формулирования, переформирования и решения задач. Понятия предметной области представляются с помощью символов. Знания представлены в виде правил на языке логического программирования Prolog[1]. В процессе работы базу знаний можно корректировать: добавлять факты, удалять и изменять факты, утратившие актуальность.

Для систематизации получаемых данных, знания о структуре и состоянии процесса с агента — оператора процесса перенесены на сами места течения процесса. Место течения процесса превратилось в агента. В разрабатываемой системе присутствует само место течения процесса (действие) и его виртуальный двойник, созданный в виде программного агента[2].

Каждый агент системы имеет полную информацию о своих параметрах, но, вынужден принимать решения в условиях недостатка информации о поведении всех параметров сети. Отслеживаемый параметр в системе — состояние компонентов агентов[3].

Агент места течения процесса работает с данными получаемыми от датчиков. Проанализировав принципы работы датчиков, выявили зависимость выходного сигнала от выхода из строя измерительного элемента. Таким образом, стало возможным прогнозирование выхода из строя датчика и своевременное оповещение об этом оператора (таблица 1).

Таблица 1. Соотвествие сигналов агентам места течения процесса.

№	Сигнал	Символ сигнала	Агенты места течения процесса
1.	Температура воды на входе	T6	Агент — охлаждение А (6)
2.	Давление воды в трубе на входе	P6	
3.	Температура воды на выходе из насоса (паромасленного)	T6.1	
4.	Температура воды на выходе из магнетрона	T6.2	
5.	Давление в магистрали 1	I3	Агент — магистраль (А3)
6.	Давление в магистрали 2	I3.1	
7.	Давление в магистрали 3	I3.2	
8.	Давление в магистрали 4	I3.3	
9.	Давление в магистрали 5	I3.4	
10.	Температура воздуха в камере	T1	Агент — камера (А1)
11.	Давление в камере	I1	
12.	Отсутствует напряжение в тенах камеры	U1	
13.	Отсутствует напряжение на тенах в паромасленном насосе	U4	Агент — насос (А4)
14.	Давление в баллоне с аргоном	P5	Агент — баллон с газом А (5)
15.	Давление в баллоне с кислородом	P5.1	
16.	Отсутствует напряжение на магнетронах	U2	Агент — магнетрон (А2)
17.	Ток на магнетронах	U2.1	

A1:{T1, I1, U1}
Если T1 < 100 С, то Сообщение — Проверить контакты датчика
Если 100 ≤ T1 ≤ 400, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если 10–3 < I1 < 10–9 А, то Сообщение — Вероятно выгорание электродов в газоразрядном преобразователе
Если –400 > U1 > 400 В, то Сообщение — Проверить рабочие элементы гальванометра
Если 0 ≤ U1 ≤ 400 В, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
A2:{U2, U2.1}
Если U2 ≥ 600, то Сообщение — Проверить рабочие элементы гальванометра
Если 0 ≤ U2 ≤ 600, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если U2.1 ≥ 20, то Сообщение — Проверить рабочие элементы гальванометра
Если 0 ≤ U2.1 ≤ 20 то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
A3:{I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4}
Если I3 > 100 мкА, то Сообщение — Проверить ПМТ-2
Если 0 < I3 ≤ 100 мкА, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если I3.1 > 100 мкА, то Сообщение — Проверить ПМТ-2
Если 0 < I3.1 ≤ 100 мкА, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если I3.2 > 0,00001 А, то Сообщение — Проверить ПМИ-2
Если 0,01 < I 3.2 ≤ 0,00001 А, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если I3.3 > 100 мкА, то Сообщение — Проверить ПМТ-2
Если 0 < I3.3 ≤ 100 мкА, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если I3.4 > 100 мкА, то Сообщение — Проверить ПМТ-2

Если 0 < I3.4 ≤ 100 мкА, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
A4:{U4}
Отсутствует напряжение на тенах в паромасленном насосе
A5:{P5, P5.1}
Если 1 < P5< 2 атм, то Сообщение — Проверить на деформацию трубку Бурдона
Если P5= ±∞ мкА, то Сообщение — Проверить катушку в которой движется ферритовый наконечник
Если P5≤ 1 атм, то Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если 1 < P5.1< 2 атм, то Сообщение — Проверить на деформацию трубку Бурдона
Если P5.1= ±∞ мкА, то Сообщение — Проверить катушку в которой движется ферритовый наконечник
Если P5.1 ≤ 1 атм, то Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
A6:{T6, P6, T6.1, T6.2}
Если T6 > 100 С, то Сообщение — Проверить контакты датчика
Если 0 < T6 < 25, то — Нормальная работа, иначе сигнал нулевой
Если 0,5 < P6 < 2 атм, то Сообщение — Проверить на деформацию трубку Бурдона
Если P6= ±∞ мкА, то Сообщение — Проверить катушку в которой движется ферритовый наконечник
На основе знаний, полученных от экспертов об известных прецедентах, были реализованы правила в Prolog.

Листинг программы:

```
implement main
 open core, console

constants
 className = «main».
 classVersion = «$JustDate: $$Revision: $».

domains
boolean = [0..1]. % 0-отказа нет; 1 - отказ

class predicates

aСостояниеНапыления: (integer T1, integer I1, integer U1, integer U2,
integer U2.1, integer I3, integer I3.1, integer I3.2, integer I3.3,
integer I3.4, integer U4, integer P5, integer P5.1, integer T6, integer
P6, integer T6.1, integer T6.2, string,boolean Отказ) procedure (i,i,i,i,
i,i,i,i,i,i,i,i,i,i,i,i,I,o,o). % На основе данных параметров определяем
состояние напыления

clauses

classInfo(className, classVersion).

 aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, Отказ) :- T1=0, I1=0,U1=0, U2=0, U2.1=0, I3=0,
I3.1=0, I3.2=0, I3.3=0, I3.4=0, U4=0, P5=0, P5.1=0,T6=0, P6=0, T6.1=0,
T6.2=0,Отказ=0,!.

aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, "Высока вероятность отсутствия напыления",
Отказ) :- 100 >T1 >400, 10-3 < I1 < 10-9, -400 > U1 > 400, U2> 600, U2.1 >
20, I3 > 100, I3.1 > 100, I3.2 > 0,00001, I3.3 > 100, I3.4 > 100, U4=0, P5
<= 1, P5.1 <= 1, 0 < T6 < 25, P6≤ 1, 0 < T6.1≤ 45, 0 < T6.2≤95,Отказ=0,!.

aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, "Высока вероятность неравномерного напыления",
Отказ) :- 100 <= T1 <= 400, 0< I1 < 10-3, 0 <= U1 <= 400, 0 <= U1 <= 600,
0 <= U2.1 <= 20, 0 < I3 <= 100, 0 < I3.1 <= 100, 0,01 < I 3.2≤0,00001, 0
< I3.3 <= 100, 0 < I3.4 <= 100, U4=0, 1 < P5< 2, 1 < P5.1<2, 0 < T6 < 25,
P6 <= 1, 0 < T6.1 <= 45, 0 < T6.2 <= 95,Отказ=0,!.

aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, " Высока вероятность тонкого слоя напыления
", Отказ) :- 100 >T1 >400, 10-3 < I1 < 10-9, -400 > U1 > 400, U2> 600,
U2.1 > 20, I3 > 100, I3.1 > 100, I3.2 > 0,00001, I3.3 > 100, I3.4 > 100,
U4=0, P5 <= 1, P5.1 <= 1, 0 < T6 < 25, P6 <= 1, 0 < T6.1 <= 45, 0 < T6.2
<= 95,Отказ=0,!.
```

```
aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, " Высока вероятность тонкого слоя напыления
", Отказ) :- 100 >T1 >400, 10-3 < I1 < 10-9, -400 > U1 > 400, 0 <= U2 <=
600, 0 <= U2.1 <= 20, I3 > 100, I3.1 > 100, I3.2 > 0,00001, I3.3 > 100,
I3.4 > 100, U4=1, P5 <= 1, P5.1 <= 1, 0 < T6 < 25, P6 <= 1, 0 < T6.1 <=
45, 0 < T6.2 <= 95,Отказ=0,!.

aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, " Высока вероятность наличия точек напыляемой
на поверхности", Отказ) :- 100 <= T1 <= 400, 0< I1 < 10-3, 0 <= U1 <= 400,
0 <= U1 <= 600, 0 <= U2.1 <= 20, I3 > 100, I3.1 > 100, I3.2 > 0,00001,
I3.3 > 100, I3.4 > 100, U4=1, P5 <= 1, P5.1 <= 1, T6 > 100, P6= 101000,
T6.1 > 45, T6.2 > 95,Отказ=0,!.

aСостояниеНапыления(T1, I1,U1, U2, U2.1, I3, I3.1, I3.2, I3.3, I3.4, U4,
P5, P5.1,T6, P6, T6.1, T6.2, " Процесс корректен", Отказ) :- 100 <= T1 <=
400, 0< I1 < 10-3, 0 <= U1 <= 400, 0 <= U1 <= 600, 0 <= U2.1 ≤ 20, I3 >
100, I3.1 > 100, I3.2 > 0,00001, I3.3 > 100, I3.4 > 100, U4=1, P5 <= 1,
P5.1 <= 1, 0 < T6 < 25, P6 <= 1, 0 < T6.1 <= 45, 0 < T6.2 <= 95,Отказ=1,!.

aСостояниеНапыления(_,_,_,_,»Ошибка ввода данных»,Отказ):-Отказ=0.

end implement main
```

Список литературы:

1. Братко И. Алгоритмы искусственного интеллекта на языке Prolog 3-е издание.: Пер. с англ. — М.: Издательский дом «Вильяме», 2001. 640 с.: ил.
2. Тарасов В. Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям М.: Едиториал УРСС, 2002. 352 с
3. «Интеллектуальная надстройка системы управления на примере установки вакуумной напылительной УВН-4 М. (тезисы)» — Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции «Перспективы развития информационных технологий». Изд-во: «СИБПРИНТ» г. Новосибирск, с. 86–90

Section 14. Philology and linguistics

Asadov Zahir Vahid
The employee of the Baku branch of the Moscow State University of a name M. V. Lomonosov
The senior lecturer of chair of the general and Russian linguistics the Baku Slavic University, Ph. d., the senior lecturer
Асадов Захир Вахид оглу
Сотрудник Бакинского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова
Доцент кафедры общего и русского языкознания Бакинского славянского университета

About the formula organization of the Ancient Russian text

О формульной организации древнерусского текста

Помимо практикуемого в филологической науке комплексного анализа структурно-семантического и текстуального компонентов древнего текста[1], он может рассматриваться также с точки зрения **«формульной организации»**. «Формульность — частный случай более общей категории стереотипности, при этом понятие стереотипа объединяет довольно широкий спектр явлений: от мифологических представлений и поведенческих моделей до традиционных (вербальных) формул и правил воспроизведения речи»[2]. В центре внимания Г. И. Мальцева — взаимоотношение текста и традиции посредством традиционной формулы. На лингвокультурном уровне данная проблема с известными оговорками может быть сформулирована как проблема взаимодействия текста и культуры. В связи с этим подход, предлагаемый Г. И. Мальцевым, имеет для нас особый интерес. В принципе, он объединяет в понятие формулы различные по объему и структуре единицы текста — от ключевых слов-образов и устойчивых словосочетаний до развернутых отрезков текста.

В нашем исследовании формульная организация древнерусского текста выступает как исходный план для выявления инокультурных элементов, а именно древнетюркских этноэйдемов[3]. Традиционно же с позиций нашего подхода «формульную тему» применительно к древнерусским памятникам письменности можно представить как стереотипную ситуацию, явленную в конкретном тексте в одном из своих вариантов. Подобные формульные темы, широко представлены в древнерусской юридической традиции (челобитные, уставные и княжеские грамоты XI–XV вв., в «Русская Правда» и т. п.): Убьет моужь моужа…, Бьет челомъ…, А оже украдоуть… и мн. др.

В лингвосоциокультурном отношении исследование формульных тем в письменной культуре Древней Руси имеет свою специфику: с одной стороны, формула выступает интегральной частью древнерусского текста, композиционным компонентом его семиотики, а с другой, не входя в сферу древнерусской культурной традиции, являет собой указание на присутствие инокультурного элемента (в культурологическом смысле) и выступает как базовый элемент инокультурной традиции с собственным содержанием. Иначе говоря, порой за традиционным содержанием формулы стоит сложный комплекс представлений, коренящихся в инокультурной традиции.

Рассмотрим один пример. В «Слове о полку Игореве», в произведении которое до сих пор вызывает многочисленные дискуссии по поводу «темных мест», зафиксированных в нем, а также по поводу его автора и т. п., мы зафиксировали один, по нашему мнению, необычайный отрывок. Неизвестный автор «Слова» изображает **скрип кыпчакских телег** с благородством, с особенной симпатией, сравнивая этот звук с мелодией «на небе парящих лебедей». Ср.: … «*Свистъ звѣринъ въста збися дивъ, кличетъ връху дрѣва, велитъ послушати земли незнаемѣ, влъзѣ, и по морию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню и тебѣ Тьмутораканьский блъванъ. А половци неготовами дорогами побѣгоша к Дону великому:* ***крычат тѣлѣгы полунощы, рцы, лебеди роспущени***»[4]. Наше толкование данного отрывка таково: «*Свистом звериным встал взбесившийся Див, кличет на верхушке дерева, велит прислушаться землям незнаемым (незнакомым): Поволжью и Поморью, Посулю и Сурожу, Корсуни и тебя предупреждает Тьмутораканский истукан (или камень). А потому что половцы неготовыми дорогами побежали к Дону Великому, кричат телеги в полночи, словно лебеди испуганные кричат*».

Не странно ли, что автор «Слова» вдруг подобно образно, довольно «мягко» рисует картину нашествия кыпчаков? Да, странно. Потому что это единственный случай «благородного» описания нашествия кыпчаков с помощью формульной темы «скрип телег». Вот как оплакивает автор «Сокровенного сказания» (XIII век) смерть Темучина: «**Отошелъ ты государь мои, став поклажей скрипучеи телеги…** (выделено нами — З. А.)»[5]. Н. С. Борисов, известный исследователь взаимоотношений степи и Древней Руси, этот отрывок называет довольно смелым сравнением автора «Слова» и пишет: «… Но если все же вы однажды заметите, что скрип несмазанных колес перестал раздражать ваш слух, — можете поздравить себя: вы пробудили

---

[1] См., например: Асадов З. В. Жанровая тематика «Послесловия» к Остромирову евангелию//«Русский язык и литература в Азербайджане», 2007, № 1. С. 29–31.

[2] Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики, Ленинград, 1989. С. 11.

[3] Под этноэйдемой, мы вслед за Л. А. Шейман и Н. М. Варич, подразумеваем «сквозные образы национальных картин мира и традиций различных этнических общностей, отраженных в языковом материале». См.: Шейман Л. А., Варич Н. М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах//Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1976, вып. 6. С. 44.

[4] Древняя русская литература (под ред. проф. И. Н. Прокофьева). М.: Просвещение, 1988. С. 97–98.

[5] Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.-Л., 1941. С. 69.

в себе спящие гены степной цивилизации… Так, может быть, не так уж и неправы те, кто полагает, что **в жилах автора поэмы текла степная кровь?** (выделено нами — З. А.)»[1].

Во всех исследованных нами памятниках письменности Древней Руси формульная тема «скрип телег» выступает как смертоносящий звук, от которого не возможно не содрогнуться. Ср.: «*Уже бо возвеяша силнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, прилѣтяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещуть синие молнии. Быти стуку и грому велику на рѣчьки Непрядвѣ межь Дономъ и Непромъ, пасти трупу человѣчью на полѣ куликовѣ, пролитися кровѣ на рѣчькы Непрядвѣ. Уже бо* ***въскрипѣли телегы*** *межь Дономъ и Непромъ, идоутъ хинове в Рускую землю*» («Задонщина»)[2]. Как видим, описывая нашествия Мамая, автор «Задонщины» сравнивает это зло со скрипом телег, которые исходили из войска Мамая, когда рать последнего двигалась на Русь. Интересно, что от этого скрипа телег, судя по словам автора текста, даже птицы под облаками начинают лететь и чирикать, вороны часто грают, галки и орлы кличут, волки грозно воют, а лисицы кости брешут, потому, что Мамай на Русь идет. Ср.: «*А уже бѣды их пасоша птицы крилати, подъ облакы летають, ворони часто грають, а галицы своею рѣчью говорять, орлы восклегчють, а волци грозно воють, а лисицы на кости брещут*»[3]. Аналогичный пример находим и в рассказе о взятии Киева Батыем в 1240 г. по Галицко-Волынской летописи: «*Въ лѣт҃. ҂s҃. Ѱ҃. м҃и [6748 (1240)] Приде Батыи Кыевоу в силѣ т҇ажь цѣ многомь множьствомь силы своеи и wкроужи гра҆дъ и wстолпи си Татарьская и бы҆с҆тра҆дъ во обьдержаньи велицѣ и бѣ Батыи оу города и троци его wбьсѣд҇ахоу гра҆дъ и не бѣ слышати ѿ гласа* скрипания телѣгъ *е҆г҆ множества ревения вельблудъ его и рьжания ѿ гласа стадъ конь его и бѣ исполнена*»[4]. Письменная традиция Древней Руси показывает, что скрип телег в древнерусской лингвокультурной общности явно однозначно олицетворял нашествие врагов — а именно — древнетюркских племен. Ведь не случайно, что степь для русских всегда была диким миром и не зря русские называли ее «Диким полем».

Дело в том, что словосочетание «скрип телег» выражает не только простую констатацию факта нашествия кыпчаков и обычное олицетворение вражеского ига, а несет в себе целую культуру и быт, национально-культурную идентичность и нравы тюркской степной жизни, оно есть само олицетворение жизни древних тюрков на Дешти-Кыпчаке. Если исходить из теории Л. Гумилёва о том, что природные особенности ландшафта в какой-то степени имеют тесную связь с формированием «этносферы» народа[5], то формульная тема «скрип телег» выступает как древнетюркская этноэйдема и является ландшафтно-обусловленной характеристикой половцев, коннотативным кодом, связывающим историю природы, рельефа и образа жизни с историей самого народа. Кстати, Н. Будаев описывает образ жизни тюрков так: «Подобно метеорам, появлялись и исчезали кочевые империи, менялись их этнические названия (скифы, саки, гуны, аланы, авары, булгары, хазары, савиры, половцы, печенеги, татары), но с изменением имени язык древних кочевников не менялся, как и быт, так и образ жизни, и этнический характер и культура: тюрки по-прежнему жили под скрипом телег, в круглых или восьмигранных юртах, ели конину, пили кислое молоко (кумыс), пасли скот… (выделено нами — З. А.)»[6]. Значит, скрип телег действительно был для тюркского кочевника чем-то родным, знакомым ему с раннего детства, олицетворял в его сознании что-то связанное с его Родиной, с Дешти-Кыпчаком. «Запах полыни и тающий в бесконечности горизонт — это, так сказать, «поэзия» степной жизни. Но была у нее и своя «проза». Грязь и убожество войлочного дома… Кислый запах овчины и давно не мытых человеческих тел… И наконец, все те же однообразные звуки — блеяние овец, мычание коров и скрип телег…»[7]. А для русина же этот скрип всегда оставался смертоносящим предупреждением о нашествии тюрков, о приходе внешних врагов.

Как видим, формула «скрип телег» не позволяет сознанию выйти за рамки ее традиционного содержания, однако именно через их посредство осуществляется перевод субъективных личных переживаний на объективный язык традиционных смыслов. Потому природа формулы «скрип телег» диалектична: с одной стороны, будучи коннотативно «отягощенным», в конкретном контексте она предполагает выявление в ней инокультурного элемента, а с другой, она выступает как один из возможностей реализаций ее семантических тенет. Формульная организация текста выступает как бы «трансформером» ментальности одной культуры в термины и образы другой, т. е. исследование формульных тем являет собой исследование древних текстов как субститутов этнокультур.

Однако следует отметить, что указанные процедуры, направленные на адекватное понимание древнерусского текста, далеко не идеальны для каждого из них, так как каждый текст многозначен: в нем, помимо объективной, фиксируемой информации, заложены тайные субъективные смыслы, выражающие особенности видения мира автора текста, психологические мотивы его создания и т. д. Сюда же можно добавить то, что текст выступает как главный носитель информации, и для познания того или иного культурного явления, фиксированного в нем, необходимо извлечь эту информацию осторожно, отвлекаясь от подсознательного влияния своей, родной культуры. Поэтому считаем, что одним из методологических критериев правильного истолкования и исследования древнего текста, в частности, древнерусского, является не только раскрытие коннотативной насыщенности текста и все возможные реализации имплицитных семантических тенет (авторские интенции и т. п.), но и индивидуально-психологические и национально-культурные особенности реципиента (т. е. психологическое состояние исследователя при анализе текста, а также его принадлежность к определенной культуре: чем дальше исследователь отдален от культуры исследуемого текста, тем труднее для него станет процесс его понимания и адекватного истолкования). Кроме того, следует определить также степень достоверности, содержащейся в нем информации (проблема так называемой

---

[1] Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 252.

[2] Древняя русская литература (под ред. проф. И. Н. Прокофьева). М.: Просвещение, 1988. С. 164–165.

[3] Там же.

[4] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е. С.-Пб., 1908. С. 536.

[5] Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Кипчакская Степь в 945–1225 гг. //Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений географической конференции. Алма-Ата. 1980. С. 44.

[6] Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока. Алма-Ата. 2000. С. 73.

[7] Борисов Н. С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 251–252.

лингвокультурологической компетенции древнерусского автора-летописца[1]) и увидеть за ним ту «подлинную реальность», которую она несет или под влиянием которой она наличествует в тексте.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики — Грант № EİF-2011–1 (3)-82/81/5.

Baratova Olga Azizovna
Postgraduate student at the department of Foreign Literature of Institute of Philology and Arts of Kazan (Volga Region)Federal University; teacher of English at the department of Foreign Languages of Kazan State Medical University.
Баратова Ольга Азизовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант кафедры зарубежной литературы Института филологии и искусств; Казанский государственный медицинский университет, преподаватель кафедры иностранных языков

The Function of Painting in the Works of John Fowles

Функция живописи в творчестве Джона Фаулза

Живопись, как и всякое явление культуры,
можно рассматривать с разных точек зрения.
Скажем — и с литературной
С. К. Маковский

В литературном творчестве английских писателей второй половины XX века прослеживается явный интерес к различным аспектам синтеза искусств. Научные исследования в области гуманитарных знаний, неоднократно отмечают этот период литературы с одной стороны как время зарождения новых синтетических видов художественного творчества, с другой — как время ярких попыток взаимообогащения языков искусств. Исследователь Н. В. Тишунина считает, что «*литература XX века не сводима к какому-то одному набору характерных языковых средств, она художественно «многоязычна», а потому и следует говорить не о «языке литературы XX века», а о «языках» литературы XX века*»[2]. Соглашаясь с мнением Н. В. Тишуниной, можно смело применить термин «многоязычность» к творчеству крупнейшего представителя интеллектуальной прозы XX века Джона Фаулза, произведения которого вызывают огромный интерес со стороны исследователей и критиков.

Изобразительное искусство в различных своих проявлениях, от фотографии и живописи до кино и театра присутствуют практически во всех работах автора. Фаулз уделяет огромное внимание яркому визуальному ряду. Смысл каждого отдельного предмета изобразительного искусства имеет большое значение, отражая философскую идею произведения. Автор обращен ко всему пространству культуры, поэтому спектр исследуемых в его творчестве проблем весьма широк. В нашей статье мы бы хотели остановиться на живописи, которая играет огромную роль в творчестве писателя, существуя не только на тематическом уровне, а проникая в мышление автора, делая его язык живописным.

Как и любой другой вид искусства, живопись обладает определенными особенностями. Одна из важнейших особенностей живописи — рамка, граница, которая отгораживает изобразительное пространство. По мнению Б. А. Успенского: «*Для того чтобы увидеть мир знаковым, необходимо, прежде всего, обозначить границы, именно границы и создают изображение (…) Именно «рамки» — будь то непосредственное обозначение границы картины (в частности, ее рама) или специальные композиционные формы — организуют изображение и, собственно говоря, делают его изображением, то есть придают ему семиотический характер*»[3].

В произведениях Фаулза описываемое им пространство или персонажи, как правило, помещены в «рамку», которой служат дверные проемы, оконные рамы или зеркала.

В романе «Волхв», автор использует данную особенность, «рисуя» внешний облик Джоджо: «*Она стояла в дверном проеме, толстая, в джинсах и синем жакете, смутное пятно безмолвного упрека. В свете фонаря ее силуэт казался плоским, а черты лица — необычайно рельефными, как на литографиях Мунка*»[4].

В «Мантиссе» взору открывается целая картина, рамкой для которой служить дверной проем — «*Он сердито поднимается со стула, идет к открытой двери, не обращая внимания на ее руку, и заглядывает в дверной проем. Он смотрит на мужчину в пурпурного цвета халате, который ему слишком мал, на изящную нагую девушку с венком из розовых бутонов на волосах, на ее классической формы лоно, видит кровать на заднем плане, часы с кукушкой и висящий на них призрачно-белый хитон, стеганые серые стены. Все это встает перед ним, словно отраженное в зеркале или у Магритта. Она делает жест рукой, приглашая его пройти в дверь*»[5].

В повести «Башня из черного дерева» образ Дианы также подвергается помещению в рамку: «*Прошло с полминуты, и вдруг в проеме двери со стороны сада появилась девушка. Потом она опустила глаза, отвернулась и молча пошла в сад; когда она оказалась в дверном проеме, ее галабийя вдруг утратила непроницаемость, и взору Дэвида предстала нагая фигура*»[6].

---

[1] См.: Асадов З. В. О лингвокультурологической компетенции древнерусского летописца//Научный журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета в Прешове. Jazyk a kultúra. Ştúdie a články. Číslo 8/2011.

[2] Тишунина Н. В. Языки литературы XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anthropology.ru, свободный.

[3] Успенский Б. А. Семиотика искусства. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - С. 177.

[4] Фаулз Дж. Волх в./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. - С. 635.

[5] Фаулз Дж. Мантисса./Пер. с англ. И. Бессмертной. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. - С. 119.

[6] Фаулз Дж. Башня из черного дерева. Повести./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. - С. 17.

«Рамка» у Фаулза также служит символом разлада между человеком и окружающим его пространством. Так например, Николас в «Волхве» смотрит на танцующие силуэты через дверной проем, то есть герой уже рассматривает «картину», далее следует — «*Темные силуэты танцующих на фоне окна, за которым — вечерние деревья, бледно-янтарное небо*»[1]. Упоминание окна, в котором видны деревья и небо, говорит нам о возникновении картинки в картинке, то есть природный ландшафт, точнее, реальный мир герой видит за окнами, а всю картину в целом, которая отдаляет Николаса от этого реального мира, — в проеме двери. «*Я приносил продукты, мы болтали, спали, любили друг друга, танцевали, готовили еду, когда придется, — сами по себе, выпав из времени, выпав из муторного лондонского пространства, раскинувшегося за окнами*»[2]. В данном случае герой мыслит себя по ту сторону реального мира, помещая себя в картинку, обрамлением которой служит оконная рама.

Еще одна важная особенность живописи — статичность. Картины передают какое-то определенное неизменное состояние, зафиксированное художником раз и навсегда, даже если художник изображает движение, оно все равно статично.

«*Комната за ее спиной, в проеме полуоткрытой двери, была погружена в темноту. Выглядела Алисон ужасно; маска непреклонности; острое страдание*»[3]. Во-первых, автор опять помещает персонаж в «рамку», реализуя указанную нами выше особенность живописи, и, во-вторых, акцентируется внимание на лице героини, в описании которого появляется мотив бледно-серой маски. Значение маски подразумевает недвижность, застылость, мертвенность.

Нельзя не отметить влияние конкретных художников на творчество Джона Фаулза. Мы наблюдаем некое сходство между персонажами художников и героями Фаулза. Например, в романе «Волхв» автор не раз сравнивал Алисон с картинами Мунка. Мунк, тяготевший к символизму и экспрессионизму, часто изображает на своих картинах огромные угольно черные глаза переполненный ужасом, отчаянием, безысходностью, усталостью. «*Перед выходом она накладывала на веки густые тени, и, если они сочетались с обычным для нее мрачным выражением губ, похоже было, что ее побили; и чем дольше вы смотрели на нее, тем больше вам хотелось самому нанести удар*»[4]. «*Она была бледнее, чем я ее помнил. Завидев меня, сняла темные очки. Усталая, круги под глазами*»[5]. Автор постоянно акцентирует внимание на темных кругах под глазами Алисон, проводя явную связь с картинами Мунка.

Основное и первостепенное выразительное и содержательное значение в живописи имеет цвет, который сам по себе является носителем идеи (в том числе и в силу психологических факторов воздействия и восприятия).

Проза Фаулза живописна, поэтична и глубоко психологична. Создается впечатление, что Джон Фаулз написал не повесть «Башня из черного дерева», а несколько ярких полотен, на которых запечатлелись образы четырех участников игры: двух девушек и двух абсолютно разных художников. Для каждого героя у него есть своя гамма цветов, которая дополняет и подчеркивает их поведение. Персонажи все время меняют одежды или вовсе снимают ее. Фаулз постоянно подчеркивает это, описывая детали одежды, что становится важным для понимания хода мыслей героев. Например, цвета Генри — синий, голубой, серый, седой — холодные цвета старика, но они контрастируют с красным и пунцовым — цвета, через которые автор демонстрирует страстность натуры Генри, его прямоту и своенравность.

Сама новелла — словно большое живописное полотно, где время застыло, и зритель видит вечное лето, с полутонами и бликами, с ярким солнцем. Фаулз, несомненно, писатель-живописец, импрессионист. Он рисует цветом, запечатлевая мимолетное настроение, чувство, эмоцию. И это его художественное кредо пересекается с его же идеями, озвученными в новелле устами старого художника-реалиста Генри Бресли: «*Пожалуй, уже слово «абстракция» говорит само за себя. Художник боится, как бы его живопись не отразила его образа жизни (…) невольно стремится замаскировать пустотелую реальность с помощью технического мастерства и хорошего вкуса. Геометрия. Безопасность, скрывающая отсутствие какого-либо содержания*»[6]. Собственная творческая манера писателя предполагает полное и искренне раскрытие душевного настроя и образа мыслей. Для автора огромным значением обладает нравственная задача искусства и его ответственность, смысл искусства, раскрывающийся в возможности достичь самопознания.

Иногда Фаулз рисует свои образы в соответствии с требованиями живописи, помещает их в рамки, использует светотени, чтобы подчеркнуть или спрятать ту или иную деталь, но иногда автор позволяет себе выйти за пределы жанра живописи, как например, использование «живых картинок» в романе «Волхв». При первой встрече с Николасом Лилия «*поднесла к губам щеточку, помахала ею (не двигайся! молчи!) и улыбнулась. Точно жанровая сценка, изображенная старинным художником — «Секрет», «Предостережение»*[7]. Эта маленькая сценка, так просто «оформленная» моментально переносит героя в мир живописи.

Попытки совместить слово с картиной подтверждают не только эксцентричность творческой натуры писателя, но еще и факт постоянного поиска новых выразительных средств, в котором находился писатель. Часто в произведениях Фаулза живопись исполняет роль подсказки, намекая читателю на дальнейшее развитие действий.

Например, в романе «Волхв» Кончис намеренно использует картины Модильяни, скульптуры Родена. Работы именно этих авторов свидетельствуют о его предпочтении к определенному направлению в искусстве. Направление, в котором работал Модильяни (1884–1920), традиционно относят к экспрессионизму. Франсуа Огюст Рене Роден (1840 –1917) — знаменитый французский скульптор, один из основоположников импрессионизма в скульптуре. Следует отметить, что и импрессионизм, и экспрессионизм — направления, зародившиеся примерно в одинаковое время призывают художника к свободному выражению своих мыслей и чувств, образов и настроений, впечатлений получаемых от общения с окружающим нас миром. Картины в доме Кончиса отображают его взгляд на окружающий мир, на человеческую жизнь, они являются некой подсказкой, сообщая нам о намерениях Кончиса, о том, что Кончис собирается пробудить в сознании Ника, чему он собирается научить его.

---

[1] Фаулз Дж. Волх в./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. - С. 56.

[2] Там же. - С. 129.

[3] Там же. – С. 501.

[4] Там же. – С. 34.

[5] Там же. – С. 257.

[6] Фаулз Дж. Башня из черного дерева. Повести./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – С. 87.

[7] Фаулз Дж. Волх в./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – С. 346.

Исходя из проведенного нами анализа, мы пришли к выводу, что на творчество Фаулза живопись оказала большое влияние, которое проявляется не только на уровне цитирования великих художников и включения их работ в ткань произведения, но также и на идейном уровне, на языке автора, на принципе создания образов.

Список литературы:

1. Тишунина Н. В. Языки литературы 20 века. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.anthropology.ru, свободный.
2. Успенский Б. А. Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 360 с.
3. Фаулз Дж. Башня из черного дерева. Повести./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. — 444 с.
4. Фаулз Дж. Волх в./Пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. — 700 с.
5. Фаулз Дж. Мантисса./Пер. с англ. И. Бессмертной. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 313 с.

Yulia Valerievna Berezina
Staatliche Geisteswissenschaftliche Universität Vjatka (Kirov), Lehrstuhl für Linguistik und Translation
Юлия Валерьевна Березина, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров

Silbe und ihre Struktur in den russlanddeutschen Dialekten im Gebiet Kirov

Слог и его структура в немецких говорах Кировской области

Изучаемые с лингвистической позиции российские немцы, проживающие ранее в Поволжье и на Украине, попали в Кировскую область во время Второй мировой войны (1941–1942 гг.) и после нее (1945–1947 гг.) из Казахстана и Сибири по причине депортации. Все немцы имели статус спецпоселенцев до 1955–1956 гг., когда режим спецпоселения был отменен[1].

Говоры российских немцев Кировской области как одна из форм существования немецкого языка в России, имея свой особый путь развития, являются конечным пунктом трансформации немецких переселенческих говоров[2]. В настоящее время в Кировской области говоры этнических немцев представлены на уровне идиолектов, близких к локально окрашенному немецкому литературному языку.

В исследуемых говорах выделены следующие типы слогов:

1. открытый слог: nai — “neu”, ki: — “Kühe”;

2. закрытый слог:

(А) со слабо примыкающим согласным: lo: b — “Lob”, za: ɣ — “sag (ə)”, ju: t — “Jude”;

(Б) с сильно примыкающим согласным: tan-tə — “Tante”, man — “Mann”, švestər — “Schwester”, pa: pa· — “Papa”.

Открытый слог всегда оканчивается на долгий гласный или дифтонг, за исключением неударного конечного [ə]. Ядром открытого слога со слабо примыкающим согласным также могут быть долгий гласный либо дифтонг, произносимые с полной, развернутой фазой рекурсии (постепенный спад мускульного напряжения и уменьшение сонорности), за которым следует один или несколько согласных.

Слоги этого типа можно было бы назвать потенциально открытыми благодаря возможности трансформации их в слоги, оканчивающиеся на гласный (ju: t — ju: də/“Jude — Juden”), если бы не изменяемые слова типа na: x “nach”, hæ: r — “her”, где трансформация исключена.

В исходе закрытого слога модели «гласный + согласный» всегда находится как минимум один сильно примыкающий консонант, обрывающий краткий гласный на максимуме мускульного напряжения и звучности. Слоговая граница в этом случае проходит внутри замыкающего слог согласного — иными словами, согласный и есть сама эта граница[3]. После долгого гласного и дифтонга согласный является сильноконечным, после краткого — сильноначальным. Это явление, которое Э. Сиверс называет «schwachgeschnittener Akzent» и «starkgeschnittener Akzent»[4]. Акустическими коррелятами сильного и слабого примыкания являются соотвественно более «высокий» (на частной шкале) конечный характер краткого гласного и более «низкий» конечный характер долгого и дифтонга — так же, как и в литературном языке[5].

В речи закрытые слоги с сильно примыкающим согласным преобладают и составляют 46% от общего числа. Открытые слоги располагают 39% от общего числа слогов. На закрытые слоги со слабо примыкающим согласным приходится 15%.

Слева слоги могут быть неприкрытыми (начинающимися на гласный) или прикрытыми одним или более согласными. Прикрытые слоги следует считать основной моделью для говора не только по причине их преобладания по частотности, но еще и потому, что у неприкрытых слогов присутствуют, особенно в хиате, консонантный элемент — кнаклаут.

Количество слогов в слове, как правило, равно одному или двум, но не превышает трех. Структурные модели слогов систематизированы в таблице и проиллюстрированы примерами односложных слов. Тем обстоятельством, что односложные слова могут представлять собой формы многосложных (например, глаголов) или же развертываться в многосложные при словоизменении (например, существительные), здесь можно пренебречь[6].

---

[1] Бердинских, В. А. Вятлаг . Киров: Кировская областная типография, 1998. – С. 148.

[2] Дульзон, А. П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья. Известия АН СССР. отд. литер. и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. № 3. – С. 82.

[3] Серых, Ю. В.. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дисс…. канд. филол. наук.. – С.- Петербург, 1996. – С. 140.

[4] Sivers, E. Gründzüge der Phonetik. – 4 изд. Лейпциг, 1893. – С. 196

[5] Прокопова, Л. И. Структура слога в немецком языке. Киев, 1973. – С. 97

[6] Серых, Ю. В.. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дисс…. канд. филол. наук.. – С.- Петербург, 1996. – С. 141.

В моделях 1–15 слог равен морфеме. Модели 16 а — 18, дополняющие перечень, характерны для флективных форм (2 лицо единственное число презенса индикатива глаголов).

Структурные модели слога (на примере односложных слов)

слог	транскрипция	слово	слог	транскрипция	слово
1 б Гд	ai	Ei	8 б ССГ: С	gro: s	groβ
2 а ГС	is	ist	8 в ССГдС	klain	klein
2 б Г: С	i: ss	isst	9 а СССГ:	štro:	Stroh
2 в ГдС	ais	Eis	10 Г: ССС	o: pst	Obst
3 а СГ:	te:	Tee	10 а ГССГ:	arme:	Armee
3 б СГд	nai	neu	11 СГССС	markt	Markt
4 а ГСС	alt	alt	12 а ССГСС	kraŋk	krank
4 б Г: СС	a: rts	Artz	12 б ССГдСС	froint	Freund
5 а ССГ:	šne:	Schnee	13 а СССГ: С	štra: l	Strahl
5 б ССГд	blao	blau	13 б СССГдС	štraus	Straus
6 а СГС	got	Gott	14 СССГСС	štrumpf	Strumpf
6 б СГ: С	bu: x	Buch	15 СГСССС	zelpst	welbst
6 в СГдС	haus	Haus	16 а СГ: ССС	wɛ: lst	wählst
7 а СГСС	holts	Holtz	16 б СГдССС	hoilst	heulst
7 б СГ: СС	ve: rt	wert	17 ССГССС	briŋst	bringst
7 в СГдСС	faust	Faust	18 СССГССС	špriŋst	springst
8 а ССГС	gram	Gramm	Всего 33 модели		

Средством, объединяющим фонемы и слоги в слово как некое просодическое единство, является ударение[1].

Ударение в слове не имеет за собой фиксированного слога. Преимущественно оно падает на первый слог. Это почти все слова без префиксов, сюда же относятся слова с приставками: ap- (ab), tsu- (zu), forbai- (vorbei), forwek- (vorweg), aos- (aus), an- (an), fort- (fort), hi: rhɛr- (hierher), nach- (nach), wek- (weg), mit- (mit), aof- (auf), vor- (vor), ‘rain- (‘rein), hɛrhin- (herhin), ‘raos- (‘raus), hɛrunter- (herunter), ‘runter- (‘runter).

Безударными являются зафиксированные в говоре приставки: be-, ge-, ver-. Ударными и безударными являются следующие приставки: y (i)ber- (über), unter-, tsur (i)yk- (zurück), zatt- (satt). Среди суффиксов позицией под ударением характеризуются: sion-, — ik, — ant, — ent, — tsion, — ai (ei), — lion. Побочное ударение несут следующие суффиксы: -kait (keit), — haft, — hait (heit), — zam (sam), — zal (sal), — içkait (ichkeit), — mal. Окончания в говорах безударны.

В сложных словах главное ударение обычно лежит на втором компоненте слова, а побочное ударение на первом компоненте композита.

Фонетический план характеризует ударение в немецких говорах Кировской области как динамическое, поскольку ударный слог выделяется по изменению силы звука (интенсивности). Акцентологический план определяет ударение в говоре как морфологически связанное с корневым слогом, но фонетически свободное, потому что оно может быть привязано к разным слогам в слове, а также неподвижным, так как место ударения при словоизменении не меняется.

Список литературы:

1. Бердинских, В. А. Вятлаг. Киров: Кировская областная типография, 1998. — С. 148.
2. Дульзон, А. П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья. Известия АН СССР. отд. литер. и языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1941. № 3. — С. 82.
3. Прокопова, Л. И. Структура слога в немецком языке. Киев, 1973. — С. 97.
4. Серых, Ю. В.. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дисс… канд. филол. наук.. — С.- Петербург, 1996. — С. 140–143.
5. Sivers, E. Gründzüge der Phonetik. — 4 изд. Лепциг, 1893. — С. 196.

Iryna Buyar, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)Assistant professor
At the College of Theory and Practice of Translation
Буяр Ирина Евгеньевна, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича,
ассистент кафедры теории и практики перевода

Paradigmatic Relations in Lexico-semantic Group of Positive Evaluative Adjectives in English: Linguocultural and Gender Aspects

Парадигматические отношения в лексико-семантической группе прилагательных положительной оценки в английском языке: лингвокультурный и гендерный аспекты

Определенное сходство семантических структур многих языков актуализирует изучение так называемых семантических универсалий языка, которые, по мнению А. Вежбицкой, реализуются на лексическом уровне во всех языках мира и служат

[1] Серых, Ю. В.. Звуковой строй и акустическое качество ударного вокализма южногессенского (самаркинского) немецкого островного говора на Алтае: дисс…. канд. филол. наук.. – С.- Петербург, 1996. – С. 142.

основой для создания других понятий[1]. При этом одно из главных мест среди лингвистических универсалий принадлежит оценке, определяя тем самым необходимость разноракурсного исследования данного языкового феномена.

Целью нашого научного изыскания является моделирование лексико-семантического поля оценки как сочетания отдельных лексико-семантических групп с учетом лингвокультурного и гендерного аспектов. В связи со сложной природой лексико-семантического поля, которая являет собой сочетание линейных соединений (синтагматическое измерение), структурних образований (парадигматическое измерение) и характеристик семантической деривации (эпидигматическое измерение), в нашей работе мы учитываем все три указанные оси лексических отношений. При этом с целью установления потенциальных различий между представителями разных полов британського и американского социума мы отобрали примеры из современных романов и политических речей (80-е гг. XX — 2010 г.) общей сложностью 14074 оценных лексем, а для достижения большей степени объективности использовали в ходе исследования, кроме общеизвестных лингвистических методов, также лингвостатистические. Предметом рассмотрения в данной статье выступают парадигматические отношения в лексико-семантической группе прилагательных положительной оценки на примере романов мужчин и женщин-писателей указанных соцумов, причем выделение отдельных парадигм проводилось на основе квантитативного метода корреляционного анализа.

Как известно, корреляционный анализ применяется для установления связи или зависимости между исследуемыми явлениями. Линейная корреляция между признаками предусматривает, что при возрастании значения одного признака значение второго признака также будет возрастать или спадать в определенном порядке. При этом прямопропорциональное возрастание обоих признаков свидетельствует о позитивной (прямой) корреляции, а при обратной связи между значениями признаков речь идет о негативной (обратной) корреляции. Величина коэффициента корреляции колеблется в пределах от –1 до +1. Приближение показателя к +1 указывает на очень сильную прямую корреляцию, а його приближение или равность нолю свидетельствуют об отсутствии какой-либо статистической зависимости. Отрицательное значение обозначает обратную связь, когда при возрастании одной величины вторая спадает и наоборот[2]. Наиболее часто коэффициент корреляции определяют по следующей формуле:

$$r = \frac{\sum (x_i - x)(y_i - y)}{\sqrt{\sum (x_i - x)^2 \sum (y_i - y)^2}},$$

где r — коеффициент линейной корреляции; Σ — суммирование получаемых в результате той или иной операции величин; x_i — значение первого признака; y_i — значение второго признака, x — средняя (теоретическая) величина значений первого признака, y — средняя величина для второго признака[3]

Для определения степени надежности полученных данных необходимо учесть еще две величины: уровень значимости и число степеней свободы. Уровень значимости — это величина, которая дополняет коеффициент надежности до 1. При этом надежным считается уровень значимости P = 0,05 (вероятность 95%)[4]. Число степеней свободы (df) — это колличество независимых величин, которые участвуют в создании того или иного параметра. Для вычисления числа степеней используется следующая формула:

$$df = n — 2,$$

где n — колличество коррелируемых пар[5].

Значения коеффициента корреляции при разном числе степеней свободы определяется по специальным таблицам[6].

Итак, результаты проведенного нами корреляционного анализа позволяют определить наличие/степень связи между компонентами указанной лексико-семантической группы. При этом степень связанности определялась в соответствии со степенью свободы (df) и допускалось, что значение коеффициента корреляции соответствует среднему уровню связанности, показатели, превышающие ожидаемые величины, характеризуют сильные связи между конституэнтами, а болем низкие — слабые. В процессе выделения функциональных парадигм выяснилось, что отдельные лексемы связаны с конституэнтами нескольких микросистем и одновременно входят в их состав, что свидетельствует о их семантическом развитии.

При графической записи с целью иллюстративности сильные связи обозначались жирным шрифтом, а слабые — курсивом. Названия парадигм соответствуют названиям структурних элементов разработанной нами общей семантической классификации оценочной лексики[7]. Рассмотрим полученные парадигмы и проведем их компаративный анализ по лингвокультурному и гендерному критериям.

Функциональные парадигмы прилагательных по данным британских романов (авторы-мужчины)

I. Эмоционально-эмотивная оценка **happy,** nice, splendid, great ~ **beautiful, sensible, clever, decent, strong, lovely, friendly, right,** fit, wonderful;

II.Эмотивная оценка **great, good, lovely, fine,** nice, splendid, wonderful, happy ~ **useful, holy, sensible, clever, fit, strong, right,** friendly;

III. Оценка способностей и интеллекта **clever, sensible, good, right, fine, nice,** fit, superior ~ **happy, strong, decent,** friendly;

---

[1] Wierzbicka A. Semantics : Primes and Universals. – Oxford, New York. – Oxford University Press. – 1996. С. 10–14.

[2] Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. – М. – «Высшая школа». С. 116.

[3] Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике. – Черновцы. – «Рута». – 2004. С. 80–81.

[4] Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания – М. – «Высшая школа». – 1974. С. 13.

[5] Там же С. 82.

[6] Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике. – Черновцы. – «Рута». – 2004. С. 172; Перебийніс В. І. Статистичні методи для лінгвістів. – Вінниця. – «НОВА КНИГА». – 2002. С. 165.

[7] Буяр І. Є. Семантична класифікація оцінної лексики сучасної англійської мови//Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. – Філологічні науки. – Вип. 26. – Кам'янець – Подільський. – ПП «Медобори-2006». – 2011. С. 52–53

IV. Прагматично-эмотивная оценка **nice, lovely, splendid,** great, beautiful ~ **fit, decent, sensible, friendly, right,** strong, holy, clever, happy;

V. Эстетичная оценка **beautiful, lovely,** nice, splendid, wonderful ~ **happy, right, friendly, strong, decent, sensible,** clever;

VI. Моральная оценка (на основе определенных качеств)

а) «приличный»: **decent, fit, right, nice, strong**, fine ~ **sensible, clever, great, beautiful, happy, friendly,** useful, wonderful, splendid;

б) «крепкий»: s**trong, decent, superior, right, great ~ beautiful, happy, clever, friendly,** fine, useful;

в) «справедливый»: **fair, holy,** polite ~ useful.

Функциональные парадигмы прилагательных по данным британских романов (авторы-женщины)

I. Эмоционально-эмотивная оценка **cheerful, happy, bright, fine,** nice ~ **friendly, superior, able, beautiful, right, strong, useful,** delicate, perfect;

II.Эмотивная оценка **perfect, nice, right, good, wonderful,** fine, delicate ~ **fit, strong, happy, able, useful,** educated, decent, cheerful;

III. Физиологическая оценка s**trong, able, fine,** superior, good ~ **perfect, useful, lovely, cheerful, friendly, beautiful, right, happy, bright, nice,** educated;

IV. Оценка способностей и интеллекта **able, capable, superior, bright, fine, high, excellent, educated,** perfect, nice ~ **proper, fit, friendly, beautiful, right, happy, delicate,** lovely;

V. Характеристики отношения к другим **friendly, cheerful, delicate,** fine, nice ~ **capable, beautiful, right, strong, useful, perfect,** wonderful;

VI. Прагматичная оценка **useful, good,** nice ~ **able, friendly, delicate, cheerful, happy, strong,** superior, bright;

VII. Эстетичная оценка **beautiful, lovely, fine, nice, bright, delicate,** good ~ **perfect, right, happy, strong, educated, cheerful, fit, capable, superior, friendly, useful, able;**

VIII. Моральная оценка (на основе определенных качеств)

а) «правильный»: **right, strong, fit,** decent, good, honest ~ **happy, beautiful, bright, perfect, cheerful, capable, superior, friendly, useful, able, fine, delicate,** lovely, nice;

б) «честный»: **honest, good, fit,** right ~ **great**, excellent, wonderful, superior, happy, able, educated.

Функциональные парадигмы прилагательных по данным американских романов (авторы-мужчины)

I. Эмоционально-эмотивная оценка **happy, wonderful, great, nice,** sweet ~ **healthy, kind, clever;**

II.Эмотивная оценка **wonderful, great, good, nice, real ~ right, clever, healthy, kind, fair,** friendly, sweet, natural;

III. Характеристики отношения к другим (на основе определенных качеств)

а) «добрый»: **kind, nice, wonderful,** good, sweet, friendly, fair ~ **clever, healthy, happy, right;**

б) «милый»: **sweet,** nice, kind, wonderful, good ~ **true,** healthy, happy, right, clever;

IV. Прагматично-нормативная оценка **useful, proper, fair, good,** right, nice ~ real, marvelous;

V. Оценка по отношению к другим предметам **fine, safe,** good, proper, right ~ **natural,** marvelous, fair.

Функциональные парадигмы прилагательных по данным американских романов (авторы-женщины)

I. Эмоционально-эмотивная оценка **happy, sweet, fine,** nice, friendly ~ **right, honest, responsible, polite, decent, able;**

II.Эмотивная оценка **great, wonderful, real, true, good,** proper ~ polite;

III. Оценка способностей **able, fine, right ~ safe, decent, happy, sweet, honest, responsible, decent,** polite, friendly;

IV. Характеристики отношения к другим **polite, responsible, honest, sweet, proper,** fine, nice, friendly ~ **happy, wonderful,** able, real, true;

V. Моральная оценка (на основе определенных качеств)

а) «надлежащий, настоящий»: **proper, good, true,** real ~ **polite,** honest, wonderful;

б) «правильный»: **right, honest, responsible, decent, safe ~ happy, fine, sweet, nice, able,** friendly;

в) «честный»: **honest, good, decent, right, responsible,** proper, safe ~ **polite, able, fine, happy, sweet,** nice.

Прежде всего, необходимо отметить некоторое несовпадение дискурсных парадигм с классификацией, а также отсутствие отдельных классов (напр. гедонистической и рациональной оценки[1]). В то время как отсутствие этих классов в языковом пространстве трактуется нами с позиций лакунарности, вхождение элементов в состав нескольких парадигм одновременно объясняется некими экстралингвистическими и интралингвистическими факторами. Так, к внешним факторам относим необходимость новых наименований вследствие недавних социальных, экономических, технологических и других изменений в исследуемых социумах, причем уже наявне номинативные значения употребляются в новом смысле[2].

Внутрилингвистические причины семантических изменений оценочных лексических единиц кроются, по нашему мнению, прежде всего в их употреблении, ведь именно разные условия употребления обуславливают „обогащение семантической структуры слова и его отдельных значений”[3], а также „языковых форм, семантически с ней связанных”[4]. Таким способом реализуется закон семантической аналогии, при котором в группе слов с общим понятийным стержнем при приобретении нового значения

---

[1] Буяр І. Є. Семантична класифікація оцінної лексики сучасної англійської мови//Наукові праці Кам’янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. – Філологічні науки. – Вип. 26. – Кам’янець – Подільський. – ПП «Медобори-2006». – 2011. С. 52–53.

[2] Харитончик З. А. Лексикология английского языка. – Мн. – «Высшая школа». – 1992. С. 44.

[3] Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – [5-е изд., испр. и доп.]. – Назрань. – «Пилигрим». – 2010. – Режим доступа к книге: http://lingvisticsdictionary.academic.ru/3499/семантические_процессы. – Название с экрана.

[4] Блумфилд Л. Язык. – М. – «Прогресс». – 1968. С. 466.

одним конституэнтом остальные лексемы развивают аналогичные значения[1]. Учитывая также влияние системных парадигматических отношений при высокой степени связанности, как это и происходит в группе прилагательных положительной оценки, мы, следом за другими лингвистами-семасиологами, считаем, что „возможное изменение значения одного слова <…>, в свою очередь, может обусловить перераспределение семантической нагрузки между всеми составляющими "[2] семантической микросистемы.

Собственно говоря, это и происходит в лексико-семантических группах позитивних прилагательных обоих национальных вариантов, ведь вследствие их широкого употребления значение реализуется в разных контекстах и отражает все изменения в мировоззрении социума, а, в связи с высокой степенью связанности между компонентами групп прилагательных, при приобретении нового оттенка значения отдельной лексемой меняется семантическая структура всей парадигмы или даже лексико-семантической группы.

В нашем случае это привело к некоторому семантическому сдвигу и перекрещивании разных видов оценки в рамках одной парадигмы (напр. сильные связи *decent* с *beautiful* для британських мужчин и *responsible* с *sweet* и *happy* у американских писательниц. Как видим, эти сочетания не вписываются в наше интуитивное представление о моральной оценке, к которой относим указанные парадигмы. Таким образом, наблюдаем начальный этап приобретения новых оттенков значения оценочными прилагательными, на котором новые семы уже заметны на уровне парадигматических связей, но еще не проявляется сходство синтагматических характеристик.

Соответственно, возникает необходимость включить в состав парадигм все лексемы, которые связаны с конкретной доминантой, при этом отделяем знаком ~ (тильда) компоненты, которые по данным словарей и нашим интуитивным представлениям не употребляются для обозначения вида оценки, к которому относим конкретную парадигму по ее другим, более традиционным составляющим.

При рассмотрении количественных показателей отмечаем численное превосходство мужского и женского дискурса британцев (8 и 9 парадигм соответственно) в сравнении с американским разделением (6 на материале мужских романов и 7 в женских). Также наблюдаем случаи двойной номинации (напр. эмоционально-эмотивная оценка) и наличие нескольких парадигм одного вида (напр. моральная оценка для британского варианта). Как и ожидалось, одинаковые микросистемы отличаются по доминанте и составу (сравн. парадигмы эмотивной оценки).

При анализе представленности сфер оценки в каждой из подвыборок, фиксируем их одинаковое соотноношение для обоих полов американских и британских писателей: общее доминирование установочно-оценочной сферы (5 парадигм для британского мужского и женского дискурса и по 4 для американских иерархий), промежуточную позицию биофункциональной сферы (3 синонимичных ряда для британских писательниц и 2 для остальных анализируемых романов) и наименшую представленность интеллектуально-логичной оценки (по 1 парадигме для обоих полов британцев и американських женщин).

Компаративное сопоставление по лингвокультурному фактору показало 4 общих парадигмы для британцев (эмоционально-эмотивной, эмотивной, эстетической и моральной оценки) і 3 синонимических ряда для американцев (эмоционально-эмотивной и эмотивной оценок и характеристики отношения к другим). При этом наиболее заметным отличием для двоих социумов оказалось отсутствие сегмента эстетической оценки для американских лексико-семантических групп.

Гендерный фактор в большей степени проявляется для женского дискурса (5 общих парадигм), в то время как по мужским романам выделяем только 2 общих синонимических ряда.

Сравнение функциональных иерархий, представленных в речи, с разработанной классификацией, указывает на отсутствие некоторых парадигм в речи (оценка отношения к действительности и нормативная оценка для британцев, а также физиологическая оценка и характеристики отношения к другим для британских мужчин; физиологическая оценка для обоих подвыборок американського варианта английского языка, моральная оценка для американского мужского, прагматичная и нормативная для женского дискурса). В то же время отмечаем наявность парадигмы оценки по отношению к другим предметам в американских мужских романах, не виделенную в классификации.

Таким образом, статичный языковой материал видоизменяется и приобретает новые черты в динамичном функционировании, покрывая семантическое пространство неравномерно и неполно. При этом отмечаем превалирование лингвокультурного фактора над гендерным.

Список литературы:

1. Блумфилд Л. Язык. — М. — «Прогресс». — 1968.
2. Буяр І. Є. Семантична класифікація оцінної лексики сучасної англійської мови//Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. — Філологічні науки. — Вип. 26. — Кам'янець — Подільський. — ПП «Медобори-2006». — 2011.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. — [5-е изд., испр. и доп.]. — Назрань. — «Пилигрим». — 2010. — Режим доступа к книге: http://lingvisticsdictionary.academic.ru/3499/семантические_процессы. — Название с экрана.
4. Левицкий В. В. Квантитативные методы в лингвистике. — Черновцы. — «Рута». — 2004.
5. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания — М. — «Высшая школа». — 1974.
6. Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. — М. — «Высшая школа». — 1981.
7. Перебийніс В. І. Статистичні методи для лінгвістів. — Вінниця. — «НОВА КНИГА». — 2002.
8. Попова М. П. Чинники семантичного розвитку прикметників оцінки в німецькій мові//Науковий вісник Чернівецького університету: зб. наук. праць за матеріалами IV міжнар. наук. конф. «Актуальні проблеми германської філології», 24–25 квітня 2009 року. Германська філологія. — Вип. 206–207. — Чернівці. — 2009.
9. Харитончик З. А. Лексикология английского языка. — Мн. — «Высшая школа». — 1992.
10. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. — Oxford, New York. — Oxford University Press. — 1996.

[1] Харитончик З. А. Лексикология английского языка. – Мн. – «Высшая школа». – 1992. С. 45.

[2] Попова М. П. Чинники семантичного розвитку прикметників оцінки в німецькій мові//Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць за матеріалами IV міжнар. наук. конф. «Актуальні проблеми германської філології» , 24–25 квітня 2009 року. Германська філологія. – Вип. 206–207. – Чернівці. – 2009. С. 177.

Deeva Natalia, Kemerovo State University, Associate Professor, Ph. D. in Philology
Деева Наталья Валерьевна, Кемеровский государственный университет, 5
доцент кафедры общего языкознания и славянских языков

Metaphorical representation of concepts «life» and «życie» in Russian and Polish languages

Метафорическая репрезентация концептов «жизнь» и «życie» в русском и польском языках

Мир, данный человеку в различных формах его ощущений (зрительных, слуховых, тактильных и др.) проходит сложный путь преобразования от этого простого ощущения, переходящего в некоторое представление, до формирования концептуального содержания, т. е. некоторого понятия, концепта — в терминах современной когнитивной лингвистики. Концепт представляет собой единицу сознания человека, аккумулирующую знания и опыт, полученные в процессе освоения окружающей действительности. Часть концепта, как структурного образования, объективируется в форме языкового знака. Объекты действительности, познаваемые человеком, традиционно делятся на конкретные (дерево, ложка, стол и под.) и абстрактные (жизнь, судьба, счастье и др.). Первые можно увидеть, потрогать, услышать, и в данном случае такого перцептивного опыта будет достаточно для формирования первичного знания об этом объекте. Восприятие же, а главное осмысление воспринятого из сферы абстрактного, его прохождение по пути концептуализации невозможно без такой знаковой системы как язык. С одной стороны, именно языковые знаки, путем прямой номинации, вычленяют некий абстрактный объект, делают его доступным для "восприятия", с другой — наше сознание, в том числе и языковое, работает на то, чтобы установить связи этого объекта с иными объектами, расширить имеющееся представление о нем. Одним из инструментов концептуализации знания выступает метафора. В современной когнитивной лингвистике метафора — это не просто троп, образное языковое выражение, призванное украшать речь, а концептуальный механизм, позволяющий структурировать некую абстрактную сферу в терминах другой, конкретной, чувственно воспринимаемой, а потому известной и понятной. Метафора в области мышления способна генерировать новые понятия, отражающие вновь приобретенный опыт и степень освоенности человеком действительности, т. е. в этом плане можно утверждать, что метафора обладает когнитивными потенциями: «Метафору по традиции рассматривают как присущую только языку, делом слов, а не мысли и действия. По этой причине большинство людей думают, что они могут прекрасно обойтись без метафор. Мы, наоборот, обнаружили, что метафоры проникли в повседневную жизнь не только в языке, но и мыслях, и действиях. Наша обычная понятийная система, в рамках которой мы и думаем, и действуем, является фундаментально метафоричной по своей природе»[1].

Исследование метафорических репрезентаций абстрактных концептов, т. е. их образной составляющей, позволяет, с одной стороны, говорить об их содержании, степени освоенности человеческим сознанием этого абстрактного объекта (здесь можно предположить, что чем больше и разнообразнее представлены метафорические модели, репрезентирующие тот или иной концепт, тем выше уровень абстрактности этого концепта и интерес человека к данному объекту), с другой стороны, описание метафорической структуры концепта помогает вскрыть логику ассоциативно-образного мышления этноса, и тем самым приоткрыть завесу над специфическим мировидением и миропониманием, характерным для данного языкового коллектива.

Типичными репрезентантами концепта «жизнь» в русском и польском языках выступают лексемы «*жизнь*» и «*życie*» соответственно. Данные лексемы являются производными отглагольными именами от общеславянского корня **ži-*. Большое количество метафорических репрезентаций анализируемых концептов свидетельствует о пристальном внимании человека к феномену жизни как таковому и попытке его всестороннего объяснения.

Среди выделенных метафор наиболее частотно представленными оказались антропоморфные метафорические модели. Объяснение этому факту можно найти в глубокой антропоцентричности самого языка, проявляющейся в том, что «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе…»[2]. Во всем пространстве языка (его лексике, семантике, синтаксисе) человек обнаруживает себя, в том числе и в области метафор (*душа поет, сердце плачет, совесть молчит*). Жизнь через метафору наделяется способностью к совершению действий, как физических, так и речевых или ментальных: *А непоседливого Володю после седьмого класса в погоне за романтикой* ***жизнь привела*** *на целину* (Н. Рудак); ***Жизнь диктует*** *свои законы, свои жестокие законы* (И. Ильф, Е. Петров); *И с детской доверчивостью, с открытым сердцем кинулся к жизни: скорее, скорее! Но* ***жизнь ответила****: — Потерпи!* (И. Бунин); *Я думал, ну ладно, что сделаешь —* ***жизнь рассудила*** *так, а не иначе* (В. Фетисов); *Nie trzeba było być prorokiem ani nawet pisarzem…, by usłyszeć, że trudno, że tragedia straszna, że będą ją całe życie dźwigać, ale że życia ona nie może przesłonić, bo* ***życie idzie*** *dalej…* (J. Pilch); *Więcej luzu i wewnętrznego spokoju, ładu, ciszy. Kiedy* ***życie krzyczy*** («Dziennik Polski»); *W zupełności* ***odpowiada*** *mi* ***życie*** *właśnie tutaj, więc po co miałbym się przenieść?* (E. Kwiatkowska). Отмечается ее внешнее сходство с человеком, жизнь имеет глаза: *Встающая перед нею живая* ***жизнь глядит*** *на нее темно и зловеще* (В. Вересаев); ***Życie*** *nas mija i* ***patrzy*** *ze śmiechem, jak nad zagadką stoimy bezradnie* (NKJP[3]). Жизнь может испытывать определенные эмоции, чувства и проявлять их: *Зря, заметим!* ***Жизнь любит*** *смелых* (Э. Лимонов); ***Жизнь смеется*** *над нами, и все ей сходит с рук, — решила Алла* (Н. Горланова); *A* ***życie kocha****, nawet kiedy już będzie bardzo stara, to i tak będzie bardzo młoda* («Dziennik Bałtycki»); *Pozostałe dwa mówią: "dzikie życie wchłania nas" i "dzikie* ***życie śmieje się*** *z nas"* («Dziennik Bałtycki»). Есть у жизни и определенные желания: *Не может она поверить, что* ***жизнь хочет покоя, смерти****: хочет покрыться камнем, что на наших глазах плывет, как снег на солнце* (И. Шмелев); *Это всегда опасность, что* ***жизнь хочет*** *тебя* ***надуть*** (Г. Щербакова), данная метафорическая репрезентация в польском языковом материале не встретилась.

---

[1] Lakoff G., Johnson M. Conceptual Metaphor in Everyday Language//Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77 № 8. P. 453.

[2] Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М. «Индрик». 1999. С. 3.

[3] Narodowy korpus języka polskiego. Режим доступа: http://nkjp.uni.lodz.pl/index_adv.jsp

Жизнь наделяется качествами характера человека, в равной мере как положительными, так и отрицательными: *За что такая тошная* ***строгая жизнь*** *происходит, будто совестью отмеренная, никто не знал* (О. Павлов); ***Жизнь была так щедра*** *к ней, … что она совсем забыла о том, о чем помнила, не могла не помнить мать* (Р. Белоглазова); *Страшная, злая,* ***равнодушная жизнь*** *с позабытыми человеческими чувствами* (В. Курбатов); *…Smutno, znów te głupie myśli, zmęczona,* ***źle****…* ***życie*** *jest* (NKJP); *Jakieś to* ***życie głupie****…, nie sądzisz..?* (NKJP).

Каждый отдельно взятый человек существует не изолированно; как часть социума он выступает представителем того или иного социального класса, группы, играет определенные социальные роли, выполняет определенные социальные функции — все это порождает социальную метафору, перекрещивающуюся с собственно антропоморфной. По сути, социальную метафору (типа *время-лекарь*, потому как *лечит*, *судьба-судья*, потому как *судит* и т. п.) можно считать разновидностью антропоморфной. Социальная метафора в репрезентации концепта «жизнь» в русском языке представлена моделями «жизнь — учитель/воспитатель», «жизнь — врач/лекарь», «жизнь — руководитель», «жизнь — убийца», «жизнь — карательная инстанция»: ***Жизнь учит*** *нас заботливо, но мы не привыкли разгадывать ее темный язык* (З. Гиппиус); *Лесная* ***жизнь воспитывает*** *железную волю* (М. Пришвин); ***Жизнь руководит*** *развитием нашей научной мысли, давая ей то направление, которое она спонтанно берет сама* (П. Капица); ***Жизнь излечила*** *молодого человека. Он приехал к нам очень грустный и озабоченный* (А. Герцен); *Слава богу, мои родные вовремя поняли, что патриархальная грузинская* ***жизнь убивает*** *меня как личность и отправили учиться в Москву, продав для этого квартиру* (Т. Ермолаева); *— И чем же нас* ***жизнь*** *так* ***наказала?*** (А. и Г. Вайнеры). В польском языке социальная метафора репрезентирована моделями «жизнь — учитель», «жизнь — сценарист», «жизнь — охотник», «жизнь — хулиган», «жизнь — убийца»: *Jak to się mówi:* ***życie uczy*** (H. Gajda); ***Życie pisze*** *najbardziej oryginalne, najbardziej komiczne, a jednocześnie najbardziej dramatyczne* ***scenariusze*** (W. Szymborska). *Kocham życie, przyjacielu, i nawet wtedy, kiedy* ***zraniło*** *mnie tak bardzo, że przez krótką chwilę zapragnęłam umrzeć, nawet wtedy nie popełniłam zdrady* (H. Poświatowska); *Żebyście w końcu mogli powiedzieć przynajmniej "ała"jak was* ***życie bije*** (M. Długosz); *Jego* ***życie zabiło*** *jego sztukę* (NKJP).

При незначительном расхождении понятийного ядра русского концепта «жизнь» и польского «życie»[1], жизнь обобщенно есть «форма существования», присущая как живым (природным) объектам, так и неживым. Однако сама жизнь наделяется в сознании человека признаками живого существа. В русском языке витальные метафоры в репрезентации концепта «жизнь» следующие: «жизнь дышит», «жизнь питается/ест» — *Красный становится более тусклым, Черный шире распускает крылья своей власти, жизнь темнеет,* ***жизнь дышит*** *медленно, Серый наслаждается счастьем покоя* (М. Горький); *Люди, режимы-браконьеры разрушают горы и леса, отравляют воздух и воды, дырявят, ранят землю — во имя создания «декораций» своих «пьес» и «спектаклей».* ***Жизнь питается, ест****! Отсюда закон: съесть или быть съеденным* (Е. Весник). В польском языке жизнь образно представляется как субъект дышащий, обладающий рефлексами, голосом и даже могущий умереть: *One poprostu są świerszczami i tylko z tego się cieszą… a jeśli się zgubiłaś to posłuchaj jak* ***oddycha życie,*** *w tym oddechu jesteś ty prawdziwa i szczęśliwa* (NKJP); *I na omszałym progu w tej bladej godzinie/Łowisz ostatnie* ***życia odruchy i głosy*** (M. Wladislas); *Przyjdzie dzień, gdy mi rzeczesz: Dość żyć tem zwodniczem/****Życiem, co mrze*** *i wstaje znów…* (M. Wladislas).

Наличие подобного рода метафор, возможно, объясняется тем, что первичным для русского номинатива «жизнь» было как раз значение «*физиологическое существование всего живого*» (по данным этимологического, а также сравнительного анализа лексемы «жизнь» в современном русском и древнерусском языках[2]), т. е. в сознании человека исходной точкой существования мыслился именно живой организм (человек или любой другой природный объект). Основой же всякого физиологического существования являются процессы дыхания, питания и др., без которых невозможно существование организма, продолжение его жизнедеятельности, отсюда изначальный метонимический перенос по линии «необходимые для существования процессы» → «жизнь», на базе которого позднее возникает витальная метафора. Для сравнения: в польском языке до сих пор первичным значением лексемы «*życie*» выступает — «stan organizmu polegający na nieprzerwanym ciągu procesów umożliwiając reagowanie na bodźce i zwykle poruszanie się oraz odżywianie, wzrastanie i rozmnażanie»[3], т. е. «*жизнь*» здесь — биологическое состояние организма, проявляющееся в физиологические процессах.

Одной из древнейших метафор является пространственная[4]. И в русском, и в польском языках функционирует метафорическая модель «жизнь — путь/дорога»: *С вами будет легко идти по* ***жизненному пути*** (Р. Белоглазова); *Kolejna stacja* ***na drodze życia,*** *to Kadyny, gdzie dyrektował w latach 1991–1998* (W. Żak).

Представление о жизни как некотором пути основано на сходстве двух процессов: реального физического перемещения (*идти по дороге*) и процесса существования человека (движение во временном пространстве (рост, развитие) → *идти по жизни*) и их контаминации (*идти по дороге жизни, выбрать себе дорогу в жизни*).

Метафора «жизнь — путь/дорога» относится к разряду пространственных или ландшафтных. Ландшафтные признаки жизни разнообразны: *Так ведь бывало во всех* ***поворотах моей жизни****: занесет меня черт-те куда и зачем, как и вылазить из препятствия, как очередную препону на пути преодолевать — соображай, умом напрягайся либо пускай все по течению — авось вынесет* (В. Астафьев); *Ну, и что ж! Пройдет и эта рана./Только горько видеть* ***жизни край****…* (С. Есенин); *Kilkukrotnie tryb życia prowadzony przez Vincenta doprowadził go niemal na* ***skraj życia*** (NKJP); *Chciałbym wrócić na pewne* ***rozstaje dróg w*** *swoim* ***życiu****, jeszcze raz przeczytać uważnie napisy na drogowskazach i pójść w innym kierunku* (J. Wiśniewski).

Жизнь может концептуализироваться как некая преграда: *Открылось мне:* ***я жизнь перешагнул****,/А подвиг мой еще на перевале…* (А. Тарковский); ***Przez życie*** *trzeba* ***przejść*** *z godnym przymrużeniem oka, dając tym samym świadectwo nieznanemu stwórcy, że poznaliśmy się na kapitalnym żarcie, jaki uczynił, powołując nas na ten świat* (S. Lec).

---

[1] Деева Н. В., Сараева Т. В. Способы объективации концепта «жизнь» в русском и польском языках//Концептуальные и семантико-грамматические исследования. Вып. 11. М. «ИЯ РАН». 2011. С. 120

[2] Деева Н. В. Концепт «жизнь»: понятийная и символическая составляющие//Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 9. В. 2. Новосибирск «НГУ». 2011. С. 83.

[3] Słownik języka polskiego. Режим доступа: http://sjp.pwn.pl/slownik/3061717/

[4] Пауль Г. Принципы истории языка. М. «Изд-во иностранной литературы». 1960. С. 116.

И в русском, и польском языках метафорически жизнь описывается как реальная территория или некая поверхность: *Только ставши лебедем надменным,/Изменился серый лебеденок./А* ***на жизнь*** *мою лучом нетленным/Грусть легла, и голос мой незвонок…* (А. Ахматова); *Z wyższością wtajemniczonego patrzył* ***na życie*** *zwykłych ludzi* (M. Sieniewicz). Метафорически жизнь может репрезентироваться не только как внешнее, но и внутреннее пространство: *С появлением Вовки* ***в жизнь вошло*** *много такого, что сразу расширило представление о ней* (Р. Белоглазова); *Są* ***w życiu*** *chwile gdy myśli się, że jest tak źle, iż już gorzej być nie może. Wtedy właśnie okazuje się… że jednak może* (R. Kosik); *Błędy — powiedział z wysiłkiem — też się dla mnie liczą. Nie wykreślam ich ani* ***z życia****, ani z pamięci* (A. Sapkowski). В польском языке жизнь, метафорически представляясь как некое пространство (внутренне или внешнее), характеризуется признаками «открытое» или «закрытое»: *A gdy się* ***życie*** *moje* ***otworzy*** *tym blaskom,/Wygnasz zeń próżnej pychy i żądzy liczmany, —/spocznę pod światłości twej najświętszą łaską. Jak spoczywają zboża dojrzałego łany* (M. Wladislas); ***Życie otwarte*** *i* ***życie zamknięte*** (J. Andrzejewski).

Сужение либо конкретизация границ пространства приводит к появлению в русском языке метафор «жизнь — поле», «жизнь — двор», «жизнь — лес»: *Здесь — бессилие поникло до мрачного отчаяния, до гнуснейшего, мстительного осмеяния того инстинкта, который непрерывно победоносно засевает опустошенные смертью* ***поля жизни*** *и является возбудителем всей красоты мира…* (М. Горький); *Потому что человеческая* ***жизнь/Это тоже двор****,/Если не королевский, то скотный* (С. Есенин); *А* ***жизнь*** *— это* ***лес*** *большой,/Где заря красным всадником мчится* (С. Есенин). В польском языковом материале встретилась только метафора «поле жизни»: *Prawdopodobnie wpływa na to przestrojenie hormonalne i związane z nim nasilenie życia popędowego, a także wyjście z rodzinnego kręgu na szersze* ***pole życia*** *społecznego* (A. Kępiński).

Среди ландшафтных метафорических репрезентаций в русском языке актуальными являются «жизнь — река», «жизнь — море», «жизнь — океан»: *То, чего ни в коем случае с ним произойти не могло, потому что вся его* ***жизнь струилась совсем по иному руслу****, было близко, очень близко* (Б. Акунин); *Он был рожден для них, для тех надежд,/Поэзии и счастья… Но, безумный —/Из детских рано вырвался одежд/И сердце бросил в* ***море жизни*** *шумной…* (М. Лермонтов); *Их* ***жизнь****, как* ***океан*** *безбрежный,/Вся в настоящем разлита* (Ф. Тютчев). В польском языке также отмечена продуктивность метафоры «жизнь — река»: ***Życie płynie*** *wolno, a człowiek nie zatraca się w tęsknotach, tylko je realizuje* (L. Szatkowska).

В процессе развития науки и техники в языке наблюдается смена доминирующей для каждого исторического периода концептуальной метафоры[1]. Постепенно происходит все большее удаление человеческого сознания от природного мира, самого себя и наблюдается все большая материализация, ориентация на мир предметов (артефактов), созданных руками человека. Сфера артефактов часто выступает источником метафорической экспансии.

Обобщенно жизнь — это вещь, при этом данная метафорическая модель часто используется как оценочно-характеризующая (жизнь — это вещь пустая, бессмысленная, бесполезная): *А то ведь* ***жизнь — вещь скучная****… работа в бухгалтерии… жена, дети… сливочное масло… зевота* (В. Ерофеев); *Kiedy nadchodzi rozpacz, niepojęta i wszechogarniająca,* ***życie staje się bezużyteczną rzeczą,*** *pozbawioną istotnego sensu panującego nad całości* (B. Rosiek).

Жизнь метафорически предстает и как некий продукт производства. Это может быть как некий материальный предмет, так и произведение искусства, духовной культуры, ср.: 1. «Жизнь — механизм, транспортное средство» (***Жизнь****, — говорил он, — это* ***скоростной локомотив****, не успеешь отойти в сторону — раздавит.* В. Константинов; ***Życie kotwicą czerpną*** *pogrąża się w morze spokoju.* W. Stockman); 2. «Жизнь — сосуд» (*И нам горька остылой* ***жизни чаша…*** М. Лермонтов; *Душу божьего творенья/Радость вечная поит,/Тайной силою броженья/****Кубок жизни*** *пламенит.* Ф. Тютчев); 3. «Жизнь — книга, литературное произведение» (*Мы врагам своим простили,/В* ***книге жизни*** *нет долгов;/Там, в святилище миров,/Судит бог, как мы судили!..* Ф. Тютчев; *Ponura* ***proza życia*** *wdzierała się w poezję uczuć.* J. Chmielewska).

Такие признаки как непрочность, хрупкость жизни передаются через метафоры «жизнь — бумага», «жизнь — стекло» в русском языке (***Разорванная*** *войной* ***жизнь не склеивалась.*** В. Константинов; *Разве* ***жизнь*** *их* ***не разбита?*** А. Чехов) и метафору «жизнь — стекло» в польском: *I tak smierdzące mojego dnia,* ***życie rozbiło się*** *o mój sen* (NKJP).

Значение тяжести жизни в русском языке передается через метафору «жизнь — оковы, цепи»: *Как страшно* ***жизни*** *сей* ***оковы****/Нам в одиночестве влачить. Делить веселье — все готовы/Никто не хочет грусть делить* (М. Лермонтов), а в польском языке через метафору веса: *Tematy finansowe nieodmiennie budziły przygnębienie i gniotły* ***ciężarem życia*** (J. Chmielewska).

К разряду артефактных относится и русская метафора «жизнь — дом»: *План новый, построенный на драгоценном* ***фундаменте жизни*** *тешил его* (И. Ильф, Е. Петров).

Перенос по линии «жизнь — форма существования материи» → «материя» → «вещество, определенным образом воспринимаемое через какие-либо признаки» приводит к возникновению метафоры «жизнь — вещество, обладающее вкусом или запахом»: *Воздух был скучным, промозглым, но от него* ***пахло жизнью*** (Б. Акунин); *В последний месяц осени/На склоне/****Горчайшей жизни****/Исполненный печали/Я вошел/в бездейственный и безымянный лес* (А. Тарковский); *Ее места вспоминал:/Где он провел златую младость,/Где испытал и* ***жизни сладость****,/Где много милого любил* (М. Лермонтов); *Jeszcze jakiś kręty korytarz w skale — i oto już światło dnia, powietrze wielkich przestrzeni,* ***zapach życia*** (J. Dukaj); ***Słodkie życie*** *słono kosztuje* (S. Lec); *Ale, jak wiecie, tropiciele prawdy i pogromcy grzechów niełatwe i* ***gorzkie życie*** *mają* (G. Szymanik). Густаторная метафора и в русском, и в польском языке представлена оппозицией «сладкая — горькая (жизнь)» и является оценочной.

Представленный в данной работе далеко не полный перечень метафорических репрезентаций концептов «жизнь» и «życie» позволяет сделать следующие выводы: метафора являет собой концептуальный феномен, задействованный в важнейших когнитивных процессах категоризации знаний. Членение абстрактного мира соответствует универсальному принципу «наглядности», «предметности» мышления, предполагающего движение от конкретного к абстрактному. Будучи включенной в нашу понятийную систему, концептуальная метафора позволяет структурировать абстрактную или неизвестную, мало познанную область в терминах конкретной и знакомой сферы, тем самым продвигая процесс познания. Метафорическое структурирование абстрактных концептов «жизнь» и «życie» осуществляется с точки зрения субъективных, антропоцентрических ощущений и представлений, которые человек приписывает данному фрагменту действительности сквозь призму своей когнитивной карты.

[1] Колесов В. В. Философия русского слова. СПб. «ЮНА». 2002. С. 185.

Выявленные сходные концептуальные метафоры (антропоморфные, витальные, социальные, ландшафтные, артефактные), репрезентирующие «жизнь» в русском и польском языках свидетельствуют об универсальной работе нашего сознания при выборе средств объективации абстрактных концептов. В силу того, что у русского и польского народа общие исторические корни, их языки восходят к некогда единому праславянскому языку, то, можно предположить, что схожесть ряда метафорических репрезентаций анализируемых концептов обусловлена также их древним происхождением. Однако вполне естественно, что существуют и расхождения в способах метафорической объективации концептов «жизнь» и «życie», вызванные культурно-историческими причинами, особенностями условий, в которых продолжал формироваться менталитет и вместе с ним язык конкретного народа в период после распада единого праславянского языкового сообщества. Так, например, в польском языке идея того, что каждый человек сам создает свою жизнь, реализована в метафоре, отсутствующей в русском языке, «жизнь — конструктор»: ***Życie z klocków LEGO*** (A. Kuryło). Из группы зооморфных метафор в качестве средств репрезентации концепта «жизнь» в русском языке употребляются метафоры «жизнь — животное (скорее всего, хищное), обладающее когтями» и «жизнь — скакун»: *Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив,* ***жизнь*** *рано или поздно* ***покажет*** *ему* ***свои когти****, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других* (А. Чехов); *Такой уж я тугодум, пока что-то соображу, смотришь: а* ***жизнь*** *уже и* ***обскакала*** *тебя* (Р. Белоглазова), подобные метафорические репрезентанты в польском языке отсутствуют. Наличие такого рода этнически специфичных метафор (при большом количестве сходных) демонстрирует когнитивные предпочтения того или иного народа в репрезентации одного и того же фрагмента действительности, а также особое видение мира в целом.

Oksana Zaikovska, Cherkasy Bohdan Khmelnytsky National University
senior lecturer at the department of conversational English

The Elements of National Identity in Douglas Coupland's Novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture"

Douglas Coupland, Canadian by birth, a sculptor and visual artist, entered the literary scene in 1991 with his novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture", which immediately became a bestseller. Since then he achieved renown as a novelist and a short-story writer with a number of works which turned him into the spokesman and interpreter of contemporary culture. His works particularly his novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture" display the search of Canadian national identity.

The concept of national identity has long been the primary concern of literary critics who attempted to construe different theories and central elements of Canadian nationhood. Some critics (N. Frye[1], M. Atwood[2]) state that order should represent the center of Canadian literary discourse, while others (R. Kroetsch[3], L. Hutcheon[4]) highlight fragmentation and "garrison mentality" as the key elements of Canadian culture. It was N. Frye who coined the term "garrison mentality" to designate beleaguered societies held together by the notion of survival. At the end of the XXth Canadian literary discourse was characterized by the theory of "double vision", which was held forth by N. Frye in his last project "The Double Vision: Language and Meaning in Religion" (1991)[5].

The theory of "double vision" reflects the idea of "Me" as a unit of "Me" and the "Other".

"Me" represents native people with their myths of North, whereas "Other" stands for immigrant population with its British values, order and discipline. E. MacKey[6] argues that Canadian self was for many decades denied by British colonialism and American imperialism, which, in the final end, defined Canadians as outsiders. The image of Canadians as outsiders is fundamental for M. Atwood's theory of "victims". M. Atwood[7] states that the concept of survival shapes the Canadian national character and is manifested through four positions of "victims" commonly seen in Canadian fiction. In other words the search of national identity is framed within "the discourse of victims"[8] which is the central element of Canadian national identity.

This paper aims at analyzing Douglas Copland's novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture" in the light of M. Atwood's theory of "victims". Such a perspective has not yet been taken by scholars and will contribute to a new understanding of Douglas Coupland's works and will reveal the intention of the writer to foster national identity.

The first victim position demonstrates that a person denies being a victim. In the novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture"[9] a story about Linda reflects victimized immigrants who came to a new continent and lost their own identity. Despite the financial success they became victims of their own aspirations to adapt to the native people. Linda is a rich heir of a big estate. Her ancestors founded many factories and earned a fortune by slave trading, yet they lost their own values: "… while Linda's family's money always managed to grow and adapt to its time, Linda's family didn't. It shrank, dwindled and inbred to the point where all that remained

[1] Atwood M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. – Toronto : Anansi, 1972. – 287 p.

[2] Hutcheon L. The Canadian Postmodern: A Study of Contemporary English-Canadian Fiction. – Toronto : OUP, 1988. – 256 p.

[3] Frye N. The Double Vision: Language and Meaning in Religion. – Toronto : University of Toronto Press, 1991. – 88 p.

[4] Robert Kroetsch, Reingard M. Nischik Gaining ground: European critics on Canadian literature. – NeWest Press, 1985. – 303 p.

[5] Atwood M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. – Toronto : Anansi, 1972. – 287 p.

[6] MacKey E. The House of Difference: Cultural Politics and National Identity in Canada. – Toronto : University of Toronto Press, 2002. – 199 p.

[7] Atwood, M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. – Toronto : Anansi, 1972. – 287 p.

[8] MacKey E. The House of Difference: Cultural Politics and National Identity in Canada. – Toronto : University of Toronto Press, 2002. – 199 p.

[9] Coupland, Douglas Generation X: Tales for an accelerated culture. - St. Martin's Press, 1991. – P. 110

was Linda and her mother, Doris"[1]. A successful and clever girl completely was lost in the society, for she "… was never really sure whether people were responding to the real her, or they were responding to the lottery prize…"[2].

Linda became desperately unhappy and was in constant search of meaning of life unless she got to know about "a religious sect of monks and nuns … who achieved a state of saintliness"[3]. At home Linda decided to follow all the rituals but failed to understand the key point: the calendar year according to which the monks lived was considerably shorter then the ordinary one. So, she did not talk and didn't eat seven times longer than it was prescribed by the ritual. Linda died, still even at the death's door she did not assume being a victim. The monk attending Linda during her last minutes said: "You children from Europe … from America, you try so hard but you get everything wrong — you and your strange handcarved religions you make for yourselves"[4]. Linda's eyes "became those he had seen at the airport — the eyes of emigrants about to emerge through the sliding doors of customs and finally enter the new world for which they have burned all bridges"[5]. Linda demonstrates the victim position of ethnic minorities which strive to become others and lose their own identity.

The second victim position shows that a person admits being a victim explaining it "as an act of Fate"[6] In a story about Claire the protagonist is conscious of being a victim in her own family but eats her humble pie. Claire came from the right side of the tracks and has a peculiar understanding of family relationships: on the one hand, she is overburdened my numerous relatives, as the author says: "their talk was endless, compulsive and indulgent…"[7]; on the other hand, she has a necessity to be one of them: "I really think that when God puts together families … he selects a group of people at random and says … to spend years together even though they don't like each other… And should you not feel caring about any of this group of strangers you will feel dreadful"[8]. Being a victim in a family of strangers and making a sacrifice is honorable for Claire.

The third victim position demonstrates a statement that a person acknowledges the fact of being a victim but does not want to admit the inevitability of this state. Dag, the protagonist of the novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture", came to California from Canadian Toronto where he attempted to live a double life as he considered himself to be an artistic person and at the same time was an efficient office worker. A photo of a wooden whaling ship crushed in the Antarctic Ice placed on his office table becomes the metaphor of victim position of a young Canadian who has to work in "a small preslaughter cubicle used by the cattle industry"[9]. Dag is constantly thinking about those people "who are trapped"[10]. He understands his victim position and makes an attempt to change his life leaving his prestigious job and escaping to the wilderness to exchange stories with friends. Dag's experience displays the image of a young Canadian living in a multicultural society that suppresses his identity.

The fourth victim position highlights the notion of a creative victim. In a story about Edward the author states that the idea of a hybrid identity is necessary for socializing in the multicultural Canadian community. The victim position is revealed in the refusal to accept "the Other" identity. Edward, the protagonist, is a descendant of British immigrants who did his best to preserve British traditions and "lived by himself with a great amount of dignity"[11]. Gradually he started to evade his traditions getting accustomed to local culture and losing himself. His life became uncontrolled. So he decided to seclude himself in his own room and not to have communication with the outer world. Edward created the so-called psychological and physical barrier to protect himself from other identities which populated the country. Edward becomes a victim who needs to work out the tactics of survival yet even his room did not guarantee him safety. He lived such a life for 10 years until his dog attacked him. Edward was forced to rescue his life and leave his shelter. When he came out he became aware of the fact that around him there was a big city "built not of words but of relationships"[12]. Edward tried to buy a city map to find the right way but all his attempts were in vain as city dwellers were suspicious of him. Edward is a creative victim. He makes a vow to find his way in that city and to build a high tower as a beacon for all the travelers who arrive too late. The tower becomes the metaphor of unity of all ethnic minorities living in a multicultural community.

Thus, four victim positions manifested in Douglas Coupland's novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture" demonstrate his will to make an outline of Canadian national character and his preoccupation with the question of Canadian national identity. The analysis of the novel in the light of M. Atwood's theory of "victims" shows the peculiarities of his writing in the context of Canadian literary tradition.

References:

1. Atwood, M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. — Toronto: Anansi, 1972. — 287 p.
2. Coupland, Douglas Generation X: Tales for an accelerated culture. — St. Martin's Press, 1991. — 192 p.
3. Frye N. The Double Vision: Language and Meaning in Religion. — Toronto: University of Toronto Press, 1991. — 88 p.
4. Hutcheon, L. The Canadian Postmodern: A Study of Contemporary English-Canadian Fiction. — Toronto: OUP, 1988. — 256 p.
5. MacKey E. The House of Difference: Cultural Politics and National Identity in Canada. — Toronto: University of Toronto Press, 2002. — 199 p.
6. Robert Kroetsch, Reingard M. Nischik Gaining ground: European critics on Canadian literature. — NeWest Press, 1985. — 303 p.

[1] Coupland, Douglas Generation X: Tales for an accelerated culture. - St. Martin's Press, 1991. – P. 110

[2] Ibidem. – P. 111

[3] Ibidem. – P. 111

[4] Ibidem. – P. 115

[5] Ibidem. – P. 115

[6] Atwood, M. Survival: A Thematic Guide to Canadian Literature. – Toronto : Anansi, 1972. – P. 132.

[7] Coupland, Douglas Generation X: Tales for an accelerated culture. - St. Martin's Press, 1991. – P. 34

[8] Ibidem. – P. 35

[9] Ibidem. – P. 21

[10] Ibidem. – P. 21

[11] Ibidem. – P. 46

[12] Ibidem. – P. 48

Klöster Anna Mikhaylovna,
Dozentin des Lehrstuhls für Fremdsprachen TU Omsk, Russland
Клёстер Анна Михайловна, Омский государственный технический университет,
доцент кафедры «Иностранные языки»

Die Strukturierungsprinzipien der terminologischen Lexik

Принципы структурирования терминологической лексики

Полевая организация лексики является на сегодняшний день одним из распространенных способов исследования лексико-семантической системы языка. В данной статье представлен обзор основных способов системного описания лексики, цель которого заключается в полном и всестороннем познании внутренней формы языка.

Как известно, язык представляет собой самоорганизующуюся систему, наличие которой обеспечивает адекватную когнитивную обработку отражаемой ситуации. Эта обработка играет существенную роль в функционировании естественного языка. С ее помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений и т.д[1]. На более низком уровне интерпретация каждого отдельного слова зависит от возможно более полного списка слов, используемых для объективации того или иного концепта в речи, используемых для объективации того или иного концепта в речи, и от фиксированного положения данного слова в ряду других слов.

Одним из способов системного описания терминологической лексики, цель которого заключается в полном и всестороннем познании внутренней формы, служит лексико-семантическое поле.

Метод поля признан на сегодняшний день одним из распространенных, достаточно изученных и результативных способов исследования лексико-семантической системы языка. В современной отечественной и зарубежной лингвистике накопился богатый опыт исследования полей различного типа. Об этом свидетельствует широкая палитра терминологии, связанной с понятием «поле». Одних наименований с этим термином в работе Г. С. Щура приводится около ста[2]. В современном языкознании активно используются термины «номинативное поле концепта», «словесное поле», «тематическое поле», «синонимическое поле», «ономасиологическое поле» и т. д. Параллельно употребляются такие терминологические сочетания, как «словесные группы», «тематические группы», «синонимические ряды», «ономасиологические группы». Полевые образования присущи всем уровням языковой системы (грамматико-лексические, синтаксические, фонологические и другие поля), но все же основной сферой применения полевого подхода остаются группы слов, коррелирующие по значению, которые в теориях поля обозначаются как лексико-семантические поля.

Основная концепция поля разрабатывалась такими лингвистами, как Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, Е. М. Верещагин, Е.В Гулыга, Е. И. Шендельс, С. Д. Кацнельсон, И. М. Кобозева, А. А. Уфимцева, Г. С. Щур, Г. Н. Эйхбаум и др. отдельно следует отметить работы Ю. Н. Караулова, с именем которого связано дальнейшее развитие теории поля, основанной на новых принципах структурирования лексики. Среди зарубежных работ следует назвать работы J. Trier[3], L. Seiffert[4], L. Zadeh[5].

В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений[6]. В свою очередь результаты исследования разного рода полей показали важность учета как парадигматических, так и синтагматических отношений в поле, комплексного исследования семасиологического и ономасиологического подходов к системному изучению языка.

Рассматривая вопрос о возможностях построения лексико-семантического поля в терминологии, ученые отмечают, что поле можно построить для любого слова естественного языка. Основой построения поля становится дефиниция слова, которая дает необходимый материал для этого. При этом в определенные отношения вступают не слова в целом, во всей совокупности их значений, а слова в своих отдельных значениях[7]. Что касается построения лексико-семантического поля многозначного слова, то решающая роль отводится в данном случае контексту как основному приему выделения отдельных значений внутри полисемантического слова.

Необходимым условием построения поля является наличие у всех терминов, входящих в его состав, обязательной семантической связи с именем, образующим ядро поля. В состав формируемого поля включаются термины, соотносимые с его ядром.

Базу поля составляют синонимические отношения, где связь входящих в поле терминов друг с другом может иметь или не иметь места. В отдельную группу выделаются антонимы к имени поля. Ю. Н. Караулов отмечает: «Антонимы не просто отрицают друг друга, а предполагают нечто общее, на основании чего их можно сравнивать. … антоним подбирается к имени поля, а не к каждому слову, входящему в состав поля»[8].

---

[1] Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья)//Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23, С. 8.

[2] Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – С. 21

[3] Trier J. Der deutsche Wortschatzim Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, Quelle&Mezer, 1931. – 264 S.

[4] Seiffert L. Wortfeldtheorie und Strukturalismus . Studien zum Sprachgebrauch Freidanks. Stuttgart, 1968. – 203 S.

[5] Zedeh L. Fuzzi Set-Theoretic Interpretation of Hedges//Dept. of Electrical Engineering. U. of California. Berkeley, 1972.

[6] Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. – С. 930.

[7] Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка//Принципы и методы семантических исследований. М., Наука, 1976. – с. 291–314.

[8] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – С. 111.

Структура лексико-семантического поля является инвариантной в разных языках. При этом, с одной стороны, оно характеризуется своей компактностью и обозримостью, и, с другой стороны, открытостью и незавершенностью.

Построение лексико-семантического поля дает возможность четко и полно представить весь объем значения и смысловую структуру имени поля, проследить, как происходит изменение значения данной терминологической единицы, и установить смысловые связи между разными значениями одной единицы, а также между разными единицами поля.

В лингвистике выделяют ряд свойств, которые позволяют говорить о самостоятельности выделимости лексико-семантического поля в языке, а именно:

• связь элементов поля;

• системный характер этих связей или упорядоченность;

• «взаимоопределяемость» и «взаимозаменяемость» элементов поля[1].

Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс выделяют также три определяющие черты поля:

• присутствие: отдельное слово может быть понято только на основе всей совокупности слов в поле; все слова поля должны присутствовать в сознании человека (см. ниже фрейм — Минский, Филлмор).

• непрерывность: члены поля взаимосвязаны сплошным образом, т. к. язык покрывает реальность без пробелов.

• целостность: языковое поле полностью воспроизводит реальный мир, т. е. понятийную картину данной языковой общности[2].

В теории поля большое значение отводится связи языка с внеязыковой реальностью. По словам Ю. Н. Караулова лексико-семантическое поле характеризует, с одной стороны, носителя языка, с другой стороны, характеризует непосредственно окружающую действительность[3].

Особого внимания заслуживает теория номинативного поля концептов З. Д. Поповой, И. А. Стернина, которая представляет собой наиболее современный взгляд на лексико-семантическое поле и является новым подходом в полевых исследованиях сегодняшнего дня. Ученые отмечают комплексный характер номинативного поля, представляющего собой «выявленную и упорядоченную совокупность номинативных единиц» и включающую единицы всех частей речи[4]. Кроме того, ученые обращают внимание на неопределенную структуру номинативного поля, которое содержит не только прямые номинации самого концепта (ядра поля), но и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). В определенной степени термины «лексико-семантическое поле» и «номинативное поле» могут рассматриваться как синонимы, т. к. лексико-семантическое поле представляет собой группировку языковых единиц, которая на лингвокогнитивном уровне включается в номинативное поле соответствующего концепта.

В связи с изучением дополнительных возможностей сохранения информации в памяти человека в разного рода конструкциях, в исследованиях по когнитивной психологии и разработках по искусственному интеллекту исследуются такие понятия, как «схемы», «сценарии», «гештальты», «фреймы» и др. Данные понятия легли в основу так называемого ситуативного (событийного) подхода, фокусирующего внимание на том, что для субъекта речи смысл слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу. В лингвистике в связи со знаниями о мире, отражаемыми в таких объемных единицах, используется преимущественно понятие фрейма (термин М. Минского) и фреймовой семантики, предложенной в середине 70-х годов Ч. Филлмором.

Фреймовая семантика определяется Ч. Филлмором как многоуровневая теория значения, которая использует пропозициональные модели структурирования знаний с помощью определенных структур[5]. Он считает, что фрейм представляет собой особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов[6]. Важную роль здесь он отводит «эпизодической информации», т. е. опыту и знанию человека по применению языка в зависимости от контекста ситуации.

В основу фреймовой семантики была положена теория фреймов М. Минского, который определяет фрейм «как минимальную необходимую структурированную информацию, которая однозначно определяет данный класс объектов»[7].

Исходя из общих положений М. Минского, фрейм можно представить как сеть, состоящую из узлов и связей между ними. Эта когнитивная структура организована вокруг какого-нибудь концепта и содержит самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом. Способом построения фреймов Минский называет сумму вопросов, касающихся той или иной ситуации. В этой связи следует подчеркнуть, что вопросы, конституирующие фрейм, могут служить также и ориентиром деятельности индивида, в том числе и речевой, в описываемом фреймом ситуации. Особенно важно это по отношению к определенным стереотипным ситуациям, когда фрейм организует ее понимание, а тем самым и обыденное поведение человека в данной ситуации.

Говоря о месте фрейма в системе языка, можно устанавливать взаимосвязь между фреймом и планом содержания семантического поля, т. к. поле может быть рассмотрено как продукт реализации некоторых фреймов, выявляющих не только абстрактные знания носителей языка о стереотипных ситуациях и событиях, но и личные знания носителей языка, аккумулирующие в словах этого языка их предшествующий индивидуальный опыт, установки, намерения, чувства, эмоции и т. д.

---

[1] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – С. 33.

[2] Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., Просвещение, 1969. – С. 9.

[3] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – С. 176.

[4] Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки. 2006. – С. 47.

[5] Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова.//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 25–36.

[6] Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания.//Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23, С. 54.

[7] Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – С. 3.

Список литературы:

1. Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья)//Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23, С. 5–12
2. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. — М.: Наука, 1974. — 255 с.
3. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, Quelle & Mezer, 1931. — 264 S.
4. Seiffert L. Wortfeldtheorie und Strukturalismus. Studien zum Sprachgebrauch Freidanks. Stuttgart, 1968. — 203 S.
5. Zedeh L. Fuzzi Set-Theoretic Interpretation of Hedges//Dept. of Electrical Engineering. U. of California. Berkeley, 1972
6. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. — 1456 с.: ил.
7. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка//Принципы и методы семантических исследований. М., Наука, 1976. — с. 291–314
8. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. — 355 с.
9. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., Просвещение, 1969. — 183 с.
10. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. — 355 с.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки. 2006. — 226 с.
12. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова.//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. — С. 25–36
13. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания.//Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23, С. 52–93
14. Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.

Lipatova Yulia Yurievna, Kazan state medical University,
Candidate of philological Sciences, associate Professor

Липатова Юлия Юрьевна, Казанский государственный медицинский университет,
доцент кафедры иностранных языков

Translation Means of Lacunary vocabulary in English literature of 19–20 centuries into Russian language

Способы передачи лакун в переводах английской литературы 19–20 вв. на русский язык

Актуальность данной публикации заключается в анализе лакунарной лексики разновременных переводов. Основное внимание в работе автор уделяет разновременным переводам произведений английских писателей сер. XIX–XX вв. Подбор осуществляется таким образом, что каждый оригинальный текст имел по нескольку разновременных переводов в каждом веке. Разновременные переводы отражают процессы развития, изменения, становления складывающихся норм русского языка XIX в. Сопоставлялись лакунарные единицы в разновременных переводах одного и того же произведения, анализировались способы их передачи.

Заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре.

Компенсация лакун существует в виде: а) словосочетания или парафраза;

б) развернутого описания, чтобы наиболее полно определить нечто неизвестное.

Способы элиминации лакун в языке-рецепторе можно разделить на следующие виды: пропуск лексемы, обозначающей лакунарное понятие; субституция, или замена на видовое или родовое понятие; введение заимствования — с пояснениями, глоссами, подстрочником; корреляция, включение в скрытый текстовый синонимический ряд, парафраз.

Отличительным качеством полноценного перевода, по мнению А. В. Федорова и Я. И. Рецкера является: 1) исчерпывающая передача (смыслового) содержания исходного текста; 2) передача содержания равноценными средствами.

При переводе безэквивалентной лексики может оказаться, что в лексической системе переводного языка не окажется эквивалента для той или иной единицы лексической системы исходного языка. Это означает, что понятие «безэквивалентность» относительно. Поэтому, когда мы говорим о безэквивалентной лексике, мы имеем в виду лишь то, что в лексической системе (словаре) исходного языка для данного предмета или явления существует «готовое» наименование в форме слова или словосочетания, а в распоряжении переводного языка такого «готового» наименования нет, его надо создать уже в процессе речи. Чаще других лексических единиц в разряд безэквивалентной лексики попадают термины и реалии.

Рассмотрим каждый из способов компенсации лакун. Первый из них характерен для XVIII века, это пропуск лексемы. Нередко сталкиваясь с наименованием чужеземного предмета, переводчик не мог подобрать подходящего эквивалента и попросту опускал его. В данном исследовании этот способ представлен неярко.

С конца XVIII века эпизодически, а в XIX, XX вв. регулярно в состав русской лексики вливается поток английских слов. Пропуск лексем как способ элиминации лакун характерен для к. XVIII — н. XIX в., когда в Россию проникают новые названия, которых коснулась общая тенденция: в переводе охотнее использовались широко известные русские слова. В этот период проникают названия новых игр, в том числе картежных это вист, бостон, пикет. Следует отметить, что в этот период лексема пикет функционировала в значениях: 1) сторожевая застава; 2) группа бастующих рабочих, патрулирующая в районе забастовки. Материалы переводов, содержащие англицизм пикет (произошел от фр. piquet), в карточном значении относятся к сер. XIX в. Название игры пикет только входило в лексическую систему русского языка и не получило к этому времени широкого распространения, к тому же сфера функционирования слова была ограничена игровым столом.

«Пикет, хотя и вышедший из моды оставался для него единственной стоящей игрой, еще сохранившейся». [1]

Следующим способом элиминации лакун является замена на родовое или семантически близкое слово из той же функциональной сферы, иначе семантическое приноравливание. (Виноградов В. В.). Примером служит слово берег в английском и русском языках. Английскому a bank of the river, a shore of the sea соответствует родовое русское берег. Субституция, или использование англицизма в переводе, когда он не поддерживается прототипом в оригинале, для XIX века отмечается у следующих лексем: solicitor — поверенный, tart — сладкий пирог, attorney — адвокат, lawyer — адвокат. Используются слова родного языка, означающие нечто близкое или похожее по функции хотя и не абсолютно тождественное. Такие слова вызывают ассоциации. Например, в переводах XIX века используется стряпчий вместо клерк. Английские sir и miss передавались в переводах литературы прошлого века как сударь и сударыня. Toasts передавались как гренки. Подобный тип перевода полностью передает привычность, чисто бытовую окраску соответствующего слова подлинника, в одних случаях придавая ему русифицирующий оттенок, в других случаях не внося в него никаких новых черт, но во всех случаях, конечно, ослабляя национально-специфические особенности, выраженные в нем. Для обозначения иностранной реалии в языке перевода подыскивается понятие, которое хоть и не совпадает с исходным понятием, но имеет с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способно раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления.

Основным способом передачи лакунарных для русского языка понятий XIX — XX вв. является заимствование. Теоретической базой изучения заимствованной лексики различной этимологии и описания основных дефиниций контактологии послужили работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, С. К. Булича, И. И. Огиенко, Л. А. Булаховского, Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной, Л. П. Ефремова, более поздние — Р. А. Юналеевой, М. М. Калиневич, М. Вуйтовича, С. А. Беляевой, Н. В. Габдреевой, Г. Г. Тимофеевой.

В данном случае мы рассматриваем английскую лексику, основными особенностями которой в русском языке являются следующие признаки: начальное или срединное –дж-, конечное -нг, партикула –мен и некоторые другие (А. В. Калинин, В. М. Аристова, Э. Володарская). Однако некоторые англицизмы не имеют ярко выраженных специфических признаков, поэтому основным критерием отбора послужила фонетико-семантическая корреляция прототипа и англицизма в момент заимствования.

Следует различать как минимум четыре группы заимствований:

1. Лексемы английского происхождения как способ заполнения лакунарного для русской лексической системы понятия. Как известно, лакунарность — диахроническая категория, которая со временем может заполняться. Непременным условием является вхождение и широкое распространение данной реалии, предмета, явления, характеристики в жизнь другого народа. В таком случае англицизмы чаще всего теряют этнокультурный компонент, становятся достоянием лексической системы другого (в данном случае — русского) языка, фиксируются словарями. К этой группе относятся следующие лексемы: спортсмен, ферма, лига, покер, колледж, футбол, вист, пудинг, клуб, коттедж, боулинг.

2. Заимствования с сильным этнокультурным компонентом, когда слово является обозначением действительности иной определенной страны и культуры. Именно эту группу традиционно принято называть экзотизмами (ленч/ланч, файф-о-клок, эль, портплед, сэр, мэм, леди, пенни, стерлинг, лорд, консоли, сквоттер, галлон), чаще всего они фиксируются словарями с пометами английской атрибутивности либо не фиксируются совсем.

3. Промежуточные образования соединяют некоторые признаки предыдущих систем: слабая распространенность предмета, явления в русском языке, что соответствует периоду вхождения или наоборот выходу из русской лексической системы, чаще всего сопровождается лексикографическими фиксациями. Это лексемы: фермуар, гунтер, саше, тори, бриоши, пойнтер.

4. Окказионализмы, которые мы условно относим к заимствованиям, они встречаются только в языке переводов: дерби, гальбет, титул нардак, спруг, имена собственные Куинбус Флестрин, Флимнап, Тримексен.

«Тщательно осмотрев правый карман камзола великого Человека-Горы (так я перевожу слова «Кулнбус Флестрин»), мы нашли там только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца вашего величества» [2].

«А между тем содержание Человека-Горы обошлось уже его величеству более полутора миллионов спругов (самая крупная золотая монета у лилипутов величиной в маленькую блестку)» [3].

Ведь я имею честь носить титул нардака — титул, которого не было и у самого канцлера казначейства Флимнара. Всем известно настолько же ниже моего, насколько у нас титул маркиза ниже титула герцога» [4].

«Этот сановник вместе с Флимнаном, канцлером казначейства, который сердит на вас из-за жены, генералом Химтоком, обер-гафмейстером Лелькеном и верховным судьей Бельмафом составили доклад, обвиняющий вас в государственной измене и других тяжких преступлениях [5].

Заимствование есть активный процесс: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений. Переводы в сопоставлении с английскими оригиналами позволяют выявить коррелятивные и не коррелятивные заимствования, семантические модификации по сравнению с прототипами, назвать причины неупотребления ассимилированных заимствований английского происхождения, определить условия их функционирования.

Следует обозначить две группы англицизмов с точки зрения исторической перспективы: во-первых, закрепившиеся в русском языке и обозначающие английские реалии, и, во-вторых, функционирующие только в переводах и не имеющие канонического употребления. Многие из слов, которые для читателя конца XIX в. были неологизмами, стали в современном

---

[1] Джон Голсуорси. Собрание сочинений в 16-ти томах. Сага о Форсайтах – Москва: Правда, 1962.Т. 8, с. 299.

[2] Свифт Д. Путешествие Л. Гулливера – М.: 1986 – с. 25

[3] Там же. – с. 62.

[4] Там же. – с. 64.

[5] Там же. – с. 66.

русском языке общелитературными. Если исчезают соответствующие предметы и явления, то мы говорим об уходящих лексических единицах и значениях как об историзмах.

Словарный состав представляет собой ту сторону языка, которая более всех других подвержена историческим изменениям. Если изменения в фонологической системе и звуковой « материи» языка, в его грамматическом строе трудно заметить на протяжении жизни одного поколения, то изменения в словарном составе наблюдаются повседневно: любое нововведение в технике, в быту, в общественной жизни, в области идеологии и культуры сопровождается появлением новых слов и выражений либо новых значений у старых слов, и наоборот, устаревание и уход в прошлое тех или иных орудий, форм быта, общественных институтов неуклонно влекут за собой и уход из языка соответствующих слов. Бывает и так, что слова меняют свои значения и даже вовсе выходят из употребления без какой-либо связи с изменениями в соотватствующих денотатах или же денотаты меняют свои словесные обозначения, нисколько не меняя, однако, своей природы или роли в жизни человека.

В. Л. Муравьев отмечал, что лакуны — категория историческая, в результате развития общества, знакомства с культурой другого народа, культурных, политический, экономических контактов лакуны могут исчезать, заполняться. Основной состав англицизмов в переводах XIX — XX вв. отличается стабильностью формы и значения. Отдельные колебания отмечаются у нескольких слов: жареное мясо — ростбиф, миссис — мистрис, почтенство — респектабельность, спасательная лодка — спасательный бот, сударыня — госпожа, гренки — тосты и некоторые другие.

При заимствовании слово отрывается от словообразовательного гнезда и утрачивает все связи, деэтимологизируется, теряет прозрачную внутреннюю форму. Поэтому практически непереводима игра слов, и для ее частичного восстановления необходимы пояснения и этимологические комментарии, что мы и наблюдаем практически во всех переводах XX века. Если в практике используется транслитерированная форма без каких-либо пояснений, слово для носителей языка-рецептора не имеет того первоначального смысла, как, например, прототип в языке источнике.

Первый способ элиминации лакун — пропуск характерен для лексики к.XVIII — н. XIX в. и на нашем материале представлен слабо.

Способ субституции иноязычных слов также отражен в переводах XIX — XX вв. В переводах лакунарная лексика передается более широким или более узким по семантическому объему, чем значения заимствования.

Что касается способа включения в синонимический ряд новой лексики, в целом в переводах представлен незначительно.

Описательный способ перевода представлен в переводах XX в. К дескриптивному переводу прибегают, когда слову оригинала соответствует описательный оборот, разъясняющий смысл этой лексической единицы. Таким образом, воссоздается значение слов, называющих различные реалии.

Итак, установлена связь между освоением составляющих компонентов лексического значения и способами передачи англицизмов. Способы введения слова в текст могут меняться в зависимости от степени восприятия иноязычности у данного слова — от пояснений — корреляции — субституции до выхода из лексической системы, или ухода в пассивный словарь.

Список литературы:

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы/В. С. Виноградов. — Москва: ИОСО РАО, 2001. — 223 с.
2. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие/В. С. Виноградов; 2-е изд., перераб. — Москва: КДУ, 2004–235 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное перевоведение — М.: ЭТС, 2004–420 с.
4. Мельников Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. — М.: Наука,2003.–393 с
5. Свифт Д. Путешествие Л. Гулливера– М.: 1986–344 с.
6. Собрание сочинений в 16-ти томах./Джон Голсуорси. Т. 1–4 Сага о Форсайтах — Москва: Правда, 1962.

Lomova Elena Aleksandrovna, the Kazakh state national pedagogical University named after Abai (Of them. Abai), Kazakhstan, Almaty. Almaty associate Professor of the Department of Russian language and literature

Ломова Елена Александровна, Казахский государственный национальный педагогический университет имени Абая (КазНПУ им. Абая), Казахстан, г. Алматы, доцент кафедры русского языка и литературы

The image of Russia of October and the American reality in the literary consciousness of the beginning of XX century

Образ России времен Октября и американская действительность в литературном сознании начала XX века

Образ Советской России имел неповторимый ракурс в глазах американских публицистов 1917–1920-х годов. Англоязычный читатель получил уникальную возможность увидеть российскую действительность тех лет глазами У. Г. Стеффенса, А. Р. Вильяма и других «ранних друзей Октября», а также ознакомиться со знаменитой книгой Д. Рида «Десять дней, который потрясли мир»[1].

Образ России 1920–1940-х годов находит отражение в работе известнейшего американского писателя Т. Драйзера «Драйзер смотрит на Россию».

Российская жизнь и российская реальность имела свою оригинальную интерпретацию на Западе в период Великой отечественной войны, последующей войны «холодной» и в короткие годы хрущевской «оттепели», о чем свидетельствует «Русский дневник» Д. Стейнбека.

[1] Киреева И. В. Проблемы русского национального характера в творчестве Джона Рида (на русс. и анг. яз.). Текст.//Этнические проблемы в американской литературе и журналистике. – М., 1993.

Процесс культурно-исторического познания друг друга со стороны России и со стороны США и Запада в целом, начавшийся в XIX столетии, приобрел особую глубину и размах в XX веке.

Процесс постижения одного народа другим проявлялся через диалог культур, выражавшийся главным образом в книгах. Именно через книгу происходило в прошлом изменение представления одного народа о другом.

Взаимодействие русской и американской литератур было подчинено общему ходу развития мировой цивилизации.

Произведения американских авторов о России отражали как образ народа, которому они посвящены, так и образ народа, в среде которого они были созданы. Восприятие России нельзя отделять от восприятия их авторами и читателями самих себя, от самосознания того общества, в котором оно написано[1].

В каждой культуре существуют эстетические и идеологические стереотипы, которые не существуют изолировано, но вступают в сложные взаимодействия. При этом позитивные стереотипы способствуют созданию благоприятного имиджа соответствующей национальной группы, страны или идеологической системы, а негативные успешно формируют «образ врага».

Исследование образа «чужого» в культуре предполагает изучение стереотипов, клише и предрассудков чужого сознания, объясняющих их происхождение и механизм взаимодействия. Американские представления и наблюдения создают неповторимую картину русской жизни, дополняя уже известные факты новыми деталями[2].

Образ Советской России, созданный американскими публицистами и писателями, нуждается в корректировке и уточнении[3].

Позиция «литературных друзей Октября» (Д. Рида, А. Р. Вильямса, Л. Стеффенса) была совсем неоднозначной.

Т. Драйзер занимал гораздо более критическую позицию по отношению к Советской России, и многие пассажи его книги «Драйзер смотрит на Россию» и публицистические оценки, сделанные во время пребывания в Нижнем Новгороде, представляли собой «фигуру умолчания» в советский период[4].

В 1917–1920-х годах молодая советская республика виделась американскими журналистами как родина великого социального эксперимента.

Госдепартамент США поддержал новое правительство Ленина, видя в России геополитического союзника и крупнейшего потребителя американской продукции.

Американская интервенция была вызвана выходом России из Первой мировой войны и нарушением союзнического долга, а вовсе не защитой самодержавия и белого движения. После установления дипломатических отношений в 1933 году правящие американские круги не препятствовали развитию российско-американских контактов, примером чего является деятельность А. Хаммера в России[5].

По мере усиления авторитарного режима Сталина и просчетов социального строительства мнения американских публицистов и писателей явно поляризуются. Одни, среди которых можно назвать А. Р. Вильяма, У. Дюбуа и Дж. Дэвиса, продолжают занимать просоветскую и просталинскую позицию.

Другие же, к числу которых можно отнести Ч. Рассела и Р. Говарда, проявляют глубокое разочарование в советской действительности[6].

Третья же группа — Т. Драйзер и Р. Стеффенс —, при всей симпатии к СССР, высказывают критические замечания в адрес социальной и политической платформы Советской России.

Вторая мировая война заметно снизила накал критики в адрес СССР.

В период 40-х годов XX века происходит активный культурный обмен, заложивший прочные основы долговременных культурных отношений, которые не разрушили даже самые мрачные времена «холодной войны», когда литературе пришлось быть заложницей политической конфронтации между обеими странами[7][8],. В этот период ведущие писатели США, например, Д. Стейнбек, пытались отрешиться от образа «врага», о чем свидетельствует его «Московский дневник» (1948), в котором обнаруживается заинтересованный и пристальный анализ русской действительности без прикрас и искажений.

Период «застоя» нашел отражение в талантливой книге Х. Смита «Русские», в которой показано трагическое крушение «великого социального эксперимента» в его реальном воплощении.

Таким же неоднозначным был образ далекой Америки в глазах российского читателя и гражданина другой социально-политической системы.

Войдя в русскую литературу с творчеством Т. Мачтета в конце XIX века, образ Америки сложно переплетался с образом Нью-Йорка как олицетворения цивилизации.

Рассказ Г. Мачтета «Нью-Йорк» рисует гигантский мегаполис как воплощение не только человеческого разума и эстетического вкуса, но и как порождение надежды, бурной динамики и заботы о человеке: «Об удобствах жизни и говорить нечего. Нью-Йорк совсем новый город, все в нем приспособлено так, чтобы удовлетворить потребности человека возможно легче и удобнее. Как бы ни был взыскателен человек, он не найдет причин для жалоб».

---

[1] Третьченко Е. А. Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном процессе 1917–1991 годов. - Дисс. канд. филол. наук. – Шуя, 2010.

[2] Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776–1914/Ed by Norman E. Saul and Richard D. Me Kinzie. Columbia, London, 1997.

[3] Кутанев Н. А. Литературные связи между Россией и США и проблемы взаимодействия литератур. 1917–1991 годы. Текст./Н. А. Кутанев. – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1993.

[4] Лаптева Е. А. Американское россиеведение: образ России: монография. Текст/Е. В. Лаптева: Уральский гос. ун-т, Пермский ун-т, Пермь: ПТУ, 1994, 119 с.

[5] Мулярчик А. С. Русская тема в современной литературной жизни США. Текст//Американская литература и Россия. Тезисы докладов науч. конф. – М., 1995. – С. 41–43.

[6] Рассел Б. История западной философии/В. В. Целищев. – Новосибирск: Сибирское изд-во, 2001. – 800 с.

[7] Вайль П. Русская кухня в изгнании/П. Вайль. – М.: Независимая газета, 2002. – С. 25.

[8] Devies Joseph Edward Mission to Moscow/Joseph E. D.: New-York, Simon and Schuster, 1941: XXII, 659 p, 1.1. front, ports, facsims. 22 cm.

Собирательный образ Америки неизбежно включает в себя и набор определенных национальных характеристик. Во многих странах мира американский характер часто отождествляется с агрессивным желанием превосходства во всем и крайней самоуверенностью. По этой причине образ нагловатого и малокультурного «янки» вошел в литературы разных стран. Недаром еще Ч. Диккенс назвал Америку страной, призванной «опошлить целый мир». Подобную точку зрения разделял и известный русский мыслитель В. Розанов.

Однако Г. Мачтет акцентируется не на негативных, а на положительных сторонах американского характера. Он подчеркивает законопослушность американцев и их уважение к гражданским свободам, замечая, что в «целом свете, может быть, не уважают граждане своей конституции и законов так свято, как в Америке»[1].

В рассказе «Община Фея» Г. Мачтет высоко отзывается об американских фермерах и развенчивает коммунистические принципы сельхозкоммунны, организованные выходцами из России.

Так под воздействием американской действительности Г. Мачтет из русского общинника превращается в сторонника американского индивидуализма. Эта психологическая метаморфоза влекла за собой определенные изменения мировоззрения писателя[2]. Его произведения американского цикла являют собой убедительный пример влияния американского фактора, пример усвоения американского опыта и переноса этого опыта из обыденной жизни в литературу.

Образ Америки получил свое развитие и в творчестве русского писателя В. Короленко. Герой его повести «Без языка» волынский крестьянин Матвей отправляется в США в поисках лучшей доли и, в конечном итоге, находит ее. Но американская тема получила при этом новый ракурс, так как в нее вливается тема ностальгии и утраты иллюзий у человека, оказавшегося на американской земле, а отсюда органично возникает тема патриотизма и приверженности родным корням.

Первоначально образ Америки в представлении русского человека носит иллюзорный, мистический характер. Недаром Матвей мечтает об идеальной американской деревне, которая будет «гораздо лучше», чем старая, но в последствии, несмотря на утрату иллюзий, американский опыт обогащает таких эмигрантов, как Матвей, позволяя им найти свое место в новой жизни. Этот же опыт учит по-новому взглянуть на Россию. В этом смысле знаменательно звучат строки из письма В. Короленко на родину в августе 1893 года из Чикаго: «Бог с ними, с Европами и Америками. Пусть себе процветают на здоровье, а у нас лучше. Лучше русского человека, ей-богу, нет человека на свете».

Однако русское восприятие Америки значительно изменилось в худшую сторону после выхода в свет серии сатирических очерков М. Горького «В Америке», заглавным из которых был памфлет с метафорическим названием «Город Желтого дьявола». В этом очерке создавался довольно нелицеприятный образ Нью-Йорка и его жителей[3].

Но несмотря на все это, отношение М. Горького к Америке вовсе не было таким уж однозначным и расцвеченным лишь мрачными красками. Русский писатель искренне восхищался многими сторонами жизни США, о чем свидетельствуют его «американские» письма и рассказ «Чарли Мэн», в котором воплощается образ гордого и свободного американца.

В отличие от Горького, В. Набоков постигал Америку, вживаясь в нее. Поначалу она входит в сознание русского мальчика «туманным моховым болотом, столь недосягаемым и таинственным, что прозвали его «Америка», затем — увлекательным романом М. Рида «Всадник без головы» и прекрасной бабочкой махаоном[4]. Лишь реальные столкновения писателя с Америкой изменили этот образ.

Литературное постижение В. Набоковым подлинного образа Америки происходит через его персонаж Тимофея Пнина, когда Пнин из русского человека превращается в американца, хотя и пытаясь при этом сохранить свою «русскость»[5].

Русский интеллигент-аристократ Набоков-Пнин отчуждает пошлую прагматичность Нового света, а американец Пнин становится патриотом Америки.

Восприятие Америки С. Есениным и В. Маяковским было не менее противоречивым, чем восприятие М. Горького[6].

С одной стороны, общеизвестна нелицеприятная оценка С. Есениным внутреннего мира американцев. С другой стороны, Есенин не мог не заметить, что в Соединенных Штатах во главу угла все же поставлен человек и его индивидуальность. «Мы привыкли жить под светом луны, жечь свет перед иконами, но отнюдь не перед человеком. Америка внутри себя не верит в бога. Там свет вне человека», — вынужден был признаться русский поэт.

Знакомство Есенина с развитой западной американской цивилизацией вызвало у него глубокую переоценку ценностей и понятий, осознание необходимости прогресса и индустриализации России и примирение с урбанизацией и «железным городом». Сам поэт говорил, «что его зрение особенно преломилось после Америки»[7].

Образ США впервые в русской литературе получает яркую политическую окраску в творчестве В. Маяковского. Он в данном случае проявляет себя как откровенно политически ангажированный поэт и создает стихи с выраженным пропагандистским пафосом, среди которых «Сифилис», «Бродвей», «Блэк энд уайт» и очерк «Мое открытие Америки».

Но, несмотря на явные идеологические пристрастия, даже В. Маяковский не смог сделать образ Америки плоским и одномерным. Восхищение техническим гением и созидательной смелостью американского народа находит у русского поэта воплощение в его стихотворении «Бруклинский мост».

В результате своей поездки по Америке Маяковский остро сознал огромную пропасть и противоречие между голым технизмом и духовным миром человека. Из разочарования в Америке у поэта вырастало убеждение, что будущее принадлежит России, которое находит выражение в его стихотворении «Американцы удивляются». Но в тоже время имеет основание также

---

[1] Павловская А. В. Россия и Америка. Грани литературного процесса. – Москва-Минск, 1994.

[2] Анатомия американской мечты. Электронный ресурс//Washington Profile International: сайт URL HTTP//WWW.washprofile.org/ru/node/3855 (дата обращения 28.08.2009).

[3] Седова Н. А. Духовный облик Америки в литературе США I половины XIX века. - Дисс. канд. филол. наук. – М., 2009.

[4] Там же, 2009.

[5] Вайль П. Русская кухня в изгнании/П. Вайль. – М.: Независимая газета, 2002. – С. 25.

[6] Там же.

[7] Там же.

точка зрения американских литераторов П. Блейка и Ч. Мозера, согласно которой визит русского поэта в США парадоксально положил началу разочарования Маяковского в советском образе жизни[1].

Таким образом, возникшая Октябрьская Россия и Америка начала XX столетия нашли всестороннее отражение как в русской, так и в американской литературах.

Список литературы:

1. Анатомия американской мечты. Электронный ресурс//Washington Profile International: сайт URL HTTP//WWW.washprofile.org/ru/node/3855 (дата обращения 28.08.2009).
2. Вайль П. Русская кухня в изгнании/П. Вайль. — М.: Независимая газета, 2002. — С. 25.
3. Киреева И. В. Проблемы русского национального характера в творчестве Джона Рида (на русс. и анг. яз.). Текст.//Этнические проблемы в американской литературе и журналистике. — М., 1993.
4. Кубанев Н. А. Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных связей конца XIX начала XX веков. — Дисс. докт. культуролог. наук. — М., 2001.
5. Кутанев Н. А. Литературные связи между Россией и США и проблемы взаимодействия литератур. 1917–1991 годы. Текст./Н. А. Кутанев. — Н. Новгород: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1993.
6. Лаптева Е. А. Американское россиеведение: образ России: монография. Текст/Е. В. Лаптева: Уральский гос. ун-т, Пермский ун-т, Пермь: ПТУ, 1994, 119 с.
7. Мулярчик А. С. Русская тема в современной литературной жизни США. Текст//Американская литература и Россия. Тезисы докладов науч. конф. — М., 1995. — С. 41–43.
8. Павловская А. В. Россия и Америка. Грани литературного процесса. — Москва-Минск, 1994.
9. Рассел Б. История западной философии/В. В. Целищев. — Новосибирск: Сибирское изд-во, 2001. — 800 с.
10. Седова Н. А. Духовный облик Америки в литературе США I половины XIX века. — Дисс. канд. филол. наук. — М., 2009.
11. Третьченко Е. А. Образ Советской России в творчестве американских писателей и публицистов в историко-культурном процессе 1917–1991 годов. — Дисс. канд. филол. наук. — Шуя, 2010.
12. Dallin A. The big three: the United States, Britain, Russia. New Haven, 1945.
13. Devies Joseph Edward Mission to Moscow/Joseph E. D.: New-York, Simon and Schuster, 1941: XXII, 659 p, 1.1. front, ports, facsims. 22 cm.
14. Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776–1914/Ed by Norman E. Saul and Richard D. Me Kinzie. Columbia, London, 1997.

Mukhametzyanova Aigul Habibzyanovna
Candidate of Philology, Associate Professor of Tatar Philology of Elabuga Institute of Kazan (Privolzhskiy) Federal University

Candidate of Philology, Associate Professor
Мухаметзянова Айгуль Хабибзяновна, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры татарской филологии

Sufism and its poetic expression

Суфийское учение и его поэтическое выражение

Ученые до сих пор спорят о происхождении слова «суфизм». Некоторые исследователи говорят, что слово «суфизм» образовано от арабского слова «сафа» (чистота), другие же считают, что оно произошло от слова «суффа», что означает «люди скамьи», не имеющих сподвижников Пророка Мухаммеда. Есть предположение, что, как «суфизм» так и «тасаввуф» связаны со словом «суф» (шерсть). В арабском языке, например, слово тасаввафа означает «облачаться в шерстяное одеяние». Если рассмотреть те определения, которые дали великие суфии, мы увидим, что для них же понятия «суфизм» и «чистота» взаимно связаны по смыслу. Известный мистик и богослов аль-Кушайри (465–1072) пишет: «Чистота — это то, что будет восхваляться на любом языке, а ее противоположность — нечистота (ал-кадура) будет порицаема» [2]. Имам аль-Газали же в своей книге "Ал-Мункиз мин ад-далал" ("Избавляющий от заблуждений") описывая "путь" суфиев подводит к мысли, что суть их знания заключается в том, чтобы умертвить плоть, освободиться от низменных страстей и порочных качеств, так, чтобы в сердце остались только помыслы о Боге. Как видим, в первую очередь, речь идет о духовной, внутренней чистоте.

Великий шейх аль-Ансари (1002–1088) пишет: «Тасаввуф — это наука, изучающая этапы очищения души, облагораживание нравов, а также совершенствование поступков и внутренней сути человека» [3]. Священный Коран, лицо Ислама, который есть Величайшая духовная книга и который назначен людям даровать совершенство, открывается со словами: «Хвала Аллаху, Насыщающему миры внять до совершенства» (Коран: 1/1) и заканчивается: «Скажи: «Прибегаю к Насыщающему людей вплоть до совершенства» (Коран: 114/1)[4]. Из всего вышеизложенного вытекает вывод о том, что суфизм — это учение о чистоте души.

---

[1] Кубанев Н. А. Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных связей конца XIX начала XX веков. – Дисс. докт. культуролог. наук. – М., 2001.

[2] Мир, Валаддин. Коранический суфизм. СПб. "Диля". С. 11.

[3] Там же.

[4] В дальнейшем в работе используются тафсиры, комментарии к Корану И. Ю. Крачковского

По мнению представителей суфийского учения, не будь их учения, выполняющего функцию «кислорода», обеспечивающего жизнь «божественному костру», придерживание религии, выполнение религиозных правил и догм, чтение Корана не смогли бы возносить человеческую душу, привести его сущность в гармонию и достичь большей степени единства со Всевышним и связанные с ним качества, обеспечить долговечность «костра».

Прославленный мусульманский философ и историк XV века Ибн Халдун сказал: «Суфизм породил Ислам» [1]. Суфии уверены, что их учение — суть, «нутро» религии, не позволяющее закостенеть религии, лишиться духа, превратиться в автоматическое устройство, которое обеспечивало бы только исполнение обрядов и правовых положений.

Как показывает сама история, суфизм существовал и в ранее предшествующие исламу религии, но только в исламе он нашел почву для развития, этому способствовали те благоприятные условия как терпимость, теория развития и придание особое значение Любви Всевышнему. «Суфизм внутренне присущ исламскому откровению, является фактически его сердцевиной или изотерическим измерением», — пишет С. Х. Наср[2]. Сами суфии возводят себя и своих первых представителей к эпохе Мухаммада и первых халифов, однако основы учения были заложены в IX веке, в период расцвета халифата[3]. Для суфиев внешняя религия, например, «фикх» (мусульманское право), обуславливаемое внешнее действие, выполнение положений шариата, является своеобразной оболочкой, выполняющей определенную, но не малосущественную функцию, истинное значение религии заключается во внутреннем мире человека, в его эволюции.

Суфии считали, что эволюция человека осуществляется внутри него самого и в его взаимоотношениях с обществом. В их понимании «совершенный человек» есть начало «совершенного общества» и развитие общества — цель всего творения.

Целью этого мира является человек,
А целью человека — это мгновение,
Целью тела является обретение духа,
А целью духа — регулирование чувств.
Целью же регулирования чувств и органов является
Совершенствование сердца,
А целью сердца является Возлюбленная,
— пишет Джалелетдин Руми (1207–1273) [4].

Как отмечает М. Т. Степанянц: «Суфизм, как и любое религиозно-философское учение, видит свою цель не только в том, чтобы объяснить устройство мироздания, определить место человека в нем и предназначение его в жизни (т. е. выполняет его мировоззренческие функции в жизни), но и в том, чтобы проявить себя в качестве социально-организующей системы, определяющей правила поведения, личную и общественную мораль» [5].

По концепции «совершенного человека» (инсан ал-камил) суфизма, индикатором добра и зла является сам человек, способный к совершенствованию на пути самопознания, цель и смысл которого — найти в самом себе безмерное «Я». Вот вся эта внутренняя борьба между двумя так называемыми полюсами добра и зла и составляет сущность развития, которая способна к бесконечному совершенствованию.

В океане жизни нет ничего
Более ценного, чем познать себя.
Итак, наш выбор теперь вращаться
Вокруг себя подобно водовороту[6].

Суфийством ежели ты хочешь от самого себя спастись,
Со всеми грезами, страстями, что кружат голову, простись!
Сам из горстей своих отдай, что у тебя в горстях сокрыто,
Стерпи удары, беды, раны и стой на месте, не вертись!
— пишет Абдуррахман Джами[7].

Здесь следует отметить, что по суфийскому учению, человек, вступая в путь преобразования, неосознанно рисует себе образ совершенства и, руководствуясь им, определяет себе путь движения и идет навстречу к Нему. Этот образ — Идеал, Всевышний.

Известный татарский богослов Абу-н-Наср Курсави (1776–1812) в своем трактате "Ал-Иршад ли-л-ибад" ("Наставление людей на путь истины") пишет: " Тассаввуф состоит в очищении сердца от дурных нравов, мирских забот (приведении его) в соответствие с естественным рисунком (человеческой сути). Дабы (человек) после того, как оно очистится от дурных качеств и обретет качества богоугодные, и заботы его станут более возвышенными, и сосредоточится он на совершении поклонения, следуя Пророку в шариате, и откажется его плотская душа *(нафс)* от своих низменных страстей, — стал суфием[8].

Человек, являясь высокоорганизованной биосоциальной системой, постепенно ищет смысл своего существования, задается вопросом о своем предназначении, и в зависимости от «состояния» души ставит себе цель, которая и определяет направление ее развития. По мнению суфиев, смысл жизни человека заключен в его самосовершенствовании, в последую-

[1] Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М. "Наука".1987. С. 63.

[2] Там же. С. 63

[3] Мир Валаддин. Коранический суфизм. СПб. "Диля". С. 214.

[4] Сгорающие в любви: суфийское учение с комментариями издателя Анхеля де Куатье. СПб. Издательский дом "Нева".2005.С. 109.

[5] Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. М. "Наука".1987. С. 45.

[6] Мир Валаддин. Коранический суфизм. СПб. "Диля". С. 106.

[7] Суфии. Восхождение к истине: собрание притч и афоризмов/[сост., пересказ текстов, предисл., словарь Лео Яковлевым]. М. "Эксмо". 2006. С. 315.

[8] Шамсутдинова Л. Ш. «Рисаляи Газиза» Тазетдина Ялчыгула: проблематика и поэтика. Казань. 2002. С. 170.

щем — достижении гармонии. Получается, что вся жизнь человека — это борьба за идеалы, работа над самим собой, над «я». Как отмечает С. Вяхерева: «Подлинное бытие человека (его свобода от нафсовости и монологичности) достигается посредством внутренней напряженной борьбы, когда одно начало (нафс), некогда взяв верх, должно отпустить и впустить в себя другое начало (рух)»[1].

Согласно исламскому вероучению, первая сотворенная сущность есть душа человека. Душа в арабском языке обозначается словами «рух» и «нафс». В Коране оба этих слова употребляется в значении человеческой души. Но представители суфийских школ уверены, что рух и нафс различны. Разъясняя этот взгляд, один из ведущих теологов своего времени аль-Бахиляни (939–1013 г. н. э.) пишет: «Нафс — дыхание, которое человек вдыхает и выдыхает, а рух проявление (’арад) жизненной силы (хайа)»[2].

Никто не знает, что такое душа,
Как появляется, когда и как уходит…
Живое тело без нее (души) не может существовать…
Благодаря дыханию душа находится в тебе,
Как дыхание прекратилось, душа оставит тело,
— пишет Ашик-Паша (1271–1322)[3].

Нафс (араб.ЗбдЭУ) — в исламе, животная (страстная) душа человека. Она всегда следует за прихотями тела, повелевает человеку только исполнение плохих деяний. Она также является домом и источником всего отрицательного, где скапливается все плохое.

По суфийскому учению же «нафс» — злейший враг человека, который уводит его с Истинного пути. Это низменное, плотское «я», инстинктивная животная душа. Нафс и является источником таких качеств, как алчность, гордыня, зависть, злость. Сам имам аль-Газали (1058–1111) отмечал то, что «непокорность других не причинит тебе столько вреда, как непокорность нафса»[4]. «Цель мистика состоит в том, чтобы вернуть душу к состоянию непорочности и преданности Господу, в котором она пребывала до непосредственного акта творения. Это позволит ей «сново пережить» день заключения договора со своим Творцом. На пути к достижению этой цели мистик должен избегать «ловушек» тварного мира, а также бороться со своей низменной душой (нафс), которую суфии рассматривали как обиталище эгоистических желаний, а значит — преграду на пути к Богу», — пишет А. Д. Кныш[5].

В творческом наследии многих учителей суфийского пути фигурирует «нафс». Примечательно, например, высказывание Джалелетдина Руми: «Основная цель заключается в том, что считаться и отполировать, стать чистым зеркалом, дабы яснее отразить субстанцию солнца. Поэтому человек всегда должен совершенствовать себя, а не развивать свои отрицательные стороны»[6].

Или же у Абдуррахмана Джами (1414–1492):

Когда в стране души коня ты повернешь на правый путь,
Придется низменным страстям мгновенно в сторону свернуть[7].

Турецкий поэт-суфий и мыслитель Юнус Эмре (1240–1320), призывая людей беспощадно бороться со своими плотскими вожделениями и пороками, пишет:

Если постигнешь Истину, то поймешь:
Твоя плоть — большой враг тебе,
Теперь отправься, сражайся с той плотью, бойся — и шагай.
…Плоть, блаженный, в пути оставляет, теряется в пути тот,
Кто плоти подчинился[8].

Таким образом, мы видим, как многие мистики для выражения своих тончайших мистических переживаний обращались к поэзии. Они, как и поэты, говоря о своем духовном опыте, склонны были использовать символы и аллегории. «Эти символы и аллегории позволяют им выразить тончайшие переживания, которые невозможно передать с помощью логически стройных рассуждений. …Следовательно, и поэзия и мистическое переживание имеют эмоциональный и интуитивный характер, — пишет А. Д. Кныш[9]. Конечно же, мистики понимали и принимали также мощь и силу эстетического и эмоционального воздействия поэтических произведений на читателя или слушателя, что было немаловажным в их практической деятельности.

Список литературы:

1. Вяхерева С. Р. Диалогический характер человеческого бытия в суфийском опыте: Дис. канд. филос. наук: 09.01.13. — Томск, — 2004.
2. Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. — СПб. –“Диля”. — 2004.

[1] Вяхерева С. Р. Диалогический характер человеческого бытия в суфийском опыте: Дис. канд. филос. наук: 09.01.13. Томск. 2004. С. 78.

[2] Мир Валаддин. Коранический суфизм. СПб. “Диля”. 2004. С. 194.

[3] Шамсутдинова Л. Ш. «Рисаляи Газиза» Тазетдина Ялчыгула: проблематика и поэтика. Казань. 2002. С. 48.

[4] Суфии. Восхождение к истине: собрание притч и афоризмов/[сост., пересказ текстов, предисл., словарь Лео Яковлевым]. М. “Эксмо”. 2006. С. 35.

[5] Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб. “Диля”. 2004. С. 15.

[6] Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика. Вопросы взаимосвязи и поэтики. Казань. Изд-во Казанского университета. 1993. С. 142.

[7] Суфии. Восхождение к истине: собрание притч и афоризмов/[сост., пересказ текстов, предисл., словарь Лео Яковлевым]. М. “Эксмо”. 2006. С. 307.

[8] Там же. С. 193.

[9] Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб. “Диля”. 2004. С. 172.

3. Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика. Вопросы взаимосвязи и поэтики. — Казань. — Изд-во Казанского университета. — 1993.
4. Мир Валаддин. Коранический суфизм.– СПб. — "Диля". — 2004.
5. Сгорающие в любви: суфийское учение с комментариями издателя Анхеля де Куатье. — СПб. — Издательский дом "Нева". — 2005.
6. Степанянц М. Т. Философские аспекты суфизма. — М. — "Наука". — 1987.
7. Суфии. Восхождение к истине: собрание притч и афоризмов. — М. — "Эксмо". — 2006.
8. Шамсутдинова Л. Ш. «Рисаляи Газиза» Тазетдина Ялчыгула: проблематика и поэтика. — Казань. — 2002.

Okolelova Olga, Michurinsk State Agrarian University
Associate Professor of Foreign Languages

Околелова Ольга Николаевна,
Мичуринский государственный аграрный университет
доцент кафедры иностранных языков

Field structure of the concept "self-esteem" in the English language

Полевая структура концепта «самооценка» в английском языке

Семантика самооценки в английском языке, по данным тезауруса Dictionary of Synonyms[1], обозначена с помощью более десяти лексем: *self-esteem, self-identity, self-assessment, self-judgment, self-image, self-appraisal, self-satisfaction, self-worth, self-regard, self-importance, self-conceit, self-centeredness*. Заметим, что весь спектр английских лексем, демонстрирующих интегральную сему «оценивание себя», подобно их эквивалентам в русском языке, представлен с наличием возвратного местоимения "self" (само-) и актуализирует взгляд на отражение собственного Я, самосознания.

Self-concept и *self-esteem* — две наиболее часто встречаемые лексемы, ярко иллюстрирующие самооценочное значение в английском языке. Обладая схожим смыслом, эти языковые единицы требуют более внимательного анализа их денотативного значения (понятийного ядра), выявления сигнификата в семантической структуре.

В толковых словарях семантика номинации *self-concept* определяется следующим образом:

Self-concept — 1) the whole set of attitudes, opinions, and cognitions that a person has of himself[2];

2) an individual's assessment of his or her status on a single trait or on many human dimensions using societal or personal norms as criteria[3].

Self-concept отождествляется с тем «набором» знаний, когниций, которыми обладает человек в связи со сложным мыслительным процессом отождествления себя, своих способностей и возможностей, статуса социальной «значимости», в соответствии с принятыми общественными или личностными нормами, критериями: "Self-concept is… the totality of a complex, organized, and dynamic system of learned beliefs, attitudes and opinions that each person holds to be true about his or her personal existence"[4]. Будучи соотнесенной в русском языке с такими дефинициями, как «самооценка», «Я-концепция», «оценка собственной личности», «представление о самом себе», лексема self-concept подчеркивает явный когнитивный, мыслительный аспект самоидентичности личности. По данным словаря Merriam-Webster[5], понятие self-concept впервые было введено в речевой обиход довольно поздно, лишь в 1925 г. и соотносится в большей степени с научной тематикой, обладает академичностью, в силу чего оно не столь частотно в разговорной речи. В подтверждение тому приведем пример интерпретации self-concept в английском языке в виде небольшого эссе:

Self-concept is what you understand about yourself. Your social characters are included in self-concept. Body image and your physical appearance are part of your self-concept also. The most important self-concept is your thinking. Self-image and self-consciousness are not the same [Btittany F.][6].

(Самооценка — это ваше представление о себе. Самооценка строится из ваших социальных особенностей. Ваш внешний образ — это также часть самооценки. Но самой важной частью самооценки является ваше мышление. Собственный воображаемый образ, образ собственного Я и самосознание — это не одно и то же. — Перевод О. Н. Околеловой*)*

Лексическая единица *self-esteem* определяется как

1) one's good opinion of one's own worth[7];

2) a) a realistic respect for a favorable impression of oneself; self-respect;

b) an inordinately or exaggeratedly impression of oneself[8];

3) a confidence and satisfaction in oneself[9];

---

[1] Webster M. Webster's New Dictionary of Synonyms. – Merriam-Webster Inc., Springfield, Massachusets, 1984.

[2] Collins English Dictionary URL:http:\\www.collisdictionary.com (дата обращения 09.12.2012).

[3] American Heritage Dictionary URL:http:\\www.ahdictionaru.com (дата обращения 09.12.2012).

[4] Purkey W. An Overview of Self-Concept Theory for Counselors. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1988.

[5] Webster M. Webster's New Dictionary of Synonyms. – Merriam-Webster Inc., Springfield, Massachusets, 1984.

[6] A Free Online Encyclopedia and Information Reference URL: http://www.reference.com (дата обращения 09.12.2012).

[7] Longman Dictionary of Contemporary English URL:http:\\www.ldoceonline.com (дата обращения 09.12.2012).

[8] www.dictionary.com (дата обращения 09.12.2012).

[9] Webster M. Webster's New Dictionary of Synonyms. – Merriam-Webster Inc., Springfield, Massachusets, 1984.

4) pride in oneself; self-respect[1].

Согласно этимологическим данным, появление номинации *self-esteem* относится к 1650-м годам, когда эта лексема активно использовалась в френологии (одной из первых псевдонаук о связи психики человека и строении поверхности его черепа). Любопытно, что словарь синонимов[2] не включает существительное *self-concept* в качестве синонимичных понятию *self-esteem*. Круг лексем, имеющих близкое лексическое значение согласно данным тезауруса, представлен такими лексическими единицами, как *self-satisfaction, self-importance, self-regard, self-centredness* и т. п. очевидно, данный факт свидетельствует о том, что номинация *self-esteem* определяется способностью использоваться в эмотивном аспекте самооценивания. Употребление лексемы *self-esteem* подразумевает наличие чувств, переживаний по поводу «ценности» собственного Я, в отличие от «рационального» *self-concept*, где коммуникант осмысливает собственную личность, не демонстрируя каких-либо эмоций по этому поводу.

Приведенные выше дефиниции позволяют семантически портретизировать понятие *self-esteem* как комбинацию следующих признаков: 1) способность формировать положительное суждение о собственной ценности, 2) самоуважение, благоприятное мнение о себе, соответствующее реальности, 3) уверенность и чувство довольства собой, 4) чувство гордости, собственного достоинства, 5) чрезмерное или преувеличенное самомнение. В русском языке лексеме *self-esteem* соответствуют такие русские детерминаты, как «*самооценка», «самоуважение», «чувство собственного достоинства», «самоутверждение», «самомнение»:*

It affords you then an inordinate amount of self-esteem [В таком случае человек проникается преувеличенным уважением к своей особе] (S. Maugham. The Moon and Sixpence).

Думается, что понятие *self-esteem* относится к частным компонентам более широкого когнитивного термина self-concept. Однако ввиду этимологического «старшинства» и более широкого употребления в речи лексемы *self-esteem* представляется справедливым говорить об этой лексеме как о ядерной в кругу рассматриваемого лексико-семантического поля. При этом нельзя отрицать тот факт, оба слова самодостаточны и, более того, рассматриваются некоторыми исследователями как взаимозаменяемые. Так, подчеркивая важность существования *self-concept* в языковом сознании англоговорящих коммуникантов, Р. Фрэнкен пишет: "There is a great deal of research which shows that the self-concept is, perhaps, the basis for all motivated behavior. It is self-concept that gives rise to possible levels, and it is possible selves that create the motivation for behavior". Развивая данную мысль, автор продолжает: "… people who have good self-esteem have a clearly differentiated self-concept. When people know themselves they can maximize outcomes because they know what they can and cannot do"[3].

Обратимся к типичным контекстам, в которых интерпретируются исследуемые понятия. В качестве источника англоязычного материала использовался канал открытого доступа www.yourdictionary.com[4]. В корпусе примеров на английском языке *self-concept* и *self-esteem* ассоциируются со следующими ситуациями:

self-concept	self-esteem
• ***Self-concept*** *of students was also lowered.* (способность к градации) • *The problem is that so many young people of ethic minorities in our schools have a* ***self-concept*** *that is very negative.* (ценностная характеристика самооценки) • *Confidence and self-esteem suggestions can further help the client form a positive* ***self-concept*** *and optimistic outlook.* (связь с мировоззрением) • *We want children to develop* ***a self-concept*** *where being a good person is important to their sense of self.* (важность позитивного отношения к себе)	• *Evidence shows that mainstream pupils gain* ***self-esteem*** *through understanding and knowing others who are less fortunate than themselves.* (самооценка посредством сравнения себя с другими) • *Project offers chance to achieve through new activities increases of* ***self-esteem****, self-confidence and social skills.* (связь самооценки с самоуверенностью и социальной коммуникацией) • *Children's* ***self-esteem*** *has been raised by a new system of rewards.* (влияние поощрения на повышение самооценки) • *Enhance* ***self-esteem****, develop skills and explore attitudes and values as well as acquire and extend knowledge.* (необходимость повышения самооценки для человека) • *Then there are tutorial discussions in which we try to build* ***self-esteem****, to develop a positive attitude.* (важность позитивного мировоззрения)

Контекстуальный анализ показывает, что ситуативное использование лексем *self-concept* и *self-esteem* в английском языке не выявляет дифференцированных случаев. Обе номинации вербализуют представление человека о себе, важности своей деятельности в социуме, что является значимым в вопросе самосовершенствования, обеспечивает личности стабильность и независимость, играет важную роль в развитии позитивного отношения к жизни. Самооценка и самосознание — неотъемлемые качества личности, без которых невозможно самоопределение в жизни. Грамотное отношение к себе ведет к гармоничности духа, неадекватное — к постоянному внутреннему конфликту.

Итак, обе лексемы — и *self-esteem*, и *self-concept* обладают свойством легкой выводимости общего значения, однако *self-esteem* более частотно в употреблении и не обладает терминологичностью, свойственной номинации *self-concept*. Данные факты дают возможность констатировать односоставность ядра лексико-семантического поля «самооценка» в английском языке, представленного лексемой *self-esteem*.

Вокруг ядерной номинации группируются лексемы, демонстрирующие наиболее приближенный к центру состав концепта «самооценка» в английском языке: *self-concept, self-image, self-attitude, self-appraisal, self-judgment, self-assessment.* Удаленные от центра лексемы выражают самооценочное значение с оттенком исключительно положительного мнения о собственной личности: *self-regard, self-worth, self-satisfaction*. Периферийная зона представлена номинациями, отображающими самооценку

[1] American Heritage Dictionary URL:http:\\www.ahdictionaru.com (дата обращения 09.12.2012).

[2] The Oxford Thesaurus Dictionary of Synonyms URL:http:\\thesaurus.com (дата обращения 09.12.2012).

[3] Franken R. Human motivation (3rd ed.) Pacific Grave, CA: Brooks\Cole Publishing Co, 1994.

[4] www.yourdictionary.com (дата обращения 09.12.2012).

как завышенное высокое мнение, граничащее с самодовольством, заносчивостью: *self-importance, self-conceit, self-centredness.* Все перечисленные лексемы объединены инвариантным семантическим значением «самооценка», рассматриваются в качестве синонимичных согласно тезаурусу Dictionary of Synonyms[1] (за исключением self-concept, речь о котором шла выше), что позволяет исследовать их в совокупности как составные элементы анализируемого нами концепта.

Рассматриваемый концепт содержит как интегральные, так и дифференциальные признаки в сопоставляемых языках. Для более полного раскрытия характера вербализации самооценки в английской и русской концептосферах следует обратимся к детальному анализу выявленных нами микрополей. Семантический признак «самомнения», «осознания себя» является конститутивным для понятийной основы концепта «самооценка». Актуальным для понимания сущности самооценки является сочетание двух признаков: осознание собственного Я и способность оценить это Я в соответствии с собственными моральными установками, а также нравственными, ценностными критериями, принятыми в обществе. Данное проявление семантики самооценки, содержащееся в микрополях «самосознание» и «самоанализ», требует детального взгляда на круг лексем, актуализирующих обозначенный понятийный признак.

Список литературы:

1. A Free Online Encyclopedia and Information Reference URL: http://www.reference.com (дата обращения 09.12.2012).
2. American Heritage Dictionary URL: http:\\www.ahdictionaru.com (дата обращения 09.12.2012).
3. Collins English Dictionary URL: http:\\www.collisdictionary.com (дата обращения 09.12.2012).
4. Franken R. Human motivation (3rd ed.) Pacific Grave, CA: Brooks\Cole Publishing Co, 1994.
5. Longman Dictionary of Contemporary English URL: http:\\www.ldoceonline.com (дата обращения 09.12.2012).
6. Purkey W. An Overview of Self-Concept Theory for Counselors. — Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1988.
7. The Oxford Thesaurus Dictionary of Synonyms URL: http:\\thesaurus.com (дата обращения 09.12.2012).
8. Webster M. Webster's New Dictionary of Synonyms. — Merriam-Webster Inc., Springfield, Massachusets, 1984.
9. www.dictionary.com (дата обращения 09.12.2012).
10. www.yourdictionary.com (дата обращения 09.12.2012).

Maya Mikhailovna Polekhina
Odintsovo Institute for the Humanities, Department of Russian language and literature
Doctor of philology, Professor
Полехина Майя Михайловна, Одинцовский гуманитарный институт,
профессор кафедры русского языка и литературы

Marina Tsvetaeva's notebooks: The experience of psychoanalytic research

Записные книжки Марины Цветаевой: опыт психоаналитического исследования

Записные книжки Цветаевой рассматриваются в статье как синкретическое жанровое образование, для которого характерно на ряду с лиризмом и исповедальностью повествования, иррационализм, риторика и публицистический характер записей. Размываются границы родовых и жанровых признаков книги: аналитические наблюдения соединяются с художественными зарисовками, внутренние монологи, диалоги, письма, стихотворения образуют сложную структуру оригинального текста. Через саморефлексию авторского повествования раскрывается глубинная, сокровенная суть личности поэта, внутренняя жизнь я-субъекта. Опыт психоаналитического исследования дает возможность увидеть особенности выражения авторского сознания в сложно организованной системе исповедально-экспрессивного повествования, синтезирующего документальное, биографическое и художественное начала в структуре оригинального цветаевского текста.

Записные книжки Цветаевой, изданные редакционной коллегией Эллис Лак в 2001 году, представляют лишь часть многотомного наследия великого поэта из неопубликованного при ее жизни. Двенадцать Записных книжек и три фрагмента из несохранившихся тетрадей не могут быть названы в строгом смысле дневником, хотя здесь также как в дневнике фиксируется дата записи и место пребывания субъекта-повествователя. В примечании к изданию Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой отмечается, что из двенадцати Записных книжек и трех фрагментов, к собственно записным книжкам относятся 2–3-4–5-10–11–14, тогда как 1–6-7–8-15 представляют собой именно дневники. И если первые отличаются фрагментарностью, необработанностью материала, то вторые, напротив, видимой стилистической обработкой[2] и определенностью жанровых характеристик. На наш взгляд, именно для Записных книжек Цветаевой в большей степени присущи четкость мысли и афористичность языка. Значимость же сохранившихся записей заключается не в описаниях лиц, событий, в ценности фактографического материала, хотя, и это очень важные свидетельства бытования поэта на земле, записные книжки Цветаевой «содержат главный урок, который одна личность может оставить другим: предельно точно записанный, не преображенный художественными задачами, голый экзистенциальный опыт»[3].

Восприятие мира поэтом в Записных книжках дается сквозь призму эмоциональной рефлексии, наблюдению и анализу подвергается все: собственная психологическая природа, отношения с другими людьми, творчество, литературные герои, представления о красоте, любви, смерти, материнстве. Обращаясь к этим записям, исследователь поддается искусу найти ответы на целый ряд вопросов: каковы пределы жертвенности художника своему делу? И кто диктует эти пределы? Каковы

[1] The Oxford Thesaurus Dictionary of Synonyms URL:http:\\thesaurus.com (дата обращения 09.12.2012).

[2] Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Примечания.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. – В 2-х томах. Т. 2 (1919–1939). Москва. 2001. С. 453.

[3] Там же. С. 6.

границы духовной близости людей? И что значит переступить эту границу? Когда начинается отчуждение? Где пределы человеческого терпения и жертвенности? Имеет ли право художник на посягание свободы и независимости любящих его людей? Во что оборачивается такая несвобода, несвобода любви? Создается ощущение соучастия в безжалостном эксперименте собственного естества Цветаевой, сознательно поставленном и проведенном через всю ее сознательную жизнь. Неслучайно Бродский называл Цветаеву кальвинисткой — человеком, который, не дожидаясь Всевышнего, совершает над собой беспощадный самосуд.

Предельно откровенно, изнутри фиксируются все важнейшие события, факты драматической истории поэта, истории трагических ошибок и прозрений, познания себя как неординарной личности. Хронология записей довольно пространна: 1913–1939 годы, более чем четверть века. Записные книжки довольно сдержаны на события и факты, но вместе с тем здесь пульсирует настоящая жизнь, с переживаниями, страстями, размышлениями и выводами.

Первые записи, датированные августом 1913 года, фиксируют самые счастливые годы жизни Цветаевой — замужество, младенчество и детство горячо любимой Ариадны, встречи с людьми, оставившими неизгладимый след в жизни поэта, последние — трагическое лето 1939 — возвращение в Россию из эмиграции, полная неизвестность, страх, отсутствие веры в будущее, тотальное одиночество. Специфика художественной структуры Записных книжек Марины Цветаевой в целом отвечает требованиям дневниковых записей. Принимая во внимание характеристику дневника, предлагаемую О. Егоровым, как «… динамическую автохарактеристику, выражающую бытие человека методом высказываний, группирующихся в устойчивый временной ряд»[1], мы склонны видеть в Записных книжках Цветаевой диффузное, синкретическое образование, для которого характерны лиризация повествования, эссеистичность и исповедальность записей.

В отличие от дневника в чистоте своего жанрового проявления Записные книжки Цветаевой отличает присутствие, наряду с синхронной системой отражения действительности, эпизодов, данных в ретроспективном ракурсе. Ярко выраженная эмоциональность, открытая авторская позиция предопределяют близость жанра Записных книжек не собственно дневнику, а дневниковой прозе. Известно, что Цветаева вела дневники, будучи еще ребенком, в период пребывания с матерью в Италии, данный факт отражен в «Воспоминаниях» сестры Марины Ивановны Анастасии. До нас эти дневниковые записи не дошли, но опять же из воспоминаний сестры известно, насколько осмысленными были зарисовки маленькой Марины, по-взрослому описывающей свою жизнь. Повод для ведения дневника, как полагают почти все многочисленные исследователи творчества Цветаевой — эгоцентризм личности, ее установка на неординарность «я-субъекта», где значимость фигуры художника была бесспорной. Большое влияние на самооценку личности и высокую планку притязаний поэта оказали Дневники Марии Башкирцевой и сама ее фигура, неслучайно и первые поэтические опыты Цветаевой были посвящены именно ей. Более того, и в дневниковых записях поэта мы не раз встречаем упоминание ее имени.

Итак, как было сказано выше, содержание Записных книжек Цветаевой определялось установкой автора на предельную откровенность самовыражения, мотивы ведения записей — особенностями характера Цветаевой — потребность личности в удовлетворении творческих притязаний, доверительное слово к молчаливому собеседнику, в конечном счете, — нравственно-этический побудитель. Эстетическая значимость художественных образов, воссозданных Цветаевой, очевидна, это отличительное качество ее письма. Если в классическом понимании в дневниковых записях как таковых эстетическая сторона образов ослаблена за счет психологических составляющих, они — лишь материал для будущих поэтических самовыражений, то у Цветаевой — иная картина. Здесь афористические формулы (о любви, материнстве, мужчинах и женщинах), самоценны: «Все мое желание любви — желание смерти»[2]. «Моя любовь — это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям»[3]. «Женщины любят не мужчин, а Любовь, мужчины не любовь, а женщин. Женщины никогда не изменяют. Мужчины — всегда»[4]. «Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо что — дыхание, как не ритм души? Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом»[5].

С тончайшим и проникновенным психологизмом представлены в книге этапы взросления маленькой Али, ее повседневность: мечты, сны, письма, первые поэтические опыты — свидетельства большого, оригинального таланта дочери. «Аля. Такого существа не было — и не будет, — признается Цветаева. — Были трехлетние гении в Музыке — в Живописи — в Поэзии — и т. д. и т. д. — но не было 3-х летнего гения — в Душе! В письмах, диалогах, снах — беззаветная, мучительная любовь маленькой Али к Марине: «В твоей душе тишина, грустность, строгость, смелость. Ты умеешь лазить по таким вершинам, по которым не может пройти ни один человек…»[6]. «Мама! Знаешь, что я тебе скажу? Ты душа стихов, ты сама длинный стих, но никто не может прочесть, что на тебе написано, ни другие, ни ты сама, — никто»[7]. «Марина! Ты не чувствуешь, как мне хочется быть тобой!» [8]. «Марина! Когда я с тобой, меня какая-то волна захлестывает»[9]. «Марина! Желаю Вам всего лучшего, что есть на свете. — Может быть: что еще есть на свете»[10], «Марина! Благодарю Вас за всю любовь, которую Вы мне дали. Спасибо за все прогулки с Вами

---

[1] Егоров О. Г. Литературный дневник. Москва. 2003. С. 6.

[2] Коркина, Е. Б., Крутикова М. Г. Предисловие.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. В 2-х томах. Т. 1 (1913–1919). Москва. 2000. С. 304.

[3] Там же. С. 305.

[4] Там же. С. 307.

[5] Там же. С. 145.

[6] Там же. С. 251.

[7] Там же. С. 263.

[8] Там же. С. 264.

[9] Там же. С. 264.

[10] Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Примечания.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. В 2-х томах. Т. 2 (1919–1939). Москва. 2001. С. 13.

за руку. За икону, книги, льва. А главное — за Вас!»[1]. И здесь же: «Марина — это Бог. Напрасно в Священном Писании пишут и думают, что Бог на Небе! Бог на Небе — это не Бог, а человек. Посмотрите, какие Марина делает чудеса: Она пишет, когда топится печка, она варит, а угли, которые падают в суп, делаются чудесными овощами. — Может ли это сделать Бог?»[2].

И далее еще более потрясающие записи семилетнего ребенка перед отправлением его в силу драматических обстоятельств в кунцевский приют: «Марина! Похожа на святого мученика. Волосы вьются, как у Ангела. Ходит, как летает снежинка! Говорит, как будто поет, как чудная птица. Поет — как не умеет петь сам Господь Бог, Иисус Христос Назарейский. Молится, как умеют молиться только Ангелы — Богу. Весела, как никто. Очень ловка»[3]. И завершает эти последние записи перед отъездом из родительского дома — признание: «Прощайте. Как чудно мне было с Вами среди Ваших книг, тетрадок. Шумит печально прощальный самовар. О, люблю Вас! Живу Вами и для Вас. Если не нужна, скажите. — Ваши блестящие шаги, ваш голос, Ваши львы. — Грустно. Завтра, завтра, а наступило роковое сегодня… Мне так хочется, чтоб Вы меня любили»[4].

Драматические события 1919 года, с военным бытом, холодом, голодом, разрухой, ощущением полной безысходности выписаны Цветаевой со всей проницательностью и беспощадной откровенностью: «Живу с Алей и Ириной (Але 6 л., Ирине 2 г. 7 мес.) в Борисоглебском пер., против двух деревьев, в чердачной комнате — бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 картофеля… Хожу и сплю в одном и том же коричневом, однажды безумно-севшем бумазейном платье, шитом весной 17-го года за глаза у Аси в Александрове. Все прожжено от падающих углей и папирос. Рукава — когда-то на резинке — свернуты в трубу и заколоты булавкой»[5].

Трагические события зимы 1919–1920 года, когда «старшую у тьмы выхватывая -/младшей не уберегла» зеркально отражаются в судьбах других персонажей ее жизненного сценария. Записи Цветаевой в какой-то степени объясняют те внутренние импульсы, которыми руководствовался поэт в своих поступках, когда принимал фатальное для ее семьи решение. Судьба Бальмонта в холодной и голодной Москве показательна: «Бальмонт — в женском, вернее, прислужьем платке — в постели — безумный холод — пар — колом — рядом блюдце с картошкой, жареной на кофейной гуще: «О, это будет позорная страница в истории Москвы! Я не говорю о себе, как о поэте, я говорю о себе, как о труженике. Я перевел Шелли, Кальдерона… Не сидел ли я с 19-ти лет над словарями вместо того, чтобы гулять и влюбляться?! — Ведь я в буквальном смысле — голодаю. Дальше остается только голодная смерть! Дураки думают, что голод — это тело, они не знают, что в тонких организациях голод — душа, сейчас же всей тяжестью падает на душу. Я угнетен, я в тоске, я не могу писать!»[6].

И как бы в противовес существующему порядку вещей и одновременно, содействуя абсурду происходящего, — диалог с Ариадной накануне ее отъезда в Кунцевский приют: «О, Марина! Знайте, вся моя душа останется здесь! Вся, вся! — Я возьму с собой только кусочек души — для тоски!»[7]. И в ответ Маринино: «Аля, понимаешь, все это игра. Ты играешь в приютскую девочку. У тебя будет стриженная голова, длинное розовое — до пят — грязное платье — и на шее номер. Ты должна была бы жить во дворце, а будешь жить в приюте. — Ты понимаешь, как это замечательно?.. Это — авантюра, это идет великая Авантюра твоего детства. — Понимаешь, Аля?»[8]. И маленькая Аля, нежное, прелестное создание, маленькая тень Цветаевой, которой, казалось бы, предназначено было блистать на балах и жить в роскошных усадьбах, вкусила всю горечь человеческой боли и страданий.

«Кунцевская эпопея», как называет ее Цветаева, потрясает своей беспощадной откровенностью: «Грязное страшное, нищенское ватное одеяло. Из под него воспаленные ярко-красные от слез Алины огромные глаза. Лихорадочное лицо, все в слезах. Бритая голова… Рядом с Алей лежит стриженая девочка, лет пяти. Все время делает под себя, неустанно стонет и мотает головой. Через кровать — два мальчика, головами врозь… Тут только замечаю мотающуюся Ирину. Грязное до нельзя розовое платье до пят, остриженная голова, худая вытянутая шея. Мотается между кроватями»[9]. Осознание ужаса всего происходящего — «воды нет, дети — за неимением теплых вещей — не гуляют, — ни врача — ни лекарств — безумная грязь — полы, как сажа — лютый холод (отопление испорчено) и … голод!»[10] и невозможность?! изменить ситуацию. Последующие записи дневника — это самоистязание, письма маленькой Ариадны, страстные, умоляющие, приоткрывают двери в сферу подсознательного: «О мама! Если бы Вы знали мою тоску. Я не могу здесь жить. Я не спала еще ни одной ночи еще. Нет покою от тоски и от Ирины. Тоска ночью и Ирина ночью. Тоска днем и Ирина днем. Марина, я в первый раз в жизни так мучаюсь. О как я мучаюсь, как я Вас люблю. Я низачто не пойду в школу. Там не то не то. Мне нужны Вы. Все время у меня тяжелая голова, и думаю, думаю, думаю об Вас… Жду Вас каждый день, каждую ночь. Вчера плакала весь вечер, страдала, сердце мое разрывалось. Марина! Лидия Константиновна разорвала Вашу книгу. О помогите: сколько нужных вещей я собираюсь Вам передать. Когда умру последнее чувство мое и слово мое при смерти будет: «Я Ваша на земле и в Царстве Небесном». Милый мой вечный друг!»[11]. И совсем отчаянное: «Мама! Я повешусь, если Вы не приедете ко мне, или мне Лидия Александровна не даст весть об Вас! Вы меня любите? Господи, как я несчастна! Из тихой тоски я перехожу в желание отомстить тому кто это сделал. О я Вас прошу, любите пожалуйста меня, или я умру самой мучительной смертью. Мариночка. Сколько раз я была

---

[1] Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Примечания.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. В 2-х томах. Т. 2 (1919–1939). Москва. 2001. С. 27.

[2] Там же. С. 26.

[3] Там же. С. 28.

[4] Там же. С. 30

[5] Там же. С. 8–9.

[6] Там же. С. 16.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 60.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 65.

полна восторга с Вами! Как я восхищалась Вами, Вашей Душой, Наружностью. Милая Марина, Милая Москва. Мариночка! Я вам посвещаю всю мою жизнь…» [1].

Великая авантюра века прошла через сотни человеческих жизней, уничтожив самых слабых и беззащитных. «Ирина! Если есть небо, ты на небе, — с горечью и болью взывала Цветаева, — пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной, непонятной сущности. — Зачем ты пришла? — Голодать — петь «Ай дуду»…, ходить по кровати, трясти решетку, качаться, слушать окрики… Иринина смерть ужасна тем, что она чистейшая случайность. (Если от голода — немножко хлеба! если от малярии — немножко хины — ах! НЕМНОЖКО ЛЮБВИ. История Ирининой жизни и смерти: На одного маленького ребенка в мире не хватило любви» [2].

Записные книжки Цветаевой — обращение прежде всего к внутреннему движению «я» личности, это непрестанная напряженная работа я-субъекта, постоянное соотнесение себя с большим и враждебным миром, в котором в тысячный раз предпринимается попытка уничтожить это самое «я». Безусловно, это записи экзистенциального характера, признания поэта, женщины, для которой вопросы любви, пола, брака, материнства являются наиважнейшими, они нередко перемежаются записями о случайных встречах, чувствах, притязаниях, о творчестве. Размываются границы между родами и жанрами собственно литературного произведения; все делается важным, значимым: аналитические наблюдения, художественные зарисовки, внутренние диалоги, монологи, письма, стихи. Здесь мы усматриваем фрагменты будущих художественных текстов, в отдельных случаях — предыстории известных произведений.

Важным жанрообразующим элементом Записных книжек является их исповедальность, установка автора на полное откровение. Здесь мы найдем много автобиографических фактов, которые войдут или вошли в ее автобиографические книги. Автор представляет себя и свои поступки во всей правдивости — в отношениях с близкими, с мужчинами, с детьми. Через саморефлексию раскрывается глубинная, сокровенная суть личности. Внутренняя жизнь я-субъекта обретает характер самопрезентации. Однако самопрезентация, в какой-то степени, всегда содержит элемент самоидеализации. Оправдан ли этот путь для Цветаевой? Можно ли предположить, что записные книжки создавались Цветаевой только для «внутреннего пользования», только для себя? Думается, что лишь отчасти. Всегда подразумевался гипотетический читатель. Здесь необходимо отметить, что исповедальный дискурс почти всегда возникает на перекрестке двух противоречивых тенденций — с одной стороны, автор стремится озвучить и освободиться. С другой стороны, — зашифровать, сделать недоступным для постороннего взгляда. Каковы же пределы искренности повествователя?

Опыт психоаналитического инструментария позволяет нам обнаружить ценные и позитивные моменты для решения целого ряда вопросов. В рамках психоаналитического дискурса личность автора Записных книжек может рассматриваться как я-субъект, остро ранимый, рефлексирующий, мучимый травмой, обретенной в детстве. Безусловно, в качестве такового фактора предстает целый комплекс: тотальное одиночество поэта, отношения любви-вражды с матерью, ее ранняя смерть, высокая планка притязаний матери к подрастающей Марине, а затем и самой Марины к своим детям. По мнению Руднева, смысл текста — это потаенная травма, пережитая автором в детстве. В контексте этого утверждения содержание дневниковых записей должно восходить к травматической ситуации и ею редуцироваться. Все это так, но в известной степени. Поэтому не будем обращаться к фрейдистским и постфрейдистским схемам в качестве универсальных средств для решения интересующих нас проблем. Нам кажется более убедительным подход А. Жолковского, который трактовал «единство поэтического мира писателя как систему инвариантных мотивов, реализующих некую излюбленную — «навязчивую» тему». Важным основанием для последующих размышлений в данном случае становится настойчивость и последовательность, с которыми автор дневниковых записок обращается к одним и тем же навязчивым темам и ситуациям [3].

А. Жолковский считал, что сосредоточенность писателя на собственных экзистенциальных проблемах придает и художественным проекциям захватывающую жизненность. Любой художественный образ или фрагмент текста потрясает нас своей силой и убедительностью прежде всего проекцией внутреннего глубинного мира его автора. В данном случае очень важным автопсихологическим персонажем записных книжек является маленькая Аля. Автопсихологическим является в данном случае герой, в структуре характера которого сокровенные начала, свойственные автору, не просто присутствуют, но и доминируют. Все существо маленькой Али — это любовь… «Ты будешь красавицей, будешь звездою… Я в тебя верю, как в свой лучший стих» [4], — писала Цветаева.

Помимо Али перед нами проходит ряд других персонажей, по-своему оттеняющих авторскую позицию. Образы писателей, поэтов даны бегло, эскизно, но вместе с тем необычайно выразительно, емко, афористично. Даже самый незначительный лаконичный штрих — отличается законченностью и характерностью мнения, оценки. Здесь проявляется и знаковая черта Цветаевой — мифологизирование личности того или другого героя ее жизненного сценария. При отсутствии развернутых психологических портретов доминантные черты этих персонажей (Сергея Эфрона, Константина Бальмонта, Анны Ахматовой, Игоря Северянина, Михаила Кузмина и др.) выписаны предельно точно и выразительно.

Способ организации повествования у Цветаевой — мозаичный. Автор заостряет внимание на сущностных вещах и деталях; здесь и отдельные фрагменты действительности, и бытовые подробности жизни, услышанная разговорная речь на улице, целые страницы будущих текстов поэта. Фрагментарность, мозаичность, калейдоскопичность записей поддерживается графическим оформлением текста — недоговоренностью, записями на французском, пробелами, вырезанными страницами.

Структура авторского сознания представляет сложное организующее начало исповедально-экспрессивного дневникового повествования. Автор Записных книжек — это субъект первично-эмпирической реальности. На фоне трагических событий

---

[1] Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Примечания.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. В 2-х томах. Т. 2 (1919–1939). Москва. 2001. С. 68.

[2] Там же. С. 86.

[3] Жолковский А. Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. – М., 1999.

[4] Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Предисловие.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. В 2-х томах. Т. 1 (1913–1919). Москва. 2000. С. 56.

русской и мировой истории предстает личность во всей сложности ее убеждений, взглядов, настроений, но, прежде всего, нравственно-этических принципов. Субъект речи в Записных книжках является и главным объектом осмысления. Говоря о структурных компонентах личности автора целесообразно учитывать опыт В. Виноградова, разработанную им систему выявления авторского образа в художественных текстах. Я-субъект включает в себя следующие компоненты: философско-мировоззренческий, социокультурный, аксиологический, прагматический, вербальный (психолингвистический), психологический. Формы авторского проявления при этом самые разные: это и комментарии отдельных событий, и характеристика персонажей, письма, сцены, диалоги, размышления. Все, что составило содержание этих записей, так или иначе, явилось подготовительным, а иногда сопутствующим материалом для новых художественных произведений поэта.

Однако нельзя игнорировать и самоценный, уникальный опыт записных книжек. Несмотря на то, что в истории науки записные книжки не признаны самостоятельным жанром литературного творчества, — это «домашняя письменность», по определению П. Бицилли, — оставленные Цветаевой записи, безусловно, важны для исследователей ее поэтического наследия, они побуждают к новым работам о большом трагическом художнике.

Список литературы:

1. Егоров О. Г. Литературный дневник. — М. — 2003.
2. Жолковский А. Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. — М. — 1999.
3. Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Предисловие.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. — В 2-х томах. — Т. 1 (1913–1919). — М. — 2000.
4. Коркина Е. Б., Крутикова М. Г. Примечания.//Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. — В 2-х томах. — Т. 2 (1919–1939). — М. — 2001.

Ravshanov Makhmood
Assoc. Prof. of Navoi State Mining Instituts. (Republic of Uzbekistan)

The history of great silk road in personalities

Ehglish-speaking historiography of the Great Silk Raod totals ten thousands names. A special place among them has monographs of English researcher Susan Wightfield.

One of her most interesting works is "Life along the Silk Road" which had been published for the first time in 1999, and in 2004 was republished with certain additions.

Susan Wightield is one of founders of the International Dun hung Project. International Dunhuang project being in the British Library in London was founded in 1994 for joint studying of artifacts of the Silk Road by means of computer technologies. The given project providing studying of heritage of Dunhuang ("Caves of thousand Buddhas"- Tsanfodun in China), united effort of scientists from the British library, the British museum, the National museum of Victoria and Albert (London, the Great Britain), Chester deatty library (Dublin, Ireland), National library of Cina, Dunhuang academy (China), Institute of Oriental studies (St. — Petersburg, Russia), the Museum (New Dehli, India), University Rjukoku (Kyoto, Japan), the State library of the Berlin — Brandenburg academy of humanities (Berlin, Germany), National library, Museum of Gime (Paris, France), the National museum of ethnography, Fund of Seven Gedin (Stockholm, Sweden), galleries of arts, Institute of Smithson (Washington), University of California (Los Angeles), Morgan's Libraries (New York, USA).

At Susan Wight field's active participation more than 50 thousand manuscripts from Dunhuang (the latest are of XI century) were placed in Internet. Thus, wide access of world scientific community to hand — written treasures of the Great Silk Road has been provided.

Susan Wight field is an author, translator and editor-in-chief of the following books, devoted to histories of China, Central Asia and Grit Silk Road: "Legend of the Chinese Zodiac", "Dunhuang and Turfan: contents and preservation of an antiquity", "Documents of the Central Asia", "Literary societies of China", "Country inside of pass; History of Hajani", "Chinese textile design", "Aurel Stein and the Silk Road", "Silk Road: trade, travel, war and belief", " Counterfeit manuscripts of Dunhuang", " gave palaces of Dunhuang".

The Book of the English researcher "Life along the Silk Road" does not apply for exhaustive of the trading line, but regarding as of paramount importance to images and characters of real or invented characters, nevertheless she researches in details the processes of political, social, economic and cultural character proceeded on eastern part of the Silk Road between 750–1000 ss.

The Basic part of the book consists of ten stories. The hero or the heroine of the story is typical to that period and scenes of action — the Silk Road.

The stories are told on behalf of a merchant ("The Merchant's Tale"), soldier (The Soldier's Tale"0, horseman — nomad ("The Horseman's Tale"), princesses ("The Princess's Tale"), monk ("The Monk's Tale"), courtesan ("The Courtesan's Tale"), nuns ("The Nun's Tale"), widows (The Widow's Tale"), official ("The Official's Tale"), and artist (The Artist's Tale").

Princess, artist, official, widow and nun are real historical figures.

The Monograph, action of which happens in Samarqand, Penszhikent, Dunhuang, Chach, Tibet, Miran, Hotan, Changang, etc., took laborious work on the sources (Chinese, Turkic, Sogdian) and analysis of big file of scientific works of the Chinese, English, French, Japanese, German, Russian, Indian and American scientists. Susan Wight fiel writes:

"Primary sources for this book became manuscripts from ancient oases — cities and Buddhist sites of ancient settlement along the Silk Road. The greatest part of them, more than 40 thousand is made with manuscripts from Dunhuang in a province of Gansu".

The Book "Life along the Silk Road" is richly illustrated. There were illustrated as color photos of wall paintings of Dunhuang, frescos, samples of silk fabrics, ceroplastics and clothes, as well as black-and-white illustration of Buddha, archeological excavations, and various figures (reconstruction of palaces, temples, rich women hair dresses; element of Sogdian dance, sasanidian things, map of the Silk road, etc).

Epigraph to all 10 stories, verses, songs, and fragments from prays accompanying a narration is unusually beautifully selected in the book.

So, in the first story about sogdian merchant Nansjvandak (733–751) following fragment from product of Huang Tsziang "Buddhist notes about Western world" (646) was taken as an epigraph:

"The Country Samarqand is about 500 miles in a circle and reaches from the east to west more, than from the south. The capital, being 6 miles in a circle, is completely fenced, landscape is hilly and there are a lot of people.

Precious good many foreign countries are kept here. Earth is rich and productive, crops give a plentiful harvest. Wood trees give dense vegetation, flowers and fruits are plentiful. Horses are bred here. Inhabitants are skilled in art and trade in surpluses with other countries. Climate and temperature is pleasant, people is brave and vigorous".

In the same chapter trading ways from Samarqand to China are described, it is about mutual relations with Sasanidian Iran, about Sogdiana, Bactria, Chach, valley of Zarafshan, about feature of trade, goods taken out of Samarqand to China and imported there.

In the book descriptions of palaces and houses of the notable townspeople of Samarqand and Pendzhikent, their way of life, religious beliefs of sogdian people, cultural life of Sogd, interference of cultures on the Creat Silk Road, interaction with nomadic people are brought.

So. In the chapter "Story of the nomad' Western and east Turkic kaganats, Turk and Uygur, influence of nomads on trade on the Silk Road in narrated.

"17tunes of the western flute" of Chinese princess Veng (III century) was a forword to "Story of Princesses":

"I have left my fine country — China,
And was taken away to nomadic camp.
My dress is rough felt and wool,
How climate and customs are differ
China and the country of nomads".

"The story of the nun"crowns with a fragment from a pray of well-known "Diamond Sutra".

This part of the book is especially interesting, that its heroine — a nun Majofu (880–961) is a real historical person, attendant of Buddha Amitabha in Dunhuang.

Dunhuang widow A-Lang (888–947) is also a real character. In her story there are following verses showing richness of inhabitants of Dunhuang, who did business:

" Gold and silver fill my chests year after year,
Wheat and rice fill my barns with each harvesting.
The Chinese slaves look after my treasures,
Foreign slaves look after my herds,
…Strong slaves on fields
Beautiful slaves play on harps and fill my bowl with wine,
Slave-women with slender waists sing and dance, hold candles above my couch".

In the conclusion the summary table of ruling dynasties of the first century in Europe, Byzantium, China, Arabs, Turks and Uygurs is brought.

The Book of Susan Whitefield "about time and life of the great cultural road" has received a number of complementary responses of oriental — scientists and periodicals. So, in particular "Sunday Times' wrote; "In the first millennium merchants, missionaries, monks and military men traveled on extensive network of Central Asian roads, known to us as the Silk Road. The author through life stories of10 its inhabitants show the history of this road. "South China Morning Post' considered the book — as a fine find and treasury.

It is thought, that it becomes a valuable acquisition to the Uzbek reader too.

References:

1. Whitfield Susan. Life along the Silk Road. — London; John Murray. 2004.
2. Rtveladze Edvard. The Great Silk Road. Tashkent. 1999.
3. History of Uzbekistan. Tashkent, 1996. volume 1

Radchenko Marina Vasilievna,
University of Zadar (Croatia), associate Professor of the Khroatistic Department and Slavic studies
Радченко Марина Васильевна, Задарский университет (Хорватия),
доцент отделения кроатистики и славистики

Language game in the advertising text (on the material of Russian and Croatian languages)

Языковая игра в рекламном тексте (на материале русского и хорватского языков)

Среди функций рекламы прежде всего выделяется прагматическая функция, которая заключается в возбуждении интереса к товару или услуге и побуждении адресата к определенным действиям. Для языка рекламы характерно использование разнообразных средств воздействия на потенциального потребителя, при этом может происходить и нарушение языковой нормы с целью усиления экспрессивности рекламного текста. Следует отметить, что язык рекламы давно привлекает внимание российских лингвистов, а в настоящее время существует немало исследований, посвященных проблеме манипулирования языком рекламного текста в игровых целях (см. работы Т. А. Гридиной, С. В. Ильясовой, Л. П. Амири, Е. Б. Кургановой и др.), в то время как в хорватской лингвистике игровые приемы, использующиеся при создании рекламных текстов, изучены еще недостаточно.

В настоящей работе проводится сопоставительный анализ наиболее распространенных приемов языковой игры в российской и хорватской рекламе, а также выявляются некоторые особенности реализации различных игровых приемов в двух

родственных славянских языках. Под языковой игрой в рекламе понимается «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с определенной материальной целью — продажей рекламируемого товара или услуги»[1].

Источниками фактического материала являются рекламные тексты, опубликованные в газетах, журналах, рекламных каталогах на русском и хорватском языках, а также наружная реклама (вывески, афиши, названия предприятий сферы услуг и под.).

В обоих исследуемых языках выделяется несколько разновидностей языковой игры.

1. Фонетическая языковая игра.

Данный вид языковой игры может базироваться на подражании манере произношения в речи людей, ср.: *RED BULL окрыл**ЯЯЯ**ет* и *RED BULL daje ti kr**iii**la!* (реклама энергетического напитка «RED BULL»).

В рекламном тексте может быть использовано звукоподражание определенным звукам, связанным с рекламируемым товаром. Так, в хорватской рекламе препарата «Эффералган УПСА» обыгрывается звук шипения, возникающий при растворении таблетки: *Efikasno uti**ššš**šajte sve simptome gripe i prehlade*.

И в русской и в хорватской рекламе могут использоваться звуки, издаваемые каким-либо животным, а рекламный текст сопровождает изображение данного животного, ср.: ***Мя-я-я-у**-гкая мебель!* (реклама мягкой мебели) и ***BEEE**z brige!* (реклама изделий из овечьей шерсти).

В обоих языках встречаются примеры фонетической игры, созданной на основе частичного совпадения звучания названия рекламируемого товара и какого-либо слова или нескольких слов в рекламном тексте: *Отличи «**Живова**» от не**живого*** (реклама пива «Живов»), ***ВОТ КА**К НАДО!* (реклама водки «Сретенка» — при произнесении рекламного текста происходит слияние первых двух слов и совпадение по звучанию с существительным *водка*), ***TOMMY — ТО МІ** TREBA!* (реклама универсама «Tommy» — сочетание слов *to* и *mi* созвучно названию универсама).

2. Графическая языковая игра.

Игра с графической формой слова подразумевает выделение какого-либо сегмента в узуальном слове при помощи шрифта, цвета, знаков препинания, параграфемных элементов. Российские лигнвисты говорят о явлении псевдомотивации, псевдочленения, псевдовосстановления производящей основы — «графического выделения в структуре слова сегмента, образующего окказиональный фоносемант (слова, тождественного по звуковому составу, но отличающегося от узуального коррелята оттенком значения или наличием ситуативно мотивирующего плана восприятия смысла)» [2].

Одним из самых распространенных видов графической игры в российской рекламе является псевдочленение с помощью шрифтового выделения определенного сегмента, совпадающего с узуальным словом, обозначающим рекламируемый товар или услугу: *Покупая подарки в МЕГЕ, получи свой подаро**ЧЕК**. Про**ЧЕК**ай свой подаро**ЧЕК*** (слоган лотереи среди покупателей в торговом центре «МЕГА»), *Любовь не слу**ЧАЙ**на* (реклама чая «Принцесса Нури»), ***ПРИЗ**нанный чай* (лозунг промоакции с розыгрышем призов). Активно употребляется псевдочленение с графическим выделением аббревиатур: ***ТВ**оё сокровище по сказочной цене* (лозунг рекламной кампании цифрового телевидения «СТРИМ» в Москве, с экрана улыбается девушка в пиратской треуголке из «Острова сокровищ»); *у**ГОСТ**и себя настоящим* (реклама *Сергиево-Посадского мясокомбината, цель которой — убедить потенциального покупателя в том, что при производстве продукции* предприятие строго придерживается ГОСТа).

По нашим наблюдениям, в рекламных текстах на хорватском языке неузуальное чередование строчных и прописных букв встречается реже, чем в русскоязычной рекламе. Приведем несколько примеров: *Po**Š**tedite se brige o novcu*! (реклама банка; *poštedite se brige* — ‘избавьте себя от забот’, *štedite* — ‘храните деньги в банке’), *Dorinu **KONZUM**iraj i cijelu godinu profitiraj!* (реклама скидок на шоколад «Dorina» в универсамах «Konzum»), *Vaša dnevna doza **OBJEKTIV**nosti* (реклама политического журнала **«Objektiv»).** В хорватской рекламе выделенная часть слова может совпадать с иноязычной лексемой: *DM dam**SKI** kup 2011.* (реклама горнолыжных состязаний, *ski* — англ. ‘лыжа’). Возможно и псевдочленение на базе нескольких слов в предложении: ***MAKSI**malan **MIR** u centru Zagreba* (реклама жилого комплекса «Maksimir» в Загребе), *e**M** su čokoladni, e**M** su u boji!* (реклама конфет M&M — название рекламируемого продукта выделено не только шрифтом, но и цветом).

Исследуемый материал содержит примеры нестандартного использования знаков препинания как особого приема псевдочленения: *Во! логодская во! дка «Застолье». Во!* (выделяется частица *во*, в восклицательном предложении выражающая высокую оценку называемого, обозначаемого). *UP! LOVI U SVOJ TAJANSTVENI SVIJET! UP! OZNAJ SVOG DOBROG ANĐELA! UP! ALI VATRU U SEBI!* (реклама автомобиля Volkswagen up!). Неморфемный сегмент *up*, выделяемый в узуальных хорватских глаголах, которые употребляются в рекламном тексте в форме повелительного наклонения (*uplovi, upoznaj, upali*), совпадает в написании с названием рекламируемой модели автомобиля. Следует отметить, что в данном примере использован прием экскламации в сочетании с цветовой графиксацией: неморфемный сегмент *up* выделяется в узуальной лексеме при помощи восклицательного знака и особого цвета графем.

В текстах хорватской рекламы широко распространен прием парентезиса (заключение части слова в скобки), при помощи которого осуществляется передача максимального количества информации в минимальном объеме текста: *Moj jesenski dan za **s (t)an*** **(реклама ипотечного кредита;** *stan* **— ‘квартира’,** *san* **— ‘мечта’),** *Budi **Zdrav (k)a*** (социальная реклама; «*Zdravka*» — **Хорватская ассоциация по борьбе с женскими онкологическими заболеваниями,** *zdrava* **— ‘здоровая’**), *Tu sam **(o)siguran*** **(реклама страховой компании «Kvarner»;** *osiguran* **— ‘застрахован’,** *siguran* **— ‘безопасный, надежный, уверенный’). Следует упомянуть и прием г**рафоморфоактуализации (нетрадиционное разделение слова при помощи пробелов на сегменты, совпадающие с узуальными лексемами): *INOVACIJA. **I NOVAC I JA*** (реклама новых банковских услуг; *inovacija* — ‘инновация’, *i novac i ja* — ‘и деньги и я’).

---

[1] Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. «Флинта». 2009. С. 36.

[2] Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург. 1996. С. 119.

В обоих языках представлены примеры кодографиксации — замены букв параграфемными элементами (цифрами, денежными символами и под.): *Позвоните, мы поможем* ***$****колотить и при****¥****множить* (реклама компании, осуществляющей торговые операции на финансовом рынке; *c* >*$*, *y* > *¥*), *MJ****€****NJAČNICA* **(пункт обмена валюты;** *E* > *€***),** *Internet cent****@****r* **(а** > *@***).**

В российской рекламе активно употребляется прием графогибридизации[1], т. е. оформления слов с помощью графических средств разных языков (игра с латиницей): ***DOZA****правься!* **(реклама энергетических коктейлей «Doza»),** *Весенний* ***AVITO****миноз на AVITO.ru* (слоган весенней кампании по активизации продаж и покупок), *Lada* ***PRI****ora.* ***PRI****ми решение!* ***PRI****ёмистый двигатель.* ***PRI****ятное исполнение.* ***PRI****емлемая цена* **(в данном примере наряду с графической игрой используется также фонетический прием — паронимическая аттракция).**

В хорватском языке к гибридным дериватам могут быть отнесены окказионализмы, в составе которых под влиянием английского языка появляются графемы *q*, *w*, *x* **и** *y*, **не употребляющиеся в исконно хорватских словах:** ***Y****ESEN u Zagrebu* **(реклама** международного культурного фестиваля, **ср. хорв.** *jesen* — ‘осень’**).** Характерной для хорватского языка разновидностью фонетико-графической игры является иноязычное (чаще всего — английское) написание части слова на основе сходства по звучанию: *KUŽI****SH*** **(название закусочной, хорв.** *kužiš***),** *pod****ROOM*** **(название кафе; ср. хорв.** *podrum* **— ‘подвал’ и англ.** *room* **— ‘комната’). Последний пример можно рассматривать как контаминацию с графическим выделением.**

3. Морфологическая языковая игра.

В обоих языках одним из самых распространенных приемов данного вида языковой игры является образование окказиональных степеней сравнения от относительных прилагательных. Например, образование окказиональной сравнительной степени: ***Лимоннее*** *лимонов!* (реклама средства для мытья посуды «Fairy» с лимоном), *2 puta* ***pandastičnije*** (реклама фильма «Кунг-фу Панда 2»). В последнем примере окказиональная степень сравнения образуется от окказионального прилагательного *pandastičan*, мотивированного узуальным существительным *panda*, т. е. происходит совмещение двух приемов языковой игры — словообразовательной и морфологической.

Возможно образование и окказиональной превосходной степени сравнения относительного прилагательного: ***Самый французский*** *поцелуй!* (реклама помады «Pour la vie» от «Буржуа Париж»), ***NAJ-Božićniji*** *sajam* (реклама рождественской ярмарки в Загребе, ср. узуальное прилагательное *božićni* **— ‘**рождественский**’**). В последнем примере морфологическая языковая игра сочетается с графической (выделение приставки при помощи прописных букв и использование приема дефисации).

4. Словообразовательная языковая игра.

Словообразовательная игра в текстах российской и хорватской рекламы представлена окказиональными инновациями. Широко распространены окказиональные глаголы, мотивированные именем рекламируемого продукта: *Не тормози.* ***Сникерсни****!* (реклама шоколадного батончика «Сникерс»), ***Studenizirajte se*** *uz studena funkcionalne vode* (реклама воды «Studena»), ***DINERSIRAJ!*** (реклама банковской *карты Diners* Club).

Среди неузуальных способов словообразования, используемых в обоих языках, следует упомянуть контаминацию[2]. Использование данного словообразовательного приема приводит к тому, что в результате соединения двух узуальных слов возникает окказиональное новообразование, отличающееся образностью, выразительностью и многоплановым смыслом, ср.: *Что такое ХО****PACO?*** (хорошо + РАСО — *страховая* компания*),* ***Olić****an internet! Najbrži u Hrvatskoj* (odličan ‘отличный’+ Olić — фамилия хорватского футболиста, рекламирующего услугу доступа в Интернет).

В рекламных текстах контаминация нередко сопровождается графическим выделением сегмента в окказиональном новообразовании: ***АББА****солютно солнечный мюзикл!* (абсолютно + АББА) — реклама мюзикла «MAMMA MIA!», основанного на песнях группы «АББА»; *Ponuda u koju sam se zalju****BILLA****!* (zaljubila se + Billa) — реклама скидок в универсаме «Billa».

При создании контаминаций широко используются иноязычные лексемы, сохраняющие исконное написание, а также параграфемные элементы: *Жемчужина э****volvo****люции* (эволюция + VOLVO), *Почувствуй вибрацию вече****GREEN****ки* (вечеринка + GREEN), *На****100%****ящая вода* (настоящая + 100%); ***Effie****kasnost u marketingu* (efikasnost + Effie), ***bauMax****imalna nagrada!* (maksimalna + bauMax).

5. Игра с прецедентными феноменами.

Прецедентный феномен в работах российских исследователей понимается как «феномен первичного образца, поставленного для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был»[3]. Использование трансформированной прецедентной единицы дает автору рекламного текста возможность вовлечь потребителя в игру, вызвать у него положительные эмоции, улучшить запоминание рекламируемого товара. В рекламных текстах нередко обыгрываются цитаты, устойчивые обороты, названия различных произведений. Чаще всего один из компонентов в прецедентном тексте заменяется на слово, передающее информацию о рекламируемом товаре или услуге: *Держи формат шире* (девиз, анонсирующий новый увеличенный формат журнала «Секрет фирмы»), ср.: фразеологизм «Держи карман шире»; *Бережёного банк бережёт*, (слоган-название вклада «со страховкой в подарок», Кредит Европа Банк), ср.: пословица «Бережёного Бог бережёт»; *Большой кредит для маленькой, маленькой такой компании…*, (девиз кредитных программ для малого бизнеса, НОМОС-БАНК), ср.: песня из мультфильма «Большой секрет для маленькой компании»; *Svi putevi vode k Žuji* (реклама пива «Ožujsko»), **ср.:** фразеологизм **«Svi putevi vode u Rim»;** *Ljubav na prvi i na sto tisuća prvi pogled* (реклама окон), ср.: фразеологизм «Ljubav na prvi pogled»; *Skijaj se do kraja!* (реклама горнолыжных туров), ср.: кинофильм «*Skidajte se do kraja*» *(англ. «*The Full Monty»); *Obrij muški!* (реклама средств для бритья «Nivea»), ср.: кинофильм «*Umri muški*» *(англ. «*Die Hard») и под.

С целью привлечения внимания потенциального покупателя используются различные структурные и семантические трансформции прецедентного феномена: *Я всегда в своей тарелке* (реклама AmEx), ср.: фразеологизм «Быть не в своей та-

---

[1] Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М. 2007. С. 231.

[2] Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М. 1992. С. 192.

[3] Ковалев Г. Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе. Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». Воронеж. 2004. № 1. С. 158.

релке»; *Imamo sve daske koje Vam fale* **(реклама спортивного магазина), ср.:** фразеологизм **«Fali mu daska u glavi» (русский эквивалент — «винтиков в голове не хватает у кого-либо») —** в рекламном тексте существительное *daska* 'доска' употребляется в переносном значении — 'специальная доска для занятий серфингом'. Таким образом, игровой эффект создается не только в результате изменения структуры исходного фразеологического оборота, но также и за счет обыгрывания многозначности языковой единицы.

В заключение отметим, что игровые рекламные тексты в обоих исследуемых языках являются эффективным средством привлечения внимания и воздействия на сознание потенциального покупателя. Проведенный анализ фактического материала показывает, что в текстах российской и хорватской рекламы используются, как правило, аналогичные приемы языковой игры: фонетические, графические, морфологические, словообразовательные, обыгрывание многозначности, омонимии, прецедентных феноменов и др. Различия, главным образом, проявляются при реализации игровых приемов на уровне графики: в российской рекламе особенно широко распространено шрифтовое выделение, а в хорватской — нестандартное использование скобок. **В обоих языках возможно одновременное использование нескольких приемов** языковой игры**, приводящее к усилению экспрессивности рекламного текста.**

Список литературы:

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург. — 1996.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. — М. — «Наука». — 1992.
3. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. — М. — «Флинта». — 2009.
4. Ковалев Г. Ф. Имя собственное как прецедент в рекламе. Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — Воронеж. — 2004. — № 1. С. 158–164.
5. Курганова Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте. Учебное пособие. — Воронеж. — 2004.
6. Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX — начала XXI в. Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. — М. — 2007. С. 230–231.

Samigova Khushnuda Botirovna, The Uzbek State World Languages University
Doctoral student, teacher of English in the translation theory and practice department

Importance of affection, respect, praise in English rhetoric

Nowadays there are so many linguistic problems in English. One of them is the role of affection, respect and praise in English rhetoric. Many scientists worked at the topic "rhetoric", but the importance of affection, respect and praise in English rhetoric has not still widely conducted by them. The aim of this article is to show the importance of these terms in English rhetoric. The following introductory article in detailed will help students to appreciate the art of *RHETORIC,* thereby prompting their motivation and interest in the practical learning of English.

First of all we would like to give a definition to the term *rhetoric*. As we know different sources give various definitions to this term. According to the English dictionaries *rhetoric* is: 1) the art of using words effectively in speaking or writing, skill in the effective use of speech; 2) public speaking designed to persuade; 3) showy, bombastic language; 4) artificial eloquence, language that is showy and elaborate but largely empty of clear ideas or sincere motion; 5) the art of swaying an audience by eloquent speech; 6) it can also involve the study of writing or speaking as a means of communication of persuasion[1].

Rhetoric probably developed along with democracy in Syracuse in the 5th century BC, when dispossessed landowners argued claims before their fellow citizens. Shrewd speakers sought help from teachers of oratory, called rhetors. This use of language was of interest of philosophers such as Plato and Aristotle because the oratorical arguments called into questions the relationships among languages, truth and morality[2].

Nowadays rhetoric exists in all branches of life: in politics, in court and educational system and others. That means it exists almost in all types of speech: monologues, dialogues, disputes, educational speech and ets. This article is devoted to conduct the rhetoric in every day use, in dialogues. Every day we speak, talk, conduct, cooperate with many people. These types of conversations are based on every day dialogues. During our conversation we may agree or disagree with the opinions of the people we talk. Sometimes they do not agree with our ideas, they may not follow our advice. The reason of it may be that many of us have no real idea, knowledge how to speak effectively, how to persuade people to do whatever we want, how politely to make them agree with our options, ideas, how to choose the effective word and phrases. The knowledge of rhetoric is the right thing to solve the problem.

As we know dialogue is the talk between two and more people. Dialogue can be formal and informal. In dialogue there are usually two sides: a listener and a speaker. In rhetoric the speaker is called rhetor. Rhetor is a person skilled in rhetoric, a teacher of rhetoric, a person who writes or speaks in a rhetorical, snowy, elaborate manner[3]. In rhetoric the speaker should use the words effectively, should be able to persuade his/her listeners to follow his/her ideas, to support them. The main task of the rhetor is to affect people with his positive ideas, ambitions, intentions that will bring to the society profits. As our research showed in dialogues any person can be rhetor

[1] William D. Halsey School Dictionary. NY. "Macmillan Publishing Co. Inc". P. 782; Webster's II New Riverside Desk Dictionary for Home, School, Office. Boston, NY. Houghton. "Muffin Company". 1988. P. 360; Webster's New World Dictionary of American English. Third College Edition. NY, USA. " Webster's New World". 1989. P.1151; Collins Co build English Language Dictionary. Glasgow, "Harper Collins Publishers". 1992. P. 1245; Webster's Third New International Dictionary of English language. Unabridged. USA. "Merriam Webster Inc. Publishers. 1986. P. 1120.

[2] Britannica Concise Encyclopedia. USA. "Encyclopedia Britannica". 2003. P. 1575.

[3] Webster's New World Dictionary of American English. Third College Edition. NY, USA. "Webster's New World". 1989. P. 1151.

and speak affectively, even children. Rhetor is a person who always has some ideas to realize and he reaches his aim using his eloquent tongue. For example, he/she wants his/her friend to accompany him/her to the cinema tonight or elder son to wash his/her car or colleague to help with the company's work and ets. But the listeners may be not so fancy of doing these functions. Here the rhetor should use the linguistic, verbal and non-verbal strategy to persuade them in this action. One of these strategies in persuading people to do some work is using words with meaning of *affection, respect* and *praise*. Here we should clarify the definitions of these terms.

Affection" is a moderate feeling or emotion, tender attachment, fondness, the action of affecting, kindly feeling and love, word or phrase used to address a person or animal for which the speaker feels love or affection… it is used for a variety of reasons, such as parents addressing their children and lovers addressing to each other, addressing to a person affectionately, an expression of personal feeling of love or caress to people, animals, thing that you love and respect. Affection may be expressed with words, phrases, facial expressions, with a help of touching on one's head, patting him or her with love and care. The words *baby, boy, dear, angel, dearest, dear boy, dear girl, friend, honey kid, love, lovely, sweet, sweatheart, sweets, my precious, my dear son, my dear daughter, my dear sweet, sweetheart* are widely used in expressing affection. These given words and expressions help rhetor to realize his intentions.

Othello: *Went he hence now?*
Desdemona: *Ay, sooth; so humbled*
That he hath left part of his grief with me,
To suffer with him. ***Good love****, call him back*
Othello: *Not now, sweet Desdemona****;*** *some other time.*
Desdemona: *But shall't be shortly?*
Othello: *The sooner, sweet, for you…* [1]

Ex.: *Mother: "Good morning,* ***dear!*** *Wake up! Breakfast is ready. Get up! Let's have tea!" But Jimmy the Carrot is too lazy to move. He shuts his eyes again and says: "I won't!" Then mother comes up to his bed and* ***softly touches his head:*** *"Are you well,* ***darling?"*** *She asks. "I am." Jimmy says. Than he stand and goes to wash* [2].

In this example Desdemona and mother using the words with the meaning of affection made their listeners do some action. So using linguistic strategy they realized their intention.

Here we would like to give the definition of the word *respect:* It is honour; high opinion or regard, esteem for a person or quality, consideration, particular attention, regards, polite greetings, as well as it is high and special regard[3]. In English exist the following phrases in addressing to a person respectfully: *Mr., Mrs., or Miss* (to a single girl) + the addressee's name or surname: " ***Mr. Jones***, *I`d like to talk to you.*" They use the word ***Madam*** to women respectfully: "*Can you tell me the way to the station,* ***madam?"*** To men they apply with the word *Sir.* This word is not followed by full name. But applying to the group of people they use the phrase ***ladies and gentlemen***. To the king and queen — ***Your majesty, Your Royal Highness*** and others are appropriate way to apply with respect. The phrase ***Your Grace*** is used to dukes. These given words and expressions also help rhetor to effect to his listeners in doing some action. Ex:

Pound: ***Miss*** *Matthews!* ***Would you come*** *in a moment****, please.***
Miss Matthews: Yes, Mr. Pound[4].

The last term "*praise*" is showing only positive sides of somebody or something, speaking with approval, saying that one admires, giving honor and glory, an expression of approval, expressing one's point of view stressing at the positive sides of something or showing the good features of an action done by somebody. Even in ancient times for effective negotiation the kings praised their alliances' done work.

Here with praising or making compliment the speaker will greatly affect on his/her listener. Before coming to the point he/she may praise the listeners' done work, present situation and make compliment and ets. Ex:

"Oh, please let him stay. He is an ***awfully good dog,"*** *begged Penny. Mrs. Sonchek nodded* [5].

In this example a boy named Penny asks Mrs. Sonchek to let him take a dog that was lost. He asks her several times to let and he praises the dog to her. At last she agrees. So the boy as rhetor makes Mrs. Sonchek agree with him.

Above given all three terms are very important in rhetoric. As the task of rhetor is to assure his listener he should use some strategies to follow his listener after him.

In addition we would like to say that according to Thomas L. Tedford [6] and Jeremy Comfort's opinion the words and phrases as *however, therefore, accordingly, consequently, as a result, for example, furthermore, in addition to, for instance, to illustrate, finally*, *let me explain, there is one final point, let me define, with this facts in mind, the time has come to ask, what can you do to help?* as well as the words with meaning of thanking**,** offering, welcoming**,** inviting will also make the speech more effective and eloquent.

In conclusion we can say that in rhetoric the role of the words expressing affection, respect and praise is very important. These three terms have their peculiarities in making the speech more eloquent and effective. Thus analysis in linguistics will help the learners and researchers of English in Asian countries to choose the right words and phrases in expressing their opinions effectively and eloquent. It will familiarize students of English as a foreign language with efficient communication, focusing primarily on the development of speaking proficiency. To achieve this goal of learning on the part of students, the article will partially help to review practical syntactic structures, semantic functions, lexical study, as well as discourse analysis. Through this measure, students will learn to appreciate the art of interpersonal communication through English, as well as logical presentation through speaking. Conducting these kinds of problems of linguistics will help us to understand more the national and cultural peculiarities of the English language and speech culture.

---

[1] Shakespeare. W. Othello (The Moor of Venice). Moscow. "Издательское товарищество иностранных рабочих". 1936. P. 63.

[2] Schulte B. English for children. Bishkek. "Turkistan". 2005. P. 207.

[3] Oxford Learners Dictionary of Current English. Oxford. "Oxford University Press". 1974. P.720; Merriam Webster's Collegiate Dictionary. Eleventh Edition. Massachusetts, USA. "Incorporated Springfield". 2003. P.1061.

[4] James K., Millen L. Inspector Thackeray investigates. England. "Longman". 1974. P. 19.

[5] Clearly B. Rubsy. New York. "Pocket Books". 1964. P. 19.

[6] Thomas L. Tedford. Public Speaking in a free Society. USA,"McGraw-Hill". 1991. P. 212; J. Comfort. Effective socializing. Oxford. "Oxford University Press". 1997. P.34.

Satiukova Elena Gennadievna, Astrakhan State University,
Assistant Professor of English for economic specialties

Сатюкова Елена Геннадиевна, Астраханский государственный университет,
ассистент кафедры английского языка для экономических специальностей

English national character in the interpretation of Graham Swift (on the material of the novel "Waterland")

Английский национальный характер в интерпретации Грэма Свифта (на материале романа «Водоземье»)

Одним из важнейших аспектов изучения характера в литературоведении является проблема национального характера. Е. С. Пургина предлагает понимать национальный характер как «сложную, иерархически организованную и целостную систему психологических черт и особенностей поведения, свойственных конкретной нации, выполняющую целый ряд важных социокультурных функций»[1]. Чтобы понять национальный характер народа, необходимо изучать его историю, географию, общественный строй и культуру.

В романе современного английского прозаика Грэма Свифта «Водоземье» (1983) английский национальный характер получил воплощение в целой галерее ярких художественных образов.

Уникальный национальный характер англичан, по мнению Г. Свифта, сформирован географией, историей, культурой. Человек есть часть природы и подчиняется её ритмам и течениям. В этом смысле он ничем не отличается от воды и от других видов физической материи. Природа лепит его характер.

В романе «Водоземье» представлены два основных типа англичанина — флегматик (вялый, медлительный, привязанный к традициям, консервативный, спокойный) и сангвиник (энергичный, деятельный, жизнерадостный новатор, революционер). Они воплощены в представителях двух семейств — Криков, живущих на воде и водой, и пивоваров Аткинсонов, уверенных, что одной водой жить человек не может, и видящих в пиве единственную возможность победить флегму местных жителей («the Cricks emerged from water, the Atkinsons emerged from beer»[2] — «в то время как Крики взросли из воды, Аткинсоны взросли из пива»)[3].

По мнению Г. Свифта, преобладание флегмы способствует развитию таких положительных черт национального английского характера, как stolidity (уравновешенность), sobriety (трезвость), patience (терпение), level-headedness (хладнокровие), calm (спокойствие), но может также сформировать и их негативные разновидности, к которым относятся indolence (вялость), dullness (тупость), fatalism (фатализм), indifference (безразличие), stupor (ступор).

Описывая флегму как двусмысленную субстанцию, враждебную всяческому возбуждению и вдохновению, автор романа отмечает и её незаметную, но кропотливую работу на благо организма: «When fire breaks out in the body (or in the soul) phlegm rushes to the scene. It tackles emergencies. When all is quiet it does maintenance work on drains and hydrants»[4] («Когда в человеческом теле (или в душе) возгорается пламя, на помощь спешит флегма. Она старается уладить неполадки. А когда всё тихо, занята повседневным трудом по дренажу и откачке»)[5]. Дренаж и откачка воды, как говорится в романе, испокон веков являлись неотъемлемой частью жизни фенменов, чуть ли не важнейшим их занятием. Г. Свифт видит проявление закона единства природы в том, что в человеческой душе происходят те же процессы, что и в мире природы, она подчиняется тем же естественным законам. Флегме Г. Свифт придаёт значение основной субстанции, влияющей на темперамент англичан — как правило, флегматический или меланхолический. На близость этих двух типов темперамента Г. Свифт указывает, говоря о флегме: «It resists the sanguine and the choleric and inclines towards melancholy»[6] («Сангвиник и холерик ей антипатичны, она наклонна к меланхолии»)[7]. Примером флегматичных англичан в романе является семья Криков, многие поколения которой жили в болотистом Водоземье.

Ярким выражением другой разновидности английского национального характера в романе «Водоземье» стали члены семьи Аткинсонов. Уже первые Аткинсоны перебрались из болот на холмы и стали там пастухами, таким образом, противопоставив себя «водным людям»: «And it was on the hills of Norfolk (low and humble hills as hills go, but mountain ranges by Fen standards) that they got Ideas — something the stick-in-the-mud Cricks rarely entertained»[8] («И там, на норфолкских холмах (невысоких и более чем скромных, если сравнивать с другими холмами, но по фенлендским стандартам просто горные хребты) они обзавелись Идеями — чего у завязших по уши в грязи Криков, почитай, что и вовек не водилось»[9]. Идейность, тяга к прогрессу, неугомонность, деятельность — вот черты представителей рода Аткинсонов.

Стремительный взлёт карьеры Томаса Аткинсона уподобляется возвышению французского императора Наполеона. Развёрнутая параллель с Наполеоном, карьера которого стремительно развивалась в эти же годы (1800–1815), построена

---

[1] Пургина Е. С. Концепция английского национального характера в романах Э. М. Форстера. Автореферат дисс… канд. филол. наук: 10.01.03. – Екатеринбург. – 2008. – С. 7.

[2] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 64.

[3] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 78.

[4] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 344.

[5] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 367.

[6] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 344.

[7] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 367.

[8] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 63.

[9] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 77.

по принципу контрастного сочетания сходства и противопоставления. Так, когда Наполеон совершает свои «молниеносные броски против австрияков, пруссаков, русских», Томас Аткинсон безнадежно увязает в судебных тяжбах. Когда же Наполеон вынужден отступать, Аткинсон, напротив, идёт вверх и начинает строительство солодовни. На фоне дремлющих, флегматичных жителей Фенов, Томас Аткинсон представляет собой яркую, активную и полную идей личность, создающую в эпоху капитализма свою империю: «A confident and far-seeing man, a man of hearty and sanguine, rather than phlegmatic, temperament, he offers work and a future to a whole region»[1] («Знающий и дальновидный человек, темперамента скорее сангвинического, настоянного на горячей артериальной крови, нежели на флегме, лимфе, он дает работу и дает будущее целому региону»)[2]. Сходство Томаса Аткинсона с Наполеоном Бонапартом заключается, главным образом, в стремительном пути к вершине славы и ещё более стремительном падении. Их также объединяет сильный, титанический характер, ассоциирующийся с героями античной трагедии. В судьбе этого персонажа проявилась античная идея преступной дерзости («гюбрис»), за которой следует неминуемое воздаяние. Перипетии его судьбы напоминают древнюю трагедию рока.

Флегматичные Крики и пивовары Аткинсоны, наделённые холерическим или сангвиническим (враждебным флегме) темпераментом, олицетворяют два полюса английского характера. Потомок двух этих родов — Том Крик унаследовал оба эти начала. Его любознательность, любовь к истории, желание найти в ней ответы на важнейшие жизненные вопросы, трепетное отношение к своим корням, к истории своей семьи — ещё одна примечательная черта английского национального характера, связанная с пристрастием к традициям, консерватизмом, верностью устоям. Любовь к истории сочетается в Томе с мастерством рассказчика, позволяющим заполнить пустоту человеческого существования. В этом смысле сочинение и рассказывание историй — альтернатива опьянению: «What do you do when reality is an empty space? You can make things happen — and conjure up, with all the risks, a little token urgency; you can drink and be merry and forget what your sober mind tells you. Or, like the Cricks who out of their watery toils could always dredge up a tale or two, you can tell stories»[3] («А что же делать, когда реальность — пустое пространство? Вы можете сами сделать так, чтобы хоть что-нибудь происходило — и вообразить себе, со всеми возможными рисками немного эрзац-событийности; вы можете пить и веселиться, и не слушать, что там нашептывает трезвый разум. Или же, подобно Крикам, которые из всех водянистых своих трудов и дней всегда умели выцедить байку-другую, вы можете рассказывать истории»)[4].

Женские образы в романе заслуживают особого внимания. При изучении системы образов «Водоземья» в гендерном аспекте обнаруживается, что мужские персонажи, как правило, ассоциативно связаны с историей и историческими личностями (наиболее яркий пример — развёрнутое сравнение Томаса Аткинсона с Наполеоном), а женские образы соотнесены с мифологией, легендами и преданиями, сказочным фольклором. Так, Хелен Аткинсон уподобляется пленнице огрского замка, Мери Мэткаф — принцессе, дожидающейся в волшебном замке своего принца, Марта Клей — ведьме.

Сочетание реального и фантастического можно увидеть в образе Сейры Аткинсон. Удар по голове, нанесённый Томасом Аткинсоном жене в приступе ревности, навсегда лишил её рассудка и дара речи. После этого целых пятьдесят четыре года она просидела в своей комнате, словно каменное изваяние. Её образ приобретает мифологическое измерение. Для окружающих её людей Сейра выступает и в роли ангела-хранителя, и в роли матери-заступницы, она может восприниматься как Святая Гуннхильда или призрак, блуждающий на кладбище. Застывшая на долгие годы в странной позе человека, наблюдающего Ничто, но сохранившая вместе с тем «печально-властную манеру княгини в изгнании», Сейра сравнивается Свифтом с самой Британией. Писатель создает сложный, иронически-обобщенный образ: «To take in her left hand a trident and in her right a shield, to submit her wrinkled scalp and thin white locks to a plumed helmet, to allow her blue velvet chair to be transformed into a sea-girt rock and to evoke a intrepid Britannia, staring, staring — To where?»[5] («Дать ей в левую руку трезубец, а в правую щит, заменить морщинистый, старческий скальп с жидкими седыми прядками на античный шлем с султаном, заменить крытое синим бархатом кресло на скалу в окружении морей, и вызвать к жизни не знающий сомнения и страха образ Британии, которая смотрит, и смотрит, и смотрит… Куда?»)[6]. Г. Свифт создаёт поразительный по своей силе и мифологическому масштабу образ, в котором выражены и закоснелый консерватизм, и нежелание (или невозможность) видеть что-либо вокруг себя, и предельный эгоцентризм, замкнутость, самоуглубление, то есть те черты английского национального характера, которые подвергаются критическому и пародийному переосмыслению. Вместе с тем это образ, порождённый любовью, вызывающий сострадание и сочувствие. Таким образом, Сейра Аткинсон предстает гротескной аллегорией Британии.

Подробно представляя разные варианты английского национального характера в романе «Водоземье», Г. Свифт учитывает совокупность природных, исторических и культурных факторов, формирующих национальную идентичность, и создаёт свою оригинальную концепцию английскости.

Список литературы:

1. Swift G. Waterland. — L. — Picador. — 1992.
2. Пургина Е. С. Концепция английского национального характера в романах Э. М. Форстера. Автореферат дисс… канд. филол. наук: 10.01.03. — Екатеринбург. — 2008.
3. Свифт Г. Водоземье. — Нижний Новгород. — Perspective Publications. — 1999.

[1] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 16.

[2] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 28.

[3] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 61.

[4] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 74.

[5] Swift G. Waterland. – L. – Picador. – 1992. – P. 94.

[6] Свифт Г. Водоземье. – Нижний Новгород. – Perspective Publications. – 1999. – С. 110.

Titova Olga Anatolievna, Institute of Foreign Languages State State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow City Teacher Training University", assistant professor of department of Theory and Methods of Foreign Language Teaching, candidate of philological Sciences

Титова Ольга Анатольевна, Институт иностранных языков Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский городской педагогический университет», кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам

English phraseological units signifying people used as individuals' evaluating geographical, national or racial characteristics

Объективация оценочных характеристик человека по месту жительства и национально-расовой принадлежности посредством английских фразеологизмов-антропономинантов

Фразеологизмы-антропономинанты (ФАН) — это специфические образные знаки, которые используют средства естественного языка — поверхностную структуру фразеологической единицы, её внутреннюю форму, семантическую структуру, фразеологическую абстракцию и мотивировку — для кодировки этнокультурной информации, то есть оценочной номинации природно-физических характеристик человека (возраста и внешности), социально-экономического и профессионального статуса, места жительства, национально-расовой принадлежности, психологических качеств, морально-этических установок и др.

Атомарные словосочетания фразеологизмов (АСС) — это словосочетания, означающие реалии или ситуации предметного мира, служащие основой для создания фразеологических единиц. Они являются материальным оформлением установок, формирующихся в среде конкретного этноса. Формирование установок происходит в соответствии с теми сигналами, которые поступают в мозг от объективной действительности, и с тем кодом, который выработан в языковом мышлении народа.

Определяющей для области этнической оценочной категоризации человека является *примитивная схема: «чужой — опасный», «чужой — нелепый»*[1]. *В основе этой схемы лежит древнейшая дихотомия «свой — чужой», согласно которой «родная культура — это щит, охраняющий национальное своеобразие народа, и глухой забор, отгораживающий от других народов и культур»*[2]. По мнению отечественных исследователей, типична также и интерпретация основного (базового) противопоставления в аксиологическом, ценностном плане — в виде оппозиции «хороший — плохой», с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру[3]. Описывая различия между «своим» и «чужим», учёные отмечают, что «свой» мир — это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Чужой» мир — мир неподвижный, статичный и плоский. Это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно — как речь на чужом языке. Вероятно, именно данные психологические особенности восприятия «чужого» мира обусловили специфику оценочных коннотаций культурно-маркированных ФАН.

Номинативные единицы с семой «народ» или «представитель народа», маркированные как эмоционально-оценочные (при наличии нейтральных литературных синонимов) с широким диапазоном оценки: от возвышенно-поэтической до уничижительной также в отечественной лингвистической литературе принято называть «экспрессивными этнонимами» (А. И. Грищенко, Н. А. Николина), «прозвищными этнонимами» (Е. Л. Березович, Д. П. Гулик), «пейоративными/экспрессивными псевдоэтнонимами (А. С. Архипова,), в западной традиции — этнофолизмами (*ethnophaulisms*), этническими кличками (*ethnic slurs*). Иногда термин *этнофолизм* используется и в русской лингвистике (Н. Ф. Мокшин, Л. И. Пренко).

*В нашей выборке ФАН этнические инвективы (*выражения речевой функции оскорбления*) делятся на два класса: ярлыки для соседей и для иностранцев. В любом случае «чужой» рисуется черными красками: соседей и иностранцев обвиняют в отличающемся, а значит странном образе жизни, ином бытующем у них порядке, касающемся, например, гостеприимства, гигиены, системы статусов, приготовления еды и т.д*[4].

Каждая страна состоит из целого ряда неоднородных регионов, каждый из которых отличается от остальных, считает себя уникальным, ни с чем не сравнимым и претендует на превосходство. Подобные региональные различия встречаем и в Великобритании. *В английской исторической и социокультурной традиции в течение многих веков существует такое понятие как the North-South divide (разделение между Севером и Югом Англии). Являясь не столько географическим знаком, сколько социокультурным явлением, оно имеет весьма сложное содержание и выражает целый комплекс глубоких экономических, социальных и даже культурно-языковых различий между двумя областями страны.* Объективно существующие различия получают в национальном сознании воплощение в соответствующих понятийных комплексах и обогащаются за счет эмоционально-оценочных значений. Даже сегодня для многих англичан, например, понятия «северный» и «рабочий, пролетарский» являются синонимичными. *Понятие «разделение между севером и югом Англии» отражает не только экономические и социальные различия, но также культурно-языковые особенности. Имея по своей природе объективный характер, эти особенности находят отражение в семантике этнических ярлыков.* Английское мироощущение помещает

---

[1] Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]/В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – С. 251

[2] Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие [Текст]/С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово/Slovo, 2000. — С. 20

[3] Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера –история [Текст]/Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

[4] Фокс, К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения (пер.с англ.) [Текст]/ К. Фокс. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 512 с.

Англию в центр Вселенной, остальные страны и народы хороши или несовершенны постольку, поскольку они похожи или не похожи на Англию. Ярким примером стереотипного отношения к иностранцам являются наблюдения жителя Венеции, приведённые Дж. Пэксменом: «*the English are great lovers of themselves, and of everything belonging to them; they think that there are no other men than themselves and no other world but England; and whenever they see a handsome foreigner they say «he looks like an Englishman» and that «it is a great pity that he should not be an Englishman*»[1]. Столь обширное цитирование необходимо, чтобы дать представление об этноцентризме англичан.

Обобщенные и упрощенные понятия о представителях различных расовых, национальных и религиозных групп безотносительно их реальных качеств становятся базой для образования ФАН. Процесс порождения клишированных представлений об иностранцах является частным случаем процесса категоризации. ФАН называют явления реальной действительности, которые становятся объектами оценочно-образного отражения действительности в языковом сознании говорящих. Будучи одной из разновидностей житейских понятий, инвективный ярлык, как правило, характеризуется тем, что имеет неадекватную меру обобщенности существенных признаков объекта, их неполный или избыточный набор. Например, сами англичане предпочитают думать о себе как о «великой торговой нации», в то время как Наполеон назвал их, в свойственной ему грубоватой манере, «нацией лавочников»[2]. Хотя оба определения сводятся к одному и тому же, характеристика, данная Наполеоном, наверняка, звучит для англичан оскорбительно.

Социологи отмечают также, что с повышением уровня образования и общей культуры индивидов стремление делать обобщения относительно различных этнических групп заметно снижается. Усвоенные людьми ригидные установки могут быть как позитивны, так и негативны. Однако последние превалируют в нашем списке, что имеет онтологическое обоснование. Мы будем по традиции называть их предубеждениями. Таким образом, большинство клишированных представлений об этнических группах можно считать предубеждениями, обозначив их как коллективную враждебную или отрицательную установку на отдельную группу людей. Естественно, ни одно клише не возможно ни определить, ни доказать. Но тем и отличается предвзятое отношение, зафиксированное в клишированной номинации, — оно якобы в доказательствах не нуждается. Единственное средство распространения такого отношения — его бесконечное и необдуманное повторение, тиражирование.

«Чужой» мир образует единую враждебную массу, состоящую из единиц, кажущихся абсолютно тождественными, что выражается, исходя из наших наблюдений, в использовании при описании «чужого» мира форм множественного числа с ярко выраженной отрицательной оценочностью. Специфика значения ФАН состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. ФЕ фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные, эстетические, оценочные и символические.

Изучаемые единицы, употреблённые в функции инвективных ярлыков, содержат «сложившиеся оценочные мнения о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Также объектами оценки могут стать не только привычки и традиции, но и отношение к одежде, еде и т. д.»[3].

«Чужой» мир наиболее четко проявляется в употреблении форм множественного числа, предполагающих однородное множество. Одним из способов создания этнического своеобразия служит и выделение объектов оценки. В нашем случае это особенности национального костюма, гастрономического предпочтения, специфики характера и поведения, особенности внешности, интеллекта, особенности рельефа и характера местности, а также названия животных, специфичных для данной местности, торговцев/производителей определенных товаров и использование личных имен собственных, что находит отражение в следующих словах-компонентах: соматизмах (*young blood, slant eyes*), зооморфизмах (*northern monkey, lounge-lizards, rock scorpion*), лексемах, обозначающих вещество (*grease ball*), глюттонимах (*pie-eater, cod head, bounty bar, taco-bender*), топонимах (*Red Sea pedestrian*), антропонимах (*plastic Paddy*), природных объектах (*bog-trotter, jungle bunny, moon raker*), названиях мифологических существ (*southern fairy*), терминах цвета (*black velvet, yellow silk, dark meat*).

Анализ выборки показал, что именно в этой тематической группе репрезентативно представлены компоненты-глюттонимы, компоненты-наименования природных объектов и номинации частей света, что объясняется функцией этих фразеолекс указывать на национальную или региональную принадлежность в антропономинантах. ФАН, мотивированные названием животного, наиболее экспрессивны, именно им особенно присуща уничижительная оценка, их употребление наиболее резко нарушает этические нормы общения. Кроме того, в живой английской разговорной речи распространены составные ФАН, образованные из литературного этнонима и слова с пейоративным значением, в том числе обозначающим животное: *Chinese pig* «китайская свинья», *Russian pig* «*русская свинья*» (в роли пейоративного элемента могут также выступать слова *dog* «*собака*», *dirty* «*грязный*», *filthy* «*мерзкий*» и т. п.).

Анализ единиц с семантикой этнической оценки свидетельствует о том, что можно выделить различные степени этнической отчужденности. Как иллюстрируют приведенные ниже примеры, они выражаются следующим образом:

1. «*Чужой*» как *житель другого города* или *региона* внутри той же страны. Следует особо отметить, что здесь мы сталкиваемся с наличием взаимных прозвищ. *В английской исторической и социокультурной традиции в течение многих веков существует такое понятие как the North-South divide (разделение между Севером и Югом Англии).* Среди лексических реализаций, номинирующих **северян**, находим следующие инвективы: *northern monkey* («*северная обезьяна*»), *moonraker* (*тот, кто граблями пытается сгрести луну*), *pie-eater* (*тот, кто ест пироги; особенно о жителях Вигана и близлежащей территории*), *woollyback* («*шерстяная спина*»; о жителях районов вокруг города Ливерпуля), *codhead* (*о тех, кто живёт и занимается рыбным промыслом во Флитвуде, традиционном рыболовецком центре графства Ланкашир*). Соответственно, южан назы-

[1] [Paxman 1999: 35] Paxman, J. The English: A Portrait of a People [Text]/J. Paxman. – London: Penguin Books, 1999. – P. 35

[2] Форстер: цит. по Фрай, С. : Автобиография: Моав – умывальная чаша моя (пер с англ.) [Текст]/С. Фрай. – М.: Фантом Пресс, 2008. – С. 357

[3] Сорокин, Ю. А. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте [Текст]/Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина//Язык: этнокультурные и прагматические аспекты: Сб. научн. трудов. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1988. – С. 10.

вают *southern fairy* («*южная фея*»; *намёк на их непрактичность*), *coxcombs (самодовольный хлыщ), lounge-lizards* –реализуется стереотипное представление о *пресловутой праздности богатых бездельников английского юга по сравнению с теми, кто действительно создаёт богатство страны и занят в промышленности.*

В США жители штата Висконсин получают прозвище *cheeseheads* (*головки сыра*), что вызвано значительным объёмом сырного производства в этом штате.

Белого фермера южных американских штатов пренебрежительно называют *redneck* («*красная шея*»). Данное значение этого антропономинанта известно с XVII века, он появился в штате Виргиния, его основанием является стереотипное представление о том, что сельскохозяйственные работники проводят значительное количество времени, работая в поле под палящим солнцем. Необходимо добавить, что с конца 1960-х годов этот ФАН приобрёл второе значение: «воинствующий узколобый белый житель южных штатов, отличающийся консервативными взглядами».

2. «Чужой» как *житель Британских островов* (валиец, шотландец, ирландец). Отметим, что в данной подгруппе также наблюдается взаимное прозывание: *валиец — welsh windbag* («*валлийский краснобай*»); *ирландец — boghopper* (*тот, кто бегает по болотам*), *plastic Paddy* («*пластиковый ирландец*»; Paddy — уменьшительно-ласкательное от самого распространённого личного имени собственного Padraig (Patrick): этот ФАН описывает ирландцев, рожденных вне Ирландии); *шотландец — pinch-penny* (бытовой стереотип, утверждающий, что шотландец — это тот, кто «экономит на каждом пенни»)

3. «Чужой» как *иностранец* или *представитель другой расы*. Примеры этой подгруппы будут представлены ниже в ходе анализа.

Таким образом, в ходе предпринятого в рамках данной тематической группы исследования были выявлены три степени отчужденности, которые демонстрируют отношение к «чужим» — жителям других городов, частей страны, других государств, представителей других рас.

Рассмотрим подробнее специфику объектов оценки. К ним относятся, как показывают приведенные ниже примеры, особенности этнического костюма, предметов обуви: *red shanks* — так назывались высокие ботинки со шнуровкой из невыделанной шкуры оленя мехом наружу, которые носили *шотландцы*; *blue-cap* — круглая плоская синяя шапочка, которую носили *шотландцы*; *wooden shoes* «деревянные башмаки» символизируют *немцев*, *голландцев*; *rag-head* «*тряпкоголовый*», *towel-head* «*обмотанная полотенцем голова*» об *арабах*, *индусах*, *пакистанцах* ассоциируется с национальным головным убором, чалмой.

Стереотипные гастрономические предпочтения этносов представлены названиями продуктов питания и блюд: *herring-choker* «*душитель селёдок*» — о *жителях Скандинавии* или даже *Канады; butterbox* «*маслохранилище*» о *голландцах*; *curry-muncher*, *curry-slurper* «*чавкающий едок карри*» об *индийцах*; *lime-juicer* «*любитель сока лайма*» американцы об *англичанах*; *frog-eater* «*лягушатник*» о *французах*; *bagel-bender* те, кто готовят или едят рогалики, кулинарное изделие, ассоциирующееся с *еврейской кухней*. Образная основа, положенная в основу этого антропономинанта, генерирует ещё целый ряд экспрессивных этнонимов с повторяющимся вторым словом-компонентом *bender*: *spaghetti-bender* «спагеттивяз» об *итальянцах, taco-bender* о *мексиканцах* или других выходцах из стран Латинской Америки, где *taco — мексиканский пирожок из кукурузной лепёшки с начинкой из рубленого мяса, томатов, сыра, салатных листьев, banana-bender* о жителях *австралийского Квинсленда. Мексиканцев* и выходцев из стран Латинской Америки также называют *bean-eaters* «*любители бобов*».

Специфика характера и поведения: *blue-eyed brother* «*голубоглазый брат*» *— белый человек*, с уважением относящийся к чернокожим; *Bounty bar, coconut head — чернокожий* или *индиец*, который ведёт себя, как белый. Образы шоколадного батончика «Баунти» и кокосового ореха генерирует сложную ассоциативную связь: такие люди темнокожи, подобно шоколаду снаружи батончика, но их поведение и манеры повторяют те, что приняты в обществе белых; ФАН *porch monkey* «*обезьяна на крыльце*» мотивирована обычаем, принятым в афро-американском сообществе, собираться на крыльце дома или на ступеньках у входа в городские многоквартирные дома; *house nigger* «*домашний негр*» употребляется о зажиточных или хорошо образованных афро-американцах, восходит к представлению, что к рабам, работавшим в домах своих хозяев (а не на плантациях), было более снисходительное отношение, а они, в свою очередь, имели возможность некоего социального роста, шпионя за неблагонадёжными; *pink-chaser* о чернокожих, пресмыкающихся перед белыми; *white nigger* «*белый негр*» об *ирландцах*, указывает на положение выходцев из Ирландии и презрительное отношение к ним; *Christ-killer* «*убийца Христа*» о *евреях*; *wet back* «*мокрая спина*» о *мексиканцах*, указывает на то, как они переправлялись вплавь через пограничную со штатом Техас реку Рио-Гранде и нелегально попадали в США в поисках лучшей доли.

Особенности внешности — поскольку представители других рас отличаются от представителей европеоидной расы, языковое сознание фиксирует наиболее яркие, бросающиеся в глаза внешние физические признаки.

Форма и строение черепа: *slopehead* «*косоголовый*» о представителе *монголоидной расы*; *squarehead* «*квадратноголовые*» о *немцах*, *образную основу составляет форма головы немцев, якобы отличающая их от англосаксов. Данное представление было подкреплено военными стрижками немцев во время обеих мировых войн и, помимо всего прочего, квадратной формой касок во время Второй мировой войны*.

Черты лица: *pancake face*, *plate-face* об *азиатах*, чьи черты лица характеризуются сильным выступанием скул, уплощённым лицом, низким переносьем; цвет лица: *inkface* «*чернильное лицо*» и *chocolate face* «*шоколадное лицо*» о *чернокожих*; разрез глаз: *roundeye* «*круглоглазый*» о *представителе европеоидной расы* в речи англоговорящих азиатов, *slant eyes* «*раскосый*» о *жителе Юго-Восточной Азии*; форма губ: *thicklips* о представителях *негроидной расы*, отличающихся полными губами; цвет носа: *blue-noses* «*посиневшие носы*» о *канадцах* из Новой Шотландии.

Особенности причёски: *pig-tail* «*свинячий хвост*» о *китайце*; намёк на традиционную тонкую китайскую косичку; причёска *афро-американцев* отличается курчавыми волосами: *mosshead* «*голова, покрытая мхом*», *velcro-head* подобие цвета и структуры волос афро-американцев застёжке-липучке «*velcro*».

Цвет кожи: об *индейцах — redskin* «*краснокожий*»; о *китайцах — yellow-belly* «*желтобрюхий*»; об *афро-американцах — tar baby* «*гудроновое дитя*» негритянский ребёнок, *chocolate drop* «*шоколадная капля*», *chocolate frog* «*шоколадная лягушка*», *teapot* «*чайник для заварки чая*», *smoked Irishman* «*копчёный ирландец*», последнее призвано нанести оскорбление как чернокожим, так и ирландцам.

Физиологические особенности роста**:** *cornstalk* — «*дылда*» об *австралийце*; *hooknose* — независимо от внешности конкретного представителя еврейской национальности, ему приписывается обладание большим ястребиным носом**.**

Особенности интеллекта: *moonraker* предполагается, что жители Манчестера и близлежащих североанглийских территорий настолько глупы, что стараются граблями сгрести луну с поверхности воды.

Номинации частей света, континентов и конкретных территорий: ***Southern*** *fairy*, ***Northern*** *monkey*, ***Asian*** *nigger* (о жителях Филиппинских островов), ***Essex*** *girl*.

Особенности рельефа, характера местности, отражённые в компонентах-наименованиях природных объектов: *boghopper/bogtrotter — ирландец* (*bog* — заболоченная местность, торфяники занимают значительную часть территории Ирландии); *prairie nigger — «негр прерий»*, *timber nigger — «лесной негр»* (*timber*, *prairie* — лес и прерия, природные зоны обитания Северо-американских *индейцев*, коренных жителей США), *Red Sea pedestrian* (о *евреях*; намёк на исход из Египта); *sand nigger «песчаный негр»* о жителях Ближнего Востока; *moonman «лунный человек»* о *цыганах*. Необходимо отметить, что связь цыгана с луной прослеживается и в восточнославянском фольклоре: великорусск. *цыганское солнышко,* малоросс. *циганське сонце* о луне[1].

Названия животных, специфичных для данной местности или ассоциирующихся с данным этносом: *rock scorpion «скалистый скорпион»* о жителях Гибралтара; *camel jockey «жокей на верблюде»* о жителях Северной Африки; *monkey-chaser «охотник на обезьян»* о жителях Западной Индии. Прозвища, мотивированные профессиональной спецификой: *butterbox* — прозвище *голландцев*, производителей и потребителей сливочного масла; *codhead*, *woolyback* указывают на промышленную специализацию (рыболовство и ткачество) соответствующих *североанглийских областей*; *greaseball* об *итальянцах* и выходцах из других стран Средиземноморья, которые, главным образом, работали поварами, слесарями или механиками; *ice creamer* (мороженщик) также об *итальянцах*, так как долгое время (с XIX в. по 1960-е годы) *иммигранты-итальянцы* занимались продажей мороженого в Великобритании.

Гендерный признак: ФАН *black meat «чёрное мясо»*, *black velvet «чёрный бархат»* употребляются о *чернокожей путане*. Считается, что прозвище *black velvet* произошло от одноимённого названия горячительного коктейля из пива Гиннес и шампанского вина. Предполагается, что прозвища *yellow satin*, *yellow silk*, *yellow velvet*, соответственно, *«жёлтый атлас, шёлк и бархат»* образованы по аналогии с *black velvet* и описывают путан из Юго-Восточной Азии. ФАН *black box «чёрный ящик»* описывает мусульманских женщинах, одетых в паранджу. Лексикографы связывают появление данного антропономинанта с многочисленными упоминаниями в прессе в конце девяностых годов XX века об авиационных катастрофах и последующей расшифровке данных с бортовых самописцев, «чёрных ящиков». Данное саркастическое сравнение вызвано тем, что паранджа полностью скрывает женское лицо и фигуру. Такая манера одеваться отличает женщин Востока от манеры, принятой у западных женщин и напоминает субъекту речи нечто такое же скрытное, как и зашифрованная информация «чёрного ящика».

Анализ выборки показал, что изучаемые ФАН мотивированы культурным признаком, который обычно представляет собой этнокультурный стереотип: с определённым этносом связывается наивное, обыденное, но укрепившееся представление о его типичной пище, одежде, причёске, обычаях, «национальном характере» и т. д.

В структуре тематической группы наименований лиц **по национальным, расовым или региональным признакам** *(86 ФАН) нами выявлены 16 подгрупп: жители Великобритании (22); французы (1); немцы (2); жители Скандинавии и Канады (3); итальянцы и выходцы из стран Средиземноморья (3); мексиканцы и выходцы из стран Латинской Америки (3); китайцы, японцы и выходцы из стран Юго-Восточной Азии (11); индийцы, пакистанцы, бангладешцы (6); жители Северной Африки (2); жители Австралии (2); жители Гибралтара (1); американцы (1); североамериканские индейцы (4); чернокожие (20), евреи (4), цыгане (1).*

В нашей выборке представлены 30 ФАН со значением метонимического типа. В нём реализуются две метонимические модели переноса: 1) носитель свойства *часть тела,* с этим свойством ассоциирующаяся (27 слов): *wet back мексиканец*, попадающий в США нелегально, пересекая реку Рио-Гранде; 2) вещно-костюмный элемент или предмет обуви, замещающий человека (3 слова): *wooden shoes* деревянные башмаки символизируют *немца* или *голландца*.

Метафорические переносы обнаружены в 56 ФАН из 86 ФЕ. Мотивирующие денотаты можно разделить на 6 типов: 1) класс лиц (34 слова) 2) класс животных (7 слов) 3) класс глюттонимов (5 слов) 4) класс лексем, называющих ткани (4 слова) 5) класс предметов (5 слов) 6) класс мифических персонажей (1 слово: *southern* ***fairy***).

Trabelsi Hayfa
The Pushkin State Russian Language Institute, PhD candidate
Трабелси Хайфа,
Государственный Институт русского языка им. А. С. Пушкина,
аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

The issue of terminology in Arabic diplomatic language

Вопрос терминологии в арабском дипломатическом языке

Многие области человеческой деятельности имеют свою языковую специфику, тесно связанную с содержанием предмета. Язык дипломатических документов — это тот язык, на котором данное государство говорит с внешним миром, и по языку дипломатических документов судят в немалой степени о лице государства. Дипломатия, как и любая другая деятельность, имеет свою терминологию. Дипломатический язык содержит многие профессиональные термины, означающие одно и тоже для дипломатов различных стран, но не всегда понятные людям, говорящим на одном языке.

[1] Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов [Текст]/А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс., 2005. – С. 655–656

На материале дипломатических текстов видно, что для них характерно употребление терминологии различных областей; наличие различных данных, передаваемых разными средствами, что типично для аргументированности и точности; атрибутивные конструкции и другие способы сжатия выражений (причастные обороты, инфинитивные конструкции); номинальность выражения; преобладают простые и обозримые сложноподчиненные предложения.

Как и весь лексический состав языка, терминология дипломатической деятельности возникла, существует и развивается в тесном взаимодействии с явлениями внешнего мира. Ее экстралингвистическая, социальная обусловленность выступает особенно ярко. Многие термины данной области возникли в ранний период развития общества, дипломатических отношений и функционируют в языке до настоящего времени. К экстралингвистическим факторам относятся возникновение государства, возникновение и развитие международных отношений, зарождение дипломатии. Между возникавшими варварскими королевствами границы были неясны и неустановленны. Споры разрешались не только оружием, но и путем переговоров. По мере образования варварских королевств неизбежно возникает и своя дипломатия. Постепенно они усваивали приемы и обычаи римской дипломатии. В дипломатических сношениях с римской империей они использовали латинский язык.

В XIX — XX вв. проявляется тенденция в большинстве государств к употреблению родного языка в официальных отношениях с другими государствами. Тем не менее, большое влияние на развитие дипломатической терминологии оказала латынь, а затем и французский язык. Определенное влияние в качестве международного языка в XX веке на развитие терминологии этой области начинает оказывать английский язык. Большая часть терминов относится к заимствованиям из этих языков в различных формах: собственно заимствования как *дипломат*, *modus vivendi*, *persona grata*/*non grata*, и кальки: *дипломатический корпус.* Входя в язык, заимствованное слово может вообще не подвергаться ассимиляционным процессам, сохранять облик того языка, из которого оно заимствовано. В качестве примера можно привести следующие, которые можно найти во французском дипломатическом тексте: modus vivendi, persona grata/non grata и др. Однако лингвисты утверждают, что нельзя говорить о полной ассимиляции в морфологическом отношении. Таким образом, у данной группы заимствований в дипломатическом лексиконе полной ассимиляции не наблюдается, их легко можно распознать как слова иностранного происхождения.

Если говорить о причинах заимствования терминов, главная из них, на наш взгляд в том, что терминология данной деятельности отличается тесными и оживленными международными связями, а также испытывает иностранное влияние. Поставленный перед задачей ввести в родной язык понятие, важное для международного общения, и которое уже имеет в иностранном языке обозначение, арабский язык, например, мог взять его как иностранное слово или создать для него новый эквивалент, или передать его функцию уже существующему родному слову. Использование иноязычной лексики является одним из активных путей образования дипломатической терминологии, что подтверждается исследованными документами.

В лингвистической литературе высказываются различные мнения по вопросу критериев выделения интернационализмов. М. М. Маковский считает, например, что термин «интернационализм» весьма расплывчат, что интернационализмы как таковые не существуют, и выдвигает понятие регионализмов — заимствованных слов, которые „прослеживаются лишь в языках, территориально расположенных в том или ином ареале, и не типичны для языков, принадлежащих к другим ареалам… Интернациональных слов (в буквальном смысле) не может быть, хотя бы уже потому, что не существует интернациональной (общей всем языкам мира) лексической макросистемы, которая была бы необходима для их одновременного существования“[1]. Однако целый ряд лингвистов признает наличие в языке интернационализмов и подчеркивает, что под интернационализмами следует понимать слова, которые вследствие их употребления во многих языках приобрели наднациональный характер. Для проверки интернационального характера слова мы приведем следующий пример: слово «*вето*» считается одним из слов интернационализмов. Оно существует во многих языках (как показывает таблица). Несмотря на существующие разногласия по этому вопросу, в данной работе мы пользуемся термином «интернационализм» для определения того слоя дипломатической терминологии, который встречается в таких языках как арабский, английский, французский, итальянский, русский, шведский, финский, немецкий. Как мы видим из перечня вышеприведенных языков, термины относятся к языкам пяти различных групп: семитской, романской, славянской, германской, угро-финской (что касается шведского, финского и немецкого языков, мы ссылаем на работу Л. Г. Фарафоновой). Следует напомнить о том, что арабский, английский, французский и русский считаются официальными языками в международной организации ООН. В качестве иллюстрации предлагаем таблицу:

Языки	Слова					
Арабский	فيتو	دبلوماسية	دبلوماسي	قنصل	بروتوكول*	إتيكيت
Английский	Veto	Diplomacy	Diplomat	Consul	Protocol	Etiquette
Французский	Veto	Diplomatie	Diplomate	Consul	Protocole	Etiquette
Итальянский	Veto	Diplomazia	Diplomate	Console	Protocollo	Etichetta
Русский	Вето	Дипломатия	Дипломат	Консул	Протокол	Этикет
Шведский	Veto	Diplomati	Diplomat	Konsul	Protocoll	Etikett
Финский	Veto	Diplomatia	Diplomatti	Konsuli	Protokolla	Etiketti
Немецкий	Veto	Diplomatie	Diplomat	Konsul	Protokoll	Etikette

*Слово بروتوكول (протокол): один из видов дипломатических документов.

[1] Маковский М. М. Теория лексической аттракции. (Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). «Наука», М., 1971. С. 173

Во всех этих языках, кроме арабского, имеются следующие термины: нота, миссия, атташе, меморандум, виза, статус-кво, персона грата/нон грата, ратификация и др. Исходя из приведенных примеров, употребление термина "интернационализм" кажется нам вполне оправданным.

Дипломатическая терминология — одна из древнейших термино-систем, уходящая корнями в XI век. Она развивалась и обогащалась вместе с расширением международных и межгосударственных связей. Дипломатическая терминология, прошедшая значительный путь своего развития с XI по XVIII век, в XIX веке стабилизировалась, приобрела кодифицированную норму, окончательно сформировалась как система, где сохранились устаревшие слова и обороты, например обращение *Ваше Превосходительство*. Этот архаизм употребляется в дипломатических сношениях до настоящего времени в независимости от того представляет ли этот дипломат республику или монархию. В работе М. Ш. Ахмеда говориться что термины, употреблявшиеся в дипломатических документах XIX века фиксируются словарями XVIII и XIX веков. Автор работы утверждает, что «в XIX веке дипломатическая терминология делится на иерархически соотносительные лексико-семантические группы и подгруппы, сложившиеся в более ранний период»[1]. Исследование фактического материала позволило выявить три основные лексико-семантические группы, о которых напоминал М. Ш. Ахмед: наименования дипломатических агентов; лексика сферы международных отношений; наименования дипломатических документов. Самой многочисленной лексико-семантической группой в дипломатической терминологии является лексика сферы международных отношений, международного права. В эту группу входят междисциплинарные термины, тогда как лексика, связанная с наименованиями дипломатических агентов и документов, в основном состоит из общих дипломатических терминов.

Дипломатическая терминология создает сложную неоднородную систему. Она включает в себя подсистему, например, консульскую терминологию. Можно рассматривать данную подсистему как самостоятельный элемент внутри системы дипломатической терминологии, так как консульская служба считается, по международным нормам, особым институтом. Недаром ООН выделяет по отдельности Венскую конвенцию о дипломатических сношениях 1961 г. и Венскую *конвенцию о консульских отношениях 1963 г.*

Как было отмечено, дипломатический язык употребляется при официальных дипломатических сношениях, переговорах, составлении дипломатических документов, кроме того, дипломатический язык представляет собой совокупность выражений и терминов, входящих в общепринятый дипломатический лексикон. Употребление терминологии в подстиле дипломатического дискурса способствует реализации таких важных стилевых черт для данного подстиля, как логичность, формальность выражения и дипломатическая вежливость. Дипломатическая терминология является одним из наиболее ярко выраженных функционально-маркированных средств подстиля дипломатических документов. Терминология подразделяется на: 1-общеупотребительную, понятную большинству говорящих терминологию (*дипломат, дипломатия, консульство, посольство*); 2-узкоспециальную, малоупотребительную и значительно менее распространенную терминологию, понятную и используемую только специалистами (*верительные грамоты*, *венская конвенция 1961, передовая группа*) и 3-переходную группу (*демарш*). Однако необходимо отметить, что между этими слоями нет четкой границы и они находятся в постоянном взаимодействии.

Дипломатический язык как функциональный стиль имеет свою систему терминологии, в которой присутствует обширный список интернациональной лексики. В основном это заимствования из латыни и французского языка. Некоторые также из греческого языка. Терминология, по определению, является тем средством, которое помогает избежать и не допускать множественности смысла. Без сомнения, дипломатическая терминология отражает ту историческую обстановку, во время которой она функционирует. Жанровое своеобразие в отборе языковых единиц проявляется при составлении дипломатических документов. Исследование источников формирования дипломатической терминологии позволяет назвать такой путь её формирования, как заимствование иноязычных терминов: например в арабском языке слово لوكوتورب (протокол) (фр.), ةيماسلوبد (дипломатия) (от латинского яз. через французский яз.); в русском языке *атташе* (фр.), *коммюнике* (фр.); в английском языке *aide mémoire* (фр.), *chargé d'affaires* (фр.) или можно даже найти такие интересные примеры как *diplomatic corps.* Данное словосочетание состоит из двух слов из разных языков: «*diplomatic*» — английское слово (дипломатический), «*corps*» — французское слово (тело/корпус/конструкция).

При рассмотрении заимствований в сфере дипломатии обращает на себя внимание проблема ассимиляции заимствованных слов. При калькировании заимствованное слово переводится на арабский язык, заимствуется его морфологическая структура и семантическая мотивированность, например: persona non grata — صخش ريغ مرغوب فيه, культурный атташе — ملحم قافثلا فيحلم Калькироваться могут также словосочетания السلك الدبلوماسي (дипломатический корпус), السكرتير الأول (первый секретарь). Таким образом, слово по своему формальному облику, в данном случае, арабское. Словосочетания могут переводиться либо словосочетанием casus belli — حرب حالة, chargé d'affairesقائم بالأعمال –, либо в виде сложного слова: капитализм — ةيلامسأر (2 слова رأس и مال).

Заимствованные слова дипломатии во французском языке в основном латинского происхождения, например: *chancelier, ministre, consul, note, declaration…* Состав дипломатической терминологии представляет собой совокупность лексических средств, употребляемых в специальной области человеческой деятельности. Она носит книжный характер, в то же время жанром документа определяется проникновение разговорных элементов.

Анализируя дипломатические документы на арабском языке, мы заметили явление синонимии. В синонимические связи вступают слова разных стилистических пластов: وتيف и حق النقض (вето), а еще الإتيكيت بادآ اللياقة (этикет) и др., отличающиеся сферой и частотностью употребления. Основным путем возникновения синонимии в дипломатической терминологии является создание арабских эквивалентов к заимствованным словам с одной стороны, и сохранение арабизированого уже заимствованного слова. Наличие синонимических отношений между словами различного происхождения объясняется расширением сближением арабской и европейской международной терминологии. Второй особенностью специальной лексики дипломатических документов на арабском языке является её полисемия, отражающая как терминологическое, так и нетерминологическое значения. Л. Г. Фарафонова утверждает, что «для определенной части дипломатической терминологии

[1] Ахмед М. Ш. Язык русской дипломатии в арабском восприятии, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М. 2007. С. 155

характерна полисемантичность. Целый ряд авторов отмечает, что даже термины, значение которых зафиксировано в рамках определенной терминологической системы, имеют склонность к многозначности»[1].

Сегодня дипломатический язык находится во взаимодействии с другими сферами языка. А словарный состав дипломатического языка пополняется новыми словами, взятыми из разных языков мира. Страны арабского мира постоянно вступают в дипломатические отношения с разными странами, что должно сильно влиять на состав арабского дипломатического языка. Но так ли это на самом деле? Перед тем, как ответить на поставленный нами вопрос, мы хотели бы посмотреть, как раньше относился арабский язык к заимствованию иностранных терминов.

Заимствование иностранных лексических элементов считается одним из распространенных способов развития и обогащения словарного состава языка. Лингвисты утверждают, что не было и нет такого языка, который бы обходился при помощи одних лишь собственных лексических средств. Они констатируют, что во всех языках имеются заимствованные слова. Заимствование вызвано необходимостью передать на арабском языке современные понятия науки, литературы, международных отношений. Это явление имело всегда в арабской филологии не только своих сторонников, но и противников. Иностранные слова проникали в арабский язык на протяжении всего длительного пути развития. Относительно продолжительным был период VIII–XIII вв. когда сам арабский язык являлся языком-источником (новые открытия в разных науках) и языком-посредником (перевод на арабский язык многих древних научных работ). Это было обусловлено тесной связью арабской цивилизации с культурой народов Азии, Африки и Европы, получившей импульс к развитию после появления ислама. Тогда арабы не боялись заимствовать научные термины в переводе. Этим фактором мы объясняем наличие терминов синонимов в арабском дипломатическом языке. Однако позже этот процесс прервался, и началась новая эпоха в процессе развития арабского языка. Эпоха пуризма.

В современное время, арабский язык стал страдать от попыток и стремления пуристов к «чистоте языка». Противники заимствования стали отказываться от использования не только иностранных слов, но и терминов. В результате арабский язык стал практически нефункциональным языком во многих областях науки и деятельности, в том числе и в дипломатии. Мы попытаемся рассмотреть данный вопрос именно в арабском дипломатическом языке на базе примеров, которые мы будем анализировать.

Дипломатия требует максимальной точности, а дипломатический язык содержит массу терминов, которые помогают ему быть ясным. По определению, термин означает одно слово = одно понятие. В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «*термин*» определяется как «*слово или словосочетание — название определенного понятия какой-н. специальной области науки, техники, искусства*»[2]. Но слова-термины в арабском дипломатическом языке имеют больше одного значения. Например: слово مذكّرة может означать «нота» или «меморандум» или «записка». А это, как мы уже доказали, совсем разные документы отличающиеся друг от друга и по содержанию и по случаю применения. Также слово بيان, которое на русский язык можно перевести как «коммюнике», «заявление», «объявление», «извещение», «манифест» или «декларация». Еще слово مؤتمر переводится как «конференция», «съезд», «конгресс». В 2010 году Рамзан Кадыров выступил с инициативой о переименовании должности. Он больше не «президент» а «глава». Но по-арабски слова «президент», «глава», «председатель», «шеф», «начальник», «босс» и даже «главарь» восходят к одному арабскому слову — رئيس. Не исключение слова «решение» и «резолюция» — قرار и «устав», «хартия», «пакт» — ميثاق.

Принцип пуризма в лингвистике — стремление очистить язык от иноязычных слов и выражений, от разного рода новообразований; неприятие в литературной речи лексических и грамматических элементов, идущих из территориальных и социальных диалектов, просторечия, профессионального употребления и т. п. Однако, это излишне строгое отношение к любым заимствованиям, новшествам «не в духе языка» сделало из арабского языка, который активно используется для международного общения в обширном пространстве от Атлантического океана до Тихого и в ООН, нефункциональным языком для науки и дипломатии в современности. Не погибает ли от этого сам язык? Лингвистическая система арабского языка способна принять заимствования, легко их адаптировать и арабизировать. Ведь арабский язык дипломатии знает такие слова, как: بيروقراطية (бюрократия), استراتيجية (стратегия) ديمقراطية (демократия), قنصل (консул), برلمان (парламент) и др. Несмотря на положительные стороны пуризма, на которые указывают его сторонники, он очень негативно отражается на развитии языка и его жизнеспособности. Первое, что может доказать этот факт, что большинство арабских стран предпочитают и используют английский или французский языки в дипломатии, в деловых отношениях, в науке и других сферах, а не арабский язык. Основная причина данного предпочтения — избегать недоразумений и неправильного перевода.

В самом разгаре развития арабского халифата — халифат Омейядов (VII–VIII) — переводили на арабский язык книги и исследования по разным наукам: химии, астрономии, медицине. Позже, во время халифата Аббасидов (VIII–XIII), кругозор перевода стал обширнее и охватил философию, логику, литературу и др. Тогда в арабском словаре появились термины, которые потом ушли или были ограничены в использовании и заменены арабской калькой. Термин اقيزيقيميتافي (метафизика (стал علم الجمال (наука о красоте); اقيطيتسا (эстетика) стал علم الأخلاق (мораль); اقيطيا (этика) стал ءارو ام الطبيعة (за пределами естественного); اقيطارغرام/قيطارغرام (грамматика) стал دعاوق (اللغة) (правила (языка)).

Таким образом, по результатам наших исследований можно сделать следующие выводы. Дипломатические документы или, проще говоря, «государственная бумага» считаются лицом государства. Отсюда ясно, как важна работа над словом, соответствие каждой фразы вкладываемому в нее содержанию. Немало важен удачный выбор перевода терминов с одного языка на другой. Арабский язык служит хорошим примером того, как отказ от использования заимствованных терминов может затруднить путь развития данного языка во многих секторах, в том числе и в дипломатии и международных отношениях. Следует отметить, что список вышеприведенных арабских слов в дипломатическом языке, которые представляют

---

[1] Фарафонова Л. Г. Система дипломатического подстиля и ее исследование на уровне текста (на материале современного немецкого языка), Дис. М., 1977. С. 82

[2] Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. С. 795.

затруднения при переводе, далеко не полный. Приведенные нами примеры, как элемент в исследовании, являются попыткой к фиксированию проблемы, которую мы изучаем.

Следует надеяться на наступление нового «Золотого века» на арене международной политики и дипломатии для достаточно культивированного арабского языка. Все-таки, мир иногда нуждается в голосе, независимом от англоговорящего и франкоговорящего миров, как, голос Российской Федерации, когда он героически кричал против войны в Ираке и военного вторжения в арабские суверенные страны на фоне «Арабской Весны». Язык — это не только способ выражения, он передает другой взгляд на мир. Кроме того, арабский язык считается культурологическим и дипломатическим мостом во всем мусульманском мире.

Khvataeva Natalia Petrovna, Izhevsk state technical University, DPh, linguistics,
Хватаева Наталия Петровна,
Ижевский государственный технический университет,
доцент кафедры «Экономика и Менеджмент»

Language Representation of Axiological Paradigm

Языковая репрезентация аксиологической парадигмы

Вопрос презентации аксиологической парадигмы в языке начинается с формирования представления об этой парадигме. Оставляя за рамками данной статьи широко обсуждаемые философские проблемы систематизации ценностных ориентаций человека, ограничимся классической триадой ценностей — истина, добро, красота — которая так или иначе представлена во всех парадигмальных построениях аксиологической теории[1]. Статус данной триады ценностей настолько устойчив, что исследование их языковой репрезентации может, на наш взгляд, служить методологической основой для дальнейших разработок в этой области.

Другой момент, требующий отдельной оговорки, — это само понятие языковой репрезентации. В рамках этой работы речь пойдет о представленности тех или иных ценностных установок в системе языка. Другими словами, языковая репрезентация подразумевает не просто соотношение лексическая единица — значение — понятие, но и различные грамматические связи, возникающие у данной лексической единицы в силу её соотнесенности с конкретным понятием. Именно в этом случае правомерно говорить о включенности аксиологической парадигмы в систему языка, а не о репрезентации ценности в спектре лексических значений. Равным образом, следует различать представленность ценностного отношения в языке и речи. Речь человека, несомненно, имеет аксиологическую нагрузку и демонстрирует ценностную парадигму, но скорее говорящего, а не языка, на котором он говорит. И хотя языковая система доступна для изучения и понимания только в форме речевых актов, в каждом случае требуется внимательная и вдумчивая оценка ценностного проявления — языковое оно или личностное?

И, тем не менее, изучение языковой репрезентации ценности начинается с лексики. Каждая ценность, как и любое другое понятие, существует в виде лексических единиц, слов, которые делают возможным само рассуждение об этом понятии, являются гарантом его экзистенциального статуса[2]. Однако и на уровне лексики репрезентация ценности многообразна. Даже без детального рассмотрения различных семантических составляющих лексических единиц, неоднозначность отражения ценности в языке на данном этапе можно показать с помощью простых синонимических рядов. Так, например, концепт «истина» представлен в русском языке следующим образом: аксиома, правда, быль, правда-матка, верняк и т. д. Выбор слова для обозначения истинности является субъективным делом говорящего. Но сам факт наличия такого лексического ряда, свидетельствует о неоднозначной и многоаспектной репрезентации данной ценности в сознании носителей языка, и как следствие, в языковой системе уже на уровне лексических единиц, так как синонимы имеют не только стилистические различия (истина — правда — правда-матка), но и различные оттенки значений (истина — аксиома). Вариабельность значений членов синонимического ряда вне стилистических особенностей представляет собой, на наш взгляд, отражение ценностной парадигмы в системе языка на самом простом, первом уровне.

Более глубокая репрезентация ценностного восприятия заложена так же на уровне лексики, но уже с максимальным охватом всех возможных средств выражения. Здесь необходимо дать оценку репрезентативному статусу тех лексем, которые не называют прямо рассматриваемую ценность, но могут обнаруживать её парадигмальность в сознании говорящих и в языковой системе. Например, русскоязычное население имеет возможность произвести градацию такого концепта как «красота» по признаку её выраженности в каком-либо объекте рядом прилагательных: превосходный, прекрасный, красивый, хороший, недурной и т. д. Таким образом, здесь представлено языковое отражение парадигмы актуализации ценности в различных ситуациях. Разность восприятия, оценки, трансляции и даже созидания «красоты» носителями языка находит свою рефлексию сначала в речи, а затем и в системе языка, что впоследствии составляет некую модель не только ситуативной актуализации ценности, но парадигмы ценностного отношения вообще.

Более глубокий уровень языка предполагает сохранение в рамках собственной системы понятий и отношений настолько прочно вошедших в сознание носителей, что их выявление связано с рядом трудностей. Дело даже не в том, что соотнесенность грамматических структур с понятийным аппаратом не столь очевидна, как в случае с лексикой. Грамматика менее подвержена влияниям экстралингвистических факторов, она более стабильна и консервативна, поэтому нашедшие свое место в грамматической системе аксиологические константы являются наиболее древними, малодинамичными и не вызывающими дискуссий в обществе. Иными словами они составляют прочный пласт в национальном сознании народа, и из-за этого трудно поддаются рефлексии.

[1] Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб., 1997. – с. 86–106.

[2] Ценностные аспекты развития науки. – М., 1990. – с. 3–26.

В некотором смысле изучение ценностной репрезентации в грамматике и синтаксисе, возможно, будет более продуктивным при рассмотрении не родного для исследователя языка.

Тем не менее, грамматические категории и отношения представляют собой достаточно достоверный материал для рада выводов. Ещё большую результативность дает изучение синтаксических связей. Стоит подвергнуть детальному диахроническому исследованию в аксиологическом ключе правила согласования, например, существительных и прилагательных русского языка. На первый взгляд существующее положение дел доказывает приоритетную ценность предметов и понятий над признаками. Однако в оппозиции к этой гипотезе находятся результаты синтаксического анализа пар «признак + предмет», где по правилам русского языка прилагательное предшествует определяемому слову. Для сравнения, приведем данные французского языка. Где признак занимает в предложении постпозицию по отношению к предмету, в то время как правила согласования прилагательных и существительных действуют во французском аналогично русским. Не является ли это экспликацией ценностного отношения — открытый вопрос.

Другой пример такого подхода к согласованию возможен на основе данных английского языка, где необходимо согласование всех глаголов подчиненных предложений с глаголом-сказуемым главного предложения в сложных синтаксических конструкциях. Явное преимущество формулы «Кто Говорит Что» над другими способами репрезентации той же ситуации, даже в случаях когда «Что» выражено широко распространенной синтаксической единицей, предположительно, восходит к ценностному приоритету говорящего над высказыванием. Кроме того, диахронический анализ такого рода предложений показывает факультативность адресата высказывания, особенно в религиозных текстах, где «Кто» — это Бог или говорящие за Него, «Что» — слова Бога, а адреса — человек. Невыраженность адресата может служить признаком доминирующего аксиологического статуса говорящего, т. е. Бога, что в свою очередь обнаруживает преимущество духовных ценностей над всеми остальными в период становления этой синтаксической формулы. И хотя в случае английского языка ясно, что до достижения устойчивости эта конструкция испытала огромное влияние романских языков, все же ее перенос по аналогии в тексты светского характера и жизнеспособность в течение огромного периода времени говорят о прочном усвоении англоговорящими предлагаемой ценностной установки.

В завершении статьи хотелось бы еще раз отметить вероятностный характер ее выводов о репрезентации аксиологической парадигмы, особенно в том, что касается грамматического и синтаксического языковых уровней.

Достоверные выводы такого рода требуют длительного и детального поиска доказательств среди языковых фактов разных исторических периодов, сопровождаемых философским анализом текстов исследуемых эпох. Однако даже поверхностный взгляд на проблему, вместе с постулатом об обязательном языковом отражении всех аспектов человеческого мышления, дает достаточные основания для дальнейшей разработки проблем языковой репрезентации аксиологической парадигмы с целью формирования целостного представления о методологическом потенциале языка как средства аксиологического анализа.

Igor Khvorostianyi, Graduate student of the department of History of Ukrainian literature
(Institute of Philology of Kiev National Taras Shevchenko University)
Хворостяный Игорь Григорьевич, Институт филологии
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
аспирант кафедры истории украинской литературы и шевченковедения

Assumptions of the study of the conceptual structure of a literary work

Методологические предпосылки исследования концептуальной структуры литературного произведения

Наиболее полные возможности для определения художественных закономерностей открывает рассмотрение отдельного произведения во всем богатстве его содержания и формообразующих принципов и связей. Такой анализ должен быть ориентирован на индивидуальность автора и его творчество в целом, на эпоху, которая его прямо либо косвенно сформировала, общие тенденции развития современной автору культуры и ее исторические традиции. В аспекте анализа творчества писателей, вошедших в тот или иной национальный литературный канон, продуктивной, на наш взгляд, является методологическая позиция, согласно которой каждое историко-литературное явление кроме закономерных черт общности, имеет также вполне конкретную, ни на что не похожую специфику. В таком ракурсе можем утверждать, что любая стилевая система (например, украинский романтизм или реализм) выражает себя в ярких доминантах, которые и стали индивидуальным вкладом в общую сокровищницу художественности. Любое явление искусства развивается согласно своему уникальному культурно-историческому опыту и воплощает неповторимую национально-этническую ментальность. Таким образом, идея «общего» романтизма, реализма или иного художественного направления уже не может оставаться во всем продуктивной. То же касается и ключевых понятий, формирующих историко-литературный контекст той или другой эпохи, сохраняющих ее «вехи». «Только выяснив эти вехи, мы осознаем характер внутренних изменений и углубления понятий, которые произошли исторически позже. Такой подход может спасти от опасности применения диахронических терминологических отношений к конкретной синхронистичной ситуации»[1]. Указанные выше «ключевые понятия» определенным образом соотносятся с термином «концепт»; таким образом, обращение к историческому (культурному) контексту той или иной эпохи предусматривает определение доминантных для нее концептов. Общепринято, что в художественном произведении найти и определить концепты можно, анализируя его текст. Как правило, концепт «… лучше всего определяется и описывается

[1] Шалагінов Б. Романтичний словник : До історії понять і термінів раннього німецького романтизму/Борис Шалагінов. – К. : Видавничо-поліграфічний центр НаУКМА. – 2010. – 136 с. – С. 6.

через язык»[1], т. е. имеет вербальное проявление. Однако мы не считаем это обязательным условием. Лингвистический анализ текста в таком случае является вспомогательным или еще одним средством (наряду с традиционными методиками анализа произведения), благодаря которому становится возможным более полный взгляд на личность писателя и его произведений.

Современный американский литературовед, профессор Гарвардского университета Дэвид Перкинс, анализируя вопросы истории литературы в ее теоретическом и методологическом аспектах, выделяет еще один вид — концептуальную историю литературы. Исследователь утверждает, что «… этот тип нарратива особо мощный в организации и увязке событий между собой»[2], «В такой истории литературы историческое поле объединяется в целое на основании определенной концепции или системы понятий, проявления которых наблюдаются (…) в литературных произведениях. Во многих таких историях литературы прослеживается судьба концепции, изменение ее характера или ее восприятие с течением времени»[3]. Недостатком концептуальной истории литературы, по мнению Д. Перкинса, является то, что «… любая концептуальная система уделяет внимание только тем текстам, которые соответствуют ее концепциям, видит в текстах лишь то, что имеет значение для концепций и неизбежно сокращает разнообразие и неоднозначность прошлого»[4]. Преодолеть эту проблему позволяет понимание того, что организация истории литературы и ее объяснение тесно между собой связаны, поскольку любое толкование должно раскрывать, почему и как тексты приобретают свои характеристики и чем они отличаются от ранее созданных текстов. Таким образом, концепт будто бы находится между богатством языка и ограничением своего применения, поэтому его использование зависит от конкретного контекста и концептоносителя. Именно в этой связи тот или иной концепт, который является предметом анализа концептуальной истории литературы, должен детерминироваться/поясняться/дополняться историко-литературным, социальным, общефилософским контекстом эпохи, контекстом творчества писателя и под. Определение контекста предполагает, что историк литературы «размещает» тексты или атрибуты текстов, которые он объясняет, в совокупность других текстов или обстоятельств, помогающих объяснить рассматриваемый текст. Стоит также отметить, что термины «контекст» и «текст» не является абсолютно четкими. Исходное значение понятия «контекст» (от лат. com, con — «с», «со» и «textum» — «ткань», «вязь») предусматривает определение контекста как определенного целого, связующего и объясняющего конкретные явления и процессы. Таким образом, контекстуальность является потенциальной полнотой объекта, явления, процесса. Итак, будем опираться на понимание текста как совокупности взаимосвязанных значений; значения эти могут непосредственно содержаться в самом тексте или выводиться из контекста.

Как методологический принцип контекстуальная история литературы создает определенное проблемное смысловое поле, которое формируется благодаря коммуникативному потенциалу контекста, содержащего возможность отклика, общения, диалога. Поэтому контекстуальность как феномен в итоге выступает реализованной возможностью и приобретением имплицитным «проявленности», совершения «явленного». С этой позиции выявление скрытого и есть контекст.

Контекстуальный подход с этой точки зрения позволяет раскрыть отношение «внешних» форм произведения к его содержанию, при этом контекстуальность является такой внутренней формой, которая при всей относительности, «неосознанности» определенных смыслов удерживает единство культурного дискурса. Определение контекста, таким образом, представляет взаимообусловленный процесс: смыслы возникают на границах контекста через его постоянное уточнение. Вместе с тем, особенностью контекста как такового является то, что он не имеет конкретных рамок — он бесконечно широк, поэтому истолковать контекст в полной мере просто невозможно. Именно поэтому реализация задач, которые ставит перед исследователем контекстуальная история литературы, предполагает осознание того, что контекстуальное объяснение зависит от модели исторического процесса: между контекстом и событием, которое он объясняет, необходимо установить последовательность или причинную связь (Д. Перкинс называет такие связи медиацией[5] и выделяет ряд подходов к ее определению: 1 — литературное произведение непосредственно отражает мир, в котором живет его автор; 2 — литературный текст является выражением сознания и чувств автора, косвенно формирующихся личным опытом; 3 — текст формируется социальными условиями и политической историей, но литература не выражает и не отражает эти факторы непосредственно, а делает это в идеологическом преломлении[6]). Мы считаем, что, учитывая указанные способы медиации, следует также помнить о роли традиции, условности и стилизации в литературном творчестве, ведь связи между текстом и контекстом осуществляются не на индивидуальном, а на культурном уровне, в антропологической концепции культуры.

Следовательно, концептуальный анализ художественного произведения требует обращения к его культурному контексту, апеллирует к понятию традиционности как консолидирующему фактору. В пользу приведенного тезиса свидетельствуют как данные этнопсихологии («Сложившаяся как проявление обыденного сознания традиционность властно проявляет себя во всех сферах жизни человека, часто в нечитабельных формах, которые остаются незамеченными снаружи, однако существенно корректируют и направляют психическую жизнь человека (…) Состояние традиционности определяет морально-психологическую атмосферу, в которой формируется поведенческая модель человека, непосредственно отражается на характере межличностных связей и вообще социальных коммуникаций»[7]), так и понимание самой сущности культурной значимости («… истории литератур регионов, общественных классов, женщин, этнических групп (…) выполняют те же

---

[1] Каратєєва Г. М. Концепт/текстовий концепт-константа : проблематика тлумачення/Г. М. Каратєєва//Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Сер. : Романо-германська філологія. – 2007. – № 773, вип. 52. – С. 42.

[2] Перкінс Д. Чи можлива історія літератури?/Девід Перкінс ; [перекл. з англ. А. Іщенка]. – К. : Вид. Дім "Києво-Могилянська академія", 2005. – 152 с. – С. 43.

[3] Там же. – С. 97.

[4] Там же. – С. 44.

[5] Там же. – С. 105.

[6] Там же. – С. 99.

[7] Куєвда В. Т. Міфологічні джерела української етнокультурної моделі : психологічний аспект : [монографія]/Володимир Куєвда. – Донецьк : Український культурологічний центр, Донецьке відділення НТШ, 2007. – 264 с. – С. 209.

функции, что и истории национальных литератур XIX века. Они утверждают мнение, что группа, о которой в них говорится, имеет свою литературную традицию и произведения, которые в нее входят, являются ценными»[1]).

Такой подход позволяет, с одной стороны, сделать прошлое «живым», частью сознания современного, открывает данные, которые делают художественное произведение (творчество писателя) важным, а с другой — эстетические аспекты, которые делают его прекрасным. Концептуальная история литературы в контекстуальном анализе объясняет аллюзии в текстах; устанавливает ожидания, связанные с конкретным концептом в определенное время и в определенном месте; показывает, как произведение делает прорыв в условиях общего кризиса общественной/эстетической системы; наконец, побуждает одну эпоху отнестись критически к другой, а значит, и выполняет самую важную миссию гуманитаристики: «Как историки литературы они переживают и побуждают нас переживать вместе с ними шок оценок, усилия воображения, кризис понимания и сочувствия каждой подлинной встрече с прошлым, стремящимся быть объективным …»[2].

Резюмируем: концепт находится между богатством языка и ограничением применения, поэтому его использование зависит от конкретного концептоносителя и контекста. С одной стороны, через концепт происходит этнокультурная авторизация семантических единиц — соотнесение их с авторской индивидуальностью, языковой личностью, которая является носителем национального менталитета, то есть концепт отражает психологические и этнопсихологические особенности, картину мира ее носителя, а с другой — концепт (как и сама авторская индивидуальность) детерминируется особенностями эпохи, в которую он — в каждом конкретном варианте — существует.

Несмотря на то, что проблема концептуального анализа привлекала и продолжает привлекать внимание ученых[3], пока не хватает должного единства взглядов на определение его специфики. Ее выяснению мешает и двусмысленность самого термина «концептуальный анализ». Исследовательница С. Никитина справедливо замечает, что он может означать «… и анализ концептов, и анализ с помощью концептов»[4]. В лингвистике концептуальный анализ обычно предусматривает моделирование и описание концептов как один из способов реконструкции языковой картины мира.

Стоит также отметить, что проблема концептного анализа того или иного литературного произведения предполагает не только определение лейтмотивных для него концептов, но и выяснение категориальных основ их функционирования. Общепризнанно, что специфика исследуемого материала в значительной мере определяет характер теоретического аппарата рассмотрения, важной составляющей которого (в нашем случае) являются определенные философские категории. Однако философское литературоведение сегодня насчитывает не такую уж и богатую историю. Поэтому вполне закономерно, что проблема, поставленная в центре нашего исследования, побуждает к определенным философским рефлексиям литературоведческого характера, а цель данной разведки предусматривает рассмотрение ряда вопросов: как соотносятся понятия «философия» и «литература»; может ли философская проблема быть предметом исследования историка литературы; в чем роль и функции художественного концепта в реализации философских проблем произведений писателя.

Слова Альбера Камю — «Хочешь быть философом — пиши романы»[5] — содержат не только признание интеллектуальной драмы современной цивилизации, когда мысль начала терять стремление универсальности, но и максимально концентрируют видение родства двух сфер: философии и литературы. Любая философская идея, которая содержится в художественном произведении, либо вербализуется в тексте «напрямую», либо присутствует в нем имплицитно (например, как определяющая интенция сознания героя художественного произведения), существует в пределах данного художественного целого, его системы — поэтому рассмотрение того или иного текста без обращения к философской подоплеки образов литературного произведения является актом разрушения этой системы, а значит, фальсифицирует саму идею художественного текста как формосмыслового явления. Как отмечают исследователи, и литература, и философия, «… концепционно родственные, поскольку обе полагаются на родственные познавательные категории и на воображение»[6]; в литературе «… мощно репрезентировано большинство понятий, отражающих спектр общечеловеческих моральных и духовных ценностей, универсальных категорий бытия»[7].

Общеизвестно, что в древности существовало нерасчлененное единство художественной и философской литератур. Если в диалогах Платона поэзия все же не является подлинной мудростью, то Аристотель утверждает, что искусство сродни философии: «… поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история — об отдельном…»[8]. Кроме того, по убеждению С. Крымского, «На высшем витке спирали цивилизационного развития философия, якобы воспроизводя времена античности, снова становится «всем» (разумеется, не по содержанию конкретных наук, а по сфере своего применения). В результате размываются границы философии как отдельной дисциплины … «[9].

На наш взгляд, сближение философских идей и художественных образов происходило на основе решения проблемы человека, которая объединяет философа с художником и мотивирует последнего к философским рефлексиям. Таким образом, в реальном историко-художественном процессе философское знание, предшествующее художественной деятельности,

---

[1] Перкінс Д. Чи можлива історія літератури?/Девід Перкінс ; [перекл. з англ. А. Іщенка]. – К. : Вид. Дім "Києво-Могилянська академія", 2005. – 152 с. – С. 142.

[2] Там же. – С. 144.

[3] Концептуальный анализ : Методы, результаты, перспективы : тез. Конференции/АН СССР Ин-т языкознания. – М., 1990.

[4] Никитина С. Е. О концептуальном анализе в русской народной культуре/С. Е. Никитина//Логический анализ языка. Культурные концепты/Сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 117–123. – С. 117.

[5] Камю А. Записные книжки/Альбер Камю. – Режим доступа : http://bookz.ru/authors/kamu-al_ber/zapisnye_knizhki/1-zapisnye_knizhki.html

[6] Фізер Дж. Філософія чи філо-софія Тараса Шевченка?/Дж. Фізер//Слово і час. – 1990. – № 5. – с. 33–40. – С. 140.

[7] Дзюба І. Шевченкофобія в сучаснійУкраїні/Іван Дзюба//Українська мова та література. – 2007. – № 9, березень. – С. 3–9.

[8] Аристотель. Об искусстве поэзии/Аристотель ; [пер. В. г. Аппельрота и комм. Ф. А. Петровского]. – Москва : Гослитиздат, 1957. – 183 с. – С. 68.

[9] Кримський С. Б. Запити філософських смислів/Сергій Кримський. – К. : ПАРАПАН, 2003. – 240 с. – С. 6.

усваивается и преобразуется им настолько активно, что в тексте становится либо совершенно незаметным, либо существует в виде своеобразного слоя философски существенного рассуждения, которое как такое уже теряется, наполняясь частью нового, качественно иного, содержания. Роллан Барт пишет по этому поводу, что «… для писателя вопрос «почему мир такой?» полностью поглощается вопросом «как о нем писать?»; но самым удивительным является то, что на протяжении веков такая деятельность служила постоянным стимулом к вопросительному статусу литературы: заботясь, «как писать?», автор в итоге неизбежно сталкивается с вопросом «почему мир такой?», «в чем смысл вещей?»[1]. Разница заключается в том, что ответ философа будет вычленирован из ценностного контекста его мыслительной системы, а ответ писателя — «вплавленым» в контекст его произведения, «будет просвечивать сквозь него». Разум, преодолевший границы единичного человеческого бытия (в ответе философа) можно сопоставить с ответом-намеком писателя, в котором ощутимой будет тоска по неизведанному, непостигнутому богатству жизни.

Здесь следует определить еще один аспект данной проблемы. Поскольку художественное (литературное) произведение предстает как эстетически организованная система смыслов, стоит говорить о специфике их реализации в пределах конкретного произведения. В таком случае философия выявляет свою природу как глубина мышления, что проявляется не только в системе специальных понятий и категорий, но и в художественных концептах. Философичность литературы, таким образом, поднимается над эстетическими измерениями художественных текстов, выступая тем общим, что может объединить различные произведения одного или нескольких авторов. В таком ракурсе актуализируется философия литературы как интегрированное понятие, отражающее процесс поиска и постижения истины в литературе и литературой, являющийся одним из источников вечных вопросов человеческого духа касательно содержания абсолютного, смысла жизни и смерти, тайны человеческой самости и разгадки кодов истории.

Итак, философия соприкасается с творческим потенциалом человеческой духовности и ее общественно значимой результативностью. Она определяется в своем непосредственном отношении к социально-культурной рефлексии человечества. Несмотря на то, что запросы философских смыслов возникают сейчас во всех сферах творческой деятельности, следует говорить о постепенной утрате философией своей дисциплинарной спецификации; с другой стороны — такие же процессы наблюдаются и в области современной филологии, приобретающей сегодня вид дисциплины интегративного характера. В этом аспекте и актуализируется понятие философии литературы как многоаспектной проблемы, в процессе осмысления которой раскрывается роль художественного произведения как системы, структуру которой составляют смысловые комплексы историко-культурного, эстетического, духовного и др. планов (концепты). Именно поэтому характеристика концептов того или иного произведения невозможна без выяснения их интерпретации в философских концепциях, поскольку каждая из них раскрывает ту или иную сторону мировоззрения автора на современном для него этапе осознания определенных понятий. Эти понятия находят отражение в первую очередь в структуре художественного текста, где наблюдается соотношение общего концепта, текстовых категорий с отдельными концептуальными макроструктурными явлениями.

[1] Барт Р. От науки к литературе [Электронный ресурс]/Ролан Барт. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature1/barthes-94d.htm

Section. 15. Philosophy

Bolshakova Olga Vitalievna, State institution «South Ukrainian national pedagogical University of a name of K. D. Ushinskiy», Department of philosophy and sociology
Большакова Ольга Витальевна, Государственное учреждение «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского», кафедра философии и социологии

Subjective and objective in the law as social and anthological-gnosiological problem

Субъективное и объективное в праве как социальная и онтологично-гносеологическая проблема

Проблема объективного и субъективного в праве является одной из центральных и сложных проблем социальной философии. Проблема объективного и субъективного в праве как форме общественного сознания, к сожалению, не получила должного освещения в научных трудах по социальной философии. Право по своей сути объективно — субъективно. И юридическая практика должна учитывать этот двойственный характер права. Социальные изменения в украинском постсоветском обществе еще с начала трансформационных процессов приобрели черты «социального безумия» и такими они остаются до «этого времени, сопровождаясь абсурдностью политической жизни, материальной нищетой подавляющей части общества, потерей социального, статуса, неэффективностью» экономических реформ и другими негативными явлениями. Окружающая среда стала для человека своеобразным диктатором, вмешиваясь в повседневное бытие, навязывая личности, свои «правила игры». Такие негативные явления в первую очередь влияют на характер социальной среды, его структуру и социальные нормы, общежития[1]. Недооценка соотношении объективного и субъективного в праве приводит к негативным последствиям. При игнорировании объективных факторов права процветает субъективизм, волюнтаризм. А при игнорировании субъективных факторов право становится оторванным от реальной действительности, что делает его крайне неэффективным и недейственным.

В отечественной науке есть определенное количество работ, посвященных проблеме объективного и субъективного в праве. Так, указанной проблематике посвятили свои работы такие ученые как: С. С. Алексеев, В. В. Войтов, Ю. М. Дмитриенко, А. И. Ивакин, Ю. Ю. Калиновский, С. И. Максимов, и другие. Отметим, что данная проблема рассматривается в большинстве случаев в рамках теории права и философии права — в трудах специалистов в области теории государства и права, философии права рассмотрены некоторые вопросы, касающиеся объективной и субъективной природы права. Однако в рамках социальной философии исследования объективного и субъективного в праве (как форме общественного сознания) не осуществлялось.

Право педставляет собой сложное многоплановое и многофакторное явление, оно, как часть реального мира, вызывает неоднозначную оценку его места и значения в этом мире. Возникает вопрос: к которой реальности отнести право: объективной или субъективной. Для того чтобы ответить на него, прежде всего, необходимо определить, что относится к категории «объективное», а что — к категории «субъективное».

Новая философская энциклопедия так определяет объективное и субъективное. Объективное — то, что существует независимо от индивидуального сознания; прежде всего это физические вещи и события в пространстве и времени, другие люди, их действия и состояния сознания, собственно тело индивида. Субъективно — то, что характеризует субъект или является производным от субъекта и его деятельности. Исторически субъективное понималось в классической философии как особый внутренний мир сознания, несомненный и самодостоверный, к которому субъект имеет непосредственный доступ. В таком качестве субъективное было противопоставлено объективному миру физических вещей и событий (включая и тело субъекта) как существующего вне субъективного и как абсолютно достоверного. Субъективное не может рассматриваться как особый мир, который содержит такие «предметы», как переживание, представления, образы памяти воображения, желание и т. п., а является способом ориентации субъекта во внешнем мире[2].

Обобщая взгляды авторов на содержание понятий объективное и субъективное, отметим, что объективной является та реальность, которая обладает двумя свойствами: а) существует вне сознания человека, б) не зависит от его воли. Субъективной реальностью можно признать ту, которая определяется двумя противоположными свойствами: а) существует в сознании человека б) зависит от его воли.

В целом для современной философии категория «субъект» является фундаментальной, как и категория «объект».

Субъект (лат. subjectus — то, что находится в основе) как философская категория раскрывает качество активности человека, служит описанию места человека в мире, специфики человеческого бытия. Субъект понимается как носителя предметно-практической деятельности и познания, источник активности; как автора действий, способного к целеполаганию.

Объект (от лат. Objectum — предмет) — это «нечто, существующее в реальной действительности (то есть независимо от сознания): предмет, явление или процесс, на которые направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта (наблюдателя)»[3].

---

[1] Кавалеров А. І., Кавалеров А. А. Молодь – суб'єкт політичної дії//Перспективи. 2004. № 2–3(26–27). С. 3–4

[2] Новая философская энциклопедия: в 4 т./Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010//Електроний ресурс Режим доступу: http://iph.ras.ru/elib/2153.html

[3] Общая психология. Словарь/под. ред. А. В. Петровского//Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах; ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. - М. : ПЕР СЭ, 2005. С. 187–188

Субъект-объектное отношение является сущностным выражением практической деятельности в целом, поэтому, если субъект-объектное отношение не может быть отнесено только к субъекту, то это справедливо и по отношению ко всей практической деятельности в целом.

Субъективное не сводится только к общественному или индивидуальному сознанию. Субъективное — это разного рода целенаправленная деятельность. При этом суть субъективного проявляется в отношении к объективному, содержится в практической деятельности людей.

Понятие «объект» и «субъект», а также — «объективный» и «субъективный» как свойства того и другого не следует путать с двумя антагонистически противоположными принципами познания и момента познания объективностью и субъект объективностью. Например, под объективной диалектикой понимают противоречие, изменчивость и системность вполне реальных, объективных событий, тогда как под субъективной диалектикой понимают диалектику в функции теории познания и содержательной логики, используемых субъектом познавательного процесса. И это, как можно понять, совсем другой аспект соотношения этих категорий: в этом и других подобных случаях мы говорим о двух, диалектически противоположных, т. е. неразрывных, стороны одной и той же системы развития реальных вещей или явлений или системы развития процесса познания.

Таким образом, объективность в широком смысле — как необходимый и непременный принцип познания, без которого последнее теряет всякий смысл, в то же время обязательно включает в себя единство субъекта и объекта и соответственно — субъективного и объективного. И такие мыслители, как Н. А. Лосский и Н. А. Бердяев постоянно подчеркивали, что субъект и объект, а также их соотношение не могут трактоваться чисто гносеологически, но обязательно — и онтологически, причем онтологический аспект их взаимосвязи и взаимоотношений выступает главным. Ведь Мир в целом есть и субъект, и объект одновременно[1].

Неверно сводить субъективное и к сознанию, так как в содержании нашего сознания есть независимая от нас сторона. В этом смысле понятие субъективного и сознания совпадают лишь частично. Кроме того, субъективное не остается в пределах сознания, а проявляется и в самой деятельности человека (субъективный фактор). В равной мере нельзя относить понятие объективного только к материальному миру, ибо оно характеризует также такое содержание наших мыслей, которое соответствует объекту.

Таким образом, соотношение объективного и субъективного в имеет специфические черты. В целом при образовании представлений субъективный момент познания усиливается, а объективное содержание расширяется.

Ощущение субъективно, поскольку обусловлено воспринимающим субъектом, но, в то же время, оно и объективно, потому что в той или иной мере адекватно своему объекту. Ощущения и восприятия — это не чисто субъективные переживания, а прежде отражения действительности. На содержание ощущений, восприятий, представлений влияют не только анатомо-физиологические особенности человека, те или иные психические факторы, но и социальная сущность субъекта. Это сказывается опосредованно, через влияние на чувственное отражение мышления и языка.

Таким образом, разграничение объективного и субъективного — это противопоставление реального общественного бытия, которое люди застают в готовом виде, как нечто для них данное, наличное, как предметный мир и определенный характер их деятельности и социальных отношений (объективность), и люди оказываются в состоянии осуществить цели и действия по совершенствованию, развитию и преобразованию социального бытия (субъективность).

По мнению С. С. Алексеева, решающим и исходным при анализе объективного в праве является рассмотрение права с точки зрения соотношения общественного бытия и общественного сознания[2]. С этой точки зрения автор признает, что право относится к области субъективного. Объективным в данном рассмотрении является общественное бытие — материальное производство, производственные отношения и свойственные им объективные законы. В то же время С. С. Алексеев обращает внимание на то, что характеристика права как явления, касается области субъективного, указывает на потенциальную опасность субъективизма при издании и применении юридических норм[3]. Исходя из такой постановки проблемы, автор выделяет объективные аспекты права. В качестве первого аспекта подчеркивается тот факт, что, содержание права обусловлено экономическим базисом, общественным бытием, потребностями общественного развития. Вторым объективным аспектом является то, что «в отношении индивидуального сознания, а также к науке и другим формам общественного сознания именно право выступает как специфическая объективная реальность»[4]. Таким образом, право в данной концепции признается специфической объективной реальностью только по отношению к индивидуальному сознанию и другим формам общественного сознания. С другой стороны, автор отмечает коренные объективные свойства права — его нормативность, принудительность, формальную определенность.

Б. В. Шейндлин подчеркивает равноправие и диалектическую связь объективного и субъективного в праве[5]. Он отмечает, что право как система норм по своему содержанию имеет вполне объективную основу. Но вместе с тем как идеологическое явление право сознательно создается, формируется государством, его органами, которые наделены полномочиями правотворчества. Право, таким образом, выражает единство двух сторон общественной реальности — объективной и субъективной[6].

Зависимость объективной и субъективной характеристики права от онтологического или гносеологического анализа отмечает и М. Ф. Орзих, одновременно подчеркивая относительность подобных суждений. По его мнению, в гносеологическом и онтологическом аспектах объективное и субъективное одновременно релятивное, относительные и достаточно определенные, чтобы быть узловым пунктом для решения научно-практических проблем. Право, при этом, в макросоциальной системе — субъективный фактор. Объективным феноменом оно выступает здесь только в гносеологическом плане: как явление, существующее вне и независимо от сознания субъекта[7].

---

[1] Івакін О. А. Об'єктивність як неодмінний принцип пізнання//Актуальні проблеми держави і права: Збірник наукових праць.– Одеса: Юридична література. 2006. Вип. 29. С. 99–100.

[2] Алексеев С. С. Объективное в праве//Правоведение. 1971. № 1. С. 112.

[3] Там же. С. 112

[4] Там же. - № 1. С. 113

[5] Шейндлин Б. В. Объективное и субъективное в праве//Правоведение. 1961. № 4. С. 123–126.

[6] Там же. С. 123.

[7] Орзих М. Ф. Объективное, субъективное и юридическое//Правоведение. 1972. № 3. С. 94–95.

Право, по нашему мнению, создается людьми и для людей. В конечном итоге право — это по своей сути воля, воля законодателя. При всем том, что законодатель ограничен объективными условиями, в рамках этих условиях он действует самостоятельно, произвольно, то есть субъективно. Право остается правом, и нормы сохраняют свое значение, независимо от отношения к ним отдельных субъектов и их поведения. Это мнение довольно точно выразил И. А. Ильин: «Люди могут не последовать за голосом права, открыто переступая его требования или трусливо прячась. …Но в то же время значение права таково, что действительно ставит человека перед некоторой «нормативно-ценностной» безысходностью: ему практически предоставлена возможность неповиновения, но нет средств для того, чтобы изменить или погасить противоправную природу его поступка»[1]. В этом и выражается объективное значение и природа права относительно отдельного индивида.

Таким образом, приняв за основу относительность права как такового, мы считаем, что с точки зрения всего реально существующего мира право — это субъективная реальность, с позиции отдельно взятого индивидуума право — это объективная реальность, а с позиции общества в целом — право есть как объективной, так и субъективной реальностью одновременно. Субъективно-объективное в праве как форме общественного сознания — это, во-первых, понимание человеком права и, во-вторых, само право. Итак, мы видим диалектический (исторический и логический) процесс совершенствования, развития правосознания, правопонимания.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Объективное в праве//Правоведение. — 1971. — № 1. — С. 110–116.
2. Івакін О. А. Об'єктивність як неодмінний принцип пізнання//Актуальні проблеми держави і права: Збірник наукових праць.– Одеса: Юридична література.- 2006. — Вип. 29. — С. 99–102.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания. — М: Рарогъ, 1993. — 235 с.
4. Кавалеров А. І., Кавалеров А. А. Молодь — суб'єкт політичної дії//Перспективи. — 2004. — № 2–3 (26–27). — С. 3–6
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т./Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010//Електроний ресурс Режим доступу: http://iph.ras.ru/elib/2153.html
6. Общая психология. Словарь/под. ред. А. В. Петровского//Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах; ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2005. — 251 с.
7. Орзих М. Ф. Объективное, субъективное и юридическое//Правоведение. — 1972. — № 3. — С. 93–97.
8. Шейндлин Б. В. Объективное и субъективное в праве//Правоведение. — 1961. — № 4. — С. 121–127.

Mahammad Hajiyev
The Azerbaijan Republic. Nakhchivan State University. Assistant professor.
Гаджиев Магомед Шахбаз оглы, доцент кафедры «Общей математики»
Нахичеванского Государственного Университета Азербайджанской Республики.

Abstraction and science philosophy

Абстрагирования и философия науки

Issues connected with philosophy of the sciences were formed in the XX century and reflect modern features and assume special importance.

Just arising and formation of this field caused arising and development of the mechanism of invigorative influence to study the development history of the sciences, philosophical problems of the concrete scientific areas, the place, role and essence of scientific knowledge in human society, as well as, researching and investigating of scientific areas from logical point of view, methodological, psychological and social problematic issues deeply. Arising and forming of this field opened wide opportunities to forming of the organs of corresponding publication and specialist potentiality accordingly connected with this field and that gave impetus to the investigation of the problems connected with field in a certain sense.

Arising and formation of the philosophy of the sciences from the point of view of studying of the philosophical knowledge necessitated to pay more attention to put forward decisively and investigate the problematic principles connected with nature and essence of the scientific knowledge, as well as, further development of scientific knowledge. Such a feature caused to come to conclusion that investigations connected with mutual accusations of the philosophical trends which are of specific importance and character from philosophical point of view and directed towards different directions are senseless. So reasons directed to the solution of the issue put forward by different trends and results they got created condition for different and fully contradictory results by approaching from different sides. It is natural that one cannot get total result from these contradictory results. And from this point of view arising and formation of the new fields of knowledge, such as philosophy of the sciences is not only useful, but also it attains positive essence and this occupies a special place and role in comprehension.

Arising and formation of the new mathematical-scientific fields caused arising and development of the approaching forms and methods which are new in comprehension in the special case that they became possible with help of the direct mathematical abstraction. Development of the sciences is a process which does not need a proof that it is not possible not to perceive it distinctly. If we look through different periods of the development of sciences, we can see that development tempo of the sciences differ more or less in definite times comparatively. But problematic issues related to the development of sciences get more complex character from point of view solution of problematic problems and it is, in general, a feature as a result of global changes in the humanity and from this point of view searching answers to the following questions is closely connected with the solution of the problematic issues connected with development of the sciences in a certain meaning:

1) What does development mechanism of the sciences consist of by essence?

[1] Ильин И. А. О сущности правосознания. - М: Рарогъ, 1993. С. 183

2) What is the novelty of innovations which became scientific knowledge, concretely, connected with corresponding subjects of the scientific fields?

3) By which superior features do gained innovations differ from previous ones?

4) What and for which features of theirs are removed from the system of previous knowledge in comparison with newly gained?

It is natural that if we pay attention to the content of the above questions, it is easily possible to understand that the questions put forward are so detailed, comprehensive and complex that no modern investigator is able to have enough detailed information about such many-field scientific fields. Modern investigator will be able to have some comprehensive information about a few special subjects in the best case. While dealing with development of science one can speak about them in general and we express our thoughts with examples in the exceptional cases. And what we noted shows as a fact that studying of developmental models of scientific knowledge comprehensively is connected with objective difficulties. So application of a new model in a definite field to the other scientific fields is connected with specific difficulties. From this point of view we must always bear in our mind such a question that what are general features connected with all the scientific fields, concretely what objective and specific features a concrete field has and what methods of this field connected with comprehension exist. It is clear from above explanations that while dealing with scientific knowledge we must not only touch upon on the fields connected with natural sciences, but also it is necessary and important to pay attention to other fields, like social (public), humanitarian, etc. If we pay attention to scientific results, scientific innovations gained by the prominent scientists connected with scientific fields of the XX century, theories they created thoroughly, for instance; G. Galiley, I. Nyuton, A. Eynshtein, N. Bor and V. Qeyzenberq, etc., then we shall see how deeply these geniuses comprehended or perceived the place, role and importance of the philosophy in the scientific fields. So, if each of them was a scientist with their theoretical discoveries of human importance, it became possible for their views connected with philosophical scientific fields and their philosophical scientific knowledge created condition for it[1].

Though a number of comprehensive and rich investigations and generalizations carried out connected with philosophical scientific field in the XX century, a few scientific-philosophical conceptions were formed in this area, they have always been in the critical relation to one another. But one and foremost of the basic achievements of the XX century are methodological structures and to name them theories would be more expressive. Structures of the scientific theories have been studied fundamentally in the stage that we name modern and levels of the scientific comprehension, relations among them, main principles that can be logical-methodological and scientific research methods themselves have just been investigated as basic factors of comprehension and abstract images of sciences have been formed. Mathematical structures, fields which mathematics are engaged in its present development stage, for instance, algorithms theory, abstract algorithms theory, Bull algebra, Li algebra, category in the higher algebra preparing of functors, preparing the fields connected with predicate, etc. in the classic meaning pull off from the circle of scope of the relations of quantity used from point of view to express the manner coming forward from the philosophical essence and it is quite natural necessity from this point of view to take into consideration the conception of quantity for modern mathematics in the wider meaning[2].

It is clear that the quantity conception having special place in the system of sciences in the wide meaning as well as, quality conception are philosophical categories and it has been enough dealt with these in some sources. The place of the scientific mathematics connected with such problems, and the role of it with the issues that have been touched upon, need really commentary seriously. And from this point of view to answer the question like "Which specific features do "quantity correlations" and the conception of "quantity-space relations" which is understood as the generalization of this conception possess, according to which typical features and properties is namely just the image of mathematics science connected with this conception?" is an actual problem.

It is clear that each object, body, phenomena and process has its own inner laws and objective laws being specific and integral, differentials of quantity and quality, forms and context. The questions like "What does these philosophical categories concern with quantity correlations of quantity learnt in the mathematics and forms of place? What connections and relations exist among them? What "share" does this mathematical relation demand from these philosophical categories?" are natural to need serious commentary[3].

It is known that conceptions of quantity, form, quality are not the same things, but though they are directly connected with the nature, "selves" of these phenomena and processes, as if they are a bit indifferent to quantity, form, context, quality and their nature. For instance, event and process do not remain as the same by quality changing, they possess another new quality definiteness immediately, but as a result of quantity change event and process can remain until the definite limit in its previous quality. And the basic peculiarity for mathematics is the indifference point in this process. And these are such objective necessities for mathematics that thanks to it puts aside the quality and context of the object it studies as unnecessary thing mentally and puts their quantity and forms in the forefront "purely" and it carries out the work with the last acquired. For this purpose it isolates the quantity and the form of the events, processes from their in reality inseparable quality and context they had and in reality mentally and it investigates them as an independent object.

From the above said it is possible come to such a conclusion that if we can speak about quality and context as mentally completely isolated, the relation and form deprived, so the dealt conceptions (objects) belong to the circle of scope of the mathematical science, sphere of influence, system of objects of the mathematical science. It is natural that it happens through mathematical abstraction.

References:

1. Akperov M. S. Philosophical problems of mathematics. Baku. Элм, 1992, 201 with.
2. Alexanders A. D.problem of a science and positions of the scientist. The manual — TH.: Мысыль, 1988, 384 with.
3. Ruzavin G. I. Science philosophy. M: ЮНИТИ, 2005, 387 with.
4. Ruzavin G. I. Philosophical problems. M: ЮНИТИ, 2005, 182 c.
5. Ruzavin G. I. The concept of modern natural sciences. M: Gardarika, 2005,240 with.
6. Stepin V. S. Filosofija of a science: the General problemy. th.: Gardarika, 2006, 380 with.
7. Philosophy: the Textbook/under the editorship of A. F. Zotova, V. V. Mironov, A. V. Razina.-4-е изд. — M: the Academic prospectus, Triksta, 2007, 688 with.

[1] Stepin V. S. Filosofija of a science: the General problemy. th.: Gardarika, 2006, 380 with. P 215

[2] Ruzavin G. I. Science philosophy. M: ЮНИТИ, 2005, 387 with. P 198

[3] Alexanders A. D.problem of a science and positions of the scientist. The manual - TH.: Мысыль, 1988, 384 with. P 65

Grebenshchikov Elena Georgievna, The Kursk state medical University,
associate Professor of the Department of philosophy
Гребенщикова Елена Георгиевна, Курский государственный медицинский университет,
доцент кафедры философии

Humanitarian expertise in the "risk society"

Гуманитарная экспертиза в «обществе риска»[1]

Проблема экспертизы и экспертного знания не теряет своей актуальности уже несколько десятилетий, являясь одним из ключевых моментов в обсуждении комплекса вопросов, связанных с «обществом риска» и «обществом знаний». Также симтоматично, что современная культура нередко описывается как экспертная культура, в которой регулятивные функции выполняют не только традиции, но и экспертные суждения и оценки.

В середине прошлого века Н. Луман утверждал, что «общество шокировано рисками, поскольку нет решений этих проблем». Эта позиция сыграла существенную роль в трактовке процессов увеличения рисков и необходимости расширения экспертизы. Однако Х. Новотны полагает, что современная ситуация скорее характеризуется процессами «демократизации экспертизы». Во-первых, эксперты вынуждены отвечать на вопросы, которые выходят за область чистой науки; во-вторых, ученые должны ориентироваться на гетерогенные когнитивные модели общественности[2].

Фактически, речь идет о билатериальном процессе, в котором наука и общество одинаково заинтересованы в формировании эффективных форм обсуждения рискогенного потенциала современного научно-технического развития. Общая установка подобных механизмов рассматривается в рамках трансдисциплинарной теоретической рамки, ориентированной на новые параметры производства знания, активной участие общественности в обсуждении сложных проблем и рисков, а также развитии соответствующих социальных механизмов и процедур гуманитарной экспертизы новых проектов.

В этом контексте востребованность трансдисциплинарных механизмов определяется не только возможностями социального распределения знания, но и созданием среды опосредующего взаимодействия различных структур и социальных актров. Знание, в свою очередь, оказывается итогом множества интеракций, а важной характеристикой его получения выступает двойная рефлексия на производство знания и на социальные и аксиологические параметры самих этих способов производства. При этом формат трансдисициплинарных проектов изначально настроен на параметры совместной деятельности, хорошо описываемой П. Д. Тищенко применительно к сфере биоэтики концептом «кон-такт», удерживающем «не только смысл совместности, но и смысл «такта» как характеристики у-местного, свое-временного и реализованного со-размерно ситуации действия»[3].

Принципиальный момент организационного формата трансдисциплинарных проектов — неиерархический сетевой характер связи включенных сторон — просматривается, прежде всего, в порождении поля совместного, общего действия, в котором происходит взаимообмен и взаимовлияние различных позиций и целевых ориентиров, действующих по принципу «общности по настроению». Очевидно, что последняя установка предполагает развитие диалогических форм интеракции, реализуемых благодаря механизмам обратной связи. Последние в духе Г. Бейтсона могут быть поняты, как факторы саморегуляции и оптимизации сложной социальной системы, а, вместе с тем, и инструменты самокоррекции представлений человека о социальной реальности, и ресуры самообучения социальной системы. Принципиальный момент их потенциала связан с возможностями влиять на значительное число факторов, выходящих за границы конкретного случая или проблемы.

«Сложностная» новизна современности вырастает не только из сугубо прагматических, вещественных активов, но и из соответствующих им социальных технологий, способных сбалансировать вызовы и угрозы стремительно нарастающей динамики технонауки. Противопоставленные завораживающей риторике «технологического высокомерия» социальные «технологии смирения»[4], как обозначила их Ш. Ясанофф, выступают симметричным ответом на вопросы о целях, выгодах и способах познания всех тех проектов, которые так или иначе затрагивают человека и общество. «Вопросы, которые мы должны задавать практически относительно любого предприятия, которое нацелено на изменения в обществе: какова цель? кто будет испытывать трудности; кто получит выгоды; как мы можем знать?». Очевидно, что за общей установкой и теоретическими рассуждениями должна следовать практическая реализация мер, направленных на предотвращение «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили).

В этом контексте интерес представляют биомедицина и биотехнологии, интенсивно развитие которые уже выражено в определении современного исторического этапа как «эры биотехнологий». Оказывая непосредственное влияние на здоровье человека, его благополучие и окружающую среду в целом, они становятся центром биоэтическиъ дискуссий относительно рискогенного потенциала технонауки. Поскольку большинство инноваций в сфере биотехнологий находятся на стадии проектирования или разработки, их существенной чертой является принципиальная неполнота знания, что выводит рассматриваемую проблематику в область ответственности за будущее (Г. Йонас), а специфику актуальной полемики определяет общая установка на необходимость развития гуманитарных форм оценки риска.

Гуманитарная экспертиза[5], разрабатываемая Г. Скирбекком, Б. Г. Юдиным, И. И. Ашмариным, Г. Б. Степановой и другими исследователями в этом контексте рассматривается как комплексная форма и социальная технология опережающей оценки рисков. Возможность такого опережающего реагирования предполагает принятие как минимум двух исходных посылок:

---

[1] Статья подготовлена при поддрежке гранта РГНФ 11–33–00107а2.

[2] Nowotny, H. Democratising expertise and socially robust knowledge//Science and Public Policy, 2003. - Vol. 30. № 3. - P. 151–156.

[3] Тищенко П. Д. Биоэтика как форма социально распределенного производства знания//Знание. Понимание. Умение, 2010. - № 2. - С. 74.

[4] Jasanoff, S. Technologies of humility: citizen participation on governing science//Minerva, 2003.- Vol. 41.- P. 223–244.

[5] Юдин Б. Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы//Век глобализации, 2008. - № 2. – С. 146–154.

а) *любое* социальное или научно-техническое новшество можно считать источником негативных последствий, рисков, угроз для человеческого потенциала, пока в отношении него не показано обратное;

б) нередко эти угрозы, риски и негативные последствия оказываются непредвиденными не в силу принципиальной невозможности их спрогнозировать, а просто в силу того, что на предваряющих или на начальных стадиях их внедрения просто *не было предпринято требуемых для этого специальных усилий*.

Основным выводом из этих посылок является социальная необходимость развития особого рода систематически организованной деятельности, нацеленной на прогнозирование возникающих опасностей и угроз для человеческого существования[1].

Гуманитарная экспертиза нацелена на то, чтобы вырабатывать взвешенную оценку воздействия разного рода новшеств — научных, биомедицинских, промышленных, сельскохозяйственных, социальных технологий — на состояние человеческого потенциала страны. Многие из этих новых технологий оказывают глубокое воздействие на разные аспекты благополучия человека. В частности, развитие биомедицинских инноваций (таких как технологии клонирования человека, искусственного оплодотворения, генотерапии и генодиагностики, трансплантации органов и тканей и т. п.) требует взвешенной комплексной оценки, учитывающей масштабы их влияния не только на современное общество, но и на благополучие будущих поколений. В задачи гуманитарной экспертизы как раз и входит предвидение и прогнозирование различных факторов риска. Очевидно, что экспертиза не позволит заранее выявлять все возможные факторы риска. Но принципиально важна сама установка на то, чтобы не просто бороться с уже наступившими негативными последствиями, а стремиться систематически предвидеть их на тех стадиях, когда их предотвращение или коррекция еще не требует объемных и интенсивных усилий со стороны общества.

Ещё одна задача гуманитарной экспертизы, как утверждают разработчики, предваряющее, моделирующее «обживание» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств.

Экспертиза также является сегодня необходимым этапом деятельности по решению различных народнохозяйственных задач. В качестве примера нередко приводится практика экологической экспертизы. Но существуют и другие сферы деятельности, где подобные способы предваряющего комплексного анализа могут представлять значительный интерес. Например, оценка законопроектов, а также проектов постановлений и решений органов исполнительной власти.

Таким образом, практика гуманитарной экспертизы представляет собой эффективный механизм формирования новых возможностей оценки и акцептации рисков на основе трансдисциплинарных стратегий. Её эвристический ресурс, безусловно, будет востребован в условиях расширения форм включения общественности в обсуждение сложных социально значимых проблем.

Ivanova Oksana Mikhailovna, Bashkir State Medical University, professor of Philosophy and Sociology department PhD, associate professor

Bilalova Larisa Mikhailovna, Branch of Bashkir State University in Birsk, associate professor of Philosophy and Social-economical disciplines department, Candidate of Philosophy

Иванова Оксана Михайловна, Башкирский государственный медицинский институт, профессор кафедры философии

Билалова Лариса Михайловна, Бирский филиал Башкирского государственного университета, доцент кафедры философии

Family's essence and its historical outlooks

Сущность семьи и ее исторические перспективы

Семья как социальный феномен всегда приковывала к себе внимание исследователей. В условиях современной цивилизации семья продолжает притягивать к себе исследовательский интерес и является объектом изучения социально-экономических наук. В аспекте социальной философии авторы статьи рассматривают семью как основную структурную единицу общества наряду с другими социальными институтами, как зеркало отражающую диалектику развития социума.

В современных условиях развития цивилизации ведущей силой становится политика. Социальные революции, их объективные основы заменяются интересами господствующих политических элит. Подлинные революции и реформы, вызываемые в истории реальными потребностями совершенствования общественного устройства, подменяются государственными переворотами, называемыми «оранжевыми» или подобными цветными революциями «за демократию» без демократов (См.: Грызлов Б. В. Политическая культура и проблема эффективности демократии в посткоммунистических странах//ж. Философские науки.11/2006. — М.: Академия гуманитарных исследований).

Глобализация мирового социума, формирование единого экономического и культурного пространства, этническая интернационализация, казалось бы, сулят благоприятные перспективы для цивилизованного развития человеческого рода. Однако на практике мы наблюдаем, что шагнувшее в постиндустриальную информационную эпоху человечество вновь и вновь погружается в пучины кризисов, нескончаемых локальных войн, вызывающих обнищание значительного числа населения и несущих социальную нестабильность. Такие глобальные проблемы как загрязнение окружающей человека среды, демографическая асимметрия, неуклонный рост смертности от таких заболеваний как рак, диабет, инсульт, инфаркт, сокращение объема чистой воды и другие не становятся преградой для нечистоплотных индивидов, жаждущих власти и бросающих свои и чужие народы на поток и разорение.

Указанные выше причины обусловили кризис семьи как социального института и как системообразующей ячейки общества. Патриархальная многодетная семья теряет свою ценность. Не только в сознании молодых женщин и мужчин, желающих

[1] Юдин, Б. Г., Луков, Вал. А. Гуманитарная экспертиза. К обоснованию исследовательского проекта. - М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.

создать семью, но и в общественном сознании, в социальной психологии, мировоззрении общества верх стали брать ценности малодетной семьи или отказ от семьи. Доктор социологических наук А. В. Носкова в своем исследовании «Семейно-демографическая ситуация в России и мире: проблемы и противоречия» отмечает: «Антиномичной выглядит и современная ситуация в сфере семьи и демографии. Противоречивость семейной ситуации в современной России отражается в различиях между субъективными представлениями россиян о семье и реальным демографическим поведением нашего народа. По своим демографическим параметрам (Россия — страна с одним из самых низких в мире уровнем рождаемости) современное российское общество *антисемейно*. При этом необходимо отметить, что само понятие «семьи» у населения России еще не так размыто, как, например, у жителей Западной Европы и Америки. Для последних зачастую семья — это и LATы (гостевые семьи), и различные формы свингерских отношений, и даже гомосексуальные союзы»[1].

Статистика зарегистрированных браков и разводов также удручает. По данным сайта «Conferancie.ru» за период 2010–2011 годы в России официально зарегистрировано почти 50 процентов разводов от числа заключенных браков того же периода.[2]

Качество репродуктивного здоровья населения планеты также заставляет серьезно задуматься о перспективах развития семьи как факторе социального воспроизводства. Процессы активного преобразования природы в целях удовлетворения постоянно разнообразящихся потребностей человека привели человечество к угрозе исчезновения человечества как биологического вида. Генетики выяснили, что ухудшение экологического фона планеты отрицательно воздействует на организм мужчины. По данным ученых за последние 50 лет количество сперматозоидов (мужских половых клеток) и объем спермы у мужчин в большинстве стран сократилось вдвое. Есть серьезные опасения, что У-хромосома может исчезнуть, а это приведет к тому, что мальчики перестанут рождаться[3]. Причины снижения репродуктивного здоровья мужчин ученые видят в целом комплексе негативного воздействия окружающей среды, прежде всего загрязнении воды, воздуха, почвы и т. д., а также в генетических особенностях мужчин в сравнении с генетикой женского организма. Мужской организм менее устойчив, например, к воздействию токсических веществ. В настоящее время известно более 1000 химических соединений, опасных для репродуктивного здоровья. Авторы тематических исследований говорят о целом комплексе социально-экономических и социально-культурных факторах, определяющих статус репродуктивного здоровья потенциальных родителей, качество здоровья рождающихся и, в конечном итоге, качество общественного здоровья и в формате обратной связи — социально-экономический потенциал социума. Человек многомерен, организм его уязвим, подвержен многочисленным слабостям, болезням.

Приведенные выше факты заставляют некоторых исследователей семьи усомниться в жизненной перспективности этого социального феномена. В качестве аргументов приводят также популяризацию так называемого гражданского брака, то есть совместного проживания мужчины и женщины без официальной регистрации, распространения числа гомосексуальных пар и другие.

Следует признать, что в условиях современной цивилизации в мировом сообществе происходят процессы социальной трансформации традиционных форм жизнедеятельности человека. Современная семья качественно отличается от патриархальной семьи прошлого с господством мужчины. Теперь, в условиях современной технологичной цивилизации, женщина получила относительную свободу не только в политическом и правовом, но и в экономическом отношении. Сегодня она эмансипирована, как правило, имеет профессию, которая дает ей возможность содержать себя, своих детей, а порой и родителей. Вопросы, связанные с ведением домашнего хозяйства, современная цивилизация помогает решать с помощью многообразного и развитого сервиса. Мужчины же теряют свои лидерские позиции и либо оказываются от создания семьи, либо создают «гражданские браки» без обязательств, либо живут на содержании женщин.

Казалось бы, факты свидетельствуют об исчерпаемости семьи как формы совместного проживания мужчины и женщины. Однако философия заставляет искать более глубокие связи, доходить до предельных оснований исследуемого предмета или явления. Предельным основанием семьи, с точки зрения философии, является продолжение рода как человеческой субстанции.

Семья, как и любое сложное социально-культурное явление и как предмет социально-философского исследования, может быть глубже и полнее понята в контексте эволюции и истории человека. Рассмотрев вопросы, связанные с историей зарождения семьи как социального феномена, исследовав ее исторические и эволюционные трансформации, возможно раскрыть ее сущность, функции, объяснить структуру современной семьи, обнаружить проблемы и тенденции ее дальнейшего изменения и развития и строить на этой основе стратегию и тактику общества и государства по отношению к семье.

Развитие цивилизации начинается с возникновения товарного производства, государства и письменности как качественно новой ступени первобытной культуры. Семья возникает раньше цивилизации, она связана с рождением ребенка и нерасторжимым единством матери и ребенка, поскольку ребенок по своей природе не может жить без матери. И в этой первичной малой общности заложено начало семьи как неотъемлемой части социума в форме социальной формы организации брачной жизни мужчины и женщины и воспитания детей.

В биолого-социальном плане древняя семья, как и сегодня, строилась на основе закона продолжения рода, одновременно она оценивалась, исходя из ценностного принципа, требования социального блага, и контролировалась обществом в форме первоначально материнского, затем отцовского права. То есть, с самого своего зарождения в социальной эволюции и истории семья выступает как единство биологической самоорганизации и социальной организации, или, обобщенно формулируя, биосоциальной организации. Социальная философия по этому вопросу не противопоставляет биологическое наследство человека его социальной сущности. Единство биологического и социального в брачных отношениях мужчины и женщины

---

[1] Носкова А. В. Семейно-демографическая ситуация в России и мире: проблемы и противоречия. – Демография.ру. – 01.11.2010. - http://www.demographia.ru/articles

[2] Браки и разводы в России 2010–2011 (статистика и динамика). - http://www.conferancie.ru/sovety-molodym/507-braki-i-razvody-v-rossii-2010–2011-statistika-i-dinamika

[3] См.: Эльвира Халикова. Мужчина и экология/ж. Ватандаш. Учредители – Правительство Республики Башкортостан, Исполнительный комитет Всемирного курултая башкир. № 4, 2004, с. 201–203, 205.; Ш. Н. Галимов, Ф. Х. Камилов, Э. Ф. Аглетдинов, Д. С. Громенко 1, Х. Г. Валеева 1,А. П. Голощапов, В. И. Иваха. -Синдром андрогенной недостаточности как маркер техногенного загрязнения среды обитания. – ж. «Проблемы репродукции», 2002, № 1. - http://www.rusmedserv.com/problreprod/2002/1/article_436.html

в ходе длительного эволюционного развития закономерно рождает контроль социального по отношению к биологическому. Контроль этот сначала сводился к запрету брачных связей между родителями и детьми, затем между кровнородственными братьями и сестрами, в последующем между двоюродными, троюродными братьями и сестрами, между дальними кровными родственниками и, наконец, вообще между родственниками. Все это привело к возникновению единобрачия.

Исследование семьи в процессе истории и эволюции брачных отношений приводит к выводу о том, что брак между мужчиной и женщиной из первоначальной преимущественно биологической связи становится биосоциальным, в котором социальная природа человека становится преградой на пути разнузданности, беспорядочности половых связей. Объективно утверждается моногамия, построенная не только на природно-инстинктивном влечении мужчины и женщины друг к другу, но и на социально обусловленных основах, которые обобщенно можно назвать мировоззренческим единством.

Исследование эволюции семьи в социально-философском аспекте показывает, что глубинной причиной образования семьи на протяжении истории человечества выступала необходимость социального воспроизводства, то есть рождения детей как продолжателей рода и как производителей общественного продукта. Воспроизводство жизни, продолжение рода является сущностью и законом развития семьи и системообразующим ее фактором. Понятие «воспроизводство» в современной социальной философии понимается предельно широко, включая социальное воспроизводство как воспроизводство «социальных связей во времени и пространстве»[1].

Социально-культурная обусловленность продолжения рода выступала не только как экономическая необходимость, как условие выживания семьи, рода, но и стремление сохранить фамилию в истории человечества. И это выражалось и в заключении браков по договоренности, где объединялась собственность, и в формировании фондов фамильных драгоценностей как символов традиций семьи, и в создании профессиональных династий и т. д.

Однако социальное воспроизводство мы рассматриваем не только как глубинные основания семьи и брака. Для социальной философии недостаточно указать на известную из истории семьи функцию «продолжение рода». Весь вопрос в том, что собою представляет это «социальное воспроизводство», «продолжение рода» в его глубинном основании.

С точки зрения биосоциальной природы человека — это сублимированное природно-обусловленное притяжение полов. Сублимированные взаимоотношения мужчины и женщины мы понимаем как окультуренные, одухотворенные, при которых естественный инстинкт биологического продолжения рода облагораживается социальным выбором супруга — возможного родителя; любовной составляющей. Другими словами, в структуру философского понимания продолжения рода как сущности и законе развития семьи, безусловно, включается такое биосоциальное явление культуры, как любовь[2].

Тяготение полов в форме любви — эта великая тайна жизни человека, возникшей на одной из планет Солнечной системы — Земле. Семья строится в брачной связи, а брак возникает из любви, а любовь — из естественного тяготения полов (мужчины и женщины). О тяготении полов и рождении детей высказывались философы древности и позже, среди них Гегель, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. Георг Гегель отмечал, что «мать любит в ребенке супруга, а последний — жену; оба имеют в нем свою любовь перед собою»[3]. Критикуя Инессу Арманд за то, что она любовь сравнивала со стаканом воды для питья, т. е. вульгаризировала и обесценивала, В. И. Ленин писал: «… В любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу»[4].

Взаимное тяготение противоположных полов в структуре основного инстинкта — инстинкта жизни присуще самой природе биолого-социальной системы. Более чем за сорок тысяч лет цивилизации оно не изменилось, оно настолько сильно, что сохранится всегда, пока существует на Земле человек как биологический вид. Если бы природа не наделила человека таким свойством, то не могло бы осуществляться продолжение его рода, и он, человек — как биологический вид, давно бы исчез. Любовь как взаимное, сублимированное, окультуренное цивилизацией половое тяготение мужчины и женщины — грандиозное проявление одного из свойств жизни человека как биосоциального существа. Именно любовь порождает желание жить, творить жизнь. Это чувство хорошо выразил А. С. Пушкин в эпиграфе к повести «Барышня-крестьянка» словами, взятого из Вяземского: «жить торопится, чувствовать спешит». Великие поэты всех времен и народов прославляли любовь, как возвышенное и прекрасное и одновременно сложное проявление жизни человека[5].

Содержание и историю развития этого явления исследуют в философской антропологии. Любовь создает в семье счастье, как это обосновывают в народе, в художественной литературе, особенно в поэзии, а также в философских учениях гедонизма. Глубинная, можно сказать, всесторонняя природа любви и семейного счастья или несчастья, радостей и страданий человека в философском и эстетическом понимании раскрывается в народных песнях и романсах.

В исследовании семьи мы исходим из того, что, в отличие от природных явлений и процессов, социальные наиболее многомерны, многосторонни и сложны. Этим объясняется множественность и многообразие дефиниций одного и того же социального явления. Такой подход правомерен и в отношении дефиниций семьи как сложного, многомерного, противоречивого, развивающегося, изменяющегося социально-культурного явления. Отталкиваясь от системообразующего фактора семьи — продолжения рода, социальная философия достигает предельных оснований, обусловливающих эссенцию семьи как социального феномена и ее исторические перспективы. Этим глубинным сущностным основанием являются понятия «жизнь» и ее свойства.

---

[1] Кемеров В. Е. Воспроизводство. – Социальная философия: Словарь/Сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2006, с. 58–60.

[2] См.: Лукьянов А., Пушкарёва М. Немецкая классическая философия религии./Вместо заключения. О вере, достоинстве и любви человека; четвертый абзац ./http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Luk_NemKlPil/08.php. См. также: Сабекия Р. Б. Философия любви: основания самореализации человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Научный консультант: доктор философских наук, профессор Галимов Б. С.

[3] Гегель. Соч., т. VII. – М. – Л., 1976, с. 202.

[4] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Том пятый, М., 1969, с. 47; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 51–52.

[5] См. Омар Хайям и персидские поэты Х–ХУ1 веков. Иллюстрированное издание под редакцией В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева, Н. В. Бутромеевой. Москва, Белый город, 2007 год – 608 с.; илл.

Семья — это способ продолжения ЖИЗНИ рода человека, способ осуществления продолжения рода человека при помощи брачных связей как биосоциального интимного взаимодействия мужчины и женщины. В указанном контексте социальное воспроизводство жизни невозможно без сохранения и укрепления генофонда человека, базирующегося на репродуктивном здоровье женщин и мужчин, которое обусловлено не только степенью социально-экономического благополучия общества, но и экзистенциальными, повседневными социально-гигиеническими, медицинскими и другими практиками заботы о здоровье родителей и детей.

Продолжение рода — одно из фундаментальных свойств жизни вообще. Оно и является социально-философским основанием семьи. Продолжение рода, как биологически, так и социально, реализуется благодаря непреодолимому, закономерному тяготению полов, возникшему и закрепившемуся в результате эволюции жизни на Земле. Тяготение полов в форме любви мужчины и женщины и их половое взаимодействие в браке, рождающее новую жизнь, представляет собой сублимированный, окультуренный, социальный способ продолжения рода. Подлинная любовь приносит женщине и мужчине полноту совместной брачной жизни в семье, защиту и социализацию детей, семейное счастье.

Русский философ В. С. Соловьев, подчеркивая «всемирный смысл жизни», указывал, что от века даны нам твердыни и устои жизни: семья и отечество. Семья живым личным отношением связывает наше настоящее с прошедшим и будущим. И в этом социальная философия находит ответ об исторических перспективах семьи как социального феномена.

Kamalova Olga Nikolaevna
Southern Federal University, PhD
Камалова Ольга Николаевна
Южный федеральный университет, кандидат философских наук

Contemplation as anthropological and culture philosophic problem in works of B. P. Vyscheslavtsev

Созерцание как антропологическая и культурфилософская проблема в трудах Б. П. Вышеславцева

В истории западноевропейской философии проблеме созерцания уделено большое внимание. Основное направление и содержание философских концепций по данной тематике представлено в исследовательской литературе, в том числе и в трудах отечественных авторов, достаточно широко. Значительно менее изучена проблема созерцания в русской философии первой половины XX в. В данной статье мы попытаемся проанализировать соответствующие идеи Б. П. Вышеславцева, обозначить некоторые, характерные для философии русского зарубежья того периода аспекты рассмотрения.

Как и для Бердяева, для Вышеславцева важны проблемы творчества, творческой активности личности, свободы. Но в отличие от того же Бердяева, интуитивистские взгляды Вышеславцева значительно менее систематизированы. Тем не менее, его подход и понимание созерцания представляет для нас интерес, во-первых, тем, что развиваемые русским философом идеи выходят за пределы гносеологии в плоскость антропологии, этики и проблем современной культуры, во-вторых, отсутствием исследований, касающихся его похода к данной проблеме среди отечественных историков философии.

В работе «Кризис индустриальной культуры» Вышеславцев анализирует созерцание, отталкиваясь от психоанализа Юнга. Термины «созерцание» и «интуиция» используются русским философом как синонимичные. Юнг же рассматривает интуицию как одну из четырех функций психики, наряду с мышлением, чувством и ощущением. Интуиция глубоко бессознательна и иррациональна. Особой областью ее проявления выступают сновидения. Она может быть экстравертна, т. е. обращена на внешний мир, и интровертна, т. е. обращена на собственный внутренний мир. Направленность интуиции (экстравертность — интровертность), по Юнгу, врожденна, однако существует возможность осознавания и развития любой функции психики, в том числе интуиции.

Характеризуя современную эпоху, Вышеславцев пишет, что функции ощущения и экстравертированной интуиции и соответствующие им психологические типы доминируют в современной индустриальной культуре. «*Интуиция* есть инстинктивное угадывание, предчувствие, иррациональное открытие возможностей, сокрытых в каждой данной реальной ситуации. Она всегда ищет выхода из каждого данного положения, нового пути, способного увеличить витальную мощь, и находит его не посредством расчета, а посредством инстинкта возможного и невозможного»[1].

Современный тип человека, у которого наиболее выражена «интуиция возможностей» — техники, инженеры, предприниматели, организаторы, политики, демагоги и диктаторы — т. е. «реалисты», для которых свойственно «постоянное искание новых возможностей, отвращение к признанным ценностям, имморализм, презрение к ближним, к их обычаям, идеям, традициям»[2]. «Прочтите, — пишет Вышеславцев, — Макиавелли, и вы увидите тотчас, что он требует для своего властителя и вождя интуитивно-экстравертированного характера, и прежде всего отсутствия «сердца», чувства. «Лев» и «лисица» являются точными символами для выражения такой психологии[3]. Экстравертированная интуиция имеет общее с первобытным человеком и животными, она преобладает в психологии масс и их вождей. При этом ни массы, ни их вожди не нуждаются в незаинтересованном научном исследовании, независимом от практической пользы. Аппарат власти отбрасывает всякую сентиментальность. По мнению Вышеславцева, Шпенглер предвидел такой режим масс и вождей и видел в нем «Закат Европы».

[1] Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. New York Chalidze 1982. С 10–11.

[2] Там же.

[3] Там же.

В этой ситуации интровертированные люди мысли и чувства, а к ним относятся ученые, философы, поэты, религиозные деятели и художники, признаются в современной индустриальной культуре «бесполезными и даже вредными». Функция чувствования — наиболее ненужная и пренебрегаемая. Однако, по мнению философа, как раз именно эта функция, наряду с мышлением, есть самая возвышенная и ценная функция нашего духа, «аристократическая» и весьма мало доступная для масс.

Описанная выше «интуиция возможностей» не исчерпывает всех значений понятия интуиции в философии Вышеславцева. В связи с чем особый интерес представляет его исследование «сердца». К анализу данного понятия Вышеславцев обращается на протяжении всего своего творчества. Наиболее известная работа по данной теме — «Сердце в христианской и индийской мистике» (1929). Сердце — глубина, центр личности, богоподобная сокровенная самость. Оно более непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание. Но в этой глубине возможно соприкосновение с Божественным, «возможен подлинный религиозный опыт, без которого нет религии и нет этики… Здесь раскрывается весь смысл выражения «образ и подобие Божие»[1].

Сравнивая семантику сердца в индийской и христианской мистике, Вышеславцев приходит к следующим выводам. «Мы видим, что мистическое соприкосновение с Богом в индийской мистике не есть никак христианская любовь… Здесь нет Бога и человека, нет отношения Богочеловечества и Богосыновства… нет противостоящих друг другу лиц: Отца и Сына. Здесь безразличное тождество… И потому «сердце» в индийской мистике тоже имеет другое значение: оно означает только внутренний мир, скрытую центральность, сердцевинность атмана по отношению по отношению ко всему, без всякой *эмоциональной, эротической, эстетической* окраски, которая неизбежна в христианском сердце, которая преображается в своем пределе не в тождество унисона, а в гармонию напряженно противостоящих и сопряженных струн»[2].

С этим христианским пониманием «сердца» связано и центральное значение понятия интуиции Вышеславцева. В своей аргументации он ссылается на Паскаля и Шеллера. «Данность, узрение, очевидность отнюдь не совпадают с *интеллектом.* Существует не только *интеллектуальное* созерцание, но и созерцание этическое, эстетическое и религиозное». И здесь созерцает вовсе не интеллект. «Чувство» в созерцании ценностей…, в восприятии «святого» — имеют свои *очевидности*, свою логику… *постижение* шире, чем мышление…»[3].

Но аргументация Вышеславцева в понимании «интуиции сердца» строится не только с опорой на труды Паскаля и Шелера или учения индийских мистиков. Еще большее значение для него имело наследие восточных Отцов Церкви. Опираясь на традицию восточного христианства в вопросе соотношения ума и сердца, Вышеславцев тем самым, сам того не замечая, в понимании созерцания отходит от современных западных коллег, для которых характерна тенденция принижения интеллектуального фактора в сердечном гнозисе. Думаем, что более глубокие исторические истоки этого расхождения — в принципиально разном подходе к решению вопроса о соотношении веры и разума в западном и восточном богословии и философии.

Идет ли в случае описанной выше интуиции речь об «интуиции возможностей»? Разумеется, нет. Это качественно иной, интровертный, уровень постижения. Является ли «интуиция сердца» достоянием широких масс? Следуя логике русского философа, нет, ибо «узрение» есть качество индивидуальной *личности*, предполагает акт свободы, понятой не как свобода произвола, а свобода творчества. В своем понимании свободы Вышеславцев близок Бердяеву, часто ссылается на него. «К свободе можно только призывать. Речь идет, конечно, о высшей, творческой, истинной свободе… Такая свобода творит жизнь, животворит, и она невозможна без благодати, полученной от Того, кто есть «жизни податель»[4].

Предполагаем, что в конечном счете фундаментальные различия «интуиции возможностей» и «интуиции сердца» в работах Вышеславцева восходят к «трагической несовместимости» центральных этических установок эпохи — закона и благодати, к противопоставлению «закона — и Духа, закона — и веры, закона — и любви, закона — и свободного творчества»[5]. Опираясь на основные труды Вышеславцева, можно сделать вывод, что в современной индустриальной культуре, с доминированием закона «вне Христа» и «интуиции возможностей», «интуиция сердца» — явление крайне редкое. Этот же вопрос волнует и Ильина, писавшего о том, что современная культура «выветрила» дар сердечного созерцания, считая его проявлением «мечтательной глупости». Проблема созерцания, таким образом, выводится в плоскость проблем индустриальной культуры и связана с кризисными явлениями современности.

Русские философы обращают внимание на то, что хотя потенциально к внутреннему преобразованию и, соответственно, развитию в себе «интуиции сердца» способен каждый, поскольку «искра Божия» есть в каждом человеке, на деле же — это достояние единиц, поскольку развитие соответствующей способности требует нравственного подвига очищения души, преодоления принудительной силы низших ценностей, воспитания воображения, чувств и воли. Но современная культура растит «расколотого», «расщепленного» человека, неспособного ни узреть, ни осмыслить «тайну жизни и мировой разумности» — пишет Ильин[6]. Одолеть величайший исторический кризис можно, по мнению обоих философов, только если сам человек, преодолевая в себе соблазны и искушения, постоянно стремится к совершенствованию и нравственной чистоте. Как видим, в работах не только Вышеславцева, но и других русских мыслителей первой половины XX в. в понимании созерцания намечен выход данной проблемы за пределы гносеологии в плоскость антропологии, философии культуры и этики.

---

[1] Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике//Вопросы философии. 1994. № 4. С. 64.

[2] Там же. С. 68.

[3] Там же. С. 85

[4] Там же. С. 67–68

[5] Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С. 14.

[6] Ильин И. И. Путь к очевидности. М., 1998. С. 316.

Myakinnikov Sergey Petrovich, Kuzbass state technical University,
associate Professor of the Department of philosophy
Мякинников Сергей Петрович, Кузбасский государственный технический университет,
доцент кафедры философии

Structural components of environmental outlook

Структурные компоненты экологического мировоззрения

Многими исследователями признается, что современная экология рассматривает проблемы, имеющие мировоззренческий характер. Это означает, что сознание современного человека обретает все более тяжеловесный экологический компонент. Ну а далее рукой подать до осознания того, что такое экологизированное сознание требуется для формирования соответствующего мировоззрения. Предлагаемое нами экологическое мировоззрение объединяет в себе общие познавательные установки и наиболее существенные знания сферы социоприродных отношений (представленных в особом категориально-понятийном аппарате картины мира), ценности и ценностные ориентации духовной и материальной практики по отношению к природе, а также принципы и механизмы постановок целей, предшествующей будущей экологической деятельности и программы, стратегии осуществления поставленных целей. О необходимости подобного варианта мировоззрения много говорят, но мало обсуждается его содержательное наполнение. Аналитическое изучение строения любого объекта следует начинать с выявления его состава. Содержимое мировоззрения в деталях обнаруживается в ходе структурно-функционального анализа. Именно структурная (и функциональная) упорядоченность устойчивых, существенных связей составляющих мировоззрения позволяет сохранить его атрибутивные свойства и характеристики, благодаря которым только оно и идентифицируется как таковое. Нам представляется, что все многообразие структурных компонентов содержания экологического мировоззрения можно свести к следующим основным подсистемам:

— Подсистема природопостижения, включающая обобщенные знания и процессы познания природной действительности повседневного, профессионального, научного, национально-этнического и др. характера;

— Аксиологическая подсистема, содержащая сводные обобщения экологических оценок, ценностей и ценностных ориентаций, норм, предписаний, касающихся как практической жизнедеятельности в природе, так и ее познания;

— Эмоционально-волевая подсистема, обеспечивающая эмоциональное и волевое усвоение знаний, ценностей, норм поведения и деятельности путем превращения их в личные взгляды, убеждения и верования, благодаря выработке особых психологических установок со-бытия (т. е. совместного существования) с природой, форм вживания, вчувствования в ее объекты;

— Праксеологическая подсистема заключает в себя все программно-поведенческие, жизненно-стратегические устремления и установки реализации практических форм взаимодействия индивида, общества и природы.

Эти структурные компоненты выделяются по признаку области осуществления (познания, осмысления, оценивания, усвоения и освоения) экологических отношений. Если упрощено представить основные структурные компоненты экологического мировоззрения, то можно сказать, что ими являются знания, ценности, на которые опираются практические установки. Мировоззренческие познавательные, ценностные, эмоциональные, волевые, психомоторные и пр. ориентиры, стимулы можно уложить в четыре выше обозначенные подсистемы.

Подсистема природопостижения (познавательная, когнитивная) включает такие элементы, как знания о природе в целом (выраженные в картине природы), а также предельно общие представления об отношениях общества и человека к природе, представленные в различных способах ее осмысления и чувственно-эмоционального постижения. Эти знания приобретаются в ходе научного, повседневного обыденного, профессионального и иного ненаучного (донаучного и вне научного) познания природной действительности. Каждая историческая эпоха, тип общества, социальной группы, каждый человек при опоре на эти знания формирует определенные взгляды на мир природы, на свое место в ней, на отношения к природе, на отношения природы к ним. В итоге, из этих знаний в сознании людей складывается универсальная экологическая картина мира, включающая представления на природу в целом и на отношения ее с обществом, человеческими сообществами, каждым индивидом. Эта картина мира дает обобщенное представление о строении, основном устройстве, пути и закономерностях происхождения, развития окружающей людей природы. В ней репрезентируется образ жизни человека в природе. Для этого используются те или иные стили мышления, чувственного, эмоционального запечатления особенностей со-бытия их с природными структурами.

Говоря о знаниях, входящих в экологическое мировоззрение, следует указать на должный уровень их продуманности, полноты, смысловой содержательности, согласованности, степень обоснованности знаний и познавательных процедур. Более того, когнитивные компоненты касаются не только собственно познавательных процессов, но и аксиологических представлений, стратегий жизненной практики. Ведь прежде чем сформировать систему экологических ценностей и ценностных ориентаций, выбрать и реализовать соответствующие деятельностные установки необходимо иметь знания оценок, норм поведения и деятельности, ценностей (возможно еще не усвоенных личностью в виде экологических убеждений).

Не следует забывать и о бессознательном, отчасти осознаваемом в мировоззрении, о перцептивно-аффективном, о рефлексах и инстинктах. Уже на уровне перцепции, полуосознаваемой моторики можно обнаружить некую информацию об окружающем мире, которая участвует в формировании чувственных образов природы, особого мировоззренческого угла зрения на нее.

Сугубо ценностное отношение к миру природы представлено аксиологической (ценностно-нормативной) подсистемой — большим многообразием этико-эстетических и других окрашенных в аксиологические оттенки элементов экологического мировоззрения. Эта подсистема образована ценностями, идеалами, убеждениями, верованиями, нормами, запретам, предписаниями действий и др. ценностными ориентациями. Аксиологические компоненты имеют для структурирования и функционирования экологического мировоззрения большое значение. Они, наряду с познавательным компонентом, составляют содержательно-смысловое ядро этого мировоззрения, которое во многом определяет специфику и характер компонентов его праксеологической подсистемы. Ценностные компоненты особо значимы в любом экологически конкретизируемом ва-

рианте мировоззрения. Общепризнано, что не знания природы сами по себе, а их ценность и значимость самой природы для людей, ради сохранения планеты вынуждает общество продуцировать новое экологическое видение своего существования.

В этом смысле знания выступают предпосылкой для экологической оценки бытия человека, для сопоставления сущего, имеющегося и должного, обязательного, того, что есть и к чему следует стремиться, чтобы избежать обострения экокризиса. Ну и конечно представления о ценностном отношении к природе сильно влияют на реализацию жизненных программ по достижению должного со-бытия людей и природы, образа жизни и деятельности в природе, руководствуясь признанными этическими нормами. Если знания позволяют получить объективное, истинное знание о природе и взаимодействии ее с людьми, то ценностное в содержании мировоззрения показывает особое отношение людей ко всему происходящему в природе и в сфере взаимодействия с ней в согласии с жизненными целями, интересами, потребностями, пониманием смысла жизни. Таким образом, ценностно-нормативная подсистема сориентирована на выработку как регулятивов духовного преобразования, познания природы, так и материальной практики в ней.

Особо, на наш взгляд, следует остановиться на характеристике ценностей, являющихся базисом экологической мотивации познания, поведения и деятельности. Экологические ценности можно определить как свойства природных объектов (предметов, явлений, процессов), позволяющих удовлетворять человеческие нужды, реализовывать желания людей. Вопрос ценностей всегда ставится в ситуации познавательного или практического выбора. В случае экологического видения этой ситуации на мировоззренческом уровне неизбежен выбор предпочтительных для дальнейшего развития общества форм, стилей осмысления, прочувствования, вживания в изменяемую людьми природу.

Прежде всего, экологические ценности есть наиболее значимое основание познания экологического бытия и поведения людей в природе. Как правило, не только до, но и после такого познания, определения правил экологического взаимодействия появляется необходимость оценки полученного знания и особенностей деятельности. Экологическая целесообразность знания, поступков и действий напрямую не зависит от реализации процессов познания и практики. Оценивание экологически значимого рассматривается как игнорирование не ценного, вредящего, ущербного в сферах соответствующего познания и практики.

В связи с тем, что на оценку способны даже животные можно констатировать, что оценивание значимости экологической ситуации, ее постижения и разрешения заложено отчасти в сфере бессознательного психики человека. В этом смысле, инстинкты через актуализацию жизненно важных потребностей оказываются критерием экологического выбора, фильтрования, отделения ценного от не ценного. С такой позицией «врожденной» природы экологических ценностей связано представление о них как об общепризнанных, значимых для всех членов общества. В то же время, экологические ценности есть продукт общественного воспитания. Как и высшие общечеловеческие ценности (истины, добра, красоты, справедливости, свободы и пр.), высшие экологические ценности предстают приобретенными в системе социальных отношений.

В системе осознаваемых индивидами экологических ценностей действует принцип приоритета. Эти ценности ранжируются по степени приоритетности, выстраиваясь на шкале приоритетов. Первые места на этой шкале занимают более экологически значимые знания, ориентиры, правила, нормы и т. п. Такие ценности сформированы обществом и обязательны для всех его членов. К ним относятся ценности природного окружения и внутренней природной среды человека (организма) для жизни каждого индивида и общества в целом, право на экологически чистый воздух, землю, воду, продукты и др. объекты среды обитания людей, право на свободный выбор жизни и деятельности в экологически благоприятной местности. Не менее существенны конкретно культурные, например этно-национальные ценности, направленные на сохранение и приумножение природных богатств, принадлежащих данной нации, народности, этносу и закрепленных в их культурных традициях.

Природа в данном случае предстает в роли опекаемого нравственно озабоченным, ответственным за нее человеком, который должен признать ее ценность не только из-за осознания необходимости пребывания в ней (как в физическом вместилище для своей жизни), но и по причине признания ее причастной своей психике, ее неотъемлемости от своего духовного существования. Природа оказывается для него воплощением своих витальных и социодуховных ценностей, утрата которых чревата потерей социальной, духовной и биологической жизни его самого и всего человечества. С позиции экологического мировоззрения, человек, любые социальные общности, общество в целом есть лишь части природы, размышляющие о ее состоянии и чувствующие опасность его ухудшения.

Намерение воплотить в жизнь экологические ценности приводит к формированию ценностных ориентаций экологического содержания. Они понимаются как комплекс общевоззренческих экологических установок, определяющих мысли, чувственно-эмоциональное наполнение знаний о природе, а также практические действия и отношения в ней. Экологические ценностные ориентации выступают важнейшим условием, предпосылкой и связующим звеном духовного освоения природы и практики в ней. Предназначение этих ценностных ориентаций заключается в направлении и регулировании теоретической и практической деятельности, в формулировании жизненных важных целей. На их основе оказывается возможным оценить значимость природы для себя, для других, произвести экологическое оценивание содержания своего физического бытия и внутреннего мира, состояния работы организма, сознания, мышления, настроить стили мышления и чувствования в лад с природой, организовать правильный образ жизни сообразно ей, отбросив все мешающее этому, не экологически значимое, ущербное. Благодаря экологическим ценностным ориентациям, сведенным в системный комплекс, производится согласование, сопоставление, синтез всех остальных компонентов данного мировоззрения.

Иерархическую вершину занимают общезначимые в данном обществе экологические ценности. Такие абсолютные ценности фиксируются в идеалах. Экологические идеалы представляются идеализированными воззрениями людей на свои отношения с природой, абсолютными знаниями природы и отношений с ней, взглядами об экологически оправданно действующих человеке и обществе, об оптимальном для них взаимодействии с природой. Через соотнесение реальной жизнедеятельности людей с экологическими идеалами осуществляется оценивание происходящего в природе, сложившейся экологической ситуации, а также знаний о ней и деятельности в ней. Смысложизненные идеалы экологического содержания дают возможность, перед изучением и исправлением экоситуации, оценить ее вне жизненной практики и имеющихся знаний, абстрагируясь от противоречивых взаимовлияний сфер сознания и бессознательного в психике индивида (в том числе мышления, чувственно-эмоциональной области и волевых импульсов, интуитивных озарений).

Кроме экологических идеалов для реализации экологической оценки требуются соответствующие нормы (нормативы мышления и поведения, деятельности, предписания, запреты, стандарты, нормативные рекомендации и формы действий). Экологические нормы есть принятые в качестве регуляторов отношений людей с природой, проверенные опытом и временем и признанные большинством членов общества экологические ценности. Они являются результатом устойчивых, периодических оцениваний, определений значимости людьми своего природного окружения, своей жизни и деятельности в нем. Эти нормы регулируют со-бытие человека, общества и природы с позиций различных форм духовной жизни общества (науки, философии, морали, права, религии, политики и т. д.), имея, как и любые другие нормы, социальный характер. В отличие от экологических ценностей, экологические нормы имеют обязывающий характер, выступают в форме приказа, заставляют поступать определенным образом и требуют не действовать иначе. Экологические нормы служат посредником между экологическими идеалами и практикой людей в природе, т. к. связывают экологические ценности со способами их практического выражения в человеческой деятельности.

Если человек обретает непоколебимую уверенность действовать в полном соответствии со своей иерархией ценностей, то возникает убеждение. Убеждение в экологическом действии мы назовем экологическим убеждением. Таким убеждением будем считать экологические ценности, взгляды, знания, практические установки взаимодействия с природой, духовно усвоенные из социальной среды и принятые в качестве внутренних жизненных принципов индивидом. Экологическое убеждение может представлять собой либо отдельный мировоззренческий ориентир конкретного свойства (например, убеждение не сорить в общественных местах и местах отдыха на природе), либо целую систему экологических воззрений, закрепленных не только в сознании (мышлении, осознаваемых чувственно-эмоциональных и волевых проявлениях), но и в сфере бессознательного, не выражаемого вербально, имплицитного. Например, убеждение с детства в том, что естественная природа достойна любви и уважения.

Считается, что убеждения составляют стержень мировоззрения. Экологические убеждения есть устойчивые познавательные и практические установки, возникающие и развивающиеся не только в ходе общения с природой, но и в процессе освоения культурного достояния человечества, общества. Изменения убеждений, тем не менее, возможны в случаях переоценки экологических ценностей, изменения их места на шкале приоритетов и в иерархии, в результате замены одного вида мировоззрения другим, например, антропоцентризма экоцентризмом. Под последним понимается система наиболее общих взглядов, представлений, идей, убеждений, ценностей, норм верований, идеалов экологического свойства, базирующихся на осознании ограниченности природных ресурсов, хрупкости экосистемы Земли и необходимости, ради выживания человечества, в поддержании функционального оптимума биосферных процессов, воспроизводства биогеоценозов, что является жизненно важными условиями для нормального развития социума общества, каждого его индивида.

В свою очередь, изменить экологическое мировоззрение нельзя без изменения соответствующих убеждений. Экологические убеждения коренятся в глубинах мыслей, чувств, эмоциональных состояний, переживаний человеком различных мировоззренческих представлений. Осознание им сущности общих установок, ценностей, норм, идеалов, теоретических и практических принципов требует не только их осмысления, прочувствования. Посредством убеждений осуществляется признание данных воззренческих параметров своими собственными и вживание в определяемый ими образ поведения, деятельности в природе, формируется побуждение лично реализовать их в поступках, действиях. Возрастающие при этом желания, влечения, мотивы, жизненные цели направляют жизнедеятельность индивида, группы, общества в задаваемом целеполаганием направлении выстраивания определенных взаимоотношений с природой и определяют каждый поведенческий акт и все экологическое поведение людей. Приобретаемые повседневно в процессе теоретического познания природы и практического общения с ней знания убеждают человека в достоверности и ценности его экологических воззрений, правильности принципов и действий.

Наряду с экологическими знаниями, которые ограничены периодом истории общества, уровнем развития познания, несовершенством познавательных возможностей людей (т. е. относительно истинные), источником экологических убеждений становятся верования — уверенность в том или другом, вызванная не знанием, а желанием лучшего, допущением свершения ожидаемого. Экологический контекст верования (экологическое верование) хорошо просматривается, например, в религиозно-экологическом мировоззрении. Оптимистическая или пессимистическая уверенность разрешения глобального экокризиса в наши дни религиозно верующих сугубо личностна, крайне тенденциозна. Она вызывается полуосознаваемыми субъективными состояниями (транса, настроением и переживанием молящегося, наитием, актами интуирования). Вера, понятая в экологическом смысле, предстает духовным действием, признающим естественно-природное, экологически целесообразное знание и бытие самоценным, т. е. подлинным независимо от интересов людей и приемлемое без предварительного подтверждения фактами или логическими аргументами. Осознание веры в нахождение способа выхода из сложнейшей глобальной экоситуации начала XXI в. крайне жизненно необходимо, неизбежно и неискоренимо. Перед лицом любых природных катаклизмов таящаяся в умах и сердцах людей вера в надежду на спасение вновь и вновь вспыхивает с новой силой, даря им ощущение уверенности и источник духовной силы. «Экологические верования» демонстрируют перспективы ожидаемых отношений с природой с помощью экологических убеждений, норм и смысложизненных целей, установок.

Компоненты эмоционально-волевой подсистемы непосредственно связаны с экологическими убеждениями и верованиями, т. к. участвуют в продуцировании способов убеждения в необходимости усвоить, принять и признать личностными социальные ценности, а также с механизмами их практической реализации в экологическом взаимодействии. Имеются в виду такие компоненты, как предрасположенность психики к определенного рода деятельности в конкретной экоситуации, механизмы выбора варианта принимаемого решения в данной ситуации, принципы осмысленной постановки перед собой жизненных целей, построения жизненных программ и стратегий в согласии с реалиями отношений с природой.

Результаты познания, ценностные рекомендации, принципы практики экологического характера, находящиеся в арсенале средств урегулирования отношений с природой, становятся убеждениями, верованиями, личными взглядами, поступками или создаются и реализуются как особые приемы их усвоения, принятия, признания своими человеком, обществом. Такое признание происходит посредством как эксплицитных, так и имплицитных механизмов. Своей признается любая ценность

общества, социальной группы даже на уровне эмоции, проявления воли (воления). Ценность в синтезе с чувственным опытом выражается как эмоция. В связи, с чем экологические знания и практические установки общества могут признаваться своими собственными каждым индивидом при определенных условиях. Воля, будучи умением человека самому регулировать свое поведение и деятельность (сознательно и не осознанно), позволяет преодолевать различные трудности, препятствующие достижению смысложизненных целей. Она же стимулирует активность человека, побуждает его к требуемым действиям, если его мотивы для этого недостаточно сильны. Для нашего исследования особенно важно учитывать, что формирование из убеждений внутреннего побуждения к экологическому действию, к утверждению определенного мотива невозможно без интеграции, с одной стороны, эмоциональных и волевых качеств человека, а с другой — познавательных, ценностных и практических особенностей его отношения к природе.

Автором предлагается выделить экологическую составляющую воли, т. е. воли, которая преломляется через экологические нормы, убеждения, идеалы, верования и подпитывает силу духа, насыщает жизненной энергией, активирует дополнительные душевные усилия ради достижения целей благоприятного бытия людей в природе. Ею обеспечивается выработка и удержание в сознании установки на достижение выбранной цели экологической деятельности. Экологическая, по сути, воля призвана поддерживать в постоянном тонусе активность индивида, общества, направленную на достижение этой цели. Особенно существенна роль воли в экстремальных экологических условиях, в наиболее трудные моменты развития отношений человеческого общества и природы. Тогда требуется особое напряжение духовных и физических сил, чтобы преодолеть экологический кризис как препятствие на пути к цели сбалансированного, гармонизированного со-развития общества и природы.

Наконец, содержанием праксеологической (программно-поведенческой) подсистемы являются собственно особенности, механизмы, принципы, установки экологического поведения и деятельности человека, общества, а также представления о специфике самой активности людей в природе. Эти практические компоненты экологического мировоззрения выражают реальную готовность индивида к определенного рода действиям в конкретных экологических обстоятельствах. Без этой подсистемы (которую часто упускают из вида) данное мировоззрение было бы крайне абстрактным, отвлеченным, а значит малозначащим в смысле отражения и разрешения постоянно назревающих экопроблем. Следует признать, что при любом раскладе на полный отрыв от жизни людей экологическое мировоззрение не способно. Так, как даже его чрезмерно умозрительный характер (в частности, спекулятивность религиозно-экологического мировоззрения христианства в средневековой Западной Европе) нацеливающий на не участие в решении злободневных проблем, а на созерцание все же стимулирует определенные типажи практического отношения к природе, поведения в ней. Более конкретными элементами данной подсистемы думается можно считать установки на тот или иной способ практического взаимодействия с природой, средства достижения жизненных целей в ходе деятельности, связанной с состоянием природных структур, механизмы самой этой деятельности, смысложизненные программы, устремления, стратегии, нормы и регулятивы действий, в которых в какой-то мере обнаруживаются экологическое содержание и смысл. Должно быть очевидным, что, обладая общими знаниями природы и своей функции, роли в ней, люди соответственно организуют свою деятельность, определяют ее цели, исходя из высших мировоззренческих ориентиров и принципов всех вышеперечисленных форм, элементов, компонентов, подсистем экологического мировоззрения.

Способы жизни в природе и поведения в ней воплощены на мировоззренческом уровне, в том числе в виде определенных стратегий и программ жизнедеятельности людей, которые, в свою очередь, нуждаются в соответствующих знаниях и ценностных ориентациях. Истинное знание о своем месте людей в природе воплощается в их стремлениях осуществить свою роль в природе, реализовать свое предназначение в мире естественного, не человекотворного. Экологически ориентированные жизненные стратегии деятельности людей проистекают из осмысленных и даже не осознанных стремлений (инстинктивных побуждений) построить свою жизнь сообразно законам мироздания в согласии с соответствующими потребностями, интересами, целями. В целом, мировоззренческие программы, стратегии жизни экологического свойства можно определить как общие представления человека, общества о целях их поведения, деятельности в природе и средствах их осуществления. Например, основные типы современных социальных стратегий (устремление к материальному комфорту, роскоши, благополучию, прагматизму, утилитаризму, меркантилизму, успеху) содержат экологически не целесообразную, а точнее экофобную составляющую человеческой деятельности.

Но нас должно интересовать не только вызревание общевоззренческих представлений на взаимоотношения людей и природы, оформленных в понятии «экологическое мировоззрение», но и складывание взглядов на его подлинную целостность, на характер этой целостности и эволюцию изменений этих взглядов по направлению к построению сугубо экологизированного (т. е. функционирующего сообразно законам природы) общества. Последнее должно отличаться особым экологически целесообразным видением мира, которое, уже по причине своей максимальной экологичности, имеет предельно целостный характер, т. к. экологическая сообразность воззрений и есть высшая степень их целостности. Репрезентируемое нами мировоззрение как целостность образовано знаниями, установками познания и практики в определенных условиях бытия, но благодаря ценностям. Последние не только аксиологически окрашивают все части мировоззрения, уже придавая им специфическую значимость, но и скрепляют их особым образом в одно монолитное социодуховное явление.

Полагаем, что именно структура делает мировоззрение качественно своеобразным образованием, обеспечивает его целостность. Важной чертой теоретически позиционируемого, философски эксплицируемого экологического мировоззрения оказывается системность. Имеется в виду не суммативная, механическая системность, а интегративная системность всех вышеперечисленных познавательных, ценностных и жизненно-практических его составляющих. Интегративный характер экологического мировоззрения, как особая его черта, дополняет и уточняет системную природу общих экологических взглядов. С системностью и интегративностью непосредственно связаны синкретичность и структурно-функциональное единство частей экологического мировоззрения. Нерасчлененность, сплавленность синкретизма позволяет соединить в единое целое качественно различные и разнопрофильные экологические представления. В рамках данного мировоззрения как целого синкретичность его частей неразрывна с единством их структур и функциональных проявлений.

Section 16. Chemistry

Goncharov Vitaliy Viktorovich
Institute of Chemical Technology of V. Dal' Eastern-ukrainian National University, assistant of department of General Physics and Technical Mechanics
Zazhigalov Valery Alekseevich
Institute for Sorption and Problems of Endoecology, NAS of Ukraine, head of department
Гончаров Виталий Викторович, Институт химических технологий Восточноукраинского национального университета им. В. Даля (г. Рубежное), ассистент кафедры общей физики и технической механики
Зажигалов Валерий Алексеевич, Институт сорбции и проблем эндоэкологии НАН Украины, чл.-корр. НАН Украины, д. х.н, проф., зав. отделом гетерогенных окислительных процессов

Physico-chemical properties of the implants with Cr and Mo

Физико-химические свойства имплантатов с Cr и Mo

В последние годы расширился спектр применения ионной имплантации — технологии синтеза материалов, суть которой заключается в бомбардировке поверхности подложки ионами металлов и проникновении их на глубину порядка десятков. Во многом это произошло благодаря бурному развитию технологий синтеза наноструктур[1] и их модифицирования[2]. Известно, что микро- и наномасштабные эффекты находят все большее применение в различных областях деятельности человека, включая катализ[3]. Поэтому активно ведется поиск технологий наноструктурирования и наноразмерного модифицирования с целью получения материалов с улучшенными физико-химическими, в том числе и каталитическими характеристиками. В этом плане перспективной можно считать вакуумную технологию ионной имплантации[4].

Известно, что на физико-химические и теплоэнергетические свойства оказывает влияние микрогеометрия поверхности, состав и валентное состояние элементов. Исследования последних лет показали высокую каталитическую активность металлов шестой группы (в частности Cr и Mo) в процессах окисления[5], дегидрирования[6] и др. Поэтому целью данной работы является исследование структуры и физико-химических свойств композитов, синтезированных с помощью имплантации ионов Cr и Mo в нержавеющую сталь.

Методика синтеза образцов

Для синтеза образцов использовали ленту из нержавеющей стали 12Х18 Н10 Т (SS) толщиной 0,1 мм, которую обрабатывали ионами Cr и Mo методом ионной имплантации.

Ионы мишени и азота (плазмообразующего газа) разгонялись до энергий около 25 кэВ при давлении в камере близко 0,03 Па. Режим работы установки подбирался таким образом, чтобы обеспечить дозу имплантации около $D \approx 5 \cdot 10^{17}$ см$^{-2}$, поскольку при дозах порядка 10^{17}–10^{18} см$^{-2}$ повышаются физико-механические и эксплуатационные характеристики композитов, согласно данным литературы[7]. Таким образом были получены образцы: необработанная сталь (SS), имплантат с хромом (Cr/SS) и имплантат с молибденом (Mo/SS).

Методика исследования образцов

Рентгенофазовый анализ (РФА) образцов проводили по методу малоуглового рассеивания рентгеновского излучения под углом β=270–360°, используемого для исследования тонких пленок, на приборе 2D X-ray Rigaku (Dmax rapid).

Исследование поверхности образцов методом видимой микроскопии проводили с помощью микроскопа «МИМ-7», дополнительно оборудованного цифровой фотокамерой «Kodak EasyShare C1013» с максимальным разрешением 1:1500.

Исследование морфологии поверхности образцов методом атомно-силової микроскопии (АСМ) реализовывали на приборе Nanoscope Multi Mode V. Обработку полученных результатов проводили с помощью программного обеспечения WSxM 4.0 (version 13.0).

Исследования поверхности методом рентгеновской фотоэлектронной спектроскопии (РФЭС) проводили в условиях сверхвысокого вакуума ($1 \cdot 10^{-7}$ Па) на спектрометре, оборудованном полусферичным анализатором (SES R 4000, Gammadata

[1] Ed. A. S. Edelstein, R. C. Cammarata. Nanomaterials: synthesis, properties and application. Bristol; Philadelphia: Inst. Of Phys. Publ., 2001.

[2] Матюхин С. И. Ионная имплантация как метод внедрения атомных частиц в углеродные наноструктуры//Тез. докл. междунар. конф. «Химия твердого тела и современные микро- и нанотехнологии. - Кисловодск, Россия, 2002, с. 77

[3] Стрижак П. Е., Космамбетова Г. Р., Диденко О. З. Некоторые аспекты практического использования наноматериалов в катализе// Катализ в промышленности. – 2005, № 5. –. С 10–18

[4] Васильев И. П. Применение вакуумной технологии при приготовлении катализаторов на различных носителях//Труды третьего международного симпозиума «Вакуумные технологии и оборудование», - Харьков, 1999

[5] Z. Sarbak, S. L. T. Andersson. Oxidation of methane over Pt–Cr(Mo,W)/Al2O3 catalysts//Studies in Surface Science and Catalysis. – 2000, № 130. –. С 3777–3782; Z. Sarbak, S.L.T. Andersson. Oxidation of methane over Pt–Cr(Mo,W)/Al2O3 catalysts // Studies in Surface Science and Catalysis. – 2000, №130. –. С 3777-3782

[6] Lei Zhang, Jiguang Deng, Hongxing Dai, Chak Tong Au. Binary Cr–Mo oxide catalysts supported on MgO-coated polyhedral three-dimensional mesoporous SBA-16 for the oxidative dehydrogenation of iso-butane//Applied Catalysis A: General. – 2009, № 354. –. С 72–81

[7] Витальский Д. В. Модификация и эксплуатационные свойства поверхностей деталей машин и инструментов при ионной имплантации азота: дис. ... канд. тех. наук : 05.03.01/Витальский Дмитрий Валерьевич. – Тула, 2007. – 137 с

Scienta) и откалиброванном согласно ISO 15472:2001. Для возбуждения образца применяли анод из магния, с энергией K_α–линии 1253,6 эВ. Спектры калибровали по линии C 1s-електронов с энергией связи электронов 285 еВ.

Оценку механической прочности модифицированного слоя осуществляли склерометрическим методом согласно ГОСТ 21318–75.

Теплофизические исследования композитов выполняли по методике, описанной в статье[1].

Результаты и обсуждение

Рентгеноструктурные исследования поверхности с помощью РФА не выявили различия в фазовом составе у имплантатов и исходного образца. Рентгенограммы поверхности (рис. 1) показали наличие у всех образцов рефлексов, характерных лишь для аустенита (плоскости 111, 200 и 220), который является неотъемлемой составляющей исходного материала (сталь 12Х18 Н10 Т — сталь аустенитного класса). Соотношения интенсивности пиков для всех образцов свидетельствуют о сходной концентрации наблюдаемых фаз. Таким образом, можно утверждать, что имплантаты проявляют рентгеноаморфный характер либо размеры кристаллитов малы настолько, что лежат за пределами чувствительности прибора. Подобный эффект наблюдался в исследованиях J. Dudognon и др[2]., хотя дозы имплантации были на порядок меньше, а энергии ионов на порядок больше.

Не меняя фазовое состояние, имплантация ионов хрома, молибдена и азота приводит, тем не менее, к явному изменению микрогеометрии поверхности, что хорошо заметно на оптических снимках образцов (рис. 2).

Исходный носитель (рис. 2, а) обладает выраженной неоднородностью и значительной шероховатостью, обусловленными механической обработкой, производимой при прокате металлической ленты на заводе-изготовителе.

Имплантация хрома (рис. 2, б) ведет к частичному сглаживанию рельефа и одновременно к появлению ярко выраженных неоднородностей. При обработке образцов ионами Mo (рис. 2, в) также наблюдается выравнивание поверхности, но в тоже время увеличиваются размеры выростов, что свидетельствует о сходном характере воздействия ионов Cr и Mo на микрогеометрию поверхности. По мнению авторов, сглаживание рельефа при одновременном формировании локальных выступов и впадин связано с различием коэффициентов распыления для участков поверхности, имеющих различную ориентацию кристаллических фаз, плотность дефектов и т. д. Очевиден также весомый вклад природы имплант-иона в степень эрозии поверхности.

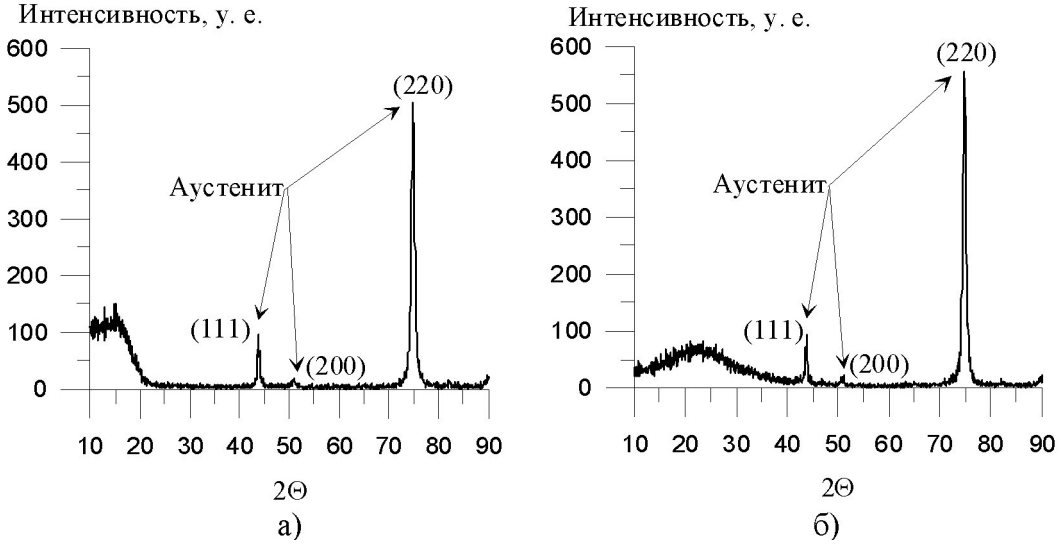

Рисунок 1 — Рентгенограммы образцов: SS — а, Mo/SS — б

Рисунок 2 — Микрофотографии поверхности образцов: SS — а, Cr/SS — б, Mo/SS — в

[1] Гончаров В. В., Климаш А. А., Зажигалов В. О., Орлік В. М. Теплофізичні дослідження каталітичних елементів з внутрішнім нагрівом//Фізика і хімія твердого тіла. – 2011, Т. 12, № 3. –. С 762–767

[2] J. Dudognon, M. Vayer, A. Pineau, R. Erre. Grazing incidence X-ray diffraction spectra analysis of expanded austenite for implanted stainless steel///Surface & Coating Technology – 2008. – Vol. 202, № 20 – С. 5048–5054.

Результаты исследования поверхности имплантатов с помощью АСМ (рис. 3) подтвердили данные оптической микроскопии. Как следует из рисунков 3 а и 3 б для носителя характерно наличие существенных поверхностных дефектов с выраженным их распределением по площади образца. Для образцов с ионами Cr и Mo (рис. 3 в, г, д, е), как было замечено выше, наблюдается выравнивание рельефа (значительные участки поверхности с близкой высотой неровностей) с одновременным формированием локальных дефектов.

Вследствие того, что при имплантации ионы проникают в материал на глубину порядка десятков нанометров, для анализа состояния элементов применили метод РФЭС. Спектр для Cr/SS (рис. 4, а) имеет два дуплета от Cr $2p_{3/2}$ — (пики 1.1. и 3.1) и Cr $2p_{1/2}$-электронов (пики 1.2 та 3.2), что свидетельствует о присутствии хрома в двух степенях окисления. Энергия связи Cr $2p_{3/2}$ — электронов первого из них (пик 3.1), равная 573,0 эВ и величина расщепления между $2p_{1/2}$ и $2p_{3/2}$ электронами, равная 9,4 эВ, демонстрируют наличие металлического хрома. В то же время, энергия связи Cr $2p_{3/2}$-электронов (578,1 эВ) и величина расщепления (9,8 эВ), более характерны для соединения CrO_3.

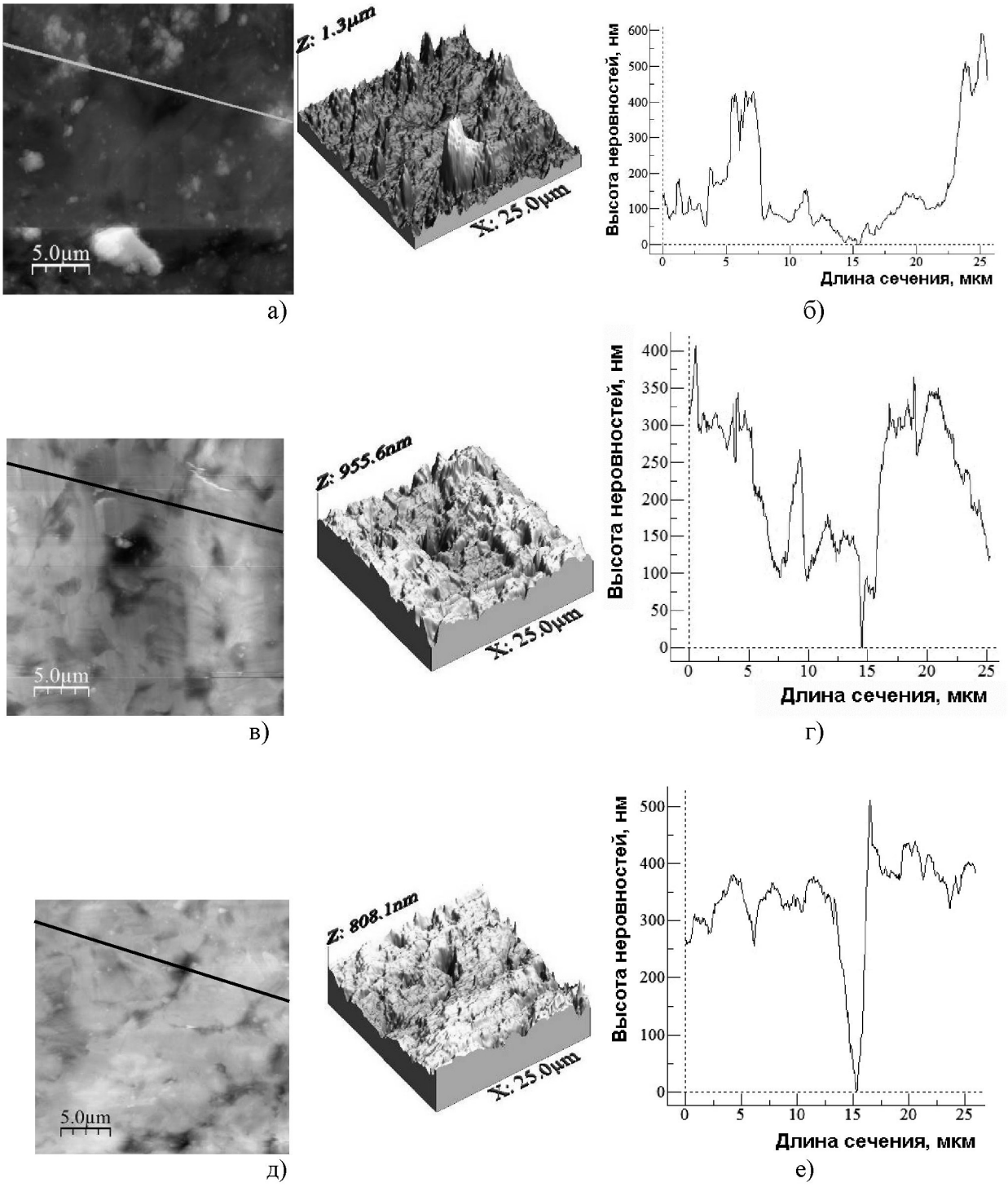
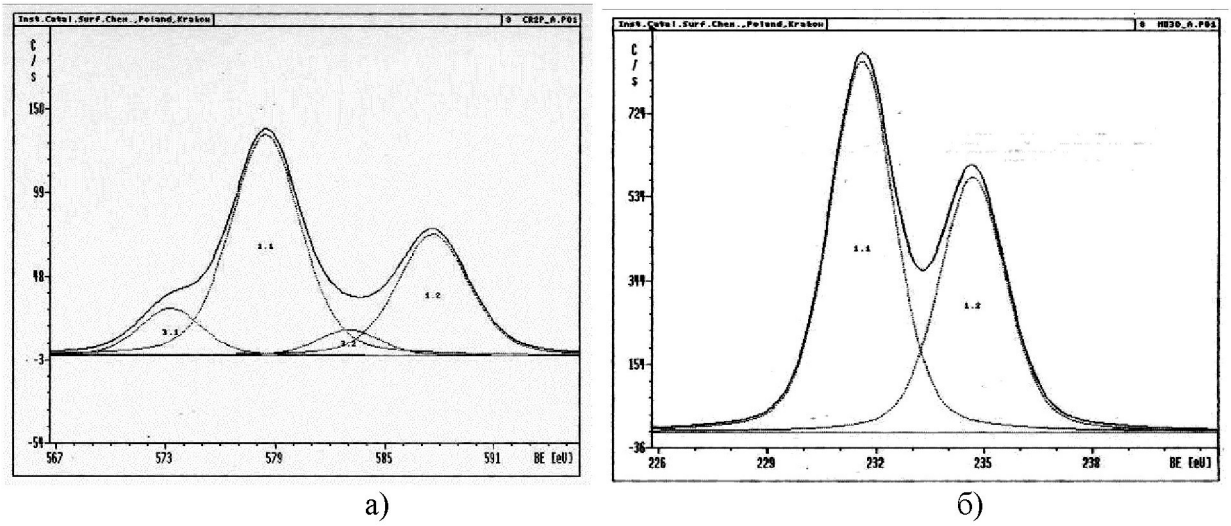

Рисунок 3 — Морфология поверхности образцов: SS — а; Cr/SS — в; Mo/SS — д.
Профили по линиям сечения образцов: SS — б; Cr/SS — г; Mo/SS — е

Как следует из рисунка 4, б, РФЭ-спектр молибдена имеет дуплет от Mo $3d_{5/2}$ — и Mo $3d_{3/2}$ — электронов, что свидетельствует о наличии в поверхностном слое имплантата одной формы молибдена. Энергия связи Mo $3d_{5/2}$ — электронов (232,0 эВ) при величине расщепления (Mo $3d_{3/2}$ — Mo $3d_{5/2}$), равной 3,2 эВ, характерна для оксида молибдена MoO_3. Таким образом, можно заметить, что ионы, имплантируемые в сталь 12Х18 Н10 Т, образуют соединения, в которых имеют наивысшую степень окисления.

а) б)

Рисунок 4 — Спектры Cr 2 p-электронов — а (образец Cr/SS) и Mo 3d- электронов — б (образец Mo/SS)

Важной характеристикой каталитических элементов является механическая прочность поверхностного слоя. Поэтому для имплантатов в данной работе был проведен склерометрический анализ, который заключается в исследовании характера деформации поверхности в соответствии с ГОСТ 21318–75. Авализ микрофотографий (рис. 5) показал, что царапины на поверхности имплантатов с молибденом имеют ровные края с одинаковой толщиной по всей длине. Такой характер деформации демонстрирует высокую прочность сцепления имплантата с подложкой.

а) б) в)

Рисунок 5 — Микрофотографии поверхности образцов: SS — а, Cr/SS — б, Mo/SS — в. Увеличение 300

В противоположность Mo/SS имплантация ионов хрома приводит к уменьшению механической прочности поверхности образца, т. к. царапина в этом случае имеет рваный характер и различную толщину по длине. Для оценки синтезированных композитов была рассчитана величина механической прочности поверхности в соответствии с ГОСТ 21318–75. Результаты (табл. 1) подтвердили предыдущие выводы относительно увеличения силы сцепления имплантата с основой для Mo/SS и уменьшения для Cr/SS.

Кроме физико-химических и механических характеристик каталитические системы должны обладать улучшенными теплофизическими параметрами. С целью их изучения была собрана лабораторная установка, позволяющая измерять температуры имплантатов в процессе их электронагрева. Для моделирования процессов, протекающих в проточных каталитических устройствах, через нагретые композиты пропускали воздух с расходом 1000 л/час. Результаты (рис. 6) показали, что при пропускании электротока через имплантаты максимальная температура поверхности (в конечной зоне) была выше у обработанных образцов. Причем температура поверхности Cr/SS превышала температуру исходной стали на 80 °С, что означает возможность проведения гетерогенно-каталитических реакций на синтезированных образцах при меньших затратах энергии.

Таблица 1 — Оценка величины механической прочности поверхности

Образец	Исходный носитель — SS	Cr/SS	Mo/SS
Величина механической прочности, Н, ГПа	1,7	1,0	6,8

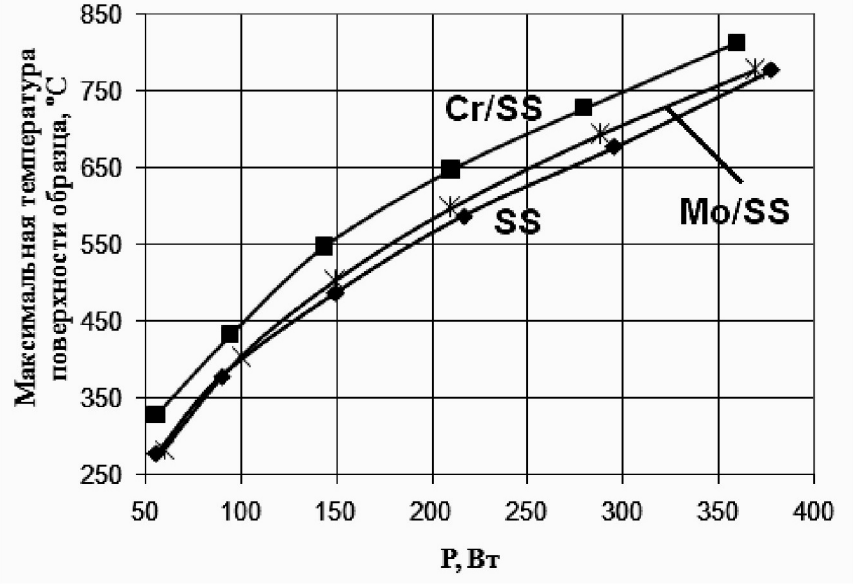

Рисунок 5 — Зависимость температуры поверхности образцов от потребляемой мощности

Выводы

Проведенные исследования показали, что при имплантации хрома и молибдена в поверхностном слое материала не происходит формирования кристаллических соединений. Микрорельеф претерпевает изменения в сторону образования активных центров за счет геометрического текстурирования. При этом повышается механическая прочность, а образование оксидных структур улучшает теплофизические параметры. Таким образом, можно считать ионную имплантацию перспективной технологией для синтеза каталитических композитов, работающих при высоких тепловых нагрузках.

Kurban Magomedov E., Dagestan State University,
Postgraduate Department of Analytical and Pharmaceutical Chemistry

Tataeva Sarizhat D., Dagestan State University,
Professor of the Department of Analytical and Pharmaceutical Chemistry

Goryachaya Victoria S., Dagestan State University,
Postgraduate Department of Analytical and Pharmaceutical Chemistry

Магомедов Курбан Эдуардович, Дагестанский государственный университет,
аспирант кафедры аналитической и фармацевтической химии

Татаева Сарижат Джабраиловна, Дагестанский государственный университет,
профессор кафедры аналитической и фармацевтической химии

Горячая Виктория Сергеевна, Дагестанский государственный университет,
аспирант кафедры аналитической и фармацевтической химии

PVC membrane based on pyridylazonaphthol for determination Zn^{2+} ions

ПВХ-мембрана на основе пиридилазонафтола для определения ионов Zn^{2+}

Канцерогенная и мутагенная природа токсичности цинка вытекает из его синергического/антагонистического взаимодействия с другими тяжелыми металлами, в частности его гомолога кадмия[1]. Его соединения широко используются в гальванических, фармацевтических препаратах, красках, резине, красителях, консервантов древесины, мазях и батареях, в связи с этим отходы от этих отраслей должны контролироваться[2]. Соединения цинка обнаруживаются в местах захоронения опасных отходов в виде: хлорида цинка, оксида цинка, сульфата цинка и сульфида цинка. Кроме того, он также присутствует в продуктах с высоким содержанием белка и его большие дозы могут вызвать повышение температуры, озноб, легочные проявления, гастроэнтерит, рвоту, тошноту, анемию и почечную недостаточность.

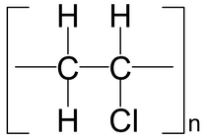
Цель работы: разработка технологии получения пленочной мембраны на основе электродноактивного компонента, оптимизация состава мембраны и определение электродных характеристик.

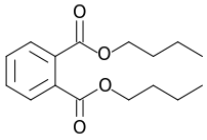
Использовано изготовление полимерных пластифицированных ионоселективных мембран, которые представляют собой пленки на основе поливинилхлорида. Эти пленки содержат пластификатор — дибутилфталат, который служит также растворителем электродноактивного вещества — пиридилазонафтола, определяющий селективность мембраны и ионная добавка — олеиновая кислота повышающая селективность электродноактивного вещества. Толщина таких мембран обычно довольно велика и лежит в пределах 0,2–1 мм.

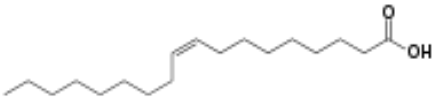
[1] Moore J. W.; Ramamoorthy S. Heavy Metals in Natural Waters: Applied Monitoring and Impact Assessment, New York, 1984, 182.

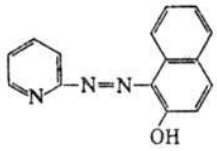
[2] Gao H. W.; Cheng Y.; Qing-Song Y. Bull. Korean Chem. Soc., 2001, V. 22, № 6. P. 565–569

Реактивы и аппаратура:

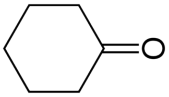
Высокомолекулярный поливинилхлорид (ПВХ) марки С-70.

Дибутилфталат в/с (ДБФ)

Олеиновая кислота марки Б-115 (О. К.)

Пиридилазонафтол (ПАН)

Тетрагидрофуран (ТГФ)

Циклогексанон (ЦГН)

Zn, Cd, Cu, Al $(NO_3)_3 \times 9H_2O$, Ni $(NO_3)_2 \times 6\ H_2O$, $CaCl_2 \times 2\ H_2O$, $MgCl_2 \times 6\ H_2O$, $Cr_2\ (SO_4)_3 \times 6\ H_2O$, $BaCl_2 \times 2\ H_2O$, $FeCl_3$, Pb $(NO_3)_2$, Sr $(NO_3)_2$, NaOH, HCl.

Значения потенциалов мембран и pH растворов измеряли универсальным иономером «Эксперт-001». Перемешивание растворов осуществляли на механическом встряхивателе «*LS*-220».

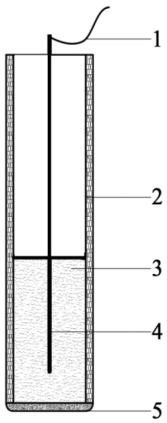
Исходные вещества: Стандартный раствор хлорида цинка (0,1 М) готовили по методике[1], рабочие растворы ($1 \cdot 10^{-8}$-$1 \cdot 10^{-1}$ М) — последующим разбавлением. Постоянство ионной силы в растворах поддерживалось введением 10 мл 1М раствора KNO_3 в стандартные растворы.

Оптимизацию состава мембраны проводили по методике[2]. Состав апробированных мембран с различными пропорциями ингредиентов, производительности и характеристик представлен в табл. 1.

Определение электродных характеристик мембран проводили методом измерения э. д.с. электрохимической ячейки:

$$Ag \mid AgCl \mid\mid \underset{0{,}01\ M}{ZnCl_2} \mid\mid мембрана \mid \underset{x\ M}{ZnCl_2} \mid KCl_{нас}, AgCl \mid Ag$$

Конструкция электрода представлена на рис. 1.

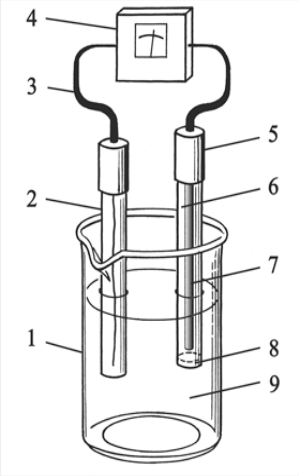
1 — токоотвод;
2 — инертный поливинилхлоридный корпус;
3 — стандартный раствор $ZnCl_2$ 0,01 М;
4 — серебряная проволока, покрытая хлоридом серебра;
5 — мембрана.

Рис. 1. Конструкция пленочного электрода.

Потенциал регистрировали, когда его дрейф составлял не более 1 мВ/мин. установления значения потенциала, составляющего 90% от равновесного значения и определяли как время отклика электрода. Электрохимическая ячейка для измерения потенциала представлена на рис. 2.

[1] Коростелев П. П. «Реактивы и растворы в металлургическом анализе». М.: Металлургия. 1977. 400с.

[2] Татаева С. Д., Горячая В. С., Магомедов К. Э. Цинкселективный электрод и его электродные характеристики//Материалы VI Международной конференции. – Астрахань. Изд. Дом «Астраханский университет». – 27–29 апреля 2012 г. – с. 93–96

1 — измерителей сосуд;
2 — внешний электрод сравнения;
3 — соединительные провода;
4 — измерительный прибор;
5 — корпус ионоселективного электрода;
6 — внутренний электролит;
7 — внутренний электрод сравнения;
8 — электрохимическая мембрана;
9 — исследуемый раствор.

Рис. 2. Установка для измерения э. д.с. ионоселективного электрода.

Определение оптимального состава мембраны

Варьируя концентрации компонентов гомогенной смеси был оптимизирован состав поливинилхлоридной мембраны (табл. 1).

Таблица 1. Состав мембран и их потенциометрические характеристики для ионов *Zn* (II).

№ мембраны	Состав мембраны (мас.%)				Крутизна, мВ	Линейный диапазон, М
	ПАН	ДБФ	ПВХ	ОК		
1	1	69	30	0	31,69	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$
2	2	68	30	0	17,53	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$
3	3	67	30	0	19,51	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$
4	4	66	30	0	17,7	$1 \cdot 10^{-4}$–$1 \cdot 10^{-1}$
5	5	65	30	0	18.2	$1 \cdot 10^{-4}$–$1 \cdot 10^{-1}$
6	6	64	30	0	16.6	$1 \cdot 10^{-3}$–$1 \cdot 10^{-1}$
7	3	62	30	5	26,81	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$
8	**4**	**61**	**30**	**5**	**31,44**	**$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$**
9	5	60	30	5	23,08	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$

Наибольшей чувствительностью и близостью к теоретической крутизне обладает мембрана состава № 8 (рис. 3), с крутизной 31,44 мВ незначительно превышающей теоретическое значение для двух зарядного иона (28,5 мВ/pC), это связано с частичным влиянием ионов водорода.

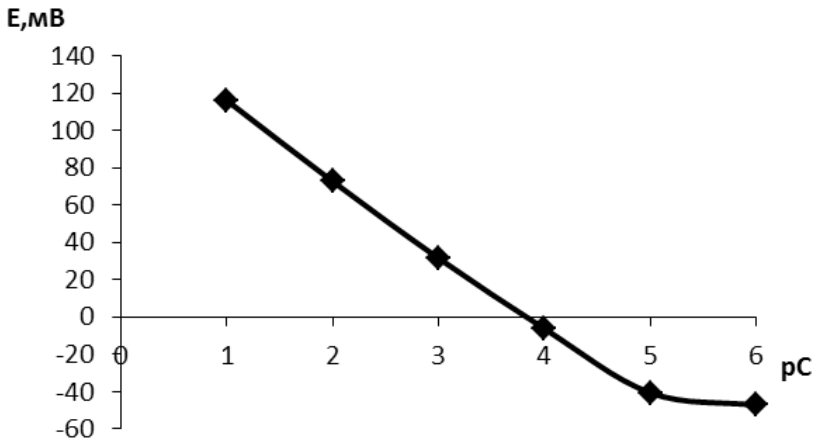

Рис. 3. Вид электродной функции цинк-селективного электрода.

Изучение *pH* зависимости проводили в $1 \cdot 10^{-3}$ М растворе хлорида цинка. Раствор подкисляли или подщелачивали шагом одной единицы *pH*, добавляя минимальные объемы растворов *HCl* и *NaOH* различной концентрации. Влияние pH представлено на рис. 4.

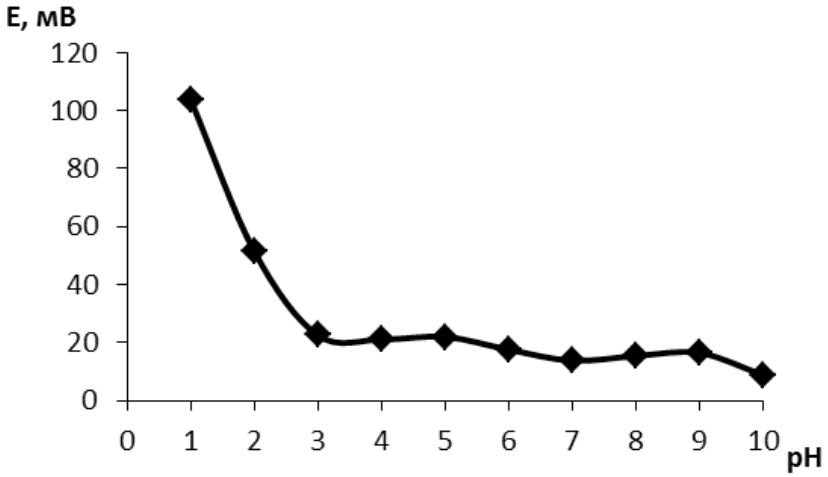

Рис. 4 Влияние pH на значение электродного потенциала цинк-селективного электрода ($C_{Zn^{2+}}$= 1·10^{-3} М).

Из рис. 4 видно, что в интервале *pH* 3–9 электрод мало чувствителен к изменению *pH*. В диапазоне *pH* 3–9 изменение потенциала не превышает 6 мВ

Исследовали электрохимические свойства оптимизированной мембраны в водных растворах солей щелочных, щелочноземельных и тяжелых металлов и оценена их потенциометрическая селективность относительно ионов цинка (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициенты селективности различных мешающих ионов.

Катион	$\log K^{nom}_{Zn^{2+}/Me^{n+}}$
Li	-2,87023
Na	-2,84733
Rb	-2,87745
Cs	-2,88737
Mg	-2,54482
Ca	-2,57455
Ba	-2,59539
Sr	-2,62548
Cr	-1,67573
Fe	-1,14949
Ni	-1,80204
Al	-1,832
Cu	-1,5228
Pb	-1,82242
Cd	-0,1097

Из данных таблицы 2 видна хорошая селективность потенциометрического сенсора к ионам цинка относительно ионов щелочных, щелочноземельных и некоторых d-элементов концентрация которых может повлиять только если будет в 100–1000 раз выше концентрации ионов цинка. Небольшое влияние могут оказывать лишь ионы меди (II) и кадмия (II).

Основные потенциометрические характеристики предлагаемого электрода в сравнении с другими работами представлены в табл. 3.

Таблица 3. Сравнительная характеристика времени отклика, pH, и интервала линейности цинкселективных электродов .

Электрод	Время отклика, с	$pH_{опт.}$	Интервал линейности концентрации, М	Крутизна, мВ/pC
1[1]	10	2,8–5,5	$7 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$	29,5±1,0
2[2]	15	3,0–8,0	$6{,}2 \cdot 10^{-6}$–$1 \cdot 10^{-1}$	30,1±0,8
3[3]	10	3,0–6,0	$5 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$	26,5±1,0
4[4]	20	3,0–7,0	$1 \cdot 10^{-6}$–$1 \cdot 10^{-2}$	29,3±0,3

[1] Gupta V. K. A PVC-based 12-crown-4 membrane potentiometric sensor for zinc (II) ions / Sens. Actuators B., 1999, V. 55, P. 195.

[2] Gupta V.K.; Jain A.K.; Mangla R.; Kumar P. A new Zn2+-selective sensor based on 5,10,15,20-tetraphenyl-21H,23H-porphine in PVC matrix. Electroanalysis 2001, 13, 1036–1040.

[3] Fakakhari A.R., Shamsipur M., Ghanbari K.H. Zn(II)-selective membrane electrode based on tetra(2-aminophenyl) porphyrin / Anal. Chem. Acta. 2002. V. 460. P. 177.

[4] Ganjali M.R., et. al., Zn2+ PVC-based Membrane Sensor Based on 3-[(2-Furylmethylene)amino]-2-2thioxo-1,3-thiazolidin-4-one / Bull. Korean Chem. Soc. 2005. V. 26. P. 579.

Предлагаемый электрод	10	5,0–9,0	$1 \cdot 10^{-5}$–$1 \cdot 10^{-1}$	31,4±0,5

Из таблицы 3 видно что большинство электродов имеют малый диапазон pH что в некоторых случаях может ограничить применение в анализе объекта без изменения его состава.

Выводы

Предложена технология изготовления пластифицированной пленочной мембраны цинк-селективного электрода. Оптимизирован состав мембраны цинк-селективного электрода. Определен рабочий диапазон кислотности среды, время отклика, интервал линейности электродной функции и ее крутизна. Отклик мембраны на ионы Zn (II), наблюдается через 10 с. Интервал кислотности функционирования цинк-селективного электрода, обеспечивающий раздельное определение цинка в присутствии достаточно большого количества мешающих ионов равен pH 5–9. Оценена потенциометрическая селективность ионов щелочных, щелочноземельных и тяжелых металлов относительно ионов цинка. Найдены коэффициенты селективности с помощью отдельных растворов по методу биионных потенциалов свидетельствующие о высокой селективности мембраны к ионам цинка. Сделано сравнение с различными потенциометрическими сенсорами из которого видна возможность конкурирования со сравниваемыми электродами, а в некоторых случаях и преимущества изготовленного потенциометрического сенсора.

Работа выполнена при финансовой поддержки проекта: «Разработка химических технологий и методик для решения комплексных проблем по охране и рациональному использованию сырьевых ресурсов Республики Дагестан на базе НОЦ «Химия и химическая технология», Инновационно-технологического центра и ЦКП «Аналитическая спектроскопия» 2011–2014.

Section 17. Economics and management

Alexander A. Antonov,
Research Centre of Information Technologies "TELAN Electronics", Director
Антонов А. А. НИЦ информационных технологий "ТЕЛАН Электроника"
Директор

Building crisis-proof economy

Бескризисная экономика

Аннотация

В результате использования адекватного математического описания существующей рыночной экономики доказывается, что кризисы в ней принципиально непредсказуемы и неустранимы. Предлагаются новые экономические инструменты, обеспечивающие создание бескризисной экономики.

1. Введение

Теоретическая экономика, соответствующая критериям точных наук, еще не создана. Доказательством тому является необъясненность до сих пор главного экономического явления - экономических кризисов, которые известны людям уже много веков. И с которыми все это время люди безуспешно борются.

За последние десятилетия в экономике были предприняты попытки использования большого числа сложных математизированных концепций[1]. Наверное, не осталось ни одного раздела математики, который ученые не попробовали бы примерить на экономику. Тем не менее, экономические кризисы как существовали, так и продолжают существовать.

Поэтому некоторые авторы[2] стали задаваться вопросом "следует ли естественно-научные теории рассматривать как образец для построения экономической теории или же экономическая теория должна быть построена в соответствии с некими иными стандартами?" Высказывались даже мнения[3] о том, что, по-видимому, большое многообразие экономических явлений не может быть объяснено на базе ограниченного числа фундаментальных закономерностей. И предлагалось принцип единой экономической теории заменить на принцип сосуществования конкурирующих концепций.

В настоящем исследовании, однако, предлагается концепция единой экономической теории, соответствующей критериям точных наук, которая позволит экономические кризисы объяснить и предотвращать.

2. Адекватное математическое описание экономических процессов

Чтобы какой-либо сложной системой, в том числе экономической, можно было управлять, необходимо иметь ее адекватное математическое описание. Это — непременное требование.

Но, забегая вперед, отметим, что с математической точки зрения задача объяснения природы экономических кризисов оказалась весьма необычной и чрезвычайно трудной для разрешения, так как протекающие в существующей экономике процессы не имеют аналогов в других науках и описываются не имеющими аналитического решения системами нелинейно-параметрических дифференциальных уравнений со случайными коэффициентами. Поэтому кризисы в такой экономике неизбежны и используемыми в настоящее время экономическими инструментами их предотвратить невозможно.

Для создания же управляемой бескризисной экономики нужно использовать новые инструменты, имеющие своей целью трансформировать экономику таким образом, чтобы ее математическое описание было аналитически разрешимым. Чтобы понять, какими должны быть эти новые экономические инструменты, сначала необходимо найти адекватное математическое описание процессов, протекающих в существующей экономике.

В настоящее же время не существует ни адекватного математического описания экономических процессов ни даже математического аппарата, пригодного для такого их описания. И это объясняется неправильным подходом к решению задачи. А именно, неправильной оценкой важной особенности экономики - чрезвычайно высокой ее многофакторности. В настоящее время экономические процессы пытаются анализировать исключительно как массовые явления. И это фактически привело к полному отказу от каких-либо попыток понимания существующих в ней фундаментальных процессов. Такой неверный вывод был сделан, исходя из казалось бы правильной предпосылки — утверждения о том, что поведение того или иного отдельного субъекта экономической деятельности предсказать невозможно. Например, Исаак Ньютон по этому поводу утверждал, что моделировать поведение людей - задача гораздо более сложная, чем предсказывать движение планет[4].

Но представьте себе, в каком состоянии была бы, например, радиоэлектроника, если бы в ней, учитывая непредсказуемое поведение большого числа электронов, был использован подобный подход. Т. е. не изучив принципы функционирования отдельных схемных элементов и узлов — транзисторов, генераторов, усилителей и др. — ученые пытались бы создать телевизор, навигатор или автопилот на базе теории массовых явлений.

---

[1] Полтерович В. М. 2007. Элементы теории реформ. Издательство "Экономика", Москва.

[2] Neumann J. von and Morgenshtern O. 1947. 2nd ed. The Theory of Games and Economic Behavior. Princeton University Press, Princeton.

[3] Bruno M. and Esterly W. November 1994. Inflation Crises and Long-Run Growth. World Bank.

[4] Bouchaud J. P. 30 October 2008. Economics needs a scientific revolution. Nature. 455, 1181

Экономическую теорию, как точную науку, можно создать только повторяя процедуру создания других точных наук. А именно, путем создания математического описания сначала простейших базовых экономических процессов, а затем – точного расчета сложных экономических систем, эти процессы использующих.

Принимая все это во внимание, можно утверждать, что в настоящее время экономика является по существу "черным ящиком". Этим термином, предложенным William Ross Ashby, в точных науках принято называть объекты исследования, механизм функционирования которых и их математическое описание неизвестны, но результат их функционирования известен.

Поэтому в точных науках для познания черного ящика ищут соответствующий ему "белый ящик", механизм функционирования которого согласно предложенному Norbert Wiener определению известен и на выходе которого могут быть получены те же результаты, что и на выходе черного ящика. Поэтому математическое описание процессов в белом ящике является адекватным по отношению к процессам в черном ящике.

Таким образом, чтобы получить возможность предотвращать экономические кризисы, необходимо найти соответствующий экономике белый ящик, после чего, пользуясь известными результатами функционирования белого ящика, оптимизировать протекающие в черном ящике экономики процессы.

Но такой белый ящик еще не найден. А используемые в существующей экономике математические инструменты и не позволяют его найти, так как не предназначены для описания процессов. Например, широко используемый в экономике математический анализ различных ситуаций с помощью кривых спроса и предложения, кривых производственных возможностей и др. позволяет определять только состояния. Статистические методы, в том числе, предлагаемые эконофизикой, также не предназначены для описания процессов.

Процессы же в математике описываются дифференциальными уравнениями. И адекватное математическое описание экономических процессов, следовательно, должно быть выполнено с использованием дифференциальных уравнений. К сожалению, однако, попытки использования в экономике дифференциальных уравнений[1], не ставили своей целью понять содержимое черного ящика.

Поэтому создание экономики, как точной науки, необходимо начинать с отыскания дифференциальных уравнений, описывающих в ней базовые процессы.

3. Дифференциальное уравнение процесса "товар-деньги-товар"

Таким базовым процессом в экономике бесспорно является процесс "товар-деньги-товар". Для вывода описывающего его дифференциального уравнения[2], очевидно, необходимо сначала математически описать поведение на рынке отдельно продавца и отдельно покупателя, а затем – их совместное поведение. Причем товар, являющийся предметом их общих интересов, должен быть один и тот же.

И вот при весьма общих условиях поведение обобщенного покупателя (далее — просто "покупателя") этого товара, описывается формулой

$$\lim H_B(t) \to const \qquad (1)$$

где $M_B(t)$ — текущие расходы (количество платежных средств) покупателя;

$P_B(t)$ — текущая розничная рыночная цена товара, купленного покупателем;

$Q_B(t)$ — текущее количество купленного покупателем товара;

$P_B(t)Q_B(t)$ — поток платежных средств у покупателя;

T_B — длительность процесса использования товара покупателем;

t — время.

Следовательно, затраты покупателя в соответствии с формулой (1) равны накопленным расходам на приобретение необходимого ему количества товара с учетом изменений во времени цены покупок.

Аналогичным образом деятельность обобщенного продавца (далее просто "продавца"), описывается формулой

$$P_V(t) = \frac{1}{Q_V(t)T_V}\int_0^t M_V(t)dt \qquad (2)$$

где $P_V(t)$ — текущая рыночная цена товара;

$Q_V(t)$ — текущее количество изготовленного продавцом товара;

$P_V(t)Q_V(t)$ — поток платежных средств у продавца;

$M_V(t)$ — текущая выручка продавца (количество платежных средств), покрывающие расходы на производство товара и создающие прибыль;

T_V — длительность процесса изготовления единицы товара.

Следовательно, цена товара в соответствии с формулой (2) равна накопленным затратам товаропроизводителя с учетом запланированной прибыли, поделенным на количество произведенного товара.

---

[1] Brock W.A. and Malliaris A.G. 1989. Differential Equations, Stability and Chaos in Dynamic Economics. Elsevier-North Holland, NY; HALANAY A. AND SAMUEL JU. 1997. Differential equations, discrete systems and control: economic models (mathematical modelling: theory and applications). Springer-Verlag, NY.

[2] Antonov A. A. 2010. Differential equation for the 'goods-money-goods' process. European Journal of Scientific Research, 40(1), 27 – 42; Antonov A. A. 2010. Economic oscillating systems. American Journal of Scientific and Industrial Research, 1(2), 359 – 363.

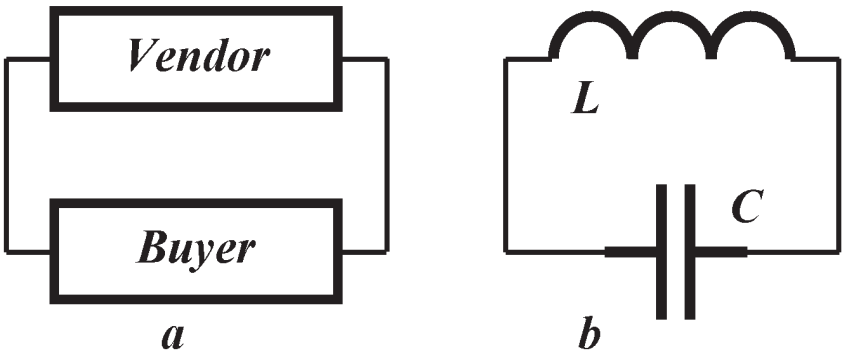

Рис. 1. Функциональные схемы простейших колебательных звеньев в экономике и радиоэлектронике

Причем при совершении сделки и продавец и покупатель в соответствии с формулами (1) и (2) пользуются своими оценками. Но для того, чтобы сделка состоялась, покупатель и продавец должны согласовать свои интересы, т. е. договориться о платежах. И этот результат, очевидно, будет соответствовать выражению $M_V(t) = -M_B(t)$, в соответствии с которым в исследуемой изолированной экономической цепи (рис. 1 а) всегда один из участников сделки платежные средства отдает, а другой их получает.

Полагая далее в рассматриваемом конкретном простейшем случае, что имеется только один продавец и только один покупатель и, следовательно, $Q_V(t) = Q_B(t) = Q(t)$, а $P_V(t) = P_B(t) = P(t)$, из формул (1) и (2) находим линейное дифференциальное уравнение второго порядка, описывающее исследуемый процесс "товар-деньги-товар"

$$T_V T_B \frac{d^2 M_B(t)}{dt^2} + M_B(t) = 0 \qquad (3)$$

Этот процесс и его математическое описание аналогичны математическому описанию процесса радиоэлектронном колебательном контуре (рис. 1b).

Следовательно, радиоэлектронные устройства и процессы как раз и являются вышеупомянутым белым ящиком относительно черного ящика экономики и экономических процессов. И осознание этого факта позволяет создать экономическую теорию, полностью соответствующую критериям точных наук. Но при использовании этой аналогии нужно быть осторожным и не нарушать ее в результате тех или иных некорректных действий, поскольку изображенное на рис. 1 а экономическое звено на самом деле является лишь потенциально колебательным и не учитывает многих реальных обстоятельств. Далее их рассмотрим.

4. Обнаружение "невидимой руки" Адама Смита

Вопрос, как создать бескризисную устойчиво развивающуюся экономику является одним из главных для руководителей всех государств и топ-менеджеров мировой экономики. При этом известно, что и абстрактный социализм, как полностью регулируемая экономика, и абстрактный капитализм (laissez faire), как абсолютно нерегулируемая экономика, обладают своими недостатками и своими достоинствами:

- социалистическая экономика развивалась крайне медленно, но зато в ней не было экономических кризисов;
- капиталистическая экономика развивается гораздо быстрее, но в ней случаются экономические кризисы.

Поэтому в настоящее время все страны ищут какой-то свой средний путь развития экономики в виде той или иной разновидности регулируемого капитализма. Но множество существующих экономических научных школ так и не пришли к согласию о том, каков же этот средний путь. И поэтому в разных странах он выбран разным. Тем не менее, все они защиту от экономических кризисов так и не обеспечивают.

Экономисты часто используют специфический термин "невидимая рука", предложенный Адамом Смитом, когда вдруг обнаруживают проявления мощных и непонятных сил, ведущих общество в своём непредсказуемом направлении, зачастую вопреки всем усилиям руководителей государств и топ-менеджеров экономики.

Действительно, в соответствии с "производственной функцией" Кобба-Дугласа (Cobb-Douglas production function) $Q = AL^{\alpha}K^{\beta}$, объем производства Q зависит от двух медленно меняющихся факторов производства: L (затрат труда) и K (затрат капитала). И поэтому в экономике любой страны вообще не должно было бы быть никаких кризисов, а объем производства должен был бы плавно увеличиваться из года в год. Но на деле в экономическом развитии все время происходит что-то непредвиденное, а кратковременный устойчивый экономический рост является скорее исключением, чем правилом.

Поэтому одной из главных проблем в теоретической экономике до сих пор является обнаружение этой "невидимой руки". Но если в результате многолетних исследований ее так и не удалось обнаружить среди объективных обстоятельств, влияющих на протекание экономических процессов, то допустимо предположить, что она является субъективным, или, иначе говоря, человеческим фактором. И именно к такому выводу привели результаты исследований, описанных в[1].

Как было показано, в идеализированном простейшем рыночном звене (рис. 1а) процесс "товар-деньги-товар" математически описывается линейным дифференциальным уравнением (3). Его очевидным решением является колебательный процесс, поскольку оборотные средства должны циркулировать между покупателем и продавцом. Однако этот колебательный процесс не имеет ничего общего ни с волнами Эллиота, ни с сезонными колебаниями деловой активности (например, в сельском хозяйстве), ни с экономическими циклами Китчина (Kitchin), Жюгляра (Juglar), Кузнеца (Kuznets) или Кондратьева (Kondratiev) и он никак не связан с экономическими кризисами.

[1] Filipe J. and Adams G. 2005. The Estimation of the Cobb Douglas Function. Eastern Economic Journal. 31(3), 427–445

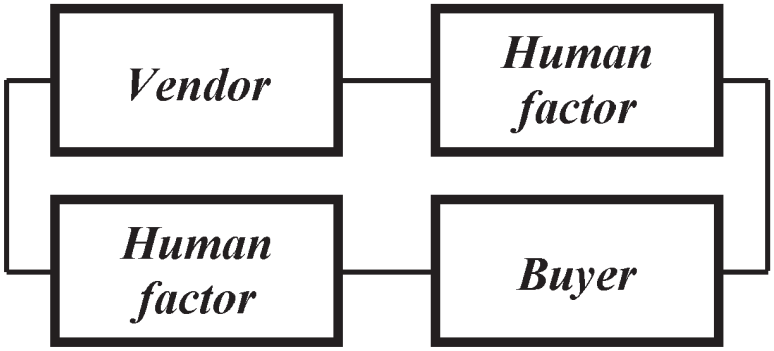

Рис. 2. Функциональная схема простейшего колебательного звена в экономике, учитывающая существование человеческого фактора

Более того, этот колебательный процесс в экономике вообще до сих пор еще не известен, поскольку никогда не были созданы условия для его реализации. А случайно они созданы быть не могут. И это — вполне закономерно, поскольку случайным образом не строятся дома, не собираются автомобили, не производятся компьютеры. Для созидательных дел всегда нужны соответствующие знания.

Реальные же экономические колебательные звенья всегда включают в себя не только покупателя и продавца (а также других участников рыночного экономического процесса), поведение которых описывается функциями (1) и (2), но и "невидимую руку" - привносимые ими соответствующие человеческие факторы, так как реальные субъекты рыночной деятельности являются обыкновенными людьми с обыкновенными человеческими слабостями, привычками и другими особенностями. Поэтому они не всегда являются обязательными, иногда они забывчивы, нередко подвержены влиянию эмоций, болезней, других случайных факторов и непредвиденного стечения обстоятельств. В результате, в приведенном на рис. 2 функциональном экономическом звене процесс будет описываться уже не линейным дифференциальным уравнением с постоянными коэффициентами (3), а линейным дифференциальным уравнением с переменными коэффициентами (или, иначе говоря, параметрическим дифференциальным уравнением)

$$T_V T_B H_V(t)\frac{d^2 M_B(t)}{dt^2} + H_B(t) M_B(t) = 0 \qquad (4)$$

где $H_V(t)$ - человеческий фактор, учитывающий поведение продавца,

$H_B(t)$ - человеческий фактор, учитывающий поведение покупателя.

И так как в параметрическом дифференциальном уравнении (4) коэффициенты $H_V(t)$ и $H_B(t)$ являются различными случайными функциями времени, то и его решение также является случайной функцией времени. И оно аналитически не может быть найдено.

А процессы в реальной капиталистической экономике в целом складываются из множества таких непредсказуемых процессов в элементарных экономических звеньях. И поэтому глобальная экономика от быстро изменяющихся человеческих факторов $H_V(t)$, $H_B(t)$ и др. зависит в гораздо большей степени, чем от упомянутых выше медленно изменяющихся факторов производства $L(t)$ и $K(t)$. В силу этого обстоятельства она является принципиально непредсказуемой и неуправляемой.

Изложенное полностью объясняет, почему экономических кризисов не было в Советском Союзе. А дело в том, что в плановой советской экономике надежно обеспечивалось выполнение условий минимизации влияния человеческого фактора $\lim H_V(t) \to const$, $\lim H_B(t) \to const$. И поэтому параметрические дифференциальные уравнения вида (4) в советской экономике превращались в линейные дифференциальные уравнения с постоянными коэффициентами вида (3), в результате чего процессы в ней и поддавались управлению.

5. Новые инструменты реформирования капиталистической экономики

Таким образом, чтобы избежать экономических кризисов в капиталистической экономике, в ней также необходимо минимизировать влияние человеческого фактора. Но сделать это надо иначе, чем делалось в Советском Союзе.

Чтобы понять, как это можно сделать, уточним, что человеческий фактор может быть внутренним и внешним.

Внутренним человеческим фактором назовем самопроизвольную непредсказуемость поведения субъектов рыночной деятельности, обусловленную их необязательностью, болезнями, забывчивостью, усталостью, несовершенством регламентирующих их деятельность контрактов или устных договоренностей, слухами, паникой, и др. подобного рода причинами.

Внешним человеческим фактором назовем непредсказуемость поведения субъектов рыночной деятельности, обусловленную внешним на них случайным воздействием других физических и юридических лиц — конкурентов, чиновников, криминальных структур и др. подобного рода причинами.

Поэтому очевидно, что для минимизации влияния человеческого фактора в рамках рыночной капиталистической экономики нужны какие-то новые экономические инструменты, поскольку существующими экономическими инструментами они до сих пор не были нейтрализованы. Причем для минимизации влияния внутреннего и внешнего человеческого факторов эти экономические инструменты должны быть разными.

Предназначенный для минимизации влияния внутреннего человеческого фактора новый экономический инструмент назовем бизнес-интерфейсом[1] по аналогии с аналогичным термином, используемым в компьютерной технике. Под таким бизнес-интер-

[1] Antonov A. A. 2012, New anti-crisis instruments for market economy, ARPN Journal of Science and Technology, Vol. 2, No. 8, pp. 738–744.

фейсом мы будем понимать товарно-денежные средства сопряжения участников рыночного процесса, которые будут регламентированы настолько детально, что обеспечат превращение дифференциального уравнения (4) в дифференциальное уравнение (3).

Для минимизации влияния внешнего человеческого фактора предлагается другой экономический инструмент — а именно, новая глобальная/региональная информационная сеть[1], свободная от всех недостатков Интернета. Эта информационная сеть позволит бизнесменам находить деловых партнеров и заключать выгодные сделки, не обращаясь к услугам ненужных им посредников. Тем самым бизнесменам будет надежно обеспечена конфиденциальность деловых связей и возможность избежать нежелательного влияния со стороны третьих лиц. И это также обеспечит превращение дифференциального уравнения (4) в дифференциальное уравнение (3).

Но этого мало, поскольку несмотря на эффективную минимизацию человеческого фактора советская экономика оставалась неэффективной. А дело в том, что реальные экономические звенья (рис. 1 а) являются еще и нелинейными. И также по этой причине в них невозможен колебательный процесс. Поэтому экономическую систему необходимо линеаризировать[2]. И это — еще одна задача, которую должны решать бизнес-интерфейсы.

Новая экономика должна описываться системами линейных дифференциальных уравнений с постоянными коэффициентами. В ней, как и радиоэлектронных системах, должны протекать строго определенные и заранее рассчитанные процессы.

6. Заключение

Таким образом, для устранения из экономики экономических кризисов, ее необходимо реформировать. Для этого, при помощи новых инструментов процессы в ней необходимо линеаризировать, а влияние человеческого фактора подавить.

Список литературы:

1. Полтерович В. М. 2007. Элементы теории реформ. Издательство "Экономика", Москва
2. Neumann J. von and Morgenshtern O. 1947. 2nd ed. The Theory of Games and Economic Behavior. Princeton University Press, Princeton
3. Bruno M. and Esterly W. November 1994. Inflation Crises and Long-Run Growth. World Bank
4. Bouchaud J. P. 30 October 2008. Economics needs a scientific revolution. Nature. 455, 1181
5. Brock W. A. and Malliaris A. G. 1989. Differential Equations, Stability and Chaos in Dynamic Economics. Elsevier-North Holland, NY
6. Halanay A. and Samuel Ju. 1997. Differential Equations, Discrete Systems and Control: Economic Models (Mathematical Modelling: Theory and Applications). Springer-Verlag, NY
7. Antonov A. A. 2010. Differential equation for the 'goods-money-goods' process. European Journal of Scientific Research, 40 (1), 27 - 42
8. Antonov A. A. 2010. Economic oscillating systems. American Journal of Scientific and Industrial Research, 1 (2), 359 - 363
9. Filipe J. and Adams G. 2005. The Estimation of the Cobb Douglas Function. Eastern Economic Journal. 31 (3), 427–445
10. Antonov A. A. 2011. Realization of Crisis-Free Economy. International Journal of Emerging Sciences, Special Issue: Selected Best Papers. 1 (3), 387–399
11. Antonov A. A. 2012, New anti-crisis instruments for market economy, ARPN Journal of Science and Technology, Vol. 2, No. 8, pp. 738–744.
12. Antonov A. A. 2009. Safe Global/Regional Informational Network. European Journal of Scientific Research. 28 (1), 165 –174
13. Antonov A. A. 2011. Realisation of Human Super-Intelligence (Developmental Learning). WSEAS Transactions on Advances in Engineering Education. 8 (4), 109–119
14. Antonov A. A. 2012. The new global information network free from the drawbacks of the Internet. ARPN Journal of Science and Technology. vol. 2, no. 10, pp. 957–962.
15. Antonov A. A. 2013. New Business-Oriented Global/Regional Information Network. International Journal of Business Information Systems. in press.

Blazevich Anna
Senior Lecturer Donetsk Institute Urban GAZHKH
Блажевич Анна Александровна,
старший преподаватель Донецкого института городского хозяйства ГАЖКХ

Conceptual statements of strategy of development of innovation and technological capacities of the industrial enterprises

Концептуальные положения формирования стратегии развития инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия

Выбор направлений или стратегии развития инновационно-технологического потенциала промышленных предприятий зависит в основном от состава, структуры и качества имеющихся ресурсов, уровня конкурентоспособности, суще-

[1] Antonov A. A. 2009. Safe Global/Regional Informational Network. European Journal of Scientific Research. 28(1), 165 –174; Antonov A. A. 2011. Realisation of Human Super-Intelligence (Developmental Learning). WSEAS Transactions on Advances in Engineering Education. 8(4), 109–119; Antonov A. A. 2012. The new global information network free from the drawbacks of the Internet. ARPN Journal of Science and Technology. vol. 2, no. 10, pp. 957–962; Antonov A. A. 2013. New Business-Oriented Global/Regional Information Network. International Journal of Business Information Systems. in press.

[2] Antonov A. A. 2010. Differential equation for the 'goods-money-goods' process. European Journal of Scientific Research, 40(1), 27 - 42; Antonov A. A. 2010. Economic oscillating systems. American Journal of Scientific and Industrial Research, 1(2), 359 - 363

ствующего положения на рынке и будущих целей, например, выйти в лидеры, закрепиться среди конкурентов, избежать банкротства и т.д[1].

Выделяют прогрессивное и регрессивное развитие инновационно-технологического потенциала. Прогрессивное развитие — это переход от низшего к высшему, от менее к более совершенному. Регрессивное развитие — это деградация, переход к пройденным формам и структурам, которые исчерпали себя раньше. Прогресс и регресс тесно связаны между собой и составляют диалектическое единство. Без регресса нет прогресса, и, наоборот, без прогресса нет регресса[2].

Закон развития формулируется так: каждая материальная, организационно-экономическая или производственная система стремится достичь наибольшего суммарного потенциала при прохождении всех или части этапов своего жизненного цикла.

В основе закона развития лежит ряд принципов:

— инерции;

— эластичности;

— непрерывности;

— пропорциональности;

— стабилизации.

Сущность принципа инерции (или запаздывания) заключается в том, что измерение инновационно-технологического потенциала системы начинается спустя некоторое время после начала воздействия изменений внешней и внутренней среды и продолжается некоторое время после их окончания.

На промышленных предприятиях инерция проявляется в функционировании устаревшего оборудования, использовании устаревших знаний, документов, навыков, организационных структур и т. д.

Сущность принципа эластичности (адаптивности) заключается в том, что рост уровня изменения инновационно-технологического потенциала системы зависит от самого потенциала.

Скорость изменения потенциала определяется углом подъема или спада кривой изменения ресурса в зоне эластичности. При малом угле система слабо восприимчива к воздействиям. Если угол большой, то будет большая эластичность системы к воздействиям.

Сущность принципа непрерывности заключается в том, что процесс изменения потенциала системы идет непрерывно, меняются лишь скорость и знак изменения. Дискретность (прерывность) изменения потенциала системы часто объясняется взглядом со стороны, когда не замечается текущая работа, что приводит к новому качеству и количеству.

Сущность принципа пропорциональности заключается в том, что инновационно-технологический потенциал системы можно повысить на величину, превышающую инвестиции в обеспечение пропорциональности процессов за счет ликвидации узких мест.

Сущность принципа стабилизации заключается в том, что система стремится к стабилизации диапазона изменения инновационно-технологического потенциала системы. Этот принцип основан на известной потребности человека и общества в стабильности[3].

Стратегия инновационного развития предусматривает соответствующий механизм управления им. Хозяйственный механизм в целом трактуется как «совокупность форм и методов, с помощью которых осуществляется организация производства, согласованная деятельность работников». Через соответствующий механизм и его совершенствования осуществляется влияние экономической политики государства или конкретной организации на инновационное развитие производства. Чем совершеннее этот механизм, тем выше эффективность производства и его конечные результаты.

В структуре механизма управления инновационным развитием организации можно выделить следующие элементы:

— правовое и нормативное регулирование роста и развития экономики;

— рыночный механизм регулирования экономической динамики;

— внутренние механизмы регулирования отдельных аспектов роста и развития предприятия;

— система конкретных методов и приемов осуществления управления инновационным развитием предприятия[4].

Формирование эффективной стратегии развития определяется той ситуацией, которая сложилась на рынке, и теми ресурсами, которые образуют инновационно-технологический потенциал для реализации стратегии. В современной практике в управлении промышленным производством используются различные стратегические разработки сценариев будущего развития.

Г. Минцберг[5] сформулировал три подхода к процессу разработки эффективной стратегии развития:

1. Плановый, который рассматривает разработку стратегии как полностью осознанный, контролируемый мыслительный процесс, который реализуется в планировании.

2. Предпринимательский — формулирование стратегии происходит как полусознательный процесс, осуществляемый в сознании лидера-предпринимателя на основе глубокого знания логики функционирования отрасли.

3. Обучение на опыте — определение стратегии является процессом, который развивается и одновременно повторяется. Этот процесс требует «взаимной отдачи и взаимного восприятия» и корректируется под влиянием внешних импульсов.

Стратегическое развитие промышленного предприятия направлено на обеспечение инновационного характера производства продукции предусматривает постоянное обновление технологического и инновационного потенциала посредством освоения различных нововведений. При этом используются различные виды стратегий:

---

[1] Ансофф И. Стратегическое управление/И. Ансофф. — М.: Экономика, 1989. — 303 с.

[2] Богданов А. И. Стратегическое управление научно-техническим прогрессом на предприятии/А. И. Богданов. — М.: ВАФ, 2001. — 219 с.

[3] Василенко В. О. Теорія і практика розробки управлінських рішень/В. О. Василенко. — К.: ЦУЛ, 2003. — 420 с.

[4] Кривенко Л. В. Розвиток інноваційного потенціалу підприємства у контексті інтелектуальної складової/Л. В. Кривенко, Л. В. Лощина, В. М. Мілашенко//Економічний простір. — 2008. — № 18. — С. 281–286.

[5] Минцберг Г. Стратегический процесс/Г. Минцберг, Дж. Б. Куинн, С. Гошал; [пер. с англ.]. — СПб.: Питер, 2001. — 688 с.

1. Продуктово-рыночная, основанная на использовании инноваций, т. е. включает освоение и производство новых видов товаров, разработку и внедрение новых технологий, новых подходов к сбыту и т. д..

2. Устойчивого функционирования и развития предприятия. Предполагает широкое использование достижений научно-технического прогресса в области техники, технологии, организации и управления, и это также связано с инновациями.

3. Стратегия нововведений, обеспечивающей объединение целей научно-технической и инновационной политики, то есть, направлена на внедрение новых технологий и видов продукции. Данная стратегия способствует постоянному поиску новых технологических возможностей предприятия, ориентируя на достижение будущих результатов при осуществлении инновационного процесса, включающего этапы научных исследований, внедрение новшеств в производство и выход с новой продукцией на рынок[1].

Формирование стратегии развития инновационно-технологического потенциала промышленных предприятий представляет собой сложный процесс, который основан на прогнозировании отдельных условий осуществления производственно-хозяйственной деятельности. Эта стратегия всегда формируется в рамках общей стратегии экономического развития, соглашается с ней по целям, этапам, срокам реализации.

Процесс разработки и реализация стратегии развития инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия предусматривает разработку научно-методического инструментария для реализации методов развития потенциала. В контексте данного исследования выдвинута гипотеза о сбалансированном развитии структурных компонент инновационно-технологического потенциала, что предполагает выявление и устранение факторов, которые блокируют развитие потенциала. На методическом уровне разработки стратегии предлагается использовать метод комплексной диагностики состояния инновационно-технологического потенциала, метод сбалансированного развития ресурсов потенциала и метод бенчмаркинга. Реализация данных методов становится возможным за счет использования таких математических инструментов как: экономико-математическое моделирование, метод линейного и нелинейного программирования, метод сравнительного анализа и др. Результатом использования данных инструментов будет получение характеристики рассматриваемого реального объекта моделирования.

Целью разработки стратегии развития инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия является устранение факторов, блокирующих естественное развитие потенциала и препятствующие сбалансированному формированию составляющих его ресурсов. На основе полученных результатов проведения комплексной диагностики состояния инновационно-технологического потенциала можно говорить о текущем уровне развития потенциала, эффективности использования потенциала на каждой стадии ЖЦ инновационных проектов предприятия и о состоянии сбалансированности структурных компонент потенциала. В рамках реализации стратегии развития предусматривается совершенствование:

1. Финансового обеспечения развития инновационно-технологического потенциала предприятия на основе разработки метода оптимизации распределения финансовых ресурсов между выбранными стратегическими технико-технологическими решениями.

2. Кадрового обеспечения развития инновационно-технологического потенциала предприятия на основе разработки метода отбора работников по их профессиональным и личным качествами, способных к выполнению задач по повышению уровня развития потенциала.

3. Совершенствование материально-технического обеспечения развития инновационно-технологического потенциала на основе разработки метода сбалансированности структурных компонент потенциала. А именно: устранение избыточного количества малоэффективного, незадействованного в производственном процессе оборудования, которое отвлекает часть финансирования на капитальный ремонт, влечет убытки за счет простоя и др., т. е. сокращение группы оборудования, которые относятся к группе низкоранговых компонент потенциала и блокирует его развитие. Корректировке также подвергается производственное оборудование, которое по своим технико-технологическим характеристикам относится к субдоминантным компонентам инновационно-технологического потенциала. Основной целью проведения данной процедуры является получение результатов для обоснования управленческих решений относительно замены или приобретения нового оборудования при повышении производительности труда, что влечет расширение структуры доминантных компонент (приобретение и внедрение в технологический процесс инновационного высокотехнологичного оборудования).

Существуют возможности повышения уровня развития инновационно-технологического потенциала промышленных предприятий, которые следует учитывать при формировании стратегии его развития:

1. Способность к своевременному обнаружению актуальных потребностей и запросов потенциальных покупателей.

2. Способность к выдвижению конкурентоспособных идей в области конструирования, технологии и организации производства товаров и услуг, пользующихся спросом на товарных рынках.

3. Способность к реализации конкурентоспособных идей в процессе производства товаров и услуг.

4. Способность к обеспечению независимости фирмы от изменения конъюнктуры товарных, финансовых и рыночных факторов производства за счет внешней гибкости производственной системы.

5. Способность обеспечить внутреннюю гибкость производственной системы за счет оснащения производства адаптивными средствами технологического оснащения и другого передового оборудования.

6. Способность использования в производстве плодотворной технологии.

7. Способность обеспечивать внутреннюю гибкость производственной системы за счет формирования адекватного изменения целей кадрового обеспечения.

8. Способность обеспечить уровень конкурентоспособности товаров и услуг, необходимый для захвата лидерства в обслуживаемых и перспективных сегментах рынка.

9. Способность обеспечить выпуск товаров и услуг в объемах, соответствующих потенциальному спросу на них в соответствующих сегментах рынка, с учетом конкурентного статуса промышленного предприятия и планируемой доли захвата рынка.

[1] Чоботар С. В. Інноваційний потенціал підприємства [Електронний ресурс]/С. В. Чоботар. — Режим доступу: http://www.confcontact. com/Okt.

10. Способность обеспечить высокую эффективность функционирования предприятия за счет наиболее рационального использования инвестиционных возможностей.

11. Способность обеспечить эффективную разработку и реализацию стратегической программы технического и социального развития предприятия[1].

Таким образом, за счет использования методического подхода к диагностике состояния инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия, в основу которого положена модель оценки эффективности использования инновационно-технологического потенциала по стадиям жизненного цикла проекта, становится возможным получение информации о конкретной стадии использования инновационно-технологического потенциала предприятия, на которой возникают проблемы, снижающие эффективность его использования по стадиям ЖЦ инновационных проектов и состояния взаимодействия его структурных компонент, влияющий не только на конечные результаты реализации потенциала в конкретных проектах, но и на уровень инновационного развития всего промышленного предприятия. На основе полученных результатов комплексной диагностики состояния инновационно-технологического потенциала происходит дальнейший процесс устранения препятствий на пути устойчивого развития инновационно-технологического потенциала. В основу процесса разблокировки развития инновационно-технологического потенциала положен методический подход к сбалансированному развитию инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия, на базе модели сбалансированного развития структурных компонент, которая предусматривает устранение разбалансировки между структурными компонентами (низкоранговыми, субдоминантными и доминантными) инновационно-технологического потенциала на основе высвобождения незадействованных и экономически неэффективных производственных единиц, принятия решений о дальнейшем использовании или замену основного и вспомогательного оборудования, и определения эффекта от внедрения инновационного высокотехнологичного оборудования. Для определения максимально возможного уровня сбалансированного развития инновационно-технологического потенциала промышленного предприятия применяется методический подход к прогнозированию развития инновационно-технологического потенциала на базе модели прогнозирования величины ресурсов инновационно-технологического потенциала в разные моменты времени, реализация которой позволяет получить информацию, какими именно ресурсами (финансовые, кадровые, материально-технические) и в каком объеме будет владеть потенциал на различных этапах своего развития.

Для повышения уровня практической реализации определенных стратегических мероприятий по развитию инновационно-технологического потенциала предлагается использование подхода к совершенствованию организационного обеспечения развития инновационно-технологического потенциала предприятия и сбалансированного развития его структурных компонент. Организационное обеспечение развития инновационно-технологического потенциала должно происходить путем трансформации существующей организационной структуры предприятия в функциональную группу — координационный центр, созданный для повышения развития инновационно-технологического потенциала за счет формирования единого инновационного цикла, в рамках которого системно осуществляется выполнение определенного перечня стратегических мероприятий.

Brazhnikova Larisa Nikolaevna, Donetsk institute of city economy
doctor of economic science, manager by a department account and audit

Allakhverdyan Antonina Vitaliivna, Donetsk institute of city economy
lecturer of department of account and audit

Бражникова Лариса Николаевна, Донецкий институт
городского хозяйства, д. э.н., зав. кафедрой учета и аудита

Аллахвердян Антонина Витальевна, Донецкий институт
городского хозяйства, ст. преподаватель кафедры учета и аудита

Cost-oriented system's management housing and utility enterprises

Затратоориентированная система управления жилищно-коммунальным предприятием

Жилищно-коммунальное предприятие (ЖКП) представляет собой сложную систему, устойчивое функционирование которой зависит от целого ряда обязательных условий, в том числе и стандартов. Остановимся на тех моментах, которые наиболее существенны с позиции обеспечения эффективного управления затратами на производство и реализацию жилищно-коммунальных услуг. Сложность системы управления затратами ЖКП вызвана большим количеством включенных в ее состав подсистем и наличием связей между ними. Общая система управления затратами ЖКП построена по принципу «матрешек», когда каждая последующая система включает в себя предыдущую (рис. 1.).

Переход в новую систему сопровождается последовательным снижением потенциальной эффективности управления затратами. Так, элементы технической системы (здания, сооружения, передаточные устройства, инженерные коммуникации и т. д.) рассчитаны на эксплуатацию в течение длительного периода без дополнительных затрат и являются весьма эффективны, а потенциал такой системы достаточно велик.

В тоже время технология производства жилищно-коммунальных услуг (технологическая система), предполагает наличие значительных затрат, связанных с технологическими перерывами и сопровождается потерей эффективности. Примерами таких затрат могут служить затраты на проведение подготовительных работ оборудования, регулярные технические осмотры и на другие, так называемые, регламентные мероприятия.

[1] Фрум О. Л. Исследование жизненного цикла потенциала компании в практике управления [Електронний ресурс]/О. Л. Фрум. — Режим доступу: http://www.rusnauka.com/13_NPT_2008/Economics/30470.doc. htm

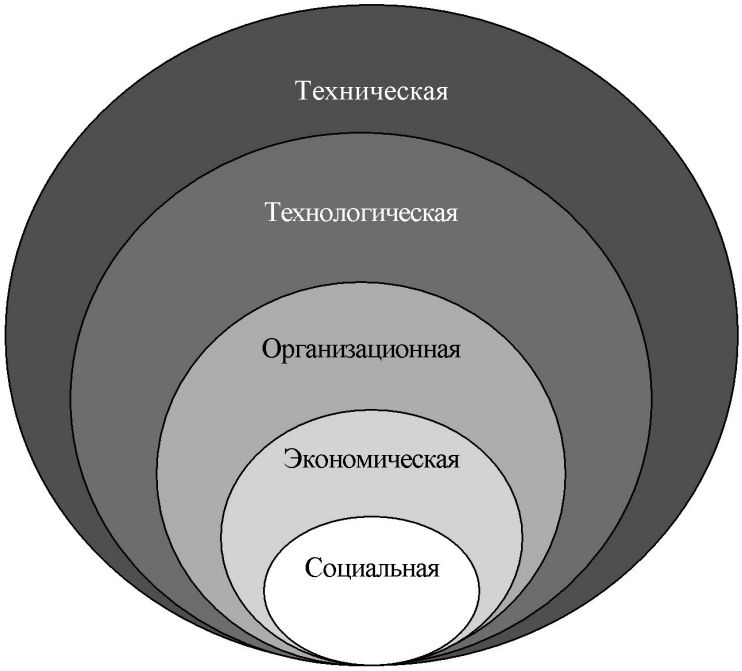

Рис. 1. Иерархия систем управления затратами ЖКП

Еще большими потерями эффективности сопровождается организационная система. В этой системе овеществленный в технических средствах и технологиях труд соединяется с трудом исполнителей по эксплуатации и обслуживанию инженерных коммуникаций и оборудования. Уровень качества живого труда определяет конечную эффективность функционирования ЖКП, достижение нормативного качества обслуживания потребителей. Как известно, человеческий фактор в сфере обслуживания (точнее — качество обслуживания) служит причиной большого количества нештатных ситуаций, требующих дополнительных затрат. Это обуславливает наличие непроизводительных затрат и потерь.

Потери эффективности технической, технологической и организационной систем неизбежно влекут за собой негативные экономические последствия: наличие экономически-необоснованных затрат, отсутствие финансовых ресурсов для функционирования и развития ЖКП. Следовательно, уровень экономической системы не может превышать уровни предшествующих систем.

Негативные экономические последствия, в свою очередь, являются причиной несоответствия предоставляемых услуг установленным стандартам и превышения уровня тарифов над уровнем платежеспособности населения, что снижает уровень эффективности социальной системы.

Таким образом, первопричиной крайне низкой эффективности системы управления затратами украинских ЖКП является неудовлетворительное состояние технической системы, то есть сверхизношенность всех ее элементов. Если сохранится ситуация, когда износ элементов технической системы значительно превышает нормативные значения, то ни использование самых прогрессивных технологий, ни внедрение приборов учета потребления воды и/или тепла, ни любые другие подобные меры не повысят эффективность технологической системы. Никакие научно-обоснованные методы организации не повысят эффективность живого труда, т. к. значительная его доля тратится на выполнение аварийно-ремонтных и восстановительных работ.

В процессе организации предоставления жилищно-коммунальных услуг необходимо рассматривать еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Техническая система при ненадлежащем режиме своего функционирования, некачественном, неполномасштабном и несвоевременном проведении ремонтов неизбежно достигнет «точки невозврата», когда износ приобретет лавинообразный характер.

Следовательно, в совокупных затратах ЖКП значительный удельный вес должны занимать затраты на капитальный ремонт, модернизацию и реконструкцию. Это возможно только при условии первоочередности формирования финансовых источников таких затрат. Однако, как показали исследования, в составе затрат украинских жилищно-коммунальных предприятий эти затраты незначительны. что вызвано отсутствием финансовых ресурсов в результате низкой прибыльности (а зачастую убыточности) ЖКП вследствие превышения уровня затрат над тарифами.

В процессе исследования впервые разработана концепция организации эффективного управления затратами ЖКП (на примере предприятий теплосети), в основу которой положено представление системы управления затратами как модели затратоориентированного «черного ящика».

Задача согласования параметров входа и выхода системы управления затратами решается путем конструирования регулятора, измеряющего доход и санкционирующего затраты. В итоге регулятор должен рассчитать соответствующие уровни расходов в зависимости от их назначения и влияния, как на прибыль, так и на жизнеспособность предприятия.

Степень жесткости связи входа и выхода, то есть степень жесткости связи затрат и выручки зависит от того, имеет ли ЖКП отличные от выручки источники финансирования. Наличие подобных источников финансирования, например, целевое финансирование или государственная поддержка в виде дотаций не устраняет, а сглаживает связь «вход-выход». Если ЖКП имеет единственный источник финансирования — собственную выручку, то «жесткость» связи «вход-выход» максимальна.

При традиционной системе управления затратами ЖКП вход системы — затраты (расходы), выход системы — выручка. Подсистема управления, измеряя выручку, санкционирует расходы, сообразуясь либо с текущим уровнем выручки, либо с уточняемым время от времени прогнозом выручки.

При таком подходе скачкообразные изменения внешней среды функционирования ЖКП (опережающий темп роста цен на энергоносители в сравнении с темпом роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги в релевантный промежуток времени, колебания в уровне платежеспособности населения — основного потребителя и др.) создают условия высокой степени неопределенности для обеспечения их прибыльности. Как результат, формирование финансовых ресурсов для таких восстановительных мероприятий, как капитальный ремонт, модернизация и реконструкция осуществляется по остаточному принципу, а технико-технологические подсистемы управления затратами дестабилизируются. Но возможен и иной взгляд на систему: если выручка определяет затраты, то почему бы не считать выручку входом системы, а затраты — выходом. В этом случае модель черного ящика примет следующий вид (рис. 2.).

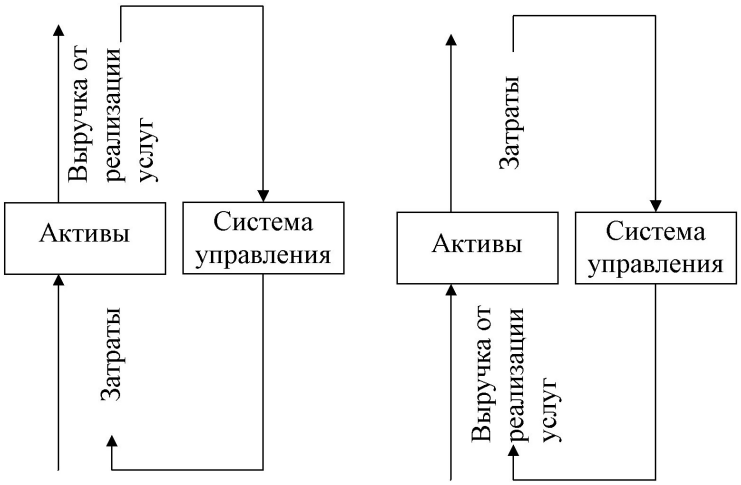

Рис. 2. Традиционный и затратоориентированный «черный ящик» системы управления затратами ЖКП

Выручка, поступающая на вход, формируется под влиянием факторов объема реализации и тарифа на услуги. Технологической особенностью функционирования предприятий теплосети является то, что объем реализации, т. е. объем предоставленных услуг является величиной условно- постоянной. Следовательно, формирование прогнозного условно-фиксированного тарифа (ПУФ-тарифа) обеспечивает возможность конструирования регулятора, измеряющего доход и санкционирующего затраты.

Кроме того, необходимо учитывать, что для предприятий теплосети величина фактически реализованных, т. е.оплаченных услуг, отличается от величины предоставленных услуг, которые формируют выручку от реализации согласно требованиям международных стандартов финансовой отчетности, на величину неоплаченных услуг. Это выдвигает требование корректировки выручки от реализации на величину дебиторской задолженности при измерении дохода. Прибыль, ограниченная законодательно установленной нормой в размере тарифа, формируется исходя из инвестиционных потребностей ЖКП.

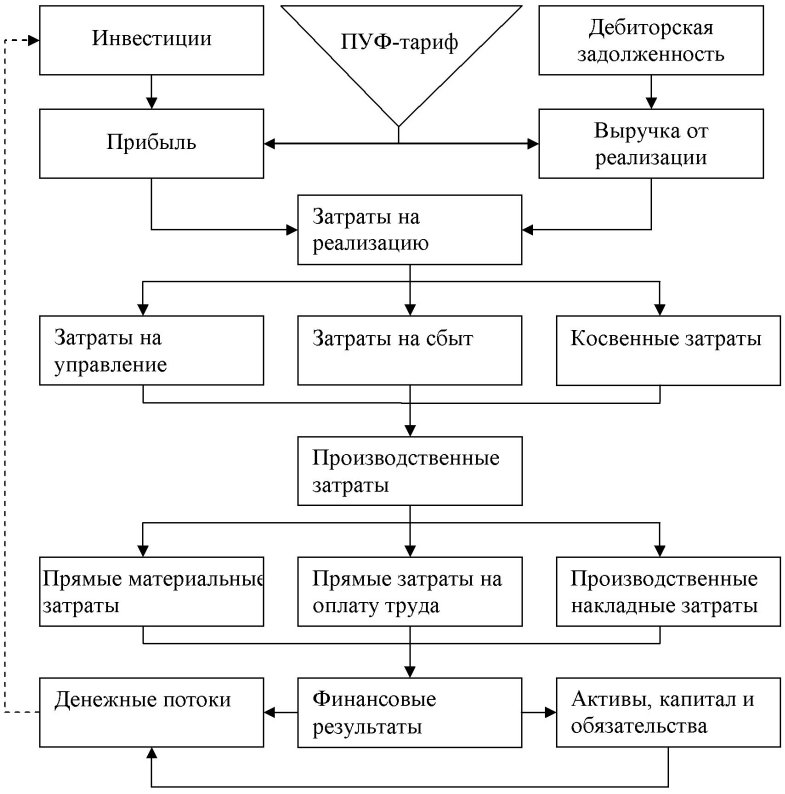

Рис. 3. Модель движения информационных потоков о затратах при использовании концепции затратоориентированного «черного ящика»

Затраты на реализацию услуг и производственные затраты санкционируется в размере величины, производной от фиксированной выручки от реализации и прогнозируемой прибыли. Данные о фиксированной величине выручки от реализации и санкционированных затратах являются базой для формирования предварительных показателей финансовых результатов, которые, в свою очередь, являются базовыми для формирования данных об активах, капитале и обязательствах ЖКП, а также о движении денежных потоков. В случае наличия отклонений сформированных финансовых результатов от запланированной прибыли пересматриваются инвестиционные программы ЖКП и процесс формирования прогнозируемой прибыли и санкционированных затрат повторяется до получения удовлетворительного результата.

Таким образом, реализация концепции предполагает изменение движения информационных потоков о затратах и требует построения адекватной модели (Рис. 3.).

Реализация предложенной концепции организации эффективного управления затратами ЖКП, в основу которой положено представление системы управления затратами как модели затратоориентированного «черного ящика», позволит обеспечить возможность развития предприятий отрасли путем финансирования инновационных проектов за счет достижения прибыльности этих предприятий заданного уровня.

Vaganova Lyudmila Vasilievna
Khmelnitsky national university, postgraduate student of accounting and auditing department
Ваганова Людмила Васильевна,
Хмельницкий государственный университет, аспирант кафедры учета и аудита

Methods of social constituent estimation economic security of enterprises

Методы оценки социальной составляющей экономической безопасности предприятий

Соответствии с современными условиями функционирования предприятия, социальная составляющая его экономической безопасности характеризует разновекторную гармонизацию во времени и пространстве социально-экономических интересов, с целью избежания и нивелирования деструктивных факторов в процессе достижения целей развития предприятия в условиях конкуренции.

Вопросы социальной безопасности экономических систем сравнительно недавно стали полноправными объектами исследований экономической науки. Среди ярких представителей исследования по данному направлению следует выделить: О. Билоруса, А. Белова, Б. Губского, В. Мунтиян, И. Цигилика, Г. Пастернак-Таранушенко, Г. Козаченко, В. Пономарева.

Целью статьи является анализ методов оценки социальной составляющей экономической безопасности предприятия и формирование информационной базы для ее определения.

Научно-практические вопросы исследования безопасности деятельности, оценки ее уровня и поиска путей обеспечения всегда будут актуальными и острыми в хозяйственной деятельности предприятий. Социальная составляющая экономической безопасности предприятия характеризует уровень добровольного отклика организации на социальные проблемы работников в направлении обеспечения прожиточного минимума работников предприятия, роста заработной платы, системы мотивации и оплаты труда по конечным результатам работы, соответствия заработной платы квалификации работников.

Проблема оценки уровня социальной составляющей экономической безопасности предприятий характеризуется широким спектром методов оценки их уровня. Выбор того или иного метода зависит от поставленной цели исследования и обосновании данных информационной исходной базы с целью дальнейшей трансформации указанных показателей в количественное выражение общего уровня экономической безопасности предприятия и обеспечении управления ее состоянием.

Для эффективного функционирования системы социальной безопасности предприятия в целом необходима всесторонняя оценка возможностей ее использования. Сегодня существует много теоретических и методических работ по оценке социальные составляющей экономической безопасности предприятия, согласно которым можно выделить несколько блоков методов: общенаучные и специальные, обобщения и классификации, аналитические, программно-целевые, конструктивные и оптимизационные, социологические.

Так, блок общенаучных и специальных методов[1] является основой комплексного и системного подходов к решению проблем обеспечения социальной безопасности в системе приоритетных направлений. Данный блок включает: диалектический метод познания процессов и явлений, комплексный и систематический метод решения проблем, структурно-функциональный метод, синергетичий метод, метод теоретического обобщения и классификации социальных детерминант, метод соотношение исторического и логического.

Методы обобщения и классификации необходимы для определения закономерностей и формирование методических основ социальной составляющей экономической безопасности предприятия. В целом общенаучные и специальные методы используются при исследовании сущности и характеристики социальной безопасности, содержания и особенностей механизма функционирования социальной безопасности на уровне предприятия; синергетический метод позволяет рассмотреть социальную безопасность как систему, которая способна к самоорганизации и характеризуется открытостью, нелинейностью, динамичностью, а имеющийся в этом блоке структурно-функциональный метод применяется при изучении противоречивого характера взаимосвязей и параметров механизма функционирования системы социальной безопасности на разных уровнях иерархии управления экономикой.

---

[1] Новікова О. Ф. Соціальна безпека: організаційно-економічні проблеми і шляхи їх вирішення/О. Ф. Новікова - Донецьк: ІЕП НАН України, 1997. - 460 с; Пастернак-Таранушенко Г. Економічна безпека держави. Статика процесу забезпечення/Г. Пастернак-Таранушенко; [за ред. Б. Кравченка]. - К. : Кондор, 2002. - 302 с; Яновский Р. Г. О проблемах социологии национальной безопасности/Р. Г. Яноский, А. О. Агошков. - М.: НАВИГУТ, 2002. - 225 с.

Следует отметить, что в процессе исследования применяется широкий спектр аналитических методов исследования[1]: методы экономико-статистического, системного анализа, методы сравнительного анализа, методы индексного и факторного анализа, системно-структурный анализ и синтез, методы статистического анализа, метод анализа рядов распределения. Использование методов системного и сравнительного анализа необходимо при рассмотрении законодательно-правовой базы, регламентирующей вопросы обеспечения социальной безопасности; системно-структурного анализа и синтеза при разработке классификации социальных рисков и угроз социальной безопасности; индексного и факторного анализа — при исследовании влияния различных факторов на состояние социальной безопасности; экономико-статистического анализа — при изучении состояния социальной безопасности за определенный период, выявлении связи между функциональными частями социальной безопасности.

В отличие от предыдущих блоков, программно-целевой блок[2] (методы экономико-математического моделирования и прогнозирования, методы прогнозирования, стратегические методы управления безопасностью на уровне предприятия, целевые методы и методы декомпозиции составляющих безопасности) включает группу методов для прогноза развития социальных детерминант безопасности; построения модели базовых индикаторов социальной безопасности, применения программно-целевого метода необходимо для разработки научно-практических рекомендаций по использованию мирового опыта в обеспечении социальной безопасности. Применение указанного блока является предпосылкой разработки региональных перспективных моделей социальной безопасности на региональном уровне, механизма реализации политики устойчивого экономического развития и повышения уровня жизни населения региона в контексте укрепления его социальной безопасности и стратегии развития региона, построенной на принципах системы социальной безопасности.

Заслуживает внимания использование блока конструктивных и оптимизационных методов[3]: методы оптимизации размещения трудовых ресурсов, теоретико-игровые методы, методы многовариантного выбора оптимальных моделей социальной безопасности, методы теории нейронных сетей. Данные методы применяются для моделирования наиболее оптимального и рационального решения власти относительно социально-экономического развития предприятий с целью обеспечения их социальной безопасности; прогнозирования влияния мероприятий органов местного самоуправления на развитие и социальную безопасность предприятий; моделирования сложных зависимостей социальной безопасности и социально-экономического развития предприятий.

Блок социологических методов (методы мониторинга основных социально-экономических показателей и сопоставление их с предельными методами, методы экспертной оценки, методы анализа и обработки сценариев социально-экономического развития) позволяет: осуществить оценки показателей безопасности по регионам страны и в аспекте функциональных составляющих социальной безопасности (безопасности трудового потенциала, социальной сферы, рынка труда и занятости населения, а также миграционной безопасности) осуществить ранжирование предприятий по уровню социальной безопасности, выявить качественные характеристики уровня социальной безопасности, коэффициентов весомости показателей, формирования рейтинга регионов по уровню социальной безопасности.

Применение метода анализа и обработки сценариев позволяет проводить многовариантный ситуационный анализ системы социальной безопасности региона на основе прогнозирования вероятных вариантов развития ситуации.

Следует отметить, что метод оптимизации используется при аналитическом описании изучаемых процессов, для синтеза одного из выбранных критериев социальной безопасности. Заметим, что методы многомерного статистического анализа (системный, корреляционный, структурно-функциональный, факторно-аналитический, экономико-математический) позволяют вычислять характеристики динамики развития показателей социальной безопасности предприятия, основанные на закономерностях изменения статистических данных в прошлом и экстраполяции тенденций их изменений на будущее.

Важным этапом при выборе метода определения уровня социальной составляющей экономической безопасности предприятия есть необходимость в формировании системы показателей для ее определения. Система оценки уровня корпоративной социальной ответственности предприятий может состоит из группы количественных и качественных показателей[4]. Количественными показателями выступают: показатели социальной ответственности перед работниками, показатели социальной ответственности перед обществом (обществом), показатели экологической ответственности. Качественные показатели характеризуют: наличие или отсутствие на предприятии действующего коллективного договора; обособленной структуры, ответственной за реализацию мер социальной ответственности, наличие практики составления социальных отчетов[5].

Применять нормативно-индикативный подход к оценке корпоративной социальной ответственности предлагает Грицина Л. А. на основе: 1) экологической ответственности: коэффициенты уплаты экологических сборов, достаточности затрат на природоохранные мероприятия, екологоемности продукции предприятия и т. д., 2) общественной: коэффициенты налоговой нагрузки, качества продукции, благотворительной деятельности предприятия, трудоустройство инвалидов, экономических потерь, информационной открытости и т. д., 3) трудовой ответственности: показатели производственного травматизма, финансирование мероприятий по охране труда, соответствия условий труда санитарно-гигиеническим нормам, общей теку-

---

[1] Куценко В. І. Соціальна сфера: реальність і контури майбутнього (питання теорії і практики): монографія/В. І. Куценко; [за ред. Б. М. Данилишина]. - Ніжин : Аспект-Поліграф, 2008. - 818 с; Новікова О. Ф. Соціальна безпека: організаційно-економічні проблеми і шляхи їх вирішення/О. Ф. Новікова - Донецьк: ІЕП НАН України, 1997. - 460 с.

[2] Васильців Т. Г. Економічна безпека підприємництва України: стратегія та механізми зміцнення: монографія/Т. Г. Васильців. - Л.: Арал, 2008. - 386 с; Дзьобань О. П. Національна безпека в умовах соціальних трансформацій: методологія дослідження та забезпечення/О. П. Дзьобань. - Х. : Константа, 2006.-438 с; Жаліло Я. А. Теорія та практика формування ефективної економічної стратегії держави: монографія/Я. А. Жаліло. - К.: НІСД, 2009. - 336 с

[3] Татаркин А. И. Проблемы и направлення дальнейшего совершенствования местного самоуправления/А. И. Татаркин, В.С Бочко//Зкономика региона. - 2008. - N8 2. - С. 42–50.

[4] Кричевский Н. А. Корпоративная социальная ответственность/Н. А. Кричевский, С. Ф. Гончаров. – М. : Издательско-торговая корпорация "Дашков и Ко", 2007. – 216 с;

[5] Там же

чести кадров и т. д.; 4) экономической ответственности: коэффициенты износа основных фондов, оборачиваемости активов, рентабельности активов, текущей, быстрой и абсолютной ликвидности и т.д[1].

Обзор существующих методик и информационного наполнения показателей социальной составляющей экономической безопасности предприятий указал на комплексность и системность при оценке уровня социальной составляющей экономической безопасности предприятия. Однако данное обстоятельство не позволяет получить объективную оценку уровня экономической безопасности предприятия, поскольку большинство показателей дублируют социальную безопасность с другими функциональными составляющими экономической безопасности предприятия. Проведение тщательного анализа при отборе исходных индикаторов оценки уровня экономической безопасности предприятия нужно для того, чтобы устранить их дублирование. С этой целью в работе представлен перечень показателей оценки уровня социальной составляющей экономической безопасности предприятия в разрезе: 1) показателей уровня условий роботы и здоровья; 2) показателей уровня культурных и социобытовых условий; 3) показатели социальных инвестиций.

Важными показателями оценки уровня условий роботы и здоровья есть:

— уровень травматизма (отношение количества травм, полученных работниками предприятия за текущий год к среднесписочной численности работников за тот же период);

— уровень работоспособности (отношение количества дней временной нетрудоспособности за текущий год к среднесписочной численности работающих за тот же период);

— уровень заболеваний (отношение количества работников, заболевших профессиональными заболеваниями за текущий год к среднесписочной численности работающих за тот же период).

Показатели уровня культурных и социобытовых условий состоит из следующих элементов:

— уровень обеспеченности жильем (отношение количества работников, нуждающихся в улучшении жилищных условий к среднесписочной численности работников за текущий год);

— уровень оборачиваемости на получение жилья (отношение среднегодовой очередности на жилье к количеству предоставленных квартир за текущий год);

— уровень обеспеченности питанием (отношение количества посадочных мест в столовой к численности работающих в одну смену за текущий год);

— уровень обеспеченности путевками в санаторий (отношение количества путевок к численности работающих, которые нуждаются в получении путевок).

Показатели социальных инвестиций включают:

— индекс удельных социальных инвестиций (отношение объема инвестиций предприятия с учетом обязательных и добровольных расходов на социальные программы к среднесписочной численности персонала предприятия);

— индекс социальных инвестиций в суммарном объеме продаж (отношение объема инвестиций предприятия с учетом обязательных и добровольных расходов на социальные программы к валовому объему продаж предприятия);

— индекс социальных инвестиций в суммарном объеме прибыли до налогообложения (отношение объема инвестиций предприятия с учетом обязательных и добровольных расходов на социальные программы к общей сумме прибыли до налогообложения предприятия).

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших работ в этом направлении. В статье проанализированы методы оценки социальной составляющей экономической безопасности предприятия, сформирован перечень показателей для оценки социальной составляющей экономической безопасности предприятия, который позволяет:

— избежать дублирования элементов с экологической, общественной, трудовой и экономической ответственностью;

— использовать индикаторы социальной безопасности во взаимодействии с другими функциональными составляющими экономической безопасности предприятий при обосновании ее комплексной оценки.

Список литературы:

1. Васильців Т. Г. Економічнабезпекапідприємництва України:стратегіятамеханізмизміцнення:монографія/Т. Г. Васильців. — Л.: Арал, 2008. — 386 с.
2. Грицина Л. І. Механізм формування корпоративної соціальної відповідальності в управлінні підприємством: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. екон. наук: спец. 08.00.04 “Економіка та управління підприємствами (машинобудування)”/Л. І. Грицина. — Харків, 2008. — 19 с.
3. Дзьобань О. П. Національна безпека в умовах соціальних трансформацій: методологія дослідження та забезпечення/О. П. Дзьобань. — Х.: Константа, 2006.-438 с.
4. Жаліло Я. А. Теорія та практика формування ефективної економічної стратегії держави: монографія/Я. А. Жаліло. — К.: НІСД, 2009. — 336 с
5. Кричевский Н. А. Корпоративная социальная ответственность/Н. А. Кричевский, С. Ф. Гончаров. — М.: Издательско-торговая корпорация “Дашков и Ко”, 2007. — 216 с.
6. Куценко В. І. Соціальна сфера: реальність і контури майбутнього (питання теорії і практики): монографія/В. І. Куценко; [за ред. Б. М. Данилишина]. — Ніжин: Аспект-Поліграф, 2008. — 818 с.
7. Новікова О. Ф. Соціальна безпека: організаційно-економічні проблеми і шляхи їх вирішення/О. Ф. Новікова — Донецьк: ІЕП НАН України, 1997. — 460 с.
8. Пастернак-Таранушенко Г. Економічна безпека держави. Статика процесу забезпечення/Г. Пастернак-Таранушенко; [за ред. Б. Кравченка]. — К.: Кондор, 2002. — 302 с.

[1] Грицина Л. І. Механізм формування корпоративної соціальної відповідальності в управлінні підприємством: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. екон. наук: спец. 08.00.04 “Економіка та управління підприємствами (машинобудування)”/Л. І. Грицина. – Харків, 2008. – 19 с.

9. Татаркин А. И. Проблемы и направлення дальнейшего совершенствования местного самоуправления/А. И. Татаркин, В.С Бочко//Зкономика региона. — 2008. — N8 2. — С. 42–50.
10. Яновский Р. Г. О проблемах социологии национальной безопасности/Р. Г. Яноский, А. О. Агошков. — М.: НАВИГУТ, 2002. — 225 с.

Vasyukova Ludmila Konstantinovna Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, Assistant Professor, Chair of Credit & Finance, Ph.D (Economics)
Lialina Janna Ivanovna, Far Eastern Federal University, School of Economics and Management, Head of the Chair of Credit & Finance, Ph.D (Economics), Assistant Professor
Васюкова Людмила Константиновна, Дальневосточный федеральный университет, доцент кафедры «Финансы и кредит»
Лялина Жанна Ивановна, Дальневосточный федеральный университет, заведующая кафедрой «Финансы и кредит»

Trends and prospects of development of the insurance market in Russia and the far East region

Тенденции и перспективы развития страхового рынка России и Дальневосточного региона

Развитие страхового рынка в России, опираясь на мировой опыт, имеет свои особенности, которые определяются повышенным риском ведения экономической деятельности, а также специфическими страховыми условиями: повышенной опасностью природных, техногенных катастроф при сравнительно малой ёмкости страхового рынка. Наводнения, пожары, аварии на опасных производственных объектах стали частью жизни общества. За девять месяцев 2012 г. в результате природных и техногенных аварий в Российской Федерации пострадало более 93 тысяч человек, 699 человек погибло[1].

В этих условиях страхование должно становиться всё более востребованным механизмом обеспечения экономической безопасности общества. Очевидно, что страховая система в нашей стране остро нуждается в научном осмыслении накопленного массива эмпирических результатов страховой деятельности, чтобы можно было эффективно развивать её дальше. Прикладные проблемы страхования (организационные, статистические, правовые и др.) сейчас можно разрешать только с использованием результатов фундаментальных экономических исследований. В последнее время стало понятно, что важность развития страхового дела видится не только в нарастающих статистических показателях разрушительных опасных событий, но и в том, что актуальность страхования имеет свои экономические предпосылки и причины. В связи с этим возрастает интерес к исследованию проблем страхования.

Практически значимая оценка современного состояния развития страхового рынка России и перспектив его развития возможна при соблюдении следующих базовых условий:

— страховой рынок есть органическая часть рынка вообще;

— страховой рынок — это совокупность экономических отношений между страхователями и страховщиками, в котором они взаимодействуют с целью удовлетворения своих потребностей: страхователи — в получении защиты от случайных опасных событий, страховщики — в получении и присвоении прибыли от страховой деятельности.

Профессиональным участникам страхового рынка необходимо иметь собственное максимально приближенное к реальности понимание о будущем экономики России в целом и страхования в частности. Без этого знания невозможно планировать деятельность страховой организации, привлекать стратегических инвесторов, нельзя рассчитывать на успешную повседневную деятельность.

Поэтому активное обсуждение вопросов экономики страхования, научное осмысление законов предпринимательской деятельности на страницах научно-аналитических изданий, научно-практических конференциях необходимо для эффективного развития страхового дела. Исследователи, занимающиеся страховой наукой, в свою очередь, понимают, что без опоры на теоретико-экономические основы страхования создать эффективную модель развития страхового рынка невозможно.

Однако, на наш взгляд, отличительной чертой современного состояния развития страхового дела в нашей стране попрежнему остаётся значительный отрыв модели развития рынка от объективных отношений, в которых реализуются интересы основных участников страхового рынка: страхователей, страховщиков, государства.

Попробуем рассмотреть некоторые показатели, характеризующие качество современных страховых отношений в нашей стране, перспективы развития страхового рынка России и Дальневосточного региона.

При достаточно отчётливой положительной динамике объёмных стоимостных показателей развития страхового рынка (977,5 млрд. руб. страховых премий собрано в 2009 г.; в 2010 г. — 1 043,2 млрд. руб., в 2011 г. — 1 267,9 млрд. руб.), в страховом портфеле наблюдается тенденция снижения доли страховых премий, собранных по добровольным видам страхования. Так в 2007 году доля добровольных видов в структуре страхового портфеля составляла 52,8%, в 2010 г. — 43,9%, в 2011 г. — 43,6%. Доля в страховом портфеле премий по обязательному медицинскому страхованию постоянно увеличивается: в 2011 г. — 47,6% (в 2007 г. — 37,2%) от суммы начисленной страховой премии[2].

---

[1] Статистика чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации за 9месяцев 2012 г. [Электронный ресурс]:[сайт]/МЧС РФ. – Режим доступа: http://www.mchs.gov.ru.

[2] Аналитическая справка по итогам годовой бухгалтерской отчетности за 2007–2011 год и полугодовой промежуточной бухгалтерской отчетности за 2012 г. [Электронный ресурс]: [сайт]/Федеральная служба по финансовым рынкам. – Режим доступа: http://www.fcsm.ru

На страховом рынке Дальневосточного федерального округа по итогам работы за 9 месяцев 2012 года структура страхового портфеля ещё более «качнулась» в сторону обязательных и вменённых видов страхования. В целом по ДВФО доля обязательного медицинского страхования составляет 61,5%, в то время как на долю добровольных видов приходится 25,3% объёма начисленной страховой премии.

Основным фактором, определяющим рост стоимостных показателей страхового рынка, является инфляция. По данным ФСФР в 2011 года темпы прироста страховых взносов по добровольным видам в совокупности с ОСАГО составили 19,5% по сравнению с 2010 г. (объём начисленной страховой премии по данному сегменту составил в 2010 г. — 548,9 млрд. руб., в 2011 г. — 656,2 млрд. руб.). Ситуация 2012 года характерна ростом страховых премий по обязательному страхованию ответственности владельцев опасных объектов. По мнению экспертов страхового рынка, во многом рост страховых премий обеспечивается ростом страховых сумм, что, прежде всего, говорит о невысоком качестве страховых отношений. Так в 2011 году средняя страховая сумма на договор увеличилась на 41,7% в сравнении с 2010 годом.

О реальном наполнении объёмных стоимостных показателях работы отечественного страхового рынка говорят такие данные, как количество заключаемых договоров страхования как в целом по рынку, так и по отдельным видам страхования.

В таблице приведены статистические данные о динамике заключенных договоров страхования в целом по страховому рынку Российской Федерации и Дальневосточного федерального округа.

Как следует из приведённых данных, количество договоров страхования практически не растёт. Если сравнивать количество заключенных договоров с данными 1993 года — 144 198 тыс договоров в целом по российскому страховому рынку, в том числе 5 578 тыс договоров, заключенных страховщиками Дальнего Востока — то мы можем констатировать, что за период активных экономических реформ роль страхования в российском обществе восстановить не удалось[1].

Таблица — Динамика количества заключенных договоров страхования, тыс договоров

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация, в т. ч.	138 147	133 372	147 176	157 813	119 975	128054	133400
Добровольное страхование	103 338	96 988	106 294	114 790	83 217	90064	130389
Договоры за счёт средств граждан	91 814	86 083	97 271	103 162	74 570	79 686	122194
ОСАГО	28 733	31 362	34 387	36 106	35 166	37 121	38 900
ДВФО, в т. ч.	3 254	3 055	2 833	3 604	2 404	1 651	1783
Приморский край	1 736	1 710	1 444	1 785	1 087	323	350

Источник: ФСГС

Отсутствие ощутимого прироста количества договоров в страховом портфеле означает не развитие отечественного страхового рынка, а его стагнацию. И это первый вывод, который мы бы хотели сделать, анализируя состояние современного страхового рынка России.

Вторая проблема развития рынка заключается на наш взгляд в разделении рынка по территориальному признаку. Обширная территория Российской Федерации, наличие 9 часовых поясов в одной стране, разный уровень социально-экономического развития территорий — серьёзные барьеры для создания системы оптимального управления рынком.

Важнейшим фактором, определяющим развитие страхования в Дальневосточном регионе, является наличие активно развивающихся страховых рынков Японии, Китая, Южной Кореи.

В настоящее время не существует единого мирового страхового рынка. Но отчётливо просматривается тенденция формирования трёх региональных рынков, на которых действуют как национальные, так и транснациональные страховые корпорации.

Страны ЕС формируют европейский страховой рынок, который в свою очередь делится на западноевропейский рынок, со сложившейся страховой культурой, и страховой рынок стран Центральной и Восточной Европы, в котором идёт процесс активного формирования страховых экономических отношений.

Вокруг США формируется североамериканский страховой рынок с мощнейшей страховой инфраструктурой.

Основу самого динамично развивающегося азиатского страхового рынка составляют японские, южнокорейские страховые корпорации, страховщики Тайваня, Гонконга, Китая и Индии.

Развитие мирового страхового рынка характеризуется ростом объёмов трансграничных страховых услуг. Причём, если раньше считалось, что объектами трансграничного страхования являются имущественные интересы, связанные с крупными экологическими рисками, рисками аварий на опасных производственных объектах, традиционно, морские риски, то в настоящее время мы наблюдаем развитие трансграничного страхования граждан, выезжающих за рубеж, страхования грузов, страхования жизни.

Так, в октябре 2011 года было подписано соглашение между страховой компанией ВСК и крупнейшей страховой компанией Китая China Life Insurance о реализации проекта обеспечения страховой защитой граждан Китая и России, выезжающих в приграничные районы на безвизовой основе[2].

Перестрахование крупных рисков, в том числе традиционных для приморского страхового рынка, морских рисков, практически всегда осуществлялось за пределами российского страхового рынка. Попытки через систему государственного регулирования ограничить объём таких страховых и перестраховочных операций с зарубежными страховщиками, нужно признать, были крайне неэффективными. Существенным фактором, влияющим на темпы роста вывода перестраховочной и страховой премии за рубеж, в том числе, на страховые рынки Азии, была крайне низкая капитализация российских страхов-

[1] Финансовые результаты деятельности страховых организаций. 2005–2011. [Электронный ресурс]:[сайт]/Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru.

[2] ВСК и China Life при участии Ростуризма подписали соглашение о сотрудничестве. [Электронный ресурс]:[сайт]/ Информационный портал «Фориншурер-страхование в Украине». – Режим доступа: http://www.forINSURER.com

щиков и малая ёмкость российского перестраховочного рынка. Так, по данным Федеральной службы по финансовым рынкам, только в 2011 году 15 млрд. руб. страховой премии было выведено за рубеж. В то же время, следует отметить увеличение доли входящего перестрахования от зарубежных страховщиков, в том числе примерно 14% от входящей перестраховочной премии на долю страховщиков Юго-Восточной Азии, т. е. более 4 млрд. рублей[1].

16 декабря 2011 года был утвержден Протокол присоединения Российской Федерации к Всемирной торговой организации. Начиная со дня вступления России в ВТО не должно существовать никаких ограничений в отношении трансграничного страхования рисков, связанных с международной перевозкой пассажиров, а также страхования ответственности, связанной с такой перевозкой, международной перевозкой грузов, международным гражданским авиационным сообщением и ответственности в рамках международной системы «Зеленая карта». Через 4 года со дня вступления в ВТО, с 2016 года, будет возможно трансграничное страхование грузов, средств транспорта и ответственности при внутренних морских и авиационных перевозках, за исключением обязательного страхования ответственности авиаперевозчиков, а также жизни и здоровья членов экипажей воздушных судов.

Таким образом, не прямое присутствие на страховом рынке России, без образования филиалов и представительств, без получения лицензии на осуществление страховой деятельности от российских регуляторов, иностранных страховщиков — реальность, которую нельзя игнорировать при анализе тенденций и перспектив развития страхового рынка.

Второй отличительной чертой развития мирового страхового рынка является активное развитие страхового рынка Китая, Индии, Японии. Безусловно, каждый из этих рынков развивается по своему сценарию — общим для них остаются темпы прироста страховой премии. Темпы роста страховых рынков Азии составляют более 14% в год (с учётом инфляции — более 7% в год). При этом прирост страховой премии на страховом рынке Китая, например, составляет более 30% в год[2].

При кажущейся пассивности японских страховщиков в освоении страхового рынка России, одна из крупнейших японских страховых компаний, входящая в топ-25 страховщиков по величине подписанной страховой премии, Tokio Marine Holding Inc. имеет представительство в России. Другие крупные страховщики Японии, способные выполнить условия открытия филиалов для работы на российском страховом рынке — иметь совокупные активы не менее 5 млрд. долл. США — Japan Post Insurance Co.Ltd, Nippon Life Insurance Co, Dai-ichi Life Insurance, Mitsui Sumitomo Insurance и др., то либерализация российского страхового рынка в связи с вступлением в ВТО делает вполне реальным появление их на отечественном рынке.

Динамичное развитие страхового рынка Китая, доля в мировом страховом рынке которого уже практически достигла 5%, представляет наибольший интерес для дальневосточного регионального страхового рынка. Страховая отрасль Китая располагает огромным потенциалом развития ввиду постоянно растущего спроса на страховую защиту со стороны китайских граждан и предприятий.

Новая общенациональная модель пенсионного страхования привела к появлению транснациональной страховой корпорации China Life Insurance (Group) Co. По состоянию на конец 2011 года Компания China Life Insurance обладала резервами на сумму около 925,2 миллиардов юаней (131 млрд. долл. США). По оценкам экспертов страхового рынка «компания активно ведёт поиск объектов для эффективного вложения своих средств. Поэтому China Life Insurance планирует довести долю зарубежных активов от 5% до 10% от общего инвестиционного портфеля компании».Чистая прибыль компании по итогам работы за 2010 год составила 33 млрд. юаней (5,23 млрд. долл. США)[3]. Для сравнения: по данным Федеральной налоговой службы РФ «совокупная чистая прибыль российских страховщиков в 2010 году составила 29 млрд. руб. против убытка 4,987 млрд. рублей годом ранее». При этом чистая прибыль самой успешной российской страховой компании «СОГАЗ» составила 5,3 млрд. руб (182,7 млн. долл. США)[4].

Постоянный мониторинг российского страхового рынка, участие в переговорах о потенциальной покупке российских страховщиков, присутствие на международных конференциях, посвящённых вопросам развития страхового рынка в России, свидетельствует о планах данного страховщика в перспективе вести бизнес на территории России, и в первую очередь, дальневосточного региона.

Опыт, который накапливает эта компания, реализуя национальные проекты по формированию механизма накопления личных пенсионных капиталов граждан, может быть с успехом реализован и на других территориальных страховых рынках.

С 2000 года страховым компаниям Китая разрешено продавать свои акции на фондовом рынке. Стратегия развития страхового рынка Китая стимулирует привлечение «свежего капитала» с фондовых рынков. Те компании, которые выходят на зарубежные рынки капитала, получают конкурентное преимущество на внутреннем рынке КНР, обращая привлечённые средства в новейшие страховые технологии. Через повышение капитализации, китайские страховщики получают возможность увеличивать собственное удержание страховых рисков, повышают ёмкость китайского перестраховочного рынка. Все эти действия, в конечном итоге, неизбежно ведут к увеличению прибыльности работы компаний, и, как следствие, опять повышению капитализации компаний.

Размещение акций ведущих страховых компаний на фондовых рынках, импорт «умного капитала» вкупе с управленческими технологиями является частью программы правительства Китая по развитию страхового рынка.

На наш взгляд именно китайские страховые компании имеют наибольшую предрасположенность и финансовые возможности для выхода на российский страховой рынок. Очевидно, что наибольший интерес для них будут представлять такие капиталоёмкие виды страхования, как долгосрочное страхование жизни, пенсионное страхование граждан.

Разнообразие страховых программ, передовые страховые технологии, возможность заключения договоров с участием в инвестиционном доходе страховщика, прозрачность инвестиционного процесса, привлекательная норма доходности по договорам страхования — вот те преимущества, которые будут использованы китайскими страховыми компаниями и которых

---

[1] Страхование сегодня. Динамика рынка. [Электронный ресурс]: [сайт]//Агентство страховых новостей. – 2011. – Режим доступа: http://www.insur-info.ru

[2] World Insurance in 2010 [Электронный ресурс]: [сайт]/Sigma. Swiss Reinurance Company Ltd. Economic Research&Consulting. 2011. № 2. С.31–40. – Режим доступа: http://www.swissre.com.

[3] China Life – Investor Relations [Электронный ресурс]:[сайт]. – Режим доступа: http://www.e – chinalife.com.

[4] Самые прибыльные и убыточные страховщики. [Электронный ресурс]:[сайт]/Группа компаний «Бизнес-сервис». – Режим доступа: http://www.allinsurance.ru.

просто нет на отечественном рынке страхования жизни. Отложенный спрос населения на наличие инструментов накопления личных средств может быть удовлетворён иностранными страховщиками.

Размещая свои личные накопления, где бы то ни было, страхователь становится крайне лояльным в отношении субъекта, которому он доверил свои капиталы. Очевидно, что для российских граждан, проживающих в Дальневосточном федеральном округе, вопрос прихода иностранных страховщиков жизни является особенно значимым.

Таким образом, отсутствие эффективного механизма формирования личных пенсионных капиталов российских граждан становится вопросом не только страховщиков, а, по нашему мнению, вопросом государственной безопасности страны.

В последнее время повышенной активностью в отношении сделок по поглощению в страховой отрасли отличается южнокорейская компания Samsung Life Insurance Co. Крупнейший страховщик в Южной Корее рассматривает возможность страховой компании мирового уровня. Страховщик заявил, что заинтересован в покупке ING Insurance Asia Pacific, который включает в себя ING Life Korea, а сам входит в состав голландской финансовой корпорации ING Group. Сумма сделки по поглощению компании может составить 4 трлн. вон или около 3,5 млрд. долл. США. Стремление Samsung Life к покупке страхового подразделения ING, на наш взгляд, продиктовано тем, что многие южнокорейские финансовые компании, среди которых Korea Life Insurance Co, KB Financial Group Inc., уже озвучили свои стратегии в отношении поглощения конкурентов на внутреннем и зарубежных рынках[1].

Учитывая уже сложившиеся тесные добрососедские отношения, деловые и партнёрские связи жителей Дальнего Востока с Южной Кореей, представляется, что приход южнокорейских страховых компаний на страховой рынок Дальневосточного федерального округа будет результативным для корейских страховщиков.

Итак, рассматривая вопросы перспективы развития страхового рынка России, мы выделяем следующие принципиальные положения:

1. Отсутствие внятной государственной стратегии развития отечественного страхового рынка не позволяет сформировать сильный отечественный рынок до прихода филиалов иностранных страховых компаний и снятия всех законодательных ограничений на проведение трансграничных страховых операций в связи с вступлением России в ВТО.

2. Отсутствие эффективного страхового механизма личных капиталов граждан, в том числе пенсионных, на фоне неудовлетворённого отложенного спроса на страховые продукты по страхованию жизни повлечёт за собой переход отечественного рынка страхования жизни под контроль иностранных страховщиков. При этом нужно понимать, что процессы инвестирования страховых резервов, источником формирования которых будут личные средства российских граждан, также будут контролироваться иностранными финансовыми структурами.

Прибыль от страховых операций и инвестирования средств страховых резервов будет формироваться и реинвестироваться в проекты иностранных страховых групп.

3. Одновременно свои филиалы за рубежом и успешно конкурировать с зарубежными коллегами смогут открыть лишь 3–5 российских страховщиков ввиду недостаточной капитализации отечественных страховых компаний и малого объёма страхового бизнеса.

4. После вступления России в ВТО внутренние региональные страховые рынки будут формироваться вокруг территориальных финансовых центров, т. е. дальневосточный страховой рынок будет складываться вокруг Китая, Японии, Южной Кореи. Существующие в настоящее время требования для прихода на российский страховой рынок столь малосущественны для иностранных страховщиков, что не являются значимым препятствием для присутствия на нашем рынке.

При этом будет происходить постепенное выдавливание с рынка национальных страховщиков, так как в настоящий момент российские страховые компании проигрывают страховым транснациональным корпорациям в капитализации, технологичности, клиентоориентированности, эффективности ведения бизнеса.

В выигрыше окажутся страхователи, которым будет предложены современные качественные страховые товары, новые страховые технологии и новые, экономически обоснованные страховые тарифы.

Но в целом, по нашему мнению, без развитого отечественного страхового рынка, стать мировым финансовым центром нельзя.

Список литературы:

1. Аналитическая справка по итогам годовой бухгалтерской отчетности за 2007–2011 год и полугодовой промежуточной бухгалтерской отчетности за 2012 г. [Электронный ресурс]: [сайт]/Федеральная служба по финансовым рынкам. — Режим доступа: http://www.fcsm.ru.
2. ВСК и China Life при участии Ростуризма подписали соглашение о сотрудничестве. [Электронный ресурс]: [сайт]/Информационный портал «ФОРиншурер-страхование в Украине». — Режим доступа: http://www.forINSURER.com.
3. Самые прибыльные и убыточные страховщики. [Электронный ресурс]: [сайт]/Группа компаний «Бизнес-сервис». — Режим доступа: http://www.allinsurance.ru.
4. Слияния и поглощения на страховом рынке. [Электронный ресурс]: [сайт]/Группа компаний «Бизнес-сервис». — Режим доступа: http://www.allinsurance.ru.
5. Статистика чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации за 2011–2012. [Электронный ресурс]: [сайт]/МЧС РФ. — Режим доступа: http://www.mchs.gov.ru.
6. Страхование сегодня. Динамика рынка. [Электронный ресурс]: [сайт]//Агентство страховых новостей. — 2011. — Режим доступа: http://www.insur-info.ru.
7. Финансовые результаты деятельности страховых организаций. 2005–2011. [Электронный ресурс]: [сайт]/Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: http://www.gks.ru.
8. China Life — Investor Relations [Электронный ресурс]: [сайт]. — Режим доступа: http://www.e — chinalife.com.
9. World Insurance in 2010 [Электронный ресурс]: [сайт]/Sigma. Swiss Reinurance Company Ltd. Economic Research&Consulting. 2011. № 2. С.31–40. — Режим доступа: http://www.swissre.com.

[1] Слияния и поглощения на страховом рынке. [Электронный ресурс]:[сайт]/Группа компаний «Бизнес-сервис». – Режим доступа: http://www.allinsurance.ru.

Vergeles Vitalina Vitalievna
Department of International Relations
Ukraine; Donetsk national university

Ambivalent role of piigs in the world economic crisis

Today we can observe an ambiguous situation in the world. On the one hand — the rising economic and political power of countries such as France and Germany (the latter also during last 20 years).On the other hand — creation of PIIGS (Portugal, Italy, Ireland, Greece, and Spain make up the letters.) All are part of the European Union. PIIGS is a not-very-favorable term used by bond analysts, academics, and the media to refer to certain countries of Europe. The countries that make up the PIIGS are considered to have big risks of being unable to pay their national debts, and each country has faced some sort of severe economic crisis — either massive debt as in the case of Greece, or slow growth and debt, in the case of Portugal and Spain. Italy, too, has faced debt issues and has promised to cut debt and institute a liberalization of its economy to allow more 'free enterprise' and have less government control. The worry is that these five countries could bring down the European Union, as other European countries offer some kind of financial aid to the five nations — with tough restrictions — to avert a financial meltdown in the euro zone. The countries are also considered a negative for foreign investors, whose infusion of cash might help the economies recover. EU states are justified in interfering with Greek politics and the Greek economy. But it should be regarded that, The Greek economy represents less than 2 percent of the EU economy, hardly a significant share of world output, and yet developments there are influencing events around the world. But on the other hand "crisis" is composed of two characters — one represents danger and the other represents opportunity.Greece has got a perfect opportunity to rise its GDP under the auspices of the EU[1]. It is not profitably to exclude Greece from the EU or let handle its economic problems autonomously. Otherwise the eurozone may face:

1)recession
2)political backlash
3)market turmoil
3)Bank runs
4)sovereign debt crisis
4)Greek debt default (undesirable for EU)
5)Business bankruptcies

The other place the impact would be felt is in the bond markets. The highest risk nations — Spain, Italy, Portugal and Ireland — are already seeing their borrowing costs increase. But what we can see today? Is it possible to get round Greek`s difficulties by one night, or it will take a lot of time? It is a big question for developed countries with fruitful economy.Recently Asian markets have risen on the back of the Greek election results[2]. That fact perhaps reflects globalization and inter-connections in financial markets as much as anything, as well as the importance of the euro to world economic stability.

Every crisis may offer you extra desired power. Can we say the same about Global Financial Crisis? It is considered by many economists to be the worst financial one since the 1930s.Crisis has hit the southern European nations surveyed (Greece, Italy and Spain) much harder than the northern (Britain, France and Germany) or eastern countries, (Poland and the Czech Republic). But Greece's reputation, more than that of Italy and Spain, has suffered the most in the eyes of the public. Today we can see that Eurozone is not particularly easy to understand, but not impossible either. The key fact about the Eurozone is that it represents a monetary– not a fiscal (government budget)– union, whose policy is set by the European Central Bank or ECB[3]. The main job of the ECB is to set interest rates for the entire Eurozone. So, the members have been aware of a conflict between the fact that monetary policy is established by the ECB for the entire Euro-area, while government spending, fiscal, policy is managed by each country. Cross-border claims on residents of developed economies dropped by $626 billion. Claims on banks fell by $499 billion, with the largest declines recorded against banks in Germany, the United Kingdom and the United States. Cross-border claims on non-banks in developed economies decreased by $128 billion, driven mainly by falls in claims against non-banks in France (–$42 billion), the United Kingdom (–$30 billion) and Belgium (–$20 billion). In contrast, claims on non-banks in Japan increased by $51 billion. So, the fear index are running high. A lot of banks are "under water' with debt as we can see. And the question arises: how much banks borrowed to Portugal, Ireland, Italy, Greece & Spain (PIIGS) — and of course, are these countries are going to pay it back? Cause money doesn't talk, it swears.€2,000,000,000 — Greece's budget deficit is €24,125,000,000. So Greece will need to borrow 12 of these trucks this year full of €100 Euro bills in order not to bankrupt€560,410,000,000 — Greek, Irish, Italian, Portuguese & Spanish governments borrowed little over half a trillion Euros from the banks shown below. All banks on the list borrowed over €10 billion to GIIPS. Now the banks are worried if they will get it back. €122,300,000,000 — Biggest lenders: Bank Intesa SanPaolo & Bank BBVA gave a total of €122.3 Billion to struggling European Governments — Greece, Ireland, Italy, Portugal & Spain. The people of Greece, Ireland, Italy, Portugal & Spain owe €2,91 trillion Euros to these 13 banks.

Discussion and Conclusions: The various countries in the eurozone (such as Greece) are not a natural currency trading group. They are not a currency area. There is very little mobility of people among the countries. They have extensive controls and regulations and rules, and so they need some kind of an adjustment mechanism to adjust to asynchronous shocks — and the floating exchange rate gave them one. They have no mechanism now. But EU may change this situation by the time, — impossible is nothing, cause future is full of promises. On the other hand, politics and economics cannot be separated, either in general and especially in crisis situations like this immediate one in Europe, but in their seeking for economic and political progress, they all may go up — or else all may go down. We often hear: "all the PIIGS will go bankrupt." — but why is it so? It is a big question. Maybe reason can be found in the economic gap between what countries have and what they think they ought to have — and that is a moral problem, not an economic one.

[1] Mitsos,A. and Mossialos,E. Contemporary Greece and Europe, Aldershot,Ashgate ,2000. P. 102

[2] Pelagidis T. , Mitsopoulos M. , "Understanding the Crisis in Greece: From Boom to Bust".

[3] Cooper G. The Origin of Financial Crises: Central Banks, Credit Bubbles, and the Efficient Market Fallacy, 2008. P. 145

References:

1. Cooper G. The Origin of Financial Crises: Central Banks, Credit Bubbles, and the Efficient Market Fallacy, 2008. 245 p.
2. Mitsos, A. and Mossialos, E. Contemporary Greece and Europe, Aldershot, Ashgate,2000.132 p.
3. Stephen D. "What the Hell Is Going on with the Greek Financial Crisis",2011. 28 p.
4. Pelagidis T., Mitsopoulos M., "Understanding the Crisis in Greece: From Boom to Bust".

Vidomenko Oksana,
National University of Food Technologies, Kiev, PhD in economics, Associate

The essence of commercial enterprise policy

The urgency of this problem is caused by active transition of enterprises post-communist space to market economic conditions. For any company to manufacture products or provide services, goods are a major focus. According to the classic theory of marketing Kotler, "if the manufacturer does not qualitative, based on the needs of the consumer goods — it does not have anything!"[1]. Product — the basis of all of the marketing mix. If the product does not meet the needs of consumers, no additional costs for marketing activities will not be able to improve its position in the competitive market and, in the end, his failure is inevitable.

The days of limited product range, certainty and price stability, the planned production volumes of goods. At the moment, the market for goods and services deficit. A wide selection of products determines the competition and the struggle for the consumer commodity.

Each company is constantly looking for the answer to the question: What to produce? How to produce? In what amounts to produce? The question of effective formation of product policy is relevant, because it is the result of product of the company, the source of his income, the basis of the continued operation and development.

Today, in a competitive environment is the properties and characteristics of the product determines the direction of the market and the whole production company policy. All activities relating to the goods, that is his creation, production and improvement, commercialization, sales and pre-sale service, the development of promotional activities, as well as the removal of goods from the production, are central to all activities of producers and are components of its product policy.

First, consider the two terms "policy" and "product." Politics — a general guideline, set up actions and decision-making, which contributes to the goals. Usually it is formulated at the level of senior management of the company for a long period, is designed to preserve the constancy of purpose, and in order to avoid making short-sighted decisions that do not meet the requirements of the moment[2].

A. Volkov has understood by the policy, forms and methods of tracking and maintaining priorities in order to achieve the main goals of the enterprise[3]. I. Ansoff believes that the policy — this is a possible solution to the strategy and it is a "shell" within which developed and strategic decisions[4]. M. Meskon understands a general guide to policy actions and decision-making, which facilitates the achievement of the purposes[5]. V. Nemtsov and L. Dougan argue that the policy — it's common benchmarks for actions and decisions that will achieve the goal[6].

Critical analysis of existing policy concepts enabled two main approaches to the definition of "politics." The first approach is based on a review of the policies as a set of forms, methods, principles, rules for decision-making to achieve the goals of the company. In this sense, the policy is a plan or a model. The second approach to the definition of the term "policy" is based on the definition of a policy of common reference control.

Analyze the position of famous scientists, economists, attempts to streamline and clarify the definition of "politics". As a result of a comprehensive definition of the term "policy" in the context of the four line items:

- landmarks functioning of the enterprise;
- mode of action;
- the basis for decision-making, to achieve its goals (behavior);
- the environment within which developed and management decisions.

This product is a precursor to many of the economic categories of the market economy: money, capital, wage labor, capitalism, and other goods — that is all that is intended to meet the specific needs of the market and offered for sale. Goods may be material objects, services, places, organizations, ideas, etc.

Having different in properties and characteristics of the products, companies can own in balancing the range of the products, to solve the problem of financing current activities and planned sources of funds for the implementation of strategic plans.

From the standpoint of economic theory, the ability of the goods in a certain proportion to exchange for other goods, characterized by exchange value. Each product can change a lot of other in certain quantitative proportions. These quantitative proportions indicate that the products have something in common, based on which they are compared and exchanged. A common feature is the cost of goods exchanged. Value — is embodied in the product abstract social labor. That cost as embodied in the goods work makes all products comparable, commensurable. As use-values, commodities are qualitatively different, but as a cost — high quality uniform. Value as an economic category, are the relations between producers about the costs of labor in the production of products, as they exchange goods. The use-value and value — two poles goods that are constantly in conflict.

---

[1] Котлер Ф., Армстронг Г, Сондерс Дж., Вонг В. Основы маркетинга. - Киев: Вильямс, 2009. – С. 294.

[2] Пелишенко В. П. Маркетинговий менеджмент: навч. пос. – Киев.: ЦНЛ, 2003. – С. 112.

[3] Волков О. И., Скляренко В. К., Акуленко Н. Б., Аскеров Т. М., Артемьев А. А. Экономика фирмы: Словарь-справочник. — Москва: ИНФРА-М, 2008. – С. 285.

[4] Ансофф И. Стратегическое управление. - Москва: Экономика, 1989. – С. 38.

[5] Мескон М. Х. Основи менеджмента: Перевод с английского. - Москва: Дело, 2002. – С. 94.

[6] Нємцов В. Д., Довгань Л. Є. Стратегичіний менеджмент: навч. посіб. – К.: КПІ, 2009. – С. 112.

S. F. Golov and N. V. Chebanova in the definition of «goods» used the term «material value»[1]. The concept of "material value" includes all assets that have a physical form, and the most representative of the characteristic properties of elements merchandise sales.

American economist Paul Samuelson believes that good — is an economic good, which is relatively rare[2]. Such a definition is rather to one of the properties of the product, not its essence. Product — is, above all, a product of the production, the ability to meet any need and designed for sharing.

An interesting approach to find the book "Marketing" S. Garkavenko: "product — is a means to satisfy a specific need (material goods, services, ideas, technologies)"[3]. Considering this concept, the author does not consider the ways in which needs are met. For example, the demand for apples can be satisfied by buying them in a store or rip from a tree in your own garden. In the first case, the apple is a commodity, in the second — the product.

Given the different views on the concept of "product", it will give its definition: goods — are tangible items that satisfy some human need and come into use in the sale, i. e., through the market.

This product is a key element of the marketing mix, from which depends crucially on the success of the enterprise market. One may improve other elements of the marketing mix (price, distribution, promotion), but without the main element — effective in the consumption and production of goods — all efforts will be in vain. Because, if the product does not meet the demands of consumers or loses its characteristics competitors' products, the hope for success is almost unreal.

Product with reinforcements — a set of opportunities used to strengthen the product offering the most efficient, in terms of competition, manner. The development of technological capabilities of modern production suggests that increasingly compete not for the results of selected firms, and benefits to the customer, which are realized simultaneously with the product: supply and credit, installation, warranty, after sales service, advertising.

Some economists tend to see a fourth level of product by linking it with the personality of the consumer. Personality, individual tendencies buyer, even his character is really essential for a successful product positioning in the market.

Thus, one of the biggest challenges marketing specialist is the exact definition of the goods in order to offer it to potential buyers based on needs product meets and not limited to the technical and operational characteristics of the product.

Defining the main approaches to the concepts of "goods" and "politics", a study definition of "product policy", which is a component of the marketing policy.

So, V. Kardash trade policy defines as "a set of actions targeted commercial organization in order to meet established or attract consumer values specific market needs[4]. Its components include: the definition of an optimal range of products and its continuous updating, quality, design, packaging, brand image, the degree of compliance with the criteria of consumers and others."

By definition, N. Murashkin, commodity policy — activities aimed at forming and managing the product range with the internal and external factors influence the merchandising, development, manufacturing and sales, as well as legal reinforcement of such activities[5].

P. Zavyalov offers the following definition: product policy — is layered and complex scope of marketing that requires decisions to the particular circumstances of the commodity nomenclature, product lines, the use of the brand name, packaging, processing, value of goods, services, service, etc[6].

In our opinion, the product policy of the enterprise — is a definite course of action, which is aimed at the formation of the optimal product mix and related services to the needs of customers served by market segment, and to ensure the necessary level of profitability of sales activity, as well as the realization of the strategic goals of the company.

At the present stage of economic development are the following main objectives of product policy:

1 — assortment optimization;

2 — setting the pace of renovation range;

3 — determine the optimal ratio between goods, which are at different stages of the life cycle;

4 — to regulate the relationship between assimilation and new markets;

5 — the timing of new product;

6 — maintaining optimal timing of withdrawal from the production of obsolete products.

It is commodity policy are: to determine the optimal range of products and its continuous updating, quality, design, packaging, brand image, the degree of compliance with the criteria of consumers, etc.

An effective tool for the implementation of commercial policy of the company is to create enterprise product portfolio.

One of the central problems of commercial policy is the preservation and development of the company as a social and economic system. Therefore, objectives of the company are divided into three most important categories: replacement resources; guaranteeing saving a business; create conditions for increased production.

Determination of the optimal range of the incorporation of the product range enterprise products, the production and marketing of which is focused on market needs, which positively influence the development of the enterprise profitable, contribute to the achievement of strategic objectives. So deep essence of marketing product policy is to determine the formation and maintenance of optimal structure range of products according to the current and long-term goals of the company.

For the majority of enterprises in Ukraine is characterized by intuitive control range with little economic reasoning or its complete absence. However, argue that such a system inventory management dysfunctional or ineffective, will fail. Practical experience shows that success in the formation of the range depends on the ability to properly assess the needs of customers, purchasing power, market share, position, and fast-growing market niches.

---

[1] Чебанова Н. В., Василенко Ю. А. Бухгалтерський фінансовий облік: Посібник. - К.: Академія, 2002. - 672 с.

[2] Самуэльсон П. Экономика. Вводный курс: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1964.

[3] Гаркавенко С. С. Маркетинг: Підручник. — 4.вид., доп. — К.: Лібра, 2008. — С. 202.

[4] Кардаш В. Я. Товарна інноваційна політика: Навч. посібник. - К.: КНЕУ, 2006. – С. 157.

[5] Маркетинг: Учеб. пособие/Под общ. ред. проф. Н. В. Мурашкина. — Псков, 2000. — С. 83.

[6] Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 158.

Grozny Igor Sergeevich
Institute Of Economy Of Industry NAS Ukraine, Kiev. Donetsk, doctoral student
Грозный Игорь Сергеевич, Институт Экономики Промышленности НАН Украины, г. Донецк, докторант

Effect of the production development outline on the quality of development of the industrial enterprise

Влияние контуров развития производства на качество развития промышленного предприятия

Проблема качества развития относится скорее к числу постановочных и недостаточно разработанных, хотя это понятие и введено в научный оборот. В середине 90-х, 2000-х г. большее внимание таких отечественных и российских ученых-экономистов Иванова Е.Т[1]., Райской Н.Н[2]., Петковой Л[3]., Дзарасова С[4]., Пустовойт О[5]., Хубиева К.А[6]. было обращено к категориям «качество роста», «оценка качества экономического роста». Такое положение объясняется рядом факторов. Во-первых, после многолетнего и глубокого спада в трансформационных экономиках сам факт количественного роста экономических показателей развития промышленных предприятий выступает долгожданным явлением и на нем фокусируется основное внимание. Во-вторых, в странах, лидирующих в мировом экономическом развитии, проблема качества развития производства на промышленном предприятии относится к числу решенных в конкурентной борьбе. Актуальными для решения проблемы качества развития производства на промышленных предприятиях представляются следующие вопросы.

1.Инновационная составляющая в развитии промышленного производства. Если фаза оживления пройдет под знаком обновления основного капитала на инновационной основе, будет создана база для качественного развития производства на промышленных предприятиях. Если же фаза оживления будет проходить инерционно и преимущественно на базе вовлеченных технических и технологических ресурсов, высвобожденных во время спада, то количественные показатели лишь завуалируют консервацию процессов развития производства низкого качества.

2.Инновационно-технологическая перестройка производственных процессов. Развитие производства на промышленном предприятии на инновационно-технологической основе является благоприятным фоном для внедрения новых высокотехнологических процессов производства продукции, формирующихся под влиянием результатов научно-технического прогресса и его перспективных направлений.

3.С первыми двумя пунктами связано усиление конкурентоспособности отечественных промышленных предприятий.

Таким образом, решение проблемы достижения качественного развития производства на промышленном предприятии приобретает первостепенный стратегический курс, как на уровне самого предприятия, так и на государственном уровне в целом. Основным назначением категории «качества» является удовлетворение установленным или ожидаемым потребностям. Понятие «качество» не имеет особого значения, если связанно с конкретной функцией и/или объектом.

Выделив основные смысловые значения понятия «качество», рассмотрим наиболее известные определения понятия «качество развития производства».

American Society for Quality определяет «качество развития производства» как субъективный срок, в течение которого каждый работник может вносить свои изменения в процесс развития. С точки зрения технической стороны, качество развития производства определяется:

— характеристиками или свойствами продукта/услуги, которые предопределяют способность предприятия удовлетворять установленным или предполагаемым потребностям;

— характеристиками или свойствами продукта/услуги, лишенных недостатков[7].

Современный автор многих научных изданий, консультант по вопросам управления и признанный эксперт в области качества, стратегии и методов достижения качества развития Subir Chowdhury, определяет качество развития производства через такие свойства:

1. В процессе развития производства качество должно стать обязанностью каждого на любом предприятии — это не может быть делегировано одной группе или конкретному работнику.

2. Качество начинается с верхнего уровня иерархии организационной структуры управления — без участия руководства, большинство, если не все инициативы, направленные на повышение качества будут срываться или их выполнение будет не укладываться во времени.

3. Качество включает в себя весь персонал в течение всего периода развития — все должны быть заинтересованы в достижении качества развития, совершенствовании производственных процессов.

---

[1] Иванов Е. Т. Оценка качества экономического роста в условиях структурной перестройки народного хозяйства: дис. к. э.н. Донецк, 1995 г. – 169 с.

[2] Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. Оценка качества экономического роста//Вопросы статистики № 2. 2005 г. – с. 11–14

[3] Петкова Л. К вопросу о качестве экономического роста Украины//Экономика Украины № 6, 2005 г. – с. 45–49

[4] Дзарасов С. О качестве экономического роста//Экономист № 12, 2005 г. – с. 22–31

[5] Пустовойт О. Количественная и качественная составляющие экономического развития Украины: управленческие аспекты// Экономика Украины № 2, 2006 г. – с. 20–26

[6] Хубиев К. А. Инновации и качество экономического роста//Философия хозяйства № 6, 2007. – с. 153–166

[7] American Society for Quality, Glossary - Entry: Quality, retrieved 2008–07–20

4. Необходимо соблюдать баланс производительности работников и оборудования.

5. Достижение качественного развития возможно только лишь при условии использования и внедрении усовершенствованных, инновационных для каждого конкретного промышленного предприятия методов развития[1].

Один из создателей современной теории менеджмента качества и практики управления качеством Philip B. Crosby так определяет качество развития производства — это соответствие требованиям, которые выдвигает внешняя среда предприятия[2].

Подобной точки зрения в своих работах придерживается известный американский ученый W. Edwards Deming. Однако он больше внимания уделяет процессам управления качеством развития производства, а именно таким этапам:

1. Проектирование.
2. Инжиниринг.
3. Тестирование.
4. Улучшение технологических процессов[3].

Продолжая мысль о том, что качество — это удовлетворение установленным или ожидаемым потребностям, ведущий японский ученый в области качества Noriaki Kano представляет качество развития производства через двумерную модель качества: «должно быть — качество» и «перспективное качество». Все сотрудники, участвующие в процесс развития должны ориентироваться на достижение высокого качества выполняемых заданий, а также уметь прогнозировать возможные требования клиентов, которые еще могут быть не сформированы. Сторонники теории Noriaki Kano характеризуют эту модель более кратко: «продукты и услуги, которые соответствуют или превосходят ожидания клиентов в перспективе»[4].

Таким образом, на основе выделенных особенностей понятий «качество», «качество развития производства», учитывая институциональные особенности развития промышленного производства в Украине, под качеством развития производства предлагается понимать результат структурной перестройки производственного процесса на промышленном предприятии в соответствии с потребностями научного и технологического прогресса.

Результатом структурной перестройки производственного процесса является достижение запланированных показателей роста за счет комплексного преобразования на новой качественной основе технологии производства и выпуска продукции. Качественное развитие производства предполагает наличие долгосрочного эффекта, который позволяет промышленному предприятию достаточно длительный период удерживать лидирующие позиции в отрасли, т. к. происходит своего рода сбалансированность между достигнутым технико-технологическим уровнем развития производства и потребностями внешней среды предприятия, которые формируются под влиянием НТП.

В свою очередь, под некачественным развитием производства следует понимать комплекс мероприятий, основной целью которого является достижение запланированных показателей роста производства (количественный подход) без преобладания результатов НТП в структуре факторов роста, инвестиций в основной и человеческий капитал, а также созданий инновационных наукоемких технологий производства.

Для обеспечения высококачественного развития производства необходимы не только радикальные перемены в технологической политике предприятия, но и в самой идеологии стратегических преобразований. Среди основных проблем на пути достижения качественного развития производства принято выделять недостаточность финансового, материально-технического и кадрового обеспечения. Однако полное или частичное отсутствие достаточного обеспечения развития производства не объясняет тот факт, что на промышленных предприятиях, где такой проблемы не существует, достигнутый уровень развития производства можно назвать качественным. Нередко встречаются ситуации, когда у предприятия есть ресурсы, есть поставленные цели и задачи развития, но отсутствует время для реализации запланированных инициатив или момент является неблагоприятным. Наоборот, время является благоприятным для развития (что подразумевает получение дополнительных преимуществ за счет своевременного реагирования предприятия на потребности внешней среды), однако на предприятии отсутствуют ресурсы. Таким образом, корень проблемы кроется в рассогласованности таких контуров развития как:

— время (необходимое для выполнения поставленных задач);
— цель;
— ресурсы (необходимые затраты).

В данной работе для понимания процесса достижения качественного развития производства предлагается ввести понятие «контуры развития производства: время, ресурсы, цель».

В общем смысле под контуром понимают внешнее очертание чего-либо. В менеджменте принято выделять «контуры управления» под которыми понимают замкнутую цепь звеньев системы управления, в которой посредством прямой и обратной связи соединены субъект и объект управления, например: контур экономического планирования, контур контроллинга и др. Также контуры управления определяют общее направление деятельности организации, ее подразделений и отдельных сотрудников.

Таким образом, под контуром следует понимать заданное направление и последовательность действий. В работе заданным направлением является достижение качества развития производства. Последовательность действий в заданном направлении формируется в рамках каждого выделенного контура:

1. Временного контура развития.
2. Целевого контура развития.

---

[1] Chowdhury, Subir (2005). The Ice Cream Maker: An Inspiring Tale About Making Quality The Key Ingredient in Everything You Do. New York: Doubleday, Random House

[2] Crosby, Philip (1979). Quality is Free. New York: McGraw-Hill.

[3] Aguayo, Rafael (1991). Dr. Deming: The American Who Taught the Japanese About Quality. Fireside. pp. 40–41; Noguchi, Junji (October 1995). «The Legacy of W. Edwards Deming». Quality Progress 28 (12): 35–38.

[4] Kano, Noriaki (1984–04–01). «Attractive quality and must-be quality». The Journal of the Japanese Society for Quality Control: 39–48.

3. Ресурсного контура развития.

Рассмотрим выделенные контуры развития подробнее.

Временной контур развития. Под временным контуром развития производства следует понимать конкретный временной диапазон, в котором осуществляются или не осуществляются необходимые мероприятия в рамках реализации стратегии развития. Состояние внешней среды по отношению к предприятию может быть благоприятным, неблагоприятным или нейтральным. В идеальном варианте предприятие достигает эффективного качественного развития, когда в кратчайшие сроки может удовлетворить потребности, возникающие во внешней среде под воздействием научного и технологического прогресса. Чем меньше интервал между этими двумя событиями, тем выше уровень качества развития производства и конкурентоспособности промышленного предприятия в целом. Однако на практике, в силу ограниченности ресурсов и непродуманной инновационной политике, лишь единицы отечественных промышленных предприятий в состоянии «использовать благоприятный момент» для реализации стратегических инициатив. Большинство старается сохранить сложившиеся тенденции и «плыть по течению» без значительных преобразований, что неизменно приводит к постепенной гибели организации.

Планируемые во временной перспективе события (целевые объекты развития) формируют и регулируют стратегию развития производства. В соответствии с представлениями Ж. Нюттена[1] временная перспектива может быть когнитивной, воображаемой и действенной (мотивационной) перспективой, включающей реальные мотивационные тенденции. Степень реалистичности объектов, образующих действенную временную перспективу является очень важной. Не менее важной является и реалистичность способов достижения целей, а, кроме того, еще и наличие (отсутствие) причинных или инструментальных связей между объектами временной перспективы.

Таким образом, для того чтобы достичь наименьшего временного интервала между возникновением потребности внешней среды и удовлетворением ее со стороны предприятия путем структурной перестройки производственного процесса в соответствии с требованиями НТП, в управлении временным контуром развития производства целесообразно использовать метод временной перспективы и трансспективы, который позволяет провести анализ и оценку возможных сценариев развития производства с позиции прошлого, настоящего и будущего состояния предприятия.

Целевой контур развития. В соответствии с общими положениями формирование целей, генерация и восприятие образа развития производства заключается в определении требуемого или желаемого состояния системы в планируемом периоде, а также общих способов достижения этого состояния. Цель развития производства должна устанавливать определенные ориентиры на выбранные периоды времени. Этот элемент является наиболее важным в управлении, так как от него зависит дальнейшее развитие производства и предприятия в целом.

Цели развития производства являются частью общих целей предприятия. Целевой контур развития отражает концепцию качества развития производства и относится к направлению в области НИОКР:

— совершенствование технико-технологического уровня развития производства;

— внедрение новых технологий, процессов;

— разработка программ: снижения издержек и контроля качества продукции, производства и др.

Формирование целевого контура развития производства происходит исходя из оценки потенциальных возможностей предприятия и обеспеченности соответствующими ресурсами. Для снижения существующей рассогласованности между контурами развития процесс формирования целевого контура развития необходимо проводить с учетом особенностей и условий временного контура, что, как правило, редко находит отражение на практике.

В основе разработки целевого контура развития должен быть анализ современного положения предприятия и текущего уровня развития производства и тех перспектив, которые могут открыться для него в будущем (учет временного контура). При этом проводится анализ деятельности как предприятия в целом, так и его отдельных хозяйственных подразделений с целью выявления имеющихся ресурсов и потребностей в ресурсах в будущем при решении намечаемых целей и задач. Одновременно рассматривается вопрос о конкретных исполнителях соответствующих программ действий и планов.

Увеличивающиеся скорости внедрения нововведений при одновременно сокращающейся продолжительности жизненного цикла изделий и сроков амортизации оборудования привели к тому, что временной контур в сфере НИОКР стал одним из ведущих и решающих. Поэтому время выхода на рынок — ключевой момент и в стратегическом управлении разработками. Сокращение сроков разработки и внедрения на рынок для изделий, чувствительных к фактору времени, приводит к более высоким оборотам, ценам и финансовым результатам. Одновременно уменьшается период окупаемости и тем самым снижается финансовый риск инвестированных в НИОКР средств. Уже на ранней стадии можно профилизировать изделия в соответствии с требованиями потребителей и, следовательно, сократить количество изменений в период разработки. Наряду с преимуществами, связанными с качеством и рыночным использованием продуктов, растет и эффективность: уменьшаются объемы замороженного капитала, высвобождаются мощности для внедрения новых. В связи с этим, для достижения качественного развития производства при разработке и реализации целевого контура развития необходимо выполнять следующие условия:

— формулирование целей НИОКР в соответствии с принятыми стратегиями и требованиями рынка относительно качества при проведении технического, технологического усовершенствования процессов производства;

— учет фактора времени при проведении НИОКР и внедрении их результатов в производство и на рынок;

— управление затратами как на сами НИОКР, так и в производстве продукции путем задания параметров изделий.

Однако выполнение условий сочетания временного и целевого контуров развития еще не гарантирует достижение высокого уровня качества развития производства. Немаловажная роль в этом процессе отведена ресурсному обеспечению реализации намеченных целей и задач в конкретный момент времени.

Ресурсный контур развития. В общем виде, ресурсы производства подразделяют на следующие:

— материальные ресурсы;

— трудовые ресурсы;

[1] Корсини Р. Психологическая энциклопедия. 2-е изд., Питер, С.-Петербург, 2003

— финансовые ресурсы;
— технологические ресурсы.

Таким образом, ресурсный контур развития производства состоит из совокупности перечисленных ресурсов и их составляющих. В идеальном варианте для достижения высокого уровня качества развития производства, все составляющие ресурсного контура должны быть в равновесном состоянии, т. е. качество и количество материальных ресурсов удовлетворяет уровню развития применяемой технологии на производстве за счет использования квалифицированной рабочей силы и находится в рамках финансирования программы развития производства.

Аналогичной является выдвинутая гипотеза о том, что рассмотренный контуры развития должны находится в согласованности между собой и иметь одно заданное направление, однако на практике, как правило, наблюдается их разнонаправленность. Чем меньше согласованность (сбалансированность) между контурами, тем меньше область для развития производства, тем ниже уровень качества его развития. Для сокращения расстояний между выделенными контурами, приведение их в состояние согласованности и одно направленности необходимо пересмотреть традиционные и современные методы управления развитием производства, т. к. поставленная задача требует разработки такого решения, которое бы позволило достичь согласованности между рассогласованными по своей сути объектами управления, т. е. привести их в состояние «когерентности».

Список литературы:

1. Дзарасов С. О качестве экономического роста//Экономист № 12, 2005 г. — с. 22–31.
2. Иванов Е. Т. Оценка качества экономического роста в условиях структурной перестройки народного хозяйства: дис. к. э.н. Донецк, 1995 г. — 169 с.
3. Корсини Р. Психологическая энциклопедия. 2-е изд., Питер, С.-Петербург, 2003
4. Петкова Л. К вопросу о качестве экономического роста Украины//Экономика Украины № 6, 2005 г. — с. 45–49
5. Пустовойт О. Количественная и качественная составляющие экономического развития Украины: управленческие аспекты//Экономика Украины № 2, 2006 г. — с. 20–26
6. Райская Н. Н., Сергиенко Я. В., Френкель А. А. Оценка качества экономического роста//Вопросы статистики № 2. 2005 г. — с. 11–14
7. Хубиев К. А. Инновации и качество экономического роста//Философия хозяйства № 6, 2007. — с. 153–166
8. Aguayo, Rafael (1991). Dr. Deming: The American Who Taught the Japanese About Quality. Fireside. pp. 40–41.
9. American Society for Quality, Glossary — Entry: Quality, retrieved 2008–07–20
10. Chowdhury, Subir (2005). The Ice Cream Maker: An Inspiring Tale About Making Quality The Key Ingredient in Everything You Do. New York: Doubleday, Random House
11. Crosby, Philip (1979). Quality is Free. New York: McGraw-Hill.
12. Kano, Noriaki (1984–04–01). «Attractive quality and must-be quality». The Journal of the Japanese Society for Quality Control: 39–48.
13. Noguchi, Junji (October 1995). «The Legacy of W. Edwards Deming». Quality Progress 28 (12): 35–38.

Dadykin Valery Sergeevich
Bryansk State Technical University, assistant

Дадыкин Валерий Сергеевич,
Брянский государственный технический университет,
аспирант кафедры «Экономика, организация производства, управление»

The urgency and the nature of performance-oriented approach to the development of innovative regional mineral complex

Актуальность и сущность программно-целевого подхода к управлению инновационным развитием минерально-сырьевого комплекса региона

В условиях высоких темпов научно-технического прогресса, успех в глобальной конкуренции во многом зависит от динамизма, гибкости, способности к быстрой адаптации в меняющихся условиях. Именно поэтому специфика процессов структурной перестройки экономики на наукоемкой основе явилась причиной смещения центра тяжести экономического роста из центра в регионы. Косвенным подтверждением тому является присвоение инвестиционного рейтинга по международной классификации каждому региону Российской Федерации.

В настоящее время задача состоит в том, чтобы обеспечить конкурентоспособность слабых регионов на мировых рынках. Важная роль в ее решении принадлежит мерам по устранению технологической отсталости и развитию способности локальной системы воспринимать, своевременно внедрять, а также генерировать инновации.

Под инновациями, в контексте рассматриваемой темы, понимаются, с одной стороны, нововведения в планировании, прогнозировании и организации развития минерально-сырьевого комплекса, с другой стороны, эффективные технологии поиска, добычи, переработки сырья и получения новых ресурсов для промышленности при условии сохранения экологического баланса территории.

Минерально-сырьевой комплекс, с позиции системного подхода, представляет собой единую систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимодействующих подсистем, направленную на инновационное освоение минерально-сырьевой базы.

Под минерально-сырьевым потенциалом понимается совокупность разведанных и предварительно оцененных запасов и прогнозных ресурсов полезных ископаемых. По своей сути, он является экономическим активом длительного действия. Поэтому минерально-сырьевой комплекс (МСК) необходимо рассматривать как хозяйственную деятельность по инновационному освоению данного актива.

Программно-целевое управление используется чаще всего в условиях наличия проблемных ситуаций, не находящих своего решения в инерционном режиме функционирования и развития программируемой системы. Основными признаками таких проблем являются масштабность, настоятельность, практическая невозможность решения проблемы традиционными методами, без сосредоточения, концентрации, дополнительного привлечения ресурсов, использования инновационных подходов и методов организации, управления, оказания государственной поддержки. По оценкам специалистов, рассмотренная характеристика проблем характерна для современного минерально-сырьевого комплекса, как в регионах России, так и в стране в целом.

Программно-целевая методология имеет важнейшее значение для инновационного развития регионов. Это подтверждается как исследованием зарубежного опыта, так и теоретическим анализом возможностей программно-целевого управления.

Между инновационным развитием и программно-целевым управлением есть существенная взаимосвязь. Без механизмов управления инновационной и инвестиционной деятельностью не могут быть реализованы программы социально-экономического развития территории в целом и отдельных предприятий, так как каждое программное мероприятие (техническое, экономическое, промышленное, социальное, экологическое) требует для своего практического осуществления вложения определенных средств, иначе говоря, инвестиции являются важным фактором обеспечения устойчивого развития региона. В условиях дефицита инвестиционных ресурсов важно, чтобы их вложение осуществлялось с наибольшим эффектом, т. е. в инвестиционные проекты инновационной направленности. Кроме того, сами инновации являются существенным инвестиционным ресурсом[1].

Обобщая вышесказанное, минерально-сырьевой комплекс, как народнохозяйственный актив длительного действия, требует разработки и внедрения программно-целевого подхода к управлению его инновационным развитием.

Актуальна данная задача, прежде всего на региональном уровне, потому что долгосрочные программы развития минерально-сырьевой базы должны учитывать специфику региона, в части геологического строения, а также действующих горнодобывающих мощностей.

Наиболее ценными на данный момент являются металлические полезные ископаемые (ПИ), редкоземельные металлы, углеводородное сырье, уголь. Регионы, где указанные ресурсы отсутствуют, практически не развивают свой минерально-сырьевой комплекс.

Освоение минерально-сырьевой базы предполагает проведение геологоразведочных работ, которые относятся к видам деятельности с отложенным во времени экономическим эффектом. Окончательная и объективная оценка их эффективности определяется на стадии технико-экономического обоснования разработки выявленных и разведанных месторождений. Помимо очевидного экономического эффекта в виде поступлений налогов и платежей в бюджет региона, развитие минерально-сырьевого комплекса окажет позитивное влияние на социально-экономическое развитие, прежде всего в районах, характеризующихся слаборазвитой инфраструктурой.

Мультипликативный эффект от результатов геологоразведочных работ проявится в увеличении темпов развития строительной индустрии, дорожной сети, создании новых рабочих мест.

Экономическая эффективность геологоразведочных работ достаточно высока. Так, например, в Калужской области, один рубль, вложенный в геологоразведочные работы, обеспечит выявление минерального сырья ценностью около 50 рублей, что приравнивается к ожидаемым до 2020 года общероссийским показателям[2]. Благодаря синергетическому эффекту, развиваются и сектора экономики, зависящие от состояния и развития минерально-сырьевого комплекса. Это позволяет региону занимать высокие места, как по уровню социально-экономического развития, так и в рейтинге инвестиционной привлекательности. Например, в рейтинге социально-экономического-положения субъектов Калужская область занимает 28 место из 82 субъектов, в то время как соседняя Брянская область занимает 60 место[3].

Брянская область особенно нуждается в создании долгосрочной программы развития МСК. По данным геологических балансов, область богата запасами сырья, и по данным геологических отчетов — богата прогнозными ресурсами. ПИ региона подразделяются на 3 группы:

1. сырье федерального значения (титан-циркониевые пески, фосфоритовые руды, стекольное сырье);

2. сырье регионального значения (цементное сырье, тугоплавкие глины, формовочные пески, мел для стекольной промышленности, трепел, торф, сапропель, органоминеральные отложения, подземные минеральные воды и крупные водозаборы пресных подземных вод);

3. сырье местного значения (кирпично-черепичное сырье, керамзитовое сырье, строительные пески, ПГМ, мел для строительных работ, карбонатные породы для известкования кислых почв).

Запасы ресурсов существенны в масштабах ЦФО (рис. 1) [4].

Освоение МСБ Брянской области, с учетом специфики месторождений, должно происходить на инновационной основе в рамках долгосрочной программы развития минерально-сырьевой базы. Основной целью рассматриваемой программы является обеспечение сбалансированного развития и использования минерально-сырьевой базы для удовлетворения текущих и перспективных потребностей экономики области в минерально-сырьевых ресурсах и подземных водах нормативного качества.

---

[1] Райзберг Б. А., Лобко А. Г. Программно-целевое планирование и управление: Учебник. – М. Инфра-М, 2004

[2] Паспорт долгосрочной целевой программы «Геологическое изучение недр и воспроизводство минерально-сырьевой базы Калужской области (2011–2015 годы)» [Электронный ресурс]//Портал органов власти Калужской области - Режим доступа: www.admoblkaluga.ru/upload/. Дата обращения: 27.10.2012 г

[3] Уровень социально-экономического развития регионов по итогам 2011 г. [Электронный ресурс]//Группа РИА новости - Режим доступа: http://riarating.ru/infografika/. Дата обращения: 27.10.2012 г.

[4] Брянский филиал ФБУ «ТФГИ по ЦФО» Сводный отчетный баланс (твердых полезных ископаемых) по Брянской области по состоянию на 01.01.2012 г. /Брянский филиал ФБУ «ТФГИ по ЦФО». — Брянск, 2012. — 4–45 с.

Рис. 1 Доля ресурсов Брянской области в масштабах ЦФО

В рамках достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- удовлетворение потребностей отраслей экономики в минеральном сырье и населения области в питьевой подземной воде нормативного качества;
- воспроизводство минерально-сырьевых ресурсов в объемах, обеспечивающих компенсацию их потребления добывающими предприятиями и учитывающих прогноз социально-экономического развития;
- организация рационального и комплексного использования недр;
- охрана подземных вод от истощения и загрязнения;
- обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления информацией об оценке запасов ресурсов и прогнозе состояния МСБ.

Реализация программы предусматривает внедрение следующих видов инноваций:

1. инновации в организации и структуре управления пользования недрами (предполагают создание и развитие системы кадастра месторождений и проявлений общераспространенных полезных ископаемых, включая подсистему лицензирования — Реестр государственной регистрации прав недропользователей (лицензий) на территории области, а также развитие индикативного планирования по использованию ресурсов недр);

2. инновации в информационном обеспечении МСК (предусматривают формирование фонда геологической информации в рамках региона, создание банка данных геологической информации (далее также — БнД ГИ) и картографической информационной системы на территории области);

3. инновации в оценке ресурсов (предусматривают проведение работ по геолого-экономической оценке объектов недропользования нераспределенного фонда общераспространенных полезных ископаемых области для разработки Реестра объектов недропользования области, перспективных для инвестиций);

4. инновации в подготовке методических указаний (предусматривают разработку и подготовку методических рекомендаций по расчету стартовых размеров разовых платежей за пользование недрами при проведении аукционов (конкурсов) на право пользования участками недр, расчет регулярных платежей за пользование недрами в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, и сбор за участие в аукционе или конкурсе);

5. инновации в системе государственного мониторинга состояния недр (ГМСН) (предусматривают выполнение работ по экономическому мониторингу добычи и использования минерально-сырьевой базы общераспространенных полезных ископаемых области);

6. инновации в системе аудита недропользования (предусматривают организацию аудита в недропользовании, подразумевающего осуществление проверки финансовой и экономической деятельности предприятий, использующих минеральное сырье, на соответствие нормативно-правовым актам об обеспечении охраны окружающей среды, нормативам потерь и ресурсосбережения, иным аспектам по повышению эффективности использования ресурсов).

7. инновации в системе переработки сырья (предполагают создание методической базы конкурсов на разработку месторождений с привлечением экспертов, что позволит выбирать наиболее эффективные технологии освоения месторождений с максимально полным использованием сопутствующих полезных ископаемых).

Рассмотренные выше инновации являются составляющими инновационного развития. Механизмом и условием его осуществления становится программно-целевой метод управления. Его внедрение, в современных условиях, позволит достичь заданного экономического эффекта от реализации программы.

Список литературы:

1. Райзберг Б. А., Лобко А. Г. Программно-целевое планирование и управление: Учебник. — М. Инфра-М, 2004. — 23–30 с.
2. Паспорт долгосрочной целевой программы «Геологическое изучение недр и воспроизводство минерально-сырьевой базы Калужской области (2011–2015 годы)» [Электронный ресурс]//Портал органов власти Калужской области — Режим доступа: www.admoblkaluga.ru/upload/. Дата обращения: 27.10.2012 г.
3. Уровень социально-экономического развития регионов по итогам 2011 г. [Электронный ресурс]//Группа РИА новости — Режим доступа: http://riarating.ru/infografika/. Дата обращения: 27.10.2012 г.
4. Брянский филиал ФБУ "ТФГИ по ЦФО" Сводный отчетный баланс (твердых полезных ископаемых) по Брянской области по состоянию на 01.01.2012 г. /Брянский филиал ФБУ "ТФГИ по ЦФО". — Брянск, 2012. — 4–7 с.

Deeva Tatiana Mikhailovna, Astrakhan state University,
senior lecturer of the chair of economic theory

Деева Татьяна Михайловна, Астраханский государственный университет,
старший преподаватель кафедры экономической теории

Education as a process of production

Образование как процесс производства

В рамках модернизации системы Российского образования, общеобразовательные школы включены (непосредственно или опосредованно) в ряд федеральных экспериментов. Актуальность преобразования системы образования в экономическую отрасль и переход образования в производственный процесс обусловлено тем, что на современном этапе развития России образование становится мощной движущей силой в воспроизводстве национального богатства, экономического роста, в формировании человеческого капитала. Мировой опыт социально-экономического развития стран подтверждает, что важнейшим фактором обновления всех структур общества является именно образование. По определению, представленному в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, образование является «основой динамичного экономического роста и социального развития общества, фактором благополучия граждан и безопасности страны»[1]. При применении рыночной модели функционирования экономики на экономику образования можно сказать, что «в процессе длительной эволюции во всех странах мира утвердилось господство рыночной экономики как основной и наиболее эффективной формы ведения хозяйства. Ее основу составляет производство. Под ним понимается производство товаров отдельными, частными, обособленными производителями, каждый из которых специализируется на выработке одного какого-либо товара»[2]. Образование в настоящее время стремится занять прочные позиции в экономической системе страны. Рассматривая образование как вид экономической деятельности, мы определим каким образом происходит процесс производства в образовании.

Весь процесс производства осуществляется в двух сферах. Изначально в экономической науке было принято деление на: производственную и непроизводственную сферы. В сферу производства экономисты включали только то производство, в процессе которого появлялся материальный продукт. Непроизводственную сферу до XX века экономисты, не признавали как производительную и не включали в процесс производства. В основе такого разделения лежал труд, в результате которого производился товар или услуга. Труд, в зависимости от принадлежности к сфере разделся на производительный и непроизводительный. «Первоначально производительный труд определялся как труд, обладающий в силу своих естественных свойств способностью производить «чистый доход», что было наиболее характерно для доктрины физиократов[3], считавших производительным лишь земледельческий труд»[4]. Непроизводительный труд, то есть если в результате не было создано материального продукта, не рассматривался как производство, соответственно не включался в сферу производства. Адамом Смитом была разработана концепция разделения труда на производительный и непроизводительный. В основу концепции легло утверждение о том что «богатство общества зависит лишь от производительного труда — работы по созданию материальных благ»[5]. Не отрицая того, что такие профессии как священники, юристы, врачи, писатели, актеры, музыканты нужны, но, по мнению Смита, люди этих профессий ничего не производят, а лишь потребляют то, что было создано производством ранее. «Монарх, например, со всеми чиновниками из правосудия и военными, которые служат под его началом, вся армия и флот — непроизводительные рабочие. Они — слуги общества и содержатся за счет ежегодного продукта промышленности, производимого рабочими. К этому же классу должно причислить священнослужителей, юристов, врачей, служителей пера всех родов, игроков, клоунов, музыкантов, оперных певцов и танцовщиков и т. д.»[6]. Такой труд Смит относил к непроизводительному труду. Производя четкое разделение на производительный (как создающий материальные блага) и непроизводительный (как создающий услуги) труд, А. Смит акцентирует внимание на «увеличении стоимости как на критерии такого

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года

[2] Ермишин, П. Г. Основы экономической теории/П. Г. Ермишин.- М.: Наука, 2000. – 100 с./http://polbu.ru/ermishin_economy/ch01_i.htm .

[3] Источником богатства, согласно концепции физиократов, является не торговля, а производство- труд в производстве материальных благ.

[4] Рубин И. И. - Франсуа Кенэ. - М., 1929. - С. 95.

[5] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М., 1935.

[6] Там же. С. 279

деления»[1]. «А. Смит видит, что на свой капитал предприниматели чаще всего нанимают рабочих, труд которых воплощается в материальных вещах, а на свой доход покупают личные услуги, не обладающие таким свойством»[2]. Следовательно, «А. Смит считает производительным труд, обменивающийся на капитал, а непроизводительным — обменивающийся на доход»[3]. Эта концепция разделения труда заняла прочные позиции в экономической науке, хотя ряд ученых не согласились с выводами[4][5]. «Разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли. Но при всем критическом отношении к изложению этой идеи у Смита нельзя не признать, что она ни в коем случае не двусмысленна и не нелепа»[6]. Устоявшаяся точка зрения на производственную и непроизводственную сферы была воспринята марксистской политэкономией[7], а затем нашла свое применение и в советской статистике. В СССР до 1989 г.[8] статистический анализ не учитывал отрасли непроизводственной сферы в доходной части, эти отрасли учитывались только в расходной части фонда потребления. В доходной части учитывалось только производство материальных товаров. Таким образом, согласно рассмотренной теории, все производство ранее ограничивалось только производственной сферой, так как только в ней, согласно теории создавался материальный продукт (многие экономисты определяют такой продукт как материальное благо)[9] и только эта сфера приносила «чистый доход». Предоставление услуг вообще не относилось к производству так как в этой сфере ничего не производилось, а происходило только перераспределение уже имеющегося капитала. В основу разделения на производственную и непроизводственную сферу легла концепция разделения труда на производительны и непроизводительный труд. Схематично структура экономики согласно данной теории выглядела так:

Таблица2[10].

<table>
<tr><td colspan="4">Производство</td></tr>
<tr><td colspan="3">Производственная сфера</td><td>Непроизводственная сфера</td></tr>
<tr><td colspan="3">Производительный труд</td><td>Непроизводительный труд</td></tr>
<tr><td>Сельское хозяйство</td><td>Промышленность</td><td>Другое производство</td><td>Все виды услуг</td></tr>
<tr><td colspan="3">Приносит доход</td><td>Перераспределяет доход</td></tr>
</table>

Представленная концепция разделения производства имела множество сторонников. Однако, достаточно большой круг ученых не поддерживал сложившихся взглядов. Не отрицая, а развивая идеи классика экономики А. Смита, Жан Батист Сэй (Jean-Baptiste Say)[11] пришел к выводу, что в процессе производства создаются не материальные блага, а услуги. «Производить — это не значит создавать материальные предметы. Производить — значит просто создавать полезность, увеличивать способности вещей отвечать нашим потребностям и удовлетворять наши желания»[12]. Ф. Лист (Daniel Friedrich List)[13], критикуя разделение труда на производительный и непроизводительный поясняет, что «способность создавать богатство бесконечно важнее самого богатства»[14]. Т. Мальтус (Thomas Robert Malthus)[15], считал возможным проведение «только условной границы между материальными благами и услугами»[16]. Полагая, что «распространение услуг является средством поддержания оптимального размера занятости»[17], Т. Мальтус относил «все виды услуг к производительной деятельности»[18]. В результате признания данной концепции, производительными признались еще многие виды труда. Любой труд «создает стоимость и прибавочную стоимость, объем производства отраслей данной сферы по особой методике включается в общую стоимость

[1] Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. - Т. 2.- СПб., 1886.- С. 95.

[2] Рубин И. И. История экономической мысли. М.-Л.,1999. С. 206

[3] Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е изд. - Т. 26. - Ч. 1. - С. 137–139; Hollander S. - Op. cit. - P. 147.

[4] Лист Ф.отвергал учение А. Смита о производительном труде, его оценку сферы нематериального производства; Ряд авторов указали, что теория непроизводительного труда А. Смита противоречит теории стоимости, отмечая, что стоимостью обладают все продукты, удовлетворяющие человеческие потребности.

[5] Cannan E. - A History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848. - L., 1903.- P. 18, 25–31; Lindgren V. R. - The Social Philosophy of Adam Smith. - Archives internationales d'Histoire des idees. - Series minor. - Vol. VIII. - The Hague, 1973. - P. 84, 93 note.

[6] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе/Пер. с англ., 4-е изд. — М.: Дело Лтд, 1994. С. 48.

[7] Определение производительного труда как материально-производительного К. Маркс считал основополагающим определением, и труд в этом определении фигурировал в его произведениях как «производительный труд вообще» Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 400.

[8] http://www.franchise-kooperation.com/html/iaidiecaianoaaiiass_noada.php

[9] Так как эти два понятия многие экономисты отождествляют, мы придерживаемся этой же точки зрения.

[10] Составлена автором

[11] Французский экономист, представитель классической школы политэкономии.

[12] Сэй, Ж.-Б. «Трактат по политической экономии»М.: Дело: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации, 2000.

[13] Немецкий экономист, политик и публицист. В 1841 году издано его сочинение «Национальная система политической экономии», трижды переиздавалось и переведено на несколько языков.

[14] Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891. 323 с.

[15] Английский священник и учёный, демограф и экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле; Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения, т. I. СПб., 1868, стр. 102.

[16] Eagly R. V. - The Structure of Classical Economic Theory. - N.-Y.- L., 1974. - P. 94.

[17] Molthes Th. - Principal of Political Economy, Considered with a New View to Their Practical Aplications. - Boston, 1821. - P.305.

[18] Ibidem.

валового внутреннего продукта»[1]. Следовательно, «любой труд не зависимо от принадлежности к сфере является производительным»[2]. «В экономически развитых странах уже в XIX веке обратили внимание на то, что сфера нематериального производства хотя и не производит непосредственно материальный продукт, однако она создает основополагающие условия для этого производства»[3].Экономический и статистический анализ в странах с развитой рыночной экономикой не проводит разграничения между производственной и непроизводственной сферой. Сейчас в экономике всех стран, включая Россию, разделение производства на производственную и непроизводственную сферы утратило свою актуальность.

В результате пересмотра ряда экономических категорий, в настоящее время все сферы экономики, включая образование считают «производительными», так как в любой сфере создаются товары или услуги, удовлетворяющие потребности потребителей, а производство в целом можно назвать не только основой экономики, но и основой общества. «Производство — необходимое условие существования людей. Стоит прекратиться производству — и люди погибнут»[4]. Любому человеку или предприятию необходимы не только материальные, но и нематериальные блага. Не важно, в какой сфере производственной или непроизводственной производится благо. Не важно, какой труд лежит в основе производства этого блага, разница лишь в том, какие блага произведены: материальные или нематериальные. Результатом деятельности материального производства являются материальные блага, которые используют именно как вещь или предмет. «Под производством нематериальных благ чаще всего подразумевается процесс создания духовных, интеллектуальных, культурных и иных ценностей, направленных на сохранение и расширение образовательного, трудового потенциала общества»[5]. Именно это условие стало основой деления производства на сферу материального производства и сферу нематериального производства. Рассматривая «в качестве производительного всякий труд» [6] не зависимо от сферы производства, результат деятельности сферы материального производства — материальное благо, товар. Результат деятельности сферы нематериального производства нематериальное благо, услуга.

Рассмотрев подход к образованию как виду экономической деятельности можно сделать вывод:

1. Образование относится к обособленному виду экономической деятельности и функционирует в сфере нематериального производства.

2. Результат процесса производства сферы образования — предоставление образовательной услуги.

Drabowsky Anatoly, PhD, Associate Professor
applicant of the economic theory of Lviv Commercial Academy

Драбовский Анатолий Григорьевич, кандидат экономических наук, доцент
соискатель кафедры экономической теории Львовской коммерческой академии

Economic and social aspects of the functioning cooperative systems

Экономические и социальные аспекты функционирования кооперативных систем

Постановка проблемы. В ходе своего развития кооперативные системы прошли путь от самых простых до сложных и развитых, находясь под определяющим влиянием господствующих в обществе социально-экономических отношений и получая импульс для дальнейшего осложнения и разнообразия. Многолетняя практика функционирования разнообразных кооперативных форм экономической и социальной деятельности в странах с развитой рыночной экономикой засвидетельствовала их значительный потенциал в решении многих социально-экономических проблем, формирования экономической солидарности и сотрудничества в условиях стихии рыночного хозяйства и господства частной собственности.

Анализ последних исследований и публикаций. В украинской литературе активно ведутся исследования, направленные на создание рыночно ориентированных кооперативных систем, актуализируются теоретические проблемы повышения социально-экономической роли кооперации в национальной экономической системе, эффективного использования ее потенциала. Общие теоретические и прикладные проблемы функционирования кооперативных систем в условиях трансформационной экономики исследуются В. Апопием, С. Бабенком, Г. Башнянином, С. Гелеєм, В. Горбоносом, Р. Пастушенком, Г. Стекольщиком и другими.

Методика исследования. В данном научном исследовании охарактеризовано особенность современного подхода к исследованию кооперативных систем через призму единства экономических и социальных аспектов их функционирования.

Изложение основного материала. Кооперация по своему содержанию является экономическим явлением, суть которого заключается в экономических взаимоотношениях между партнерами в налаживании их сотрудничества для достижения общей цели при оптимизации затрат материальных, финансовых, трудовых, интеллектуальных и других ресурсов на основе взаимной выгоды участников процесса. Объединение людей как экономических субъектов для достижения определенной цели за счет коллективных действий создает преимущества благодаря повышению производительности в результате разделения

---

[1] Экономический словарь http://abc.informbureau.com/html/iaidiecaianoaaiiass_noada.html

[2] Базаров В. «Труд производительный и труд, образующий ценность» СПб., 1899

[3] Килль М. Ю. Коммерческая деятельность в сфере услуг: учебное пособие/СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 139 с. ISBN 978–5-7310–2624–6 .

[4] Семенов Ю. И. Производство и общество//Социальная философия. Курс лекций. Учебник. - Под ред. И. А. Гобозова. - М.: Издатель Савин С. А., 2003

[5] Шекова Е. Л. Экономика и менеджмент некоммерческих организаций. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Санкт-Петербург 2003с. 5

[6] Золотов А. В., Попов М. В. Философия производительного труда: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. 160 с.ISBN 5–85746–897–3

и комбинирования труда и сокращения непродуктивных расходов времени. Важным условием кооперативного объединения является активное участие каждого в совместной деятельности и соблюдение определенных правил поведения. Кооперация может быть представлена организационно-правовыми формами деятельности в разных сферах экономики на микро-, мезо- и макроуровни по отраслевому или территориальному признаку как совокупность кооперативов.

Однако исследование кооперативных систем лишь из экономического результата их функционирования является однобоким и не дает завершенную картину анализа. В экономической литературе существуют разные подходы к определению "кооперативных систем". В узком понимании кооперативная система трактуется как сугубо хозяйственная деятельность людей-владельцев с целью удовлетворения преимущественно собственных потребностей членов определенного кооператива. Ю. В. Ушкаренко и В. И. Грек под кооперативной системой понимают "совокупность взаимоувязанных и взаимозависимых носителей кооперативных отношений, которые действуют как единое целое"[1]. Они выделяют четыре уровни кооперативной системы. Первый уровень определяется кооперативами, которые создаются гражданами или юридическими лицами на территории сельских и городских поселений. На втором уровне возникают кооперативные организации, которые созданы районными объединениями кооперативов, на третьем — областные объединения кооперативов (союзы и ассоциации), на четвертом — национальная кооперативная организация как объединение кооперативов (союзов и ассоциаций) на уровне страны. Такое определение является исключительно экономическим, и потому, на наш взгляд, является несколько ограниченным, поскольку вне поля зрения остается значительная часть кооперативной деятельности, которая не является сугубо экономической или хозяйственной, а выступает как походная от нее.

Анализ кооперативных систем с экономической направленностью, которая опирается на узкое понимание кооперативной системы и нацелен на исследование исключительно экономической сферы деятельности, получил наибольшее распространение, как в украинской, так и зарубежной литературе. Ф. В. Горбонос утверждает, что "кооперация — это экономическое явление, которое проявляется в экономических взаимоотношениях между партнерами в плане их сотрудничества с тем, чтобы достичь общей цели при меньших удельных затратах ресурсов на основе взаимной выгоды для всех участников и удовлетворения интересов каждого, для развития которого нужны благоприятные политические, социально-экономические и правовые условия"[2].

Не отрицая правомерность использования данного подхода к анализу кооперативных систем, следует отметить его ограниченность, вне поля зрения остается влияние социально-духовных и политических факторов. В пределах сугубо экономического анализа является доступным познание природы лишь части экономических процессов. На определенном этапе это исследование должно интегрироваться с исследованием, которое рассматривает экономическую деятельность с учетом влияния внеэкономических процессов. Именно на этом акцентируют такие украинские исследователи кооперативных систем, как Г. И. Башнянин, И. М. Копич, Л. Я. Гончарук и ряд других исследователей. Современные теоретики по большей части различают социальное и экономическое исследование. При этом социальное исследование трактуется как моральное, гуманитарное и гуманистическое и предусматривает учет всевозможных аспектов, которые касаются благосостояния человека и общества, которые трудно или невозможно подсчитать в экономическом смысле[3].

Признавая базовый характер экономической рациональности в поведении людей в сфере экономической деятельности, которая направляет развитие рыночной экономики, современные ведущие экономисты обоснованно отмечают ограниченность, недостаточность данного подхода, акцентируя на необходимости учет индивидуальных, психологических, социологических, ментальных и других характеристик при экономических исследованиях[4].

"Основательную устарелость" концепции "человека экономического" в современном сложном мире, где поведение отдельных людей в значительной степени определяется интересами социальных групп, коллективов, к которым они принадлежат, и потенциальной силой влияния последних на микро-, мезо- но макроуровни, отмечают и современные русские экономисты. В частности, по мнению К. А. Хубиева, "фундаментальная" идея "экономического человека" в современной экономической теории должна уступить место идеи "социального человека"[5]. Понимание процессов становления и развития экономических систем невозможно без изучения их взаимосвязи с проблемами места и роли человека. Вместе с тем, проповедовать доминирование социальных отношений над экономическими тоже нецелесообразно. Следует согласиться из М. Воейковым в том, что растягивать экономическую теорию на социальные явления и проблемы, значит вымывать предмет экономической науки, спутывать все основные категории[6].

В широком понимании кооперативные системы выступают как единство "хозяйственной, социально-экономической и социально духовной деятельности людей-владельцев с целью удовлетворения по большей части собственных потребностей"[7]. Методологическая ценность данного подхода заключается в возможности использования сугубо теоретических положений для анализа как экономических, так и социально-духовных аспектов кооперативной деятельности.

При применении собственно экономического анализа экономических процессов, экономические факторы выступают как факторы формирования соответствующих экономических параметров. При этом социально-духовные факторы являются

---

[1] Ушкаренко Ю. В. Ідентифікація понять "кооперативний рух" і "кооперативна система"/Ю. В. Ушкаренко, В. І. Грек// Науково-технічний вісник НЛТУ України. – 2011. – Вип. 21.7. – С. 376.

[2] Горбонос Ф. В. Кооперація: методологічні і методичні основи/Ф. В. Горбонос. – Львів: ЛАДУ, 2003. – С. 28

[3] Социальное измерение экономических процессов. Под ред. д. э.н. Ю. Г. Павленко, д. э.н. И. В. Соболевой. – М.: РАН, ИЭ, 2009. – С. 99

[4] Экономическая теория/Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 59

[5] Теория капитала и экономического роста. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 379

[6] Социальное измерение экономических процессов. Под ред. д. э.н. Ю. Г. Павленко, д. э.н. И. В. Соболевой. – М.: РАН, ИЭ, 2009. – С. 105

[7] Драбовський А. Г. Сучасні інтерпретації кооперативних систем/А. Г. Драбовський//Науковий вісник НЛТУ України. – 2009. – Вип. 19.13. – С. 117

факторами изменения этих параметров. Данный подход к анализу предусматривает рассмотрение социально-духовных факторов как факторов, которые усиливают или ослабляют зависимость между экономическими параметрами, оказывая дополнительное влияние. Такое "привлечение" социально-духовных факторов к экономическому анализу делает его полнее и более совершенным. Вместе с тем, социально-духовные факторы могут рассматриваться как формирующие (а не дополнительные) относительно определения экономических процессов. В таком случае все другие факторы, кроме социально-духовных, в свою очередь будут рассматриваться как факторы дополнительного влияния. При этом возникает вопрос о формировании социологической политической экономии кооперативных систем и приближения к социологической экономике.

Широкая интерпретация кооперативных систем, невзирая на приведенные преимущества, несет в себе определенную опасность подмены предмета исследования. Ведь на практике действительно экономическая, социальная и духовная составляющие тесно переплетены, представляя синкретическое единство.

Сверхширокая интерпретация кооперативных систем предусматривает исследование их в единстве хозяйственной, социально-экономической, социально-духовной и политической деятельности[1]. При данном теоретическом подходе рядом с объектом изучения экономической и социологической науки, кооперативные системы выступают в качестве объекта политологического исследования. В отличие от экономической теории, социологическая и политическая теории кооперативных систем находятся лишь в стадии становления. Это, на наш взгляд, объясняется более слабым развитием социально-духовной и политической сферы кооперативной деятельности на практике, что свойственно для большинства экономик. Вместе с тем, недостаточный уровень разработки социологической и политической теории кооперативных систем, в свою очередь, сдерживает формирование теоретических основ совершенной экономической теории кооперативных систем и трансформации ее из частичной в специальную теорию.

На необходимости органического сочетания экономического и социального анализа в исследовании кооперативных систем акцентируют свое внимание украинские экономисты. Большое внимание социальной природе кооперации уделял также основатель украинской социальной теории кооперации М. И. Туган-Барановський. Он рассматривал кооперацию как форму хозяйственной самообороны трудящихся, которая является результатом сознательных усилий многих общих групп с целью превращения существующей системы хозяйства для удовлетворения своих интересов и потребностей и самообороны от конкурентов, и деятельность которой осуществляется на неприбыльной основе[2]. Он неоднократно подчеркивал, что кооперация по самой природе своей сила не разрушительна, а творческая. Кооперация рассматривалась как и звено экономической системы, которая освещает общественную инициативу и самодеятельность. Ученый характеризовал кооперацию как важную силу, которая способствует формированию социально-экономических фундаментов гражданского общества. Также рассматривал кооперацию и О. В. Чаянов[3].

Известный ученый К. Коберський считал, что важным заданием кооперативного движения является не просто улучшение материального положения, а прежде всего повышение качества жизни, улучшения духовного состояния украинцев, их образованности и культурности[4]. Выдающийся украинский кооператор О. М. Луцкий подчеркивал, что "целью кооперативного движения является не только экономическое освобождение народных масс…, не только рост материального благосостояния объединенных членов. Но и также и прежде всего культурное, моральное и цивилизованное развитие объединенных… членов, которые в этом направлении должны быть пионерами лучшей грядущего целой нации"[5].

Теоретик и историк кооперации С. Бородаевский социальную составляющую деятельности кооперации считал именно сильной ее стороной, считая мощнейшей чертой кооперации принцип справедливости. Осуществляя сравнительный анализ развития кооперации в разных странах, ученый связывал кооперативное движение в славянских странах с тем, что "население искало в кооперативах не только защиты от экономического притеснения доминирующих народностей; оно видело в них также один из способов закрепить свое национальное единство и подготовить почву для осуществления мечты о независимости"[6]. Соответственно, в процессе развития украинская теория и практика кооперации опирались на культурное наследие собственного народа, на национальный менталитет, синтезируя экономические, национальные государственно-созидательные соревнования[7].

Современные исследователи экономических и социальных аспектов кооперации во многих случаях акцентируют внимание на первобытности социального при определении сущности кооперации. Так, например, В. Апопий подчеркивает, что " в основе кооперации лежит социальная идея, потому социальное в ее развитии является первичным…"[8]. С. Бабенко считает, что выявление собственной специфики и сути кооперативной системы предусматривает исследование на методологической основе социально-экономического, социально-духовного и социально-интеллектуального анализа, даже если речь идет об исследовании собственно экономических проблем[9].

Рассматривая кооперативные системы как компонент социальной экономики, ряд исследователей акцентирует внимание на понятии "социального капитала". Украинский экономист Г. Стекольщик понятия распространяет социального капитала

[1] Драбовський А. Г. Сучасні інтерпретації кооперативних систем/А. Г. Драбовський//Науковий вісник НЛТУ України. – 2009. – Вип. 19.13. – С. 117

[2] Туган-Барановский М. І. Політична економія : курс популярний/М. І. Туган-Барановский. – К.: Наукова думка, 1994. – С. 221

[3] Чаянов А. Краткий курс кооперации /А. Чаянов. - 4-е изд. – М.: Кооперативное издательство, 1925.

[4] Коберський К. Великі проблеми сучасної економічної політики/К. Коберський. – Львів, 1934.

[5] Злупко С. М. Економічна думка України (від давнини до сучасності)/С. М. Злупко. – Львів: ЛНУ, 2000. – С. 394

[6] Бородаєвський С. В. Історія кооперації/С. В. Бородаєвський. – Прага, 1925.

[7] Злупко С. М. Економічна думка України (від давнини до сучасності)/С. М. Злупко. – Львів: ЛНУ, 2000. – С. 394–395

[8] Апопій В. Проблеми сучасного розвитку національного кооперативного руху//Українська кооперація. Історичні та соціально-економічні аспекти. – Львів, ЛКА. – 2001 – Т. 2. – С. 76.

[9] Бабенко С. Г. Концептуальні підходи до розвитку національного кооперативного руху у XXI столітті//Національний кооперативний рух та структурні зміни в економіці України XXI століття. Зб. наук. праць. – К.: Укоопосвіта, 2001. – С. 29

также на потребительскую кооперацию, рассматривая социальный капитал как особенный, построенный на принципах норм нравственности и экономности систему институтов и отношений между людьми, обществом и природой, которая опирается на международном уровне одобренные ценности, этичные стоимости, принципы[1].

Нравственность в экономическом смысле означает рациональное использование ограниченных экономических ресурсов, рационализацию потребностей, предотвращения нанесения вреда окружающей среде через экономическую деятельность. Относительно нравственности в сфере кооперативной деятельности, то она предусматривает нацеленность ее на экономию ресурсов и уменьшение расходов членов кооперативов, а также на обеспечение их качественными, экологически чистыми продуктами.

Именно в сбалансировании соотношения между экономикой и социальными ценностями, в приоритете духа солидарности видится чрезвычайная своевременность развития кооперативных систем, превращения их в основу европейского содружества в целом. Заметим, что ценности, на которые опирается кооперация, определены в заявлении XXXI конгресса Международного Кооперативного Альянса 1995 года. К ним относятся, как взаимопомощь, ответственность, демократия, равенство, справедливость и солидарность. Соответствии с традиций основателей, кооператоры верят в этичные ценности, такие как честность, открытость, социальная ответственность и беспокойство о других[2].

По нашему мнению, логическое сочетание экономического и социального аспектов оказывается в развитии кооперативных систем в глобальном пространстве. В развитии Международного кооперативного движения прослеживаются такие закономерности: первая — кооперативное движение развивается, охватывая страны с разными экономическими системами и общественными строями; вторая — по мере углубления рыночных процессов, десоциализации общества растут масштабы кооперации, активизируется и расширяется кооперативное движение; третья — в развитии международного кооперативного движения приоритет имеет социальная миссия[3].

Выводы. Таким образом, кооперативные системы выступают как единство хозяйственной, социально-экономической и социально духовной деятельности людей-владельцев с целью удовлетворения по большей части собственных потребностей. Это позволяет анализировать как экономические, так и социально-духовные аспекты кооперативной деятельности, которая способствует, с одной стороны, формированию более широких кооперативных систем, а из другой — создает возможность для углубленного анализа собственно экономической сферы через призму не только социально-духовных, но и политических факторов.

Мера социализации экономического исследования кооперативных систем зависит от того, насколько эти системы являются развитыми и сложными. Поскольку простые кооперативные системы характеризуются ограниченным влиянием социально-духовных и политических факторов на экономическую сферу, то достаточным может быть, на наш взгляд, только экономический анализ. В противовес этому сложные кооперативные системы характеризуются ощутимым влиянием технологических, социально-духовных, общественно-политических факторов на функционирование системы и достижение ее целевой функции. Это обусловливает необходимость интегрального за своим характером экономического исследования, которое не может ограничиваться только экономическим материалом, приобретая при этом новое качество и репрезентативность.

Список литературы:

1. Апопій В. Проблемы современного развития национального кооперативного движения/В. Апопій//Украинская кооперация. Исторические и социально-экономические аспекты. — Львов, ЛКА. — 2001 — Т. 2. — С. 75–79.
2. Бабенко С. Г. О типичных деформациях кооперативных систем в переходных экономиках/С. Г. Бабенко//Вестник Львовской коммерческой академии. Серия экономическая./Сборник научных трудов (за материалами второй Международной економетричної конференции "Экономические методы и модели в экономике: теория и практика"). — Львов, Коопосвіта, 2001. — Вип. 11. — С. 226–235.
3. Бабенко С. Г. Концептуальные подходы к развитию национального кооперативного движения в XXI веке/С. Г. Бабенко//Национальное кооперативное движение и структурные изменения в экономике Украины XXI век. Зб. наук. трудов. — К.: Укоопосвіта, 2001. — С. 28–33.
4. Башнянин Г. І. Экономические системы: Монография. Т. 1./Г. І. Башнянин. — Львов: ЛКА, 2006. — 484 с.
5. Бородаєвський С. В. История кооперации/С. В. Бородаєвський. — Прага, 1925.
6. Гелей С. Д. Теория и история кооперации/С. Д. Гелей, Р. Я. Пастушенко. — К.: Знание, 2006. — 513 с.
7. Горбонос Ф. В. Кооперация: методологические и методические основы/Ф. В. Горбонос. — Львов: ЛАДУ, 2003. — 264 с.
8. Драбовський А. Г. Современные интерпретации кооперативных систем/А. Г. Драбовський//Научный вестник НЛТУ Украины. — 2009. — Вип. 19.13. — С. 116–121.
9. Коберський К. Большие проблемы современной экономической политики/К. Коберський. — Львов, 1934.
10. Кооперативы: альтернативная модель бизнеса для лучшего руководства и устойчивого развития. Материалы региональной ассамблеи международного кооперативного альянса и ассоциации кооперативов Европы, которая проходила 9–11 ноября в манчестере (Великая Британия). — Вести. — 2006. — № 49. — С. 4–5.
11. Злупко С. М. Экономическое мнение Украины (от давности к современности)/С. М. Злупко. — Львов: ЛНУ, 2000. — 496 с.
12. Михальський Ю. В. Положение и перспективы развития украинской кооперации в условиях глобализации и мирового экономического кризиса/Ю. В. Михальський [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc Gum/Vlca/Gum/2009_8/15.pdf.

[1] Скляр Г. П. Економічні умови і протиріччя розвитку споживчої кооперації в перехідній економіці. Монографія. – Полтава: РВВ ПУСКУ, 2008

[2] International Co-operative Alliace Sistement on the Co-operative Indentity//Review of International Cooperation. – Vol. 88. – № 4.

[3] Михальський Ю. В. Положение и перспективы развития украинской кооперации в условиях глобализации и мирового экономического кризиса [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc Gum/Vlca/Gum/2009_8/15.pdf

13. Пастушенко Р. Я. Идея кооперирования потребителей в национальной кооперативной идеологии и общественном сознании украинцев Галичины (вторая половина XIX — начало XX ст.)/Р. Я. Пастушенко//Вестник ЛКА. Гуманитарные науки. Вип. 4. — Львов: изд-во ЛКА, 2002. — С. 292–318.
14. Стекольщик Г. П. Экономические условия и противоречия развития потребительской кооперации в переходной экономике. Монография/Г. П. Стекольщик. — Полтава: РВВ ПУСКА, 2008. — 279 с.
15. Социальное измерение экономических процессов. Под редакторши д. э.н. Ю. Г. Павленко, д. э.н. И. В. Соболевой. — М.: РАН, ИЭ, 2009. — 280 с.
16. Теория капитала и экономического роста. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 400 с.
17. Туган-Барановский М. И. Политическая экономия: курс популярный/М. И. Туган-Барановский. — К.: Научная мысль, 1994. — 264 с.
18. Чаянов А. Краткий курс кооперации/А. Чаянов. — 4-ое изд. — М.: Кооперативное издательство, 1925. — 80 с.
19. Ушкаренко Ю. В. Идентификация понятий «кооперативное движение» и «кооперативная система»/Ю. В. Ушкаренко, В. І. Грек//Научно-технический вестник НЛТУ Украины. — 2011. — Вип. 21.7. — С. 374–377.
20. Экономическая теория/Под редакторши Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М.: ИНФРА-м, 2004. — 944 с.
21. International Co — operative Alliace Sistement on the Co — operative Indentity//Review of International Cooperation. — Vol. 88. — № 4.

Jollibekova Indira Bahitovna, National University of Uzbekistan
Senior researcher of the department of the "World history"

Peculiarities of development of international economic relations of the Republic of Karakalpakstan on the modern stage

Getting to the coverage of the topic, to understand the development of international economic relations of the Republic of Karakalpakstan during the years of independence. At the present stage one of the important issues of historical research is the study of the history of the progress and results of the international economic relations of the Republic of Karakalpakstan. Conclusions and generalizations can make up in some extent the gaps in the modern history of the Karakalpak people.

Gaining independence enabled Uzbekistan and Karakalpakstan with it to own not only internal, but also external economic policy. It became possible directly and openly enter the international market, and set their own direct external communication. In the early 90-ies of XX century in the economy of the Republic of Karakalpakstan dominated agricultural sector. Industry was not very developed, per capita the industrial output is produced in 2.5 times less than the average for Uzbekistan. The structure of industrial production in Karakalpakstan is as follows: 70% of the volume came from three sectors: electricity, cotton and grain mill industrial.

Karakalpakstan possesses significant mineral and raw materials and human resources for the rapid development of the industry. In the republic there are rich deposits of marble, granite, talc, limestone, and sodium salts. In practice, they were not prepared or were in the early stages of use.

In the development of the industry seldom used the features of industrial complex. The country annually produced 270–300 thousand tons of cotton, 200–250 tons of paddy, a large number of fruit and vegetable production, silkworm cocoons, licorice root.

In the light industry of the Republic of Karakalpakstan envisaged the venture for production of hosiery, reconstruction and of TURTKUL factory. These and other measures have helped to increase the volume of exports by the industry to 4.8 million by 2000, ie, increase compared to the 1997 level by 3.4 times.

Official economic agreements between Uzbekistan and Turkey, signed 19 documents on cooperation with China on March 13, 1992, South Korea on June 17, 1992, Malaysia on June 20, 1992, Pakistan on 13 August 1992, Iran on November 25, 1992, and others have paved the way for the independent cooperation of the republic with these countries. On February 23, 1992 at the international level between the Government of Karakalpakstan and the Turkish corporation "Yazeks" in the person of a textile director Yurakli Ahmed Nafi was signed a contract, result of which became the decision to start construction of largest plant for the production of textile industry in Nukus[1]. In accordance with the Presidential Decree of 21 January 1994 "On measures to further deepen economic reform, the protection of private property and business development" was made re-registration of closed joint stock company "Kateks" in a public company, which was held a general shareholders' Meeting and the necessary changes in the constituent documents of JSC "Kateks"[2].

It became the first textile complex, not only in Karakalpakstan and in Uzbekistan, working on the principle of "Cotton field — finished products of international standards."

Continuation of business cooperation with the Turkish corporation became the facility of other textile complex of stock company "Ellikkala Textile Company"[3] (JSC "Eltex"). For the first time in Karakalpakstan were established technology company of full cycle. In 1996 he was put into operation two small bakery in stock association "Karakalpakhleboprodukt" equipping by the German firm "Winkler", shop for the production of alcohol in the joint-stock company "Nukus University factories." In polygraph plant of Nukus city was installed the modern equipment of German company "Heidelberg", in the result of that was significantly improved the quality of newspapers and magazines and books.

In the economic and social development of the country in 1996, major construction has invested nearly 13 billion soums of investments, as compared to 1995 is 131 percent. Of them — was commissioned fixed assets worth about 11 billion soums. There

[1] Conduct of Karakalpakstan, 1992. - № 14. - February 27

[2] Archive Jokargy Kenes of Karakalpakstan, fund 35, inventory 1, the case 6, 128–154 pages.

[3] Erkin Karakalpakstan. 1992. Number 29. - 25-Aug.

were built Kungrad Soda Plant[1], the second stage of the pipeline "Gazley-Nukus", built a railway line "Navoi-Uchkuduk-Miskin-Sultanuizdag" section of the road, "Miskin-Sultanuizdag"[2]

In 1999, the NGO "Center for the farmer," supported by the German Counterpart Consortium has established a resource center for farmers, and in Nukus was carried out the seminar, aimed at solving problems related to soil salinity in the region. It was attended by Chairmans of the Association of farms of Karakalpakstan.

Among the major exporters were the enterprises which processed the raw materials — Uzbek-German JV "Beruniyteks" (cotton yarn), Karakalpak, Russian JV "Igilik-gas" (kerosene) and enterprises, exporting raw materials — JSC "Karakalpak Boyan" (licorice root). In the development of the economy of Karakalpakstan special role played a number of large industrial enterprises, among which an important place takes the manufacturing enterprise Kungrad soda plant, which was built according to the decree of the Cabinet of Ministers of Uzbekistan on March 2, 1995 "On the construction Kungrad soda plant."[3]

Kungrad soda plant was put into operation in August 2006. Today the company has reached a 80% of design capacity, which is 100 thousand tons of soda ash per year.

The plant was built in conjunction with the Chinese engineering company Citic Pacific Ltd. which under contract with "Uzkhimprom" projected and "turnkey" built of technical process of the plant costing $ 32.3 million. The technological part of the project was financed by a loan from the Industrial and Commercial Bank of China, under the cover of Chinese corporation of export-credit insurance (90% of the contract value) and credit Uzbek "UPSB" (10% of the contract value) under the guarantee of the Uzbek government.

In order to assist in the implementation of the products for export business offers of companies of the region were sent to foreign trade companies MFERIT of Uzbekistan. The official website of the Government of the Republic of Karakalpakstan contains information about companies — potential exporters of the country.

In the country's economic division, Karakalpakstan was presented by the production of cotton fiber and oil, karakul sheepskin, wool, meat, cocoons and fish products. The structure of industrial production of the Karakalpak Republic is the following: 70% of the volume came to three sectors — energy, cotton and milling industry.

Grain, oil, timber, agricultural machinery, fertilizers, textile products, etc were imported in the republic.

Feature of the economic development of the Republic of Karakalpakstan during the first years of independence was the successes of agriculture related to the reconstruction and commissioning of new industrial enterprises. With no domestic investment and seed capital to modernize the economy, Karakalpakstan was forced to turn to the exploitation of its rich mineral resources, especially natural gas reserves in Ustyurt, deposits of iron, phosphate, marble, granite, talc, limestone, and sodium salts. On the bare bottom of Aral Sea have been found large reserves of oil, titanium — magnetite ore. All these deposits were discovered and preserved under the Soviet Union.

So there was gas industry, chemical industry, building materials, textiles, food processing and other industries. As a result of cooperation between the Republic of Karakalpakstan and Turkey in 1993 in Nukus was commissioned the first ever Uzbek textile complex "Kateks" power of 4.5 million pieces of knitwear in the year, and in 1994 was other textile complex — JSC "Eltex "- company Ellikalinskaya textile company, is designed to produce 6 million pieces of denim products annually. At the built enterprises have been installed the equipment of Italian firms.

From 1997 to establish mutually beneficial relationships with businesses in the Republic of Karakalpakstan there were more foreign businessmen to come. In the Republic of Karakalpakstan operated 189 enterprises, and on the beginning of 2007 their number was equal to 47.

Since independence in Karakalpakstan were such companies as the only one in Central Asia Kungrad soda plant (built jointly with China), Hodzheliysky glass plant, Kungrad carbide factories, flour mills and cable plants in Nukus, who make an invaluable contribution to the industrial potential of a sovereign republic. Among the major exporters for enterprises in the processing of raw materials are — Uzbek — German Joint Venture "Beruniyteks" (cotton yarn), and enterprises, that export raw materials — JSC "Karakalpakboyan" (Liquorice).

For further economic development of the Republic of Uzbekistan, improving links with the neighboring countries, great importance is given to the construction of the railway Navoi — Uchkuduk — Sultanuizdag — Nukus length of 342 km and highway Tashkent — Bukhara — Nukus — Muynak; Kungrad — Beineu. Thus, the state independence has enabled the Republic of Uzbekistan, and the Republic of Karakalpakstan with it to own not only internal, but also external economic policy. It became possible directly and openly enter the international market, and set their own direct external economic relations.

References:

1. Conduct of Karakalpakstan, 1992. — № 14. — February 27
2. Archive Jokargy Kenes of Karakalpakstan, fund 35, inventory 1, the case 6, 128–154 pages.
3. Erkin Karakalpakstan. 1992. Number 29. — 25-Aug.
4. Archive Jokargy Kenes of Karakalpakstan, fund 35, inventory 1, the case 161, page of 109.
5. Karakalpakstan XIX asirdin ekinshi yariminan XXI asirge shekem. — Nukus: Karakalpakstan, 2003.
6. Kosnazarov M. Reforming the economy — the basis of MBCHP//Economic Bulletin of Uzbekistan, 2007

[1] Archive Jokargy Kenes of Karakalpakstan, fund 35, inventory 1, the case 161, page of 109.

[2] Karakalpakstan XIX asirdin ekinshi yariminan XXI asirge shekem. - Nukus: Karakalpakstan, 2003. – page of 409

[3] Kosnazarov M. Reforming the economy - the basis of MBCHP//Economic Bulletin of Uzbekistan, 2007. - № 9–10. 99–102 pages

Tatiana Ivanova, PhD, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University, Institute of Mathematics and Informatics
Иванова Татьяна Александровна, Кандидат экономических наук, доцент
Московский государственный педагогический университет, институт математики и информатики.

The density of the normal distribution, the difference between the first, second and n-dimensional order

Плотность нормального распределения, как разность первого, второго и n-мерного порядка

Плотность нормального распределения отличается от значения функции нормального распределения тем, что показывает какое количество объектов приходится на единицу признака нормального распределения.

Плотностью называется частота признака приходящееся на единицу варианты.

$(X_{i+1}-X_i)$ — D — разность первого порядка

$(X_{i+1}-X_i)^2$ — Δ^2 — разность второго порядка (разность из разности, то есть разность остатков первого порядка).

Квадрат разности применяется в формуле функции плотности нормального распределения — функции Лапласа:

$Y=\frac{1}{\sqrt{2}}e^{-\frac{1(x_i-\bar{x})^2}{2}}$ где $\sqrt{2\Pi}$ полная окружность ($2\cdot 180^{o}$), корень снимает уменьшение дробного выражения, и наоборот увеличивает на квадратную степень.

Данная формула показывает распределение результатов второго сравнения- оставшихся значений от усредненного эталона (линейный тренд)- разность первого порядка, приходящаяся на единицу площади окружности.

Плотность связана с количеством объектов (n_i) признака, приходящееся на единицу результативного значения фактора.

Так бисериальный (би — две серии) коэффициент имеет такую формулу расчета:

$$r_b=\left(\frac{\bar{x}_1-\bar{X}}{\sigma_x}\right)\cdot\frac{n_1}{n_1+n_2}\cdot\frac{1}{Z_k}$$

Где s_x — среднеквадратическое отклонение, определяющееся по формуле: $\sigma=\sqrt{\frac{\sum\left(x_i-\bar{x}\right)^2}{n}}$;

$\overline{X}_1$ — средняя по признаку X_1; $\overline{X}$ — общая средняя по двум признакам; n_1, n_2-количество объектов с признаком X_1 и X_2.

Z_k — плотность нормального распределения в точке k, причем необходимо найти такое k, что бы $1-F\left(k\right)=\frac{n_1}{n_1+n_2}$

F(k) — функция нормального распределения основного результативного, изучаемого признака.

Коэффициент покажет сопряженность двух показателей, через количество объектов (частота случаев) в двух группах признаков приходящихся на единицу функции У. Зависит от количества (градации) факторного признака, так как плотность покажет среднее распределение внутри основного признака при переходе на каждую следующую единицу измерения.

Рассмотрим таблицу функции плотности нормального распределения с первыми и вторыми разностями.

X	Y	Δ^1 (-)	Δ^2	X	Y	Δ^1 (-)	Δ^2
0,0	0,39894	199	-392	2,5	0,01753	395	+79
0,1	0,39695	591	-374	2,6	0,01358	316	+66
0,2	0,39104	965	-347	2,7	0,01042	250	+53
…	……	…	…	…	……	…	…
0,7	0,31225	2256	-101	3,2	0,00238	66	+17
0,8	0,28969	2350	-52	3,3	0,00172	49	+13
0,9	0,26609	2412	0	3,4	0,00123	36	+10
1,0	0,24197	2412	+46	3,5	0,00087	25	+7
…	……	…	…	…	……	…	…
1,5	0,12952	1850	+173	4,0	0,00013	4	–
1,6	0,11092	1687	+177	4,1	0,00009	3	–
1.7	0,09405	1510	+177	4,2	0,00005	2	–
1,8	0,07895	1333	+170	4,3	0,00004	2	-
…	……	…	…	…	……	…	…
2,3	0,02833	594	+108	4,8	0,00000	–	–
2,4	0,02239	486	+91				

В разности первого порядка линия регрессии идет волнообразно от большего к меньшему сверху вниз и затухание (согласно функции антилогарифма); в разности второго порядка наоборот от меньшего к большему сверху вниз таблицы и затухание (согласно функции антилогарифма).

Квадратические функции широко применяются в социально-экономическом анализе. Они незаменимы при определении количественной нагрузки на единицу площади поля корреляции, так как площадь определяется формулой S^2.

В таблице представлены расчеты Y, с переменным X по формуле:

$Y = \frac{e^{-\frac{1(x_i)^2}{2}}}{\sqrt{2\Pi}}$ (знаем, что $e^{\frac{1}{2}x} = \frac{1}{\sqrt{e^x}}$; $e^1 = 2{,}72$)

$Y = \frac{1}{\sqrt{2\Pi}} \cdot \frac{1}{\sqrt{e^x}} \Pi$, как радианная мера- длина дуги в относительном уложении радиусов = 3,1416, тогда

$$Y = \frac{1}{\sqrt{2 \cdot 3{,}1416}} \cdot \frac{1}{\sqrt{2{,}72^x}}, \text{ если x=1, } Y = \frac{1}{\sqrt{2\Pi}} \cdot 0{,}606; \; 0{,}399 \times 0{,}606 \approx 0{,}242$$

Обычно X имеет природу порядковых шкал. Эта переменная дискретная величина прерываемая в предварительно заданных местах. Величина X задает ритм, темп прироста плотности нормального распределения. По отношению к значению заданной фактически функции Y по ординате Y, абсцисса X-пассивна, постоянна, не претерпевает изменения.

Плотность нормального распределения покажет нагрузку на единицу значения качественной функции Y, экспоненты площади X, имеющего количественную природу. Причем Y является по свой сути единичным отрезком, имеющим значение изменения в десятках долей (0,1). На этот единичный отрезок и определяется количественная нагрузка площадей X, изменяющихся по экспоненте.

Функция антилогарифмов e определяет форму Y (при использовании разностей) параболы (логарифмические «лепестки») с учетом ускорения или затухания во времени, так как Y имеет выравнивание по убывающей регрессии или возрастающей положительной прогрессии, с учетом разности в интенсивности природы убывания (см.разности первого и второго порядка).

В формуле бисериального коэффициента задействована функция нормального распределения, причем интеграл не меняет значение степени экспоненты, но собирает (объединяет)в единую цепь заданные пошаговые переходы X ($Y = \int_{-\infty}^{x} \frac{1}{\sqrt{2\Pi}} e^{-\frac{1(x_i-\bar{x})^2}{2}} dx$). Ее обычное значение после переменного признака X равного 1,3, является 0,9 или 0,99999… ($0{,}9^4 9$…). В основе функции нормального распределения лежит закон больших чисел- что означает при нормальном распределении 1-F (x) имеет стремление к сколь угодно полному заполнению общего объема одним признаком, элиминируя случайность отклонений- второй признак (P+Q=1 или Q + F (x)=1). Это действие называется сглаживанием отклонений.

Широко используемый в социально-экономическом анализе регрессионный анализ основывается на том, что бы найти способ выявления значимой зависимости рассматриваемых величин за счет взаимного погашения воздействия случайных факторов. Задача регрессионного анализа заключается в установлении регрессионного уравнения отражающего зависимость между двумя величинами (обычно одной случайной и одной неслучайной). Часто связь между социально-экономическими признаками оказывается линейной, то есть исключающей вариации (отклонения). Для наглядности связей социально-экономических признаков строятся диаграммы рассеивания двумерных данных — поля корреляции (так часто составляются динамические карты крупных экономических макропоказателей и социальных индикаторов).

Зависимость социально-экономических признаков, при которой изменение одной из величин влечет за собой изменение условных средних другой, называется корреляционной. Строгая прямая или обратная связь тождественна потоку средних значений признака.

Таблица функции нормального распределения и плотности нормального распределения необходимы для выполнения закона линейности признаков, что позволяет полностью определить социально-экономическое явление в терминах взаимная сопряженность (совпадение) или инвариантность, без использования таких понятий как дисперсия, среднеквадратическое отклонение и т. д. и их обязательного вычисления.

Список литературы:

1. ПаниоттоВ. И., Максименко В. С.- «Количественные методы в социологических исследованиях»; Киев:, Наукова думка; 2002.
2. Цыба В. Т. «Математико-статистические основы социологических исследований»; М., Финансы и статистика; 2001.
3. «Статистический словарь»; М.:, Энциклопедия, 2009.

Ilyash Olga Igorevna, PhD (Econ.), associate Professor of the Department of economy of enterprise,
Grinkevich Svetlana Stepanovna, PhD (Econ.), associate Professor of the Department of economy of enterprise,
Halkiv Lyubov Ivanovna, Ph. D., associate Professor of the Department of econometrics and statistics,
Lviv commercial Academy
Иляш Ольга Игоревна, к. э.н., доцент кафедры экономики предприятия,
Гринкевич Светлана Степановна, к. э.н., доцент кафедры экономики предприятия,
Галькив Любовь Ивановна, к. э.н., доцент кафедры эконометрики и статистики,
Львовская коммерческая академія

Priority directions of ensure effective use labor potential of Ukraine in European integration processes

Приоритетные направления обеспечения эффективного использования трудового потенциала Украины в условиях евроинтеграционных процессов

Необходимость изучения влияния евроинтеграции на использование трудового потенциала страны и ее регионов обусловлено общей значимостью данного процесса в общественной жизни. Это очевидно, ведь важным фактором внутренних

социально-экономических и политических преобразований выступают глобализационные и интеграционные процессы, сопровождающиеся обострением международной конкуренции [1]. Существенное влияние на трудовой потенциал осуществляет мировое геополитическое пространство, которое непрерывно расширяется и на основе глобального киберпространства. И вообще, факторы пространства и времени почти не имеют значения в коммерции [2]. В таких условиях возможности трудовой мобильности населения и экономической деятельности существенно возрастают и позволяют преодолевать границы без их физического сечения, значительно дифференцирует возможные направления использования трудовых потенций.

Вопрос влияния интеграционных процессов в целом и евроинтеграции в частности на использование трудового потенциала Украины является актуальным в силу многочисленных противоречий во внешних ориентирах и необходимости четкой направленности в государственной внешней политике. Несмотря на все текущие проблемы евроинтеграции, евроинтеграционный выбор остается приоритетным. Так, на самом управленческом уровне регламентировано, что последовательное и эффективное использование механизмов сотрудничества с ЕС может стать базисом устойчивого экономического развития нашего государства, основой стратегии реформирования всех основных сфер общества и внедрение европейских стандартов с целью повышения качества жизни населения Украины [3]. Поэтому важно более глубоко исследовать, насколько евроинтеграционные процессы влияют на использование трудового потенциала Украины с точки зрения его эффективности с прослеживанием позитивного и отрицательного влияния на рост трудовой мобильности экономически активного населения.

Влияние евроинтеграции на трудовой потенциал страны в общем сводится к следующим трем базовым векторам — заимствованию опыта, изменению конкурентной среды и повышению трудовой мобильности. Здесь следует понимать, что фаза использования трудового потенциала имеет свои специфические особенности и важно оценить влияние евроинтеграционных процессов на трудовой потенциал, сосредоточиться на тенденциях распределения и перераспределения экономически активного населения [4].

Важность евроинтеграции Украины в контексте ефективизации использования ее трудового потенциала прежде формируется в стремлении к высоким стандартам социально-трудовых отношений с лучшими условиями среды ведения предпринимательской деятельности. Важно понимать, что европейская интеграция не является самоцелью, это средство для достижения Украиной европейских стандартов развития государства, благосостояния граждан, открытости и ответственности власти [5]. Обязательным условием здесь является преодоление разрывов в доходах экономически активного населения. Усиление таких разрывов является свидетельством неразвитости социально-трудовых отношений с распространением ряда асоциальных проявлений, что существенно деструктивирует эффективность использования трудового потенциала страны.

Возможности эффективного использования потенций означает не только осуществление трудовой деятельности, которая не допускает их повреждения (обеспечение безопасных условий труда), но и получение достойного дохода с созданием благоприятных условий для реализации личностных способностей, т. е. формирование, адаптацию должности (рабочего места) конкретно под специфические особенности данного работника. В случае, если разрыв между населением по уровню доходов приобретает колоссальный разрыв и значительная часть национального богатства концентрируется в руках нескольких процентов лиц, возможности эффективного использования трудового потенциала значительно ухудшаются. Подразумевается, что носитель трудового потенциала, даже при наличии исключительного таланта и уровня интеллектуального развития, не будет иметь полную возможность осуществлять трудовую деятельность без продвижения со стороны лица, которое имеет соответствующие рычаги влияния и достаточный уровень дохода. При таких условиях, конкурентная среда на региональных рынках труда по сути нивелируется, формируя вместо этого устойчивую систему неформальных договоренностей и контактов.

Следующим важным аргументом в пользу евроинтеграции в контексте обеспечения эффективного использования трудового потенциала страны будет возможность заимствования европейского опыта по созданию благоприятной среды трудовой деятельности. При таких условиях чрезвычайно положительно срабатывает принцип наследования стран с высокими стандартами социально-трудовых отношений, что позволит постепенно искоренить склонности к необоснованному использованию трудовых потенций с отсутствием концептуальных управленческих подходов в обеспечении их дальнейшего развития.

Еще один аргумент в пользу евроинтеграции — возможности развития будущих поколений, которые уже абсолютно видоизмененно воспринимают ценность трудовой деятельности, в том числе по соотношению «усилие — время — доход». Для Украины накануне вступления в ЕС очень большая ответственность лежит на поколении, которое будет искать место государства в условиях глобализации. Это поколение должно быть конкурентоспособным в знаниях, мобильности, языковой среде. А для этого нужно развивать собственную систему образования, повышать ее качество, а также принимать меры для сохранения самобытности своей культуры, в том числе на региональном уровне, и в то же время сделать Украину частью и достоянием общей мировой культуры [6].

Таким образом, евроинтеграционные процессы предъявляют новые требования к образовательной потенции и априори формируют установки молодежи к освоению соответствующих знаний и навыков для того, чтобы быть конкурентоспособными на европейском рынке труда. Обычно такие вызовы существенно детерминируют трудовой потенциал в фазе его

---

[1] Буркальцева Д. Д. Инвестиционные источники как фактор модернизации экономики Украины в рыночных условиях (государственно-регулятивные основы): Автореф. дис. на соискание наук. степени канд. эконом. наук: спец. 08.00.03 «Экономика и управление национальным хозяйством»//Д. Д. Буркальцева. — Киев, 2008. — С. 7.

[2] Михасюк И. Р. Глобализация и регионализация: место Украины/И. Р. Михасюк//Региональная экономика. — 2012. — № 4. — С. 9.

[3] Модернизация Украины — наш стратегический выбор: Ежегодное Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины. — М.: НИСИ, 2011. — С. 147.

[4] Салун М. М. Воспроизведение и модернизация трудового потенциала предприятия (территории): Монография/Н. Н. Салун. — М.: Изд. ХНЭУ, 2011. — С. 42.

[5] Павленко Ростислав. Европауза и Азиопинтеграция/Мир в 2012 году. Украинский выпуск//Гл. ред. С. Литвиненко. — Киев, 2012. — С. 131.

[6] Михасюк И. Р. Глобализация и регионализация: место Украины/И. Р. Михасюк//Региональная экономика. — 2012. — № 4. — С. 10.

формирования, однако по использованию важные с точки зрения возможностей реализации потенций с одновременным выявлением лучших условий трудовой деятельности.

С другой стороны, значимость евроинтеграции для молодого поколения является важной, потому что сегодня абсолютное большинство украинских, особенно молодежи, поверили в европейскую мечту. И отказ от мечты в условиях нынешней нищеты может стать детонатором грандиозного взрыва [1]. Поэтому можно утверждать о важности евроинтеграционных процессов в контексте видоизменения мировоззренческих основ молодого поколения в Украине с четко выраженными проевропейскими симпатиями. Отказ же от перспектив евроинтеграции и внедрение лучшего опыта развития социально-трудовых отношений может существенно подорвать мотивацию молодежи к получению соответствующего уровня знаний, умений и навыков и дальнейшего их продуктивного применения.

Таким образом, аргументированность в пользу евроинтеграции Украины лежит в экономической, социально-политической и мировоззренческой плоскостях. Последняя базируется как на восприятии гражданами Украины перспектив евроинтеграции для роста собственного благосостояния, так и граждан Еврозоны относительно особенностей уклада, образа жизни, ведения предпринимательской и осуществления трудовой деятельности в Украине. Здесь важно постепенное преодоление восприятия работника-гражданина Украины (постепенно трансформируется в устойчивый стереотип для европейца) как дешевой, недостаточно квалифицированной рабочей силы, которая подвержена ассимиляции и для которой характерно абсолютное доминирование материальных ценностей.

Положительные воздействия евроинтеграции Украины будут проявляться через создание более благоприятных условий трудовой деятельности и недопущения углубления асоциальных проявлений в сфере социально-трудовых отношений (табл. 1). Вместе с тем, важно понимать, что не следует безусловно воспринимать евроинтеграцию как абсолютно позитивный процесс вхождения Украины в европейское пространство с множеством преимуществ для использования трудового потенциала страны и ее регионов. Такие преимущества можно достичь лишь при условии четкой, последовательной урегулированности данных процессов.

Таблица 1

Аргументы в пользу евроинтеграции Украины в контексте эффективности использования ее трудового потенциала

№ з/п	Аргумент в пользу евроинтеграции	Влияние на эффективность использования трудового потенциала
1	Подражание опыта стран с высоким уровнем развития социально-трудовых отношений	Создание более благоприятных условий использования трудовых потенций экономически активного населения
2	Понижение воздействий стран с низким стандартам социально-трудовых отношений, заинтересованных в привлечении Украины в совместные интеграционные образования	Формирование нового типа трудового поведения экономически активного населения без асоциальных проявлений с восприятием объективности конкурентной среды региональных рынков труда
3	Укоренение проевропейских взглядов молодого поколения в Украине	Дополнительная мотивированность более продуктивной трудовой деятельности в целях повышения личностной конкурентоспособности на европейском рынке труда
4	Легализация миграционных процессов	Гарантии достойных условий труда экономически активного населения, осуществляющий трудовую деятельность за рубежом с одновременной активной селективной иммиграционной политикой
5	Смягчение субъективных оценок и стереотипов	Восприятие работника с Украины как достойного, высококвалифицированного, равноправного конкурента на рынке труда

Среди указанных в табл. 1 аргументов важной является возможность легализации миграционных процессов. Миграция по использованию трудовых потенций формирует мощную плоскость рисков, которые заключаются в разбалансировании половозрастной структуры населения — риск демографической деформации; болезни «белых воротничков» (нехватка квалифицированных кадров при высоком уровне безработицы) — риск социальной деградации; оттягивании человеческих ресурсов с менее мощных регионов — риск екистико-поселенческой декомпозиции; ухудшении условий труда, чрезмерной эксплуатации — риск экономической дезинтеграции; трудностях трудовой деятельности вследствие неполной социальной адаптации — риск информационной дезориентации [2].

Все указанные риски возникают в основном в связи с существенными недостатками инструментария регулирования миграционных процессов, вследствие чего неконтролируемая миграция собой поглощает значительную часть экономически активного населения, в деструктивных для себя условиях осуществляет трудовую деятельностью с полной адаптацией к новой среде. Неконтролируемость миграционных процессов проявляется также в довольно специфическом рисковом аспекте — распространении болезни «белых воротничков», которая усиливается тенденциями нехватки квалифицированных кадров при высоком уровне безработицы. На эффективность использования трудового потенциала этот факт влияет следующим образом:

— отчуждение от престижных, высокооплачиваемых должностей работников с Украины на предприятиях с иностранным инвестированием лицами из зарубежных стран, что значительно снижает возможности эффективного использования трудовых потенций с осуществлением трудовой деятельности более исполнительного характера;

[1] Михасюк И. Р. Глобализация и регионализация: место Украины/И. Р. Михасюк//Региональная экономика. — 2012. — № 4. — С. 12.

[2] Миграционные процессы в Украине: современные вызовы и региональная специфика: научный доклад по материалам круглого стола «Проблемы защиты прав мигрантов в условиях современного кризиса: макроэкономические и региональные аспекты» (Львов, 17 июня 2009 года)/НАН Украины. Ин-т региональных исследований, [наук. ред. У. Я. Садовая]. — Львов: ИРД НАН Украины, 2009. — С. 10.

— понижение производительности труда работников управленческого аппарата-«белых воротничков» из-за деформации в ценностном восприятии их трудовой деятельности и необходимости эффективного управления персоналом;

— демотивация продуктивной трудовой деятельности рабочих кадров без достаточной конкуренции в соответствующем сегменте рынка труда с распространением асоциальных проявлений в их поведении и практическим отсутствием склонности к повышению уровня профессионализма (развития трудового потенциала).

При эмиграционных процессах в страны ЕС актуализируется риск трудностей трудовой деятельности вследствие неполной социальной адаптации. Обычно это огромный пласт отдельных научных исследований, требует междисциплинарного подхода с применением психологических и социологических приемов. В контексте эффективности использования трудового потенциала проблема социальной адаптации граждан Украины, которые осуществляют свою трудовую деятельность в странах-членах ЕС, стоит очень остро. По сути единственным действенным институтом, который предоставляет таким лицам хоть какую-то поддержку, является церковь (в отдельных случаях — общественные организации). При таких условиях следует усилить влияние официальных представительств Украины за рубежом и даже в отношении тех лиц, которые осуществляют там свою трудовую деятельность на нелегальных или полулегальных основаниях. Это позволит избежать абсолютных потерь трудового потенциала таких лиц через недопущение против них жестких нарушений норм трудового права и различных психологических отклонений, которые могут привести к полной или частичной потере трудоспособности.

На самом деле, преодоление риска трудностей трудовой деятельности вследствие неполной социальной адаптации не является ресурсозатратной. Более того, данное направление сотрудничества между Украиной и ЕС активно позиционируется через предложение различных целевых программ. И сами страны-члены ЕС заинтересованы в таком сотрудничестве, ведь граждане Украины, которые осуществляют там свою трудовую деятельность, является важным сегментом европейского рынка труда как в высокопрофессиональных сферах, так и в нуждающихся рабочих специализаций.

Таким образом, евроинтеграция для Украины, несмотря на все экономические трудности Еврозоны, является важным процессом, который прямо детерминирует возможности использования трудового потенциала страны и ее регионов. В первую очередь это проявляется в контексте перераспределения экономически активного населения, которого в нынешнем глобализированном мире избежать невозможно. При таких вызовах для Украины стоит вопрос иммиграции, который «компенсирует» эмиграционные потери в демографическом, экономическом, социальном, культурном и духовном аспектах. Но опять же здесь кроется множество проблем, ведь сейчас иммиграционный вектор в Украину практически восточный. Таким образом, «компенсация» лиц с проевропейскими взглядами, прогрессивным образом жизни, склонностью к творческой, инновационной деятельности, стремлением высших достижений и достойной оценки труда, с христианскими ценностями осуществляется лицами существенно иного менталитета, образа жизни, со склонностями к физическому недорого оплачиваемому труду, практически не ассимилирующихся в силу генетических особенностей и устойчивых национальных установок, норм, традиций. Такая циркуляция экономически активного населения в Украине в нынешних условиях является мощным деструктивом, который может представлять угрозу существованию украинской нации как таковой в будущем. Поэтому евроинтеграция Украины позволит через легализацию миграционных процессов обеспечить ее официальный статус и, как следствие, большие возможности урегулированности. Формирование высоких стандартов социально-трудовых отношений создаст мощное катализирующее влияние на развитие региональных рынков труда, которые смогут быть полезными и для экономически активного населения-жителей Еврозоны, что, осуществляют на территории Украины свою трудовую деятельность, внедряют лучший европейский опыт. Если же Украина и в дальнейшем через политические противоречия будет оставаться страной с поливекторными внешними ориентирами, то рост иммиграционных потоков азиатского направления составит существенную угрозу генофонду украинской нации.

Итак, аргументированность в пользу евроинтеграции Украины в контексте использования трудового потенциала сводится к:

— возможностям заимствования опыта европейских стран со значительно более высокими стандартами развития социально-трудовых отношений;

— усилению конкурентной среды с формированием установок на более продуктивное использование личностных трудовых потенций и, как следствие, их развитие;

— урегулирование миграционных процессов, которые актуализируются в силу постоянно повышенной трудовой мобильности населения.

Очень важно, что вхождение Украины в ЕС в качестве полноправного партнера позволит оправдать надежды молодого поколения, у которого сформировались проевропейские взгляды на жизнь в целом и трудовой деятельности в частности. Важно, чтобы опыт европейских стран позволил постепенно искоренить многочисленные асоциальные проявления трудового поведения экономически активного населения Украины и детерминировать эффективность использования трудового потенциала.

Список литературы:

1. Буркальцева Д. Д. Инвестиционные источники как фактор модернизации экономики Украины в рыночных условиях (государственно-регулятивные основы): Автореф. дис. на соискание наук. степени канд. эконом. наук: спец. 08.00.03 «Экономика и управление национальным хозяйством»//Д. Д. Буркальцева. — Киев, 2008. — 20 с.
2. Михасюк И. Р. Глобализация и регионализация: место Украины/И. Р. Михасюк//Региональная экономика. — 2012. — № 4. — С. 7–13.
3. Модернизация Украины — наш стратегический выбор: Ежегодное Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины. — М.: НИСИ, 2011. — 432 с.
4. Салун М. М. Воспроизведение и модернизация трудового потенциала предприятия (территории): Монография/Н. Н. Салун. — М.: Изд. ХНЭУ, 2011. — 236 с.
5. Павленко Ростислав. Европауза и Азиопинтеграция/Мир в 2012 году. Украинский выпуск//Гл. ред. С. Литвиненко. — Киев, 2012. — 155 с.

6. Миграционные процессы в Украине: современные вызовы и региональная специфика: научный доклад по материалам круглого стола «Проблемы защиты прав мигрантов в условиях современного кризиса: макроэкономические и региональные аспекты» (Львов, 17 июня 2009 года)/НАН Украины. Ин-т региональных исследований, [наук. ред. У. Я. Садовая]. — Львов: ИРД НАН Украины, 2009. — 45 с.

Kalinkova Irina Y.,
post-graduate (Ph. D. fellow)of Economic Theory Department at
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

The monetary shock's wave-like diffusion cross-analysis through developed countries

"The United States will carefully calibrate the pace of fiscal tightening to ensure that public finances are placed on a sustainable long-run path while avoiding a sharp fiscal contraction in 2013. …By the next Summit, advanced economies agree to identify credible and ambitious country-specific targets for the debt-to-GDP ratio beyond 2016, where these do not currently exist, accompanied by clear strategies and timetables to achieve them."

Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City, 4–5 November 2012

As it was highlighted by the representatives of the countries of the G20 at the International summit in Mexico City, for today all developed economies are experiencing the risks of possible global crisis. Thus, G20 members noted that the rate of growth of the world economy is far behind the expectations; in addition, there is a risk of the delay of the implementation of the decision about the Europe crisis and the sharp decline in government expenditure on the part of the United States[1]. Finally those current anxieties are deeply corresponded with major monetary policy role and targets as well as urgent financial policy measures in the context of fiscal cliff threat.

In the IMF *Staff Position Note*, named "Rethinking Macroeconomic Policy"[2] as of February 12/2010, was made a critical review of the major macro-regulation problems through the years before the crisis of 2007. Thus, an inflation targeting (such as referent 2% level, an inflation expectation stabilization, a permanent interest rate correction, balance effects managing (crucial export/import values changes and capital in/out flows), arbitrage) was marked as desirable and the most efficient target, while financial agency was minimized and lost its consideration object status among macroeconomic stability maintenance and counter-cyclical macroeconomic policy implementation. In general, the current FRS macroeconomic policy innovations are resulted in long-run interest rate manipulation (lowering efforts) and discretionary policy, which is a referent indexes non-oriented policy made by previously announced plan[3].

So, during almost two decades a short-run interest rate was considered as the dominant macroeconomic policy instrument that is directly managed by the Central bank using open-market transactions. Thereby, a government expenditures conjuncture were supposed to be totally in congruence with Keynesian macroeconomic policy concept, which said that money supply immediately affect a real economy considering current price stickiness. However, since 1970s the budget policy has been redirected, by contrast to monetary, as a minor in the macroeconomic stability support, being toughly limited by the range politic factors. Nevertheless, since late 2012 some analytical materials, concerning the accommodation macroeconomic policy, disclosed the program of the fiscal policy renovation while the EU (ten countries-members) had agreed on the procedure of collection of the Financial Transaction Tax or better known as FTT[4] (0.1% on shares and bonds and 0.01% on their derivatives, from each financial transaction), waiting for 40–50 billion euro of revenue in the budget. The idea of such tax introduction belongs to Keynes, who suggested limiting speculative activity on the financial market in favor of "entrepreneurs" that, finally, should minimize the risks of the relevant imbalances occurrence[5]. Since the last world crisis exploded there were debates regarding necessity of such tax burden, while another campaign in favor of the "responsibility tax" or "*Robin Good* Tax" received great support amid Euro zone countries; so more than four out of five of the British and about a thousand of the leading economists of the world officially admitted the financial sector to be responsible for the outcomes of the global crisis.

However, it's worth to highlight that in contrast to the Keynesian program of «casino» occurrence prevention at the market, today an FTT is implementing amid full macroeconomic unbalance. Thus, the IMF's report on October 9th/2012 provides the following dynamic of macroeconomic risks and the assessment of the current economic environment *(see Fig. 1)*. Thus, considering the risk appetite reduction, zero point economic growth forecast and economic shocks spread among the countries of the European periphery, the growth of the general level of macroeconomic risks is determined. In addition, being closely linked with the global cycle, developing economies are also under the high macroeconomic risks pressure[6].

---

[1] G20, 2012., "Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City", Mexico City, 4–5 November 2012.- http://www.g20mexico.org/index.php/en/press-releases/537-final-communique

[2] O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro. "Rethinking Macroeconomic Policy", IMF Staff Position Note, February 2010, SPN/10/03, pp. 2–19, URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1003.pdf

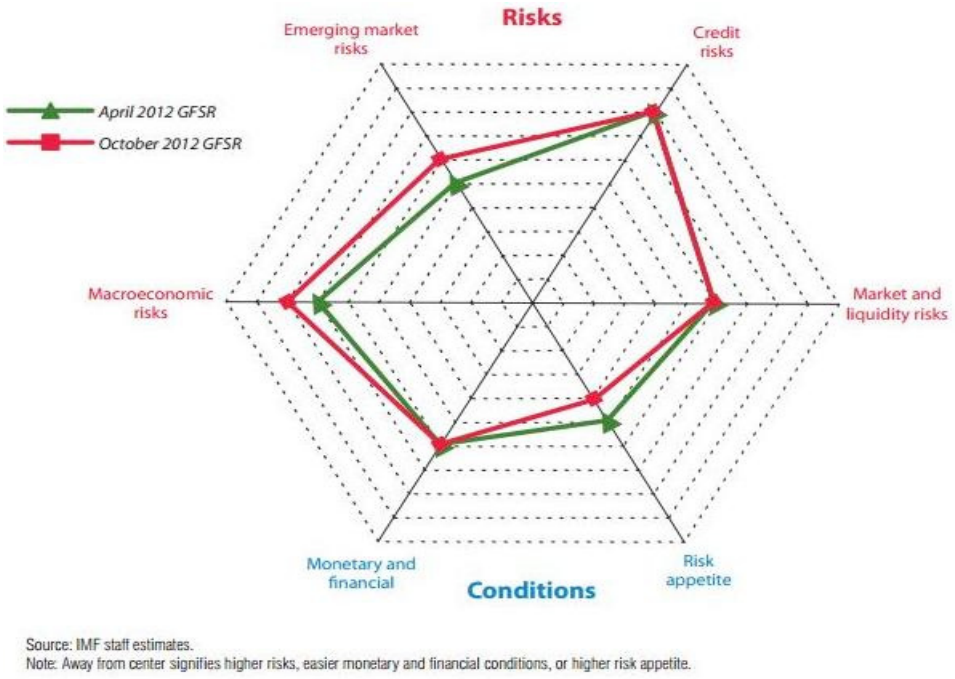
[3] Academically this problem was examined back by David and Christina Romer: co-director of the Program in Monetary Economics at the National Bureau of Economic Research, a member of the NBER Business Cycle Dating Committee and his wife – Council of Economic Advisers former Chairwoman: 1) Romer C. D. Spurious Volatility in Historical Unemployment Data//Journal of Political Economy 94 (February 1986), pp. 1–37. 2) Romer C. D. Is the Stabilization of the Postwar Economy a Figment of the Data?//American Economic Review 76 (June 1986), pp. 314–334.

[4] See URL: http://expert.ru/2012/10/25/novyij-evropejskij-nalog/?n=66992

[5] Dr Stephen Spratt. A Sterling Solution. Implementing a stamp duty on sterling to finance international development//A report for Stamp Out Poverty by Dr Stephen Spratt of Intelligence Capital Limited, Second edition. Stamp Out Poverty, September 2006. – URL: http://www.stampoutpoverty.org/?lid=9889

[6] "Global financial stability report: Restoring Confidence and progressing on Reforms (October 2012)" — Washington, DC : International Monetary Fund, 2012. – 188p. (URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2012/02/pdf/text.pdf)

Figure 1. Global Financial Stability Map

Source: IMF, "GLOBAL FINANCIAL STABILITY REPORT:
Restoring Confidence and progressing on Reforms (October 2012)"

As illustrated, the increase of macroeconomic risks, volatility and vulnerability to the spillover effect among the economic shocks diffusion in developing countries observed, considering their flexibility level, while further policy space and resilience reduction of the economic system will initiate new challenges. The credit and market risks, as well as liquidity risks remained on the same level (compared to April 2012), while generally macroeconomic risks have increased. Moreover, the chart shows that the market is rather flatting, showing new risk appetite lowering (compared to April 2012) on the background of constant financial and, especially, monetary policy performance.

Indeed, in the post-crisis period, the Fed's Governors have implemented quasi-theoretical approach to the accommodative monetary policy which is considerably adopted points of M. Friedman's and Chicago school academic experience. It is Friedman who believed that for the economic stabilization widely used policy of the Federal Reserve should exist, rather than direct government expenditures, which, however, may also affect the level of employment in the country. Thus, P. Krugman in his article in New York Times "How did Economists get it so wrong?" said: "In fact, rereading Friedman's 1970 summary of his ideas, "A Theoretical Framework for Monetary Analysis," what's striking is how Keynesian it seems"[1]. Also, the classic of Chicago Monetarism School never agreed with the postulates of the "voluntary unemployment", but his idea of the "necessity" of economic recessions is still strongly controversial. Even eliminating their favourable economic role he still paid tribute to their "efficiency" in further qualitative and quantitative promotion of economic systems, including awkward cases of immature capitalist market. Eventually, together with the discrediting of the Washington Consensus consistency in 2011 the IMF refused to simulate economy "shocking", as a means of further growth.

Moreover, in accordance with "Rethinking macroeconomic policy" O. Blanchard declared his negative attitude to the "monopoly" of the interest rate as a basic tool of macroeconomic policy regarding financial shocks of the last five years: "The policy rate is a poor tool to deal with excess leverage, excessive risk taking, or apparent deviations of asset prices from fundamentals. Even if a higher policy rate reduces some excessively high asset price, it is likely to do so at the cost of a larger output gap"[2].

Consequently, henceforth the key interest rate will be responsible for the general level of economic activity, and additional "special" regulation tools will be in charge of the issue structure, financing or asset prices. Thus, we are suggested to exclude the interest rate from the list of counter-cyclical tools, and focus on "particular cases": capital adequacy ratio (CAR), liquidity and security requirements, etc. Ideologically following summary indicates a necessity to consolidate both of general and local managing functions at call of the Central banks that particularly being carried out in the EU since the autumn of 2012.

At the same time, current resumes of the macroeconomic policy are accurately put in the earlier mentioned "Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City"[3] where were voiced a few fiscal anxieties regarding budget deficit that exceeds a trillion dollars fourth year already as well as "fiscal cliff"[4] threat. Thus, a Budget Control Act 2011 is aiming at the U.S. budget deficit cutback while its ratio to GDP will be halved. According to the Congressional Budget Office data if the U.S.

[1] Paul Krugman. How Did Economists Get It So Wrong?//The New York Times, September 2, 2009. P.7 – (URL: http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=0)

[2] O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro. "Rethinking Macroeconomic Policy", IMF Staff Position Note, February 2010, SPN/10/03, P.11- (URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1003.pdf)

[3] G20, 2012., "Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City", Mexico City, 4–5 November 2012.- (http://www.g20mexico.org/index.php/en/press-releases/537-final-communique)

[4] "Fiscal cliff" – financial gap that could take a place since January 1/2013 in the U.S. according to the Budget Control Act 2011 means tax burden strengthening and spending cuts which are leading to the sluggish economic development or even recession.

doesn't implement a Budget Control Act 2011 now than economy will suffer a temporary growth but not a full value expansion yet[1]. Concerning previous assessments a budget deficit cut down will total about $560 bn. while GDP value is likely to shrink for four percentage points that in conjunction with IMF forecast (October 2012) release in new recession phase of business cycle[2].

One of the questions discussed in Mexico were focusing more on the so-called structural deficits of countries with budget problems excluding recession outcomes, such as high unemployment and great costs of social security, as well as lower tax revenues. Thus, Managing Director of the IMF, Christine Lagarde, noted that the budget reduction "should be determined structurally but not fixed at the nominal targets». Simultaneously with fiscal discipline the world economy is still being under "advanced" risks, including European debt crisis and politic disturbances in Japan. Therefore, "global growth remains modest and downside risks are still elevated, including possible delays in the complex implementation of recent policy announcements in Europe, a potential sharp fiscal tightening in the United States, securing funding for this year's budget in Japan, weaker growth in some emerging markets and additional supply shocks in some commodity markets. The reduction of global imbalances has not been sufficient, and in many countries the process of necessary deleveraging by the private and public sectors is ongoing and unemployment remains high."[3] Finally, an abundant anxiety regarding new EU banking union creation assisted in new tough banking rules introduction regarding capital ratios.

These rules, known as "Basel III"[4], are a response to the financial crisis and should have come into force in January. As it was earlier proclaimed, "full, timely and consistent implementation of the Basel III framework is essential for promoting confidence in the regulatory framework for banks and to help secure a stable global banking system. The Basel Committee is monitoring its member jurisdictions' implementation through a recently launched comprehensive review programme. A key element of the process is transparency, including periodic reports to the G20."[5]

So, referring the monetary policy "successful" implementation, it's hard to omit convincing issue during the "Great moderation"[6] period, when significant diminishing in the output fluctuations and inflation were experienced. Otherwise, such a "success" might turn out to be just a result of temporary reduction of the economic shocks quantity and several structural changes. Or is it possible to consider an economic policy as "improved" when it results in a global financial crisis?

With an appropriate answer to the last question we should refer to J. H. Cochrane's[7], a Professor of Finance at the University of Chicago Booth School of Business, reply to P. Krugman's *The New York Times* article mentioned above. First of all, he declared that the market stability isn't conditioned by its efficiency. Therefore, each economic risk is approved if its value is acceptable for other economic agents during some determined time period. This point occasionally misses strategic or even tactical thinking. As professor Cochrane confirmed, only market was "successful" whereas indifferent or negative state effects followed. Aiming any academic confirmation of the point above, Cochrane recollected F. Hayek's words: "no academic, bureaucrat or regulator will ever be able to fully explain market price movements. Nobody knows what "fundamental" or "hold to maturity value" is. If anyone could tell what the price of tomatoes should be, let alone the price of Microsoft stock, communism would have worked."[8] Thus, D. Wessel's work "In Fed We Trust: Ben Bernanke's War on the Great Panic" (2009)[9], which was mentioned in everlasting discussion, proclaimed inefficiency of the current mainstream macroeconomic managing, while valid monetary policy was noted as an equal to financial guidance.

Consequently, it should be noted that inflation rate and output gap stability could be experienced correspondently with an unacceptable assets price and credit aggregates dynamic, as well as structure of production (for example, overinvested real estate, hyper-consumption values, high current-account deficit). In addition, the low inflation and its interest rate tool dependence strongly reduce monetary flexibility. It worth to recall that J. Yellen's report presented an in-depth look at a problem of Taylor rule "failure" in correspondence with the question of zero nominal interest rate policy tolerance (Zero interest rate policy, ZIRP)[10] that indirectly brings into force S. Gesell's ideas. Furthermore, a report of the Vice Chair of the Board of Governors of the Federal Reserve System J. Yellen highlighted, that the basic challenges towards global economy recover are housing sector, fiscal policy and sluggish pace of growth abroad as well as global financial market strains[11].

---

[1] Thomas Kenny. What is the Fiscal Cliff?//About.com Guide (URL: http://bonds.about.com/od/Issues-in-the-News/a/What-Is-The-Fiscal-Cliff.htm)

[2] World economic outlook October 2012: Coping with high debt and sluggish growth. — Washington, DC : International Monetary Fund, 2012. – 250p. (URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02/pdf/text.pdf)

[3] G20, 2012., "Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City", Mexico City, 4–5 November 2012.- (http://www.g20mexico.org/index.php/en/press-releases/537-final-communique)

[4] Report to G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on Basel III implementation, June 2012.- (URL: http://www.bis.org/publ/bcbs234.pdf)

[5] BIS, 2012., Basel Committee. Bank for international Settlements. – (URL: http://www.bis.org/publ/bcbs234.htm)

[6] O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro. "Rethinking Macroeconomic Policy", IMF Staff Position Note, February 2010, SPN/10/03, pp. 2–19, URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1003.pdf

[7] John Cochrane. How did Paul Krugman get it so Wrong?//Modeled Behavior. – URL: http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/#_ftn1_6657

[8] Ibid.

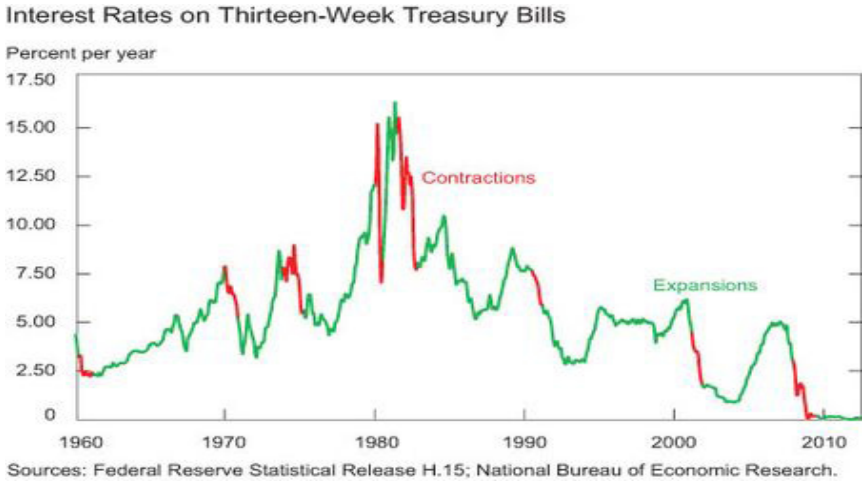
[9] D. Wessel. In Fed We Trust: Ben Bernanke's War on the Great Panic. Three River Press, U.S.- NY, 2009, - 341p.

[10] In such cases, the "textbook" macroeconomic policy points to fiscal policy reimplementation necessity, when the fiscal public spending multiplier is highly important in new employment providing. In Keynesian Economics multiplier greater than one, which means that public expenditure effectively increase the GDP. M. Woodford considers that in the case of zero interest rates an optimal government policy is to increase spending to close GDP gap. However, the events of September 2012 showed that the Fed and B. Bernanke in particular are not ready to affect the poor unemployment data by the fiscal instruments and implemented QE3.

[11] Janet L. Yellen. Perspectives on Monetary Policy/Boston Economic Club Diner. Boston. Massachusetts: Federal Reserve Bank of Boston. June 6, 2012. 38 p.

At the official website of the Federal Reserve Bank of New York on August 29, 2012 an article from *Liberty Street Economics* editors K. Garbade and J. McAndrews titled "If Interest Rates Go Negative... Or, Be Careful What You Wish For" has been posted and removed later. In particular, it has revealed a few assumptions about how an agent's opportunistic behavior would have taken a place if negative interest rates were implemented. In addition, the authors demonstrate interest rates in the 13-year-week Treasury bonds dynamic since 1960 until 2012 *(see Fig. 2)*.

Figure 2. Interest Rates on Thirteen-Week Treasury Bills (1960–2012)

Source: Federal Reserve Statistical Release H.15; National Bureau of Economic Research

Nevertheless, an assessment made under the Taylor rule, have shown, that in the U.S. an interest rate could be reduced by another 3–5%, being nominally below zero (and even more "negative" in real terms). However, the problem of Taylor model is non-traditional Federal Reserve's tools ignoring, such as Quantitative easing policy. Thus, further interest rate reduction problem (and a liquidity trap) since early 2009 is tightly related to the state assets redemption program: at $1.7 tn, $600 bn and $40 bn per month (according to preliminary estimates of up to 2015 in correspondence with "Twist" program), while the dollar currency, as well as debt value, devaluate under the threat of inflation jumps.

However, admitting Taylor's rule lack of relevance in the new monetary context of almost unlimited money supply expansion in the U.S., nevertheless, the government (due to political conditions), failed a fiscal policy mainstreaming and budget deficit reduction (8–10% of GDP according to the Fed), and is reluctant to declare a zero nominal interest rate.

In conclusion, we note that, at first sight, quite revolutionary practice of negative nominal interest rates on government bonds as a tool of non-conventional macroeconomic policy since the last global crisis has already been used, for example, in Japan in the late 1990s, when the rates on short-term government obligations were negative (nominal) and a few foreign banks dealt on those yen-denominated deposits[1]. As today in the U.S., an additional costs burden due to the money "overvaluation" in the economy is undertaken by the banking system. While further detailing in economic agent's interactions is absent, it is important to note that some kind of "tax" on the cash saving is a definitely new pace in money value and market risks evolution estimated by the interest rate.

References:

1. G20, 2012., "Communiqué of the Ministers of Finance and Central Bank Governors of the G20, Mexico City", Mexico City, 4–5 November 2012.- http://www.g20mexico.org/index.php/en/press-releases/537-final-communique
2. O. Blanchard, G. Dell'Ariccia, P. Mauro. "Rethinking Macroeconomic Policy", IMF Staff Position Note, February 2010, SPN/10/03, pp. 2–19, URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/spn/2010/spn1003.pdf
3. Romer C. D. Spurious Volatility in Historical Unemployment Data//Journal of Political Economy 94 (February 1986), pp. 1–37
4. Romer C. D. Is the Stabilization of the Postwar Economy a Figment of the Data?//American Economic Review 76 (June 1986), pp. 314–334
5. Dr Stephen Spratt. A Sterling Solution. Implementing a stamp duty on sterling to finance international development//A report for Stamp Out Poverty by Dr Stephen Spratt of Intelligence Capital Limited, Second edition. Stamp Out Poverty, September 2006. — URL: http://www.stampoutpoverty.org/?lid=9889
6. "GLOBAL FINANCIAL STABILITY REPORT: Restoring Confidence and progressing on Reforms (October 2012)" — Washington, DC: International Monetary Fund, 2012. — 188p. (URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2012/02/pdf/text.pdf)
7. Paul Krugman. How Did Economists Get It So Wrong?//The New York Times, September 2, 2009. P.7 — (URL: http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=0)
8. Thomas Kenny. What is the Fiscal Cliff?//About.com Guide (URL: http://bonds.about.com/od/Issues-in-the-News/a/What-Is-The-Fiscal-Cliff.htm)
9. World economic outlook October 2012: Coping with high debt and sluggish growth. — Washington, DC: International Monetary Fund, 2012. — 250p. (URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02/pdf/text.pdf)
10. Report to G20 Finance Ministers and Central Bank Governors on Basel III implementation, June 2012.- (URL: http://www.bis.org/publ/bcbs234.pdf)
11. BIS, 2012., Basel Committee. Bank for international Settlements. — (URL: http://www.bis.org/publ/bcbs234.htm)

[1] Daniel L. Thornton. Nominal Interest Rate: Less than Zero? Monetary Trends. The Federal Reserve Bank of St.Louis, January 1999. URL: http://research.stlouisfed.org/publications/mt/19990101/cover.pdf)

12. John Cochrane. How did Paul Krugman get it so Wrong?//Modeled Behavior. — URL: http://modeledbehavior.com/2009/09/11/john-cochrane-responds-to-paul-krugman-full-text/#_ftn1_6657
13. D. Wessel. In Fed We Trust: Ben Bernanke's War on the Great Panic. Three River Press, U.S.- NY, 2009, — 341p
14. Janet L. Yellen. Perspectives on Monetary Policy/Boston Economic Club Diner. Boston. Massachusetts: Federal Reserve Bank of Boston. June 6, 2012. (URL: http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/yellen20120606a.htm)
15. Daniel L. Thornton. Nominal Interest Rate: Less than Zero? Monetary Trends. The Federal Reserve Bank of St.Louis, January 1999. URL: http://research.stlouisfed.org/publications/mt/19990101/cover.pdf)

Cashpruk Yuliya, Lviv Commercial Academy graduate
Кашпрук Юлия Анатолиевна, аспирантка Львовской коммерческой академии

Reform of the institutional regulation of banking activities in Ukraine in the context of world experience

Реформирование системы институционного регулирования банковской деятельности в Украине в контексте мирового опыта

Вступление. Одной из главных причин замедления темпов экономического роста в Украине есть разбалансированность банковской системы, отсутствие эффективных механизмов регулирования ее работы со стороны государственных органов. Все это обусловливает острую необходимость проведения институционных реформ отечественного банковского дела.

Анализ современных научных публикаций засвидетельствовал, что проблема институционного регулирования банковской деятельности в Украине предъявляет глубокий научный и практический интерес. Весомый вклад в ее решение осуществили О. Василик, А. Гальчинський, А. Даниленко, О. Дзюблюк, И. Февраль, М. Савлук, В. Ющенко и др. Вместе с тем, много аспектов данного вопроса остается недостаточно освещенными и требует дальнейшей проработки. Развертывание кризисных явлений в украинской экономике на фоне незавершенных трансформационных процессов обусловило сосредоточение внимания нашей работы на проблемах институционного реформирования банковской системы в контексте мирового опыта.

Постановка задания. Целью работы является обобщение мирового опыта институционного регулирования банковской деятельности и разработка на этой основе концептуальных подходов относительно возможности его приложения в Украине.

Результаты исследования. Развитие банковской среды, а также любые сдвиги в финансовых отношениях определено прежде всего институционными превращениями в банковской деятельности. Каждая страна имеет свой особенный опыт осуществления институционных реформ, который мог бы стать полезным для усовершенствования украинской банковской институционной среды. Значительного внимания, по нашему усмотрению, заслуживает банковская система Великобритании, которая имеет хорошо организованную и разветвленную финансовую инфраструктуру, а также опирается на мощный денежный рынок в Лондон Сити, который имеет тесные связи с главными финансовыми центрами мира. Для нее характерный высокий уровень "разделения труда" между разными финансовыми институтами, которые формируются из банковского сектору и небанковских финансовых институтов. В британском законодательстве нет ограничений относительно отдельных видов операций и сфер финансового обслуживания — все кредитно-финансовые институции могут заключать любые виды соглашений и предоставлять клиентам широкий спектр услуг, хотя фактически существует четкая специализация финансовых учреждений: депозитно-заимообразная и эмиссионная функции закреплены за банковским сектором, инвестиционная — за небанковскими институциями. Большую роль в функционировании банковской системы Великобритании играет высокая степень самоконтроля финансовых институций, строгое соблюдение ими обычаев и традиций, которые были наработаны банковским содружеством. Этот опыт, на наш взгляд, является чрезвычайно актуальным и полезным для Украины, ведь отсутствие надлежащего контроля — главный фактор роста преступности в банковской сфере отечественной экономики.

Особенностью небанковского финансового сектору Великобритании можно назвать активное развитие негосударственных пенсионных фондов. Британский пенсионный рынок наибольший в Европе (40% всех европейских заимствований). Некоторые экономисты отмечают, что если бы не было частных пенсионных фондов, быстрое экономическое развитие в Великой Британии было бы невозможно.

Одними из субъектов негосударственного пенсионного обеспечения в Украине есть негосударственные пенсионные фонды (НПФ). Однако это явление достаточно новое для украинского финансового рынка и неоднозначно воспринимается гражданами, потому не приобрело желательного уровня развития. Важной особенностью структуры негосударственного пенсионного обеспечения Великобритании является стимулирование государством работодателей по делу производства пенсионных схем через предоставление значительных налоговых льгот. Такой признак негосударственного пенсионного обеспечения целесообразно ввести и в Украине для стимулирования развития негосударственных пенсионных схем. Этот процесс должен пройти значительный период эволюции и приспособиться к реалиям украинского общества, уровня социального обеспечения граждан, однако он должен стать неотъемлемой частью системы социального обеспечения украинцев.

Показательной для наследования является банковская система Франции. Как и в большинстве развитых стран, банковская система Франции состоит из двух уровней: первый уровень — Банк Франции, второй уровень — коммерческие депозитные банки и другие финансово-кредитные организации. Кроме основных своих функций, присущих Центральным банкам всех стран, на Банк Франции возложены также специфические экономические функции — он ведет счета частных лиц — текущие и с ценными бумагами, имеет в своем составе широко распространенную сеть учреждений, которые осуществляют расчетно-кассовое обслуживание, а также оказывают консалтинговые услуги предприятиям, что положительно воспринимается

населением[1]. Значительное внимание Банка сориентировано на поддержке нейтральной позиции относительно разных сфер бизнеса, соблюдении коммерческой тайны, тщательной проверке собранной информации, что позволяет ему упорядочить насыщенную полезной информацией картотеку почти на все предприятия и организации. К институционным реформам, которые Украина может позаимствовать в банковской системе Франции, принадлежит и система информационной службы центрального банка, ведь именно он оперирует самыми широкими и самыми точными данными об участниках финансового рынка, реального сектору экономики и сферы услуг.

Существенными особенностями, которые целесообразно было бы учесть при реформировании отечественной банковской институционной среды, наделена банковская система Германии. Она содержит два основных звена: Немецкий федеральный банк (Дойче Бундесбанк) и много коммерческих банков[2]. Бундесбанк имеет в своем составе 12 центральных земельных банков. Вопрос формирования таких банков является чрезвычайно актуальным для Украины в период реформирования земельных отношений и создание рынка земли. Открытие в составе Центрального банка земельных банков даст возможность не допустить концентрации земель в руках отдельных личностей и крупных финансово-монопольных группировок и обеспечит рациональное и эффективное их использование.

Дойче Бундесбанк не подчиняется ни Правительству, ни Парламенту, ни Высшему Суду, а только руководствуется принципами "Закона о Бундесбанк". Основными его функциями являются: надзор за деятельностью банков, анализ аудиторских выводов, осуществления инспекционных проверок на местах. Опыт Германии относительно самостоятельности центрального банка также является актуальным для Украины. Применение этого опыта в украинской практике позволит не только полностью финансировать экономическое и социальное развитие государства, но и будет способствовать приближению отечественных стандартов к стандартам Европейского Союза и ускорению интеграции банковской системы Украины в международный финансовый рынок. Однако повышение уровня независимости НБУ невозможно без усиления его институционной возможности выполнять свои функции.

Для банковских учреждений Германии характерное их присутствие в виде паевого участия в капитале немецких предприятий. Такое присутствие предоставляет дополнительные преимущества как банкам, так и предприятиям. Преимущества для банка заключаются в возможности обеспечения контроля за работой предприятия, а для предприятия — в сокращении общей стоимости финансирования производства. Считаем, что такой опыт мог бы стать полезным для Украины. Участие банков в капитале национальных предприятий обеспечит создание дополнительных условий для развития национальной экономики. Банки же будут иметь возможность контролировать собственные средства и, тем же, снижать рыночные риски, уменьшить объемы проблемных активов и затраты на обслуживание просроченной задолженности.

Еще одной особенностью немецкой банковской системы является высокое присутствие в ней кооперативного сектора. Сегодня во ФРГ функционирует около 1,5 тыс. кооперативных банков, которые обслуживают малый и средний бизнес в городах и селах. В Украине деятельность кооперативных банков не получила распространения. В то же время создание таких банков даст возможность решить проблемы финансово-кредитного обслуживания развития сельской местности. Поэтому считаем необходимым созданием подобной классическим западным системам системы сельской кредитной кооперации и в нашем государстве.

Для создания эффективной системы институционного регулирования банковской деятельности в Украине чрезвычайно важным является внедрение опыта США. Банковская деятельность в США более разновекторная, чем в других странах мира и долгое время была наиболее либерализованной. Особенности банковского законодательства в США способствовали сохранению децентрализованной раздробленной банковской системы. До 1914 г. в стране существовала даже децентрализующая система банкнотной эмиссии — ее осуществляло несколько тысяч банков. С принятием в 1913 г. Закону о Федеральной резервной системе, было создано 12 резервных банков, которые функционируют до этого времени и выполняют функции депозитариев для резервов Федерального резервного банка[3]. Законом Мак Фадена (в 1927 г.) был решен вопрос правового регулирования деятельности банка и его структуры. Согласно данного Закона, именно штат, а не федеральное правительство, осуществляет регулирование филиалов банка. Сеть из 12 резервных банков и их филиалов выполняет ряд системных функций, в том числе обеспечение функционирования платежной системы страны, распределение национальной валюты, контроль и регулирование деятельности банков-членов системы и банковских компаний, а также выполнение функций банкира Казначейства Соединенных Штатов. Каждый из 12 резервных банков несет ответственность за конкретный географический регион или округ США.

С наступлением финансового кризиса 2008 г., который начался из банкротства больших финансовых учреждений США и привел к проблемам ликвидности банковской системы в целом, деятельность банков и других финансово-кредитных учреждений стала более жестко регулироваться государством. Особенное внимание в этом плане концентрируется на деятельности иностранных банков и их филиалов. На сегодняшний день в стране функционирует около 500 иностранных банков из 60 стран мира, потому накоплен значительный объем методологических и практических наработок в сфере надзора за их деятельностью. Для Украины, которая столкнулась с потребностью создания системы контролю над деятельностью филиалов иностранных банков, опыт США является чрезвычайно актуальным.

Для формирования эффективной системы государственного регулирования филиалов иностранных банков чрезвычайно важным является внедрение опыта создания системы оценки филиалов иностранных банков наблюдательной службой Федеральной резервной системы путем применения системы SOSA. Определенная по системе SOSA оценка дает возможность наблюдательным органам эффективно использовать свои ресурсы, вовремя принимать взвешенные решения относительно необходимого объема, глубины и периодичности осуществления проверок филиалов иностранных банков. Рейтинговая оценка филиалов иностранных банков в США состоит из двух компонентов: первый оценивает или существуют объективные факторы,

---

[1] Банк Франции: История, структура, роль. – Банк Франции: Ин-т проф. подготовки, 1995. – 76 с.

[2] Банковская система Германии [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.prostobankir.com.ua/spravochniki/bankovskie_sistemy/evropa/bankovskaya_sistema_germanii

[3] Банковская система США [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.prostobankir.com.ua/spravochniki/bankovskie_sistemy/severnaya_i_yuzhnaya_amerika/bankovskaya_sistema_ssha

которые препятствуют надзору и осуществлению мониторинга за филиалом иностранного банка, а также отображает общую финансовую жизнеспособность материнского банка и оценивает уровень надзора за банковским учреждением в стране местонахождения материнского банка; второй — определяет, в состоянии ли материнский банк поддерживать необходимый уровень внутреннего контроля своих филиалов, и имеет ли достаточные резервы для обеспечения надлежащей их работы.

Значительного внимания заслуживает американский опыт ведения кредитных историй заемщиков. В Украине отрасль ведения кредитных историй находится на зародышевой стадии, а американцы постоянно беспокоятся об улучшении своей кредитной истории. Проверка кредитоспособности заемщиков в США ведет свою историю с конца XIX ст. Сначала это была простая система, которая содержала данные лишь о плохих заемщиках, а с 1970 г. с принятием Конгрессом США Закона "О добросовестности (честность) в предоставлении информации о кредитоспособности" в кредитные истории заемщиков начала добавляться позитивная информация. С наступлением финансового кризиса этому вопросу начало уделяться все больше внимания. С этой целью правительство инициировало создание специальных информационных корпораций, которые содержат сведения обо всех заемщиках. Насколько хорошей является кредитная история, определяется за кредитными баллами, которые и являются самыми главными критериями при выдаче кредита.

Опыт развитых стран убедительно доказывает, что решение проблем банковской системы в Украине невозможно без действенного участия государства. Государство должно контролировать деятельность банков, используя для этого разнообразные механизмы и рычаги.

Основными направлениями построения системы эффективного институционного регулирования банковской деятельности в Украине являются: обеспечение жесткого контроля со стороны национальных регуляторов в лице центральных банков и других специально созданных учреждений за деятельностью всех институтов кредитной системы, повышения уровня их прозрачности и подотчетности; усиление международного сотрудничества между национальными регулятивными органами с тем, чтобы их политика не приводила к негативным последствиям для других стран, то есть ограничение так называемого "финансового протекционизма" в международных экономических отношениях. С целью укрепления институционного регулирования банковской деятельности, по нашему мнению, необходимо: создать в государстве автономный орган по присмотру и регламентации банковской деятельности (Банковскую комиссию); учредить автономную службу банковского регулирования в каждой области из расчета по 1 контролеру на область и 5–7 контролеров при Правительстве Украины; внести изменения и дополнения в Закон Украины "О контрольно-ревизионной службе", которые предусматривают предоставление Контрольно-ревизионной службе Украины права финансового контроля всех коммерческих структур, в том числе банков; предоставить НБУ право существенно влиять на процедуру и порядок проведения аудита коммерческих банков, наделив его правом выдачи лицензий аудиторским организациям для проведения аудита банков; предоставить специальным подразделениям по борьбе с организованной преступностью право получать информацию из автоматизированных информационных систем банков; ввести механизм идентификации клиента банка, который подает документы для открытия расчетного счета и проведения банковских операций; ввести механизм публичного подтверждения отчетности банковских учреждений по результатам инспекционных проверок. Выполнение отмеченных мероприятий обеспечит прозрачность деятельности и стабильность работы банков, повысит до них доверие со стороны вкладчиков и будет способствовать быстрой интеграции отечественной банковской системы в мировую.

Учитывая условия развития мирового финансово-экономического кризиса и зарубежный опыт институционного регулирования банковской деятельности, считаем, что первоочередными направлениями реформирования системы институционного регулирования банковской деятельности в Украине являются:

— правовая регламентация взаимодействия органов банковского регулирования;

— расширение практики использования международных стандартов и требований относительно организации и прозрачности банковского регулирования;

— предоставление функций банковского регулирования общественным организациям, ассоциациям, в частности Ассоциации украинских банков;

— улучшение технической инфраструктуры имеющихся институтов банковского регулирования и финансирования программного обеспечения их деятельности.

Эти мероприятия повысят эффективность институционного регулирования деятельности банков и ест необходимыми для стабильного развития банковского сектора Украины.

Выводы. В большинстве развитых стран государство строго контролирует деятельность банков, используя для этого разнообразные механизмы и рычаги. Такой опыт заслуживает внимание и внедрение в украинскою практику. Основными направлениями имплементации мирового опыта для построения системы институционного регулирования банковской деятельности в Украине являются: обеспечение жесткого контроля со стороны НБУ и других специально созданных учреждений за деятельностью всех институтов кредитной системы, усиления международного сотрудничества между национальными регулятивными органами с тем, чтобы их политика не приводила к негативным последствиям для других стран, то есть ограничение так называемого "финансового протекционизма" в международных экономических отношениях.

Список литературы:

1. Банк Франции: История, структура, роль. — Банк Франции: Ин-т проф. подготовки, 1995. — 76 с.
2. Банковская система Германии [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.prostobankir.com.ua/spravochniki/bankovskie_sistemy/evropa/bankovskaya_sistema_germanii
3. Банковская система США [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.prostobankir.com.ua/spravochniki/bankovskie_sistemy/severnaya_i_yuzhnaya_amerika/bankovskaya_sistema_ssha
4. Бус О. Б. Особливості організації банківського нагляду, контролю та регулювання в зарубіжних країнах/О. Б. Бус//Науковий вісник НЛТУ України. — 2009. — Вип.. 19.2. С. 163–172.
5. Сідак М. В. Правові статуси центральних банків у країнах Європи: порівняльний аналіз/М. В. Сідак//Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. Випуск 14. 2010. — С. 351–357.

Ketova Irina Aleksandrovna
Financial University with the Government of the Russian Federation (Chelyabinsk), assistant professor
Candidate of the technical sciences, assistant professor
Кетова Ирина Александровна, Финансовый университет при Правительстве РФ Челябинский филиал
доцент кафедры финансов, страхования и налогов

Importance of the competitive strategy development of the regional bank activities

Значение разработки конкурентной стратегии деятельности регионального банка

Глобальная трансформация мировой экономики способствует усилению конкуренции на российском банковском рынке. Данная тенденция характеризуется следующими позициями:

— значительное усиление конкурентного соперничества между субъектами банковского рынка;

— лидерство «стабильных» банков;

— повышение имиджа банков;

— диверсификация банковских услуг, в том числе сервисных, расширение линейки продуктов и услуг для корпоративных клиентов;

— ориентация банков на сохранение имеющихся и привлечение новых клиентов;

— индивидуальный подход не только к корпоративным, но и розничным клиентам;

— повышение требований к компетенциям руководителей и сотрудников банка.

Наиболее остро проблема конкуренции ощущается на региональных банковских рынках, где практически одинаковые банковские услуги и продукты клиентам предлагают многочисленные сети банковских отделений федеральных и региональных банков, а также крупных и средних кредитных организаций из других субъектов РФ.

Так, по данным Главного управления Банка России по Челябинской области, на Южном Урале с 2010 года по 2012 года количество внутренних структурных подразделений банков (кредитно-кассовых и операционных офисов и операционных касс) по обслуживанию клиентов увеличилось с 743 до 951 единиц (темп роста 28%). Всего в Челябинской области, по состоянию на 01.10.2012 года, функционируют 98 кредитных организаций и их филиалов, в том числе свои подразделения имеют все федеральные госбанки (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк), девять региональных банков (Челябинвестбанк, Челиндбанк, Резерв, Ураллига, Снежинский, Уралпромбанк, Таурус Банк, Кредит Урал Банк, Углеметбанк) и коммерческие банки из Москвы, из республики Татарстан, Свердловской и Новосибирской областей и Приморья [1].

Региональный банк, по сравнению с крупными федеральными банками, имеет, как правило, среднее или слабое стратегическое положение, а по сравнению с другими региональными или инорегиональными банками, может обладать и преимуществами. Руководству банка, в данных условиях, следует четко представлять себе, что по сравнению с крупными федеральными банками, региональный банк не может в полной мере вести активные действия по увеличению доли на рынке. С другой стороны нет объективных причин и для ухода с него, так как успеха можно добиться за счет концентрации усилий на определенном сегменте отраслевого рынка.

Сложившаяся ситуация выдвигает на первый план необходимость разработки грамотно сформированной конкурентной стратегии деятельности, которая поможет региональному банку эффективно функционировать в постоянно изменяющейся конкурентной среде.

Анализ сайтов региональных, инорегиональных, а также федеральных банков показал, что в большинстве случаев отсутствуют не только конкурентные стратегии, но и корпоративные стратегии деятельности банков (исключение составляют Сбербанк, ВТБ и некоторые другие). Банки публично представляют лишь отдельные элементы корпоративной стратегии (анализ деятельности банка, достижения, миссия, основные ценности банка, корпоративная культура, рейтинги и др.). Целостная конкурентная стратегия банка, как составная часть корпоративной стратегии, является ключевым инструментом при формировании конкурентных преимуществ [2]. Можно предположить, что данные документы имеются в банке и являются закрытыми, но основное назначение стратегии в том, чтобы повысить прозрачность банковского бизнеса и показать общественности (клиентам, конкурентам, инвесторам, акционерам, регулятору и другим контактным аудиториям) перспективную систему целей деятельности банка и стать привлекательным в удовлетворении интересов и запросов клиентов.

Следует отметить, что конкурентная стратегия является одним из организационных инструментов банка для управления его конкурентоспособностью. Таким образом, разработка и корректировка конкурентной стратегии, на основе оценки конкурентоспособности, является актуальным вопросом в деятельности любого банка, особенно регионального.

Под конкурентной стратегией будем понимать совокупность определенных мероприятий банка для обеспечения не только прибыльности, ликвидности операций и минимизации риска, но и достижения и поддержания конкурентоспособности коммерческого банка.

Конкурентная стратегия регионального банка должна отражать его поведение по отношению к другим субъектам финансового рынка, которое может быть:

— активным, предусматривающим цели, позволяющие осуществить наступательную политику на банковском рынке (по отношению к слабым конкурентам);

— защитным, содержащим контрмеры, в виде адекватных ответов конкурентному окружению (по отношению к сильным конкурентам);

— комбинированным, объединяющим цели, характерные для активного и защитного поведения.

---

[1] http://www.cbr.ru/regions/Региональный раздел официального сайта Банка РФ

[2] Влезкова В. И. Конкурентные преимущества банков в условиях глобализации//Экономическая теория. 2012. 4(89). с. 39.

Содержание приведенных конкурентных стратегий может быть основано на использовании банком следующих деловых моделей поведения[1]:

развитие — наращивание объема и интенсивности деятельности по тем банковским услугам (продуктам), которые являются более эффективными по сравнению с конкурентным окружением без изменения структуры банка и количества внутренних структурных подразделений и площадей;

рост — увеличение количества внутренних структурных подразделений банка (кредитно-кассовых и операционных офисов и операционных касс), то есть внешний рост, как за счет самостоятельного роста, так и приобретения доли в деятельности других банков;

диверсификация — расширение спектра банковских продуктов и услуг, предлагаемых клиентам, в том числе сервисных;

улучшение — повышение конкурентных преимуществ банка, прежде всего маркетинговых, до уровня не ниже среднего на данном рынке;

дифференциация — сосредоточение внимания на качественном обслуживании одного или нескольких сегментов банковского рынка;

оптимизация — сокращение или упразднение тех видов деятельности, структурных подразделений, которые характеризуются низкой эффективностью.

Следует отметить, что модели "развитие", "рост" и "диверсификация" отражают активную конкурентную стратегию банка, так как в конечном итоге направлены на осуществление экспансионистской политики на рынке. Роль активной стратегии — улучшение рыночного положения банка за счет более слабых соперников.

Модели поведения "улучшение", "дифференциация" и "оптимизация" характерны, в первую очередь, для защитной конкурентной стратегии, так как предполагают устранение или снижение воздействия конкурентного окружения. Защитная стратегия по своей сути не может быть разработана на длительный срок, так как долгосрочное планирование перспектив сохранения своих слабых внутренних сторон означает для банка неэффективную деятельность и проигрышную ситуацию на рынке. В данной ситуации первоочередным мероприятием банка должно быть оперативное устранение имеющихся недостатков и выход по всем основным параметрам на средний уровень, характерный для данного рынка.

Комбинированная конкурентная стратегия предусматривает избирательное использование перечисленных моделей поведения банка с учетом конкретных факторов, характерных для конкурентной борьбы на соответствующем рынке. Данная стратегия направлена на сохранение устойчивого положения банка на отраслевом рынке. Необходимым условием является выбор одновременно двух целей деятельности: одной, отражающей оптимистичную установку деятельности, другой, предусматривающей пессимистичные результаты. При этом имеется в виду, что наиболее вероятным состоянием банка в результате реализации данной стратегии будет ситуация, отражающая промежуточное положение между этими двумя целями.

Существует прямая зависимость между выбором возможных мероприятий банка по реализации конкурентной стратегии и уровнем его конкурентоспособности. Возможные стратегические инициативы банка представлены в таблице 1. Они основаны на определении поведения банка и выбора деловых конкурентных стратегий в зависимости от полученной оценки конкурентоспособности. Следует отметить, что результаты оценки конкурентоспособности должны быть получены с использованием объективных методик её оценки (функциональных, стоимостных и др.) и эффективных организационно-экономических мероприятий по управлению конкурентоспособностью с целью ее повышения.

Таблица 1-Стратегические инициативы банка в зависимости от его конкурентоспособности

Конкурентоспособность банка	Поведение банка	Деловые конкурентные стратегии	Возможные мероприятия банка по реализации стратегии
Сильная	Активное	Развитие, рост, диверсификация	— увеличение внутренних структурных подразделений банка; — выход на новые рынки; — расширение спектра банковских услуг, в том числе внедрение мобильного и Интернет банкинга; — повышение квалификации сотрудников; — мотивация и стимулирование персонала; — повышение качества обслуживания клиентов за счет инновационных технологий; — управление брендом; — управление рисками; — расширение клиентской базы за счет проведения эффективных маркетинговых мероприятий (реклама, стимулирование продаж, связи с общественностью, прямые продажи) и др.
Слабая	Защитное	Улучшение, дифференциация, оптимизация	— снижение тарифов на услуги; — специализация банка; — сокращение неэффективных внутренних структурных подразделений;
Средняя	Комбинированное	Улучшение, дифференциация, оптимизация, развитие, рост, диверсификация	Избирательное использование приведенных мероприятий в зависимости от имеющихся конкурентов и прибыльности.

[1] Кунаев А. И. Стратегический менеджмент: Учебное пособие. – М.:МГУК, 1998.

Если обратиться к классику теории конкуренции М. Портер и использовать предложенную им классификацию корпоративных стратегий, направленных на повышение конкурентоспособности (лидерство в снижении издержек, дифференциация, фокусирование), то необходимо отметить, что большинство банков в Челябинской области применяют в своей деятельности элементы стратегии лидерства в снижении издержек. Данная стратегия заключается в снижении операционных расходов банка за счет использования современных информационных технологий, которые ориентированы, в основном, на реализацию стандартных электронных банковских продуктов (например, карточные продукты).

Стратегия дифференциации используется далеко не всеми банками, так как при её реализации банк должен предложить массовому клиенту своего рода уникальный продукт (например, система «Город» для оплаты различных платежей, разработанная в Челябинвестбанке). За счет применения данной стратегии банк получает более высокую долю прибыли на данные услуги по сравнению с конкурентами.

Стратегия фокусирования в банковском бизнесе используется еще реже, так как она приемлема для специализированных банков, например, с ориентацией на оказание услуг розничным клиентам (например, КБ «Пойдем» позиционирует себя как домашний банк для населения).

Конкурентная стратегия, являющаяся составной частью корпоративной стратегии деятельности регионального банка, должна содержать следующие стандартные разделы:

— анализ конкурентной среды банка;
— миссия и ценности банка;
— стратегические цели деятельности банка;
— приоритетные направления деятельности банка;
— организационно-экономические задачи по реализации направлений деятельности;
— персонал;
— перспективные финансовые результаты;
— порядок реализации стратегии.

Разработку конкурентной стратегии необходимо начать с анализа текущей ситуации на банковском рынке (внутренней и внешней среды), который позволяет определить позицию банка по отношению к конкурентному окружению. Максимально полное отражение данный анализ находит в оценке конкурентоспособности банка, которая является определяющей при стратегическом позиционировании банка. Роль оценки конкурентоспособности по маркетинговым факторам (услуга (продукт), тарифы, распределение, продвижение, атмосфера, персонал) заключается в том, что она служит основой разработки конкурентной клиентоориентированной стратегии деятельности банка и позволяет:

— объективно оценить состояние окружающей конкурентной среды;
— выявить сильные и слабые стороны банка;
— определить позицию банка на региональном рынке;
— разработать стратегические и тактические мероприятия эффективного управления;
— своевременно проводить корректировку стратегии банка;
— оценить эффективность реализации стратегии.

Следующим пунктом в разработке конкурентной стратегии является формулирование предназначения банка, смысла его деятельности на рынке банковских услуг в виде разработки понятных миссии и ценностей банка, которые должны быть приняты клиентами, сотрудниками, акционерами и обществом в целом.

Основные стратегические цели деятельности банка должны отражать не только количественные результаты (плановые финансовые результаты, доля рынка), но и качественные (корпоративная культура обслуживания, узнаваемый бренд банка, лояльность клиентов). В стратегии необходимо указать приоритетные направления развития бизнеса банка в отношении корпоративных и розничных клиентов. Достижение данных направлений потребует изменений в бизнес — операциях банка, применяемых информационных технологий, организационной структуре. Следовательно, в стратегии деятельности банка должны быть отражены организационно-экономические задачи по реализации направлений деятельности, отражающие инновационную направленность и активность.

Так как реализация стратегии осуществляется руководителями и сотрудниками банка всех уровней, то в стратегии должно быть уделено внимание их компетенциям и профессиональному развитию, системе мотивации и оплате труда. В конце стратегии должны быть определены ожидаемые финансовые результаты и этапы реализации стратегии.

В заключении, основываясь на вышесказанном, хочется отметить:

— усиление конкуренции в банковской сфере подчеркивает важность использования конкурентной стратегии в деятельности банка, позволяет банкам реально конкурировать на рынке, защищая интересы клиентов, всемерно содействует процессу экономического развития региона и страны в целом;

— реализуя конкурентную стратегию деятельности банк способен быстро оценивать свой потенциал, приспосабливать услуги (продукты) к меняющейся конъюнктуре рынка, объективно и качественно определять возможные риски, а также оперативно получать управленческую бизнес-информацию в сфере финансовых услуг;

— конкурентная стратегия является маркетинговым инструментом повышения конкурентоспособности банка.

Список литературы:

1. Влезкова В. И. Конкурентные преимущества банков в условиях глобализации//Экономическая теория. 2012. 4 (89). с. 39.
2. Кунаев А. И. Стратегический менеджмент: Учебное пособие. — М.: МГУК, 1998.
3. http://www.cbr.ru/regions/Региональный раздел официального сайта Банка РФ

Koleskina Ekaterina
Volgograd State Technical University, postgraduate student, «Economics and Management»
Колескина Екатерина Андреевна, ВолгГТУ,
аспирант кафедры экономики и управления

Business controlling as a management tool of corporate planning in Germany and Russia

Контроллинг как инструмент внутрифирменного планирования в Германии и России

Управление предприятием в современных условиях требует комплексного решения многочисленных проблем и напрямую зависит от качества внутрифирменного планирования, обеспечивающего принятие оптимальных управленческих решений. При этом возрастают требования к системе информационной поддержки: она должна не только обеспечивать руководство информацией о текущем состоянии дел, но и предсказывать, что произойдет. Таким инструментом стал контроллинг — основные задачи которого, заключаются в информационном обеспечении ориентированных на результат процессов планирования, регулирования и контроля (мониторинга) на предприятии.

В середине 1950-х идеи контроллинга, который был широко известен в США, были перенесены в Германию. Однако в ряде источников уточняется, что отдельные задачи, которые сегодня принято считать задачами контроллинга, использовались в немецкой экономической практике задолго до появления контроллинга в США. Возможно, этот факт и повлиял на формирования несколько другого подхода к контроллингу.

Немецкий контроллинг, направлен на создание теоретической целостной системы, нежели американский контроллинг, где приоритетным является решение конкретных практических задач.

Экономический подъем 1960-х гг. потребовал от многих крупных немецких предприятий внедрение принципиально новой системы управления по центрам ответственности, так как инструменты, которые использовались ранее в отношении ведения учета, не годились.

В начале 1980-х кризис неплатежеспособности окончательно убедил немецкие предприятия в совершенствовании планирования и управления, а так же привлечении специалистов, которые могли критически оценить положение для принятия решений. В результате возник целый ряд научных и образовательных учреждений, занимающихся подготовкой кадров в сфере производственного планирования и учета. Основными из них являются: «Институт контроллеров по вопросам образования в области планирования предприятия и учета», «Академия контроллеров» (1971 г.), «Союз контроллеров» (1975 г.). С 1989 г. в Германии издается журнал «Controller»[1].

По мнению Хорвата, в немецкоязычной бизнес среде функция контроллинга ассоциируется с поддержкой менеджмента в области стратегического и оперативного управления компанией, т. е. с функцией управленческого сервиса, в отличие от контроллинга в США, где управленческий учет (Management Accounting) ограничивается поставкой менеджменту оперативной управленческой информации из системы бухгалтерского учета, что, в свою очередь, недостаточно. По замечанию Хорвата, постепенно американский «управленческий бухгалтер» (Management Accountant) превращается в «бизнес-партнера» (Business Partner) — наподобие немецкого контроллера, об этом свидетельствуют многие публикации в американской прессе, которые призывают перенимать лучший опыт у немецкой модели контроллинга[2].

Немецкий подход к управлению предприятием можно назвать близким к российскому. Он характеризуется основательностью и детальностью всех планово-контрольных процедур. Большое внимание предприниматели уделяют вопросам безопасного в плане ликвидности развития предприятия и стратегическому подходу. Поэтому в качестве критериев существования предприятия в краткосрочном периоде выступают показатели результата и ликвидности, а в качестве долгосрочной цели — увеличение ценности капитала предприятия; краткосрочная же прибыль рассматривается только как источник финансирования перспективного развития. В отличие от американской системы корпоративного управления, в немецких фирмах персонал непосредственно включен в управление предприятием через участие в наблюдательных (на крупных АО) и производственных советах. Распределение полученной прибыли или финансового результата предприятия изучается с точки зрения вкладов в него труда и капитала. Акционеры практически уравнены в правах с персоналом, что делает предприятие более устойчивым. Важное значение имеют на немецких предприятиях регламентация процессов управления и вовлечение в эти процессы персонала. В частности, это происходит через управление по целям и систему стимулирования руководителей и персонала, привязанную к уровню достижения целевых показателей. Подобного рода подходы к управлению, планированию и стимулированию известны или даже возникли на наших предприятиях, но были дискредитированы и незаслуженно забыты.

Концепция контроллинга в России стала развиваться с 1990-х годов, когда в стране стали формироваться свободные рыночные принципы хозяйствования. Смена парадигмы управления: от централизованного к стратегическому, повлекла за собой изменений целей и задач предприятия, законодательных условий и внешней среды. Механизм управления, нацеленный на стратегию, потребовал новых подходов, одним из которых стал контроллинг, который представляет собой «соединение» теории принятия решений, математического моделирования, теории систем, информационного и организационного моделирования.

Основу российской концепции, безусловно, составляли зарубежные источники, где концепция была хорошо изучена и имела успешное применение на практике. Но, «нет ничего стабильнее изменений»[3], поэтому концепция контроллинга постоянно совершенствуется и зависит от изменчивой окружающей среды.

---

[1] Контроллинг: учебник/А. М. Карминский, С. Г. Фалько, А. А. Жевага, Н. Ю. Иванова; под ред. А. М. Карминского, С. Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.ил.

[2] Концепция контроллинга: Управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование/Horvath & Partners; Пер. с нем. – 2 –е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 269 с. – (Серия «Модели менеджмента ведущих корпораций»)

[3] Там же.

Изначально контроллинг в России отождествлялся с учетом затрат. Далее к контроллингу добавили оценку результатов, потом бюджетирование, оперативное планирование и управление затратами. С 2000 года контроллинг связывают с поставщиком и интерпретатором информации для руководства, а так же с координатором оперативной деятельности предприятия[1].

В начале 2000-х в России было создано специальное Объединение контроллеров, целью которого было содействие распространению на предприятиях и в организациях философии и методологии контроллинга с целью повышения эффективности функционирования и роста уровня конкурентоспособности народного хозяйства России, обеспечение обмена профессиональной информацией и коммуникаций среди специалистов, занимающихся проблемами разработки и внедрения контроллинга, а также подготовкой кадров для предприятий и организаций и содействие повышению уровня профессиональной квалификации специалистов в области контроллинга[2]. С 2001 года Объединением контроллером издается специальный журнал «Контроллинг», проводятся тематические конференции и симпозиумы.

Как замечает один из основателей объединения С. Г. Фалько, в начале 2000-х когда контроллинг только появлялся на российских предприятиях, не было его четкого определения. Контроллинг связывали с внутренним контролем, аудитом, с системой программно-целевого планирования.

С. Г. Фалько представил контроллинг как систему, где есть место и управленческому учету, и контролю, и аудиту, и программно-целевому планированию, и это еще далеко не все базовые концепции, принципы, инструменты и методы контроллинга[3].

В российской экономической литературе принято различать понятия «контроля» и «контроллинга», где под контролем понимают «составную часть управления экономическими объектами и процессами с целью проверки соответствия наблюдаемого состояния объекта желаемому и необходимому положению, предусмотренному законами, инструкциями, другими нормативными актами, а также программами, планами, договорами, проектами»[4], т. е. отождествляют с контролированием, к контроллингу же приписывают целый комплекс задач: координация систем планирования, контроля, информационного обеспечения, таким образом, контроллинг связывают с управленческим учетом. Контроль направлен на прошлое, на выявление ошибок, отклонений, контроллинг — это правление будущим для обеспечения длительного функционирования предприятия и его структурных единиц. Служба контроллинга стремиться так управлять процессами текущего анализа и регулирования плановых и фактических показателей, чтобы по возможности исключить ошибки, отклонения и просчеты как в настоящем, так и в будущем.

Одна из наиболее известных работ, опубликованных за рубежом, является работа Рудольфа Манна и Эльмара Майера «Контроллинг для начинающих». Рудольф Манн и Эльмар Майер определяют контроллинг как систему управления процессом достижения конечных целей и результатов деятельности фирмы, т. е. в экономическом отношении, с некоторой долей условности как систему управления прибылью предприятия. Контроллинг однозначно и полностью отрицает необходимость планирования и учета всех затрат на производство и сбыт, целесообразность и калькулирования полной себестоимости. Он базируется на системе директ- костинга, основанной на группировке затрат в зависимости от их связи с объемом производством и реализации изделий и услуг, количеством отработанного времени и другими показателями, характеризующими степень использования производственных мощностей и возможностей предприятия[5].

Российские исследователи А. М. Карминский, С. Г. Фалько, и А. А. Жевага в определении контроллинга предлагают выделять философскую, функциональную, организационную и научные составляющие. Это и философия, и образ мышления руководителей, ориентированны на эффективное использование ресурсов и развитие предприятия в долгосрочной перспективе. Относительно функциональности контроллинг можно определить как ориентированную на перспективу систему информационно-аналитической, методической и инструментальной поддержки руководства при реализации цикла управления по всем функциональным сферам деятельности предприятия и процессам. Одной из главных причин возникновения и внедрения концепции контроллинга стала необходимость в системной интеграции различных аспектов управления бизнес-процессами в организационной системе. Контроллинг превращается в основного поставщика информации для руководителей. С организационной точки зрения контроллинг — структурный элемент предприятия — подразделение, служба или отдел, осуществляющие функции контроллинга, определяемые внутренними документами предприятия. Задачей контроллинга как науки является разработка теории, методов и инструментов измерения ресурсов, результатов производственно-хозяйственной деятельности и процессов[6].

Российские исследователи также как и немецкие исследователи считают, что контроллинг позволяет объединить в одно целое управленческую, организационную, планово-учетную и контрольную деятельность, а также информационное обеспечение. Однако следует отметить невысокий уровень проработанности организационных, методических и технических решений для широкого применения контроллинга в отечественной практике управления. Концепцию контроллинга, существующую в Германии, нельзя в точности перенести в российские условия. Несмотря на общие черты, аналитические школы опираются на собственные традиции и опыт, отличается и менталитет сотрудников экономических служб и руководителей. Однако на современном этапе развития рынка без контроллинга отечественным хозяйствующим субъектам уже не обойтись, и исследование положительного мирового опыта в данной области может существенно помочь российским руководителям в формировании такой системы на своих предприятиях.

---

[1] Контроллинг: учебник/А. М. Карминский, С. Г. Фалько, А. А. Жевага, Н. Ю. Иванова; под ред. А. М. Карминского, С. Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.ил.

[2] Информация с сайта Объединения Контроллеров в России www.controlling.ru

[3] Фалько С. Г. Контроллинг: современное состояние и перспективы, «Российское предпринимательство», № 1, 2001.

[4] Борисов А. Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с.

[5] Манн Р., Майер Э. Контроллинг для начинающих: Пер. с нем. М.:Финансы и статистика, 1992. – 208 с. (под ред. Ивашкевича Б. В.)

[6] Контроллинг: учебник/А. М. Карминский, С. Г. Фалько, А. А. Жевага, Н. Ю. Иванова; под ред. А. М. Карминского, С. Г. Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.ил.

Список литературы:

1. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с.
2. Карминский А. М., Фалько С. Г., Жевага А. А. Контроллинг: учебник, М.: Финансы и статистика, 2006. — 336 с.ил.
3. Манн Р., Майер Э. Контроллинг для начинающих: Пер. с нем. М.: Финансы и статистика, 1992. — 208 с. (под ред. Ивашкевича Б. В.)
4. Фалько С. Г. Контроллинг: современное состояние и перспективы, «Российское предпринимательство», № 1, 2001.
5. Хорват П. Концепция контроллинга: Управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование. Horvath & Partners; Пер. с нем. — 2 –е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 269 с. — (Серия «Модели менеджмента ведущих корпораций»)
6. Информация с сайта Объединения Контроллеров в России www.controlling.ru

Konkina Elena Vladimirovna
Kazan State University

Конькина Елена Владимировна, Казанский федеральный университет,
студентка факультета Экономики предприятия

Strategic management of expenses on a basis a target-costing

Стратегическое управление затратами на основе таргет-костинга

В настоящее время в России идет активный процесс внедрения методов управленческого учета на предприятиях. Периодом становления и развития данного вида учета являются 1940-е годы. Бухгалтерский учет стал не только средством обработки и группировки экономической информации, содержащейся в первичных документах, но и превратился в способ исполнения управленческой политики фирмы. Появились дополнительные функции по сбору информации для принятия хозяйственных решений.

Возникновение управленческого учета в США было обусловлено развитием акционерной формы бизнеса. Новым требованием акционеров стало своевременное представление информации. Необходимость оперативного представления информации привела к изменению объема объектов учета, он сократился до расходов и доходов, что повысило достоверность представляемой информации.

Основным аспектом управленческого учета является разработка методов и реализация управления затратами. Управление затратами играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности продукции и связано с выявлением различных альтернативных управленческих решений: способов организации производства и сбыта, формирования ассортимента, ценообразования, создания новой продукции, а также с определением влияния данных факторов на реализацию конечной цели фирмы — получения прибыли.

Все более актуальным становится стратегический подход к управлению затратами на производство и реализацию продукции, который подразумевает реализацию долгосрочных целей и задач организации а также всесторонний анализ внешней среды, в которой функционирует предприятие.

Наиболее популярным калькуляционным методом стратегического управления является таргет-костинг.

Впервые данный подход был применен в 1965 году одной из крупнейших японских автомобильных корпораций. Полномасштабное внедрение началось в 1980-х годах в промышленных корпорациях США.

Одно из первых определений таргет-костинга приведено М Сакураи в 1989 году: таргет-костинг — это средство управления затратами, применяемое для снижения любых затрат, связанных с продуктом в течение всего периода его жизненного цикла путем объединения усилий производственных, конструкторских, исследовательских, маркетинговых, экономических подразделений компании[1].

Концепция таргет-костинг представляет собой систему управления, направленную на снижение затрат и реализующую планирование новых продуктов и калькулирование целевой себестоимости в соответствии с рыночными условиями. Она является эффективным инструментом превентивного контроля и экономии затрат еще на стадии проектирования. Новизну этой концепции можно представить в виде выражения: цена — прибыль = себестоимость.

Таким образом, система таргет-костинг предусматривает расчет целевой себестоимости изделия путем вычитания из предварительно установленной цены реализации величины прибыли, которую хочет получить фирма. При этом ожидаемая рыночная цена может быть установлена с помощью маркетинговых исследований.

В ходе целевого калькулирования себестоимости производится планирование по трем стратегическим направлениям, характерным для любого изделия:

— конкурентная борьба;

— себестоимость-цена;

— качество;

— функциональные возможности.

Процесс реализации таргет-костинга можно представить в виде следующих параллельных этапов:

— определение рыночной цены продукции. Как уже отмечалось выше, используются средства маркетингового анализа. Продукт позиционируется в своем сегмент, выполняется конкурентный анализ, рассчитываются базовая цена продажи продукта конечному потребителю и возможный объем продаж;

— уточнение требований к функциям и качеству. Выполняется анализ предпочтений потребителя, влияющих на выбор конкретного товара;

[1] Sakurai M. Target Costing and How to Use It//Cost Management. 1989. Summer, pp. 39–50.

— установление целевой прибыли для продукта. Ставка прибыльности продукта может устанавливаться исходя из дивидендной политики предприятия; анализа доходности конкурентов; политики продвижения товара на рынке и т. д.;

— определение допустимой себестоимости продукта. Определяется как разница между базовой ценой и целевой прибылью. Допустимая себестоимость устанавливает предел всех затрат на разработку, производство, продвижение и продажи планируемых объемов продукта;

— расчет прямой целевой себестоимости производства продукции. Расчет отражает сложившиеся на данном предприятии и в отрасли особенности системы сбыта аналогичных продуктов, затраты и прибыль каждого из участников сбытовой цепи, систему доставки и хранения товара в сбытовой системе;

— функциональная декомпозиция и определение допустимых затрат по каждой функции. При этом распределение прямых целевых затрат осуществляется согласно ожидаемой значимости этих функций для потребителей. Значимость той или иной функции определяется на основе экспертных оценок или опроса потребителей;

— разработка продукта. На данном этапе необходимо учитывать функциональные требования, определенные ранее, а также дополнительные ограничения, такие как: соответствие технологическому уровню предприятия, системе контроля качества, экологии. Результатом разработки является прототип продукта;

— оценка затрат по каждой составной части продукта. Затраты, калькулируемые для вновь разрабатываемого продукта, называют дрифтинг-затраты. По каждому компоненту продукта выполняется калькулирование затрат и определяются дрифтинг-затраты;

— оценка затрат на реализацию каждой функции товара. На данном этапе привлекаются различные функциональные специалисты, по результатам работы которых составляется таблица соответствия дрифтинг-затрат функций и дрифтинг-затрат компонентов;

— сравнение допустимых затрат по продукту и по отдельным функциям с соответствующими дрифтинг-затратами;

— корректировка или перепроектирование продукта;

— установление целевых затрат;

— производство и непрерывный контроль затрат в процессе производства.

Необходимо отметить следующие достоинства системы таргет-костинг.

Во-первых, функции маркетинга и проектирования реализуются совместно, в результате производимый продукт максимально отвечает ожиданиям потребителей и имеет наиболее вероятную цену реализации. При этом вся производственная деятельность предприятия координируется и контролируется в соответствии с важным стратегическим ориентиром — целевой себестоимостью.

Во-вторых, становится возможным применение таргет-костинга совместно с бюджетированием, планированием прибыли, формированием центров ответственности. В результате таргет-костинг становится элементом стратегического управленческого учета.

В-третьих, при использовании данной концепции учитываются не только внутренние, но и внешние факторы — факторы рыночного окружения.

Кроме того, таргет-костинг мотивирует сотрудников на достижение себестоимости, которая позволит фирме получить положительный финансовый результат в условиях конкуренции.

Приведем пример использования метода таргет-костинг в части переменных затрат. Предположим, предприятие производит продукт А. фактические удельные переменные затраты предыдущего периода составили 80 ден. ед., фактический объем отчетного периода — 1200 ед., удельные переменные затраты, подлежащие сокращению в отчетном периоде — 8 ден. ед., фактические валовые переменные затраты — 89000 ден.ед.

Рассчитаем отклонение затрат. Плановые валовые переменные затраты составили 96000 ден. ед. (80 ден. ед.*1200 ед.), плановые валовые переменные затраты, подлежащие сокращению 9600 ден. ед. (8 ден. ед.*1200 ед.), фактические сокращенные переменные затраты — 7000 ден. ед. (96000–89000). Отклонение фактических сокращенных затрат от плановых затрат, подлежащих сокращению, рассчитывается следующим образом: 7000–9600 = –2600 ден. ед. Данное отклонение является неблагоприятным, что значит невыполнение целевого задания по сокращению затрат.

В данном случае таргет-костинг предстает эффективным относительно простым методом учета целевых нормативных затрат. При таком подходе нет необходимости в определении ежедневных отклонений фактических параметров от нормативных, в составлении полной фактической калькуляции, в разработке детальных норм и нормативов. Основное внимание уделяется на сравнение реально сокращенных затрат с запланированными затратами, подлежащими сокращению, что упрощает процедуру ведения учета затрат.

Уже много лет концепция таргет-костинг используется на производственных предприятиях. Данная система имеет особое значение в инновационных отраслях с коротким жизненным циклом. Кроме сферы производства инновационных продуктов, таргет-костинг все чаще применяют предприятия, действующие в сфере обслуживания.

По оценкам зарубежных экономистов около 80% полных затрат жизненного цикла закладывается на стадии разработки и проектирования продукции[1]. Поэтому на этих этапах жизненного цикла продукции имеются существенные способности снижения себестоимости и повышения конкурентоспособности. Для их реализации необходимо обеспечить формирование прогнозной информации о затратах, что и достигается посредством методики целевого калькулирования себестоимости продукции.

Однако помимо явных преимуществ метод целевого калькулирования имеет определенные недостатки, которые могут стать препятствием для внедрения этой системы на российских предприятиях. К ним относятся:

— увеличение времени разработки нового продукта из-за неоднократного перепроектирования. Ввиду этого не любой инвестиционный продукт можно приспособить к рыночным условиям;

— давление руководства на персонал для достижения целевой себестоимости любой ценой;

— возникновение конфликтов между перепроектировщиками, стремящихся снизить производственную себестоимость продукта, и маркетологами, выступающими против снижения затрат на сбыт и продвижение продукции.

В заключении следует отметить, что применение лишь одной системы учета затрат и расчета себестоимости на предприятии не приведет к желаемым результатам. Необходимо их разумное сочетание, при котором появится реальная возможность получить конкурентные преимущества.

[1] Э. А. Аткинсон, С. К. Раджив. Управленческий учет/Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс, 2005. С. 75.

Kots Grigoriy Pavlovich, Kharkov National University of Economics
Associate professor of the information systems department
Lyashenko Vyacheslav Victorovich
Kharkov National University of Radio Electronics, the chief of the laboratory
"Transfer of Information Technologies in the risk reduction systems"

Banking sectors of the economies of European countries in the representation of statistical interrelation between indices that characterize their development

Banking sector of economy, that represents the whole range of different banking establishments which ensure the movement of financial flows between different economic entities and spheres of economic life, plays an important role in the development of any country.

At the same time in the context of globalization of integration processes in financial market as well as between different countries, functioning of banking sector of a certain country in many ways depends on integral development of capital markets of other countries. A specific example of such dependence may be the development of global financial and economic crisis which became apparent in September-October 2008 or the development of modern debt financial crisis of Europe. Eventually all these determine the importance of consideration of emerging interrelation between banking sectors of different countries. Thus, taking into consideration the importance of considering the consequences of debt financial European crisis, the development of banking sectors of economies of European countries will be considered in the following research.

On the whole, the denoted subject of the proposed research is reflected in many scientific studies[1]. At the same time, different periods in the development of banking sectors of economies of different countries[2] as well as their mutual influence are considered[3]. Yet the issues of the analysis of statistical interrelation between indices that characterize the development of banking sectors of economies will constantly be in sight of researchers.

It is connected with the fact that the statistical base of the appropriate analysis is expanding and specifying due to the continuity of economic development, new methods and approaches to revealing and researching the interrelations emerged in the process of such development are suggested[4].

Yet methods of statistical analysis, where the construction of regression dependences between investigated data series can be single out, remain prevailing in the investigation of the correlations of different indices which characterize the development of the researched processes, phenomena and objects[5].

Thus, on the assumption of the stated above, let us consider the estimations of static interrelations between separate indices of banking sectors of economies on the basis of construction of different regression dependences between investigated indices. As the banking sectors of economies which will be concerned, the economies of different groups of European countries will be investigated. This option is based on the fact that banking sectors which are being considered must be not only interrelated at the level of economic relations but also be comparable at least according to the mentality of the development of economies of certain countries or from the point of view of those countries that declare such mentality and aim at it.

This indicates the necessity to single out separate groups of European countries where, first of all, it is reasonable to consider the group of developed countries (group 1) and developing countries of Europe (group 2). At the same time, the group of developing countries of Europe can be divided into two subgroups: the group of countries of the former USSR (group 3) and the group of developing countries of the rest of Europe (group 4). Reasonability to single out and to consider the last groups of European countries is dictated not only by the existing conditions of their economic development, but also by the conditions that determined this development before.

At the same time, the dynamics of the development of banking sectors of every European country that is being considered, as a rule, is characterized by such basic indices as: the volume of requirements to the non-banking sector of economy (ANB) and banks (AB); the volume of liabilities to non-banking sector of economy (ONB) and banks (OB); the volume of credits that was given to non-banking sector of economy (KNB) and banks; the volume of the resources, involved in deposit accounts taken from non-banking sector of economy (DNB) and banks (DB). However, we will not consider the value of such indices, but their temporal changes. This is done for the purpose of comprehensive record of dynamic versatility of the development of banking sectors of economies of considering groups of European countries. As time lag we have chosen the period from 2000 to 2011 that makes it possible to consider together both the periods of stable economic development and the periods revealing crisis. Yet it is necessary to take into account presumable denial of such consideration, when at first sight the separate consideration of the period of stable development and the period revealing crisis is more acceptable. The denial of such consideration is connected with a variety of reasons:

---

[1] Problems and prospects of international currency and credit relations: Monograph/editor I. Z. Yaryginoy, T. V. Struchevskoy, – M.: Finuniversitet, 2011; Howells P. Financial Markets and Institutions/P. Howells, K. Bain. – 5.ed. – Harlow : Prentice Hall: Pearson Education, 2007; Mishchenko V. Foreign capital in the banking system of the countries of Central and Eastern Europe. Lessons for Ukraine/V. Mishchenko, R. Nabok//Banking. – 2006 – № 5–6.

[2] Golovan S. Probability of Default Models of Russian Banks II. Models and macroeconomic environment/S. Golovan, M. Evdokimov, A. Karminsky, A. Peresetsky/Waking Paper # 2004/43. – Moscow, New Economic School, 2004; Vasyurenko O. V. An Econometric Analysis of Banking Financial Results in Ukraine/O. V. Vasyurenko, G. M. Azarenkova, N. J. Scannell//Journal of Academy of Business and Economics (JABE). – 2004. – Vol. IV. – № 1.

[3] Calvo G. A. Phoenix miracles in emerging markets; recovering without credit from systemic financial cryses. G. A. Calvo, A. Izquierdo, E. Talvi//BIS Working papers. – 2006. – № 221; Rysin V. Vliyanie innostrannykh bankov na funktsionirovanie bankovskoy sistemy Polshy/V. Rysin, V. Babenko, Z. Lapishko//Vesnik NBU. – 2007. – № 3.

[4] Kuzemin O. Methods of comparative analyses of banks functioning classic and new approaches. O. Kuzemin, V. Lyashenko//International Journal Information Theories & Applications. – 2009. – Vol. 16. – № 4; Kots G. P Sovremennye metody analisa funktsionirovaniya bankov: resheniye problymnykh voprosov/G. P. Kots, A. Ya. Kuzemin, V. V. Lyashenko//Vostochno-Evropeyskiy zhurnal peredovykh tekhnologyy. – 2010. – № 5/3(47).

[5] Watsham T. J. Quantitative methods in finance/T. J. Watsham, K. Parramore. – Cengage Learning Business Pr, 1996.

first of all, we do not consider any influences on the stability of banking sectors of economies or the revealing of crisis developments, except the factors of mutual influence of banking sectors of economies of different countries. At the same time it can be emphasized that on the whole the economic development as well as the development of banking-sectors of economies is subjected to cyclicity that impartially presupposes the possibility of the record of different levels and stages of their development according to the researched time lag;

if to consider different periods of the development of banking-sectors of economies of certain countries separately, in that case it is quite difficult to perform comparative analysis in relation to separate periods of their development. In other words, the considered time lag for a certain country can be characterized by stable development of banking sector, and for another one on the contrary by the period of revealing the crisis developments. Then the question about inconsistency of such consideration arises again.

And the last, a quarter has been chosen as the separate time observations for which different indices of the development of banking sectors of economies are considered (therefore each data series contains 48 meanings). The chosen submission of data series allow grading possible fluctuations in the indices that are investigated, occurring due to different reasons, including those, that are caused by necessary market changes and also taking into account the influence of seasonal component in the economic development and its influence on the activity changes of banking activities.

Separate statistic characteristics of data series that form indices of banking sectors of economies for further analysis of different groups of European countries are given in the Tab. 1[1].

Table 1.

Statistic series characteristics formed out of separate activities, characterizing the development of banking sectors of economies of different groups of European countries

Separate statistic characteristics	Groups of the European countries							
on the whole on the system								
	assets				commitments			
average	166,77	13,09	3,31	9,78	129,98	5,26	2,86	2,40
standard deviation	444,90	28,10	12,35	17,30	389,91	31,22	26,68	9,70
median	187,37	9,30	2,24	8,31	139,99	6,52	4,06	0,74
minimum	-1148,34	-56,57	-35,93	-31,59	-1161,47	-167,79	-133,25	-34,54
maximum	1559,02	72,90	35,75	47,12	1212,99	45,19	48,81	23,60
	credits				deposits			
average	121,29	10,22	2,61	7,60	114,85	5,20	2,84	2,36
standard deviation	384,72	22,49	10,75	13,21	377,23	31,33	26,71	9,72
median	109,26	5,20	1,44	3,77	128,87	6,43	3,90	0,65
minimum	-1159,29	-28,93	-21,98	-19,67	-1303,72	-168,52	-133,32	-35,19
maximum	1353,10	68,77	33,63	47,94	1168,96	45,15	48,69	23,51
in relation to non-banking sector of economy								
	assets				commitments			
average	57,24	5,65	1,21	4,44	30,41	1,46	0,51	0,94
standard deviation	102,10	12,45	5,02	8,55	103,09	3,73	1,67	3,71
median	65,87	4,04	0,51	4,31	27,00	1,12	0,16	0,56
minimum	-204,07	-18,46	-9,85	-13,05	-252,53	-8,54	-2,58	-12,09
maximum	280,23	36,55	18,26	24,20	317,73	9,41	4,57	10,54
	credits				deposits			
average	36,40	4,51	1,08	3,43	28,38	1,44	0,51	0,92
standard deviation	67,16	10,17	4,34	6,73	95,10	3,73	1,66	3,72
median	35,54	2,02	0,43	1,25	23,82	1,18	0,19	0,54
minimum	-115,52	-12,27	-5,94	-8,89	-249,76	-8,54	-2,58	-12,09
maximum	204,77	37,43	18,02	20,73	276,24	9,66	4,55	10,37
in relation to banks								
	assets				commitments			
average	109,53	7,45	2,10	5,34	99,57	3,80	2,35	1,45
standard deviation	371,48	17,11	8,48	10,28	312,26	30,40	26,66	8,28
median	97,43	5,31	1,26	4,33	125,01	6,03	3,97	1,42
minimum	-997,54	-38,11	-26,08	-18,64	-908,94	-166,55	-136,66	-29,89
maximum	1278,79	44,51	25,10	31,85	1037,60	43,08	51,14	15,48
	credits				deposits			
average	84,90	5,70	1,53	4,17	86,47	3,76	2,33	1,43
standard deviation	336,07	13,89	7,81	7,87	308,02	30,43	26,68	8,29
median	53,99	3,91	0,68	3,83	108,31	5,93	3,97	1,31
minimum	-1061,90	-25,84	-22,10	-16,29	-1053,96	-166,82	-136,71	-30,11
maximum	1158,36	39,78	22,83	31,26	1008,04	42,99	50,96	15,37

[1] Calculated on the basis of the reports of Bank for International Settlement//www.bis.org/publ/quarterly.htm.

As it can be seen from Tab. 1, the statistical characteristics of the considered data series, that form various indices that represent the condition of development of the banking sectors of the economies of different groups of European countries, differ from one another. This leads to the statistical distinctiveness of such data series and thus provides a basis for the construction of regression dependencies to identify the relationships between the investigated indices. In this case, from all possible diversity of emerging relationships, we will first of all consider those ties that determine the development of different groups of European countries separately, and also the mutual influence of these groups but from the point of view of the group of the developed countries and the developing countries of Europe.

In the Tab. 2 we give the calculations of the statistical estimates of the regression dependence between separate researched indices of the banking sector of the economy for the group of the developed countries of Europe (the choice is based on the importance of the researched indices and their dependences in terms of the development of the banking sector of economy).

Table 2.

Statistical estimates of the regression dependence between the researched indices of the banking sector of economies for groups of developed European countries

Independent variables	β	t (45)	p-level	R	F	p
depended variable overall assets						
ONB	0,1058	1,4863	0,1441	0,93	161,74	0,0000
OB	0,8616	12,0983	0,0000			
depended variable overall assets						
KNB	0,1757	4,2331	0,0001	0,97	513,15	0,0000
KB	0,8512	20,5036	0,0000			
depended variable overall assets						
DNB	0,1471	2,0134	0,0501	0,93	141,63	0,0000
DB	0,8259	11,3051	0,0000			
depended variable ANB						
ONB	0,3159	2,0067	0,0508	0,63	15,20	0,00001
OB	0,3760	2,3886	0,0212			
depended variable ANB						
KNB	0,6302	5,1596	0,00001	0,80	39,37	0,0000
KB	0,2223	1,8197	0,0755			
depended variable ANB						
DNB	0,3278	2,1763	0,0348	0,65	16,10	0,00001
DB	0,3817	2,5337	0,0148			

As it can be seen from the Tab. 2 the indices that reflect requirements and liabilities just to the banks have prevailing influence on the dynamics of the overall assets changes of the banking sector of economy of the developed European countries groups. Thus, the development of banks determines the priority development of the banking sector of the economy of developed countries of Europe at the studied time lag. This explains the nature of the two recent financial and economic crises (see above), which have also affected Europe, in full measure. In support of this we can consider the data concerning such dependent variable as non-banking sector assets of the economy (see Tab. 2).

Further in the Tab. 3 and Tab. 4 we give similar calculations for the groups of developing countries of Europe that include countries of the former USSR and other countries of Europe, respectively.

So, the data given in the Tab. 3, where only significant models are presented, indicates less influence of indices which reflect the requirements and liabilities just to the banks on the overall dynamics of the studied dependent variables. One can speak of the dominant influence of the non-banking sector of the economy on the dynamics of banking assets of the represented group in the context of loans. On the one hand data that is presented in Table. 3 may indicate insufficient development of the banking sector of economy of the studied group of European countries, however, on the other hand, the given data suggest the balance of mutual development both the non-banking sector of economy and the banks.

Table 3.

Statistic calculation of regression dependence between the researched indices of the banking sector of economies for the group of the developing countries of Europe, where the countries of the former USSR are presented

Independent variables	β	t (45)	p-level	R	F	p
dependent variable general assets						
ONB	0,1002	0,7588	0,4519	0,46	6,19	0,0042
OB	0,4557	3,4514	0,0012			
dependent variable general assets						
KNB	0,3446	8,2510	0,0000	0,97	373,83	0,0000
KB	0,7447	17,8315	0,0000			
dependent variable general assets						
DNB	0,0962	0,7270	0,4710	0,46	6,07	0,0046
DB	0,4526	3,4207	0,0013			
dependent variable ANB						
KNB	0,8107	12,0147	0,0000	0,92	129,34	0,0000
KB	0,72	2,7740	0,0080			

Table 4.

Statistic estimates of the regression dependence between the researched indices of the banking sector of economies for the group of the developing countries of Europe, the countries not relating to the former USSR are presented

Independent variables	β	t (45)	p-level	R	F	p
dependent variable general assets						
ONB	0,2577	1,9604	0,0561	0,50	7,51	0,0015
OB	0,3829	2,9135	0,0055			
dependent variable general assets						
KNB	0,4562	6,9351	0,0000	0,94	171,44	0,0000
KB	0,5818	8,8442	0,0000			
dependent variable general assets						
DNB	0,2388	1,8069	0,0774	0,49	7,24	0,0019
DB	0,3880	2,9358	0,0052			
dependent variable ANB						
ONB	0,3416	2,5605	0,0139	0,48	6,63	0,0029
OB	0,2751	2,0619	0,0450			
dependent variable ANB						
KNB	0,8632	10,9692	0,0000	0,91	112,99	0,0000
KB	0,0757	0,9615	0,3414			
dependent variable ANB						
DNB	0,3220	2,3971	0,0207	0,47	6,29	0,0039
DB	0,2825	2,1030	0,0411			

The data in Tab. 4 also point out a smaller impact of indicators that reflect the requirements and liabilities just to the banks on the overall dynamics of the dependent variables in the context of the developing countries of Europe, where countries not relating to the former USSR in comparison with the developed countries of Europe are presented.

At the same time, the degree of influence of the banking sector of economies between different groups of European countries is reflected by the data presented in Tab. 5, where only some statistical estimates of the regression relationship between the researched indices of the banking sector of the economy of the researched groups of European countries are reflected. The choice of regression dependences is grounded by a predictable logicality of the similar dependences in terms of the different groups of European countries but similar groups of indices of their banking sectors.

Table 5.

Statistic estimates of regression dependence between separate indices of the banking sector of economies of the researched groups of European countries

Independent variable	β	t (45)	p-level	R	F	p
dependent variable general assets group 1						
ANB group 3	0,3126	1,9957	0,0520	0,62	17,71	0,00002
ANB group 4	0,3622	2,3130	0,0254			
dependent variable general assets group 1						
AB group 3	0,5528	3,4799	0,0011	0,60	12,74	0,00004
AB group 4	0,0699	0,4401	0,6620			
dependent variable general assets group 2						
ANB group 3	0,4000	5,5421	0,00001	0,93	148,041	0,0000
ANB group 4	0,6177	8,5597	0,0000			
dependent variable general assets group 2						
AB group 3	0,5041	9,6145	0,0000	0,96	301,03	0,0000
AB group 4	0,5539	10,5646	0,0000			

First of all, analyzing the data in Tab. 5 we can say that the dynamics of common assets of the developing countries of Europe as a whole is in a close approximately equal dependence according to the dynamics of assets in subgroups 3 and 4 in the context of the non-banking sector of the economy and banks, respectively. Although it is also possible to indicate the predominant influence on the dynamics of the independent variable corresponding to the subgroup 4, which may indicate a more sustainable development of banking sectors of economies of the developing countries of Europe, where the countries not relating to the former USSR are presented in comparison with the similar group, where the countries relating to the former USSR are presented.

At the same time, the analysis of the data of regression dependences on the dynamics of the data series, which reflect changes in assets in the group of the developed countries of Europe and of the separate groups of the developing countries, is somewhat ambiguous. In particular it concerns regression dependences that show the interrelation between total assets of the developed countries of Europe and the assets of the banks in the total assets of the separate groups of the developing countries of Europe. However the explanation of such result would be the following:

the presence in the group of the developing countries of Europe, where the former USSR and Baltic countries are presented;

extended influence of the capital of the developed European countries in the banking system of Central and Eastern Europe[1].

[1] Mishchenko V. Foreign capital in the banking system of the countries of Central and Eastern Europe. Lessons for Ukraine/V. Mishchenko, R. Nabok//Banking. – 2006. – № 5–6.

Thus, considered statistical interrelations between different indices that characterize the conditions of the banking sector of economies do not only reflect the inherent dynamics of the development, but also allow analyzing the mutual influence of the banking sectors of economies of different countries. In this case, such analysis makes it possible to identify typical trends in the banking sector of the different groups of European countries. Therefore, as a future direction of the research it is reasonable to emphasize more detailed consideration of cross-links between different groups of European countries in the context of certain indices that characterize the development of their banking sectors of economies.

Kuzmenko Sergey, Donetsk Institute of law Ministry of internal Affairs of Ukraine
Candidate of legal Sciences, associate Professor

Кузьменко Сергей Георгиевич, Донецкий юридический институт МВД Украини,
кандидат юридических наук, доцент

Social protection of the population: the concept, object, functions, principles

Социальная защита населения: понятие, предмет, функции, принципы

Постановка проблемы. Социальная защита — это многоуровневая, гибкая система законодательно закрепленных экономических, правовых и социальных гарантий, построенных на нормативах, цель которой для трудоспособного населения это создание условий для эффективной работы с реально функционирующим принципом зарабатывания; для нетрудоспособных — поддержка их благосостояния на достигнутом уровне и постепенное его повышение. При этом указанные гарантии социальных прав каждого гражданина взаимосвязаны с законодательными актами и решениями исполнительных органов власти различных уровней.

Главная цель механизма социальной защиты заключается в создании условий, при которых люди смогут обеспечивать себя сами по принципу «превенция против реабилитации». Другими словами, создание таких условий жизни, при которых используется собственный человеческий потенциал и индивид выводится из-под зависимости от внешних условий и государства.

Многими учеными Е. И. Крыхтина, М. В. Мальчик, А. Ф. Новикова, А. Н. Палий, В. А. Скуратовский, С. Юрий социальная защита понимается как определенные обязательства в отношении своих граждан, в первую очередь, наиболее социально уязвимых[1]. Традиционно социальная помощь приобретает форму денежных выплат, материальных льгот и помощи. Однако в данных социально-экономических условиях понятие социальной защиты требуется в более широкой интерпретации. Требуют дальнейшего исследования функции и принципы социальной защиты населения.

Целью статьи является определение цели, предмета, функций и принципов социальной защиты населения.

Изложение основного содержания исследования. Предлагаемое нами понятие социальной защиты основывается на выборе в качестве начальной точки исследования традиционного подхода, поскольку он наиболее соответствует рисковому характеру воссоздания человека. Расширенные трактовки скорее касаются анализа социальной политики в целом, потому что охватывают не только те события, которые нарушают нормальный цикл человеческой жизни, но и те условия, которые составляют нормальные расходы воссоздания населения. По нашему мнению, следуя логике процесса воссоздания, правильнее рассматривать социальную защиту населения относительно социальных рисков, а вопрос удовлетворения потребностей или формирования образа жизни вывести за его пределы. Однако, сам процесс расширенного воссоздания человеческих ресурсов на каждом этапе общественного развития приобретает новые качества в XXI в. в центре внимания находятся вопросы выживания человечества в целом и соответствия уровня жизни каждого индивида достигнутым общественным стандартам.

Принимая как предмет социальной защиты населения потерю заработка, происходит сужение сферы покрытия риска к компенсации потери трудового дохода. Наоборот, считая предметом социальной защиты населения потребности человека или его уровень жизни, мы расширяем сферу его действия, распространяя на все стадии воссоздания человека. Разница же заключается в том, что предметом социальной защиты населения выступает не сам по себе воспроизводственный процесс, а только риски, угрожающие его нормальному протеканию.

Социальная защита населения имеет дело не просто с рождением, питанием, образованием или трудоустройством человека, а и с обеспечением их «стандартным» качеством при наступлении событий, наносящих ущерб нормальному протеканию этих этапов воссоздания. Социальные риски конкретизируются в формы потери средств для существования. Для экономически активной части населения этими средствами являются трудовой доход, для других доход семьи или минимальный доход, гарантированный обществом. Причем, доход, как правило, выражается и в денежной и натуральной формах. Предоставление жилья или медицинского обслуживания рассматриваются нами на уровне с выплатой пособий и пенсий.

На наш взгляд, как предмет социальной защиты населения надо считать социальный риск. Специфика участия тех или иных групп населения в общественном воссоздании будет влиять не на саму суть социальной защиты населения, а только на ее форму и функцию. С помощью социальной защиты населения общество управляет социальными рисками, то есть активно и целенаправленно влияет на них. Способов действия общественная практика выработала немало, поэтому нельзя сказать, что социальная защита населения это некий единый механизм управления рисками, наоборот, это целая система различных мер по регулированию социальных рисков.

---

[1] Мальчик М. В. Становлення соціального захисту та суспільного добробуту громадян в Україні: [монографія]/Мар'яна Василівна Мальчик. – Донецьк.: НАН України, Ін-т економіки промисловості, 2007. – 228с.; Соціальна захищеність населення України/О. Ф. Новікова, О. Г. Осауленко, І. В. Калачова та ін. – Донецьк; Київ: ІЕП НАН України, Держкомстат України, 2001. – 360 с.; Соціальна політика та економічна безпека/Під заг. ред. Є. І. Крихтіна. – Донецьк, Каштан, 2004. – 336 с.; Студінський В. Питання соціальної справедливості у контексті соціальної політики/В. Студінський//Україна: аспекти праці. – 2009. – № 1. – С. 13–16.; Юрій С. Соціальний захист населення в системі соціального страхування/С. Юрій, Л. Клівіденко//Вісник академії економічних наук України. – 2004. – № 1. – С. 110–113.

Цель социальной защиты населения заключается в компенсации ущерба, наносимого социальными рисками расширенному воссозданию населения, и по возможности — снижение и предупреждение их действия. Следовательно, результатом организации социальной защиты населения выступает социальная защищенность населения, которая понимается как соответствие уровня и качества жизни каждого человека достигнутым общественным стандартам независимо от возможности наступления в ее жизни негативных социальных или экономических событий.

Социальная защита населения в нашем понимании это система управления социальными рисками с целью поддержки устанавливаемых обществом социальных стандартов жизни для каждого человека. Как социально-экономическая категория, социальная защита населения является отношением по перераспределению национального дохода в целях обеспечения воссоздания человека в условиях действия социальных рисков на макроэкономическом уровне и определяет место социальной защиты населения в системе общественного воссоздания.

Социальная защита населения основана на процессах доходов от тех, кто не имеет социального риска, к тем, у кого он уже наступил. Соглашаясь с тем, что социальная защита направлена на выявление причин социальных рисков[1], следует также отметить, что это также система мер по компенсации или минимизации последствий социальных рисков, которая способствует нормальному воссозданию рабочей силы и достижению опять же баланса экономических интересов.

Экономическое содержание социальных рисков таково, что они приводят к противоречиям работников и работодателей, работников и государства, работников, которые подверглись рискам и не понесли их. Именно социальная защита населения дает возможность нивелировать эти противоречия или достичь баланса интересов. А устранить эти противоречия невозможно, не внедрив механизм распределения и перераспределения ВНП с целью создания страховых фондов, что, в конечном счете, страхует нормальное воссоздание рабочей силы, защищая интересы работников, которые находятся под угрозой социальных рисков. Таким образом, образуется своеобразная пирамида функций.

Для того чтобы защитить интересы работников, которые находятся под угрозой, нужно создать социальную защиту населения. А чтобы ее сформировать, нужно включить механизм перераспределения. Однако, чтобы внедрить механизм социальной защиты населения, необходимо определить виды рисков и уровень их компенсации.

В последнее время активизировались исследования в направлении функций социальной защиты населения. В научном исследовании нами выделены три функции: компенсирующая, защитная, стабилизирующая.

Главной (высшей) функцией социальной защиты населения является достижение баланса экономических интересов при наступлении случаев социальных рисков. Поэтому размещаем ее на вершине своеобразной пирамиды. Далее необходимо определить виды социальных рисков[2]:

- болезнь;
- признание безработным;
- трудовое увечье или профессиональное заболевание;
- инвалидность;
- временная нетрудоспособность;
- необходимость получения медицинской помощи;
- материнство;
- потеря кормильца;
- наступление старости;
- смерть.

По нашему мнению, не все эти риски можно назвать социальными. Например, инвалидность, полученная не на производстве, к социальным рискам не относится. То же касается потери кормильца, трудоспособности, смерти, связанных с антисоциальным поведением граждан. Здесь должны быть другие источники помощи, а не взносы предпринимателей. Государство обязано поддерживать работающих женщин, но за счет своих собственных источников. Однако в современных украинских условиях целесообразно сохранить действующую систему страхования материнства.

Определив виды рисков, в дальнейшем необходимо определить степень виновности отдельных субъектов в их наступлении и в соответствии с этим установить уровень страхового возмещения. С этой точки зрения все риски можно разделить на 4 группы.

1. Риски с полной компенсацией потери заработка и нанесенного здоровью вреда. Это риски, связанные с несчастными случаями на производстве и профессиональные заболевания. Полная компенсация предполагает оплату дней нетрудоспособности на уровне 100% текущего заработка, помощь при несчастном случае, возмещении расходов на лечение и реабилитацию, пенсию инвалидам труда, льготные пенсии в связи с профессиональным заболеванием и др.

2. Риски, которые подлежат возмещению на обычном жизненном уровне. Например, при выходе на пенсию при полном стаже справедливо обеспечить привычный образ жизни пенсионеру, то есть такой, который мало отличается от его предпенсионного периода (70–80% заработка). Это также касается пенсий при потере кормильца, которая произошла во время выполнения служебных обязанностей.

3. Риски, которые подлежат возмещению на уровне, достаточном для покрытия основных потребностей (потребительская корзина). Сюда можно отнести пособие по безработице, возмещение заработка при текущей заболеваемости, оказание медицинских услуг, помощь на санаторно-курортное лечение.

4. Риски, которые подлежат возмещению на минимальном уровне, социальные пенсии, пенсии инвалидам детства, пенсии при потере кормильца, не связанные с выполнением служебных обязанностей, предоставление медицинских услуг этим категориям работников, пособие по беременности и родам неработающим женщинам.

В исследовании определено, что социальная защита населения должна быть построена на определенных принципах, которые отражают ее сущность и функции. Принципы социальной защиты населения дают ее общую характеристику. Это

---

[1] Соціальна політика та економічна безпека/Під заг. ред. Є. І. Крихтіна. – Донецьк, Каштан, 2004. – 336 с.

[2] Там же. – С. 22.

вопрос о субъектах права, об условиях возникновения этого права, о размерах страхового возмещения, об их источниках, гарантиях и др. Вообще принципы любой системы выводятся на уровне теоретического анализа, но воплощаются в простые понятия, доступные и понятные каждому человеку.

Чтобы достичь баланса интересов при наступлении социальных рисков разрабатываются определенные условия и правила, то есть принципы. Кстати, они тоже не могут быть выбраны произвольно, поскольку являются внешним (юридическим) оформлением существенных качеств того или иного экономического явления. И с этой точки зрения принципы социальной защиты населения обусловлены самим характером, сутью и формами ее проявления. Руководствуясь этими принципами можно правильно сформировать организационный механизм социальной защиты населения. Принципы должны обеспечить условия, необходимые для выполнения его функций. И хотя они выводятся на уровне теоретического анализа, но зависят от восприятия их людьми, человеческим сознанием. Поэтому принципы являются более субъективными категориями, чем, например, функции.

В исследовании социальной защиты населения нами определен принцип всеобщности и обязательности. Это основополагающий принцип, без которого социальная защита населения существовать не может. Имеется в виду обязательность не только выплат компенсации, но и обязательность страховых взносов как со стороны работодателей, так и со стороны работников, и на тех условиях, на которых они пришли к согласию.

Но принципы обусловлены не только со стороны внешней формы, но и со стороны содержания и глубинной сути, то есть с учетом разнообразия социальных рисков. В связи с тем, что риски разные по характеру, степени потери трудоспособности, виновности основных субъектов, то нужен принцип дифференциации взносов в социальные фонды и выплат по ним. Может быть полная или частичная компенсация, или даже минимальная.

Поскольку в условиях риска находятся все работающие, но поддаются им реально не все, то неизбежен принцип солидарности. Это такая ситуация, при которой общие взносы в тот или иной фонд социального страхования могут перераспределяться между застрахованными лицами. Одним достается больше, другим — меньше, третьим — вообще ничего.

Что касается рисков, которым подвержены все граждане без исключения, это наступление старости. Здесь нужен принцип социальной справедливости, что делает невозможным уравниловку в пенсионном обеспечении. Если взносы делаются в зависимости от начисленной оплаты труда, то и пенсии должны начисляться пропорционально трудовому вкладу. Не могут быть выплаты уравнительными, тем более, как это сейчас часто получается, кто внес страховых платежей больше, пенсию получает меньше. Всевозможные доплаты за участие в войне и другие заслуги перед отечеством должны иметь своим источником другие средства, а не страховые взносы.

Но чтобы сама помощь и выплаты не подвергались риску ввиду отсутствия средств, нужен принцип их автономности, т. е. например, нельзя смешивать фонды социального страхования с другими государственными фондами, бюджетом, например, где они могут распылиться и пойти на совсем другие цели. Кроме того, необходимо заранее рассчитать объемы выплат. Это правило можно назвать принципом устойчивости социальной защиты населения.

Бесспорным остается то, считает В. Студинский, что собственно социальная справедливость является оценочным понятием и находится в системе социальных сравнений, что в повседневной жизни имеет случайное, неадекватное содержание[1].

Принцип социального партнерства по своему значению, это широкое понятие, которое характеризует в целом взаимоотношения классов и социальных групп в современном цивилизованном обществе, где проблемы решаются мирным путем в результате договоренности и взаимных соглашений предпринимателей и наемных работников с участием государства. Партнерская функция государства должна быть отнесена к основным функциям, без которых невозможно осуществлять эффективное управление социальным развитием в современных условиях постиндустриального развития[2].

И, наконец, еще один принцип — это обеспечение контроля за руководящими органами социальной защиты населения со стороны населения, через общественные организации (профсоюзы, союзы предпринимателей и др.) и установления ответственности за допущенные нарушения в формировании и использовании фондов.

В реальной жизни социальная защита населения не может быть организована без принятия законодательных актов. Поэтому кажется, что она с этого начинается. Однако, как показывает анализ сути функций социальной защиты населения, до того как принять законы, нужно глубоко изучить систему экономических отношений в рыночной экономике, в том числе возможности социальных рисков, противоречия, возникающие при этом, определить пути их решения и способы возмещения потерь. И только тогда социальная защита населения будет нормально выполнять все объективно присущие ей функции.

Вывод. Таким образом, в нашей стране уже сложилась определенная система социальной защиты, но ее переосмысление и развитие адекватные современному этапу, требуют значительных усилий, причем как экономического, так и социально-психологического характера в связи с тем, что в обществе сложились определенные стереотипы. Причем многие из них базируются на иждивенческом подходе и полном нежелании самостоятельно отвечать за собственное материальное благосостояние.

Список литературы:

1. Мальчик М. В. Становлення соціального захисту та суспільного добробуту громадян в Україні: [монографія]/Мар'яна Василівна Мальчик. — Донецьк.: НАН України, Ін-т економіки промисловості, 2007. — 228 с.
2. Соціальна захищеність населення України/О. Ф. Новікова, О. Г. Осауленко, І. В. Калачова та ін. — Донецьк; Київ: ІЕП НАН України, Держкомстат України, 2001. — 360 с.
3. Соціальна політика та економічна безпека/Під заг. ред. Є. І. Крихтіна. — Донецьк, Каштан, 2004. — 336 с.
4. Студінський В. Питання соціальної справедливості у контексті соціальної політики/В. Студінський//Україна: аспекти праці. — 2009. — № 1. — С. 13–16.

[1] Студінський В. Питання соціальної справедливості у контексті соціальної політики/В. Студінський//Україна: аспекти праці. – 2009. – № 1. – С. 15.

[2] Діденко Н. Г. Реалізація партнерської функції держави в управлінні соціальним розвитком в умовах постіндустріального розвитку/Н. Г. Діденко//Збірник наукових праць ДонДУУ «Державні механізми управління природокористуванням»: Серія «Державне управління». – Т. IX. – вип. 111. – Донецьк, 2008. – С. 160–169.

5. Юрій С. Соціальний захист населення в системі соціального страхування/С. Юрій, Л. Клівіденко//Вісник академії економічних наук України. — 2004. — № 1. — С. 110–113.
6. Діденко Н. Г. Реалізація партнерської функції держави в управлінні соціальним розвитком в умовах постіндустріального розвитку/Н. Г. Діденко//Збірник наукових праць ДонДУУ «Державні механізми управління природокористуванням»: Серія «Державне управління». — Т. IX. — вип. 111. — Донецьк, 2008. — С. 160–169.

Kul'chyts'kyj Yaroslav,
Dean of the Faculty of Economics of the National Forestry University of Ukraine,
Doctor of Political Economy

Кульчицкий Ярослав Владимирович,
декан экономического факультета Национального лесотехнического университета Украины,
доктор политической экономии

Ecologization of economic systems and their comparative analysis in the conditions of strengthening of globalization

Экологизация экономических систем и их сравнительный анализ в условиях усиления глобализации

Вступление. Исследование теоретико-методологических основ анализу современных экономических систем объективно предусматривает выявление приоритетных доминант их трансформации, которыми в XXI ст. есть, на наш взгляд, экологизация и глобализация. Именно эти процессы осуществляют в настоящее время решающее влияние на функционирование и трансформацию существующих или становление новых экономических систем. Будучи тесно взаимоувязанными между собой, они обусловливают ключевые параметры экономических систем, их элементную структуру, определяют наиболее важные функции. И хотя актуальность проблемы экологизации экономики не подлежит сомнению, тем не менее большинство существующих научных исследований имеют или исключительно экономический, прагматичный уклон, или природоохранную направленность в чистом виде. Отсюда выплывает необходимость комплексного подхода к этой сложной и важной теоретической и практической проблеме на основе диалога экономической и других наук.

Целью нашей статьи есть разработка теоретико-методологических основ исследования и выяснения содержания экологизации современных экономических систем в контексте экономической компаративистики, что имеет важное значение для методологии экономической теории, а также практики государственного регулирования взаимодействия экономической и экологической систем и обеспечения устойчивого развития как развитых, так и транзитивных, переходных экономических систем в условиях усиления глобализации. Методами нашего исследования в первую очередь есть анализ и синтез, диалектический метод, системный, синергетический, сравнительный анализ и др.

Результаты исследования. На наш взгляд, экологизация современных экономических систем является характерным признаком формирования постиндустриального (информационного) общества. Соответственно теоретическое исследование современных экономических систем сквозь призму усиления их экологизации, с учетом эпохального перехода от человека экономического (homo economicus) к человеку творческому (homo creator)[1], непременно должно основываться на постиндустриальной парадигме. Именно постиндустриальная парадигма есть, по нашему убеждению, тем ключом, который позволяет раскрыть содержание современных экономических систем, осуществить их сравнительный анализ и выявить стратегический вектор системной трансформации в условиях усиления экологизации и глобализации.

Экологизация современных экономических систем предопределяет, по нашему убеждению, необходимости переосмысления фундаментальных методологических постулатов, положений экономической теории. Экономическая теория в течение своей тысячелетней эволюции прошла много этапов развития. При этом, понятно, видоизменялся предмет ее научного анализа, методология, теоретические парадигмы, концепты, что определяло соответствующие изменения экономического дискурса, корректировало стратегию фундаментальных исследований. Но всегда почвой научных концепций, выводов, рекомендаций были реальны экономические процессы, общественная экономическая практика, которая выступает в качестве единственного и определяющего критерия истинности теории. Прошлое XX ст. знаменовало собой новый взлет экономической науки, ее активный диалог со многими другими науками: от социальных к естественным. Практическими причинами таких тенденций в методологии экономической теории стали в первую очередь острые проблемы взаимоотношений человека и окружающей среды, экологии. В результате этих негативных тенденций как в национальных, так и мировой экономиках, в экономической теории начала утверждаться экологическая парадигма, которая предусматривает рассмотрение, исследование всех экономических и социальных процессов сквозь призму сохранения окружающей среды, условий существования и развития человеческой личности[2]. Как аргументировано отмечают в этом контексте современные польские исследователи Б. Федор, С. Чая, А. Грачик, Из. Якубчук, экологическая парадигма экономической теории вырастает в первую очередь с критики возможностей традиционного неоклассического оптимизационного анализа до решения проблемы деградации и охраны окружающей среды, а также обеспечения соответствующего его качества и доступности естественных средств для будущих

[1] Чухно А. А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України. - К.: Логос, 2003. - С. 258–286; Чухно А. А. Юхименко П. І., Леоненко П. М. Сучасні економічні теорії: [підручник]/за ред. А. А. Чухна. - К.: Знання, 2007. - С. 109–119.

[2] Кульчицький Я. В. Порівняння економічних систем (проблеми методології): [монографія]/Я. В. Кульчицький, Б. В. Кульчицький. - Львів: Вид. центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – С. 54–65.

поколений. Эта критика опирается на такие аргументы, как: многомерность явлений, которые находятся на "стыке" экономической системы и окружающей среды; взаимозависимость между экономической системой и естественными системами (физическая, биологическая, метеорологическая и др.)[1].

По приведенным соображениям, на наше мнение, выплывает вывод, что системное изучение проблем деградации и охраны окружающей среды, системное исследование процесса экологизации экономики может быть концептуально осуществлено только на основе диалога экономической и других наук при надлежащему внимании к раскрытию внутренних механизмов экономической и экологической деятельности как извечному двигателю, движущей силе социально-экономического прогресса. При этом некоторые исследователи прослеживают взаимосвязь между экологизацией экономической теории и гуманизацией экономики и общества. По этому поводу А. Чухно справедливо отмечает, что "… экологизация экономической науки и экономической политики, создания гармоничной эколого-экономической народнохозяйственной системы является необходимым условием гуманизации экономики и общества в целом, создание экономических и экологических условий высокого качества жизни"[2]. По убеждению ученого, экономическая теория должна принять постиндустриальную парадигму как перспективу. Причем, "… переход на новую парадигму — это не только разработка новой системы идей и представлений, но и формирование качественно нового типа мышления, глубокое обновление методологии и понятийного аппарата науки"[3].

Как обоснованно отмечает выдающийся украинский ученый мирового уровня, академик Ю. Туниця, между традиционной рыночной экономикой и экологическими требованиями существуют глубокие противоречия. Поэтому главной проблемой современной экономической науки должно стать формирование новой экологической экономики: "Наука должна сделать все возможное для адаптации рыночной модели экономики к требованиям экологической экономики, более того, в реальной жизни должна состояться трансформация рыночной экономики в экологическую"[4]. Известный исследователь справедливо считает, что экономическая наука в начале третьего тысячелетия должна изменить или по крайней мере существенно уточнить свою парадигму, поскольку "предмет классической и неоклассической экономики становится шире и более сложным в связи с расширением понятия третьего фактора производства "природные ресурсы" к понятию "естественная окружающая среда" (environment)"[5].

Мы разделяем точку зрения известного специалиста, академика Ю. Туници, который выводит экологическую экономику из экономической теории и считает ее составляющей последней. Действительно, каким бы не был оживленным диалог экономической и других наук, но обновлена и обогащена современными концептами и постиндустриальной парадигмой экономическая теория является именно тем методологическим фундаментом, в которому выделяется экологическая экономика как отражение объективного процесса утверждения экологического императива именно в экономической теории. Подытоживая размышления об экологическом императиве в новой экономической теории, академик Ю. Туниця аргументировано отмечает, что "… должна происходить экологизация экономической теории и других экономических дисциплин и, в то же время, економизация экологии и других естественных дисциплин"[6].

Упомянуты выше польские экономисты Б. Федор, С. Чая, А. Грачик, Из. Якубчук справедливо подчеркивают, что экономическая теория является в первую очередь наукой об оптимальном использовании ограниченных и таких, которые имеют альтернативное приложение, факторов производства. Познавательные, как и утилитарные, функции экономической теории в области экологически-экономической проблематики заключаются в этом контексте в создании предпосылок экономической рационализации ведения хозяйства и политики охраны окружающей среды. Такая рационализация, отмечают ученые, происходит всегда в конкретных общественных или даже морально-этических условиях, когда идет речь о системе ценностей, нормы поведения[7].

Современная экологическая этика должна звать к гуманному отношению человека к живым существам, потому что ценностью является каждая жизнь, а права природы играют определяющую роль в конституировании человеческой и вне человеческой жизни[8].

Объективные изменения, которые происходят в настоящее время в развитых экономических системах, должны, по нашему убеждению, найти отображение в теоретическом выделении социально-экологических отношений в системе экономических отношений общества[9]. При этом под социально-экологическими отношениями мы предлагаем понимать отношения, которые объективно складываются между субъектами экономической системы общества, эколого-экономической деятельности в процессе сознательного превращения естественного мира на основе соответствующей экономической и экологической культуры.

Такой подход позволил бы не только сосредоточить внимание ученых-теоретиков на раскрытии содержания и места социально-экологических отношений в категориальном аппарате экономической теории, но и предоставить мощный толчок к всестороннему изучению особенностей функционирования этих отношений в современных развитых экономических си-

---

[1] Fiedor B. (red.), Czaja S., Graczyk A., Jakubczyk Z. Podstawy ekonomii środowiska i zasobów naturalnych. - Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck, 2002. – S. 22.

[2] Чухно А. А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України. - К.: Логос, 2003. - С. 100.

[3] Там же. С. 218.

[4] Туниця Ю. Ю. Екоекономіка і ринок: подолання суперечностей/Ю. Ю. Туниця. – К.: Знання, 2006. – С. 21

[5] Там же. – С. 26–27.

[6] Там же. С. 84.

[7] Fiedor B. (red.), Czaja S., Graczyk A., Jakubczyk Z. Podstawy ekonomii środowiska i zasobów naturalnych. - Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck, 2002. – s. 23.

[8] Ibidem. S. 28.

[9] Кульчицький Я. В. Проблеми формування соціально-екологічних суспільних відносин у контексті трансформації сучасних еколого-економічних систем: [монографія]. - Львів: Камула, 2005. – С. 105–121; Кульчицький Я. В. Проблеми становлення соціально-екологічних суспільних відносин: методологічний аспект//Вісник Львів. ун-ту. Сер. економічна. - Вип. 33. - Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2004. - С. 23–27; Кульчицький Я. В. Порівняння економічних систем (проблеми методології): [монографія]/Я. В. Кульчицький, Б. В. Кульчицький. - Львів: Вид. центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – С. 54–58.

стемах с целью их максимального учета в экономической и экологической политике стран с переходными экономическими системами в процессе их трансформации в условиях усиления экологизации и глобализации.

Утверждая неотложность усвоения общественным сознанием екоцентристской системы ценностей и установок, мы с необходимостью приходим к осознанию важности экологической культуры в процессе становления и трансформации экономических систем[1]. В основе формирования современной экологической культуры должны быть положены в первую очередь ориентированность на экологическую целесообразность и безопасность, отсутствие противопоставления человека и природы, восприятия естественных объектов как полноправных партнеров во взаимодействии с человеком.

Исследование национальных экономических систем сквозь призму экологических проблем неминуемо подводит нас к осознанию планетарного масштаба решения их негативных последствий. Как справедливо подчеркивает С. Соколенко, на рубеже третьего тысячелетия возникла необходимость нового виденья мировым содружеством глобальной экологической ситуации. Другими словами, наступила эпоха "новой ответственности" всех государств за безопасность земной цивилизации[2]. На наш взгляд, планетарный масштаб исследования экономических систем с позиций экологического императива положило началу понятие "устойчивого развития", которое появилось в 80-х гг. XX ст. в процессе деятельности комиссии ООН под руководством премьер-министра Норвегии Г. Х. Брунтланда (так называемая " Доклад Брундтланд"). Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности[3]. Мировой саммит "Планета Земля", что состоялся как конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., разработал и одобрил представителями 179 государств мира документ с красноречивым названием "Повестка дня на XXI века" ("AGENDA-21"). В этом документе предвидена своего рода программа действий, с помощью которых можно добиться устойчивого развития из экономической, социальной и экологической точек зрения. Программа подчеркнула международное признание того, что защита окружающей среды и природных ресурсов должна быть интегрированной с социально-экономическими компонентами, включая проблематику бедности и слаборазвинутости. Форум в Рио-де-Жанейро показал необходимость решения социальных, экологических и экономических проблем учитывая перспективу устойчивого развития. Программа "Повестка дня на XXI века" отображает глобальный консенсус и взятие на наивысшем уровне политических обязательств относительно сотрудничества по вопросам развития и вопросов окружающей среды. При этом не отрицается интенсивное экономическое развитие, а утверждается, что устойчивое развитие — это способ преодоления бедности и борьбы против разрушения естественной жизненной окружающей среды[4].

Как отмечает отечественный ученый мирового уровня Ю. Туниця, непересекающийся характер и актуальность концептуальных положений документов "Pio-92" однозначно подтверждены двумя следующими мировыми саммитами — "Pio+5" (Нью-Йорк, в 1997 г.) и "Pio+10" (Иоганнесбург, в 2002 г.). Невзирая на это, считает украинский ученый, пока еще не видно серьезных перемен к лучшему. Поэтому нужен сильный дополнительный импульс, которым поможет осознать мировому сообществу идею создания Экологической Конституции Земли (ЕКЗ) и необходимости как можно более быстрой ее проработки и одобрения[5]. Как справедливо отмечает известный ученый, ЕКЗ должна иметь статус Основного Закона выживания цивилизации и устойчивого развития, которое, не угрожая суверенитету ни одной страны, ее политическому устрою, вероисповеданию граждан, национальным интересам, в то же время обеспечивал бы каждому государству в частности и мировому содружеству в целом экологическую и экономическую безопасность, а отдельному человеку — нормальные для его жизни естественные условия, как в настоящее время, так и в будущем[6]. Институционное обеспечение ЕКЗ предусматривает создание органов контроля над соблюдением признанных норм экономической целесообразности национальных и международных производственных структур. Такими органами могли бы стать: Совет экологической безопасности, Мировая экологическая организация, Международная экологическая полиция, Международный экологический суд, Международный экологический банк или Глобальный экологический фонд, а также др. взаимоувязаны в единую систему, подчиненную единственной цели институции, которые обеспечивают деятельность, направленную в поддержку принципов устойчивого развития[7].

По мнению академика Ю. Туници, ЕКЗ не должна быть сугубо природоохранным правовым актом: "За своим назначением — это социо-экономико-еколого-правовой документ долгосрочного действия, который должен быть направленным на сохранение единой экологической системы Земли и всех форм жизни на планете и устойчивое социально-экономическое развитие. Если человечество хочет выжить и развиваться как биосоциальная система в глобальной экологической системе, то законы ведения хозяйства во всех странах мира (экономические законы) должны отвечать законам природы, не противоречить данным законам, а согласоваться с ними"[8].

Как отмечают П. Леоненко и О. Черепнина, украинские ученые предложили оценивать уровень устойчивого развития с помощью соответствующего индекса $I_{ур}$, который рассчитывается как сумма индексов для трех измерений: экономического ($I_{еки}$), экологического ($I_{еи}$) и социального ($I_{си}$) с соответствующими взвешивающими коэффициентами. В свою очередь

---

[1] Кульчицький Я. В. Проблеми формування соціально-екологічних суспільних відносин у контексті трансформації сучасних еколого-економічних систем: [монографія]. - Львів: Камула, 2005.; Кульчицький Я. В. Екологічний імператив у порівнянні сучасних економічних систем/Я. В. Кульчицький//Наук. вісник: Зб. наук.-техн. праць. - Вип. 15.1. - Львів: УкрДЛТУ, 2005; Кульчицький Я. В. Порівняння економічних систем (проблеми методології): [монографія]/Я. В. Кульчицький, Б. В. Кульчицький. - Львів: Вид. центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007. – С. 64–65.

[2] Соколенко С. І. Глобалізація і економіка України/С. І.Соколенко. - К.: Логос, 1999. – 443–444.

[3] Мельник Л. Г. Основи стійкого розвитку: [навч. посіб. для післядипл. освіти]/Л. Г. Мельник. - Суми: ВТД "Університетська книга", 2006. – С. 203.

[4] Філіпенко А. С. Глобальні форми економічного розвитку: історія і сучасність/А. С. Філіпенко. - К.: Знання, 2007. – С. 522–523.

[5] Туниця Ю. Ю. Екоекономіка і ринок: подолання суперечностей/Ю. Ю. Туниця. - К.: Знання, 2006. – С. 203.

[6] Там же. С. 195–196.

[7] Там же. С. 209.

[8] Там же. С. 212.

каждый из этих индексов вычисляют, применяя известные в международных оценках индексы конкурентоспособности, экономической свободы, качества и безопасности жизни, человеческого развития и др. Таким образом, индекс устойчивого развития ($I_{ур}$) высчитывают за формулой:

$$I_{ур} = 0,43 * I_{еки} + 0,37 * I_{еи} + 0,33 * I_{си}$$

в которой использованы масштабирующие коэффициенты для обеспечения одинакового веса экономического, экологического и социального измерений в индексе устойчивого развития[1].

Актуализация экологических проблем на пороге третьего тысячелетия характеризуется ростом количества инструментов экологической политики, которые используются в современных экономических системах для экономической защиты окружающей среды. В этом контексте конструктивным кажется подход И. Синякевича, который обосновывает принципы формирования системы инструментов экологической политики: трансформация внешних негативных экологических эффектов во внутренние; интеграции обязательных инструментов экологической политики с добровольными; интеграции инструментов экологической политики с инструментами других политик; приоритетности инструментов экологической политики, которые обеспечивают национальную экологическую безопасность; ранжирование инструментов экологической политики; трансформация инструментов экономической политики в инструменты экологической политики[2].

Польский исследователь Г. Шойге называет три группы орудий политики управления окружающей средой: 1) правовые; 2) экономические; 3) экологическая пропаганда и экологическое образование[3]. Кроме того, он выделяет такие типы экономических инструментов охраны окружающей среды, как: 1) платежи; 2) субсидии; 3) платы при продаже товаров, что после потребления могут измениться на вредные отходы; 4) создание рынка разрешений на загрязнение (который действует в Польше с 2005 г.); 5) финансовые стимулы существующего правового регулирования.

В развитых экономических системах способами реализации эколого-экономических инструментов являются их соответствующие формы, среди которых наибольшее распространение получили такие: 1) налоговые инструменты; 2) пошлины; 3) платы, платежи; 4) штрафа; 5) субсидии; 6) дотации; 7) гранты; 8) кредитные инструменты; 9) выплаты; 10) ускоренная амортизация; 11) ценовые инструменты. В частности, в промышленно развитых странах мира наблюдается тенденция роста роли экологических налогов и их стимулирующего влияния на развитие экономики. Доля экологических налогов в целом от налогообложения юридических и физических лиц представляет: в США — 3,2%, Дании — 3,4%, Австрии — 4,4%, Канаде — 4,5%, Швейцарии — 4,7%, Германии — 4,9%, Франции — 5,4%, Нидерландах — 5,5%, Греции — 6,1%, Новой Зеландии — 6,1%, Японии — 6,5%, Финляндии — 7,3%, Испании — 7,5%, Великобритании — 8,2%, Италии — 9,0%, Норвегии — 10,8%, Португалии — 11,5%, Ирландии — 11,9% [4].

В этом контексте А. Чухно справедливо отмечает, что есть огромное количество примеров в западных странах, где активно и эффективно используются природоохранные технологии на основе четких рыночных принципов. В то же время, подчеркивает ученый, "преодоление экологической опасности превратилось в реальную тенденцию, которая сложилась не под воздействием мифических всемирных экологических налогов, а в результате невиданного прогресса технологий, который сделал ресурсо- и энергосберегающие методы производства экономически выгодными"[5].

Выводы. По нашему убеждению, исследования современных экономических систем должно быть плотно связано с анализом процессов экологизации и генезиса постиндустриального общества. Экологизация должна рассматриваться как новый контекст исследования и сравнительного анализа экономических систем. При этом раскрытие содержания процесса экологизации является в первую очередь возможностью по-новому подойти к исследованию современных экономических систем, ведь одними из важнейших для оценки продвижения экономической системы к новому качеству жизни общества есть параметры, показатели, которые характеризуют меру решение именно экологических проблем. Кроме того, как мы отмечали выше, преодоление экологического кризиса требует в настоящее время объединения усилий разных стран, всего мирового содружества. В то же время исследование "экологического" профиля той или другой конкретной экономической системы неминуемо приводит нас к необходимости учета глобального аспекта функционирования системы в контексте ее "участия" в загрязнении окружающей среды в планетарном масштабе или, например, вывозе "грязных" технологий в отсталые страны, когда идет речь о развитых экономических системах.

Таким образом, дальнейшее развитие экономической теории и разработка методологических принципов исследования современных экономических систем требуют комплексного, взаимоувязанного виденья проблем экологизации и трансформации экономических систем сквозь призму глобализации процессов институционализации представителями разных отраслей научного знания. Другими словами, идет речь о необходимости объединения усилий на "стыках" наук о человеке и обществе. Собственно принимая во внимание определенную обособленность, автономность научных исследований экологических проблем, с одной стороны, и исследований современных экономических систем, — с другой стороны, а также учитывая диалектическое единство, неразрывность и глубинную взаимозависимость, взаимообусловленность окружающей среды, природы, экосистемы и экономической системы, считаем целесообразным ввести в научное обращение понятие "экологизация экономических систем". Под экологизацией экономических систем мы предлагаем понимать усиление экологической направленности экономических систем в процессе их трансформации, что проявляется в становлении современного экономического и экологического сознания и культуры, экологической ответственности, утверждении современных экологических ценностей, формировании соответствующей нормативно-правовой, институционной базы, направленной на общественный контроль над системой связей "человек — экономика — экология", применении санкций и стимулов от-

---

[1] Леоненко П. М. Сучасні економічні системи: [навч. посіб.]/П. М. Леоненко, О. І. Черепніна. - К.: Знання, 2006. – С. 366.

[2] Синякевич І. Концепція щодо формування системи інструментів національної екологічної політики//Економіка України. - 2002.- № 7. - С. 70–73.

[3] Szoege H. Zarys problemów ekonomiki środowiska/Henryk Manteuffel Szoege. - Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2005. – S. 135.

[4] Мельник Л. Г. Основи стійкого розвитку: [навч. посіб. для післядипл. освіти]/Л. Г. Мельник. - Суми: ВТД "Університетська книга", 2006. – С. 115.

[5] Чухно А. А. Постіндустріальна економіка: теорія, практика та їх значення для України/А. А. Чухно. - К.: Логос, 2003. - С. 100.

носительно влияния экономической системы на состояние экологического равновесия в условиях ограниченности ресурсов и обострения экологического кризиса глобального, регионального и локального характера. Экологизация экономических систем является объективным процессом их трансформации, доминантой трансформации на изломе тысячелетий, который утверждает осознание экологических проблем как глобальных.

Предложенное понятие "экологизация экономических систем", по нашему убеждению, не только заполняет соответствующий пробел в экономической теории, но и позволяет полностью учесть экологический контекст исследования экономических систем на пороге третьего тысячелетия. При этом хотим подчеркнуть, что "экологизация экономических систем" — это не просто экологизация экономики путем применения санкций, штрафов, ограничений и тому подобное, а в первую очередь коренные изменения на уровне господствующих экологических и экономических общественных ценностей, институций. Только такой сложный, длительный во времени, но, очевидно, безальтернативный подход может обеспечить развитие как национальных, так и мировой экономических систем, ответить на вызовы цивилизационного продвижения в XXI ст.

Список литературы:

1. Кульчицький Я. В. Современные экономические системы в условиях экологизации и глобализации (теоретико-методологічні принципы сравнения): [монография]/Я. В. Кульчицький. — Львов: Лига-пресс, 2011. — 687 с.
2. Кульчицький Я. В. Проблемы формирования социально-экологических общественных отношений в контексте трансформации современных эколого-экономических систем: [монография]/Я. В. Кульчицький. — Львов: Камула, 2005. — 144 с.
3. Кульчицький Я. В. Методология анализа эколого-экономических систем в контексте цивилизационной парадигмы/Я. В. Кульчицький//Наук. вестник: Зб. наук.-техн. трудов. — Вип. 16.1. — Львов: НЛТУ Украины, 2006. — С. 209–215.
4. Кульчицький Я. В. Экологическая парадигма развития экономической теории в контексте усиления экологизации экономики/Я. В. Кульчицький//Наук. вестник: Зб. наук.-техн. трудов. — Вип. 15.6. — Львов: НЛТУ Украины, 2005. — С. 220–225.
5. Кульчицький Я. В. Экологический императив в сравнении современных экономических систем/Я. В. Кульчицький//Наук. вестник: Зб. наук.-техн. трудов. — Вип. 15.1. — Львов: УкрДЛТУ, 2005. — С. 200–202.
6. Кульчицький Я. В. Философия экологической безопасности в контексте системного подхода к изучению национальных экономик/Я. В. Кульчицький//Вестник Львов. ун-ту. Сэр. экономическая. — Вип. 34. — Львов: ЛНУ имени Ивана Франко, 2005. — С. 358–361.
7. Кульчицький Я. В. Проблемы становления социально-экологических общественных отношений: методологический аспект/Я. В. Кульчицький//Вестник Львов. ун-ту. Сэр. экономическая. — Вип. 33. — Львов: ЛНУ имени Ивана Франко, 2004. — С. 23–27.
8. Кульчицький Я. В. Сравнение экономических систем (проблемы методологии): [монография]/Я. В. Кульчицький, Б. В. Кульчицький. — Львов: Вид. центр ЛНУ имени Ивана Франко, 2007. — 318 с.
9. Леоненко П. М. Современные экономические системы: [навч. посіб.]/П. М. Леоненко, О. И. Черепніна. — К.: Знание, 2006. — 429 с. — (Высшее образование XXI века).
10. Мельник Л. Г. Основы устойчивого развития: [навч. посіб. для післядипл. образования]/Л. Г. Мельник. — Сумы: ВТД "Университетская книга", 2006. — 383 с.
11. Синякевич И. Концепция относительно формирования системы инструментов национальной экологической политики/И. Синякевич//Экономика Украины. — 2002.- № 7. — С. 70–73.
12. Соколенко С. І. Глобализация и экономика Украины/С. І.Соколенко. — К.: Логос, 1999. — 568 с.
13. Туниця Ю. Ю. Екоекономіка и рынок: преодоление противоречий/Ю. Ю. Туниця. — К.: Знание, 2006. — 314 с.
14. Філіпенко А. С. Глобальные формы экономического развития: история и современность/А. С. Філіпенко. — К.: Знание, 2007. — 670 с.
15. Чухно А. А. Постиндустриальная экономика: теория, практика и их значение для Украины/А. А. Чухно. — К.: Логос, 2003. — 631 с.
16. Чухно А. А. Юхименко П. И., Леоненко П. М. Современные экономические теории: [учебник]/за редакторшу А. А. Чухна. — К.: Знание, 2007. — 878 с.
17. Fiedor B. (red.)Czaja S., Graczyk A., Jakubczyk Z. Podstawy ekonomii środowiska i zasobów naturalnych. — Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck, 2002. — 484 s.
18. Szoege H. Zarys problemów ekonomiki środowiska/Henryk Manteuffel Szoege. — Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2005. — 220 s.

Alexandra Laktionova, Ph. D. in Economics,
Assistant Professor of the Chair of Finances and Banking Business of Donetsk National University

Analysis of accumulated imbalances in the management of financial risks in the real economy of Ukraine

The article gives the results of the analysis of real economy sensitivity to financial risks on the basis of identified imbalances. The assessment of real sector capabilities to cover losses from currency and interest rate risks has been carried out. The results and effectiveness of central bank's measures taken to overcome such imbalances in post-crisis period in Ukraine have been revealed.

Introduction. Today scientists recognize the fact that the most important reasons of the negative consequences of the financial crisis in Ukraine are deep structural deformations in the economy (high energy products, raw materials export orientation and low import share directed at investments, successful functioning of economy depending on just several industries, related to low levels of technology and low value-added share, high dependence on commodities markets). These factors formed the basis for a

strong and lasting impact of financial risks on the real economy. However, purely financial factors that led to the accumulation of financial imbalances in the interaction between the real, financial and housing sectors.

This paper examines the volume of accumulated imbalances in the management of such financial risks as currency and interest rate risks in the real economy of Ukraine and the impact of actions of monetary authorities, directed at decreasing its influences in the post-crisis period.

Literature Review. The accumulation of foreign exchange imbalances in the country is the subject of wide range studies of Ukrainian scientists, that investigate their formation on the macroeconomic level in the field of current account and financial account balances, and its regulation by the central bank (A. Dzyublyuk, I. D'yakonova, O. Breslavska, F. Zhuravka, V. Kovalenko, I. Lyutiy, V. Marchuk, V. Mishchenko, A. Somik, I. Spivak).

Unsolved problem. There is a lack of studies of financial imbalances and therefore the sensitivity to foreign exchange and interest rate risks at the level of the real economy in view of its capacity to absorb losses from such risks. The increasing sensitivity to both risks was greatly the result of credit boom. Sharp cutback of credit resources offered by Ukrainian banks and nonresidents reduced the cash inflow in foreign currency. Such threats were typical for many countries. But the crucial role played not the flows but stocks — accumulated imbalances such as big value of debt, absence or small financial reserves. Actualization of monetary authorities focusing on proactive activities requires attention to be paid to such imbalances in both good and bad times, on the financial system and real economy levels.

Goal of the paper is to analyze the size of accumulated imbalances in the management of currency and interest rate risks in the real economy of Ukraine and the impact of monetary authorities' measures directed at decreasing its influences in the post-crisis period.

Results. The National Bank of Ukraine, responsible for price stability and therefore for exchange rate stability, provides the most important prerequisites for financial and macroeconomic equilibrium, sustainable socio-economic development. Using a set of tools in the crisis period, including prudential ones, the Bank pursued a strict monetary policy, aimed primarily at limiting currency, credit, interest rate and liquidity risks in the banking system. On the one hand the peculiarity of the measures was the necessity to limit and, if possible, to overcome the accumulation of financial imbalances, and on the other hand to preserve liquidity in the banking system to support the real sector of economy. In this regard, the Bank pursued the policy aimed at reducing dollarization of the economy, the increase of a long-term liquidity in accordance with the terms of attracting and accommodating costs, reducing the cost of funds for real economy. In this regards the key measures include the following:

— establishment of limitations on credit activity in the amounts, already reached by the banks. While such restrictions concern the foreign currency loans to counterparties that do not have foreign exchange revenues (NBU Resolution of October 11, 2008№ 319)

— establishment more stringent criteria for determining the credit worthiness of borrowers in the evaluation allowable ratio of main and additional indicators for assessing the financial condition of borrowers (NBU Resolution of 06.07.2007 № 248);

— adoption of rules inducing the banks to give information to consumers about the credit and total cost of a loan with the obligation to warn about all foreign exchange risks involving credits in currency (NBU Resolution of10.05.2007 № 168);

— changes in the calculation of regulatory capital adequacy/solvency (H2) taking into account currency risk and the risk of long-term liquidity (NBU Resolution of17.12.2007 № 458)

— changes in the regulation of formation and use of allowance for losses on credit operations of banks, that substantially increased the reserve ratio on foreign currency lending on borrowers who do not have sources of foreign exchange revenues (NBU Resolution of 01.12.2008 № 406).

In addition to measures that reduce the banking system volatility to financial risks, as well as indirectly, that of other sectors, the Bank directly reduced the likelihood and size of exchange rate fluctuations in the foreign exchange market, holding back the growth of inflation, increased liquidity in the banking system to reduce the cost of credit in the economy. It should be noted that today it is recognized that the majority of these actions were untimely and, therefore were ineffective. Saving the financial stability in the conditions of sealed imbalances in the economy have now wobbly nature.

One of the most dangerous imbalances that can occur in any sector of economy is the currency imbalance. If payment balance reflects the state of cash flows, the international investment position indicates the accumulation of assets and liabilities in various economy sectors. Thus this information can be used to determine the sensitivity of real sector to the translational and transactional currency risks.

To assess the value of imbalance assets and liabilities of the real economy, that determines the impact of the translational risk, the following assumptions can be made:

— deposits of the real economy entities is not singled out in dynamic investment position (item "Currency and deposits of other sectors" includes a significant proportion of such households, as well as the existing currency and deposits outside the banking system). Consequently, this article is not included in our calculation of currency positions;

— balance sheet item «Direct investment" as the assets and liabilities of the International Investment Position has an aggregate nature too. This item is not a monetary one and therefore is not taken into account when assessing the translational risk. The changes of the direct investment balance are taken into account only when a sensitivity to transactional risk is analyzed. To calculate it for real sector the private investments to the banks' capital have been seized;

— investments to the equity securities included to the portfolio investments, residents being their elements, are not a monetary item and have not been included into the calculation of translational risk.

Analysis of the open currency position of the real economy (Table 1) allows to make such conclusions:

— in the post-crisis period the upward tendency of total foreign exchange position has not been overcome. However, the rate of increase slowed down significantly: in 2007–2008, the overall imbalance increased by 53% and 60% respectively, attempts to overcome the consequences of the crisis have reduced the rate of growth by 16%. Thus this positive dynamic imbalance, to some extent determined by the fall of dollarization of domestic assets and liabilities of the real sector by 3 to 22% in 2009–2010 respectively. However the tendency of increased imbalance on external assets and liabilities in foreign currency was failed to overcome: from 2008 to 2011the relevant currency position increased by 52%.

Table 1

Indicators of the currency position that determines the sensitivity of Ukraine's real economy to translational currency risk

Indicators	Pre-crisis		Crisis		Post-crisis	
	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1. Currency position on foreign assets and liabilities in foreign currencies, mln USD dollar	-9814	-10437	-16257	-24379	-20921	-24707
2. Currency position on domestic assets and liabilities in foreign currencies, mln USD	-8600	-17674	-28609	-27778	-21781	-24892
3. Total currency position, mln USD	-18414	-28111	-44866	-52157	-42702	-49599
4. Currency position of external liabilities and assets in foreign currency to the total currency position	0,53	0,37	0,36	0,47	0,49	0,50
5. Long-term currency position of external liabilities and assets in foreign currency, mln USD	-14098	-22574	-28691	-26669	-28454	-29570
6. Long-term currency position of external liabilities and assets in foreign currency to total currency position	0,77	0,80	0,64	0,51	0,67	0,60
7. Currency position of external liabilities and assets in foreign currency to the net international investment position	-0,49	-0,33	-0,61	-0,61	-0,52	-0,64
8. Currency position of internal (domestic) liabilities and assets to the difference between long-term loans and deposits of the householders in foreign currency	55,09	1,61	6,72	12,44	15,99	38,89
9. Currency position of internal (domestic) liabilities and assets to the difference between total loans and deposits of the householders in foreign currency	-3,01	2,50	1,69	3,52	13,71	-5,62
10. Total currency position to equity of entities of real economy	-0,57	-0,68	-0,21	-0,32	-0,24	-0,38
11. Total currency position to profit in real economy	-0,69	-1,56	-27,71	9,58	-6,82	-4,34
12. Total currency position to output	-0,22	-0,26	-0,32	-0,40	-0,35	-0,36
14. Total currency position to reserves of NBU	-0,95	-1,26	-1,38	-1,61	-1,35	-1,87
15. Profit (loses) from the currency risk, mln UAH	673	410	-4267	-21323	-791	-200

Monetary government has been unable to stop the growth of external debt of real economy: since 2008 they have grown on average by 10% annually in 2007, this increase was 51%, the liabilities of enterprises have grown from USD68.8 billion to USD99.9 billion. Such situation mainly was a result of increased trade credits — by 14%, 22% and 25% in 2009–2011, respectively, as well as financial loans from non-residents- 2% annually average for this period. It should be noted that domestic enterprises as a whole are characterized by a negative value of working capital for receivables and payables by trading credits. However a significant reduction of such loans to domestic enterprises in 2008, on the one hand, reduced the value of translational risk in this aspect, on the other hand, resulted in a significant diversion of funds through the following changes to its compensation — US $4.943 billion, in 2008 and US $1.843 billion in 2010 (Table 2).

Table 2

Indicators of net investment position in Ukraine

Indicators	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Net international investment position	19919	31397	26699	40199	40247	38777
Liabilities to Net international investment position	226615	121585	267680	259180	291519	309872
Liabilities in real economy to Net international investment position	45536	68841	77948	84024	91995	99907
Growth Rate of Liabilities	1,26	1,51	1,13	1,08	1,09	1,09
Accounts receivable to accounts payable with nonresidents	0,46	0,45	0,77	0,61	0,82	0,59
Working capital for foreign trade loans	-5235	-7230	-2287	-4293	-2450	-6932
Changes in the Working capital	-11	-1995	4943	-2006	1843	-4482

Definitely more effective in this respect was the policy of the National Bank in the banking sector. Compared to the real economy domestic banks have shown a steady decline in external imbalances assets and liabilities: having its historical maximum in 2007 of USD31.208 billion, they fell to USD10.597 billion in 2011.

Due to the potential direct impact on the Bank's internal imbalances value of assets and liabilities in foreign currency they declined in the post-crisis period from USD28.609 billion in 2009 to USD24.892 billion in 2011. In this period loans of the banking system to the real economy of Ukraine, despite its inertial growth in 2009 (1.08 times) in 2010–2011decreased by 27%. As a result of these changes the structure of the overall imbalance of assets and liabilities of enterprises in foreign currency has significantly changed compared to 36% in 2006. The influence of the external imbalance has increased to 50%, reaching thus its pre-crisis value (Fig. 1).

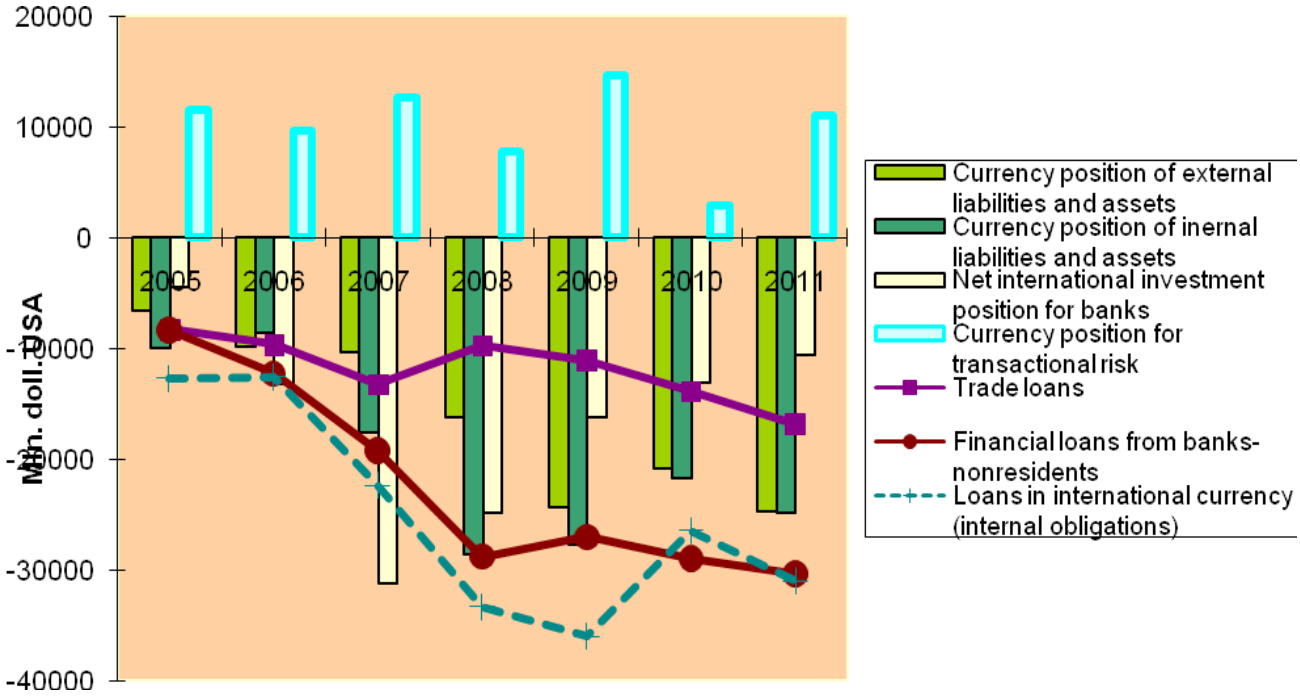

Fig. 1. Dynamics of open currency positions of real economy

It is worth mentioning the persistent trend of financial non-resistance of real economy as of imbalances. So, having reached the maximum of 68% in 2007 of the total value of currency positions to equity in real economy, this indicator decreased in 2011and was 38%. In 2009, the fall of the company's equity in dollar terms was 24%, and 27% in 2011. It is useful to compare this ratio with that of the banks. The currency position of banks through its regulation of the NBU decreased to a value 33% in 2008 and to13.8% in 2011. So today in the real economy the value of the currency position to equity is three times lower than the respective value of the banking system (Fig.2).

Slightly different trend can be observed as of the ratio of currency imbalances to profit: the maximum volatility in this indicator recorded during the crisis in 2008, when this ratio was 27.7, in 2011 its value was 4.34, due to improved financial results and a slight decrease of share of unprofitable enterprises in the sector.

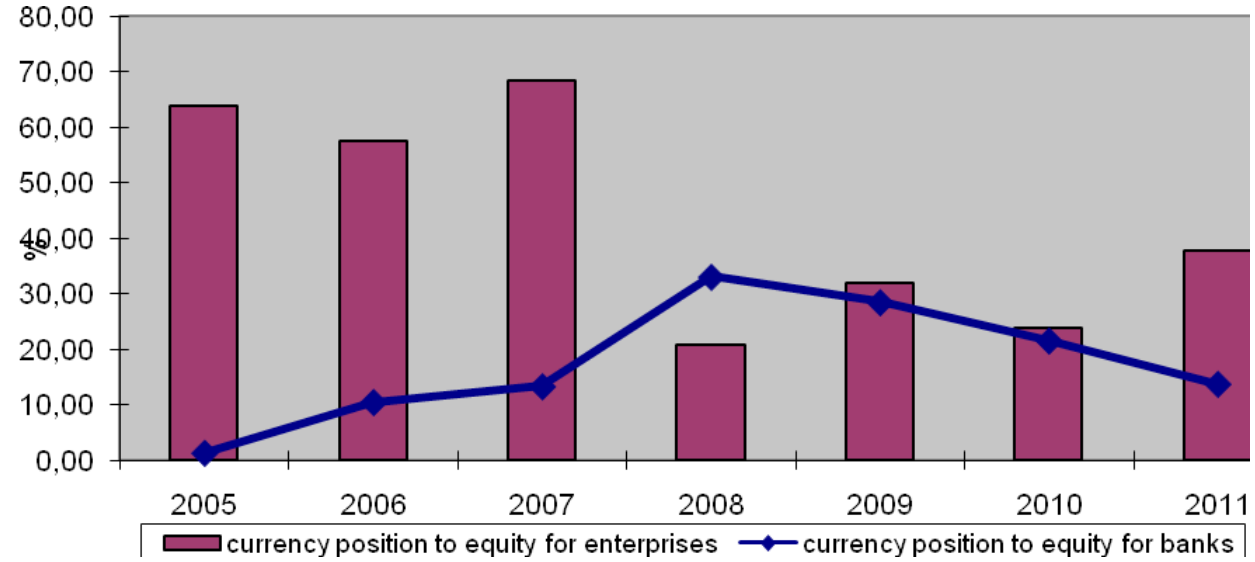

Fig. 2.Dynamics of the currency positions to their equity of enterprises and banks

On increased sensitivity to currency exchange volatility with respect to capabilities of NBU indicates the growth in the ratio of currency position of enterprises to the value of foreign exchange reserves of the central bank — in 2011 this ratio reached a historic high 1.87.

It is also the value of the ratio of the total foreign exchange position in the real sector to GDP that has not reached its pre-crisis rate (22%), while in 2009 it had its worst value of 40%, and in 2011 it was 36%.

Now it is reasonable to trace the dynamics of another index that indicates the possibility of covering the internal imbalances that have emerged, based on the capacity of banks, due to the difference between households' loans and deposits in foreign currency. The lowest value of this index was during the crisis — in 2008 it was 1.96 — in this period the deficit of covering by households' foreign currency deposit loans totaled USD16.966 billion, for the long-term items it makes USD23.556 billion. The main source of funds for banks that cover this imbalance ring credit boom was foreign loans for banks. Due to the tough policy of the NBU, only in the

post-crisis period covered the individual deposits the relative loans. At the same time long-term imbalance remained the same and amounted USD 5.1 billion. So such currency imbalance is now more than in 5.5 times more than the capacity of banks, whose sources are household resources of individuals.

Analyzing the vulnerability of the real economy to transactional currency risk, we note that, as a rule, the value of net cash flow from operations for foreign companies, excluding the balance of export and import had a positive value and the source of coverage. However, the total value of these cash flows, mainly capital accounts, is extremely volatile. Thus the value of net cash flow from operations for foreign enterprises fell during the crisis by 39%. The main factors for the decline were falling investments in debt securities of the real sector, reduction of trade credits. Despite the crisis the inflow of the capital to the real economy, not taking into account their export-import in 2009, increased by 88%.

Due to a low level of liquidity on the global financial markets the inflow of financial loans to the real economy from non-resident lenders have reduced with the largest fall in 2010 by 97%. Currency position of the real economy that was formed by external transactions with non-residents fell by 80%, not covering the same imbalance by cash flows from export-import.

Table 3

Ratios of currency position that determines the sensitivity of the real economy of Ukraine to transactional currency risk and possible losses (profits) from it

Ratios	Pre-crisis		Crisis		Post-crisis	
	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1.Currancy position of external liabilities and assets to the totalcurrency position	1,45	0,80	3,18	0,77	-0,31	1,06
2. Currancy position of internal liabilities and assets to the total currency position	-0,21	0,57	3,04	0,33	0,99	0,29
3.Theinflow of direct investment to total net inflows	0,41	0,67	0,61	0,37	0,48	0,39
4. Shareconcentrated export	71,8	69,2	64,8	54,7	57,8	57,5
5. Share concentrated import	67,4	68,2	68,7	59	61	60,1
6. Currency position to equity of real economy	0,04	0,08	0,01	0,12	-0,08	0,08
7. The coverage of trade credit by export	3,67	2,87	2,57	1,10	1,93	2,11
8. Profit (loses) from the currency risk, UAH mln.	–243	–231	232	7 797	–176	42

Despite the shortfall in export-import operations, the real economy in general provided itself with a positive inflow of foreign currencies (except 2010), taking into account financial borrowings.

However we must consider one of the key indicators that reflects the ability of companies to cover their debts by the revenue from the export of goods and services. As noted above, it is this figure that the bank now look at providing loans. Due to the fall in exports in 2009 (32%), this ratio dropped to 1.1. Tightening lending in 2010, as well as improving conditions in the foreign markets in terms of the growth of export of chemical, engineering goods have led to improvements of this index to 1.93 and 2.11 in the post-crisis period.

However, a more detailed analysis of industry structure lending indicates the formed heterogeneous situation in the real economy. Thus despite the relative decline in the share of basic industries that are export oriented (coal-mining, steel, chemical and machinery industries) in total exports in 2008–2011 they accounted for only 19.1% of bank loans in foreign currency (2011), and only 32% falls on the whole manufacturing. So industries that do not have foreign sources of cash (trade, real estate, construction), despite a slight decrease compared to 2008, still comprise a significant part of foreign currency loans (51%).

The analysis shows the coverage ratio of loans in foreign currency by the revenue from the exports by major exporting industries, the most difficult period of the crisis in terms of the openness of enterprises to the effects of fluctuations in exchange rates was in 2009 in 2010–2011 due to the increased exports, and also restrained domestic policy borrowing in all four areas was a significant improvement of this indicator.

Before the analysis of the vulnerability of the real economy to the impact of interest rate risk, it should be noted that during the crisis and overcoming its consequences the central bank greatly intensified the influence of interest rate instruments on the formation and use of bank resources. In particular, during 2009–2010, the NBU repeatedly lowered the discount rate, which was recognized as a basic one as of other rates of the bank. The crucial factor for the NBU was the support of the cost of the bank resources on a positive level in relation to the inflation rate. As a result, it has been positive for the real economy to reduce interest spread banks. However during some periods the cause for the rising cost of credit was high yield of securities issued by the government.

In order to analyze the sensitivity of firms to interest rate risk as the possibility to increase the cost of debt servicing the following is to be identified: types of loans that are the most vulnerable to changes in the cost and profit respectively, the real cost of borrowing, allowing companies to provide cover interest payments.

Analyzing the dynamics of the cost of borrowed resources for businesses, special attention should be paid to the value of the average interest rate (Table 4), the level of which determines the degree of danger of a possible increase in its value. The most precious resource for businesses in local currency in 2011 was overdraft loans (18.3%) and long-term loans in foreign currency (12.2%). In general, there is a logical trend of increasing cost of resources in the event of an increase in their urgency. Due to the improvement of liquidity in the banking system, the gradual reduction of inflation, purposeful policy of the NBU, the average interest rate on resources in foreign and local currency got 3.16 p. p. lower in the post-crisis period.

The analysis of the coefficient of variation indicates the liability, most sensitive to interest rate risk, which is mortgage and other long-term loans. The cost of these resources has increased most during the crisis, and decreased in the period increased liquidity in the banking system. It should be noted that this situation reflects the characteristics of borrowing entities in the banking system of Ukraine, despite the overwhelming of the de jure proposition of loans at a fixed interest rate, the de facto banks adjust it in the performance of contracts.

Table 4

The level of volatility in interest rates on loans to real economy

Indicators	Interest rates of all loans	Interest rates of loans for current needs	Interest rates of mortgage loans	Interest rates of loans for investment needs
Pre-crisis (2006–2007)				
Standard deviation	0,53	0,50	0,67	0,80
Average	13,56	13,6	14,6	13,5
Coefficient of variation	0,04	0,037	0,046	0,059
Maximum	14,56	14,6	16,1	15,2
Minimum	12,68	12,8	13,7	11,9
Range of variation	1,88	1,9	2,4	3,3
Post-crisis (2008–2009)				
Standard deviation	2,76	2,70	2,85	2,21
Average	16,79	16,9	17,6	16,1
Coefficient of variation	0,16	0,160	0,162	0,138
Maximum	23,44	23,5	24,8	20,5
Minimum	12,99	13,1	13,1	12,5
Range of variation	10,45	10,4	11,6	8,1
Post-crisis (2010–2011)				
Standard deviation	1,28	1,33	2,94	1,34
Average	13,63	13,7	13,8	12,9
Coefficient of variation	0,09	0,097	0,213	0,104
Maximum	16,35	16,4	19,4	15,9
Minimum	12,20	12,2	8,4	10,1
Range of variation	4,15	4,3	11,0	5,8

The analysis of the coefficients of variation of interest rates on loans for real economy shows a significant change in the level of volatility in the studied period: in 2006–2009 yy. somewhat experienced changes in interest rates on loans in national currency, in the post-crisis period the cost of acquiring funds in foreign currency has undergone significant changes with respect to its mean value.

Low volatility of the value of foreign currency loans, lack of restrictions of banks for providing such funds, the stability of the U.S. dollar, as well as very high stable spread between the cost of both foreign and national resources, determined a considerable attractiveness of foreign currency lending in pre-crisis period and the corresponding increasing dollarization of the economy. Naturally, the greatest value of the spread was observed in 2008–2009 (Figure 3). However, the increase in exchange rate fluctuations, especially in the fluctuations between the euro rates, which is in a more limited regulation by the Bank than the U.S. dollar, have made such policy extremely risky both in terms of currency and interest rate risks.

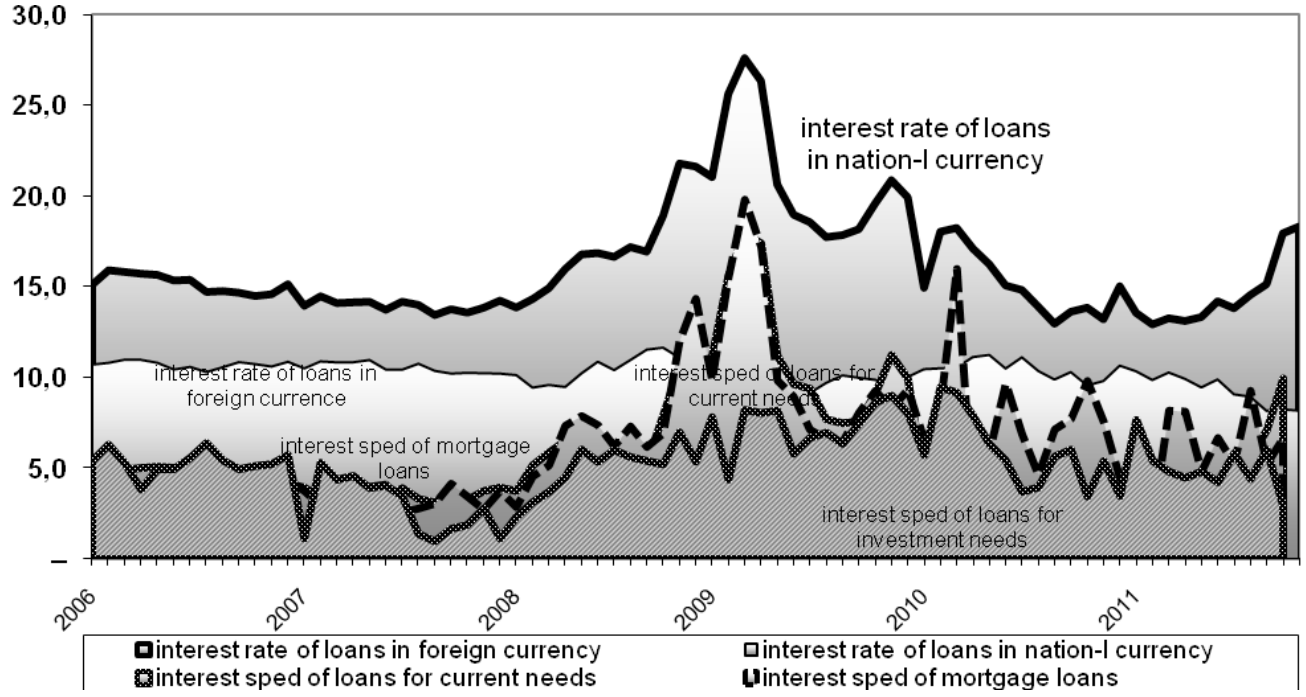

Fig. 3.Dynamics of interest rates and their spreads on loans for real economy in the national and foreign currencies

For a more thorough definition of cost advantages for the real economy lending in foreign currency the interest rate on such loans (given in dollars and euros) should be adjusted to the actual change in exchange rates (Fig. 4).

Since the financial crisis, and taking into account the changes in currency exchange rates, by its cost crediting in U.S. dollars periodically exceeded crediting in the local currency. Keeping the dollar rate stable by the NBU in 2010–2011 made such lending somewhat more attractive in comparison with the cost on lending in the national currency. Much more unstable is in this context the situation regarding the relationship between the cost of crediting in the national and the Euro-currency. Despite the fact that the overall linear trend line adjusted for exchange rate changes in interest rates during the crisis was under the line of actual cost lending rate, a significant instability of the euro does not suggest the presence of a solid advantage in attracting real sector in the Euro-currency compared with the involvement UAH resources.

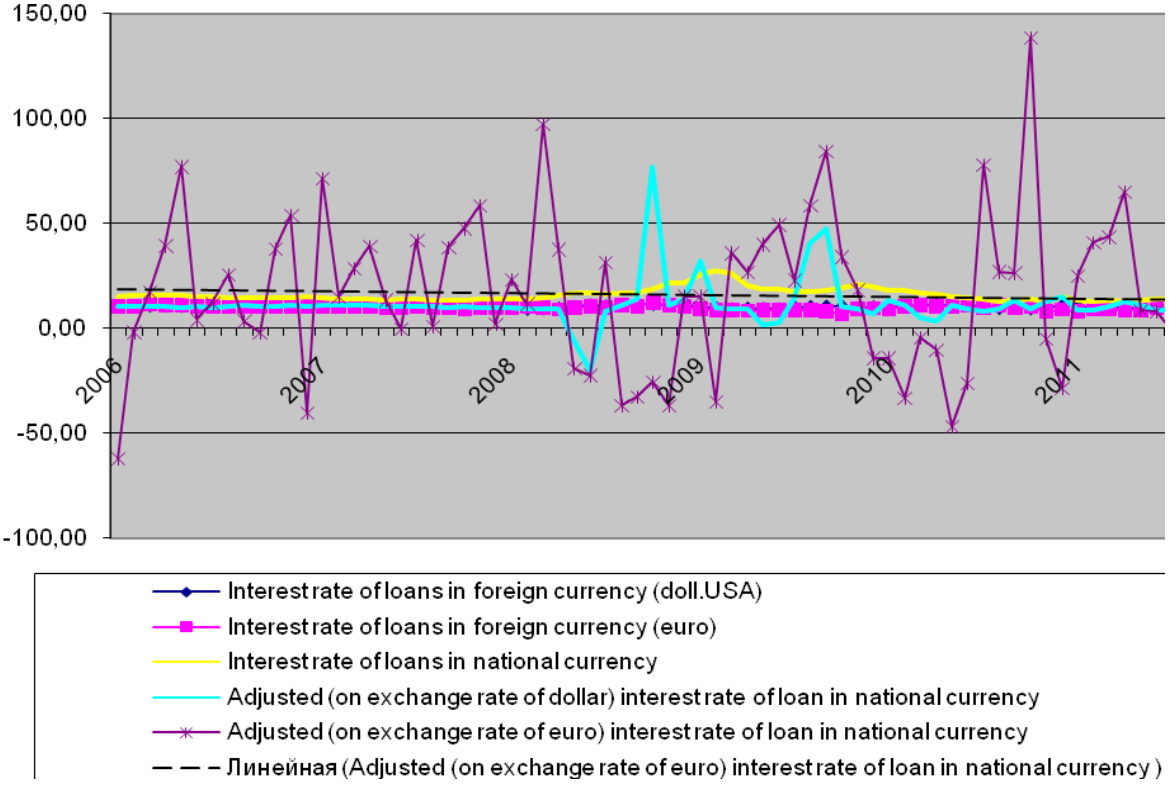

Fig. 4. Dynamics of the adjusted interest rates on loans in the national currency based on the foreign exchange rate changes

The degree of interest rate risk exposure also depends largely on the current level of inflation. Hence, it is advisable to assess the dynamics of real interest rates on borrowed resources for real economy (Figure 5). As a corrective variable both the consumer price index and price index of industrial products can be used. In our opinion due to the fact that in Ukraine average 55% of products and services provided by enterprises intended for intermediate consumption, the real situation will reflect exactly the index of wholesale prices.

Based on the dynamics of real interest rates, shown in Figure 5, we come to a conclusion that during the pre-crisis period in most cases, the real interest rate on loans was negative. This reason on the one hand, had positive effects on producers, on the other hand, was one of the reasons for such a long credit boom.

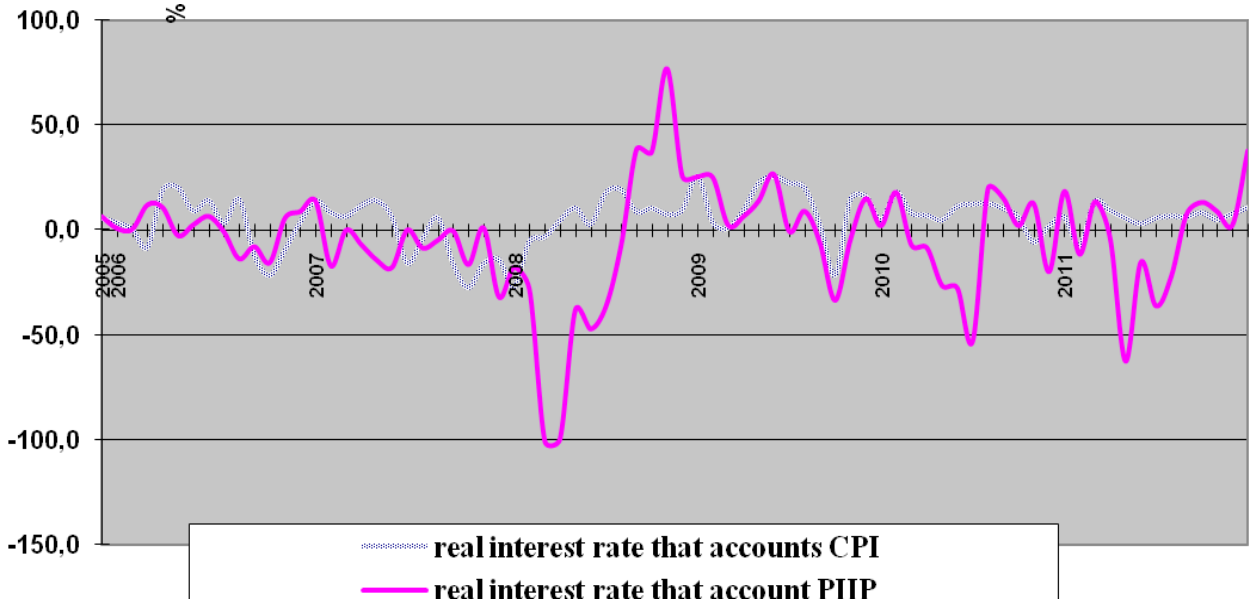

Fig. 5. Dynamics of real interest rates on loans for enterprises based on consumer price index (CPI) and price index of industrial production (PIIP)

The value of the average real interest rate, adjusted by the consumer price index, in, 2006–2007 was 0.5%, based on the price index of industrial production of 5.2%. Since 2009 the NBU largely interfere to preserve the positive values of real interest rates with inflation in consumer prices: the average real interest rate during the crisis was 9.6%, and in 2010–2011 it was 7.1%. As soon as the wholesale prices producers have experienced significant volatility, including inflationary and deflationary shocks falls, the real interest rate based on the index of industrial prices remained at negative levels in the post-crisis period and amounted to 5.1%. In 2010–2011 the companies whose product prices increased to the highest extent were able to benefit from it, they were coal-mining (141.1% and 133.4%, respectively), coke and petroleum products (142.1% and 124, 5%). However, metallurgical and chemical industries, despite the significant increase in prices for their products, being extremely energy-intensive, could not fully take effect of the reduction of the real value of debt resources due to a significant increase in prices for raw materials they consume.

The degree of sensitivity of companies to influence interest rate risk determined by the difference between loans and deposits, sensitive to changes in interest rates. Based on the results of its calculation shows that the dynamics of the increase in the gap, and hence the degree of vulnerability of companies to interest rate risk slightly decreased. Thus while the pre-crisis gap increase averaged over 50% annually, a reduction in lending to the real economy has reduced this increase to 13% in 2011.The positive feature of these processes is that the long-term gap still exceeds the short-term with slight increase in this difference.

Table 5

The difference between loans and deposits of enterprises (gap), sensitive to changes in interest rates

Year	Gap depending on urgency, mln. UAH		Dynamics of the gap		Gap in relation to equity	
	less then 1 year	from 1 year to 5	less then 1 year	from 1 year to 5	less then 1 year	from 1 year to 5
2006	55 858	71 970	1,51	1,52	0,068	0,088
2007	87 306	109 374	1,56	1,52	0,111	0,140
2008	162 508	185 262	1,86	1,69	0,139	0,158
2009	176 766	195 331	1,09	1,05	0,141	0,156
2010	183 980	213 108	1,04	1,09	0,188	0,218
2011	207 011	242 919	1,13	1,14	0,198	0,232

Despite some increase in equity in real economy during the post-crisis period one is worried about the increase of the degree of vulnerability to interest rate risk when it is compared to the value of the equity of the real sector of the economy: in 2011 this ratio reached the value of 43% (in terms of value short break) exceeding the degree of exposure of enterprises to foreign exchange risk.

The degree of coverage of interest rate risk also reflects the profitability of enterprises (Table 6). Based on the statistical data on the value of profits in the economy in Ukraine, it should be noted that its total value includes quite a significant amount of loss of individual economic agents. Given this, it is still worth talking about fairly low ROA firms. Sharp drop in return on assets of companies in the real sector was in 2008 — from 6 to 2.5% in the industry. This comparison of the dynamics of this indicator in different industries shows significant differences in the degree of reaction or sensitivity to macroeconomic shocks. Thus in the trade and construction and other service sectors losses have been experienced in the first year of the crisis, while the financial activity return on assets in 2008 remained at a high level of 34%.

Table 6

Dynamics of ROA and funding structure of enterprises of different activities

Branch	2011		2010		2009		2008		2007		2006	
	ROA	Share of equity	ROA	Share of equity	ROA	Share of equity	ROA	Share of equity	ROA	Share of equity	ROA	Share of equity
Total	0,03	0,35	0,01	0,35	-0,01	0,35	0,07	0,37	0,07	0,47	0,042	0,44
Agriculture	0,04	0,51	0,00	0,53	0,00	0,48	0,00	0,48	0,00	0,60	0,000	0,56
Manufacturing	0,05	0,36	0,02	0,35	0,00	0,37	0,06	0,41	0,06	0,50	0,05	0,48
Construction	0,00	0,15	-0,01	0,17	-0,02	0,19	0,02	0,20	0,02	0,28	0,02	0,28
Trade	0,01	0,06	0,00	0,10	-0,01	0,09	0,04	0,10	0,04	0,15	0,03	0,14
Transport	0,03	0,56	0,04	0,55	0,03	0,55	0,06	0,54	0,06	0,64	0,05	0,62
Financial services	0,08	0,36	0,03	0,57	-0,10	0,41	0,35	0,44	0,35	0,49	0,15	0,48
Real estate services	0,02	0,52	0,00	0,44	-0,01	0,46	0,09	0,48	0,09	0,63	0,02	0,60
Average interest rate,%	13,1		14,1		18,0		15,5		13,2		14,0	

One of the major imbalances accumulated in the pre-crisis period in the real sector is extremely risky financing structure of enterprises. In some sectors have been formed unprecedented high values of financial leverage that to a greater extent increased in the post-crisis period: in the trade in the end of 2011 the share of equity in the assets was 6%, in wholesale it was 4%, building — 15%, industry — 36%. These values allow leverage with high risk receive large tax shields in the form of savings income tax, as well as significantly increase the profitability of their own funds.

Results:

— accumulation of currency imbalances in the real economy has somewhat slowed due to lower domestic currency positions, as well as improvement of coverage currency imbalances in the fields of exporting. However, to reduce the degree of companies openness to reduce dependence on external financial resources by increasing the efficiency of their use, involvement resources of banks in modernization industry and agriculture;

— in the post-crisis period deteriorated the funding structure of enterprises towards reducing their resistance to financial risks, including interest risk. Falling asset returns of the real sector, and support the real lending rate at a positive level significantly reduced opportunities of companies to apply the positive effect of financial leverage

— the main drawback is the lack of proactive action in the NBU policy. The measures of the central bank that were aimed at overcoming the crisis consequences that preserve accumulated imbalances and deformations and are in conflict with the objectives of promoting economic growth;

— significant improvement needs the public statistical information that currently does not make it possible to assess fully the financial stability of the real economy due to the absence of greater detail its financial results

— the financial sector implementing compensation instruments for financial risks of real sector of economy remains topical.

References:

1. Дзюблюк О. В. Валютна політика: [підручник]/О. В. Дзюблюк — К.: Знання, 2007. — 422 с.
2. Стратегія інфляційного таргетування в грошово-кредитній політиці держави: монографія/М. І. Макаренко, І. І. Д'яконова, Ф. О. Журавка та ін. — Суми: ДВНЗ «УАБС НБУ», 2008. — 108 с.
3. Береславська, О. Чинники курсової нестабільності в Україні [Текст]/О. Береславська//Вісник НБУ. — 2009. — № 2. — С. 8–14.
4. Журавка Ф. О. Валютна політика в умовах трансформаційних змін економіки України: [монографія]/Ф. О. Журавка– Суми: Ділові перспективи; ДВНЗ "УАБС НБУ", 2008. — 334 с.
5. Коваленко, В. Антикризове управління в забезпеченні фінансової стійкості банківської системи [Текст]: монографія/В. Коваленко, О. Крухмаль. — Суми: УАБСНБУ, 2007. — 198 с.
6. Лютий І. Валютно-курсова політика та її вплив на організації грошового обігу/І. Лютий, Т. Продан.//Вісник національного університету імені Тараса Шевченка. -Вип. 115.- 2009 р. Електронний ресурс: papers.univ.kiev.ua/…/The_currency_course_policy_and_its_influence_on_the_monetary_circulation_organisation_14102.pdf.
7. Марчук В. П. Фінансова доларизація в Україні та шляхи її зниження/В. П. Марчук//Проблеми і перспективи розвитку банківської системи України: збірник наукових праць — Суми: ДВНЗ «УАБС НБУ», 2009.– Випуск 24.– С. 66–78.
8. Міщенко В. Доларизація: причини та наслідки для економіки України/В. Міщенко, А. Сомик//Вісник Національного банку України. — 2007. — № 5. — С. 28–31.
9. Скрипник А. Вплив валютно-курсової політики в Україні в рамках моделі сталого економічного розвитку/А. Скрипник, Г. Варваренко//вісник НБУ. — 2007. — № 11. С. 3–6.
10. Співак І. В. Необхідність валютних трансформацій в контексті економічної безпеки України//Стратегічні пріоритети № 4 (21) 2011 С. 85–90.

Lukanovska Irina Romanovna, Lviv commercial Academy
Teacher of economic disciplines of the College the name of Vyacheslav Chernovol
Лукановська Ирина Романовна, Львовская коммерческая академия
Преподаватель экономических дисциплин Галицкого колледжа имени Вячеслава Черновола

The role of small banks as part of the banking system in Ukraine

Роль малых банков как составляющей банковской системы Украины

Постановка проблемы. Развитие мощной банковской системы является необходимым условием стабилизации национальной экономики и повышение эффективности ее функционирования. Структурным элементом банковской системы являются малые банки, которые играют важную роль в регулировании экономических процессов, связанных с перераспределением денежных средств.

Анализ последних исследований и публикаций. В Украине исследования проблем банковской системы в современных условиях, в том числе и малых банков, является предметом активных научных исследований. Среди наиболее значимых достижений украинских ученых из этих проблем следует отметить работы О. Барановського, А. Вожжова, О. Дзюблюка, М. Кириченка, В. Мищенко, Т. Смовженко, С. Реверчука, Ю. Уманцива и других ученых. Однако вопрос места малых банков в отечественной банковской системе, их значение для развития национальной экономики остаются еще недостаточно исследованными.

Целью исследования является анализ роли и места малых банковских учреждений в структуре банковской системы Украины. Выявление особенностей малых банков через характеристику и обозначение их функций.

Результаты исследования. Изучение состояния банковской системы Украины и анализ тенденций ее развития дают основания утверждать, что она сформировалась как двухуровневая, и в целом соответствует требованиям переходного периода, впитала в себя опыт банковских систем стран с развитой рыночной экономикой. Разработка Национальным банком Украины нормативно-правовой базы, утверждение рыночных принципов деятельности банков, широкое использование зарубежного и накопления собственного опыта, организация эффективной системы банковского надзора, сделали банковскую систему Украины важной составляющей финансово-кредитной системы государства. Одновременно, массовая приватизация, повы-

шение уровня концентрации капитала во всех отраслях экономики, расширения внешнеэкономических связей ставят новые и все более сложные задачи перед банковской системой.

Систематическое выполнение следующих функций создает тот фундамент, на котором базируется работа малого банка и банковской системы в целом.

Необходимо выяснить, что представляют собой банковские функции. Они характеризуют учреждение относительно ее правового статуса как юридического лица, которому принадлежит имущество для самостоятельного осуществления полного хозяйственного ведения, получение прибыли как результат хозяйственной (коммерческой) деятельности, а также обеспечение контроля в кассовых и валютных операциях[1].

Функции малых банков целесообразно разделить на традиционные и специфические.

Одной из традиционных функций малого банка является посредничество в кредите, которая осуществляется путем перераспределения денежных средств, временно высвобождающихся в процессе кругооборота фондов предприятий и денежных доходов частных лиц. Главным критерием перераспределения ресурсов выступает прибыльность их использования заемщиком. Плата за отданные и полученные взаймы средства формируется под влиянием спроса и предложения. В результате достигается свободное перемещение финансовых ресурсов в экономике страны. Значение посреднической функции малых банков для успешного развития рыночной экономики состоит в том, что они уменьшают степень риска и неопределенности в экономической системе. Малые банки привлекают средства, которые могут быть отданы в заем, в соответствии с потребностями заемщиков и на основе диверсификации своих активов снижают совокупные риски владельцев денег, размещенных в малом банке.

Вторая важнейшая функция мелких банков — стимулирование накоплений в экономике. Ведь выступая на финансовом рынке со спросом на кредитные ресурсы, малые банки должны не только максимально мобилизовать имеющиеся в экономике сбережения, но и формировать эффективные стимулы к накоплению средств, что в свою очередь формируются на основе гибкой депозитной политики коммерческих банков. Созданию гарантий надежности помещения накопленных ресурсов служит формирование фонда страхования активов банковских учреждений, депозитов в коммерческих банках.

Функция малых банков — посредничество в платежах между отдельными самостоятельными субъектами. Методы платежа делятся на наличные и безналичные. В крупном обращения доминируют безналичные платежи и расчеты.

Четвертая функция — посредничество в операциях с ценными бумагами. Малые банки имеют право выступать в качестве инвестиционных институтов, которые могут осуществлять деятельность на рынке ценных бумаг как посредники; инвестиционного консультанта; инвестиционной компании и инвестиционного фонда. Выступая в качестве финансового брокера, малые банки выполняют посреднические функции при купле-продаже ценных бумаг за счет клиента и по его поручению.

Малые банки преимущественно обслуживают малый бизнес, развиваются в рамках одного региона, но занимают важное место в создании благ и услуг. Так, например, только мелкие банки — юридические лица наиболее полно представлены в регионах Украины и большей активностью в сфере осуществления операций и услуг характеризуются малые банковские учреждения в отличие от крупных.

Одной из характерных особенностей малого банкинга есть то, что в своей деятельности малые банки являются монопольными на большинстве региональных рынков, так столкнувшись с ограниченным количеством конкурентов, малые банки имеют возможность устанавливать большие процентные ставки по кредитам и низкие по депозитам, что позволяет малым банкам получать немалые прибыли.

Анализируя представительство малых банков в регионах Украины, мы обнаружили следующие особенности:

во-первых, в 10 регионах Украины отсутствуют «свои» банки как юридические лица, это наблюдается в Винницкой, Житомирской, Кировоградской, Николаевской, Ровенской, Тернопольской, Херсонской, Хмельницкой, Черкасской, Черновицкой областях;

во-вторых, в группу малых банков входят банковские учреждения Киевской области и города Киева, Волынской, Днепропетровской, Донецкой, Запорожской, Одесской, Львовской, Полтавской, Харьковской областей и АР Крым, причем более 60% операций данной группы банков приходится на банки как юридические лица города Киева;

в-третьих, только мелкие банки как юридические лица наиболее полно представлены в регионах Украины, но опять же большей активностью в сфере осуществления операций и услуг характеризуются банковские учреждения Киевской, Днепропетровской, Донецкой и Харьковской областей.

Малые банки в конкурентной борьбе большое внимание всем клиентам независимо от сумм, которые проходят или лежат на банковском счете. Поэтому малый банк имеет возможность обеспечить соответствующий уровень сервиса «своему» клиенту, у крупного банка просто не вызовет заинтересованности. Кроме того, малые банки, как правило, являются универсальными, предлагают стандартный набор операций и не выполняют лишних для мелкого клиента функций.

Малые банки способны быстрее приспосабливаться к местным условиям и при меньших затратах получать больше прибыли. На наш взгляд, высокие ставки малых банков по кредитам не является недостатком малого банкинга. В конкурентной среде каждый субъект предпринимательства, в том числе банкинга, хочет и пытается заработать максимальную прибыль, а цена услуг определяется исключительно спросом на них. Крупные банки зачастую стягивают всевозможные как разовые, так и регулярные комиссионные, в результате даже при более низком номинальном проценте реальная стоимость их ссуд оказывается даже выше, чем у более мелких конкурентов.

Преимуществом малых банков в обслуживании малого бизнеса является относительная доступность для мелких предприятий и предпринимателей кредитных средств. Рядом с технически вооруженными крупными банками, которые предлагают привлекательные условия для корпоративных клиентов, малые банки имеют возможность увеличивать доходы путем наращивания объемов микро кредитования. При этом малые банки применяют различные схемы кредитования малых предприятий, предпринимателей и физических лиц на выгодных условиях.

[1] Малые банки на рынке финансовых и банковских продуктов и услуг [Электронный ресурс]//Научный блог. 23 февраля 2009 - Режим доступа к ресурсу: http:/ksh.dp.ua/?p=806

Кредитование малых предприятий не требует сложных процедур, в которых должна быть задействовано большое количество специалистов. Гибкая структура малого банка, без наличия узкоспециализированных подразделений, способствует значительным объемам кредитования, одновременно делая процедуру кредитования для мелкого предпринимателя простой и доступной[1].

При этом следует признать, что даже для малых банков обслуживания одного крупного клиента является более желательным, чем обслуживание нескольких десятков малых предприятий. Это обусловлено, во-первых, меньшими затратами времени на изучение заемщика, во-вторых, привлекая крупного клиента, можно рассчитывать на большие доходы за счет объемов операций, которые он осуществляет через банк, в-третьих, остатки средств на счетах крупного клиента является дешевым источником ресурсов и т. п. То есть является ряд факторов, которые определяют приоритетность в обслуживании крупных предприятий. Но для малого банка в сотрудничестве с несколькими значительными клиентами кроется множество рисков: концентрации кредитной задолженности, кредитный риск, угроза риска ликвидности вследствие внезапного решения клиента сменить банк, поскольку темпы роста крупного клиента опережают темпы роста самого банка и так далее. Поэтому закономерно клиентская база малых банков прежде всего сориентирована на малый и розничный бизнес.

Однако, несмотря на явную привлекательность сотрудничества малых банков с мелким предпринимательством, есть ряд проблем, преодоление которых нужно рассматривать в контексте общегосударственных программ поддержки малого бизнеса.

Эффективность кредитования малого бизнеса является не достаточно высокой. Основной причиной есть то, что подавляющее большинство малых банков находится в процессе капитализации, учитывая экономические предпосылки и выполняя нормативные требования Национального банка Украины. Важным источником наращивания капитала является прибыль, а кредитование как основной источник доходов банков является одновременно и причиной возможного увеличения расходов. То есть малые банки, обычно, рассудительно подходят к вопросам кредитования, постоянно находясь перед дилеммой: с одной стороны, наращивание кредитного портфеля — часто ли не единственный способ увеличить капитал, а с другой — низкое качество портфеля приводит к снижению прибыльности учреждения. Поэтому снижение рисков кредитования малого бизнеса — важное условие развития этого сектора экономики[2].

В целом необходимо отметить таких специфических функциях малых банков:

1. Малые банки, как субъекты местных финансовых рынков, призванные удовлетворять, прежде всего, нужды малого бизнеса и этот аспект актуален для повышения роли и значения малых банков в экономике Украины.

2. Способствуют реализации проектов, направленных на социально-экономическое развитие региона, и тем самым способствуют экономическому росту страны.

3. Обеспечивают большую занятость населения через финансовую поддержку малого и среднего бизнеса, который является важной движущей силой для стабилизации экономики.

4. Способны разрабатывать индивидуальные программы для своих клиентов и проводить независимую ценовую политику.

5. Способствуют сохранению конкурентной среды и тем самым сдерживают процесс монополизации на финансовом рынке.

Малые банки, как субъекты преимущественно местных финансовых рынков, являются инструментами формирования конкурентной среды и борьбы с банковскими монополиями, а также носителем инновационной оригинальности в развитии и организации обслуживания физических и юридических лиц национальной экономики.

Все коммерческие банки независимо от формы собственности, величины капитала и специализации выполняют операции по привлечению временно свободных денежных средств в депозиты (депозитные операции), операции, связанные с расчетно-кассовым обслуживанием клиентуры (расчетные и кассовые операции) и операции с кредитного обслуживания клиентов (кредитные операции). Конечно, круг операций, которые выполняют малые банки, значительно шире, но именно эти операции являются обязательными и относятся к банковским операциям. Согласно Закону Украины «О банках и банковской деятельности» осуществлять их в совокупности имеют право только юридические лица, имеющие банковскую лицензию[3].

Итак, преимуществами функционирования малых банков в экономике являются[4]:

— малые банки могут завоевывать пустующие ниши в регионах и стать финансовой опорой малого предпринимательства регионов, городов, поселков;

— малые банки являются более демократичными, потому готовы работать со всеми категориями клиентов;

— малые банки стремятся усиливать свою надежность, ведь обязательным является гарантирования депозитов вкладчиков;

— малые банки способны быстро разрабатывать индивидуальные услуги для своих клиентов.

В развитии деятельности отечественных малых банков на сегодняшний день, на наш взгляд, существуют такие определяющие трудности:

1) отношение правительственных структур к небольшим банкам строится по остаточному принципу;

---

[1] Епифанов А. А. Операции коммерческих банков: Учебное пособие/А. А. Епифанов, Н. Г. Маслак, И. В. Сало - М.: ВТД «Университетская книга», 2007. – С. 304

[2] Малый и средний банкинг в условиях становления рыночной системы в Украине: сборник научных трудов/отв. ред. М. И. Нижний. - Львов, 2004. – С. 90.

[3] Закон Украины «О банках и банковской деятельности» от 7 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа к ресурсу:// www.rada.gov.ua

[4] Денисенко М. П. Деньги и кредит в банковском деле: Учебное пособие/М. П. Денисенко. – М.: Алерта, 2004. – С. 156 ; Реверчук Л. С. Малые банки в Украине: количественные и качественные признаки//Материалы международной научной студенческо-аспирантской конференции 16–17 мая 2008 г. «Стратегия формирования открытой хозяйственной системы в Украине». Львов, 2008. - С. 317.

2) малые банки не являются вполне самостоятельными субъектами финансового рынка и для них важнее обслуживать определенные интересы своих владельцев, а не получать доходы от чисто банковской деятельности. Особенно актуально это потому, что единственным источником мобилизации капитала для этих банков являются средства акционеров;

3) занятость ниш на рынке банковских услуг;

4) отсутствие разветвленной и финансово устойчивой филиальной сети, недостаточное количество отделений, которые влияли бы на формирование доверия у потенциальных клиентов;

5) формирование имиджа надежного банка и преодоления недоверия со стороны клиентов.

Выводы. Итак, на основе проведенного анализа можно сделать выводы, которые несмотря на положительную роль малого банкинга Украины, в его развитии существуют определенные трудности, в частности недоверие общества не только к малым, но и ко всей банковской системе Украины значительно сдерживает развитие малого банкинга. На внутреннем финансовом рынке значение малых банков не уменьшается, они кредитуют средний и мелкий бизнес, обслуживают фермерские хозяйства населения. Для выживания в сложных конкурентных условиях, как показывает мировой опыт, необходимым есть непосредственная близость клиента, достаточная обеспеченность клиентов банковскими продуктами и выбор своей клиентской базы.

Список литературы:

1. Денисенко М. П. Деньги и кредит в банковском деле: Учебное пособие/М. П. Денисенко. — М.: Алерта, 2004. — 478 с.
2. Епифанов А. А. Операции коммерческих банков: Учебное пособие/А. А. Епифанов, Н. Г. Маслак, И. В. Сало — М.: ВТД «Университетская книга», 2007. — 523 с.
3. Закон Украины «О банках и банковской деятельности» от 7 декабря 2000 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ресурсу://www.rada.gov.ua
4. Малые банки на рынке финансовых и банковских продуктов и услуг [Электронный ресурс]//Научный блог. 23 февраля 2009 — Режим доступа к ресурсу: http:/ksh.dp.ua/?p=806.
5. Малый и средний банкинг в условиях становления рыночной системы в Украине: сборник научных трудов/отв. ред. М. И. Нижний. — Львов, 2004. — 511 с.
6. Реверчук Л. С. Малые банки в Украине: количественные и качественные признаки//Материалы международной научной студенческо-аспирантской конференции 16–17 мая 2008 г. «Стратегия формирования открытой хозяйственной системы в Украине». Львов, 2008. — С. 317–318.

Mayorova Lubov Nikolaevna,
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov,
Associate Professor of Economics and Business

Майорова Любовь Николаевна, Таганрогский государственный
педагогический институт имени А. П. Чехова,
доцент кафедры экономики и предпринимательства

Parameters and dynamics of capital accumulation in the world economy

Параметры и динамика накопления капитала в мировой экономике

Накопление капитала в развитых странах осуществляется посредством инвестиций. Параметры и динамика накопления в мировом хозяйстве определяется нормой накопления — долей капиталовложений в мировом ВВП. В послевоенный период среднегодовые объемы инвестиций в мире возросли, но их величина относительно ВВП была неоднозначной. В 1950–1970 гг. инвестиционная квота устойчиво росла, достигнув почти 27% ВВП в 1973 г.[1], а норма накоплений составила 25%. Затем норма накоплений снизилась и закрепилась (около 23%). Её понижение было связано, прежде всего, с сокращением доли сбережений в государственном секторе индустриальных стран. Во многих развитых странах норма сбережений частного сектора в 60–90-е годы оставалась в пределах 20%, а норма сбережений государственного сектора сократилась с 4 до 2%.

В конце 80-х годов в мировом хозяйстве отмечалось увеличение государственных сбережений вследствие экономии на государственных расходах в части социальных расходов. Одновременно сократились потребности в выпуске государственных займов для финансирования бюджетных дефицитов. К началу 90-х годов дисбалансы централизованных бюджетов ведущих стран мировой экономики сократились с 4–10 до 1–4% ВВП. Резкое увеличение бюджетных дефицитов в 70-х годах было обусловлено не только увеличением военных и социальных расходов государства, но и сокращением налоговых поступлений из-за снижения деловой активности. Вместе с тем, сокращение бюджетных дефицитов далеко не всегда приводило к увеличению государственных накоплений. В целом ряде промышленно развитых стран наблюдалась похожая ситуация, когда сокращение займов происходило за счет снижения инвестиций, а сокращение внутренних и внешних долгов содействовало росту внутренних сбережений. Однако капиталовложения общественного сектора при этом сократились. Сдерживание государственных инвестиций помогало лишь снизить дефицит бюджета, а увеличение доходов государственного бюджета достигалось за счет притока налоговых поступлений или «урезания» других расходных статей.

В развивающихся странах процесс развивался в обратном от развитых стран наоборот: норма сбережений увеличилась с 19% в 1970 г. до 23,3% в 1977–1984 гг. и до 26,3% в 1990–2000 гг. В табл. 1 представлены нормы накопления в мировой экономике [2].

[1] Ломакин В. К. Мировая экономика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 86.

[2] World economic outlook IMF. October 1996; May 1997; May 2001.

Таблица 1.

Норма накопления в мировой экономике,% ВВП

Подсистемы	1974–1981	1982–1990	1991–2000
Мир	24,7	23,3	23,5
индустриальные страны	23,2	21,6	21,6
развивающиеся страны	25,9	24,5	25,8
страны с переходной экономикой	—	—	22,1

Норма общих мировых сбережений в 2006 г. составила 22,8% от мирового ВВП. Тем временем, в самой структуре мировых сбережений произошла существенная перемена: отход от богатых стран развитого мира в сторону развивающихся государств мира. По данным МВФ, в 1996 г. на долю ведущих стран развитого мира приходилось 78% от общего объема мировых сбережений, а к 2006 г. эта доля сократилась до 65%. За тот же период доля развивающегося мира выросла с 22% в 1996 г. до 36% в 2006 г. Другими словами, богатые страны развитого мира, производящие в 1996 г. 80% мирового ВВП, несут ответственность всего за 43% от объемов совокупного прироста мировых сбережений за последнее десятилетие. Бедные же страны развивающегося мира, образовывавшие в 1996 г. лишь 19% мирового ВВП, напротив, внесли вклад в совокупный прирост мировых сбережений в период с 1996 г. по 2006 г. в размере 58%, что приблизительно в три раза превосходит их удельный вес в мировой экономике, т. е. имел место процесс финансирования богатых бедными.

В последнее время наблюдается снижение уровня сбережений и инвестиций. Так, по оценкам МВФ, если в 2007 г. в развитых странах сбережения составляли 20,7% ВВП, то в 2008 г. — 19,5%, а в 2009 г. — 16,9%. В США этот показатель упал в 2009 г. до 11% ВВП. В еврозоне сбережения в 2009 г. оцениваются на уровне 18,6% ВВП, в том числе в Германии — 19,8%, во Франции — 18,9%, в Италии — 15,5%. Уровень инвестиций в развитых странах снизился с 21,5% ВВП в 2007 г. до 21,0% в 2008 г. и 18,0% ВВП в 2009 г. В США в 2009 г. этот показатель равнялся 15% ВВП, в еврозоне — 19,4%, в том числе в Германии — 16,9%, во Франции — 19,9%, в Италии — 18,1% ВВП [1]. Для сравнения в табл. 3 приведем данные прогноза сбережений и инвестиций на частном и государственном уровнях [2]. Приведем также данные о динамике валового накопления основного капитала по ведущим странам мира[3].

Таблица 2.

Динамика валового накопления основного капитала (в постоянных ценах)

Страна	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Великобритания	103	106	108	113	116	123	133	128
Германия	96	91	90	90	91	98	103	106
Италия	103	107	105	108	109	112	114	109
Канада	104	106	112	121	132	141	147	148
США	99	96	99	106	111	114	112	108
Франция	102	101	103	107	111	116	124	124
Япония	99	94	94	95	98	99	97	95

Бесспорно, крайнюю степень пренебрежения процессом накопления упорно демонстрируют США. К 2006 г. норма валовых национальных сбережений в стране составляла всего лишь 13,7%. Это значение не дотягивает до ставки 16,5%, зарегистрированной десятилетием раньше, и стала самой низкой ставкой внутренних сбережений среди всех ведущих экономик развитого мира. С поправкой на амортизацию — показатель внутренних сбережений, оставшихся после инвестиций для замены изношенных и устаревших мощностей, — чистая норма национальных сбережений в США за последние годы составляла в среднем лишь 1%.

Развивающиеся государства показывают прямо противоположную картину. На данный момент общепризнанными лидерами являются крупные и стремительно растущие экономики Азии. Вместе они подняли общую валовую ставку сбережений в своих странах с 33% в 1996 г. до 42% в 2006 г. — достаточно для того, чтобы обеспечить себе долю в размере 31% от общего прироста мировых сбережений за этот период. Этот показатель в 4,5 раза превосходит совокупную долю этих государств в мировой экономике, составлявшую в 1996 г. 7%.

Таблица 3.

Прогноз баланса «сбережения — инвестиции» (в% к ВВП)

		В среднем 2004–2007	2009	2011	2013	2015
1	2	3	4	5	6	7
США	частные	-2,7	6,9	4,8	0,7	-3,0
	государственные	-3,1	-10,2	-8,9	-6,2	-4,7
Европа	частные	1,6	4.0	3,5	1,2	-1,3
	государственные	-1,5	-4.4	-4,0	-2,7	-1,5
Япония и другие развитые страны	частные	-1,3	1,4	1.2	1,8	2,6
	государственные	3,3	-0,6	0,0	0,5	0,4

[1] World Economic Outlook, 2009. С. 113–120.

[2] Источник: World Economic Situation and Prospects 2010; UN/DESA Global Policy Model simulation results. http://www.un.org/esa/policy/publications/ungpm.html.

[3] Российский статистический ежегодник. М., 2010. С. 813.

1	2	3	4	5	6	7
страны переходного периода	частные	1,7	7,9	10,3	9,6	7,7
	государственные	4,3	-5,3	-6,7	-5,9	-4,6
Китай	частные	11,4	9,3	8,9	7,9	9,2
	государственные	-3.9	-3,5	-3,1	-1,7	0,0
Индия	частные	2,9	7,4	6,4	5,9	5,8
	государственные	-3,3	-8,8	-7,1	-4,6	-2,7
другие развивающиеся страны Азии	частные	5,2	4,7	4,1	4,5	5,4
	государственные	1,0	0,1	0,3	0,4	0,4
Латинская Америка	частные	0,5	0,3	0,2	1,2	1,9
	государственные	0,1	-1,6	-1,5	-1,3	-1,0
Африка	частные	6,2	2,6	3,2	4,5	4,9
	государственные	-1,1	-4,4	-3.1	-2,7	-2,7

Конечно, не вызывает сомнений доминирующая роль Китая в движении потоков накоплений в регионе. Что же касается других государств Азии, за последние годы их стремление увеличить объем мировых сбережений было невысоким. Так, например, новые индустриальные страны региона (Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) показали только 3%. Вторым — и последним — крупным источником прироста мировых сбережений является Ближний Восток, на его долю пришлось за последнее десятилетие 8% совокупного прироста мировых сбережений, что эквивалентно одной третьей части китайского вклада.

Сложность задач активизации сберегательного потенциала хозяйств делает необходимым, учет мирового опыта для российских условий. Опыт зарубежных стран (Германия, Канада) показывает, что политика стимулирования доходов от собственности гораздо эффективнее, чем стимулирование роста доли заработной платы в национальном доходе. По сути, это означает реализацию на практике тезиса о том, что благосостояние домашних хозяйств определяется не только потоками текущих доходов, но и накопленным богатством (капиталом). В целях реализации политики формирования собственности (накопления богатства) домашних хозяйств в Германии законодательно закреплена и реализовывается система мероприятий, предусматривающая создание экономических условий и предпосылок стимулирования сбережений домашних хозяйств и их капитализации в финансовые и нефинансовые активы. В настоящее время основной акцент государственной политики формирования собственности делается на стимулирование вложений в человеческий капитал. В Канаде основным инструментом реализации политики формирования собственности выступают налоги. Гибкая налоговая политика позволяет направлять сбережения домашних хозяйств в приоритетные сферы государственной инвестиционной политики [1].

Список литературы:

1. Ломакин В. К. Мировая экономика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
2. World economic outlook IMF. October 1996; May 1997; May 2001.
3. Российский статистический ежегодник. М., 2010.
4. World Economic Outlook, 2009.
5. Источник: World Economic Situation and Prospects 2010; UN/DESA Global Policy Model simulation results. http://www.un.org/esa/policy/publications/ungpm.html.
6. Бибикова Е. А. Сберегательная политика: теория и методология/Автореф. на соиск. уч.степени докт.экон.наук. — 2005.
7. Майорова Л. Н. Теоретические основы сбережений населения как экономической категории. М://Экономические науки. 2012. — № 2 (87). — с. 280–281.
8. Майорова Л. Н. Потенциал сбережений населения в инвестиционном процессе. М.://Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. (ЭПОС). — 2012. — № 2 (50). — с. 9–14.
9. Майорова Л. Н. Влияние экономико-демографических факторов на формирование сбережений населения. М://Образование. Наука. Научные кадры. — 2012. — № 5. — с. 115–120.

Maksytova Baktygul Tursunbaevna, The Osh state University, associate Professor of Department of finances and credit

Максытова Бактыгул Турсунбаевна, Ошский государственный университет, доцент кафедры финансы и кредит

The impact of migration on social and economic role of women in Kyrgyz society

Влияние миграции на социально-экономическую роль женщины в кыргызстанском обществе

На сегодняшний день миграция является неотъемлемой частью процесса мировой экономической, социальной и политической интеграции, так как нет ни одной страны, которую не затронула бы миграция и Кыргызстан, также не стал исключением. Причин для миграции очень множество, но наиболее масштабной является трудовая миграция, обусловленная экономическими и социальными факторами вызывающими неравенство в обществе.

[1] Бибикова Е. А. Сберегательная политика: теория и методология/Автореф. на соиск. уч.степени докт.экон.наук. - 2005.

Трудовая миграция — это альтернативная, широкодоступная сфера занятости, эффективное средство борьбы с бедностью и обнищанием, так на 1 января 2012 года общая численность безработных в Кыргызстане составила 212,4 тыс.человек из них 48% — женщины[1].

В трудовую миграцию вовлечены почти все половозрастные, профессиональные, социальные, региональные группы населения, а в гендерном срезе большинство составляют женщины. Так, по оценкам, в мире насчитывается более 210 миллионов мигрантов и около половины из них, 105 миллионов, составляют женщины[2].

Миграционные процессы, протекающие в Кыргызстане с конца 80-х годов до настоящего времени, оказывают глубокое, неоднозначное воздействие практически на все сферы жизни общества, по данным министерства молодежи, труда и занятости общее число трудовых мигрантов составляет около 600–700 тысяч человек и Кыргызстан находится в списке стран-лидеров по поступлениям денежных переводов мигрантов в процентах от ВВП — в республике этот показатель равен 29%[3]. Денежные переводы мигрантов играют важную роль в повышении уровня жизни, в росте благосостояния семей мигрантов, на сегодняшний день трудовая миграция позволила улучшить благосостояние более двух третей мигрантских домохозяйств.

С точки зрения мигрантов и их семей, миграция представляет собой вложения в средства к существованию семьи и самый надежный способ заработать, поскольку почти все возможности в их собственном сообществе были исчерпаны. На сегодняшний день анализ миграционных потоков показывает, что миграция все в большей степени стала приобретать феминизированный характер.

Рыночные реформы в нашей республике в основном отразились преимущественно на женщинах, поскольку их занятость концентрировалась в легкой промышленности, а также в социальной сфере — здравоохранении, образовании и соцобеспечении, что способствовало снижению уровня занятости трудовых ресурсов в этой сфере и привело к росту безработицы. С реальными темпами роста заработной платы, падающими до нуля, все больше женщин выбирают самую распространенную в Центральной Азии стратегию решения проблем — миграцию.

Миграция является катализатором, трансформации, устоявшихся с давних пор гендерных ролей в кыргызстанских семьях.

Влияние миграции на изменение роли женщины в обществе можно рассмотреть с личностной точки зрения, так и на уровне сообщества.

Женщины вынуждены мигрировать в страны СНГ (в основном в Россию и Казахстан), а иногда и дальнее зарубежье, чтобы обеспечить хотя бы прожиточный минимум, становясь при этом основным добытчиком в семье. Но роль женщины в качестве «добытчика семьи» приводит к дилемме: с одной стороны возрастает авторитет и участие в процессах принятия решений среди старшего поколения, с другой стороны теряет в глазах детей значимость как матери и воспитателя.

Женщины вынуждены мигрировать в поисках личной свободы, из — за обычаев или традиций, которые существовали как в семье, так и в обществе, это приводит к изменению представления о гендерных ролях мужчин и женщин.

Женщины мигрируют для улучшения условий жизни, представляющейся возможности повышения квалификации или карьерного роста. Эти изменения условий жизни, новый социум, новая деятельность, экономическая независимость меняют роль женщины в обществе.

Женщины мигрируют из-за нестабильной политической ситуации в стране, а в связи с июньскими событиями на юге республики около 40 тысяч южан уехали из Кыргызстана, 90% из них — в Россию, из них 600 кыргызстанцев переехали на постоянное место жительства за рубеж, а оставшиеся — на заработки, по данным министерства молодежи, труда и занятости более 40% мигрирующих это женщины[4].

Миграция для многих наших соотечественников на сегодняшний день единственный путь в «счастливое» будущее, но возникают резонные вопросы:

— как изменятся взаимоотношения женщины и общества, возникнут ли новые отношения в семье и в обществе в целом?

— не сыграет ли миграция отрицательную роль в долгосрочном развитии нашей страны, имеющую по сравнению с другими странами нашего региона малочисленное население, кризис в экономике и нестабильное политическое пространство?

Список литературы:

1. Женская трудовая миграция в контексте глобализации. Аня К. Франк и Андреа Спехар. 2010 г.
2. Кыргызстан в цифрах. 2011 г. Бишкек.
3. www.wide-network.org
4. http://www.knews.kg/
5. ИА «24.Kg»

Alexander Malyutin, Sumy national agrarian university, Ukraine
Ph. D. in Economics, Associate Professor,
Department of Management of foreign economic activity

Simulation of currency strategy of bank

The process of speculation is inherent any industry of economy. At the market of equities there is another law of extraction of speculative profit that is known as downplaying: at first to sell a commodity, while he stands expensive, and then again to purchase

[1] Кыргызстан в цифрах. 2011 г. Бишкек

[2] Женская трудовая миграция в контексте глобализации. Аня К. Франк и Андреа Спехар. 2010г. www.wide-network.org

[3] http://www.knews.kg/

[4] ИА «24.Kg»

the same commodity, waiting till a price decline on him. It is easy to understand that all of possible speculative strategies are taken to different combinations indicated higher than two basic strategies of extraction arrived during their diversification on different markets, variety of financial instruments, by the different set of financial tools between itself and depending on time of activity of financial subject. One of such financial subjects, which is a there is a bank in position to conduct speculative operations in both directions.

In the paper, as a mathematical model of process of extraction of speculative profit, the risk with random bonuses are used. These models was considered Artyukhov S. V., Bazyukin O. A, Korolev V. Yu., Kudryavcev A. A.[1], Korolev V. Yu., Minkina P. I., Shorgin C. Ya.[2].

We will denote by $X_0 > 0$ an initial capital, which a bank reserves for currency speculations. We will suppose that $X = (X_t)_{t\geq 0}$ is a random process describing the evolution of capital X_0 of the considered bank. The classic process of risk with random bonuses is described by a model[3]:

$$X_t = X_0 + ct - S_t, \tag{1}$$

where S_t is summarized payment of bank at the moment of time t.

We will suppose that a course at the currency market $c_t^0(\omega)$ changes on the considered interval of time and a bank has possibility both to purchase and sell any amount of currency at price $c_t^0(\omega)$ for unit of currency. A size $c_t^0(\omega)$ is named as the cost of exchange at the moment of time t. Here ω is a random event, characterizing a currency market condition. We assume that a part of capital X_0 is exchanged for currency at price of exchange $c_0^0(\omega)$ for unit of currency at the initial moment of time $t = 0$ at the currency market. Then the bank assigns the prices for a purchase and sale currencies which also depends on time. We will designate them by $c_t^+(\omega)$ (cost of sale) and $c_t^-(\omega)$ (cost of purchase) accordingly. It clearly, that a price $c_t^+(\omega)$ must be greater than $c_t^0(\omega)$ and price $c_t^-(\omega)$ must be less than $c_t^0(\omega)$. Strategy management is to determine prices $c_t^+(\omega)$ and $c_t^-(\omega)$ at the moment of time t so that on the end of covered period T to get a maximally possible profit from the conducted operations.

We will describe the legalistically considered model. We suppose that the process of receipt of bonuses in a model (1) is described not as linear function ct but generalized Poisson process so that a risk process looks like:

$$X_T(\omega) = X_0 + \sum_{j=1}^{N^+(T,\omega)} c_j^+(\omega_j)X_j^+(\omega_j) - \sum_{j=1}^{N^-(T,\omega)} c_j^-(\omega_j)X_j^-(\omega_j) \tag{2}$$

and

$$V_T(\omega) = V_0 - \sum_{j=1}^{N^+(T,\omega)} X_j^+(\omega_j) + \sum_{j=1}^{N^-(T,\omega)} X_j^-(\omega_j). \tag{3}$$

Here a value $V_t(\omega)$ determines the volume of present currency at the moment of time t, $V_0 \geq 0$ is an initial volume of present currency, $X_j^+(\omega_j)$ is the volume of currency that was sold to j-client, and $X_i^-(\omega_i)$ is the volume of currency that was purchased at i-client. Random processes $N^+(T,\omega)$ and $N^-(T,\omega)$ accordingly equal to the amount of clients purchasing or selling currency for considered period. We will suppose further, that all of the considered processes and random variables are independent in an aggregate and each of sequences $\{X_j^+(\omega_j)\}_{j\geq 1}$, $\{X_j^-(\omega_j)\}_{j\geq 1}$, $\{c_j^+(\omega_j)\}_{j\geq 1}$ and $\{c_j^-(\omega_j)\}_{j\geq 1}$ consists of the independent, identically distributed random variables. Thus, random processes $X_T(\omega)$ and $V_T(\omega)$ determine the volume of capital and volume of present currency on the end of speculative strategy of bank.

In future the capital of bank and his currency reserve will interest us at some fixed moment of time t:

$$X_t(\omega) = X_0 + \sum_{j=1}^{N^+(t,\omega)} c_j^+(\omega_j)X_j^+(\omega_j) - \sum_{j=1}^{N^-(t,\omega)} c_j^-(\omega_j)X_j^-(\omega_j) \tag{4}$$

and

$$V_t(\omega) = V_0 - \sum_{j=1}^{N^+(t,\omega)} X_j^+(\omega_j) + \sum_{j=1}^{N^-(t,\omega)} X_j^-(\omega_j), \tag{5}$$

where $N^+(t,\omega)$ is projections (values) of process $N^+(T,\omega)$ and $N^-(t,\omega)$ is projections of process $N^-(T,\omega)$ at the moment of time t. We will present numbers $c_t^+(\omega)$ and $c_t^-(\omega)$ in a kind

$c_t^+(\omega) = c_t^0(\omega) + \delta_t^+(\omega)$, $c_t^-(\omega) = c_t^0(\omega) - \delta_t^-(\omega)$,

where $\delta_t^+(\omega) > 0$ and $\delta_t^-(\omega) > 0$ are values, on which the cost of exchange $c_t^0(\omega)$ differs from the costs of sale and purchase, proposed a bank, giving a possibility to extract a speculative profit. A bank must conduct such strategy, that values $\delta_t^+(\omega)$ and $\delta_t^-(\omega)$ gave a maximal profit.

---

[1] Artyukhov S. V., Bazyukin O. A, Korolev V. Yu., Kudryavcev A. A. Model optimum pricing which is based on the processes of risk with the random bonuses//Systemy i sredstva informatcii. Special issue. — M.: IPIRAN, 2005. — P. 205–222.

[2] Korolev V. Yu., Minkina P. I., Shorgin S. Ya. Application exponential estimations of probabilities of large deviations of Poisson random sums for optimization of profit in the conditions of arbitration//Systemy i sredstva informatcii. Special issue. — M.: IPIRAN, 2005. — P. 223–238.

[3] Shiryaev A. N. Probability — 2. — M.: MCNMO, 2007. P 783

It is easy to understand that increase of cost of sale at $\delta_t^+(\omega)$ or diminishing of cost of purchase at $\delta_t^-(\omega)$ conduces to diminishing of amount of clients which are interested in purchasing or selling or sell currency in a bank on the average for time unit. From the other side, obviously at approaching of margin $\delta_t^+(\omega) - \delta_t^-(\omega)$ to the zero (costs of sale and purchase of currency to $c_t^0(\omega)$) intensity of both streams of clients must be increased.

We suppose that a bank is in a position to exchange currency for UAH at any moment to time at price $c_t^0(\omega)$. Then by (4) and (5) we get that total assets of bank at the moment of time t in a UAH equivalent equal

$$c_t^0(\omega)\, V_t(\omega) + X_t(\omega) = X_0 + \sum_{j=1}^{N^+(t,\omega)} \delta_j^+(\omega_j) X_j^+(\omega_j) + \sum_{j=1}^{N^-(t,\omega)} \delta_j^-(\omega_j) X_j^-(\omega_j) + c_t^0(\omega)\, V_0 .$$

Our problem is to study a random variable

$$P_t(\omega) = \sum_{j=1}^{N^+(t,\omega)} \delta_j^+(\omega_j) X_j^+(\omega_j) + \sum_{j=1}^{N^-(t,\omega)} \delta_j^-(\omega_j) X_j^-(\omega_j),$$

characterizing profit of the bank in instance where random variables $N^+(t,\omega)$ and $N^-(t,\omega)$ have Poisson distribution with parameters $\lambda_t^+(\omega)$ and $\lambda_t^-(\omega)$ accordingly to $N^+(t,\omega)$ and $N^-(t,\omega)$ and which are decreasing functions from $\delta_t^+(\omega)$ and $\delta_t^-(\omega)$. Complication consists in that, unlikely considered in literature (see[1]), parameters of the Poisson distribution are not constants but described some random process.

Strategy of bank consists in achievement of next two aims.

Problem 1. To define $\delta_t^+(\omega)$ and $\delta_t^-(\omega)$ to maximize the expected profit:

$\mathbf{M}[P_t(\omega)] \to \max$ (6)

(here **M** [∘] means the operator of the expected payoff).

Problem 2. To define $\delta_t^+(\omega)$ and $\delta_t^-(\omega)$ to get an profit not less than the fixed number $P_0 > 0$, with probability more than some significance level, near to 1:

$$\mathbf{P}(P_t(\omega) \ge P_0) \ge \alpha , \tag{7}$$

it is required to find the courses of purchase and sale currencies, providing with large probability to get profit not less than set P_0.

To simplify the decision of problem (6) we will break up a period [0, *T*] on the equal intervals of time (equal, for example, to one day) and we will suppose that on this interval parameters $\delta_t^+(\omega)$, $\delta_t^-(\omega)$, $\lambda_t^+(\omega)$ and $\lambda_t^-(\omega)$ do not depend on time of *t*. They are random variables but not random processes. Then on "short" interval the expected profit is equal[2]:

$$\mathbf{M}[P_t(\omega)] = \lambda^+\delta^+\, \mathbf{M}[X_1^+] + \lambda^-\delta^-\, \mathbf{M}[X_1^-]. \tag{8}$$

It is clear, that parameters δ^+ and δ^- influence on intensity of stream of clients of the bank, therefore decision of problem (6), even at the shown simplification, it is impossible in general case. Additional suppositions are needed about the concrete type of functional dependence $\lambda^+(\delta)$ and $\lambda^-(\delta)$. These types of dependences can be received in practice, coming from the statistical considering. We will consider 1st problem at the set intercommunication of intensity of stream of clients and margin. We suppose that at large critical values $\delta^+ > \delta_0^+$ and $\delta^- > \delta_0^-$ the streams of clients dry up. Values δ_0^+ and δ_0^- can be certain both from the clean mathematical consideration and from economic, conditioned elasticity of currency. We will suppose further, that $\delta^+ = \delta^- = \delta$ (it means that a situation at the currency market during one day is stable enough).

We will suppose, what $\lambda^+(\delta)$ $\lambda^-(\delta)$ quadratically depend on δ:

$$\lambda^+(\delta) = a_0^+ - a_1^+\delta - a_2^+\delta^2,\ \delta^-\ \lambda^-(\delta) = a_0^- - a_1^-\delta - a_2^-\delta^2 . \tag{9}$$

where $a_i^{\pm}$ are some positive constants (i = 0, 1, 2). Equality (9) is analytical expression a classic demand curve: the change of demand depends only on the change of margin and does not depend on the current value of service. In other words, elasticity of demand at price in any point of the examined demand curve is constant and does not depend on a point. Set $\alpha_1^+ = \mathbf{M}[X_1^+]$, $\alpha_1^- = \mathbf{M}[X_1^-]$. After the substitution of correlations (9) in (8), get:

$$\mathbf{M}[P_t(\omega)] = \delta\left(a_0^+\alpha_1^+ + a_0^-\alpha_1^- - \delta(a_1^+\alpha_1^+ + a_1^-\alpha_1^-) - \delta^2(a_2^+\alpha_1^+ + a_2^-\alpha_1^-)\right) = F(\delta) .$$

Right part of the last equality is a cube function $F(\delta)$ from δ. $F(\delta)$ has two critical points (zeros of derivate s $F'(\delta)$), one of which negative (in it the expected profit arrives at a minimum value), and in the second point

$$\delta_1 = \frac{a_1^+\alpha_1^+ + a_1^-\alpha_1^- + \sqrt{\left(a_1^+\alpha_1^+ + a_1^-\alpha_1^-\right)^2 + \left(a_0^+\alpha_1^+ + a_0^-\alpha_1^-\right)^2}}{3(a_2^+\alpha_1^+ + a_2^-\alpha_2^-)} \tag{10}$$

the expected profit takes on a maximal value. A critical value δ can be defined from equalization:

[1] Korolev V. Yu., Bening V. E., Shorgin S. Ya. Mathematical bases of risk theory. — M.: FIZMATLIT, 2007. P 405

[2] Ibidem. P 407

$$\left(a_0^+\alpha_1^+ + a_0^-\alpha_1^- - \delta(a_1^+\alpha_1^+ + a_1^-\alpha_1^-) - \delta^2(a_2^+\alpha_1^+ + a_2^-\alpha_1^-)\right) = 0. \quad (11)$$

We suppose that a bank conducts currency operations in the conditions of crisis on principle: "how many currency purchased so much and sold". The volume of the purchased and sold currency expected in this case are equal, $\alpha_1^+ = \alpha_1^-$. A formula (10) have a kind:

$$\delta_1 = \frac{a_1^+ + a_1^- + \sqrt{\left(a_1^+ + a_1^-\right)^2 + \left(a_0^+ + a_0^-\right)^2}}{3(a_2^+ + a_2^-)}. \quad (12)$$

Therefore, a margin does not depend on the expected influx of clients. Moreover, because of balance of the sold and purchased currency in one day it is possible to consider zero $\lambda^+(\delta) = \lambda^-(\delta)$ and a formula (12) assumes such simplification:

$$\delta_1 = \frac{a_1^+ + \sqrt{\left(a_1^+\right)^2 + \left(a_0^+\right)^2}}{3a_2^+}. \quad (13)$$

For example, on the basis of operations for a few previous days, regressive dependence of intensity of stream of buyers was built: $\lambda^+(\delta) = 3{,}6 - 6\delta - 130\delta^2$.

Then by (13) we get the optimum value of margin: δ_1 =0,1 (UAH).

References:

1. Artyukhov S. V., Bazyukin O. A, Korolev V. Yu., Kudryavcev A. A. Model optimum pricing which is based on the processes of risk with the random bonuses//Systemy i sredstva informatcii. Special issue. — M.: IPIRAN, 2005. — P. 205–222.
2. Korolev V. Yu., Minkina P. I., Shorgin S. Ya. Application exponential estimations of probabilities of large deviations of Poisson random sums for optimization of profit in the conditions of arbitration//Systemy i sredstva informatcii. Special issue. — M.: IPIRAN, 2005. — P. 223–238.
3. Shiryaev A. N. Probability — 2. — M.: MCNMO, 2007.
4. Korolev V. Yu., Bening V. E., Shorgin S. Ya. Mathematical bases of risk theory. — M.: FIZMATLIT, 2007.

Martsenyuk Roman Anatoliyovych, Lviv Academy of Commerce, Ukraine
postgraduate student of accounting

Марценюк Роман Анатолиевич, Львовская коммерческая академия, Украина,
аспирант кафедры бухгалтерского учета

Budgeting as a part of the control system core's activities of provision enterprises

Бюджетирование как составная системы контроля основной деятельности заготовительных предприятий

At the present stage economic problems of implementing the budgeting process as a component of internal control in the procurement activities of provision enterprises remains unresolved, because it wasn't formed a common methodological basis of the transition of enterprises to budget management method to the specifics of organizational and legal forms of business. Thus, in our opinion, the main problem is the economic sources of budgeting methodology is general in nature and, in our opinion, it requires the specification to the features of provision enterprises and led to the relevance of this research.

The economic feasibility of the budgeting process is a component of internal control in provision enterprises. It is planning activities in accordance with established objectives of internal users directly to management-level entity that appears in specific budget indexes designed to perform certain tasks of enterprise.

Organization budgeting process should to the overall concept of enterprise development, and the responsible person must develop more detailed economic and financial aspects of the strategy, which is a single system of interrelated technical, organizational and economic changes on the corresponding period[1].

In the course of the research found that the organization of the budgeting process for provision enterprises should consider certain features in comparison with enterprises of other activities, including specific purchase of agricultural products, primary processing, sorting, storage, sale processing enterprises and institutions trade, which leads to formation of an extensive network and necessitates rapid analysis and daily control of budget responsibility centers, identifying the causes of deviations, need for surgical management influence, and if necessary an adjustment.

One of the budgeting features of transition of enterprises — the need for fiscal consolidation of budget that is itemized grouping indexes for reasonable methodic depending on the type of enterprise and its structure. This will prepare the consolidate budget as the only economic system that is needed to determine the actual operating results and effective management of the enterprise.

Scientist K. V. Schyborsch claims, this view we support, the budget — a document that contains quantitative information on indexes of financial and economic activities of enterprise, according to which the enterprise operates. During the budgeting process refers to the preparation and implementation of this document in the activities of the enterprise[2].

---

[1] Ковтун С. Бюджетирование на современном предприятии или как эффективно управлять финансами/С. Ковтун. – Х. : Фактор, 2007. – С. 115.

[2] Щиборщ К. В. Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России/К. В. Щиборш. – М. : Изд-во "Дело и Сервис", 2001. – С. 8.

Pertinent position of economist F. F. Makaruka, who notes that budgeting — coordinated system of certain structural units based on a budgets and systematically processed of information that is directly related to the activities of the entity[1].

All stages which is budgeting for the company, in our opinion, professor P. O. Kutsyk reveals, who argues that the budgeting process is characterized by phases of design, development and planning activity of entity for the future, which is made in the form of budgets[2].

In our opinion, budgeting — tools improve of financial activities provision enterprises, which ensured the effectiveness of internal control, coordinated strategy of activity, efficiency budgets with planning indexes, optimizing the level of costs and improvement system of organizational and financial management structure.

The task budgeting of provision enterprises driven of efficiency management system that will be the flexibility of operation, detection of anomalies and risk in activity, with a view to their elimination and reduction, respectively. Budgeting provides a flow of resources in the enterprise so as to establish the optimal level of costs for appropriate profit[3].

In the economic literature there is no uniform approach to organization of budgeting, implementation steps and sequences, so consider it necessary to offer provision enterprises own approach to building structural-logic scheme of budgeting (Figure 1).

In the budgeting process of management personnel provision enterprises should analyze specific conditions of provision enterprises accordance with requirements of budgeting. Therefore, you should focus on the following factors:

— seasonality incurred costs of provision of agricultural products;

— a significant range of agricultural products and raw materials, which is not possible long-term storage;

— short cycle provision of turnover in comparison, for example, with the industry;

— the size of the equity of provision enterprises is negligible in the most researched companies;

— a certain dependence on the external environment, primarily from the instability agricultural markets of products and raw materials.

At the implementation of budgeting activities in provision enterprises, defines the principles and approaches, the basic elements of its organization, which are the basis for the budget management system to the above factors.

Analyzing the theory and practice of budgeting system we summarized the process of budgeting for provision enterprises, as an element of control, which covers the following main points:

1) development of methodological base budgeting of enterprise;

2) depending on the volume of activity is the need for create department of budgeting and approval responsibilities for the person responsible for organizing the budget process in the enterprise;

3) forming the core budget of provision enterprises by collecting indexes of financial and economic activities of processing and synthesis;

4) conducting budget analysis to find deviations of actual performance than planned.

During the research, summarizing the approaches and considering the specifics activity of the provision enterprises, we believe that sufficient for the efficient organization of the budgeting process will be only one governing document — the position of budgeting in the enterprise, which should determine the structure and consequences of liability for employees for failure to budgets and deadlines noted drawing up and it approval.

In the provision enterprises economically feasible to create a budget department, providing budgeting and will monitor it implementation. The department must log from economic and financial services that can make effective organization of the budget process. For the purpose of objectivity and reliability of budget indexes to the committee should involve management of structural units for effective management and execution of budgets, approval by responsibility centers.

In the enterprises with minor volume of activity is not economically feasible to create a separate budget department, because the organization of the budgeting process should be put on the responsible person — the chief accountant or controller, which will help employees and managers of accounting departments.

Construction of the budgeting process in the provision enterprises should take place, in our opinion, to the functional and process approaches. Functional approach — considered hierarchical structure of provision enterprises, certain features activity combined into departments: department of provision, processing department, sorting, transport department, accounting department, sales department, etc. Process approach integrates some conversely centers responsible for business processes (provisions, processing, storage, sale, etc.).

Process budgeting should be the basis of budgeting of provision enterprise. Since specific feature of provision activities and determines the structure of budgets researched enterprises, including: the selection of accounting and analytical support provision processes of agricultural products and raw materials, processes, processing, sorting and long-term storage, process sales of products and general management processes.

As confirmed by the results of research on the modern stage management in market economy provision enterprises in order to forecast the development of economic activities have to define the operational, tactical and strategic goals and objectives. Accordingly, in the budgeting process distinguish operating budgets (per month, quarter, operating cycle); tactical budgets (one year); strategic budgets (3–5 years), each of which aims to implement the goals and objectives.

Due to the negligible technological process for provision enterprises more effective will be traditional scheme of budgeting — the centers of responsibility, i. e., securing the appropriate center of all indexes that are related in any way with the activities of the structural units.

---

[1] Макарук Ф. Ф. Бюджетування у системі контролю діяльності підприємства: теоретичний аспект/Ф. Ф. Макарук//Проблеми теорії і методології бухгалтерського обліку. Міжнародний збірник наукових праць/[ред. кол. : Бутинець Ф. Ф., Олійник О. В., Малюга Н. М. та ін]. – Житомир: ЖДТУ, 2010. – № 3 (18). – С. 213.

[2] Куцик П. О. Бюджетування як основна складова оперативного планування та фінансового контролінгу вищих навчальних закладів/Куцик П. О.//Економічні науки. Серія "Облік і фінанси". Збірник наукових праць. Луцький національний технічний університет. Випуск 7 (25) – Ч. 2 – Редкол.: відп. ред. д. е.н., професор Герасимчук З. В. – Луцьк, 2010.

[3] Хоуп Д. Бюджетирование, каким мы его не знаем. Управление за рамками бюджетов : [научное издание]/Д. Хоуп, Р. Фрейзер. – М. : Вершина, 2005. – С. 204.

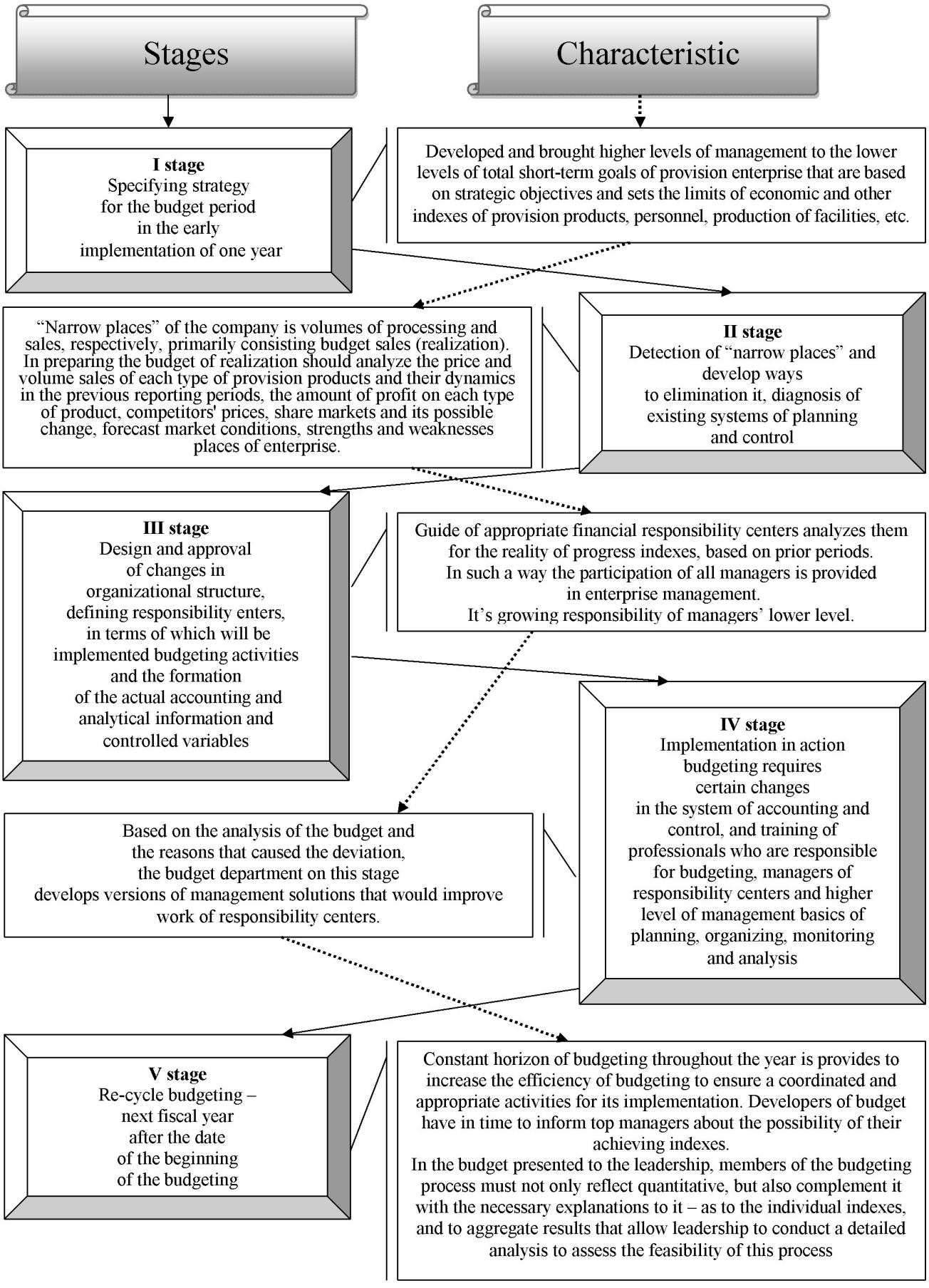

Figure 1. Structural-logic scheme of budgeting in the provision enterprisesAfter establishing the basic budgeting elements a possible transition to solve specific issues of structure financial budgets, its detail, budget rules, automation systems for budgeting, this is the subject of further research and testing for provision enterprises.

The system of budgeting in provision enterprises depends on the efficiency of the organization and functioning of its components: budget structures, systems and procedures. The budget structure is characterized by a set of budgeting objects which formed a separate budget of enterprise. The system of budgets includes all budgets and it indexes which used in the enterprise. Budgeting procedures reflect organizational elements of budgeting system in the enterprise that provides the timing for it implementation, responsible persons and the sequence stages of the budget.

One of the important stages of budgeting is the formation of the core budget provision enterprises, which displayed a list of operational and financial indexes with distribution on the structural units (responsibility centers) and deadlines. Therefore, before you need to research a general methodology for budgeting in provision enterprises.

In budget documents the unit can be exceptionally cost, natural or cost-natural (in natural units). We believe that the most appropriate and effective for the management needs in provision enterprises to use the cost-natural indexes in the budget, which we believe will enable to control not only financial but also in quantitative indexes.

The research gives grounds offer methodological principles of budget planning for provision enterprises principles on budgeting. It is budgeting for a month, quarter, year, depending on the technological processes associated with one or other type of product, participation in budgeting management responsibility centers and cost centers with general management.

Leadership of provision enterprise defines terms of budgeting, the list of responsible persons for the formation of the term of budgets to senior management for review and approval. For budgeting for the relevant period, in our view, is to use elements of counter planning.

In our opinion, one of the crucial stages of budgeting — the process of coordination between interested persons, because through budgeting, measure the effectiveness of management, which is solved by applying the principle of participation in budgeting leadership at all levels of management.

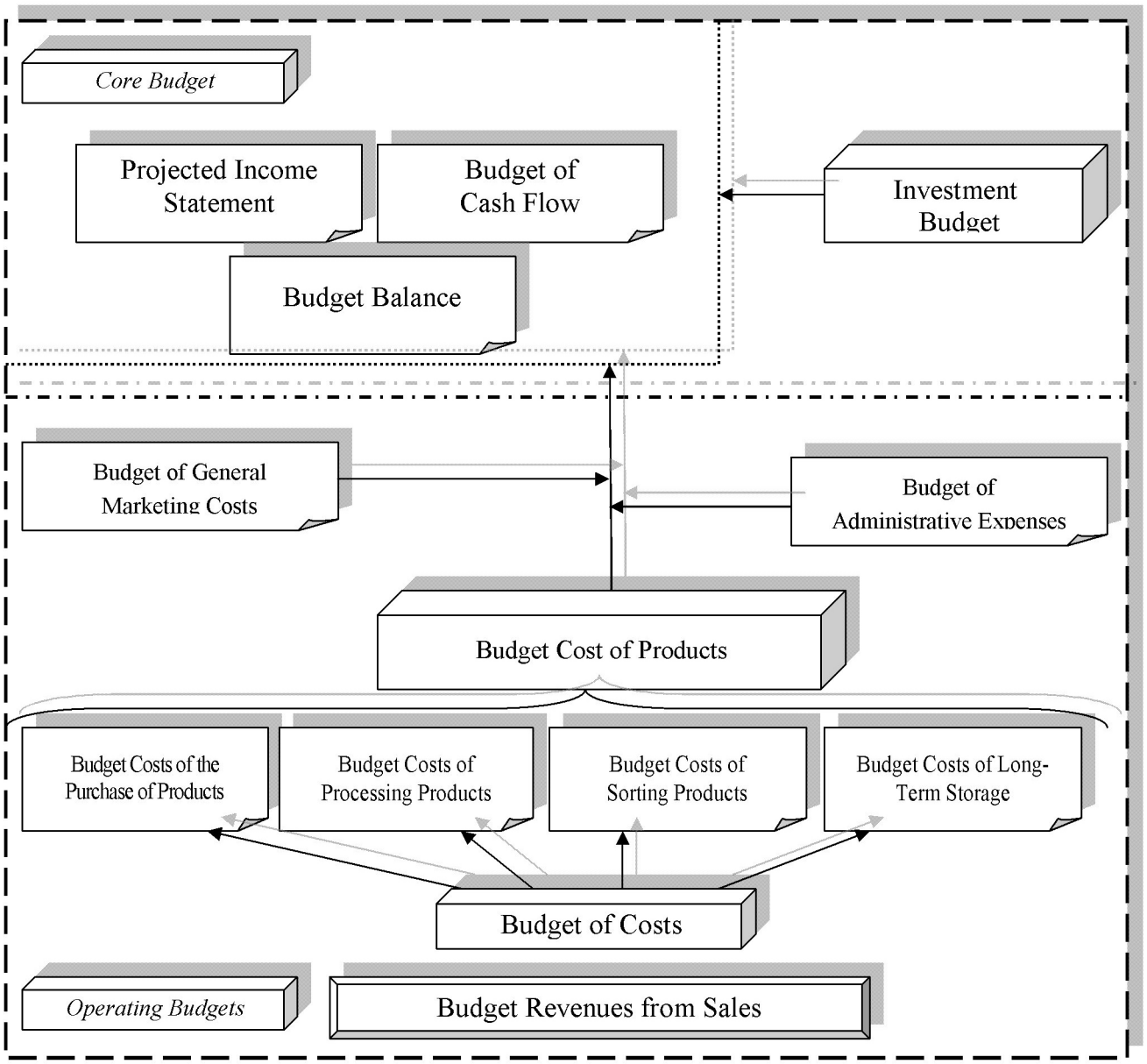

Figure 2. Sequence budgeting for provision enterprise

Depending on the purpose of comparison and analysis of the organization's budgets are divided into static and flexible budgets.

Static (hard) budget is calculated at a specific level of business activity. It incomes and expenses are planned based on a planned production levels. Use it to compare and analyze the absolute values of indexes, both in monetary terms and in percentage relationship.

A deviation in the static budget doesn't give an objective assessment, i. e., the static budget doesn't account for changes in the structure of purchased agricultural products and raw materials and supporting materials for its processing.

In order to more detailed analysis it use flexible budget. Flexible budget takes into account the different levels of volume purchasing inventory. It takes into account the change in costs based on changes in purchasing and is a dynamic database comparing the results achieved with the planned indexes.

In a flexible budget, as opposed to static budget, there might be some alternative volume of purchase. Flexible budget includes acquisition costs, adjusted for actual provision (purchase). If the static budget indexes previously planned, in the flexible budget indexes are adjusted for volume purchase. Based on the flexible budget, in order to identify the causes of deviations, it conducted a factor analysis. In managing the cost methodic of assembling a flexible budget promotes more economical use of resources and provides a search for ways to reduce costs associated with the supply and provision activities.

It should be noted that the process of budgeting in provision enterprise should include information processing internal and external environment that primarily affect its activity. So it should constantly monitor the process of development and implementation of budgets and make some adjustments.

Operating budgets of provision enterprise shown in Figure 2. In the planning the first step is budgeting sales, which is not only based on the capabilities of provision enterprise, but based on the market opportunities.

For each entity including for provision enterprise it is characterized by a certain number of specific budgets, which emphasize the feature of the budgeting system from other entities. For enterprises that activity associated with provision and processing activities, the composition of the core budgets is: budgets of provision and purchase of agricultural products and raw materials; budgets costs of sorting, processing and long-term storage; budget of revenues from sales and costs; budgets of administrative expenses and general marketing costs.

Every budget that created in the enterprise shall be subordinate and supervised of responsibility centers (cost). For example, the budget of processing products controlled processing workshop, the budget for provision products — provision department, etc. Managers of responsibility centers are responsible for the performance and the amount of expenses incurred or income received.

On the basis of data about the planned sale of products formed budgets that characterize the cost of purchasing agricultural products, the costs of processing and sorting products which are based on budgets of direct material costs, direct labor costs, depreciation and other direct costs. There are budgets of administrative expenses, general marketing costs, other operating income and expenses of the company which based on these budgets are projected income statement and budget balance. Accordingly, the composite budgets for the period up are a basic of budget cash flow.

When budgeting purchase cost of products provision (purchase) should allocate two levels needs of products:

1st — determining prospective need for products based on strategic plan provision enterprise to products in a year throughout their range;

2nd –definition needs in products in the quarter, month or shorter period for organizing provision (purchase) and their delivery to the storage of enterprise.

Need to purchase products defined in natural indexes (for commercial and industrial activity, the organization of transport, warehousing) and monetary valuation (for planning financial indexes).

In assessing the differences between actually purchased product and budgets for the provision and purchase must be remembered that the same values can be used for various needs. To properly determine the pivot needs to contiguous budget period such needs should clearly distinguish between:

— the need for production to processing and sorting of products;
— the need for products for resale;
— the need for products for long-term storage;

Total demand, as mentioned earlier, can be covered by:

— the expected remaining products at the beginning of the planning period;
— mobilization of available internal resources of the enterprise;
— new purchase.

When revealed differences in purchasing products, its need to find the reasons for these differences in order such deviations were minimized.

In order to identify the results of the budgets its necessary to carry out continuous monitoring of operational performance achieved indexes in a timely manner to find deviations examine their causes and take measures to eliminate operational deviations.

Thus, the budgeting in the provision enterprise creates opportunities to effective control over economic activity, which promotes the growth of resource efficiency and cost optimization, harmonization of relations not only within the entity, and with the external environment, coordinating all aspects of activity, the efforts of all structural units to achieve the outcome and, as a consequence, improve the control system for operating efficiency and financial stability.

References:

1. Акимова Е. В. Бюджетирование в системе финансового управления предприятием/Е. В. Акимова, О. А. Каменская//Вісник Донбаської державної машинобудівної академії. — 2007. — № 2 Е (10). — С. 2–7.
2. Керимов В. Э. Организация управленческого учета снабженческо-заготовительной деятельности: [научное издание]/Керимов В. Э. Сухов Р. А, Селиванов П. В. [Електронний ресурс] — [Режим доступу]: http://www.twirpx.com/file/820997/
3. Ковтун С. Бюджетирование на современном предприятий или как зффективно управлять финансами/С. Ковтун. — Х.: Фактор, 2007. — 336 с.
4. Куцик В. І. Технологія бюджетвання як інструмент управління підприємством/В. І. Куцик, І. В. Горбатюк//Науковий вісник НЛТУ України. — 2011. — Вип. 21.5. С. 248–254.
5. Куцик П. О. Бюджетування як основна складова оперативного планування та фінансового контролінгу вищих

навчальних закладів/Куцик П. О.//Економічні науки. Серія "Облік і фінанси". Збірник наукових праць. Луцький національний технічний університет. Випуск 7 (25) — Ч. 2 — Редкол.: відп. ред. д. е.н., професор Герасимчук З. В. — Луцьк, 2010.
6. Макарук Ф. Ф. Бюджетування у системі контролю діяльності підприємства: теоретичний аспект /Ф. Ф. Макарук//Проблеми теорії і методології бухгалтерського обліку. Міжнародний збірник наукових праць/[ред. кол.: Бутинець Ф. Ф., Олійник О. В., Малюга Н. М. та ін]. — Житомир: ЖДТУ, 2010. — № 3 (18). — С. 212–217.
7. Марценюк Р. А. Бюджетування діяльності заготівельних підприємств: теоретичні аспекти/Р. А. Марценюк//Перспективи розвитку обліку, контролю та аналізу у контексті євро інтеграції: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. — Одеса: ОДЕУ, 2011. — С. 211–213.
8. Редченко К. И. Новые аспекты управленческого контроля/К. И. Редченко//Менеджмент сегодня. — М., 2003. — № 4 (16). — С. 2–10.
9. Хоуп Д. Бюджетирование, каким мы его не знаем. Управление за рамками бюджетов: [научное издание]/Д. Хоуп, Р. Фрейзер. — М.: Вершина, 2005. — 364 с.
10. Хруцкий В. Е. Внутрифирменное бюджетирование: [научное издание]/В. Е. Хруцкий, Т. В. Сизова. — М.: Изд-во "Финансы и статистика", 2002. — 542 с
11. Щиборщ К. В. Бюджетирование деятельности промышленных предприятий России/К. В. Щиборш. — М.: Изд-во "Дело и Сервис", 2001. — 348 с.

Anton D. Murzin, Südliche Föderale Universität,
Fellow des Instituts für Wirtschaft und Foreign Economic Relations

Makroökonomische Modellierung des Managements der Sozial, Ökologisch und Wirtschaftsrisiken in Urbanisierungsgebieten

Einer der wichtigsten Indikatoren der sozio-ökonomischen Entwicklung ist die durchschnittliche Lebenserwartung der Bevölkerung. Im Konzept der nachhaltigen Entwicklung der Rio de Janeiro[1], und in der Planungsdokumenten für ihre Umsetzung in der Russischen Föderation wurde es festgestellt, dass der wichtiger Indikator für die soziale Entwicklung die Erhöhung der Lebenserwartung ist. Der Indikator ist von vielen Faktoren abhängig, dazu gehören aus anderem auch die Faktoren, die die Qualität des Lebens charakterisieren.

Die durchschnittliche Lebenserwartung steigt mit zunehmendem Materialverbrauch, mit denen die Anfälligkeit der Person, von den negativen Auswirkungen der Umweltverschmutzung erhöht durch verbesserte Ernährung, Gesundheitsversorgung, Bildung, Kultur, Gesundheit und Hygiene usw. Gleichzeitig wird das Verbrauchswachstum der Gesellschaft durch zunehmende Herstellung erhöht, die auf den ersten Blick, kann als Voraussetzungen für die Verbesserung der Sicherheit des menschlichen Lebens von dem negativen Einfluss der Umwelt berücksichtigt werden. Allerdings der Produktionserhöhungsprozess, der ist von die Wissenschafts- und Technologieentwicklung begleitet, gleichzeitig bewirkt neue Gefahren durch Umweltzerstörung durch Verschmutzung von Industriellen- und Landwirtschaftlichenabfällen, durch Umweltverschmutzung des Transports, durch die negativen Aspekte der menschlichen Eingriffe in natürliche Prozesse, durch die berufliche Notwendigkeit für die Menschen mit einem erhöhten Tod-, Verlust- oder Gesundheitsrisiko[2].

Wachstum von technologischen Gefahren fordert die Schaffung und Entwicklung der Mittel des Schutzes gegen diese Gefahren. Um diese Mittel zu schaffen, muss man bestimmte Menge an materiellen Ressourcen der Gesellschaft zu verwenden, das Geld anzuziehen, das zuvor für Einsparungen oder Verbrauch verbraucht war. In dieser Situation hat die Gesellschaft die Aufgabe der nationalen Einkommen im Laufe der Zeit in drei Komponenten zu verteilen und zu optimieren, die durch die folgende Berechnung reflektiert werden kann:

$$y_t = u_t + C_t + z_t, \quad (1)$$

y_t — Volkseinkommen im Laufe der Zeit t;
u_t — eine Zunahme der Kapitalakkumulation;
C_t — Verbrauch;
z_t — der Beitragswert, der zum Bevölkerungsschutz gegen vom Menschen verursachten Auswirkungen benutzt wird.

Daraus folgt das, dass der meisten einfaches Makromodell der Wirtschaft als Differentialgleichung, die auf der Annahme der Verhältnismäßigkeit der Kapitalakkumulation und das Wachstum des Volkseinkommens in der bestimmten Zeit und auf der Unabhängigkeit der nationalen Einkommen und Konsum Dynamik Abzüge für Sicherheit ausgedrückt werden kann:

$$y_t = B\frac{dy_t}{dt} + C_t + z_t, \quad (2)$$

B — Koeffizienten der Kapitalintensität des Volkseinkommens.

Daraus folgt, dass für einen bestimmten Parameter B Dynamik des Volkseinkommens von der Verbrauchabweiche C_t und Abzüge für die Sicherheit z_t abhängig ist. Selbstverständlich ist das Ziel der gesellschaftlichen Entwicklung, die bei der Maximierung der Lebenserwartung besteht, durch Optimierung der Trajektorien der Variablen y_t, z_t und C_t erreicht, mit Berücksichtigung und im Hinblick auf die internen Beziehungen zwischen Kriterien und der Art der Wirkung eines jeden von ihnen auf die steigende Lebenserwartung.

Abhängigkeit der mittleren Lebenserwartung von Faktoren Gleichgewichtsverhältnis (1) zu aufeinanderfolgenden Zeitpunkten als eine Funktion dargestellt werden kann:

---

[1] Agenda 21: Die geeinte Nation Aktionsprogramm von Rio. (Rio-de-Janeiro, 3–14 Juni 1992). A/Conf.151/26/Rev.1. — New York: UN, 1993. — 492 s.

[2] Murzin A. D. Umfassende Beurteilung der verstädterten Gebieten: Monographie. — Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. — 80 s.

$$\overline{T}_t = Tcp\left(c_t, z_t, u_t\right), \tag{3}$$

T_t — die durchschnittliche Lebenserwartung in der Periode *t*;

c_t — der Wert der Pro-Kopf-Verbrauch, bestimmt durch das Verhältnis des Wertes aller Waren und Dienstleistungen, die von der Bevölkerung verbraucht:

$$A_t = C_t / x_t , \tag{4}$$

C_t — der Gesamtbetrag der Mittel für den Konsum im Jahr *t* zugeteilt;

x_t — Bevölkerung im Jahr *t*:

$$x_t = x_0 e^{p_t} , \tag{5}$$

x_0 — Bevölkerung in der Basisperiode,

P_t — die Wachstumsrate der Bevölkerung.

Dieser Ausdruck kann als Nutzenfunktion der Anteile der sozialen Entwicklung interpretiert werden. Im Gegensatz zu herkömmlichen Nutzenfunktion dieses Verhältnis hat einige Besonderheiten, die müssen in seiner Konstruktion berücksichtigt werden:

1. Positive Funktion *T* und der Obergrenze seines Wachstums beschreibt biologische Lebensdauer in idealen Fall.

2. Nichtnegativitätsbedingungen der ersten partiellen Ableitungen der Argumente *c* und *z*:

$$\frac{d\overline{T}}{dc} \geq 0 , \frac{d\overline{T}}{dz} \geq 0 , \tag{6}$$

was bestimmt die Monotonie der Zunahme der Lebenserwartung mit erhöhtem Schutz der menschlichen Gesellschaft vor den Gefahren des natürlichen und anthropogenen Ursprungs.

3. Negativität der erste partielle Ableitung bezüglich Argument *u* bei festgelegter Wert andere Argumente:

$$\frac{d\overline{T}}{du} \leq 0 , \tag{7}$$

was ausweist die negativen Auswirkungen den von Menschen verursachten Gefahren auf die Zunahme der durchschnittlichen Lebensdauer.

4. Die relative Art der Wirkung des Vorsteuerabzugs für den Schutz der Umwelt auf der mittleren Lebensdauer. Dieser Einfluss ist relativ, da die Abzüge nur dann relevant sind wenn man die mit dem Wert der Kapitalakkumulation vergleicht, in diesem Fall man spricht über die vom Menschen verursachten Gefahren.

5. Der unterschiedliche Charakter der Anhänglichkeit zwischen durchschnittlichen Lebensdauer und der Argument-Werte bei verschiedenen Stufen der gesellschaftlichen Entwicklung (Abb. 1).

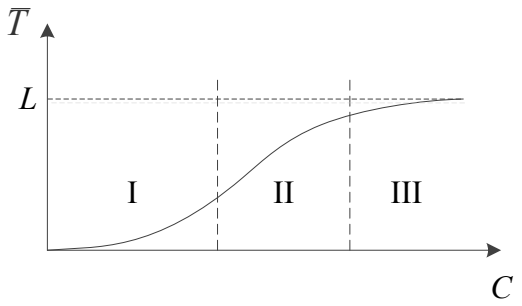

Abbildung 1. Die Abhängigkeit der durchschnittlichen Lebenserwartung von der Verbrauchsniveau der Bevölkerung

Die Statistik der vielen Länder ausweist das, dass es drei große getrennte Zonen mit dem besonderen Charakter der Abhängigkeit der Lebenserwartung auf dem Niveau des Verbrauchs gibt[1]. Bei einem niedrigen Verbrauchsniveau gibt es einen relativ schwachen Effekt auf die Erhöhung der Lebenserwartung. In diese Zeitperiode das Wachstum ist niedrig obwohl die Verbraucherzunahme relativ hohen hat. Aber bei Wachstum der beiden Indikatoren wird der Auswirkungen an der Lebenserwartung gestiegen. Im zweiten Abschnitt die Effizienz des Verbrauchs wächst heftig, wobei kleineren Wachstumsraten zu einen signifikanten Anstieg in der Lebenserwartung führen. Im dritten Abschnitt die Funktion tritt in eine Phase der Sättigung, aber ist es, die durchschnittliche Lebenserwartungswachstum für die gleiche Zunahme erfordert zunehmende Verbrauchserhöhung. Diese Eigenschaft der dritte Teil kann als Nichtnegativität der zweiten Funktionsableitungen auf das Argument c ausgedrückt werden:

$$\frac{d^2\overline{T}}{dc^2} \leq 0 . \tag{8}$$

Die ähnliche Art der Wirkung auf die durchschnittliche Lebenserwartung kann man für das andere Argument übernehmen davon ausgegangen werden, natürlich mit Berücksichtigung der Besonderheiten ihrer Auswirkung.

Aus diesen Annahmen folgt, dass die durchschnittliche Lebenserwartung von Ausdruck (3) als logistische Funktion der Argumente *c* und *z*/*u* dargestellt werden können, unter Berücksichtigung der Unabhängigkeit ihrer Auswirkungen. Diese Funktion erfüllt das System von Differentialgleichungen:

[1] Murzin A. D. Ökologischen und wirtschaftlichen Aspekte der Urbanisierung Gebieten der Großstädte//European Science and Technology: Materialien der internationalen Forschung und Praxis Konferenz (Wiesbaden, Deutschland, 31 Januar 2012). — S. 676–681.

$$\begin{cases} \dfrac{d\overline{T}}{dc} = q_1 \overline{T} \dfrac{L-\overline{T}}{L}, z/u = const, \\ \dfrac{d\overline{T}}{d(z/u)} = q_2 \overline{T} \dfrac{L-\overline{T}}{L}, c = const, \end{cases} \quad (9)$$

L — die biologische Grenze des Wachstums in der Lebenserwartung;

q_1, q_2 — Konstanten.

Das System von Gleichungen zeigt, dass der Anstieg der Lebenserwartung bei der Änderung von jedem seiner Argumente und bei fester Zahl der anderen Argumente zu ihrer Größe und zu einer relativen Wachstumsreserve proportional ist. Die Lösung des Systems kann wie folgt dargestellt werden:

$$\overline{T}(c,z,u) = \frac{L}{1+\beta_1 e^{-\gamma_1 c} + \beta_2 e^{-\gamma_2 (z/u)}}, \quad (10)$$

β_1, β_2, γ_1, γ_2 — konstante Argumente, die den Einfluss der relevanten Argumente auf den Lebenserwartungswert bezeichnen, und die auf der Grundlage historischer Daten geschätzt werden können.

Somit kann das Kriterium der sozialen Entwicklung mit dem Wunsch die Lebensdauer assoziiert werden (in bestimmte Zeit). Das Kriterium kann wie folgt ausgedrückt werden:

$$\int_0^T \overline{T}_t dt \to \max, \quad (11)$$

T — die Lebenserwartung des Einzelnen Menschen, gemittelt über einen Zeitraum der Planung.

Mit Berücksichtigung oben genannten Äußerungen kann man als Optimierungsmodell des Risikomanagements auf der Makroebene geschrieben werden:

1. Die Gleichung der Dynamik sozialer Prozesses — die Formel (2).
2. Die Schätzung des Pro-Kopf-Einkommen — die Formel (4).
3. Die Gleichung des Bevölkerungswachstums — die Formel (5).
4. Qualitätskriterium des gesellschaftlichen Prozesses — die Formel (11).
5. Die Bedingungen der positive Charakter der gesellschaftlichen Entwicklung:

$$\overline{T}_{t+1} \geq \overline{T}_t, y_{t+1} \geq y_t, c_{t+1} \geq c_t. \quad (12)$$

Zusammen mit durchschnittlichem Lebenserwartungswert kann als Kriterium der Gesellschaftlichenentwicklung gegenteilige Kriterium gesehen werden — die Sterblichkeitsrate R, der als das Verhältnis der Zahl der Sterbefälle im Jahr zur durchschnittlichen Bevölkerung definiert ist. Sein Wert für die wirtschaftlichen und sozialen Merkmale des Prozesses der sozialen Ausdruck verknüpft werden:

$$R(c,z,u) = a + b_1 e^{-d_1 c} + b_2 e^{-d_2 (z/u)}, \quad (13)$$

a — eine biologische Grenze Sterblichkeit;

b_1, b_2, d_1, d_2 — konstantes Argument, das die Art des Einflusses der Pro-Kopf-Verbrauch, Schutz und Einsparungen auf die Sterblichkeit beschreiben hat.

In diesem Fall ist das Ziel der sozialen Entwicklung das minimieren, die Aussage kann in folgende Formel gefasst werden:

$$\int_0^T R(c,z,u) dt \to \min. \quad (14)$$

Bei der Verwendung von Indikatoren als Kriterium der sozialen Entwicklung sollen einige Beschränkungen betrachtet werden, die mit dem Einfluss der Anfangsbedingungen verbunden. So, dass die durchschnittliche Lebenserwartung aufgrund des Alters-spezifische Überleben durch folgende Formel berechnet ist:

$$\overline{T} = \sum p_w w = \int p_w w dw, \quad (15)$$

p_w — Überlebenswahrscheinlichkeit auf das Alter des Menschen w.

In der Periode t hängt vom Wert der p_w -Werte charakteristisch für Vorjahre. Da die hohe Sterblichkeit der vergangenen bewirkt die Bedingungen in zukünftige Periode und pflegt das bestehende Niveau in der nächsten Periode sogar mit einem erheblichen Anstieg der Lebensqualität und zur Verringerung der Auswirkungen der menschlichen Einfluss auf die Umwelt. Dies ist aufgrund der Natur des trägheitsbehafte Gesundheit der Bevölkerung. Daher kann die Verbesserung der ökologischen und ökonomischen Faktoren nicht zu einem schnellen Anstieg der Lebenserwartung führen, wenn die Vorhersage auf die Perspektive des evolutionären Wandels relevante Indikatoren basiert.

Zusammenfassend kann man sagen, dass es die allgemeine Modell der Entwicklung einer bestimmten Region dargestellt wurde, die die Möglichkeit gibt die Folgen der Option sozio-ökonomische Entwicklung und die Einschätzung des Niveaus der ökologischen und ökonomischen Risiken zu schätzen.

Referenzen:

1. Agenda 21: Die geeinte Nation Aktionsprogramm von Rio. (Rio-de-Janeiro, 3–14 Juni 1992). A/Conf.151/26/Rev.1. — New York: UN, 1993. — 492 s.
2. Murzin A. D. Umfassende Beurteilung der verstädterten Gebieten: Monographie. — Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. — 80 s.
3. Murzin A. D. Ökologischen und wirtschaftlichen Aspekte der Urbanisierung Gebieten der Großstädte//European Science and Technology: Materialien der internationalen Forschung und Praxis Konferenz (Wiesbaden, Deutschland, 31 Januar 2012). — S. 676–681.

Nesterova Zoya
Institute of Industrial Economics of NAS of Ukraine, Donetsk
Нестерова Зоя Ивановна, аспирантка
Институт Экономики Промышленности НАН Украины, г. Донецк

Methods for evaluation of technical and technological capacities of the industrial enterprises in the management of its economic development

Методы оценки технико-технологического потенциала промышленного предприятия в условиях управления его экономическим развитием

Существует большое количество публикаций, в которых значительное внимание уделяется вопросам определения понятия технико-технологического потенциала промышленного предприятия, его сущности, содержания и выбора системы показателей оценки. Потенциал в переводе с латинского «potentia» означает силу, источник силы или возможность, которую можно использовать для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели. Олексюк А. И. определяет потенциал предприятия как максимально возможную совокупность активных и пассивных, явных и скрытых альтернатив (возможностей) качественного развития социально-экономической системы предприятия в определенной среде хозяйствования (ситуационно-рыночная составляющая) с учетом ресурсных, структурно-функциональных, временных, социокультурных и других ограничений[1]. Краснокутская Н. С. дает следующее определение: «потенциал предприятия можно определить как возможности системы ресурсов и компетенции предприятия создавать результат для заинтересованных лиц посредством реализации бизнес-процессов»[2]. В ряде работ технический потенциал приравнивается к техническим ресурсам предприятия, некоторые авторы рассматривают его как совокупность технических ресурсов и технологических возможностей, также существует мнение, что технический потенциал — это резервы, выраженные в неиспользуемых возможностях роста и совершенствования производства и возможности повышения эффективности использования ресурсов предприятия. Кожухова Н. В. предлагает определят под технологическим потенциалом разделение труда (технико-технологическая специализация внутри предприятия) и технологическая кооперация труда (интеграция, кооперация, комбинирование, централизация внутри предприятия[3]. Технологический потенциал предприятия, по мнению автора, определяется технологическим оснащением и уровнем технологий производства и выступает наряду с другими ресурсами в качестве одного из видов, является созданным, накопленным и используемым обществом опытом, что в определенной мере привлекается предприятием в производственных целях.

Таким образом, технологический потенциал включает в себя также совокупность всех технологических знаний, опыта, ноу-хау, используемых для производства товаров и услуг, и его «стоимость» входит в стоимость готовой продукции в виде издержек производства, включенных в расходы на приобретение или разработку новой техники и технологии, технологическое обучение работников.По своему назначению технический потенциал характеризуется количеством и качеством средств труда, их прогрессивной структурой (соотношение активной и пассивной части) производственных запасов, незавершенного производства, расходов будущих периодов. Технологический потенциал определяется уровнем прогрессивности применяемых технологий производства товаров, работ и услуг и характеризуется показателями ресурсоемкости и качества производимой продукции.В самом общем виде под технико-технологическим потенциалом промышленного предприятия понимается достигнутый и возможный уровень развития средств производства, методов организации и управления. Ряд ученых, принимают смежные термины («технический потенциал», «технико-организационный потенциал») и определяют с помощью них степень совершенствования применяемой техники, технологии, организации производства, труда и управления на предприятии. Другие ученые рассматривают различные элементы и составляющие.Наиболее близким нам видится определение, данное Е. С. Сапир и Ю. Л. Гантман. Они считают, что технико-технологический потенциал промышленного предприятия это «категория, которая количественно и качественно характеризует техническое совершенство, состояние и использование элементов производства: средств труда, предметов труда и самого труда». Это определение предоставляет наибольшие возможности для декомпозиции данного понятия. На его базе можно провести детализацию каждого элемента: уровень совершенства средств труда определяется уровнем техники, технологии, механизации и автоматизации производственного процесса, уровень совершенства предмета труда определяется свойствами, формами, характеристиками сырья и используемых собственных заготовок и всего заготовительные производства в целом, качество труда определяется уровнем организации труда, ее эффективностью и соответствием требованиям производства.

Технико-технологический потенциал промышленного предприятия — это структурированная система небольшого числа показателей, характеризующих степень соответствия существующих производственных возможностей технологическим требованиям, предъявляемым к производственному процессу. Естественно, что оценить технико-технологический потенциал можно по специально выбранной системой показателей. Такая система показателей должна формироваться на основе следующих принципов:

— показатели системы должны представлять все элементы технико-тезнологического потенциала, отражающие всю многосторонность исследуемого объекта;

— система показателей должна быть способна обеспечить все без исключения направления, задачи анализа технико-технологического потенциала, осуществлять необходимые аналитические функции в процессе перспективного и текущего

---

[1] Федонін О. С., Рєпіна І. М., Олексюк О. І. Потенціал підприємства: формування та оцінка: Навч. посібник. — К.: КНЕУ, 2004. — 316 с.

[2] Краснокутська Н. С. Потенціал підприємства: формування та оцінка: Навч. посібник. — К.: КНЕУ, 2004. — 301 с.

[3] Кожухова Н. В. Пути совершенствования технологического потенциала предприятий легкой промышленности: Препринт. – Самарский университет управления. – 2005. – с. 21–28

планирования, оценку выполнения соответствующих планов. При этом должен учитываться и уровень иерархии объектов исследования (предприятие, производство, цех и т. д.);

— все показатели системы должны иметь количественное выражение и быть сопоставимыми;

— каждый из показателей может быть представлен как фактор, влияющий на экономическую эффективность производства (на объем выпуска продукции, себестоимость, производительность труда и др.);

— каждый из показателей должен быть рассчитан на основе достоверной информации, содержащейся в существующих отчетных документах предприятия.

Можно выделить следующие три группы показателей, наиболее часто применяемых для оценки технико-технологического потенциала промышленного предприятия. При этом главной целью формирования таких групп было выделение именно наиболее важных показателей, применение которых необходимо и достаточно для анализа сложившегося уровня технико-технологического потенциала на предприятии машиностроения. Выделенные группы включают:

— показатели механизации и автоматизации производства;

— показатели, характеризующие состояние средств труда;

— показатели, характеризующие совершенство применяемой технологии.

При рассмотрении каждой группы показателей более подробно, большинство исследователей считают, что одни из показателей оказывают решающее влияние на повышение уровня технико-технологического потенциала при данных, конкретно сложившихся, другие — второстепенное. Другие дополняют основные и обнаруживают динамику их изменения и факторы, повлекшие данные изменения. Рассмотрим более подробно каждую группу показателей оценки.

1.Механизация и автоматизация производства является одним из основных направлений НТП и технико-технологического развития машиностроительного предприятия, влияющие на производительность труда и эффективность всего производственного процесса в целом. В настоящее время применяются различные методы определения уровня механизации производства, отсюда разные результаты, несопоставимость данных показателей. Чаще всего используется отношение числа работников механизированного труда к общей численности рабочих. Величина этого показателя нередко достигает 80% и выше. На ряде предприятий, чтобы определить уровень механизации, используют показатель, который характеризует отношение числа часов, необходимых для выполнения работ вручную, к общему количеству часов. При этом применяют коэффициент приведения трудоемкости работ, которые выполняются с помощью оборудования к трудоемкости ручных работ. Как правило, такие показатели по своему значению близки к единице. Если судить по показателям, рассчитанным данными методами, то на предприятиях резервы снижения трудоемкости продукции невелики. В действительности же при выполнении производственных процессов на станках рабочий тратит много времени на выполнение ручных работ, т. е. время ручных работ в оперативном времени составляет значительную долю, что свидетельствует о низком уровне механизации производственных процессов. Это позволяет сделать вывод, что применяемые показатели на практике характеризуют степень охвата рабочих механизированным трудом и долю ручных работ в общей трудоемкости. Соответственно, к основным показателям, характеризующим уровень механизации и автоматизации производства относятся показатели механизации и автоматизации производственных процессов, показатель механизации и автоматизации труда. К вспомогательным — доля автоматизированного оборудования в общем парке. Теоретически, границ в детализации уровня механизации и автоматизации труда нет, т. е. можно получить достаточно большое количество показателей на любом уровне иерархии управления производством.

2. Показатели, характеризующие состояние средств труда. Анализ средств труда позволяет сделать вывод о техническом уровне основных средств, в том числе основных производственных фондов (ОПФ), их прогрессивности, согласно требованиям технологического процесса и возможности обслуживать производственную программу предприятия. При этом состояние ОВФ влияет на уровень производительности живого труда.

3. Показатели, характеризующие совершенствование применяемой технологии. О прогрессивности технологического процесса, применяемого или запланированного к применению на машиностроительном предприятии можно судить по тому, в какой степени он обеспечивает производство продукции заданного количества при наименьших затратах. На базе данной системы показателей можно сделать вывод, что с уменьшением доли наиболее трудоемких операций и ручных процессов, улучшается структура трудоемкости и как правило снижаются затраты труда на производство единицы продукции. На эти же основные показатели влияет степень технологического оснащения и структура заготовок. Оснащение производства оборудованием приводит к уменьшению времени для изготовления деталей. Совершенствование структуры заготовок, т. е. увеличение доли заготовок, по форме и размерам близким к готовым деталям, обеспечивает снижение трудоемкости, увеличение доли продукции, произведенной прогрессивными методами. Вместе с тем, улучшение структуры трудоемкости и заготовок в результате внедрения прогрессивных технологических процессов оказывает существенное влияние на коэффициент использования материалов.

Таким образом, после расчета определенной группы показателей и их совокупного обобщающего показателя уровня технико-технологического потенциала производства, можно сделать выводы относительно его определения. Если уровень технико-технологического потенциала является высоким, это свидетельствует о том, что предприятие находится в состоянии абсолютного равновесия по всем составляющим в соответствии со всеми критериями оценки. В данном случае, руководителям предприятия целесообразно придерживаться выбранной политики по ведению производственно-хозяйственной деятельности и экономического развития. Если уровень технико-технологического потенциала является средним, это говорит о том, что предприятие успешно существует в бизнесе, имеются трудности, которые преодолеваются, т. к. работают механизмы адаптации. Если по проведенным расчетам оценки уровень технико-технологического потенциала является низким, это свидетельствует о наличии хронических нарушений большинства параметров всех функциональных составляющих: проблемы с обеспечением предприятие ОПФ, сырьем, материалами, трудовыми ресурсами, неэффективное их использование и др.Результаты определения оценки уровня технико-технологического потенциала с помощью рассмотренной выше системы показателей несут информативный характер для дальнейших исследований в этом направлении. Целесообразно провести оценку технико-технологического потенциала непосредственно с позиции главных элементов в его системе — оборудования и изделий. Особенно реализация этого мероприятия необходима, если уровень технико-технологического потенциала промышленного предприятия является средним

или низким. Одной из причин такого положения является несоответствие между технико-технологическими (конструктивно — технологическими) параметрами запланированных к производству деталей (изделий) с параметрами технологического обеспечения (оборудования). Поэтому целесообразно провести оценку соответствия между параметрами изделия и оборудования с целью установления и устранения причин низкого уровня технико-технологического потенциала за счет обоснованного выбора необходимых методов управления экономическим развитием промышленного предприятия (рис. 1).

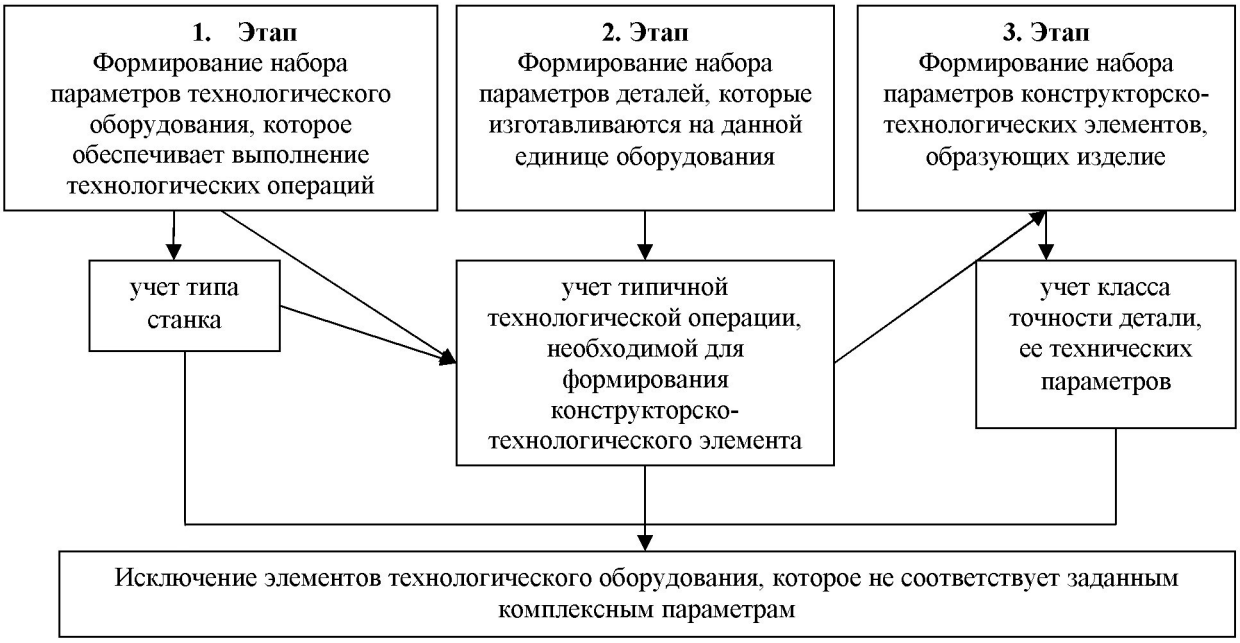

Рис. 1 Модель проведения оценки соответствия между параметрами изделия и оборудования

На первом этапе оценки формируется набор параметров технологического обеспечения производства машиностроительного предприятия:

— множество технологических операций, выполняемых на оборудовании;

— класс точности оборудования, стоимость оборудования и т. д.

Параметры оборудования, должны быть обязательно достаточными, но могут быть и избыточным для изготовления конкретной детали. Второй этап — формирование набора параметров производимых деталей:

— тип допустимых деталей;

— вектор размера детали;

— материала, из которого изготавливается деталь.

При выборе оборудования для обработки конкретной детали предлагается проводить декомпозицию детали на составляющие ее конструкторско-технологических элементов образующие изделие:

— код конструкторско-технологического элемента;

— вектор размеров элемента;

— класс точности конструктивно-технологического элемента, продукции;

— тип оборудования, на котором может быть изготовлен данный конструкторско-технологический элемент;

— типичная технологическая операция, необходимая для формообразования конструкторско-технологического элемента[1].

Таким образом, реализация данной модели позволит выявить элементы технологического оборудования, не соответствующих заданным между собой параметрам технологического оборудования, производимых деталей, и конструкторско-технологических элементов, образующих деталь. Это позволит оценить технико-технологический потенциал производства на каждом технологическом переделе и выбрать оптимальное направление для подготовки и принятия управленческих решений в рамках экономического развития промышленного предприятия.

Nechaev Andrey S.
Russia, Irkutsk, Irkutsk State Technical University
Professor, PhD, Doctor of science

The innovative methods of a comparative estimation of the basic financing forms of a fixed capital reproduction

In the article the problem of creation of a special innovative methods of a comparative estimation of the basic financing forms of a fixed capital reproduction has been put and solved. Its mathematical solution is presented below. The created innovative methods includes all financings arising with given forms, taxes in the following sequence:

1. innovative model of calculation of indicators at acquisition by own means;

[1] Замятин, К. И. Выбор технологического обеспечения структур-стратегий производственной системы машиностроения (на примере детали типа «корпус») /К. И. Замятин, А. П. Кузнецов//Вестник ИжГТУ. – 2010. – № 1. – С. 19–22

2. innovative model of calculation of indicators at rent use;

3. innovative model of calculation of indicators at use of corporate bonds.

According to figure 2 having total formulas by each of financing forms it will be possible to compare indicators. To make a choice of the form of financing most comprehensible to the given enterprise which depends on concrete values of indicators.

At first we will present the general formula from (1) to (5) of financings used at various forms.

The amortization sum (S_{AM}) is expressed by the formula 1:

$$S_{AMi} = \frac{P}{N} \tag{1}$$

where: i=1,2,3…, N

The sum of depreciated cost (S_{OCT}) is expressed by the formula 2:

$$S_{OCTi} = P(1 - \frac{i}{N}) \tag{2}$$

where: P — balance cost, N — term of available use.

The sum of average-annual cost (S) is expressed by the formula 3:

$$S_i = \frac{P}{N}(N - i + 0,5) \tag{3}$$

The sum of the property tax ($S_{НИ}$) is expressed by the formula 4:

$$S_{НИ} = \frac{P \times N \times e}{2 \times 100\%} \tag{4}$$

where: e — the rate of the property tax.

Calculation of the sum of the transport tax is expressed by the formula 5:

$$S_{TH} = B \times F \times C \times N \tag{5}$$

where: B — quantity of vehicles, F — quantity of horse-power for one unit of a vehicle, C — the rate of the transport tax for horse-power.

Further the innovative model of calculation of indicators has been created at acquisition by own means.

The sum of the property tax is expressed by the formula 4. Calculation of the sum of the transport tax is expressed by the formula 5.

Calculation of the sum of economy for profit tax (S_{HP}) is expressed by the formula 6:

$$S_{HP} = \frac{a}{100\%}\left[P\left(1 + \frac{e \times N}{2 \times 100\%}\right) + B \times F \times C \times N\right] \tag{6}$$

where: a — the profit tax rate.

The income sum (P_r), the expense (R_s) and an overpayment total amount (Δ) is expressed by the formulas 7, 8, 9:

$$P_r = P\frac{k_{НДС}}{100\%} + \frac{a}{100\%}\left[P\left(1 + \frac{N \times e}{2 \times 100\%}\right) + B \times F \times C \times N\right] \tag{7}$$

where: $k_{НДС}$ — the VAT rate.

$$R_s = P\left(1 + \frac{k_{НДС}}{100\%}\right) + N\left(\frac{P \times e}{2 \times 100\%} + B \times F \times C\right) \tag{8}$$

$$\Delta = \left(\frac{a}{100\%} - 1\right)\left[P\left(1 + \frac{N \times e}{2 \times 100\%}\right) + B \times F \times C \times N\right] \tag{9}$$

If there is no transport tax S_{THi}= 0, S_{TH}= 0 the economy sum of the profit tax is expressed by the formula 10:

$$S_{HP} = \frac{a \times P}{100\%}\left[1 + \frac{e \times N}{2 \times 100\%}\right] \tag{10}$$

Thus the sum of income, the expense and an overpayment total amount is expressed by formulas 11, 12 and 13 accordingly:

$$P_r = P\frac{k_{ндс}}{100\%} + \frac{a}{100\%} \times P\left[1 + \frac{N \times e}{2 \times 100\%}\right] \tag{11}$$

$$R_s = P\left(1 + \frac{k_{ндс}}{100\%}\right) + N\frac{P \times e}{2 \times 100\%} \tag{12}$$

$$\Delta = \left(\frac{a}{100\%} - 1\right) \times P\left[1 + \frac{N \times e}{2 \times 100\%}\right] \tag{13}$$

Further **the innovative model of calculation of indicators** has been created **at rent use.**

Calculation of the sum of percent for rent (S_A) is expressed by the formula 14:

$$S_A = \frac{P \times N \times u}{2 \times 100\%} \tag{14}$$

where: u — the rate of percent for rent.

The VAT sum is expressed by the formula 15.

$$S_{НДС} = \frac{u}{100\%} \times \frac{k_{ндс}}{100\%} \times \frac{P \times N}{2} \quad (15)$$

Calculation of the sum of economy for the profit tax is expressed by the formula 16:

$$S_{HP} = \frac{a}{100\%} \times \frac{u}{100\%} \times \frac{P \times N}{2} \quad (16)$$

The sum of income, the expense and overpayment total amount is expressed by:

$$P_r = P\left[\frac{k_{ндс}}{100\%}\left(\frac{u}{100\%} \times \frac{N}{2} + 1\right) + \frac{a}{100\%} \times \frac{u}{100\%} \times \frac{N}{2}\right] \quad (17)$$

$$R_s = P\left[\frac{u}{100\%} \times \frac{N}{2} + 1 + \frac{k_{ндс}}{100\%}\right] \quad (18)$$

$$\Delta = P\left[\frac{u}{100\%} \times \frac{N}{2}\left(\frac{k_{ндс} + a}{100\%} - 1\right) - 1\right] \quad (19)$$

Further **the innovative model of calculation of indicators at use of corporate bonds** has been created**.**
Calculation of the sum of percent for bonds (S_O)is expressed by the formula 20:

$$S_O = \frac{d}{100\%} \times \frac{P \times N}{2} \quad (20)$$

where: d — the rate of percent for corporate bonds.
Calculation of the property tax is expressed by the formula 21.

$$S_{НИ} = \frac{e}{100\%} \times \frac{P \times N}{2} \quad (21)$$

Calculation of the sum of economy for the profit tax is expressed by the formula 22:

$$S_{HP} = \frac{a}{100\%} \times P\left[1 + \frac{N(d+e)}{2 \times 100\%}\right] + \frac{a}{100\%} \times B \times F \times C \times N \quad (22)$$

The sum of income, the expense and overpayment total amount is expressed by:

$$P_r = \frac{P \times k_{ндс}}{100\%} + \frac{a \times P}{100\%}\left[1 + \frac{N}{2}\left(\frac{d+e}{100\%}\right)\right] + B \times F \times C \times N \times \frac{a}{100\%} \quad (23)$$

$$R_s = P\left[\frac{N}{2} \times \frac{d+e}{100\%} + 1 + \frac{k_{ндс}}{100\%}\right] + B \times F \times C \times N \quad (24)$$

$$\Delta = \left(\frac{a}{100\%} - 1\right)\left(\frac{P \times N}{2} \times \frac{d+e}{100\%} + B \times F \times C \times N + P\right) \quad (25)$$

In a case, when there is no transport tax $\Rightarrow S_{THi} = 0$, $S_{TH} = 0$ the economy sum for the profit tax is expressed by the formula 26:

$$S_{HP} = \frac{a}{100\%} \times P\left[1 + \frac{N(d+e)}{2 \times 100\%}\right] \quad (26)$$

Thus the sum of income, the expense and an overpayment total amount is expressed by formulas 27, 28 and 29 accordingly:

$$P_r = \frac{P \times k_{ндс}}{100\%} + \frac{a \times P}{100\%}\left[1 + \frac{N}{2}\left(\frac{d+e}{100\%}\right)\right] \quad (27)$$

$$R_s = P\left[\frac{N}{2} \cdot \frac{d+e}{100\%} + 1 + \frac{k_{ндс}}{100\%}\right]. \quad (28)$$

$$\Delta = \left(\frac{a}{100\%} - 1\right)\left(\frac{P \times N}{2} \times \frac{d+e}{100\%} + P\right) \quad (29)$$

The given formulas allow to calculate all components (the sums of expenses, taxes, overpayments) for three forms of financing. Further, stage by stage, acquisition of the basic assets by own means is mutually compared, using rent, using corporate bonds. The innovative part of the given methods is a possibility of comparison of the named three forms of financing using calculation of possible expenses and arising taxes (the transport tax, the property tax, the profit tax and the VAT), that essentially differs from available methods of comparison of various forms of financing.

References:

1. Kondratenko, Evgeny. 1997. "Investment resources". Economist, 7.
2. Lozhkin, Oleg. 2001. "Financial analysis of effectiveness and stability of a business process". Audit and financial analysis, 2: 25–35.
3. Mitukova, Elvira. 2002. "Servicing of leasehold". Economy and life. Accounting supplement, 39: 10–11.
4. Nechaev, Andrey. 2005. Amortization policy as a tool of investment tax credit forming. Monograph, 96 p. Angarsk: Angarsk State Technologic Academy.
5. Nechaev, Andrey, and Yana Zaichenko. 2011. Creation of complex investment-innovative methods of fixed capital updating, 142 p. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
6. Nechaev, Andrey. 2011. The theory of government regulation of investment-financial area. 251 p. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing.

Ostrovskaya Elena Nikolaevna., Interaction of elements of vertically-integrated business combinations.
Saint-Petersburg State University of Trade and Economics, Post-graduate student

Островская Елена Николаевна, Санкт-Петербургский государственный торгово-экономический университет, аспирант кафедры менеджмента

Interaction of vertical integrated business combinations

Взаимодействие элементов вертикально интегрированных объединений предприятий

Вертикально интегрированное объединение предприятий (ВИОП), представляет определенную целостную подсистему национальной экономики, состоит из отдельных элементов, взаимодействующих между собой с целью достижения экономического эффекта при реализации поставленных задач путем использования преимуществ, заложенных в этой форме организации производительных сил.

Предприятия вертикально интегрированных объединений должны взаимодействовать между собой с целью получения прибыли и экономии затрат на выпуск продукции. Данное положение может быть достигнуто либо путем их административного объединения, либо при помощи использования рыночного механизма. При этом следует иметь в виду, что эффективность функционировании ВИОП достигается при условии высокого уровня комплексности и эффективного использования экономических ресурсов, что предполагает синхронность работы всех входящих в ВИОП элементов.

Получить максимальный синергетический эффект возможно только при создании на его уровне единой системы промышленных предприятий, специализированных на том или ином виде деятельности, обеспечивающих необходимой продукцией все стадии производственного процесса. В вертикально интегрированном объединении предприятий производством продукции занимается необходимое количество различных предприятий. Каждое из них организует производство, исходя из потребностей последующей стадии производственного процесса, а так же различных поставок, заказов произведенной продукции по заказам других предприятий не входящих в ВИОП. Это приводит к формированию внутри ВИОП сложной системы хозяйственных связей.

Хозяйственную систему ВИОП в настоящее время могут составлять добывающие, обрабатывающие отрасли и научно-исследовательский комплекс (рис. 1), которые являются внутренними элементами ВИОП и должны взаимодействовать друг с другом. Их количество может быть различным от одного предприятия отрасли до десятка. По численности занятых и стоимости основных производственных и непроизводственных фондов они могут различаться. Например, это может зависеть от базового предприятия формирующего ВИОП, которое способно создать вокруг своего предприятия вертикально интегрированную структуру, как правило, это высоко рентабельное предприятие, имеющее в своем расположении финансовые и экономические ресурсы.

Объекты ВИПО сохраняют хозяйственную самостоятельность, права юридического лица, на них распространяются законы о предприятиях. При формировании ВИОП объединяются только ресурсы на выполнение программы (проекта). Между предприятиями входящими в вертикально интегрированное объединение устанавливаются экономические методы управления. Организационно-правовые формы функционирования действующих или сданных в эксплуатацию объектов могут быть различными в каждом конкретном случае.

В условиях действующей системы технологические и экономические связи сложны, поскольку, предприятия входящие в ВИОП принадлежат разным отраслям. Все это усложняет взаимодействие элементов друг с другом, затрудняет руководство его хозяйственной деятельностью.

Взаимодействие элементов ВИОП осуществляется на основе использования экономических рычагов — цен, тарифов и т. п., которые позволяют каждому элементу хозяйственной системы выполнять поставленные перед ним задачи. Система цен и тарифов построена исходя из отраслевых затрат. Вместе с тем капитальные и текущие издержки зависят от объема выпуска продукции. Чем выше добавленная стоимость выпущенной продукции и объемы производства, тем дешевле производителю обходится его производство, так как в этом случае можно сэкономить на транзакционных издержках. Предприятия, выпускающие продукцию с высокой добавленной стоимостью и в больших объемах, имея собственные мощности по их производству, выпускают продукцию или оказывают услуги своим подразделениям с меньшими затратами по сравнению с действующими тарифами. При небольших объемах выпуска, напротив, себестоимость производства на собственных мощностях оказывается выше, чем тариф или цена.

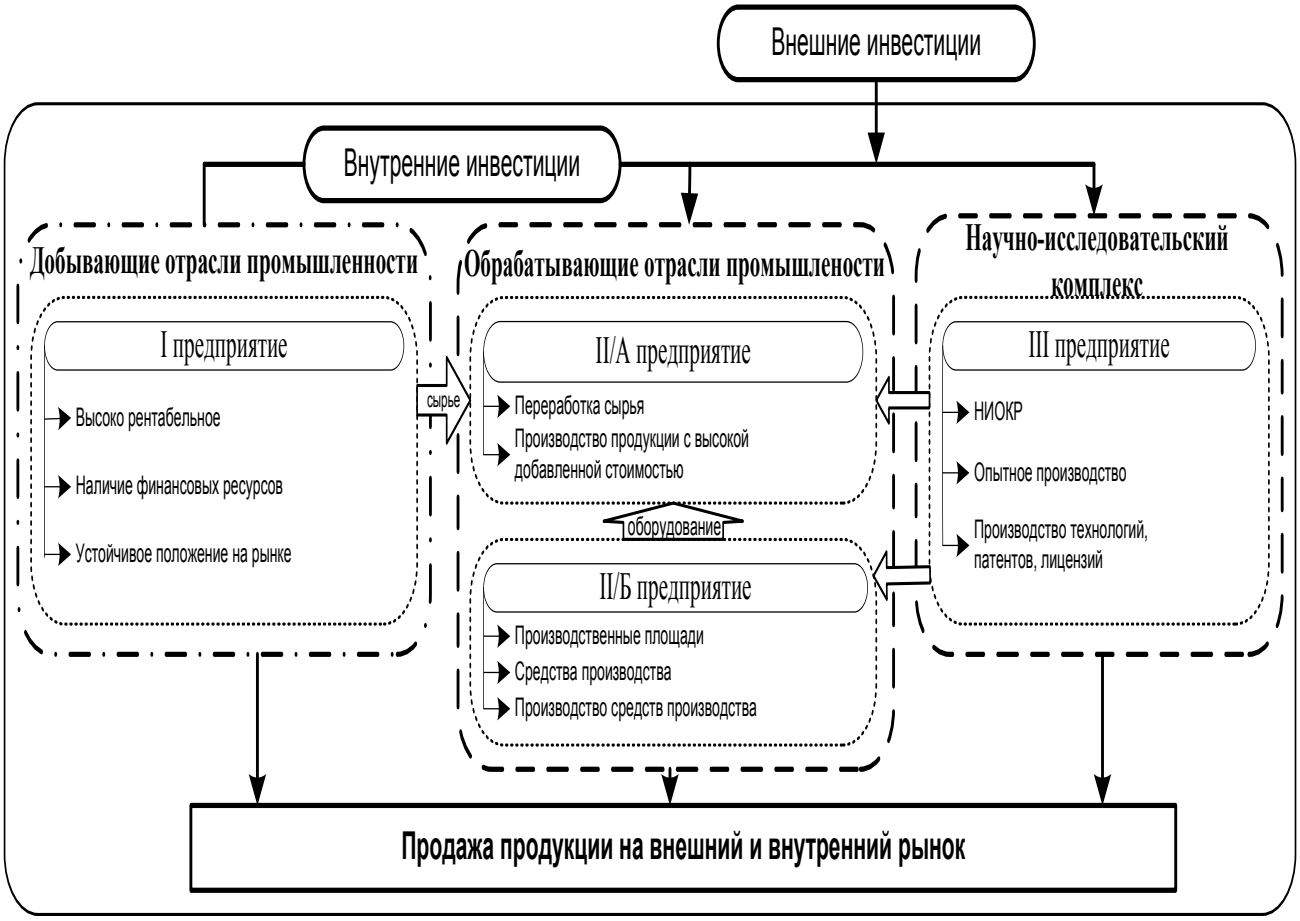

Рисунок 1. — Вертикально интегрированное организационное объединение предприятий

Управление деятельностью ВИОП осуществляется с помощью административных решений. Органы управления различными элементами хозяйственной системы ВИОП имеют разную иерархию административной подчиненности. На рисунке 2 укрупненно показаны внутренние элементы управления и связи между ними.

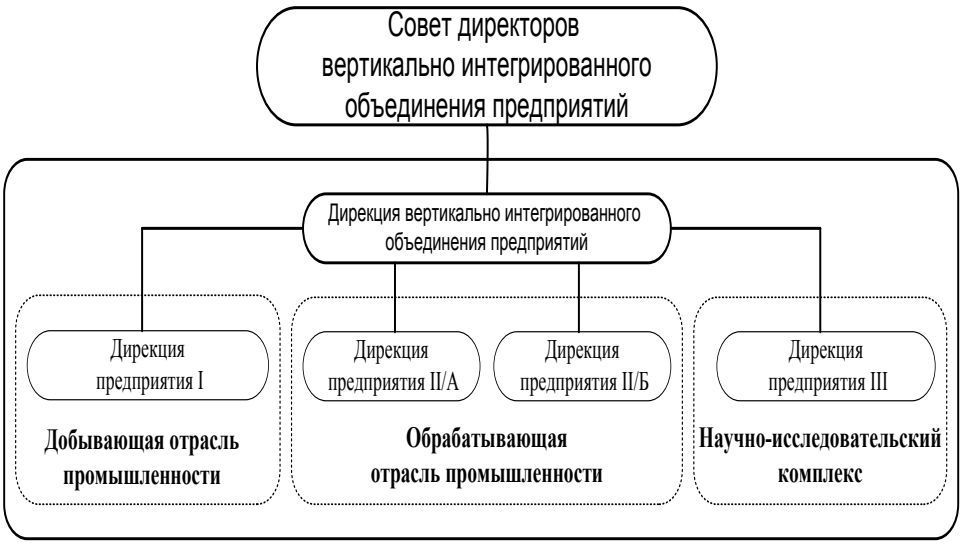

Рисунок 2. — Организационная структура управления ВИОП

Организационная структура управления ВИОП характеризуется четкой вертикальной направленностью связей. Рисунок 2 свидетельствует о том, что параметры основного профиля каждого предприятия задаются на уровне Совета директоров вертикально интегрированного объединения предприятий. Подобный подход к управлению позволит подчинить функционирование всех внутренних элементов, достижению основной стратегической цели создания ВИОП.

За отраслевыми подразделениям и предприятиями закреплены права самостоятельных элементов ВИОП, которые самостоятельно управляют собственным капиталом, и дают возможность их сотрудничества с другими предприятиями, не входящими в ВИОП. Функционируя на основе перекрестного владения акций, административных соглашением перед ВИОП ставятся задачи по созданию и функционированию системы предприятий, которые определяются на высшем уровне. Каждое

из этих предприятий на этапе ввода в эксплуатацию мощностей основного профиля в составе ВИОП решает важную задачу выполнения плана производства по выпуску продукции, и перерасчета в период эксплуатации. Оценить на уровне элемента (предприятия) ВИОП масштабы мощностей профильных производств, сроки ввода их в эксплуатацию, объемы производства продукции не представляется возможным. Это задача высшего уровня управления и планирования, который на стадии подготовки предложений к плану создания мощностей внутренних элементов ВИОП должен располагать информацией о возможностях.

Помимо отраслей специализации к ВИОП в качестве самостоятельных элементов должны относиться и учитываться предприятия вспомогательных и обслуживающих отраслей. Эффективность создания объектов последних определяется в первую очередь экономией затрат при производстве продукции этих отраслей. Следовательно, целесообразно определять такие объекты при создании ВИОП на основе потребностей предприятий отраслей специализации. Например, образовательные учреждения, с целью повышения квалификации трудовых ресурсов.

Необходимо наряду с системой административных мер провести работу по совершенствованию экономических механизмов. Реализация такого подхода существенно упростит взаимодействие элементов ВИОП, позволит разгрузить верхние этажи иерархии управления от решения текущих вопросов, оставив за ними принятие стратегических решений.

Список литературы:

1. Курочкина А. А. Островская Е. Н. Сущность и особенности формирования вертикально интегрированных объединений в российской экономике. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: «Экономические науки». — СПб: СПбГПУ, — 2012. — № 6 (157).
2. Островская Е. Н. Значение вертикальной интеграции для экономического развития С. 15–17.
3. Островская Е. Н. Последовательность и содержание этапов процесса проектирования организационной структуры вертикально интегрированных объединений предприятий. Проблемы современной экономики: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 2/Под общ. ред. Ж. А. Мингалевой, С. С. Чернова. — Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 248–252.

Panasenko Anna Alexandrovna, Makeyevka Institute of Economics and Humanities
Candidate of Science in Economics, Assistant Professor

Genesis of banking intermediation theories

For the period of all its history the mankind had been developing the institutions which structured and regulated the interaction between individuals, ensuring the increasing of productivity and economic growth. It was the economic institutions that created the conditions for increasing the number and size of markets, implementation and improvement of new technologies. Due to this context the research of the role of banking in the optimization of economic interaction plays an important part. Nowadays, the list of services of banking institutions has become so diverse, that it is impossible to clarify the essence of the category named 'bank'[1]. Therefore, for the majority of people the banks have become only the financial intermediaries, and foreign researchers define them as … «… a conduit for moving resources from savers to borrowers without any further justification»[2]. Credit and finance institutions for long time were considered to be the institutions that do not have analogues in the conditions of market economy. The object that functionally generalizes the above-mentioned institutions, assumed the name of financial firm in the scientific literature. D. Hancock gives rather wide definition of this notion. Due to it a financial firm is an object, aimed at maximum income in the process of intermediation between borrowers and lenders [3]. Besides, financial firm was able to cope with such negative phenomenon as financial fragility. … «… financial intermediaries (Fls) is a response to the inability of market-mediated mechanisms to efficiently resolve information problems. The models discussed consider different types of informational frictions and rationalize different types of Fls. Thus, the welfare of transacting should improve when they use banks. James tests this hypothesis empirically and finds that borrowers experience abnormal returns when they announce bank loans; similar gains are not observed for nonblank debt»[4].

Modern research works investigate the activity of banks as the most important financial intermediaries. Unfortunately, even in modern conditions when market relations are dominating, the economists have to explain social necessity of intermediaries, substantiate their economical essence, their role and place in the economy. Due to it, it is necessary to specify the notion of financial intermediation. Generalization of the approaches of various researchers to the essence and meaning of financial mediation allows to give its substantial characteristics. The activities of ensuring the interaction between the suppliers and consumers of financial resources and its service could be determined as financial intermediation. Financial intermediation could include the functioning of both banking and non-banking institutions in order to meet economic demands of financial market subjects by giving corresponding services to them.

The subject-matter of financial mediation theory is the functions, objectives and mechanisms of intermediation in the sphere of financial services. Karl Marx substantiates the origin of financial intermediaries in the process of social distribution of labour, when the operations of buying and selling are separated, turning from the collateral function of many producers to the exclusive function of special agents of circulation. The development of financial intermediation theory was directly influenced by changes in the financial

[1] Дзюблюк О. Проблеми забезпечення ефективного функціонування банківської системи в перехідній економіці/О. Дзюблюк// Вісник НБУ. — 2005. — № 3. — С. 30–35.

[2] Sudipto Bhattacharya. Contemporary Banking Theory/Sudipto Bhattacharya, Anjan V. Thakor//Journal of Financial Intermediation. — 1993. — № 3. — P. 2–50.

[3] Diana Hancock. A model of the financial firm with imperfect asset and deposit elasticities/Diana Hancock//Journal of Banking & Finance. — 1986. — № 3. — Volume 10, Issue 1. — P. 37–54.

[4] The Service Company Model: A New Strategy for Commercial Banks in Microfinance//ACCION InSight, 2003.

systems of various countries. In economic theory and financial theory there are many different approaches to the interpretation and development of banking mediation. The most wide-spread classification of financial intermediation, based upon the interaction between the real and financial sector, distinguishes the following three theories: the classical theory, traditional theory and modern approach.

Taking into consideration current tendencies and following the development of science in the sphere of financial marketing, the author offers to investigate the development of banking intermediation from the point of view of disintermediation. Disintermediation is the process of exception of financial intermediaries from the agreements between borrowers and creditors, or buyers and sellers, determined by economic, political and social phenomena. This process allows to reduce the expenses of all participants on account of commission and other dues. Disintermediation is the consequence of the implementation of new information and financial technologies, and deregulation of financial markets. Thus, the role of banks at the financial market and level of their efficiency is determined by and depend upon the degree of disintermediation. So, it is expedient to define three stages in the development of banking institutions: traditional activity, partial disintermediation and full (complete) intermediation.

The first stage of disintermediation of banking mediation, which took place in 1970–90-s, is connected with the traditional activity of banks at the financial markets. The scheme of moving the money resources from investors to borrowers is represented in Fig.1.

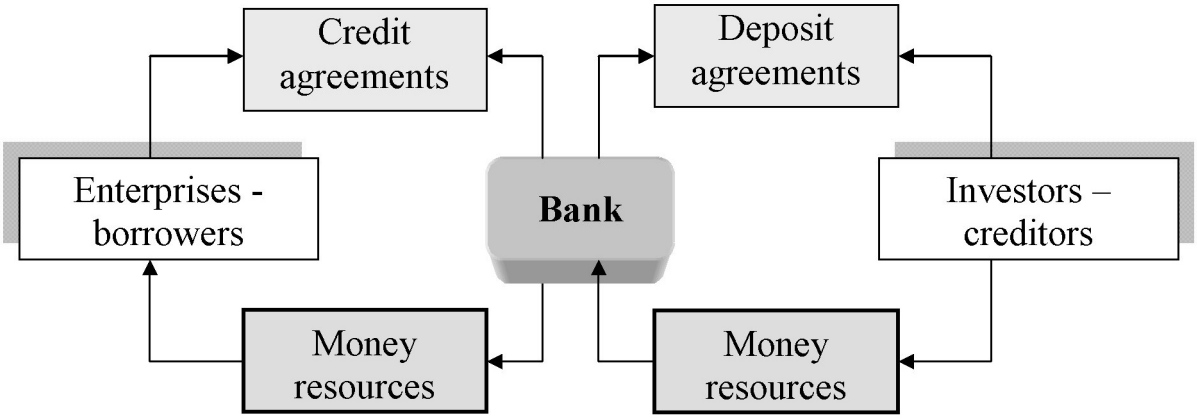

Figure 1. Stage 1: traditional activity of a bank as financial intermediary

The upper part of Fig.1 shows that a bank interacts with the investors on the grounds of deposit agreements or deposit financial instruments, which allow the investors to evaluate the financial resources of a bank. After it enterprises and a bank conclude credit agreements, according to which a bank transfers money resources to the borrowers. At this stage a bank performs traditional functions of finance intermediary in the process of moving money resources from investors to borrowers. As the result of this process,

1. Numerous saving of small investors merge, and a bank becomes the owner of substantial financial resources, which could be attractive for enterprises as investment resources.

2. Merging short-term deposits into pool, which is constantly renovating through the flow of new clients instead of former investors, a bank can give credits to the borrowers for a longer term, comparing to an average term of deposits.

3. Giving credits to enterprises, a bank evaluates financial risks of borrowers and takes the risk, in this way releasing the investors from risks.

4. Banks gain profit for the fulfillment of function of transforming savings into investments in the form of difference between the cost of attracted resources and profitability of given credits.

Thus, summing up the results, it should be noted, that the first stage of disintermediation is characterized by a special role of banks at financial market. The banks use the difference between the obligations and actives and ensure best conditions and efficiency of crediting the economics.

Stage 2 was related to the late 90-s — early XXI century. The development of stock market leads to essential change of the role of banks as financial intermediaries. When investors and intermediaries directly interact, the banks begin to play the role of investment intermediaries, Under the influence of technological innovation, liberalization and globalization of financial markets, we can observe the alternative variants of financing and investing of money resources appeared, and the increase of competition between the banks and non-banking financial institutions. The banks began gradually reduce their traditional function of taking deposits and giving credits, changing them into the activities, ensuring commission profit.

Nowadays the operation of securitization of banking assets, in the first turn loans and consumer credits are widely spread. We can observe the changes in the structure of financial sector. The most essential of it is the evolution from credit to securities, the most popular among them are derivative financial instruments. The area of banking intermediation transfers to financial markets. In these conditions we can observe the transformation of traditional intermediary functions of banks. Using of derivative financial instruments, which allow to redistribute risks, decreases the stimuli of banks to monitor clients and realize informative function. The increase of the volume of financial operations, which have predominantly speculative character, leads to the separation of financial sector from real sector and decrease of the function of economic value formation. Thus, the above-mentioned circumstances characterize the second stage in the development of banking intermediation, the stage of partial disintermediation. The movement of money means from investors to borrowers at Stage 2 is shown in Fir.2.

Detailed investigation of Stage 2 of intermediation makes evident the processes of financial intermediation. The companies execute the emission of securities, which are obtained by investors, and money means which are obtained directly by emitters, evading the banks as a financial intermediary.

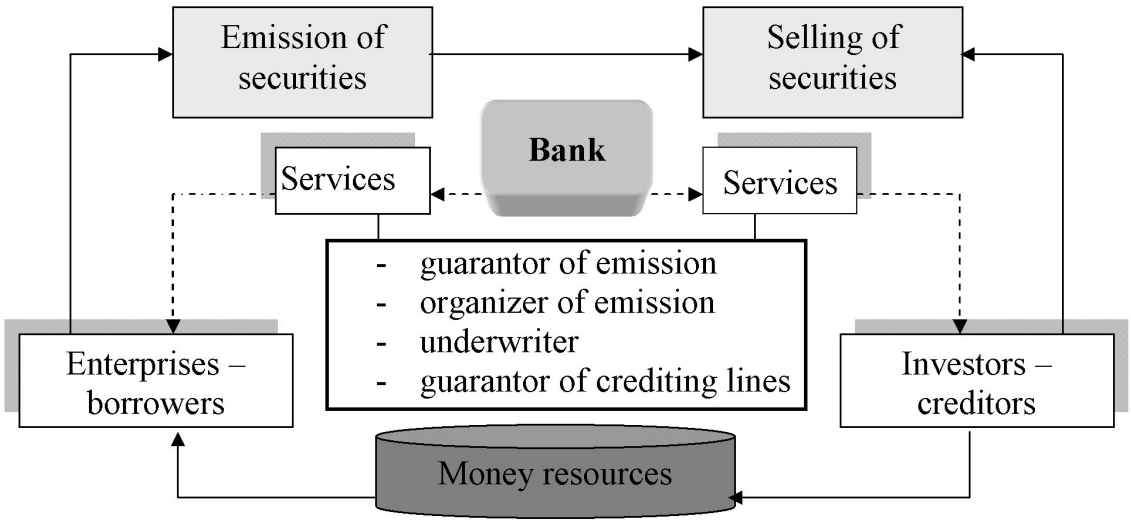

Figure 2. Partial disintermediation

At this stage the banks mainly perform the function of financial institutions, giving the services of organization, execution and allocation of securities. But at the same time they perform the functions of credit organization. Both investment companies, which do not have the status of credit organization, and commercial banks could become investment intermediaries. The bank receives its fee mainly not as an interest margin, because the financial flows evade the bank's balance, but as commission fee for its services. At the same time, acting as a guarantor, the banks takes the responsibility to redeem the bonds in case of their underplacement and premature, payment to the investment in case of impossibility to fulfill the liabilities by am emitter, giving credit lines to emitter in case of financial problems. In these situation the bank performs purely banking functions, connected with the crediting of an emitter. So, this stage is called the stage of partial disintermediation, when investment activity and classical banking are connected with the crediting of enterprises. But for giving investment services, the bank should have investment department, which include the subdivisions of investment consulting, underwriting, IR, analysis of stock market, deposit service etc. These subdivisions should be filled up with qualified specialists, which demands a great preparatory work.

In consequence of demographic problems in developed countres, state pension programmes lost the confidence of population and main flow of saving was directed to private pension and mutual funds. The latter redirect accumulated resources to financial markets, in the first place to the market of commercial papers[1]. The change of conjuncture made less attractive for enterprises the cheap emission of securities instead of expensive credits. The demand for banking services is constantly decreasing. These circumstances allow to define the beginning of the third stage in the development of banking intermediation, the stage of full disintermediation, when the banks are completely excluded from the process of money from as the credit organizations. Money flows in the conditions of Stage 3 are shown in Fig.3.

Full disintermediation implies the simplification of many processes in banking activity as the result of technological innovations. Disintermediation is put into effect through the realization of banking products proper. This process has become possible due to the broad perspectives opened after the introduction of the Internet.

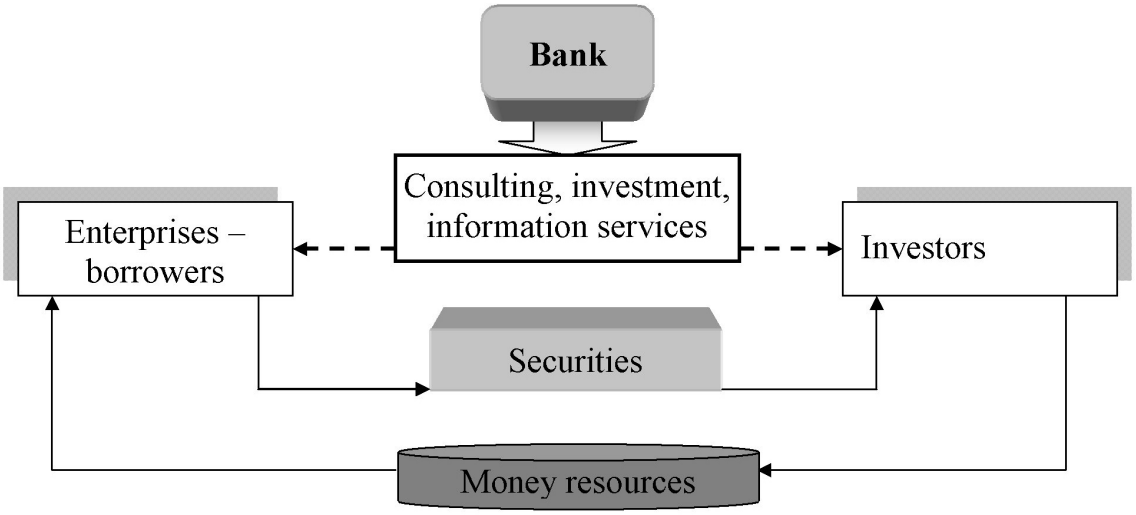

Figure 3. Stage 3: full (complete) disintermediation

[1] Бьюкенен П. Смерть Запада: чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожают нашей стране и цивилизации [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://www.ruska-pravda.com/index.php/view-details/geopolitika/46-patrik-b-jukenen.-smert-zapada.htm

Banks profits are shortening in the sphere of additional services, such as informational, consulting, analytical and others, because nowadays the clients could obtain the information and analytical data on their own, with the help of information technologies, and often free of charge. The response to disintermediation is the consolidation of financial institutions. The number of merging and absorption in the banking sphere is increasing, the difference between two main models of institutional structure of stock markets (British- American and European continental) is becoming obliterated. The main model of a modern bank is an integrated wholesale bank, engaged in both commercial and investment activities at the same time.

At stage 3 investors and companies — lenders directly interact with each other, and the bank can render investment services. In this situation the investors take all the risks. The guarantee of fulfillment of liabilities is the financial position of an emitter and its reserves. Thus, this mechanism, of drawing in the financial resources is possible only for the first-rate borrower, when the probability of improper implementation of liabilities is close to zero[1].

Rating agencies are supposed to help investors to check up the reliability of bonds, giving the ranks to emitters and particular bond loans. At this stage the bank performs exclusively intermediary functions, not connected with banking activities. The bank acts only as an investment consultant, giving the information, consulting and analytical services to investors and emitters. In this case the banks are completely excluded from the process of money movement and do not take any financial risks. However, here could arise the reputational risks, connected with the improper quality of services. In this case there are no direct financial losses, but the loss for bank could become rather apprehensible, if the consequences of it lead to the outflow of clients.

Undoubtedly, the theory, discussed above, describes ideal forms of disintermediation, because these stages could hardly be found in practice. But this does no mean that this approach makes no sense at all and it torn from reality. It is always useful to join traditional form of banking activities and new kinds of financial operations, connected with the securitization of financial markets.

In modern conditions the bank is supposed to have commercial flexibility and be able to give high-quality services both in credit and investment spheres. The author thinks that it is possible to reveal the essence of bank intermediation in the light of disintermediation processes. This theory, introduced for consideration, allows to reveal the essence of these processes and phenomena with a sufficient degree of detalisation, and could be integrated into the existing concepts. But at the same time, it should be noted that further development of disintermediation, to the author's conviction, could lead to somewhat doubtful results and perspectives. This pessimistic view is proved by the consequences of the last global financial crisis and the confidence that banks are supposed to know its clients. Disintermediation process relieved the banks from the responsibility and risks, and that is categorically impossible. The attempts to calculate and regulate every risk could not guarantee the safety and, besides, threaten to ruin real banking operation. The banks themselves admit their stagnation. Superprofitable operations at financial markets, which are rapidly becoming virtual, have become their prior aim long ago, thus depriving them of classical but necessary functions.

On the whole, the results of investigating the essence of banking intermediation in the understanding of different scientific schools and approaches, allow to conclude that banking intermediation is specialized in the collecting and using information, in the presence of full complex of institutions. It allows to ensure efficient movement of money flows and to transform the resources into investments and credit instruments of financing the real economics. But even in constantly changing condition the banking should be considered from the point of view of this specialization. It is not necessary to bear in mind traditional concept of financial intermediation in the sphere of attracting and reallocation of capital. The bank of XXI century as an economic category differs essentially from the bank which functioned during the most part of XX c. The result of 'informational' specialization is the appearance of new banking products and services, and the products which provide risks management or market intermediation.

Besides traditional operations, modern banks are engaged in insurance, consulting and management. As the new technologies of processing and transferring information lead to new kinds of activities and products. Therefore, the necessity to collect and implement information for the banks is growing. At the same time traditional insurance, investment and pension funds enter the world of crediting and financing. In other words, financial institution becomes more and more similar and complex organization.

Panfilova Elena, State University of management,
Cand.Econ.Sci. (PhD), assistant professor

Панфилова Елена Евгеньевна, Государственный университет управления,
доцент кафедры управления организацией в машиностроении

The competitive status of the industrial organization in the global business community

Конкурентный статус промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе

В условиях глобализации мировой экономики, сопровождающейся появлением на российском рынке дочерних компаний зарубежных транснациональных корпораций и иностранных инвесторов, высоким уровнем рейдерства в промышленности и ужесточением требований к тарнспарентности бизнеса, вопросы усиления конкурентного статуса организации выходят на первый план.

Рыночные возможности внешней среды, ключевые факторы успеха в отрасли влияют, а сильные стороны организации в свою очередь обеспечивают ее конкурентные возможности. Ряд из них являются характерными для всех конкурентов, функционирующих в конкретном глобальном бизнес-сообществе (ГБС), другие же являются уникальными, составляют основу конкурентной политики и способствуют созданию устойчивого конкурентного преимущества промышленной организации в одной или нескольких цепочках ценностей или их звеньях.

С течением времени конкурентозначимые ресурсы организации трансформируются в компетенцию, а затем превращаются в конкурентную возможность. При этом ключевая компетенция может присутствовать не более чем в 2–3 видах деятель-

[1] Аузан А. А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория/Под общей nd loans. ред. д. э.н., проф. А. А. Аузана. — М.: ИНФРА-М, 2007.

ности, осуществляемых промышленной организацией. Формирование определенного набора ключевых компетенций связано главным образом с нематериальными активами, в составе которых отдельно выделяются такие составляющие как «персонал» и «интеллектуальный потенциал» (как сотрудников, так и организации в целом с учетом накопленных ранее знаний).

Помимо конкурентного преимущества прочную конкурентную позицию обеспечивают мобилизационные возможности промышленной организации, связанные с потенциалом задействования конкурентозначимых ресурсов и успешностью реализации выбранной стратегии, благодаря организационным возможностям. Совокупность конкурентных позиций промышленной организации в ряде стратегических зон хозяйствования формирует ее конкурентный статус в рамках глобального бизнес-сообщества.

Концептуальные положения по формированию и развитию конкурентного статуса промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе сводятся к следующему:

Положение 1. *Формирование сильного конкурентного статуса промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе осуществляется на основе корпоративных знаний.*

*Фактически в*ыделяются два типа конкурентного преимущества (КП):

I — основанное на лидерстве по издержкам и используемое при массовом выпуске стандартизированной продукции и отлаженных каналах сбыта;

II — основанное на дифференциации и используемое при изготовлении особой продукции (являющейся модификацией стандартного изделия).

Рассмотрим каждый из вышеперечисленных типов КП подробнее.

КП в виде лидерства по издержкам, ориентированное на узко специализированный сегмент рынка или на отрасль в целом, довольно часто используется промышленными организациями. В этом случае в полной мере проявляется действие закона кривой обучения (опыта), который гласит: «Издержки на единицу продукции при получении добавленной стоимости применительно к стандартному товару, измененные в постоянных денежных единицах, уменьшаются на фиксированный процент при каждом удвоении продукции». Темп снижения издержек на единицу товара составляет в среднем: 12% для автомобильной промышленности; 20% для самолетостроения; 40% для производства полупроводников.

Специалисты Бостонской Консультационной Группы установили, что не только затраты труда рабочих, но и все общие затраты (включая административные расходы, расходы на дистрибуцию, маркетинг и т. д.) имеют тенденцию с накоплением опыта к снижению на фиксированный и предсказуемый процент.

Таким образом, кривая обучения стала кривой опыта. Для использования кривой опыта в качестве стратегического инструмента при прогнозе общих издержек необходимо прежде всего наличие налаженной системы управленческого учета в промышленной организации.

Для промышленной организации, функционирующей в рамках глобального бизнес-сообщества, отбор партнеров по производству продукции должен осуществляться с учетом кривой опыта. Если первый и второй участники ГБС применяют одну и ту же технологию и находятся на начальных условиях, соответствующих наклону кривой опыта в 70%, но первый участник находится в первой стадии удвоения выпуска продукции, а второй — на пятой стадии, то первому участнику будет труднее ликвидировать имеющийся разрыв.

Если предположить, что первый и второй участник ГБС имеют один и тот же опыт, соответствующий пятой стадии удвоения, но первый участник лучше использовал свой процесс обучения и находится на кривой опыта с наклоном 70%, а у второго участника наклон кривой составляет 90%, то издержки на единицу продукции у первого участника ГБС будут меньше, чем у второго. В этом случае также возникает разрыв, подлежащий ликвидации (эффекты опыта могут вести к большим различиям в издержках у участников ГБС одного и того же размера, если они в разной степени реализовали свой потенциал опыта).

Помимо этого следует учитывать ряд экономических закономерностей и факторов, имеющих большее значение для промышленной организации, вышедшей на мировые рынки, чем для организации, функционирующей на внутреннем рынке:

— экономия на масштабах производства (закономерность, согласно которой суммарные издержки производства единицы продукции на длительном интервале времени падают по мере роста объемов выпуска продукции);

— экономия на масштабах деятельности (закономерность, согласно которой промышленная организация, выпускающая широкий ассортимент товаров и/или занимающаяся различными видами деятельности, обладает конкурентным преимуществом за счет быстрой адаптации к изменяющимся условиям рынков глобального бизнес-сообщества;

— степень специализации;

— объем инвестиций.

Ликвидировать вышеуказанные разрывы возможно путем обмена знаниями с участниками ГБС в рамках корпоративной информационной системы или портала, поскольку ценность интеллектуальных активов в отличии от материальных возрастает при их использовании в геометрической прогрессии.

Для организации эффективного обмена знаниями необходимо учитывать базовое положение теории коммуникации, которое гласит, что потенциальные выгоды сети (локальной, глобальной и т. д.) возрастают прямо пропорционально росту числа узлов, которые данная сеть может успешно соединить. Точки доступа к корпоративным порталам участников ГБС можно рассматривать в качестве соответствующих узлов.

Промышленная организация имеет слабый конкурентный статус, когда находится на этапе формирования конкурентного преимущества, основанного на низких производственных издержках. Средний конкурентный статус характерен для этапа накопления конкурентного преимущества, базирующегося на низких общих издержках. Первый и частично второй этапы напрямую связаны с конкурентными преимуществами низкого ранга, предполагающими использование дешевой рабочей силы, доступность источников сырья и легкость в копировании со стороны конкурентов.

Приобретение сильного конкурентного статуса промышленной организацией возможно на третьем этапе удержания и развития конкурентного преимущества, основанного на корпоративных знаниях. На этом этапе для организации характерно использование конкурентных преимуществ высокого ранга, связанных с наличием высокой репутации, квалифицированной управленческой команды, патентов, долгосрочных НИОКР и информационно-коммуникационных технологий.

Постепенное ослабевание конкурентного статуса промышленной организации происходит на четвертом этапе утраты, когда конкурентное преимущество основывается на высокой скорости реакции на происходящие изменения во внешней среде и частично на эффективном использовании накопленных корпоративных знаний в различных диверсифицированных сферах деятельности.

В рамках глобального бизнес-сообщества следует учитывать, что производство продукции может осуществляться на различных объектах: в филиальных или иных производственных подразделениях организаций-участников сообщества. Этим самым можно сократить разрыв как в стадиях удвоения выпуска продукции, так и в угле наклона кривой опыта для различных участников ГБС.

Уменьшение угла наклона кривой опыта происходит тем быстрее, чем больший объем требуемых корпоративных знаний задействован при производстве продукции. Соответственно скорость трансферта знаний напрямую влияет на усиление конкурентного статуса промышленной организации. Для реализации конкурентного преимущества, основанного на низких издержках, у организаций-участников ГБС должна проводиться одинаковая политика в области учета затрат, позволяющая извлекать знания из соответствующих подсистем корпоративных информационных систем.

Последующие третий и четвертый этапы удержания и развития конкурентного преимущества базируются на знаниях, получаемых из систем поддержки принятия управленческих решений руководителей среднего и высшего звена, экспертных систем и использовании иных технологий управления знаниями, интегрированных с корпоративными порталами организаций-участников ГБС. Таким образом, объем, качество и сохранность знаний, используемых при производстве продукции, напрямую зависят от правильной организации системы управления корпоративными знаниями (СУКЗ) в промышленной организации.

При реализации совместных проектов в рамках ГБС возможно получение совместного эффекта обучения для всех его участников, а ускорение получения опыта возможно благодаря обмену знаниями в рамках соответствующей системы. В рамках глобального бизнес-сообщества промышленной организации для приобретения конкурентного преимущества не обязательно владеть теми или иными уникальными осязаемыми (неосязаемыми) активами, достаточно просто получить временный доступ к ним на момент совместной реализации проекта в рамках конкретного ГБС. Опыт, полученный промышленной организацией в результате участия в реализации подобного рода проектов, увеличивает ценность корпоративного знания и усиливает конкурентный статус в долгосрочной перспективе.

Положение 2. *Развитие конкурентного статуса промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе требует наличия адекватной системы управления корпоративными знаниями.*

Отправной точкой при развитии конкурентного статуса промышленной организации является четкое понимание того, что в настоящее время использование классических ERP, CRM, PLM и т. п. систем в качестве инструментария для получения конкурентного преимущества организации более не приводит к желаемому результату. Для диверсифицированной промышленной организации становится важным не как ее информационная система интегрирована с системами территориально удаленных структурных подразделений, филиалов, а также с информационными системами участников ГБС, а каким образом методологически организовано управление корпоративными знаниями.

Процесс стратегического управления конкурентоспособностью диверсифицированной организации должен выстраиваться с учетом специфики реализации проектов в рамках ГБС — постоянно протекающие процессы организационных изменений. Формированием системы управления корпоративными знаниями в организации может возлагаться на Дирекцию по развитию методологии или стандартов управления или Отдел организационного моделирования и развития.

Основной целью создания СУКЗ в промышленной организации, функционирующей в рамках глобального бизнес-сообщества, является совершенствование управления индивидуальными и групповыми компетенциями сотрудников, участвующих в реализации проекта.

Перечень задач, решаемых с использованием СУКЗ, сводится к следующему:

• исключение потерь любых видов компетенций организации вследствие реорганизаций, слияний иных структурных преобразований;

• исключение потерь любых видов индивидуальных компетенций вследствие увольнения сотрудников или их ротации, носящих временный характер и обусловленные особенностями реализации проекта в рамках ГБС;

• выявление источников покрытия разрыва между имеющимися и требуемыми компетенциями в организации;

• составление «профилей» ключевых сотрудников, позволяющих очертить круг профессиональной компетенции каждого из носителя знания;

• актуализиция состояния информационной системы поддержки принятия решений стратегического и тактического уровня.

В условиях глобализации увеличивается количество сделок, направленных на консолидацию активов, следовательно, нематериальных активов, в том числе являющихся неотъемлемой частью СУКЗ. Поэтому потребность в сохранении и успешной интеграции СУКЗ различных организаций будет особенно актуальной. Наибольший эффект от использования СУКЗ может быть получен в соответствии с теорией полюсов роста французского экономиста Ф. Перу в особых полюсах — особых экономических зонах (ОЭЗ). Качество сформированной СУКЗ напрямую влияет на скорость получения (распространения) знаний в рамках ГБС и их воплощение в товарах и технологиях.

Конкурентный статус промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе предопределяется характером тех знаний, которые в большей степени будут способствовать реализации текущего проекта.

Эффективность сформированной в промышленной организации СУКЗ может быть оценена с помощью подхода информационного менеджмента, оценивающего любые совершенные действия менеджеров в рамках СУКЗ при управлении организацией. В этом случае капитал, созданный сгенерированным корпоративным знанием, определяется как отношение дохода (добавленного знаниями, извлеченными из СУКЗ) к процентной ставке на акционерный капитал.

СУКЗ является своеобразной надстройкой к существующей корпоративной информационной системе, которая позволяет произвести доставку необходимой информации и знаний как из ее контента, так и из иных внешних источников. Управление

корпоративными знаниями происходит с помощью портальных средств и средств коллективного общения. Формирование и развитие сильного конкурентного статуса традиционной промышленной организации, входящей в глобальном бизнес-сообществе, напрямую зависит от той стадии интеграции в интернет-бизнес, на которой она находится. Можно выделить четыре основных стадии в данном процессе.

На первой стадии промышленная организация использует интернет-пространство в качестве дополнительного рекламного канала и ограничивается созданием статического сайта и формированием баз данных клиентов. При этом принципиальных изменений в управлении и организационной структуре управления не происходит. Конкурентный статус промышленной организации как полноправного участника Интернет-сообщества можно охарактеризовать как слабый.

На второй стадии Интернет становится основным инструментом ведения бизнеса в конкретной ГБС, первоначально связывая бизнес-процессы трех ключевых субъектов рынка — поставщика, промышленной организации и потребителя. В этом случае создается единая электронная цепочка поставок, при которой потребитель может управлять сбытом своего поставщика, формируя заказ на производство.

На данной стадии полноценно используются информационные технологии при налаживании электронного взаимодействия между всеми участниками-организациями ГБС. По оценке экспертов, единая для поставщика, производителя и потребителя цепочка управления производственными процессами приводит к сокращению себестоимости производства на 20–30%. Конкурентный статус промышленной организации можно охарактеризовать как средний.

На третьей стадии бизнес-процессы промышленной организации полностью автоматизируются в рамках Интернет-сообщества и руководство определяет основные и вспомогательные функции, постепенно отдавая последние на аутсорсинг другим организациям (специализирующимся в соответствующих отраслях). Считается, что в рамках глобальных мета-рынков только три основные бизнес-функции организация не должна отдавать на аутсорсинг:

— разработка продукта (в том числе инновационного), т. е. “know-how”;

— продажи (прямое общение с клиентами);

— послепродажное обслуживание клиентов.

Все остальные бизнес-функции — производство, логистику, маркетинг, закупки для производства, финансы, информационную поддержку — организация может отдать на аутсорсинг, а затем использовать их в качестве услуг. В условиях становления глобального бизнес-сообщества происходит переход от модели традиционной промышленной организации, осуществляющей все функции управления, к виртуальной организации, которая занимается исключительно:

— вопросами стратегического взаимоотношения с участниками корпоративных отношений (в том числе с клиентами). Это означает акцент на использовании стратегических информационных систем и систем управления взаимоотношениями с клиентами (CRM-систем);

— развитием существующих и разработкой новых продуктов. Акцент на системах управления жизненным циклом продукта (PLM-система) и инженерными данными об изделии (PDM-система).

Конкурентный статус промышленной организации как полноправного участника Интернет-сообщества можно охарактеризовать как сильный, при этом СУКЗ основывается в основном на явных (формализованных) знаниях, полученных из внутренних и внешних источников.

На четвертой стадии промышленная организация является уже постоянным участником нескольких ГБС; параллельно реализует ряд проектов; осуществляет трансферт знаний и их генерирование для создания определенного *прототипа реализации типового проекта в ГБС*. Конкурентный статус организации упрочняется посредством использования неявных (неформализованных) знаний, содержащихся в оцифрованном виде в СУКЗ.

Таким образом, формирование сильного конкурентного статуса промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе основывается на ее мобилизационных возможностях и выявлении ключевой компетенции, трансформируемой в дальнейшем в отличительную конкурентную возможность. В рамках этого процесса в глобальное бизнес-сообщество отбираются такие организации-участники, которые находятся либо на одной и той же стадии удвоения выпуска продукции, либо на кривой опыта такого же наклона, что и у промышленной организации. Соблюдение вышеуказанного обстоятельства позволит грамотно организовать процесс стратегического управления издержками в любой корпоративной структуре.

Развитие конкурентного статуса промышленной организации в глобальном бизнес-сообществе предполагает использование системы управления корпоративными знаниями, сформированной на основе жизненного цикла знания, матрицы гиперподключенности различных внешних и внутренних устройств, а также с учетом выделения тех бизнес-функций, которые передаются внешним исполнителям на аутсорсинг.

В целом, процесс управления промышленной организацией в глобальном бизнес-соообществе имеет определенную структурность и цикличность, которые в свою очередь должны рассматриваться во взаимосвязи с жизненными циклами продукта (изделия); спроса; технологии (как производственной, так и информационной); промышленной организации; глобального бизнес-сообщества (ГБС); взаимосвязанных отраслей, в которых функционирует диверсифицированная организация.

Список литературы:

1. Антонов В. Г., Крылов В. В., Кузьмичев А. Ю. и др. Корпоративное управление: Учебное пособие — 2-е изд., перераб. и доп.//под ред. В. Г. Антонова — М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2010.- 288 с. — (Высшее образование).
2. Методология корпоративного управления промышленной организацией в глобальном информационно-экономическом сообществе [Текст]: монография//Е. Е. Панфилова; Государственный университет управления.- М.: ГУУ., 2009.-255 с.

Pelekh Uliana
graduate of Lviv National University named after Ivan Franko
Пелех Уляна Васильевна
аспирант Львовского национального университета имени Ивана Франко

The features of the application mechanism of state regulation the interest rates of money market in Ukraine

Особенности применения механизма государственного регулирования процентных ставок денежного рынка в Украине

Вступление. С проведением в Украине рыночных реформ особенной остроты приобрела проблема регулирования монетарной сферы и создания механизмов влияния на экономические процессы. Одним из наиболее эффективных рычагов регулирования, которое находится в арсенале Центральных банков, есть процентная политика. Такая ее значимость связана с ролью процентных ставок в экономике — именно они служат индикаторами принятия решений относительно потребления, сбережения, инвестиций, определяют стабильность национальной валюты, влияют на динамику и темпы развертывания инфляционных процессов.

Проблемы формирования и реализации процентной политики при современных условиях присущи любой экономической системе, даже самой развитой, поскольку от колебания процентных ставок зависит не только динамика и уровень экономического роста, но и качество жизни населения. Для Украины вопрос процентной политики является особенно проблемным и требует неотложного решения, ведь большинство мероприятий, которое осуществляет Национальный банк Украины (НБУ), малоэффективные. Проблема заострилась с наступлением мирового финансово-экономического кризиса. В то время, когда большинство ведущих экономик с целью стимулирования деловой активности начали снижать процентные ставки, НБУ прибегнул к беспрецедентному их повышению, которое вызывало лишь удивление в глазах мировой общественности. Однако многие исследователи проблемы выражают мнения, что снижение процентных ставок в Украине и ввода политики "дешевых денег" может оказаться губительным для экономики. При этих условиях вопроса определения оптимальной системы регулирования процентных ставок приобрело особенную актуальность.

Вопросы, которые формируют теоретические и законодательно-правовые принципы денежно-кредитной политики, ее инструменты и процесс реализации рассматривали В. Мищенко[1], В. Стельмах[2], В. Єпифанов[3] и др. Однако, сложность трансформационных процессов, которые проходят в Украине, требует расширения потенциала регулирования процентных ставок и его научного обоснования с учетом реалий переходной экономики.

Постановка задания. Целью статьи является анализ основных видов процентных ставок и их роли в регулировании макроэкономических процессов, осмысления перспектив дальнейшего развития монетарной политики в Украине.

Результаты исследования. Процентная политика является достаточно мягким средством регулирования монетарной сферы, поскольку осуществляет опосредствованное влияние на решение экономических субъектов относительно кредитования. С повышением процентных ставок снижается мотивация к кредитованию, а с их снижением — растет. За своими операциями НБУ устанавливает такие виды процентных ставок: учетная ставка; ставка рефинансирования; ставка "овернайт" (ломбардная ставка); ставки за размещенные депозитные сертификаты.

Учетная ставка является одним из самых распространенных средств процентной политики. Она применяется с целью регулирования процесса кредитования коммерческих банков. Изменение учетной ставки определяет изменение цены кредита для коммерческих банков и является традиционным инструментом влияния на кредитную возможность банковской системы.

Важным направлением процентной политики является политика рефинансирования. Механизм влияния этого инструмента базируется на функции Центрального банка как "кредитора последней надежды". НБУ может влиять на кредитные возможности банковской системы через изменение условий предоставления ссуд. Механизм действия рефинансирования связан с кредитной экспансией или кредитной рестрикцией, которая соответствующим образом увеличивает или уменьшает денежное предложение.

Главное место в реализации процентной политики развитых рыночных экономик принадлежит ломбардной ставке, которую центральные банки стягивают за пользование ломбардным кредитом. Однако в Украине такой вид регулирования не приобрел надлежащего развития, которое объясняется низкой надежностью государственных ценных бумаг, под обеспечение которых предоставляется кредит. Без преодоления этого препятствия о дальнейшем развитии ломбардного кредитования не может идти языки.

Одним из важных инструментов процентной политики, которая применяется в Украине, есть ставка за депозитными сертификатами. Осуществляя покупку-продажу депозитных сертификатов, НБУ уменьшает или увеличивает объем избыточных резервов коммерческих банков, что соответствующим образом влияет на макроэкономические показатели через замедление или ускорение темпов роста денежной массы в обращении. Для обеспечения высокой эффективности данного инструмента НБУ должен устанавливать величину процента за депозитными сертификатами таким образом, чтобы условия их приобретения и продажи заинтересовывали коммерческие банки и стимулировали осуществление данных операций по-

---

[1] Міщенко В. І. Гнучкий режим курсоутворення: етапи запровадження та можливі наслідки для економічного розвитку України: науково-аналітичні матеріали/В. І. Міщенко, І. А. Нідзельська, Кулінець, А. П. Шульга С. О. — К.: НБУ ЦНД, 2010. — Вип. 15. — 124 с.

[2] Монетарна політика Національного банку України: сучасний стан та перспективи змін/За ред. В. С. Стельмаха. — К.: Центр наукових досліджень Національного банку України, УБС НБУ, 2009. — 404 с.

[3] Стельмах В. Грошово-кредитна політика в Україні/В. Стельмах, В. Єпіфанов та ін.. — К.: Знання, 2003. — 421 с.

следними. Процентные ставки за размещение депозитных сертификатов являются действенным инструментом монетарной политики, поскольку данные сертификаты широко используют в банковской практике.

Проведенные нами исследования засвидетельствовали, что применение механизма государственного регулирования процентных ставок в Украине по большей части оказывало дестабилизирующее влияние на развитие реального сектора экономики. Для оценки влияния денежно-кредитной политики государства на развитие экономики Украины нами были построены модели парной линейной регрессии _, рассчитаны коэффициенты корреляции и детерминации, и проведена оценка построенных моделей на статистическую достоверность. Полученные регрессионные модели проанализированы на адекватность к эмпирическим данным с помощью F — критерия Фишера, а коэффициенты уравнения проанализированы на статистическую значимость с помощью критерия Стьюдента. Исследования проводились на основе данных 1995–2010 лет, следовательно для количества наблюдений n=16 табличные значения критериев являются следующими: за вероятности p=0,99 Ftabl (k1=1, k1=n — 1–1=16–1-1=14, α =0,01) = 8,86, ttabl (k1=14, α =0,01) = 2,98 и за вероятности p=0,95 Ftabl (k1=1, k1=14, α =0,05) = 4,6), и ttabl (k1=14, α =0,05) = 2,14.

Сначала мы определили показатели, которые отображают влияние денежно-кредитной политики государства на ВВП (табл. 1).

Анализируя значение коэффициентов корреляции, мы выявили, что процентные ставки (процентные ставки банков в национальной валюте, учетная ставка) имеют обратное влияние на ВВП. При росте процентных ставок банков в национальной валюте за кредитами на 1% объем ВВП уменьшается на 8574,3 млн. грн.; если процентные ставки банков за депозитами растут на 1%, то ВВП снижается на 12684,7 млн. грн.; увеличение учетной ставки на 1% уменьшает ВВП на 7143,9 млн. грн.

Таблица 1

Уравнение парной линейной регрессии зависимости ВВП от показателей денежно-кредитной политики Украины

Факторы	Уравнение парной линейной регрессии и расчетные значения критерия Стьюдента для коэффициентов регрессии	Коэффициент корреляции *R*	Коэффициент детерминации *R2*	*F -критерий Фишера ((Fрозр)*
Процентные ставки банков в национальной валюте (за кредитами), %	*ỹ = 694503 –8574,3x ((ta=6,132**, tb=-3, 317**)*	-0,663	0,440	11,0**
Процентные ставки банков в национальной валюте (за депозитами), %	*ỹ = 588452,9–12684,7x ((ta= 5,16** tb= — 2,32*)*	-0,526	0,277	5,36*
Учетная ставка, %	*ỹ = 574867,4–7143,9x ((ta= 5,68** tb= — 2,63**)*	-0,574	0,330	6,892*
Централизованные ресурсы НБУ (рефинансирование банков Украины), млн. грн.	*ỹ = 243890 + 11,168x ((ta= 4,51** tb= 5,94**)*	0,846	0,716	32,2**
Резервные средства банков, млн. грн.	*ỹ = — 2474064,9 + 1313x ((ta= 0,29 tb= 6,45**)*	0,907	0,822	41,6**

*Примечание. * — статистическая достоверность с вероятностью p = 0,95 (уровень значимости α=0,05); ** — статистическая достоверность с вероятностью p = 0,99 (уровень значимости α=0,01).*

Дальше нами было проанализировано влияние процентных ставок на значение процентных ставок коммерческих банков (табл. 2).

Таблица 2

Уравнение парной линейной регрессии зависимости деятельности коммерческих банков от показателей денежно-кредитной политики

Факторы	Уравнение парной линейной регрессии и расчетные значения критерия Стьюдента для коэффициентов регрессии	Коэффициент корреляции *R*	Коэффициент детерминации *R2*	*F -критерий Фишера ((Fрозр)*
Процентные ставки банков в национальной валюте (за кредитами),%	*ỹ = — 0,253 + 1,005x ((ta=-0, 548, tb=95,43**)*	0,999	0,998	9107,0**
Процентные ставки банков в национальной валюте (за депозитами),%	*ỹ = 1,27 + 0,968 x ((ta= 1,547 tb= 24,45**)*	0,988	0,977	597,7*

*Примечание. ** — статистическая достоверность с вероятностью p = 0,99 (уровень значимости α=0,01).*

Полученные результаты засвидетельствовали, что процентные ставки имеют очень сильное прямое корреляционное влияние на процентные ставки коммерческих банков, поскольку значения коэффициентов корреляции R являются очень близкими до 1. Коэффициент регрессионного уравнения линейного типа ỹ = — 0,253+1,005x показывает, что при росте процентных кредитных ставок на 1% значение кредитной ставки коммерческих банков растет на 1,005%, а согласно уравнению ỹ = 1,27+0,968 x можно утверждать, что при росте процентных депозитных ставок на 1% значение депозитной ставки коммерческих банков увеличивается на 0,968%.

Эти линейные регрессионные модели являются высоко адекватными к выходным данным с вероятностью p=0,99, поскольку расчетные значения F-критерия Фишера являются намного больше от табличного. Значение парных коэффициентов детерминации R2=0,988 и R2=0,977 показывают, что изменение или колебание значения процентных ставок коммерческих банков на 98,8% и на 97,7% зависит от изменения или колебаний соответствующих процентных ставок.

Дальше мы анализировали влияние процентных ставок на индекс потребительских цен (табл. 3).

Таблица 3

Уравнение парной линейной регрессии зависимости индекса потребительских цен от показателей денежно-кредитной политики Украины

Факторы	Уравнение парной линейной регрессии и расчетные значения критерия Стьюдента для коэффициентов регрессии	Коэффициент корреляции *R*	Коэффициент детерминации *R2*	*F -критерий Фишера ((Fрозр)*
Процентные ставки банков в национальной валюте (за кредитами),%	$\tilde{y} = 80{,}738 + 1{,}261x$ *((ta=7,32**, tb=5,01**)*	0,801	0,642	25,08**
Процентные ставки банков в национальной валюте (за депозитами),%	$\tilde{y} = 83{,}945 + 2{,}667x$ *((ta= 12,30** tb= 8,14**)*	0,909	0,826	66,28**
Учетная ставка,%	$\tilde{y} = 91{,}93 + 1{,}302x$ *((ta= 11,93** tb= 6,29**)*	0,859	0,738	39,52**

*Примечание. ** — статистическая достоверность с вероятностью p = 0,99 (уровень значимости α=0,01).*

Значение коэффициентов корреляции R=0,801, R=0,909, R=0,859 указывают на сильное влияние процентных ставок на индекс потребительских цен: чем выше являются процентные ставки, тем выше является индекс потребительских цен — при росте кредитных ставок на 1% индекс инфляции растет на 1,261%; при росте депозитных ставок на 1% индекс инфляции увеличивается на 2,667%; при росте учетной ставки на 1% имеем рост индекса потребительских цен на 1,302%.

Проведенные исследования засвидетельствовали о значительных возможностях процентных ставок и их влиянии на реальный сектор экономики, а также о необдуманности и непоследовательности действий правительства, поскольку завышенные процентные ставки ставят украинскую экономику в тупик. Первоочередной мерой в направлении усиления эффективности монетарной политики и действенности процентного канала должна стать согласованность в использовании инструментов монетарной политики с целями, которые стоят перед ней. Основными предпосылками для этого должны стать: прозрачность действий НБУ в реализации управленческих мероприятий; развитость всех институтов финансовой системы; употребление мероприятий относительно повышения уровня операционной и политической независимости НБУ; повышение уровня доверия до банковской системы Украины.

Выводы. Процентные ставки являются одним из мощнейших инструментов государственного регулирования реального сектора экономики. Использование процентных ставок позволяет центральным банкам этих стран осуществлять своевременную коррекцию денежного рынка для реализации мероприятий тактического регулирования. В украинской экономике применения государственного регулирования процентных ставок имеет дестабилизирующий характер влияния на реальный сектор экономики. Для повышения эффективности государственного регулирования процентных ставок должна быть сформирована современная денежно-кредитная политика и соответствующая рыночная среда. Однако эту проблему нужно разрешать комплексно, поскольку надо помнить, что влияние денежно-кредитной политики распространяется также через приобретение потребительских товаров длительного пользования, изменение в реальном богатстве хозяйственных агентов, в изменении цен на акции, в объеме государственных закупок и тому подобное.

Список литературы:

1. Міщенко В. І. Гнучкий режим курсоутворення: етапи запровадження та можливі наслідки для економічного розвитку України: науково-аналітичні матеріали/В. І. Міщенко, І. А. Нідзельська, Кулінець, А. П. Шульга С. О. — К.: НБУ ЦНД, 2010. — Вип. 15. — 124 с.
2. Монетарна політика Національного банку України: сучасний стан та перспективи змін/За ред. В. С. Стельмаха. — К.: Центр наукових досліджень Національного банку України, УБС НБУ, 2009. — 404 с.
3. Стельмах В. Грошово-кредитна політика в Україні/В. Стельмах, В. Єпіфанов та ін. — К.: Знання, 2003. — 421 с.

Prokopyeva Anna, East Siberian Institute of Economics and Law
Post-graduate student of accounting, analysis and audit

Advancing Innovation in the Irkutsk region

In 2011, the innovation in the Irkutsk region occupies 31 companies of different activities. This is a joint-stock company "Angarsk petrochemical company", "Irkutskenergo", "Irkutsk relay factory" meat "Irkutsk", "Irkutsk Grid Company", "Rudoremontny plant", "Angarsk Catalysts", "Sayanskkhimplast", "Baikal Pulp and Paper Works"[1] and others.

[1] The long-term target program "Support and Development of Small and Medium Enterprises in the Irkutsk region" for the years 2011–2012: Government Decision Irkut. reg. on October 22. 2010 № 251-nn//regional newspapers. 2010. October 22.

The main part of the innovations was conducted in order to improve quality, expand the product range, services.

Expenditure on technological innovation were 4876 million, of which 47% — for the purchase of machinery and equipment related to the technological innovations. As in previous years, the cost is borne by the enterprises' own funds.

Enterprises and organizations of the Irkutsk region are actively implementing technological innovation. According to statistics, the Irkutsk region for several years ranked # 2 in SFO on volume of expenditure on technological innovation.

In 2011, 23 companies have implemented organizational and management changes. Marketing innovations were engaged in 8 companies.

In the Irkutsk region there are more than 40 major companies and more than 60 small and medium sized businesses. They are engaged in innovation.

Expenditure on technological innovation were 4876 million, of which 47% — for the purchase of machinery and equipment.

Cost is borne by the enterprises' own funds. Enterprises and organizations of the Irkutsk region are actively implementing technological innovation. According to statistics, the Irkutsk region for several years ranked # 2 in SFO on volume of expenditure on technological innovation.

Sales of innovation products in total amounted to in 2005. — 0.6%, in 2006. — 1.0%, in 2007–1.9%, in 2008–2.9%, in 2009–1%, in 2010–1.1%, in 2011–3.0%[1].

In recent years there has been a positive trend of core indicators of innovation. The base rate — the share of innovative products in the total volume of production of innovation active enterprises rose by 3%.

According to the statistics of the Irkutsk region, with innovations deal 1.6% (100) of entrepreneurs. Innovative developments involved in 7–10% of small and medium businesses.

The main problems in the development of innovative sphere are: high cost, risks, long-term return on innovation. Features of the regional scientific and educational complex and economy are:

1. structure of the industry;

2. specialized research complex in basic research and the science of the earth.

Key indicators of innovation activity Irkutsk region:

1. volume of scientific and technical papers from 2005 to 2011 increased by 4,831 million rubles. Increased expenditure on technological innovation to 3044 million rubles to 4,876 million rubles.

2. The share of innovative products in the total volume of production in 2011 was 3%, which is 2.4% more than in 2005.

3. The number of patents granted for inventions, utility models and industrial designs was 258 units in 2011. In 2005, there were only 209 units.

4. The number of enterprises engaged in innovation in 2011 was 31 per unit, in 2005–35 units. The number of organizations engaged in research in 2011–46 units, in 2005–33 units.

Training for innovation lead Irkutsk State University (ISU), Irkutsk State Technical University (ISTU) and Irkutsk State University of Railway Engineering (IrGUPS). At ISTU permanent regional school innovation management.

Infrastructure innovation Irkutsk region includes 15 items of regional significance. This technology parks, business incubators, technology transfer centers, centers for collective use of scientific equipment and instruments, consulting organizations, and training centers and professional development innovation areas:

- Science and Technology Park "Technopark ISTU";
- Tehnologicheky ground ISC SB RAS;
- «Agrotechnopark";
- Engineering Center IrGUPS;
- Business incubator Bratsk;
- Business incubator ISTU;
- Regional center of innovation;
- Department of Technology Transfer Network ISC SB RAS;
- Center for Innovation Projects needle;
- Training Institute BGUEP;
- REC "Baikal" ISU;
- Research Centre for Family Health problems and human reproduction SB RAMS;
- Regional Business Incubator;
- Baikal coaching center for venture businesses
- LLC Consulting Center for Technology Transfer ISTU.

Innovation infrastructure available on the basis of scientific institutions and universities of the Irkutsk region, so the financial support of the regional budget is for innovative projects.

In 2011, the status of venture partner OAO "RVC" got Ltd. Consulting Center "technology transfer" — a company created with the participation ISTU. This enterprise was supported by the regional budget in the amount of 280 thousand rubles. for seminars and webinars, training, and publication of information and educational materials on the development of innovation areas in the region[2].

Important task of the knowledge economy in the Irkutsk region is the rapid development of innovation infrastructure. At present, the region has not been fully established the system of financial, technical and organizational support for innovation from idea to finished prototype technology and product.

One of the challenges of innovation sphere of the region is the lack of management and organizational skills, knowledge of marketing innovation for developers and managers of small innovative enterprises.

[1] On approval of the municipal target program "Development of small and medium enterprises in the city of Irkutsk, 2008–2012": the decision of the Duma of Irkutsk on August 31. 2007 № 004–20–400606/7//Irkutsk official. 2007. Sept. 17.

[2] Website of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru.

The above issues are complex, require for their solution, including the coordination of interdisciplinary and industrial relations and can not be solved by one or more organizations. Issues of development of scientific, technological and innovation areas to be addressed by software, implementing activities in different directions.

We believe it is necessary to create a program for improving innovation in the Irkutsk region. The program should include the following activities:

1. Development and improvement of the regional legal framework for regulating and promoting scientific, technological and innovation;
2. Tendering of innovative projects;
3. Performance of work on the development of a feasibility study on developing a process engineering company in the Irkutsk region;
4. Development of the program of development of the territorial range of innovative specialty chemical and pharmaceutical in the Irkutsk region;
5. The formation and implementation of the regional R & D order.

Implementation of the Program will ensure:

1. Regional government support at least 3 elements of the innovation infrastructure of the Irkutsk region in 2014;
2. Participation in regional activities aimed at the development of scientific, technological and innovation sphere;
3. Creation (purchase) at least 30 scientific developments.

References:

1. The long-term target program "Support and Development of Small and Medium Enterprises in the Irkutsk region" for the years 2011–2012: Government Decision Irkut. reg. on October 22. 2010 № 251-nn//regional newspapers. 2010. October 22.
2. On approval of the municipal target program "Development of small and medium enterprises in the city of Irkutsk, 2008–2012": the decision of the Duma of Irkutsk on August 31. 2007 № 004–20–400606/7//Irkutsk official. 2007. Sept. 17.
3. Website of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru.

Savluk Sergey, Kiev National Economic University (Ukraine), doctorant

Banking capital world trends. Basel I 25 anniversary is devoted

After announcing new Basel III standards in 2010, what happened 3 years later world financial crises cheeked economies, hard discussions about capital importance in banking business surviving have started. Basel I and Basel II where based on the postulate that size of shareholder `s capital can solve nearly all financial problems. The core question in that time was whether 8% of capital adequacy against risk waged assets (CAR) enough or, as some countries did, it had to be higher. But, CAR ratio works properly for financial stabilization only in case if shareholders inject new capital to keep it above limit or management reduce assets, most of which bring profit together with risk and hit that way capital. No shareholders nor management team are egger to do this. The problem was and unfortunately still is in disconnection between capital adequacy level and risk, mostly liquidity risk, management. The slogan here should be: less capital adequacy bank has, more liquidity it should has. It means that part of shareholders capital and reserves bank should keep in liquid assets, not in risky deals as bankers used to do sometimes. Our regression analyses on the base of statistics of 160 Ukrainian banks show that coefficient of correlation between CAR and liquidity ratio (liquid assets to liabilities) is only 0,08. No correlation also between volume of capital and share of liquid assets in total assets of banks. It means that defend function of banking capital is penetrated.

Lessons of world financial crises 2007/2008 years shifted opinion of Basel Committee from capital adequacy priorities to the liquidity side of banking business. They lonched liquidity coverage ratio (LCR) which demands coverage of deposits net outflow on stress scenario on 30 days (DNO) by high liquid assets (LA):

$$LCR = LA/DNO > 100\% \quad (f\,1)$$

Deposits net outflow is a netting between deposits outflow (DO) and deposits inflow (DI) on the period of 30 days. Depends upon type of deposit percentage of outflow vary from 7,5% for long term deposits till 75% for financial institutions deposits. Liquid assets include fire — sell assets which can be sold in the crises period: cash, t-bonds, world bank obligations.

Another new ratio is Net stable funding ratio (NSFR), which estimate stable funding demand for the long (more 30 days) period and calculated as proportion of available stable funding to required amount of stable funding, which should be more than 100%. Available stable funding consists of capital, long term (more 1 year) deposits and 70–85% of retail, other deposits on the term less 1 year maturity. To required amount of stable funding are included: bonds with AA rating (20%), loans less 1 year maturity (50%), retail loans less 1 year maturity (85%).

All these indicators say that world banking community consider liquidity as key pillar of banking business. Capital still the important tomb of banking stability but the fundament of it will be much more solid if these two pillars are linked each other with special chain. The rule has to be: less liquidity (LCR or NSFR) bank has, more capital shareholders should inject to fit standards. It principle can be realized through privilege shares option. By this option shareholders of bank has obligations to purchase within 30 days shares of bank in amount calculated on the base of liquidity stress scenarios. If do such stress tests on quarterly bases or more often and resend to shareholders new figures for capital in demand, they will take more concern over their banks. If bank has enough short and long time liquidity there is no necessity for new capital, if not — theirs obligations to buy shares will grow in line with theirs worries about bank future. Of course, shareholders has all rights to sell such privilege shares options (PSO) as well as theirs shares and new owners will take obligations to inject money to the bank in liquidity shortage case.

Following formula 1, demand for the extra capital (EK) will be estimated by follows:

$$EK = DO — DI — LA \quad (f2)$$

F2 says that we need extra capital on difference between liquid assets and deposits net outflow. Basel III does not includes loans or tangible assets to liquid assets, but some of such assets may be sold in case of existing advanced purchaser. If some assets are bundle in one pool and forward contract with potential purchaser, which should have not less than AA rating, is signed that he will pay within 30 day, 50% or more of such assets can be included as liquid assets in LCR and EK calculations. More liquid asset bank can generate, it needs less extra capital to buffer deposits potential net outflow.

Capital importance in banking development is tightly connected with its geographical location. Less capital concentration increase liquidity risk in particular country or region and v. s. more capital make better background for liquidity supply. To do analyses of world banking capital consentration we use The Banker magazine data of 1000 biggest banks in world for the period 2000 –2007 years. All countries were divided on 8 groups: Eurozone, USA, Japan, Asia, Central and Earsten Europe, Middle East, Latin America, other countries. All gropes were analised by tier I capital, assets size and capital to assets ratio. Result is in following table (table 1).

Table 1

Tier I capital and CAR of top 1000 banks of the world

Bln. usd

Regions	Capital 2000y			Capital 2007y		
	Size	Share,%	CAR,%	Size	Share,%	CAR,%
Eurozone	624,7	35,0	3,7	1447,0	43,0	3,7
USA	374,8	21,0	4,9	639,4	19,0	6,6
Japan	321,3	18,0	5,7	336,5	10,0	4,5
Asia	232,0	13,0	6,1	471,1	14,0	5,3
Central & East Europe	89,2	5,0	4,7	201,9	6,0	4,5
Middle East	53,5	3,0	7,1	100,9	3,0	6,8
Latin America	35,7	2,0	9,4	67,3	2,0	9,1
Others	53,5	3,0	4,7	101,0	3,0	4,5
Total	1784,7	100	4,7	3365,1	100	4,5

Source: The Banker July 2001, July 2008

Eurozone increase share not only because of taking new countries (Central and Eastern Europe also increase share in world banking capital) but also European banks had to increase capital to keep CAR at least on the minimum basis (4% for Tier I capital for risk waged assets (in our research CAR calculated to all assets)). Due to assets growth, CAR in this region is still on the minimum level. Japan lost share in the capital of top 1000 banks. With CAR dropping in this country it gives signal for radical steps towords pumping new capital in banking system. Asia and Central & Eastern Europe banking capital share is rather stable but CAR is slope down. Middle East and Latin America banks have the best CAR but it can be in the result of assets shortage due to lock of clients deposits. The conclusion what we can do from above statistics is: banking capital mostly concentrated in Europe and USA and CAR is dropping down what weakening defends function of capital and its potential to buffer liquidity risks.

Sadilo Daniil, Ulyanovsk state University,
post-graduate student of the chair of economic theory

Садило Даниил Николаевич, Ульяновский государственный университет,
аспирант кафедры экономической теории

The endogenous (internal) causes of the Russian economic crisis 2008–2010.

Эндогенные (внутренние) причины экономического кризиса России 2008–2010 гг.

Кризису конца первого десятилетия 21 в. предшествовал период роста российской экономики, результаты которого компенсировали потери от дефолта. Уровень безработицы сократился до 5,7%, а показатель ВВП имел положительную динамику роста[1].

Данная ситуация стала результатом совокупного влияния группы макроэкономических факторов, среди которых основное значение имели:

1. Ослабление обменного курса рубля и влияние девальвации, которые способствовали возрастанию цен на импорт и увеличению ценовой конкурентоспособности отечественной продукции. Рост рентабельности предприятий способствовал направлению иностранных инвестиций в российскую экономику;

2. Повышение мировых цен на сырьё, топливо и металлы (среднегодовая цена барреля изменилась с 29,8 долларов в 2003 г. до 52 долларов в 2005 г.[2]). Нарастающий спрос обеспечил увеличение торгового баланса. Объём годового экспорта углеводородов возрос за 1998–2005 гг. с 28 до 148,9 млрд. долларов[3], что повлекло рост аккумулируемых финансовых ресурсов и способствовало осуществлению инвестирования в отечественную экономику. Повышение экспортных пошлин, ставок налога на добычу полезных ископаемых, акцизов на газ позволило через государственные расходы запустить механизм наращивания уровня благосостояния населения;

---

[1] Гайдар Е. Восстановительный рост и некоторые особенности современной экономической ситуации в России//Вопросы экономики. 2003. № 5. С. 9.

[2] Задачи и решения (к итогам первого полугодия)//Экономист. 2006. № 8. С. 8.

[3] Фетисов Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты//Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 38.

3. Смягчение финансово-кредитной и бюджетно-налоговой политики. Увеличение денежного предложения (снижение нормы обязательных резервов, ставки рефинансирования центральным банком) способствовало накачиванию потребительского спроса и росту инвестиций.

4. Ограничение внутренних цен продукции естественных монополий с помощью установления предела цен и тарифов, а также применения квот, пошлин. Высвободившиеся финансовые ресурсы потребители смогли направить на собственное развитие, рост предложения в связи с сократившимися издержками;

5. Низкий уровень заработной платы, отставание номинального её размера от темпов роста потребительских цен.

Таким образом, основными источниками восстановительного постдефолтного сырьевого роста стали применение экспансионистской политики в условиях увеличения мировых цен на полезные ископаемые, а также сокращение издержек производителей через снижение внутренних естественномонопольных цен и сохранение малой величины заработной платы.

Однако слабое развитие обрабатывающих отраслей, отсутствие вложений, направленных на повышение качества социально-культурной сферы, не позволяет считать экономический рост 2000–2008 гг. качественным. Последний отличают сбалансированность в развитии отраслей, различных регионов, уровне благосостояния различных слоёв, обеспечение экологической безопасности государства. Источники восстановительного роста явились и ограничителями отечественной экономики, которые стали причиной её ухода в состояние спада.

Зависимость состояния российской экономики от уровня мировых цен на топливо и сырьё имела своим результатом после их снижения в конце 2008 г. сначала остановку темпов роста, а затем и отрицательную динамику.

Средства Стабилизационного фонда не были использованы для наращивания потребительской активности — средства стабилизации и создания источников роста в краткосрочном периоде. Вместо этого преследовалась долгосрочная цель — снижение зависимости от стран-кредиторов, экономия на уменьшении размера процентов. Иными словами, мост был построен раньше, чем необходимые для въезда на него подъездные коммуникации. Отрасли высокотехнологического комплекса отличает крайне низкая степень загрузки имеющихся производственных мощностей, однако и при таком их использовании возникает опасность, связанная с высокой степенью износа оборудования. Так, в 2003 г. доля промышленного оборудования в возрасте 16–20 лет составляла 22,7%, а свыше 20 лет — 48,2%[1]. В 2007 г. износ основных фондов в обрабатывающей промышленности составил 47,5%, в добывающей — 53,3%, а в жилищно-коммунальном хозяйстве превысил отметку в 60%. Всё это является причиной возникновения и существования экологических ограничителей роста.

Исчерпание преимуществ, которые возникли после девальвации рубля, а также отсутствие необходимых вложений в техническое переоборудование и иные производственные цели (для усиления не только ценовой конкурентоспособности, но и в качестве производимой продукции), стали причиной укрепления реального курса рубля по отношению к доллару и евро. Вытеснение отечественной продукции импортными аналогами и остановка функционирования внутренних производств стали результатом указанных процессов.

Рост спроса на импортные товары оказывал негативное влияние на сальдо экспортно-импортных операций. В структуре розничного товарооборота доля импорта в 2007 г. составила 46%, за счёт которой удовлетворялось свыше 80% прироста внутреннего спроса[2].

Серьёзным ограничителем роста российской экономики является демографический фактор. За два десятилетия перехода к «рынку» Россия потеряла как минимум 15 миллионов человек. В условиях укрепления военной мощи Китая, а также громких заявлений некоторых республиканцев в США, отмечающих необходимость установления демократии в России любыми способами, представляется, что безопасность и целостность государства находятся под угрозой.

Внешняя политическая нестабильность усиливается и внутренними негативными тенденциями, связанными с нарастанием социальной напряжённости.

Чрезмерное расслоение, продолжающееся отдаление 10% наиболее обеспеченных россиян от 10% самых бедных, дифференциация в доходах в зависимости от места проживания и принадлежности к той или иной отрасли, преобладание косвенных налогов, низкий уровень минимального размера оплаты труда и социальных выплат, понимание неравенства как средства увеличения экономической активности и роста — приводят к снижению потребительского спроса, спаду производства, малой инвестиционной активности и сокращению ВВП.

При низком фондовом коэффициенте дифференциации, при котором пропорция между доходами 10% наиболее обеспеченных оказывается один к трём и ниже, относительные темпы роста ВВП могут быть достигнуты только в нерыночной экономике при сильно активном государственном воздействии. В рыночном хозяйстве состояние, близкое к равенству в распределении доходов, сложно достижимо и неизбежно блокировало бы хозяйственную активность. Последняя усиливается при достижении более высокого фондового коэффициента дифференциации, что ускоряет темпы экономического роста, пополнения бюджета и нарастания показателя ВВП.

При последующем повышении коэффициента достигается состояние постепенного сокращения темпа прироста ВВП, который становится отрицательным. Данная ситуация отличается тем, что стремление получения дополнительного дохода, выражающееся в наращивании интенсивности труда, при отсутствии достаточного свободного времени и средств на полноценное удовлетворение социально-культурных потребностей приводит к снижению активности и как следствие может остановить экономический рост.

Существенным ограничителем роста российской экономики является неэффективность государственного регулирования. Рассматривая финансово-кредитное воздействие можно отметить, что сохранение в 2006 г. около 75% эмитированной денежной массы и направление на увеличение денежного предложения только её четверти, воздействовало на увеличение стоимости кредитов и побудило внутренних субъектов к внешним заимствованиям. В последствие это привело к более быстрому втягиванию в общемировую рецессию. Отсутствие контроля и сдерживания процесса внутренних монопольных цен и тарифов стало одной из причин ускорения инфляционных процессов.

---

[1] Дасковский В. Экономический рост: темпы и качество//Экономист. 2005. № 11. С. 15.

[2] Социально-экономическое положение России. Январь 2008 г. М.: ФСГС, 2008. С. 111.

Sadlovskaya Irina Petrovna,
State economic-technological University of transport
candidate of economic Sciences, associate Professor
Садловская Ирина Петровна,
Государственный экономико-технологический университет транспорта
кандидат экономических наук, доцент

Conceptualization of investment and innovative development of the transport infrastructure

Разработка концепции инвестиционно-инновационногоразвития транспортной инфраструктуры

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью создания и внедрения универсальной модели инвестиционно-инновационного развития транспортной инфраструктуры национальной экономики

Разработка концепции совершенствования развития транспортной инфраструктуры инновационной экономики является крайне актуальной и важной научной проблемой. Создание инфраструктурно-обеспечительного потенциала, подсистемы материализованной среды, как проявления международного разделения труда, выражается определенным условием — инвестиционной стратегией в конкретной экономико-территориальной среде.

На современном этапе необходимо формирование эффективных механизмов регулирования инвестиционных и финансовых ресурсов с приоритетным вектором развития транспортной инфраструктуры страны как системы и как парадигмы развития производительных сил общества.

Актуальность такого видения проблемы обусловлена необходимостью создания условий и необходимых параметров паритетного и равноправного международного товарообмена и движения товаров.

Итак, разработка концепции развития транспортной инфраструктуры на этапе преобразований национальной экономики связана с созданием экономического механизма, регулирующего процессы инвестиционного обеспечения этой сферы, является актуальной проблемой науки и практики.

Целью разработки концепции инвестирования развития транспортной инфраструктуры являются: повышение эффективности реализации экономической политики государства; уточнение целей и задач совершенствования инвестиционного обеспечения в ходе глубокого анализа всех аспектов транспортной инфраструктуры, сосредоточение усилий на приоритетных и перспективных направлениях, изменение структуры управления этой сферой как единым механизмом; разработка единых общеметодологических подходов к формированию организационно-экономических и инвестиционных мероприятий по развитию транспортной инфраструктуры. В качестве приоритета концепции инвестирования развития транспортной инфраструктуры является механизм инвестиционного обеспечения транспортной инфраструктуры, что предусматривает: разработку целевой программы транспортного обеспечения, управление разработкой программы; разработку методики проектирования целевой программы создания транспортно-инфраструктурной сферы страны и ее инвестирования; разработку методик совершенствования законодательной и нормативно-правовой базы инвестирования транспортной инфраструктуры, поиска основных источников инвестиций для обеспечения инновационного прорыва в транспортной инфраструктуре национальной экономики, поиска дополнительных источников инвестирования от потребителей транспортных услуг; способов и средств улучшения инвестиционного климата.

Наполнения фондов для реализации национальных, региональных и местных программ развития транспортной инфраструктуры может осуществляться с таких источников, как бюджеты всех уровней, сбережения и накопления частного сектора экономики, средства от иностранных пользователей транспортной инфраструктуры и другие.

В основе совершенствования механизма управления инвестиционным обеспечением развития транспортной инфраструктуры лежит оценка ее основных параметров (предметность, функциональность, границы, принадлежность, анклавность, эксклюзивность, окупаемость).

Расходы, вызванные неразвитостью транспортной инфраструктуры, являются едва ли не главной причиной увеличения стоимости многих видов товаров и услуг.

Определим этапы реализации концепции инвестирования в развитие транспортной инфраструктуры: — этап 1 — организационный: информационно-техническое оснащение, подготовка тренеров и экспертов из числа наиболее способных и высококвалифицированных специалистов и ученых; первичный анализ фактического состояния дел по направлениям; построение дерева целей формирование коллектива для разработки методических рекомендаций по всем направлениям создаваемой инфраструктуры и финансирования ее на всех уровнях;

— этап 2 — проектный, который предусматривает: проведение экспериментов в отдельных отраслях, регионах, комплексах и т. п.; разработку организационно-экономического и мотивационного механизмов; разработку программ создания инфраструктурной сферы и модели ее инвестирования; обработку и анализ полученных методических рекомендаций по совершенствованию инвестиционного обеспечения развития транспортной инфраструктуры (модель инвестирования, которая основывается на необходимости обеспечения баланса между экономическим ростом и развитием транспортной инфраструктуры);

— этап 3 — реализационный, включающий формирование и реализацию программ раз- вития транспортной инфраструктуры и ее инвестиционное обеспечение. Каждый этап должен поддерживаться и обеспечиваться определенным организационно-экономическим механизмом и финансовыми источниками. В результате сформированный постоянно действующий организационно-экономический механизм развития транспортной инфраструктуры в новых условиях окажется в тесной взаимосвязи между планами инвестирования и приобретением материально-технических ресурсов. Предложенная оценка эффективности реализации концепции инвестирования развития транспортной инфраструктуры содержит метод сравнения результативности как отдельных мероприятий, так и их комплекса в целом.

Определяя задачи инновационной экономики, следует учитывать, что поддержка экономического роста достигается через развитие транспортной инфраструктуры. Инновации в транспортной инфраструктуре возможны на базе профессиональных знаний, фундаментальной науки, прикладной науки, воли государства и бизнеса. Инновации в транспортную инфраструктуру не могут вводиться без патроната государства, ведь они требуют значительных ресурсных затрат, дорогих технологических процессов, использования новейших достижений науки.

Эффективность транспортной инфраструктуры связана с системой отношений по достижению приемлемого результата, создаваемого процессом производства и реализованного потребления, в связи с осуществленными инфраструктурными затратами. Структурная перестройка, в частности, предусматривает переход от политики поддержки развития транспортной инфраструктуры неэффективных предприятий по развитию транспортной инфраструктуры новых секторов, прежде инновационных и информационных. Перечислим задачи инвестирования инноваций в транспортной инфраструктуре: 1. Обеспечение инвестиционными ресурсами транспортной инфраструктуры инновационной экономики: создание и развитие объектов инновационной инфраструктуры (инновационные центры, технологические парки, центры трансфера технологий и т. д.)

2. Повышение доли инвестиционных ресурсов, направляемых на реконструкцию и техническое перевооружение действующей транспортной инфраструктуры. 3. Восстановление инвестиционной (воспроизводственной) функции амортизационного фонда — привлечение в производство незагруженных мощностей, развитие долгосрочного кредитования, прежде всего посредством лизинга. Стимулом для инвестирования проектов транспортной инфраструктуры должна быть только одна цель — возможность получать транспортные услуги в будущем. Вся оплата транспортных услуг должна направляться в создание новых объектов транспортной инфраструктуры. 4. Первоочередное направление инвестиций в транспортную инфраструктуру, которая обслуживает производство потребительских товаров, агропромышленный комплекс и отрасли, которые внедряют инновационные технологии и производят конкурентоспособные товары. Задача решается с помощью новых инвестиционных институтов и поддержки государства.

5. Концентрация ресурсов в целевых фондах, развитие государственно-частного партнерства; системный, комплексный подход к созданию транспортной инфраструктуры инновационной экономики на основе применения информационных технологий и сетевой модели управления.

6. Расчеты объемов инвестирования в развитие транспортной инфраструктуры инновационной экономики производятся на основе аналитических данных целевых программ развития инновационной экономики: по отдельным производствам, отраслям, регионам, страны в целом. После определения объемов инвестиций в транспортную инфраструктуру инновационной экономики ведется поиск инвесторов — отечественных и иностранных. Как источник инвестирования инноваций целесообразно использовать допол- нительные доходы экономики от макро ценовых соотношений (валютный курс, соотношение внутренних и мировых цен, цен сырьевых и обрабатывающих отраслей). Далее приведем авторские рекомендации по разработке проекта модели инфраструктуры инновационной экономики. При этом мы исходим из некоторых ограничительных критериев ее формирования:

1. Сама модель должна иметь универсальный характер, что дает экономию средств и сил во время обработки ее в едином ключе национально-государственных интересов. 2. Данная модель должна основываться на испытанных мировой практикой нормативах ее построения.

3. Должна учитывать специфику работы отраслей экономики в современных условиях. 4. Модель транспортной инфраструктуры инновационной экономики должна отражать объективные закономерности привлечения инвестиций в инновационную экономику. Создание концептуальной модели транспортной инфраструктуры инновационной экономики коррелируется с решением проблем реформирования структуры экономики с целью повышения темпов экономического роста, ориентируется на новейшие тенденции превращения мировой хозяйственной системы. Все фазы создания модели транспортной инфраструктуры: начальная (концепция), завершающая (ввод в эксплуатацию) и сквозное управление всем этим процессом — подаются и реализуются как единый проект. Это — своеобразный конвейер, который содержит следующие процессы: разработка программы и плана реализации проекта инвестирования, проектирование модели, согласование, строительство; оснащение оборудованием; ввод в эксплуатацию; контроллинг и мониторинг. Все это объединено единой системой организации, управления, контроля, оценки, мотивации и направлено на достижение общего конечного результата. Концептуальные и организационные подходы к проекту универсальной модели транспортной инфраструктуры инновационных производств заключаются в пересмотре нормативов проектирования, структуры основных фондов, форм и методов управления транспортной инфраструктурой.

Характерной чертой проекта модели является экспериментальное определение на основе экспертных оценок и аналогов параметров модели, которые впоследствии могут быть закреплены в виде стандартов.

Организационные формы создания модели должны быть направлены на сокращение удельных совокупных приведенных затрат на единицу произведенной продукции благодаря увеличению фондоотдачи и обеспечению заданного уровня технического оснащения. Сложность проектирования универсальной модели транспортной инфраструктуры инновационных производств заключается в том, что каждый элемент, входящий в модель, имеет свои структуру, состав, характеристику данных, параметров, описывающих атрибуты элемента — совокупность процедур, определяющих внутреннее элементное взаимодействие и взаимодействие с другими элементами модели и внешней средой. В современной практике уже есть опыт проектирования и внедрения по каждому из элементов. Инновационность предлагаемой модели — попытка проектирования ее как системы с одновременной разработкой всех элементов модели во взаимодействии. Совершенствование элементов транспортной инфраструктуры по отдельным направлениям осуществляется постоянно, но без существенной перестройки организационно-экономического механизма. Эти методы дают временный эффект, что составляет 5–10%, без больших затрат, но, как правило, они затрудняют существующий процесс производственной деятельности и управления им. Значительный результат может быть достигнут только благодаря комплексному решению проблемы транспортной инфраструктуры инновационной экономики.

Критерием, или измерителем, эффективности модели транспортной инфраструктуры является достижение главной цели инновационной деятельности транспортной инфраструктуры; это инструмент, обеспечивающий достижение такой цели. К

числу имеющихся в настоящее время технико-экономических показателей дополнительно для «модели» вводится технико-экономический показатель — уровень инновационных усовершенствований в сфере оборудования и технологий. Номенклатура этого показателя принята с целью оценки и качественной характеристики сравниваемых вариантов: действующей и проектируемой моделей транспортной инфраструктуры инновационных производств.

Расчеты эффективности инвестирования в модель транспортной инфраструктуры предлагается рассмотреть через сопоставление их с потерями, которых можно избежать в результате реализации модели.

Методологическая построение универсальной модели опирается на: тенденции эволюционирования мировой хозяйственной системы в ее историческом разрезе; стратегию государства по экономическому развитию страны и экономической политике; реалии мировой хозяйственной сферы (мировые транспортные коридоры, перемещения товаров и услуг, новые формы предоставления транспортных услуг). Данные рекомендации по созданию модели инфраструктуры инновационной экономики представим в виде методологической схемы (рис. 1).

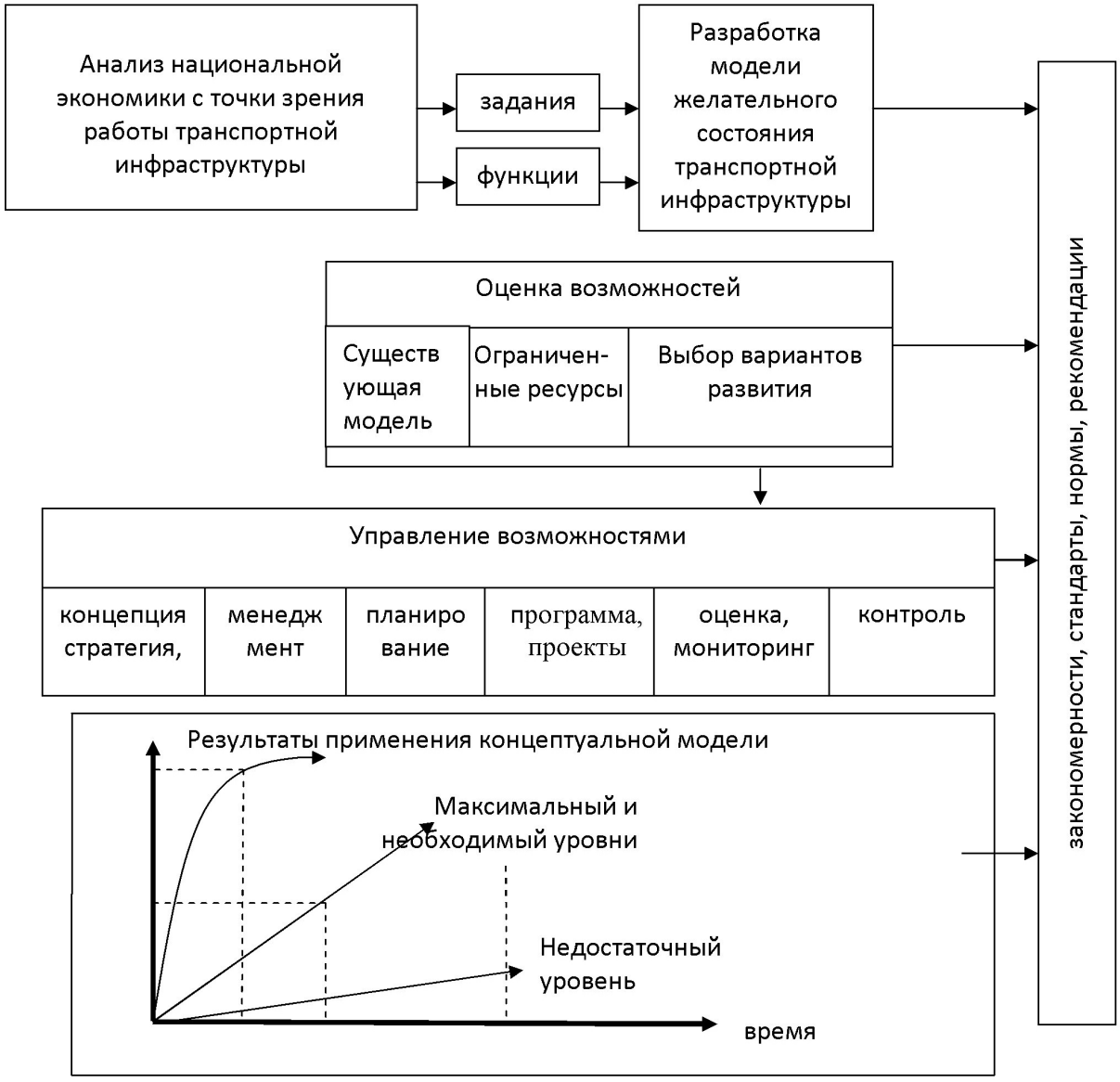

Рис. 1. Схема создания и внедрения универсальной модели транспортной инфраструктуры национальной экономики (авторская разработка)

Список литературы:

1. Жаворонкова Г. В., Садловская И. П. «Механизмы государственно-частного партнерства в транспортной инфраструктуре Украины»//Научно-технические ведомости СПб ГПУ, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 4 (151)2012, с. 17–20.
2. Roger Slough, Roger Vickerman, Kenneth Button, Peter Nijkamp. Transport Infrastructure (Classics in Transport Analysis). Edward Elgar Pub; November 2002, — 660 p.
3. Jonathan Cowie. The Economics of Transport: A Theoretical and Applied Perspective. Routlcdge; 1 edition November 1 1, 2009. — 400 p.
4. OECD. Transport Infrastructure Investment: Options for Efficiency. OECD publishing; February 29, 2008. — 236 p.
5. OECD. Strategic Transport Infrastructure Needs to 2030. OECD Publishing; March 21, 2012. — 248 p.

Seifullin Zh. T., Almaty Academy of Economics and Statistics, Doctor of Economics
Seitkhamzina G.Zh., Almaty Academy of Economics and Statistics, PhD in Economics
Razakova D. I., Almaty Academy of Economics and Statistics, PhD in Economics
Сейфуллин Ж. Т. Алматинская академия экономики и статистики
доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и менеджмент»
Сейтхамзина Г. Ж., кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика и менеджмент»
Разакова Д. И., кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и менеджмент»

Priority areas for the issue and circulation of new financial instruments in the stock market of Kazakhstan

Приоритетные направления выпуска и обращения новых финансовых инструментов на фондовом рынке Казахстана

В настоящее время энергетический сектор Казахстана работает в непростых условиях, когда, с одной стороны — происходит постепенное истощение традиционных источников энергии (нефти, газа, угля, добыча которых является дорогостоящим бизнесом), а с другой — набирает высокие позиции введённая во всем мире политика экологически чистого производства энергии с использованием возобновляемых источников энергии. Такое производство не требует высоких материальных затрат, т. к. оно основано на использовании источников энергии, непрерывно возобновляемых за счет естественного протекания природных процессов. В этой связи, использование возобновляемых источников энергии с недавнего времени стало приоритетным направлением развития энергосбережения в Казахстане, заключающегося в снижении энергоёмкости экономики республики.

На данный момент существует достаточно большое количество мер поддержки ВИЭ. Некоторые из них уже зарекомендовали себя как эффективные и понятные участникам рынка. Среди таких мер можно отметить следующие:

— зеленые сертификаты;
— возмещение стоимости технологического присоединения;
— тарифы на подключение;
— система чистого измерения[1].

Под зелеными сертификатами понимаются сертификаты, подтверждающие генерацию определенного объема электроэнергии на основе ВИЭ. Данные сертификаты получают только квалифицированные соответствующим органом производители. Как правило, зеленый сертификат подтверждает генерацию 1 Мвт•ч, хотя данная величина может быть и другой. Зеленый сертификат может быть продан либо вместе с произведенной электроэнергией, либо отдельно, обеспечивая дополнительную поддержку производителя электроэнергии. Для отслеживания выпуска и принадлежности «зеленых сертификатов» используются специальные программно-технические средства.

В соответствии с некоторыми программами сертификаты можно накапливать (для последующего использования в будущем), либо занимать (для исполнения обязательств в текущем году). Движущей силой механизма обращения зеленых сертификатов является необходимость выполнения компаниями обязательств, взятых на себя самостоятельно или наложенных правительством. В зарубежной литературе «зеленые сертификаты» известны также как: Renewable Energy Certificates (RECs), Greentags, Renewable Energy Credits[2].

«Зеленые» сертификаты как инструмент для мониторинга возобновляемой энергии привлекательны тем, что их выпуск предполагает выполнение правил, гарантирующих достоверность информации о производстве возобновляемой энергии, а в случае продажи вместе с физической энергией и выполнением процедуры гашения (выведения из оборота), — о поставке и конечном потреблении энергии. Таким образом, введение системы «зеленой» сертификации обусловливает формирование системы надежного слежения за производством, поставкой и потреблением возобновляемой энергии[3].

Использование «зеленых» сертификатов для стимулирования развития возобновляемой энергетики связывается с применением определенных схем поддержки данной энергетики. В классическом варианте «зеленые» сертификаты являются элементом систем с использованием квотирования (или схожих концепций), когда участники рынка принимают на себя официальные обязательства по производству (поставке, потреблению) энергии, генерируемой на базе ВИЭ, для достижения заданных целевых показателей. «Зеленые» сертификаты служат доказательством выполнения обязательств. Участники, не выполнившие обязательства, уплачивают штраф или покупают сертификаты в объеме, покрывающем недовыполнение. Схема несколько напоминает «Киотскую», являясь, тем не менее, совершенно самостоятельной.

Кратко система выглядит следующим образом. Производители энергии на основе возобновляемых источников получают специальные «зеленые» сертификаты, подтверждающие, что они произвели и продали на рынке определенный объем возобновляемой или «зеленой» энергии. Выпускают такие сертификаты специальные органы, получившие название «выпускающих». В каждой стране по правилам Международной ассоциации RECS может быть только один выпускающий орган.

---

[1] Копылов А. Е., Зерчанинова И. Л. Механизм «зеленых» сертификатов возобновляемой энергии и возможности его использования в России. – М.: Эко, 2006. – 56 с.

[2] Соколов В. И. Природопользование в США и Канаде: экономические аспекты. – М.: Наука, 2002. – 230 с.

[3] Мекуш Г. Е. Система индикаторов для оценки экологических последствий макроэкономической политики в регионе. Глобализация, новая экономика и окружающая среда//Матер.междунар. науч. конф. «Российского общества экологической экономики». – СПб: СПБГУ, 2005. – С. 34–36

Лучшим аналогом места и роли такого выпускающего органа в системе является положение центрального банка страны в национальной банковской системе[1].

Количество выпускаемых сертификатов привязано к объему произведенной генераторами энергии. Обычно сертификаты кратны 1 МВт·часу. Однако движение сертификатов не привязано к движению энергии, на основании которой они выпускаются. Это дает возможность использовать сертификаты тем агентам, которые не производят энергию от ВИЭ, но покупают сертификаты для своих целей. Важно отметить, что они становятся предметом обращения на специальных рынках, получая свою рыночную цену на них.

Закон Республики Казахстан «Об электроэнергетике» от 09.07.2004 г. № 588-II устанавливает рыночные отношения в секторе электроэнергетики. Основу рыночных отношений составляет право потребителя электроэнергии свободно выбирать поставщика, что способствует появлению конкуренции между поставщиками. В условиях свободной торговли возобновляемые источники энергии не выдерживают ценовой конкуренции и, следовательно, нуждаются в тщательной разработке механизмов поддержки государства и защиты от конкуренции.

В настоящее время в бюджете не предвидятся значительные дополнительные расходы на поддержку технологий производства электроэнергии из возобновляемых источников. Таким образом, любые дополнительные затраты в связи с введением механизмов поддержки должны финансироваться из других средств и будут неминуемо перенесены на потребителя.

Общая выработка электроэнергии в Казахстане на сегодня около 70 млн. МВт.ч, при прогнозе 86 млн. МВт. ч. к 2015 году. В соответствии с Программой развития электроэнергетики до 2030 года устанавливается довольно скромный показатель в размере 500 МВт внедряемой мощности. При оценочном коэффициенте использования мощности (по консервативным оценкам) 38%, выработка ветровой энергии ожидается в размере 1.7 млн. МВт. ч. Другими словами в случае успешной реализации проекта ветроэнергетикой будет обеспечиваться не более 3.3% от общей выработки электроэнергии. В этих обстоятельствах нельзя ожидать, что внедрение механизма поддержки с распределением нагрузки на конечных потребителей, повлечет за собой какое-либо значительное изменение розничной цены на электроэнергию[2].

Угольная промышленность обеспечивает 87% от общей выработки электроэнергии в Казахстане. Значительное политическое влияние позволяет производителям оказывать противодействие в случае возникновения угрозы их статусу. Конфронтация с угольной промышленностью не находится в интересах нарождающейся отрасли ветроэнергетики.

Законом устанавливается обязательство по возобновляемой энергии. Это означает, что определенную часть от общего объема производства электроэнергии составляет самостоятельно произведенная или закупленная с целью финансовой поддержки электроэнергия от возобновляемых источников. Размеры такого обязательства еще не определены, но на первоначальной стадии цифры будут достаточно скромными, чтобы иметь возможность внедрить механизм поддержки, получить опытным путем подтверждение его функциональности и создать условия для проверки достижимости установленных показателей.

Участниками оптового рынка в Казахстане являются энергоснабжающие организации (ЭСО), конкурирующие между собой за потребителей на розничном рынке, а также группа коммерческих или промышленных организаций, чья среднесуточная базовая мощность потребления позволяет им осуществлять закупки на оптовом рынке.

Механизм, регулирующий введение возобновляемых источников энергии на рынок, должен равномерно влиять на всех участников рынка. В других странах механизм поддержки возобновляемой энергии сфокусирован в первую очередь на снабжающих организациях и применяется либо путем введения фиксированного тарифа, либо через систему обязательств (квот). В Казахстане 68,7% от общего потребления электроэнергии обеспечивается крупными потребителями путем заключения договоров на куплю-продажу электроэнергии напрямую от производителей. Таким образом, опыт зарубежных стран по введению обязательства на снабжающие организации не позволит равномерно распределить нагрузку в секторе электроэнергетики[3].

По этой причине в рамках данного предложения обязательство по закупке возобновляемой энергии возложено на все традиционные энергопроизводящие организации, действующие в секторе. Данное обязательство также предлагается распространить на действующие крупные гидроэлектростанции, являющиеся конкурентоспособными на рынке электроэнергии, при этом их участие в качестве возобновляемых источников энергии, получающих поддержку в результате внедрения данного механизма, исключается.

Обязательство может быть введено в действие путем принятия дополнений к действующему закону «Об электроэнергетике» от 9.07.2004 г. Все энергопроизводящие организации, работающие от традиционных источников, обязаны ежегодно подтверждать, что часть их общего производства электроэнергии в установленном размере произведена от возобновляемых источников энергии. К примеру, если квота установлена в размере 5%, а производство составляет 100 000 кВт.ч в год, то обязательство данной энергопроизводящей организации по закупке от возобновляемых источников составляет 5 000 кВт. ч.

Либо энергопроизводящие организации могут выполнить свое обязательство по возобновляемой энергии и поддержать ее развитие путем приобретения сертификатов[4].

Размер устанавливаемого обязательства в процентах подлежит периодическому пересмотру и оценке Министерством энергии и минеральных ресурсов в лице создаваемого в целях реализации данного механизма Комитета по возобновляемой энергии Динамическое изменение доли возобновляемой энергии необходимо в силу самой природы обязательства.

В связи с обязательством с целью равномерного распределения нагрузки на сектор электроэнергетики вводится система сертификации возобновляемой энергии. Это означает, что каждая энергопроизводящая организация, работающая от возобновляемых источников энергии, подтверждает произведенный объем электроэнергии соответствующими сертификатами.

---

[1] Соколов В. И. Природопользование в США и Канаде: экономические аспекты.- М.: Наука, 2002. – 305 с.

[2] Васен Н. В., Зерчанинова И. Л., Каргиев В. М., Новиков А. М. Зеленые сертификаты, с. 123

[3] Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). – М.: Юристъ, 1988. – 684 с.

[4] Кошумбаев М. Б. Новые конструкции альтернативных источников энергии//Материалы Международной научной конференции «Наука, техника и инновационные технологии в эпоху Великого Возрождения», Ашгабад, 2010. – С. 216–218

По сути, происходит разделение возобновляемой энергии на две составляющие: электроэнергию как товар и ее т. н. «зеленый» эффект, подтверждаемый сертификатом.

Таким образом, компания, работающая от возобновляемых источников энергии, производит не только электричество на продажу на существующих рынках электроэнергии, но также сертификаты, торговля которыми обеспечивает компании дополнительный доход.

Сертификаты выписываются на основании показаний приборов учета электроэнергии Комитетом по возобновляемой энергии, который осуществляет свою деятельность в пределах структуры Министерства энергетики и минеральных ресурсов. Каждая лицензированная энергопроизводящая организация, осуществляющая свою деятельность на базе возобновляемых источников энергии, обязана установить отдельные приборы учета производимой возобновляемой электроэнергии и обеспечивать допуск представителей Комитета для снятия показаний.

Энергопроизводящая организация, планирующая ввести в эксплуатацию энергообъекты на базе возобновляемых источников энергии, должна в обязательном порядке пройти соответствующую регистрацию в Комитете по возобновляемой энергии о том, что такой энергетический объект включен в схему поддержки и будет пользоваться соответствующими гарантиями. После проведения соответствующей регистрации и ввода в действие энергетического объекта на базе возобновляемых источников энергии данная энергопроизводящая организация приобретает право на получение сертификатов (за каждый МВт. ч.), подтверждающих факт генерации возобновляемой энергии, в соответствии с показаниями счетчиков.

На сегодняшний день на организованном рынке ценных бумаг Республики Казахстан обращаются государственные эмиссионные бумаги, эмитированные Национальным Банком Республики Казахстан, Министерством Финансов Республики Казахстан и местным исполнительным органом города республиканского значения. При этом условия выпуска, размещения, обслуживания и погашения государственных эмиссионных ценных бумаг определяются в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан.

Согласно схеме, эмитентом государственных ценных бумаг в виде «зеленых сертификатов» будет выступать Министерство охраны окружающей среды Республики Казахстан, при этом «зеленые сертификаты» будут являться элементом систем с использованием квотирования (или схожих концепций), когда участники рынка принимают на себя официальные обязательства по производству (поставке, потреблению) энергии, генерируемые на базе возобновляемых источников энергии (ВИЭ), для достижения заданных целевых показателей. «Зеленые сертификаты» служат доказательством выполнения обязательств. Участники, не выполнившие обязательства, уплачивают штраф или покрывают недовыполнение. Инвестиционный доход по указанным «зеленым сертификатам» будет зависеть от предполагаемых штрафов, выплачиваемых предприятиями при превышении выбросов от плановых значений.

Однако, как уже отмечалось выше, государственные эмиссионные ценные бумаги могут быть выпущены в целях финансирования дефицита бюджета либо содействия развитию внутреннего рынка долговых инструментов. В свою очередь, основными признаками долговых ценных бумаг являются срок обращения, право держателя на получение от эмитента, выпустившего долговой финансовый инструмент, вознаграждения по ней и по окончании срока ее обращения — номинальной стоимости долгового инструмента в деньгах или ином имущественном эквиваленте. Соответственно, «зеленые сертификаты» не обладая основными признаками долговых финансовых инструментов не могут быть признаны в качестве государственных эмиссионных ценных бумаг, и следовательно обращаться на организованном рынке.

Также необходимо указать и то что, на данный момент без конкретной нормативной базы невозможно определить степень инвестиционной надежности «зеленых» сертификатов, как финансовых инструментов, что подразумевает присутствие большого риска неисполнения обязательств. На основании вышеизложенного, считаем, что для введения в обращение «зеленых сертификатов» как одного из видов ценных бумаг, необходимо, прежде всего, внесение существенных изменений в законодательство по ценным бумагам и по охране окружающей среды.

Mikhaleva Ekaterina Pavlovna, Bryansk state University, candidate of economic Sciences, senior lecturer

Semencova Marina Ivanovna, Bryansk state University, student

Михалёва Екатерина Павловна, Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, кандидат экономических наук, старший преподаватель

Семенцова Марина Ивановна, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, студентка

The genesis of the theory of economic cycles

Генезис теорий циклического развития экономики

Динамика формирования и развития хозяйственной системы показывает, что все экономические процессы в общественной жизни подвержены периодическим колебаниям и волнообразным изменениям: спадам и подъемам, всплескам и депрессиям, оживлениям и кризисам. В то же время, именно благодаря цикличности, происходит развитие и усиление экономической динамики во времени и в пространстве, осуществляется естественный ход исторического развития событий и явлений. Данное утверждение признается большинством экономистов как за рубежом, так и в России. Полемика и основные разногласия проявляются только во взглядах на причины и особенности формирования циклов, длительности их протекания и механизма возникновения противоречий.

Проблеме циклического развития посвящены работы А. Шпитгофа, М. Туган-Барановского, К Маркса, У. Митчелла, Дж. М. Кларка, Дж. М. Кейнса, Шумпетера, Н. Д. Кондратьева, П. Самуэльсона и т. д.

И хотя их работы объединены единой темой, в них можно найти множество трактовок, объясняющих причины, фазы и характеристику циклов, различные пояснения и прогнозы. Именно это и обусловило актуальность данной статьи.

Первым проблему кризисов обозначил С. Сисмонди.

С содержательной точки зрения экономические циклы — это колебания экономической активности национальной экономики и мирового хозяйства, проявляющиеся в смене фаз подъёма и спада[1]

Цикличность — всеобщая форма движения национальной экономики и мирового хозяйства в целом. Она выражает неравномерность функционирования различных элементов национального хозяйства, смену революционных и эволюционных стадий его развития.

Эволюция теории экономических циклов включает в себя эндогенные и экзогенные концепции. Рассмотрим их более подробно.

Первоначально теории экономических циклов возникли и развивались как экзогенные концепции. Связано это было с господством неоклассического направления с его постулатами общего экономического равновесия. Считалось, что определенное внешнее явление оказывает негативное влияние на экономику, следовательно, происходит кризис, затем, спустя некоторое время, экономика «приходит в себя», затем начинается подъем, но внешняя причина снова вмешивается в развитие экономики — и все повторяется. В таком случае возникает вопрос — почему внешний фактор возникает так регулярно? Ответ на него неоклассики так и не сформулировали.

Непосредственно классическая экономическая школа — А. Смит,

Д. Рикардо — вообще отрицала возможность появления экономических кризисов. В экономике возможны частичные кризисы, возникающие в результате неправильного распределения ресурсов и нарушения баланса между различными отраслями производства, но, благодаря саморегулируемости экономики, частичные кризисы — явление временное.

В конце XIX в. появились эндогенные теории природы экономического цикла, которые видели причины цикличности внутри самой экономики, а все фазы цикла считались неизбежными периодами хозяйственной жизни. Первой эндогенной теорией была теория М. Туган-Барановского, который считал главной причиной цикличности движение самого капитала. У производительного и денежного капиталов разная скорость накопления, что по-разному отражается в динамике капиталистического хозяйства. Туган-Барановский по-новому подошел к определению экономического цикла: под циклом понимают последовательное чередование периодов процветания и упадка, между которыми находится кризис.

Принципиально новым в исследованиях Туган-Барановского был анализ механизма наступления кризиса. Ученый связывал его с нарушениями пропорциональности между общественным производством и превращением частичного перепроизводства во всеобщее, которое выражается в падении цен на все или хотя бы основную массу товаров на рынке. Цикл представляет собой совокупность двух волн, повышательной и понижательной, причем одна волна плавно переходит в другую. Кризис же является точкой перелома повышательной и понижательной волн.

Итак, эндогенные и экзогенные теории рассматривают кризис как один из основных этапов экономического цикла.

Кризис — спад производства. Различают два вида кризисов: кризис недопроизводства и кризис перепроизводства.

Таким образом, природу цикличности определяют внутренние и внешние факторы, влияющие на характер цикла, его продолжительность, специфику проявления фаз.

К внешним факторам могут быть отнесены как объективные, так и субъективные обстоятельства, лежащие вне экономической системы и вызывающие периодическую повторяемость экономических явлений:

1) войны, революции и другие политические потрясения;

2) открытия крупных месторождений золота, урана, нефти и др. ценных ресурсов;

3) освоение новых территорий и связанная с этим миграция населения, колебания численности населения земного шара;

4) мощные прорывы в технологии, изобретения и инновации, позволяющие коренным образом менять структуру общественного производства.

Среди внутренних факторов, присущих самой экономической системе, выделяют:

1) личное потребление, сокращение или возрастание которого сказывается на объемах производства и занятости;

2) инвестирование, то есть вложение средств в модернизацию производства, создание новых рабочих мест и т. д.;

3) экономическую политику государства, выражающуюся в прямом и косвенном воздействии на производство, спрос и потребление.

Особую роль в изучении проблемы цикличности сыграл В. Зомбарт. Его теория есть синтез эндогенных и экзогенных теорий. Ученый ввел в научный оборот категорию «конъюнктуры». По мнению Зомбарта, фаза экономического цикла определяется в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов, причем фаза подъема характеризуется стремлением к предпринимательству: ожидания прибыли порождают спекулятивный подъем. Изначально подъем охватывает конечные потребительские блага, затем для расширения производства этих благ требуется расширение производства средств производства. Расширение производства благ обоих типов приводит к созданию предприятий, в основном крупных размеров. В такие предприятия больше и легче притекает денежный капитал. Возрастает количество привлекаемого сырья и вспомогательных материалов, быстро увеличивается число наемных рабочих. Однако, позитивное движение экономики сталкивается с диспропорцией: между изобилием основного капитала и недостатками денежного, так как беспрерывный рост оборотов обгоняет возможности кредитования, оно достигает предела, за которым для большого числа предприятий оказывается невозможным платить по своим обстоятельствам — начинается обратное движение в цепи спроса.

К. Маркс разработал свою систему взглядов на причины и природу возникновения цикличности. Принципиальным отличием точки зрения

К. Маркса в данной проблеме является то, что определяющую роль в объяснении механизма и закономерностей циклического воспроизводства у него играет средняя норма прибыли, через которую осуществляются производственные отношения при капитализме. Маркс считал цикличность явлением, присущим капиталистической системе, свидетельствующим о ее

[1] Айрапетян М. С. Актуальные проблемы теории экономических циклов//ТЭК. — 2003. — № 1. — С. 147.

обреченности, а первопричину кризисов он видел в основном противоречии капитализма между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Дж. Кейнс объяснял наступление фазы кризиса падением предельной эффективности капитала, последующим уменьшением инвестиций и совокупного спроса в целом. Природа самого инвестиционного импульса объясняется неустойчивостью ожиданий экономических субъектов в отношении прибыльности, не вполне определенными «животными инстинктами инвесторов». Дж. Кейнс сделал вывод о необходимости государственного антикризисного регулирования и борьбы с безработицей за счет расширения совокупного эффективного спроса[1].

Теория кризисов Туган-Барановского произвела сильное впечатление на А. Шпитгофа. Он дополнил ее понятием «ведра капиталообразования», которому свойственно расширяться вследствие создания новых изобретений. Это «ведро» заполняется в период вложения инвестиций в новые элементы основного капитала, однако, со временем происходит перенасыщение. Так как спрос на капитальные блага и на материалы, служащие для производства товаров длительного пользования, неэластичен, происходит перепроизводство промышленного оборудования. Кроме того, Шпитгоф полагал, что со временем «упорядочивание» капиталистического производства позволит умерить промышленные катастрофы, смягчить переходы от процветания к депрессии.

Французский экономист А. Афтальон пытался применить к анализу цикличности теорию предельной полезности. Он поддержал мнение Туган-Барановского и Шпитгофа о том, что циклические процессы вызываются колебаниями в производстве элементов основного капитала. Афтальон подчеркивал, что на решение инвестировать или нет влияют ожидания, связанные с потребительским спросом, насыщающимся в соответствии с законом предельной полезности. В капиталистическом обществе слабые колебания в спросе на потребительские товары могут привести к резко выраженным колебаниям в спросе на основной капитал, который и есть производственный спрос.

Й. Шумпетер связывает циклическую форму развития экономики с новаторской деятельностью. По его мнению, каждая инновация вызывает волну подражаний, расходящуюся во все стороны. Множество таких волн расходится одновременно, они накладываются друг на друга и такое движение (при суммировании всех волн) не может быть плавным и равномерным. Оно порождает периоды общего подъема, которые могут сменяться периодами общего спада. В этом суть подхода Шумпетера к анализу экономических циклов. Причину же экономических кризисов он видел в панике, связанной с прекращением экономического бума, выделяя психологический мотив как центральный в объяснении данного экономического явления.

Таким образом, все обозначенные выше концепции экономических циклов представим в виде классификации, основным критерием которой является характеристика циклических колебаний.

Теории экономических циклов[2][3]:

1.Эндогенные теории.

Автор	Определение цикла (кризиса)	Причины
М. Туган-Барановский, А. Афтальон, А. Шпитгоф	Цикл– последовательное чередование периодов процветания и упадка, между которыми находится кризис.	Диспропорции между движением сбережений и инвестиций в отраслях, которые производят средства производства, а также несовершенство регулирующей роли рыночного механизма в сфере накопления и использования общественного капитала.
Дж. Кейнс	Циклы — результат взаимодействия между движением национального дохода (НД), потребления и накопления капитала, формирующегося динамикой эффективного спроса, определяемой, в свою очередь, функциями потребления и инвестиций.	Дж. Кейнс объяснял наступление фазы кризиса падением предельной эффективности капитала, последующим уменьшением инвестиций и совокупного спроса в целом.
К. Маркс	Экономический цикл — движение экономики от одного кризиса к другому, способ самоуправления экономики.	Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества[2].

2.Экзогенные теории.

Автор	Определение цикла (кризиса)	Причины
Й. Шумпетер	Циклы деловой активности-волнообразные чередования периодов процветания и депрессии.	Нововведения дают толчок долговременному экономическому росту, который со временем сокращается, пока не появится новая крупная инновация[3].

Список литературы:

Айрапетян М. С. Актуальные проблемы теории экономических циклов//ТЭК. — 2003. — № 1.
Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978.
Научный журнал КубГАУ, № 75 (01), 2012 года

[1] Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978. –С. 341.

[2] Научный журнал КубГАУ, № 75 (01), 2012 года, с. 4.

[3] Там же, с.7.

Sudakova Anastasiya, Institute of economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences/ Centre of Economy Security, lead economist

The analysis of the situation in the Russian consumer market in the context of influence of threats

I. Introduction

The article represents the situation on the consumer market, provides the author's definition of economic safety of the consumer market of the region, the author's technique of diagnostics of the situation in the consumer market in conditions of impact of threats, the results of approbation of this technique over the period from 2003 to 2010 evidenced in some regions of the Russian Federation.

The consumer market is a complex, many-sided sphere of economy. On the one hand, the consumer market is represented by business structures, on the other — by consumers, the interests of these participants are contradictory, moreover the interests of the state are presented in the market and the state aims to balance the interests of businessmen and consumers.

Other problem of consumer market in Russia consists in resolving questions concerning the readiness of the Russian economy to build a high-grade market system in conditions of the developed political system and the state system

Nevertheless, the Russian consumer market develops dynamically, and appears to be one of the most growing segments of Russian economy. For example, the index of physical volume of retail trade in 2011 in relation to 2000 made 274.4%, while the turn of retail trade in terms of money for the same period increased in 8 times (2000 of 2352,3 billion roubles, 2011–19082,6 billion roubles).

But, nevertheless, the growth of indicators of the consumer market is ambiguous and causes significant cyclic effects, such as ecology deterioration because of large volume of production and waste products at consumption of the goods by end users; society gains consumer property that involves not only ecologic and economic consequences, but social and spiritual, and on the other hand, greater growth of consumption causes greater volume of production, greater growth of employment and improving standards of living.

Besides, the situation becomes complicated due to the influence of threats on development of the consumer market: high level of shadow economy; rate of inflation; weak security of consumers; dependence of the market on delivery of the goods on import; low competitiveness of a domestic production of consumer goods; deterioration of the fixed production assets, and others.

At the moment in Russia the share of import of certain goods in their commodity resources on the average is about 45% (on some commodity groups this indicator reaches 70% (footwear leather), 65% (beef), 42% (cheese, etc.) [1], light industry provides the population with the domestic goods on 17%[2].

Today, leaders in light industry are China, the countries of Central and South-East Asia, as well as the dynamically developing in recent years countries of South America[3]. These countries declared light industry as a priority for the development of national economy.

Russia in 2009 and 2008 took respectively 12 and the 9th places among the largest exporters, but mostly for the export of raw materials[4].

In Russia, the domestic production of goods for the consumer market is on the decline. For example, wear of the equipment in a domestic production of the goods for the consumer market on the average is about 40%[5], while the specific weight of completely depreciated fixed assets in total amount of fixed assets of organizations on the analyzed indicator on the average is about 10%[6].

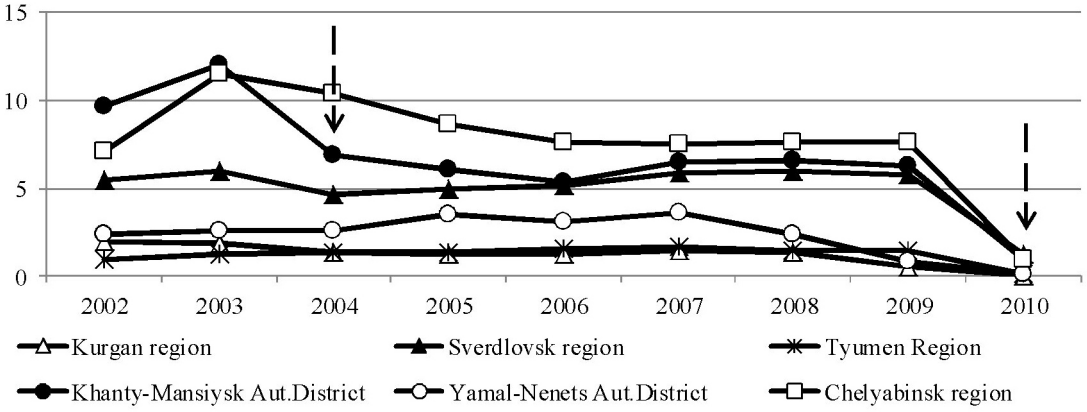

Figure 1: Sale of goods, works or rendering of services to the population of inadequate quality or of violated technical requirements and sanitary regulations (Article 14.4 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation), 2002–2010, thousand units[7]

[1] Россия в цифрах. 2011: Краткий статистический сборник/Росстат. М., 2011. 581 с. (С. 562).

[2] Стратегия развития легкой промышленности России на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minpromtorg.gov.ru/ministry/strategic/sectoral/3

[3] И. Г. Калабеков. Российские реформы в цифрах и фактах. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: РУСАКИ, 2010. 498 с. (С. 255).

[4] Россия в цифрах. 2011: Крат.стат.сб./Росстат. М., 2011. 581 с. (С. 552); Россия в цифрах: Крат.стат.сб./Госкомстат России. М., 2001. 397 с. (С. 357).

[5] Промышленность России. 2010: Стат.сб./Росстат. М., 2010. 453 с. (С. 114.).

[6] Там же. (С. 115.).

[7] Сборник по России «Сведения о результатах проверок по выявлению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции». За январь-декабрь 2003–2010 гг.

According to the author, such situation in the consumer market is primarily connected with the raw model of development of national economy.

By the estimates of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation the level of shadow economy in retail trade is about 40%.

The author carried out the analysis of offenses in the consumer market on the basis of the official data source of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and there were revealed some regularities of influence of changes in legislative base on level of offenses.

Changes in legislation are reflected in statistics, Figure 1 shows the data of the official statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

It's seen a decline in offenses in the sphere of ensuring quality of the goods in 2004 due to amendments added in October 2003 to the Federal Law № 134-FL, 08.08.2001, "About the Protection of Rights of Legal Entities and Individual entrepreneurs under state control (supervision)" about conducting routine checks on small business, where the monitoring activities can be carried out not earlier than three years from the date of its registration.

In 2009–2010 the second wave of sharp decline is observed. This is explained by the introduction into action of the Federal Law № 294-FL, 26.12.2008[1], that restricts scheduled and unscheduled inspections of small and medium business and toughens government measures for their implementation.

Interesting statistical indicators of a quantitative assessment of deception of consumers are represented (Figure 2).

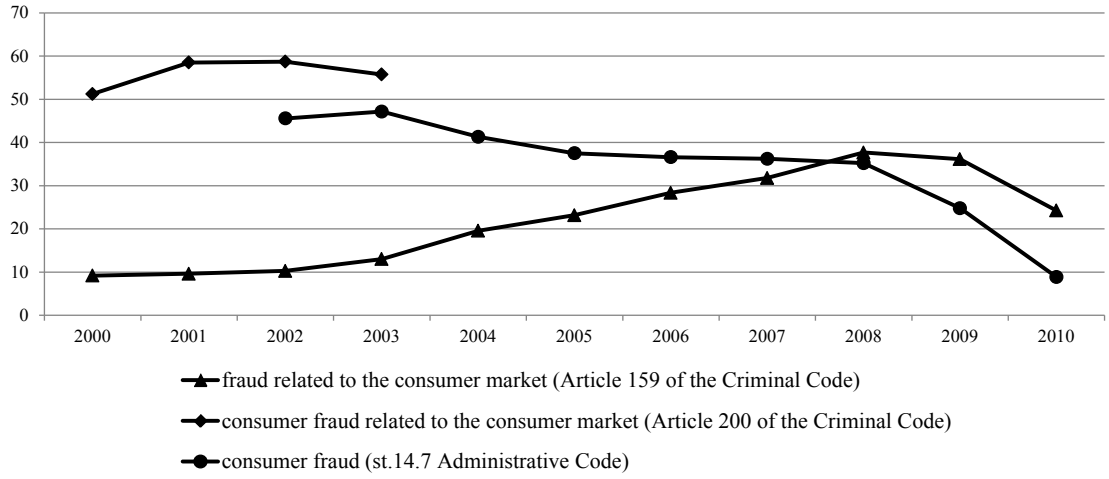

Figure 2: Analysis of detected offenses on deception of consumers, total for Russia, thousand units[2]

Some experts have the opinion that the abolition of the Article is concerned with the decriminalization[3] and the liberalization of the criminal policy of the State[4]. Indicators of statistics under Art. 200 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period from 2000 to 2004 show on the average 56 thousand violations, indicators under Art. 159 for the same period — 11 thousand violations. After the abolition of Art. 200 of the Criminal Code of the Russian Federation the indicator of statistics under Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation from 2005 to 2010 showed 28,000 violations, under Art 14.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (Administrative Code) after the abolition of the article negative dynamics is observed.

In general, the amount of offenses under articles «Consumer fraud» for the period from 2004 to 2010 compared to the period from 2000 to2003 has negative dynamics. The author of dissertation holds the opinion that it is not due to an active policy of the state aimed to protect the rights of consumers, but due to decriminalization and liberalization of criminal policy of the state.

So, the assessment of level of shadow economy is labor-consuming, due to interrelation of indicators of statistics with legislative base and high level of a latency of this phenomenon.

For the high-grade characteristic of a condition of the consumer market from the point of view of impact of threats, the author introduced the concept of economic safety of the consumer market which is defined as the state of protection of economic interests of participants in the consumer market from internal and external threats, which consists in the following:

- in providing consumers with the available, qualitative goods (works, services) in the sufficient range and quantity;
- in possibility for sellers — to conduct their activity without corruption expenses, excessive administrative pressure;
- in formation of the competitive environment for domestic producers of consumer goods and preservation of workplaces at reasonable attracting migrants.

Currently, three conditions of ensuring the economic security were identified, two of which were evaluated quantitatively. In the long term the expansion of conditions and their quantitative assessment is supposed.

II. Methodological tools

To solve the problem of assessing the situation on the consumer market under the influence of selected threats, we have created methodological tools for situational diagnostics.

[1] Федеральный закон Российской Федерации № 294-ФЗ от 26.12.2008 г. «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=103069

[2] Сборник по России. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации. За январь-декабрь 2003–2010 гг.; Сборник по России о преступности в сфере экономики. За январь-декабрь 2003–2010 гг.

[3] Астанин В. В., Долгова А. И. и др. Преступность в России и борьба с ней: региональный аспект. М., 2003. С. 5.

[4] Мещерин А. И. Обман потребителей: быть или не быть. [Электронный ресурс]. URL: http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0903/12.html

This technique is based on the indicative method of analysis[1]. In accordance with this approach, the diagnostics of the influence of threats on the state of the consumer market is made on the aggregate of criterial index numbers — indicators which allow quantifying the existence, nature and level of the threat manifestation and its dynamics. The level and nature of threats manifested on the consumer market is estimated by comparing the actual (current) values of the indicators and their threshold (criterial) values.

The assignment of the subject j on the reviewed indicator *i* for this or that situation is determined by the ratio between the values of the indicator X_{ji}^{t} and threshold values.

During the analysis of market condition it is important to get the condition assessments by individual indicators of the method and its comprehensive evaluation of the modules and the status indicative for the situation in general. To obtain these estimates, it is necessary to transform the indicators expressed in different measurement units to the index (normalized) form of calculating their values.

This conversion is being made by the following rules.

If in the system of original (named) units, lowering the value of indicative index number leads to deterioration of condition (conditionally such an indicator is called "decaying"), then its normalized value is determined by the following relation:

$$\begin{cases} \textit{если} \quad X_{ji}^{t} > X_{ПК1,ji}, \textit{то} \quad X_{ji}^{H} = 0; \\ \textit{если} \quad X_{ji}^{t} < X_{ПК1,ji}, \textit{то} \quad X_{ji}^{H} = \dfrac{X_{ПК1,ji} - X_{ji}^{t}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}}, \end{cases}$$

where X_{ji}^{H} is the normalized value of the *i* indicator for the *j* territory in the analyzed period, relative units.;

X_{ji}^{t} — factual value of the *i* indicator (value of the i indicator described in the named system of units) for the j territory in the analyzed period;

$X_{ПК1,ji}$ — threshold value of the initial stage of pre-crisis for the *i* indicator for the *j* territory in the original (named) system of units;

$X_{K1,ji}$ — threshold value of the unstable stage of crisis condition for the *i* indicator for the j territory in the original (named) system of units.

Basing on the similar expression, the normalized values for threshold levels of indicative index numbers of "decreasing" type are calculated, namely:

$$X_{ПК1,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{ПК1,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}} = 0;$$

$$X_{ПК2,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{ПК2,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}};$$

$$X_{ПК3,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{ПК3,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}};$$

$$X_{K1,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}} = 1;$$

$$X_{K2,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{K2,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}};$$

$$X_{K3,ji}^{H} = \frac{X_{ПК1,ji} - X_{K2,ji}}{X_{ПК1,ji} - X_{K1,ji}},$$

where $X_{ПК1,ji}^{H}, X_{ПК2,ji}^{H}, X_{ПК3,ji}^{H}, X_{K1,ji}^{H}, X_{K2,ji}^{H}, X_{K3,ji}^{H}$ — are, respectively, normalized threshold values of pre-crisis (initial, growing and critical) and crisis (unstable, threatening and emergency) levels for the i indicator of the j territory. At the same time, basing on the calculation algorithm, the value of $X_{ПК1,ji}^{H}$ always equals to zero, because thus value is the point of origin for calculating unfavorable conditions, while the value of $X_{K1,ji}^{H}$ always equals to one;

$X_{ПК2,ji}^{H}, X_{ПК3,ji}^{H}, X_{K1,ji}^{H}, X_{K2,ji}^{H}$ — are, respectively, threshold values of pre-crisis (initial, growing and critical) and crisis (unstable, threatening and emergency) levels for the *i* indicator of the j territory in the system of initial (named) units.

If in the system of initial (named) units, increasing the value of indicative index number leads to deterioration of condition (conditionally such an indicator is called "growing"), then its normalized value is determined by the following relation:

$$\begin{cases} \textit{если} \quad X_{ji}^{t} \le X_{ПК1,ji}, \textit{то} \quad X_{ji}^{t} = 0; \\ \textit{если} \quad X_{ji}^{t} > X_{ПК1,ji}, \textit{то} \quad X_{ji}^{H} = \dfrac{X_{ji}^{t} - X_{ПК1,ji}}{X_{K1,ji} - X_{ПК1,ji}}. \end{cases}$$

Just like in the previous case, the normalized threshold values of "growing" performance indicators are calculated.

Rules for classifying conditions by indicative index numbers based on standardized assessments are presented in Table 1.

[1] Экономическая безопасность Свердловской области/Под науч. ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.

Table 1: Classification of situations on indicative figures

State the situation	Sing	The ration of normalized values of indicators and thresholds
Normal situation	Н	$X_{ji}^{H} = 0 \; и \; X_{ji}^{t} \neq X_{ПК1,ji}$
Initial crisis	ПК1	$0 < X_{ji}^{H} < X_{ПК2,ji}^{H} \; или \; X_{ji}^{t} = X_{ПК1,ji}$
Developing crisis	ПК2	$X_{ПК2,ji}^{H} \leq X_{ji}^{H} < X_{ПК3,ji}^{H}$
Critical situation	ПК3	$X_{ПК3,ji}^{H} \leq X_{ji}^{H} < 1$
The unstable situation	К1	$1 \leq X_{ji}^{H} < X_{K2,ji}^{H}$
Threatening situation	К2	$X_{K2,ji}^{H} \leq X_{ji}^{H} < X_{K3,ji}^{H}$
State of emergency	К3	$X_{ji}^{H} \geq X_{K3,ji}^{H}$

A separate problem is the establishment of threshold values for indicative index numbers. As our conducted studies have shown, for a number of indicators, threshold values are territorially differentiated depending on the external conditions.

Because of the large uncertainty in the identification of the conditions basing on the situation, it is reasonable to simplify the procedure of threshold levels formation as much as possible, defining them using special classification methods based on the theory of discriminant analysis, only to distinguish the main conditions: normal, pre-crisis and crisis. Respectively, border (threshold) values $X_{ПК,ji}, X_{K,ji}$ are introduced, which coincide with $X_{ПК1,ji}, X_{K1,ji}$ values. As for intermediate stages of deepening crisis (pre-crisis), for these it is reasonable to introduce zones of equal intervals.

While using standardized assessments, the method of formation of the threshold values to distinguish zones of deepening crisis by levels has been tested and demonstrated practical suitability:

$X_{K2,ji}^{H} = 1.4X_{K1,ji}^{H}; X_{K3,ji}^{H} = 1.8X_{K1,ji}^{H}$

Respectively, normalized threshold values for pre-crisis 2 and pre-crisis 3 could be calculated using these formulas:

$$X_{ПК2,ji}^{H} = X_{ПК1,ji}^{H} + \frac{\left(1 - X_{ПК1,ji}^{H}\right)}{3} = 1 - \frac{2}{3}\left(1 - X_{ПК1,ji}^{H}\right) = \frac{\left(1 + 2X_{ПК1,ji}^{H}\right)}{3};$$

$$X_{ПК3,ji}^{H} = 1 - \frac{\left(1 - X_{ПК1,ji}^{H}\right)}{3} = \frac{\left(2 + X_{ПК1,ji}^{H}\right)}{3}.$$

In principle, the estimations received above are quite enough for the diagnostics of the condition of *j* subject on the *i* indicative index number. However, questions on the condition diagnostics using indicative modules and the overall situation remain unanswered. The solution of these problems is possible through the introduction of numerical score of a situation.

After determining the condition assessments on specific indicators, it is necessary to diagnose the conditions on indicative modules. These estimates can be obtained in several ways. As the experience of calculations[1][2], of economic, energy, social and demographic security, narcotic drugs situation and regions of the Russian Federation has shown, the most appropriate rule for calculating the degree of crisis situation both on individual indicative modules and as a whole, is the rule of weighted average normalized estimate, where scores on indicators are used as the weighing machine.

Determination of weighted average normalized estimation by the indicative module, but this time score assessments of crisis situation level by indicators act as the weights. In this case, the normalized assessment of the crisis degree by module is calculated using the formula:

$$C_{kj} = \frac{\sum_{i=1}^{N_{kj}} b_{ji} X_{ji}^{H}}{\sum_{i=1}^{N_{kj}} b_{ji}}$$

While using this method, all the normalized estimates by indicators that exceed the value of 2.5, are assumed to be equal to 2.5.

Similar to the previous two cases, after acquiring the normalized estimates by indicative modules, the crisis degree is estimated using them.

At the same time, this technique allows taking into account the specifics of a region, for example the analysis of a situation on the grocery supply of domestically produced goods. For the northern regions of Russia, where the climatic conditions do not allow agricultural activity, the thresholds are set below the average; for the southern regions these are set up above the average as we presuppose that the southern regions should not only provide grocery for their own region, but also for the northern regions.

Formation of indicative index numbers (indicators) within our technique is carried out on five indicative blocks:

1. Block of evaluation of the quality of consumer goods and services.
2. Block of food security assessment.

[1] Татаркин А. И., Куклин А. А., Мызин А. Л. и др. (2001)/Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации (вторая редакция). Ч. 1. Екатеринбург: УрО РАН. 70 с.

[2] Альбрехт Э. Г. и др. (2004) Моделирование состояния и прогнозирование развития региональных экономических и энергетических систем/под ред А. И. Татаркина, А. А. Макарова. РАН, УрО, Ин-т экономики, Ин-т теплофизики, Ин-т энергетических исследований. М.: ЗАО Издательство «Экономика». 462 с.

3. Block of non-food security assessment.
4. Block of services security assessment.
5. Block of consumer market participants' protectability.

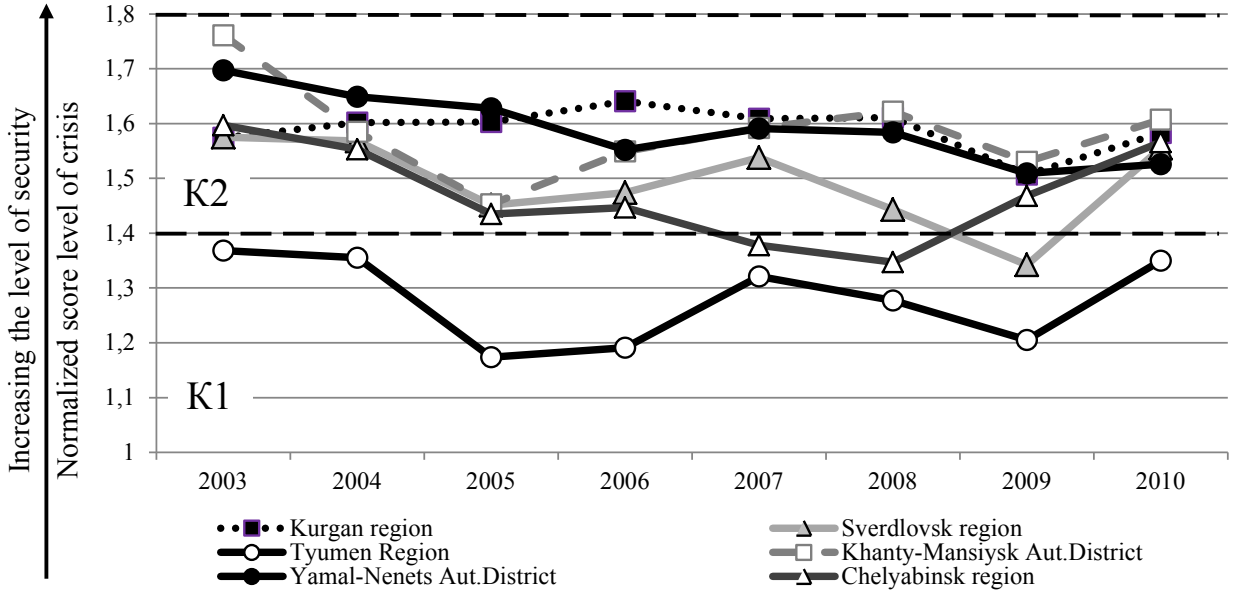
All in all the technique includes about 50 indicators which are calculated basing on over one hundred index numbers of the official statistics.

Informational base of this research contains data by the Federal State Statistics Service, Ministry of Healthcare and Social Development and Ministry of Internal Affairs of Russia; as well as empirical material contained in books and periodicals, on websites and our own studies.

This technique allows assessing the situation in the consumer market and can be adapted for further usage in other regions and countries.

III. The results obtained

The results of calculation of complex technique for diagnostics of the consumer market situation in terms of the destructive factors impact of the Ural Federal District subjects that are part of the Russian Federation, are presented in Figure 1.

Note. Status code for security: K1 — the unstable situation; K2 — threatening situation.

Figure 1: The result is a comprehensive assessment of the economic security of the consumer market actors UFD

During the period from 2003 to 2010, the most favorable situation is observed in Tyumen region (excluding the autonomous districts). During the analyzed period, the dynamics of economic security of the consumer market in the region is characterized as positive, this value of indicators relative to other entities of Ural Federal District is explained by the following facts: an increase in consumer prices is on average 10% lower, the amount of agricultural production is about 25% of the total production in the Ural Federal District, the region has only about 11% of the total population of the Federal District, and the quality of goods is 20% above the average level, the amount of fraud is 52% lower than, for example, in Sverdlovsk region.

The Yamalo-Nenets Autonomous District is characterized by positive dynamics — from 1.697 rel. units in 2003 to 1.526 rel. units in 2010, the change amounted to 10%, in the Khanty-Mansi Autonomous District — from 1.761 rel. units in 2003 to 1.607 rel. units in 2010, the change amounted to 9%.

The least unfavorable situation for the entire analyzed period on the block of non-food security for all subjects of the Ural Federal District and is characterized as a crisis emergency state. The most favorable situation is on food provision (excluding the Khanty-Mansi Autonomous District and the Yamalo-Nenets Autonomous District) is in Kurgan and Chelyabinsk regions — the situation is described as normal, in Sverdlovsk and Tyumen regions — as pre-crisis critical state (PCCS), in the northern regions (KMAD and YNAD) — as crisis emergency stage (CES). The overall situation in food security block is characterized as crisis threatening stage. This is due to the fact that on the indicators included in this block, such as the level of prices and quality of goods, this condition is estimated as crisis.

Despite the overall positive dynamics, on some blocks of the technique the situation has worsened — the block of consumer protectability estimation. So, in 2003 the situation was assessed as unstable crisis (C1) for Kurgan and Sverdlovsk regions and YNAD, in 2010 in these areas — as threatening crisis (C2), in Tyumen region in 2003 — as critical pre-crisis (CPC3), in 2010 — as threatening crisis; in this block, an improvement is observed only for KMAD — from emergency crisis (C3) in 2003 to threatening crisis (K2) in 2010.

IV. Conclusion

Thus, this conducted study allows us to make a conclusion that a set of measures aimed at the prevention of the threats for the development of the Russian consumer market is required, and, first of all, such activities should be aimed at improving the protectability level of the Russian consumer.

The study was supported by the project RFH research ("The consumer market in Russia: the diagnosis of branch and regional issues of formation, the development of measures to reduce the negative trends"), project number 12–32–01001a1

Senyshyn Oksana Stepanivna, Ivan Franko National University of Lviv, associate professor of management PhD, Associate Professor

Сэнышын Оксана Степановна, Львовский национальный университет имени Ивана Франко, доцент кафедры менеджмента

Theoretical and methodological analysis of the investigation of food security essence

Теоретико-методологический анализ исследования сущности продовольственной безопасности

Проблема продовольственной безопасности Украины в условиях становления рыночной экономики является той сферой общественного бытия, не теряет актуальности на любых этапах экономического развития общества. Наличие как положительных, так и негативных тенденций в сельском хозяйстве и уровень потребления продовольствия имеют непосредственное влияние на состояние благосостояния и уровня жизни населения.

Необходимость определить стратегические направления агропродовольственной политики государства, обеспечивает эффективное развитие агропромышленного комплекса как основы продовольственного обеспечения населения в соответствии с рациональных норм питания на основе повышения физической и экономической доступности продуктов питания различных социальных групп населения, требует разработки соответствующих теоретико-методологических основ продовольственной безопасности, формирования ее концепции, количественных и качественных параметров продовольственной безопасности, организационно-экономических и социальных механизмов обеспечения.

Именно эти составляющие предопределяют необходимость комплексного системного обоснования основных теоретико-методологических подходов к формированию устойчивой системы продовольственной безопасности в условиях формирования рыночного хозяйства и определяют актуальность темы исследования.

Отдельные вопросы организационно-экономического механизма обеспечения продовольствием, формирования и функционирования рынков агропромышленной продукции нашли отражение в научных работах В. Г. Андрийчука, А. Ф. Балацкого, Г. И. Башнянина, И. К. Быстрякова, Б. М. Данилишина, С. И. Демьяненко, Л. В. Дейнеко, Я. В. Коваля, В. И. Криворучко, И. И. Лукинова, Е. И. Майовца, Л. Г. Мельника, И. Г. Михасюка, В. С. Мищенко, Я. Б. Олейника, О. М. Онищенко, О. М. Паламарчука, Б. И. Пасхавера, П. Т. Саблука, В. М. Трегобчук, А. М. Третьяка, В. Я. Шевчука, Л. А. Шепотько, О. М. Шестопал, И. Д. Якушика и других.

Среди зарубежных ученых следует отметить В. Агаева, Л. Абалкина, И. Богданова, А. Богомолова, С. Ильина, Б. Кумахова и других. Однако исследование теоретических и прикладных вопросов формирования, функционирования и регулирования организационно-экономического механизма продовольственной безопасности в Украине в рыночных условиях не является исчерпанными и требуют дальнейшего решения.

В современных условиях развития рыночных отношений продовольственной безопасности посвящен целый ряд научных работ отечественных и зарубежных ученых, однако как в научной литературе, так и в официальных документах отсутствует единая точка зрения на данное понятие, а определение термина является обобщенным и не отражает всего комплекса проблем, связанных с обеспечением продовольственной безопасности.

Среди наиболее распространенных определений можно выделить следующие трактовки:

— Состояние продовольственной безопасности характеризуется определенным уровнем обеспеченности страны продуктами питания отечественного производства[1];

— Состояние продовольственной безопасности определяется по наличию на национальном продовольственном рынке достаточного количества продовольствия (независимо от места производства этой продукции);

— Состояние продовольственной безопасности государства характеризуется двумя критериями: наличием на продовольственном рынке страны продуктов питания в достаточном количестве для поддержания активного и здорового образа жизни всего населения и доступностью продуктов питания для всех слоев населения[2].

Этимологически понятие "продовольственная безопасность" происходит от английского термина "food safety" или "food security", что переводится как "продовольственная безопасность" или "продовольственное обеспечение".

Стоит отметить и то, что сам термин "продовольственная безопасность" был введен в международную практику после зернового кризиса 1972–1973 годов продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН — ФАО (Food and Agriculture Organization), в результате чего был создан Комитет по обеспечению продовольственной безопасности. Официально принятый в мировой практике термин сегодня используется для характеристики состояния продовольственного рынка и, в целом, экономики страны или группы стран, а также мирового рынка продовольствия[3].

Так, в научной литературе продовольственную безопасность любого государства согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) объясняют как способность государства обеспечить физическую и экономическую доступность продуктов питания всем гражданам и социальным группам страны, которая гарантирована наличием собственного производства продовольствия и принятием социальной политики, обеспечивающей достаточный прожиточный минимум.

При изучении истории данного вопроса, отечественного и зарубежного опыта, Ю. В. Ткаченко, и Л. В. Громоздова пришли к выводу, что видение продовольственного обеспечения, продовольственной безопасности, нормативы потребления про-

[1] Кириленко І. Г. Проблеми з продовольчої безпеки України не існує/І. г. Кириленко//Пропозиція. – 2001. – № 3. – С. 18–19.

[2] Гойчук О. І. Продовольча безпека: структура, рівні та критерії забезпечення/О. І. Гойчук//Загальні проблеми економіки. – 2003. – № 12. – С. 23–24.

[3] Коровкин В. Мировой опыт обеспечения продовольственной безопасности / В. Коровкин, Г. Якушкина //Международний сельскохозяйственный журнал. – 2008. – № 6. – С. 38–41.

довольствия различаются в разные времена, в разных странах и разных социальных группах. С точки зрения сухой экономической теории обеспечения продовольствием является прежде всего процессом воспроизводства умственной энергии производительной силы общества, накоплением потенциальной трудовой энергии в подрастающих трудовых ресурсах. Авторы убеждены, что продовольственная проблема всегда решалась с перекосами: наличие денег у населения не обеспечивалась достаточным продовольственным покрытием или наоборот, перепроизводство продуктов питания не подкреплялось денежной массой в руках населения, что делало их недоступными для пользователя[1].

Интересное мнение известных ученых-экономистов в сфере продовольствия А. И. Гойчук и В. И. Курило, которые определяют продовольственную безопасность как гарантированную способность государства удовлетворять потребности населения в лице каждого гражданина продуктами питания в необходимом объеме, ассортименте и качестве на уровне, обеспечивающем его здоровья и интеллектуальное развитие[2]. Также в монографии "Продовольственная безопасность" автор А. И. Гойчук рассматривает национальную продовольственную безопасность в широком смысле, которую трактует как состояние экономики в целом.

По мнению А. В. Шубравского термин "продовольственная безопасность" отражает защищенность населения страны, в том числе его беднейших слоев, по уровню и качеству потребляемого продовольствия. А достижения продовольственной безопасности определяется ученым как решение триединой проблемы: обеспечение устойчивости объемов, рациональной структуры и качественной безопасности продовольственного потребления[3].

Согласно экологическим подходом, который поддерживают известные ученые Н. Царенко, П. А. Тархов[4], Б. М. Миркин, Р. М. Хазнахметов[5], под продовольственной безопасностью понимают обеспечение населения экологически чистой, безопасной для здоровья пищей, которая не содержит веществ, способных причинить вред здоровью потребителей и будущих поколений.

Системный подход к продовольственной проблемы отражены в трудах А. И. Гойчук[6] — известного ученого-экономиста о взглядах которого по трактовок термина "продовольственная безопасность" уже было упомянуто выше, в своих публикациях предложил свое видение системной модели формирования продовольственной безопасности, уровне и критерии их обеспечения. Учитывая системный анализ, он подходит к теоретическому построению системы продовольственной безопасности.

Вопрос количественного определения состояния продовольственной безопасности государства исследуют ученые в области изучения продовольственной безопасности А. В. Кочетков и Р. В. Марков[7]. Они построили графическую модель состояния национального продовольственного рынка. Также в их трудах упомянуто о системе индикаторов продовольственной безопасности в разработке которой принимали участие вышеупомянутый ученый А. И. Гойчук и М. И. Хорунжий[8].

Учитывая вышеупомянутые мнения известных ученых, общепринято считать, что страна находится в состоянии продовольственной безопасности, если она способна обеспечить достаточное питание всем своим гражданам при нормальных условиях и минимально необходимое — при чрезвычайных обстоятельствах.

Однако, продовольственную безопасность нельзя рассматривать только с позиции обеспечения продуктами питания. В условиях глобализации последствия потери продовольственной безопасности необходимо оценивать комплексно, т. е. с позиций экономики и политики, законодательного поля, социальной и этической составляющей в целом жизнеобеспечения населения.

Основные принципы правового обеспечения национальной продовольственной безопасности закреплены в Конституции Украины. Согласно ч. 1. ст. 17 вышеприведенного документа, защита суверенитета и территориальной целостности Украины, обеспечение ее экономической и информационной безопасности являются важнейшими функциями государства, делом всего украинского народа[9]. Так, ст. 1 Закона Украины "О безопасности и качестве пищевых продуктов" от 23 декабря 1997 года, устанавливает, что безопасным является пищевой продукт, который не создает вредного влияния на здоровье человека непосредственно или косвенно в условиях его производства и обращения с соблюдением требований санитарных мер и потребления по назначению[10]. Согласно п. 2.13. ст. 2 Закона Украины "О государственной поддержке сельского хозяйства Украины" от 24 июня 2004 года, продовольственную безопасность определена как защищенность жизненных интересов человека, выраженная в обеспечении государством беспрепятственного экономического доступа человека к продуктам питания с целью поддержания ее обычной жизненной деятельности[11].

---

[1] Ткаченко Ю. В. Продовольчий аспект – найважливіша складова життєвого рівня населення/Ю. В. Ткаченко, Ю. В. Громоздова// Формування ринкових відносин в Україні. – 2006. – № 12. – С. 153.

[2] Гойчук О. І. Продовольча безпека та необхідність її правового забезпечення/О. І. Гойчук, В. І. Курило//Адвокат. – 2006. – № 3. – С. 3–5.

[3] Шубравська О. В. Сталий розвиток агропродовольчої системи України/О. В. Шубравська. – К. : Інститут екон. НАН України, 2002. – С. 108–109.

[4] Царенко О. М. Екологізація виробництва як основа продовольчої безпеки України/О. М. Царенко, П. В. Тархов//Економіка АПК. – 2001. – № 5. – С. 51–52.

[5] Миркин Б. М. Устойчивое развитие – продовольственная безопасность/ Б. М. Миркин, Р. М. Хазнахметов//Агроэкология. – 2000. – № 3. – С. 7–9.

[6] Гойчук О. І. Продовольча безпека : [монографія]/О. І. Гойчук. – Житомир : Полісся, 2004. – 348 с.

[7] Кочетков О. В. Формування системи показників продовольчої безпеки України/О. В. Кочетков, Р. В. Марков//Економіка АПК. – 2002. – № 9. – С. 36.

[8] Хорунжий М. І. Особливості формування ринку продовольства в Україні : [монографія у 4-х частинах] /М. І. Хорунжий/За ред. П. Т. Саблука. – Київ : ІАЕ УААН, 2002. – С. 132–138.

[9] Конституція України: станом на 28 червня 1996 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу до норм.-правов. докум. : http :// www.zakon.rada.gov.ua.

[10] Закон України "Про безпечність та якість харчових продуктів" : станом на 23 грудня 1997 р. № 771/97-ВР//Відомості Верховної Ради України. – 1998. – № 19. – С. 98.

[11] Закон України "Про державну підтримку сільського господарства України" : станом на 24 червня 2004 р. № 1877-IV//Відомості Верховної Ради України. – 2004. – № 49. – С. 527.

В Приказе Министерства экономики Украины "Об утверждении методики расчета уровня экономической безопасности Украины" от 2 марта 2007 года, продовольственная безопасность трактуется как уровень продовольственного обеспечения населения, который гарантирует социально-экономическую и политическую стабильность в обществе, устойчивый и качественный развитие нации, семьи, лица, а также устойчивое экономическое развитие государства в целом[1].

Заметим, что Проект Закона Украины "О продовольственной безопасности Украины" от 28 апреля 2011 года, который является основой в решении проблемы продовольственной безопасности, определяет правовые, экономические и организационные основы деятельности государства, направленной на защиту национальных интересов и гарантирование в Украине продовольственной безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, и устанавливает ответственность государства за надлежащий уровень питания населения.

Положение законопроекта "О продовольственной безопасности Украины" определяют аграрную политику по обеспечению продовольственной безопасности и является основой для разработки нормативно-правовых актов, целевых программ развития и проектов, касающихся вопросов формирования продовольственной безопасности государства. Согласно ему, понятие продовольственной безопасности государства трактуется как социально-экономическое и экологическое состояние в государстве, при котором все ее граждане стабильно и гарантированно обеспечены продовольствием в необходимом количестве, ассортименте и соответствующего качества[2].

Проанализировав в этом исследовании содержание понятия "продовольственная безопасность", считаем, что продовольственная безопасность является важным составным элементом национальной государственной безопасности и в этом качестве характеризует экономическую устойчивость и политическую независимость существующей системы, ее способность обеспечивать первичные потребности граждан, не создавая препятствий национально-государственным интересам.

По нашему мнению целесообразно выделить три аспекта трактовки понятия "продовольственная безопасность".

Первый — социально-экономический, характеризующий способность государства обеспечить своим гражданам потребление основных продуктов питания в соответствии с принятыми стандартами и нормами. Этот аспект трактуется Римской декларацией по всемирной продовольственной безопасности как необходимость обеспечивать "право каждого на доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания в соответствии с правом на адекватное потребление и основного права на жизнь"[3].

Второй аспект — политико-экономический. Он характеризует способность государства к мобилизации внутренних резервов и агроэкополитичного потенциала страны для организации снабжения населения продовольствием преимущественно за счет собственного производства и тем самым гарантировать экономическую самостоятельность и политический суверенитет.

Третий аспект — превентивный. Здесь продовольственная безопасность включает готовность государства к предотвращению и ликвидации нарушений системы обеспечения страны и отдельных ее регионов продуктами питания при стихийных мерах или других чрезвычайных ситуациях. Для этого необходимы достаточное количество и эффективные системы восстановления и использования стратегических запасов продовольствия.

Список литературы:

1. Гойчук О. І. Продовольча безпека та необхідність її правового забезпечення/О. І. Гойчук, В. І. Курило//Адвокат. — 2006. — № 3. — С. 3–5.
2. Гойчук О. І. Продовольча безпека: структура, рівні та критерії забезпечення/О. І. Гойчук//Загальні проблеми економіки. — 2003. — № 12. — С. 23–28.
3. Гойчук О. І. Продовольча безпека: [монографія]/О. І. Гойчук. — Житомир: Полісся, 2004. — 348 с.
4. Закон України "Про державну підтримку сільського господарства України": станом на 24 червня 2004 р. № 1877-IV//Відомості Верховної Ради України. — 2004. — № 49. — С. 527.
5. Закон України "Про безпечність та якість харчових продуктів": станом на 23 грудня 1997 р. № 771/97-ВР//Відомості Верховної Ради України. — 1998. — № 19. — С. 98.
6. Кириленко І. Г. Проблеми з продовольчої безпеки України не існує/І. Г. Кириленко//Пропозиція. — 2001. — № 3. — С. 18–23.
7. Конституція України: станом на 28 червня 1996 р. [Електронний ресурс]. — Режим доступу до норм.-правов. докум.: http://www.zakon2.rada.gov.ua.
8. Коровкин В. Мировой опыт обеспечения продовольственной безопасности/В. Коровкин, Г. Якушкина//Международний сельскохозяйственный журнал. — 2008. — № 6. — С. 38–41.
9. Кочетков О. В. Формування системи показників продовольчої безпеки України/О. В. Кочетков, Р. В. Марков//Економіка АПК. — 2002. — № 9. — С. 36–43.
10. Миркин Б. М. Устойчивое развитие — продовольственная безопасность/Б. М. Миркин, Р. М. Хазнахметов//Агроэкология. — 2000. — № 3. — С. 7–11.
11. Наказ Міністерства економіки України "Про затвердження Методики розрахунку рівня економічної безпеки України": станом на 2 березня 2007 р. № 60//Офіційний вісник України. — 2007. — № 73.
12. Проект Закону України "Про продовольчу безпеку України": станом на 28 квітня 2011 р., № 8370–1 [Електронний ресурс]. — Режим доступу до норм.-правов. докум.: http://search. ligazakon. ua/l_doc2.nsf/link1/JF6GI01A.html.
13. Римская декларация по Всемирной продовольственной безопасности//АПК, экономика, управление. — 1997. — № 2.

[1] Наказ Міністерства економіки України "Про затвердження Методики розрахунку рівня економічної безпеки України" : станом на 2 березня 2007 р. № 60//Офіційний вісник України. – 2007. – № 73.

[2] Проект Закону України "Про продовольчу безпеку України" : станом на 28 квітня 2011 р., № 8370–1 [Електронний ресурс]. – Режим доступу до норм.-правов. докум. : http ://search. ligazakon. ua/l_doc2.nsf/link1/JF6GI01A.html.

[3] Римская декларация по Всемирной продовольственной безопасности//АПК, экономика, управление. – 1997. – № 2.

14. Ткаченко Ю. В. Продовольчий аспект — найважливіша складова життєвого рівня населення/Ю. В. Ткаченко, Ю. В. Громоздова//Формування ринкових відносин в Україні. — 2006. — № 12. — С. 152–155.
15. Хорунжий М. І. Особливості формування ринку продовольства в Україні: [монографія у 4-х частинах]/М. І. Хорунжий/За ред. П. Т. Саблука. — Київ: ІАЕ УААН, 2002. — 484 с.
16. Царенко О. М. Екологізація виробництва як основа продовольчої безпеки України/О. М. Царенко, П. В. Тархов//Економіка АПК. — 2001. — № 5. — С. 51–54.
17. Шубравська О. В. Сталий розвиток агропродовольчої системи України/О. В. Шубравська. — К.: Інститут екон. НАН України, 2002. — 203 с.

Timoshenko Marina Viktorovna
State Academy of Finance, Dnepropetrovsk
Docent, Doktor, Department of of Finance and Public Administration
Тимошенко Марина Викторовна
Днепропетровская государственная финансовая академия,
доцент кафедры финансов и государственного управления

Ukrainian practice of strategic planning in the budget process to ensure sustainable economic growth

Украинская практика стратегического бюджетного планирования в процессе обеспечения устойчивого экономического роста

В Украине, как и в других государствах, внедрение запланированных социально-экономических реформ тесно связано с бюджетным потенциалом страны. Улучшение жизни общества в значительной степени зависит от финансовой устойчивости, которая определяется финансовым состоянием государственного бюджета, и характеризуется преимущественно оптимальным размером показателей чистой позиции государственных финансов как результата среднесрочного/долгосрочного прогнозирования и планирования бюджетных поступлений и расходов

Стимулирование реформ и их обеспечение в значительной мере реализуется посредством государственного бюджета. Адекватное бюджетное планирование является главным приоритетом в реализации устойчивого роста экономики страны в целом.

В Украине в последнее время наблюдается неэффективное бюджетное планирование, что является пережитком устаревшей системы планового хозяйства. Неэффективность наполнения бюджета предопределяет невозможность комплексного выполнения стратегического план реформ, устойчивого экономического развития в целом. Необычайно актуальной является проблема разработки направлений стратегического бюджетного планирования в процессе обеспечения конкурентоспособности развития национальной экономики.

Это подтверждается, прежде всего, наличием кризисных явлений в современной украинской экономике, прежде всего выраженных в масштабных уклонениях от уплаты налогов, тенизации хозяйственной деятельности частного сектора, что приводит к уменьшению налоговых поступлений в бюджет. Так, по данным Минэкономразвития Украине интегральный показатель первого квартала 2012 года по сравнению с соответствующим периодом 2011 года, «вырос на 0,4 пункта, но его округления до целого значения показало постоянный уровень тенизации — 34%»[1].

Имеет место невыполнение основных бюджетных показателей, таких как потери из бюджета по налогу на прибыль и НДС, вследствие использования предпринимательскими структурами различных теневых схем (уменьшения налоговых обязательств за счет предприятий -минимизаторов и других).

Только в результате тенизации подакцизных товаров потери поступлений от акцизного налога в государственный бюджет Украины в 2011 году оцениваются в 1,8 млрд. гривен[2]. Это, конечно, выступает деструктивным фактором экономической стабильности. Следовательно, стратегическое бюджетное планирование в процессе обеспечения устойчивого экономического развития является важной научной и практической проблемой в современных экономических условиях в Украине.

Практика ЕС особым образом влияет на развитие отечественного стратегического планирования. С использованием европейских опыта исследуются проблемы стратегического среднесрочного и долгосрочного бюджетного планирования, анализируются различные методы и подходы к планированию и прогнозированию государственных финансов в контексте реализации программных основ экономических реформ до 2014 года.

Стратегическое бюджетное планирование, как и любая стратегия, представляется в первую очередь комплексом определенных мероприятий, целью которых является достижение определенного результата. Именно поэтому в первую очередь необходимо рассматривать данную категорию в контексте дефиниции стратегического планирования в целом.

Учитывая позиции украинских теоретиков и практиков, с одной стороны имеет место отождествление понятий «стратегия» и «стратегический план», а с другой — их неоправданная «автономизация «. Прежде всего, следует согласиться с определением

[1] Зануда А. Уряд: тінь росте. Експерти: нічого дивного [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/business/2012/08/120830_ukraine_shadow_economy_growing_az.shtml

[2] Про основні показники виконання Державного бюджету України за 2011 рік, підсумки роботи та стратегічні напрями на 2012 рік Державної податкової служби, Державної митної служби, Державної фінансової інспекції, Державної пробірної служби України, Державної служби фінансового моніторингу України та Державної казначейської служби України [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http: *www.minfin.gov.ua*

стратегии как обобщенной модели будущего состояния страны в целом и ее регионов в частности, а также плановых действий для его достижения. Концептуальная составляющая определяет ключевые направления развития, основные целевые ориентиры и приоритеты, а детерминированная устанавливает конкретные средства достижения стратегических целей, оформленных в проекты.

Стратегический план должен быть: инструментом установления, документального оформления и внедрения в повседневную деятельность «стратегического набора»; определенного сроками действия и расходами; ориентированными на будущее; гибким, реагирующим на изменения в среде; четким, прозрачным; приемлемым для исполнения [1].

Стратегическое планирование — это процесс планирования, оптимизации и прогнозирования результатов, направленный на достижение конкретного эффекта или изменений базирующийся на территориально-временных принципах реализации, параметрах управления и контроля запланированных мероприятий.

Стратегическое планирование в современных украинских экономических реалиях реализуется в основном в рамках государственных программ. Однако, важность данного направления деятельности подчеркивается развитием не только программ реформирования, но и нормативными основами государственного стратегического планирования в целом. Так, проект Закона Украины «О государственном стратегическом планировании» от 03 ноября 2011 года [2] отражает правовые, экономические и организационные направления формирования целостной системы государственного стратегического планирования развития страны, основы разработки, утверждения, выполнения, мониторинга документов государственного стратегического планирования, а также определяет полномочия участников такого планирования.

Необходимо отметить, что в следующей редакции данного документа механизмы реализации стратегического планирования должны быть более обоснованными, например определение периода разработки государственной стратегия развития Украины на 10 лет не имеет конкретного обоснования данного временного отрезка.

Важным вопросом остается непосредственно субъект законодательной инициативы согласно пункту 1 статьи 9 законопроекта, где определено, что такой документ, как Стратегия развития Украины разрабатывают центральные органы исполнительной власти — министерства, с последующим одобрением и утверждением Кабинетом Министров Украины и Президентом Украины. Однако, государственный бюджет Украины, являющийся основным источником финансирования Стратегии развития, принимается именно законодательным органом власти — Верховной Радой, которая фактически устраняется от процесса разработки стратегии развития.

Весомым недостатком проекта остается несогласованность долго-средне-и краткосрочных перспектив составления документов в рамках стратегии. Жесткая привязка к императивной согласованности и соответствия таких документов создает, эффект «матрешки», когда, согласно пунктам 2 и 3 Статьи 6 законопроекта документы, составленные на долгосрочную перспективу, поглощают документы, составленные на средне-и краткосрочную перспективу. Эти и другие недостатки указывают на необходимость основательного доработки данного законопроекта.

Кроме этого, в системе нормативного обеспечения стратегического планирования развития Украины существенное значение имеет такой документ, как Программа экономических реформ на 2010–2014 годы [3], подготовленная Комитетом по экономическим реформам при Президенте Украины. Программа отображает основные направления стратегических преобразований, среди которых приоритетным является обеспечение устойчивости государственных финансов. Кроме этого, стратегическими направлениями улучшения украинской экономики являются: модернизация налоговой системы, базовых отраслей энергетики и инфраструктуры, переход от дотаций к самоокупаемости производства и социальных услуг, повышения эффективности и стабильности социальной защиты, реформирование системы государственного управления и т. д. Положительным аспектом данной программы является определение принятия конкретных законов касательно экономического реформирования, среди которых значительное место отведено оздоровлению финансово-бюджетного сектора и системы налогообложения, которые, должны существенно увеличить поступления в государственный бюджет, обеспечить устойчивость государственных финансов и легализовать теневой сектор экономики. Однако, Программа имеет исключительно стратегический характер и закладывает основы нормативно-правовой конкретизации устойчивого экономического развития государства.

Среди других документов в системе государственного стратегического планирования в целом и в системе стратегического бюджетного планирования частности, необходимо упомянуть о: бюджетном кодексе Украины от 08 июля 2010 года; законе Украины «О государственном прогнозировании и разработке программ экономического и социального развития Украины» от 23 марта 2000 года; постановлении КМУ «О разработке прогнозных и программных документов экономического и социального развития и составления проекта государственного бюджета» от 26 апреля 2003 года; законе Украины «О государственных целевых программах» от 18 марта 2004 года; постановлении КМУ «Об одобрении Прогноза показателей сводного бюджета Украины по основным видам доходов, расходов и финансирования на 2011–2013 годы» от 12 сентября 2009 года [4].

Эти нормативные акты, вместе с упомянутыми выше и другими документами создают нормативно-правовое поле для стратегического планирования в Украине.

В то же время, четко не обозначена объективная связь государственного стратегического планирования со стратегическим бюджетным и налоговым планированием и прогнозированием. В этом смысле необходимо обратить внимание на то, что государственное стратегическое планирование должно выступать направляющим императивом для стратегического бюджетного планирования.

---

[1] Жаворонков В. О. Стратегічне планування економічного розвитку на регіональному рівні: автореф. дис… канд. екон. наук: 08.00.03/В. О. Жаворонков; Н.-д. екон. ін-т М-ва економіки України. — К., 2009. — 20 с

[2] Проект Закону України "Про державне стратегічне планування" від 03 листопада 2011 року [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?pf3511=41685

[3] Програма економічних реформ на 2010–2014 роки "Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава" [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://municipal.gov.ua/articles/show/article/54

[4] Законодавство України [Електронний ресурс]. — Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/main

Важность этой связи подтверждает Л. В. Фещенко, в частности отмечая, что формирование обоснованной стратегии на государственном уровне является первоочередной задачей государственной власти, в решении которого существенную роль играет эффективная организация процессов бюджетного планирования и прогнозирования. Они являются действенными инструментами управления бюджетными средствами, которые улучшают качество принятия финансовых решений, позволяющих определить альтернативные пути решения проблемных вопросов в организации бюджетного процесса, способствуют открытости и прозрачности принятия управленческих решений. Ученый подчеркивает, что бюджетное планирование и прогнозирование как специфические виды экономической деятельности требуют таких методов реализации, которые в полной мере отвечали требованиям современности. Любая страна, и особенно в кризисный период, без качественного бюджетного планирования и прогнозирования не способна обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического развития [1].

В этом контексте необходимо отдельно выделить стратегические основы бюджетного планирования. На наш взгляд, важнейшей целью стратегического бюджетного планирования является обеспечение фискальной устойчивости государственного бюджета.

Под фискальной устойчивостью (англ. fiscal sustainability) обычно понимают обеспечение такого текущего сальдо бюджета, который гарантирует фискальную платежеспособность (англ. fiscal solvency) — беспрепятственное обслуживание государственного долга на долгосрочную перспективу [2]. Фискальная устойчивость характеризует многопериодное бюджетное ограничение на основе доступных фактических данныхм- реальной процентной ставки, обменного курса, темпов роста ВВП и т. д. [3].

В этом контексте важно подчеркнуть, что в процессе стратегического бюджетного планирования необходимо учитывать критерии обеспечения безопасного уровня государственного долга, когда в условиях фискальной устойчивости не будет необходимости увеличивать ставки налогообложения или изменять государственные расходы. Стратегическое бюджетное планирование должно обязательно быть направлено на согласованность дефицита бюджета с инфляционными процессами, темпами роста ВВП и другими экономическими показателями, что и представляет сущность фискальной устойчивости.

Платежеспособность выступает тем фактором, который уже является продуктом стратегического бюджетного планирования и результатом прогноза поступлений и расходов, и является основой фискальной устойчивости государственного бюджета.

В системе стратегического бюджетного планирования в современных экономических реалиях для Украины центральное место занимает проблема эффективного среднесрочного бюджетного планирования, как наиболее эффективного в процессе реализации реформ и антикризисной стабилизации государственных финансов.

Как считают ученые, такие как О. В. Майборода, Р. А. Чемчикаленко, А. Е. Майборода, основным недостатком бюджетного процесса до сегодняшнего дня было систематическое нарушение бюджетной дисциплины, дополнительно осложнялось краткосрочным сроком расчета плановых показателей [4]. Поэтому в процессе разработки эффективных направлений стратегического бюджетного планирования необходимо в первую очередь акцентировать внимание на среднесрочном бюджетном проектировании.

В Украину среднесрочное планирование расходов бюджета было начато еще в 2001 году, а именно — были использованы элементы среднесрочного бюджетного планирования при подготовке бюджетных запросов на 2002 год.

Однако некоторые главные распорядители восприняли данное нововведение по прогнозированию расходов на среднесрочную перспективу как возможность показать свою потребность в бюджетных средствах на выполнение программ заранее и не учли необходимость определения и обеспечения приоритетов среди бюджетных программ [5].

Среднесрочное бюджетное планирование способствует определению главными распорядителями бюджетных средств плана своей деятельности на среднесрочный период и объема необходимых средств для достижения целей в среднесрочной перспективе на основании Программы деятельности Кабинета Министров Украины. Определение направлений и задач деятельности с учетом объема имеющихся финансовых ресурсов является обязательным условием среднесрочного планирования бюджета. Целью среднесрочного бюджетного планирования является соответствие процесса формирования и исполнения бюджетов стратегическим планам развития государства и отдельных административно-территориальных единиц; внедрение механизма анализа и оценки эффективности использования бюджетных ресурсов и обеспечение планирования деятельности главными распорядителями бюджетных средств.

Современным Бюджетным кодексом Украины предусмотрено применения программно-целевого метода планирования посредством составления прогноза бюджета на следующие за плановым два бюджетных периода [6]. Предложенный подход к планированию основан на использовании метода прогнозирования «скользящего среднего».

На взгляд И. В. Запатриной, основными принципами, которые должны быть учтены при среднесрочном планировании формирования и исполнения бюджетов по программно-целевому методу, должны стать следующие:

• Процесс среднесрочного прогнозирования бюджета должен иметь имитационно-сценарный характер;

• а основе среднесрочного прогнозирования бюджета необходимо очертить круг проблем, которые могут возникнуть в течение среднесрочного периода;

---

[1] Фещенко В. Л. Вдосконалення бюджетного планування і прогнозування//Вісник економіки транспорту і промисловості — № 34. — 2011. — С. 154–157.

[2] Dinh H. Fiscal solvency and sustainability in economic management//World Bank Policy Research Working Paper No. 2213. — Washington: World Bank, 1999. — 32 p.

[3] Копич Р. І. Практичні підходи до визначення фіскальної стійкості країн Центральної та Східної Європи/*Р.* І. *Копич*//Економіка і прогнозування. — 2011. — № 3. — С. 42–60.

[4] Майборода О. В., Чемчикаленко Р. А., Майборода О. Є. Середньострокове бюджетне планування в контексті бюджетного кодексу//Весник национального технического университета «ХПИ». Сборник научных трудов. Тематический выпуск. «Технический прогресс и эффективность производства». — 2010. — № 59. — С. 34–41

[5] Мигович Т. М. **Середньострокове планування в системі організації формування та виконання бюджетів за програмно-цільовим методом**//*Актуальні проблеми розвитку економіки регіону.* **— Випуск 5. — 2009. — С. 249–254.**

[6] Бюджетний кодекс України: затверджений Верховною Радою України 08.07.2010 № N 2456-УІ/Верховна Рада України. — Офіційний вісник України від 13.08.2010, — № 59. — С. 9.

• Опираясь на полученные среднесрочные прогнозы бюджета, следует разработать комплекс мер по корректировке политики государства в сфере формирования доходов и осуществления расходов бюджета;

• Основываясь на результатах среднесрочного прогноза бюджета, следует оценить объем расходов в разрезе главных распорядителей бюджетных средств по годам соответствующего периода и довести до их сведения указанные объемы ожидаемого бюджетного финансирования как предельные [1].

Достижения определенных задач предоставляет возможность для перехода на следующий этап бюджетного прогнозирования — определение стратегических задач и сроков их реализации. Обоснование целей начинается с выделения основной (генеральной) цели, воплощается в рамках реализации государственной политики, а также нескольких отдельных подцелей, которые разрабатываются для достижения основной. С методологической точки зрения существующими нормативно-правовыми актами не определены унифицированные правила в отношении формулировки системы целей органов власти и управления, и сегодня существует множество подходов к ее формированию.

Именно поэтому приобретает важность необходимость разработки адекватной стратегии инклюзивного развития методологии среднесрочного планирования, согласно которой экономический рост должен охватывать все направления развития национальной экономики. Именно здесь основным фактором, который повлияет на обеспечение инклюзивного развития выступает концепция фискальной устойчивости, которая должна занимать центральное место в контексте стратегического бюджетного планирования.

Для более полного понимания данной концепции необходимо обратиться к опыту тех стран, которые уже реализовали управления экономическим развитием на основе инклюзивного роста. В своей государственной политике этот подход использовали Ботсвана, Бразилия, Гонконг (Китай), Индонезия, КНР, Южная Корея, Малайзия, Мальта, Оман, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Япония. Концепция инклюзивного роста, использованная этими странами, включала в себя перечень компонентов, среди которых — макроэкономическая стабильность, умеренная инфляция и устойчивые государственные финансы (непосредственно при адекватном бюджетном планировании и строгом контроле над увеличением государственного долга). Именно анная концепция сыграла ключевую роль в их стабильном экономическом росте [2].

Для украинских реалий в этом процессе основную роль в сфере государственного стратегического планирования и стратегического бюджетного планирования частности играют государственные органы, среди которых Кабинет Министров Украины и Министерство финансов Украины разрабатывают и реализуют стратегические направления единой государственной финансовой политики, проектирует Закон Украины «О государственном бюджете Украины «и обеспечивает реализацию и выполнение всех законов, касающихся государственной финансовой политики. В этом контексте при разработке государственной стратегии развития Украины работа Кабинета Министров Украины и Министерства финансов Украины быть синхронизирована с работой профильных комитетов Верховной Рады Украины, необходимо закрепить в Законе Украины «О государственном стратегическом планировании». В то же время, Национальный банк Украины, в рамках своих полномочий должен обеспечивать регулирование банковского сектора в сфере кредитно-валютной политики, которая должна направляться на обеспечение стабилизации национальной валюты в первую очередь, является одной из составляющих обеспечения фискальной устойчивости в стратегическом бюджетном планировании. Так же важно привлечь научный потенциал в разработку документов стратегического планирования Национальную академию наук Украины. Работа НАН Украины должна быть сконцентрирована на научном обосновании основных направлений государственной стратегической политики, на разработке методологических основ стратегического планирования в целом. Кроме этого, в процессе стратегического планирования необходимо научное обоснование концепции фискальной устойчивости в условиях реализации среднесрочного бюджетного планирования с учетом современных отечественных реалий социально-экономического развития на пути к обеспечению устойчивого экономического роста.

Таким образом, стратегическое бюджетное планирование является одной из основных составляющих стратегического планирования, поскольку обеспечение финансовой устойчивости государственных финансов является ключевым фактором влияния на развитие экономического роста как основы устойчивого развития в Украине на современном этапе создания государства. В этом процессе необходимо применить концепцию стратегии инклюзивного развития, в основе которой лежит обеспечение фискальной устойчивости в процессе среднесрочного бюджетного планирования, что должно быть отражено в Законе Украины «О государственном стратегическом планировании». Разработка конструктивной методологии реализации данных установок должна стать предметом отдельного исследования в контексте поиска эффективных путей обеспечения устойчивого экономического развития в Украине.

Treiman Marina G., St. Petersburg State Technological University of Plant Polymers, Postgraduate Business Administration

Трейман Марина Геннадьевна, Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров, аспирант кафедры экономики и организации производства

Ecological and economic activity of the enterprise «Vodokanal of St. Petersburg»

Эколого-экономическая деятельность предприятия ГУП «Водоканал СПб»

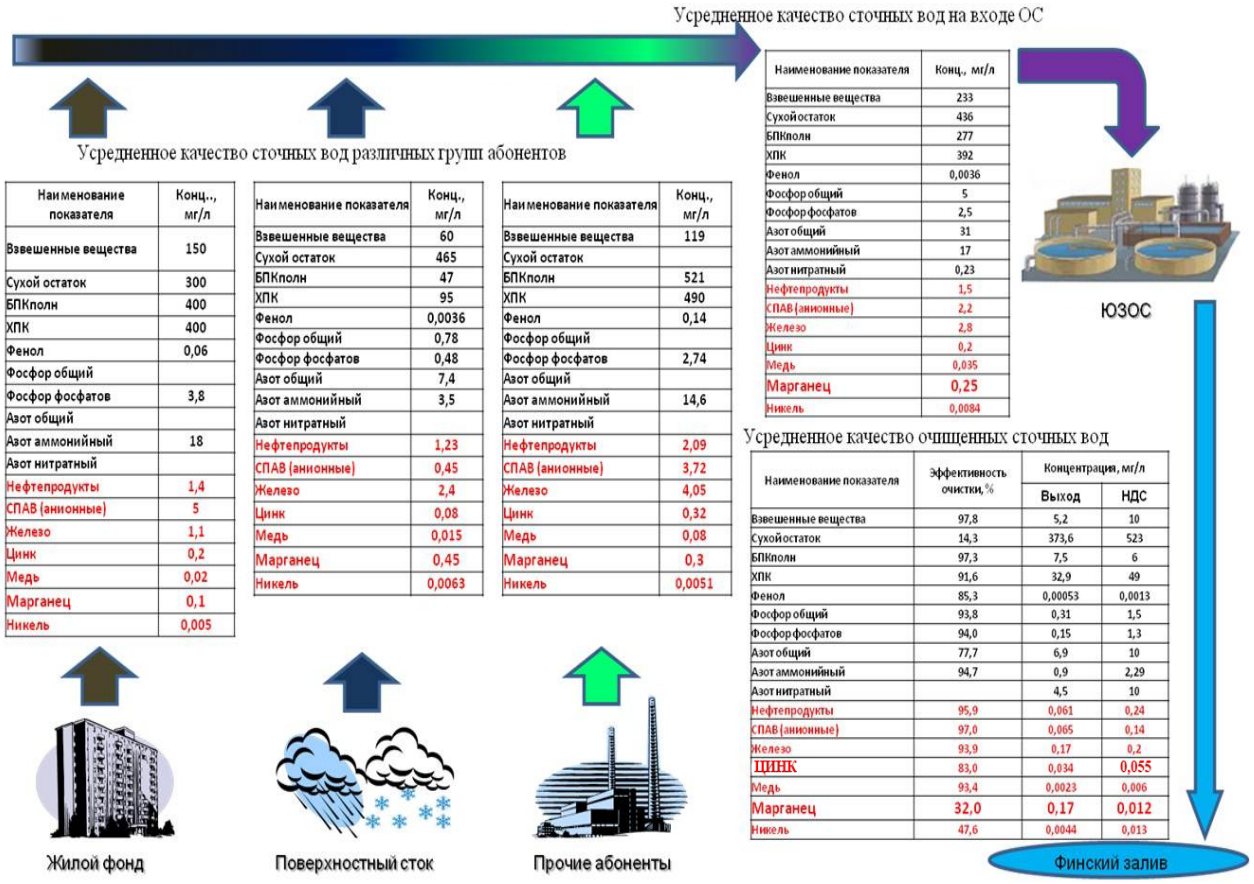
Сброс сточных вод оказывает негативное воздействие на окружающую среду, поэтому проблема экономической оценки ущерба и платы за негативное воздействие являются достаточно актуальными. Рассмотрим эколого-экономическую ситуацию на предприятии ГУП «Водоканал СПб».

---

[1] Запатріна І. В. Програмно-цільовий метод бюджетування у контексті стратегічного та середньо- строкового планування/І. В. Запатріна, Т. Б. Лебеда//Фінанси України. — 2006. — № 10. — С. 18–31.

[2] Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. [Електронний ресурс]. — Режим доступу::://http://www.growthcommission.org

Основная схема взаимодействия взаимодействия Абонентов и ГУП «Водоканал СПб». Абонент сбрасывает сточные воды в канализацию и затем сточные воды в усредненном виде попадают в канализационные очистные сооружения (КОС), там очищаются и сбрасываются в Финский залив после прохождения очистки. За свои услуги ГУП «Водоканал СПб» взимает с абонентов плату[1]. Далее представлены данные для Юго-Западных очистных сооружений.

Наименование показателя	Конц., мг/л
Взвешенные вещества	150
Сухой остаток	300
БПКполн	400
ХПК	400
Фенол	0,06
Фосфор общий	
Фосфор фосфатов	3,8
Азот общий	
Азот аммонийный	18
Азот нитратный	
Нефтепродукты	1,4
СПАВ (анионные)	5
Железо	1,1
Цинк	0,2
Медь	0,02
Марганец	0,1
Никель	0,005

Наименование показателя	Конц., мг/л
Взвешенные вещества	60
Сухой остаток	465
БПКполн	47
ХПК	95
Фенол	0,0036
Фосфор общий	0,78
Фосфор фосфатов	0,48
Азот общий	7,4
Азот аммонийный	3,5
Азот нитратный	
Нефтепродукты	1,23
СПАВ (анионные)	0,45
Железо	2,4
Цинк	0,08
Медь	0,015
Марганец	0,45
Никель	0,0063

Наименование показателя	Конц., мг/л
Взвешенные вещества	119
Сухой остаток	
БПКполн	521
ХПК	490
Фенол	0,14
Фосфор общий	
Фосфор фосфатов	2,74
Азот общий	
Азот аммонийный	14,6
Азот нитратный	
Нефтепродукты	2,09
СПАВ (анионные)	3,72
Железо	4,05
Цинк	0,32
Медь	0,08
Марганец	0,3
Никель	0,0051

Наименование показателя	Конц., мг/л
Взвешенные вещества	233
Сухой остаток	436
БПКполн	277
ХПК	392
Фенол	0,0036
Фосфор общий	5
Фосфор фосфатов	2,5
Азот общий	31
Азот аммонийный	17
Азот нитратный	0,23
Нефтепродукты	1,5
СПАВ (анионные)	2,2
Железо	2,8
Цинк	0,2
Медь	0,035
Марганец	0,25
Никель	0,0084

Наименование показателя	Эффективность очистки, %	Концентрация, мг/л	
		Выход	НДС
Взвешенные вещества	97,8	5,2	10
Сухой остаток	14,3	373,6	523
БПКполн	97,3	7,5	6
ХПК	91,6	32,9	49
Фенол	85,3	0,00053	0,0013
Фосфор общий	93,8	0,31	1,5
Фосфор фосфатов	94,0	0,15	1,3
Азот общий	77,7	6,9	10
Азот аммонийный	94,7	0,9	2,29
Азот нитратный		4,5	10
Нефтепродукты	95,9	0,061	0,24
СПАВ (анионные)	97,0	0,065	0,14
Железо	93,9	0,17	0,2
ЦИНК	83,0	0,034	0,055
Медь	93,4	0,0023	0,006
Марганец	32,0	0,17	0,012
Никель	47,6	0,0044	0,013

Для ГУП «Водоканал СПб» установлены определенные нормы сбросов по загрязняющим веществам. Предприятие отчисляет плату за сброс в городской бюджет. Ниже приведены размеры этой платы.

Размер платы за негативное воздействие на водные объекты за сброс загрязняющих веществ (Для Юго-Западных очистных сооружений)

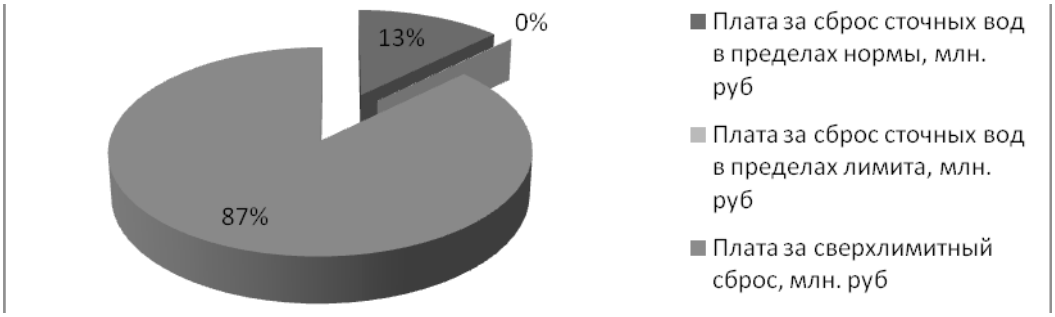
№ п/п	Наименование загрязняющего вещества	Масса сброса загрязняющих веществ, т/год				Плата за сброс сточных вод, млн. руб			Всего:
		Всего:	mн	mл	mсв	Пн	Пл	Псв	
1	Взвешенные вещества	97853	18817,88	20000	77853	-	4,175	1374,845	1379
2	Сухой остаток	7030360	9841751,2	10000000	-	2,7	-	-	2,7
3	БПК полн.	141134,1	112907,28	15000	-	24,78	-	-	24,78
4	Фенол	9,97	24,46	25	-	5,3	-	-	5,3
5	Фосфор общий	5833,54	28226,82	30000	-	15,5	-	-	15,5
6	Фосфор фосфатов	2822,7	24463,24	25000	-	7,5	-	-	7,5
7	Азот общий	129843,37	188178,8	200000	-	172,56	-	-	172,56
8	Азот аммонийный	16936	43092,945	50000	-	22,5	-	-	22,5
9	Азот нитратный	84680,5	188178,8	200000	-	112,5	-	-	112,5
10	Нефтепро дукты	1148	4516,3	4600	-	12,2	-	-	12,2
11	СПАВ анион	1223,2	2634,5	3000	-	0,16	-	-	0,16
12	Железо	3199	3763,6	3800	-	340,16	-	-	340,16
13	Цинк	639,8	1035	1100	-	34	-	-	34
14	Медь	43,28	112,9	120	-	23	-	-	23
15	Марганец	3199	225,814	230	2969	-	1,112	3946,36	3947,47
16	Никель	82,8	244,63	250	-	4,4	-	-	4,4
	Всего:	-	-	-	-	777,26	5,29	5321,21	6103,76

[1] http://www.vodokanal.spb.ru/

В соответствии с таблицей наибольшие превышения по массам сброса — это тяжелые металлы — марганец, железо, а также взвешенные вещества.

Структуры платы и загрязнений представлены ниже в виде диаграмм.

Виды платежей по Юго-Западным очистным сооружениями ГУП «Водоканал СПб»

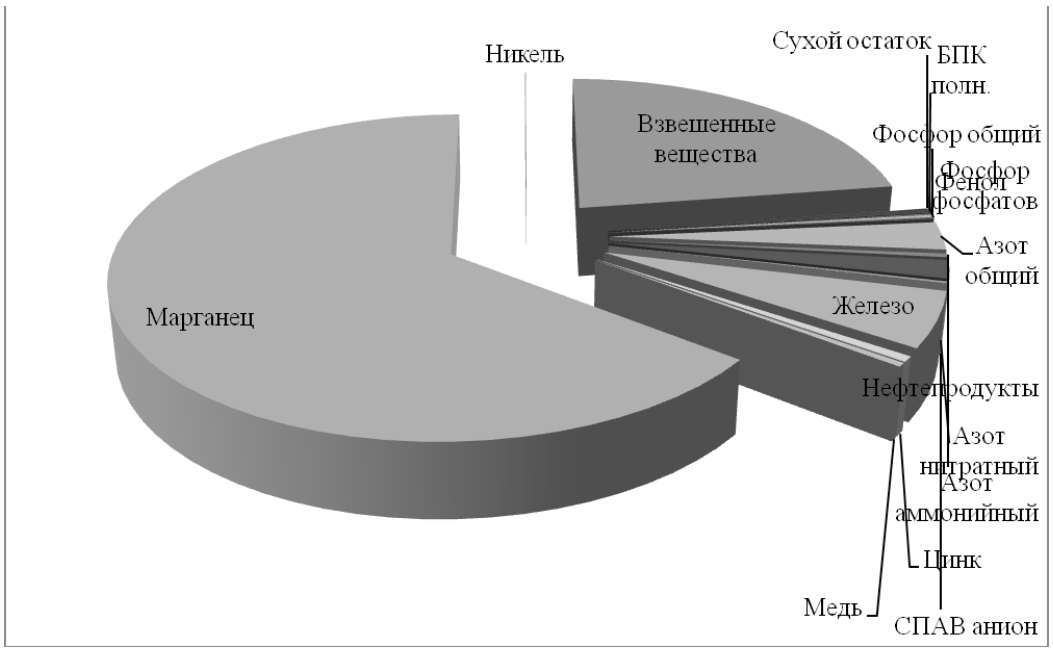

Если проанализировать данные по плате за сброс сточных вод, то можно сделать вывод, что наибольшей в структуре платы будет плата за сброс сверхнормы (составляет 87%), плата за сброс в пределах нормативов составляет 13%. Это значит, что предприятию ГУП «Водоканал СПб» необходимо проводить мероприятия для улучшения качества очистки сточных вод и больше вкладывать средств в направления развития очистки различных типов стоков. А также усилить контроль для предприятий, осуществляющих сброс в канализационные сети ГУП «Водоканал СПб». Система контроля предприятий должна включать:

1. Аналитический контроль по основным группам загрязняющих веществ для выявления существенных превышений по этим веществам (должно осуществляться силами аналитических лабораторий предприятия-абонента и лаборатории ГУП «Водоканал СПб»);

2. При необходимости требовать предоставления от предприятий-абонентов проведения мероприятий по достижению качества сточных вод, а также оборудования локальных очистных сооружениях по выпускам где будет обнаружены систематические превышения по сбросам сточных вод.

Структура платы за сброс сточных вод по загрязняющим веществам, млн. руб.

Если рассматривать общую структуру платы для предприятия ГУП «Водоканал СПб», можно отметить, что наибольшее количество составляют «специфические загрязняющие вещества», к которым относятся марганец и железо, на которые основная очистка предприятия не направлена.

Можно предположить, что наличие тяжелых металлов в сбросах в большом количестве связано с тем, что очистка ГУП «Водоканал СПб» направлена на очистку сточных вод в основном по биологическим показателям и поэтому масса сбросов по тяжелым металлам не уменьшается и формирует сверхнормативные сбросы уже для предприятия ГУП «Водоканал СПб»

ГУП «Водоканал СПб» необходимо реконструировать очистные сооружения либо разработать систему мероприятий для уменьшения сброса по группе тяжелые металлы, как для себя, так и для своих предприятий-абонентов.

Также необходимо учесть, что возможно есть необходимость пересмотреть действующие лимиты на сброс сточных вод по ряду загрязняющих веществ, что позволит существенно сократить потери прибыли предприятия. Так как плата за сверхлимитный сброс приводят к существенным потерям прибыли, и влияет на себестоимость продукции, необходимо все это учесть в экологической политике предприятия.

Список литературы:

1. http://www.vodokanal.spb.ru/

Turganbaeva Gulsana Pamirovna
The Osh state University, lecturer of the chair of Finance and credit
Турганбаева Гульсана Памировна,
Ошский государственный университет, преподаватель кафедры финансы и кредит

Development of labor potential in modern conditions

Развитие трудового потенциала в современных условиях

На сегодняшний день для устойчивого развития Кыргызской Республики необходимо обеспечение высоких темпов экономического роста, повышение уровня жизни населения, снижение социального неравенства и для достижения этих целей потребуется значительное повышение конкурентоспособности отечественной экономики, рост производства и предпринимательства, развитие трудового потенциала, совершенствование человеческого фактора через создание экономических условий для достойного труда[1].

Развитие трудового потенциала в современных условиях неразрывно связано с понятием «человеческий капитал», которая является главной составляющей национального богатства и основной движущей силы общественного прогресса. Под «человеческим капиталом» понимают производительные силы отдельного человека и всего населения, наемных работников и тех, кто остается за пределами рынка и производства.

В современных условиях мировое сообщество исключительно важную роль отводит «человеческому капиталу», главной составляющей национального богатства и основной движущей силы общественного прогресса. На сегодняшний день сложилась определенная система показателей, характеризующая процессы, происходящие в области трудовой деятельности.

Среди них особое место занимает понятие «трудовой потенциал». По нашему мнению, трудовой потенциал характеризует количество, качество и меру способности к осуществлению общественно полезной деятельности той части трудоспособного населения, которая желает, способна и готова работать (включая занятых и безработных), определяя возможности приведения в действие других элементов экономического потенциала.

С одной стороны, в формировании и использовании этого показателя отражаются изменения, происходящие во всех сферах общественного развития — в экономике, научно-техническом прогрессе, демографических процессах, социальной системе, политике, образовании, культуре и т. п., а с другой стороны, трудовой потенциал представляет важнейшее условие социально-экономического развития; от его количественного и качественного состава, эффективности использования зависит положение страны в мировой системе, её экономическая и национальная безопасность.

Трудовой потенциал — сложная социально-экономическая категория. Этот научный термин является отражением демографических и экономических проблем современного периода[2].

Как социально-экономическая категория трудовой потенциал занимает свою нишу, отличаясь от категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» слагаемыми характеристиками, показателями и методами оценки в силу того, что все они имеют разное служебное назначение. Категория «человеческий капитал» сопряжена со стоимостным измерением затрат на воспроизводство рабочей силы в качестве фактора экономического роста и потому находится в иной плоскости, чем категория «трудовой потенциал», не совпадая с ней количественно.

«Человеческий потенциал» как категория используется для межстрановых сопоставлений уровней человеческого развития. Эта категория является обобщенной характеристикой меры социального прогресса, достигнутого той или иной страной. Сравнительная оценка степени социального прогресса разных стран осуществляется на основе расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)[3].

Категория «трудовой потенциал» имеет другое значение, как элемент экономического потенциала, призванный приводить в действие материальные, природные, финансовые и иные экономические ресурсы конкретного хозяйствующего субъекта (общества, региона, сферы хозяйства, отрасли) в целях воспроизводства необходимых условий жизнедеятельности людей и роста народного благосостояния, трудовой потенциал является категорией хозяйственной практики. Данная категория характеризуется натуральными измерителями, отражающими меру способности экономически активного населения достичь определенных результатов и обеспечивать функционирование экономической системы того или иного уровня. В то же время к стоимостному измерению затрат на производство и использованию способностей человека, к оценке их экономического результата.

Так, трудовой потенциал есть совокупность всех трудовых возможностей как отдельного человека, так и различных групп работников общества в целом. Трудовой потенциал характеризует качество и потенциальные возможности труда[4].

Если рассматривать в качественном отношении трудовой потенциал общества — это его реальные возможности по реализации (через участие в общественно полезном труде) всего многообразия личных способностей и качеств: знаний, умений и навыков, приобретаемых людьми в процессе воспитания, подготовка к труду, непосредственно трудовой деятельности, переобучения и повышения квалификации.

В количественном отношении общественный трудовой потенциал характеризует возможности общества по привлечению к общественному труду населения разного пола и возраста (мужчин и женщин рабочего, доработочего и послерабочего возраста).

---

[1] Понятие «достойный труд» определено Международной организацией труда (МОТ) и применяется при разработке с трановых стратегий для стран-членов МОТ, в том числе, и для Кыргызской Республики

[2] Трудовой потенциал общества и рынок труда./Экономика труда. Под ред. Шлендера П. Э., Кокина Ю. П. Учебник. — М.: ЮРИСТЪ, 2002.

[3] Развитие трудового потенциала трансформирующейся экономике/А. А. Кочербаева, К. И. Исаков, Э. К. Исаков.- Б.: КРСУ, 2011. — с. 123.

[4] Там же.

При оценке эффективности использования трудового потенциала в стране в целом или в отдельном регионе целесообразно выделить в качестве критериев:

— повышение (снижение) уровня и темпов производительности труда;

— динамику основных параметров занятости и безработицы;

— социальный аспект эффективности использования трудового потенциала.

На сегодняшний день развитие национальной экономики и имеющиеся на данный момент материальные средства предполагают необходимость вмешательства государства в определение тактических действий и обоснование инструментов регулирования процессов занятости в направлении декларируемых долгосрочных целей.

Необходимо совершенствование инструментов государственного регулирования процессов занятости и безработицы, согласования спроса и предложения на рынке труда, включая: структуру баланса трудовых ресурсов как основного инструмента анализа и прогнозирования пропорций воспроизводства трудового потенциала; разработку комбинированного баланса спроса-предложения рабочих мест предприятиями и службами занятости в отраслевом разрезе; практику организации проведения регулярных мониторингов локальных рынков труда в разрезе городов и районов с целю уточнения качественного состава безработных, потребности территорий в рабочих местах, отношения граждан к общественным работам, организованной трудовой миграции, к надомному труду, организации собственного дела; выявление предпочтений безработных женщин и выпускников общеобразовательных школ при трудовом определении как основы для обоснования активных мер политики занятости и рынка труда.

В заключении, можно отметить, что формирование и развитие трудового потенциала является одним из важнейших элементов в планировании, необходима подробная проработка социальных аспектов; привлечение социальных резервов; планирование использования свободного времени населения для формирования и развития трудового потенциала; формирование инфрастуктуры человеческого развития.

Список литературы:

1. Развитие трудового потенциала трансформирующейся экономике/А. А. Кочербаева, К. И. Исаков, Э. К. Исаков.- Б.: КРСУ, 2011. — с. 123
2. Независимая оценка достойного труда МОТ страновой программы для Кыргызстана: 2006–2009 гг.
3. Трудовой потенциал общества и рынок труда./Экономика труда. Под ред. Шлендера П. Э., Кокина Ю. П. Учебник. — М.: ЮРИСТЪ, 2002.

Khrapkina Valentina Valentinovna
Makeyevka Institute of Economics and Humanities
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor of the Department of Finances

Храпкина Валентина Валентиновна,
Макеевский экономико-гуманитарный институт, Украина,
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов

Enterprise financial security management based on situational predictive modeling

Управление финансовой безопасностью предприятия на основе ситуационного прогнозного моделирования

Вопросы управления финансовой безопасностью предприятия занимают важное место, как в среде научных исследователей, так и среди управленцев-практиков. Возросший интерес к этой проблеме у последних по-видимому, связан с ростом неопределенности и рисков присущих отечественной экономике и, в частности, ее финансовому сектору. В результате не просто произошло усложнение задач финансового планирования, потребовавшее учета дополнительных факторов, но и возникли принципиально новые задачи, связанные с мониторингом и анализом новых закономерностей в развитии финансовой системы предприятия и финансового сектора экономики. Появились новые инструменты финансового менеджмента, причем собственного опыта их использования еще не было, а зарубежный опыт не соответствовал условиям развития внутреннего финансового рынка и состоянию отечественных финансовых институтов.

Что касается развития научной мысли в сфере финансовой безопасности, то здесь также необходимо отметить существенные качественные изменения.

Во-первых, пришло понимание того, что использование традиционного коэффициентного подхода для оценки финансовой устойчивости предприятия недостаточно и комплекс работ по оценке и управлению финансовой устойчивостью предприятия требует качественного развития.

Во-вторых, развитие пошло по нескольким параллельным направлениям, четкие границы между которыми до сих пор не определены:

Совершенствование традиционного коэффициентного метода за счет более широкого использования аппарата статистического анализа[1].

[1] Оценка бизнеса/[Грязнова А. Г., Федотова М. А., Ленская С. А. и др.]; под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. — [2 е изд.]. — М.: Финансы и статистика, 2008 г. — 736 с.; Татаурова О. А. Оценка несостоятельности предприятий с целью повышения эффективности принятия управленческих решений в процессе банкротства: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. эк. наук: спец. 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»/О. А. Татаурова. — Хабаровск, 2007. — 20 с; Порохня В. М. Моделювання багатомірних фінансово-господарських потоків: [монографія]/В. М. Порохня, Ю. О. Колісник. — Запоріжжя: ГУ «ЗІДМУ», 2007. — 243 с.

Становление и развитие подхода, получившего название «Антикризисное управление[1].

Становление и развитие категории и методов экономической безопасности[2].

Анализ направлений (1–3) позволил констатировать междисциплинарный характер развития каждого из них, который охватывает как проблематику, так и методологию управления финансами предприятия.

Таким образом, проблема управления финансовой безопасностью предприятия на базе методов ситуационного прогнозного моделирования соответствует приоритетным направлениям развития теории управления финансами предприятий и имеет важное практическое значение.

Применение аппарата моделирования и прогнозирования позволяет получать количественные оценки «внутренних резервов» предприятия. Для этого в модель предлагается включить множество коэффициентов прогнозирования *k_прогн* ($k_{\_УЗ}$; $k_{\_ОА}$; $k_{\_КЗ}$), для каждого из которых возможно введение управляющих (корректирующих) воздействий, под влиянием которых формируются ожидаемые значения коэффициентов:

$$k\_прог_{NEW}{}^{F} = k\_прог^{F} + u_{k\_прог}$$

где $u_{k\_прог}$ - экспертная оценка возможного изменения коэффициента прогнозирования.

Помимо непосредственно корректировки коэффициентов, в рамках модели за счет изменения ряда статей баланса могут быть рассмотрены следующие управляющие воздействия:

ВА- изменение стоимости основных производственных фондов и других необоротных активов соответствует их продаже (уменьшение) или закупке и вводу (увеличение);

СК- изменение собственного капитала соответствует привлечению дополнительного капитала через дополнительную эмиссию и выкуп акций (уменьшение);

З- изменение займов соответствует взятию дополнительных займов (увеличение) или погашению старых (уменьшение).

Рассмотрим математическую модель развития предприятия, которая записывается следующим образом:

$$Y^{F} = f(ОП^{F}, Y^{n}, X^{F}, u);$$

$$X^{F} = g(Y^{n});$$

$$Y = \{ОП, Зпр, А, ВА, ОА, П, СК, З, КЗ\};$$

$$X = \{k\_уз, k\_{}_{ОА}, k\_кз\};$$

$$u = \{\Delta k\_уз, \Delta k\_{}_{ОА}, \Delta k\_кз, \Delta ВА, \Delta СК, \Delta З\};$$

$$u \in U.$$

Где, *Y*– вектор финансового состояния предприятия (объекта);

$ОП^{F}$– экзогенная переменная;

X — вектор финансовых коэффициентов;

u — вектор управления;

n — временная база прогноза (время t дискретно, единица измерения — квартал, год);

F — прогнозный период;

U — область допустимых (возможных) управлений.

Задана область возможных/допустимых управлений *U*и каждому управлению из множества допустимых значений поставлена в соответствие *ПУ* — плата за управление.

Будем считать, что средства на введение управления расходуются и возвращаются в течение рассматриваемого прогнозного периода; результат управления также осуществляется в этом периоде. Кроме того, считаем, что управленческие воздействия, которые корректируют значения различных коэффициентов (статей) осуществляются независимо друг от друга. Тогда потребность в дополнительном финансировании:

$$ПДФ^{F} = A^{F}(ОП^{F}, Y^{n}, X^{F}, u) - П^{F}(ОП^{F}, Y^{n}, X^{F}, u) + (1 + \%кр) * ПУ(u)$$

где%кр–проценты по кредиту.

Формально наша цель — сбалансировать активы и пассивы, другими словами определить то допустимое управление, при котором потребность в дополнительном финансировании обращается в ноль, и при этом затрачивается минимум средств на реализацию управленческих решений.

Очевидно, что эта задача может не иметь решения (в области допустимых значений). Это означает, что внутренних резервов предприятия оказывается недостаточно для балансировки активов и пассивов. Вместе с тем оценка потребности в дополнительном финансировании может оказаться завышенной или наоборот, заниженной. Кроме того, возможно, что предприятие не испытывает потребности в дополнительном финансировании, но при этом намерено улучшить внутреннюю эффективность своей деятельности и хочет оценить свои внутренние резервы. Таким образом, целесообразно рассматривать задачу минимизации потребности в дополнительном финансировании на множестве допустимых управлений:

---

[1] Айвазян З., Кириченко В. Антикризисное управление: принятие решений на краю пропасти//Проблемы теории и практики управления. — 1999. — № 4. -С. 94–100; Бобылева А. З. Финансово-экономический механизм антикризисного управления в организациях//Ученые труды факультета государственного управления МГУ. — 2004. — Вып. 3. — С. 152–168; Борисова З. Н. Прогнозирование и распознавание кризисов развития организации на ранних стадиях/З. Н. Борисова//Проблемы современной экономики. — 2001. — № 2 (26). — с. 43–49.

[2] Бурков В. Н. Моделирование экономических механизмов обеспечения безопасности/В. Н. Бурков, А. В. Щепкин//Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. — 2000. — № 6. С. 55–68; ВасильцівТ. Г. Економічна безпекапідприємництва України: стратегія та механізмизміцнення: [монографія]/Т. Г. Васильців. — Львів: Арал,2008. — 386 с; Вершинина А. В. Ситуационный анализ в сфере обеспечения экономической безопасности предприятий реального сектора экономики/А. В. Вершинина//Нефтегазовое дело. — 2006. — № 1. — С. 66–73; Экономическая безопасность. Производство–Финансы–Банки./[под ред. В. К. Сенчагова]. — М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998–621 с.

Задача 1. Задача минимизации потребности в дополнительном финансировании на множестве допустимых управлений.

$ПДФ^F(u) \to \min$

$u \in U$

Как правило, на практике существуют ограничения на объем средств, которые могут быть привлечены, т. е. появляется ресурсное ограничение на общий объем средств, направленных на введение управленческих воздействий. Таким образом, получаем задачу 2:

Задача 2:

$ПДФ^F(u) \to \min$

$u \in U$

$ПУ(u) \le ПУ_0$

Будем считать, что для каждой компоненты вектора u задана область возможных значений и соответствующая плата за управление, так что эта зависимость описывается кусочно-линейной функцией. Т. е. изменение соответствующего коэффициента/статьи прямо пропорционально средствам, затраченным на его изменение вплоть до некоторого значения u_i^{max}, после чего дальнейшие вложения не приводят к изменению коэффициента/статьи. Содержательно это означает некоторые физические ограничения; например, невозможность дальнейшего сокращения операционно-технологического цикла.

Сокращение ПДФ возможно за счет сокращения удельных затрат, т. е. в качестве возможных управлений $u_1 = \Delta k_{-y3}$ следует рассматривать u_1 такие, что $u_1^{max} \le u_1 \le 0$; сокращения срока оборачиваемости оборотных активов, т. е. $u_2^{max} \le u_2 \le 0$; увеличения срока оборачиваемости КЗ, т. е. $0 \le u_3 \le u_3^{max}$; продажи необоротных активов, т. е. $u_4^{max} \le u_4 \le 0$; за счет дополнительной эмиссии акций и дополнительных займов, т. е. $0 \le u_i \le u_i^{max}$.

В силу того, что вложения средств сверх суммы $ПУ_i^{max}$ не приводит к изменению соответствующей компоненты u_i, нецелесообразно рассматривать варианты дальнейшего вложения средств, т.к это уже не приводит к изменению активов/пассивов, но при этом приводит к увеличению платы за управление и, тем самым, увеличивает ПДФ.

Таким образом, для каждой компоненты вектора управления задана область возможных изменений и каждому значению из этой области поставлена в соответствие плата за управление.

Область допустимых управлений задается неравенством:

$$U_0 = \{0 \le u_i \le u_i^{\max}, i = \overline{1,6}\}$$

Плата за управление определяется как:

$$ПУ(u_i) = c_i * u_i;$$

$$c_i = \frac{ПУ_i^{\max}}{u_i^{\max}};$$

$$ПУ(u) = \sum_i ПУ(u_i).$$

Потребность в дополнительном финансировании:

$$ПДФ^F = ПДФ^F(0) + ОП^F * (1 - k_н) * \gamma * u_1 + (ОП^F / T) * u_2 -$$
$$-(ОП^F / T) * u_3 + u_4 - u_5 - u_6 + (1 + \%кр) * \sum_i c_i * u_i = ПДФ^F(0) +$$
$$+(ОП^F * (1 - k_н) * \gamma + (1 + \%кр) * c_1) * u_1 + (ОП^F / T + (1 + \%кр) *$$
$$*c_2) * u_2 + (-ОП^F / T + (1 + \%кр) * c_3) * u_3 + (1 + (1 + \%кр) * c_4) * u_4 +$$
$$+(-1(1 + \%кр) * c_5) * u_5 + (-1(1 + \%кр) * c_6) * u_6.$$

Таким образом, задачи 1 и 2 являются задачами линейного программирования. Т. е. в рамках сделанных предположений задача поиска оптимального управления сведена к решению соответствующей задачи линейного программирования.

Заметим, что в рамках предположения 1 для каждого класса возможных управленческих воздействий (например, сокращения удельных затрат) может быть задана зависимость изменения ПДФ от затраченных на это средств, при этом угол наклона кривой характеризует эффективность соответствующего управления. Это позволяет воспользоваться методом "затраты — эффективность". Упорядочив управления по мере уменьшения их эффективности, можно определить максимально возможное уменьшение потребности в дополнительном финансировании, в том числе и в случае ограничения на суммарный объем затрачиваемых средств.

В процессе управления финансовой безопасностью предприятия посредством определенных воздействий на структуру показателей документов финансовой отчетности, можно руководствоваться двумя методами.

В первой ситуации, та количественная оценка изменений, которые необходимо предпринять, осуществляется некоторыми экспертами и, в таком случае, носит больше субъективный характер. При данном методе, группа экспертов определяет необходимые значения вектора управлений, опираясь на методы формальной диалектической логики и специализированные методы экспертных оценок.

Во второй ситуации, количественная оценка необходимых изменений некоторых коэффициентов осуществляется расчетными методами, методами математического моделирования, построением оптимизационных задач.

Построим оптимизационную модель для определения управляющих воздействий. Используемые переменные представлены в табл. 1.

В качестве вектора управления рассмотрим некоторые индикаторы финансовой безопасности:

$$u = \{\Delta Кпокр, \Delta Кавт, \Delta ROA, \Delta ROE, \Delta Кразв\}$$

Таблица 1.

Обозначения, используемые в модели

№	Перем.	Описание	№	Перем.	Описание
1	к1	коэффициент покрытия	21	НД2t	материалы, купленные за наличные деньги в периоде t
2	к2	коэффициент автономии	22	План_прt	планируемый объем производства периода t
3	к3	коэффициент рентабельности активов	23	Pt	товары, реализуемые в периоде t
4	к4	коэффициент рентабельности собственного капитала	24	ГПt	готовая продукция на складе в периоде t
5	к5	коэффициент развития компании	25	a1	планируемый объем производства
6	ОАt	оборотные активы периода t	26	a2	минимальная производственная мощность
7	ТОt	текущие обязательства периода t	27	a3	максимальная производственная мощность
8	СКt	собственный капитал периода t	28	a4	количество материалов, необходимых для производства
9	ОСКt	обща сумма капитала периода t	29	a5	планируемая величина НЗП
10	Амt	амортизация периода t	30	a6	количество материальных остатков
11	Мостt	материальные остатки периода t	31	a7	доля прибыли для финансовых инвестиций
12	ВРt	выручка от реализации периода t	32	a8	нераспределенная прибыль
13	ЧПt	чистая прибыль периода t	33	a9	количество денежных средств и их эквивалентов в кассе и на расчетном счете
14	ФИt	финансовые инвестиции периода t	34	a10	вместимость Скл1
15	ДЗt	дебиторская задолженность периода t	35	a11	вместимость Скл2
16	КЗt	кредиторская задолженность периода t	36	Скл1	склад для хранения материалов
17	ДОt	долгосрочные обязательства периода t	37	Скл2	склад для хранения готовой продукции
18	НЗПt	незавершенное производство периода t	38	R	уровень рентабельности
19	Mt	материалы периода t	39	%t	обслуживание кредитов
20	НД1t	товары, проданные за наличные деньги в периоде t	40	Ккр	критическое значение коэффициента

Изменение каждого коэффициента, то есть то управляющее воздействие, с помощью которого предприятие намерено улучшить свой уровень финансовой безопасности в плановом периоде, опишем следующим образом:

$$\Delta K1 = K1_{t+1} - K1_t;$$
$$\Delta K2 = K2_{t+1} - K2_t;$$
$$\Delta K3 = K3_{t+1} - K3_t;$$
$$\Delta K4 = K4_{t+1} - K4_t;$$
$$\Delta K5 = K5_{t+1} - K5_t.$$

В свою очередь, изменение каждого коэффициента приводит к изменению его составляющих:

$$\Delta K1 = \frac{OA_{t+1} - OA_t}{TO_{t+1} - TO_t};$$
$$\Delta K2 = \frac{CK_{t+1} - CK_t}{OCK_{t+1} - OCK_t};$$
$$\Delta K3 = \frac{ЧП_{t+1} - ЧП_t}{(OA_{t-1} + OA_t)/2 - (OA_t + OA_{t+1})/2)};$$
$$\Delta K4 = \frac{ЧП_{t+1} - ЧП_t}{(CK_{t-1} + CK_t)/2 - (CK_t + CK_{t+1})/2)};$$
$$\Delta K5 = \frac{ФИ_{t+1} - ФИ_t}{Ам_{t+1} - Ам_t}.$$

Таким образом, запишем целевую функцию:

$$F = \sum_{i=1}^{5} \sum_{j=1}^{5} a_i * \frac{Ккр_j}{K_j} \to \max,$$

где a_i — важность того или иного коэффициента.

Система ограниченийформируетсятрадиционноисходя из планируемых объемных показателей, балансовых и технологических ограничений.

Таким образом, полученная модель позволяет формировать не только количественные оценкифинансовойбезопасности, но и получать управляющиестратегии, которые в условиях реализации различных прогнозных сценариев развития обеспечивают эффективное управление финансовой безопасностью предприятия. Следует сделать замечание, что в данной модели все показатели представлены синтетически, то есть в денежном выражении, что требует продолжения исследования в направлении идентификации организационных процедур и построения календарных планов реализации соответствующих сценариев управления финансовой безопасностью.

Список литературы:

1. Оценка бизнеса/[Грязнова А. Г., Федотова М. А., Ленская С. А. и др.]; под ред. А. Г. Грязновой, М. А. Федотовой. — [2 е изд.]. — М.: Финансы и статистика, 2008 г. — 736 с.
2. Татаурова О. А. Оценка несостоятельности предприятий с целью повышения эффективности принятия управленческих решений в процессе банкротства: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. эк. наук: спец. 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»/О. А. Татаурова. — Хабаровск, 2007. — 20 с.
3. Порохня В. М. Моделювання багатомірних фінансово-господарських потоків: [монографія]/В. М. Порохня, Ю. О. Колісник. — Запоріжжя: ГУ «ЗІДМУ», 2007. — 243 с.
4. Айвазян З., Кириченко В. Антикризисное управление: принятие решений на краю пропасти//Проблемы теории и практики управления. — 1999. — № 4. -С. 94–100
5. Бобылева А. З. Финансово-экономический механизм антикризисного управления в организациях//Ученые труды факультета государственного управления МГУ. — 2004. — Вып. 3. — С. 152–168;
6. Борисова З. Н. Прогнозирование и распознавание кризисов развития организации на ранних стадиях/З. Н. Борисова//Проблемы современной экономики. — 2001. — № 2 (26). — с. 43–49;
7. Бурков В. Н. Моделирование экономических механизмов обеспечения безопасности/В. Н. Бурков, А. В. Щепкин//Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. — 2000. — № 6. С. 55–68;
8. ВасильцівТ. Г. Економічна безпека підприємництва України: стратегія та механізми зміцнення: [монографія]/Т. Г. Васил ьців. — Львів: Арал,2008. — 386 с;
9. Вершинина А. В. Ситуационный анализ в сфере обеспечения экономической безопасности предприятий реального сектора экономики/А. В. Вершинина//Нефтегазовое дело. — 2006. — № 1. — С. 66–73
10. Экономическая безопасность. Производство–Финансы–Банки./[под ред. В. К. Сенчагова]. — М.: ЗАО «Финстатинформ», 1998–621 с.

Tsvetkova Ekaterina Nikolaevna,
Ivanovo state University,
post-graduate student of the Department of Finance and banking

Цветкова Екатерина Николаевна,
Ивановский государственный университет,
аспирант кафедры финансов и банковского дела

Risk as an essential part of banking

Риск как неотъемлемая составляющая банковской деятельности

Практически вся деятельность кредитных организаций проходит в среде, подверженной воздействию широкого спектра рисков. При планировании любой операции банку приходится принимать решения по основным параметрам сделки в рамках наличия считающейся достоверной информации. А поскольку столкновение интересов клиентов и самой кредитной организации приводит к ее естественному или искусственному искажению, возникает неясность и неуверенность в получении ожидаемого результата, следовательно, возникает риск.

Что такое риск? Какова подверженность тех или иных объектов риску? Способны ли мы предпринимать какие-либо действия, чтобы ограничить риск? Существуют ли средства наблюдения и способы защиты от непредвиденных потерь?

Рискованность своего бытия человечество осознало с давних пор. Сколько мы существуем, столько пытаемся понять, какова природа и источники риска, и найти пути его снижения. И чем образованнее становится человек, чем больше он стремиться к полному удовлетворению своих потребностей, тем выше его субъективное ощущение рискованности бытия. Каждому веку казалось, что он и есть самый рискованный, а современному человечеству кажется, что риск нарастает все бóльшими темпами. Этим и обуславливается научный интерес и попытки исследовать данный многосторонний феномен.

Термин “риск” имеет достаточно древнюю историю. В первоначальной своей трактовке, предложенной еще Гомером, он обозначал “опасность лавирования между скал”. Позднее его использовали применительно к страхованию имущественных ценностей. Так, первые договоры о коллективной компенсации убытков, связанных с риском гибели или повреждения судов при перевозке грузов, были записаны в третьем тысячелетии до новой эры в Финикии. В законах Хаммурапи предусматривалась необходимость заключения соглашений между участниками торговых караванов на предмет возмещения потерь, связанных с риском грабежа или нападения разбойников[1].

[1] Костина Н. В. Основные этапы развития теории риска// Труды Псковского политехнического института, Псков, 2009 г., с. 194–195

Однозначного понимания сущности риска не существует до сих пор. Связано это с тем, что явление имеет несколько несовпадающих реальных основ. Кроме того, риск всегда зависит от субъекта и решений, которые тот принимает, оценивая как вероятности наступления возможных событий, так и величину их последствий [1].

Основными чертами риска являются: противоречивость, альтернативность и неопределённость.

Противоречивость в риске приводит к столкновению объективно существующих рискованных действий с их субъективной оценкой. Альтернативность в риске предполагает необходимость выбора из двух или нескольких возможных вариантов решений, направлений, действий. Если возможность выбора отсутствует, то не возникает рискованной ситуации, а, следовательно, и риска. Неопределённостью называется неполнота или неточность информации об условиях реализации проекта (решения). Любая предпринимательская деятельность, в том числе и банковская, осуществляется под влиянием неопределённости внешней среды (экономической, политической, социальной и т.д.), множества переменных, контрагентов, лиц, поведение которых не всегда можно предсказать с приемлемой точностью [2].

Российские и зарубежные исследователи дают различные определения риска. Однако экономическая наука считает официальными три подхода к пониманию его сущности.

1) в массовом сознании риск предстает в виде возможной неудачи, опасности потерь, которые могут наступить в результате претворения в жизнь выбранного решения;

2) риск понимается как "образ действий в неясной неопределенной обстановке" или как "ситуативная характеристика деятельности, ее исхода и возможных неблагоприятных последствий в случаях неуспеха", т.е. возможность потерь либо "действие на удачу";

3) американский экономист Френк Найт определяет риск как возможность положительного (шанс) и отрицательного (ущерб, убыток) отклонения в процессе деятельности от ожидаемых значений.

Наиболее часто риск объясняется как "возможность", "неопределенность", "опасность потерь" либо как "вероятность возникновения потерь, убытков, недопоступлений планируемых доходов, прибыли". Однако в последние годы усилилась тенденция к комплексному осмыслению данного понятия: изучаются не только негативные последствия проявления рисков, но и позитивные результаты. Так, Русанов Ю. Ю. делит все риски на непосредственно риски с негативными последствиями, и шансы, несущие потенциально положительный результат.

Современная теория и практика управления рисками сейчас развивается в отношении к риску не только как к нежелательному свойству неопределенности будущих событий, но и как к источнику новых прибыльных, желательных возможностей [3]. Таким образом, риск можно трактовать как возможность любого исхода ситуации.

В банковской практике под риском традиционно понимают опасность (возможность) потери банком части своих ресурсов, недополучения доходов или произведения дополнительных расходов в результате осуществления определенных финансовых операций. В официальном документе Базельского комитета по банковскому надзору определение риска отсутствует. В Положении "Об организации внутреннего контроля в банках" под рисками банковской деятельности понимается возможность (вероятность) понесения кредитной организацией потерь и (или) ухудшения ликвидности вследствие наступления неблагоприятных событий, связанных с внутренними факторами (сложность организационной структуры, уровень квалификации служащих, организационные изменения, текучесть кадров и т. д.) и (или) внешними факторами (изменение экономических условий деятельности кредитной организации, применяемые технологии и т. д.) [4].

Деятельность коммерческих банков подвержена воздействию множества рисков. Снижение инвестиционного рейтинга страны, изменение конъюнктуры на мировых рынках, характер роста национальной экономики, переток финансовых ресурсов из одной отрасли в другую или снижение потребностей в финансовых ресурсах – это только некоторые из факторов, оказывающих существенное влияние на банковский бизнес.

Серия прогремевших банкротств крупнейших мировых банков показала неадекватность применяемых методов управления рисками. События 2007–2010 гг. стали для банковского сектора поворотной точкой, обозначившей необходимость корректировки существующей модели развития. Главным позитивным результатом явилось осознание того, что контроль и ограничение уровня рисков банков только нормативами и предписаниями Центральных банков не способны предотвратить банковские кризисы, поскольку в самих кредитных организациях могут отсутствовать действенные механизмы идентификации и контроля рисков, а вся система управления рисками может сводиться к ряду формальных процедур соблюдения нормативов и подготовки отчетности в органы надзора.

Именно поэтому в соответствии со Стратегией развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года "основным содержанием нового этапа в развитии банковской сферы должно стать повышение качества банковской деятельности, включающее расширение состава банковских продуктов и услуг и совершенствование способов их предоставления, обеспечение долгосрочной эффективности и устойчивости бизнеса… В результате кредитные организации во все возрастающей степени будут ориентироваться на долгосрочные результаты деятельности и более рациональное ведение бизнеса, построение и использование эффективных систем управления, включая управление рисками".

Под системой управления банковскими рисками будем понимать научно-методический комплекс мер по управлению кредитной организацией, направленный на выявление и оценку риска, использующий специфические приемы и методы с целью создания условий для устойчивого функционирования банка, максимизации собственного капитала, выполнения

---

[1] Диев В. С. Философская парадигма риска // ЭКО, № 11, 2008 г., с. 28

[2] Управление кредитными рисками: учебное пособие / В. В. Жариков, М. В. Жарикова, А. И. Евсейчев.– Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009 г, с. 8–9

[3] Вяткин В. Н., Гамза В. А., Екатеринославский Ю. Ю., Хэмптон Дж. Дж. Управление риском в рыночной экономике. М.: Экономика, 2002 г., с. 34

[4] "Положение об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах" (утв. Банком России 16.12.2003 г. № 242-П) (ред. от 05.03.2009 г.) [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс

требований клиентов и партнеров и обеспечения прибыльности его деятельности. Построение адекватных действительности систем управления рисками в банках является необходимым и достаточным условием его успешного функционирования.

Направления совершенствования систем управления рисками могут быть рассмотрены в разрезе трех блоков, а именно методологического, организационного и информационно-технологического.

Первостепенной задачей по совершенствованию методологического блока является актуализация нормативной базы, касающейся вопросов управления рисками коммерческого банка. Внедрение Базеля II предполагает использование целого ряда определенных статистических информационных продуктов: данные по мониторингу финансового состояния и дефолтам, детализированные по контрагентам, категориям кредитного риска, категориям срочности; данные по финансовым потерям, понесенным в результате реализации кредитных, рыночных и операционных рисков и т.д., рассчитанных на сопоставимой базе за длительные периоды, как минимум, за 3–5 лет. Возможными источниками информации могут стать Банк России; Федеральная служба по финансовым рынкам; кредитные бюро; прочие, в том числе независимые оценщики кредитных рисков, рейтинговые агентства.

В рамках организационного блока предполагается формирование общебанковской системы управления рисками, в основе которой лежит четкий структурированный подход, объединяющий стратегию, процессы, персонал, технологии опыт и знания и направленный на оценку и управление неопределенностями. Данная система не предполагает создание универсальной модели управления для всех кредитных организаций. Речь идет как раз об обратном, а именно о том, что основной акцент в сфере регулирования должен приходиться на саму кредитную организацию с учетом всего спектра рисков, присущих ей, на систему ее корпоративного управления, включая внутренний контроль. Общебанковская система управления рисками неразрывно связана с управленческой отчетностью, методиками и процедурами по ее составлению и, в конечном счете, с информационными системами, используемыми банками.

Создание информационно-технологических систем для сбора и анализа информации и отчетности о состоянии рисков в банках (количественная оценка рисков, математическое моделирование, сценарный анализ, стресс-тестирование, мониторинг и контроль банковских операций в режиме реального времени) необходимо для целей обеспечения принятия своевременных адекватных управленческих решений.

Характер обсуждаемых в последнее время вопросов в банковском научном сообществе как минимум указывает на возможность второй волны кризиса, что в условиях продолжающейся интеграции российских банков в мировую валютно-кредитную систему, появления новых финансовых инструментов при известном несовершенстве действующего российского банковского законодательства, отсутствии механизмов минимизации рисков ставит под угрозу стабильное функционирование финансовой системы страны в целом. Именно поэтому столь важным становиться решение коммерческими банками проблем, связанных с построением эффективных систем управления рисками, что позволит их руководству создать необходимую "подушку безопасности" для бизнеса.

Список литературы:

1. Вяткин В. Н., Гамза В. А., Екатеринославский Ю. Ю., Хэмптон Дж. Дж. Управление риском в рыночной экономике. М.: Экономика, 2002 г.
2. Глобальный кризис и управление рисками банковской деятельности: монография/ Н. А. Амосова, М. А. Бельков, М. С. Куранов, Е. В. Пасечник, С. В. Симонцева; под науч. ред. д-ра экон. наук Н. А. Амосовой; ФГБОУ ВПО "Иван. гос. ун-т".– Иваново: ПресСто, 2011 г.
3. Диев В. С. Философская парадигма риска // ЭКО, № 11, 2008 г.
4. Заявление Правительства РФ и ЦБР от 5.04.2011 г. "О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года"
5. Костина Н. В. Основные этапы развития теории риска// Труды Псковского политехнического института, Псков, 2009 г.
6. "Положение об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах" (утв. Банком России 16.12.2003 г. № 242-П) (ред. от 05.03.2009 г.) [Электронный ресурс] СПС КонсультантПлюс
7. Соколов Ю. А., Амосова Н. А. Система страхования банковских рисков. Научное издание.– М.: ООО "Издательство Элит", 2003 г.
8. Сплетухов Ю. А., Дюжиков Е. Ф. Страхование.– М.: ИФРА-М, 2005 г.
9. Управление кредитными рисками: учебное пособие / В. В. Жариков, М. В. Жарикова, А. И. Евсейчев.– Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009 г

Mikhail N. Cherkasov, Department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education (FGBOU VPO) «MATI- the Russian State K. E. Tsiolkovsky State Technological University» Candidate of Sciences (Economics), Associate professor of Financial Management

Integration of Russia and foreign countries into the sphere of advanced scientific research

Globalization and technical progress offer new opportunities and at the same time challenges for Russia, make follow the path of «a global actor» actively availing of innovative component of contemporary economy.

Objective necessity of innovative cooperation of Russia and foreign states is conditioned by the fact that in early 2010s world economy faced long-term systemic crisis the nature of which is defined with synergetic combination of the following factors:

1. Extension of global competition at the markets of goods, capitals, labor force and technologies [1].

[1] Monastyrsky, E. (2010), Problemi ispolzovaniya mezhdunarodnogo opita pri formirovanii innovatsionnoy ekonomiki sovremennoy Rossii (The problems of use of international experience for the formation of present-day Russia»s innovative economy). Innovations, 8, pp.52–57.

2. Increasing role of human factor in socio-economic development.

3. Under conditions of rapidly developing globalization processes no country in the world can make a transition to innovative development model independently from the outer world. Innovative progress is growing essentially international. To the extent of its development the scale of necessary financial and intellectual investments is increasing, and no state is able to achieve technological breakthroughs on its own, so as to ensure conquest of new world markets.

Currently, innovative sector of Russia is extremely insignificant if taken in the general scale of world economy. The main problem hindering the development of the innovative sector of the economy lies in the absence of demand to innovations on internal market.

Most studies in the field of innovative development fairly indicate the backwardness of RF against the world trends [1]. Defining the position of states in the issues of innovative activity, taking «index of innovations» characterizing the level of interaction of science and business, as an indicator, as well as pace of introduction of scientific development to the economy, world leaders are the US, Taiwan, Finland, Sweden and Japan. RF is in the third dozen of countries by this index. That»s why enhancement of innovative cooperation with foreign countries is one of Russia»s high priority objectives. However, it»s noteworthy, that apart of innovation potential, innovative activity of an economic agent has always depended on the financial resources available to it. Currently, the Russian banks have started extending credits to innovative projects of enterprises, although the terms of loans are much shorter compared to those in developed market economies. Opportunity to finance R&D out of loan funds is of paramount importance for financing the projects with aid of bank lending. Major banks have different views on the issue: some banks assess innovative projects with R&D component in expenditures (above 10% from the value of project) as venture project and don»t provide lending in connection with them. However, most banks agree to provide lending to such projects, if the share of such expenditures amounted to approximately 20–30% of total investments in the project. Most of Russian banks prefer operating such projects, within the framework of which R&D has already been financed out of own funds of the borrower at the initial stage. Due to such a situation, it»s western investors, who often assisted financing in innovative projects. The investments of Western organizations in the process of scientific and technical thought development in Russia have always been very significant. That»s why it can be argued that financial resources have been provided by the foreign partners, while innovations were contributed by the Russians. Rather high potential of the Russian innovative sector is evidenced by the fact, that for the last years numerous research centers of major international corporations have been founded in Russia. Currently, many Russian innovative solutions are extensively used worldwide, moreover not only as technological developments, but as a final product. Russia has made significant progress in nanotechnologies and other perspective innovative directions, many ideas have been voiced out and theories have been formulated but very few of them have been put into practice. In general, there is quite numerous research and technologies, which could be implemented as innovative products.

But foreign partners, within the framework of innovative activity play the role not only of investors. The activity of collaborators on the innovations market should be mentioned. Foreign partners collaborators don»t participate in the projects, but act as advisers and contribute to the development of international cooperation, which is topical for the academics, who have been previously employed in closed organizations and in the cities.

Collaborators are experts in corresponding academic fields, providing for expertise and technical support to the group of designers from Russia and the CIS. Involvement of collaborators in the project ensures the highest possible capacity from the project, as well as technological exchange among academic research partners. Purposeful and productive involvement/ part of a collaborator is an essential criterion for securing financing for the project, since it»s collaborator who is deemed by a financing party as sufficiently competent in a specific field. At the stage of project performance, collaborator»s view is decisive while evaluating quality and the results of works.

While analyzing promising directions of Russia»s cooperation with foreign partners it»s possible to single out the following spheres of mutually lucrative innovative cooperation: production and technological, expert and consulting, financial, information, personnel and sales.

Among the priorities of the development of Russia»s innovative cooperation with foreign states it»s feasible to single out such branches of science and technology as industry of nano-systems and materials, living systems, energy and power saving, rational use of natural resources, information and telecommunication technologies. Besides, the Russian party will keep interested in strengthening its positions on external markets of nuclear technologies, aerotechnics, shipbuilding, space services and spacecrafts.

Innovative cooperation of Russia and foreign countries is stimulating innovation transfer processes in socio-economic, research and technical activity. These processes contribute to inflow of new knowledge, managerial methods and capitals to organization of economic activity and generally to social life.

So, active part of Russia in innovative cooperation with foreign countries is an objective reality of the present-day development.

The following measures should be undertaken so that Russia takes a deserved position in the world economy, so that the Russian science-intensive products are accepted by new prospective markets:

1. Defining priority trends of innovative cooperation from the viewpoint of Russia»s interests http%3A%2F%2Fwww.vscc.ac.ru%2Fsmall.php%3Fmodule%3DArticles%26action%3Dview%26aid%3D483&fmode=inject&mime=html&l10n=ru&sign=9bdd272027de9854 – YANDEX_141.

2. Arranging appropriate infrastructure to support innovative cooperation of Russia and foreign countries http%3A%2F%2Fwww.vscc.ac.ru%2Fsmall.php%3Fmodule%3DArticles%26action%3Dview%26aid%3D483&fmode=inject&mime=html&l10n=ru&sign=9bdd272027de9854 – YANDEX_142.

3. Promoting cross-border innovative cooperation on the level of regions and clusters.

The main target of innovative cooperation of Russia with foreign states should be attraction of innovations from the territory of partner states or joint generation of innovations so as to create socio-economic conditions for improvement of living standard of the Russian population.

All-sided development of forms and directions of innovative cooperation of Russia with foreign countries will enable to improve quality of cooperation, make necessary changes in the already emerging structure of economic relations, as well as contribute to growing efficiency of Russia»s economic performance. In such a way, competitive positions of innovative cooperation participants on the world market can be strengthened.

[1] Ageeva, S. (2011) Perspektivi inovatsionnoy Rossii. Dve positsii, ili vzglyad iznutri i izvne (Perspectives of innovative Russia: two standpoints or view from inside or from outside). *ECO,* 11, p.11–14.

References:

1. Ageeva, S. (2011) Perspektivi inovatsionnoy Rossii. Dve positsii, ili vzglyad iznutri i izvne (Perspectives of innovative Russia: two standpoints or view from inside or from outside). *ECO,* 11, p.11–14.
2. Armensky, A. (2012) Generatsia novatsiy kak predvaritelny etap inovatsionnogo razvitiya Rossii (Generation of innovations as a preliminary stage of Russia»s innovative development). *Innovations,* 3, P.48–51.
3. Baranov, A., Neustroyev, D. (2010) Vliyanie innovatsiy na dolgosrochniy ekonomicheskiy rost: evolutsia podkhodov k analizu I modelirovaniu vo vtoroy polovine XX- nachale XXI veka (The influence of innovations on long-term economic growth: evolution of approaches to the analysis and modeling in the second half of the 20th – early 21st century). *ECO,* 9, pp.129–146.
4. Gorodnichaya, E. (2010), Zarubezhny opit gosudarstvennogo stimulirovaniya formirovania clasterov (The state stimulating cluster formation: foreign experience). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 6. Ekonomika* (*Moscow University Bulletin. Series 6. Economics*), 1, pp. 15–26.
5. Monastyrsky, E. (2010), Problemi ispolzovaniya mezhdunarodnogo opita pri formirovanii innovatsionnoy ekonomiki sovremennoy Rossii (The problems of use of international experience for the formation of present-day Russia»s innovative economy). *Innovations,* 8, pp.52–57.
6. Allakhverdyan, A., Dezhina, I., Yurevich, A. (1996) Zarubezhniye sponsori rossiyskoy nauki (Sponsorship of the Russian science from abroad) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodniye otnosheniya (World economy and international relations),* 5

Tchorna L. O., Doctor der Wissensehaften, Professor, Chef des Lehrstuhls fur Management und Leitung.
Tchorna N. J., Assistentin des Lehrstuhls fur Management und Leitung der Winnitzjaer Universitat fur Handel und Wirtschaft

Die Besonderheiten der vertikalen Integralverbindungen in verschiedenen Industriebereichen

Unter gegenwärtigen Wirtschaftsverhältnissen ist obwohl die Erhaltung des großen Zahl der Konkurrenzbetrieben am Markt sehr wünschenswert, aber das ist fast unmöglich, weil es übermäßigen finanziellen Ressourcen für die Entwicklung des Zweiges fordert.

Die Integration ist der einzige Weg des Austritts aus der Kreise und der Sicherstellung der Steigerung der Konkurrenzfähigkeit.

Die vertikale Integration geht durch die Vereinigung der Gesellschaften in Erfüllung, die den Rohstoff produzieren, verarbeiten und sehr oft selbst die Erzeugnisse auf dem Markt realisieren. Es bedeutet, dass sichdie vertikale Integration als ein Prozess der Unternehmungsvereinigung erweist, die verschiedenen berichtigen Stadien des einzigen Industriekreislaufs eines Erzeugnisses erfüllt. Dieser Industriekreislauf beginnt mit der Gewinnung der Ressourcen (Produktion der Güter) und ist mit der Realisation der Güter von den Kunden zu Ende.

Einer der Vereinigungstypen ist ein Konzern. Ein Konzern ist die Unternehmungsvereinigung, von der ein großer Teil der Funktionen (finanzielle Leitung, eine Lieferung und ein Verkauf) um die Ausgaben zu verringern zentralisiert wird.

Der Zweck unserer Forschung ist die Aufdeckung der Besonderheiten der Bildung und Funktionieren der vertikalen Verbindungen in verschiedenen Wirtschaftsbereichen der Ukraine und der Welt.

Ein Integrationprozess ist eine kennzeichnende Tatsache für die Bäckereien des Winnitzjagebiets. Ein Beispiel ist die Gründung der OAG «BrotindustrieKonzern», die während ihres Daseins in sich 5 größten Bäckereiherstellern desWinnitzjagebiets («Winnitzjabrot», «Bargroßbäckerei», «Gajsinbrot», «Mogiliv-Podilsk Großbäckerei», «Kosjatinbrot») vereinigt. Außer der Industriebetrieben gehören noch zwei Betrieben des Winnitzjagebiets zum Konzern, die mit der Erfassung und Verarbeitung des Getreides und die Lieferung des Mehls auf die Betrieben des Konzerns («Podilmehl», «Gajsin Bäckereikombinat») beschäftig sind. Zurzeitumfasst der PAG «Brotindustriekonzern» 14 Betrieben des Lwiw-, Winnitzja-, Iwano-Frankiwsk, Riwne- und Tcherkassigebiets und gehört zu der führenden Gruppe der nationalen Bäckereiherstellern (ihr Teil des Markts der Ukraine bildet 7,4%) [1].

7.http://firearticles.com/economika-promyslovosti/291-rehionalnyy-rynok-khlibopekarskoi-produktsii.html

DieVertiefung der Integration, die Bildung der Wechselbeziehungen und der Annährungsgeschehen, die Kraftvereinigung der Betrieben eines Bereiches des Agrar-Industrie-Komplexes (AIG) bekommen zur Zeit einen maßstabgerechten Charakter um die Tätigkeit zwischen verschiedenen Bereichen, nämlich eine Fertigung des Wirtschaftsstoffes, eine Erhaltung, ein Gütertransport und eine Verarbeitung zu halten. Solche konzeptuelle Behandlungen bestimmen die Aktualität der Integrationsgeschehen im Agrar-Industrie-Teilkomplex.

Durch die Zusammenarbeit der vertikalintegralen Agrar-Industrie-Betriebe wird ein Rechengerät bestimmt. Das ist ein Mittelpunkt allen technisch-wirtschaftlichen Systems der Vereinigung [2]. Die Kennziffern der heutzutagen Rechengeräte erweisen, dass er meistens ein Verarbeitungsunternehmen ist, das alle Stufen der Fertigung, Verarbeitung und des Absatzes kontrolliert.

Verhältnismäßig neue und eigentümliche Form der Agrar-Industrie-Integration ist eine Agrar-Industrie-Gesellschaft. Sie ist eine Gestalt der Erzeugungsorganisation, die die landwirtschaftlichen Unternehmen umfasst. Diese Betriebe haben ein großmäßiges Produktivpotenzial (d.h. große Kapazitäten für die Bautätigkeit und Zusammenstellung der Einrichtungen, eine mächtige technische Basis, entwickelte soziale Infrastruktur) und sind nicht nur mit der Produktion, sondern auch der Verarbeitung und dem Absatz landwirtschaftlicher Erzeugnissen beschäftigt [3].

Die Verarbeitungsunternehmen, die zu einer Agrogesellschaft gehören, sind ausschließlich ihr als innerwirtschaftliche Unterabteilung verantwortlich, daraus folgert, dass ein landwirtschaftlicher Betrieb ein Rechengerät des Industriesystems ist. Das ist ein bestimmtes Unterscheidungsmerkmal der Agrogesellschaft.

Die Gesetze des Markts lösen sehr oft Negativtendenzen für die Farmer aus. Es ist ihr ordentliches Heraussetzen der Ausgaben wegen der Preissteigerung der Gütern und der Dienstleistungen. Deswegen versammeln sich die Farmer um ihre Konkurrenzmöglichkeit zu erhöhen. Ein Niveau ihrer Verstärkung steigern durch Vermittlung von verschiedenen Vertragen, dem Landwirtschaftsgenossenschaften und anderen landwirtschaftlichen Integralstrukturen.

---

[1] http://firearticles.com/economika-promyslovosti/291-rehionalnyy-rynok-khlibopekarskoi-produktsii.html

[2] http://www.economy-confer.com.ua/full_article/703/

[3] http://ukr.vipreshebnik.ru/a/agpoppomiclova-integpatsiya

Erstens bestimmen wir das Wesentliche bei einen Landwirtschaftsgenossenschaft. Unsere Meinung nach ist dass ein Landwirtschaftsgenossenschaften eine freiwillige Versammlung der Farmer ist um die Fertigungsfragen, die Erhaltung, Verarbeitung und sogar Absetzung der Landwirtschaftserzeugnissen zusammenzulösen und angemessene Kreditspritze, Zulieferung und andere Bedienungen zu versorgen [1].

Es gibt eine Großgruppe der Genossenschaften, die mit der Erfassung, Verarbeitung und Absetzung (Groß- und Einzelhandeln) der Landwirtschaftserzeugnissen tätig ist. Die zweite

Großgruppe umfasst die Genossenschaften, deren Hauptaufgabe ein Aufkauf der Produktionsmittel mit ihrer folgenden Ablieferung zu den Genossenschaftsmitgliedern ist.

Die dritte Gruppe der Genossenschaften besteht aus die Kreditgesellschaften, landwirtschaftlichen Registriergenossenschaften und Immobiliengenossenschaften.

Der Meinung einigen Wissenschaftlern nach ist dass durch die Benutzung der Welterfahrung und die Erschaffung des breiten Netzes der Kreditgesellschaften für

ukrainischen Farmer ein Prozess der Herausbildung des Pächterschaften in unserem Land besser gehen könnte [2].

Im Verkehrszweig gibt es heute allen Formen und Richtungen der Integralprozesse. Zum Beispiel, Luftverkehrsgesellschaft «Austrian Airlines», dessen 42% Aktien zum österreichischen Industrieholding «OIAG» gehört und das jetzt am Rande des Bankrottes steht, wird einem von europäischen Marktführern des Luftfrachtverkehrs — deutsche Gesellschaft Lufthansa — verkauft [3].

GlobalTrans ist der größte russische Privateisenbahnbediener. Er beabsichtigt etwa 100% Raten des Eisenbahnbedieners GmbH «Trans Invest Gruppe» zu verkaufen. Jetzt GlobalTrans besitzt 100% Aktien der OHG «NowaPerewizna Company» und der GmbH «SewTchnoTrans» [4].

Im ukrainischen Verkehrskomplex gibt es auch Integralprozesse. Als Beispiel sehen wir die Tätigkeit des Gesellschaften «Orlan Trans» (aktiv vom 1999 Jahren) an. Diese Gesellschaft ist mit verschiedenen Erzeugnissbeförderungen tätig. Im Jahre 2002 kam europäischen Markt her, wo französischeSpediteurgesellschaft «Orlan Trans France» (Strasbourg) begründete. Dort befindet sich eigentlicher Terminal der Gesellschaft. Es muss darauf hingewiesen werden, dass «Orlan Trans» einer von größten Aktieninhabern der OHG «Borispol Kraftwagenpark» ist, die sich nicht weit vom Hauptinternationalflughafen der Ukraine «Borispol» befindet [5].

Eine der anderen Gesellschaften, die sich intensiv entwickeln und ihre Tätigkeit diversifizieren, ist eine Vereinigung UkrAuto. Im Jahre 2002 nahm sie den Staatsaktienbesitz Saporishshja Maschinenbaubetriebes (mehr als 82% Aktien der OHG «AutoSas») in Besitz und bekam einen Recht der Betriebslenkung, nämlich seines Industrieprogramms. Im Januar, 2003 ist dieses Unternehmen als Plc «Saporishshja Maschinenbaubetrieb» unbenannt gewesen.

3. http://business-consultant.com.ua/ukr/publicaciitb202.html

4. http://agroua.net/economics/documents/category-97/doc-116/

8. http://www.ma-journal.ru/news/54665/

9. http://www.business.dp.ua/trans/teconom/20080717.htm

Außer dem Hauptbetrieb der Stadt Saporishshja gehören die staatsrechnungsmäßigen Unternehmungen zu der Plc «SAS». Sie spezialisieren sich in abgesonderten Arbeitsarten, z.B. «AutoSasMotor» in Melitopil, «Illitchiwsk Aggregatbetrieb», «Iskra» in Pologi, «Tawria-Magna» in Saporishshja. Die Zusammenarbeit zwischen der Gesellschaft «UkrAuto» und solchen Maschinenbauriesenwerken als DaimlerChrysler, GeneralMotors, Toyota, Nissan, Renault und die Schaffung der spezialisieren Betriebe, die weltbekannten Automodele reihen (Mercedes-Benz, Chrysler, Jeep, Opel, Toyota, Nissan) produzieren, verkaufen und bedienen [6].

Zur Gesellschaft «UkrAuto» gehört ein Internationalverkehrsunternehmer «TransKapital» (im Jahre 2004 gegründet), der ein Mitglied des AsMAPs der Ukraine ist. Die Gesellschaft «UkrAuto» ist auch ein Begründer der Zolllizenzlager (es gibt 6 Lagern in Kiew, Donezk und Simferopol), des Fremdverkehrsbetriebes «GermesTravelGroup», des Netzes der modernen Tankstellen, der Gaststätten und Restaurants an ihren eigenen Abfertigungsanlagen und Tankstellen, z.B. ein Restaurant «Perwak» in Kiew.

Innerhalb heutigen wirtschaftlichen Gegebenheiten, wenn ein Nominalwert der Metallgüter immer mehr vom Rohstoffwert abhängig ist, zeigen sich die vertikalen Integralverbindungen als die Gesellschaften, die standhaft zu preislichen Außen schocken und der Destruktivtätigkeit sind.

Ein Führer in dieser Richtung ist jetzt «MetInvest Holding», der intensiv mit der Entwicklung des Groß- und Einzelmetallhandels beschäftig ist. Er erfüllt es mit Hilfe des Rebrendinges der Absatzzentralen.

Die vertikale Integralgruppe «MetInvest», die eine Privatgesellschaft des vollen Produktionsdurchlaufs (vom Abbauen der Kohle und des Kupfern bis einer Erzeugung der Großrohren), besteht aus drei Abteilungen: die Stahlabteilung, Kohleabteilung und Kupferabteilung [7].

MetInvest International S. A. erfüllt die Lieferung der Metallerzeugnisse der Gesellschaft MetInvest nach dem Exportmarkt, ausschließlich Russland und GUS.

In letzter Zeit verändert sich MetinvestInternational S. A. Philosophie von der Rolle des selbstständigen Traders zur Lieferungsstruktur der größten vertikalen Integralholdings. Logistische Möglichkeiten der Gesellschaft lassen einen Verkauf der Erzeugnisse der Gesellschaften, die die Gruppe «MetInvest» bilden, effektiv erfüllen und auch eine Interhandelsrichtung entwickeln.

«MetInvest-Ukraine» ist die größte Handelsmetallgesellschaft auf dem ukrainischen Markt. Sie war am 8. Oktober, 2007 auf die Zentralstelle der Gesellschaft «Leman Ukraine» in Rahmen des Absatzquelleverteilungsprogramms zur Groß- und Einzelhandelsquelle in der Ukraine und GUS gegründet. « MetInvest-Ukraine» realisiert die Erzeugnisse des Betriebes

---

[1] http://agroua.net/economics/documents/category-97/doc-116/

[2] Там же

[3] http://www.ma-journal.ru/news/54665/

[4] http://business-consultant.com.ua/ukr/publicaciitb202.html

[5] http://www.business.dp.ua/trans/teconom/20080717.htm

[6] http://business-consultant.com.ua/ukr/publicaciitb202.html

[7] http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php? ELEMENT_ID=3918

«MetInvest Holding» auf dem Markt der Ukraine und Gus. Das Angebot von Waren zählt über 165 Posten an [1].

Es muss darauf hingewiesen werden, dass sich»MetInvest»s Kauf den Inguletz Bergbau- und Aufbereitungskombinat (BAK) eine eigene Zentralstelle erweitern und mehr als 70% ukrainischen Eisenkupfermarkts kontrollieren lässt. Da vergrößert sich ein Weit der Gesellschaft und öffnet ihr eine Möglichkeit die Teilung zu vertiefen [2].

Die große Finanz- und Industriegruppe «System Capital Management» richtet sein Augenmerk auf die Entwicklung des Maschinenbausegments und wird ein Aktieninhaber der einigen Waggonbauwerken des Landes. Die Gruppe «Privat» entwickelt ihre Tätigkeit auch im Maschinenbau und Bau. Also mehrere Finanz- und Industriegruppe nehmen die vertikale Integration als ein Vordringen auf höhere Reihe der Industrie, d.h. eine Anfangsvertikalintegration auf. Erste ukrainische Finanz- und Industriegruppe, die eine volle vertikalintegrale Struktur bildet, ist auch die Gruppe «Privat». Sie umfasst fast allen Industrieniveaus in Rahmen des informellen vertikalintegralen Konglomerats. Es besteht aus den Herstellern des Eisenkupferrohstoffs, Kokschemiebetrieben und Stahlwerken [3].

Die Vertikalintegration bedeutet allerlei Genossenschaftsbildungen der Betrieben und Werkenverschiedenen Bereichen der Landwirtschaft, die technologisch und organisierend verbunden sind. Der Staat soll eine aktive Stelle in solchen Prozessen einnehmen, weil die stabile Situation in Grundbereichen der Wirtschaft sehr bedeutend für die Wirtschaftsungefährlichkeit des Landes ist.

Die Erfahrung der Industrieländer weist aus, dass es im Gebiet der Bildung der vertikalintegralen Gesellschaften systematische Gesetzmäßigkeiten gibt. Das sind:

- analogisches Szenario der Entwicklung;
- analogische vorhersagende Tätigkeit im Bereich der Vereinigung und des Aufnahmen;
- höhe Wirksamkeit einigen Genossenschaften im kurzen Termin;
- Wiederspruch der Vereinigungen und Aufnahmen zu den Konkurrenzgesetzen.

Ein Beweggrund für die Bildung der Exportorientierungs- und vertikalintegralen Gesellschaften ist eine Erhöhung der Wirkungen vor Anwesenheit am ausländischen Markt, trotzdem sie zu den Staatsgesellschaften gehören. Solche Strukturen werden nach den Modellen der Pazifikländer gebildet.

Also hier können wir betonen, dass die Branchenzugehörigkeit ihre Besonderheiten der vertikalintegralen Gesellschaften bildet. Aber die gemeinsame Gesetzmäßigkeit ist mit den Privatisierungs- und Krisenprozessen, der Geldakkumulation, Liberalisierung der Außenwirtschaftstätigkeit und des Erzeugenmechanismus, der Konkurrenzverstärkung auf den zielbestimmten ausländischen und nationalen Markts, anderen Leitungsprozessen, damit das Land die vertikalintegralen Gesellschaften bildet, verbunden.

Die analysierte Besonderheiten, Gesetzmäßigkeiten und Fehlbestanden lassen uns die Hauptmerkmale der erfolgreichen vertikalen Gesellschaften formulieren. Das sind:

- Allgemeiner technologischer Kreislauf;
- Abkürzung der Transaktionen Ausgaben;
- Strukturbildung der strategischen Zielen;
- zweckbestimmter Austritt und Einsetzung auf ausländischen Markts;
- aktive Einsetzung auf nationalen Markt.

Referenzen:

1. http://old.niss.gov.ua/book/StrPryor/11_2009/22.pdf
2. http://www.economy-confer.com.ua/full_article/703/
3. http://business-consultant.com.ua/ukr/publicaciitb202.html
4. http://agroua.net/economics/documents/category-97/doc-116/
5. http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php?ELEMENT_ID=3918
6. http://ukr.vipreshebnik.ru/a/agpoppomiclova-integpatsiya
7. http://firearticles.com/economika-promyslovosti/291-rehionalnyy-rynok-khlibopekarskoi-produktsii.html
8. http://www.ma-journal.ru/news/54665/
9. http://www.business.dp.ua/trans/teconom/20080717.htm

Chichkina Vera Dmitrievna, The Syzran"s branch of the Samara state Technical university
candidate of Economic Science, senior lecture

Чичкина Вера Дмитриевна,
Самарский государственный технический университет (филиал в г. Сызрань), доцент кафедры экономики

Small business and its role in increase of competitiveness of economy.

Малое предпринимательство и его роль в повышении конкурентоспособности экономики

В современных условиях в экономике ключевым источником роста эффективности производства, достижения конкурентных преимуществ на мировом рынке, насыщения рынка необходимыми товарами, услугами является развитие малого предпринимательства.

[1] http://www.experts.in.ua/baza/analitic/index.php? ELEMENT_ID=3918

[2] Там же

[3] http://old.niss.gov.ua/book/StrPryor/11_2009/22.pdf

В мировой экономической практике наблюдается все более возрастающая роль малого бизнеса в повышении конкурентоспособности экономики. Так, статистика свидетельствует о том, что малые предприятия имеют больший, чем крупные предприятия удельный вес в ВВП, численности занятых в общем количестве действующих предприятий большинства стран. Например, доля малых предприятий в валовом внутреннем продукте западных стран доходит до 60–70% ВВП.

С учетом выбранного курса российской экономики на ускоренное развитие высокотехнологичных отраслей, инноваций, малое предпринимательство было и остается одной из приоритетных сфер деятельности экономики. Основной целью развития малого предпринимательства в стране является создание условий, стимулирующих граждан к осуществлению самостоятельной предпринимательской деятельности, и увеличению вклада продукции малых предприятий в валовой внутренний продукт и доходы бюджета.

Малое предпринимательство обеспечивает необходимую мобильность в условиях рынка, что позволяет предприятиям выжить, приспособиться к динамично меняющимся условиям функционирования экономики. Характер и изменение научно-технического прогресса позволяют малым предприятиям более эффективно, чем крупные компании, реализовывать инновации. Малое предпринимательство оперативно реагирует на изменения конъюнктуры рынка, что повышает эффективность рыночной экономики. Предприятия малого бизнеса являются гибкой и динамичной формой предпринимательской деятельности. Они способствуют обеспечению занятости населения, увеличению на рынке товарной массы, в основном, потребительских услуг. Малое предпринимательство обеспечивает высокую рентабельность той продукции, производство которой невыгодно на крупных предприятиях.

Малые предприятия больше не являются антиподом крупных. Крупные ориентируются на относительно однородный спрос и выпуск больших партий продукции. Переориентация крупного производства на выпуск другой продукции — чрезвычайно трудное, длительное дело, связанное с большими единовременными затратами. Малые успешно работают на сравнительно небольших сегментах рынка. Это повышает эффективность международного разделения труда и снижает издержки. Малое предпринимательство оперативно реагирует на изменение конъюнктуры рынка, что повышает эффективность рыночной экономики за счет обеспечения высокой рентабельности производства продукции, которую не выгодно производить на крупных предприятиях. Таким образом, малые предприятия не конкурируют, а интегрируют свою деятельность с крупными: каждый участник получает большой доход с меньшими издержками.

Малое предпринимательство — малое только по размеру, но не по его значению и вкладу, который оно вносит в экономику страны. Его значение в развитии экономики становится все более определяющим. Мелкие и средние компании создают новые рабочие места, тем самым обеспечивая достойную жизнь большинству населения страны.

Особенность развития малого предпринимательства в России определяется невысокими темпами развития.

Общественной организацией “Опора России” составлен рейтинг факторов, негативно влияющих на малый бизнес:

- высокая налоговая нагрузка — 50%
- ограниченность финансовых средств — 48%
- нестабильность законодательства — 45%
- коррупция в органах власти и управления — 35%
- высокие ставки арендной платы — 32%
- проверки контрольно — надзорных органов — 25%
- трудности с получением кредита — 23%
- низкая квалификация персонала — 13%

Развитие малых предприятий прошло путь от натурального хозяйства к рыночной специализации, от местной мелкой промышленности до экспортно-ориентированных малых предприятий, от мастерских изобретателей до высокоэффективных венчурных компаний. Опыт последних говорит о том, что малые компании создают в 17 раз больше нововведений (в США) на каждый доллар затрат, чем крупные компании, 90% новых технологий создано на малых предприятиях. Назовем основные преимущества малых предприятий.

1.Гибкость — возможность вовремя переключать ресурсы, как людские, так и материальные, и своевременно удовлетворять требования рынка.

2.Специализация — сосредоточение в компании специалистов соответствующего профиля.

3.Прямой маркетинг — непосредственный контакт с потребителем, способствующий полному удовлетворению спроса по количеству и качеству, что приводит к росту числа постоянных покупателей..

4.Занятость — создание новых рабочих мест.

5.Инновации — обладание высоким творческим потенциалом. Малые предприятия весьма часто создаются для реализации новых идей, успешно проводят научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

6.Перераспределение доходов — уменьшение диспропорции доходов населения, более высокая заинтересованность в результатах своего труда. Малые предприятия доступны различным слоям населения.

7.Возрождение духа предпринимательства — содействие росту талантов, раскрытию личности, созданию династий.

8.Развитие местного рынка — рост потребления и уровня жизни.

Самарская область всегда относилась к числу экономически и промышленно развитых регионов России. В Самарской области за 2011год насчитывается 9,2 малых предприятия на 1000 жителей, тогда, как в Приволжском Федеральном округе — 6,2, в РФ — 7,9 Своеобразным показателем влияния малого бизнеса на развитие экономики региона является доля работников малых предприятий в суммарной численности занятых в экономике. Самарская область занимает 15 место по доле работников малых предприятий в суммарной численности занятых в экономике РФ. Среди регионов Приволжского федерального округа Самарская область занимает 2 место (15,9). Малый бизнес Самарской области развивается достаточно успешно, однако в данном секторе экономики все же имеется ряд проблем, из-за которых малое предпринимательство в Самарской области и в России в целом пока не достигло желаемого уровня развития.

Структура малых предприятий по видам экономической деятельности в Самарской области представлена следующими данными:

- в оптовой и розничной торговле, в сфере услуг по ремонту автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования — 31,8% от общего числа малых предприятий;
- в сфере операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг –19,7%;
- в отрасли обрабатывающих производств — 14,4%;
- в строительстве –13,7%;
- в транспорте и связи — 1 6,0%;
- в сельском и лесном хозяйстве –4,4%
- в гостиничном и ресторанном бизнесе — 4,3%;
- в сфере предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг — 2,3%;
- в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг — 1,4%;
- в сфере финансовой деятельности — 0,9%;
- в производстве и распределении электроэнергии, газа, воды — 0,6%;
- в добыче полезных ископаемых –0,2%.

Как и в других областях страны, в Самарской области ведется активная политика по поддержке малого бизнеса, а именно: – была разработана областная целевая программа "Развитие среднего и малого предпринимательства в Самарской области", которая включает ряд мероприятий. Во-первых, предоставление грантов субъектов малого и среднего предпринимательства. Во-вторых, предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований Самарской области для софинансирования программ поддержки и развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Необходимо отметить возрастающую роль инновационной деятельности и созданию благоприятных условий в развитии венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере. В данном направлении активно работает Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Самарской области, учредителем которого выступило Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области.

Одних их крупномасштабных стратегических проектов является строительство регионального технопарка. Проект разработан на основе использования международного опыта и включает создание целостной технопарковой инфраструктуры — бизнес-инкубатора, инновационно-технологического центра, выставочного зала. Финансирование данного проекта предполагается осуществлять за счет средств Федерального областного бюджетов, а также внебюджетных источников. Привлекаемые средства направляются на развитие инновационной инфраструктуры и и поддержку инновационных проектов в рамках формирования территориально-производственных кластеров и продвижение инновационных технологий на российский и мировой рынок. К основным направлениям развития кластеров в Самарской области относятся: автомобильный, нефтехимический, авиационно-космический, транспортно-логистический.

Одним из вариантов предварительной оценки эффективности Программы поддержки малого предпринимательства может быть расчет интегрального социально-экономического эффекта от финансирования программ поддержки малого предпринимательства, который основывается на вкладе в ВВП страны, пополнении государственных внебюджетных фондов и бюджетов регионов за счет малого предпринимательства.

Однако следует отметить ряд проблем, которые существуют на данный момент в направлении развития малого предпринимательства области:

- недостаточно эффективно государственная инфраструктура содействует развитию малого бизнеса и формирования его эффективных форм;
- несмотря на различные направления развития отраслевых кластеров, в Самарском регионе не один не нашел практической реализации, отмечаются отдельные мероприятия, но о развитой кластерной системе говорить не приходится.

В целях эффективного развития малого предпринимательства, можно предложить усилить контроль над разработкой и принятием муниципальных программ поддержки и развития субъектов малого предпринимательства со стороны государственных структур и использовать механизмы государственной финансовой поддержки малого предпринимательства проводить стимулирующие мероприятия с целью эффективной интеграции структур, входящих в кластер.

Список литературы:

1. Зарубежный опыт кредитования малого бизнеса // Режим доступа: http//www.economics.ru.
2. Федеральный закон 209-ФЗ (ред. 06.12.2011.) "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации".
3. Анализ развития малого предпринимательства Самарской области и других регионов РФ // режим доступа: http//www.sme. samregion.ru

Tatiana G. Sheshukova, Perm State University National Research, Head of Accounting, Audit and Analysis Department

Yulia G. Sedegova, Perm State University National Research, postgraduate student of Department of Management

Characteristics of occupational pension systems in Eastern Europe

In many countries, the pension system is based on a three-level model, the members of which are the state, the employer and the employee. The state provides a pension equal to the cost of living, the employee pay additional voluntary contributions to a pension, so the main financial burden placed on the employer, paying obligatory pension contributions. In accordance with this approach, the second component is a significant share in the total structure of the pension.

First three-level pension system dates back to Western Europe and America. In most Eastern European countries dominated the Soviet model of social insurance, which is based on state pensions. This model doesn't have the financial autonomy and dependence on the state budget, but also there isn't connection between the personal responsibility of the citizen and the right to receive pensions and benefits. Another disadvantage of this system was the lack of pre-risk management, which has led to a scarcity of funds and unfunded liabilities.

This form of social protection was acceptable to 70-80-s of XX century. In the mid 80's in parts of Eastern Europe began reform of the national social security system. The need for such reform is due to the demographic and economic factors - the rapid aging of the population, an increase in pension payments burden on government budgets, low-income, saving in the pension systems of many persons entitled to benefits[1].

Analysis of occupational pension schemes in Eastern Europe can identify common features found in most pension systems, and features which are due to the national legislation of a country.

Financial problems of pension systems, as the global experience, could be solved two methods:

- Slight modification the public pension system and the development of additional voluntary private pension schemes;
- The introduction of a new multi-distribution-funded pension system, financed from various sources.

Several Eastern European countries have chosen the first path of development (the Czech Republic), others have chosen second (Hungary, Poland, Bulgaria, Ukraine).

This article provides an analysis of the second version of the reform of the pension system, because of the establishment of occupational pension systems.

Typically, occupational pension system in Western countries are under a particular industry or company and are corporate, and not due to the specific conditions of work. Features of occupational pension schemes in Eastern Europe should be viewed from the perspective of a significant number of early retirement benefits, and in this case the problem is occupational pension compensation income pensioner who retired early. The term "occupational pension" reflects the specific occupations for which the probability of early disability due to the specific conditions and nature of work[2].

In Bulgaria, a 90 - s. XX century has been prepared legislation to implement a three-level pension system, in contrast to Poland, Hungary and the Czech Republic, the system of diversified contributions has been saved, i.e. not only the employer but also the employee pays contributions to a pension. For the bulk of the workers contributions are from 23% to 44.5% of the employee's salary (depending on the category of employment). In this case 10.325% maximum fee charged to the employee. For workers who have the specific conditions and nature of work the pension contribution rate is higher than for other employees, the employer pays an additional 3% to the occupational pension funds. It was planned that in 2002 the ratio of pension contributions paid by the employee and the employer should be 25:75, and by 2007, the ratio had to bring to par, but the actual distribution of contributions in 2011 was 40:60.

The second level of the pension system has two types of funds: general funds of compulsory savings insurance (since 2002) and occupational pension funds for hazardous job (from 2000). In such funds employers pay contributions from 7% to 12% of salary (depending on the category to which the worker). There are not age restrictions for employees to participate in these insurance fund. Professional funds pay early retirement pension to people, who have worked the required number of years on extremely hazardous job, and on particularly hazardous job, 15 and 10 years. The early retirement of these funds may be paid to employees at 3 and 8 years ahead of the country's retirement age. The size of the early occupational pension is determined based on the accumulated amount and obtaining investment income and the period for the proposed early retirement. If person does not take the right to early retirement, he or she can get a paste all of the accumulated amount, or transfer the funds accumulated in the General pension fund, which would significantly increase the size of its total pension[3].

Almost at the same time in Hungary, Ministry of Finance initiated pension reform and proposed to divide pension into three components: state, salary, capitalized. The second component depends directly on the employee's income and goes to his or her individual account to a private pension fund, accumulated, invested and paid when the employee retired. The model Hungarian private pension funds is similar to the Western European model of occupational pension schemes, but has its own features: the founders of the occupational fund in Hungary needn't have been employers, at the same time the funds do not necessarily guarantee the value of future pension (although they can do, because the law doesn't exclude such a possibility) that is why pension schemes used in the second compulsory level are classified as defined contribution schemes (in Western Europe, mainly such systems are classified as defined benefit schemes). Hungarian law provides for early retirement for those categories of people who have worked a certain number of years (at least 10 years for men, at least 8 years for women) in heavy or dangerous work.

The pension reform in Poland began in the late 90's XX century. One of the main purposes of the reform was the abolition of all privileges of the old pension system and to ensure equal conditions for all. According to the new legislation, occupational pensions are temporary and their size depended on the category of recipients. All employees were divided into three groups: the first group of people (employed in jobs with special conditions) was entitled to occupational pension before retirement age generally established, the second group (those who have worked in hazardous conditions, but the new law had no right to preferential pension) was entitled to lump sum compensation, and the third group (those who started to work in the special conditions under the new law) had the right to training and employment assistance to less hazardous work.

Thus, it was planned that as soon as the last liabilities would be discharged, the system of preferential pensions in Poland should be closed. Therefore the Professional Pensions in Poland are only temporary[4].

In Ukraine, the pension reform began in the early 2000s. The occupational pension system is based on two main principles: the responsibility of the employer for the future right to early retirement and funding occupational pensions. The first of these principles

---

[1] Chubarova, T. V. Occupational pensions in the pension system (the experience of developed countries). The Labour Abroad.-2003, № 2.

[2] Ershova, I.B. Some approaches to reforming the pension system in the Eastern European countries. The Labour Abroad. – 1998. № 2.

[3] Shestakov, E.E. Experience of introducing multilevel pension systems in Eastern Europe: general approaches and features. The Labour Abroad. – 2002. № 2.

[4] Emelyanova, T. V. Financial security of pension systems in the European Union and Russia. Finance. – 2008, № 10.

are realized through the establishment of rates of insurance payments for the employer, differentiated according to the conditions of work, ranging from 11.8% to 5.7%. The second principle is implemented through the involvement in the occupational pension schemes corporate pension funds. Most discussion was the issue to review the list of professions and activities related to the work in hazardous working conditions and giving the right to early retirement. Thus, the draft law on occupational pension system in Ukraine is still under discussion over 5 years (since 2007).

The reform of the pension system in Kazakhstan, as in other post-Soviet states, was due to a market-based economy. A distinctive feature of the Kazakh reform reflected in the fact that the savings system was not introduced as an additional, but as an essential element of the new private pension. In Kazakhstan, January 1, 1998 early retirement pensions were eliminated, while monthly cash payments were introduced for those people, who have rights to early retirement pension, made from the budget. But these measures have provoked public outrage. Since January 1, 2003 government has introduced the concept of voluntary occupational pension contributions generated by the employer to an employee, for certain categories of occupations. The level of this fee is set by agreement of the parties, but could not exceed 10% of the monthly income of the employee. However, given the changes in the legislation to solve the problems in this area was not possible. First, there was evening – out of conditions of retirement for all citizens, regardless of the working conditions and wages, and second, contributions to occupational pension systems are voluntary and, thus, provides an opportunity for employers to not pay. At present, the focus of the discussion is the question of securing binding professional employer contributions and reducing age by occupational pension.

Despite such a significant positive effect on the employer and the employee should not be forgotten that the occupational pensions employers create a number of difficulties, among which in the first instance administrative burden and financial costs[1].

Analysis of the experience of Eastern Europe has shown that the occupational pension scheme due primarily to the large number of early retirement pensions. However, cancellation of such pension is only possible in the case of upgrading industries that would reduce occupational risk. Insufficient elaboration of some aspects of pension reform could lead to incomplete construction of occupational pensions.

Ruslan S. Shostak, Classic Private University, Zaporozhye, Ukraine,
graduate student of economics, national and Applied Economics
Шостак Руслан Станиславович, Классический приватный университет, Запорожье, Украина,
аспирант кафедры экономической теории, национальной и прикладной экономики

Methodical approach to evaluating the effectiveness of retailers

Методический подход к оценке эффективности развития торговых сетей

Актуальность данной проблемы обусловлено тем, что торговля относится к числу перспективных и быстроразвивающихся секторов экономики, эффективное функционирование которой является одним из источников достижения устойчивого социально-экономического развития страны, региона или отдельного населенного пункта.

Широкий круг методических вопросов функционирования розничных торговых сетей рассмотрен такими зарубежными авторами как Б.Берман, Р.Варли, Ф.Голд, Г.Джоунс, В.Дэвидсон, Р.Кларк, М.Рафик, Х.Пик, С.Уолтон, У. Хэнсон, Д. Эванс. В работах таких ученых как Г. Вайе, Х. Гелтенбот, У. Деринг, Д. Стоун, К. Хитчинг, В. Хойер достаточно широко раскрыты методические и практические аспекты оценки эффективности деятельности торговых организаций.

Среди украинских ученых, которые занимались изучением различных вопросов касающихся торговых сетей, можно выделить таких как В.Апопий, О. Бакунов, Л.Лигоненко, Т.Пикуш, В.Распопова и др.

Однако экономические системы и, в частности, торговые организации находятся в постоянном изменении. Поэтому, несмотря на большое количество исследований проблемы функционирования торговли, актуальной является необходимость разработок теоретического и методического характера относительно развития именно торговых сетей.

Ключевой вопрос для успешной работы любой торговой сети - эффективное развитие. Показателей эффективности – множество. Обзор имеющихся в экономической литературе точек зрения и методик показал, что в настоящее время преобладает ресурсный подход, при котором рассчитываются, в основном, общие показатели эффективности и реже - частные показатели эффективности. На наш взгляд, при проведении оценки для более глубокого и качественного анализа необходимо использовать комплексный подход к построению показателей эффективности развития торговых сетей.

Для оценки развития торговых сетей нами предложено использовать методический подход комплексного комбинированного матрично-векторного анализа. Основой для разработки данного методического подхода была методика комплексного анализа экономической эффективности деятельности, созданная профессором У.Мересте.

Методика У. Мересте, базируется на утверждении, что при диспропорциональном повышении эффективности, обобщающие исходные параметры должны расти быстрее, чем частные[2]. Согласно методике У.Мересте, важное значение приобретает классификация исходных показателей и их отнесение или к ресурсам (рабочая сила, основные средства, торговая площадь), или к затратам (затраты обращения, заработная плата) или к результатам (прибыль, товарооборот). Затраты возникают в ходе потребления ресурсов, то есть ресурсы трансформируются через затраты в конечные результаты. Поэтому, находясь между ресурсами и результатами, затраты находятся к результатам значительно ближе, чем ресурсы.

Для повышения общей эффективности, темп роста ресурсов должен быть меньше темпа роста затрат, а темп роста затрат - меньше темпа роста результатов, что наглядно демонстрирует рис.1.

---

[1] James, E., Siler, M., Mouton, P., Yakushev, L International experience of social protection. M.1994.

[2] Бакунов О.О. Обгрунтування пріоритетів стратегічного розвитку роздрібних торгівельних мереж / О.О.Бакунов, В.А.Распопова // Європейський вектор економічного розвитку: [зб.наук.праць]/голов.ред.Б.І.Холод. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет економіки та права ім.. А. Нобеля, 2010.-№2 (9).-С.19-30

Рис. 1. Соотношение между темпами роста ресурсов, затрат и результатов функционирования торговых сетей

Приведенное соотношение должным образом отображает причинно-следственные связи, которые существуют между показателями, характеризующими развитие торговых сетей, и позволяет отслеживать соблюдение требования изменения показателей относительно повышения эффективности функционирования торговых сетей. Нами повышенное внимание уделялось отбору исходных количественных показателей и упорядочению их совокупности. По нашему мнению совокупность показателей должна удовлетворять таким требованиям: универсальность, полнота, лаконичность, доступность, понятность, сравнимость, достоверность, информативность, существенность, научная обоснованность.

Основные преимущества разработанного методического подхода, выявленные на основании сравнения базовой методики с предложенным нами методическим подходом указаны в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнение базовой методики и авторского методического подхода

Этап	Базовая методика	Авторский методический подход	Преимущества авторского подхода
I. Этап отбора абсолютных показателей			
- общее	Распределение групп показателей на такие, которые характеризуют результаты, затраты и ресурсы торговых сетей		Дает возможность более полно оценить развитие торговых сетей. Система показателей позволяет учесть изменения в структуре не только результатов и ресурсов, но и расходов
- различия	Суженный перечень показателей, затраты представлены лишь одним показателем, который делает невозможным осуществление оценки прогрессивности изменения их структуры	Расширенный перечень показателей, который включает по четыре показателя в каждой группе (результаты, затраты и ресурсы)	
II. Этап упорядочивания групп абсолютных показателей			
- общее	Упорядочивание групп показателей в соответствии с требованием, относительно соотношения между темпами роста абсолютных показателей: ТР ресурсов < ТР расходов < ТР результатов, что предусматривает расположение показателей в таком порядке от наиболее приоритетного к наименее приоритетному: «Результаты» → «Затраты» → «Ресурсы».		отсутствующие
- различия	отсутствуют	отсутствуют	
III. Этап построения исходной матричной модели			
- общее	Построение осуществляется исходя из того, что в упорядоченном ряду исходных признаков рост значения любого из них должен вызывать адекватный рост значений показателей, которые ему предшествуют		отсутствующие
- различия	отсутствуют	отсутствуют	
IV. Построение матрицы развития торговой сети			
- общее	Определение элементов матрицы, которыми являются темпы роста (индексы) относительных показателей, полученных путем деления данных каждого столбца на данные каждой строки		Делает возможным осуществление оценки как оперативного, так и стратегического развития. Предусматривает учет изменений, которые произошли как за отчетный год, так и в течение последних лет
- различия	Не уточняется, какой период должен быть базовым (чаще всего берется предыдущий год). Учитывается изменение последнего года без учета тенденции изменений за ряд лет	Предусматривает построение как матрицы текущего (за темпами роста к предыдущему периоду), так и матрицы стратегического развития (за средними темпами роста в течение не меньше чем 5 последних лет)	

Предложенный нами методический подход строится по принципу «ресурсы - затраты - результаты», что дает возможность диагностировать уровень развития торговой сети, дать ему количественную и качественную оценку.

Вопросом, который выступает на первый план является логика построения исходной матрицы, которая позволит должным образом упорядочить отобранные для характеристики развития торговых сетей показатели, ведь от правильности ее построения зависит достоверность полученных выводов и значение комплексного показателя развития торговой сети.

Поскольку в нашем случае целью является оценка уровня развития торговой сети на государственном уровне, то в перечень показателей, должны включаться обобщающие показатели по предприятиям, которые входят в состав торговой сети:

- Показатели результатов деятельности торговой сети - чистая прибыль, чистый доход от реализации продукции, розничный и общий товарооборот торговых предприятий;
- Показатели затрат торговой сети - затраты обращения, затраты на оплату труда, материальные затраты и амортизация;
- Показатели ресурсов торговой сети - инвестиции в основной капитал, сумма активов предприятий в составе торговой сети, торговая площадь, численность работников, занятых в торговой сети.

При определении взаимного распределения показателей внутри отдельных групп следует исходить из логики. Поскольку чистая прибыль является конечным результатом функционирования предприятий торговой сети, то ее темп роста должен

превышать темп роста чистого дохода от реализации продукции. В свою очередь, темп роста чистого дохода от реализации продукции должен превышать темп роста розничного товарооборота торговой сети. Что касается розничного и оптового товарооборота, то темп роста первого должен превышать темп роста второго. Это связано с тем, что в сфере розничной торговли коэффициент обращения намного выше чем в оптовой, и более высокий уровень торговой надбавки. Поэтому в составе общего товарооборота должна повышаться часть розничного товарооборота, который будет свидетельствовать о прогрессивных изменениях в его структуре. Указанные соотношения должны быть представлены в виде:

$TP_{ЧП} > TP_{ЧД} > TP_{ТОр} > TP_{ТОз}$,

где _ - темп роста чистой прибыли;

$TP_{ЧД}$ - темп роста чистого доход от реализации;

$TP_{ТОр}$ - темп роста розничного товарооборота;

$TP_{ТОз}$ - темп роста общего товарооборота.

Затраты обращения являются самыми мобильными расходами торговых предприятий, поэтому их темпы роста должны превышать темпы роста расходов на оплату труда, материальных расходов и амортизации. Амортизационные затраты же наоборот являются наиболее иммобилизованной частью расходов, поэтому их темпы роста среди темпов роста расходов должны быть самыми низкими. Таким образом, темп роста расходов на оплату труда должен превышать темп роста материальных расходов. Указанные соотношения должны быть представлены в виде:

$TP_{ВО} > TP_{ОП} > TP_{МВ} > TP_{АВ}$,

где _ - темп роста затрат обращения;

$TP_{ОП}$ - темп роста расходов на оплату труда;

$TP_{МВ}$ - темп роста материальных затрат;

$TP_{АВ}$ - темп роста амортизационных отчислений.

Динамического развития торговых сетей не может происходить без освоения инвестиций. При этом соотношение между инвестициями и собственным капиталом торговой сети должно расти. Исходя из этого темп роста инвестиций в основной капитал должен превышать темп роста собственного капитала. Следует отметить также, что положительной тенденцией считается рост собственного капитала на единицу площади, которая предусматривает превышение темпов роста собственного капитала над темпами роста торговой площади. В условиях постоянного развития торговых технологий и совершенствования организации труда, торговая площадь на одного сотрудника должна расти. Это значит, что темп роста торговой площади должен превышать темп роста средней численности работающих. Указанные соотношения должны быть представлены в виде:

$TP_{I} > TP_{ВК} > TP_{TS} > TP_{Ч}$,

где _ - темп роста инвестиций в основной капитал;

$TP_{ВК}$ - темп роста собственного капитала;

TP_{TS} - темп роста торговой площади;

$TP_{Ч}$ - темп роста численности работников торговой сети.

На основе вышеприведенных зависимостей можно сформулировать необходимое условие эффективного развития торговой сети :

$TP_{ЧП} > TP_{ЧД} > TP_{ТОр} > TP_{ТОз} > TP_{ВО} > TP_{ОП} > TP_{МВ} > TP_{АВ} > TP_{I} > TP_{ВК} > TP_{TS} > TP_{Ч}$

Нарушение пропорций свидетельствует о наличии определенных проблем, без решения которых эффективное развитие торговых сетей не может быть достигнуто.

Список литературы:

1. Апопій В. В., Бабенко С. Г. , Гончарук Я. А., Антонюк Я. М., Балабан П. Ю., Дудла А. А. Комерційна діяльність на ринку товарів та послуг : Підручник / за ред. В. В. Апопія. — Київ: НМЦ Укоопосвіта, 2002. — 458 с.
2. Бакунов О.О. Обгрунтування пріоритетів стратегічного розвитку роздрібних торгівельних мереж / О.О.Бакунов, В.А.Распопова // Європейський вектор економічного розвитку: [зб.наук.праць]/голов.ред.Б.І.Холод. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський університет економіки та права ім.. А. Нобеля, 2010.-№2 (9).-С.19-30
3. Біла О. Г., Боднарюк І. Л. Торговельна галузь споживчої кооперації в контексті тенденцій розвитку роздрібної торгівлі України / О. Г.Біла, І. Л.Боднарюк // Українська кооперація.- №2. – 2009: [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.ukrcoop-journal.com.ua/2009-2/content.htm
4. Берман Б., Эванс Дж. Розничная торговля: стратегический подход. Восьмое издание. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2003.
5. Мересте У. Матричная концепция изучения экономической эффективности // Изучение эффективности производства. – Таллинн: ТПИ, 1981. – С. 15-37.
6. Михайленко О. М. Адаптація потенціалу торговельних систем до потреб регіонального ринку [Текст] : автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. екон. наук : спец. 08.00.05 «Розвиток продуктивних сил і регіональна економіка» / Михайленко Олена Миколаївна ; М-во освіти, науки, молоді та спорту України, Черніг. держ. технол. ун-т. - Чернігів, 2010. - 20 с.
7. Распопова В. А. Державне регулювання роздрібною торгівлею / В. А. Распопова // Торгівля і ринок України : [темат. зб. наук. пр.] / голов. ред. О. О. Шубін. – Донецьк : ДонДУЕТ, 2002. – Вип. 14, Т.2. – С. 259-264.
8. Peisert, R. 2005, Internationale Standortforschung im Handel, Lohmar-Köln, Deutschland. 380 s.

Shcheglova Olga,
Dnieper State Academy of Architecture and Construction,
Associate Professor of Accounting, Economics and Human Resources Company
Щеглова Ольга Юрьевна,
Приднепровская Государственная Академия Строительства и Архитектуры,
доцент кафедры учета, экономики и управления персоналом предприятия

Analysis of the main features of the real estate market, specific to the Ukrainian economy at the present stage of development

Анализ основных особенностей рынка недвижимости, характерных для экономики Украины на современном этапе развития

Со времени провозглашения Украины независимой самостоятельной страной векторы ее развития значительно изменились: они подчеркивают целесообразность поддержки формирования тенденций децентрализации, изменения векторов государственной бюджетной политики, постепенную передачу полномочий органам местного самоуправления по вопросам наполнения местных бюджетов и реализации региональной политики.

Особенной формой рыночных отношений в нынешнее время является рынок недвижимости. Его развитие стало одним из магистральных направлений формирования в Украине экономической системы, которая базируется на преимуществе частной собственности и рыночных механизмов саморегулирования, функционирования и развития экономики. Одновременно с этим формируется лицо сферы предпринимательской деятельности – бизнеса в сфере операций с недвижимостью, особенно в больших городах.

В процессе формирования рынок недвижимости, как составляющая общего рынка, отображает все проблемы экономики и социальной сферы, которая характеризуется неравномерным развитием отдельных сегментов и рыночных ниш, фактическим отсутствием государственных инвестиций, наличием значительного теневого и черного секторов, низким уровнем информатизации[1].

Каждый рынок, который функционирует в хозяйственной среде, как правило, имеет свои характерные признаки, которые выделяют его между других рынков. К характерным признакам рынка недвижимости, в том числе и регионального, относят циклический характер, высокую степень регулирующего государственного влияния, несбалансированность спроса и предложения, рост стоимости объектов недвижимости, низкую ликвидность недвижимости, высокий уровень трансакционных расходов, ограниченное количество покупателей и продавцов[2].

По мнению Яременко О.Л. рынок недвижимости имеет такие тенденции развития[1]:

1. Общее увеличение объемов вводимого жилья в регионах.
2. Усиление конкурентной борьбы в связи с увеличением количества фирм, которые работают с недвижимостью.
3. Изменение структуры жилищного фонда.
4. Превышение спроса над предложением.
5. Перемещение строительства в экологически чистые районы городов.
6. Кардинальное изменение условий создания и эксплуатации объектов недвижимости на рынке.
7. Усиление контроля за развитием рынка недвижимости.
8. Укрепление института права собственности и расширения сферы применения норм частной собственности.
9. Развитие системы ипотечного кредитования и создания объектов недвижимости.
10. Усиление разбалансированности между принципами экономической и социальной эффективности в жилищной сфере в условиях снижения уровня жизни населения.
11. Наращивание объемов строительства объектов недвижимости.

На сегодняшний день, наличие достойных и комфортных условий обитания остается недосягаемой мечтой для большей части граждан Украины (больше 15 % население страны не имеет отдельного жилья), поскольку существующая отечественная жилищная политика не отвечает современным требованиям развития независимого европейского государства, вызывает обоснованную критику со стороны граждан и сдерживает общее развитие страны(таблица 1).

Сегодня украинский рынок недвижимости и жилье, в том числе, находится в стагнации. Цены снижаются, а объемы продажи малы. Это вызвано отсутствием достаточного платежеспособного спроса[3]. У людей нет денег на покупку слишком дорогой недвижимости. Да и уровень цен на квартиры в Киеве приблизительно такой же, как в столицах центрально-европейских стран. В то же время уровень реальных доходов населения втрое меньше. Это побуждало банки фактически остановить ипотечное кредитование.

В начале пикового для рынка недвижимости 2008 года застройщики обещали, что стоимость квадратного метра будет только повышаться. Впрочем, конец того же года ознаменовался падением цен на жилье почти вдвое. Уже во второй половине наиболее кризисного 2009 года эксперты заверяли, что ценовое дно достигнуто, и следует ожидать повышения. Однако, ожидаемый рост не состоялся ни в 2009, ни в 2010 году.

---

[1] Яременко О. Л. Генезис і розвиток суб'єктів господарювання // Управління розвитком суб'єктів господарювання: моногр./ О. Л. Яременко, А. В. Строкович та ін. ; Нар. укр. акад.; [каф. менеджменту]. – Х. : Вид-во НУА, 2008. – 5–72 с.

[2] Кривов'язюк І. В. http://irbis.library.te.ua/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=ELKAS_PRINT&P21DBN=ELKAS&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullw_print&C21COM=S&S21CNR=&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= Смолярчук Н.Ю. Трансформація сутності та об'єктна структура регіональних ринків нерухомості на сучасному етапі / І. В. Кривов'язюк, Н. Ю. Смолярчук // Регіональна економіка. - 2009. - № 1. - С. 233-241.

[3] Галаган Д. В. Ринок нерухомості як різновид інвестиційного ринку [Текст] / Д. В. Галаган // Інвестиції: практика та досвід. — 2010. — № 9. — С. 19-21.

Таблица 1

Обеспеченность населения Украины жилищным фондом*

Год	ЖФ, общая площадь, млн. кв. м	В среднем на 1 лицо, кв. м	Количество квартир, тыс. ед.	в том числе			
				- одно-кім-натних	- двух-комнатних	- трех-комнатних	- четырех и боль-ше комнатных
2001	1015,0	20,7	18921	3677	7046	6299	1899
2002	1026,1	21,0	18960	3676	7063	6301	1920
2003	1031,7	21,3	19023	3692	7098	6303	1930
2004	1035,7	21,6	19049	3702	7106	6303	1938
2005	1040,0	21,8	19075	3699	7118	6308	1950
2006	1046,4	22,0	19132	3697	7132	6331	1967
2007	1049,2	22,2	19107	3688	7112	6313	1987
2008	1057,6	22,5	19183	3693	7127	6339	2006
2009	1066,6	22,8	19255	3705	7145	6352	2025
2010	1072,2	23,0	19288	3709	7154	6358	2039
2011	1079,5	23,3	19322	3719	7156	6355	2054
2012	1086,0	23,5	19327	3722	7156	6340	2072

* Составлено по данным Государственного комитета статистики Украины

В целом падение цен на недвижимость происходило неравномерно. Быстрее всего дешевели большие и дорогие квартиры и дома. В то же время снижение цен на малоформатную недвижимость было едва заметным. Как отмечают специалисты недвижимого имущества Украины, через незрелость украинского рынка правдивой статистики реальных цен продажи недвижимости теперь не существует.

Однако даже если рассматривать цены предложений в объявлениях, то видно, что если осенью в 2009 году однокомнатные квартиры площадью 28-30 кв. м без ремонта в доме 60-х годов выставлялись по цене $ 50-55, то весной 2012 стоимость аналогичной квартиры составляла $ 45-50 тыс. То есть снижение состоялось приблизительно на 10 %. Трехкомнатные квартиры в том же районе площадью 58-62 кв. м осенью 2009 выставлялись по $ 75-85 тыс., сегодня за них просят $ 65-75 тыс., то есть их стоимость уменьшилась приблизительно на 13 %. Для более дорогих квартир и домов в Киеве и области цены снизились еще больше. По данным правления Союза консультантов по недвижимости, в результате торга цена продажи квартир снижается на 10 % и больше от предварительно заявленной. 2010-й год стал одним из наиболее депрессивных для рынка недвижимости за всю современную историю Украины. Рынок недвижимости практически единственный рынок в Украине, который не продемонстрировал реальный ценовой «отскок» после начала кризиса. Фондовый рынок уже сыграл большую часть своего кризисного снижения, ликвидность банковской системы приблизился к кризисным отметкам, сырьевые и товарные рынки в своем большинстве демонстрировали уверенный рост цен. Один лишь рынок недвижимости продолжает демонстрировать медленное снижение, в лучшем случае - стабилизацию в некоторых сегментах.

Новым трендом в 2011 году являлся тот факт, что быстрее всех снижалась стоимость квартир гостиничного типа (социальный тип жилья). В 2009-ом и 2010-ом годах, после первичной коррекции, «гостинки» удерживали цены и даже немного подорожали.

Показательным также является снижение стоимости квартир в современных домах, хотя темпы снижения были наименьшими в жилищном сегменте. Спрос, хотя и проявляется практически во всех сегментах, но он все еще слишком слабый, чтобы удержать цены от снижения. В экономике Украины опять чувствуется нехватка ликвидности, которая также влияет на цены.

В социальном сегменте спрос наблюдается лишь при поддержке государства, которое присутствует сегодня в некотором объеме на рынке. Собственных инвестиционных ресурсов в население практически нет (разъезды и обмены к инвестиционному спросу, который создает новую недвижимость, не относятся)[1].

Инвестиции в недвижимость, что традиционно в Украине считались надежными сбережениями, в условиях кризиса потеряли свою привлекательность. Недвижимость - это хорошая инвестиция в условиях экономического роста (как это было в 2001-2007 годах). Причем цены на нее последними начинают расти во время экономического подъема и первыми начинают падать во время экономического спада. Мелкому инвестору в условиях экономического спада покупать недвижимость не для собственного обитания, а для последующей перепродажи или для сдачи в аренду становится все менее привлекательным. В связи с туманными перспективами рынка недвижимости сегодня мелкий инвестор прекратил инвестировать в недвижимость. Люди покупают квартиры в первую очередь для собственного обитания.

Предложение на рынке большое, цены снижаются, следовательно, потенциальные покупатели становятся все более прихотливыми. Обветшалые «хрущевки» и «брежневки» теряют популярность, зато растет интерес к новому, качественному жилью. Интерес покупателей переключился из загородных коттеджей и квартир большой площади на жилье небольших размеров и компактного планирования[2].

Как ни странно, 2012 год также не отличался существенными изменениями цен в бок подорожания жилья. Хотя в прошлом году рынок жилищной недвижимости все же имел несколько поводов для оптимизма.

Позитивным для рынка фактором является некоторая активизация строительных работ. Строительство, пусть медленно, но все же идет. С другой стороны не все недостройки нашли выход из финансового тупика и возобновили работы, вопрос

[1] Крекотень І.М. Ринок землі як складова ринку нерухомості / І. М. Крекотень. // Регіональні перспективи. – 2009. – № 4-5. – С. 17–19.

[2] Соболь О.А. Забезпечення суспільного визнання позитивного іміджу регіону / О.А. Соболь, І.Ф. Коломієць // Регіональна економіка. – 2008. – №1. – С. 77–83.

доверия к рынку инвестиционного строительства остается в повестке дня[3]. Рынок недвижимого имущества с финансово-экономической точки зрения является системой специфических отношений, которые возникают во время операций с объектами недвижимости. Анализ особенностей, присущих рынку недвижимости Украины, позволяет представить их сущность, причины и последствия в виде таблицы 2.

Таблиця 2

Основные особенности рынка недвижимости, характерные для экономики Украины на современном этапе развития

Направление анализа	Особенности рынка недвижимости	Причины	Последствия
Правовой	Региональное разнообразие	- на региональном уровне отношения недостаточно урегулированы	- разница в инвестиционной привлекательности объектов в разных регионах
Информационный	Информационное несовершенство рынка недвижимости	- рыночная инфраструктура развитая недостаточно - количественное перенасыщение - отсутствие навыков большинства участников из коммерческих соглашений	- сдерживание развития рынка
Структурный	Структурная неоднородность	- сверхвысокая цена объектов первичного рынка недвижимости	- рынок земли практически неразвит - развитие рынка промышленной недвижимости происходит медленно
Экономический	Несоответствие стоимости недвижимости финансовым возможностям большинства населения	- медленный рост реальных доходов населения - недостаточное развитие ипотечного кредитования - завышение цен на некоторые виды недвижимости	- ограниченность инвестиционных ресурсов на рынке - перенасыщение первичного рынка недвижимости
Эффективность	Неэффективное использование основной части земли и зданий	- строительство большинства объектов без учета современных рыночных потребностей - неэффективная организация использования земли	- необходимость масштабной реконструкции зданий и сооружений - необходимость действенных механизмов для включения земельных участков в рыночные отношения
Прогнозируемость	Невозможность точных прогнозов изменения стоимости недвижимости	- высокий уровень макро- и микроэкономических рисков	- усложнена оценка стоимости объектов недвижимости - невысокая инвестиционная активность

Изложенное выше дает возможность выделить основные факторы, которые влияют на развитие рынка недвижимости:

1. Экономический рост или перспективы такого роста. Даже при отсутствии общего экономического взлета на рынке создаются благоприятные условия, но они бывают, как правило, недолговечные и возникают достаточно редко.

2. Финансовые возможности для приобретения недвижимости. Это зависит от стадии экономического развития конкретного региона (кризис, застой, промышленное развитие), а также от наличия и характера рабочих мест[1].

3. Взаимосвязи между стоимостью недвижимости и экономической перспективой того или другого региона. Некоторые регионы могут находиться в состоянии застоя, поскольку их основные отрасли промышленности перемещены в другие регионы страны или обветшали. Это прямо влияет на нестабильность рынка недвижимости.

На рынок недвижимости также оказывает большое влияние: факторы государственного регулирования рынка недвижимости (нормативные акты, которые регулируют соглашения купли - продажи недвижимости; налоговое законодательство, которое регулирует операции с недвижимостью; отдельные нормативные акты, которые ограничивают операции с недвижимостью), общеэкономическая ситуация (производство национального дохода, объем промышленного производства, занятость работоспособного населения, ставки доходности финансовых активов, платежный баланс страны, состояние торгового баланса, поступления и отток капитала, рост доходов населения, индекс потребительских цен), микроэкономическая ситуация (экономическое развитие регионов, диверсификация занятости работоспособного населения, экономические перспективы развития), социальное положение (возможность межэтнических и военных конфликтов; отношение к частному капиталу; отношение к иностранному капиталу; стабильность политики администрации регионов; уровень безработицы; популярность политики, которую проводит администрация регионов) и естественные условия (экологическое положение и наличие развитой инфраструктуры) в том или другом регионе Украины.

[1] Шпрингель В. Ценовые пузири на рынке недвижимости / В. Шпрингель, Е. Позднякова // Бизнес и банки. – 2010. – № 18–19. – с. 12.

Список литературы:

1. Яременко О. Л. Генезис і розвиток суб'єктів господарювання // Управління розвитком суб'єктів господарювання: моногр./ О. Л. Яременко, А. В. Строкович та ін. ; Нар. укр. акад.; [каф. менеджменту]. – Х. : Вид-во НУА, 2008. – С. 5–72 .
2. Кривов'язюк, І. В. http://irbis.library.te.ua/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=ELKAS_PRINT&P21DBN=ELKAS&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullw_print&C21COM=S&S21CNR=&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= Смолярчук Н.Ю. Трансформація сутності та об'єктна структура регіональних ринків нерухомості на сучасному етапі / І. В. Кривов'язюк, Н. Ю. Смолярчук // Регіональна економіка. - 2009. - № 1. - С. 233-241.
3. Галаган Д. В. Ринок нерухомості як різновид інвестиційного ринку [Текст]/ Д. В. Галаган // Інвестиції: практика та досвід. — 2010. — № 9. — С. 19-21.
4. Крекотень І.М. Ринок землі як складова ринку нерухомості / І. М. Крекотень.//Регіональні перспективи. – 2009. – № 4-5. – С. 17–19.
5. Соболь О.А. Забезпечення суспільного визнання позитивного іміджу регіону / О.А. Соболь, І.Ф. Коломієць // Регіональна економіка. – 2008. – №1. – С. 77–83.
6. Шпрингель В. Ценовые пузири на рынке недвижимости / В. Шпрингель, Е. Позднякова // Бизнес и банки. – 2010. – № 18–19. – 122 с.

Yakunin Sergei Vadimovich, Saratov state socio-University of Economics, Professor of the Department of money and credit
Якунин Сергей Вадимович, Саратовский государственный социально-экономический университет, профессор кафедры денег и кредита

Prospects of development of the world currency system

Перспективы развития мировой валютной системы

Вопрос о направлениях развития современной мировой валютной системы всегда привлекал внимание ученых. Однако именно современный финансовый кризис способствовал не только активизации дискуссий о реформировании мировой валютной системы, но привёл к конкретным действиям в ряде стран для ограничения или минимизации валютных рисков. В ходе проведенного исследования были выявлены два основных, параллельных направлений дальнейшего развития мировой валютной системы: Во-первых, увеличение роли золота в золото-валютных запасах центральных банках и повышение его стоимости, т.е. модификация структуры золотовалютных резервов через существенное повышение доли монетарного золота. Во-вторых, возобновление дискуссий по созданию единой мировой резервной валюты, формирование на практике новых валютных союзов, переход к торговле исходя из сложившейся страновой структуры.

Первый подход, подразумевает возврат к золотому стандарту. В XX в. кредитные деньги лишаются своего «золотого якоря». В начале века ликвидируется так называемый золотой стандарт в национальной экономике, во второй его половине золото прекратило использоваться в качестве мировых денег. В результате ценность кредитных денег стала формироваться непосредственно на основе обращения стоимости соответствующего количества товарной массы. Иначе говоря, после устранения золота из денежной системы приобретение каждой денежной единицей ценности прямо зависит от объема и структуры благ товарного мира, ценность которых выражают деньги. Это означает, что покупательная способность денег формируется теперь на основе соотношения денежной и товарной массы. Если денег в экономике становится больше, чем товаров, ценность денежной единицы падает.

Второй подход заключается в создание единой мировой валюты. Например, Роберт Манделл разработал план конвертации до 2040 г. всех валют в единую денежную единицу, которая предположительно будет называться «идеи» (от доллар–евро–иена) или «интер». Необходимость введения единой валюты Р. Манделл и его сторонники обосновывают заботой о развивающихся странах. Эмиссией новой валюты, по его мнению, должен ведать Международный управляющий совет. Успех евро натолкнул на мысль о создании всемирного, транснационального центрального банка, который займется обслуживанием обращения единой мировой валюты. Безусловно, одна из главных преград на пути к единой мировой валюте – неравномерность экономического развития стран. Кроме того, необходима единая теоретическая концепция, на основе которой можно будет осуществить реальный выпуск в обращение общемировой валюты. Кроме того валютные системы инерционны, трансформируются десятилетиями. Поэтому мировая резервная валюта не будет создана уже завтра.

В 1960-х гг. Р. Триффин впервые отметил, что основное преимущество для страны – эмитента резервной валюты заключаются в том, что превращение денежных единиц в резервную валюту по сути равносильно для государства-эмитента получению беспроцентного займа в объеме, в котором эта валюта обслуживает потребности в резервах[1]. Таким образом, справедлив вывод о том, что с учетом развития тенденций глобализации на первое место среди преимуществ резервной валюты выходит фактор перераспределения глобального капитала в пользу стран, эмитирующих валюты, имеющих статус резервных[2]. Данное наблюдение также ставит под сомнение введение единой валюты. Страны, чьи валюты являются резервными, вряд ли будут согласны на введение единой валюты.

Мы согласны с мнением Кеннета Рогоффа из Гарварда, который считает, что единая валюта – только обозримая перспектива, в ближайшее же время мир обречен на наличие двух–трех или более доминирующих валют, в роли которых могут выступать как национальные валюты (доллар, китайский юань), так и коллективные (региональные) валюты (евро и др.).

Изучение практического опыта, показывает, что путь к новому финансовому миропорядку будет происходить путём создания региональных резервных валют. Тем самым мы считаем, что наиболее реальным является переход к прямому

[1] http://www.librarything.com/work/2221058(дата обращения 10.10.2012)

[2] Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений. – М.: Институт посткризисного мира, 2009. – С. 90.

обмену валютными парами между странами, осуществляющими торговлю с возможностью вовлечения в данный процесс других стран и формирование валютных союзов. Данная стратегия развития региональных резервных валют вызвана, прежде всего, необходимостью обеспечения конкурентоспособности национальных денежных единиц в условиях нарастания нестабильности резервных валют.

Рассмотрим более подробно данные направления развития мировой валютной системы**.**

Большая часть официальных запасов золота сосредоточена у развитых стран - 84,8%. Эта же группа имеет значительно больший удельный вес монетарного золота в составе резервных активов. Доля металла в совокупных авуарах экономически высокоразвитых стран (включая ЕЦБ) на 01.01. 2012 г. оценивалась в среднем в 63,3%, в том числе, в Португалии – 90,7%, Греции – 81,9%, Германии – 72,0%, Италии – 71,6%. Наиболее крупными запасами золота обладают Соединенные Штаты Америки 8133,6 тонн, что составляет - 75,2%[1].

По мнению инвестиционного директора управляющей компании GuggenheimPartners Скотта Майнреда центральные банки затеяли опасную игру, которая чревата разгоном инфляции выход из данной ситуации он видит в введение золотого стандарта, в результате чего стоимость унции золота может подскочить до 10 тыс. долл[2].

Данный сценарий развития событий выглядит достаточно реалистичным, так как проблемные страны типа Италии смогли бы сразу предложить ЕЦБ достаточно гарантий на предоставляемую финансовую помощь, так как стоимость золотых запасов и следовательно ЗВР (золото-валютных резервов) всех экономически развитых стран мгновенно подскочила бы. Таким образом, представляется возможность спасти евро золотом ЗВР стран входящим в зону евро.

Тем самым это должно повлечь и изменения в структуре валютных резервов стран.

В большинстве стран, основу международных резервов составляют:

- иностранные деньги в наличной форме;

- специальные права заимствования (СДР), которые государство имеет право использовать для покупок иностранной валюты или для осуществления межгосударственных расчётов;

-резервная позиция в МВФ. Это – лимит, в переделах которого государство получает от Международного валютного фонда необходимую ему иностранную валюту. Размер лимита зависит суммы взносов данной страны в капитал МВФ в виде свободно конвертируемой валюты;

-золота, потенциально выступающего в роли высоколиквидного финансового инструмента, т.е. он может быть относительно быстро обращён в необходимую валюту.

В рамках задачи определения минимально необходимого объема золотовалютных резервов в теории международных валютно-кредитных и финансовых отношений рассматриваются следующие возможные критерии:

1) покрытие резервами определенного числа месяцев импорта товаров и услуг (минимальное значение – 3 месяца);

2) покрытие годового объема выплат по внешнему долгу страны без осуществления новых внешних заимствований (критерий Гвидотти);

3) одновременное покрытие резервами определенного числа месяцев импорта товаров и услуг и годового объема выплат по внешнему долгу страны (критерий Редди).

В соответствии с предложенным критерием обеспечения трехмесячного критического импорта страны, а также принимая во внимание геополитическое место России в современном мире (и в качестве одного из крупнейших производителей золота, и в качестве потенциального эмитента свободно конвертируемой валюты), объем золотого запаса мог бы быть увеличен приблизительно до 2,5 тыс. т. Помимо задачи выполнения функции чрезвычайного актива, увеличение доли золота в резервах во многом обусловлено качествами данного финансового актива. Обладая развитым, емким и достаточно ликвидным рынком, золото в качестве резервного актива способно обеспечить определенный финансовый доход, рост стоимости и хеджирование от возможного неблагоприятного изменения соотношений ведущих мировых валют.

Наличие у государства геополитических амбиций может стать причиной обострения отношений с крупнейшими западными странами – эмитентами свободно используемых валют. Это, в свою очередь, делает возможным применение со стороны эмитентов резервных валют финансовых санкций к государствам, чьи валютные авуары размещены на их счетах. Учитывая то, что покупательная способность иностранных валют на территории государств-эмитентов обеспечена лишь волей органов государственной власти соответствующих стран, доступ практически ко всему валютному резерву, размещенному на счетах кредитных организаций государств – потенциальных политических и военных противников, может быть затруднен или ограничен. Количественная оценка подобного риска затруднена. Тем не менее, золотые авуары ряда стран могут служить ориентиром для использования золота в качестве чрезвычайных денег на случай непредсказуемой эскалации международной политической напряженности.

В отличие от активов в иностранной валюте золото не подвержено кредитным рискам и не является долговым обязательством какого-либо эмитента, и его цена не зависит от финансового положения этого эмитента**.** Таким образом, теоретически страны, у которых экономическое положение стабильно будут стараться увеличить долю золота в своих золотовалютных резервах. Согласно данным ЦБ РФ структура золотовалютных резервов России по состоянию на 01.01. 2012 г. выглядела следующим образом международные резервы 498 649млн. долларов США и золото 883,0 тонны. Доля золота в общих резервах составляла 9% [3].

Вполне понятно, что довести долю золота в ЗВР России в короткие сроки до уровня Германии или США не реально. Тем не менее, требуется минимизировать валютные риски вызванные колебаниями резервных валют. Для этого возможно при формировании валютных резервов отталкиваться от страновой структуры внешней торговли России.

---

[1] http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/res_str.htm (дата обращения 10.10.2012)

[2] http://www.rbcdaily.ru/2012/09/14/world/562949984711386 (дата обращения 10.10.2012)

[3] http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/res_str.htm (дата обращения 10.10.2012)

В страновой структуре внешней торговли России особое место занимает Европейский Союз, как крупнейший экономический партнер страны. На долю Европейского Союза в 2011 году приходилось 48,0%, а в 2010 году – 49,0% российского товарооборота. На страны СНГ в 2011 году приходилось 14,9% российского товарооборота (в 2010 году – 14,6%), на страны ЕврАзЭС – 7,9% (7,8%), на страны АТЭС – 23,9% (23,2%). Доля стран Таможенного союза в российском товарообороте в 2011 году составила 7,1%. При этом в торговле со странами дальнего зарубежья сальдо равнялось 176,8 млрд.долл. США (рост на 36,5 млрд.долл. США), со странами СНГ – 34,0 млрд. долл. США (рост на 6,1 млрд.долл. США). [1]

Предлагается между странами не входящими в зону евро использовать национальные валюты, что обусловлено следующими основными причинами:

- незавершенности финансового кризиса – и вероятностью девальвации валют для защиты отечественных товаропроизводителей;

- повышенной волатильностью основных валютных пар, значительно возросшей после кризиса 2008 г., а также растущей по всему миру популярность новых методов денежно-кредитной политики ставят вопрос о надежности отдельных валют как меры стоимости и средства накопления и сохранения капитала;

- отсутствием заинтересованности со стороны МВФ, включить рубль и юань в СДР (специальные права заимствования), сделав их тем самым полностью конвертируемыми валютами. Без данного шага центральные банки стран не заинтересованы покупать активы в рублях и юанях, так как они не засчитываются МВФ в состав резервов.

Это позволит привести в соответствие валютную структуру резервов в соответствии с товарной структурой, так как валютные и товарные потоки сильно расходятся. На доллар приходится около 90% всего валютного оборота, а товарный оборот с долларовой зоной занимает 30%. Осуществление расчетов с другими странами не в долларах, а в их национальной валюте позволило бы России, увеличить внешнеторговый оборот, улучшить платежный баланс и в перспективе сделать рубль региональной резервной валютой.

Следует отметить, что переход к торговле исходя из сложившейся страновой структуры несёт и дополнительный риск. Наиболее ярким примером может служить введение прямых торгов парой иена-юань в 2012г. на валютных рынках Японии и Китая. Обменный курс йена-юань постоянно указывался на рынках данных стран, обеспечивая полноценные прямые торги валютной парой. Объем прямых иностранных инвестиций Японии в Китай за первые четыре месяца 2012 года вырос на 16 процентов по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Однако осенью 2012 г. произошло обострение спора между Китаем и Японией о принадлежности островов Сенкаку в Восточно-Китайском море, что привело к закрытию подразделений своих фирм и соответственно к снижению торговой активности.

Таким образом, мы считаем, что увеличение государственного долга в экономически развитых странах в дальнейшем будут способствовать переоценке доли валют этих стран в золотовалютных резервах. При этом роль золото обслуживание внешнеэкономических операций будет возрастать. Данное обстоятельство свидетельствует, о том, функция золота как мировых денег в современных условиях будет только увеличиваться, так как в условиях кризиса оно выполняет и функцию чрезвычайных денег.

[1] http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=15581&Itemid=1981 (дата обращения 05.11.2012)

Section 18. Science of law

Alzhankulova Svetlana Abildakhodzhaevna,
Academy of Economy and Law named after U. A. Dzholdasbekov,
Candidate of legal sciences, acting associate professor

Алжанкулова Светлана Абильдаходжаевна, Академия экономики
и права имени У. А. Джолдасбекова
и. о. доцента, кандидат юридических наук

Responsibility for trafficking in persons in an international and national legislation

Ответственность за торговлю людьми в международном и отечественном законодательстве

В последние годы международная торговля людьми организованными группами требует принятия решительных мер и оказания противодействия со стороны государства. Для этого необходим комплексный законодательный подход, сочетающий в себе международные и национальные правовые нормы. Следовательно, путём принятия соответствующих международных документов нужно разработать такие правовые основы, которые бы соответствовали национальным интересам каждого государства.

По этому поводу бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, открывая Палермскую конференцию 2000 г., отметил, что «если преступность переступает национальные границы» пользуясь возможностями, предоставляемыми глобализацией, то и противодействие ей должно осуществляться на высшем международном уровне»[1]. В первую очередь, тотальному росту преступности способствует процесс глобализации. Можно даже с определенной долей уверенности утверждать, что именно глобализация в какой-то мере породила это масштабное явление, бороться с которым из года в год становится все сложнее, поскольку этот вид преступности начинает обретать более изощренные формы, переступая как нормы права, морали и нравственности, так и национальные границы. Примером конкретности и действенности такого рода противодействия преступности служит Протокол 2000 г.

Для эффективной реализации задач, предусмотренных национальными законодательствами, необходимо преломление международных норм через призму особенностей страновых интересов, что позволит обеспечить уголовное преследование торговли людьми, наказание виновных и действенную профилактику исследуемого феномена. Для этого необходимо более тщательно рассмотреть и проанализировать уже существующие международные и национальные правовые документы, направленные на борьбу с таким явлением, как торговля людьми, уделив внимание тем, которые уже оказали существенное влияние на становление международно-правовой системы противодействия торговле.

Приведем ретроспективную и хронологическую иллюстрацию международных актов, касающихся торговли людьми. Первые резолюции против торговли людьми были приняты еще в конце XIX века.

В 1899 году в Лондоне состоялась Международная конференция по борьбе с торговлей женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Далее был принят международный договор от 18 мая 1904 года о борьбе с торговлей белыми рабынями. В 1910 г. была подписана Международная конвенция о пресечении торга женщинами. Она возложила на государства обязанность вести борьбу с таким преступлением, как склонение или вовлечение в разврат несовершеннолетних и совершеннолетних женщин и девушек, даже если отдельные действия, являющиеся частями этого преступного деяния, были совершены в различных странах. В 1921 г. была принята Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми. В соответствии с ней государства-участники обязуются привлекать к уголовной ответственности лиц, вовлекающих женщин в занятия проституцией или занимающихся куплей-продажей женщин и детей. В 1926 г. принята Конвенция относительно рабства. В ней рабство определяется как «статус или состояние человека, относительно которого используют любые действия на основании закрепленного права собственности». В 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами. В 1979 г. была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая уделила внимание и проблеме торговли женщинами.

Наконец, итогом целого ряда конференций ООН стала Пекинская платформа действий 1995 г., принятая на IV Всемирной конференции по положению женщин. Предложенный Платформой спектр мероприятий практически полностью был учтён при разработке Плана мероприятий Правительства Республики Казахстан по борьбе, предотвращению и профилактике преступлений, связанных с торговлей людьми.

26 апреля 1997 г. в Гааге была проведена Министерская Конференция Европейского Содружества по вопросам торговли женщинами с целью их сексуальной эксплуатации, результатом которой стало принятие Гаагской Министерской Декларации европейских рекомендаций относительно эффективных средств предупреждения и борьбы с торговлей женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Протокол по профилактике, пресечению и наказанию торговли людьми, особенно женщинами и детьми (приложение к. Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.) был принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. вместе с остальным пакетом документов-приложений к Конвенции ООН. В 2008 г. Парламент РК принял закон о ратификации названной Конвенции. Вторым важным документом

[1] Тюрюканова Е. В. Торговля людьми и современный миграционный режим//Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. № 3. С. 42–57.

из пакета приложений к Конвенции 2000 г. является Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. Он направлен, прежде всего, на противодействие совершаемому с нарушением закона пересечению границ, организованному преступными группами, носящими транснациональный характер.

Вместе с тем, к ряду таких международных документов относятся не менее важные конвенции, посвященные вопросам торговли людьми, такие как: Конвенция МОТ о принудительном труде 1930 г. (№ 29), Конвенция об упразднении принудительного труда 1957 г. (№ 105), а также Конвенция о наихудших формах детского труда 1999 г. (№ 182). Данные конвенции были ратифицированы многими странами-членами МОТ. Другие Конвенции МОТ, относящиеся к вопросам защиты прав трудящихся-мигрантов, также помогают пролить свет на вопросы торговли людьми, в особенности Конвенция о трудящихся-мигрантах (пересмотренная) 1949 г. (№ 97), Конвенция о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения) 1975 г. (№ 143) и Конвенция о частных агентствах занятости 1997 г. (№ 181). Эти конвенции вносят большой вклад в процесс укрепления национальной законодательной базы по борьбе с торговлей людьми и ее последствиями в форме принудительного труда. Принятое 19 июля 2002 г. Рамочное решение ЕС «О борьбе с торговлей людьми» является очередным шагом в процессе унификации уголовно-правовых стандартов на территории ЕС. Его основная цель состоит в усилении борьбы с торговлей людьми.

В рамках Содружества Независимых Государств вопросы взаимодействия в обеспечении всесторонней безопасности, также являются одними из самых востребованных. Сегодня в СНГ по актуальному направлению совместного противодействия организованной преступности создана комплексная правовая база. Среди международных договоров можно упомянуть: Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 г.; Соглашение о сотрудничестве государств–участников СНГ в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного пребывания от 7 октября 2002 г.; Соглашение о сотрудничестве в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г.; 10 декабря 2010 г. главы восьми стран СНГ (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Украина) приняли Программу сотрудничества государств–участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми на 2011–2013 годы.

С 2008 года в рамках СНГ действуют следующие три важных документа: модельных законодательных актов о борьбе с торговлей людьми, об оказании помощи жертвам торговли людьми и рекомендаций по унификации и гармонизации законодательства стран СНГ в данной сфере.

Модельный закон «О противодействии торговле людьми» регулирует общественные отношения в данной сфере, устанавливает основы юридической ответственности физических и юридических лиц, в том числе определяет принципы уголовной ответственности за совершение соответствующих преступлений, регламентирует организационные основы противодействия торговле людьми и компетенцию в указанной сфере государственных органов и должностных лиц, формы и методы их взаимодействия, сотрудничества с негосударственными организациями, общественными объединениями, другими институтами гражданского общества, средствами массовой информации, международными организациями[1].

Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» направлен на регулирование правовых и организационных основ государственной политики и международного сотрудничества государств в сфере защиты и оказания помощи пострадавшим лицам[2].

Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми устанавливает принципы унификации и гармонизации, включая соблюдение норм международного права, признание торговли людьми общественно опасным видом деятельности, в том числе осуществляемой под контролем транснациональной организованной преступности, обеспечение криминализации всех форм и способов торговли людьми, установление за их совершение уголовной и административной ответственности[3].

Проанализировав содержание международных правовых актов, направленных на борьбу с торговлей людьми, делаем вывод о том, что для адекватного противодействия данному преступлению для Республики Казахстан назрела необходимость принять закон РК «О противодействии торговле людьми», который будет регулировать общественные отношения в данной сфере, устанавливать основы юридической ответственности физических и юридических лиц, в том числе определять принципы уголовной ответственности за совершение соответствующих преступлений, регламентировать организационные основы противодействия торговле людьми и компетенцию в указанной сфере государственных органов и должностных лиц, формы и методы их взаимодействия, сотрудничества с негосударственными организациями, общественными объединениями, другими институтами гражданского общества, средствами массовой информации, международными организациями.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что в настоящее время международный законодательный фундамент включает большое количество нормативных актов, содержание которых на данном этапе противодействия торговли видится нам прогрессивным и достаточным. Они содержат ряд норм, имплементация которых в казахстанское национальное законодательство позволила бы властям страны пересмотреть стратегию борьбы с торговлей людьми, усилив некоторые ключевые позиции.

Феномен торговли людьми — сложное социальное явление, требующее системного противодействия, одним из главных элементов которого должна выступать правовая составляющая. В интересах повышения эффективности борьбы с торговлей людьми должна быть выработана национальная концепция противодействия торговле людьми, на основе которой необходимо внести соответствующие дополнения и изменения в законодательство Республики Казахстан в области противодействия торговле людьми.

Исследуя международные правовые акты о торговле людьми и несовершеннолетними, можно прийти к выводу, что в международном праве торговля людьми и детьми квалифицируется как «серьезное нарушение прав человека, сопряженое

---

[1] Модельный закон СНГ «О противодействии торговле людьми» от 3 апреля 2008 года//http://www.crime.vl.ru

[2] Модельный закон СНГ «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» от 3 апреля 2008 года//http://www.crime.vl.ru

[3] Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств-участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми от 3 апреля 2008 года//http://online.zakon.kz

с принудительной сексуальной или экономической эксплуатацией в условиях, близких к рабству», и в связи с этим возникает необходимость совершенствования уголовного законодательства в области защиты прав человека — жертв торговли, путем ужесточения меры наказания правонарушителей по статьям 128 «Торговля людьми» и 133 «Торговля несовершеннолетними» УК РК.

Все новые исследования, посвященные в первую очередь положению жертв принудительного труда и торговли людьми в промышленно развитых принимающих государствах, свидетельствуют о серьезных законодательных пробелах, которые затрудняют борьбу со скрытыми и зачастую весьма завуалированными формами принуждения к труду в частной экономике. Следовательно, принудительный труд должен быть наказуем как преступление. И сегодня это практически универсально признанный факт.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан также нет особой статьи о незаконном привлечении к принудительному труду. Хотя в соответствии с Декларацией МОТ 1998 г. о фундаментальных принципах и правах в сфере труда все государства-участники МОТ обязаны, даже если они и не ратифицировали упомянутые конвенции МОТ, уважать, распространять и осуществлять принцип искоренения всех форм принудительного или обязательного труда. Декларация МОТ 1998 г. также налагает на МОТ обязанность помогать государствам-участникам в их усилиях в этом направлении. Следовательно, восполнить вышеуказанный пробел возможно только путем криминализации законодателем использования принудительного труда. Поэтому появление уголовно-правовой нормы об использовании принудительного труда будет отвечать международным стандартам в области прав человека.

Отечественное законодательство должно пополниться юридическим термином «использование принудительного труда», дефиниция которого должна содержаться непосредственно в статье УК Республики Казахстан.

Следовательно, появление уголовно-правовой нормы об использовании принудительного труда в Уголовном кодексе Республики Казахстан приведет к расширению правовой нормы статьи 8 Трудового кодекса РК о запрещении принудительного труда[1], текст которой дословно воспроизводит положения статьи 2 (1) Конвенции МОТ № 29 «О принудительном или обязательном труде». На наш взгляд, необходимо внести в данную правовую норму дополнения, направленные на запрещение или регулирование определенных видов труда или деятельности.

Вместе с тем, принимая соответствующие меры по борьбе с торговлей людьми, и ее последствиями для работников, принуждаемых к труду, необходимо добиться того, чтобы соответствующим образом были скорректированы иммиграционные и другие административные законы с привлечением к процессу разработки соответствующих законопроектов экспертов по трудовому законодательству и специалистов в области иммиграционной политики.

Так как положения миграционного законодательства могут препятствовать защите пострадавших лиц, миграционное законодательство большинства стран признает незаконным проживание и работу мигранта-нелегала, но не предусматривает механизмы признания жертв торговли людьми. Учитывая сказанное, необходимо отметить, что Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13 декабря 1997 г. содержит аналогичную трактовку относительно выдворения иностранцев и лиц без гражданства[2]. На наш взгляд, данный пробел можно решить введением примечания к статье 7 Закона РК «О миграции населения» в следующей редакции: *Примечание.* Данная норма не распространяется на жертв торговли людьми». Таким образом, миграционное законодательство Республики Казахстан будет соответствовать международным стандартам по правам человека в сфере противодействия торговле людьми.

Сегодня торговля людьми является актуальной проблемой не только для Республики Казахстан, но и для всего мирового сообщества. Это хорошо организованный транснациональный преступный вид деятельности, который приносит огромные доходы криминальным структурам. По оценкам международных экспертов торговля людьми входит в тройку наиболее прибыльных криминальных видов деятельности, наряду с торговлей оружием и наркотиками. Как показывает практика, ни одно государство в мире не в состоянии самостоятельно справиться с этой проблемой. Эффективное и успешное противодействие торговле людьми может быть лишь при тесном взаимодействии Республики Казахстан и ее компетентных органов в соответствии с нормами и принципами международного права с иностранными государствами и их компетентными органами, а также с международными и неправительственными организациями, противодействующими торговле людьми и содействующими защите прав жертв торговли людьми.

Havrilyuk Ruslana Alexandrovna, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Constitutional, Administrative and Finance Law Chair, Yuriy Fedkovich Chernivtsi National University
(Ukraine)

Origin of Tax Law: Anthroposociological Approach

Setting a task. Among scientists lawyers-financiers of Ukraine, Russian Federation and other countries legist (constitutional) law comprehension has been prevailing hitherto. By its nature it is brought down to identification of law with legal norms of physical behaviour, established or authorized by a state in the interests of a dominating part of socio-dissimilar society first of all, and provided by the same state in organization, ideology and if necessary, under compulsion. In another words, it is the law of a state, i. e., the law of the strong, or more precisely, the law of strength.

In its time it was very accurately observed and adequately reflected in the work "Origin of Family, Private Property and State" by F. Engels. "State, — he summarized, — is a product of society on a certain level of development; state is a recognition that this society is involved in insoluble contradiction with itself and split in irreconcilable contradistinctions impossible to get rid of. And lest these opposites, classes with contradictory economic interests should devour each other and the society in a barren struggle, there became

[1] Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 года. Алматы: ЮРИСТ. 2012. С 8.

[2] Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 13 декабря 1997 г. //http://reflaw.narod.ru

necessary the **force, apparently being over society, the force moderating clashes, keeping it within the bounds of "order". And this force originated from society but placing itself over it and estranging itself more and more from it — is the state"**[1] (pointed by me — G. R.) "Maintaining of this public power [state — G. R.] requires the instalments from citizens — taxes, — F. Engels continues. — The latter was completely unknown to tribal society"[2]. That is, according to legist doctrine of legal thinking **taxes are the attribute of state, they emerged together with it, consequently tax law is the law of state.**

H. I. Ozerov rather frankly wrote on the resulting of this approach to comprehension of tax law and taxation: "The history of direct taxation (and indirect also– G. R.) is the history of struggle of government and society. The state creates taxes, the society finds the methods to avoid them; and till this method has been discovered the government will use the form of taxation created by itself; and only the necessity will suggest people the way out, how the government should hasty look for a new method of apportion"[3].

With a given comprehension of tax and tax law, as N. E. Petuhova, who profoundly investigated the history of taxation in Russia of IX–XX centuries, writes "the bounds of taxation are determined by the needs of a state on the one hand and by property abilities of population on the other hand. That is why its requirements in means the government must coordinate with the resources of the population. There are objective signs showing the limit to taxation, — N. E. Petuhova sums up: — 1) rise of tax on consumption does not give the rise of income; 2) revenue from direct tax decreases; 3) branch of economy with high taxation declines"[4].

Thus, etatist (legist) tax law is the means for supporting the state and enriching its bureaucratic estate, the instrument of the **state,** the **forces** for compulsion of corresponding social strata, first of all in the sphere of property relations, whose purpose is a compulsory, i. e., against the will of a proprietor, withdrawal of as large as possible part of his private property and the appropriation of the withdrawn property by the state for its needs and purposes and, also for needs and purposes of its bureaucratic estate, without any reciprocal undertakings on part of the state. Recently, in this connection the legislator of Russian Federation has stated rather frankly and unequivocally. Thus, article 2 "Relations regulated by legislation on taxes and duties" of Tax Code of RF indicates: "Legislation on taxes and duties regulates **powerful relations** (pointed by me — G. R.) to setting, introduction and withdrawal of taxes and duties in Russian Federation…"[5].

That is, etatist tax law in its nature is the variety of state confiscation law. The **individual** as a full-bodied subject of this law does not exist in it at all, as he according to the status assigned to him by tax legislation is nothing but a **counter-agent of the state, an undertaken party in public relations in tax payment.** Socium consisting of such individuals is predetermined to get an unenviable lot of a milk cow whose owner, the state, does not care to keep this cow in a proper way, to feed and to water it.

Legist legal thinking on the whole and comprehension of tax law in particular has a lot of other incorrigible, according to the theoretic-methodological paradigm, disadvantages. They have been known to the scientific association for a long time, so it is not use repeating about them. In our opinion, we should draw attention to another thing, to the fact that for a long period the legist comprehension of tax law has been in antagonism with the scientific knowledge on taxes and taxation elaborated by many other humane studies and social sciences — Archeology, History, Ethnography, Ethnology, Social Anthropology, Cultural Anthropology, Juridical Anthropology and many others. Recently, a well-known Russian scientist-expert on taxes A. V. Demin[6] has paid attention to one of these contradictions in scientific knowledge on taxes and taxation in etatist doctrine of taxation and above mentioned studies and sciences.

He noticed that the "settled opinion that the necessity in taxes originates at the moment of formation of the state", "taxation emerged simultaneously with the first states", "the origin of taxation was caused by the formation of a state and the state machinery, created and used fiscal mechanisms to finance their expenditures" and so on, require critical re-comprehension. The necessity in formation of **public** funds existed in pre-state epoch too, these needs were covered by means of different kinds of free withdrawals, a part of them can be called **protoanalogues.** In this sense the state did not create taxes, it only "took up the torch" from preceding public systems, transforming and fitting "to itself" the forms of property redistribution[7] **having existed for a long time and sanctified by tradition** (pointed by me. — G. R.)

In another place A. V. Demin argumentatively sums up: "On our point of view the history of taxes and taxation is much older then the history of the very state. Payments similar to taxes still emerged in pre-state epoch. We should agree that "different forms of regular duties, taxes tributes and another payments, **having tax nature** (pointed by me. — G. R.), originated long before the formation of state in its classic comprehension". In this sense state "came" to the well-prepared soil. The redistribution mechanisms for **providing public needs** (pointed by me. –G. R.) emerged much earlier then the state and prepared much for foundation of the latter having created beforehand — in direct and indirect sense — "a nutritive environment" for the existence of state bureaucracy"[8].

A. V. Demin considers **the separation of functions of public governing from material manufacture of public benefits** to be the very need having originated taxation. "The separation of functions of public governing from material manufacture, — he writes, — causes the necessity in withdrawing the part of property of certain families to supply the emerged bureaucracy, and first of all, the chief with his surrounding and military squads. The expenditures on administrative personnel absent in primitive world are the main reason of taxation emergence in its current comprehension. Thus, — A. V. Demin summarizes, — a common pot " does not disappear completely with the decline of a primitive society, it **transforms into the budget** and in this form it will exist up to now".

The authenticity of above mentioned regulations, opinions, generalizations, appraisals and conclusions stated by A. V. Demin and too carefully arranged under a commit to little heading "polemic notes", is based on real, repeatedly verified for almost half and one centuries data of other sciences — History, Archeology, Social Anthropology, Cultural Anthropology, Juridical Anthropology and many others. Their scientific

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. – С. 170.

[2] Там же. – С. 171.

[3] Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Вып. 1. – М., 1909. – С. 303.

[4] Петухова Н. Е. История налогообложения в России IX–XX вв. Учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, 2009 (416с.) - С. 4.

[5] Налоговый кодекс Российской Федерации (в 2-х частях). – М.: Книга-сервис, 2004. – С. 4.

[6] See: Демин А. В. К вопросу об исторических предшественниках налогов и налогообложения//Российский юридический журнал. – 2009. - № 5. – С. 222–231; Демин А. В. Полемические заметки о предыстории налогов и налогообложения//Финансовое право. – 2010. - № 5. - С. 19–27.

[7] Демин А. В. Полемические заметки о предыстории налогов и налогообложения//Финансовое право. – 2010. - № 5. - С. 22.

[8] Там же.

results are verified and for a long time have been successfully applied by many associations of scientists-humanitarians abroad, and lately also in RF and Ukraine. But only our lawyers-financiers' scientific associations till lately were not interested in them because of known reasons. Above mentioned theoretical regulations by A. V. Demin are scientific and require the corresponding treatment on the other scientists' part.

At the same time A. V. Demin avoids, realizing or occasionally, to answer all the possible questions on nature of tax law: Is it correct to identify taxes and taxation with tax law? If tax law emerges simultaneously with taxation, then whose is it, this tax law and what is its origin? If this law, using the words by A. V. Demin, of "emerged bureaucracy, first of all, of the chief with his surroundings and military squads" then what is this social phenomenon in reality — one of the embryonic forms of state system or the phenomenon of completely another origin, then what? What is genetic code of tax law?

We suppose the satisfactory answers to these or many other questions on origin and nature of tax law to be possible only from methodological positions of a requirement approach to law comprehension on the whole and the comprehension of tax law in particular, in natural boundaries of its anthroposociological paradigm. "According to a requirement approach "**law comprehension** is a reflection in human mind of the phenomenon appraised as useful for meeting the needs of existence and development of a certain subject or the reflection of these direct needs by means of conception defined by the term "law" (or any other similar word or a symbol)"[1].

As far as the theoretical investigation a priori requires special methods of cognition to be applied — such as idealization (method of construction of idealized object); imaginary experiment with an idealized object, as if replacing real experiment with a real object; special methods of the theory construction (ascend from abstract to specific, axiomatic and hypothetic-deductive methods); methods of logic and historic investigations and others[2], then we consider it is expedient and even necessary to begin the definition of notion and time of tax law origin according to anthropo-sociologic paradigm with elucidation of general notion of a primitive, non-distorted by state, natural, and more precisely, anthroposocial law and the time of its origin.

In the newest post-socialist jurisprudence the most adequate reveal of the notion and nature of this law is performed in our opinion by P. M. Rabinovich. He writes: " Natural (according to another, to our mind more adequate, terminology, " generally social" or "socially-natural") **law is the certain abilities of the participants of public life necessary to satisfy their biologically and socially determined** — under certain historical conditions — **needs** (pointed by me-G. R.) objectively defined by the obtained level of the society development, provided to each of all the subjects of one and the same kind with corresponding duties of another subjects and balanced with the needs of the latter, and also principles and social norms stipulated by these abilities"[3].

To understand the depth and potential productivity of this definition of law for jurisprudence we should admit that its key methodological find is the discovery, "grasp" of **the moment of concurrence in an individual** on the level of his immanent properties of **human and legal phenomena**. Here the explanations are required. Firstly, in the above mentioned definition of law the individual is not directly said to be a carrier, there are mentioned the "participants of public life with usual **biological** and **socially determined needs**". By means of exclusion and formal logics it is not difficult to be convinced that these are only the individuals. Secondly, in "Great explanatory dictionary of modern Ukrainian language (with supplements and additions) edited by V. G. Busel the notion "abilities" is explained as "inner forces, resources, abilities[4], in another words, in our case these are the **properties of an individual.** That is, an ontological measurement of law- its natural being — points to the individual. The realization by theoretic jurisprudence of the fact being incontrovertible that man and law correlate among themselves on the level of their nature, does not belong to the "expansion" of traditional ideas on law, but discover qualitatively another, principally new comprehension of its nature, on the basis of which a new legal paradigm will rise[5], as V. S. Nerceciants predicted.

Taking into account the above mentioned, it is possible to propose more accurate and shorter definition of law as anthropo-social phenomenon, exactly: **law is the way of normative existence of the individual in socium on meeting his private and public needs in principles of freedom, equality and justice based on the freedom of will declare.** In another words, the law is the equaling freedom of the individual. Thus, **the carrier of law is an individual, he is also its system-forming nucleus.**

Still shorter definition of law according to anthropo-sociologic approach can be found in the works of a gifted and rather original French philosopher of law Ethien Le Roi who grounded his own concept of " **law as rules of social game**"[6] in his monograph "Game of Laws. "Dynamic" Anthropology of Law. Advice and Injunctions for a Young Lawyer-Player", but in the heat of witty polemics with his opponents he lost the onthologic definiteness of law.

The question on historic time of law origin is not less complicated and knotty. According to the logics of anthropo-sociologic approach to legal thinking, the assertion that it originated simultaneously with the individual as the social subject seems to be correct. Then, when did the individual originate as the social subject?

For a long time in various Humanities, first of all in Archeology there was considered to be correct the statement that anthropogenesis preceded sociogenesis, consequently homo sapiens was first to emerge and than homo social appeared. But epochal archeological discoveries of the mid-XX century[7] broke these ideas and allowed the Ukrainian archeologist P. P. Efimenko to make a conclusion

---

[1] See: Рабинович П. Правопонимание: сущность, причины и неизбежность плюрализма, современное европейское измерение// Право Украины, - 2011, - № 1, - С. 10.

[2] See: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук/В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2008. – С. 160.

[3] See: Рабинович П. Правопонимание: сущность, причины и неизбежность плюрализма, современное европейское измерение// Право Украины. – 2011. - № 1. - С. 15.

[4] Великий тлумачний словник сучасної української мови (з додатками і доповненнями)/Укладач і головний редактор В. Г. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. – С. 684.

[5] See: В. С. Нерсесянц. Юриспруденция. – М.:, 1999. – С. 154–155.

[6] See.: Le Roy E/Le jeu des lois. Une anthropologie «dynamique» du Droit. Avec des cjnsignes et des cjnseil au «jeune joueur juriste». P., 1999. – P.67.

[7] The revolution in Archeology and in the science on the most ancient history was brought about by the discoveries of the Englishman L. Leaky in Olduway Gorge in Tanzania. See: Leaky L. Olduway Gorge 1951–1961. Cambridge, 1963.; Though, the discoveries by the American Tim White in Ethiopia in 1994 can make the history of humanlike creatures 5 million years older!

that "primitive communities of the Neadartalians with their secludness (endogamness) were direct precursors and certain likeness of tribal communities"[1]. In another words, the beginning of tribe organization, i. e., the origin of socium is traced to the epoch of paleolit.

Later this circumstance allowed a well-known Russian connoisseur of primitive societies Ju. V. Bromley to sum up: "if it is so, then tribe organization turns to be older than homo sapiens and crucial moment in sociogenesis precedes the turn in anthropogenesis"[2]. So homo habilis in a given moment can be substantiatedly considered the first social man, it means, the first carrier of the law, a legal man. One more well-known Russian scientist, the anthropologist of law A. I. Kovler pointed out in this connection: "Correcting the directive acquired from the school bench that "labour created a man", it is possible to come to the conclusion that the man was created not only by labour but by the elementary social life accompanying him with its first prohibitions[3].

When and how did the tax law originate and what is its nature and genetic code? First of all there should be noted the circumstance that as far as the law as the whole phenomenon is the way of social being of the individual, it is one of its fundamental characteristics, then tax law as an integral part of the whole can be considered the part of this fundamental property of homo social.

It should be reminded that by the words of A. E. Ahnazarov, "the application of anthrop principle assumes that properties and structures of phenomena produced by the man are defined by his, human properties and structures and not vice versa"[4]. In our case it means that it is impermissible to go to extremes and identify the individual exclusively with social qualities. This very way was chosen by the supporters of legist law comprehension and in the result they lost the man, consequently having lost a real perception and comprehension of law in the full sense. According to tribal nature of the man his biological existence is impossible without social existence, and social being without biological one, still wider — real-natural, private is impossible without public and vice versa. One property inevitably expects another and incessantly interacts with it. These are two interconnected but at the same time internegating sides of one and the same living process, the stream of life. The relations between them have symmetric-asymmetric nature.

Consequently, natural needs of homo social pursue two groups of aims — strictly individual and characteristic to a large number of individuals or to the whole socium, in modern terminology, public. According to a number of facts from primitive life of the individual verified by many professional scientific associations, the correlation between his private and public needs has extremely been asymmetric in favour of the first for a long time. That is why a special legal institute for regulation of little number of public relations on meeting public needs of the individual was established not at once., as on one hand, the necessary critic mass for its natural separation and isolation, by the words of A. I. Kovler, mutually "survived legal order"[5] (custom), even by historical measures had been formed for a long time. On the other hand, public need in this institute of law did not exist during several qualitatively different among themselves stages of sociogenesis of the man already social.

The process of formation of the institute of tax law of a man and its isolation coincided in time with one of epochal distribution of public labour, namely the separation of functions of professional government from direct manufacture of material benefits. Until that time public labour productivity allowing the remaining part of socium to maintain the professional administrative personnel, not only encreased but there revealed social, i. e., human **need in professional administrative activity**, directed to self-preservation and further self-development of the corresponding socium.

Numerous facts obtained by various sciences on a primitive human in socium also testify that this professional management of socium with its complicated attributes turned out to be the transformation of the preceding non-professional self –government of a corresponding socium and it was not inserted in it from outside. Though this professional self-government of the socium contained some potestar qualities and functions, the latter still played the secondary roles, they were not isolated from non-political governing functions.

We consider it is expedient to quote on substantiated opinion by A. I. Kovler: "It is difficult to find the facet separating tribe council, still being a body of democratic community self-government, and the council represented as the body of governing separated from simple co-tribers of the group. Some researchers worked hard to idealize this institute of tribe democracy, another scientists worked hard to see in it the rudiments of state power. Anyway, it is obvious that **in due course the Council of elders of the tribe turns from the body of self-government** to which powers of tribe meeting are delegated if necessary, **into the body of governing the co-tribers, already having and realizing its own interest and becoming a social "excrescence" of a tribe community"**[6] (pointed by me.-G.R).

"Though later these toughs became members of a specific class", — K. Marks noticed in the synopsis of lectures by G. Man on the history of institutes at the place where talk was about the origin of a tribe nobility having supremacy over dependant co-tribers and already having their own interest. So it would be mistaken, un-corresponding to historic reality not only to identify but even to relate them somehow to the phenomenon of state and system of state[7].

As numerous sources on a problem of a human sociogenesis testify, the separation of administrative labour into independent professional kind of public labour took place in historical epoch of "military democracy"[8], i. e., at the finishing stage of history of a primitive community system, at the stage of transformation of institutes of tribal and community democracy into the bodies placing over tribe-community self-governing structures and estranging from them, but rarely keeping their external shape that make difficulties

---

[1] Ефименко П. П. Первобытное общество: Очерки по истории палеолитического времени.- Киев, 1953. – С. 304–305.

[2] Бромлей Ю. В. Новое в изучении первобытного общества//К вопросу о смене общественно-экономических формаций и социальных революций. – М., 1975. – С. 19.

[3] Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – С. 95.

[4] Ахназаров А. Э. Феномен права//www.vurclub.ru/docs/theory/article23.html

[5] Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА, 2002. – С. 117.

[6] Там же. – С. 163.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 45. – С. 382.

[8] More in detail on notion and nature of "military democracy" see: Ковалевский С. Д. К вопросу о понятии «военная демократия»// Средние века. М., 1983. Вып. 46. С. 198–213; Ковлер А. И. Исторические формы демократии: Проблемы политико-правовой теории. М., 1990. С. 164–176; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии//Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 241–262; Хмельницкий В. И. О понятии «военная демократия»//Советская этнография. 1973. № 4. С. 66–75.

for the scientists "to identify" these or others among a great variety of public structures of this transit epoch. In another words, it was the period of tribe self-organization of the socium distinguishing with own "social qualities.

Dualistic nature of the individual inevitably uniting in itself biological and social, individual and public beginnings predetermined both dualistic character of needs of homo social — private needs — and public needs. **That is why tax law of the individual is distributive in its nature** — by means of it the product produced by the man splits into two almost never equal parts: one is destined to satisfy private needs of the individual, the other — its public needs. That is, from the very beginning tax law distinguishes with anthropo-social nature.

Thus, according to anthroposocialogic approach **tax law** can be defined as a **natural way of distribution by a man of the public-useful product produced by him into two parts, assigned for meeting his private and public needs.** In another words, it is a fair distributive law of the individual.

Dzhafarova Helena,
Kharkiv National University of Internal Affairs,
Professor of administrative activity of internal affairs agency chair, PhD in Law, Associate Professor

Джафарова Елена Вячеславовна,
Харьковский национальный университет внутренних дел, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

Licensing as legal form of permissive activity in the field of ecological safety of Ukraine: questions of theory and practice

Лицензирование как правовая форма разрешительной деятельности в сфере экологической безопасности Украины: вопросы теории и практики

Перед Украиной и мировым содружеством существует задача касательно создания целостной системы правовых гарантий обеспечения экологической безопасности. Важность научного поиска путей усовершенствования административно-правовых принципов обеспечения экологической безопасности, в частности путем оптимизации, упорядочивания осуществления разрешительных действий, обусловленная высокой степенью эффективности разрешительной деятельности среди средств обеспечения безопасности. Поэтому результаты этого поиска могут использоваться для формирования действенных государственных мероприятий обеспечения экологической безопасности, создания надежных законодательных гарантий реализации конституционного права граждан на безопасную окружающую среду.

Современное состояние правового регулирования отношений в сфере выдачи разрешений с целью обеспечения экологической безопасности нуждается в существенном совершенствовании в направлении его упорядочивания, унификации процедур и обеспечения их прозрачности. Кроме того, существуют проблемы, связанные с неоднозначным урегулюванием в действующем законодательстве самих отношений, которые касаются экологической безопасности.

Научный фундамент для изучения правовых форм разрешительной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности составляют труды таких ведущих ученых, как: В. Б. Аверьянова, К. К. Афанасьева, А. М. Бандурки, Д. Н. Бахраха, И. Б. Колиушка, Т. А. Коломоець, В. К. Колпакова, Р. А. Куйбиды, М. М. Романяки, И. В. Солошкиной, В. П. Тимошука, Н. М. Тищенка и т. д.

Именно эти труды положены в основу формирования подхода относительно определения правовых форм разрешительной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности.

Основной целью данной статьи является необходимым исследовать одну из форм разрешительной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности как лицензирования определенных видов деятельности, которые могут повлечь наиболее существенное влияние на качественные и количественные характеристики природных ресурсов и окружающей среды в целом. Поскольку, государство, предоставляя лицензию, определяет, таким образом, пригодность конкретного субъекта осуществлять определенную важную экологическую деятельность.

На сегодняшний день, лицензирование является средством согласования интересов субъектов хозяйствования с публичными интересами всего общества. Следовательно, процедура лицензирования должна быть оптимизирована таким образом, чтобы исключать возможность допуска к осуществлению определённых видов хозяйственной деятельности недобросовестных субъектов, а добросовестные должны иметь возможность получать лицензии без лишних промедлений.

Лицензирование является одним из мероприятий государственной регуляции хозяйственных отношений в Украине, оно является своеобразным превентивным мероприятием и служит для предупреждения негативных последствий деятельности монопольных организаций, защиты важнейших сфер жизни, внутреннего рынка и национальных интересов. Невзирая на такую его особенность и большое значение, которое играет лицензирование в экологической безопасности нашего государства, нормативная база в регулировании многих вопросов лицензирования хозяйственной деятельности отстала от потребностей настоящего. Не полностью отвечает этим потребностям и практическая деятельность органов, которые непосредственно осуществляют выдачу лицензий.

Длительное время в законодательстве не было дано понятие с перечнем всех существенных признаков лицензирования. В ряде нормативных актов лицензирование относится законодателем к функциям государственной власти; отдельные нормативные акты включают лицензирование в перечень обязанностей отдельных государственных органов. Кроме того, законодатель, употребляя срок «лицензирования», часто подменивает его словосочетаниям «выдача лицензий», в то время как выдача лицензий — это лишь одно из юридически значимых действий процесса лицензирования рядом с переоформлением, аннулированием, выдачей дубликатов лицензий, ведением лицензионных реестров и тому подобное.

Сегодня существует несколько сотен нормативных документов, которые регулируют вопросы лицензирования. Такое большое их количество говорит, в первую очередь, о том, что институт лицензирования не достаточно четко урегулирован Законом Украины «О лицензировании определенных видов хозяйственной деятельности» от 1 июня 2000 года[1] и нуждается в значительном количестве разъяснений, инструкций, уточнений, а также необходимости совершенствования института лицензирования как на теоретическом, так и практическому уровнях.

Невзирая на то, что понятие «лицензирования» определено на уровне закона, эта категория исследована недостаточно, и над юридическим содержанием этого понятия работают ученые-юристы, однако единодушного понимания сущности и юридической природы лицензирования до сих пор нет.

В частности, О. Олейник отмечает, что лицензирование — это правовой режим начала осуществления отдельного, определенного законодательством вида предпринимательской деятельности, которая допускает наличие таких признаков: факт государственного подтверждения и определения пределов права на ведение хозяйственной деятельности; государственный контроль за осуществляемой деятельностью; возможность прекращения деятельности за особенными основаниями, определенными органами государства[2].

А. П. Алехин и Ю. М. Козлов рассматривают лицензирование как один из видов правовых форм управления[3].

По мнению Ж. А. Ионовой, лицензирование является формой легитимации предпринимательства, то есть государственного подтверждения законности вхождения субъектов в хозяйственное обращение, а за своей правовой природой лицензирование является мерой прямого административного воздействия на хозяйствующих субъектов[4]. Но для большинства предпринимателей фактом законности вхождения в хозяйственное обращение является не лицензия, а факт государственной регистрации субъекта предпринимательской деятельности и к ним могут быть применены другие, отличающиеся от лицензирования меры административного воздействия. Поэтому можно говорить, что лицензирование является вторичной после государственной регистрации формой легитимации тех видов хозяйственной деятельности, которые нуждаются в наличии специальных разрешений (лицензий). В данном случае государственная регистрация выступает тем юридическим фактом, с которым законодатель связывает возможность решения вопроса о выдаче лицензий. Но содержание государственной регистрации отличается от содержательного наполнения лицензирования.

По мнению Ю. А. Тихомирова, лицензирование — это особенная процедура официального засвидетельствования (признание) права хозяйвующего субъекта на ведение определенного вида деятельности с соблюдением правил, нормативных требований и стандартов[5].

Следует согласиться с суждением В. И. Сиверина, что лицензирование является формой разрешительной системы, которая предусматривает процедуру получения субъектами хозяйствования специального документа государственного образца, который выдается уполномоченным на то субъектом публичной администрации, и которым удостоверяется право субъекта заниматься определенным видом хозяйственной деятельности[6].

Исходя из выше приведенного и руководствуясь Законом Украины «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности», можно определить лицензирование как установленный государством порядок выдачи, переоформления и аннулирования лицензий, а также выдачи дубликатов, ведения лицензионных дел и обеспечения функционирования лицензионных реестров, порядок, формы и периодичность осуществления надзора и контроля за соблюдением лицензиатами лицензионных условий, выдача распоряжений об устранении нарушений лицензионных условий, а также распоряжений об устранении нарушений законодательства в сфере лицензирования.

Закон Украины «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» прямо не определяет, за какими критериями тот или иной вид хозяйственной деятельности подлежит лицензированию, но сформулированы принципы государственной политики в сфере лицензирования опосредствовано определяют основные положения, на основе которых определяются те виды хозяйственной деятельности, которые подлежат лицензированию. Однако критерии лицензирования хозяйственной деятельности были определены Концепцией развития государственной системы лицензирования предпринимательской деятельности за ее видами, которая утверждена постановлением Кабинета Министров Украины от 23.09.1996 г. № 1164[7]. В Концепции закреплялось положение, в соответствии с которым регулированию должны подлежать только те виды хозяйственной деятельности, которые непосредственно влияют на здоровье человека, окружающую природную среду, безопасность государства.

Критериям лицензирования также посвящено значительное количество научных работ. О. Олейник определяет, что критериями признания определенного вида деятельности, который подлежит лицензированию, должно быть наличие публичного интереса относительно видов деятельности, которые подлежат лицензированию[8]. В частности, это касается деятельности, что: является вредной для неопределенного круга лиц, которые не берут участия в осуществлении деятельности, которая

---

[1] Про ліцензування певних видів господарської діяльності : Закон України від 01.06.2000 р. № 1775-III [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1775–14

[2] Олейник О. Правовые основы лицензирования хозяйственной деятельности/О. Олейник//Закон. – 1994. – № 6. – С. 17.

[3] Алехин А. П. Административное право Российской Федерации : учеб./А. П. Алехин, Ю. М. Козлов. – М. : ТЕИС, 1994. – С. 24.

[4] Ионова Ж. А. Правовые проблемы легитимации предпринимательства /Ж. А. Ионова//Государство и право. – 1997. – № 5. – С. 46–50.

[5] Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса/Ю. А. Тихомиров. – М. : Юринформцентр, 1998. – С. 422.

[6] Сіверін В. І Адміністративно-правові засади надання дозвільних послуг суб'єктами публічних адміністрацій : дис. ... канд.. юрид. наук : 12.00.07/Сіверін Володимир Іванович. – Х., 2010. – С. 51.

[7] Про Концепцію розвитку державної системи ліцензування підприємницької діяльності за її видами : постанова Кабінету Міністрів України від 23.09.1996 р. № 1164 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1164–96-%EF

[8] Олейник О. Правовые основы лицензирования хозяйственной деятельности/О. Олейник//Закон. – 1994. – № 6. – С. 15–18.

подлежит лицензированию (например, захоронение опасных отходов); предусматривает участие неопределенного круга лиц, или имущества этих лиц (банковская и страховая деятельность); дает сверхдоходы и подлежит повышенному налогообложению и контролю.

Следовательно, исследуя критерии лицензирования, следует указать, что лицензированию подлежит хозяйственная деятельность, которая влияет на окружающую природную среду, здоровье граждан и тому подобное.

Законодательство не устанавливает четкий перечень лицензий собственно экологического характера. Но, лицензированные виды деятельности в этой сфере можно выделить среди других видов хозяйственной деятельности, которые подлежат лицензированию, перечень которых закреплен в ст. 9 Закон Украины «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности», к которым отнесено: операции в сфере обращения с опасными отходами, сбор и заготовка отдельных видов отходов как вторичного сырья (согласно перечня, который определяется Кабинетом Министров Украины); добыча драгоценных металлов и драгоценных камней, драгоценных камней органогенного образования, полудрагоценных камней; торговля пестицидами и агрохимикатами (только регуляторами роста растений); транспортировка нефти, нефтепродуктов магистральным трубопроводом, транспортировка природного, нефтяного газа и газа (метану) угольных месторождений трубопроводами и их распределение; снабжение природного газа, газа (метану) угольных месторождений по регулируемому и неурегулированному тарифу; хранение природного газа, газа (метану) угольных месторождений в объемах, которые превышают уровень, установленный лицензионными условиями; централизованное водоснабжение и водоотвод; заготовка, переработка, металлургическая переработка металлолома цветных и черных металлов; сбор, первичная обработка отходов и утиля драгоценных металлов и драгоценных камней, драгоценных камней органогенного образования, полудрагоценных камней; деятельность, связанная с промышленным выловом рыбы, кроме внутренних водоемов (прудов) хозяйств; торговля племенными (генетическими) ресурсами, проведение генетической экспертизы происхождения и аномалий животных; проведение фумигации (обеззараживание) объектов регуляции, определенных Законом Украины «О карантине растений», которые перемещаются через государственную границу Украины и карантинные зоны; производство тепловой энергии, транспортировки ее магистральными и местными (распределительными) тепловыми сетями и снабжение тепловой энергии.

Необходимо отметить, что субъект хозяйствования с целью осуществления хозяйственной деятельности, которая подлежит лицензированию, должен четко придерживаться квалификационных, организационных, технологических и других требований.

Субъект хозяйствования для получения лицензии на осуществление определенного вида деятельности, связанной с использованием природных ресурсов или потенциальным вредным влиянием на окружающую среду, подает лично или через уполномоченный им орган в орган публичной администрации заявление о выдаче лицензии установленного образца.

К заявлению прилагаются документы, предусмотренные ст. 10 Закона Украины «О лицензировании определенных видов хозяйственной деятельности» и Перечнем документов, которые прилагаются к заявлению о выдаче лицензии для отдельного вида хозяйственной деятельности, утвержденным постановлением Кабинета Министров Украины от 04.07.2001 г. № 756[1].

Следует отметить, что орган лицензирования принимает решение о выдаче лицензии или об отказе в ее выдаче в срок не позже, чем десять рабочих дней из даты поступления заявления о выдаче лицензии и документов, которые прилагаются к заявлению, если специальным законом, который регулирует отношения в определенных сферах хозяйственной деятельности, не предусмотрен другой срок выдачи лицензии на отдельные виды деятельности.

Сообщение о принятии решения о выдаче лицензии или об отказе в выдаче лицензии посылается (выдается) заявителю в письменной форме в течение трех рабочих дней из даты принятия соответствующего решения. В решении об отказе в выдаче лицензии указываются основания такого отказа.

Следует обратить внимание, что лицензирование видов хозяйственной деятельности, осуществление которых связано с использованием ограниченных ресурсов, а именно: добыча драгоценных металлов и драгоценных камней; снабжение природного газа за регулируемым, по неурегулированному тарифу; хранение природного газа в объемах, которые превышают уровень, устанавливаемый лицензионными условиями, в случае поступления нескольких заявлений о выдаче лицензий, осуществляется только за результатами открытых конкурсов. Порядок проведения конкурсов на получение лицензий устанавливается Кабинетом Министров Украины.

Таким образом, лицензирование можно отнести к числу правовых форм разрешительной деятельности в сфере экологической безопасности, поскольку оно оформляется и осуществляется на основе правового акта (лицензии), в результате которого наступают юридически значимые последствия для получателя лицензии, органа лицензирования и, в конечном счете, государства. Эти последствия выражаются в возникновении административно-правовых отношений между лицензиатом и органом публичной администрации, который выдал лицензию (контроль со стороны органа, что осуществляет лицензирование, возможность привлечения лицензиата к административной ответственности в случае нарушения лицензионных условий). Лицензирование, по нашему мнению, можно рассматривать и как совокупность правовых норм, которые регулируют следующие группы отношений: отношения, которые возникают по поводу создания системы органов, которые имеют право выдавать лицензии на осуществление отдельных видов хозяйственной деятельности; отношения относительно организации деятельности органов, которые осуществляют лицензирование (нормативно правового, методического, информационного, материально-технического обеспечения); отношения, которые возникают между органами исполнительной власти и лицом, которое желает получить, получил или утратил лицензию на проведение того или иного вида хозяйственной деятельности, который нуждается в лицензировании.

Если рассматривать лицензирование как содержание деятельности специально созданных для этого органов, то его можно определить как один из специальных видов административной деятельности уполномоченных на то органов публичной администрации, сущность которого заключается в выдаче субъектам хозяйствования специальных разрешений (лицензий) на право осуществления определенной деятельности в отрасли охраны окружающей среды на основе оценки их соответствия

[1] Про затвердження переліку органів ліцензування : Постанова Кабінету Міністрів України від 14.11.2000 р. № 1698 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1698–2000-%D0%BF

комплекса требований, которые выдвигаются со стороны государства, а также в осуществление контроля за правильностью и законностью осуществления такого вида деятельности.

Основу процедуры лицензирования хозяйственной деятельности в сфере экологической безопасности составляют следующие стадии: 1) стадия предоставления субъектом хозяйствования заявления к органу публичной администрации, который имеет соответствующие разрешительные полномочия (прием и регистрация документов, необходимых для выдачи лицензии); 2) стадия проверки, изучения, рассмотрения материалов дела с целью подготовки и принятия решения (рассмотрение документов в установленный срок; проведение проверок и экспертизы, принятия решения о выдаче лицензии); 3) выдача разрешительного документа (оформление лицензии, ее регистрация); 4) контрольная стадия (проведение контроля за деятельностью лицензиата; переоформление, выдача дубликата или копии лицензии, аннулирование лицензии).

Следовательно, учитывая изложенное, отметим, что лицензирование хозяйственной деятельности является одной из форм разрешительной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности Украины, которой присущие следующие составляющие: субъекты хозяйствования обязаны получить лицензию; только с момента получения такой лицензии они имеют право осуществлять определенный вид хозяйственной деятельности, связанной с использованием природных ресурсов или потенциальным вредным влиянием на окружающую среду; конкретный перечень видов такой деятельности определяется лицензией; возлагается на субъекта хозяйствования обязанность придерживаться лицензионных условий, а также выполнять другие обязанности, преимущественно публично правового характера.

Zhytnyi Alexander
Kharkiv National University of Internal Affairs of the Ministry of Interior of Ukraine,
Professor of the department of criminal law and criminology, Candidate of Law, Associate Professor

Житный Александр Александрович, Харьковский национальный университет внутренних дел МВД Украины,
профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

EU Standards Concerning Fight Against Corruption and Problems of Its Criminalization in the National Criminal Law (Ukrainian Experience)

Стандарты Совета Европы по борьбе с коррупцией и проблемы ее криминализации в национальном уголовном праве (опыт Украины)

В арсенале средств обеспечения национальной уголовной политики одним из главных является криминализация — официальное признание в уголовном законодательстве государства преступлениями форм поведения, угрожающих наиболее важным правам и свободам человека, ценностям общества, интересам государства. Введение уголовно-правового запрета предопределяются комплексом разнообразных социально-политических факторов, к которым относятся и международные обязательства государства в сфере противодействия преступности.

Стремление к всесторонней интеграции в мировое демократическое сообщество, участие во многих международных организациях и объединениях требует от Украины ориентироваться на выработанные этими субъектами стандарты решения социально-политических проблем, в том числе и касающиеся противодействия преступности. Кроме того, от способности государства реализовать свои международно-правовые обязательства во внутренней уголовной политике в определенной степени зависит оценка состояния в нем законности, степени защищенности прав и свобод его граждан.

В последние десятилетия глобальным негативным социально-правовым феноменом, вызывающим глубокую озабоченность мирового демократического сообщества, стала коррупция в различных ее проявлениях. Она является причиной огромных экономических убытков (по данным организации *Global Financial Integrity,* от незаконных финансовых транзакций мировая экономика теряет ежегодно около 1 трлн. долл. США), препятствием на пути цивилизованного развития государств, угрозой проводимым в них социальным, политическим и экономическим реформам. В странах с высоким уровнем коррупции более распространены нарушения гражданских прав, злоупотребления со стороны должностных лиц (в т. ч. и в негосударственном секторе управления).

В современном мире коррупция перестала быть проблемой отдельных государств и приобрела транснациональные масштабы. Поэтому введение правовых запретов на совершение коррупционных деяний становится одним из «глобальных» правовых требований, а организация международного сотрудничества в противодействии ей и унификация национальных правых норм государств, признающих остроту проблемы борьбы с коррупцией, приобрели особую актуальность. В связи с этим важной задачей международной и национальной уголовной политики, от решения которой зависит результативность усилий по противодействию коррупции на внутригосударственном, региональном и всемирном уровнях, а также скоординированность деятельности субъектов, реализующих антикоррупционную политику, является формулирование в международно-правовых актах ее информативной дефиниции, определение универсальных признаков и общепризнанного перечня деяний, классифицируемых как коррупционные. От разработки этих общих критериев зависят, в частности, результаты криминализации коррупционных преступлений в законодательстве отдельных государств, форма и содержание правовых предписаний, устанавливающих ответственность за них. При этом в уголовном праве Украины (как и во многих других европейских государствах) не предусмотрена возможность непосредственного применения во внутренних правоотношениях положений международного договора, устанавливающих преступность и наказуемость деяния. Поэтому для реализации правоохранительными и судебными органами Украины международно-правовых обязательств государства о борьбе с коррупцией положения об уголовной ответственности за соответствующие деяния должны быть имплементированы в национальное законодательство, трансформировавшись таким образом в нормы Уголовного кодекса (далее — УК) Украины.

Предупреждению коррупции, в т. ч. борьбе с ней уголовно-правовыми мерами посвящены многие международно-правовые акты, в том числе ряд документов Совета Европы (далее — СЕ). Последние значительно повлияли на установление уголовной ответственности за коррупцию в законодательстве Украины. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, СЕ — первая межрегиональная межправительственная организация, созданная после Второй мировой войны и предопределившая дальнейшее развитие общеевропейских структур и общеевропейского законодательства, в т. ч. и уголовного. Во-вторых, на проблемы коррупции и необходимость организации совместного противодействия ей СЕ обратил внимание в своих документах ранее, чем это было сделано на глобальном уровне (в универсальных решениях ООН). В-третьих, СЕ разработан механизм общееевропейского антикоррупционного мониторинга и контроля — Группа государств против коррупции (ГРЕКО, *Group of States against Corruption)*, участником которой (40-м по счету) является и Украина. По результатам первого и второго раундов работы ГРЕКО Украине были направлены 25 рекомендаций, касающихся реформирования национального законодательства и приведения его в соответствии с международными стандартами в сфере предупреждения и противодействия коррупции. Эти рекомендации также существенно повлияли на деятельность украинского парламента, направленную на криминализацию коррупции.

В договорах СЕ, направленных на борьбу с коррупцией, просматриваются два подхода к определению ее содержания и формулированию понятия. Так, Конвенция о коррупции в контексте гражданского права от 4 ноября 1999 г. содержит следующее определение: коррупция — прямые либо опосредованные вымогательство, предложение, дача или получение взятки либо иной неправомерной выгоды или возможности ее получения, нарушающие надлежащее выполнение любой обязанности лицом, получающим взятку, неправомерную выгоду, либо поведение такого лица[1]. Однако, эта дефиниция не является универсальной. поскольку сформулирована лишь для целей указанной выше Конвенции. В **Конвенции о коррупции в контексте уголовного права от 27 января 1999 г[2]. (далее — Уголовная конвенция о коррупции) и в Дополнительном протоколе к ней[3] применен перечневый способ определения коррупции — перечислены коррупционные деяния, которые государства-участники обязуются криминализировать (активный и пассивный подкуп национальных и международных должностных лиц, взяточничество в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях и др.). Следует подчеркнуть, что указания СЕ о криминализации таких деяний носят императивный характер.**

Украинский законодатель в течении последних лет активно совершенствовал национальное антикоррупционное законодательство, в том числе и его уголовно-правовую составляющую. Наиболее значительные изменения уголовного законодательства Украины произошли в 2011 г. Оценивая результаты имплементации стандартов СЕ в законодательство Украины в части криминализации коррупционных деяний можно отметить следующие наиболее значимые новеллы. Во-первых, в УК Украины значительно расширен объем понятия «должностное лицо» (в качестве такого субъекта, кроме представителей национальных органов власти или местного самоуправления, признаны также должностные лица иностранных государств, иностранные третейские судьи, лица, уполномоченные решать гражданские, коммерческие или трудовые споры в иностранных государствах в порядке, альтернативном судебному, должностные лица международных организаций, судьи и должностные лица международных судов). Такая трактовка субъекта коррупционного преступления в значительной степени способствовала согласованности национального и общеевропейского подходов к криминализации коррупционных деяний. Во-вторых, в УК Украины криминализирована т. н. «коррупция в частном секторе» (установлена уголовная ответственность за получение неправомерной выгоды служебным лицом юридического лица частного права независимо от организационно-правовой формы за совершение с использованием предоставленных ему полномочий действие либо бездействие в интересах предоставляющего такую выгоду лица, а также в интересах третьих лиц. Уголовная ответственность установлена и за предложение, предоставление или передачу такой выгоды). В-третьих, УК Украины признал преступлением предложение взятки, под которым в национальной правовой доктрине сегодня понимают умышленное склонение должностного лица к получению незаконного вознаграждения.

Анализ перечня коррупционных деяний, который содержит Уголовная конвенция о коррупции и Дополнительный протокол к ней свидетельствует, что не все из них были криминализированы в законодательстве Украины. Так, в УК Украины не предусмотрена уголовная ответственность за *обещание* взятки либо неправомерной выгоды, за *принятие* должностным лицом предложения, *принятие* обещания неправомерной выгоды (эти деяния названы в ст. 2, ст. 3 указанной Конвенции). Украинский законодатель оценил степень их общественной опасности как недостаточную для признания их самостоятельными преступлениями. В то же время, согласие должностного лица на принятие взятки (неправомерной выгоды) можно квалифицировать как приготовление к их получению (ст. 14 УК Украины), т. е. как начальную стадию преступлений, предусмотренных ст. 368 либо ч. 3 ст. 368–3 УК Украины.

Следует отметить неполноту криминализации коррупции в частном секторе. Так, ст.ст. 7 и 8 Уголовной конвенции о коррупции предполагают ответственность за принятие неправомерной выгоды не только лицами, занимающими руководящие должности в частных предприятиях, но и иными лицами, работающими в них. В УК Украины эти коррупционные действия оставлены без внимания. Однако, в нем предусмотрена уголовная ответственность за незаконное получение путем вымогательства работником государственного предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, незаконной выгоды за выполнение/невыполнение действий в связи с занимаемым положением (ст. 354 УК). Уголовной конвенцией о коррупции установлен равный подход к оценке коррупционных правонарушений в частном и в государственном секторах, что, как видим, не полностью учтено украинским законодателем.

Следует также отметить, что в ст. 18 Уголовной конвенции о коррупции идет речь о корпоративной ответственности за коррупцию. Однако, криминализация коррупционных правонарушений юридических лиц в уголовном праве Украины

---

[1] Конвенция о коррупции в контексте гражданского права//http://www.coe.kiev.ua/docs/cets/cets174.htm.

2 Конвенция о коррупции в контексте уголовного права//http://www.coe.kiev.ua/docs/cets/cets173.htm.

[3] Дополнительный протокол к Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией //http://www.coe.kiev.ua/docs/cets/cets191.htm.

сегодня невозможна в принципе, поскольку все меры уголовно-правового характера, имеющиеся в УК, рассчитаны на применение в отношении лишь физических лиц.

Подводя итоги проведенного краткого обзора положений УК Украины в части криминализации коррупции отметим, что этот закон и концептуально и по содержанию в значительной мере приближен к общеевропейским стандартам уголовно-правового противодействия ей. Одним из признаков, который дает основания для этого вывода — то, что украинский законодатель криминализировал большинство деяний, классифицируемых в документах СЕ как правонарушения, связанные с коррупцией, а некоторые коррупционные преступления (получение взятки, дача взятки, злоупотребление властью или служебным положением) предусматривались в УК Украины и до ратификации государством соответствующих международных договоров. В то же время, этот вывод не исключает необходимости продолжения работы по дальнейшему приведению национального уголовного законодательства Украины в соответствие со стандартами Совета Европы по борьбе с коррупцией.

Elena Yu. Kalinina,
the Herzen State Pedagogical University of Russia
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of theory of law

Formation of new type of legal identity in Europe in the globalization process

The correlation of national and international legislation in modern Europe is connected with the problem of identity finding. Identity is first of all a psychological concept, meaning the identification of the personality with the social group, and determining the interaction mechanism. The formation of «Others and Me» relation arises via this mechanism in the socialization process. However, this relation has, at least, two aspects: firstly, the formation of individuality and self-consciousness as a part of the group, secondly, identity formation with the group and, thereafter, separation of the reference group from other groups. These two processes are in continuous interaction and opposition. This is both an interpersonal and intrapersonal conflict source.

The process of identity finding is carried out in the culture sphere. The law is one of the most important cultural aspects, and, consequently, it is possible to name the phenomenon of the legal identity, connected with the concept of juridical consciousness and legal culture. Legal identity represents one of the elements of juridical consciousness formed in the process of legal socialization of personality. In this process the person receives the idea of the group legal values, and legal culture formation is based on it. The group legal values assimilation is inevitably connected with the fact that the person starts to identify them as the "right". So the other group values, not corresponding to them, pass either to the neutrally perceived category (if values of other groups have more or less similar characteristics), or to the perceived negatively (if these values don't correspond with the assimilated ones to a large extent or at all).

The globalization process involves a serious crisis of self-identification for both personality and groups. It takes place because postulates on value of "other" norms which were beyond legal identity boundaries become adopted in juridical consciousness. It can cause a conflict of values that by-turn can lead to the deformation of juridical consciousness of the personality. Further these negative phenomena, depending on level of legal culture of the personality and group, can lead either to compromise of opposing values, or to updating of the conflict.

Ipso facto we can observe the formation of a new type of boundary culture. Historically, in the course of the nation and national statehood the formation of the boundary culture in medieval Europe was generally shown on the border of two or more local cultures which were in the process of continuous interaction. Because of invasion or cooperation (trade, family and marriage relations, etc.) the representatives of different cultures communicated constrainedly and adapted social norms for this interaction, and the state created the new normative legal acts regulating their relationship. These rules of law had as dividing (for example, laws on distinctions in clothes, appearances, need to use certain signs, allowing to separate social groups from each other), and uniting types (laws on marriages between representatives of different groups, about trade rules, etc.).

Nowadays the globalization process destroys the social stereotypes, including legal ones, and, thereunder, determines new rules of legal identity formation. So we deal not with collision of interests of local groups (there can be even supergroups, for example, states). We deal with certain supranational and transnational formations, which pretend to include in their structure such supergroups as states, and to create a new superidentity (including a legal one). In our opinion the main problem of this process, is that the more elements should make this grandiose structure, the more important compromise they should establish. It will enable them to create some general rules and norms, but the area of the compromise will become less.

On the one hand, this aspect of globalization can seem a positive one, and legal identification should progress in a simpler way. The less is the compromise sphere, the less is the possibility of rule-making, and the more general they should be. However, the human psychophysiological nature is standardized and thereunder, the person prefers to create rules and to follow them, rather than break rules (rules of law are selected from all the variety of social experience of generations and their using is "time-honoured"; breaking these rules means opposing the majority, and it's not inherent to the personality).

This is only one of the conflicts arising in the process of legal globalization and attempting to creation of the integrated European legal space. However, modern political processes demonstrate that it is necessary to solve these problems opportunely, otherwise, the people of Europe can have a negative attitude to the integrating process itself.

Kostyantyn Marysyuk,
Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine, Doctor of Law

Payment for affront as a kind of property punishment for Rights, for which malorussian people is having legal proceedings

The union of Ukraine and Russia in one state formation stipulated from 1654y. penetration and then dissemination through Ukrainian lands Russian legal norms. Mainly they were defined by tsar records and "inscribed" decrees, resolutions of Senate and other supreme organs of the central power[1].

Though the above mentioned situation had one essential exception, which concerned criminal law, in the sphere of which preserved their validity effective before norms, first of all — Lithuanian statute 1588y. and acts, which explained and interpreted its statements[2].

Having taken into consideration the high level of above mentioned law-normative acts, it would be not right to presume that along centuries since they were adopted haven't been made any attempts correspondently to new social relations, just partially to change its instructions. The most considerable result of the law-project work of investigated period could be assumed Rights, for which malorussian people is having legal proceedings (1743y.).

Yu. Shemshuchenko pays attention on the importance of mentioned normative development, having pointed out that "Laws" — is turning point in formation of Ukrainian law system. Code became the result of nearly fifteen years tense work of the best experts of Hetmanshchyna and accumulated tested by life achievements of native law thought[3].

Sufficiently developed was predicted the system of property penalties in Rights, which due to the words of D. Lyubchenko, in the judicial practice of those times were left one of the main kinds of punishments[4]. Let's pay attention only to one among them, payment for affront.

That was the private punishment for sustain the sufferer injury, wounds and beatings, also for illegal detention, though the last one very often was thought as "dishonor" and one should pay for it "navyazka" (payment for dishonor)[5].

It is worth to be mentioned, that under such title concrete punishment Rights were not allotted to. In that case we could speak about so called collected punishment, to which we can take payment for wounds, payment for injuries and payment for violence.

The amount of all kinds of payments depended of status of victim and of extent of inflicted him damages[6].

Above all the legislator very clearly and profoundly came up to fixation of the amount of payments for wounds, which could be seen in art. 46th chapter XX[7] and art. 4th chapter XXI[8] in Rights.

For example, for the lost eye of the religious, noble or military rank person the guilty had to pay sixty rubles, and for two — twice; for cutting or severing of one nostril of the nose — sixty rubles, for two — twice; for cutted or chopped off ear — ten rubles, for two — twice; for cutting or tearing off one lip — sixty rubles, and for two — twice; for each tooth — forty rubles; for tongue — one hundred twenty rubles; for hand — sixty rubles, for two — twice[9].

For intentional cutting off or irreparable damage of the finger on the leg or arm of the nobleman or military man had to be punished by payment: for finger of the hand — twenty four rubles per finger, for the finger of the leg — twenty rubles for each[10].

For blood wound on the head, caused to the nobleman or military man, with injured small bone payment had to be paid for wounds in amount of thirty six rubles, for the wound on the forehead, eyebrow, cheek, lips — forty eight rubles for each, for beating out the rib — sixty rubles[11].

For intentional beating of nobleman or military man by hook, whip or birches, accused had to pay forty eight rubles, for small wound — twenty four rubles, for pulling out hear from the beard and head — twelve rubles[12].

The amount of payment for wounds of other categories of population was attached separately. For example, for eye, for nostril of the nose, for lip, for leg, for each joint of burgomaster, vijt, rijz, scribe and shop man of privileged towns, citizens of these towns; for mayor and scribe of smaller towns, and also for all craftsmen ought to be paid eighteen rubles to each, to citizens of smaller towns — fifteen rubles. If two eyes, nostrils, lips, hands, legs were lost then double sum had to be paid for the wounds[13].

For the lost of eye or tooth village policemen in the privileged towns had to receive twenty five and twenty rubles correspondingly, citizens in privileged small towns and craftsmen — fifteen and twenty rubles correspondingly, citizens of small towns village, vijts and

---

[1] Gurzhiy O. Pravo v Ukrayinskiy rozatskiy derzhavi (druha polovyna XVII – XVIII st.). Kyiv. 1994. (in ukrainian) P. 32.

[2] Ibidem. P. 28–29.

[3] Shemshuchenko Yu. Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. Peredmova./Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. Kyiv. 1997. (in ukrainian) P. XXXV.

[4] Lyubchenko D. Rozvytok kryminalnoho prava Hetmanshchyny u druhiy polovyni XVII – XVIII st./Avtoreferat na zdobuttya yferjvoho stupenya kandydata yurydychnykh nauk. Kyiv. 2006. (in ukrainian) P. 17.

[5] Padokh Ya. Narys istoriyi ukrayinskoho karnoho prava. Myunhen. 1951. (in ukrainian) P. 104.

[6] Ibidem.

[7] Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. – Kyiv. – "Instytut derzhavy i prava imeni V. M. Koretskoho NAN Ukrayiny". – 1997. (in ukrainian) P 386–389

[8] Ibidem. P 399–403

[9] Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. Kyiv. 1997. (in ukrainian) P. 386.

[10] Ibidem. P. 387.

[11] Ibidem.

[12] Ibidem. P. 388.

[13] Ibidem. P. 399.

pospolity — twelve rubles fifty kopecks and ten rubles correspondingly, slaves, serves and unmarried women — ten rubles and eight rubles correspondingly[1].

For the lost of finger on the hand or on the leg village policemen in the privileged towns had to get twelve and ten rubles correspondingly, citizens in the privileged smaller towns and artisans — seven rubles twenty kopecks and six rubles correspondingly, citizens of small towns, country vijts and pospolities — six and five rubles correspondingly, slaves, serves and unmarried women — four rubles seventy three kopecks and four rubles correspondingly[2].

For blood wound on the head, caused to vijt in the privileged towns when the bone was damaged the payment had to be given for wounds in the measure of eighteen rubles, to citizens of small towns and to craftsmen — ten rubles, to citizens of smaller towns, to village vijts — nine rubles, to slaves, serves and unmarried women — seven rubles twenty kopeks; for the wound on the head, eyebrow, cheek, lips and also for intentional beating by cue, whip or birches the guilty person had to pay correspondingly to the condition of victim twenty four rubles, fourteen rubles thirty three kopeks, twelve rubles and five rubles sixty kopeks; for pulling out hear from the beard and head, and also for cheek hit — six rubles, three rubles fifty eight kopeks, three rubles and one ruble forty kopeks correspondingly; for kicked out rib — thirty rubles, eighteen rubles, fifteen rubles and twelve rubles correspondingly[3].

Other payments for affront were not so brightly fixed and graded. For example, the size for violence was mentioned only once, when in p. 2 art. 14th chapter XX was foreseen the amount remembered above penalty in the sum fourteen rubles forty kopeks[4]. Though, to affirm, that it was the fixed size of mentioned penalty, is not possible because the legislator formulates the sanction in the way that one could understand that we speak here more about exception than about the rule. The amount of the payment for cripple is not determined in the Rights.

In some cases Rights, for which malorussian people is having legal proceedings 1743y., determined the divisible size of payment, besides that was done to it three kinds. Such types of norms could be find, for example in the p. 3 art. 18. Chapters XX[5] (payment for wounds), p.2 art. 10th[6] and p. 4 art. 14th[7] chapter XX (payment for defacement), p. 2.art. 14th[8] chapter XX (payment for violence).

It is worth to be mentioned that above mentioned payments could not come forward as the independent punishment but only in the role of additional to others, for example sitting on the gun, arrest and others.

References:

1. Gurzhiy O. Pravo v Ukrayinskiy rozatskiy derzhavi (druha polovyna XVII — XVIII st.). — Kyiv. — "Instytut istoriyi Ukrayiny". — 1994. (in ukrainian)
2. Shemshuchenko Yu. Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. Peredmova./Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. — Kyiv. — "Instytut derzhavy i prava imeni V. M. Koretskoho NAN Ukrayiny". — 1997. (in ukrainian)
3. Lyubchenko D. Rozvytok kryminalnoho prava Hetmanshchyny u druhiy polovyni XVII — XVIII st./Avtoreferat na zdobuttya yferjvoho stupenya kandydata yurydychnykh nauk. — Kyiv. — "Kyivskyy natsionalnyy universytet vnuyrishnikh sprav". — 2006. (in ukrainian)
4. Padokh Ya. Narys istoriyi ukrayinskoho karnoho prava. — MyunhenМюнхен: "Vydavnytstvo "Molode zhyttya". — 1951. (in ukrainian)
5. Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. — Kyiv. — "Instytut derzhavy i prava imeni V. M. Koretskoho NAN Ukrayiny". — 1997. (in ukrainian).

Melenko Serhiy Gavrilovith
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of the State and the Law,
The Yuriy Fedkovych National University of Chernivtsi. (Ukraine).

Number as a Fundamental Principle of Philosophical and Law Views of Pythagoras of Samos

The article under discussion presents the description of philosophical, social and ethic outlook of Pythagoras of Samos (about 570–500 BC).

The problem setting. Pythagoras was one of the authors in the field of the Greek Ancient Philosophy. Besides, he is known as a scientist, a religious reformer and a political statesman. Having taken into account the scientific achievements of his predecessors, Pythagoras has worked out and developed his own theory of philosophical problem of being with the number being its basic and central notion.

Scientific investigation of the problem. Philosophical, social and ethic views of Pythagoras have always been the object of scientific analyses of many generations of philosophers and legists. One the first investigators of Pythagoras' creative heritage was the IVth century philosopher-neoplatoist Yamvlikh of Chalkis. In the late XIX, early XX centuries the research in this field has been performed by S. Trubetskoi, C. Vorlander, Y. Belokh; throughout the XX and early XXI centuries — by V. Anishkin, L. Zhmud, M. Koshkarian, O. Makovelskiy, V. Nersesiants, M. Razumovych, B. Russel, H. Tumans and others.

[1] Prava, za yakymy sudytsya malorosiyskyy narod 1743. Kyiv. 1997. (in ukrainian) P. 399–400.

[2] Ibidem. P. 400.

[3] Ibidem. P. 401.

[4] Ibidem. P. 357–358.

[5] Ibidem. P. 361.

[6] Ibidem. P. 355.

[7] Ibidem. P. 358.

[8] Ibidem. P. 358.

The objective of the article under discussion is the investigation of philosophical, social and ethic outlook of Pythagoras of Samos.

The investigation lay-out. Pythagoras has spent a considerable part of his life travelling to other countries. He returned home being a mature man and immediately became a chief priest in the Apollo's Temple in Delphi, Greeks' cult building[1]. In the course of time, Pythagoras has left the temple and moved to Croton where he founded his own religious and philosophical school.

A lack of authentic written sources is a considerable obstacle in investigating the philosopher's creative heritage, since he, as well as Thales and Socrates, has not left any manuscripts, whereas the early Pythagoreans stated in their works their own views, but not the doctrinal theory of the school founder (though most neo-pythagoreans deny this fact). The doctrines, they had worked out, were too individual to be the bases for Pythagoras' philosophical system. Besides, there exists no unanimity as to the affiliation of certain philosophers to the Pythagorean School till now. The problem of the lack of direct written sources is only partially made up by some historical and cultural testimonies. However, according to the testimonies of some of his disciples, it was Pythagoras who gave the name "Cosmos" to the Universe. Moreover, he described the structure of the world as a smooth and whole line that subordinates to the laws of "harmony and numbers"[2].

Pythagoras may be considered to be the Plato's idealism predecessor, as he referred to the whole integers as to the fundamentals of being. He believed them to be ideal essences, and proportions between them — to create the world's harmony. The numbers themselves are closely connected with geometrical figures (number three — with a triangle, number four — with a rectangle, etc.) The four basic mythological elements have been supplemented with the fifth one, the ether, and the philosopher connected them all with numbers. It should also be noted that mathematics, as a proving deductive explanation, also begins with Pythagoras. In his theory, it was very closely linked to the form of mysticism[3].

The religious constituent of Pythagoras' doctrine can be distinctly seen in his belief in human rebirth[4]. Besides, he supported the idea of geocentricism and believed that all the solids in the unlimited Universe moved around the Earth[5].

The range of Pythagoras' scientific interests completely coincided with that of the Millet School. These were Cosmology, Astronomy, and Mathematics. He has also shown a great interest in religion (like Xenophanes, Parmenides and Empedocles) and in politics (like Thales, Anaximandr and other predecessors of Socrates)[6].

Pythagoras' views focus their attention on the interaction between Mathematics and Philosophy (the term "Philosophy" has been introduced into the common usage by him)[7], on the world's perception and numeric calculations. The philosopher used Math as one of the principal proofs of the divine origin of human mind. Analyzing Pythagoras' speculations, we might come to the conclusion that any individual, who comes in touch with some specific subjects, never notices any ideal things in his natural surroundings. At the same time, his consciousness is able, by means of the process of mental and logical activities, to synthesize any ideal images. The latter do not only perfectly fit the surrounding world (i. e. they coincide with the natural "matrix"), but also can be applied in the process of thinking. To prove this assumption it will be quite sufficient to consider the idea that there exists no ideal geometrical circle. Nevertheless, this circle can be easily drawn in human imagination and even physically made by means of coordinating the actions with the image, which is the result of a thinking process. The same may be done with an ideal triangle or rectangle, parallel bars, etc.

The above mentioned activity of an individual proves the fact that his mind and, respectively, conscious actions contain some idealistic and rational fundamentals, that have been set there since the very beginning of human existence. Moreover, these fundamentals acquire some divine essence. It is in this way, with the help of mathematical and philosophical analyses, that Pythagoras proves the existence of the Creator of the divine and distinguishes a human being from among a great number of living organisms and confers him with the ability to think logically and even to create. That is why Pythagoras considered logos as a mathematical order. Besides, he laid a great emphasis on the antinomies — contradictions that can not be logically combined but help reveal the essence of each other in the process of mutual comparison: limit — perpetuity, singular — plural, light — darkness, good — evil. The philosopher asserted that only mathematical calculations and logical proofs might combine polar incongruities[8]. In this case one may observe the affect that Pythagoras' views have attained as the result of Anaximandr's theory concerning the "ayperon" structure, where the primary substance is in a constant movement creating hereby the opposite notions (the warm and the cold, the wet and the dry). These notions exist as separate essences and, eventually, acquire the antagonistic features, fighting with each other and, as a result of the fight, getting back to their primary state[9].

Let us consider a widely-known epistemological principle "comparison leads to cognition". If it is true we could easily give a logical grounding to the theory of Pythagorean antimonies, since distinguishing of properties of any physical subject, of any social, ethic or cultural phenomenon, is possible only in case of its being compared to the opposite notion which is, however, really close in its contents to the former. On the other hand, if we ignore traditional, metaphysical perception of the surrounding world, the theory of post-classical philosophy will provide the opportunity to draw some analogies between completely different and logically incongruous notions in order to reveal the difference between them and to determine their philosophical, ethic and other essential features. In this respect, such comparisons as "light –good", "darkness — evil" should be considered as "radical" or "drastic", as the structure of the world is based not only on contrary or similar comparisons. That is why, it would be reasonable to assume the existence of other types

[1] Razumovich N. N. Politicheskaya i pravovaya kultura. Idei i instituty Drevney Gretsii. – Moskva: Nauka, 1989. – P.62.

[2] Ibidem. – P.64.

[3] Russel B. Istoriya zapadnoi filosofii I yeye sviazi s politicheskimi I sotsialnymi usloviyami ot Antichnosti do nashikh dney: V triokh knigakh. Izdaniye 7-ye, stereotipnoye. – Moskva: Akademicheskiy Proekt, 2009 – P. 52.

[4] Koshkarian M. Iz istorii filosofii. Antichnaya filosofiya. Kurs lektsiy. – Chast 1. – Moskva: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 2009. – P.9.

[5] Grinenko G. V. Istoriya filosofii: Uchebnik. – Moskva: Yurait-Izdat, 2004. – P.73–74.

[6] Antichnaya filosofiya: Entsyklopedicheskiy– Moskva: Progress-Traditsiya, 2008. – P.555.

[7] Yamvlikh Zhyzn Pifagora/Izd. Podgot. V. B. Chernigovskiy. - Moskva: Aleteya, Novyi Akropol, 1998. – P. 105.

[8] Razumovich N. N. Politicheskaya i pravovaya kultura. Idei i instituty Drevney Gretsii. – Moskva: Nauka, 1989. – P. 64.

[9] Anishkin V. G. Velikiye mysliteli: istoriya I osnovnyye napravleniya filosofii v kratkom izlozhenii.. – Rostov-na-Donu: Fenix, 2007. – P.18.; Melenko S. G. Proektsiya filosofsko-pryrodnychykh uyavlen Anaksimandra Miletskoho na problemy protsesu derzhavotvorennia// Naukovyi visnyk Chernivetskogo universytetu: Zb. Nauk. Prats. Vypusk 559: Pravoznavstvo. – Chernivtsi: Chernivetskyi nats. Un-t, 2011. – P. 19.

of comparison, for instance, of the "kindred comparison". Its essence lies in opposing of the subjects and phenomena belonging to the same groups and having inconsiderable difference between each other (e. g. comparison of fingerprints, individual characteristics of weapons, etc.) This type of comparisons is usually applied with the aim of distinguishing of some subject or phenomenon from among the other kindred ones. Such a principle of opposition lets us assert that there exist no similar or kindred elements in the Universe. Each of these elements is unique and performs specific functions. Taking into consideration all the above mentioned factors, we can come to the conclusion that "radical" or "drastic" comparison serves for determining of common properties of a subject or a phenomena, whereas "kindred" comparison defines specific, identifying properties. However, the latter was not used by the Pythagoreans, who always applied the unchangeable constancy of a number. This is why the views of Pythagoras' disciples upon any subject of their cognition (no matter what field of activities, real or transcendental, it belonged to) were so drastic.

As to the Pythagorean "radical" comparisons, the supporters of this theory considered the opposite notions to be the bases of being. The distinguished ten pairs of such notions: limit- perpetuity, calm — movement, smooth –curvy, singular — plural, light — darkness, good — evil, male –female, odds –evens, quadrate — parallelogram.[1]. Applying these logical comparisons in social and law spheres of their lives the Pythagoreans perceived social and ethic relations in a quite antinomic way, practically keeping to extreme points. They believed any social balance to be the contradiction between absolute good and absolute evil, denying thus the existence of mitigating factors. V. Nersesiants claimed that Pythagorean definition of justice was a certain philosophical abstraction of an ancient "Talion" principle ("an eye for an eye, a tooth for a tooth")[2]. In other words, it contained a severe and utter rule, which being clear and distinct, did not conceal any constructions that would give a possibility of some ambiguity. In fact, it could not be otherwise among the people who thought a number to be the absolute beginning of everything, and mathematical exercises to possess some cult status: the Pythagoreans believed this science to bring the purification of soul[3]. Mathematics is an exact science, it does not allow any proximities. This very principle of mathematical accuracy in a combination with the notion of "Talion" justice has been described by the Pythagoreans in a numeric expression. According to A. Makovelskyi, number four denoted justice in Pythagorean ethics. In their theory justice is a primary notion and category, since number four is a square integer which means that this philosophical and ethic notion is the fundamental for human individual's social being. Justice is the bases of all evaluative behavioral regulators. Due to it, various social layers of population co-exist together, society overcomes successfully different inner contradictions, and, finally, the phenomenon of social balance is also impossible without it. Actually, Pythagoras was first to express justice not in words or in written form, but graphically, in a form of a numeric equation: 2 x 2 = 4, where the first 2 is the absolute evil and the other one — the absolute good. After they are multiplied, we get justice as an average compromising category between the good and the evil. Here Pythagoras' philosophical and ethic views are strongly affected by the doctrines of the Millet School representatives, particularly by Anaximandr of Millet[4].

There exists an assumption that Pythagoras has considered the world to consist of atoms. Besides, he believed that molecules were the basic structural units of everything. The molecules, in their turn, consist of atoms that can have different shapes. Thus, Pythagoras expected to make Arithmetic the scientific bases of Physics[5]. Taking into account the previous statement, it is possible to claim that Pythagoras considered a number to be the ideal fundamental of being, both in natural and humanitarian spheres of the Universe existence. Analyzing this scientific approach, we might come to the conclusion that there exist certain rational ideas in philosopher's assumptions because the attempt to explain the atomic and molecular structure of the Universe by means of numeric expressions has been also made by D. Mendeleev, in his periodical table of chemical elements.

When considering philosopher's theories, B. Russel claimed that Pythagoras was the founder of the concepts of the perpetual world, available intellect and inaccessible feelings. If it were not for him, the Christians would have never annunciated their theory of Christ's existence; if it were not for him the theologians would have been looking for logical proofs of God's existence and immortality[6].

Another important contribution was made by Pythagoras to the humanitarian sphere of being. Learning the history of mankind, we come across its periodization on the bases of numeric expressions. In this way we determine the time of a certain historical epoch, the age of ancient buildings, masterpieces of art and literature, etc. In the field of economy we use this numeric system to determine the prices for various goods, to plan economic development of both, a separate business structure and huge areas, to determine the country's economic potential. The Pythagorean numeric concept acquires particular importance in the field of Law.

Conclusions. Summing everything up, we should say that the Pythagorean perception of a number was rather specific. According to Pythagoras, the number was the very beginning and the essence of the world[7]. However, in today's interpretation, it is only a criterion for identifying and distinguishing various notions, subjects, phenomena, essences, etc. Throughout many years of scientific theoretical and practical investigations, the Pythagorean theory of a number had great epistemological importance. That is why it plays a considerable role in the process of world perception and human being improvement. On the other hand, being one of the ontological principles, this theory acquires importance only nowadays. It is in the ontological respect that the Pythagorean theory of numbers possesses some humanitarian potential, particularly, in the field of Law.

---

[1] Gaidenko P. P. Istoriya Grecheskoi filosofii v yeye sviazi s naukoi. – Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. – P.26; Vorlander C. Istoriya filosofii: Antichnost. Sredniye veka./Per. s nem. – Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. – P. 25.

[2] Nersesiants V. S. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii. – Moskva, 1979. – P. 35.

[3] Zhmud L. Y. Nauka, filosofiya I religiya v rannem pifagorizme. – Sankt-Peterburg: Izdatelstvo VGK; Izdatelstvo «Aleteya», 1994. – P.82.

[4] Melenko S. G. Proektsiya filosofsko-pryrodnychykh uyavlen Anaksimandra Miletskoho na problemy protsesu derzhavotvorennia// Naukovyi visnyk Chernivetskogo universytetu: Zb. Nauk. Prats. Vypusk 559: Pravoznavstvo. – Chernivtsi: Chernivetskyi nats. Un-t, 2011. – P.20–21.

[5] Russel B. Istoriya zapadnoi filosofii I yeye sviazi s politicheskimi I sotsialnymi usloviyami ot Antichnosti do nashikh dney: V triokh knigakh. Izdaniye 7-ye, stereotipnoye. – Moskva: Akademicheskiy Proekt, 2009 – P. 60.

[6] Ibidem. – P. 63.

[7] Nersesiants V. S. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii. – Moskva, 1979. – P.29; Vorlander C. Istoriya filosofii: Antichnost. Sredniye veka./Per. s nem. – Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. – P. 24; Maltseva S. A., Antiseri D., Reale J. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. Antichnost I srednevekovye, 1–2. – Sankt-Peterburg: «Pnevma», 2008. – P. 33.

References:

1. Anishkin V. G. Velikiye mysliteli: istoriya I osnovnyye napravleniya filosofii v kratkom izlozhenii.. — Rostov-na-Donu: Fenix, 2007. — 333 p.
2. Antichnaya filosofiya: Entsyklopedicheskiy– Moskva: Progress-Traditsiya, 2008. — 896 p.
3. Wundt M. Grecheskoye mirovozreniye: Per. s nem./Pod red. M. N. Shwartsa. — Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010. — 170 p.
4. Gaidenko P. P. Istoriya Grecheskoi filosofii v yeye sviazi s naukoi. — Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. — 264 p.
5. Grinenko G. V. Istoriya filosofii: Uchebnik. — Moskva: Yurait-Izdat, 2004. — 688 p.
6. Zhmud L. Y. Nauka, filosofiya I religiya v rannem pifagorizme. — Sankt-Peterburg: Izdatelstvo VGK; Izdatelstvo «Aleteya», 1994. — 401 p.
7. Koshkarian M. Iz istorii filosofii. Antichnaya filosofiya. Kurs lektsiy. — Chast 1. — Moskva: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury, 2009. — 240 p.
8. Makovelskiy A. Dosokratiki. Pervyye grecheskiye mysliteli v ikh tvoreniyakh, v svidetelstvakh drevnosti I v svete noveyshikh issledovaniy. — Ch.3. — Kazan: Knigoizdatelstvo M. A. Golubeva, 1919. — 192 p.
9. Maltseva S. A., Antiseri D., Reale J. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. Antichnost I srednevekovye, 1–2. — Sankt-Peterburg: «Pnevma», 2008. — 704 p.
10. Melenko S. G. Proektsiya filosofsko-pryrodnychykh uyavlen Anaksimandra Miletskoho na problemy protsesu derzhavotvorennia//Naukovyi visnyk Chernivetskogo universytetu: Zb. Nauk. Prats. Vypusk 559: Pravoznavstvo. — Chernivtsi: Chernivetskyi nats. Un-t, 2011. — P.18–22.
11. Nersesiants V. S. Politicheskiye ucheniya Drevney Gretsii. — Moskva, 1979. — 263 p.
12. Razumovich N. N. Politicheskaya i pravovaya kultura. Idei i instituty Drevney Gretsii. — Moskva: Nauka, 1989. — 240 p.
13. Russel B. Istoriya zapadnoi filosofii I yeye sviazi s politicheskimi I sotsialnymi usloviyami ot Antichnosti do nashikh dney: V triokh knigakh. Izdaniye 7-ye, stereotipnoye. — Moskva: Akademicheskiy Proekt, 2009–1008 p.
14. Vorlander C. Istoriya filosofii: Antichnost. Sredniye veka./Per. s nem. — Moskva: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. — 280 p.
15. Yamvlikh Zhyzn Pifagora/Izd. Podgot. V. B. Chernigovskiy. — Moskva: Aleteya, Novyi Akropol, 1998. — 248 p.
16. Yamvlikh O Pifagorovoi zhizni/Per. s drevnegrech. I.Y Melnikovoi. — Moskva: Aleteya, 2002. — 192 p.

Mozhilyan Sergey Alexandrovich Post-graduate student of the Department of Civil Law faculty of the National Research University — Higher School of Economics, Moscow.

Можилян Сергей Александрович
Аспирант кафедры Гражданского права факультета права Национального Исследовательского Университета — Высшая Школа Экономики, Москва.

Features of juvenile children in the consumer law relations

Особенности участия несовершеннолетних в потребительских правоотношениях

При современном состоянии экономических отношений, которые характеризуются практически тотальным вовлечением граждан в сферу производства товаров и услуг, их продажи потребления, важным направлением развития юриспруденции является формирования благоприятной и комфортной правовой среды для всех субъектов рынка. В первую очередь, это относится тем, кто впервые вступает на горькую и трудную стезю потребителя.

Не является секретом, что одним из действенных инструментов маркетинга является влияние на целевую аудиторию продукта или услуги. Так, яркий пример — это «сопутствующая» реклама косметики или бижутерии в женских журналах, часов или элитного алкоголя в мужских. Цель подобной контекстной рекламы заключается в формировании потребительских ассоциаций, что повлечет покупку товара не в виду его действительной необходимости, а на основе ложно сформированной системе потребительских ценностей. Естественно, что наиболее внушаемой и зависимой от подобных маркетинговых политик категорией потребителей становятся дети.

Представляется необходимым рассмотреть и проанализировать наиболее проблемные аспекты участия детей в потребительских правоотношениях. Однако, наибольший интерес вызывает не ставший уже традиционным вопрос об отсутствие в законодательстве легального определения мелкой бытовой сделки или набивший оскомину спор о представительстве родителей в потребительских правоотношениях, а, действительно, спорные практические моменты, с которыми мы сталкиваемся практически каждый день.

В первую очередь, речь идет о продаже алкоголя и табака несовершеннолетним.

Законодатель вводит жесткое регулирование в данной сферы. Мотивы его благородны: оградить подрастающее поколение от пагубного воздействия алкоголя, которое может повлиять на совершение антиобщественных действий. Так, в соответствии со статьей 151.1. УК РФ вводится ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. При этом, дается легальное определение розничной продажи алкоголя в контексте уголовного права[1].

Так, согласно примечанию указанной статьи, под розничной продажей алкоголя законодатель понимает розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней. Казалось бы, с введением данной нормы проблема должна решиться сама собой.

Однако не стоит забывать, что общественные отношения развиваются гораздо быстрее, нежели право и ставит перед ним новые вопросы, требующие безотлагательного ответа.

[1] СПС «КонсультантПлюс».

Например, заслуживает внимания Определение Верховного Суда РФ от 08.12.2011 N КАС11–675[1], которое рассматривало весьма примечательное дело, суть которого проста как все гениальное: предприниматель осуществлял дистанционную продажу спиртных напитков, а его клиентами, преимущественно, являлись несовершеннолетние. Аргументации продавца была на удивление прост и логичен.

Так, продавец утверждал, что запрет на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним предусмотрен пунктом 2 статьи 16 Федерального закона от 22.11.1995 N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», а при дистанционном способе продажи этой продукции не всегда возможно выполнение этого требования и норм уголовного законодательства.

Более того, в кассационной жалобе продавец ссылался на то, что запрет розничной продажи алкогольной продукции дистанционным способом не идентичен запрету розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и охватывает более широкий круг потребителей.

Действительно, заключая договор розничной купли-продажи дистанционным способом, продавец не может убедиться в достижении покупателем совершеннолетия, потребовать у покупателя документ, удостоверяющий личность, поскольку в силу пункта 1 статьи 26.1 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей), пункта 2 статьи 497 ГК РФ договор розничной купли-продажи дистанционным способом заключается на основании ознакомления потребителя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара[2].

Именно на подобном основании продавец и полагал, что Правительство Российской Федерации в пункте 5 Постановления Правительства РФ от 27.09.2007 N 612 «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом»[3], установив запрет на продажу дистанционным способом алкогольной продукции, превысило свои полномочия.

Однако, необходимо отметить, что в подобных случаях товар доставляется курьерской доставкой не только продавцом, но и третьими лицами, товар может быть выдан покупателю, предъявившему квитанцию или иной документ, подтверждающий заключение договора или оформление доставки товара, что совершенно не исключает возможность проверить достижение покупателем алкогольной продукции совершеннолетия.

Именно такую позицию и занял Верховный Суд РФ в рассматриваемом Определении. Однако данная позиция не учитывает тот факт, что товар может быть доставлен покупателю при его отсутствии. Это означает, что товар может быть выдан любому лицу, предъявившему квитанцию или иной документ, подтверждающий заключение договора или оформление доставки товара, что исключает возможность проверить достижение покупателем алкогольной продукции совершеннолетия. Таким образом очевидна определенная недосказанность в позиции надзорной инстанции и явное упущение действующего законодательства.

Другим не маловажным вызовом является анализ потребительских отношений в области образования.

Не секрет, что в настоящее время многие родители предпочитают учебные заведения, как среднего, так и высшего образования, которые взымают плату за образовательные услуги и предоставляют более качественное образование за счет привлечения высококвалифицированного преподавательского состава.

Возникает закономерный вопрос, как претерпевает смысловое изменение понятие потребителя в контексте Закона РФ от 10.07.1992 N 3266–1 «Об образовании», Федерального закона от 22.08.1996 N 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»[4] и Закона о защите прав потребителей?

Ответом послужит Постановление Правительства РФ от 05.07.2001 N 505 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг»[5] (далее — Правила оказания платных услуг). Так, пункт 2 казанных правил говорит, что под термином потребитель в контексте образовательных услуг следует понимать организации или граждан, имеющих намерение заказать, либо заказывающие образовательные услуги для себя или несовершеннолетних граждан, либо получающие образовательные услуги лично.

На первый взгляд кажется все вполне понятным, однако при детальном анализе определения возникает вопрос, какую же правовую роль законодатель отводит несовершеннолетним гражданам, в отношении которых заказаны образовательные услуги?

Логичным представляется\я следующая триада подобного правоотношения: родители или иные законные представители несовершеннолетнего ребенка являются ***заказчиками*** образовательных услуг, в то время как образовательное учреждение является ***исполнителем*** образовательных услуг, а сам несовершеннолетний ребенок — ***потребителем*** указанных услуг.

Казалось бы подобная структура заложена и самим определением, данным выше, которое говорит о том, что лицо заказывает образовательные услуги.

В данном случае необходимо рассмотреть две ситуации.

Во-первых, когда образовательные услуги заказываются для несовершеннолетних граждан, а, во-вторых, когда подобные услуги заказаны в отношении себя лично.

В первой ситуации возникает противоречие между двумя легальными определениями потребителя, данным в рассматриваемых правилах и Законе о защите прав потребителей. Закон о защите прав потребителей предусматривает все же личное потребление товара или услуги или их заказ для иных личных нужд.

---

[1] СПС «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

Чем может обернуться на практике подобные нестыковки?

В первую очередь, разночтением прав и обязанностей потребителя по договору оказания образовательных услуг.

Так, пункт 5.1. Примерной формы договора, утвержденного Приказом Минобразования РФ от 28.07.2003 N 3177 «Об утверждении примерной формы договора на оказание платных образовательных услуг в сфере профессионального образования»[1]. Предусматривает, что потребитель обязан занятия, указанные в учебном расписании, выполнять задания по подготовке к занятиям, даваемые педагогическими работниками Исполнителя. Очевидно и не вызывает сомнений, что родители, оплатившие образование несовершеннолетнему ребенку в частной школе или дополнительные платные занятия в общеобразовательной школе не будут посещать занятия, вместо них это будет «непосредственный» потребитель — ребенок.

Во-вторых, логично, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами обязательств по договору оказания платных образовательных услуг стороны (потребитель и исполнитель) несут ответственность, предусмотренную гражданским законодательством и законодательством о защите прав потребителей, на условиях, установленных этим законодательством.

Однако Правила не предусматривают определения понятия ненадлежащего оказания образовательных услуг. Остается лишь догадываться, что это может скрываться за этим.

Представляется допустимым утверждение о том, что под надлежащим оказанием образовательных услуг понимается обязанность исполнителя обеспечить оказание платных образовательных услуг в полном объеме в соответствии с образовательными программами и условиями договора об оказании платных образовательных услуг, а при наличии свидетельства о государственной аккредитации — и в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными государственными требованиями.

Единственным преимуществом подобной структуры и «перенос» роли потребителя на заказчика образовательных услуг в случае, если они заказаны для несовершеннолетнего, является непосредственное участие родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего в судебном производстве по спорам, связанных с защитой прав потребителей. Данное удобство заключается в том, что родители имеют весомый аргумент в противостоянии с образовательным учреждением. Но подобное преимущество также таит в себе определенные подводные камни.

Например, представляется проблематичным в ходе судебного заседания представление доказательств со стороны потребителя, свидетельствующих о ненадлежащем исполнении образовательным учреждением платных образовательных услуг. Помимо этого, существуют еще ряд скрытых проблем, заслуживающих рассмотрения в рамках отдельной статьи.

В качестве своеобразного заключения необходимо отметить, что вскрытые практические проблемы правового регулирования рассматриваемых правоотношений носят устранимый характер. В первую очередь, представляется необходимым внесение изменений в пункт 22 Правил продажи товаров дистанционным способом следующего содержания:

«В случае если договор заключен с условием о доставке товара покупателю, продавец обязан в установленный договором срок доставить товар в место, указанное покупателем, а если место доставки товара покупателем не указано, то в место его жительства. *При передаче отдельных категорий товаров, установленных федеральным законодательством, представитель продавца обязан удостовериться в отсутствии предусмотренных законом препятствий для передаче данных категорий товаров (например возраст покупателя)*».

Внести изменения в пункт 2 Правил оказания платных образовательных услуг следующего содержания:

«потребитель — организация или гражданин, имеющие намерение заказать, либо заказывающие образовательные услуги для себя, либо получающие образовательные услуги лично. В случае заказа организациями или гражданами образовательных услуг для несовершеннолетних детей, получающих полное среднее образование, указанные субъекты выступают в роли заказчика образовательных услуг».

Естественно, что рекомендация подобных изменений не является панацеей для сложившейся правоприменительной практики, но послужит отправной точкой модернизации массива действующего законодательства в области расширения и защиты прав несовершеннолетних потребителей в сложившихся на сегодняшний день в России экономических отношениях.

В данной статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения коллективного исследовательского проекта № 11–04–0041 «Права ребёнка в Российской Федерации (на основе анализа семейного и гражданского законодательства и правоприменительной практики)», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Nekrasov Vasiliy
candidate at the Criminal Law Chair of the Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov
Некрасов Василий Николаевич, соискатель кафедры уголовного права ЯрГУ им. П. Г. Демидова;
заместитель начальника организационно-научного
отдела Вологодского института права и экономики ФСИН России

Detection of intent as the stage of committing a crime

Обнаружение умысла как этап совершения преступления

На сегодняшний день дискуссионным в теории и практике уголовного права является вопрос о том, является ли обнаружение умысла самостоятельной стадий (этапом) совершения преступления. Среди ученых существует мнение, что рассматриваемый этап не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Так, Н. Д. Дурманов отмечал, что «основываясь на материальном понятии преступления как общественно-опасного действия или бездействия, обнаружение умысла не может

[1] СПС «КонсультантПлюс».

быть признано стадией развития преступления»[1]. Кроме того, по мнению автора, «действия, которыми обнаружен умысел, по общему правилу не направляются на тот же объект, что и объект замышляемого преступления, а единство объекта — характерная особенность всех стадий совершения преступления»[2].

Н. Ф. Кузнецова, выступая против обнаружения умысла в качестве самостоятельной стадии преступления, приводит следующие доводы:

— при обнаружении умысла не создается каких-либо благоприятных условий для совершения преступления;

— виновный не только не приближает последствия, а более того — отодвигает их;

— обнаружение умысла не находится «ни в обуславливающей, ни тем более в причинной связи с совершенным преступлением»[3].

Однако сложно отрицать, что на субъективном уровне этап обнаружения умысла, несомненно, создает благоприятные условия для совершения преступления. Кроме того, как справедливо отмечает А. П. Козлов, «во многих случаях обнаружение умысла является не только границей, за которой следует соучастие, но и прелюдией, подготовкой соучастия»[4].

Говоря об обнаружении умысла, большинство авторов заостряют внимание на его роли и значении в развитии преступления, забывая подчас выработать само понятие данного термина. Так, в ходе проведенного исследования нами было обнаружено лишь несколько авторских понятий термина «обнаружение умысла». Более того, даже те понятия, что нам удалось найти, не отличаются единством и стабильностью.

Так, А. П. Козлов, признавая обнаружение умысла в качестве самостоятельной стадии совершения преступления, под данным термином понимает «извещение определенных окружающих лиц, выраженное в различных формах, о возникшем у виновного общественно опасном замысле»[5].

Мы считаем, что обнаружение умысла является этапом совершения преступления, так как позволяет:

— раскрыть сущность преступления при его формировании;

— правоохранительным органам — активировать механизм предупреждения преступлений;

— лицу приступить к подбору соучастников будущего преступления.

Обнаружение умысла уголовно ненаказуемо. Так, в одном из своих решений Верховный Суд подчеркнул, что «преступные мысли, настроения, даже замысел совершить преступление, хотя бы и высказанные в той или иной форме и ставшие известными посторонним (так называемое обнаружение умысла), сами по себе не влекут уголовной ответственности»[6].

Как верно отмечал Н. С. Таганцев, «иногда задумавший преступное деяние должен подробно вникнуть в конкретные условия деятельности, чтобы его воля получила действительно опасный для общества характер, а не оставалась в области мечтаний; но весь этот, иногда весьма сложный, процесс формирования умысла лежит за пределами человеческой юстиции; она не имеет ни средств, ни способов проникнуть в эту сокровенную для других работу мысли»[7].

Однако, в юридической литературе встречаются высказывания, согласно которым за некоторые виды обнаружения умысла возможно наступление уголовной ответственности. В частности, речь идет об угрозе убийством (ст. 119 УК), публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК), призывах к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывах к насилию над гражданами (ч. 3 ст. 212 УК) и ряде других составов.

Попробуем ответить на этот вопрос на примере ст. 119 УК (угроза убийством).

В Толковом словаре русского языка термин угроза понимается как «обещание причинить какое-либо зло, неприятность»[8]. В словаре русского языка С. И. Ожегова дается значение этого слова как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло. Возможная опасность»[9]. В Большом юридическом словаре термин «угроза» определен как «письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком»[10].

Среди ученых-юристов нет единой устоявшейся позиции относительно термина «угроза». Так, П. Н. Левин понимает угрозу применительно к ст. 119 УК как «рассчитанное на запугивание информационное воздействие на психику потерпевшего, выражающее субъективную решимость причинения смерти или тяжкого вреда здоровью»[11]. А. В. Гыскэ рассматривает угрозу как «актуализированную форму опасности в процессе ее превращения из возможности в действительность, субъективную готовность одних людей причинить ущерб другим»[12]. По мнению Л. Д. Гаухмана, угроза представляет собой запугивание (устрашение) потерпевшего причинением ему определенного вреда[13]. Н. В. Стерехов делает попытку сосредоточить внимание на том, что угроза охватывает в себе как принуждение, ограничивающее внутреннюю свободу потерпевшего, так и информа-

---

[1] Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 21.

[2] Там же. С. 50.

[3] Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 30.

[4] Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 51.

[5] Там же. С. 51

[6] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 3. С. 23.

[7] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Лекции. М., 1994. С. 290–291.

[8] Словарь русского языка. М., 1999. Т. 4. С. 462.

[9] Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под. ред Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 673.

[10] Большой юридический словарь. М., 2001. С. 573.

[11] Левин П. Н. Понятие и признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью//Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 96.

[12] Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2001. С. 39.

[13] См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 401, 429.

цию о решимости причинить вред интересам потерпевшего[1]. О. И. Коростылев определяет угрозу как «воздействие на психику отдельной личности, группы лиц, общество в целом, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинения вреда и реальной возможности его наступления»[2]. К форме психического насилия относит угрозу и Л. В. Сердюк. Автор отмечает, что опасность угрозы заключается во внутренних переживаниях лица и определяется как психическое насилие и как посягательство на свободу волеизъявления гражданина и свободу его действий[3].

Исходя из всех приведенных выше мнений, можно отметить, что угроза убийством представляет собой деяние, воздействующее на психику потерпевшего с целью запугать его, повлиять на его поведение. И поэтому угрозу убийством неверно понимать как обнаружение замысла.

Как справедливо отмечает П. Н. Левин, признаками угрозы убийством являются то, что угроза является разновидностью психического насилия, носит информационный характер, а также рассчитана на запугивание[4]. Кроме того, на наш взгляд, одним из признаков угрозы является то, что она должна быть реальной, т. е. потерпевший должен иметь достаточные основания опасаться приведения угрозы в исполнение.

Таким образом, угрозу убийством нельзя считать обнаружением замысла вовне, потому как это деяние воздействует на психику потерпевшего с целью запугать его, заставить изменить поведение на выгодное виновному лицу.

Между тем, в юридической литературе существует мнение о том, что в действующем УК имеются составы, в которых обнаружение умысла является наказуемым. Примером подобного состава называют также ч. 1 ст. 150 УК. Объективная сторона данного деяния состоит в совершении действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Так, Ю. А. Власов отмечает, что наиболее распространенным способом вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность является предложение совершить преступление. Однако, если после предложения взрослого совершить преступление у несовершеннолетнего не возникло желания совершить преступное деяние, взрослый все равно может быть привлечен к уголовной ответственности. В то же время в таком случае сам факт причинения вреда охраняемым общественным отношениям в объективной действительности установить будет крайне сложно. В результате чего автор делает вывод о том, что в данном примере по существу лицо может быть наказано за обнаружение умысла[5].

Эта позиция является весьма спорной. Она, видимо, вызвана тем, что долгое время среди ученых-юристов шли споры относительно вопроса о том, когда преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 150 УК, будет окончено. В связи с этим распространенной была точка зрения, согласно которой преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 150 УК, считается оконченным уже в момент предложения взрослого лица, адресованного несовершеннолетнему с целью вовлечения последнего в преступную деятельность, причем независимо от последующего совершения несовершеннолетним преступления. Подобная позиция нашла отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 8 постановления «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 года № 7), в котором прямо было сказано, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий»[6].

Мы считаем, что позиции Ю. А. Власова и Пленума Верховного Суда РФ (в ч. т. решение, отраженное в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 года № 7) не соответствуют действительности, поскольку вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления будет оконченным с момента совершения несовершеннолетним либо преступления, либо приготовления к преступлению, либо покушения на преступление или же после совершения хотя бы одного из противоправных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК. Кроме того, вовлекая несовершеннолетнего в совершение преступления, виновное лицо никаким образом не воздействует на объект уголовно-правовой охраны. Подобная позиция нашла отражение в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 года «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Исходя из этого виновное лицо несет ответственность по ч. 1 ст. 150 УК за действия, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить преступление, в результате которых несовершеннолетний совершает преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление или же хотя бы одно из противоправных действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 151 УК. Поэтому мы считаем неверными утверждения[7] о том, что по ч. 1 ст. 150 УК лицо может быть наказано за обнаружение умысла.

Изложенное означает, что характерными чертами обнаружения умысла должны быть признаны следующие:

— оно является этапом совершения преступления, поскольку позволяет раскрыть сущность преступления при его формировании, а также степень его общественной опасности;

— обнаружение умысла уголовно ненаказуемо;

— посредством обнаружения умысла лицо никаким образом не воздействует на объект уголовно-правовой охраны.

---

[1] См.: Стерехов Н. В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики). Свердловск, 1972. С 55.

[2] Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы. Ставрополь, 2004. С. 38.

[3] См.: Сердюк Л. В. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью//Уголовное право. 2008. № 1. С. 8.

[4] См.: Левин П. Н. Понятие и признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью//Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 97.

[5] См.: Власов Ю. А. Проблемы содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 150 УК РФ//Научный вестник Омской академии МВД России. 2006, № 2 (24). С. 18.

[6] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 2003. С. 102.

[7] См.: Власов Ю. А. Проблемы содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 150 УК РФ. С. 18.

Таким образом, обнаружение умысла есть не влекущее уголовного наказания объявление лицом своего действительного или мнимого намерения совершить преступление, выраженное вовне любыми способами и не имеющее внешнего воздействия на объект уголовно-правовой охраны.

Список литературы:

1. Большой юридический словарь. М., 2001.
2. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 3.
3. Власов Ю. А. Проблемы содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного чч. 1 и 2 ст. 150 УК РФ//Научный вестник Омской академии МВД России. 2006, № 2 (24).
4. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003.
5. Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М., 2001.
6. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955.
7. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002.
8. Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы. Ставрополь, 2004.
9. Кузнецова Н. Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958.
10. Левин П. Н. Понятие и признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью//Человек: преступление и наказание. 2007. № 1.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка/Под. ред Н. Ю. Шведовой. М., 1989.
12. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. М., 2003.
13. Сердюк Л. В. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью//Уголовное право. 2008. № 1.
14. Стерехов Н. В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики). Свердловск, 1972.
15. Словарь русского языка. М., 1999. Т. 4.
16. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Лекции. М., 1994.

Semenko Oleh Vasylyovych,
applicant for the academic degree of Doctor of Philosophy in Law (Candidate of Sciences in Law) at the National Academy of Internal Affairs

Proving in cases brought upon the gravamen made by the aggrieved: psychological peculiarities

Criminal procedural peculiarities of the process of proving in cases brought upon the gravamen made by the aggrieved are being analyzed in the present article. Psychological peculiarities of the aggrieved as subject of proving from the side of the prosecution have been elucidated.

Problem definition. According to the Criminal procedural legislation of Ukraine the aggrieved is defined as a physical entity who has suffered from a crime in a moral, physical or proprietary way. Thus, special attention, in the light of realizing one's right to judicial protection, as well as possibility for citizens to get access to justice, is paid to proceedings in criminal cases of private and private-public prosecution. Thanks to procedural institution of private and private-public prosecution, a citizen, in case his/her private interests have been violated, is involved in participation in criminal process at the side of the prosecution. The said procedural institution has been researched by such scientists as L. Ivanov, V. Lazareva, V. Popeliushko, V. Syskov, L. Frank, N. Shyshkevych.

Objective of the article is to analyze psychological content of proving process in cases brought upon the gravamen made by the aggrieved.

Main material. According to the modern Criminal procedural legislation of Ukraine, cases brought upon the gravamen made by the aggrieved and those which belong to the category of private prosecution, are considered cases of crimes defined in Article 125 of the Criminal Code (intended light corporal injury), Part 1 of Article 126 of the Criminal Code (deliberate battery, beating or any other violent acts which caused physical pain and did not inflict corporal injuries) and Article 356 of the Criminal Code (frontier justice) as for actions which violated rights and interests of individual citizens. Article 27 of the Criminal procedural code of Ukraine is called "Criminal accusation based solely upon gravamen made by the aggrieved" and along with defining category of cases brought upon the gravamen made by the aggrieved it defines process of legal investigation of such cases.

Solely upon the gravamen made by the aggrieved a judge brings a criminal case and a person who filed the gravamen has the right to call off his/her accusation any time, as well as make amicable agreement with the accused what stipulates case termination. Criminal cases defined in Part 1 of Article 152 of the Criminal Code (rape) belong to cases of private-public accusation, since they are brought upon gravamen made by the aggrieved or the public prosecutor but cannot be terminated through amicable agreement between the aggrieved and the accused.

In cases of private accusation the aggrieved is mostly likely to bring criminal prosecution against a criminal and be classified as aggrieved according to the existing procedure what provides him/her an opportunity to stand their ground in criminal process and eventually receive full compensation for damage inflicted, as well as criminally accuse the person who committed a crime. The aggrieved has an opportunity to protect his/her rights and legal interest on all stages of criminal proceedings[1].

Thus, in the above said category of cases the aggrieved has the right to support prosecution. Moreover, the aggrieved has the right to collect and provide to the court evidence to prove the accused' fault, initiate witnesses interrogation, at his/her own will and intent conduct examinations (for instance, medical examination for damage inflicted to health), claim damage compensation, etc.

[1] Popeliushko V. Cases of Private Prosecution: Topical Issues, Legislative Paradoxes//Law of Ukraine. — 2006, # 4. 98–100.

According to specialized literature, participant of process of proving are divided into two groups:

A) subjects of proving;

B) other persons involved upon need for proving[1].

The former, in its turn, depending on procedural function (similar to classification of participants in criminal process) can be divided into:

A) court;

B) subjects of proving on the side of the prosecution;

C) subjects of proving on the side of the defense.

Thus, according to the classification provided, the aggrieved can be included in the group of subjects of proving on the side of the prosecution. It is worth mentioning that according to the acting legislation, process of proving consists in collection, checking and estimation of evidence. According to Article 67 of the Criminal procedural code, checking and estimation of evidence can be performed by court, public prosecutor, investigating officer and person that holds inquest. The aggrieved does not have such right. According to Article 66 of the Criminal procedural code "Collecting and Providing Evidence" the aggrieved has the right to collect evidence and provide them to court.

According to the content of Article 66 of the Criminal Procedural code the aggrieved can participate in collection of evidence, but to a limited extent: he/she can collect and provide documents and certain objects with the purpose of their further involvement in criminal case as evidence. The author considers it quite logical, since investigating, judicial and procedural actions can be performed by state authorities and authorized officials only.

Thus, materials and objects provided to the court by the aggrieved are not considered evidence, they will become those upon performing certain procedural actions (interrogation, attachment, disposition of involving evidence in criminal case, etc.). As a result, the role of the aggrieved in collecting evidence looks passive, since he/she can only claim involvement of objects or documents, the claim can be overruled, however.

Besides, the aggrieved can run into problems while obtaining certain documents (for instance, original of the medical history which is not given to a patient), in such cases document can be included in the case only through the request made by the court. Eventually, it all comes down to the application for petition made by the aggrieved as for obtaining documents. Thus, the right of the aggrieved to collect and provide to the court evidence is closely connected with his/her right to application for petition.

Process of proving is accompanied by cognitive and mental activity of subjects of proving where the main objective of proving consists in clarifying actual circumstance of the case. Proving is also a complicated psychological process which results in judge's opinion on the case.

As the Russian researches Syskov V. L. suggests, key significance is attributed to psychological side of process of proving which serves not only for mechanism of evidence formation, but is also an element of moral certainty formation of subjects of proving[2]. To understand essence of criminal procedural proving it is necessary to keep in mind that process of proving itself consists of three parts:

1. Information element which emphasizes role of cognition in proving in criminal cases;

2. Logical element contains two aspects: certifying and logical. Certifying aspect consists in procedural rules of receiving evidence set by the law and guarantees for received information validity. Logical one presupposes use of regularities and laws of logics for grounding decision on the case on the ground of information received;

3. Psychological aspect which is responsible for moral certainly formation and serves as base for estimation of evidence system and collection.

Evidence collected and provided to the court by the aggrieved are as a rule of an evaluation character and depend on psychological and intellectual development of the aggrieved. A person who suffered form inflicted physical pain, physical or psychological damage is naturally under influence of negative, depressing epetitions and craves for justice and punishment of the guilty. As a result, testimony provided by the aggrieved and evidence collected by him/her can be of interested or subjective character where one could clearly see his/her personal position and claim for urgent punishment of the guilty. In such case it is necessary to consider evidence provided by the aggrieved together with witnesses' statements and estimate them together with other evidence.

in some cases due to various causes the aggrieved does not express any wish to realize his/her right to collect evidence and make petitions, whereas testifying is a common kind of participation of the aggrieved in process of interrogation.

Interrogation of the aggrieved is a certain source of receiving evidence, but due to various circumstances and stress experienced the aggrieved can be too emotional during interrogation, or vice versa, crime could have caused psychological inhibition and as a result crime caused deformation of logical thinking of the aggrieved. With the purpose of receiving reliable and objective information which will make ground for proving a crime, to the author's mind, interrogation of the aggrieved should be conducted with consideration for his/her psychological and emotional state. In case of emotional agitation or stress of the aggrieved expressed by frustration, indifference, depression, interrogation should be rescheduled to allow for more stable emotional and psychological state of the aggrieved.

Even slightest inattention from the side of the court to the aggrieved can worsen his/her negative emotional state and considerably complicate communication in process of interrogation which will inevitably affect qualitative and quantitative characteristics of evidence received. In course of interrogation of the relieved for receiving necessary evidence one should take into account how subjective testimony of the aggrieved could be who is an interested party and its evidence should be subject to critical analysis, as the Russian scientist A. R. Ratinov states[3].

Emotional anxiety of the aggrieved, especially when crime to some extent was threat to person's life, health or dignity is characterized by emotional depth and special acuity. So the aggrieved while being an object of criminal intrusion sees the picture of the crime committed in quite an acute way and feels its direct affect.

---

[1] Chufarovskyy Yu. V. Law Psychology: Textbook. — M.: Justice and Law, 1997. Pg. 182.

[2] Syskov V. L. Proving Activity of Court of First Instance in Criminal Cases: Author's Abstract of Dissertation for Ph. D. in Law. — Cheliabinsk, 2007. Pg.8.

[3] Ratinov A. R. Forensic Psychology for Investigation Officers. — M., 2001. pg. 50–51

Peculiarity of emotions of the aggrieved define his/her mental state which is reflection of those changes which took part in personality under influence of crime and its affects. As a rule, against the background of mental state, affect of other psychological regularities shows itself which to some extent influence mental processes of the aggrieved (senses, perception, memory, thinking, will and emotional processes). As psychologists point out, mental state is always situational and is in fact reaction to situation. It is worth mentioning that mental state of the aggrieved can be defined as relatively stable demonstration of all components of mental activity of person who became crime victim. This state depends on character and intensity of criminal influence, as well as previous emotional and mental state of the aggrieved and is seen through peculiar mental processes, testimony, behavior and attitude of the aggrieved to the case.

It is doubtless that various kinds of crime and level of its cruelty and affect on health and dignity of the aggrieved directly influence testimony of the aggrieved. At this stage of crucial importance is mental state which appeared before the crime, namely mental helplessness of the aggrieved (mental disease, unconscious condition, psychological trauma) and physical weakness caused by certain disease, handicap, senior age, etc. Helplessness of the aggrieved could also be caused by alcohol intoxication or drug use.

Thus, previous mental state of the aggrieved to some extent enhances affect of criminal intrusion while causing certain hyperbolization in course of testifying about recreation of situation. To the author's mind, this psychological aspect should be taken into account in court while checking and estimation testimony of the aggrieved.

It should be pointed out that awareness of danger often causes in the aggrieved sthenic form of fear which is an active protection reflex. In such state the aggrieved demonstrates active resistance using various methods to avoid negative affects. In this time all efforts of the aggrieved are aimed at fighting with attacker, mental performance is focused on estimation of situation, choosing means of fighting and making most favorable decision. As a result, attention of the aggrieved is not stable and is concentrated only on particular moments of the situation which are later highlighted in the consciousness leaving in the darkness a number of significant details. Thus, quick course of events does not allow catch sequence and particular moments of the situation in progress, often the aggrieved does not remember actions of each attacker and cannot recollect who was the first to commit violent act.

Light and grave corporal injuries, beating, strangling and other injuries mental state is accompanied with feeling of pain. Pain namely intensifies state of fear and creates certain mental state which defines combination of physiological processes in central nerve system. Acute pain complicates and changes course of mental processes, contributes to formation of dominant source of excitation which attracts excitation from other nerve centers and suppresses their activity.

In course of estimation of evidence provided by the aggrieved during interrogation in court it is necessary to take into account that mental condition which appeared as a result of pain depends on previous mental state. Tiredness and sleeplessness contribute to higher pain sensitivity, though exhaustion blunts pain. Cold contributes to intensification of the feeling, warmth makes it weaker. Grave psychological trauma, nervous tension often suppress feeling of pain. So feeling of pain from injuries previously received in course of fighting and resistance can be revealed with the aggrieved delayed in time from the moment they were inflicted, since attention of the aggrieved at that moment was focused on protection. Quite often because of this reason evidence of the aggrieved as for time injuries were inflicted could be inaccurate and contradict to other evidence.

During interrogation and estimation of facts informed by the aggrieved special attention should be paid to the fact that mental state of the aggrieved could be limited by epetitional living through what happened, excessive fear, pain and other negative irritants. At this time consciousness of the aggrieved is narrowed, logical and mental processing of information is suppressed and possibility of all-rounded perception is distorted. Only in individual cases attention is focused on details of the event taking place and thoughts compulsively return to fear and danger connected with actions of criminals.

State of stress of the aggrieved affects process of storing, processing and recreation of course of events. Thus, under effect of epetitional tension it often happens that the aggrieved at first interrogations cannot recollect circumstances which preceded the crime. Occasionally the aggrieved cannot recollect course of events at all some time after the crime. It all explains why at following interrogations evidence provided by the aggrieved as a rule turns out more complete that at previous stages.

It is also worth mentioning that process of becoming aware of tragic events can last for several months what frequently affects evidence of the aggrieved given at the court. Sometimes there is necessary to conduct several interrogations in order to recreate in complicated cases all significant circumstances of the case and reveal "memory storages" not found at the first interrogation.

Thus, to the author's mind, from psychological point of view, testimony of the aggrieved as for circumstances of the crime are subject to critical review due to the following factors:

— exaggerated retelling concerning certain moments of the event experienced (for instance, exaggeration as for number of criminals and objects they used);

— generalization, especially while giving first testimony, as for accused persons ("all of them did not let me go", "all of them took part in beating");

— blanks, omissions of certain elements while describing the situation which took place;

— disbelief as for sequence of events, confusion while describing the event, changing place of certain details, failing to keep to sequence of actions, etc..

Testimony of the aggrieved, as stated by V. A. Lazareva, have double character: they serve not only evidence in a criminal case, but an instrument for the aggrieved to protect his/her rights, one of means of conducting process of proving[1].

To the author's mind, it is worth drawing special attention to position of the Russian lawyer L. F. Ivanova concerning extreme significance of psychological peculiarities of the aggrieved in defining degree of guilt of the accused and need for court to take into account provocative behavior of the aggrieved as well. In such case provocative behavior of the aggrieved can be seen as circumstance which relieves guilt of the accused[2].

Conclusion. According to the acting legislation, the aggrieved has the right to collect evidence and provide them to the court. The following forms of participation of the aggrieved in process of proving can be pointed out: collecting and providing evidence to court;

[1] Lazareva V. A. Proving in Criminal Process: Educational and Practical Guide. — M., 2009. pg. 268

[2] Ivanov L. F. Some Informative and Psychological Methods Used in Identification//Herald of Yuzhno-Uralsk National University. "Law" Series. Issue 9. — 2007, # 4. — Pg. 67.

filing petitions (including those for conducting investigative and other procedural actions); testifying. From psychological point of view process of proving is cognitive and mental activity of subjects of proving the main goal of which is defining factual circumstances of the case.

Criminal procedural peculiarities of the process of proving in cases brought upon the gravamen made by the aggrieved are being analyzed in the present article. Psychological peculiarities of the aggrieved as subject of proving from the side of the prosecution have been elucidated.

References:

1. Frank L. V. Notion of criminal victimology and victimity and its certain aspects in crimes against life and health//Issues of Criminalistics, Criminology and Forensic Medicine. — Baku, 1972 — # 15.
2. Chufarovskyy Yu. V. Law Psychology: Textbook. — M.: Justice and Law, 1997. — 320 pg.
3. Shynkevich N. E. The Aggrieved as Subject of Proving//Herald of Orenburg National University. — 2006, # 3. — Pg. 182–184.
4. Ivanov L. F. Some Informative and Psychological Methods Used in Identification//Herald of Yuzhno-Uralsk National University. "Law" Series. Issue 9. — 2007, # 4. — Pg. 66–71.
5. Lazareva V. A. Proving in Criminal Process: Educational and Practical Guide. — M., 2009.
6. Popeliushko V. Cases of Private Prosecution: Topical Issues, Legislative Paradoxes//Law of Ukraine. — 2006, # 4. Pg. 98–100.
7. Ratinov A. R. Forensic Psychology for Investigation Officers. — M., 2001.
8. Syskov V. L. Proving Activity of Court of First Instance in Criminal Cases: Author's Abstract of Dissertation for Ph. D. in Law. — Cheliabinsk, 2007. — 22 pg.

Simonova Dariya Vladimirovna
Perm Institute of the Federal Penal Service, fourth — year cadet
Симонова Дарья Владимировна,
Пермский институт ФСИН России, курсант 4 курса

Peculiarities of realization of the civil rights of persons sentenced to imprisonment

Особенности реализации гражданских прав осужденными к лишению свободы

Наказание за совершенное преступление, как лишение свободы, оказывает серьезное влияние на совокупность гражданских прав и обязанностей осужденных. Связано это, прежде всего, с предъявлением к преступникам специальных режимных требований. Вместе с тем, государство должно установить лицам, осужденным к лишению свободы, такую систему ограничений в правах и возложить на них специфические обязанности, которые отвечали бы общепризнанным правам человека и гражданина, принципам и нормам международного права, Конституции Российской Федерации, а также содействовали достижению целей наказания.

Проблемы гражданско-правового положения лиц, осужденных к лишению свободы, требуют всеобщего изучения. В контексте определения степени эффективности действия регулирующего его законодательства, рассмотрения их как средства защиты прав, свобод и законных интересов данных субъектов гражданского права, а также деятельности органов, учреждений, организаций и других лиц, взаимодействующих с ними, имеет важное научное, социально-нравственное и практическое значение.

Лица, осужденные к лишению свободы, могут являться участниками различных гражданских правоотношений, в том числе отношений собственности, обязательственных правоотношений, возникающих из договоров, а также в результате причинения вреда.

Изучая проблему реализации осужденными гражданской правоспособности в период исполнения наказания, в местах лишения свободы, существует мнение, что оно никак не осуществляется. Но это мнение ошибочно, так как отношение к осужденным со стороны общества, государства и отдельных граждан свидетельствует об уровне развития данного общества, степени его гуманизма и демократизма на конкретном историческом рубеже развития.

В связи с этим, возрастает обще-социальное значение и актуальность изучения проблем гражданско-правового положения лиц, осужденных к лишению свободы, вопросов их участия в гражданских правоотношениях, а также изыскание возможности для его реального воплощения в практике исполнения наказания.

При рассмотрении данной категории граждан, мы поставили перед собой цель изучить соотношение понятий гражданской правосубъектности, правоспособности и дееспособности, очертить их границы в рамках действующего гражданского законодательства РФ и других нормативно правовых актов регулирующих правовой статус осужденных к лишению свободы.

Также, особое значение приобретает правовое закрепление возможности лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, выступать в качестве субъектов правоотношений, осуществлять права и обязанности, предусмотренные гражданским законодательством и международными соглашениями.

Таким образом, исследуя проблемы правоотношений, субъективных прав и обязанностей, а также проблемы их возникновения, осуществления и защиты, правовой ответственности в общетеоретическом аспекте и применительно к отдельным институтам права, мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения специфики субъекта. Невозможно исследовать институты гражданского права, не касаясь непосредственно или косвенно субъекта этих отношений, тем более, если в роли субъекта выступает такая категория граждан, как лица, осужденные к лишению свободы.

Представления о гражданской правосубъектности, связываются с наличием у лиц таких качеств, как правоспособность и дееспособность. Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, сопровождают человека на протяжении всей его жизни: с момента рождения и до его смерти. Конечно трудно представить новорожденного или малолетнего ребенка,

например, заключающим договор, однако такой ребенок уже может обладать определенным комплексом гражданских прав и обязанностей (стать собственником, наследовать завещанное ему имущество и т. п.)[1].

Гражданская правосубъектность — представляет собой максимально полную, суммарно выраженную возможность правообладания, признаваемую в равной мере за всеми лицами. Для характеристики объема субъективных прав и обязанностей субъекта, а также его правовых возможностей, правильнее было бы оговорить его правовой статус[2].

Правосубъектность тесно связана с признаками, индивидуализирующими конкретного субъекта права. В данной работе мы остановимся на такой категории граждан, как осужденные. Это связано с тем, что осужденные ограничены в своей правосубъектности, так как они, находятся в местах лишения свободы.

У государства существует такое право, как ограничение прав и свобод граждан, путем издания соответствующих нормативно-правовых актов, а конкретно федеральных законов. Однако сделано это может быть только в условиях чрезвычайного (военного) положения с указанием пределов и срока действия такого ограничения (в случае необходимости защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства) (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Но, даже в этих случаях не могут быть ограничены такие права и свободы, как: право на жизнь; защиту своей чести и доброго имени; достоинство личности; неприкосновенность частной жизни; свобода совести и вероисповедания; право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности; право на жилище; право на судебную защиту прав и свобод.

Исходя из выше изложенного, мы делаем вывод об актуальности вопроса защиты гражданских прав осуждённых к лишению свободы реально, без учёта лиц получивших отсрочку исполнения приговора или условно осуждённых. Их правосубъектность ограничена, в связи с недостаточной отлаженностью механизма их гражданско-правовой защиты, по причине нахождения в местах лишения свободы.

Но наряду, с ограничением правосубъектности лиц осужденных к лишению свободы, существует проблема реализации осужденными прав на частную собственность.Объектами гражданских прав осужденных, как и всех граждан, могут быть вещи, включая деньги и ценные бумаги, а также иное имущество, в том числе предприятия, имущественные комплексы и другое недвижимое имущество.

Право частной собственности осужденного различается в зависимости от того, где находится имущество: в исправительном учреждении или за пределами него. Право частной собственности осужденного на имущество, находящиеся вне места лишения свободы, за ним сохраняется[3].

Лишение свободы как вид наказания не прекращает право частной собственности на имущество, приобретенное осужденным до лишения свободы (кроме случаев конфискации этого имущества по приговору суда и если на него не обращалось взыскание в возмещение ущерба, причиненного преступлением). Таким имуществом может быть автомашина, дом, другие вещи, принадлежащие им на праве частной собственности, а также как участникам права общей долевой или совместной собственности.

Осужденный может стать собственником и вновь приобретенного имущества через представителя или по наследству. Он сохраняет право собственности на принадлежащее и находящееся вне колонии имущество, но видоизменяется порядок реализации этого права: осужденный лишь временно не может реализовать правомочие владения (возможность хозяйственного господства собственника над имуществом) и правомочия пользования (возможность извлечения из имущества его полезных свойств). А правомочие распоряжения (означает свершение в отношении вещи актов, определяющих ее судьбу) он реализует в полном объеме, т. е. он может, например, продать, подарить вещь, сдать ее в наем, но с помощью представителя (супруга, родителя, иного родственника, другого лица), которому выдается доверенность[4].

В силу полномочия, основанного на доверенности, представитель осужденного непосредственно может создавать, изменять и прекращать его гражданские обязанности и права (например, отдавать имущество в залог, обременять его другими способами, распоряжаться им по усмотрению доверителя: продать, подарить и т. п.)

К нотариально удостоверенным доверенностям приравниваются доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверенные начальником соответствующего учреждения (ст. 182, 183, п. 3 ч. 3 ст. 185; и др. ГК РФ).

Чаще всего мотивом к совершению сделок, в которых осужденный выступает в качестве продавца, является беспокойство за сохранность оставшегося у него на свободе имущества, особенно в тех случаях, когда он не имеет близких родственников и друзей, способных обеспечить необходимый присмотр. При продаже имущества деньги по указанию осужденного могут быть перечислены на его лицевой счет в уголовно-исполнительной колонии.

Осужденный вправе, через своего представителя осуществлять распорядительные акты, например, сделки купли-продажи, сдача имущества в наем и т. п. за пределами исправительного учреждения.

В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом должны быть обеспечены интересы самого осужденного и в отношения его имущества, находящееся вне мест лишения свободы, а также интересы других лиц, претензии которых связаны с этим имуществом, — интересы кредиторов, интересы государства по налоговому обложению и т. п.

Когда у осужденного к лишению свободы имеются родственники или другие близкие ему люди, проявляющие заботу об его имуществе. Вопрос практически решается довольно просто. Сложнее обстоит дело с одинокими осужденными. Кроме того иногда даже и при наличии родственников между ними и заключенными могут возникать те или иные конфликты.

---

[1] «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009)//СПС Консультант Плюс.

[2] «Положения по использованию системы «социальных лифтов» в исправительных учреждениях ФСИН России в условиях действующего законодательства»//СПС Консультант Плюс.

[3] Гражданское право/под ред. Алексеева С. С., —2-е изд. — М.: Проспект, 2009. С. 33.

[4] Гомола А. И. Гражданское право.- М., 2007.С. 47.

Так, например, осужденная К., до лишения свободы проживала у гражданина Р. в качестве поднанимателя. Вещи, принадлежащие К., остались у хозяйки без какого бы то ни было оформления. Впоследствии К. обратилась к Р. с письмом, в котором просила переслать ей некоторые вещи в колонию. Р. не только не выполнила эту просьбу, но вообще отказалась от возврата К. каких бы то ни было вещей. Тогда К. предъявила к Р. иск об истребовании имущества, который был судом удовлетворен. После этого администрация колонии обеспечила передачу указанного имущества по описи на хранение лицу, избранному самой осужденной. Ясно, что в совершении всей этой сложной процедуры не было необходимости, если бы действовало общее правило о том, что имущество осужденного в момент лишения свободы должно передаваться по его требованию на хранение либо названным им лицам, либо лицам, специально назначенным для этих целей, как это делается применительно к наследственному имуществу или имуществу безвестно отсутствующего [1].

Вообще, на осужденных распространяется принцип неприкосновенности частной собственности. Лишение свободы само по себе не прекращает право собственности. За совершенное преступление виновный несет уголовное наказание, но нельзя лишить его на этом основании необходимого имущества.

Осужденный как гражданин не лишен правоспособности и дееспособности в области отношений имущественного найма в качестве наймодателя. Если до своего осуждения он выступал в качестве наймодателя, то и в условиях отбывания наказания будет являться стороной этих договорных отношений, и наниматель обязан выполнять условия договора. Он вправе сдавать в имущественный наем принадлежащее ему имущество, находящееся на хранении вне ИУ. Осужденный может выступать в отдельных случаях и в качестве нанимателя, например, имея автомашину в личном пользовании, он до ареста арендовал у другого лица помещение под гараж, и продолжает выполнять условия договора и после осуждения к лишению свободы [2].

Также в исправительном учреждении выделяют право собственности осужденных на имущество, запрещенное к использованию в ИУ и сданное ими на хранение (деньги, ценные бумаги, аппаратура, другие ценные вещи). Хранение приобретенных осужденным в установленном порядке ценных бумаг обеспечивается администрацией ИУ (ч. 10 ст. 82 УИК РФ).

Обнаруженные на территории исправительного учреждения деньги, ценные бумаги и иные ценности, владелец которых не установлен, обращаются в доход государства в соответствии с законодательством РФ (ч. 9 ст. 82 УИК РФ).

В исправительном учреждении помимо права собственности осужденных на имущество, запрещенное к использованию в ИУ и сданное ими на хранение, выделяют право собственности на предметы первой необходимости, разрешенные к использованию, и вещевого довольствия после выплаты их стоимости, а также продукты питания, получаемые в посылках, передачах и приобретаемые по безналичному расчету в пределах, определенных законом. В личном пользовании осужденных, помимо предметов личной гигиены, одежды, могут находиться книги, журналы и газеты, получаемые ими по подписке, купленные по безналичному расчету в торговых точках исправительного учреждения или переданные в посылках, бандеролях, передачах, продукты питания, другие предметы. В отношении этих предметов осужденные осуществляют полномочия по владению и пользованию. Распоряжаться ими: продавать, дарить, менять, отчуждать иными способами другим осужденным внутри ИК запрещено [3].

Таким образом, правомочия владения, пользования имуществом у осужденных, находящихся в ИУ, сохраняются полностью лишь только в отношении вещей, оставленных осужденному при приеме его в ИУ или законно приобретенных им во время отбывания наказания. Распорядиться принадлежащим ему имуществом, например, продать, подарить его родственникам или иным лицам, осужденный может, но только вне ИУ.

Хотелось бы отметить, что гражданско-правовое положение лиц, осужденных к лишению свободы, является производным от общего гражданско-правового положения граждан Российской Федерации, основанного на общепризнанных правах человека, закрепленных нормами международного права и Конституции РФ.

Их правосубъектность ограничена, в связи с тем, что они находятся в местах лишения свободы и не могут самостоятельно реализовать некоторые свои гражданские права.

В целом, можно сделать вывод о том, что гражданская правосубъектность лиц осужденных к лишению свободы осуществляется через институт представительства, если вопрос касается имущества находящегося за пределами ИУ, СИЗО, тюрем, за исключением случаев, когда необходимо личное участие осужденного. Например, нотариальные сделки, но в пределах своей компетенции начальник ИУ может заменить нотариуса, в рамках удостоверения завещания.

Taran Olga Serhiyivna
Postgraduate student of Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
Таран Ольга Сергеевна,
Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника, аспирант кафедры гражданского права

Multilateral contracts in German, Russian and Ukrainian Civil law

Многосторонние договора в гражданском праве Германии, России и Украины

Развитие интеграционных процессов в экономике *обусловливает необходимость* адаптации национального законодательства к европейским и мировым стандартам. Изучение опыта правового регулирования гражданских отношений в иностранных государствах имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку путем рецепции правовых норм позволяет усовершенствовать гражданское законодательство страны в целом, и регламентацию договорных отношений в частности.

[1] Котов О. Ю. Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М., 2002.С. 65.

[2] Смоленский М. Б. Гражданское право,. -М., 2007.С. 96.

[3] Фоков А. П., Попонов Ю. Г., Черкашина И. Л., Черкашин В. А. Гражданское право. М., 2007.С. 73.

Стороны многостороннего договора объединяют свои усилия ради достижения единой, общей цели. Возможность участия в многостороннем договоре более двух сторон, наличие у них общей цели и совместных интересов отличает многосторонние договора от иных гражданско-правовых договоров и свидетельствует о необходимости их детального исследования.

Различные аспекты проблематики многосторонних договоров освещены в трудах целого ряда известных немецких (R. Bork, C. Eberl-Borges, P. W. Heermann), русских (Н. П. Журавлев, Т. В. Ламм, О. Б. Савельев) и украинских цивилистов (О. Е. Блаживская, Ю. А. Дмитриева, В. В. Луць). Однако в имеющихся научных исследованиях недостаточно внимания уделяется сравнительному анализу понятия, системы и особенностей регулирования многосторонних договоров в различных странах *романо-германской правовой семьи, что в настоящее время приобрело особую актуальность.*

Целью данного исследования является сравнение многосторонних договоров в гражданском праве Германии, России и Украины.

Часть 4 статьи 420 Гражданского кодекса России (далее — ГК РФ)[1] и часть 4 статьи 626 Гражданского кодекса Украины (далее — ГКУ)[2] предусматривают, что к договорам, заключаемым более чем двумя сторонами, общие положения о договоре применяются, если это не противоречит многостороннему характеру таких договоров. Таким образом, многосторонним по праву России и Украины является договор, в котором участвует более двух сторон.

Подобное понимание сущности многостороннего договора не соответствует заложенному в ГК РФ и ГКУ основанию деления договоров на одно-, дву- и многосторонние (характер распределения между сторонами прав и обязанностей). В одностороннем договоре одна сторона имеет только права, а другая — обязанности; в двустороннем договоре обе стороны наделены правами и обязанностями, но преследуют противоположные цели (например, продавец продать, а покупатель — приобрести товар); в многостороннем договоре обе стороны имеют общие права и обязанности, а также общую цель. Сущность многостороннего договора отображается не в количестве его сторон, а в единстве их цели[3].

В отличии от ГК РФ и ГКУ, Гражданское уложение Германии (далее — ГУ ФРГ)[4] не упоминает о многосторонних договорах. Это связано с тем, что базовой категорией в ГУ ФРГ является не договор, а сделка, поэтому в законодательстве Германии отсутствуют традиционные для России и Украины дефиниция договора и деление договоров на одно-, дву- и многосторонние. В параграфах 145–157 ГУ ФРГ под названием "Договор" закреплены только особенности заключения договоров, а именно порядок направления оферты и принятия акцепта.

Общим для России, Украины и Германии является отсутствие на законодательном уровне дефиниции многостороннего договора, поскольку ГК РФ и ГКУ упоминают о существовании многосторонних договоров, но не регламентируют их, а ГУ ФРГ вовсе не предусматривает деление договоров на одно-, дву- и многосторонние. Отсутствие четкого законодательного определения сущности многостороннего договора, приводит к возникновению общей для России, Украины и Германии проблемы разного понимания природы и системы многосторонних договоров как в науке, так и в правоприменительной практике.

К числу многосторонних договоров в России и Украине традиционно относят договора о совместной деятельности (простого товарищества), участники которых обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели (статья 1041 ГК РФ, статья 1132 ГКУ). Многосторонний характер договора простого товарищества обусловлен единством цели его участков.

Кроме договоров простого товарищества к многосторонним договорам одни ученые (Т. В. Ламм, Ю. В. Романец, О. Е. Блаживская) относят договора о создании юридических лиц[5]; другие (Д. В. Ломакин) — договора о создании юридических лиц и договора о реорганизации юридических лиц[6]; третьи (В. В. Луць) — договора о научно-техническом сотрудничестве[7]; четвертые (В. С. Кононов) — договора о создании юридических лиц и корпоративные соглашения[8]. Несмотря на то, что в русской и украинской доктрине к многосторонним договорам относят договора простого товарищества, в целом отсутствует единое мнение о системе многосторонних договоров.

Аналогичная ситуация наблюдается в Германии, где достаточно распространено мнение, согласно которому многосторонним является договор, в котором участвует более двух сторон. Например, трехсторонним считается договор, по которому лицо А продает пианино супругам Б и В, а четырехсторонним — договор товарищества, заключенный между лицами А, Б, В и Г[9], который регулируется § 705 ГУ ФРГ. Другие ученые признаком многостороннего договора считают направленность действий участников на достижение общей цели и относят к многосторонним договорам договор товарищества (Gesellschaftsvertrag), договор о совместном предпринимательстве (Joint-Venture-Vertrag) и договор о создании консорциума (Konsortialvertrag)[10].

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая в редакции от 30 ноября 1994 года с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.grazkodeks.ru/

[2] Цивільний кодекс України в редакції від 16 січня 2003 року зі змінами і доповненнями//Відомості Верховної Ради України. — 2003. — № 40–44. — Ст. 356.

[3] Ламм Т. В. Многосторонние договоры в гражданском праве: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.03. — М., 2003. — С. 10–11.

[4] Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 mit den Veränderungen [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dejure.org/gesetze/BGB

[5] Ламм Т. В. Указ. соч. С. 17.

[6] Ломакин Д. В. Договоры о создании и реорганизации юридических лиц: значение и место в структуре Гражданского кодекса РФ//Законодательство. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://for-expert.ru/articles/zakonodatelstvo-2–2004–1.shtml

[7] Луць В. В. Контракти в підприємницькій діяльності: навч. посіб. — К.: Юрінком Інтер, 2008. — С. 63.

[8] Кононов В. С. Некоторые проблемы предмета и содержания соглашения участников хозяйственных обществ по российскому праву//Корпоративный юрист. — 2010. — № 12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.artdelex.ru/press/articles/304/

[9] Bork R. Allgemeiner Teil des Burgerlichen Gesetzbuchs, 2. Aufl. — Tübingen: Mohr Siebeck Gmbh & Co. — 2006. — S. 166.

[10] Heermann P. W. Drittfinanzierte Erwerbsgeschäfte: Entwicklung der Rechtsfigur des trilateralen Synallagmas auf der Grundlage deutscher und U. S.-amerikanischer Rechtsentwicklungen. — Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. — S. 71.

Сложную внутреннюю систему многосторонних договоров разработала в своих трудах C. Eberls-Borger, по мнению которой многосторонними договорами являются: договора кругового обмена (Ringtausch), договора "кольцо обмена" (Tauschring), договора товарищества (Gesellschaftsvertrag) и договора о разделе остатков имущества товарищества, которое прекратило свою деятельность (Teilungsvertrag)[1]. По договору кругового обмена (Ringtausch) каждая из сторон по очереди получает от другой стороны необходимый товар. Например, лицо А передает лицу Б комбайн, лицо Б передает лицу В пианино, а лицо В передает лицу А телевизор. Договор "кольцо обмена" (Tauschring) отличается от договора кругового обмена (Ringtausch) тем, что его участники обмениваются товарами не непосредственно, а через центральную организацию. Отнесение договоров Tauschring и Ringtausch к числу многосторонних возможно только при использовании такого критерия, как количество сторон, поскольку каждая из сторон договоров Tauschring и Ringtausch преследует собственную цель (получить определенный товар). Отнесение договора о разделе остатков имущества (Teilungsvertrag) и договора товарищества (Gesellschaftsvertrag) к многосторонним договорам происходит по признаку наличия у участников общей цели (раздел имущества в Teilungsvertrag; получение прибили или достижение другой цели в Gesellschaftsvertrag). Таким образом, при построении данной сложной системы многосторонних договоров используется не один, а два критерия, что недопустимо при классификации договоров.

Проведенное сравнение многосторонних договоров в праве Германии, России и Украины свидетельствует о том, что в гражданском законодательстве этих государств отсутствует дефиниция многостороннего договора, однако осуществляется правовое регулирование такого классического многостороннего договора как договор простого товарищества (Gesellschaftsvertrag). Отсутствие четкого законодательного определения многосторонних договоров приводит к возникновению общей для Германии, России и Украины проблемы использования различных критериев для выделения многосторонних договоров (количество сторон или единство цели). Разнообразие точек зрения о сущности многостороннего договора свидетельствует о том, что в Германии, России и Украине теория многостороннего договора находится на этапе активного развития.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч*асть первая* в редакции от 30 ноября 1994 года с изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.grazkodeks.ru/
2. Кононов В. С. Некоторые проблемы предмета и содержания соглашения участников хозяйственных обществ по российскому праву//Корпоративный юрист. — 2010. — № 12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.artdelex.ru/press/articles/304/
3. Ламм Т. В. Многосторонние договоры в гражданском праве: *автореф. дисс. на соиск. уч. степени* канд. юрид. наук: спец. 12.00.03. — М., 2003. — 30 с.
4. Ломакин Д. В. Договоры о создании и реорганизации юридических лиц: значение и место в структуре Гражданского кодекса РФ//Законодательство. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://for-expert.ru/articles/zakonodatelstvo-2–2004–1.shtml
5. Луць В. В. Контракти в підприємницькій діяльності: навч. посіб. — К.: Юрінком Інтер, 2008. — 576 с.
6. Цивільний кодекс України в редакції від 16 січня 2003 року зі змінами і доповненнями//Відомості Верховної Ради України. — 2003. — № 40–44. — Ст. 356.
7. Bork R. Allgemeiner Teil des Burgerlichen Gesetzbuchs, 2. Aufl. — Tübingen: Mohr Siebeck Gmbh & Co. — 2006. — 748 S.
8. Bürgerliches Gesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 mit den Veränderungen [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dejure.org/gesetze/BGB
9. Eberl-Borges C. Die Leistungsverzögerung bei mehrseitigen Vertragsverhältnissen//Archiv für die civilistische Praxis, Bd. 203. — 2003. — S. 633–663.
10. Heermann P. W. Drittfinanzierte Erwerbsgeschäfte: Entwicklung der Rechtsfigur des trilateralen Synallagmas auf der Grundlage deutscher und U. S.-amerikanischer Rechtsentwicklungen. — Tübingen: Mohr Siebeck, 1998. — 364 S.

Telibekov Bakytbek Arykbaevich
Senior Lecturer of Department of Criminal Law Disciplines of Faculty of Law in University named after K. Zhubanov
Телибеков Бакытбек Арыкбаевич, Актюбинский ГУ им. К. Жубанова,
к. ю.н., старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин

Private Investigation Services in Republic of Kazakhstan

Институт частной детективной деятельности в Республике Казахстан

Вопросы введения частной детективной деятельности (далее — ЧДД) в Республике Казахстан (далее — РК) являются актуальными в связи с тем, что внедрение данного института в правоприменительную практику потребует не только законодательного урегулирования вопросов лицензирования, налогообложения и ответственности лиц, желающих заниматься ЧДД, но внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Актуализация вопроса о введении института частной детективной деятельности обусловлена принятием Указа Президента Республики Казахстан «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике **Казахстан**»[2].

[1] Eberl-Borges C. Die Leistungsverzögerung bei mehrseitigen Vertragsverhältnissen//Archiv für die civilistische Praxis, Bd. 203. — 2003. — S. 633–655.

[2] Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике **Казахстан**» от 17 августа 2010 года № 1039.

Не секрет, что во многих развитых странах их услуги пользуются большим спросом. Частные детективные агентства (далее — ЧДА) оказывают помощь полиции в борьбе с преступностью. В свою очередь, государство поощряет эту деятельность путем законодательного закрепленных прав частных детективов.

Зарождение частного сыска относят к 1819 году, когда шотландский сыщик Алан Пинкертон создал первое детективное агентство. С тех пор частная детективная деятельность себя по большому счету ничем не скомпрометировала и неплохо зарекомендовала.

Кардинальные изменения в общественной жизни на постсоветском пространстве, политическая, экономическая нестабильность, возникновение новых форм собственности, рост числа новых субъектов хозяйственной деятельности, стремительное развитие предпринимательства и расширение частного сектора экономики неизбежно повлекли за собой изменения в системе борьбы с преступностью.

Одной из первых среди стран Содружества независимых государств (далее — СНГ), принявших нормативный правовой акт в данной сфере, стала Российская Федерация. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» № 2487–1 был принят 11 марта 1992 года[1]. С 1994 года имеет место нормативное регулирование данного вида деятельности и в Республике Молдова[2]. Закон «О детективной деятельности» в Латвийской Республике действует с июля 2001 года[3]. В указанных странах СНГ данный вид деятельности подлежит лицензированию, причем лицензия выдается лишь в случае согласования с Министерством внутренних дел.

В 2001 г. Совет глав государств (далее — Совет) СНГ принял к сведению представленный исполнительным комитетом СНГ доклад о ходе выполнения Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года (далее — Программа), по итогам обсуждения которого всем странам-участникам было рекомендовано в ходе исполнения Программы разработать и принять закон о частной охранной и детективной деятельности[4]. И все же, позднее на заседании Совета были высказаны серьезные опасения, что частным детективом в процессе осуществления своей деятельности могут быть нарушены конституционные права и свободы граждан, в том числе возможность легализации под видом частных детективных организаций организованных преступных групп, организаций экстремистского толка, даже резидентур разведок иностранных государств. Следует отметить, что запрещение частных охранных служб и детективной деятельности в свое время привело к негативным последствиям. В большинстве стран бывшего СССР этим видом деятельности заинтересовался преступный мир.

В Казахстане в настоящее время есть как сторонники, так и противники введения института частной детективной деятельности. **Так, например, помощник депутата сената парламента Республики Казахстан Г. Насыров отмечает, что** «частный сыск получил широкое распространение в США, Великобритании, Германии, Италии, Канаде, Франции, Японии и других странах. В этих странах детективы активно участвуют в расследовании преступлений, вплоть до производства отдельных следственных действий. Например, в США каждый гражданин может нанять частного детектива для расследования любого дела. При этом частный детектив может производить непроцессуальные действия, т. е. получать объяснения у пострадавших от преступления, очевидцев, а также других лиц, которые могут быть привлечены к процессу в качестве его участников; истребовать документы, собирать предметы, которые могут быть использованы в качестве вещественных доказательств. В Германии сыскной деятельностью занимаются детективы и частные детективные агентства. В Великобритании частный детектив, как правило, работает совместно с адвокатами — солиситорами. Такая кооперация очень продуктивна и выгодна клиенту и обеим сторонам. В зарубежных государствах частный сыск оказывает активное содействие государственным органам в борьбе с преступностью. Государство при этом поощряет деятельность частных детективных структур и детективов, законодательно ее регулирует и предоставляет им обширные права. Надо быть реалистами и признать, что наши правоохранительные органы на данном этапе не в силах решить задачу обеспечения безопасности граждан»[5].

Как отмечает И. Лоскутов, «история с принятием закона о чатных детективах сама по себе носит некий детективный оттенок»[6]. 11.02.1994 г. Постановлением Президента № 1562 Кабинету министров было поручено внести в Верховный Совет РК законопроект о частной детективной и охранной деятельности.

07.11.1994 г. Кабинет министров издал Постановление № 1225 «О проекте закона РК «О частной детективной и охранной деятельности в Республике Казахстан».

11.09.1997 г. премьер-министр Кажегельдин А. М. подписал распоряжение № 03-р «О мерах по оказанию содействия негосударственным структурам, оказывающим услуги, связанные с сыскной (детективной) и охранной деятельностью». Данное распоряжение было отменено в январе 1998 г. после назначения премьер-министром РК Балгимбаева Н. У.

В тоже время Закон РК «О лицензировании» относит оказание негосударственными субъектами юридических услуг, связанных с сыскной (детективной) и охранной деятельностью, к лицензируемым видам деятельности. Для частных детективов предусмотрена административная ответственность.

16.06.2003 г. на 21-от пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ был принят модельный Закон «О негосударственной (частной) охранной деятельности и негосударственной (частной) сыскной деятельности».

Идею создания в Казахстане частной сыскной деятельности предлагал в 2003 году и Президент Ассоциации охранных организаций Казахстана Б. Баекенов. Идею эту идею поддержали депутаты Мажилиса Парламента, и ими же был инициирован проект закона «О негосударственной (частной) охранной деятельности и негосударственной (частной) детективной

---

[1] Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 года № 2487–1.

[2] Закон Республики Молдова «О частной детективной и охранной деятельности» от 4 июля 2003 года № 283-XV.

[3] Закон Латвийской Республики «О детективной деятельности» от 5 июля 2001 года.

[4] Сайт: Desktop.htm//Sayat Partners//Последователи Мисс Марпл.

[5] Сайт: Desktop.htm//**Частную детективную деятельность в Казахстане необходимо узаконить.**

[6] http://www.np.kz/old/2007/47/index47.html И. Лоскутов. Детективная история//Новое поколение Республиканский еженедельник.- 24.10.2003. - № 42(282).

деятельности в Республике Казахстан». В ходе обсуждения законопроекта положение, касающееся охранной деятельности, было исключено, т. к. в то время в республике уже действовал Закон РК «Об охранной деятельности»[1], а заголовок законопроекта было предложено изменить — «О частной детективной деятельности в Республике Казахстан» (далее — Законопроект о ЧДД). Данный Законопроект о ЧДД рассматривается в парламенте несколько лет.

В августе 2010 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на совещании по вопросу реформирования правоохранительных органов поднял вопрос о введении в республике института частной детективной деятельности. Главой государства было дано поручение заинтересованным государственным органам. Президент отметил, что введение частной детективной деятельности не должно затрагивать аспектов обеспечения законности и правопорядка, соблюдения прав и свобод граждан, интересов государства[2].

Некоторые сторонники введения института частных детективов ссылаются на 13-ю статью Конституции РК, которая гласит, что каждый гражданин вправе защищать свои права и свободы всеми не противоречащими закону способами[3]. К тому же сегодня человек не чувствует себя защищенным по многим причинам. Например, правоохранительные органы не приступают к работе по заявлению человека, если отсутствует ряд чисто бюрократических условий. Скажем, полицейские не станут искать пропавшего человека, пока не пройдет три дня с момента его исчезновения. И дело не в равнодушии силовиков — просто их деятельность четко регламентируется, и инициатива там не только не приветствуется, но еще и строго наказуема. В подобных случаях частные детективы могут сыграть просто неоценимую роль в жизни разных людей, а может быть, спасти эти жизни. Что, в принципе, и происходит в тех странах, где действует институт частного сыска[4].

Государство в той или иной степени создает гарантии безопасности своих граждан и их собственности. Безусловно, эти гарантии могут быть, более высокими в наиболее развитых в экономическом плане государствах.

Сегодня в США работает более 3,5 тысячи сыскных агентств, бюро и компаний, насчитывающих свыше полутора миллионов агентов. Во Франции зарегистрировано порядка 300 частных сыскных контор, около 200 — в Канаде, а в Германии численность частных полицейских и охранников в два раза превышает штат государственной полиции… в Российской Федерации на этой ниве в той или иной степени процветает более 160 детективных и свыше 4,6 тысячи охранных предприятий, порядка 150 тысяч человек получили лицензии на частную детективную и охранную деятельность[5].

Согласно мнению сенатора К. Ахметова принятие в Казахстане данного нормативного правового акта ознаменовывает «зарождение новых, негосударственных правоохранительных органов, основной задачей которых является защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц. В Казахстане, как в правовом государстве, человек и гражданин, его права и свободы признаются главной ценностью. А первоочередной задачей государства является обеспечение защиты жизненно важных интересов личности, в том числе и реализуемое посредством услуг частных охранных и детективных предприятий. Право человека — это выбор в вопросе: защищать ли свои права с помощью частного детектива или прибегнуть к другим формам защиты, предусмотренным законодательством республики. Следовательно, государство должно предоставить своим гражданам возможности для такого выбора»[6].

Профессор М. Когамов считает, что частного детектива наряду с адвокатом следует наделить правами представителя стороны уголовного и гражданского процесса. То есть ввести в судопроизводство нового участника. Это, разумеется, требует внесения изменений и дополнений в законодательство, так как в противном случае деятельность частных детективов будет процессуально незаконной, а добытые ими доказательства никакой суд во внимание не примет[7].

С его точкой зрения согласен и сотрудник пресс-службы ДВД г. Алматы А. Жусанбай. Он поясняет, что «нагрузка на сотрудников правоохранительных органов сегодня очень велика, но, если примут соответствующий закон, у них появятся помощники — частные детективы… в Казахстане частный детектив нужен. Многие вопросы, связанные с личностными особенностями, не всегда могут решить правоохранительные органы или иные структуры… надеюсь, что частный сыск в Казахстане займет особое место в сфере услуг для населения»[8].

Нормы Законопроекта О ЧДД, в свое время разработанные по инициативе депутатов, мало отличаются от принятых аналогичных законов других стран. В соответствии с его положениями частные детективы наделялись полномочиями по сбору сведений по гражданским и уголовным делам, изучению рынка, выявлению надежности и кредитоспособности организаций и компаний, установлению обстоятельств недобросовестной конкуренции и разглашении сведений, составляющих коммерческую тайну, поиску пропавших без вести, утраченного имущества, выяснению личных данных граждан при заключении ими контрактов.

Если в силу тех или иных причин участник процесса не имеет возможности собрать необходимые доказательства, то он может обратиться за помощью к частному детективу и заключить с ним договор. Участие последнего в уголовном процессе не только не противоречит его основным принципам, но, наоборот, служит одной из гарантий реализации участниками уголовного судопроизводства их прав, способствует решению задач и достижению целей правосудия[9].

На наш взгляд, в проекте необходимо законодательно закрепить и иные правовые средства, направленные на защиту законных интересов участников уголовного процесса. Согласно статьям 74, 75, 76, 77, 78 Уголовного кодекса Республики Ка-

---

[1] Закон РК «Об охранной деятельности» от 19 октября 2000 года № 85.

[2] Сайт: http://сыщик.рф/11/chastnyiy-detektiv-v-kazahstane.

[3] Конституция РК от 30 августа 1995 года.

[4] Сайт газеты «Central Asia Monitor».

[5] Сайт: http://articles.gazeta.kz.

[6] Сайт: http://сыщик.рф/11/chastnyiy-detektiv-v-kazahstane.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Сайт: http://articles.gazeta.kz.

захстан (далее — УК РК), потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик вправе собирать, представлять письменные документы и предметы для их приобщения к уголовному делу в качестве доказательств[1]. Но при этом в УК РК не определены способы их сбора и представления.

Также требует законодательного урегулирования и процесс проверки собранной детективом информации, а также преобразования ее в уголовно-процессуальные доказательства. Сбор сведений по уголовному делу на договорной основе с участниками уголовного процесса целесообразно закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее — УПК РК)[2]. Незаменимым детектив может стать и при подготовке материалов по делам частного обвинения.

Полагаем, что в УПК РК необходимо ввести статью о частном сыщике, его правах и обязанностях. Указ Президента предполагает сокращение штатной численности правоохранительных органов республики. Мера, конечно, необходимая. Она затронет многих сотрудников, особенно тех, кто достиг пенсионного возраста. Это в основном мужчины в полном расцвете сил и опыта. В случае принятия Законопроекта О ЧДД у них появится возможность продолжить работу, приносить пользу людям. Сегодня те, кто занимается частным сыском, работают без лицензии, доход от этой деятельности не контролируется, налоги не платятся. Работая вне закона, сыщики не несут никакой ответственности перед своими клиентами, и, надо признать, в их среду может попасть кто угодно. Это еще раз свидетельствует о необходимости скорейшего принятия законопроекта.

Telibekova Irina Mendigereievna
The head of the Department of Civil Law Disciplines in University named after K. Zhubanov
Телибекова Ирина Мендигереевна, Актюбинский ГУ им. К. Жубанова,
к. ю.н., заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

About protection of interests of the government in contract formation of compulsory insurance of civil legal liability

К вопросу о защите интересов государства при заключении договоров обязательного страхования гражданско-правовой ответственности

Актуальность защиты интересов государства при заключении договоров обязательного страхования гражданско-правовой ответственности (далее — ОСГПО) обусловлена тем, что искаженное указание размеров страховых премий в договорах ведет к снижению уплаты страховыми организациями налогов с дохода в государственный бюджет. Государство, также как физические и юридические лица, является субъектом гражданско-правовых отношений, интересы которого защищаются и охраняются в соответствии с законодательством Республики Казахстан (далее — РК). Кроме того, такого рода нарушения относятся к экономическим преступлениям и влекут за собой уголовную ответственность.

Страхование в соответствии с законодательством Республики Казахстан подразделяется на добровольное и обязательное. Как известно, обязательное страхование является одним из проявлений универсальности страхового обеспечения. В силу того, что данный вид страхования обладает такой важной особенностью, как всеобщность, позволяющей включать в эту сферу всех субъектов, у которых имеются определенные страховые потребности, оно широко используется в целях укрепления социальной стабильности. Обязательное страхование оказывается приоритетным, поскольку позволяет создать страховую защиту для потенциально рисковых групп населения, юридических лиц, а также значительно снизить затраты государства на возмещение ущерба в результате стихийных бедствий, аварий и катастроф.

Одним из сторонников обязательного страхования был В. К. Райхер. По его мнению «обязательное страхование дает возможность более широкой организации страховой охраны личных интересов людей, является одним из проявлений универсальности страхового обеспечения»[3].

Н. Б. Мынбаева, рассматривая вопросы правового регулирования страхования в Республике Казахстан, отмечает плюсы обязательного страхования: «обязательное страхование как одна из форм организации страхования обладает такой важной особенностью, как всеобщность, которая позволяет включать в эту сферу всех субъектов, у которых имеются определенные страховые потребности… Обязательное страхование оказывается приоритетным, поскольку позволяет создать страховую защиту для потенциально рисковых групп населения, юридических лиц, а также значительно снизить затраты государства на возмещение ущерба в результате стихийных бедствий, аварий и катастроф. Обязательное страхование… широко используется в целях укрепления социальной стабильности»[4].

Обязательное страхование в Казахстане регулируется положениями главы 40 Особенной части Гражданского Кодекса Республики Казахстан (далее — ГК РК)[5], Законом РК «О страховой деятельности» от 18.12.2000 г. № 126-II и другими нормативными правовыми актами[6].

На сегодня особую актуальность получило ОСГПО, которое стало не только мерой обеспечения реализации субъективных гражданских прав и интересов субъектов гражданских прав, но и мерой их защиты и обеспечения. Помимо этого в Казахстане

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-I.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от от 13 декабря 1997 года № 206–1

[3] Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М.: ЮИКС, 1992. - с. 237, 241.

[4] Мынбаева Н. Б. Правовые основы государственного регулирования страхования в Республике Казахстан: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.02. – Алматы, 2005. - с. 16 -17.

[5] Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1998 года № 409-I.

[6] Закон РК «О страховой деятельности» от 18 декабря 2000 года № 126-II.

законодательно урегулировано обязательное социальное страхование; иные виды обязательного страхования (обязательное экологическое страхование; обязательное страхование в растениеводстве; обязательное страхование нефтяных операций)[1].

Согласно ст. 809 ГК РК при страховании гражданско-правовой ответственности страхуется риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, а также ответственности по обязательствам, возникающим из договоров[2].

К видам ОСГПО относятся ОСГПО перевозчиков, владельцев транспортных средств; частных нотариусов; туроператоров и турагентов; владельцев объектов, деятельность которых связана с опасностью причинения вреда третьим лицам; аудиторских организаций[3].

В практике применения законодательства в сфере ОСГПО нередко имеют место правовая безграмотность, правовой нигилизм, а также случаи злоупотреблением правом. В частности, при заключении договоров ОСГПО страховщики и страхователи по предварительной договоренности намеренно указывают в договоре заниженные значения страховых премий и страховых сумм. Экономя свои средства, страхователи уплачивают страховые премии в меньших размерах, не подозревая, что это впоследствии повлечет за собой уменьшение страховых выплат[4].

Так, например, в соответствии с ранее действовавшим Законом РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности работодателя за причинение вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей» от 07.02.2005 г. № 30-III (далее — Закон об ОСГПОР) страховая премия по договору обязательного страхования гражданско-правовой ответственности работодателя (далее — ОСГПОР) при его заключении определялась соглашением сторон на основе страхового тарифа, умноженного на годовой фонд оплаты труда (далее — ФОТ) по соответствующей категории персонала[5]. Страхователем по договору страхования являлся работодатель, которому не выгодно уплачивать большие суммы страховых премий, а страховщиком страховая организация.

Согласно Закону об ОСГПОР страховая сумма, указываемая в договоре ОСГПОР, определяется договором ОСГПО, но не должна быть менее годового ФОТ всех работников на момент заключения договора.

Нарушая законодательство, страхователи и страховщики указывают в договоре страхования не годовой ФОТ предприятия с учетом заработной платы всех работников в совокупности по соответствующей категории персонала, а суммарное значение размера заработной платы только одного работника (потерпевшего) за один календарный год.

Следует отметить, что на предприятиях и в организациях в силу использования устаревших технологий, несоблюдения требований техники и безопасности имеют место производственный травматизм. Его показатели в Казахстане до сих пор остаются достаточно высокими. После наступления каждого несчастного случая, который в соответствии с договором ОСГПО является страховым случаем, работодатели вынуждены были заново оформлять такие договоры и уплачивать страховые премии.

Согласно Закону об ОСГПОР в случае установления степени утраты профессиональной трудоспособности работника на срок один год и более либо его смерти работодатель обязан был заключить договор аннуитета в пользу работника либо лица, имеющего право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, с аннуитетной страховой компанией. Договор аннуитета — это договор страхования, согласно которому страховщик (аннуитетная страховая компания) обязан осуществлять страховую выплату в виде периодических платежей в пользу указанного лица в течение установленного договором срока. Он заключался в соответствии с указанным Законом об ОСГПОР на основании письменного заявления страхователя (причинителя вреда — работодателя) не позднее 15 календарных дней со дня возникновения его ответственности по возмещению причиненного вреда.

То есть при причинении вреда здоровью работника и наступлении гражданско-правовой ответственности работодатель как причинитель вреда, имея заключенный договор ОСГПОР (со страховщиком № 1), которому он дает сведения по годовому ФОТ, должен заключить договор аннуитетного страхования еще и с аннуитетной страховой компанией (со страховщиком № 2). На основании наступления ответственности работодателя страховщик № 1 осуществляет в аннуитетную страховую компанию страховщику № 2 перечисление страховых выплат. Эти перечисленные страховые выплаты являются для страховщика № 2 страховой премией, на основании которой исчисляется размер страховых выплат (ежемесячных) потерпевшему лицу.

---

[1] Закон РК «Об обязательном социальном страховании» от 25 апреля 2003 года № 405-II; Закон РК «Об обязательном экологическом страховании» от 13 декабря 2005 года № 93; Закон РК «Об обязательном страховании в растениеводстве» от 10 марта 2004 года № 533-II; П. 18 ч. 1 ст. 63 Закона Республики Казахстан от 27 января 1996 года № 2828 «О недрах и недропользовании»; Закон РК «Об обязательном экологическом страховании» от 13 декабря 2005 года № 93; Закон РК «Об обязательном страховании в растениеводстве» от 10 марта 2004 года № 533-II; П. 18 ч. 1 ст. 63 Закона Республики Казахстан от 27 января 1996 года № 2828 «О недрах и недропользовании».

[2] Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1998 года № 409-I.

[3] Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности перевозчика перед пассажирами» от 1 июля 2003 года № 444-II; Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств» от 1 июля 2003 года № 446-II; Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности частных нотариусов» от 11 июня 2003 года № 435-II; Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности туроператора и турагента» от 31 декабря 2003 года № 513-II; Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев объектов, деятельность которых связана с опасностью причинения вреда третьим лицам» от 7 июля 2004 года № 580-II; Закон РК «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности аудиторских организаций» от 13 июня 2003 года № 440-II.

[4] Телибекова И. М. Договор обязательного страхования гражданско-правовой ответственности работодателя за причинение вреда жизни и здоровью работника: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 120003. – Астана, 2007.

[5] Закон РК «Об обязательном страховании ответственности работодателя за причинение вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей» от 7 февраля 2005 года № 30-III.

Намеренное искажение размера страховых премий и страховых сумм в договоре страхования ОСГПОР и, как следствие, в договоре аннуитетного страхования, ведет к уменьшению показателя налогооблагаемого дохода со страховых компаний, осуществляющих ОСГПОР и аннуитетное страхование. Это, в свою очередь, влечет за собой негативные последствия в виде снижения обязательных поступлений в бюджет с юридического лица в виде коммерческой организации, осуществляющей страховую деятельность и извлекающей прибыль.

Не исключено, что может увеличиться число лиц, не желающих страховать свою гражданско-правовую ответственность и предпочитающих уплатить незначительные штрафы, которые накладываются в порядке административных взысканий.

К сожалению, законодателем в Закон об ОСГПОР были введены изменения. В соответствии с Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обязательного и взаимного страхования, налогообложения» от 30 декабря 2009 года № 234-IV (введенный в действие с 9 августа 2010 года) Закон об ОСГПОР стал именоваться как Закон РК «Об обязательном страховании работника от несчастных случаев при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей» (далее — Закон ОСР)[1]. В соответствии с Законом ОСР, если жизни и здоровью работника причинен вред в результате несчастного случая, приведшего к установлению ему степени утраты профессиональной трудоспособности либо его смерти, при наличии либо отсутствии вины пострадавшего работника, будет возмещаться ущерб. С 1 января 2012 года ОСР осуществляется только страховыми компаниями, имеющими лицензию по страхованию жизни. Страховая сумма в соответствии с Законом ОСР должна быть не менее одного годового ФОТ всех работников на момент заключения договора страхования.

Следует отметить, что в соответствии с действующим законодательством закон обратной силы не имеет. Но имевшие место случаи нарушения законодательства при заключении договоров ОСГПОР можно квалифицировать как преступления в сфере экономики. Остается только вопрос о сроках давности с учетом тяжести последствий правонарушения.

Не соблюдение страхового законодательства, как правило, влечет за собой нарушение положений Налогового кодекса Республики Казахстан (далее — НК РК), уголовную и административную ответственность в соответствии с положениями Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) и Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КРКоАП)[2].

Что касается нарушения положений УК РК, то, например, лицо может использовать свои полномочия вопреки законным интересам страховой организации, в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц, в виде причинения вреда правам и интересам граждан или охраняемых законом интересам общества и государства. Данное деяние, квалифицируется по ст. 228 УК РК и относится к преступлениям в коммерческих и иных организациях[3], так как: во-первых, при указывании заниженных размеров страховых премий и страховых сумм уменьшается доход (прибыль) страховой компании, осуществляющей ОСГПОР, а в дальнейшем и размер страховой премии (доход) аннуитетной страховой компании; во-вторых, извлекаются выгоды и преимущества для страховщика и страхователя (не исключен коммерческий подкуп страховщика — ст. 231 УК РК)[4]; в-третьих, причиняется имущественный вред потерпевшему работнику или лицам, потерявшим кормильца; в-четвертых, причиняется вред охраняемым законом интересам общества и государства.

Таким образом, на сегодня еще существуют проблемы совершенствования действующего законодательства Республики Казахстан в сфере борьбы с нарушениями законодательства при заключении договоров обязательного страхования гражданско-правовой ответственности в коммерческих организациях в виде страховых компаний, и защиты финансовых интересов государства. Если учесть широту охвата обязательным страхованием субъектов гражданско-правовых отношений, то масштабы ущерба, нанесенного бюджету государства, будут представлены значительными суммами.

Недостатком указанной выше ст. 228 УК РК является то, что в ней законодатель указывает на злоупотребление полномочиями лицом, осуществляющим управленческие функции, не беря во внимание то, что договоры страхования заключаются не лично им, а подчиненными. В связи с этим полагаем, что законодателю необходимо изменить ст. 228 УК РК, изложив ее в редакции: «Использование лицом, выполняющим управленческие функции, либо лицом, работающим в коммерческой или иной организации …»[5].

По-нашему мнению, налоговым органам можно осуществить в страховых компаниях проверку размеров ФОТ (указанных в договорах страхования), которые берутся в основу расчета страховых премий и страховых сумм, со сведениями, имеющимися о годовых ФОТ работников различных организаций в налоговых органах. Сравнить достоверность сведений, предоставленных страхователями-работодателями, можно и по данным накопительных пенсионных фондов, куда работодатели как источник выплаты заработной платы ежемесячно производят обязательные отчисления в виде 10% от ее размера за каждого своего работника. Тем самым будет восстановлено право государства на защиту своих интересов, а именно будет осуществлено пополнение государственного бюджета налогами, недоплаченными в связи с предоставлением недостоверной информации о размере ФОТ.

---

[1] Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обязательного и взаимного страхования, налогообложения» от 30 декабря 2009 года № 234-IV.

[2] Налоговый кодекс Республики Казахстан от 12 июня 2001 г. № 209; Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-I; Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года № 155-II.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части/Под общ. ред. И. Ш. Борчашвили. Изд. 2-е. – Алматы: Жеті жарғы, 2007. - С. 559–562.

[4] Там же – С. 572–576.

[5] Телибеков Б. А. Телибекова И. М. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере страхования//Международный научный журнал «Актуальные проблемы современности»: Карагандинский университет «Болашак»-Баспа. – 2012. - № 4(84) – с. 155–156.

Khokhryakova Evgeniya Nikolaevna
Perm Institute of the Federal Penal Service, fourth — year cadet
Хохрякова Евгения Николаевна,
Пермский институт ФСИН России курсант 4 курса

The hereditary rights of persons sentenced to deprivation of liberty

Наследственные права лиц, осужденных к лишению свободы

В течение всей своей жизни человек становится участником множества правоотношений имущественного и неимущественного характера. В некоторых он выступает в качестве носителя субъективных прав, в других — в роли обязанного лица. Данные правоотношения не прекращаются и после смерти лица, чему служит институт наследования. Институт наследования обеспечивает упорядоченность реализации гражданских прав, регулируя преемственность имущественных отношений. Сущность наследования состоит в переходе всей совокупности имущественных отношений от одного лица к другому.

Одним из важнейших свойств наследования является его универсальный характер. В случае принятия наследства к наследнику переходят не только имущественные права, но и обязанности наследодателя[1].

Способность наследовать и завещать имущество входит в содержание общей гражданской правоспособности. Согласно Конституции РФ в области наследственных правоотношений все граждане России правоспособны в равной мере[2]. Это относится и к осужденным к лишению свободы. Возможность участвовать в наследственных правоотношениях является важной составляющей гражданско-правового статуса осужденного.

Под наследственными отношениями понимаются урегулированные нормами права общественные отношения, связанные с переходом после смерти гражданина принадлежавших ему на праве частной собственности вещей, имущества, а также имущественных прав и обязанностей к одному либо нескольким лицам[3].

Наследственную правоспособность осужденных к лишению свободы следует рассматривать с двух сторон: как гарантированную законом возможность наследовать имущество и как возможность самого осужденного распорядиться своим имуществом на случай смерти.

Объектом наследования является имущество и имущественные права. Ст. 1112 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности[4]. Гражданское законодательство не предусматривает никаких изъятий из наследственной правоспособности осужденных, однако на осужденном лежат ограничения, в связи с изоляцией от общества.

Время и место открытия наследства после смерти осужденного определяется в соответствии со статьей 1114, 1115 Гражданского кодекса Российской Федерации. К моменту открытия наследства должен быть установлен круг лиц, которые приобретают право наследования, а также состав наследства. Местом открытия наследства признается последнее постоянное место жительства наследодателя, то есть то место, где он постоянно либо преимущественно проживал, если таковое место не известно, то местом открытия наследства признается место нахождения имущества либо его основной части. По месту открытия наследства принимаются меры по охране наследственного имущества, выдается свидетельство о праве наследования, поэтому установление места открытия наследства имеет важное значение в наследственных правоотношениях. Необходимо учесть, что в случае наступления смерти наследодателя в период отбывания им наказания в месте лишения свободы, местом открытия наследства будет считаться последнее место его жительства, то есть на момент его осуждения.

Лица, осужденные к лишению свободы, пользуются правом наследования и завещательного распоряжения имуществом наравне с гражданами, находящимися на свободе. Нахождение их в местах лишения свободы накладывает отпечаток лишь на процедуру принятия ими наследства, а также возможность владеть, распоряжаться и пользоваться унаследованным имуществом. Осужденные могут быть субъектами наследования, как по закону, так и по завещанию.

При наследовании по закону осужденный имеет право на равную с остальными наследниками долю в наследстве в соответствии с очередностью, установленной гражданским законодательством. Порядок вступления в наследство регламентирован статьей 1153 Гражданского кодекса РФ, которая предусматривает возможность вступления в наследство не только путем подачи заявления, но и путем совершения ряда фактических действий[5]. Как правило, подача заявления, а также действия по принятию наследства совершаются наследником лично. Однако, если наследником является осужденный, эти действия могут быть совершены лишь его представителем на основании доверенности, либо осужденному может быть предоставлено право выезда из исправительного учреждения[6]. В случае личной явки к нотариусу по месту открытия наследства для подачи заявления о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве на наследство, свидетельствование подлинности его подписи на заявлении не требуется. В случае передачи заявления нотариусу лицом, действующим от имени осужденного — наследника по доверенности, либо в случае пересылки заявления по почте, подпись

---

[1] Гражданское право/Под ред. Алексеева С. С. М.: Проспект. 2009. С. 235.

[2] «Конституция Российской Федерации» принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок от 30 декабря 2008 года)//СПС Консультант Плюс

[3] Гражданское право/Под ред. Садикова О. Н. -М. 2009. С. 198.

[4] Смоленский М. Б. Гражданское право. М. 2007.С. 301.

[5] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26 ноября 2001 года № 146 – ФЗ (в ред. от 5 июня 2012 года)// СПС Консультант Плюс

[6] Уголовно – исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1 – ФЗ (в ред. от 3 мая 2012 года)//СПС Консультант Плюс

наследника должна быть засвидетельствована начальником исправительного учреждения, согласно статьи 1153 Гражданского кодекса РФ.

В условиях изоляции осужденный может быть не извещен своевременно о наследстве. Закон предусматривает возможность принятия наследства и по истечении установленного срока. Суд может восстановить пропущенный срок и признать наследника принявшим наследство по его заявлению, если он не знал и не должен был знать об открытии такового, либо пропустил данный срок по уважительной причине (ч. 1 ст. 1155 Гражданского кодекса РФ). Согласно положениям ст. 1158 Гражданского кодекса РФ осужденный, являющийся наследником по закону или по завещанию, вправе в течение шести месяцев со дня открытия наследства отказаться от него.

Помимо возможности наследовать имущество, осужденные также имеют право распоряжаться своей собственностью на случай смерти, то есть составить завещание. Время и место открытия наследства после смерти осужденного определяются в соответствии со ст. 1114, 1115 ГК РФ. К моменту открытия наследства устанавливается круг лиц, которые приобретают право наследования, и состав наследства. Если осужденным завещание составлено не было, то его имущество наследуется законными наследниками в общеустановленном гражданским законодательством порядке. Администрация учреждения обязана сообщить о смерти осужденного близким родственникам, указанным в личном деле, либо лицам, указанным в волеизъявлении осужденного. Сообщение данным лицам необходимо направить в течение суток[1]. При обращении осужденного к администрации ИУ по вопросу о составлении завещания ему должны быть разъяснены нормы наследственного права, регулирующие порядок составления завещания и права завещателя, последствия, возникающие в связи с удостоверением завещаний, порядок изменения либо отмены завещания, в необходимых случаях должна быть предложена типовая форма завещания.

Составленное осужденным завещание удостоверяется начальником исправительного учреждения. Порядок удостоверения завещания регламентирован Инструкцией о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденной Приказом МВД ССР от 15 апреля 1974 года № 111, согласно которой завещания, удостоверенные начальником исправительного учреждения приравниваются к нотариально удостоверенным документам. Завещание составляется и удостоверяется в двух экземплярах. На завещании должны быть указаны место и дата его удостоверения. Фамилия, имя, отчество, а также адрес последнего места жительства завещателя (до осуждения) указываются в соответствии с паспортными данными или данными из личного дела[2].

Начальник места лишения свободы удостоверяет завещания и доверенности лишь лиц, достигших 18-летнего возраста. В тех случаях, когда лица в соответствии с действующим законодательством вступили в зарегистрированный брак до достижения 18-летнего возраста, их завещания и доверенности также могут быть удостоверены. При удостоверении завещания или доверенности начальник места лишения свободы устанавливает личность и проверяет возраст завещателя или лица, выдающего доверенность по документу, удостоверяющему личность. Установление личности завещателя и лица, выдающего доверенность, необходимо для того, чтобы убедиться, то ли лицо подписывает завещание и доверенность, от имени которого они составлены. Не могут удостоверяться завещания и доверенности лиц, находящихся в момент составления завещания или доверенности в таком состоянии, когда они не могут понимать значения своих действий или руководить ими[3].

Начальник места лишения свободы обязан соблюдать тайну удостоверяемого им завещания. Содержание завещания не должно стать известным никому, включая и лиц, указанных в завещании. Справки о наличии завещания либо о его содержании могут быть выданы лишь после смерти осужденного — завещателя при предъявлении свидетельства о его смерти. Обязанность соблюдения тайны удостоверенных завещаний распространяется и на других должностных лиц, которым стало известно о совершенном завещании в связи с выполнением служебных обязанностей[4].

В рамках развития рыночных отношений в Российской Федерации на сегодняшний день наиболее актуальным вопросом становится сохранение денежных средств осужденных к лишению свободы, наибольшую значимость составляет сохранение вкладов осужденных. Осужденный, имеющий вклад в кредитном учреждении, вправе составить на него завещание в пользу одного или нескольких лиц, как входящих, так и не входящих в круг наследников по закону, а также государства или отдельных государственных, кооперативных, общественных и иных организаций.

При удостоверении завещания на вклад действуют следующие правила:

— если завещается вся сумма вклада, то в завещании указывается, что завещается вклад, без указания его конкретной суммы;

— в случае, когда завещание делается на часть вклада, то указывается доля вклада (например, одна вторая, две трети доли вклада);

— указание долей в суммовом выражении не допускается, так как сумма вклада к моменту смерти вкладчика может измениться;

— в тексте завещания необходимо указание на номер и место нахождения кредитного учреждения, в котором хранится вклад, а также на иные, известные осужденному, данные[5].

Лишение свободы не может косвенно ограничивать права, которых осужденные прямо не лишены, оно лишь влечет за собой особый порядок их реализации. В первую очередь это касается реализации прав, составляющих гражданско-правовой статус осужденных к лишению свободы.

---

[1] «Об утверждении инструкции о порядке погребения лиц, умерших в период отбывания уголовного наказания и содержания под стражей в учреждениях ФСИН России» Приказ Министерства Юстиции Российской Федерации от 23 июня 2005 года № - 93// СПС Консультант Плюс

[2] Инструкция о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденная Приказом МВД ССР от 15 апреля 1974 года № 111//СПС Консультант Плюс

[3] Там же

[4] Инструкция о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденная Приказом МВД ССР от 15 апреля 1974 года № 111//СПС Консультант Плюс

[5] Там же

Обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является в настоящее время одной из приоритетных задач ФСИН России в соответствии с Концепцией развития Уголовно–исполнительной системы[1]. Кроме того, необходимо отметить, что на современном этапе развития Российского государства было сделано многое для приведения гражданско-правового положения осужденных в соответствии с международными стандартами.

Таким образом, следует отметить, что осужденные к лишению свободы в полной мере правосубъектны в наследственных отношениях и могут выступать как в качестве наследников (кроме признания осужденного недостойным наследником), так и в роли наследодателей, но с определенными ограничениями, вытекающими из их нахождения в местах лишения свободы. Данная специфичность наиболее выражена при вступлении осужденного в наследство.

Tsymbal Yuliia Yuriivna, applicant for Candidate of Law degree in the National Academy of Internal Affairs, assistant judge of the Appellative Court in Chernivtsi Region

Overcoming the conflict between the victim and the criminal as the basis of the reconciliation institution

Problem statement: Establishing the reconciliation institution between the victim and the criminal in the legislation is a certain step forward in applying the permissive principle in criminal law and process of Ukraine.

Overcoming the psychological conflict between the victim and the offender is a complicated process of eliminating the criminal and psychological confrontation of the sides and an essential condition for their reconciliation. It is a multifaceted phenomenon requiring further scientific research to provide the grounds for establishing legal restorative justice programs in Ukraine.

Degree of scientific problem development: the reconciliation institution between the victim and the criminal as a consequence of overcoming the psychological conflict was investigated by the following lawyers and psychologists: O. M. Bandurka, V. V. Bed, M. I. Hoshovskyi, N. V. Grishina, B. Z. Zahurskyi, V. O. Konovalova, M. V. Kostytskyi, B. B. Koshynets, G. V. Lozhkin, V. T. Maliarenko, V.Ya. Marchak, I. I. Poteruzha, T. I. Prysiazhniuk, V. Yu. Shepitko, etc.

The article **aims at** analyzing the legal method of reconciliation as a way of overcoming the psychological conflict between the victim and the offender.

Main body of the article. In contemporary literature reconciliation is treated as an act of reaching a compromise between the state and the criminal[2], between the criminal and the victim or as a fact of rejecting all victim's claims as for the criminal [3]. Thus, reconciliation is a legally significant act of mutual behaviour, voluntary reaching of the agreement between for this authorized sides and is compulsory for them. Under the above-mentioned conditions appears a legal act of discharging nature resulting in releasing the offender.

The international legal doctrine has long been aware of the institution of "reconciliation with the offended" within the frame of the criminal procedural provision being filled with its material and legal content as for marriage misdeeds, offences of the authorities as a priority of the criminal and legal protection, though, criminal procedural law for the correct legal application of closing criminal cases should contain the definition of the term "reconciliation". We suggest the following understanding of the latter: the criminal's moral repentance in committing the misdeed directly before the victim and the latter's acquitment of the former's actions as well as reaching an agreement on the order, amount and term of reimbursement[4]. Such an explanation mostly reflects only material and legal aspects of the problem without taking into consideration criminal procedural side of reconciliation as a procedure established by the law in the course of which the sides agree on the conditions of reconciliation and fulfil procedural preparation of this agreement.

At the beginning of the assize the victim is compulsorily explained his right on reconciliation with the accused and, of course, he should be informed that such reconciliation with the accused results in exclusion the possibility of charging the latter.

Plenary session of the Supreme Court of Ukraine in its regulation "On court practice of law application implying the rights of crime victims" of July 02, 2004 # 13[5] recommends the courts to more widely use the reconciliation institution in private accusation cases.

The crime victim's actions as for reconciliation with the accused have a certain discretionary nature of criminal law uncharacteristic of Ukraine nowadays. Obviously, in case the reconciliation agreement has not been anyhow reached by the sides, then criminal investigation is fulfilled according to the traditional scheme where the accused considers him/herself to be "the victim" of the punitive justice and serves his/her sentence "bearing his/her cross" without taking a real responsibility before the victim.

Whose statement is the last here? It has been a rather controversial question in the literature. Generally speaking, it is the victim who decides whether to be the reconciliation or not, and it is the accused who has the right to initiate its reaching, being judged at this by different subjective motives. Both sides can propose the suggestions, however, it seems obvious that it is the victim who should make the decision, though legally it does not matter who initiated the reconciliation. No legal consequence will also have the victim's refusal of reconciliation as a result of change of his personal state as the victim may use the right to decide whether to institute legal proceedings or not only once.

---

[1] Концепция развития Уголовно – исполнительной системы до 2020 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2009 года № 1772-р//СПС Консультант Плюс

[2] Alikperov Kh. D. Criminality and compromise/Kh. D. Alikperov. – Baku, 1992. – 189 p.

[3] Galiakbarov R. R. Criminal law. General part/R. R. Galiakbarov. – Krasnodar, 1999. – 366 p.

[4] Rubinstein E. A. Cessation of the criminal case as a result of reconciliation with the victim in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation/E.A Rubinstein//Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the passing of the new Criminal Procedural Code of the Russian Federation. – M., 2002. – P. 164–166.

[5] Plenary Regulation of the Supreme court of Ukraine # 13 of July 02, 2004 "On court practice of law application implying the rights of crime victims" [Electronic source]. – Access: www.rada.gov.ua

It is important to legally regulate the guarantees of banning the meddling of the parties in interest such as relatives or lawyers in the reconciliation decision making as only free awareness of the reconciling sides' declarations of intention must be taken into consideration. Receiving such a victim's agreement in the result of threats or other violent actions serves as a basis for revising the determination to close the criminal case in connection with the newly exposed evidences, for the sides' reconciliation is a mutual process and the sides have to express their will in it[1].

Reconciliation of the conflicting sides, eliminating the conflict itself exclude the conviction for the mutual apology, repentance, awareness of the moral and legal responsibility for the committed crime as well as the duty for physical, moral and financial reimbursement. All above-mentioned factors are characteristic for only private accusation cases. They should take into consideration the victim's opinion whether to convict the person or not if his misdeed does not affect social interests and "criminal justice" acts formally, for the sake of itself [2].

In M. M. Polianskiy's opinion, corpus delicti existence depends on how it is accepted by the person it acts against[3], how he/she treats it from the subjective and psychological side. That is why in some cases appears a conflict between the social interests and the victim when the latter wishes to avoid prosecution and publicity connected with it. In our opinion, taking into consideration this fact, it seems natural to legally fix the cases when the society cannot allow the state to prosecute the criminal regarding the victim's interests.

An Austrian psychologist A. Adler following Z. Freud, considered the source of conflicts to be the person's vulnerability before the surrounding, being aware of one's inferiority and imperfection, desire for reinforcement by way of dominance over others[4], all of these leading to aggression and committing crimes. *Psychological dictionary* defines a conflict as a "difficult to solve confrontation connected with an acute emotional experience"[5] and clashes possessing some signs of conflicting sides' interaction. Reconciliation in its nature is a consequence of conflict solution reached due to the change in the usual way of behavior of both the victim and the convict. It is described as a result of the mutual activity of the sides aimed at cessation of resistance and emotional confrontation.

At the reconciliation problem solving stage Thomas Killman's conception becomes topical, where he singles out five basic possible ways of conflict behaviour: evasion, adaptation, rivalry, cooperation and compromise. At their application the victim and the criminal level the contradictions at the expense of losing the criminal's own interests when he agrees to fulfil whatever the other side desires. Compromise manifests itself in regulating the confrontation by the mutual actions and cooperation of the sides. Rivalry is characterized by the open confrontation of each side with the winner and the loser being always present at it. Evasion is being eager to avoid a conflict situation without either solving it, or yielding, or standing one's ground.

To fulfil the tasks of the reconciliation institution and overcome the psychological conflict, the sides should not broaden its subject, the initiator has to offer a positive way out of the situation without using the extreme method of communication and personal offences. One can solve the problem of overcoming the consequences of the crime in the way of psychological confrontation using the efforts of the participants themselves, by the adequate perception of the conflict, sincerity and effective communication, atmosphere of mutual trust and changes in the usual strategy of behaviour. A possibility of solving the psychological conflict between the victim and the accused exists exactly at the moment of their meeting when the victim may set all for him/her exciting questions, display his/her feelings and hint at what he/she has experienced in the result of the crime, show the way it has changed his/her life. The victim acquires a chance to realize the criminal's feelings as for the crime committed. There, the sides' dominating stereotypes of behaviour and perception are revised and their fear considerably diminishes. The victim negotiates the moral and financial reimbursement and acquires proper conditions for expressing his/her feelings and sharing the information regaining the confidence and self-control at it. On the other hand, the accused is able to regard the victim as a real person, learn about the consequences of his crime at first hand facilitating a new look on the previous behaviour, deeds and efforts at self-reformation. The criminal is provided with a chance for restoring justice, expressing repentance and apologizing.

One cannot diminish the role of communication in solving psychological conflicts arousing between the victim and the accused as a result of misdeeds. It is a multi-aspect, complicated mechanism of establishing and developing human contacts which appears on the basis of some or other requirements and mutual activity and includes information sharing, perception and understanding of each other. However, of primary importance in this process is a non-verbal communication often bearing a more significant informational load than a verbal one and considerably influences the course of communication.

Sincerity and efficient communication are the factors of the constructive solution of the psychological conflict. Psychologists emphasize such an essential point as an open problem discussion in the course of which the sides fairly express their attitude to the situation without being shy and concealing one's emotions, which can stipulate laying the foundations for building trust relationship aiming at reaching the compromise.

In the course of their communication the accused and the victim fulfil a range of communicative and informational actions, try to cognize each other through the cognitive perception of emotions and make a decision on reconciliation as well as procedurally reflect it with a help of creative function of communication. Such a sincere talk is advised to be conducted at a specifically fixed time and place without strangers. It would be better for the opponent to be aware of the other side's intentions as for regulating the conflict situation. An effective development of reaching the agreement is divided into three stages: an introductory one defining the subject of discussion, reconciliation itself touching upon the essence of the matter, stating the conditions of reaching the agreement, the way of reimbursement and its deadline. At the final stage the conclusive decision as for reconciliation between the sides of the criminal psychological conflict is made.

---

[1] Bozhiev V. P. Application of criminal procedural legal norms in investigating the cases of private accusation/V. P. Bozhiev//Soviet Justice. – 1992. – # 15–16. – P. 20 –22.

[2] Course in the Russian criminal law. General part/edited by V. N. Kudryavtseva and A. V. Naumova. – M., 2001. – 645 p.

[3] Polyanskiy N. N. Procedural rights of the victim/N/N/Polyanskiy. – M.: Nauka, 1983. – 223 p.

[4] Lozhkin H. V. Psychology of conflict: theory and contemporary practice: manual/H. V. Lozhkin, N. I. Poviakel. – K. Professional, 2006. – 416 p.

[5] Psychological Dictionary. – M., 1983. – 441 p.

The victim's activity in the process of reaching the compromise with the accused includes a range of points, i. e. cognitive, which lies in paying attention to separate details of the crime, focusing on negative circumstances, reluctance to understand the criminal's position and admit the rightness of the other, different from one's own point of view, prejudiced evaluations.

In the emotional component of the criminal's actions one can trace a mutual antipathy, irritation and aggression, misperception of the other person's emotional state, scorn. Voluntary side of this activity is expressed through the demonstration of one's negative attitude, obstinacy, constant obsession with one's own point of view and reluctance to understand the other side of the conflict.

From the psychological point of view, provided the victim and the criminal fail to meet and communicate, it may result in transformation of all mentioned above negative emotions and states of the criminal into the internal personal conflict. Thus, even without reaching the compromise on reconciliation, the sides should meet. It would be useful for them to define a possible type of the persons' in conflict mutual reaction, take into consideration their temperament, control their own language and behaviour concentrated on the voluntary effort to be calm, reserved, benevolent, to get rid of the inner anxiety and excitement.

Nowadays, the issue on the legal nature of reconciliation agreement is rather debatable, as the history of Ukrainian jurisprudence does not allow the existence of contractual relationship within the frame of the criminal process. The draft of the Law of Ukraine "On mediation in criminal cases"[1] provides the definition of the reconciliation agreement as being made by the sides to regulate the conflict on the basis of their mutual concessions and referring to the rights and liabilities of the sides and the subject of the conflict. Obviously, as any agreement, it should contain generally acknowledged elements, though, is specific, as it is connected with regulating special relations emerging as a result of committing the crime. L. V. Golovko considers that this is a kind of reflecting "the compromise in the sphere of ownership"[2] in the criminal process. However, we cannot agree with it as the victim is also interested in the moral reimbursement.

In our opinion, one should establish an experimental program on reconciliation of the victim and the accused in the course of making changes into the criminal procedural law and only its positive results must serve as a background for introduction the program of restorative justice in Ukraine.

Thus, legal fixing of reconciliation institution between the victim and the accused as a way of overcoming the consequences of the criminal psychological conflict is a step forward of our state in its way to ensure the principle of humanism and stipulates fulfilling the main tasks of the criminal policy.

The method of overcoming the criminal psychological conflict between the victim and the accused aiming at their reconciliation is a complicated legal psychological process, being in the causal relationship with the psychological features of the sides.

Liusiena Romanivna Shuvalska
Junior scientific assistant at the department of legal psychology
Of National Academy of Internal Affairs

Criminal sanity and diminished sanity as psychological components of subject of crime

Criminal sanity is an independent category of criminal law and has its own peculiarities; it is a prerequisite of criminal responsibility. In its widest sense, criminal sanity is an ability to bear responsibility for one's action in the eyes of the criminal law. In the criminal legal context it is ability for incrimination", therefore, a necessary characteristic of a person, subject to the criminal responsibility, which allows the law to convict the person for their actions.

Influence of the environment, different external factors and circumstances, which define individual's behavior along with internal processes, which always circulate through person's mind. Mind and will power are the most important psychological functions which define everyday behavior of any individual. Everything that makes a person act should go through their mind. Influence of the external world is memorized by the individual's mind, and is expressed there in the form of feelings, thoughts, and acts of will power. Thus, theory of free will and determination of individual's behavior are the basis of the notion of "criminal sanity". From the philosophical point of view sanity is based on the personal free will. Therefore, for a person to be acknowledged criminally sane it is necessary to define whether they were using free will.

Thus, conscious volitional behavior of an individual allows them under the influence of external factors to choose their behavior correctly in different situations, as well as while performing socially dangerous act.

When scientists claim that sanity is a legal notion and not medical one, it is viewed as a "known mental state of a certain individual"[3]. It should be observed that sanity is characteristic of an individual subject to a criminal responsibility. Therefore, "sanity is not a mental condition, but rather a method of legal evaluation of individual's mental condition"[4].

Sanity has certain biological ground and psychological-legal sense as it defines individual ability to act using mind and free will. Main reason used by the scientists, who deny compatibility of sanity and mental disorders, is that sanity has to be either complete or non-existent. For instance, M. S. Tahantsev acknowledges sanity as an absolute value which does not have degrees like free will. It "has to exist either completely, or not exist at all"[5].

---

[1] Draft of the Law of Ukraine "On mediation in criminal cases" [Electronic source]. – Access: www.rada.gov.ua

[2] Golovko L. V. Alternatives to criminal prosecution in the modern law/L. V. Golovko. – Saint Petersburg, 2002. – 544 p.

[3] Serbskiy V. P. Psychiatry: manual for mental illnesses/V. P. Serbskiy. – 2 edition. – M. : Student Medical Publishing Committee, 1912. – 654 p., p. 16

[4] Kostytskyi M. V. Philosophical and psychological problems of juridical science: selected works/M. V. Kostytskyi. – Chernivtsi: Ruta, 2008. – 560 p., p 13

[5] Taganstev N. S. Studies on responsibility of underage criminals in Russian law and legislation regarding this issue/N. S. Tagantsev. – St.Petersburg : A. M. Kotomin's Publishing, 1871. – 149 p., p. 33

Any sane individual could not be viewed as criminally responsible. In the same way, patients of psychiatric asylums who did not perpetrate any criminal actions could not be described as "those who lack criminal capacity". With such wide understanding this criminal-legal term is substituted with a medical one[1].

Famous scientists Yu. M. Antonian and S. V. Borodin suggested the following definition of sanity: "Sanity is an individual's psychological condition which consists in their ability based on their level of social and psychological development, socialization, age and mental condition be responsible for their actions or inactions (understand factual side an social danger of their actions), and use these factors during the perpetration of criminal act, and bear in this regard criminal responsibility and punishment"[2].

As D. V. Sitkovskyi states, pointing out the inaccuracy of the afore-cited definition: "… sanity is not a state, but rather a legal characteristic, which alongside with age, characterizes physical entity as a subject of crime…"[3].

R. I. Miheev defined the notion of "criminal sanity" as an individual's ability to understand during the perpetration of crime factuality and social danger of one's actions (inactivity) and use this ability, a fact that stipulates person's ability to be convicted and bear criminal responsibility for their actions; hence it is a legal prerequisite of guilt and criminal responsibility[4].

D. V. Sitkovskyi suggest defining the notion of "sanity" as a legal characteristic of a person as a subject of criminal responsibility which implies their ability based on the level of mental health, age, socialization and socio-psychological development to comprehend during the perpetration of crime its factuality and social danger of one's actions (inactivity), to implement this ability and hence to be subjected to the criminal responsibility[5].

Besides the notion "criminal sanity" there is a notion of "diminished sanity", which is also a component of the subject of crime and implies criminal responsibility and punishment.

V.Ya. Marchak defines diminished sanity as a mental condition which does not include criminal responsibility and punishment, it implies that existence of mental disorder in the form of chronic mental illness, temporary mental insanity, feeblemindedness, or other mental disorder during the perpetration of crime limits person's ability to comprehend fully their actions or inactivity (factual side and social danger of the act) or use such comprehension in practice[6].

According to V.Ya. Marchak, the main features of the diminished sanity are the following: it is a criminal legal category which characterizes mental state of individuals with mental anomalies, who perpetrated criminal acts; it is not an intermediate category between sanity and criminal incapacity, but rather a component of sanity; it does not exclude criminal responsibility of individuals with mental anomalies who committed a crime; it can be acknowledged as a circumstance which attenuates criminal responsibility but does not have separate legal regulation and should be considered together with other data and circumstances which characterize crime and defendant's persona; it cannot be defined as a circumstance which aggravates the responsibility; it is a basis for the determination of conditions of defendant's stay at the penitentiary institutions and imposition of compulsory medical measures which are combined with punishment; it has criminal legal significance for the determination of allocation of accomplices' roles in case a crime was committed by a group of people and it does not concern other temporary limits; it can be established only by court in its sentence or decree on the basis of competent conclusion of complex forensic psychological and psychiatric examination[7].

Limited ability to comprehend or control one's own actions concerns only perpetration of certain socially dangerous acts. We should not view it as a constant characteristic of a mentally ill person, thus, it should be determined in every individual case.

Rather wide range of psychopathological conditions can stipulate weakening of conscious volitional control of one's behavior according to the art. 20 of the Criminal Code of Ukraine. Among such conditions the following can be named: psychopathy (personality disorders), neuroses, psychological disorders caused by head injuries and organic diseases of central nervous system, light cases of feeblemindedness (mental defectiveness), epilepsy without dissociated personality, etc.

Organic mental disorders are followed by the change of individual's psychological activity, adjustment disorder in all spheres of social function or in one sphere (considering peculiarities of significant psychopathological syndrome), disorder of prognostic possibilities with inefficient adequacy to assess own self.

Yu. M. Antonian and S. V. Borodin published a treaty where they explained certain conceptual statements regarding the diminished sanity, its criteria and features, correlation of sanity and incapacity[8].

According to the law of Ukraine, sane individual and individual lacking criminal capacity are subjects of crime and are subject to the criminal responsibility. Moreover, proclamation of person as "one with diminished sanity" is considered by the court while delivering the sentence and can be ground for the implementation of compulsory medical measures.

Notions of "sanity" and "diminished sanity" are criminal legal categories and define psychological component of the subject of crime. "Sanity" is directly identified with mental health or with intellectual or emotional-volitional features of mental health. "Diminished sanity", on the other hand, is identified with psychological anomalies or mental disorders. V.Ya. Marchak believes that "diminished

---

[1] Criminal law. General part: textbook/edited by N. F. Kuznetsova, Yu. M. Tkachevskiy, G. N. Borzenkov. – M. : MSU, 1993. – 367 p., p. 141

[2] Antonian Yu. M. Criminality and psychological anomalies/Yu. M. Antonian, S. V. Borodin. – M. : Nauka, 1987. – 205 p., p. 135

[3] Sitkovskiy D. V. Criminality among individuals with mental disorders (on the materials of Dagestan Republic)/D. V. Sitkovskiy. – Thesis of the candidate of legal science: 12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law. – Mahachkala: Publishing of Dagestan University, 2006. – 199 p., p. 45

[4] Miheev R. I. Problems of sanity and incapacity in Soviet criminal law/R. I. Miheev. – Vladivostok: Publishing of Far-Eastern University, 1983. – 300 p., p. 105

[5] Sitkovskiy D. V. Criminality among individuals with mental disorders (on the materials of Dagestan Republic)/D. V. Sitkovskiy. – Thesis of the candidate of legal science: 12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law. – Mahachkala: Publishing of Dagestan University, 2006. – 199 p., p. 108

[6] Marchak V.Ya. Diminished sanity: psychological and legal context: Treaty/V.Ya.Marchak. – Chernivtsi : Chernivtsi national university, 2010. – 400 p., p. 311

[7] Ibidem, p. 312

[8] Antonian Yu. M. Criminality and psychological anomalies/Yu. M. Antonian, S. V. Borodin. – M. : Nauka, 1987. – 205 p., p. 112–124

sanity" without perpetration of crime, i. e. on its own, does not exist[1]. Issue of "sanity" and its levels can be raised only in case a crime was committed. "Sanity" full or diminished has biological and psychological basis but as a legal determinant of individual's ability to act consciously and using the free will it cannot be narrowed down to biological characteristics. "Sanity", as well as "diminished sanity", is legal, and not medical or psychological category.

"Diminished sanity" is nothing but diminished by a mental disorder ability of criminal to act consciously and control one's own actions during the crime perpetration. Ability to feel guilt can be demonstrated on different levels. It means that sanity can have at least two levels: full (absolute sanity) and incomplete (diminished sanity).

According to V.Ya. Marchak, difference between "sanity" and "criminal incapacity" is in direct proportional ability of an individual to comprehend and control their actions during crime perpetration. "Diminished sanity" differs from "sanity" in the sense that a person with diminished sanity cannot fully comprehend and control their actions when committing a crime as such person has a mental disorder which limits their intellectual and volitional abilities. This difference also concerns the aspect of legal consequences as diminished sanity causes ambiguous consequences: punishment can be connected with compulsory medical measures but it can also delivered without sentencing compulsory medical measuring, then defendant will bear punishment in its full form. According to the article 94 of the Criminal Code of Ukraine, a person with diminished sanity can be sentenced to receive a compulsory dispensary psychiatric treatment. Compulsory dispensary psychiatric treatment can be provided to a convicted person at a special medical facility, as well as at medical institutions of the Ukrainian State Department on Execution of Punishments in case a person with diminished sanity is serving their service connected with imprisonment. In such institutions individuals also undergo medical social rehabilitation procedures as due to their mental disability they require special conditions which facilitate their adaptation to the regime in penitentiary institutions[2].

Criminal sanity or diminished sanity are extremely important, and not only for the criminal legal determination of the subject of crime. They are necessary components for the determination of body of crime in general, and the fact that individual is at least partly unable to comprehend their actions and control them while perpetrating socially dangerous acts proves lack of body crime as it is.

In criminal law there is also a principle of subjective criminal sanity which means that a person who performs certain activity connected with extreme conditions and stress can be convicted only in case their subjective qualities corresponded to the objective requirements of a given situation, and this person realized socially dangerous nature of their actions or inactivity, could or could not predict the consequences, but it was possible to foresee the consequences and prevent them from happening. An action is considered to be performed innocently when a person who performed it albeit being able to foresee the probability of the socially dangerous consequences of own actions or inactivity could not prevent them from happening as a result of inadequacy of individual psychophysiological characteristics to the extreme or stressful requirements.

Thus, besides such components of subject of crime as physical entity and age of criminal responsibility, necessary characteristic of criminal is their ability to comprehend their actions and use this ability fully or partially. This psychological component of perpetrator is connected with individual's ability to understand their own factual behavior and its significance and be able to manage it. This discerns sane person from the one with diminished responsibility, thus, it is a necessary condition of establishment of subject of crime.

References:

1. Antonian Yu. M. Criminality and psychological anomalies/Yu. M. Antonian, S. V. Borodin. — M.: Nauka, 1987. — 205 p.
2. Kostytskyi M. V. Philosophical and psychological problems of juridical science: selected works/M. V. Kostytskyi. — Chernivtsi: Ruta, 2008. — 560 p.
3. Criminal Code of Ukraine: scientific and practical commentary/Yu. V. Baulin, V. I. Borysov, S. B. Havrysh, et al.: edited by V. V. Stashys, V.Ya. Tatsyi. — Kyiv: Concern "Publishing house "In Jure", 2004. — 1196 p.
4. Marchak V.Ya. Diminished sanity: psychological and legal context: Treaty/V.Ya.Marchak. — Chernivtsi: Chernivtsi national university, 2010. — 400 p.
5. Miheev R. I. Problems of sanity and incapacity in Soviet criminal law/R. I. Miheev. — Vladivostok: Publishing of Far-Eastern University, 1983. — 300 p.
6. Serbskiy V. P. Psychiatry: manual for mental illnesses/V. P. Serbskiy. — 2 edition. — M.: Student Medical Publishing Committee, 1912. — 654 p.
7. Sitkovskiy D. V. Criminality among individuals with mental disorders (on the materials of Dagestan Republic)/D. V. Sitkovskiy. — Thesis of the candidate of legal science: 12.00.08 — Criminal law and criminology, penal law. — Mahachkala: Publishing of Dagestan University, 2006. — 199 p.
8. Taganstev N. S. Studies on responsibility of underage criminals in Russian law and legislation regarding this issue/N. S. Tagantsev. — St.Petersburg: A. M. Kotomin's Publishing, 1871. — 149 p.
9. Criminal law. General part: textbook/edited by N. F. Kuznetsova, Yu. M. Tkachevskiy, G. N. Borzenkov. — M.: MSU, 1993. — 367 p.

[1] Marchak V.Ya. Diminished sanity: psychological and legal context: Treaty/V.Ya.Marchak. – Chernivtsi : Chernivtsi national university, 2010. – 400 p., p. 115–118.

[2] Ibidem., p. 120.

Shukenova Jadira Slamhanovna
Doctor's of faculty of jurisprudence, International Kazakh-Turkish university the name of H. A. Yasawi

New approach to the concept of expert in juvenile justices in Kazakhstan Republic

Consolidation in article 1 of the Kazakhstan Republic Constitution is the purpose of the approval in the republic is democratic, secular, constitutional and social state which puts a problem of formation of strong, independent judicial authority in the first place.

Both national history and world experience convince that the reality and effectiveness of democracy principles, humanity and legality in many respects depend on how the court is arranged and functioned. The citizen should have firm confidence that his case is in charge of criminal offense commission or the civil suit, labor dispute — will be considered by independent, objective and fair court. Without due judicial protection of the right and freedom of the person they can't be considered as the guarantee, which perfect laws wouldn't be proclaimed. And a reference to the court for the purpose of protection of the rights and freedoms, a resolution of conflicts and disputes including with heads of establishments and the organizations, state authorities in the conditions of the constitutional state represent a usual standard of people behavior.

The president of the Kazakhstan Republic Nursultan Abishevich Nazarbayev, pointed out the successes of judicial reform, achievement in activity of judicial system, emphasized: «We made a lot of things during this time, and it admits. But it is necessary to make even more».

Accepted concerning improvement of organizational bases of judicial authority and the legal proceedings which introduced in it some certain positive changes, still early to say that judicial reform took place also all problems connected with formation of judicial authority in all its manifestations are resolved. The certificate to it is acceptance on August 24, 2009 legal policy concepts of the Kazakhstan Republic for the period since 2010–2020, providing development judicial and legal on the basis of continuity and step by step.[1]

One of the priority directions of social and legal policy of the Kazakhstan Republic on which realization further state development in many respects depends on the formation of special legal protection childhood system.

The legal document is a development system of domestic juvenile justice concept of juvenile justice system in the Kazakhstan Republic for 2009–2011 is begun approved by the Decree of the President of the Kazakhstan Republic No. 646 from August 19, 2011. As appears from its contents, the Concept is directed on development of specialized legal proceedings concerning minors, and also studying and preparation of justifications for formation and development of other specialized structures of juvenile justice system.[2]

The main important part of introduction the juvenile justice Concept determines legislation improvement, considers necessary adoption of the regulatory legal acts providing considerable role change of social services and their active participation:

1) as the social worker learning a social environment of the teenager, and also preparing a range of socializing decisions — for the offer to the judge as options, possible in the form of alternative to imprisonment;

2) as a mediator — the intermediary — as legislatively fixed subject, reconciliation of the parties organizing and carrying-out process;

3) as the person promoting socialization of the teenager, coming back from specialized educational institutions or imprisonment places.

4) in connection with development of system of juvenile justice in the Kazakhstan Republic creation of the social service which workers — social psychologists should carry out function of teenagers protection in criminal trial is supposed. In Kazakhstan practice of participation in criminal trial of specialized social psychologists on the party of protection of the teenager was already approved. Such system of justice demands gradual change of the current legislation, scoping of discretion at all stages of judicial proceedings and at various levels of administration of justice concerning teenagers.

Certainly, corresponding changes should be brought and in the regulatory legal acts regulating activity of various departments — as already functioning, and what will be created in the long term. Implementation of provisions of the Concept puts before the legislator of a task, concerning a legal the questions which permission is impossible without permission of the procedural status of the social worker, volume of their rights and duties.

In this connection there is a question of, whether that the social psychologist the new participant of criminal trial is, or this is the expert? If he is an expert, there is a question of a ratio of its powers with powers of the defender.

By the current legislation the expert is the person involved for participation in investigatory and judicial actions, possessing the special knowledge necessary for rendering of assistance in collecting, researches and an assessment of proofs, and also in application of means.

Traditionally the expert is the assistant to the person conducting criminal trial. The social psychologist is also urged to help the person conducting criminal trial, to establish the circumstances which are arrpovement, provided to article 481 of the criminal procedural code of the Republic of Kazakhstan. In specialized inter district court for minors of the city of Astana in June, 2009 positions of the psychologist and the social teacher which hold events for support of children in process are entered. Meanwhile, according to Concept section 4.7 «ethics of the social psychologist demand on the irresponsibility, tolerance and confidentiality in the relations with the client. It means that the social psychologist should always start with interests of the client. The client of the social psychologist is the minor». These provisions are included into a contradiction with operating the legislation.

Under the part 1 of article 488 of the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan, a legislator provided, that during procedural actions concerning with minor suspect, a defendant under the age of 16, and also who is at this age, but has mental disorder, the obligatory participation of a teacher or psychologist is necessary. The teacher or psychologist is allowed to participate in minor cases by the discretion of an investigator, court or in the petition of defender that is a statutory agent. The part 1 of the article

---

[1] The concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan from August 24, 2009 of No. 858//the Kazakhstan truth. — 2009. — 28 August

[2] The decree of the President of the Republic of Kazakhstan from August 19, 2008 of No. 646 About the Concept of development of system of juvenile justice in the Republic of Kazakhstan for 2009–2011

84 of the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan defines the status of a teacher as a specialist, but there is nothing about psychologist. Meanwhile, the legislator assumes the situations where the figure of teacher may be replaced by a psychologist. In this context the psychologist's figure is secondary in relation to the teacher that is not absolutely correct. Of course, the teacher has certain knowledge of child and adolescent psychology, but the extant of his knowledge is not the same against to the extent of specific knowledge of the psychologists.

But the problem is not only in lack of legislative regulation of the psychologist's status, but also in analysis of theoretical aspects of his functional activity. In the section of juvenile justice development conception his activity has another direction than the activity of a specialist. In this case it is pertinently to carry out a ratio of participation aspects in criminal procedure of specialist and social psychologist.

The distinctive features of specialist's participation include:

1. The expert possesses smaller procedural independence; his activity is carried out within the procedural actions controlled by the person conducting a criminal trial. Evidentiary information in which the expert is assist by its nature should be available to the perception of investigatory action participants and cannot carry the inferential nature as at the expert research.

The activity of social employee is to accompany a juvenile at all stages of criminal procedure at the process of which he examines social and psychological research both the teenager and his environment.

2. The expert doesn't examine special research directed to establish new facts that are unknown to the agency conducting criminal procedure before. The social psychologist examines the research directed to establish circumstances declared in the article 488 of criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan.

These circumstances are in the obligatory subject of proof in juvenile crimes the establishment of which is the prerogative of proof subjects. The establishment of these circumstances issued by a person, who conducts the criminal procedure.

The actual problems of criminal and procedural legislation and the practice in its application. The result of a social worker's research is a statement, which reflects the established facts of living conditions and upbringing; individual psychological characteristics of a minor development; his requirements and interests, reasons to commit a crime, the influence of adults or other minors to a juvenile.

3. The results of expert's activity have no independent evidential significance. Conclusions, recommendations and offers, which will be concluded by the social psychologist's results of research, can cause serious effects for a minor.

Thus, the psychologist and the social teacher, participating in criminal procedure against a minor, carry out a psychological and educational support to the minors, who are in trouble with the law; act to raise the degree of psychological safety, legal and social care of minors, who committed a wrongdoing.

The analysis of the Russian regulations allowed the following ways of the psychologist and the social teacher activity:

— to support a suspected juvenile, defendant, accused in procedural actions of investigation agencies:

— to inform the authorized bodies within their competence about the all identified human offences and interests of minor;

— to submit proposals into the program of minor rehabilitation after adjudication, etc.

The psychologist, the social teacher has a right:

— as agrees by the investigator, to meet with a suspected minor, defendant for the necessary individual diagnostic and other work in maintenance mode during investigation, in the criminal procedure process;

— to participate in examination of a suspected minor, defendant in established order to enact a contract between the investigation agencies, court, the obtaining of more complete, accurate and truthful testimony.

— to get acquainted with the necessary documentation for professional activity with the permission of the investigator and judge to get acquainted with case materials, to address a request to institutions with the questions connected with the defense of right and interests of a child.[1]

Thus, we see that there are the elements of probation in the work of the psychologist and social teacher. However, a social worker cannot replace the employee of criminal and executive system, whose duties under the law are to supervise a probationer teenager, and also minors, who are assigned to corrective or community works. He can't appeal to court with a petition to change the term for serving punishment or the abolition of suspended sentence.

In fact, the social worker carries out these functions, the content of which is defined by the Beijing Rules. Now, when the criminal cases do not contain the necessary information characterizing the minor, specialized judge assistants correct a deficiency; organize the interaction of the court with all bodies and agencies of the prevention of juvenile crime both during criminal procedure and the execution of sentence.

The work on minor personality study, which is the basis of the juvenile justice, is limited by current criminal and procedural legislator. In our opinion, the order of social research of suspected minor personality, the possibility for placement of a minor in a social observation center, and also the reasons and circumstances of application of such kind of juvenile research should be described in detail in the criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan.[2]

For example, an expert in probation in Russian and Latvia is obliged to make the card of minor social support in the term of 20 work days. All collected and prepared materials by expert is sent with the letter signed by the presiding commissioner on juvenile. An expert in probation also provides an oral explanation of the individual rehabilitation program that is collected and presented in social support information.[3]

The social support card is put by the investigator to the materials if criminal case and sent with these materials for the research to the regional prosecutor's office.

---

[1] Kosolapova N. V. Juvenile justice: from practical experience to conceptual model//http: vesting.mednet.ru/43/30/27.01.2008gola

[2] Gold V. V. Opyt of vessels of the Rostov region on justice improvement concerning minors//Juvenile justice in the Russian Federation: Conference materials on June 11, 2008, Moscow http://www.rostoblsud.ru

[3] Practical guidance on introduction of model of a juvenile probatsiya in criminal justice system: A methodical grant for social service providers, establishments and bodies of criminal justice system. — Moscow, — 2009.

Thus, it is necessary to define the procedural status of the psychologist and the social teacher concerning with juvenile crime. Specifically, it should be noted, that in defining them b experts, the scope of authority is automatically extended to other experts, participating on criminal cases. There are two ways to resolve this issue:

1. to define the psychologist and social teacher by the independent participants of criminal procedure;

2. to insert them into an article 84 of criminal procedure code of the Republic of the Kazakhstan, and, thereby, the spread of power to all experts in research of objects with drawing up an expert's conclusion, which has an independent evidentiary significance.

The concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020 the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan from August 24, 2009 of No. 858//the Kazakhstan truth. — 2009. — 28 August

The decree of the President of the Republic of Kazakhstan from August 19, 2008 of No. 646 About the Concept of development of system of juvenile justice in the Republic of Kazakhstan for 2009–2011

Kosolapova N. V. Juvenile justice: from practical experience to conceptual model//http: vesting.mednet.ru/43/30/27.01.2008gola

Gold V. V. Opyt of vessels of the Rostov region on justice improvement concerning minors//Juvenile justice in the Russian Federation: Conference materials on June 11, 2008, Moscow http://www.rostoblsud.ru

Practical guidance on introduction of model of a juvenile probatsiya in criminal justice system: A methodical grant for social service providers, establishments and bodies of criminal justice system. — Moscow, — 2009.

Contents

Section 1. Biology . . . 3

Irina Vladimirowna Moskwitina
Die Notwendigkeit der ökologischen, vegetarischen, noosphärischen Einheitsweltanschauung auf dem Weg des Umweltschutzes . . . 3

Elena Mikhailova Andriyanovna, Shcherbakova Tatiana Petrovna, Shubakov Anatoly Alexandrovich
Influence of pectic polysaccharide preparations on the productivity of herbs in the North . . . 5

Elipkhanov Salman
Pattern of muscle activity during two-arm shoulder throw by female judokas of highly qualification . . . 7

Section 2. Geology . . . 13

Popov Ivan Pavlovich, Maximov Maxim Nikolaevich
An analysis of the effectiveness of water injection and the reasons hard to recover reserves form . . . 13

Section 3. Demography and ethnography . . . 17

Shavlaeva Tamara Magomedovna
Features of agriculture of the Chechens in the XIX — beginning of XX century . . . 17

Section 4. Study of art . . . 20

Zemova Elena Alexandrovna
Phaenomen des futuristischen Buches in gestalterischen Leben Russlands XIX–XX Jh. . . . 20

Karas Ganna Vasilievna
Ukrainian singers on Germany's opera stages: integration and communication aspects . . . 23

Olga Lisa Monde
A Literary Work as the Basis for Creation of Script and Libretto for a Musical . . . 27

Obukh Lyidmyla Vasiliy
Child's musical formation of the Ukrainian diaspore in post-war Germanium as a factor of maintainance of national identity . . . 29

Frolova Nadezhda
The dialogue of actor's theatre and public: Sarah Bernard and Eleonora Duse's tours on the Russian stage . . . 31

Section 5. History . . . 37

Balitsky Alexey Yurievich
Changes in the social and legal status of the population of southern Bessarabia after its incorporation into the Russian Empire in 1878 . . . 37

Hasanova Sevinch Sultanovna
Ceramic fish in the cultural heritage of ancient Derbent . . . 38

Eremin Sergey Vladimirovich
Soviet foreign policy propaganda in the 1930-s.: the main party and state organs . . . 40

Nikitsin Ihar
The problem of Kosovo in a context of participation of Serbia in the eurointegration process . . . 45

Serikbayev D.
Migration processes on the territory of Kazakhstan . . . 47

Orlov Pavel
Emeritus fund of mining engineers vs. Mining-works associations: comparative aspects of functioning of corporate pension institutions of Mining Office in the second half of XIX century . . . 49

Prykhodko Mykola
Historiography of foreign policy of the Ukrainian State Hetman Skoropadsky . . . 54

Rafikova Svetlana Anatolevna
Living history of everyday life . . . 56

Sivtsev Saassilana
Population in Yakutia just before Great Patriotic War. All-Soviet Union enumeration of population in 1937 and 1939 . . . 57

Sizenko Andrey Grigorievich
The history of the Don Cossack noble family the Sysoevs . . . 62

Vadim Teterin
Tätigkeit der Selbstverwaltungsorgane unter der Bedingungen der Leitung von Alexander W. Koltschak (an dem Beispiel des Permer Gouvernements) . . . 64

Feonychev Vadim Valerievich
Participation foreign states in liquidation consequences hunger in Soviet Russia 1921–1922 yy. . . . 66

Chizhikova Olesya
The history of the formation of friendship associations in the USSR . . . 69

Schurova Irina
History, the concept and essence of inheritance in private international law. 71
Section 6. Medical science 74
Bugorkov Igor Veniaminovich
Study of the problem of the competitiveness of the medical organizations in the market of dental services 74
Bushueva Inna
Organization of the veterinary pharmacy 77
Karoli Nina, Dolishnyaya Gulnara, Rebrov Andrey
Arterial stiffness diurnal measure and twenty-four-hour arterial blood pressure monitoring in male patients with chronic obstructive pulmonary disease combined with arterial hypertension 78
Pupysheva Elena Vladimirovna
The search of the urinary bladder miotropic spasmolytics among cyclopenta [d]pyrimidine derivatives. 82
Rebrov Andrei, Patrikeyeva Daria, Olga Karpova, Gaidukova Inna
The occurrence of chronic kidney disease in patients with systemic sclerosis 84
Royuk Valery Valeriyevich
Knowledge of the medical personnel of the Krasnogorsk of the Moscow region about the program modernizations of health care and its realization in practical activities 88
Sankova Irina
Architectonics of arterial vessels of the uterus of women 93
Sokolnyk Snizhana Vasylivna
Genetic Polymorphisms of Interleukin-1beta and Interleukin-1 Receptor Antagonist are associated with Helicobacter pylori-induced duodenal ulcer in children from Ukraine 94
Suprun Elina Vladislavovna, Leonid Gromov, Ishchenko Alexander Mitrofanovich, Suprun Alex
Peculiarity of cytokine cerebroprotection in experimental hemorrhagic stroke 97
Tsanjko Ivan Ivanovich, Bazilevich Andrei Yaroslavovich
Observance of a healthy way of life of civil servants 101
Section 7. Pedagogy 104
Abdullina Albina Mirsalimovna
Theoretical mechanics teaching revised procedure is a point of time 104
Alieva Ilmira Ildarovna
The working program of a stazhirovochny course «Groups of short-term stay for unorganized children in establishment of additional education of children» 106
Almjaschowa Ljudmila, Shalimova Dina
Independent student work in a foreign language as an element of competitiveness 108
Badashkeev Mihail
Model of psychological competence of future teacher. 110
Leonora Bachurina, Elena Bystray
A theoretical analysis of pedagogical conditions of regional art use in forming artistic and aesthetic competence of a gifted teenager 113
Bobrova Lyudmila
Methodische Aspekte der Bildung von Gruppen bei der Organisation der Durchführung der praktischen übungen für die Remote-Publikum 117
Bykova Viktoria
Career Center as a scientific and methodological center of a competitive process control specialist. 119
Vovk Olena Ivanivna
Constructing Knowledge Space of Students-Philologists 123
Ganina Elena, Elena Fedorova
Verbal aggression: psychological and linguodidactic aspects 124
Gogoleva Marina Alexeevna
The Benefits and Challenges of Using Authentic Native-Speaker Language from the Internet in the Second Language Classroom. 128
Golub Tetiana
Project-based Learning in German Engineering Education. 130
Danilova Marina Vladimirovna
Integration as factor of the development of regional multicultural environment 133
Danylyuk Serhiy Semenovych
Formation of Future Philologists' Professional Competence in the Aspect of Informatization of Education 134
Kron Roman, Dolgih Ekaterina
Methodological features of intersubject connections in the university example of teaching higher mathematics 136
Drach Irina
Methodology for managing a professional competence formation of future teachers in higher education. 138

Yelagina Nataliya Ivanovna
The creative aspect of future teacher training in the educational institutions of Ukraine of the second half of XIXth — early XXth century 140
Zhadan Vladimir Nicolayevich
International Law in Legal Sciences and Some Aspects of its Teaching 143
Kargina Zoya
A Physiological Outlook on the Out-of-School Education of Children: an Overview of the Modern Scientific Researches 146
Kichula Maria Yaroslavovna
Scientific and methodological providing of standardizes tests in Poland (second part of XX th century) 150
Kostenko Alina Anatoliyivna
Specific Features of Communicative and Cognitive Teaching Conversational English Grammar to Junior Pupils 153
Leleko Viktoriia Volodymyrivna
The use of project technology in teaching English 155
Lifareva Natalia
Activizing Potential of Cultural and Leisure Activities in Project «University of the Third Age» 157
Lubchenco Olga
The content and technology of formation of managerial skills of future economists 159
Manokhina Irina
Volunteer activities as a condition of readiness formation future social teachers to work with orphans and children deprived of parental care 163
Marvarova Alfisa Ravisovna
«Industrial practice firm» as technological updating of pedagogical education 165
Morozova Natalia Yurievna
Didactic aspect of effective use of innovative methods in practical training on the basis of the resource center 167
Nurieva Elvina Galimullovna
Das System der Vorbereitung der zukünftigen Lehrer zur Forschungstätigkeit in den Bedingungen der mittleren Berufsausbildung 171
Ovcharenko Elena Rudolfovna
Evolution of children`s empathy in the period of transition from pre-school to primary school age 173
Oleksiuk Lesia Stepanovna
The peculiarities of diagnostic technique usage to identify tolerance expression of students of higher educational establishments of economic type 176
Palienko Anna
Specific Features of Developing Mediacompetence of Future Journalists 178
Plavutska Olga
Creating spiritual ideal at foreign language classes in Ukraine 180
Polunina Liudmila
The Idea of Modernization in Western Educational Discourse in the Second Half of the 20th Century 183
Press Irina
High school lecture during an era of changes: traditions and innovations 186
Rakhimov Atabek
The importance of geographical and geophysical problems in improving the students ' knowledge 189
Romanova Y. S.
The practical techniques of distance learning 190
Julia Serebrjakova
Semantic field and method of thinking about the category of «consciousness», from Descartes to modern philosophy 191
Stopina Olena
The Role of Education in Ethno-Cultural Identification of University Students 194
Tayanovskaya Irina Vladimirovna
Quality indicators of school students' classroom answers 195
Timofeeva Natal'ya, Salishcheva Yana
On the issue of pedagogical practice 198
Tkachenko Olga Mikhailovna
Etnopedagogikal competence as the personal formation of the modern teacher 200
Riskeldi M. Turgunbaev
About some approaches of realization of succession in training elements of the mathematical analysis in the system college — pedagogical university 202
Frolova Svetlana
The content of the ideals of modern students and pupils 209

Khasanova Shakhista Bobokholovna
Model of process of communicative and information success of pupils . . . 212
Najmiddinova Gavhar Nasriddinovna, Hojiyeva Zulfiya Oktamovna
The possibilities of using "hadis" in didactic relationship among teachers and pupils of primary classes . . . 214
Shandruk Svetlana Ivanovna
Comparative Pedagogic Analysis of the Systems of Professional Preparation of Teachers in the USA and in Ukraine . . . 216
Yurii Petrovych Shapran
Investigation of future biology teachers' health saving competence formation . . . 219
Vassiliy Vachikovich Shakhgulari, Gaukhar Bisultanovna Amangaliyeva
Higher education as a vector of Kazakhstani society's development . . . 222
Section 8. Political science . . . 224
Darakchyan Alexander Olegovich,Petrova Svetlana Vladislavovna
Caucasus and Russia: development of modern geopolitical tendencies . . . 224
Zaidel Maryna
"Private" state versus public interest: post-soviet Ukraine . . . 226
Zubova Oksana Gennadievna, Lebedeva Irena Valeryevna, Oskina Olga Ivanovna
Socio-political myth of modern Russia . . . 230
Karabushchenko Pavel Leonidovitch, Lebedeva Irena Valeryevna
Meritocracy as a synthesis of elite education and post-industrialism . . . 232
Shamsuev Magomed-Emi Huseynovich
Development priorities of the regional information security in conditions of global challenges . . . 235
Section 9. Psychology . . . 238
Burshit Ludmila
Use of a series of projective risunochny tests of children in work of the practical psychologist as a method of diagnostics of an emotional microclimate of a family and psychological wellbeing of the child in it . . . 238
Vyshkvyrkina Mariya
Types of reactions to a contradiction in the system of knowledge about the other person
Erzin A. I.
The Structural Functional model of proactive behavior . . . 244
Konstantinova Nataliya
Change of motivational tendencies of younger school students . . . 246
Kurennaja Tatiana Viktorovna
Die Orientierung an den Sinn des Lebens in der Berufsausbildung von Lehrern . . . 249
Pishchik Vlada Igorevna
Problem statement . . . 252
Raklova Yekaterina
Psychological causes of codependent relationships in the family . . . 255
Section 10. Regional studies and socio-economic geography . . . 258
Abdullaev Aminbay, Kalandarov Umarbek
Problems of creation of territorial cluster food industry Khorezm region . . . 258
Goryachkina Yuliya Viktorovna
The influence of institutes on equation of development of regional ekologo-economic systems . . . 260
Dugarenko Igor Anatolievich
Trends in resource and environmental capacity Mountain Crimea . . . 262
Zhirma Valeryi Valerievic, Pagul Inna Igorevna, Fomenko Natalia Vladimirovna, Shcheglova Zemfira Petrovna
Agricultural activity and its impact on water resources of Krasnodar region . . . 264
Zhirma Valeryi Valerievic, Pagul Inna Igorevna, Fomenko Natalia Vladimirovna,Shcheglova Zemfira Petrovna
Problems of water usage in household and community services of Krasnodar region . . . 267
Kostkina Alexandra Dmitrievna
Natural resource potential of Khabarovskiy Krai . . . 269
Mironenko Inna Vladimirovna
Geoecological aspects of the wildlife management of river basins in the south of the Far East . . . 273
Olinichenko Irina Vasilivna
Interests of the stakeholders in the system to ensure the economic security of the region . . . 275
Irina Savchenko
The features of territorial-political system's spatial organization in Volyn region of Ukraine . . . 277
Section 11. Agricultural sciences . . . 280
Kasymov Sh.N, Shokirov A.D, Asimov B.D.
Planting dates of cabbage in gray-meadow soils Uzbekistan . . . 280

Section 12. Sociology 283
Dashevskaya Irina
A structured approach to the definition of the target audience and the choice of media source in the architecture of voice 283
Nedelko Sergei Ivanovich, Eremina Ekaterina Vitalievna
Innovative development in Russia: the regional dimension 286
Shchekotin Evgeny
Problem of an assessment of quality of life in the conditions of instability 289
Section 13. Technical sciences 292
Baev Valeriy Petrovich
Characteristics of dissipative processes in superconductors with multicore high speed magnetic field changes 292
Bryukhan Andrei Fedorovich
Estimation of atmospheric dispersion conditions at the sites of thermal power plants on the base of aerological data 296
Burak Leonid Cheslavovich
The usage of elderberry in juice in cider production 299
Emelyanov Nikolay Vladimirovich
The technique of application of CAD/CAE — systems in scientific research. 302
Emelyanova Irina Viktorovna
Innovative technologies in educational process 306
Zhigunov Pavel
The conception of the perspective system of the electric drive of car wheels. 311
Martirosyan Vladimir, Malkina Valentine, Zhirkova Elena
Comparison of hydrophilicity native and extrusion wheat bran 314
Pashkevich Natalia, Zubareva Vera, Ivanov Yuri, Besperstov Dmitry
Efficiency fire alarm systems. False alarm system or as low qualification of experts? 317
Pinus Boris Izrailevich, Khomiakov Irina Vasilievna
To the question of reliability evaluation of reinforced concrete structures. 320
Poluyanovich Nikolay Konstantinovich, Solovyyov Mikhail Aleksandrovich
The adaptive algorithm of system of automatic conditioning of the car air 324
Vadym Stupnytskyy
New features CAD/CAM/CAE systems in mechanical engineering 327
Fattakhov Irik Galikhanovich
The program for determining the reservoir structure and choosing the method of waterproof operations 329
Israfilov Danis Irekovich, Chernova Marina A., Nugumanova Aigul Irekovna
Developing a knowledge base for managing technological complex vacuum installation UVN-4M. 331
Section 14. Philology and linguistics 335
Asadov Zahir Vahid
About the formula organization of the Ancient Russian text 335
Baratova Olga Azizovna
The Function of Painting in the Works of John Fowles 337
Yulia Valerievna Berezina
Silbe und ihre Struktur in den russlanddeutschen Dialekten im Gebiet Kirov 339
Iryna Buyar
Paradigmatic Relations in Lexico-semantic Group of Positive Evaluative Adjectives in English: Linguocultural and Gender Aspects 340
Deeva Natalia
Metaphorical representation of concepts «life» and «życie» in Russian and Polish languages. 344
Oksana Zaikovska
The Elements of National Identity in Douglas Coupland's Novel "Generation X: Tales for an Accelerated Culture". 347
Klöster Anna Mikhaylovna
Die Strukturierungsprinzipien der terminologischen Lexik. 349
Lipatova Yulia Yurievna
Translation Means of Lacunary vocabulary in English literature of 19–20 centuries into Russian language 351
Lomova Elena Aleksandrovna
The image of Russia of October and the American reality in the literary consciousness of the beginning of XX century 353
Mukhametzyanova Aigul Habibzyanovna
Sufism and its poetic expression 356
Okolelova Olga
Field structure of the concept "self-esteem" in the English language. 359

Maya Mikhailovna Polekhina
Marina Tsvetaeva's notebooks: The experience of psychoanalytic research 361
Ravshanov Makhmood
The history of great silk road in personalities 365
Radchenko Marina Vasilievna
Language game in the advertising text (on the material of Russian and Croatian languages) 366
Samigova Khushnuda Botirovna
Importance of affection, respect, praise in English rhetoric 369
Satiukova Elena Gennadievna
English national character in the interpretation of Graham Swift (on the material of the novel "Waterland") 371
Английский национальный характер в интерпретации Грэма Свифта (на материале романа «Водоземье») 371
Titova Olga Anatolievna
English phraseological units signifying people used as individuals' **evaluating** geographical, national or racial characteristics 373
Trabelsi Hayfa
The issue of terminology in Arabic diplomatic language 376
Khvataeva Natalia Petrovna
Language Representation of Axiological Paradigm 380
Igor Khvorostianyi
Assumptions of the study of the conceptual structure of a literary work 381
Section. 15. Philosophy 385
Bolshakova Olga Vitalievna
Subjective and objective in the law as social and anthological-gnosiological problem 385
Hajiyev Mahammad
Abstraction and science philosophy 387
Grebenshchikov Elena Georgievna
Humanitarian expertise in the "risk society" 389
Ivanova Oksana Mikhailovna, Bilalova Larisa Mikhailovna
Family's essence and its historical outlooks 390
Kamalova Olga Nikolaevna
Contemplation as anthropological and culture philosophic problem in works of B. P. Vyscheslavtsev 393
Myakinnikov Sergey Petrovich
Structural components of environmental outlook 395
Section 16. Chemistry 399
Goncharov Vitaliy Viktorovich, Zazhigalov Valery Alekseevich
Physico-chemical properties of the implants with Cr and Mo 399
Kurban Magomedov E., Tataeva Sarizhat D., Goryachaya Victoria S.,
PVC membrane based on pyridylazonaphthol for determination Zn^{2+} ions 403
Section 17. Economics and management 408
Alexander A. Antonov
Building crisis-proof economy 408
Blazevich Anna
Conceptual statements of strategy of development of innovation and technological capacities of the industrial enterprises 412
Brazhnikova Larisa Nikolaevna, Allakhverdyan Antonina Vitaliivna
Cost-oriented system's management housing and utility enterprises 415
Vaganova Lyudmila Vasilievna
Methods of social constituent estimation economic security of enterprises 418
Vasyukova Ludmila Konstantinovna, Lialina Janna Ivanovna
Trends and prospects of development of the insurance market in Russia and the far East region 421
Vergeles Vitalina Vitalievna
Ambivalent role of piigs in the world economic crisis 425
Vidomenko Oksana
The essence of commercial enterprise policy 426
Grozny Igor Sergeevich
Effect of the production development outline on the quality of development of the industrial enterprise 428
Dadykin Valery Sergeevich
The urgency and the nature of performance-oriented approach to the development of innovative regional mineral complex 431

Deeva Tatiana Mikhailovna
Education as a process of production 434
Drabowsky Anatoly
Economic and social aspects of the functioning cooperative systems 436
Jollibekova Indira Bahitovna
Peculiarities of development of international economic relations of the Republic of Karakalpakstan on the modern stage 440
Ivanova Tatiana
The density of the normal distribution, the difference between the first, second and n-dimensional order 442
Ilyash Olga Igorevna, Grinkevich Svetlana Stepanovna, Halkiv Lyubov Ivanovna
Priority directions of ensure effective use labor potential of Ukraine in European integration processes 443
Kalinkova Irina, Taras Shevchenko
The monetary shock's wave-like diffusion cross-analysis through developed countries 447
Cashpruk Yuliya
Reform of the institutional regulation of banking activities in Ukraine in the context of world experience 451
Ketova Irina Aleksandrovna
Importance of the competitive strategy development of the regional bank activities 454
Koleskina Ekaterina
Business controlling as a management tool of corporate planning in Germany and Russia 457
Konkina Elena Vladimirovna
Strategic management of expenses on a basis a target-costing 459
Kots Grigoriy Pavlovich, Lyashenko Vyacheslav Victorovich
Banking sectors of the economies of European countries in the representation of statistical interrelation between indices that characterize their development 461
Kuzmenko Sergey
Social protection of the population: the concept, object, functions, principles 465
Kul'chyts'kyj Yaroslav
Ecologization of economic systems and their comparative analysis in the conditions of strengthening of globalization 468
Alexandra Laktionova
Analysis of accumulated imbalances in the management of financial risks in the real economy of Ukraine 472
Lukanovska Irina Romanovna
The role of small banks as part of the banking system in Ukraine 480
Mayorova Lubov Nikolaevna
Parameters and dynamics of capital accumulation in the world economy 483
Maksytova Baktygul Tursunbaevna
The impact of migration on social and economic role of women in Kyrgyz society 485
Alexander Malyutin
Simulation of currency strategy of bank 486
Martsenyuk Roman Anatoliyovych
Budgeting as a part of the control system core's activities of provision enterprises 489
Murzin Anton
Makroökonomische Modellierung des Managements der Sozial, Ökologisch und Wirtschaftsrisiken in Urbanisierungsgebieten 494
Nesterova Zoya
Methods for evaluation of technical and technological capacities of the industrial enterprises in the management of its economic development 497
Nechaev Andrey S.
The innovative methods of a comparative estimation of the basic financing forms of a fixed capital reproduction 499
Ostrovskaya Elena Nikolaevna
Interaction of vertical integrated business combinations 502
Panasenko Anna Alexandrovna
Genesis of banking intermediation theories 504
Panfilova Elena
The competitive status of the industrial organization in the global business community 507
Pelekh Uliana
The features of the application mechanism of state regulation the interest rates of money market in Ukraine 511
Prokopyeva Anna
Advancing Innovation in the Irkutsk region 513
Savluk Sergey
Banking capital world trends. Basel I 25 anniversary is devoted 515

Sadilo Daniil
The endogenous (internal) causes of the Russian economic crisis 2008–2010. 516
Sadlovskaya Irina Petrovna
Conceptualization of investment and innovative development of the transport infrastructure 518
Seifullin Zh. T., Razakova D. I.,
Priority areas for the issue and circulation of new financial instruments in the stock market of Kazakhstan 521
Mikhaleva Ekaterina Pavlovna, Semencova Marina Ivanovna
The genesis of the theory of economic cycles 523
Sudakova Anastasiya
The analysis of the situation in the Russian consumer market in the context of influence of threats. 526
Senyshyn Oksana Stepanivna
Theoretical and methodological analysis of the investigation of food security essence 531
Timoshenko Marina Viktorovna
Ukrainian practice of strategic planning in the budget process to ensure sustainable economic growth 534
Treiman Marina G.,
Ecological and economic activity of the enterprise «Vodokanal of St. Petersburg». 537
Turganbaeva Gulsana Pamirovna
Development of labor potential in modern conditions 540
Khrapkina Valentina Valentinovna
Enterprise financial security management based on situational predictive modeling 541
Tsvetkova Ekaterina Nikolaevna
Risk as an essential part of banking 545
Cherkasov Mikhail N.
Integration of Russia and foreign countries into the sphere of advanced scientific research. 547
Tchorna L. O. , Tchorna N. J.
Die Besonderheiten der vertikalen Integralverbindungen in verschiedenen Industriebereichen. 549
Chichkina Vera Dmitrievna
Small business and its role in increase of competitiveness of economy. 551
Tatiana G. Sheshukova, Yulia G. Sedegova,
Characteristics of occupational pension systems in Eastern Europe. 553
Ruslan S. Shostak
Methodical approach to evaluating the effectiveness of retailers 555
Shcheglova Olga
Analysis of the main features of the real estate market, specific to the Ukrainian economy at the present stage of development 558
Yakunin Sergei Vadimovich
Prospects of development of the world currency system 561
Section 18. Science of law 564
Alzhankulova Svetlana Abildakhodzhaevna
Responsibility for trafficking in persons in an international and national legislation. 564
Havrilyuk Ruslana Alexandrovna
Origin of Tax Law: Anthroposociological Approach. 566
Dzhafarova Helena
Licensing as legal form of permissive activity in the field of ecological safety of Ukraine: questions of theory and practice. 570
Zhytnyi Alexander
EU Standards Concerning Fight Against Corruption and Problems of Its Criminalization in the National Criminal Law (Ukrainian Experience) 573
Elena Yu. Kalinina
Formation of new type of legal identity in Europe in the globalization process 575
Kostyantyn Marysyuk
Payment for affront as a kind of property punishment for Rights, for which malorussian people is having legal proceedings. 576
Melenko Serhiy Gavrilovith
Number as a Fundamental Principle of Philosophical and Law Views of Pythagoras of Samos. 577
Mozhilyan Sergey Alexandrovich
Features of juvenile children in the consumer law relations. 580
Nekrasov Vasiliy
Detection of intent as the stage of committing a crime. 582
Semenko Oleh Vasylyovych
Proving in cases brought upon the gravamen made by the aggrieved: psychological peculiarities 585

Simonova Dariya Vladimirovna
Peculiarities of realization of the civil rights of persons sentenced to imprisonment 588
Taran Olga Serhiyivna
Multilateral contracts in German, Russian and Ukrainian Civil law 590
Telibekov Bakytbek Arykbaevich
Private Investigation Services in Republic of Kazakhstan 592
Telibekova Irina Mendigereievna
About protection of interests of the government in contract formation of compulsory insurance of civil legal liability 595
Khokhryakova Evgeniya Nikolaevna
The hereditary rights of persons sentenced to deprivation of liberty 598
Tsymbal Yuliia Yuriivna
Overcoming the conflict between the victim and the criminal as the basis of the reconciliation institution 600
Liusiena Romanivna Shuvalska
Criminal sanity and diminished sanity as psychological components of subject of crime 602
Shukenova Jadira Slamhanovna
New approach to the concept of expert in juvenile justices in Kazakhstan Republic 605